N

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШIЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРIИ И ЛИТЕРАТУРѢ

НОЯБРЬ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными вопросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

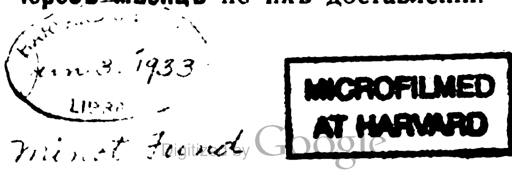
1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.



СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1908.

Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры [1]).

II.

Первымъ болѣе или менѣе значительнымъ русскимъ революціонеромъ, вступившимъ въ сношенія съ Марксомъ, былъ Германъ Александровичъ Лопатинъ, о смѣлыхъ предпріятіяхъ котораго и понесенныхъ за нихъ жертвахъ я здѣсь не говорю, такъ какъ считаю ихъ извѣстными. Какъ разсказываетъ освобожденный имъ Лавровъ, Лопатинъ ознакомился съ теоріями Маркса уже вскорѣ послѣ перваго своего пребыванія за границею, въ 1867 г.; вторая его поѣздка за границу дала ему поводъ для личнаго знакомства съ Марксомъ, а нѣсколько позже—и съ его другомъ и сотрудникомъ Фридрихомъ Энгельсомъ. Это было въ 1870 году. Еще ранѣе знакомства съ Марксомъ Лопатинъ посѣтилъ Бакунина въ Швейцаріи. Разсказанныя нами ранѣе распри уже обострились въ то время въ достаточной мѣрѣ, но вліяніе ихъ на Интернаціоналъ, за исключеніемъ французской Швейцаріи, было еще незначительно, и человѣкъ могъ еще быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бакунинымъ, не переставая оставаться почитателемъ Маркса. Однако, слабыя стороны въ характерѣ и воззрѣніяхъ Бакунина не остались тайной для Лопатина, который уѣхалъ вскорѣ изъ Женевы въ Парижъ и примкнулъ тамъ къ Интернаціоналу, вступивъ членомъ въ одну изъ парижскихъ его группъ, занимавшуюся изученіемъ соціальныхъ явленій (cerde d'études sociales), при чемъ онъ познакомился, въ качествѣ сочлена, съ Полемъ Лафаргомъ, женившимся незадолго до того на второй дочери Маркса. И вотъ, когда Лопатинъ въ томъ же году переѣхалъ въ Лондонъ, Лафаргъ далъ ему какое-то порученіе къ семейству Маркса, причемъ Лопатинъ познакомился съ самимъ Марксомъ и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи перевести его „Капиталъ“ на русскій языкъ, къ чему Марксъ отнесся, конечно, съ полнѣйшимъ участіемъ. По предложенію Маркса, поддержанному Энгельсомъ, Генеральный Совѣтъ Интернаціонала, достигшаго въ то время своего кульминаціоннаго пункта,

[1]) См. „Минувшіе Годы“, октябрь.

принялъ Лопатина въ свой составъ, причемъ онъ служилъ докладчикомъ по русскимъ дѣламъ и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ засѣданіяхъ и работахъ совѣта; его подпись можно видѣть подъ однимъ изъ совѣтскихъ манифестовъ того времени: только, вслѣдствіе недосмотра корректора, тамъ стоитъ Laysatin вмѣсто Lopatin. Все это время Лопатинъ былъ частымъ и желаннымъ гостемъ у Маркса и Энгельса, на которыхъ онъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе серьезностью своихъ стремленій и своимъ открытымъ, веселымъ характеромъ.

Извѣстно, съ какою цѣлью вернулся Лопатинъ въ Россію въ концѣ 1870 года. Прощаясь съ Марксомъ и Энгельсомъ, Лопатинъ не сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи освободить Чернышевскаго, такъ какъ оба они вообще неодобрительно смотрѣли на его экскурсіи на родину и на связанныя съ ними опасности. Впрочемъ, ихъ опасенія оказались не безосновательными. Едва Лопатинъ, послѣ всяческихъ необходимыхъ уклоненій въ стороны, достигъ, наконецъ, до Иркутска; едва—благодаря завязаннымъ имъ по дорогѣ связямъ, а также вслѣдствіе распространившагося откуда-то мифа, будто-бы любознательный новопріѣзжій, такъ хорошо освѣдомленный о многихъ мѣстныхъ дѣлахъ и такъ живо интересующійся всѣмъ окружающимъ, есть никто иной, какъ тайный правительственный агентъ—ему удалось наладить успѣшно свои дѣла; едва онъ открылъ мѣстопребываніе Чернышевскаго, находившагося въ то время въ Нерчинской каторгѣ, и получилъ небезосновательную надежду вызволить его оттуда, какъ вдругъ онъ самъ былъ неожиданно арестованъ по доносу изъ Женевы. Такимъ образомъ, когда происходила разсказанная въ предыдущей статьѣ борьба между Марксомъ и Бакунинымъ, Лопатинъ сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи въ Иркутскомъ острогѣ, и борьба эта пришла почти къ концу, когда ему удалось напослѣдокъ, въ 1873 году, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ къ побѣгу, вырваться, наконецъ, изъ Сибири: переодѣтый крестьяниномъ, онъ исполнялъ крестьянскую работу, въ качествѣ возчика при одномъ изъ обозовъ съ товарами, тянущихся круглый годъ по Сибири, вдоль большаго московскаго тракта.

Между тѣмъ сношенія Маркса съ русскими революціонерами значительно расширились за это время, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ маѣ 1871 г. Петръ Лавровъ выѣхалъ въ Лондонъ изъ осажденнаго версальцами Парижа, чтобы вступить по порученію все тѣснѣе и тѣснѣе сдавливаемой Коммуны въ устные переговоры съ генеральнымъ совѣтомъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ. Если память не измѣняетъ мнѣ, то именно Лавровъ передалъ совѣту отъ центральнаго комитета Коммуны ту крупную денежную сумму, которая хотя и не могла уже быть употреблена на просимую военную поддержку, такъ какъ Парижъ вскорѣ вынужденъ

былъ сдаться, но за то дала Совѣту возможность въ продолженіе долгаго времени помогать многочисленнымъ коммунарамъ, скрывшимся за границу послѣ паденія Парижа. Во всякомъ случаѣ съ этого времени началось личное знакомство Маркса и Энгельса съ Лавровымъ, который, подобно имъ, былъ одинаково преданъ теоретическимъ изслѣдованіямъ и практической борьбѣ. При такой одинаковости умственнаго настроенія, нѣкоторыя разномыслія не могли помѣшать отношеніямъ между Марксомъ, Энгельсомъ и Лавровымъ принять вскорѣ самый дружественный характеръ. Отъ Маркса и Энгельса позаимствовано многое Лавровымъ въ его воззрѣніяхъ на участвующія въ историческомъ развитіи силы и на сущность соціальной борьбы, причемъ, однако, эти позаимствованія ничуть не вредятъ его умственному своеобразію въ области философіи исторіи.

Къ тому же 1871 году, а именно къ 30 августа, основится письмо Николая Даніельсона къ Марксу, лежащее сейчасъ въ копіи передо мною. Оно не сообщаетъ намъ никакихъ новыхъ, важныхъ фактовъ, но не лишено интереса, какъ изображеніе настроенія того времени. Даніельсонъ былъ продолжателемъ и завершителемъ начатаго Лопатинымъ перевода „Капитала“. Повидимому, онъ впервые вступилъ въ сношенія съ Марксомъ уже послѣ возвращенія Лопатина снова въ Россію [1]). Вотъ это письмо Даніельсона:

Петербургъ, 30 августа 1871.

Милостивый Государь (Hochgeehrter Herr)!

На дняхъ окончился, наконецъ, Нечаевскій процессъ. Обвинялось 87 человѣкъ, изъ которыхъ осуждены 31, но большинство изъ нихъ отдѣлалось сравнительно легкими наказаніями. Въ числѣ потерпѣвшихъ суровое наказаніе находится нѣкая Александровская, привезшая изъ Женевы въ Россію нѣсколько прокламацій. Большинство этихъ прокламацій были Бакунинско-Нечаевскаго сорта; но въ числѣ ихъ оказалась, однако, и такая, которая не имѣла съ этими ничего общаго, а именно—русскій переводъ „Манифеста Коммунистической Партіи“.

Впереди предстоитъ еще много другихъ политическихъ процессовъ, хотя и не большой важности, между прочимъ и процессъ по поводу изданія русскаго перевода сочиненій Лассаля. Прокуроръ не могъ найти въ самомъ содержаніи ихъ ничего наказуемаго; но такъ какъ правительство настаивало на обвиненіи, то онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ разбору языка, которымъ написанъ „Капиталъ и трудъ“ и который онъ находитъ слишкомъ рѣзкимъ и опаснымъ для общественной нравственности.

---

[1]) Это невѣрно; переписка ихъ началась еще въ 1868 году. (См. „Минувш. Годы“, 1908, № 1 и 2). *Прим. ред.*

Наши экстренныя земскія собранія продолжают въ своихъ постановленіяхъ высказываться въ пользу подоходнаго налога; а Вологодское земское собраніе зашло даже такъ далеко, что высказалось за полное освобожденіе отъ налоговъ всѣхъ лицъ, получающихъ менѣе 100 рублей ежегоднаго дохода. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что до сихъ поръ очень значительная часть нашего государственнаго бюджета покрывалась прямыми налогами на рабочее населеніе. Большинство нашей прессы также высказывается за эту реформу.

Я не получилъ пока тѣхъ изданій Генеральнаго Совѣта, которыя вы собирались прислать мнѣ. Быть можетъ, вы опасаетесь тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя случаются здѣсь иногда по поводу такихъ посылокъ; но, право, они далеко ужъ не такъ страшны, а потому смѣло посылайте то, что намѣревались прислать. Лучше всего посылайте мнѣ такія брошюрки въ запечатанныхъ конвертахъ, въ формѣ нефранкированныхъ писемъ, невзирая на ихъ объемъ и вѣсъ. Инымъ способомъ получить здѣсь такія изданія нельзя. Вообще наши здѣшнія свѣдѣнія о дѣятельности Интернаціонала очень скудны. Правда-ли, что Интернаціоналъ успѣлъ уже внушить такой страхъ, что князь Бисмаркъ и графъ Бейстъ вступили въ переговоры между собою съ цѣлью выработки какихъ-либо общихъ мѣръ противъ него?

Нашъ общій другъ сидитъ въ крѣпости и содержится очень строго. Что станется съ нимъ, — никто изъ насъ не знаетъ. Что-то не слышно о судебномъ преслѣдованіи противъ него и дѣло похоже на то, какъ будто бы правительство желаетъ заточить его, безъ суда, на неопредѣленное время въ одиночную тюрьму.

Съ глубокимъ уваженіемъ *Н. Д.*

Тотъ „общій другъ", о которомъ тутъ идетъ рѣчь, былъ, конечно, Лопатинъ, къ судьбѣ котораго Марксъ относился, безъ сомнѣнія, съ величайшимъ участіемъ. Онъ нашелъ у него необыкновенную понятливость по отношенію къ теоретическимъ вопросамъ. Петръ Лавровъ—въ своей статьѣ о Лопатинѣ въ Die Neue Zeit за 1889 годъ — высказалъ предположеніе о существованіи чрезвычайно интересной переписки послѣдняго касательно теорій Карла Маркса и Герберта Спенсера, относящейся ко времени его пребыванія въ Ставрополѣ, т. е. къ 1869 году. Это заявленіе съ самаго начала показалось мнѣ нѣсколько сомнительнымъ, и я продолжаю думать и теперь, что если эта переписка существуетъ, то она относится къ болѣе позднему періоду, т. е. ко времени его личнаго знакомства съ Марксомъ и его трудовъ по переводу „Капитала" и „Психологіи" Г. Спенсера на родной языкъ. Во всякомъ случаѣ, Лопатинъ много посодѣйствовалъ тому,

чтобы побудить нѣкоторую часть прогрессивныхъ элементовъ тогдашней русской молодежи обратиться къ изученію Маркса.

Благодаря любезности того же изъ моихъ друзей, который предоставилъ въ мое пользованіе письмо Даніельсона, я имѣю возможность привести здѣсь буквальныя выдержки изъ письма къ Марксу Николая Любавина отъ 8/20 августа 1872 года. Считаю нужнымъ напомнить еще разъ, что это письмо было писано, такъ сказать, наканунѣ Гаагскаго конгресса Международной Ассоціаціи Рабочихъ, на которомъ дѣло шло о томъ — чье вліяніе должно господствовать въ Интернаціоналѣ: Бакунинское или Марксовское. Любавинъ пишетъ, что онъ узналъ отъ петербургскаго корреспондента Маркса, что Марксъ желаетъ получить въ подлинникѣ то письмо, которое было написано Бакунинымъ ему, Любавину, по поводу дѣла о переводѣ „Капитала“, и которое приводилось въ связь съ якобы вымогательскимъ письмомъ, посланнымъ Нечаевымъ отъ имени революціоннаго „бюро“ издателю Полякову. Онъ, Любавинъ, давно покончилъ свои счеты съ Бакунинымъ тѣмъ грубымъ письмомъ, которое онъ написалъ ему лѣтомъ 1872 года; и если онъ все же готовъ удовлетворить желанію Маркса, то лишь потому, что онъ считаетъ Бакунина очень вреднымъ и надѣется, что обстоятельства, связанныя съ его участіемъ въ переводѣ „Капитала“, посодѣйствуютъ его дискредитированью. Впрочемъ, онъ нисколько не переоцѣниваетъ доказательной силы этихъ писемъ. Онъ долженъ предупредить съ самаго начала, что имѣющіяся въ его рукахъ доказательства вовсе не имѣютъ той принудительно-убѣждающей силы, которую, быть можетъ, приписываетъ имъ Марксъ. „Хотя они и бросаютъ извѣстную тѣнь на эту личность, но они недостаточны для ея осужденія“. Бакунинъ причинилъ уже много несчастій, но „все еще сохранилъ извѣстный ореолъ въ глазахъ Западной Европы и нашей неопытной молодежи, такъ что дискредитированье его должно послужить на общую пользу“.

Въ двухъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту своего письма авторъ его говоритъ, что еще недавно онъ имѣлъ случай убѣдиться, какимъ ореоломъ окружена личность Бакунина въ глазахъ русскаго юношества, а также сообщаетъ, что въ Петербургѣ носится слухъ, будто бы насиліе надъ Утинымъ со стороны русскихъ цюрихскихъ студентовъ было произведено по наущенію Бакунина. Далѣе самое письмо продолжается такъ:

„Согласно вашему желанію, я прилагаю къ этому письму и письмо отъ „Бюро“, но съ тѣмъ условіемъ, что вы вернете мнѣ его какъ можно скорѣе послѣ того, какъ используете его для своихъ цѣлей, такъ какъ оно можетъ оказаться небезполезнымъ и здѣсь. Что касается до способа пользованія имъ, то вы очень ошибаетесь, предполагая, что мое знакомство

съ этимъ господиномъ [1]) было исключительно коммерчески-дѣлового характера. Опубликованіемъ моихъ писемъ къ нему онъ можетъ причинить мнѣ большія непріятности, и онъ даже уже обѣщалъ мнѣ это въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ на тотъ случай, если я дозволю этой исторіи съ переводомъ выплыть снова наружу.

„Чтобы сдѣлать эту исторію ясной для васъ, я долженъ разсказать вамъ слѣдующее:

„Находясь въ Берлинѣ въ 1869 году, я узналъ отъ моего покойнаго друга Негрескула, что Бакунинъ находится въ большой нуждѣ и что слѣдуетъ помочь ему какъ можно скорѣе... Я тогда зналъ Бакунина еще очень мало, но считалъ его за одного изъ лучшихъ героевъ освободительной борьбы, за каковаго его считали и доселѣ еще считаютъ столь многіе русскіе студенты. Я тотчасъ же послалъ ему 25 талеровъ и въ тоже время обратился черезъ одного изъ моихъ петербургскихъ друзей къ одному издателю съ просьбою о работѣ для Бакунина. Было рѣшено довѣрить ему переводъ вашей книги. За переводъ было обѣщано ему 1200 рублей. Согласно его желанію, былъ высланъ ему черезъ меня цѣлый тюкъ книгъ, въ которыхъ онъ нуждался, въ качествѣ вспомогательныхъ пособій для перевода, а также было уплачено ему впередъ, тоже по его просьбѣ, 300 рублей. 28 сентября 1869 г. я выслалъ эти 300 руб. изъ Гейдельберга (куда я успѣлъ перебраться въ это время) по адресу нѣкоего Шарля Перронъ въ Женевѣ, а 2 октября я получилъ росписку въ нихъ отъ самого Бакунина.

„2 ноября пишетъ мнѣ Бакунинъ изъ Локарно, что теперь онъ освобожденъ, наконецъ, отъ чрезмѣрной политической дѣятельности и что „завтра“ онъ приступитъ къ переводу. Прошелъ весь ноябрь, а я не получилъ отъ него ни одного листа рукописи. Затѣмъ, въ концѣ ноября или, вѣрнѣе, въ началѣ декабря, я спросилъ его, вслѣдствіе полученнаго мною письма изъ Петербурга,—желаетъ ли онъ переводить или нѣтъ. Къ сожалѣнію, я не оставилъ себѣ копіи этого письма, а потому не могу сказать съ точностью — что и какъ я ему тогда писалъ. Насколько я могу припомнить, мой петербургскій другъ, черезъ котораго я сносился съ издателемъ, писалъ мнѣ, что если Бакунинъ не желаетъ переводить, то пусть скажетъ это прямо, вмѣсто того, чтобы тянуть дѣло; что же касается до 300 руб., то объ этомъ можно всегда столковаться. Я написалъ это Бакунину, на что и получилъ отвѣтъ 16 декабря. Онъ начинаетъ свое письмо съ объясненія, что онъ не писалъ мнѣ такъ долго (послѣднее полученное отъ него письмо было помѣчено 2 ноября) „отчасти“ потому, что я былъ съ

[1]) Рѣчь очевидно идетъ о Нечаевѣ. *Ред.*

нимъ очень грубъ (по другому дѣлу, а не по переводу). Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Какъ могли вы вообразить, что—послѣ того, какъ я принялъ на себя этотъ трудъ и даже получилъ за него впередъ 300 руб. — я вдругъ откажусь отъ него?“ Онъ заявляетъ, что онъ построилъ весь свой будущій годовой бюджетъ на этой работѣ. Лишь совершенно независѣвшія отъ него обстоятельства помѣшали ему серьезно приступить къ переводу ранѣе начала декабря, а затѣмъ, онъ долженъ еще прибавить, что взятая имъ на себя работа оказалась много труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ. Затѣмъ у него идетъ рѣчь о разныхъ трудностяхъ перевода. Изъ нихъ я приведу вамъ здѣсь только одну, такъ какъ я сильно подозрѣваю, что Бакунинъ здѣсь просто солгалъ. Онъ приводитъ слѣдующую фразу изъ вашей книги: „цѣнность, это—отвердѣвшій трудъ“ [1]) и говоритъ: „Марксъ просто пошутилъ тутъ, въ чемъ, впрочемъ, онъ самъ мнѣ сознался“. Далѣе онъ выражаетъ надежду, что къ концу апрѣля 1870 переводъ будетъ готовъ совсѣмъ, и настоятельно проситъ меня поговорить въ его пользу съ издателемъ, чтобы тотъ не отбиралъ у него перевода. Если же издатель все таки отберетъ у него переводъ, то мы должны увѣдомить его, Бакунина, какъ можно скорѣе и тогда онъ озаботится о возвращеніи полученныхъ впередъ 300 рублей.

„19 декабря присылаетъ онъ мнѣ первые листы своей рукописи. „Съ настоящаго времени я буду высылать вамъ черезъ каждые два или три дня переведенные и переписанные листы“.

„31 декабря получаю я еще нѣсколько листовъ перевода, которые и были послѣдними. Въ общей сложности я получилъ отъ него одинъ или— самое большее—два печатныхъ листа.

„3 марта 1870 г. пришло, наконецъ, ко мнѣ то письмо отъ „Бюро“, которымъ вы такъ интересуетесь теперь. Хотя это письмо было писано не Бакунинымъ (по всей вѣроятности оно было непосредственнымъ произведеніемъ самого Нечаева), но я почелъ Бакунина отвѣтственнымъ за него, такъ какъ его участіе въ немъ казалось мнѣ тогда совершенно несомнѣннымъ, а потому я написалъ ему ругательное письмо. Зимній семестръ уже кончился; мнѣ нужно было уѣзжать; но я выжидалъ еще $2^1/_2$ недѣли послѣ отправки моего письма; однако, не получилъ никакого отвѣта. Впослѣдствіи Бакунинъ писалъ моему и вашему знакомому, Лопатину, будто бы онъ послалъ мнѣ короткій отвѣтъ, въ которомъ значилось, что онъ отказывается отъ перевода вслѣдствіе моей грубости. Но я убѣжденъ, что этого отвѣта никогда не существовало, ибо иначе я получилъ бы его. Тому же моему другу онъ вручилъ квитанцію, въ которой за-

[1]) Буквально: «трудовой сгустокъ»—Arbeitsgallerte.

вляется, что онъ получилъ отъ издателя черезъ меня 300 рублей и обязуется возвратить ихъ въ возможно скоромъ времени. Но эта квитанція была совершенно излишней, такъ какъ я имѣлъ уже его собственноручную расписку на эту сумму, а его обѣщаніе скорой уплаты не было исполнено. До настоящей минуты отъ него не было получено ни одного рубля, но за то недавно онъ послалъ къ тому же издателю одну даму съ просьбою — дать ему другой переводъ, причемъ обѣщалось, что исторія съ „Капиталомъ“ болѣе не повторится. Что за безстыдство!

„Въ заключеніе скажу, что я думаю теперь о томъ письмѣ, которое я получилъ въ 1870 г. отъ „Бюро“. Тогда участіе въ немъ Бакунина казалось мнѣ несомнѣннымъ. Но я долженъ сказать, что теперь, когда я хладнокровно перебираю въ головѣ всю эту исторію, я вижу, что участіе въ ней Бакунина совсѣмъ не доказано, такъ какъ въ дѣйствительности письмо могло быть послано Нечаевымъ совершенно независимо отъ Бакунина. Одно только можно считать установленнымъ вполнѣ: это то, что Бакунинъ выказалъ полнѣйшее нежеланіе продолжать начатую работу, несмотря на полученныя за нее деньги“.

Таково главное содержаніе этого письма. Затѣмъ авторъ его проситъ Маркса увѣдомить его о полученіи этого письма черезъ своего петербургскаго корреспондента и прилагаетъ адресъ, по которому можетъ быть возвращено ему обратно письмо таинственнаго „Бюро“.

Въ первой своей статьѣ я уже высказалъ мое мнѣніе насчетъ того, насколько это письмо „Бюро“ можетъ быть поставлено въ вину Бакунину, а потому не хочу еще разъ возвращаться къ этому пункту. Но не могу не сдѣлать еще одного замѣчанія. Въ то время, когда разыгрывалась эта исторія съ переводомъ, Бакунинъ былъ уже человѣкомъ 56 лѣтъ отъ роду, имѣвшимъ за собою болѣе двухъ десятковъ лѣтъ политической борьбы. Такой человѣкъ, даже при самомъ демократическомъ душевномъ складѣ, не можетъ не почувствовать себя оскорбленнымъ, когда его начинаетъ „отчитывать“ молодой студентъ на тотъ манеръ, какъ это сдѣлалъ Любавинъ по его же собственному разсказу. По письму его видно, что онъ очень правдолюбивый и совѣстливый человѣкъ; но эта совѣстливость очевидно соединялась въ немъ съ большою дозою педантичности. Съ другой стороны, этотъ добрый Любавинъ, какъ кажется, не отдавалъ себѣ должнаго отчета о тѣхъ трудностяхъ, которыя представлялъ переводъ именно первой главы „Капитала“. Не думаю, чтобы другіе переводчики справились съ ней скорѣе, чѣмъ Бакунинъ. И вообще говоря, повидимому, большинство русскихъ, принявшихъ сторону Маркса, отличалось сильнымъ расположеніемъ къ доктринерству.

Однимъ изъ немногихъ исключеній отсюда былъ Лопатинъ, который,

послѣ успѣшнаго побѣга изъ Сибири въ 1873 г., поселился въ Парижѣ, откуда и наѣзжалъ отъ времени до времени въ Англію къ Марксу и Энгельсу. Хотя онъ былъ другомъ и ученикомъ Маркса, но онъ не былъ собственно тѣмъ, что нынче называютъ „марксистомъ“. Всякое сектантство претило ему; а образованіе спеціально марксистской фракціи, при тогдашнемъ состояніи русскаго соціалистическаго движенія, могло бы вылиться только въ сектантство. Онъ относился дружелюбно ко всѣмъ русскимъ соціалистамъ и помогалъ имъ словомъ и дѣломъ всюду, гдѣ могъ, но не вступалъ ни въ какую отдѣльную группу. Въ этомъ смыслѣ слово „Эклектикъ“, употребленное въ 1874 г. Фридрихомъ Энгельсомъ по отношенію къ Петру Лаврову, въ его статьѣ о распряхъ между русскими соціалистами—подошло бы, пожалуй, и къ Лопатину. Но это ничуть не мѣшало его отношеніямъ къ Марксу и Энгельсу становиться все интимнѣе и сердечнѣе, такъ что при своихъ неоднократныхъ поѣздкахъ въ Лондонъ онъ всегда былъ тамъ дорогимъ гостемъ для старыхъ и молодыхъ, — гостемъ, съ которымъ сегодня обсуждались самые серьезные вопросы науки или практической политики, а завтра предавались самому безудержному веселью и шуткамъ. Впослѣдствіи, Элеонара Марксъ часто разсказывала мнѣ о веселыхъ часахъ, проведенныхъ ею съ Лопатинымъ, когда онъ пытался преподавать ей ужъ не помню, что такое [1]): ея необузданная страсть къ спорамъ дѣлала то, что учитель рѣдко выдерживалъ свою педагогическую роль долѣе двадцати минутъ, и урокъ превращался въ веселую свару. Что касается до Фридриха Энгельса, то всякій разъ, когда у насъ заходила рѣчь о Лопатинѣ, онъ всегда выражалъ безграничную вѣру въ его энергію и находчивость. „Я твердо убѣжденъ—повторялъ онъ до самаго конца—„что въ одинъ прекрасный день Лопатинъ снова взойдетъ въ мою комнату, спокойно усядется передо мною и разразится смѣхомъ“. И это говорилось, когда Лопатинъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и въ Шлиссельбургѣ. Ясно, что такія ожиданія можно было питать лишь по отношенію къ человѣку, для котораго считаютъ возможными совершенно неисполнимые для другихъ подвиги.

Какъ извѣстно, въ 1877 г., во время одной изъ своихъ тайныхъ поѣздокъ въ Россію, Лопатинъ былъ схваченъ и, въ концѣ концовъ, очутился въ административной ссылкѣ въ Вологдѣ, откуда ему удалось въ 1883 году снова уйти за границу. Затѣмъ, всего черезъ полтора года послѣ этого, во время самой злѣйшей реакціи въ Россіи, когда революціонное движеніе тамъ было почти совсѣмъ задавлено, а въ обществѣ царили всеобщій упадокъ духа и уныніе, а во многихъ случаяхъ даже

[1]) Русскій языкъ. *Ред.*

просто трусость, Лопатинъ снова вернулся тайно во владѣнія русскаго царя, чтобы помочь реорганизаціи заново того, что могло быть отыскано и реорганизовано. Понятно, что ради такой дѣйственной силы Марксъ и Энгельсъ готовы были не придавать значенія даже болѣе крупнымъ теоретическимъ разномысліямъ, чѣмъ тѣ, которыя могли существовать между ними и Лопатинымъ. Тѣмъ же почтеніемъ ко всякому дѣйствительно революціонному дѣлу въ Россіи объясняется и то положеніе, которое они заняли по отношенію къ „Народной Волѣ“ и ея „Исполнительному Комитету“ послѣ того, какъ эти революціонныя организаціи возникли въ Россіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

Каковы были тѣ точки зрѣнія, изъ которыхъ они исходили при этомъ, можно ясно видѣть, во-первыхъ, изъ той полемики, которую Энгельсъ велъ въ 1874 и 1875 гг. съ Петромъ Никитичемъ Ткачевымъ; во-вторыхъ, изъ письма, написаннаго въ 1877 г. Марксомъ для „Отечественныхъ Записокъ“; и, наконецъ, изъ поведенія Энгельса въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ періодъ возникновенія рѣзкихъ столкновеній между русской соціально-демократической фракціей — успѣвшей сложиться за это время—и „Народной Волей“ съ ея теоретическимъ представителемъ Лавровымъ.

Началомъ полемики съ Ткачевымъ послужили двѣ статьи въ Лейпцигской газетѣ Volkstaat отъ 6 и 8 окт. 1874 г. подъ заглавіемъ „Литераторы-эмигранты“ (Flüchtlings-literaten). Фридрихъ Энгельсъ, печатныя заявленія котораго до самой смерти Маркса должны считаться выражающими мнѣнія и этого послѣдняго, споритъ въ этихъ статьяхъ съ редакціей „Впередъ“, т. е. съ Лавровымъ, насчетъ тѣхъ правилъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ полемикѣ между соціалистами. Дѣло въ томъ, что Лавровъ — или „Другъ Петръ“ (Freund Peter), какъ называетъ его Энгельсъ—высказалъ въ 1873 г., въ журналѣ „Впередъ“, открытое порицаніе сочиненной Энгельсомъ и Лафаргомъ брошюрѣ „Союзъ Соціалистической Демократіи“ (L'Alliance de la Democratie Socialiste), изданной потомъ по-нѣмецки подъ заглавіемъ „Заговоръ противъ Интернаціонала“ (Komplott gegen die Internationale) за ея рѣзкій тонъ, и въ особенности за то, что въ ней выставляются противъ Бакунина обвиненія чисто личнаго свойства, почерпнутыя изъ области его частной жизни; тогда какъ всѣ объясненія и споры въ печати между товарищами по партіи должны ограничиваться всегда лишь безусловно необходимымъ и вестись строго дѣловымъ образомъ, привлекая къ разсмотрѣнію лишь относящіеся къ данному вопросу факты. Однако, когда нѣсколько позже, а именно въ началѣ 1874 г., „Впередъ“, т. е. Лавровъ, самъ подвергся чрезвычайно грубому и злобному нападенію со стороны Петра Ткачева, только что

скрывшагося изъ Россіи за границу, то Лавровъ отвѣтилъ ему тоже довольно рѣзко. Такъ вотъ Энгельсъ доказывалъ въ своихъ статьяхъ, что Лавровъ въ своемъ отвѣтѣ нарушилъ не малую часть имъ же установленныхъ правилъ для партійной полемики и, хотя и не называя именъ, но въ очень понятной для всякаго посвященнаго формѣ, обвинялъ Бакунина и Нечаева въ такихъ же поступкахъ, какъ и авторы брошюры объ Альянсѣ. Это, дескать, прекрасно иллюстрируетъ тотъ фактъ, что когда дѣло идетъ о важныхъ партійныхъ интересахъ, то личная чувствительность и всѣ такого рода соображенія замолкаютъ и отбрасываются въ сторону даже въ борьбѣ внутри партіи. Впрочемъ, Энгельсъ вполнѣ беретъ сторону Лаврова противъ Ткачева и говоритъ очень пренебрежительно объ этомъ послѣднемъ и о его теоріи, будто бы народъ всегда готовъ къ революціи и что толковать о его предварительномъ просвѣщеніи и организаціи значитъ служить дѣлу реакціи. Горячій отвѣтъ Ткачева — подъ заглавіемъ „Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу" (Цюрихъ, 1874, типографія газеты Tagwacht)—подалъ поводъ Энгельсу къ новому отвѣту, который появился сначала въ Лейпцигской газетѣ Volkstaat за 1875 г. (№№ 36, 37, 43, 44 и 45), а затѣмъ издавался не однажды въ видѣ отдѣльной брошюры, съ опущеніемъ лично-полемической части, подъ заглавіемъ „Соціальные этюды на русскія темы" (Sociales aus Russland). Въ послѣдній разъ эта статья, съ новымъ послѣсловіемъ Энгельса, была опубликована издательствомъ при газетѣ Vorwärts, какъ часть небольшого сборника, озаглавленнаго „Статьи международнаго характера изъ газеты „Народное Государство" (Internationalen aus dem Volkstaat).

Предметомъ этой полемики были два фундаментальные вопроса, которые въ послѣднюю треть девятнадцатаго вѣка волновали въ Россіи весь радикально-оппозиціонный міръ и которые находились въ нѣкоторой органической связи между собою. А именно, во-первыхъ, вопросъ о готовности русскаго народа къ революціи и, во вторыхъ, вопросъ о томъ — пойдетъ ли русская революція сначала по пути буржуазно-либеральнаго развитія, или же она, благодаря широкой распространенности полукоммунистическихъ сельскихъ общинъ, поведетъ къ прямому осуществленію соціализма и, такимъ образомъ, спасетъ Россію отъ перехода черезъ эпоху капитализма со всѣми ея бѣдственными послѣдствіями и разлагающими тенденціями. Защитники существованія въ Россіи особеннаго расположенія къ революціонному возстанію опирались на то обстоятельство, что русское царство представляетъ собою относительно неорганизованную махину, въ существованіи которой въ ея нынѣшней формѣ, съ ея современными учрежденіями, заинтересована лишь самая ничтожная часть населенія. А защитники того взгляда, что революція въ Россіи должна повести прямымъ путемъ къ

соціализму, приписывали общинѣ и артелямъ способность къ самостоятельному, дальнѣйшему развитію заключавшагося въ нихъ соціалистическаго зерна, безъ всякой помощи болѣе или менѣе значительныхъ внѣшнихъ вліяній. Оба эти взгляда заключали въ себѣ долю истины, и оба сильно преувеличивали значеніе и силу своихъ отправныхъ посылокъ. Во всѣхъ странахъ, на ступеняхъ, предшествующихъ капиталистическому періоду, государственное сознаніе бываетъ развито лишь очень слабо, и политическій переворотъ въ государствѣ представляетъ обыкновенно процессъ, мало задѣвающій соціальное тѣло. Народная масса тутъ еще равнодушна къ политической формѣ и требуетъ только освобожденія отъ давящаго ея бремени, кѣмъ бы оно ни было выполнено. Поэтому даже разбойникъ, грабящій богачей, но щадящій и одаривающій бѣдняковъ, представляетъ на этой ступени очень популярное явленіе. Въ этихъ предѣлахъ Бакунинъ и Ткачевъ были правы, приписывая русскому народу большую готовность къ революціи, чѣмъ какая существовала тогда у великихъ западно-европейскихъ народовъ. Но вѣдь въ сущности эта готовность вовсе не была какимъ-то специфическимъ національнымъ отличіемъ русскихъ, а лишь свойствомъ извѣстной стадіи соціальнаго развитія и притомъ такой именно культурной стадіи, на которой политическіе перевороты обнаруживали повсюду и всегда чрезвычайно малую силу соціальнаго творчества, такъ что революціи на этой ступени имѣли обыкновенно своимъ послѣдствіемъ лишь перемѣну лицъ и верхнихъ аристократическихъ слоевъ, оставляя всю остальную соціальную жизнь въ прежнемъ, неизмѣнномъ положеніи. Нужно еще прибавить къ этому, что въ Россіи центральная царская власть, опираясь на матеріальныя средства гораздо болѣе высокаго уровня культуры, чѣмъ тѣ, какими располагали когда-то прежнія западно-европейскія правительства, обладаетъ вслѣдствіе этого и большею силою сопротивленія, чѣмъ какую проявили эти послѣднія, матеріальныя средства которыхъ соотвѣтствовали въ сущности тому культурному уровню, на которомъ стояли управляемые ими народы. Поэтому, если бы никакіе другіе, добавочные факторы не толкали Россію къ революціи, то ея шансы по этой части слѣдовало бы считать вовсе не особенно блестящими.

Вотъ та единственная сторона, съ которой Энгельсъ нападалъ на защищаемую Ткачевымъ, но отнюдь не выдуманную имъ впервые, идею объ особенномъ расположеніи русскаго народа къ революціи. Марксъ и Энгельсъ жаждали русской революціи ничуть не менѣе горячо, чѣмъ любой русскій революціонеръ. Вѣдь они видѣли всегда въ русскомъ самодержавіи опору и охрану всѣхъ реакціонныхъ правительствъ, всѣхъ феодальныхъ класовъ средней и западной Европы. Но въ то же время они прекрасно сознавали военную силу царскаго правительства. Пусть нечестность

управленія и господство протекціи въ офицерской средѣ ставили русскую армію ниже западно-европейскихъ армій, болѣе свободныхъ отъ этихъ недостатковъ, но все же, и въ современномъ своемъ видѣ, эта русская армія была достаточно сильна, чтобы справиться съ крестьянскими возстаніями, тѣмъ болѣе, что крестьяне поднимались временами въ разныхъ мѣстахъ противъ дворянъ и чиновниковъ, но никогда противъ самого царя, какъ это опять-таки бывало и въ западно-европейскихъ странахъ при крестьянскихъ возстаніяхъ, пока тамошніе крестьяне стояли на такомъ же культурномъ уровнѣ. И даже какъ разъ сохраненіе общины, по мнѣнію Маркса и Энгельса, было именно тѣмъ факторомъ, который грозилъ сильно затруднить всеобщее, крупное революціонное движеніе среди крестьянства. Крестьянскія общины имѣютъ *одинаковые*, но вовсе не *общіе* вслѣдствіе этого интересы; и этотъ кусочекъ аграрнаго коммунизма можетъ легко оказаться *изолирующимъ* факторомъ, какимъ онъ оказывался обыкновенно во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ. Еще меньшаго вниманія, въ качествѣ политико-революціоннаго фактора, заслуживали русскія артели. И, прежде всего, онѣ тоже не представляли и не представляютъ ничего специфически русскаго. Энгельсъ справедливо называетъ артель— „выросшимъ естественнымъ путемъ, а потому очень еще неразвитымъ, кооперативнымъ обществомъ“ — появляющимся всюду, гдѣ существуетъ для этого потребность. Такъ, мы видимъ ее въ Швейцаріи, въ тамошнихъ молочняхъ, въ Англіи—у рыбаковъ, въ Германіи—у землекоповъ. Нѣмецкіе, преимущественно шлезвигскіе, землекопы, которые въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка выстроили такъ много нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ, были организованы, по словамъ Энгельса, „въ настоящія артели“. И это сказано совершенно вѣрно. Пишущій эти строки встрѣчалъ въ гораздо болѣе позднее время въ Германіи не мало такихъ естественно сложившихся товариществъ между землекопами. Но они не возбуждали ни въ комъ интереса, такъ какъ дѣло шло о низко стоящихъ рабочихъ; и дѣйствительно, артель—или какъ бы мы тамъ ее ни называли—есть всегда профессіональная, товарищеская группа низко стоящихъ рабочихъ. А потому артель,—предсказывалъ Энгельсъ,—если она не обнаружитъ дальнѣйшаго развитія, осуждена на неизбѣжную гибель съ прогрессомъ крупной промышленности.

Однако, несмотря на то, что оба эти полукоммунистическія учрежденія, внушавшія тогда столько надеждъ столь многимъ русскимъ соціалистамъ, ничуть не импонировали Энгельсу, онъ тѣмъ не менѣе все же заявилъ свое убѣжденіе, что Россія стоитъ передъ революціей. Финансовыя затрудненія государства, противорѣчіе между все возрастающими денежными нуждами страны и незначительною налоговою силою истощенной и

невѣжественной массы ея населенія; вопіющее несоотвѣтствіе ея деспотическихъ учрежденій со взглядами просвѣщенныхъ классовъ и, въ особенности, быстро растущей буржуазіи ея большихъ городовъ; постоянныя колебанія правительства между уступками и насильственными мѣрами,—все это гонитъ страну въ сторону революціи, которая и должна разразиться въ недолгомъ времени, если только счастливая война съ Австріей или Турціей или преждевременная вспышка, способная напугать зажиточные классы и бросить ихъ въ объятія правительства, не отодвинутъ ея наступленія на болѣе продолжительное время. Но во всякомъ случаѣ эта революція, починъ который будетъ положенъ высшими классами, а быть можетъ даже самимъ правительствомъ, но къ которой, вѣроятно, скоро примкнутъ и крестьяне, и быстро проведутъ ее черезъ первую, конституціонную фазу, во всякомъ случаѣ эта революція будетъ имѣть величайшую важность для всей Европы, такъ какъ она уничтожитъ „послѣдній, еще нетронутый резервъ общеевропейской реакціи". Другими словами: хотя крестьяне, въ силу своего экономическаго угнетенія, и окажутся, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ революціоннымъ факторомъ огромной важности, но сами они едва-ли способны начать и выполнить революцію по своему собственному почину.

Это было писано въ 1875 году, а двумя годами позже Марксъ самъ имѣлъ случай высказаться въ русскомъ журналѣ относительно значенія русской крестьянской общины для соціализма. Это было сдѣлано имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" [1]). Тамъ, въ одной полемической статьѣ, направленной противъ „Вѣстника Европы", Марксъ былъ выставленъ защитникомъ того взгляда, что соціальный прогрессъ Россіи неизбѣжно связанъ съ предварительнымъ упраздненіемъ крестьянской общины и свободнымъ расцвѣтомъ капитализма, — взгляда, который отстаивался русскими либералами, но на который горячо нападали почти всѣ русскіе соціалисты. Даже тѣ изъ нихъ, которые были свободны отъ обаянія романтической идеи, будто бы крестьянская община уже сама по себѣ означаетъ соціализмъ, даже они видѣли въ общинѣ, подобно Чернышевскому, нѣкій могущественный рычагъ, способный направить Россію по прямому пути къ соціализму, избавивъ ее отъ всѣхъ бѣдствій и уродующихъ населеніе вліяній, связанныхъ съ промежуточной ступенью капитализма. Такъ вотъ, въ

[1]) Какъ извѣстно, это письмо Маркса въ „Отечественныхъ Запискахъ" не было послано имъ по назначенію, такъ какъ одинъ изъ его русскихъ знакомыхъ—если не ошибаемся, М. М. Ковалевскій—завѣрилъ его, что оно не можетъ быть напечатано при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ въ Россіи. Вотъ почему это произведеніе Маркса (писанное по-французски) появилось въ русской печати лишь значительно позже.

своемъ письмѣ къ редактору „Отечественныхъ Записокъ“, Марксъ выступилъ противъ попытки выставить его безусловнымъ противникомъ этого послѣдняго воззрѣнія. Онъ указываетъ на то, что въ своемъ „Капиталѣ“ онъ говоритъ съ величайшимъ почтеніемъ о Чернышевскомъ, защищавшемъ это воззрѣніе, и прибавляетъ, что въ результатѣ своего изученія экономическаго развитія Россіи онъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „Если Россія будетъ продолжать неуклонно идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 года, то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-либо предоставляла исторія какому-либо народу для избѣжанія всѣхъ злоключеній капиталистическаго строя“. Указавъ затѣмъ на тотъ отдѣлъ „Капитала“, въ которомъ говорится о „первоначальномъ накопленіи“, какъ о такой фазѣ образованія капитала, которая предшествуетъ окончательному господству его надъ промышленностью и которая въ большинствѣ случаевъ означаетъ отнятіе у сельскаго населенія права собственности на землю и даже удаленія его съ земли, Марксъ объясняетъ далѣе, какъ слѣдуетъ понимать только что приведенный выводъ. Онъ говоритъ: „Если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй—а въ послѣдніе годы она не мало потрудилась въ этомъ направленіи—ей не удастся достигнуть этой цѣли, не превративъ сначала доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ, а затѣмъ, очутившись однажды на лонѣ капиталистическаго строя, она неизбѣжно подпадетъ подъ власть его неумолимыхъ законовъ, какъ и всѣ прочіе грѣшные народы“. Въ примѣненіи къ общинѣ все это звучитъ очень осторожно и очень условно. Столь же гипотетично или, пожалуй, даже еще гипотетичнѣе выражается Марксъ въ написанномъ имъ совмѣстно съ Энгельсомъ предисловіи къ новому переводу „Манифеста коммунистической партіи“, вышедшему въ 1882 году. Тамъ говоритъ онъ: „Рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической вакханаліей, рядомъ съ появляющейся впервые буржуазной собственностью на землю, мы видимъ, что въ Россіи большая половина земли все еще находится въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Спрашивается теперь: можетъ ли русская община—эта на дѣлѣ уже подвергшаяся сильному разложенію форма первобытной, общей собственности на землѣ — перейти непосредственно въ болѣе высокую коммунистическую форму поземельной собственности, или же она должна сначала пройти черезъ тотъ же процессъ разложенія и уничтоженія, который характеризуетъ собою историческое развитіе Западной Европы? Единственнымъ возможнымъ въ настоящее время отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ слѣдующій: если русская революція послужитъ сигналомъ къ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ будутъ какъ бы пополнять одна другую, то тогда русская общинная собственность

на землю может дѣйствительно послужить исходнымъ пунктомъ будущаго коммунистическаго развитія".

Если! Чтобы оцѣнить вполнѣ всю силу сомнѣнія, лежащаго въ этомъ „если", нужно представить себѣ тогдашнее положеніе Западной Европы. Оно было совсѣмъ неблагопріятно для рабочей революціи. Въ Германіи соціалъ-демократія стояла подъ властью исключительнаго закона, отъ ударовъ котораго она только что начала оправляться понемногу и очень медленно. Во Франціи соціалистическая партія только что начала слагаться заново и находилась на самыхъ первыхъ ступеняхъ своего развитія. Въ Англіи показывались лишь первые, слабые зачатки новаго соціалистическаго рабочаго движенія, между тѣмъ какъ трэдъ-юніоны и потребительныя товарищества экономически организованныхъ рабочихъ находились еще вполнѣ на сторонѣ либеральной партіи. Какимъ же образомъ, при такихъ обстоятельствахъ, русская революція—которая ясно могла быть только революціей горожанства и крестьянъ—должна была вдругъ, перекинувшись въ Западную Европу, вызвать тамъ побѣдоносную пролетарскую революцію? Подобная вещь была просто немыслима. Несравненно болѣе вѣроятной представлялась тутъ другая перспектива, которую и констатируетъ Энгельсъ въ своихъ дополнительныхъ комментаріяхъ 1894 г., когда онъ поясняетъ, что „упомянутое тутъ сильное разложеніе русской сельской общины сдѣлало съ тѣхъ поръ очень значительные успѣхи". Рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо, этотъ сотрудникъ Маркса напираетъ въ этомъ мѣстѣ на тотъ фактъ, что „нигдѣ и никогда этотъ аграрный коммунизмъ, перешедшій традиціоннымъ путемъ отъ родового общества, не развивалъ самъ изъ себя ничего иного, кромѣ собственнаго разложенія и уничтоженія". И когда Энгельсъ возобновилъ свое изученіе первобытной исторіи и развитія собственности, то эти изслѣдованія только укрѣпили его въ томъ убѣжденіи, что полукоммунистическія крестьянскія общины не приносятъ собою новому соціализму никакой помощи, представляя собою такое орудіе, которое хотя и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя, подлежащія развитію формы собственности, но совершенно неспособно ни въ какомъ отношеніи повести само по себѣ, безъ могучаго и глубокаго вліянія извнѣ, къ развитію какой-либо общественной формы, представляющей нѣкоторый шагъ впередъ передъ капиталистическимъ производствомъ. Онъ обращаетъ тутъ вниманіе читателя на тотъ многозначительный фактъ, что рабочіе, трудившіеся между 1800 и 1820 гг. у Роберта Оуэна на его фабрикѣ въ Нью Ланаркѣ, принадлежали въ огромномъ большинствѣ своемъ къ кельтско-шотландскимъ кланамъ, т. е. были людьми, взросшими среди учрежденій и обычаевъ этихъ клановъ, этихъ тоже находившихся въ состояніи разложенія коммунистическихъ родовыхъ обществъ; и однако же Р. Оуэнъ ни однимъ сло-

вомъ не намекаетъ на то, чтобы онъ натолкнулся у этихъ рабочихъ на большую понятливость или, вѣрнѣе, на меньшую безпонятливость по отношенію къ его планамъ разныхъ соціальныхъ реформъ, чѣмъ у другихъ рабочихъ. Это указаніе кажется мнѣ очень знаменательнымъ и очень подходящимъ возраженіемъ противъ встрѣчающейся еще иногда тамъ и сямъ переоцѣнки такъ называемаго первобытнаго коммунизма, необходимыми условіями существованія котораго всегда являются мало развитая форма труда и недостатокъ культурныхъ потребностей.

Сравнивая между собою всѣ вышеприведенныя печатныя заявленія Маркса и Энгельса, мы найдемъ, что тотъ скептицизмъ, съ которымъ они отнеслись первоначально къ мысли о соціалистической потенціи русской крестьянской общины, впослѣдствіи, въ ихъ позднѣйшихъ печатныхъ трудахъ, по временамъ смягчался въ извѣстной мѣрѣ, но только для того, чтобы прорваться потомъ съ еще большею силою. Изъ моихъ устныхъ бесѣдъ съ Энгельсомъ я вынесъ такое впечатлѣніе, хотя и не могу подтвердить его вполнѣ опредѣленными, подлинными выраженіями, что Марксъ и Энгельсъ сдерживали временами выраженіе своего скептицизма просто изъ уваженія къ идеологіи русской революціи. Конечно, и у нихъ была такая сторона, которая дѣлала имъ симпатичной крестьянскую общину. Но все же, при всѣхъ вышеприведенныхъ заявленіяхъ, на первомъ планѣ для нихъ стояли соображенія насчетъ революціи и желаніе щадить по возможности убѣжденія ея дѣятелей.

Можно ли и слѣдуетъ ли спасать крестьянскую общину хоть въ такой мѣрѣ, чтобы въ случаѣ совпаденія русскаго возстанія съ западно-европейскимъ переворотомъ,—случай, на который Марксъ и Энгельсъ надѣялись еще въ 1882 году—этотъ остатокъ общиннаго землевладѣнія могъ послужить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго коммунистическаго развитія, это такой вопросъ—говоритъ Энгельсъ въ заключеніе своего предисловія 1894 года—на который онъ не беретъ на себя смѣлости отвѣтить. Одно только можно сказать съ полной увѣренностью, а именно: если мы находимъ желательнымъ сохраненіе хотя бы нѣкоторыхъ остатковъ сельской общины, то „первымъ условіемъ для этого должно быть ниспроверженіе абсолютизма, т. е. революція въ Россіи“. Мнѣ кажется, что это заключеніе выведено не безъ внутренняго противорѣчія и что оно опровергается опытами новѣйшаго времени. Но это здѣсь совсѣмъ не важно, такъ какъ тутъ у насъ дѣло идетъ лишь объ отношеніи Маркса и Энгельса къ самой русской революціи и его представителямъ.

Въ продолженіе тѣхъ двухъ десятилѣтій, которыя протекли между первымъ и послѣднимъ заявленіями Энгельса касательно значенія общины для соціализма и революціи, произошли въ этомъ отношеніи очень существен-

ныя перемѣны. До половины семидесятыхъ годовъ XIX вѣка о рабочемъ движеніи въ Россіи не могло быть и рѣчи. Краеугольными камнями революціоннаго броженія были въ то время радикально-оппозиціонная интеллегенція и крестьянство. А это обстоятельство, уже само по себѣ, обусловливало тотъ фактъ, что какъ ни сильно были захвачены русскіе революціонеры соціалисты теоріями Маркса и Энгельса, тѣмъ не менѣе практика жизни толкала ихъ къ большему эклектизму въ дѣлѣ идеологическаго обоснованія соціализма; а потому различія мнѣній касательно приложеній теорій къ жизни долженствовали являться раздѣляющимъ моментомъ между ними и Марксомъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ между Марксомъ и нѣмецкими соціалистами. Эти теоретическія разномыслія имѣли тутъ гораздо меньшее значеніе еще и потому, что тяготѣвшій надъ русскими политическій гнетъ постоянно толкалъ ихъ снова и снова на революціонные пути; а для Маркса рѣшающимъ моментомъ его отношеній къ политическимъ дѣятелямъ было всегда ихъ отношеніе къ революціи.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка положеніе вещей въ Россіи, подъ вліяніемъ балканскихъ событій, начинаетъ, повидимому, принимать дѣйствительно революціонную окраску, и Марксъ слѣдитъ за относящимися сюда явленіями съ величайшимъ вниманіемъ. Согласно съ своимъ взглядомъ на положеніе и роль Россіи въ европейской политикѣ, онъ цѣнилъ возстанія балканскихъ славянъ противъ турецкаго господства исключительно съ точки зрѣнія ихъ вліянія на внѣшнюю мощь Россіи въ Европѣ. А такъ какъ ослабленіе Турціи и усиленіе славянскаго вліянія на Балканахъ казались ему связанными съ усиленіемъ царской Россіи, то всѣ балканскіе славяне представлялись ему сознательными или безсознательными орудіями русской дипломатіи, а потому не заслуживающими никакой поддержки. Поэтому, когда зимою 1876—77 г. Гладстонъ повелъ свою кампанію въ пользу болгаръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ пользу заступившейся за нихъ Россіи, Марксъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы помѣшать этой агитаціи. Его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкій солодовникъ Барри, который позднѣе—послѣ напрасныхъ попытокъ превратить англійскую рабочую партію въ орудіе консерваторовъ—закончилъ свою карьеру офиціальнымъ наемнымъ избирательнымъ агентомъ консервативной партіи. Относительно этого Барри Марксъ пишетъ 27 сент. 1877 г. къ Ф. А. Зорге слѣдующее:

„Черезъ него именно я поддерживалъ *инкогнито* въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ бѣглый огонь противъ руссофила Гладстона въ великосвѣтской лондонской прессѣ („Vanity Fair“ и „White Hall Review“), а также во многихъ провинціальныхъ англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ газетахъ, разоблачая его шашни (Mogelei) съ русскимъ агентомъ

Новиковымъ, съ русскимъ посольствомъ въ Лондонѣ и т. д. Наконецъ, черезъ него же я вліялъ и на англійскихъ парламентаріевъ нижней и верхней палаты, которые всплеснули бы отъ изумленія и ужаса руками, если бы узнали, что ихъ суфлеръ (Ohrenbläser) по восточному кризису есть никто иной, какъ *докторъ краснаго террора* (Red Terror Doctor), какъ они называютъ меня". Несомнѣнно, что этотъ солодовникъ Барри былъ очень пригоденъ для того дѣла, на которое употреблялъ его Марксъ. Но изъ разсказовъ о немъ Энгельса, а также изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною въ другихъ мѣстахъ, я вынесъ впечатлѣніе, что онъ не разъ обманывалъ Маркса и Энгельса, и что они вообще относились къ нему съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Да и въ Интернаціоналѣ онъ тоже сыгралъ роль сплетника и злостнаго переносчика вѣстей между враждующими сторонами.

Тотъ ходъ, которымъ пошелъ восточный кризисъ во время написанія только-что цитированнаго нами письма, наполнялъ сердце Маркса высочайшей радостью. „Этотъ кризисъ—пишетъ онъ дальше въ томъ же письмѣ—есть новый поворотный пунктъ европейской исторіи. Россія—положеніе которой я изучалъ по оригинальнымъ источникамъ, какъ офиціальнымъ, такъ и неофиціальнымъ, доставленнымъ мнѣ моими петербургскими друзьями и доступнымъ лишь очень немногимъ—давно уже стоитъ на порогѣ переворота, всѣ элементы котораго уже готовы. Бравые турки ускорили взрывъ на цѣлые годы тѣми ударами, которые они нанесли не только русской арміи и русскимъ финансамъ, но самой династіи. Переворотъ начнется Secundum artem (по общимъ правиламъ искусства) конституціонной комедіей и закончится съ большимъ трескомъ (il y aura un beau tapage). Если мать-природа не будетъ особенно сурова къ намъ, то мы, можетъ быть, еще доживемъ до этого радостнаго торжества! Глупыя выходки, производимыя русскими студентами, представляютъ лишь простой симптомъ и не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. Но все же симптомъ. Всѣ слои русскаго общества—экономически, морально, интеллектуально—находятся въ полнѣйшемъ разложеніи.

Революція начинается на этотъ разъ съ Востока, представлявшаго до сихъ поръ неодолимый оплотъ и резервную армію контръ-революціи".

Какіе именно поступки русскихъ студентовъ называетъ Марксъ здѣсь „глупыми выходками" (dummes Zeug), этого не видно изъ приведенныхъ строкъ съ достаточной ясностью. По всей вѣроятности, онъ разумѣетъ тутъ демонстраціи 1876/77 гг. (панихида по Чернышевѣ, демонстрація у Казанскаго собора, похороны Падлевскаго и пр.), причемъ слѣдуетъ замѣтить, что и „Впередъ" отнесся къ Казанской демонстраціи не совсѣмъ одобрительно. Но все же это были дѣйствительно „симптомы". 1877 годъ при-

несъ съ собою, въ февралѣ мѣсяцѣ, „процессъ пятидесяти", прои большое впечатлѣніе на общество, а въ октябрѣ, произведшій еще больше впечатлѣніе, „процессъ ста девяносто трехъ", а 1878 годъ ознаменовался выстрѣломъ Вѣры Засуличъ въ генерала Трепова, открывшимъ новую эпоху борьбы противъ царскаго правительства и его органовъ. Съ этого времени начинается періодъ изданія революціонныхъ листковъ („Начало" и „Земля и Воля") въ самой Россіи, смѣлаго противопоставленія „краснаго террора" „бѣлому террору" и тайныхъ революціонныхъ исполнительныхъ комитетовъ.

Какъ въ рѣчахъ обвиняемыхъ въ только что упомянутыхъ и въ другихъ политическихъ процессахъ, такъ и въ статьяхъ трехъ тайныхъ революціонныхъ газетъ, идеологическое обоснованіе соціализма играетъ очень большую роль. Но языкъ и отношеніе къ жизни „Земли и Воли" становятся все революціоннѣе, въ смыслѣ стремленія къ *политической* революціи, къ которой призываются всѣ свободолюбиво настроенные элементы, вслѣдствіе чего газета пріобрѣтаетъ нѣсколько буржуазно-радикальную окраску, такъ что издающаяся въ Женевѣ бывшими анархистами соціалъ-революціонная газета „Община" находитъ нужнымъ возвысить противъ этого свой предостерегающій голосъ, къ которому присоединяется и Петръ Лавровъ. Вскорѣ послѣ того „Земля и Воля" уступаетъ свое мѣсто „Народной Волѣ"; покушенія начинаютъ направляться противъ все выше и выше поставленныхъ лицъ и, въ заключеніе, направляются на особу самого царя. 1 декабря н. ст. 1879 года, въ Москвѣ, съ помощью заложенной подъ дорогу мины, революціонеры пытаются взорвать поѣздъ, въ которомъ долженъ былъ проѣхать царь, а 16 января 1880 г., въ третьемъ нумерѣ „Народной Воли", вмѣстѣ съ прокламаціей исполнительнаго комитета по поводу московскаго покушенія, появляется программная статья, которая выставляетъ непосредственной цѣлью революціи—*демократическую конституцію*. Но меньшинство бывшей партіи „Земли и Воли", не желающее ничего слышать даже о временномъ отступленіи на задній планъ соціалистической пропаганды и находящее поэтому программу исполнительнаго комитета оппортунистской, образуетъ совмѣстно съ сотрудниками „Общины" партію соціалистовъ-федералистовъ, называемую также партіей „Чернаго Передѣла", по имени издаваемой ею газеты.

Хотя въ статьяхъ „Чернаго Передѣла" мы то и дѣло натыкаемся на указанія, свидѣтельствующія о вліяніи на ихъ авторовъ ученія Маркса, тѣмъ не менѣе партія этой газеты не встрѣчаетъ вначалѣ симпатіи со стороны Маркса. Онъ подозрѣваетъ въ ней еще много остатковъ бакунинскаго духа и кромѣ того его отталкиваетъ несомнѣнно доктринерскій тонъ ея тогдаш-

нихъ изданій. Это можно вывести изъ нижеслѣдующаго, относящагося къ Россіи, мѣста его письма къ Ф. А. Зорге отъ 5 ноября 1880 г.:

„Въ Россіи, гдѣ „Капиталъ“ читается и цѣнится болѣе, чѣмъ гдѣ либо, нашъ успѣхъ еще больше. Мы имѣемъ тутъ за себя, съ одной стороны, *критиковъ* (по большей части молодыхъ университетскихъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые—мои близкіе знакомые, а также нѣкоторыхъ журналистовъ), а съ другой—*центральный комитетъ террористовъ*, тайно отпечатавшій и выпустившій въ Петербургѣ свою *программу*, которая возбудила великое бѣшенство между проживающими въ Швейцаріи русскими анархистами, издающими въ Женевѣ „Черный Передѣлъ“, что значитъ буквально по-нѣмецки Die Schwartze Vertheilung. Большинство этихъ людей (хотя и не всѣ) покинули Россію *добровольно* и—въ противоположность террористамъ, ставящимъ на ставку собственныя головы—образуютъ такъ называемую партію пропаганды. (Чтобы вести пропаганду въ Россіи, уѣзжаютъ въ Женеву! Что за quid pro quo!) Эти господа стоятъ противъ всякой революціонно-политической дѣятельности. Россія должна, по ихъ мнѣнію, перепрыгнуть однимъ скачкомъ (Salto mortale) прямо въ анархическо-коммунистическо-атеистическій милленіумъ! А пока они подготовляютъ этотъ скачекъ путемъ скучнѣйшаго доктринерства, такъ называемые „принципы“ котораго давно стали избитыми пошлостями со времени покойнаго Бакунина“.

Нѣсколько позднѣе того, какъ было писано письмо, содержащее вышеприведенныя строки, а именно въ началѣ декабря 1880 г., авторъ этой статьи, во время краткаго пребыванія своего въ Лондонѣ, имѣлъ случай быть введеннымъ лично въ кружокъ Маркса. Хотя и я, въ качествѣ женевца, возбуждалъ нѣкоторую подозрительность по части склонности къ доктринерству, однако же, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, не относящихся къ предмету этой статьи, я былъ принятъ очень дружелюбно, такъ что эти дни принадлежатъ къ самымъ лучшимъ воспоминаніямъ моей жизни. Фактически я былъ уже въ то время почитателемъ Маркса, но я представлялъ его себѣ въ обращеніи съ людьми гораздо рѣзче, чѣмъ онъ оказался на дѣлѣ со мною. Однако же, при нашихъ бесѣдахъ, всегда сохранялось между нами извѣстное „разстояніе“. Совсѣмъ иначе стояло дѣло между Марксомъ и Львомъ *Гартманомъ*, явившимся въ Лондонъ лѣтомъ 1880 г. Я былъ просто пораженъ, видя, какъ этотъ великій мыслитель—а также и Энгельсъ—обращаются совсѣмъ по-братски, на ты, съ молодымъ человѣкомъ, который производилъ на меня впечатлѣніе умственной посредственности и безцвѣтности, смягченныхъ извѣстной любезностью натуры. Полутора годами позже и Энгельсъ писалъ о немъ къ Ф. Зорге: „Это удивительный чудакъ которому нужно предоставить итти своимъ собственнымъ путемъ“. Очевидно

что сочинители „Коммунистическаго Манифеста“ цѣнили въ немъ не выдающійся умъ и не какую-либо особую политическую даровитость; повидимому, ихъ дружеское расположеніе къ нему вызывалось исключительно его участіемъ въ террористическомъ предпріятіи, хотя и стремившимся къ важной цѣли, но вовсе не требовавшимъ какихъ-либо необыкновенныхъ свойствъ ума и характера. По крайней мѣрѣ таково было мое тогдашнее впечатлѣніе. Впрочемъ, возможно, что Гартманъ служилъ тогда посредникомъ между Марксомъ и Энгельсомъ и проживавшими въ Россіи членами „Народной Воли“. Какъ высоко цѣнилъ Марксъ политическій терроризмъ, которому служили эти люди, видно уже изъ приведенныхъ нами выше строкъ. Для читателя, достаточно посвященнаго въ тогдашнія личныя отношенія и въ ходъ развитія революціоннаго движенія, онѣ даютъ богатый матеріалъ для размышленій.

Но не изъ партіи „Народной Воли“, а какъ разъ изъ группы „Чернаго Передѣла“ развилась спеціально марксистская партія русскаго соціализма. Люди, о которыхъ Марксъ выражался такъ пренебрежительно, назывались: П. Аксельродъ, Л. Дейчъ, Г. Плехановъ, А. Стефановичъ. Они придавали гораздо большую важность воспитанію и организаціи рабочихъ, чѣмъ люди „Народной Воли“, и не могли особенно восхищаться тактикой „Народной Воли“ между прочимъ и потому, что эта тактика вызывала суровыя полицейскія мѣры, отъ которыхъ преимущественно терпѣло молодое рабочее движеніе. Множество малоопытныхъ еще рабочихъ легче попадало въ руки полиціи, чѣмъ террористы изъ буржуазной интеллигенціи; а другіе сами вовлекались въ террористическое движеніе и, такимъ образомъ, терялись—по крайней мѣрѣ на время—для систематической пропагандистской дѣятельности. Вслѣдствіе этого между народовольцами и чернопередѣльцами установились мало по малу отношенія, очень похожія на тѣ, которыя сложились въ 1848 г. во Франціи между бланкистами, съ одной стороны, и соціалистами, группировавшимися вокругъ Люксембурга (Луи Бланъ съ своими приверженцами, Кабе, Видаль, Пьеръ Леру, и пр.), съ другой. Позднѣйшіе русскіе марксисты, въ 1879/80 гг. еще очень походили на людей изъ Люксембурга. Но какъ въ 1848 г. Марксъ видѣлъ „пролетарскую партію“ Франціи вовсе не въ соціалистахъ Люксембурга; какъ въ 1871 г., во время Парижской коммуны, онъ стоялъ ближе къ бланкистскому, революціонному, центральному комитету, чѣмъ къ значительной части извѣстнѣйшихъ рабочихъ представителей парижскаго интернаціонала; такъ точно отнесся онъ и въ 1879/81 г. къ партійной борьбѣ русскихъ соціалистовъ. Какое принціальное воззрѣніе руководило имъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, можетъ всего лучше быть выражено тѣми словами, которыя употребилъ Энгельсъ, въ предисловіи къ новому изданію „Коммуни-

стического Процесса“, говоря объ основателяхъ нѣмецкаго рабочаго братства 1848 г.,—о Бискѣ, Борнѣ и ихъ товарищахъ. „Они позабыли, говоритъ онъ, что дѣло шло прежде всего о томъ, чтобы завоевать себѣ путемъ политической побѣды ту область, гдѣ только и было возможно достиженіе и укрѣпленіе новыхъ, желательныхъ имъ вещей, каковы: стачки, профессіональные союзы, производительныя товарищества и т. п.“ Такъ какъ терроризмъ, освободившій внезапно такую неожиданную полноту силъ казался вполнѣ подходящимъ средствомъ для достиженія политической побѣды надъ царизмомъ, то меньшее теоретическое развитіе его представителей не было въ глазахъ Маркса достаточнымъ поводомъ, чтобы не отдавать имъ преимущества передъ ихъ соперниками.

Между тѣмъ терроризмъ, стоявшій, повидимому, совсѣмъ близко къ своей цѣли, истощилъ въ этомъ напряженіи свои силы. Ихъ хватило на то, чтобы произвести взрывъ, но не хватило на то, чтобы вынудить демократическую революцію. То, что онъ счелъ своимъ величайшимъ успѣхомъ, прозвучало сигналомъ его быстраго отступленія. Смерть Александра II принесла Россіи, съ точки зрѣнія революціонныхъ движеній, спокойствіе кладбища. Уцѣлѣвшіе революціонеры получили досугъ для теоретическихъ диспутовъ. Группа „Чернаго Передѣла“, подкрѣпленная между прочимъ присоединеніемъ къ ней Вѣры Засуличъ, развилась теперь въ марксистскую соціалъ-демократію. Однимъ изъ послѣднихъ, если не самымъ послѣднимъ, заявленіемъ Маркса, имѣвшимъ въ виду русскаго читателя, слѣдуетъ считать уже цитированное нами выше и написанное въ 1882 г. въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ предисловіе къ новому изданію „Коммунистическаго Процесса“, причемъ издателями его оказались какъ разъ тѣ самые русскіе, о которыхъ онъ такъ пренебрежительно выражался всего четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Они сдѣлались горячими истолкователями и пропагандистами его ученія и суровыми противниками всякой подмѣси къ этой доктринѣ иныхъ идеологическихъ теорій или умозрѣній, вслѣдствіе чего они вступили въ рѣзкую распрю съ уцѣлѣвшими представителями и эпигонами „Народной Воли“, собравшимися вокругъ Петра Лаврова.

Марксъ не дожилъ до окончательнаго обостренія этихъ споровъ, а потому мы можемъ только догадываться о томъ, какое положеніе онъ занялъ бы по отношенію къ нимъ. Слѣдуетъ допустить, что его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ немногимъ отличался бы отъ поведенія продолжателя его дѣла—Энгельса. Фридрихъ Энгельсъ радовался новому направленію, и въ своихъ предисловіяхъ и т. п. давалъ ясно понять, что онъ видитъ въ представителяхъ этого направленія законныхъ поборниковъ марксовскаго ученія. Въ частныхъ разговорахъ онъ юмористически срав-

нивалъ иногда Лаврова съ курицею, высидѣвшей утятъ и ужасающейся на ихъ плаванье. Однако, и въ этихъ случаяхъ, его слова звучали скорѣе объясненіемъ и извиненіемъ, чѣмъ насмѣшкою, а тѣмъ паче пренебреженіемъ. Обыкновенно онъ говорилъ объ авторѣ „Историческихъ писемъ" въ дружескихъ и почтительныхъ выраженіяхъ. Точно также онъ избѣгалъ всякихъ оскорбительныхъ словъ касательно тѣхъ русскихъ соціалистовъ и революціонеровъ, которые видѣли въ Лавровѣ своего учителя и совѣтчика. И однимъ изъ самыхъ желательныхъ гостей въ его домѣ былъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ Сергѣй Кравчинскій (Степнякъ), который въ 1876 г. принялъ участіе въ возстаніи балканскихъ славянъ противъ туровъ, въ 1877 г. участвовалъ въ Италіи въ походѣ тамошнихъ анархистовъ бакунистскаго толка на Беневенто, а въ 1878 г., въ Петербургѣ, выполнилъ по порученію революціонернаго исполнительнаго комитета первый террористическій актъ.

Эд. Бернштейнъ.

Шелгуновская демонстрація.

(Воспоминанія современника).

Посвящается ***Ю. В. Св—ой.***

I.

Н. В. Шелгуновъ скончался 13 апрѣля 1891 года, въ мрачную, тяжелую эпоху царствованія императора Александра III, въ эпоху одуряющаго умъ и душу безвременья, когда торжествующая реакція, казалось, подавила все живое, загнавъ его въ глубокое подполье, изъ котораго она по временамъ вылавливала ту или иную силу и расправлялась съ нею... Такъ называемая, общественная жизнь была скована полицейской уздой до степени полной неподвижности; печать влачила жалкое и робкое существованіе, какъ паутиной, опутанная всевозможными цензурными учрежденіями. Все было пришиблено, все придавлено, и человѣкъ пребывалъ въ состояніи какого-то одурѣнія, которому, казалось, и конца краю нѣтъ Малодушные приходили въ уныніе и, подобно салтыковскому пискарю, законопачивали себя въ свою нору, сосредоточивая на ней всѣ заботы, всѣ помыслы, живя только ея интересами.

И, вдругъ, повидимому, совершенно неожиданно,—яркой кометой на сѣренькомъ фонѣ русской жизни сверкнула Шелгуновская демонстрація, показавшая, что „и подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода“. Я сказалъ „повидимому“. Да, только повидимому, ибо несмотря на весь леденящій ужасъ безвременья,—тѣмъ болѣе ужаснаго, что ему, какъ извѣстно, сопутствовалъ переломъ революціонной мысли, разбиравшейся въ старыхъ, пройденныхъ путяхъ и намѣчавшій новые,—жизнь, конечно, не могла быть и не была убита. Механически загнанная въ подполье, она продолжала существовать и не просто существовать, но существовать разумно въ дѣятельныхъ поискахъ выхода на широкій просторъ. Тамъ, во мракѣ подполья, шла мучительная работа мысли, полная страсти, ненависти, любви. И все это готово было выйти наружу при первой-же возможности, при первомъ-же удобномъ случаѣ. И отъ времени до времени такіе случаи представлялись [1]), подполье

---

[1]) Напримѣръ: похороны Салтыкова, панихиды по Чернышевскомъ etc...

раскрывалось, и жители его выходили наружу и воочію доказывали, что жизнь еще теплится, что она протестуетъ противъ насилія, что съ нимъ она не примирилась и примириться не можетъ, что палачи безсильны убить ее. Реакція принимала этотъ вызовъ и, выхватывая изъ среды протестантовъ то или иное количество ихъ („зачинщиковъ"), расправлялась съ ними по своему тюрьмой, ссылками, высылками, исключеніемъ изъ учебныхъ заведеній и, торжествуя легкую побѣду, пребывала въ сладкой увѣренности, что гидра революціи подавлена и что теперь ей вновь не воспрянуть. И „на Шипкѣ" становилось, повидимому, „спокойно" до новаго случая, опять выводившаго реакцію изъ ея равновѣсія.

И вотъ въ 1891 году такимъ удобнымъ случаемъ, такою возможностью явилась смерть Н. В. Шелгунова, который, не представляя собой литературной силы первой величины, тѣмъ не менѣе, по справедливости и по заслугамъ, пользовался горячей любовью молодежи, интеллигенціи и сознательной части рабочаго класса, ибо, несмотря на нависшую надъ русской жизнью свинцовой тучей реакцію, онъ въ числѣ очень немногихъ современныхъ ему писателей умудрялся возвысить свой голосъ до полныхъ мужественной силы нотъ; онъ умудрялся ободрить падающихъ и унывающихъ, умудрялся сказать, что мракъ не побѣдитъ жизни, что жизнь не умерла, что она существуетъ, что на смѣну дряблому восьмидесятнику идетъ поколѣніе бодрое, жизненное, во всеоружіи знанія и силы духа [1]). Статьи Шелгунова находили живой откликъ. Онѣ толкали, онѣ ободряли, онѣ давали мужество „надѣяться и ждать".

И похороны его, извѣстные подъ именемъ „Шелгуновской демонстраціи", наглядно показали, что жизнь не замерла. Эти похороны, или эта демонстрація, которую, по циркулировавшимъ въ то время слухамъ, императоръ Александръ III мѣтко назвалъ „смотромъ революціонныхъ силъ", сыграли свою, конечно, скромную, но тѣмъ не менѣе положительную роль, въ значительной степени поднявъ настроеніе среди учащейся революціонной молодежи и сознательныхъ рабочихъ. О нихъ заговорила вся мыслящая Россія, о нихъ говорилось въ иностранной прессѣ, онѣ встревожили реакцію.

Поэтому я позволяю себѣ посвятить имъ настоящую статью, въ которой, какъ участникъ этого похороннаго шествія, напишу все, что самъ видѣлъ и что мнѣ разсказывали другіе. Попутно я разскажу и о тѣхъ репрессіяхъ, которыя не замедлили послѣдовать за этими похоронами, причемъ, главнымъ образомъ, я коснусь возмездія, понесеннаго студентами военно-медицинской академіи, въ которой я тогда учился.

---

[1]) Я говорю о статьяхъ Шелгунова въ «Русской Мысли» за 1890—91 гг.

II.

О смерти Н. В. Шелгунова мнѣ сообщилъ одинъ изъ моихъ товарищей, студентовъ-медиковъ. Смерть эта не была для насъ неожиданностью, такъ какъ ей предшествовала продолжительная, мучительная болѣзнь. Мы, какъ я упоминалъ выше, любили Шелгунова, обращавшагося къ намъ съ ободряющимъ словомъ, за статьями котораго мы внимательно слѣдили, и потому, безъ фразъ, его смерть насъ искренно огорчила. Впослѣдствіи, когда администрація расправлялась съ участниками демонстраціи, она по своему неизмѣнному до нашихъ дней обыкновенію усердно старалась найти „агитаторовъ, зачинщиковъ", подбившихъ къ этому „противуправительственному акту". Большую услугу оказалъ ей въ этомъ отношеніи, какъ увидитъ читатель ниже, начальникъ военно-медицинской академіи В. В. Пашутинъ. Но нечего и говорить, что ни о какихъ зачинщикахъ, въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ администрація, не было и рѣчи, что демонстрація состоялась совершенно стихійно, явившись естественнымъ выходомъ для накопившагося чувства протеста, инстинктивнаго желанія заявить, что мы не миримся съ тѣмъ ужасомъ безправія, въ состояніи котораго реакція стремилась держать русскаго гражданина. Подобно мнѣ, другому, третьему, каждый изъ насъ, узнавъ о смерти любимаго писателя, самостоятельно, въ силу одного почитанія его, шелъ въ его маленькую (близъ Таврическаго сада) квартиру, гдѣ утромъ и вечеромъ служились панихиды.

Было экзаменаціонное время, мы были усиленно заняты, въ учрежденіяхъ академіи бывали рѣдко, почти исключительно только въ дни экзаменовъ, когда мы встрѣчались только съ товарищами, входившими въ очередныя экзаменаціонныя группы: слѣдовательно, уже эти, чисто объективныя, условія указываютъ на то, что агитація была невозможна. То же положеніе было и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и разныхъ женскихъ курсахъ.

О панихидахъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ онѣ представляли собою картину, не совсѣмъ обычную. Всѣ комнаты маленькой квартиры бывали заполнены такъ же точно, какъ и передняя и лѣстница. Преобладала учащаяся молодежь, затѣмъ шли писатели, среди которыхъ неизмѣнно выдѣлялась стильная фигура Н. К. Михайловскаго, немногочисленные рабочіе, изрѣдка попадались на глаза два-три офицера, представители адвокатуры и другихъ свободныхъ профессій. Постоянно прибывали депутаціи съ вѣнками. Старичекъ священникъ, напоминавшій, по своей скромности и всему своему внѣшнему виду, немудренаго сельскаго батюшку, истово служилъ панихиду. Пѣли студенты и курсистки, пѣли съ чувствомъ, со смысломъ, и ихъ молодые, свѣжіе голоса, сливаясь въ стройный хоръ, звучали какъ-то особенно торжественно и въ нихъ точно чуялся какой-то вызовъ кому то и чему-то. Молящихся, въ церковномъ значеніи слова, не было.

Панихида кончалась, батюшка снималъ эпитрахиль, но посѣтители долго не расходились...

Особенно врѣзалась мнѣ въ память одна вечерняя панихида. Народу было, по обыкновенію, много. Царило обычное настроеніе. Среди службы произошло какое-то движеніе...

— Пропустите, пропустите, товарищи — несся сдержанный шопотъ.

— Что такое? Кого?

— Вѣнокъ... Депутація...

— Отъ кого?

— Отъ путиловскихъ рабочихъ...

Всѣ спѣшили разступиться, съ любопытствомъ глядя на протискивавшихся къ гробу рабочихъ. Это было новое, еще мало встрѣчавшееся явленіе—*депутація рабочихъ*. Пробираясь сквозь растулившуюся, но все же тѣсную толпу, къ гробу приблизились двое молодыхъ рабочихъ съ энергичными, одухотворенными лицами. Они положили на гробъ большой вѣнокъ, на черныхъ (о красныхъ тогда и не мечтали) лентахъ котораго было написано на одномъ концѣ „*поборнику демократическихъ идеаловъ*“, и на другомъ (если не ошибаюсь) „*отъ сознательныхъ рабочихъ Путиловскаго завода*“. По тогдашнимъ временамъ эта надпись представлялась не только смѣлой, но прямо дерзкой. Не удивительно поэтому, что вѣнокъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ точно приподнялъ завѣсу другого міра, міра запретнаго, но желаннаго. На насъ точно пахлынула волна живого моря, точно что-то сильное, сильное охватило наши души, всколыхнуло въ нихъ мужество, энергію, жажду борьбы... Вѣнокъ этотъ всѣ осматривали по нѣскольку разъ, читая и перечитывая надпись. О немъ много и долго говорили...

Но вотъ наступилъ день похоронъ. Съ самаго ранняго утра къ дому, гдѣ жилъ Шелгуновъ, группами и въ одиночку, тянулись желавшіе отдать ему послѣдній долгъ. Около дома стояли два катафалка—одинъ для гроба, другой для вѣнковъ. Тутъ же сильные наряды полиціи. Еще наканунѣ, на послѣдней панихидѣ, циркулировали смутные слухи, что собравшіеся на похороны будутъ разогнаны силой, что полиція принимаетъ какія-то мѣры; всюду шныряли „шпики“, внимательно и неуклюже прислушивавшіеся къ разговорамъ въ отдѣльныхъ группахъ и кучкахъ... Создавалось какое-то особое задорное настроеніе, хотѣлось во что бы то ни стало поставить на своемъ. Наканунѣ же было рѣшено тѣло Шелгунова нести на рукахъ до Волкова кладбища.

Толпа все прибывала. Въ квартирѣ, гдѣ служилась послѣдняя панихида, было переполнено. Служба кончилась, мы взяли на руки гробъ съ останками Шелгунова и понесли его внизъ подъ пѣніе концертнаго „Святый Боже“... Процессія съ гробомъ вышла на улицу. Въ это время къ несшимъ гробъ протиснулся, въ сопровожденіи другихъ разныхъ степеней полицейскихъ чиновъ, приставъ и категорически заявилъ:

— Попрошу поставить гробъ на катафалкъ... Прошу...

— Мы сами понесемъ,—отвѣчали ему.

— Я не допущу,—возвысилъ голосъ приставъ,—я имѣю распоряженіе г-на градоначальника... Потрудитесь поставить...

Ему отвѣчали насмѣшками. Тонъ его требованій становился все категоричнѣе. Произошло замѣшательство. Мнѣнія публики раздѣлились: одни настаивали на несеніи гроба на рукахъ, другіе, болѣе умѣренные, находили необходимымъ уступить. И на этой почвѣ завязались горячіе безпорядочные споры. Между тѣмъ требованія полиціи становились все энергичнѣе. Державшіе гробъ на рукахъ, не желая подчиниться, двинулись было впередъ, но тутъ, по приказанію пристава, полицейскіе накинулись и стали вырывать изъ ихъ рукъ гробъ... Произошла безобразная схватка: городовые и околоточные старались ухватиться за гробъ, ихъ не пускали, отталкивали...

— Господа!—крикнулъ кто-то—Н. К. Михайловскій проситъ поставить гробъ на катафалкъ!...

— Къ черту Михайловскаго!—раздались негодующіе голоса.

Всѣ были возбуждены, и между сторонниками Михайловскаго и его противниками завязался горячій споръ, перешедшій въ перебранку... Полиція старалась вырвать гробъ...

Конецъ этой сценѣ положила вдова Шелгунова, пробившаяся къ гробу и упросившая протестантовъ поставить его на катафалкъ. И здѣсь съ поразительной быстротой произошла, неожиданно для всѣхъ, не исключая и иниціаторовъ, слѣдующая сцена, которая въ значительной степени доставила похоронамъ Шелгунова наименованіе *„противоправительственнаго акта."*

Дѣло въ томъ, что въ царствованіе императора Александра III, изъ опасенія похоронныхъ демонстрацій, было запрещено несеніе вѣнковъ на рукахъ. Въ виду этого оба катафалка (предполагалось нести на рукахъ тѣло Шелгунова, въ чемъ, конечно, не было ничего „запрещеннаго") были заполнены возложенными на гробъ Шелгунова многочисленными вѣнками. И вотъ, когда, какъ я только что упомянулъ, по просьбѣ вдовы покойнаго, было рѣшено подчиниться нелѣпому требованію полиціи и поставить гробъ на катафалкъ, молоденькая курсистка Л. В. М—ва быстро подошла къ одному изъ катафалковъ и, схвативъ первый попавшійся вѣнокъ, высоко подняла его надъ головой и задорно крикнула:

— Товарищи! Если намъ не даютъ нести тѣло Шелгунова, такъ понесемъ вѣнки!.

И вѣнки были моментально разобраны по рукамъ; оба катафалка сразу опустѣли, и на одинъ изъ нихъ былъ поставленъ гробъ. Все произошло чрезвычайно быстро и какъ-то стихійно. Полиція растерялась. Черезъ мгновеніе процессія, безъ всякихъ воздѣйствій и распоряженій, выстроилась и двинулась впередъ. Во главѣ ея шелъ растерявшійся приставъ съ околоточными, затѣмъ многочисленный хоръ, состоявшій изъ студентовъ и курсистокъ, за нимъ цѣлая процессія, несшая высоко надъ головами

вѣнки, далѣе катафалкъ и нѣсколько тысячъ (до 6—7) провожавшихъ.

Величественный видъ имѣла эта демонстрація. Громадный, въ нѣсколько сотъ голосовъ, хоръ стройно, подъ управленіемъ студента-медика С. Е. К—аго, дирижировавшаго студенческой фуражкой, пѣлъ могучее, красивое концертное *„Святый Боже“*... Вѣнки съ развѣвающимися лентами торжественно плыли надъ толпой, какъ побѣдные трофеи, подъ яркими лучами, рѣдкаго въ Петербургѣ, солнца. Во всей провожавшей Шелгунова толпѣ чуялась какая-то сила, открытый вызовъ всеугнетавшей реакціи И толпа эта медленно, спокойно, подъ громкое, полное силы пѣніе, шла, заполняя собою улицу и тротуары, вызывая удивленіе у прохожихъ. А во главѣ и по бокамъ, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей, шли полицейскіе, растерявшіеся, не знающіе, что имъ дѣлать...

Шествіе это вызывало со стороны обывателей, которымъ имя Шелгунова было неизвѣстно, недоумѣніе и разныя нелѣпыя предположенія. Такъ, мнѣ передавали, что въ одной кучкѣ любопытныхъ, состоявшихъ изъ дворниковъ, мелочного лавочника и тому подобнаго люда, было окончательно установлено, что это „студенты и другіе разные сицилисты своего генерала хоронятъ“, а въ другой, не менѣе компетентной, компаніи было рѣшено, что это просто „студентъ бунтуетъ и желаетъ показать, сколь много у него силы“...

Когда прошло немного времени и полиція, растерявшаяся, какъ мы видѣли, вначалѣ, пришла нѣсколько въ себя, она начала обнаруживать нѣкоторую, правда, слабую и нелишенную растерянности, самодѣятельность. Процессія дошла, кажется, до Кирочной, куда и стала сворачивать по направленію къ Литейному (въ сторону отъ пути къ Волкову кладбищу). Шедшій впереди приставъ сталъ настаивать на томъ, чтобы она шла прямо, чтобы такимъ образомъ не затронуть людныхъ улицъ. Но голова процессіи, хоръ рѣшительно повернулъ на Кирочную, и полиція, не имѣвшая, очевидно, распоряженія дѣйствовать рѣшительно, подчинилась и покорно сопровождала процессію, даже принимая нѣкоторыя мѣры къ расчисткѣ ей пути, отгоняя извозчиковъ, ломовиковъ и т. д.

Мы свернули на Литейный проспектъ и пошли по направленію къ Невскому. Около извѣстнаго дома Побѣдоносцева мы демонстративно остановились, громко пропѣли нѣсколько разъ „со святыми упокой“ и, выйдя на Невскій, повернули къ Лиговкѣ, по которой дальше пошли къ Волкову кладбищу. Процессія двигалась очень медленно, и, выйдя около 9-ти часовъ утра, у кладбища мы были часовъ около 3-хъ дня.

Послѣ отпѣванія въ церкви мы понесли тѣло Шелгунова къ знаменитымъ литературнымъ мосткамъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей; говорили студенты, писатели... Изъ всѣхъ этихъ рѣчей мнѣ особенно сильно врѣзалась въ память рѣчь писателя Засодимскаго. Я вижу его, какъ сейчасъ. Онъ стоялъ высоко на какой-то могилѣ, подъ деревомъ, его далеко и хорошо было видно. Легкій вѣтеръ чуть шевелилъ его сѣдые волосы. Лицо его было

въ этотъ моментъ удивительно красиво, одухотворенное глубокой думой, глубокимъ чувствомъ. Казалось, онъ былъ гдѣ-то далеко, далеко, казалось, что онъ не видѣлъ насъ, что взоръ его, его внутренній взоръ, былъ устремленъ куда-то въ далекое будущее...

— Шелгуновъ умеръ,—раздался его ясный, далеко разносившійся голосъ—Шелгуновъ живъ...

Такъ, этими точно словами, началъ онъ свою рѣчь. И говорилъ онъ такъ, если можно выразиться, выпукло, такъ проникновенно, что слова его не были цвѣтами краснорѣчія, а были полны образности и глубокаго содержанія и силы. Онъ, казалось, не говорилъ, а считывалъ съ какой-то, въ душѣ его написанной, ему одному видимой, книги. Я не скажу, чтобы рѣчь его въ какомъ-либо отношеніи—техническомъ или въ отношеніи содержанія—представляла собой что-нибудь оригинальное, выдающееся. Нѣтъ, онъ говорилъ почти трафаретную похоронную рѣчь. Но сила ея, ея обаяніе заключались въ какомъ-то созерцательномъ характерѣ его тона, полнаго глубокой, чистой, искренной задушевности. Рѣчь его производила сильное впечатлѣніе въ силу того закона, по которому слова старой избитой молитвы, произнесенныя просто искренне-вѣрующимъ человѣкомъ, потрясаютъ слушателя. И, дѣйствительно, онъ высказалъ, хотя и вѣрныя, но глубоко ординарныя мысли, сущность которыхъ сводилась къ тому, что хотя Шелгуновъ и умеръ, но его призывъ къ борьбѣ за свѣтлое будущее не умеръ и не умретъ никогда...

Рѣчи кончились. Гробъ опустили въ могилу. На ней выросла цѣлая гора вѣнковъ. Но мы долго не расходились. Мы обошли, начиная съ Добролюбова, могилы всѣхъ любимыхъ писателей и на каждой пропѣли „вѣчная память!"...

Когда мы съ кладбища шли обратно, разбившись уже на маленькія группы, мы видѣли, какъ изъ воротъ разныхъ домовъ, находившихся по пути слѣдованія похоронной процессіи, выходили и выѣзжали сильные пѣшіе и конные отряды полиціи и жандармеріи. Почему они не были пущены въ ходъ, почему шествіе не было разогнано силой, для меня и до сихъ поръ остается загадкой. Въ то время среди молодежи и въ обществѣ циркулировали двоякіе слухи. По однимъ демонстрація была допущена въ виду того, что неожиданная дерзость демонстрантовъ (несеніе вѣнковъ съ „революціонными" лозунгами) привела въ состояніе растерянности не только полицію, бывшую въ нарядѣ, но и „сферы". По другой версіи, на мой взглядъ, болѣе правдоподобной, дѣло сводилось къ сознательному попустительству въ интересахъ доказательства „сферамъ", что разные чины охраны и жандармеріи необходимы для спокойствія государства россійскаго, что иначе гидра революціи можетъ снова поднять свою голову. Въ связи съ этимъ слухомъ въ обывательской и либеральной средѣ циркулировалъ и такой слухъ, что если бы не принятыя полиціей мѣры, то демонстрація могла бы разростись до степени настоящаго открытаго революціоннаго акта...

III.

Похороны окончились. Мы, молодежь, чувствовали себя великолѣпно отъ сознанія, что мы открыто показали правительству, что духъ свободолюбія не укрощенъ.

Прошло два-три дня. Я, лично, какъ-то не думалъ о возможности какихъ-либо непріятностей изъ-за участія въ демонстраціи—просто въ голову не приходило. Я зналъ, что среди демонстрантовъ находилось много „шпиковъ", что фотографы охраннаго отдѣленія сфотографировали по частямъ всю процессію; я встрѣтилъ на одной изъ панихидъ одного изъ курсовыхъ нашихъ штабъ-офицеровъ [1]), доктора Назаревскаго, весьма непопулярнаго у насъ, пользовавшагося скверной репутаціей. Но всѣ эти симптомы, какъ мнѣ, такъ и болѣе близкимъ мнѣ товарищамъ, казались существенными лишь въ смыслѣ подтвержденія за нами, въ глазахъ охраннаго отдѣленія, извѣстной репутаціи. Это насъ мало безпокоило. Мы даже какъ-то легкомысленно относились и къ опыту прошлаго года, когда за панихиду по Чернышевскомъ изъ академіи были уволены студенты—курсовые старосты.

Но вотъ прошелъ слухъ, вскорѣ подтвердившійся, что нѣсколько человѣкъ демонстрантовъ,—студентовъ технологовъ и лѣсниковъ — арестованы, исключены, высланы... Мы призадумались немного, но продолжали усердно готовиться къ экзаменамъ. Какъ-то, если не ошибаюсь, спустя пять-шесть дней послѣ похоронъ, утромъ ко мнѣ зашелъ одинъ изъ близкихъ товарищей съ извѣстіемъ, что репрессіи дошли и до нашей академіи. Онъ сообщилъ мнѣ, что начальникомъ академіи получено отъ военнаго министра требованіе представить ему списокъ студентовъ-медиковъ, участвовавшихъ въ демонстраціи, съ описаніемъ поступковъ.

Вотъ тутъ-то новый начальникъ академіи, покойный В. В. Пашутинъ, впервые выступилъ передъ нами въ качествѣ услужливаго, не за страхъ, а за совѣсть, администратора. Чтобы его роль была ясна читателю, мнѣ придется сдѣлать маленькое отступленіе въ область тѣхъ традицій, которыя въ видѣ обычнаго права опредѣляли взаимныя отношенія студентовъ и начальника академіи.

Пашутинъ былъ назначенъ начальникомъ въ началѣ 1890—91 академическаго года. До него постъ этотъ много лѣтъ занималъ Александръ Михайловичъ *Быковъ*, ушедшій къ этому времени, въ виду глубокой старости, на покой. Ал. Мих. пользовался большой любовью студентовъ за свое, дѣйствительно, теплое, сердечное, полное любви отношеніе къ намъ. Держалъ онъ себя удивительно просто, не признавая никакихъ формальностей военной дисциплины во взаимныхъ отношеніяхъ со своими питомцами. Все это создавало атмосферу взаимнаго довѣрія и опредѣляло

[1]) То же, что субъ-инспекторы въ университетѣ, только съ большими правами, благодаря нѣкоторой военной дисциплинѣ.

своеобразныя, товарищескаго оттѣнка, отношенія между нами и Быковымъ, котораго я лично помню добродушнымъ, наружно чуть грубоватымъ старымъ ворчуномъ. Въ силу всѣхъ этихъ условій, если случалась какая-либо бѣда, какое-либо происшествіе „политическаго“ характера, въ которомъ участвовали студенты-медики, то отъ Быкова ничего не скрывали, говорили ему всю чистую правду, во всеоружіи знанія которой онъ являлся посредникомъ, ходатаемъ предъ военнымъ министромъ, всегда или съ успѣхомъ отражая нависшій ударъ, или въ значительной степени смягчая его силу. Бывали случаи, когда, основываясь на принципѣ, что дважды нельзя быть наказаннымъ за одну вину, Быковъ (въ зависимости отъ характера „преступленія“) спѣшилъ своею властью начальника академіи наложить взысканіе (гауптвахта) на виновнаго и, такимъ образомъ, къ моменту предъявленія указаній свыше, „порокъ уже былъ наказанъ“, о чемъ Быковъ и докладывалъ по начальству. Не могу обойти молчаніемъ и того, что при своемъ заступничествѣ, особенно передъ Ванновскимъ, Быковъ нерѣдко переживалъ много непріятностей. Свѣтлый образъ Быкова хранится въ памяти всѣхъ насъ и разъ рѣчь, хотя и вскользь, коснулась его, не могу удержаться, чтобы не почтить его добрымъ и теплымъ словомъ благодарности...

Вотъ этими-то традиціями и воспользовался для своихъ цѣлей новый начальникъ академіи Пашутинъ, который вступая въ исполненіе должности, въ своей рѣчи, обращенной къ студентамъ, увѣрялъ, что ставитъ себѣ образцомъ А. М. Быкова и его отношеніе со студентами и призывалъ насъ ко взаимному довѣрію...

Но возвращаюсь къ прерванной нити моего непосредственнаго повѣствовенія.

Принесшій мнѣ тревожную вѣсть о подготовляющейся расправѣ съ нами мой старый товарищъ П. А. Г—ъ передалъ также, что въ этотъ же день состоится сходка всѣхъ „шелгуновцевъ“ (такъ насмѣшливо называли насъ студенты умѣреннаго направленія), на которой будетъ обсуждаться создавшееся запросомъ военнаго министра положеніе. При этомъ Г—ъ сообщилъ, что Пашутинъ бесѣдовалъ по этому поводу съ однимъ изъ студентовъ, З., которому онъ сдѣлалъ кое-какія указанія относительно того, какъ намъ слѣдуетъ держать себя въ данномъ случаѣ. Къ назначенному часу мы съ Г—ъ были въ академіи. Сходка еще не начиналась, и мы вели между собой, такъ сказать, кулуарныя бесѣды, сводившіяся, впрочемъ, главнымъ образомъ, ко всякаго рода слухамъ о готовящихся намъ ранахъ и скорпіонахъ, о переговорахъ начальника академіи съ военнымъ министромъ... Однако, вѣрнаго, опредѣленнаго не было ничего извѣстно и мы ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ начала сходки и доклада студента З. о его бесѣдѣ съ Пашутинымъ.

Началась сходка. И З. обратился къ намъ съ пространной рѣчью, въ которой, излагая свой разговоръ съ Пашутинымъ, одновременно намѣчалъ и тѣ директивы, которыя диктовались

намъ какъ бы самимъ Пашутинымъ. По словамъ З., Пашутинъ, сообщая ему о требованіи военнаго министра представить списокъ участвовавшихъ въ демонстраціи и подробное описаніе того, что каждымъ изъ нихъ было сдѣлано, напомнилъ ему о традиціонныхъ отношеніяхъ между начальникомъ академіи и студентами. И вотъ, оперируя за счетъ этихъ патріархальныхъ традицій, Пашутинъ сообщилъ, что по донесеніямъ „шпиковъ", студентовъ-медиковъ участвовало только около сорока человѣкъ, которыхъ-де ждала большая бѣда въ родѣ сдачи въ солдаты. Но бѣда эта могла быть значительно смягчена при условіи, если министру будетъ доложено, что участвовало не сорокъ человѣкъ, а гораздо больше; при наличности, дескать, этого условія, сумма репрессій (она почему-то разсматривалась, какъ величина постоянная), растворенная въ большемъ числѣ участниковъ, отразится на каждомъ изъ нихъ въ меньшемъ объемѣ, а потому хорошо бы было, чтобы, помимо откровеннаго заявленія дѣйствительныхъ участниковъ, о своемъ участіи заявило бы и возможно большее количество товарищей, не бывшихъ на демонстраціи. Намѣчая для насъ такую политику сверхъ-откровенности и группируя, такимъ образомъ, единомышленниковъ, Пашутинъ указалъ далѣе и на то, что очень желательны однородныя по существу показанія всѣхъ дѣйствительныхъ и фиктивныхъ участниковъ объ ихъ роли въ демонстраціи. А такъ какъ самыми тяжелыми „преступленіями" были несеніе вѣнковъ и пѣніе въ хорѣ, то необходимо было, чтобы всѣ признали за собой эти дѣйствія. Въ заключеніе слѣдовалъ совѣтъ, показывать, что дѣйствовали безъ всякаго заранѣе обдуманнаго намѣренія и взаимнаго другъ съ другомъ соглашенія.

Я не буду передавать подробно того, что говорилось на этой сходкѣ. Упомяну только о томъ, что намѣчавшееся теченіе встрѣтило весьма слабую численно оппозицію, не соглашавшуюся съ вышеприведенной аргументаціей, протестовавшую противъ нея, но безсильную что-нибудь сдѣлать, такъ какъ еще въ самомъ началѣ сходки было принято постановленіе, что меньшинство подчиняется большинству, что исключало возможность остаться при особомъ мнѣніи и обязывало къ извѣстнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Упомяну еще о томъ, что никому, даже и оппозиціи, и въ голову не приходило сомнѣваться въ искренности Пашутина, за котораго говорили его міровая извѣстность самостоятельнаго ученаго, почти создавшаго своими изслѣдованіями и открытіями такую науку, какъ общая патологія, и репутація либеральнаго профессора, около котораго въ Казани группировалось передовое студенчество. Правда, и намъ и нашимъ лучшимъ профессорамъ [1])

[1]) Главнымъ образомъ, В. А. Манассеину, неоднократно въ своихъ лекціяхъ отмѣчавшему, что Пашутинъ, сдѣлавшись начальникомъ академіи, разстался съ наукой, для которой онъ такъ много сдѣлалъ и могъ еще больше сдѣлать.

было по меньшей мѣрѣ обидно, что такой выдающійся ученый и профессоръ, какъ Пашутинъ, увлекся карьерой администратора, принеся въ жертву ей науку, но повторяю, Быковскія традиціи, признаваемыя новымъ начальникомъ академіи, были сильны и мы не имѣли основанія подозрѣвать его въ коварствѣ. А между тѣмъ... впрочемъ, не буду предупреждать событій...

Дальнѣйшія перипетіи нашей жизни, жизни „шелгуновцевъ" шли въ такомъ порядкѣ. Началась агитація за присоединеніе къ намъ возможно большаго количества quasi-участниковъ. Произошли одна за другой нѣсколько сходокъ, въ результатѣ которыхъ общее число дѣйствительныхъ и фиктивныхъ участниковъ опредѣлилось въ сумму около 150 человѣкъ, и выработана была единая по существу формула показаній, соотвѣтствовавшая схемѣ вопросовъ, которые, какъ сообщилъ Пашутинъ З—у, будутъ имъ поставлены намъ. Я не привожу этой формулы, такъ какъ ниже читатель ее найдетъ при описаніи дачи показаній Пашутину.

IV.

Наступилъ, наконецъ, рѣшительный день. Мы были всѣ въ сборѣ. З. сообщилъ начальнику академіи, что мы готовы сдѣлать заявленія. Пашутинъ пришелъ. Холодно-учтиво, мягко позвякивая шпорами, съ орденомъ Владиміра на шеѣ, раскланявшись съ нами, онъ сказалъ намъ нѣсколько офиціальныхъ словъ, предлагая „чистосердечно" заявить о нашемъ участіи въ противузаконномъ шествіи. Затѣмъ онъ прошелъ въ кабинетъ, пригласивъ насъ входить по одному и дѣлать свои заявленія.

Очередь дошла до меня. Я вошелъ. Пашутинъ неподвижно сидѣлъ за письменнымъ столомъ, щуря свои близорукіе глаза. Его нѣсколько обрюзгшая, чисто выбритая физіономія точно застыла въ олимпійскомъ величіи, напоминавшемъ собой величіе какого-нибудь выслужившагося бригаднаго генерала; этому сходству много содѣйствовалъ его фасонистый, гвардейскаго образца, военный сюртукъ, съ продѣтой въ немъ шпагой и аккуратно подвѣшенный въ щели воротника Владиміръ...

— Ваша фамилія и какого курса?—сухимъ, безцвѣтнымъ голосомъ спросилъ онъ.

Я назвалъ себя.

— Вы участвовали въ противузаконномъ похоронномъ шествіи?

— Да.

— Участвовали-ли вы и на панихидахъ?

— Да.

— У васъ это раньше было рѣшено съ товарищами?

— Нѣтъ... Я узналъ изъ газетъ о смерти Шелгунова и пошелъ на панихиду, а затѣмъ и на похороны.

— Такъ—говорилъ онъ записывая—а почему вы приняли участіе въ похоронномъ шествіи, въ панихидахъ?

— Я цѣню Шелгунова, какъ писателя...

— Въ чемъ же выражалось ваше участіе? Вы пѣли?
— Да, я пѣлъ... „Святый Боже"...
— Можетъ быть, вы дирижировали хоромъ?
— Нѣтъ...
— А кто дирижировалъ?—задалъ онъ мнѣ неожиданно вопросъ, не входившій въ схему, которая намъ была сообщена З.
— Не знаю... не помню,—отвѣтилъ я.
— Вѣнки вы несли?
— Да, несъ...
— Какой именно вѣнокъ?
— Не помню...
— Больше ничего не имѣете сказать?
— Ничего.
— Потрудитесь подписаться...
Офиціальнымъ кивкомъ головы онъ отпустилъ меня.
Въ такомъ родѣ должны были быть даны показанія всѣми, за исключеніемъ товарища К—го, дирижировавшаго хоромъ, который долженъ былъ признать это.

И вотъ потянулись тягучіе, скучные, полные неопредѣленности и тяжелыхъ ожиданій дни. Мы часто сходились въ академіи, взаимно разстраивая другъ друга передачей самыхъ мрачныхъ слуховъ о томъ, что сказалъ Пашутинъ, Ванновскій, градоначальникъ и проч., и проч. На душѣ было скверно. У каждаго изъ насъ были близкіе намъ люди, волновавшіеся и мучавшіеся за насъ, вздыхавшіе и охавшіе, у нѣкоторыхъ попрекавшіе... Это было тяжело.

Но мы были молоды, мы были жизнерадостны Намъ казалось, что мы сдѣлали что-то важное... Все это вмѣстѣ взятое исключало возможность холоднаго отчаянія людей, знающихъ жизнь, и настроеніе тревожнаго ожиданія того, что сдѣлаютъ съ нами вершители нашихъ судебъ, часто нарушалось самымъ задушевнымъ весельемъ. Стояла на рѣдкость чудная весна, теплая, солнечная... Большинство изъ насъ бросило готовиться къ экзаменамъ. Свободнаго времени было много, и мы большую часть его проводили, какъ было принято у насъ говорить, „на H^2O", то-есть, на Невѣ, на взморьѣ, на островахъ, импровизируя чрезвычайно оживленные пикники, полные подчасъ безумнаго веселья. На водѣ мы часто встрѣчались съ такими же „шелгуновцами"—студентами другихъ учебныхъ заведеній и курсистками—и образовывали собой цѣлыя флотиліи, оглашавшія Неву и взморье стройнымъ пѣніемъ тогдашнихъ студенческихъ и радикальныхъ пѣсенъ... И мы съ увлеченіемъ и беззаботностью молодости отдавались этому веселью и забывали о полной неопредѣленности нашей судьбы.

Само собой мы всѣ были предметомъ особой заботливости чиновъ явной и тайной полиціи; и даже во время нашихъ рѣчныхъ прогулокъ они не оставляли насъ въ покоѣ: нерѣдко вслѣдъ за нами съ Фонтанки или иного пункта въ лодкѣ же пускались

спортсмены охраннаго отдѣленія, слѣдовавшіе за нами повсюду. Конечно, это раздражало. Но мы обычно относились къ этому юмористически, дразня и вышучивая нашихъ ангеловъ-хранителей и лишь иногда довольно недвусмысленно прогоняя ихъ, когда они ужъ черезчуръ надоѣдали. Нечего и говорить, что среди насъ усиленно циркулировали всевозможные слухи и нерѣдко порядкомъ тревожили насъ. Но я опускаю ихъ и перехожу къ дальнѣйшему.

V.

Однажды З., ведшій все время какіе-то переговоры съ Пашутинымъ и сдѣлавшійся какъ-то само-собою посредникомъ между нами и начальникомъ академіи, извѣстилъ насъ, что необходимо созвать сходку „шелгуновцевъ" для обсужденія нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ. Сходка эта, прошедшая крайне бурно, интересна тѣмъ, что она, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ раскрыла глаза на ту роль, какую игралъ въ дѣлѣ возмездія Пашутинъ, почему я и остановлюсь на ней подробнѣе.

Еще до начала сходки, товарищи, видавшіе З., передавали, что онъ сообщитъ что-то новое, весьма важное, что Пашутинъ имѣлъ съ нимъ длинное совѣщаніе о необходимости какого-то новаго курса въ нашей политикѣ въ этомъ дѣлѣ, что что-то неладно въ нашихъ показаніяхъ, что Ванновскій сдѣлалъ ему какія-то разъясненія и проч. и проч. Неопредѣленность этихъ свѣдѣній естественно волновала насъ, вела ко всякаго рода предположеніямъ, весьма гадательнымъ, иногда прямо нелѣпымъ... Нѣкоторые обращались было при рѣдкихъ встрѣчахъ къ З. съ вопросами, но онъ, заразившись величіемъ отъ „самого", съ которымъ онъ часто видался и велъ какія-то конфиденціальныя бесѣды, облекся въ мантію непроницаемости и держалъ себя, какъ дипломатъ, разсѣянно выслушивалъ наши вопросы и многозначительно отвѣчалъ отказомъ удовлетворить ихъ.

— Простите, коллега,—сухимъ, отраженнымъ отъ Пашутина, тономъ неизмѣнно отвѣчалъ онъ,—я не имѣю возможности каждому изъ васъ подробно разсказывать обо всемъ, о чемъ я говорилъ съ Викторомъ Васильевичемъ. . Я физически этого не могу. Скажу только, что дѣло очень, очень серьезное... Я сдѣлаю подробный докладъ на сходкѣ.

Естественно, все это страшно нервировало насъ и, собравшись на сходку, мы, ожидая начала ея, обмѣнивались впечатлѣніями, мнѣніями, предположеніями. Пора была открывать сходку, но З., чувствуя себя героемъ дня и момента, не спѣшилъ. Передавали, что онъ ведетъ какую-то бесѣду съ начальникомъ академіи... Наконецъ, онъ появился. Онъ не спѣшилъ, точно сознательно мучая насъ. Онъ остановился побесѣдовать со своими близкими товарищами, какъ бы не замѣчая нетерпѣливаго ожиданія „толпы". Но во взглядѣ его чуялась какая-то неувѣренность и тревога...

Это томленіе возмутило, наконецъ, насъ.

— Какого чорта! — раздался грубоватый голосъ одного изъ товарищей— пора открывать сходку... Вѣдь въ одиннадцать назначено, а теперь скоро двѣнадцать... Вы, коллега З., можете потомъ поговорить со своими друзьями о семейныхъ дѣлахъ...

З. попробовалъ было не обратить внимапія на эту выходку, но въ „толпѣ“ началось какое-то нетерпѣливое, недовольное движеніе, и онъ рѣшительно вошелъ въ средину кругомъ стоявшихъ „шелгуновцевъ“.

— Товарищи!—обратился онъ къ намъ—я позволилъ себѣ собрать настоящую сходку по совѣту Виктора Васильевича, съ которымъ за время, прошедшее со дня дачи показаній, я неоднократно видался, совмѣстно съ нимъ обсуждая наше положеніе...

Послѣ довольно длиннаго введенія, въ которомъ онъ снова привелъ мотивы, опредѣлявшіе собою необходимость представленія военному министру возможно большаго количества участниковъ демонстраціи и аналогичныхъ показаній, З. перешелъ къ новымъ обстоятельствамъ. Надо отдать справедливость и вдохновителю этой рѣчи Пашутину и самому оратору, что аргументація ея была такъ же слаба, какъ и его доводы на первой сходкѣ о суммѣ репрессіи, растворимой въ большемъ количествѣ участниковъ.

Новыя обстоятельства заключались въ томъ, что, по его словамъ, Пашутинъ, послѣ цѣлаго ряда свиданій съ Ванновскимъ, во время которыхъ онъ-де всѣми мѣрами старался выгородить насъ и ослабить тяжесть возмездія, пришелъ къ заключенію, что все равно ожидающая насъ судьба весьма печальна, что насъ ждутъ суровыя кары. Но есть возможность, если не совсѣмъ устранить нависшую надъ нами бѣду, то смягчить ее до степени форменныхъ пустяковъ, до ареста на гауптвахтѣ на нѣсколько дней, о чемъ, дескать, и хлопочетъ „Викторъ Васильевичъ“. Мы должны помочь ему въ его стараніяхъ. А для этого необходимо измѣнить наши первоначальныя показанія въ наиболѣе выгодномъ направленіи, что дастъ Виктору Васильевичу больше шансовъ на успѣхъ его ходатайствъ и предстательствъ за насъ.

VI.

Но въ чемъ же должно было заключаться это измѣненіе показаній?

Характеристикѣ этихъ измѣненій предшествовала мотивировка. Оказывалось, тяжесть принятыхъ нами на себя поголовно „преступленій“ такъ велика, что большое количество участниковъ дѣлаетъ сумму ихъ столь значительной качественно и количественно, что намъ слѣдуетъ трепетать передъ ожидающими насъ карами. Полтораста человѣкъ, нарушающихъ повелѣніе о вѣнкахъ—это такое дѣйствіе скопомъ, которое взываетъ чуть-ли не къ небесамъ о достойномъ отмщеніи. То же и пѣніе, хотя бы и „Святый Боже“,—но вѣдь дирижировали-то фуражкой, да и свя-

щенникъ-то не участвовалъ въ похоронномъ шествіи... Изъ всего этого-де явствовало, что показанія должны быть измѣнены такъ: 1) товарищи, записавшіеся, какъ участники, но не бывшіе на похоронахъ, должны взять свои заявленія обратно, откровенно сознавшись, что, приписывая себѣ то, чего они не дѣлали, они дѣйствовали въ силу товарищескаго чувства солидарности (это, дескать, даже понравится военному министру), 2) отъ гвоздя обвиненія—несенія вѣнковъ—всѣ должны отказаться и 3) относительно пѣнія надо варьировать показанія: одни должны заявить, что пѣли другіе—нѣтъ. Въ остальномъ слѣдуетъ оставить старыя показанія. Конечно, военный министръ знаетъ наши первоначальныя показанія, но это не бѣда. Во-первыхъ, всѣ скажутъ, что приписывали себѣ несеніе вѣнковъ изъ чувства товарищества, а во-вторыхъ, даже, если окажется, что мы лжемъ, отрицая теперь несеніе вѣнковъ, то это тоже въ нашу пользу: открытое признаніе нарушенія „повелѣнія“ равносильно дерзкому вызову, упорству, непреклонной оппозиціонности, отрицаніе же—признакъ извѣстнаго раскаянія и пр. Совокупность всего этого,—по словамъ З., инспирированнымъ Пашутинымъ,—произведетъ на Ванновскаго пріятное впечатлѣніе (и не только на него, но и на министра внутреннихъ дѣлъ), онъ увидитъ, что наше упорство сломлено, что мы сами ужасаемся при созерцаніи совершеннаго нами, и въ награду за все это насъ (за исключеніемъ К—аго, дирижировавшаго хоромъ, что было установлено всѣми полицейскими властями) ждетъ самое большое гауптвахта и само собой полное забвеніе, настолько полное, что „Викторъ Васильевичъ“ даетъ слово, что это не отразится на нашей военно-врачебной карьерѣ.

Таковы были эти новыя обстоятельства. Необходимо коснуться той почвы, на которую сѣятель З., по довѣрію отъ „Виктора Васильевича“, сыпалъ новыя сѣмена. Я дѣлаю это sine ira et studio, не считая лишь себя въ правѣ исказить истину.

Прежде всего большинство „шелгуновцевъ“ (дѣйствительныхъ и фиктивныхъ) успѣло сильно изнервничаться отъ ожиданія страшнаго. Надо сказать, что по циркулировавшимъ слухамъ слова „въ солдаты безъ производства, по высочайшему повеленію“ всего чаще опредѣляли готовящуюся намъ участь; слухи эти подтверждались родителями нѣкоторыхъ товарищей, довольно видными чиновниками, терпшимися или въ сферахъ“ или въ ихъ переднихъ; не слѣдуетъ забывать и того, что вѣдь у насъ была военная дисциплина. Среди „шелгуновцевъ“ было не мало людей весьма бѣдныхъ, для которыхъ изгнаніе изъ академіи, хотя бы и временное, было равносильно постановкѣ креста надъ всей будущностью, ибо вторично поступить не удалось бы (напримѣръ, не дали бы стипендіи). Нѣкоторые имѣли здѣсь-же, въ Петербургѣ, родителей, которые терзали своихъ дѣтей мольбами, сценами, попреками, иногда угрозами, руганью... Другіе были женаты, имѣли дѣтей—новыя сцены, новые ужасы. Были и такія, міросозерцаніе которыхъ было въ достаточной мѣрѣ неустановившимся,

расплывчатымъ, для которыхъ исторія шелгуновской демонстраціи была не болѣе, какъ обычная студенческая бравада...

Но возвращаюсь къ сходкѣ. З. окончилъ свою рѣчь, и началась настоящая вакханалія преній. Раздавались возмущенные голоса, крики, крѣпкія слова, сопровождавшіяся энергичной жестикуляціей. Говорили всѣ сразу, яростно спорили, разбившись на кружки и группы... Я не буду воспроизводить всего этого—вѣдь всякому, пережившему студенческіе годы, знакомы эти картины. Послѣ долгой анархіи нѣкоторый порядокъ былъ, наконецъ, возстановленъ самъ собой, пренія пріобрѣли болѣе правильный характеръ, и вскорѣ довольно ясно намѣтились два теченія, почти равныя количественно: согласныхъ съ измѣненіемъ показаній и несогласныхъ, рѣзко квалифицировавшихъ эту политику словами „подлость", „предательство"... Нѣкоторые изъ сторонниковъ З. принимали слово „подлость", смягчали его до степени „компромисса" и оперировали дальше такъ:

— Если мы собираемся, товарищи, въ дальнѣйшей жизни служить обществу, мы должны окончить курсъ, иначе мы будемъ трутнями, иначе мы останемся неоплатными должниками народа. Мы должны остаться въ академіи не во имя нашихъ личныхъ выгодъ, а въ интересахъ общества, въ интересахъ народа, у котораго мы сидимъ на шеѣ. Слѣдовательно, мы должны пойти на этотъ компромиссъ..

Долгъ безпристрастія заставляетъ меня отмѣтить то, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, говоря такъ, были вполнѣ искренни. Но, конечно, эта зыбкая почва давала возможность становиться на нее и тѣмъ, кто за благородствомъ разсужденій о народѣ скрывалъ свои мелконькія, личныя соображеньица и расчетцы.

Совсѣмъ не такъ, конечно, аргументировали противники компромисса, среди которыхъ было, кстати сказать, не мало студентовъ, вѣнковъ не несшихъ. Они говорили, что, выходя на улицу, неся вѣнки съ свободолюбивыми лозунгами, они имѣли въ виду прямо, отрыто и рѣзко заявить реакціи свой протестъ...

— Мы не прятались,—говорили они,—мы шли открыто. Мы демонстрировали предъ всѣми то, что мы не признаемъ надъ собой насилія, что насъ немало. Затѣмъ, дѣйствуя внѣ подполья, мы считаемъ нужнымъ открыто-же, за собственной подписью, не боясь послѣдствій, заявить, что мы дѣлали. Съ этой стороны можно было привѣтствовать и присоединеніе къ намъ товарищей, не участвовавшихъ... Такое поведеніе послѣ демонстраціи было какъ-бы продолженіемъ демонстраціи. Немудрено, что это не нравится господину военному министру и вашему „Виктору Васильевичу"... Вы говорите—обращались они далѣе къ противникамъ—о служеніи народу. Все это хорошо, но надо еще доказать, что, какъ вы называете, „компромиссъ", а по нашему—предательство интересовъ того-же народа, оправдывается тѣми клизмами, которыя вы, коллеги, благополучно пройдя курсъ академіи, будете ставить въ громадномъ, подавляюще громадномъ большинствѣ

случаевъ, не народу, а всякаго рода его врагамъ—богачамъ, чиновникамъ, дворянству...

Сходка эта долго тянулась, по временамъ то принимая болѣе мирный характеръ, то начиная бушевать. Ни къ какому опредѣленному выводу мы не пришли, почему и было рѣшено собраться снова на другой день.

VII.

Нечего и говорить о томъ, конечно, что этотъ промежутокъ времени, до слѣдующей сходки, мы провели крайне напряженно. Всѣ были возбуждены до послѣдней степени, и въ отдѣльныхъ болѣе тѣсныхъ компаніяхъ шли горячія пренія по поводу новыхъ обстоятельствъ. Конечно, З. и его сторонники использовали свободное время для самой энергичной агитаціи въ пользу политики измѣненія показаній. Они ходили ко всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ имъ студентамъ-оппозиціонерамъ и всячески, играя иногда на слабыхъ стрункахъ, старались сломить ихъ упорство. И надо отдать имъ справедливость, они достигли значительныхъ результатовъ... Но объ этомъ ниже. А пока я не надолго остановлюсь на описаніи того, какъ велась эта агитація, такъ какъ пріемы ея довольно характерны и въ нихъ отражается эпоха.

Однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ противниковъ новаго курса былъ студентъ С., который на сходкѣ вплотную сцѣпился съ цѣлой группой сторонниковъ измѣненія показаній. Онъ, возражая имъ, прямо и безъ околичностей разобравъ политику Пашутина, окрестилъ ее словомъ „провокація“, и такъ твердо укрѣпился на этой позиціи, такъ аргументировалъ въ защиту своего мнѣнія, рѣзко ставя точки надъ „i“, что нѣкоторые изъ колеблющихся, не знавшихъ, къ какому берегу слѣдуетъ пристать, прислушивавшихся къ этому горячему диспуту, начали склоняться въ сторону его доводовъ; поэтому, я думаю, „умѣренные“ сочли необходимымъ употребить всѣ усилія для обращенія С. на путь истины.

С. былъ дома, утѣшая свою старушку-мать и доказывая ей невозможность для него измѣнить первоначальныя показанія. Раздался звонокъ. С. былъ очень удивленъ, увидя передъ собою студента К., котораго онъ едва зналъ.

— Простите, коллега,—началъ К.,—я не помѣшалъ?

— Нѣтъ, пожалуйста,—сказалъ С.

— Я пришелъ поговорить съ вами—заявилъ К.. когда они вошли въ комнату и усѣлись—по поводу сегодняшнихъ новостей и нашихъ разногласій... Вы позволите?...

— Пожалуйста... Только если вы пришли переубѣждать меня, то это по меньшей мѣрѣ безполезно...

— Да, я именно пришелъ съ тѣмъ, чтобы постараться переубѣдить васъ... Коллега, я старше васъ,—К. былъ выпускнымъ студентомъ—я больше и участвовалъ и видалъ студенческихъ волненій, и это даетъ мнѣ надежду представить вамъ тѣ доводы, ко-

торые, разъ вы ихъ признаете, а не признать ихъ нельзя, не могутъ не повліять на васъ...

— Коллега, нельзя ли безъ этихъ патетическихъ введеній — нетерпѣливо перебилъ его С.—переходите прямо къ дѣлу...

— Хорошо,—нѣсколько растерянно отвѣтилъ К.—я перейду... Я слушалъ, коллега, какъ вы сегодня спорили и я, повѣрьте мнѣ, глубоко понимаю вашу широко-революціонную точку зрѣнія. Да, скажу больше, я заслушался васъ, и мнѣ стало обидно и больно, что такая сила, какъ вы, обрекаетъ себя на гибель... Послушайте, коллега, я много, я долго думалъ по этому поводу, очень много... И я вамъ скажу, коллега, что вы поступаете *нечестно*...—отчетливо съ удареніемъ произнесъ К. послѣднее слово.

— Коллега!..—вскипѣлъ С.

— Да, нечестно, — повторилъ К. — Не знаю, поймете-ли вы мою мысль... То, что вы отстаиваете, вся ваша аргументація, все это безусловно честно. Да, безусловно. И, если бы мы обсуждали весь этотъ вопросъ, такъ сказать, академически, то двухъ мнѣній не можетъ и не должно быть: вы правы, я это признаю. Но бѣда въ томъ, коллега, что, видя, что большинство товарищей окончательно рѣшило пойти на измѣненіе первоначальныхъ показаній, вы настаиваете на своемъ и заявляете, что не измѣните вашихъ показаній. Вы высказываете твердое рѣшеніе поступить такъ, независимо отъ того, какъ поступитъ большинство. Оно же измѣнитъ свои показанія—все говоритъ за это... Посмотрите, коллега, какая реакція произошла среди нашей публики, какъ овладѣлъ ею шкурный инстинктъ, вѣдь это ужасно... Такимъ образомъ, дѣло обстоитъ такъ. Всѣ поступятъ нечестно, вы же и не многіе ваши единомышленники поступите честно, т. е. абсолютно честно, а слѣдовательно, по отношенію къ товарищамъ, поступающимъ нечестно, вы поступите не по-товарищески, т. е. нечестно...

— Ха ха-ха! — искренно расхохотался С. — да, вы, коллега, превеселый малый...

— Что тутъ смѣшного?...—обидѣлся К.

— Да, ничего... Ха ха!... Мнѣ просто весело... Окончимъ, кстати, этотъ разговоръ... Онъ, право же, безполезенъ. Очевидно, что вы поступите, хотя нечестно, но честно, а я хотя честно, но нечестно... Я думаю, коллега, дальше идти некуда.

К. окончательно обидѣлся и направился къ выходу въ переднюю.

— Коллега,—стоя уже у открытой на лѣстницу двери, сказалъ онъ—я прошу васъ, подумайте о моихъ словахъ... Имѣйте въ виду и слѣдующее обстоятельство. Пусть мы не измѣнимъ нашихъ показаній, мы всѣ будемъ уволены изъ академіи Не самообольщеніе, нѣтъ, говоритъ во мнѣ, но это фактъ, что мы представляемъ собою лучшую часть нашего студенчества, и, если мы уйдемъ изъ академіи, въ ней останется одна шантрапа, идейное ничтожество...

— Ахъ, коллега,—съ комическимъ ужасомъ перебилъ его С.— это ужасно! Нѣтъ, нѣтъ, вы и ваши товарищи непремѣнно должны остаться въ академіи...

— Вы, вы — выходя на лѣстницу вскипѣлъ К. — вы просто... вы... Донъ-Кихотъ Ламанчскій!...

— До свиданія... Санчо-Панчо! — задорно крикнулъ С., захлопывая за нимъ дверь.

Въ такомъ духѣ шла агитація умѣренныхъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ я упомянулъ выше, далеко не безрезультатная. И уже къ началу послѣдней рѣшительной сходки распредѣленіе голосовъ было совершенно ясно: большинство, подавляющее большинство было на сторонѣ тактики измѣненія показаній. Надо, кстати, отмѣтить и то, какъ это раздѣленіе вліяло на психику сторонниковъ этихъ двухъ, діаметрально-противуположныхъ тактикъ, что видно было еще до начала сходки. Непреклонные, несмотря на свою малочисленность чувствовали себя превосходно: они были въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, держались вмѣстѣ, смѣялись, шутили, описывали другъ другу въ юмористическихъ чертахъ попытки „умѣренныхъ“ ихъ „разагитировать“, острили по поводу ждущихъ ихъ ранъ и скорпіоновъ, демонстративно не обращали никакого вниманія на своихъ противниковъ... А среди большинства тѣхъ царили уныніе и подавленность, угрызенія совѣсти авансомъ, какая-то внутренняя расшатанность и, нѣкоторое, мелкаго калибра раздраженіе по адресу непреклонныхъ, наличность которыхъ, въ силу обратнаго смысла поговорки: „на міру и смерть красна“, нарушала ихъ нравственный комфортъ...

VIII.

Началась сходка. Руководители умѣренныхъ рѣшили употребить послѣднія усилія, чтобы сломить упорство оппозиціи, желая добиться своего не мытьемъ, такъ катаньемъ. Для этого снова былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о подчиненіи меньшинства большинству.

Вотъ какъ это произошло.

— Товарищи, — сразу же по открытіи сходки началъ одинъ изъ умѣренныхъ—сегодня, сейчасъ намъ предстоитъ рѣшить окончательно вопросъ относительно нашей тактики, такъ какъ вчера мы никакого опредѣленнаго постановленія не приняли. Въ виду важнаго значенія нашего сегодняшняго рѣшенія, я напоминаю о томъ, что на самой первой сходкѣ, когда мы принимали наши первоначальныя показанія, было рѣшено, что меньшинство подчиняется большинству. Само собой, что постановленіе остается и въ данномъ случаѣ въ силѣ, я только напоминаю о немъ во избѣжаніе недоразумѣній, а теперь я перехожу къ самому существу вопроса...

Его перебилъ кто-то изъ непреклонныхъ, внеся практическое предложеніе, сводившееся къ тому, что постановленіе о подчиненіи меньшинства не носитъ перманентнаго характера, что оно имѣло силу только при принятіи первоначальнаго рѣшенія; мы не представляемъ, дескать, собой какой-нибудь организаціи съ

регламентированнымъ modus'омъ, рѣшеніе наше о подчиненіи было принято не на всю жизнь, а лишь ad hoc. Теперь обстоятельства рѣзко измѣнились; намѣтившійся расколъ привелъ насъ вплотную къ вопросу объ основныхъ убѣжденіяхъ, а при этомъ условіи нельзя оперировать за счетъ механическаго давленія большинства на меньшинство, которое считаетъ измѣненіе показаній для себя, по крайней мѣрѣ, актомъ измѣны своимъ убѣжденіямъ...

Произошла рѣшительная схватка, полная страсти, взаимныхъ крылатыхъ словъ... Спорящіе разгорячились, и „не парламентскія" выраженія сыпались какъ изъ рога изобилія. Я не буду долго останавливаться на этомъ. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что меньшинство подчиняется большинству, но за меньшинствомъ остается свобода дѣйствій, т. е. въ сущности ничего не было рѣшено, такъ какъ непреклонные категорически заявили, что не намѣрены мѣнять въ угоду большинству ни своихъ показаній, ни своихъ убѣжденій...

Дѣло въ сущности было рѣшено, но сходка еще долго тянулась, еще долго велись ненужныя, безрезультатныя пренія. Между прочимъ здѣсь выяснилось впервые одно обстоятельство. Кто-то изъ умѣренныхъ, отстаивая свою политику, привелъ, какъ доводъ, такой фактъ. Онъ сообщилъ, что при дачѣ первоначальныхъ показаній нѣкоторые изъ товарищей, правда, очень немногіе, подъ покровомъ конфиденціальной обстановки бесѣды съ Пашутинымъ съ глазу на глазъ давали не тѣ показанія, какія были установлены на сходкѣ, въ значительной мѣрѣ смягчая степень своего участія въ демонстраціи. Правда-ли это или нѣтъ—осталось невыясненнымъ; по крайней мѣрѣ, сообщившій объ этомъ на категорически поставленный ему вопросъ, кто были эти товарищи, сколько ихъ было, отъ отвѣта уклонился, сославшись, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, на данное имъ „честное слово", сказавъ только, что ихъ было очень немного [1]). Но это произвело свое деморализующее впечатлѣніе; у всѣхъ невольно зародился вопросъ „кто сіи"; въ атмосферѣ нависло что-то противное, что формулировалось подлыми, какъ звукъ пощечины, словами: слабые духомъ увидѣли въ этомъ фактѣ,—которому они психологически были рады,— что-то ободряющее ихъ, что-то такое, послѣ чего то, что они готовились сдѣлать, казалось имъ уже блѣднѣе...

Но всему бываетъ конецъ.

— Вношу практическое продолженіе—сказалъ одинъ изъ непреклонныхъ—предлагаю, господа, покончить это безплодное словоизверженіе... Переубѣдить насъ вамъ не удастся, и я думаю, что вы довольно поговорили въ интересахъ самогипноза, въ интересахъ того, чтобы „сами себѣ и другъ друга" успокоить по

---

[1]) Это обстоятельство такъ и осталось невыясненнымъ: наступившія послѣ этой сходки событія отодвинули его куда-то далеко, было не до него, а вскорѣ публика разъѣхалась на вакаціи.

поводу высокой честности того шага, который вы уже заранѣе рѣшили предпринять. А потому въ интересахъ только статистики—другого значенія это не имѣетъ—предлагаю приступить къ голосованію...

Послѣ небольшихъ преній предложеніе это было принято. Голосованіе производилось переходомъ на двѣ стороны: на одну—сторонники измѣненія, на другую—непреклонные. У меня осталась въ памяти картина такого рельефнаго раздѣленія. Было что-то глубоко удручающее въ ней... На одной сторонѣ масса (я не помню точно числа), а на другой—маленькая кучка непреклонныхъ, всего въ одиннадцать человѣкъ. Хмуро глядѣли первые, избѣгая встрѣчаться взглядомъ со своими противниками, насмѣшливо смотрѣвшими на нихъ. Въ этомъ раздѣленіи было много тяжелаго; тактика измѣненія показаній, какъ мы видимъ, восторжествовавшая, раздѣлила не только товарищей, но нерѣдко и близкихъ друзей... И это раздѣленіе было роковымъ для многихъ, такъ какъ оно опредѣлило собою для нихъ два разныхъ пути въ жизни...

Въ тотъ же вечеръ собирались снова уже въ послѣдній разъ всѣ „шелгуновцы". Снова дано было знать Пашутину, и такъ же мягко позвякивая шпорами, въ мундирѣ гвардейскаго образца, съ орденомъ Владиміра на шеѣ, при шпагѣ, снова появился онъ передъ нами, такой же безстрастный, съ выраженіемъ оффиціальности на своемъ неподвижномъ, точно маской закрытомъ лицѣ. Опять онъ вошелъ въ средину круга, образованнаго „шелгуновцами" и такъ же сухо-вѣжливо поклонившись, сказалъ нѣсколько словъ своимъ беззвучнымъ голосомъ. Сущность его словъ сводилась къ тому, что до его свѣдѣнія, молъ, дошло, что многіе, въ интересахъ товарищеской солидарности, наговорили на себя немало лишняго, что нѣкоторые даже во имя того же невѣрно понимаемаго чувства товарищества приписали себѣ участіе въ „противуправительственномъ актѣ", чего на самомъ дѣлѣ не было. Онъ отдавалъ справедливость хорошимъ побужденіямъ, но ставилъ выше всего откровенность и *истину*, и предлагалъ намъ сдѣлать ему сейчасъ чистосердечныя показанія. Въ полной увѣренности, что мы не обманемъ его ожиданій, онъ, мягко позвякивая шпорами, благополучно прослѣдовалъ въ свой кабинетъ.

И одинъ за другимъ потянулись туда „шелгуновцы". Тяжело было глядѣть на выходившихъ изъ кабинета „отрекшихся": они имѣли жалкій и растерянный видъ и спѣшили скорѣе пройти мимо сумрачно стоявшихъ товарищей, ждущихъ очереди. Они отрекались и убѣгали скорѣе прочь отъ этого мѣста, гдѣ они совершили актъ самооплеванія.

Наединѣ, съ глазу на глазъ, Пашутинъ въ свою очередь старался сломить упорство „непреклонныхъ", хотя не обнаруживалъ особой энергіи, предлагая лишь „подумать". Но ничего изъ этого дѣла не вышло, и всѣ одиннадцать человѣкъ подтвердили свои старыя показанія.

И дальнѣйшія событія пошли на этотъ разъ удивительно быстро. Черезъ день уже было извѣстно, что „непреклонныхъ" ждетъ увольненіе изъ академіи, а „отрекшихся" гауптвахта. И дѣйствительно, еще черезъ день или два мы получили официальныя повѣстки съ предложеніемъ явиться въ правленіе академіи, гдѣ намъ были объявлены приговоры. Два человѣка К—ій и С—въ [1]) были исключены безъ права поступленія обратно. Остальные девять [2]) были уволены съ правомъ обратнаго поступленія на тѣ же курсы, но не раньше 1-го сентября 1891 года. Надо отмѣтить, что это право оказалось довольно проблематичнымъ, и нѣкоторымъ пришлось испытать очень много мытарствъ, прежде чѣмъ они были осенью приняты обратно. Что же касается „отрекшихся", то они были наказаны гауптвахтой на разные сроки, отъ трехъ дней до недѣли, въ зависимости, очевидно, отъ варіантовъ ихъ вторыхъ показаній.

Наступили вакаціи, и студенческая жизнь замерла. Петербургская молодежь поразъѣхалась по всей Россіи, и тамъ разсказывали объ этой демонстраціи, вызывая завистливое удивленіе и восхищеніе провинціаловъ.

Е. В. Гешинъ.

---

[1]) С—въ былъ старый студентъ, кандидатъ естественныхъ наукъ. Въ виду того, что онъ и раньше участвовалъ въ волненіяхъ, съ нимъ и было поступлено такъ строго.

[2]) Вотъ удержавшіяся у меня въ памяти фамиліи изъ нѣкоторыхъ этихъ девяти: Н. А. Ор—въ, Н. Н. С—въ, Г. А. С—нъ, В. В. Т—въ, покойный К. А. Анчуковъ и Б—ій.

Московская жизнь весной 1848 года [1]).

(Письма московскаго оберъ-полицеймейстера Лужина начальнику III отдѣленія графу А. Ф. Орлову).

1.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Федоровичъ.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства согласно приказанію вашему, полученному мною 30 числа сего марта, что въ общей массѣ народонаселенія въ столицѣ, извѣщеніе о безпримѣрныхъ въ исторіи и губительныхъ событій въ западной Европѣ, породило явное негодованіе на виновникахъ ихъ и благодарное сознаніе своего благосостоянія; распространеніе же началъ *тѣхъ*, по настоящее время ни въ чемъ не обнаружилось и, принимая въ соображеніе священную во всѣхъ у насъ сословіяхъ преданность къ престолу, нашу религію и бытъ,—едва ли они найдутъ мѣсто въ сердцѣ русскаго.

Упомянутыя событія неизбѣжно породили здѣсь различные толки, мнѣнія и предположенія, но всѣ онѣ будутъ безъ всякаго направленія и цѣли, заключаются только въ однихъ толкованіяхъ, или причинъ событій на западѣ, или большею частію въ различныхъ разсказахъ собственно происшествій.

Это опредѣлительно можно сказать вообще о всѣхъ классахъ здѣшняго дворянства и нѣкоторой части купечества; что же касается остальной его части и до народа, то оно не принимаетъ никакого участія въ этомъ или перетолковываетъ только о происшествіяхъ, безъ всякаго относительнаго приложенія и безсознательно предвѣщаетъ войну.

Нельзя однакожъ не предполагать, чтобы мнѣнія, бывшія причиною настоящихъ событій въ Европѣ, не достигали сюда или не были завезены и привиты въ нѣкоторыхъ лицахъ, но для открытія ихъ, въ настоящее время, предстоитъ чрезвычайное затрудненіе, потому что эти лица, видя обезпеченное благосостояніе и довольствіе, во всей массѣ народонаселенія и полную невозможность встрѣтить сочувствіе и опору въ ней и, догадываясь о неусыпной бдительности въ правительственныхъ лицахъ,—таятъ свой образъ мыслей.

Предположеніе о существованіи тѣхъ мнѣній въ нѣкоторыхъ, имѣетъ еще основаніемъ и то, что въ числѣ жителей Москвы находится довольно значительное количество польскихъ уроженцевъ и иностранцевъ. Эти со-

---

[1]) Эти свѣдѣнія могутъ служить типичнымъ образцомъ донесеній по начальству о томъ, что все обстоитъ благополучно. Любопытенъ конецъ второго письма объ отношеніи московской администраціи къ холерѣ въ то время.

ображенія поставили въ необходимость усилить секретныя наблюденія обратить самое глубокое вниманіе на народное здравіе, обиліе продовольствія, цѣны на жизненные припасы, на положеніе рабочихъ на фабрикахъ и на общее благосостояніе всѣхъ жителей столицы; самыя же секретныя наблюденія дѣлаются повсемѣстно въ Москвѣ и особенно въ сборныхъ мѣстахъ различныхъ сословій въ клубахъ, въ трактирныхъ заведеніяхъ, на фабрикахъ и въ питейныхъ домахъ и по настоящее время кромѣ ничтожныхъ частныхъ случаевъ проявленія неблаговидныхъ мнѣній, которые не могутъ быть представительными и имѣть какія либо послѣдствія, ничего не обнаружено.

Вообще положеніе Москвы, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ мудрымъ цѣлямъ правительства и желаніямъ Государя Императора, непоколебимость религіозныхъ и патріотическихъ началъ, усердныя единодушныя и неогласныя дѣйствія здѣшняго начальства. Могутъ быть ручательствомъ за неизмѣняемое ея спокойствіе.

Своевременно я буду имѣть честь доводить до свѣдѣнія вашего сіятельства о тѣхъ мѣрахъ, которыя будутъ приняты мною и о слухахъ и толкахъ московскихъ, если они будутъ заключать въ себѣ какую-либо важность.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга.

Иванъ Лужинъ.

31-го марта 1848 г.

2.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Федоровичъ.

Въ дополненіе къ письму моему, я считаю долгомъ имѣть честь довести до свѣдѣнія вашего сіятельства о принятыхъ мною въ настоящее время мѣрахъ, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и объ оказывающемся по наблюденію въ столицѣ.

По случаю приближенія праздника Пасхи, передъ которымъ бываютъ обыкновенно главные расчеты между хозяевами фабричныхъ заведеній съ рабочими. Мною предписано было секретно г.г. полицеймейстерамъ обращать особенное вниманіе на жалобы, могущія послѣдовать со стороны рабочихъ въ неправильномъ расчетѣ, или на притѣсненія хозяевъ, какъ напримѣръ: выдача вмѣсто денегъ товаромъ, расплата потертою монетой, обрезными червонцами и тому подобное; а о точномъ усердномъ и неогласномъ исполненіи этого, мною лично внушено частнымъ образомъ приставамъ. Мѣры эти оказали желаемый успѣхъ, такъ что въ теченіе Страстной недѣли десяти жалобъ не поступило, народъ спокойно разошелся по деревнямъ и фабрики въ настоящее время совершенно пусты. По возвращеніи же фабричныхъ, мною приказано хозяевамъ заведеній учредить строгій полицейскій надзоръ за фабричными, равно и за могущими быть посѣтителями.

Для прекращенія въ простомъ народѣ различныхъ расказовъ, толковъ и вообще для предупрежденія излишняго сообщенія мною предложено вызванному ко мнѣ лично главноуправляющему откупомъ, сдѣлать неогласное собственно отъ своего лица распоряженіе о вмѣненіи въ не-

премѣнную обязанность цѣловальникамъ, просить оставлять питейные дома, всѣхъ тѣхъ, которые исполнивъ цѣль прихода станутъ засиживаться и предаваться разнымъ толкамъ и разсказамъ.

Зная по опыту, что въ числѣ жителей столицы есть такъ называемые въ просторѣчіи, бездомовные, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ и имѣютъ свою собственность, которые для пріобретенія себѣ содержанія и удобства въ жизни готовы употребить всякіе къ тому укоризненные и безнравственные способы и дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда воспользоватся происшествіями всякаго рода и даже быть виновниками ихъ. Я предписалъ секретно полицеймейстерамъ, вмѣнить въ обязанность частнымъ приставамъ немедленно привести въ отчетливую извѣстность всѣхъ подобнаго рода людей и составить о нихъ, безъ различія сословій и націй, подробные алфавитные списки и таковые представить ко мнѣ, оставивъ у себя надлежащія копіи въ настоящее же время имѣть за ихъ образомъ мыслей, намѣреній и дѣйствій строгій секретный надзоръ, такъ что еслибъ и представился когда-либо поводъ къ дѣйствіямъ болѣе обнаруженнымъ съ ихъ стороны, то полиція будетъ въ полной возможности заблаговременно принять возможныя мѣры. О перемѣнѣ же ими мѣста жительства приказано немедленно извѣщать.

По неослабному секретному наблюденію за мнѣніями образомъ мыслей и дѣйствій во всѣхъ сословіяхъ, до настоящаго времени кромѣ самаго утѣшительнаго ничего не обнаружено. Въ средѣ же иностранцевъ ясно замѣтна общая и искренняя привязательность къ попеченію и заботливости Государя Императора, объ охраненіи и обезпеченіи общаго всѣхъ семействахъ и обществахъ ихъ была высказываема мысль, что только въ Россіи можно быть счастливу и покойну.

При сборѣ и отправленіи безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ на сборные пункты, замѣтно было въ нихъ нежеланіе разставаться съ тѣмъ образомъ жизни, который они вели во время отпуска, но безъ гласнаго ропота.

Считаю необходимымъ при этомъ присовокупить, что 27 минувшаго марта появилась въ простомъ классѣ народа и въ частяхъ города особенно населенныхъ въ легкой степени холера, дѣйствіи которой, безъ замѣтнаго усиленія продолжаются и до настоящаго времени заболѣвшихъ было не болѣе 20, изъ коихъ умерло 3; во 2 учебномъ Карабинерномъ полку, гдѣ болѣзнь оказалась въ первыхъ числахъ апрѣля съ 13 числа по настоящее время изъ числа заболѣвшихъ умерло 7 человѣкъ. Свѣдѣнія о заболѣвающихъ доставляются безъ наименованія болѣзни весьма секретно и жителямъ столицы даже неизвѣстно ея присутствіе; заболѣвающихъ же, но только тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ, отправляютъ въ больницы, гдѣ главнымъ врачемъ приказано отъ его сіятельства, принимать ихъ безъ малѣйшаго замедленія, о дѣйствіяхъ этой эпидеміи я буду имѣть честь сообщить вашему сіятельству ежедневно.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Лужинъ.

Москва. 17-го апрѣля 1848 года.

Катехизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола.

(Изъ исторіи агитаціонной литературы декабристовъ).

Въ настоящей работѣ подвергнутъ обслѣдованію спеціальный вопросъ, до сихъ поръ не затронутый изслѣдователями, — о „литературѣ“ декабристовъ, въ частности объ одномъ произведеніи, вышедшемъ изъ-подъ пера С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина. Теперь эти „агитаціонныя“ произведенія никого не могутъ ни волновать, ни возбуждать и представляютъ лишь интересъ историческій, какъ свидѣтельство объ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ людей двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Они подлежатъ изученію изслѣдователей, задача которыхъ выяснить происхожденіе ихъ идей и формы, ихъ отношенія къ западнымъ образцамъ, ихъ значеніе и судьбу въ событіяхъ 1825 года. Для своей статьи авторъ пользовался матеріалами, преимущественно рукописными, изъ многочисленныхъ архивовъ и собраній частныхъ лицъ. Полагая, что спеціалисты, занимающіеся по рукописямъ, разберутся въ томъ, какіе именно источники легли въ основаніе того или иного утвержденія, авторъ не дѣлаетъ ссылокъ и указаній на отдѣльныя дѣла и на ихъ мѣстонахожденіе.

I.

Для всякаго тайнаго политическаго общества насущнымъ является вопросъ о созданіи агитаціонной литературы, другими словами о составленіи и распространеніи произведеній, въ которыхъ въ формѣ, принаровленной для пониманія лицъ разныхъ общественныхъ положеній, излагаются цѣли и принципы общества или содержится призывъ къ достиженію цѣлей. Задавались вопросами объ агитаціонной литературѣ и декабристы; вѣрнѣе, пытались поставить эти вопросы. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ этой сторонѣ ихъ дѣятельности крайне скудны, а самыя агитаціонныя произведенія въ большинствѣ случаевъ не дошли до насъ. Впрочемъ, и было то ихъ крайне мало, конечно, потому, что декабристы не совсѣмъ ясно представляли себѣ участіе массы (войска или народа) въ переворотѣ. Имъ казалось, что въ необходимый моментъ они получатъ содѣйствіе войскъ и

солдаты примкнутъ къ возстанію или по слѣпому повиновенію офицерамъ или изъ преданности и любви къ лучшимъ изъ своихъ начальниковъ или же въ силу естественнаго недовольства своимъ солдатскимъ бытомъ. Въ этихъ мотивахъ надежды на войска можно замѣтить хоть какія-нибудь реальныя основанія, но многіе изъ декабристовъ для своей вѣры въ содѣйствіе войска не нуждались и въ этихъ основаніяхъ; они—плоть отъ плоти раціонализма XVIII вѣка—думали, что придетъ ожидаемый моментъ, солдатамъ будутъ возвѣщены принципы естественнаго права, открыты политическія задачи переворота, которыя именно въ силу своей „естественности" не могутъ быть непонятны для нихъ, и содѣйствіе ихъ обезпечено. „Во имя чего звать къ возстанію?—говоритъ Каховскій.—Во имя свободы; вѣдь чувство свободы прирождено человѣку. За свободу — вотъ лозунгъ, который съ восторгомъ подхватятъ всѣ .. Мы знали бы замѣнить конституцію закономъ и именно словомъ, потрясающимъ сердца всѣхъ сословій въ народѣ: свобода!" И только въ дѣятельности В. Ѳ. Раевскаго въ Кишиневѣ въ 1820 — 1821 гг. и въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ въ 1825 году вопросъ о приготовленіи солдатъ былъ поставленъ на практическую почву. Если выражаться современными терминами, Раевскій рѣшалъ его въ сторону длительной пропаганды, а славяне—скорѣе въ сторону недолговѣчной агитаціи.

Въ концѣ 1823 года происходили организаціонныя собранія по возобновленію дѣйствій Тайнаго Общества на сѣверѣ. Первое собраніе было на квартирѣ Ив. Ив. Пущина, второе у Митькова. Заговорили о „занятіяхъ" членовъ и, если судить по впечатлѣнію отъ показаній на слѣдствіи, главнѣйшей задачей поставили „распространеніе мыслей о лучшемъ порядкѣ вещей" или созданіе агитаціонной литературы. Князь Оболенскій вызвался написать объ „Обязанностяхъ гражданина", Рылѣевъ сказалъ, что напишетъ катехизисъ вольнаго человѣка, и обратилъ вниманіе на стихотворенія и поддѣлки подъ народныя пѣсни, какъ на средство воздѣйствія на умы народа.

Князь Оболенскій, дѣйствительно, написалъ объ обязанностяхъ гражданина. Это сочиненіе нельзя причислить къ агитаціоннымъ; оно предназначалось для лицъ, сколько-нибудь образованныхъ, и было своеобразнымъ оселкомъ, на которомъ испытывалась пригодность этихъ лицъ для общества. Вотъ какъ характеризуетъ свою работу самъ Оболенскій: „Мое сочиненіе было весьма не пространно и заключало въ себѣ главныя отношенія человѣка къ семейству, отъ котораго онъ происходитъ, къ семейству, которое онъ самъ основываетъ, и, наконецъ, къ Отечеству, заключающему въ себѣ первыя два отношенія человѣка. Въ сихъ трехъ видахъ я разсматривалъ гражданина и опредѣлялъ обязанности ихъ. Мысль при сочиненіи

оемъ была единственно, дабы члены, имѣя экземпляръ онаго у себя, давали читать оное знакомымъ безъ всякихъ предосторожностей, но замѣчали вліяніе нравственное, какое оно могло произвесть на молодыхъ людей, не познавшихъ всѣхъ высокихъ обязанностей своихъ, и по вліянію сему судили о большей или меньшей готовности вступать въ общество. Впрочемъ, сіе сочиненіе могло быть свободно прочтено всѣми, не заключая въ себѣ ничего законопреступнаго". Сочиненіе Оболенскаго было прочитано на собраніи у Митькова. „Оно, какъ показывалъ Матвѣй Муравьевъ, не было одобрено, и онъ разорвалъ написанное тутъ же при насъ; онъ выставлялъ въ примѣръ римлянъ и его сочиненіе было болѣе похоже на школьную задачу". Самъ Оболенскій говорилъ на допросѣ, что его сочиненіе вскорѣ утерялось или истреблено было кѣмъ либо изъ членовъ при передачѣ для чтенія отъ одного къ другому.

Немногимъ больше знаемъ о намѣреніяхъ Рылѣева. На слѣдствіи первыя свѣдѣнія о нихъ далъ А. В. Поджіо. Въ письмѣ къ ген. Левашову отъ 12 марта 1826 года Поджіо въ дополненіе къ своимъ откровеннымъ показаніямъ далъ новыя и важныя объясненія. Между прочимъ, разсказывая подробно о своемъ пребываніи въ Петербургѣ въ 1823 году, Поджіо писалъ: „Передъ выѣздомъ моимъ мы съѣхались къ Митькову. Между прочимъ былъ здѣсь и Рылѣевъ; я въ немъ видѣлъ человѣка, исполненнаго рѣшимости. Здѣсь онъ говорилъ о намѣреніи его писать какой-то катехизисъ свободнаго человѣка, знаю, весьма преступный; и о мѣрахъ дѣйствовать на умъ народа, какъ-то: сочиненіемъ пѣсенъ, пародіями существующихъ иныхъ на подобіе „Боже, спаси Царя", Пушкинымъ пародированной, и пѣсни „Скучно мнѣ на чужой сторонѣ" [1]).

Рылѣевъ разъяснилъ утвержденіе Поджіо о катехизисѣ. „Я не обѣщалъ,—говоритъ онъ,—написать катехизисъ вольнаго человѣка, а однажды читая, кажется, у Митькова, начало подобнаго сочиненія Никиты Муравьева, я сказалъ: „напрасно вы не кончите, такими сочиненіями удобнѣе всего дѣйствовать на умы народа!" Но Муравьевъ отозвался недосугомъ и пред-

---

[1]) Цитируемъ по подлиннику (Г. А. I В. 402, л. 41 об.). Это письмо Поджіо напечатано г. Довнаръ-Запольскимъ въ книгѣ «Мемуары декабристовъ" (Кіевъ, 1906. стр. 203) съ большими и существенными искаженіями и какъ разъ въ цитируемомъ нами отрывкѣ. Послѣднія строки, напримѣръ, напечатаны такъ: „...пародіями существующихъ нынѣ, на подобіе „Боже спаси Царя" Пушкинымъ, пародировали и пѣснь „Скучно мнѣ на чужой сторонѣ". А при правильной передачѣ словъ Поджіо устанавливается такой важный фактъ, какъ авторство Пушкина. Любопытно, что, задавая на основаніи показанія Поджіо вопросъ привлеченнымъ къ дѣлу, Коммиссія его слова такъ и поняла, что Пушкинъ былъ на собраніи и на собраніи же пародировалъ „Боже, спаси Царя".

ложилъ начатое имъ кончить мнѣ. Я обѣщалъ, но также по разнымъ обстоятельствамъ исполнить того не успѣлъ, оно никогда не было кончено. Свидѣтельство Рылѣева можно считать правдивымъ потому, что всѣ спрошенные по сему поводу лица отозвались полнѣйшимъ незнаніемъ произведенія Рылѣева [1]).

О катехизисѣ, принадлежащемъ перу Никиты Муравьева, мы находимъ слѣдующія подробности въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи. На вопросъ комиссіи, Никита Муравьевъ 12 января 1826 года отвѣчалъ [2]): „Я начиналъ писать катехизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, который, къ счастью, мною никогда не былъ оконченъ; кромѣ Думы и двухъ или трехъ членовъ, никому не извѣстенъ и брошенъ по той причинѣ, что я занялся единственно окончаніемъ моего проекта конституціи. По этой причинѣ онъ и не былъ распущенъ. Сергѣю Муравьеву я, кажется, доставилъ его, но сомнѣваюсь, чтобы этотъ былъ тотъ же самый, если онъ доказываетъ, что существованіе царей противно Богу и естественному праву. Катехизисъ, писанный мною, имѣетъ только цѣль доказать необходимость ограниченія властей и пользу представительныхъ собраній. Онъ приводилъ въ доказательство вѣча существовавшія въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ при Великихъ князьяхъ россійскихъ и подъ ихъ предсѣдательствомъ“. Это показаніе комиссія нашла неяснымъ и, рѣшивъ предъявить Никитѣ Муравьеву документъ, найденный у С. Муравьева, 15 апрѣля 1826 года дала новый вопросный пунктъ Никитѣ Муравьеву по поводу предъявляемой рукописи, но по оплошности чиновниковъ документъ не былъ приложенъ, и Муравьевъ только на вторичный запросъ (на этотъ разъ съ дѣйствительнымъ предъявленіемъ „Разговоръ любопытнаго“) 24 апрѣля призналъ это произведеніе принадлежащимъ его перу. Вотъ этотъ:

Любопытный разговоръ.

Вопр. Что есть свобода?

Отв. Жизнь по волѣ.

Вопр. Откуда проистекаетъ свобода?

[1]) Изъ писемъ и показаній декабристовъ, подъ ред. А. К. Бороздина. Спб. 1906, стр. 175.

[2]) Вопросный пунктъ, отвѣтомъ на который является приводимое нами показаніе Никиты Муравьева, былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „какой это былъ катехизисъ? чему именно оный научалъ? былъ ли распущенъ? гдѣ и какъ? и дали ли вы экземпляръ онаго Сергѣю Муравьеву-Апостолу, между бумагами котораго найденъ катехизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, ложно и преступно доказывающій, что существованіе царей въ государствахъ противно Богу и естественному закону?“

Отв. Всякое благо отъ Бога. Создавъ человѣка по подобію своему и опредѣливъ добрымъ дѣлать вѣчныя награды, а злымъ—вѣчныя муки, Онъ даровалъ человѣку свободу! Иначе несправедливо было бы награждать за доброе, по принужденію сдѣланное, или наказывать за невольное зло.

Вопр. Все ли я свободенъ дѣлать?

Отв. Ты свободенъ дѣлать все то, что не вредно другому. Это твое право.

Вопр. А если кто будетъ притѣснять?

Отв. Это будетъ тебѣ насиліе, противу коего ты имѣешь право сопротивляться.

Вопр. Стало быть, всѣ люди должны быть свободными?

Отв. Безъ сомнѣнія.

Вопр. А всѣ ли люди свободны?

Отв. Нѣтъ. Малое число людей поработило большее.

Вопр. Почему же малое число поработило большее?

Отв. Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ.

Вопр. Надобно ли добывать свободу?

Отв. Надобно.

Вопр. Какимъ образомъ?

Отв. Надлежитъ утверждать постоянныя правила или законы, какъ бывало въ старину на Руси.

Вопр. Какъ же бывало въ старину?

Отв. Не было . . . . [1]).

Вопр. Что значитъ . . . .

Отв. . . . . или самовластный тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ Божескихъ и человѣческихъ, самъ отъ себя, т. е. безъ причины по прихоти своей властвуетъ.

Вопр. Кто же установили . . . .

---

[1]) Далѣе въ отвѣтъ на вопросъ, что такое самодержавный государь, Никита Муравьевъ предлагаетъ опредѣленіе самодержавнаго властителя, причемъ терминъ самодержавный онъ понимаетъ какъ самовластный. Къ самовластію же относятся и дальнѣйшія его разсужденія. Отмѣтимъ, что эта часть разговора цитировалась дословно неоднократно: укажемъ на изслѣдованіе В. И. Семевскаго („Былое" 1906, февр., стр. 113) и книгу проф. Довнаръ-Запольскаго «Идеалы декабристовъ» (М. 1907, стр. 303—305). Необходимо подчеркнуть, что Муравьевъ былъ убѣжденнымъ конституціоннымъ монархистомъ. И все же мы приводимъ въ неполномъ видѣ текстъ этого разговора во избѣжаніе цензурныхъ недоразумѣній. *Рсд.*

Отв. Никто. Отцы наши говорили: „поищемъ себѣ князя, который бы рядилъ по праву, а не самовластно, своевольству и прихотямъ". Но . . . . мало-по-малу всякимъ обманомъ присвоили себѣ власть безпредѣльную, подражая ханамъ татарамъ и султану турецкому.

Вопр. Не самъ ли Богъ учредилъ . . . . . .

Отв. Богъ въ области своей никогда не учреждалъ зла.

Вопр. Отчего же говорятъ: „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога"?

Отв. Злая власть не можетъ быть отъ Бога. „Всякое древо доброе добры плоды творитъ... всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огнь". Хищнымъ волкамъ въ одеждахъ овечьихъ, пророчествующимъ во имя Господне, мы напомнимъ слова Спасителя: „Николи же знахъ васъ: отыдите отъ меня дѣлающіе беззаконія".

Вопр. Есть ли . . . . въ другихъ земляхъ?

Отв. Нѣтъ. Вездѣ . . . . считаютъ безуміемъ, беззаконіемъ, вездѣ поставлены непремѣнныя правила или законъ.

Вопр. Но могутъ ли быть постоянные законы при . . . .

Отв. . . . . или самовластіе ихъ не терпитъ: для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны.

Вопр. Почему же самовластіе не терпитъ законовъ?

Отв. Потому, что . . . . . властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дѣла мало, оттого пословица: „близъ . . . близъ смерти".

Вопр. Какое было на Руси управленіе безъ . . . .

Отв. Всегда были народныя вѣчи.

Вопр. Что значитъ вѣчи?

Отв. Собраніе народа. Въ каждомъ городѣ, при звукѣ вѣчнаго колокола, собирался народъ или выборные, они совѣщали объ общихъ всѣмъ дѣлахъ; предлагали требованія, постановляли законы, назначали, сколько гдѣ брать ратниковъ, установляли сами съ общаго согласія налоги; передавали на судъ свой намѣстниковъ, когда сіи грабили или притѣсняли жителей. Таковыя вѣчи были въ Кіевѣ на Подолѣ, въ Новгородѣ, во Псковѣ, Владимірѣ, Суздалѣ и Москвѣ.

Вопр. Почему же сіи вѣчи прекратились и когда?

Отв. Причиною тому было нашествіе татаръ, выучившихъ нашихъ предковъ безусловно покровительствовать тиранной ихъ власти.

Вопр. Что было причиною побѣдъ и торжества татаръ?

Отв. Размноженіе князей дому Рюрикова, ихъ честолюбіе и распри, пагубныя для отечества.

Вопр. Почему же зло сіе не кончилось съ владычествомъ татаръ?

Отв. Преданія рабства и понятія восточныя послужили ихъ оружію и причинили еще болѣе зла Россіи. Народъ, сносившій терпѣливо иго Батыя, сносилъ такимъ же образомъ и власть князей, подражавшихъ во всемъ тиранамъ.

На томъ кончается „Любопытный разговоръ“.

Никита Муравьевъ объяснилъ своимъ слѣдователямъ, что отъ окончанія катехизиса или разговора его отвлекла работа надъ конституціоннымъ проектомъ. Но не оттого ли былъ прерванъ и брошенъ этотъ катехизисъ, что самъ авторъ увидалъ всю непригодность его для намѣченной цѣли—воздѣйствія на русскій народъ. Агитаціонный опытъ Муравьева характеренъ больше всего для самого автора; въ немъ авторъ какъ бы даетъ отчетъ самому себѣ въ томъ, изъ какихъ основныхъ понятій и стремленій душевныхъ вытекаетъ его политическая программа. Никита Муравьевъ былъ сторонникомъ конституціонной монархіи, и онъ правъ въ своихъ показаніяхъ, отрицая въ своемъ „Разговорѣ“ какія-либо республиканскія манифестаціи. Справедливость своей политической идеи онъ черпаетъ, главнымъ образомъ, изъ историческаго опыта народовъ; не чуждый романтической настроенности своей эпохи, онъ въ далекомъ прошломъ Россіи видѣлъ золотой вѣкъ политической свободы, и вѣчевое устройство, по его мнѣнію, должно было быть примѣромъ для настоящаго. Конституціонный строй казался ему единственнымъ средствомъ укрѣпленія свободы или, по его опредѣленію, „жизни по волѣ“... Онъ не оставилъ безъ выясненія и непримиримаго противорѣчія самовластной формы правленія началамъ законности. Но весь этотъ матеріалъ, добытый изъ построеній историческихъ и теоретическихъ, былъ совершенно чуждъ тому русскому человѣку—солдату или крестьянину,—для котораго предназначался катехизисъ. Никита Муравьевъ не могъ не знать и не видѣть этого, и поэтому онъ не ограничился доказательствами отъ исторіи и теоріи. Глубокая связь самовластія и православія, служенія самовластному властителю съ религіозными вѣрованіями бросалась въ глаза автору „Любопытнаго разговора“, и онъ попробовалъ воспользоваться доводами изъ священнаго писанія и религіознаго сознанія. Но конституціонному монархисту священное писаніе, не знавшее этой формы государственнаго устройства, не даетъ матеріала для доказательствъ, и попытка Никита Муравьева оказалась неудачной. Его призывъ къ вѣрѣ народа, къ его сердцу, слишкомъ разсудоченъ и поверхностенъ. Ему нужно убѣдить слушателя въ томъ, что свобода есть цѣль практической дѣятельности,—онъ выдвигаетъ положеніе, что свобода—отъ Бога, а свободная воля есть необходимое условіе нравственной дѣятельности. Всѣ эти соображенія были просто недоступны русскому человѣку. Единственное мѣсто во всемъ катехизисѣ, которое могло бы быть понятно,—

попытка опровергнуть первое и чаще всего приводимое указаніе со стороны вѣрующихъ на текстъ священнаго писанія „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“. Никита Муравьевъ хочетъ уничтожить силу текста наивной ссылкой на то, что отъ Бога идетъ только добро и отъ Бога — только добрая власть. Но всякій вѣрующій легко возразилъ бы Никитѣ Муравьеву, что зло посылается Богомъ и въ наказаніе и для испытанія.

Признавая всю слабость и теоретичность за агитаціоннымъ опытомъ Никиты Муравьева, нельзя не подчеркнуть того, что онъ сознавалъ необходимость обращенія именно къ народной вѣрѣ и къ священному писанію, какъ источнику, питающему эту вѣру. Но онъ былъ деистомъ, и не могъ создать горячаго призыва, который глубоко затрагивалъ бы народныя вѣрованія. Это могъ сдѣлать человѣкъ съ пламенной душой.

На рукописи наброска Никиты Муравьева надписано: „L'original a été réunis a S. M. le 23 de Mars 1822“. Итакъ, набросокъ попалъ въ руки Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола 23 марта 1822 года. Братъ Никиты Муравьева Александръ Михайловичъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что Никита „началъ составленіе катехизиса свободнаго человѣка, который оконченъ былъ Сергѣемъ Муравьевымъ“ Это утвержденіе невѣрно. Тотъ катехизисъ, который былъ составленъ С. И. Муравьевымъ съ помощью М. П. Бестужева-Рюмина и прочитанъ передъ возставшимъ Черниговскимъ полкомъ 31 декабря 1825 года, не представляетъ не только окончанія, но даже и переработки опыта Никиты Муравьева. Общее въ обоихъ катехизисахъ—вопросоотвѣтная форма и приведеніе доказательствъ въ пользу своей политики изъ священнаго писанія. Но приписывать общія черты вліянію Никиты Муравьева нѣтъ никакой надобности, такъ какъ мысль Сергѣя Муравьева неустанно работала въ одномъ и томъ же направленіи съ размышленіями Никиты.

Политическій или, какъ еще иначе называли его, православный катехизисъ—единственно цѣльное и яркое агитаціонное произведеніе всего декабристскаго движенія, предназначенное для народныхъ массъ, и только оно одно, дойдя до нихъ, получило то распространеніе, для котораго оно было создано, не произведя, впрочемъ, желанныхъ результатовъ.

II.

Сергѣй Муравьевъ былъ человѣкъ совершенно иного душевнаго склада, чѣмъ Никита. Во всѣхъ воспоминаніяхъ, въ показаніяхъ, данныхъ на слѣдствіи не только его сторонниками, но и его недругами и врагами, его личность является въ необыкновенно привлекательномъ освѣщеніи.

Намъ еще мало извѣстна интимная сторона его духовной жизни, но и по тому, что мы знаемъ, мы можемъ утверждать, что онъ былъ религіозенъ въ высшемъ значеніи этого слова. Онъ не удовлетворялъ идеаламъ обрядового христіанства, но его мятежное возбужденіе, его жажда революціоннымъ путемъ улучшить жизнь человѣчества носитъ на себѣ всѣ признаки религіознаго вдохновенія. Душа его была близка индивидуалистическому порыву и восторженной добродѣтели, принесеннымъ французской революціей. Но великая революція была пережита Муравьевымъ въ его мысли, въ его душѣ, а современная ему дѣйствительность—западная, да и русская—уже выступала съ суровымъ осужденіемъ славныхъ событій послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка Возвращались къ той обычной формѣ религіозныхъ вѣрованій и настроеній, которая не то, что отвергалась, а просто была лишней при огромномъ и тоже проникнутомъ религіозностью подъемѣ революціонномъ. Публицисты и аббаты выступили съ критикой идей революціи, съ точки зрѣнія вѣры усматривая въ ней и безуміе человѣческой гордыни, и торжество безвѣрія, и отсутствіе нравственности. Подобное отношеніе къ совершившейся революціи поселяло двойственность и сомнѣнія въ умахъ не только русскихъ поклонниковъ революціи, но даже и ея дѣятелей. Они и черпаютъ обильной рукой изъ ея идей и въ то же время удивительно слѣпо и по заведенному выругиваютъ ея безвѣріе, ея жестокости и т. д. Такая двойственность характеризуетъ и Пушкина, и Рылѣева, и другихъ ихъ современниковъ, писавшихъ и неписавшихъ, и—главное—самихъ дѣятелей, самихъ „декабристовъ".

Сергѣй Муравьевъ—весьма рѣдкое исключеніе изъ нихъ. Этого человѣка съ необыкновеннымъ религіознымъ революціоннымъ подъемомъ, пылкою страстью критика революціи, совершавшаяся во имя христіанства и вѣры, навела на мысль пріобрѣсти еще одно оружіе въ борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ—религіозное сознаніе вѣрующаго человѣка. Революціонный вопросъ онъ разсмотрѣлъ съ новой точки зрѣнія, углубивъ его. Вѣра и свобода, христіанское міровозрѣніе и политическое освобожденіе — противорѣчатъ ли эти понятія одно другому или нѣтъ? Большинство изъ современниковъ Муравьева, проникнутое атеистическимъ или вѣрнѣе просто равнодушнымъ настроеніемъ, отвѣчало, что вѣра противна свободѣ и политическое освобожденіе не найдетъ поддержки въ правовѣрномъ; другіе искренне вѣрующіе, автоматически творившіе дѣло освобожденія, послѣ катастрофы вдругъ ужаснулись этому временному подчиненію своей вѣры политическому принципу и вернулись къ прежней религіозности (примѣръ: братья Бѣляевы). Но Муравьевъ синтезировалъ въ своей душѣ оба настроенія и вынесъ глубокое и проникновенное убѣжденіе, что вѣра не только не противна свободѣ, а, наоборотъ, она только и но-

сить въ себѣ начало истинной свободы, что христіанство въ своей неискаженной наслоеніями формѣ должно вложить въ руки борцу за свободу самое надежное оружіе. Такое убѣжденіе было результатомъ душевнаго склада самого Муравьева, но кромѣ того подсказывалось ему и наблюденіями народной души. Послѣднее утвержденіе требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Мы не будемъ, конечно, рѣшать тутъ вопроса о томъ, были ли декабристы народниками и въ какой мѣрѣ? Замѣтимъ лишь, что ихъ отношеніе къ народу — скорѣе теоретическое или практическое, что они знали несчастія народа и сочувствовали имъ, но они *сами* создавали всѣ попытки освобожденія во имя блага народа, не справляясь съ міросозерцаніемъ народа и, за незначительными исключеніями, не расчитывая на сознательную поддержку солдата, крестьянина. Народная психологія не преподавала имъ наставленій и уроковъ. Очень немногіе изъ декабристовъ сближались съ народомъ, входили въ его жизнь, старались заглянуть въ его жизнь, стремились проникнуть въ область тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которыми мотивировалось внѣшнее поведеніе. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Сергѣй Муравьевъ.

Онъ служилъ въ Семеновскомъ полку и здѣсь завоевалъ солдатскую любовь. По раскассированіи полка послѣ извѣстной исторіи онъ былъ переведенъ подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Командуя здѣсь баталіономъ, онъ вошелъ въ тѣснѣйшія сношенія съ своими солдатами, но слава о немъ, какъ о душевномъ начальникѣ, выходила далеко за предѣлы баталіона; къ нему шли съ просьбами о помощи, обращались за совѣтами, писали ему солдаты другихъ баталіоновъ Черниговскаго полка, другихъ полковъ, въ особенности прежніе его сослуживцы по Семеновскому полку. Когда послѣ возстанія Черниговскаго полка стали дознаваться, какимъ образомъ Муравьевъ успѣлъ пріобрѣсти среди солдатъ такое вліяніе, какими дѣйствіями онъ развращалъ ихъ (по терминологіи того времени), вѣчный спутникъ Муравьева М. П. Бестужевъ-Рюминъ очень вѣрно сказалъ: „Средства Муравьева на солдатъ были болѣе въ его характерѣ, нежели въ планѣ. Они состояли въ хорошемъ обхожденіи и помощи нуждающимся. Солдатъ онъ не приготовлялъ. Онъ заранѣе былъ увѣренъ въ ихъ преданности“. А самъ С. И. Муравьевъ утверждалъ передъ Комитетомъ, что „кромѣ хорошаго обращенія и помощи въ нуждахъ онъ дѣйствительно никакихъ средствъ не употреблялъ къ привязанности къ себѣ людей Черниговскаго полка“. Перебирая всѣ данныя о возмущеніи Черниговскаго полка, можно съ увѣренностью утверждать, что солдатъ увлекла въ возстаніе именно преданность и любовь къ своему вождю, а не представленія о лучшемъ будущемъ. На всѣ призывы Муравьева къ борьбѣ за счастіе и свободу солдаты давали типичный

отвѣтъ: „рады стараться съ вашимъ благородіемъ до послѣдней капли крови". Но могли ли создаться столь близкія отношенія, если бы Муравьевъ былъ чуждъ народной душѣ и не старался проникать въ глубины народнаго міросозерцанія? Если связь вѣры съ подчиненіемъ самовластному властителю бросалась въ глаза и такимъ поверхностнымъ и далекимъ отъ общенія съ народомъ наблюдателямъ, какъ Никита Муравьевъ, то С. И. Муравьевъ во время своего общенія съ „людьми" Черниговскаго полка и другихъ частей проанализировалъ эту связь, выяснилъ чистый религіозный источникъ идеи внѣшняго подчиненія властителю, являвшейся въ концѣ концовъ результатомъ несознаннаго влеченія къ святости жизни, и увидалъ постороннія примѣси. Онъ и вынесъ изъ этого созерцанія убѣжденіе въ зиждительной силѣ религіозной страсти, нашедшей совершенно неправильное приложеніе: онъ рѣшилъ сохранить всю силу страсти, но вложить въ нее противоположное содержаніе, по его мнѣнію, единственно истинное.

Горбачевскій оставилъ въ своихъ запискахъ чрезвычайно любопытное описаніе бесѣды, происходившей въ палаткѣ С. И. Муравьева въ Лещинскомъ лагерѣ 15 сентября 1825 года. Разговоръ шелъ именно о средствахъ воздѣйствія на нижнихъ чиновъ. Представитель общества соединенныхъ славянъ Ив. Ив. Горбачевскій, позитивистъ, излагалъ планъ своего общества. Планъ предлагалъ вести систематическую агитацію, постепенно выяснить сущность переворота, его выгоды для солдатъ и, такимъ образомъ, мало-по-малу ввести ихъ въ тайны общества. Солдатамъ не нужно было открывать существованія общества, но нужно было довести ихъ до того, чтобы они во всякую минуту могли сразиться за свои мысли и за отыскиваемыя ими права. С. Муравьевъ, какъ вспоминалъ объ этомъ Горбачевскій спустя два-три десятка лѣтъ, считалъ, наоборотъ, опаснымъ открывать солдатамъ что-либо, клонящееся къ цѣли общества, и полагалъ, что будущихъ выгодъ солдаты не поймутъ, а республика, равенство останутся для нихъ пустыми словами. Горбачевскій не совсѣмъ вѣрно передавалъ взглядъ С. Муравьева. По тому, что разсказывали объ этой бесѣдѣ на слѣдствіи и Горбачевскій, и Спиридовъ, бывшій при ней, и самъ С. Муравьевъ; по воззванію Муравьева, обращенному къ солдатамъ, видно, что С. Муравьевъ смотрѣлъ на дѣло и шире, и глубже Горбачевскаго. По его мнѣнію, вѣчному дѣлу истиннаго освобожденія матеріалистическіе мотивы не могли сослужить хорошей службы: не представленіе о будущихъ выгодахъ должно двигать человѣка, а религіозное одушевленіе и сознаніе неизсякаемой жажды свободы.

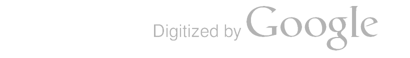
На возраженія Горбачевскаго Муравьевъ отвѣчалъ: „Лучшій способъ дѣйствовать на русскихъ солдатъ религіею; въ нихъ должно возбудить фанатизмъ, и чтеніе библіи можетъ внушить имъ ненависть къ правитель-

ству... Нѣкоторыя главы содержатъ прямыя запрещенія отъ Бога избирать царей и повиноваться имъ. Если русскій солдатъ узнаетъ сіе повелѣніе Божіе, то, не колеблясь ни мало, согласится поднять оружіе противъ своего государя... Религія всегда будетъ сильнымъ двигателемъ человѣческаго сердца; она укажетъ путь къ добродѣтели, поведетъ къ великимъ подвигамъ русскаго и доставитъ ему мученическій вѣнецъ" [1]). С. И. Муравьевъ досталъ изъ ящика и показалъ Горбачевскому переводъ главы изъ Ветхаго Завѣта объ избраніи израильтянами царя Саула (первой книги царствъ, глава восьмая). Въ катехизисѣ, составленномъ Муравьевымъ, мы еще встрѣтимъ этотъ знаменитый библейскій отрывокъ, въ которомъ Богъ разъясняетъ своему народу всѣ невыгоды и недостатки перехода къ единовластному правленію.

Передъ комитетомъ Горбачевскій разсказывалъ иначе объ этой бесѣдѣ съ Муравьевымъ: кривя душой, онъ показывалъ, будто онъ утверждалъ въ разговорѣ съ Муравьёвымъ, что нельзя возставать противъ государя, что это противно религіи и т. д. С. И. Муравьевъ, искренность показаній котораго подтверждается знакомствомъ со всѣмъ слѣдственнымъ о немъ производствомъ, записалъ въ своемъ отвѣтѣ комиссіи слѣдующее: „Показаніе Горбачевскаго, что однажды вынувъ изъ шкатулки выписку изъ библіи, доказывалъ ему, что ни Богу, ни вѣрѣ не противно итти противъ государя, справедливо, съ тою, однако-жъ, разницей, что разговоръ шелъ не о томъ, противно ли вѣрѣ итти противъ государя, а о томъ, что утверждаемо было мною, что въ случаѣ возстанія, въ смутныя времена переворота самая твердѣйшая наша надежда и опора должна быть привязанность къ вѣрѣ, столь сильно существующая у русскихъ, и что потому мы должны во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ стараться не ослаблять сего чувства, на что Горбачевскій отвѣчалъ мнѣ съ видомъ сомнѣнія и удивленія, что онъ полагалъ напротивъ, что *вѣра противна свободѣ*. Я тогда сталъ ему доказывать, что мнѣніе его совершенно ошибочно, что можно напротивъ сказать, что истинная свобода сдѣлалась извѣстною со времени проповѣданія христіанской вѣры, что Франція, впавшая въ толикія бѣдствія и страданія во время своего переворота именно отъ вкравшагося до него безвѣрія въ умы, должна служить намъ урокомъ, и вынувъ изъ портфеля выписки мои, сдѣланныя изъ священнаго писанія, я старался самыми текстами онаго оправдать сіе мнѣніе".

Необходимо устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть у читателя записокъ Горбачевскаго. Исторія знаетъ примѣры, когда революціонеры, желая добиться эффекта, дѣйствовали на массу тѣми средствами, сущ-

[1]) Русскій Архивъ, 1882 г. т. 1, стр. 461. „Записки неизвѣстнаго". (Горбачевскаго).



ность которыхъ они представляли и сознавали не истинной или даже безнравственной: таковы, напр., на недавней памяти дѣйствія Дейча, Стефановича и ихъ товарищей въ Чигиринскомъ возстаніи: распуская грамоты отъ имени русскаго государя, власть котораго они хотѣли низвергнуть, они совершали сознательный обманъ. Повидимому, Горбачевскій, бывшій матеріалистомъ и искренне не понимавшій сущности религіознаго одушевленія, склоненъ былъ думать, что Муравьевъ предлагаетъ какъ разъ такой сознательный обманъ. Нечего и говорить о томъ, что С. И. Муравьевъ искренне вѣрилъ тому, что онъ предлагалъ, и стремился найти лишь соотвѣтствіе своей религіозной восторженности.

III.

Итакъ, С. Муравьевъ дѣйственную мощь призыва къ религіозному чувству ощущалъ въ самомъ себѣ и залогъ фактическаго освобожденія видѣлъ въ той поддержкѣ, которую долженъ былъ оказать народъ послѣ того, какъ онъ, Муравьевъ, своимъ призывомъ пробудитъ религіозное чувство и направитъ его по другому руслу. Но онъ находилъ подкрѣпленіе своей идеѣ и на Западѣ, въ событіяхъ западной исторіи и, между, прочимъ въ той войнѣ, которую вели испанцы за свою свободу противъ французовъ. Извѣстно, что испанское духовенство, обостривъ религіозную возбужденность, воспользовалось ею, какъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ войсками Наполеона. Вообще слѣдовало-бы написать этюдъ объ отраженіяхъ испанской революціи въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ русскихъ декабристовъ. Они слѣдили съ величайшимъ интересомъ за событіями борьбы испанцевъ за конституцію, герои испанской революціи были имъ родными и близкими, и дѣлая предложенія о будущей своей тактикѣ, они то и дѣло аргументировали, ссылаясь на тѣ или другіе факты испанской жизни. А Сергѣй Муравьевъ былъ особенно близокъ Испаніи: въ раннемъ дѣтствѣ онъ жилъ нѣкоторое время въ Испаніи, вообще дѣтство и отрочество провелъ за границей; жилъ въ Парижѣ, на этой большой дорогѣ событій. Здѣсь онъ воспитывался въ école secondaire г-на Hix'а какъ разъ въ то время, когда испанцы, начавъ въ 1808 году борьбу съ Наполеономъ, наполнили шумомъ своего имени міръ. Да и вернувшись въ Россію, онъ постоянно возвращался мыслью къ переживаемому этой страной съ тѣхъ поръ, какъ по его выраженію, „либеральныя мнѣнія, родившіяся ни по чьему внушенію, по собственнымъ размышленіямъ и чтеніямъ книгъ, сдѣлались съ 1818 г. главнымъ предметомъ его занятій“. Начавъ возстаніе въ Черниговскомъ полку и съ самаго начала предвидя его неудачу, Сергѣй Муравьевъ съ наивной надеждой обращался къ испанской исторіи, утѣшалъ и ободрялъ офицеровъ. Въ то время, какъ собирали по приказу Муравьева роту для

мятежнаго похода, Муравьевъ (объяснялъ на слѣдствіи баронъ Соловьевъ) разсказывалъ офицерамъ примѣры изъ исторіи Ріего: „послѣдній проходилъ земли съ тремя стами человѣкъ и возстановилъ конституцію, а они съ полкомъ, чтобы не исполнили предпріятія своего, тогда какъ все уже готово, и въ особенности войско, которое очень недовольно!“.

Любопытно, что одинъ эпизодъ изъ борьбы испанцевъ съ Наполеономъ нашелъ соотвѣтствіе въ эпизодѣ возстанія Черниговскаго полка. Извѣстно то ожесточеніе и то безуміе храбрости, съ которыми ринулись въ бой испанцы, испанскія женщины и дѣти. Въ офортахъ Гойи запечатлѣны безсмертіемъ вѣчная дикость и жестокость этой войны. Монахи стали вождями и разогрѣли до пожара энтузіазмъ испанцевъ. Они распустили многочисленные агитаціонные катехизисы, которые повторялись, заучивались наизусть, въ родѣ слѣдующихъ:

„Что такое Наполеонъ?

„Наполеонъ есть злодѣй, начало всякаго зла, конецъ всякаго добра, вмѣстилище всѣхъ пороковъ. Въ немъ двѣ природы, дьявольская и человѣческая. Въ его трехъ лицахъ (Наполеонъ, Мюратъ и Годой) заключается сатапротивообразъ св. Троицы.

„Грѣхъ ли убить француза?

„Нѣтъ, батюшка! Это не грѣхъ, а дѣло, достойное награды [1]).

Бестужевъ-Рюминъ прямо показалъ на допросѣ, что катехизисъ, сочиненный испанскими монахами въ 1809 году, подалъ мысль о подобныхъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, устанавливается и фактъ прямого вліянія одной изъ формъ революціонной агитаціи западной на русскую. Но мы можемъ указать ближайшій источникъ, повліявшій на созданіе русскаго катехизиса. Конечно, объ испанскихъ катехизахъ Муравьевъ и его другъ Бестужевъ могли знать давно, и по наслышкѣ, но въ декабрѣ мѣсяцѣ 1825 года, когда Бестужевъ стоялъ въ Бобруйскѣ на караулѣ, ему попался огромнѣйшій французскій романъ Н. А. де-Сальванди „Донъ Алонзо или Испанія“ вышедшій въ Парижѣ, въ 4 томахъ (Don Alonzo, ou l' Espagne, histoire contémporaine, par N.—A. de Salvandy, Tome I—IV. Paris Baudouin frères libraires 1824). Теперь очень трудно осилить эту книгу, въ которой авторъ излагаетъ событія испанской исторіи и революціи первыхъ двухъ десятилѣтій 19 вѣка, облекая ихъ въ форму романа. Авторъ разсказываетъ о своемъ путешествіи къ границамъ Франціи и Испаніи въ 1820 году, передаетъ разсказы таинственныхъ отшельниковъ, дающіе свѣдѣнія объ исторіи ближайшихъ событій къ этому времени и

---

[1]) А. Трачевскій. Испанія XIX вѣка. Изд. К. Т. Солдатенкова, ч. 1 М. 1872, стр. 152.

между прочимъ исторію войны испанцевъ съ французами [1]). Но событія изложены въ общемъ довольно достовѣрно и книга является своеобразнымъ пособіемъ для знакомства съ революціоннымъ періодомъ Испаніи. Слѣдующая сцена романа должна была особенно поразить воспаленное воображеніе и Бестужева, и Муравьева. Да не посѣтуетъ читатель на длинноту выписки изъ романа, но именно этотъ отрывокъ, созданный воображеніемъ Сальванди, придалъ колоритное освѣщеніе сценѣ присяги возставшаго русскаго полка.

„Среди шума сраженія и танцевъ священникъ заявилъ, что для того, чтобы ознаменовать празднество, онъ приказываетъ повторить катехизисъ. При этихъ словахъ подошли молодые люди: мужчины и женщины подбѣжали вэапуски, а оставленныя дѣвушки продолжали свои меланхолическія сегедильи (пѣсни). Только Анджело не переставалъ ударять для нихъ въ тамбуринъ.

„Сначала пропѣли молитву. Она содержала страшныя анаѳемы королю Іосифу и тѣмъ испанцамъ, которые были ему вѣрны. На всемъ полуостровѣ, съ одного края до другого, религія говорила только языкомъ мести и убійства.

„Благочестивое упражненіе, котораго я ждалъ, началось. Маленькій Захарія, вызванный на средину круга впереди всѣхъ другихъ по чину своего отца-алькада, скрестилъ руки, опустилъ глаза; священникъ обратился къ нему со слѣдующимъ вопросомъ [2]): Скажи мнѣ, кто ты?

„Отвѣтъ меня поразилъ:—„Испанецъ, милостью Божіей.—Сколько обязанностей у испанца?—Три: быть правовѣрнымъ католикомъ; защищать Святую религію, свое отечество и своего короля; скорѣе умереть, чѣмъ позволить себя сразить.

„Марія дель Карменъ подняла глаза къ небу, благодаря святыхъ за счастливую память своего сына; Престамеро [3]), казалось, больше интересовалъ успѣхъ его сына, а не величіе главы прихода. Я удивлялся средствамъ, пущеннымъ въ ходъ для того, чтобы помрачить народный разсудокъ и раздражить даже дѣтей.

„Сколько естествъ въ Императорѣ?

---

[1]) Этотъ графъ Сальванди (1795—1856) писалъ и чисто историческіе труды: исторію Наполеона, исторію Польши до и при Собѣсскомъ. Послѣ революціи 1830 года онъ былъ членомъ палаты депутатовъ, а въ 1837 г. вступилъ въ кабинетъ Моле на мѣсто Гизо, потомъ былъ посломъ, а съ 1845 года опять министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Гизо.

[2]) Сальванди дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «всѣ эти вопросы и отвѣты переданы отцомъ Пабло съ буквальной точностью. Переводъ ихъ напечатанъ въ превосходныхъ „Mémoires M. de Nailies officier des gardes du cors de S. A. K. sur la guerre d' Espagne".

[3]) Пользующійся доходомъ съ церковныхъ имуществъ.

„Захарія колебался. Онъ искалъ въ глазахъ собранія отвѣта, недостававшаго его памяти.—„Три!—закричалъ Престамеро, счастливый привлечь къ себѣ на мгновеніе взоры“.—„Нѣтъ—отвѣтилъ священникъ, чувствовавшій не менѣе удовлетворенія въ уничтоженіи гордости своего соперника—нужно говорить два—естество дьявольское и человѣческое“. Всѣ кастильянцы набожно повторили эту фразу, забытую большинствомъ.

„Священникъ обратился къ возлюбленному Каталины. „Анжело, кто врагъ нашего счастья? — Императоръ французовъ—отвѣчалъ музыкантъ, не поднимая глазъ и не переставая выбивать тактъ ногами и рукой.—Кто такой—французы?—Раньше христіане, а теперь еретики.—Сколько у нихъ императоровъ?—Настоящій одинъ въ трехъ вѣроломныхъ лицахъ.—Кто эти три лица?—Наполеонъ, Мюратъ, Годой.—Кто изъ нихъ злѣе другихъ? Золъ ли одинъ больше другого?—Нѣтъ, отецъ, они злы одинаково.—Откуда происходитъ Наполеонъ? Изъ грѣха.—Откуда Мюратъ?—Изъ Наполеона.—А Годой?—Изъ соединенія обоихъ.—Что характерно для Наполеона?—Чванливость и деспотизмъ.—Для Мюрата? Воровство и жестокость.—Для Годоя? Сластолюбіе, предательство и невѣжество.

„Мое удивленіе росло во время этого упражненія, продолжавшагося черезчуръ долго. Священникъ понялъ это.—„Какъ!—сказалъ онъ мнѣ—вы не знаете національнаго катехизиса, разосланнаго центральной хунтой для внушенія молодежи этого округа чувствъ, которыя должны одушевлять всякаго испанца и всякаго вѣрноподданнаго“. Онъ показалъ мнѣ листочки, на которомъ были отпечатаны эти глупости. Я былъ радъ, просматривая эту бумагу, избавиться отъ докучливаго вниманія, вызваннаго моимъ удивленіемъ. Священникъ продолжалъ спрашивать, обращаясь по очереди ко всѣмъ поселянамъ.—Какого наказанія достоинъ испанецъ, пренебрегающій своими обязанностями? — Безчестья, смерти, конфискаціи имущества и лишенія почестей, даруемыхъ государствомъ всѣмъ законнымъ гражданамъ.—Какому ученію хочетъ научить Наполеонъ?—Развращенію нравовъ.—Когда долженъ притти конецъ его свирѣпому деспотизму?—Конецъ близокъ.—На что мы должны надѣяться?—На усилія нашей матери родины.—Что такое родина?—Соединеніе многихъ лицъ, которыми управляетъ король по законамъ.—Какого счастья мы должны искать?—Такого, какого намъ не могутъ дать тираны.—Что же это?—Гарантіи нашихъ правъ, свободное отправленіе нашего святого культа, монархическое правленіе по испанскимъ конституціямъ.—Но есть ли у насъ эти конституціи?—Да, отецъ, есть, но наши правители ихъ лишили силы и значенія.—Кто долженъ установить ихъ и укрѣпить?—Испанія, объединенная и свергнувшая иностранное иго.—„Кто совершитъ это предпріятіе? Нашъ дорогой—Фердинандъ VII... Есть ли грѣхъ убить француза?—Нѣтъ—

отвѣчалъ ребенокъ съ одушевленіемъ отъ аплодисментовъ толпы и нѣжныхъ поцѣлуевъ своей матери,—этимъ дѣлаютъ достойный подвигъ, освобождая отечество отъ наглыхъ притѣснителей".

Мы цѣликомъ выписали эту картину яркаго революціоннаго энтузіазма. Она поразила воображеніе С. Муравьева, и подобно тому, какъ, начиная возстаніе съ нѣсколькими сотнями солдатъ, онъ въ своемъ воображеніи рисовалъ походъ Ріэго съ тремя стами человѣкъ, такъ точно онъ воображалъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Бестужевымъ эту романтическую сцену, когда приказывалъ священнику читать свой катехизисъ передъ возставшимъ войскомъ. Не забудемъ того, что романъ былъ прочитанъ за мѣсяцъ до возстанія, и что Матвѣй Муравьевъ прямо засвидѣтельствовалъ, что ближайшимъ образомъ „мысль о катехизисѣ почерпнута" изъ романа Сальванди, и что, находясь еще на караулѣ, Бестужевъ началъ писать наброски. Муравьева и Бестужева-Рюмина, переживавшихъ въ послѣдніе мѣсяцы періодъ восторженнаго подъема и рѣшительности, привлекла именно эта сцена не столько потому, что въ ней былъ подробно изложенъ пресловутый испанскій катехизисъ, а скорѣе потому, что уже очень наглядно изображено все возбуждающее вліяніе религіозной проповѣди возстанія. Страстно хотѣлось имъ думать, что вотъ соберутся русскіе солдаты, священникъ прочитаетъ имъ православный катехизисъ, ихъ сердца загорятся гнѣвомъ, мщеніемъ и рѣшительностью, и дѣло свободы совершено. Но и знакомство съ текстомъ испанскаго произведенія отразилось на содержаніи русскаго: въ послѣдній была перенесена страстность призывовъ къ уничтоженію тираніи, похитившей свободу, и къ возстановленію вѣры и свободы.

IV.

Изложивъ внутренніе процессы, вызвавшіе Муравьева на сочиненіе катехизиса, перейдемъ къ его внѣшней исторіи. Итакъ, мысль о подобномъ агитаціонномъ произведеніи существовала въ обществѣ давно; символическая передача незаконченной рукописи Никиты Муравьева Сергѣю Ивановичу какъ бы требовала отъ послѣдняго продолженія его работы. Общеніе съ нижними чинами намѣчало путь аргументаціи. Во время Лещинскаго лагеря (августъ—сентябрь) члены Южнаго общества въ главѣ съ Муравьевымъ и Бестужевымъ почувствовали настоящую необходимость открыть дѣйствія возможно скорѣе. Такъ какъ переворотъ долженъ былъ быть осуществленъ военной силой, то вопросъ о подготовкѣ этой силы, о „дѣйствіи на солдатъ" всталъ съ особенной остротой. А какъ разъ въ это время надежды окрылились, потому что было открыто и присоединено къ Южному—Общество Соединенныхъ Славянъ. Славяне, по мнѣнію Муравьева

и Бестужева, должны были послужить имъ желаннымъ и долго жданнымъ орудіемъ; къ тому же они, такъ сказать, специализировались на пропагандѣ среди солдатъ: мы уже разсказали о той любопытной бесѣдѣ, которая 15 сентября 1825 года происходила въ палаткѣ С. Муравьева. Уже въ это время былъ готовъ остовъ катихезиса—подборъ текстовъ свящ. писанія, доказывающихъ право возстанія, религіозная аргументація. Во время же лагеря С. Муравьевъ усилилъ свои общеніи съ солдатами: къ нему, какъ показывали впослѣдствіи солдаты и офицеры, являлось много нижнихъ чиновъ, особенно прежнихъ Семеновцевъ изъ другихъ полковъ дивизіи. С. Муравьевъ велъ съ ними бесѣды.

Бывшій сослуживецъ по Семеновскому полку капитанъ Тютчевъ, безграмотнѣйшій человѣкъ, показывалъ 21 февраля 1826 года: „Наставленія Муравьевъ давалъ и научалъ приходившихъ къ нему солдатъ: ненависть къ начальству, роптаніе къ самой службѣ, и когда имъ скажутъ дѣйствовать, то рѣшительно чтобы дѣйствовали, а до того времени, чтобы они распространяли между своими новобранцами и старались бы поселить въ нихъ неудовольствіе къ самой службѣ. Все сіе показываю, какъ Муравьевъ меня научалъ дѣйствовать между солдатами, но мною не было исполнено. Полагаю, что онъ имъ такъ и говорилъ“. А самъ С. Муравьевъ подтвердилъ фактъ посѣщенія семеновскихъ солдатъ и своихъ бесѣдъ съ ними. „Никогда—настаивалъ онъ—къ приходившимъ ко мнѣ въ то время солдатамъ не говорилъ ясно и положительно о возмущеніи, не препоручалъ никому изъ нихъ вселять ненависть къ правительству въ товарищахъ и такъ же не говорилъ, чтобы они готовы были слѣдовать за мною по первому приказанію, а какъ уже мною показано, бранилъ службу, говорилъ, что увѣренъ, что они отъ своихъ офицеровъ старыхъ ни въ какомъ случаѣ не отстанутъ, а что армейскіе солдаты съ нихъ примѣръ возьмутъ, потому что они въ гвардіи служили, и тому подобныя рѣчи, но опять повторяю, положительнѣе сего ничего иного не было ни говорено, ни препоручаемо никому изъ нихъ“. Муравьевъ до поры не объявлялъ солдатамъ откровенія религіи и естественнаго права. Онъ вѣдь былъ увѣренъ въ могучемъ дѣйствіи этого откровенія на умы и сердца, что не допускалъ даже никакого промежутка между объясненіемъ и дѣйствіемъ: какъ сильно дѣйствующій ядъ сейчасъ по принятіи обнаруживаетъ свое дѣйствіе, такъ и провозглашеніе истинъ религіи и естественнаго права, по мнѣнію Муравьева, должно было моментально вызвать чуть ли не перемѣну строя. Необходимо отмѣтить, что агитаціи на почвѣ экономическихъ нуждъ Муравьевъ, очевидно, не придавалъ значенія, считалъ ее не важной. Онъ былъ даже принципіально противъ того, чтобы свободы добивались ради будущихъ выгодъ, а не для осуществленія вѣчной правды:

мы уже выяснили это, излагая сущность разговора съ Горбачевскимъ. И когда мы поставимъ вопросъ, почему-же Черниговскій полкъ послѣдовалъ за своимъ вождемъ, потому-ли, что ихъ побуждало къ этому отчаянное экономическое положеніе, сознанное ими, или потому, что въ любви къ своему баталіонному командиру не допускали мысли, что онъ ведетъ ихъ не къ добру—когда мы поставимъ этотъ вопросъ, мы должны выбрать послѣдній отвѣтъ. Тягость службы и ненормальность тягостей врядъ-ли ясно сознавались въ то время, хотя недовольство и было [1]).

Въ первыхъ числахъ декабря 1825 года былъ прочитанъ романъ Сальванди. Это чтеніе дало новый толчокъ работѣ надъ агитаціоннымъ произведеніемъ для массы. Извѣстіе объ арестѣ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина въ связи съ извѣстіемъ о событіяхъ 14 декабря заставили С. Муравьева рѣшиться на возстаніе. Успѣхъ возстанія былъ сомнителенъ для Муравьева съ самаго его начала, но, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, онъ вынужденъ былъ развивать всѣ имѣвшіяся у него возможности для усиленія возстанія. 30 декабря 1825 года въ 5 часу пополудни съ двумя ротами онъ вступилъ въ Васильковъ, занялъ этотъ городъ, присоединилъ къ себѣ и другія роты этого полка, бывшія въ городѣ. Отсюда онъ долженъ былъ начать походъ съ возставшими войсками за вольность и счастье.

Приходило время закончить откровеніе и объявить его. Въ то время, какъ всѣ повстанцы въ ночь съ 30 на 31 декабря дѣятельно готовились

---

[1]) Матвѣй Муравьевъ показывалъ на слѣдствіи: „Я нахожу, что армія готова двигаться, потому что я нахожу, что вообще настоящая дисциплина потеряна. (дисциплина, основанная на душевномъ уваженіи къ начальникамъ): 1) Большая часть полковыхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, какъ напримѣръ, Гебель, пользуются незаконнымъ образомъ солдатскимъ провіантомъ; это заставляетъ ихъ входить въ постыдные торги съ ротными командирами. Ротные командиры, желая имѣть также какую-нибудь выгоду, угождаютъ жителямъ, которые кормятъ солдатъ и даютъ имъ квитанціи.—Это заставляетъ ихъ быть несправедливыми, когда бываютъ жалобы. 2) Полковые командиры, которые наблюдаютъ больше свою выгоду, бываютъ дерзки въ выговорахъ. 3) Мало обращаютъ вниманія на нравственность армейскихъ офицеровъ въ полкахъ. 5) Штрафованные солдаты, которымъ ужъ не предстоитъ никакая надежда выйти когда-нибудь въ отставку. 6) Армейскій солдатъ круглый годъ въ походѣ, на что онъ очень жалуется.—Доказательствъ моего мнѣнія, что армія готова двигаться, это мятежъ Черниговскаго полка, въ которомъ никакихъ не сдѣлали приготовленій еще наканунѣ того дня, что подняли полкъ". Но возставшіе офицеры Черниговскаго полка съ Муравьевымъ какъ разъ въ своей агитаціи и оставили безъ вниманія экономическое положеніе солдатъ: они убѣждали ихъ горячо, обще и абстрактно.

къ походу, „одинъ С. Муравьевъ—пишетъ Горбачевскій въ своихъ воспоминаніяхъ—не принималъ участія въ приготовленіяхъ: онъ оставался уединеннымъ, писалъ цѣлую ночь, но куда и къ кому, никто—даже изъ близкихъ ему—не могъ узнать". Мы знаемъ, что дѣлалъ С. Муравьевъ, изъ сохраненнаго архивомъ письма главнокомандующаго 1-ой арміей графа Сакена начальнику главнаго штаба И. И. Дибичу (отъ 4 марта 1828 года № 37 изъ Могилева-Бѣлорусскаго). „Съ 30 на 31 декабря 1825 года ночью, какъ показываетъ рядовой Хоперскій, присланные въ полковую канцелярію отъ Муравьева-Апостола три солдата, взявъ его, Хоперскаго, и унтеръ-офицера Дмитревскаго, привели къ нему, Муравьеву, который и заставилъ ихъ писать катехизисъ, диктуя попеременно съ Бестужевымъ, съ бумаги, писанной, какъ онъ замѣтилъ, на *иностранномъ діалектѣ* и во многихъ мѣстахъ перечерненной.—Когда они окончили, то Муравьевъ-Апостолъ написанный Дмитріевскимъ оставилъ у себя, а написанный имъ, Хоперскимъ, отдалъ ему и приказалъ къ 8 часамъ утра написать таковыхъ 12 экземпляровъ, отпустилъ ихъ за конвоемъ-же.—Вслѣдстіе чего 31-го по утру онъ, Хоперскій, Дмитровскій, Пашутовъ, Шавель, Валякинъ, Васильевъ и Щелканинъ написали 11 экземпляровъ, которые и отдали Муравьеву-Апостолу".

Едва ли не въ эту же ночь катехизисъ получилъ окончательную редакцію. На слѣдствіи, и Сергѣй Муравьевъ, и его братъ Матвѣй показали, что катехизисъ былъ оконченъ (Матв. Мур.) или написанъ (Сер. Мур.) въ послѣднихъ числахъ декабря. Въ сочиненіи его принималъ участіе и Бестужевъ-Рюминъ. Впрочемъ, Сергѣй Ив. заявилъ слѣдователямъ: „катехизисъ большею частію моего сочиненія, а Бестужевъ мало въ ономъ участвовалъ" [1]).

31-го декабря рано утромъ Муравьевъ далъ приказаніе Мозалевскому отправиться въ Кіевъ и искать тамъ помощи дѣлу, и при этомъ вручилъ ему нѣсколько (три или четыре) экземпляровъ катехизиса. Мозалевскій долженъ былъ захватить съ собою солдатъ и съ ихъ помощью „пускать въ народъ сей катехизисъ". Но здѣсь въ Васильковѣ катехизисъ не просто былъ пущенъ въ возставшій полкъ, а именно провозглашенъ. Утромъ черезъ солдата Муравьевъ вызвалъ къ себѣ полкового священника, молодого человѣка, только въ октябрѣ этого года начавшаго свое служеніе въ Черниговскомъ полку. Горбачевскій разсказываетъ, что Муравьевъ изложилъ священику цѣль возстанія и просилъ его благословить дѣло возстанія

---

[1]) Матвѣй Муравьевъ показывалъ на слѣдствіи, что катехизисъ читался въ торжественной обстановкѣ, благодаря настояніямъ именно *Бестужева*.

молитвою и крестомъ, и священникъ, постигнувъ возвышенныя и благородныя чувства Муравьева, согласился. Горбачевскій передаетъ, будто бы происшедшій между нимъ и Муравьевымъ діалогъ: „Я согласенъ на ваше предложеніе, сказалъ онъ ему, и готовъ умереть съ вами для общей пользы; но... я имѣю жену, дѣтей,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—если ваше предпріятіе не удастся, что будетъ съ ними? Бѣдность, нищета и даже позоръ ожидаетъ мою жену и моихъ сиротъ“. Супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали въ немъ первый порывъ любви къ отечеству; онъ готовъ былъ отказаться отъ прежнихъ словъ своихъ. Но Муравьевъ снова успѣлъ возбудить въ душѣ его благородное самоотверженіе. Желая успокоить справедливое опасеніе священника на счетъ его семейства, онъ далъ ему 200 рублей: „Вручите сіи деньги вашему семейству,—сказалъ С. Муравьевъ,—они будутъ необходимы для него во время вашего отсутствія; между тѣмъ будьте увѣрены, что ни Россія, ни я, никогда не забудемъ вашихъ услугъ“.

Какъ нельзя болѣе кстати именно сейчасъ сообщить, что до сихъ поръ—ни въ обширной литературѣ мемуаровъ и изслѣдованій о декабристахъ, ни въ опубликованныхъ офиціальныхъ документахъ—этотъ вольный или невольный декабристъ-священникъ ни разу не названъ даже по имени. Мы не знаемъ, кто онъ; но былъ ли онъ движимъ сочувствіемъ къ дѣлу Муравьева или только прельщенъ двумя стами рублями, онъ сыгралъ свою роль въ русской революціонной исторіи, его имя нужно назвать и мы первый разъ въ печати называемъ его. Это Даніилъ Кейзеръ. За свою вину онъ заплатилъ гораздо дороже, чѣмъ другіе декабристы, даже и воинствующіе. Но о судьбѣ скажемъ впослѣдствіи.

По всей вѣроятности, дѣло происходило не такъ, какъ описываетъ Горбачевскій. Врядъ ли священника заразилъ энтузіазмъ Муравьева, но и съ офиціальной версіей подкупа за 200 рублей тоже врядъ ли можно согласиться. Мы имѣли въ своемъ распоряженіи тѣ показанія, которыя дали на слѣдствіи и самъ Даніилъ Кейзеръ и его причетники. Мы даемъ имъ вѣру, потому что отъ нихъ вѣетъ наивной простотой, и кромѣ того они сохранили такія (неизвѣстныя намъ до сихъ поръ) бытовыя подробности историческихъ дней города Василькова, которыхъ нельзя измыслить. Такъ какъ въ литературѣ они абсолютно неизвѣстны, то мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько дольше, чѣмъ того требовала бы наша тема—исторія катехизиса С. Муравьева. Мы знаемъ лишь одно описаніе (Горбачевскаго) васильковскаго возстанія, условное и одностороннее, какимъ и подобаетъ быть описанію, исходящему отъ возставшей стороны. Есть, какъ всегда, и закулисная сторона, есть и повседневная жизнь, и вотъ показанія причта какъ разъ выдвигаютъ эпизодъ возстанія въ наши будни.

Полковые причетники разсказывали своимъ слѣдователямъ, что они сидѣли по домамъ и ничего не знали о васильковскихъ событiяхъ; а придя къ своему священнику, узнали, что его потребовалъ къ себѣ подполковникъ Муравьевъ. Вернувшись отъ него, Кейзеръ показывалъ дьячкамъ двѣсти рублей, которые подарилъ ему С. Муравьевъ. Потомъ пришелъ унтеръ-офицеръ въ боевой амуницiи и потребовалъ священника съ причтомъ къ Муравьеву. Придя къ его квартирѣ, священникъ спросилъ его, какую „службу служить". „Исполнить что-нибудь покороче"—послѣдовалъ отвѣтъ. Одинъ изъ причетниковъ говорилъ, что нужно отпѣть молебенъ, а Бестужевъ-Рюминъ прибавилъ, что надобно прочесть катехизисъ. А самъ священникъ разсказывалъ слѣдующимъ образомъ случившееся съ нимъ: „31 декабря находился я въ своей квартирѣ, куда придя ко мнѣ 2-ой гренадерской роты унт.-оф. Григорiй Поповъ часу въ 11-омъ передъ обѣдомъ, объяснилъ мнѣ словесно приказанiе подполковника Муравьева-Апостола, дабы я тотчасъ шелъ къ нему на квартиру съ крестомъ для служенiя молебна, гдѣ читать будутъ и катехизисъ. Почему я, бывъ объятъ величайшимъ страхомъ, какъ и прочiе городскiе жители съ приходомъ Муравьева 30 декабря въ городъ Васильковъ, не зналъ, къ кому прибѣгнуть для защиты, приказанiя и совѣта; не смѣлъ уже ослушаться и послалъ находящагося при мнѣ дьячка Ивана Охлестина въ полковую церковь для взятiя молебной книжицы и сокращеннаго печатнаго катехизиса и, когда оный дьячокъ возвратился ко мнѣ съ вышеупомянутыми книгами, то я пошелъ съ причтомъ въ квартиру Муравьева, гдѣ находилось довольно офицеровъ, то по недавнему моему опредѣленiю въ полкъ, я не только офицеровъ не зналъ, но даже и самого Муравьева въ первый разъ отъ роду увидѣлъ, который мнѣ приказалъ никуда отъ него не отлучаться изъ квартиры, гдѣ я и стоялъ у порога съ полчаса передъ нимъ и находившимися офицерами; когда подойдя ко мнѣ изъ оныхъ какой-то офицеръ спросилъ у меня, совсѣмъ ли я готовъ? На что я ему отвѣчалъ: „молебная книжица и сокращенный печатный катехизисъ у меня есть", но тотъ же офицеръ, взявъ у дьячка сказанный катехизисъ, развернулъ и сказалъ, что у нихъ есть свой писанный катехизисъ. Въ то время Муравьевъ, измѣнивъ свое слово, сказалъ мнѣ, что молебна служить не надобно, а что нибудь покороче; когда я, видя такое странное дѣло, хотя и не разумѣлъ, что они между собою по французски разговаривали, но усмотрѣвъ на столѣ нѣсколько пистолетовъ заряженныхъ, часовыхъ въ комнатѣ и на дворѣ съ заряженными ружьями, испугался, и болѣе тогда, какъ мысленно полагалъ оттуда выйти, но не осмѣлился, потому что часовые не допустили бы по его приказанiю".

V.

31 декабря 1825 года перепуганные обыватели Василькова стали свидѣтелями удивительнаго зрѣлища. Во второмъ часу зимняго дня на городской площади былъ провозглашенъ единымъ царемъ вселенной—Іисусъ Христосъ.

Кейзеръ разсказывалъ на слѣдствіи: „А какъ Муравьевъ уже надѣлъ на себя родъ армянской шапки и шарфъ и, отходя съ своими офицерами къ построеннымъ на площади ротамъ, приказалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ итти туда же, гдѣ онъ, подъѣхавъ верхомъ къ фронту, скомандовалъ, и нижніе чины составили кругъ, а офицеры, войдя на середину съ заряженными пистолетами, и нѣкоторые съ кинжалами, окружили меня. Тогда я, по приказанію Муравьева, надѣвъ на себя ризы, съ причтомъ пропѣлъ Царю небесный, Отче нашъ, тропарь и кондакъ храмового полкового праздника, а болѣе ничего по положенію уставному не дѣлалъ, и потомъ какой-то офицеръ, давъ мнѣ бумагу, которую я прежде никогда не видалъ и никогда не слыхалъ, что именно въ ней было писано, ибо тотъ или другой офицеръ, стоя за мной, читалъ наизусть оную, а я, будучи въ такомъ необыкновенномъ страхѣ, принужденъ былъ повторять ее, не помня, что въ ней, содержалось, но, наконецъ, по приказанію Муравьева пѣли многія лѣта за всѣхъ православныхъ христіанъ, и произносилъ ли я при томъ уже какія другія слова—совершенно не помню".

Дьячки показывали, что передъ войсками они пропѣли Царю небесный и по Трисвятомъ тропарь Рождества Христова и кондакъ. Потомъ „Бестужевымъ поданъ былъ священнику какой-то катехизисъ, который и читанъ имъ предъ бунтовавшими ротами; но содержанія сего катехизиса они не помнятъ, и замѣтили только, что царямъ земнымъ быть не должно и поминать ихъ въ церквахъ велятъ единственно для обмана народа. По окончаніи сего подполковникъ Муравьевъ - Апостолъ приказывалъ священнику слѣдовать за нимъ, но священникъ отозвался отъ того неготовностью; почему Муравьевъ приказалъ ему догнать полкъ на другой день въ мѣстечкѣ Бышевѣ, оставя при церкви одного церковника. Потомъ Муравьевъ сказалъ солдатамъ: „ребята, будьте вѣрны и служите одному царю небесному—Іисусу Христу; тотъ же, кто измѣнитъ или отъ меня отстанетъ, будетъ анафема—проклятъ—скомандовалъ и пошелъ въ походъ" [1]).

Архивная случайность даетъ намъ возможность познакомиться и съ тѣмъ

[1]) Судя во всѣмъ показаніямъ причта, можно думать, что С. Муравьевъ потребовалъ отъ священника слѣдовать за собой и на покупку-то экипажа и далъ деньги. Причетники говорили, что Кейзеръ дѣйствительно сторговалъ бричку.

впечатлѣніемъ, которое произвело провозглашеніе принциповъ Муравьева на васильковскихъ обывателей. Обыватели—съ положеніемъ, какъ-то: поручики инвалидной команды, канцеляристъ, коллежскій секретарь и титулярный совѣтникъ, и безъ положенія—просто проживавшіе въ Васильковѣ мѣщане и крестьяне разсказывали впослѣдствіи такъ: „31 декабря, будучи во время сбора на площади Черниговскаго полка, они видѣли, что священникъ Кейзеръ въ кругу полка отправлялъ молебное пѣніе вкратцѣ, не поминая царей, но пропѣвъ молитву Царю небесный и сказавъ за православныхъ христіанъ и воинство, читалъ какую-то бумагу, названную катехизисомъ. Тогда Муравьевъ-Апостолъ, сидя на лошади верхомъ, кричалъ, что царей нѣтъ, а только то одна выдумка. „Ребята! только есть Царь небесный, Іисусъ Христосъ, кто ему измѣнитъ, тотъ будетъ проклятъ! и когда нижніе чины на сіе отвѣчали: „рады стараться до послѣдней капли крови“, онъ заставилъ ихъ прокричать три раза „ура!“ Инвалидный же поручикъ прибавлялъ, что одинъ изъ солдатъ спрашивалъ у него, кому они присягаютъ, но видя, что нижній чинъ пьянъ, онъ, поручикъ, удалился, а солдатъ, ходя, кричалъ: „теперь вольность!“

Васильковскій же городничій въ тотъ же день рапортовалъ кіевскому гражданскому губернатору: „Въ два часа пополудни собравши роты предъ свою квартиру и прочитавъ имъ какой-то православный катехизисъ особеннаго сочиненія по отслуженіи полковымъ священникомъ молебна Муравьевъ изъ города выступилъ“.

Но пора познакомиться съ этимъ особеннаго сочиненія православнымъ катехизисомъ, судьбѣ котораго мы посвятили столько страницъ. Еще въ 1903 году Н. К. Шильдеръ высказывался, что содержаніе этого катехизиса и до сихъ поръ мѣшаетъ полному его воспроизведенію въ печати. Но теперь даже и цензурное вѣдомство не усматриваетъ въ немъ ничего остраго и современнаго, допустивъ его дословное оглашеніе въ книгахъ проф. Бороздина и г. Глинскаго [1]). Катихизисъ начинается такъ:

Во имя отца и сына и святаго духа:

Вопр. Для чего Богъ создалъ человѣка?

Отв. Для того, чтобы онъ въ него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.

Вопр. Что значитъ вѣровать въ Бога?

Отв. Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю, для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе... Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.

---

[1]) А. К. Бороздинъ. Изъ показаній декабристовъ. Спб. Изд. Пирожкова, 1906. Стр. 84—88 и Б. Б. Глинскій. Борьба за конституцію. Историческія очерки. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1908. Стр. 191—194.

Вопр. Что значитъ быть свободнымъ и счастливымъ?

Отв. Безъ свободы нѣтъ счастія. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: „цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкомъ“.

Вопр. Для чего же русскій народъ и русское воинство несчастно?

На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ, что причина несчастій—результатъ похищенія свободы самовластными правителями. Возникаетъ новый недоумѣнный вопросъ: стало быть, они поступаютъ вопреки воли Бога? Это недоумѣніе разрѣшается ссылкой на текстъ „Болій въ васъ, да будетъ мнѣ слуга“ и признаніемъ, что подобные властители „тиранятъ только народъ“. Но нужно ли, въ такомъ случаѣ, повиноваться, когда они поступаютъ вопреки волѣ Божій? Авторъ катихизиса отвѣчаетъ: „Нѣтъ! Христосъ сказалъ: „не можете Богу работати и мамонѣ“, отъ того то русскій народъ и русское воинство страдаютъ, что покоряются“.

Дальше слѣдуютъ слѣдующіе отвѣты и вопросы:

Вопр. Что же нашъ святой законъ повелѣваетъ дѣлать русскому народу и воинству?

Отв. Раскаяться въ долгомъ раболѣпствіи и, ополчась противъ тиранства и нечестія, поклясться: „Да будетъ всѣмъ одинъ царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ“.

Вопр. Что можетъ удержать отъ исполненія святого сего подвига?.

Отв. Ничто! Тѣ, кто воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшіе души свои нечестію, и горе имъ, лицемѣрамъ, яко страшное наказаніе Божіе постигнетъ ихъ на семъ свѣтѣ и на томъ.

Вопр. Какимъ же образомъ ополчиться всѣмъ чистымъ сердцамъ?

Отв. Взять оружіе, и слѣдовать за глаголющимъ во имя Господне, помня слова Спасителя нашего: „Блаженіе алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся“, и низложивъ неправду и нечестіе тиранства, возстановить правленіе, сходное съ закономъ Божіимъ.

Вопр. Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ?

На этотъ вопросъ рѣшительный республиканецъ Муравьевъ отвѣчаетъ указаніемъ на республиканскій строй и приводитъ слѣдующее соображеніе: „Богъ создалъ всѣхъ насъ равными и, сошедши на землю, избралъ апостоловъ изъ простого народа, а не изъ знатныхъ и царей“. А на вопросъ, какъ Богъ относится къ единовластителямъ, авторъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, они прокляты суть отъ него, яко притѣснители народа, а Богъ есть человѣколюбецъ, да прочтетъ каждый желающій знать судъ Божій о царяхъ, книги царствъ главу 8-ю: „Собрашася мужи Израилевы и пріидоша къ Самуилу и рекоша ему: „нынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны“, и бысть лукавъ глаголъ сей предъ очима Самуиловыми, и помолися Са-

муилъ къ Господу, и рече Господь къ Самуилу: „послушай нынѣ гласа людей, яко же глаголятъ тебѣ, яко не тебѣ уничижиша, но мнѣ уничижиша, яже не царствовати ми надъ ними, но возвѣстиша имъ правду цареву“. И рече Самуилъ: „сія словеса Господне къ людямъ, просящимъ отъ него царя, и глагола имъ: сіе будетъ правда царева: сыны ваша возметъ, дщери ваше возметъ, и земли ваши одесятствуетъ, и вы будете ему рабы, и возопіете въ день онъ отъ лица царя вашего, его же избрасте себѣ, и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ царя“... Итакъ избраніе царей противно волѣ Божіей, яко единъ нашъ царь долженъ быть Іисусъ Христосъ.

На вопросъ же, противна ли божескимъ законамъ присяга, слѣдуетъ рѣшительный утвердительный отвѣтъ, ссылка на текстъ „не призывай всуе имени Господня“. Господь же нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ изрекъ: „Азъ же глаголю вамъ, не клянитеся всяко“, и такъ всякая присяга человѣку противна Богу, яко надлежащая ему единому.

Для того, чтобы объяснить, почему церковь упоминаетъ такихъ властителей въ своихъ молитвахъ, авторъ говоритъ: „Отъ того нечестиваго приказанія ихъ самихъ, для обмана народа и ежечаснымъ повтореніемъ именъ оскверняютъ они службу Божію вопреки Спасителева велѣнія: „молящіе не меньше глаголятъ, яко же язычники“.

Вопр. Что же наконецъ подобаетъ дѣлать христолюбивому россійскому воинству?

Отв. Для освобожденія страждущихъ семействъ своихъ, и родины своей, и для исполненія святого закона христіанскаго, помолясь теплою надеждою Богу, побораю щему по правдѣ и видимо покровительствующему уповающимъ твердо на него, ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи. А кто отстанетъ, тотъ яко Іуда предатель будетъ анаѳема проклятъ

Аминь.

На предыдущихъ страницахъ мы уже выяснили генезисъ произведенія, созданнаго С. Муравьевымъ [1]). Въ этомъ маленькомъ этюдѣ, какъ въ фо-

[1]) В. И. Семевскій коснулся катехизиса въ своей статьѣ „Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году“ (Былое, 1907, февр., 90). Ему хочется найти автора прокламаціи 1820 года, обращенной по поводу Семеновской исторіи къ Преображенцамъ, и несмотря на рѣшительное отсутствіе какихъ-либо указаній на руководящую роль будущихъ декабристовъ въ этомъ волненіи (а отсутствіе свѣдѣній уже само по себѣ краснорѣчиво) въ показаніяхъ на слѣдствіи, въ позднѣйшей литературѣ мемуаровъ, В. И. Семевскій все же не отказывается строить предположенія хоть о томъ, что прокламація вышла изъ-подъ пера будущихъ декабристовъ, а именно С. И. Муравьева. Не говорю о томъ, что непремѣнно мы имѣли бы хоть какое-

кусѣ, отразилось все міросозерцаніе и личность его автора: въ немъ синтезъ опыта жизненнаго и историческаго знанія, теоретическаго и душевнаго, С. Муравьева и немногочисленной группы сочувствующихъ ему единомышленниковъ. Богъ создалъ человѣка для вѣры въ него, свободы и счастья. Безъ свободы нѣтъ счастья. Свободы же нѣтъ и не можетъ быть при автократствѣ. И вѣрующій человѣкъ извлечетъ подтвержденіе этимъ утвержденіямъ. Вотъ—исходные пункты катехизиса, за которыми уже идетъ подборъ текстовъ. Но какъ разъ въ этихъ первыхъ вопросахъ и отвѣтахъ точно воспроизведены основныя положенія великихъ индивидуалистовъ XVIII вѣка и теоріи естественнаго права. Человѣкъ рожденъ для свободы — общій кличъ этого вѣка. Цѣль человѣческой жизни — счастье— общее утвержденіе людей того времени. Съ особенной отчетливостью оно выяснено у Гольбаха въ „Système social". Даже политическая свобода разсматривается, какъ необходимое условіе работы для своего счастья. Но иногда счастье и свобода отождествляются, какъ, напр., у Детю де Траси въ „Commentaire sur l'esprit des lois". Выдвигая всѣ эти положенія (счастье, свобода, добродѣтель—какъ формулировалъ ихъ на память передъ судьями Матвѣй Муравьевъ), Сергѣй Муравьевъ не былъ оригиналенъ, но онъ не въ примѣръ многимъ своимъ товарищамъ усвоилъ ихъ не только умомъ, но всѣмъ своимъ сердцемъ и всей своей страстной душой. Аргументація же отъ священнаго писанія, попытка найти доводы въ религіозномъ сознаніи представляетъ своеобразіе русскаго катехизиса. Мы уже выяснили, въ какой мѣрѣ сказалось тутъ западное вліяніе [1].

Одновременно съ катехизисомъ С. Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ было сочинено воззваніе къ войскамъ, не получившее, по заявленію Бестужева, никакого распространенія. Это воззваніе было уже напечатано въ упомянутой книгѣ проф. Бороздина, но такъ какъ оно повторяетъ мотивы катихизиса, то мы считаемъ нужнымъ для сопоставленія воспроизвести и его: „Богъ умилосердился надъ Россіею, пославъ смерть тирану нашему. Христосъ рекъ: „не будьте рабами человѣковъ, яко искуплены кровію моею". Міръ не внялъ святому повелѣнію сему и палъ въ бездну

либо фактическое указаніе на такой важный фактъ, какъ авторство прокламаціи. Но В. И. Семевскій утверждаетъ, что „катехизисъ написанъ (можетъ быть въ первоначальномъ наброскѣ) не позднѣе 1820 года": послѣ всего изложеннаго нами возможность подобнаго утвержденія исключается. Сходства же между катехизисомъ и прокламаціей таковы, что не допускаютъ предположенія о зависимости одного произведенія отъ другого.

[1]) Знаменитое мѣсто изъ книги Царствъ эксплуатировалось часто вѣрующими и невѣрующими. Точно также толковался часто и текстъ о присягѣ.

бѣдствій. Но страданія наши тронули Всевышняго,—днесь онъ посылаетъ намъ свободу и спасеніе. Братья! раскаемся въ долгомъ раболѣпствіи нашемъ и поклянемся, да будетъ намъ единъ царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ. Всѣ бѣдствія русскаго народа проистекали отъ самовластнаго правленія.—Оно рушилось смертью тирана. Богъ ознаменовываетъ волю свою, дабы мы сбросили съ себя узы рабства, противныя закону христіанскому. Отнынѣ Россія свободна. Но какъ истинные сыны церкви, не покусимся ни на какія злодѣйства и безъ распрей междоусобныхъ установимъ правленіе народное, основанное на законѣ Божьемъ, гласящемъ: „да первый изъ васъ послужитъ вамъ". Россійское воинство грядетъ возстановить правленіе народное, почерпнутое изъ христіанскаго закона. Никакихъ злодѣйствъ учинено не будетъ. Итакъ, благочестивый народъ нашъ да пребываетъ въ мирѣ и спокойствіи и умоляетъ Всевышняго о скорѣйшемъ совершеніи святого дѣла нашего.—Да служители алтаря, донынѣ оставленные въ нищетѣ и презрѣніи злочестивымъ тираномъ нашимъ, молятъ Бога о насъ, возстанавливающихъ во всемъ блескѣ храмы Господни". Послѣдняя фраза о возстановленіи храмовъ поставлена, очевидно, для красоты слога, а упоминаніе о пастыряхъ, молящихъ Бога о возставшихъ и пребывающихъ въ нищетѣ, по всей вѣроятности, вызвано созерцаніемъ отца Даніила Кейзера. И въ воззваніи, и въ катехизисѣ неоднократно повторяется провозглашеніе единымъ царемъ вселенной Іисуса Христа. Немудрено, что оно такъ запечатлѣлось въ памяти слушателей, что они исчерпывали все содержаніе воззванія однимъ этимъ призывомъ.

VI.

Остается досказать немногое. Солдаты, выступившіе вмѣстѣ съ Муравьевымъ въ походъ за свободой, на третій день при первомъ же столкновеніи съ правительственными войсками были разбиты и разсѣяны. С. Муравьевъ былъ раненъ, и нѣкоторые солдаты Черниговскаго полка, по свидѣтельству Бестужева-Рюмина, кинулись на нихъ и хотѣли тащить на встрѣчу побѣдителямъ.

Откровеніе не помогло. Провозглашеніе вѣчныхъ истинъ не подѣйствовало. Правда, Ив. Ив. Сухиновъ, и по выступленіи изъ Василькова, неоднократно читалъ съ солдатами катехизисъ, очевидно, разъясняя его. Но уже въ первый моментъ С. Муравьевъ, какъ самъ онъ сказалъ на слѣдствіи, увидѣлъ, что чтеніе катехизиса произвело дурное впечатлѣніе на солдатъ, и онъ рѣшилъ дѣйствовать именемъ Константина Павловича, т. е. призывая остаться вѣрными первой присягѣ и не слушать Николая I. Можно себѣ представить, съ какою грустью онъ дѣлалъ это!

Кромѣ Черниговскаго полка, катехизисъ не получилъ никакого распространенія. По свидѣтельству Матвѣя Муравьева одинъ экземпляръ былъ данъ офицеру Ушакову, но послѣдній четыре дня спустя уже участвовалъ съ своей частью въ усмиреніи возставшаго отряда Муравьева. Очевидно, никакого употребленія изъ даннаго ему листа онъ не сдѣлалъ. Мы знаемъ, что съ Мозалевскимъ Муравьевъ отправилъ три или четыре копіи этого катехизиса. Одна изъ нихъ была найдена на Подолѣ, да и остальные тоже были вскорѣ подняты и представлены по начальству.

Авторы катехизиса С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ были повѣшены 13 іюля 1826 года. Офицеры, принимавшіе участіе въ возстаніи, были отправлены въ каторгу; солдаты частью подвергнуты прогнанію сквозь строй, частью разосланы по другимъ частямъ и на Кавказъ. Декабристы, отбывъ свою каторгу, были переведены на поселеніе; нѣкоторые изъ нихъ еще при Николаѣ I вернулись въ Россію, остальные получили обратно свои права по вступленіи на престолъ императора Александра II.

А Даніилъ Кейзеръ, священникъ, читавшій катехизисъ на Васильковской площади, этотъ невольный декабристъ? Что сталось съ нимъ? Послѣ ряда поисковъ мы нашли, наконецъ, свѣдѣнія и о немъ.

19 января 1826 года командиръ 3 корпуса генералъ Ротъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія и приказанія главнокомандующаго арміею, предписалъ командиру 9-ой пѣхотной дивизіи ген.-маіору Курносову „немедленно произвести строжайшее изслѣдованіе на счетъ священника Кейзера, принужденно-ли или добровольно слѣдовалъ онъ за мятежниками, а по окончаніи въ томъ и другомъ случаѣ передать его въ вѣдѣніе Кіевскаго преосвященнаго съ тѣмъ, чтобы содержанъ былъ въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей подъ строжайшимъ карауломъ“.

Николай Павловичъ считалъ обязательнымъ по отношеніи къ пастырю церкви соблюденіе формальностей. Прежде всего онъ хотѣлъ видѣть этого священника лишеннымъ сана, а потомъ уже предать военному суду. Слѣдственное дѣло о Даніилѣ Кейзерѣ, по Высочайшему повелѣнію, было препровождено оберъ прокурору синода кн. П. С. Мещерскому съ приказаніемъ „предложить его Святѣйшему Правительствущему Синоду для преданія священника Даніила Кейзера суду и поступленія съ нимъ по законамъ“. Синодъ 22 марта 1826 года постановилъ снять съ Кейзера санъ и предать его въ руки гражданскаго начальства. Николай Павловичъ утвердилъ постановленіе синода и, „принимая въ уваженіе, что священникъ Кейзеръ сдѣлалъ государственное преступленіе между войсками, именно, чтобы онъ по снятіи сана былъ отправленъ вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ въ Бѣлую Церковь для преданія тамъ военному суду“.

Судьба Даніила Кейзера, не въ примѣръ судьбѣ всѣхъ остальныхъ декабристовъ, была въ высшей степени жестока и тяжела. Онъ былъ лишенъ священническаго сана и дворянскаго достоинства и сосланъ въ рабочія арестантскія роты Бобруйской крѣпости, но къ работѣ оказался неспособенъ и былъ отосланъ въ Смоленскъ въ богоугодное заведеніе Инженернаго вѣдомства. По окончаніи срока заключенія въ этомъ заведеніи, Кейзеръ былъ высланъ въ Андреевскую волость Сычевскаго округа, Бѣльскаго уѣзда Смоленской губерніи; къ волости онъ приписанъ не былъ, а жилъ только при ней, не платя податей и не имѣя никакого званія. „Въ 1852 году,—пишетъ Д. Кейзеръ въ всеподданнѣйшемъ прошеніи,—по лишеніи уже послѣднихъ моихъ силъ и отъ поминутнаго оплакиванія тяжелаго 30 лѣтняго страданія я получилъ болѣзнь, отъ коей послѣдовалъ ударъ, и чрезъ то лишенъ настоящаго владѣнія въ лѣвой рукѣ и въ лѣвой ногѣ съ нѣкоторымъ поврежденіемъ и самой головы; имѣя при томъ отъ рожденія 56 лѣтъ, страдаю и по сіе время, и не могу пріобрѣсть для себя необходимое къ продолженію жизни". Но несмотря на бѣдность, на физическія страданія, Д. Кейзеръ не осмѣлился подать просьбы о помилованіи Николаю Павловичу: до того онъ былъ, очевидно, напуганъ карой, постигшей его. И только 31 іюня 1856 года Кейзеръ черезъ военнаго министра обратился къ Александру II съ просьбой „объ успокоеніи его хотя при послѣднихъ дняхъ жизни"; онъ просилъ „дабы повелѣно было указомъ Вашего И. В. и Всемилостивѣйшемъ призрѣніи на удостоеніе его противъ священническаго сана званія и нужнымъ пособіемъ къ продолженію жизни" [1]). Начальникъ Смоленской губерніи ген.-лейт. Ахвердовъ 24 янв. 1858 года (т. е. черезъ полтора года послѣ подачи прошенія), основываясь на отзывѣ Рославльскаго предводителя дворянства, увѣдомилъ аудиторіатскій департаментъ, что Кейзеръ—„поведенія хорошаго и, будучи вдовъ, семейства не имѣетъ, состоянія же у него никакого нѣтъ".

[1]) Въ своемъ прошеніи Александру II Кейзеръ объяснялъ: „Въ 1825 г. по собственному моему желанію я опредѣленъ въ Черниговскій полкъ священникомъ, гдѣ случилось происшествіе въ 1826 году отъ бывшаго шефа баталіоннаго командира подп. Муравьева, по коему и я оговоренъ безъ всякихъ малѣйшихъ моихъ въ ономъ участій, какъ и нимало не касающееся до священника, и—по выходѣ полка въ походъ изъ города Василькова, занимаемаго штабомъ—я остался въ ономъ при полковой церкви, и бдительно занимался присмотромъ за оной, и какъ тогда уже не осталось при штабѣ нижнихъ чиновъ, кромѣ лазаретныхъ, я изъ собственности моей нанималъ караулъ изъ тамошняго инвалида, дабы не подвергнуть себя законной отвѣтственности и сберечь церковь со всѣми принадлежащими къ оной вещами въ надлежащей цѣлости, на что впослѣдствіи времени не обращено ни малѣйшаго вниманія".

По разслѣдованіи оказалось, что III отдѣленіе не знало даже о наказаніи, наложенномъ на Кейзера, а потому онъ не былъ включенъ въ именные списки, по которымъ были исходатайствованы милости декабристамъ ко дню коронованія Александра II. III отдѣленіе, какъ будто забывъ о цѣломъ рядѣ смягченій и милостей, полученныхъ декабристами даже въ царствованіе Николая I, находило, что Кейзеръ подходилъ бы подъ XV статью манифеста и Высочайшаго указа 26 августа 1856 года, и сочло возможнымъ вернуть ему права по происхожденію, безъ правъ на прежнее имущество, и разрѣшить ему жить, гдѣ онъ пожелаетъ, не исключая столицъ и не подвергая его надзору. Просьбу же Кейзера о возстановленіи его въ священническомъ санѣ III отдѣленіе не находило возможнымъ удовлетворить. Правда, оно могло указать на случаи возстановленія въ прежнемъ званіи Н. И. Тургенева и Мих. Ив. Пущина, но эти лица въ данномъ случаѣ почему-то „не могли служить примѣромъ“. Относительно денежнаго пособія III отдѣленіе указало военному министру, черезъ котораго должна была быть представлена просьба Кейзера, что онъ можетъ лишь просить для него отъ 57 руб $14^2/_7$ коп. до 114 р. $28^4/_7$ коп. сер., т. е. въ размѣрѣ отнюдь не превышающемъ пособія, получаемаго декабристами. 21 іюля 1858 году военный министръ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что царь разрѣшилъ даровать Кейзеру прежнія права по происхожденію, безъ возвращенія священническаго сана и безъ правъ на имущество, съ правомъ жить безъ особаго надзора, гдѣ пожелаетъ, и назначить ему ежегодное пособіе въ размѣрѣ 57 р. $14^2/_7$ коп. сер.

Долго-ли прожилъ послѣ этой милости священникъ Кейзеръ, мы не могли узнать.

П. Щеголевъ.

15 іюля 1908 года.
Юрьевъ.

В. А. Зайцевъ за границей.

(По его письмамъ и воспоминаніямъ его жены).

Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ, сотрудникъ „Русскаго Слова“ (1863—1865 гг.), критикъ и публицистъ, въ свое время пользовался громкой извѣстностью и вмѣстѣ съ Писаревымъ былъ вождемъ молодежи. Вынужденное переселеніе за границу прервало его публицистическую дѣятельность. За границей Зайцевъ принималъ живое участіе въ соціалистическомъ движеніи, примкнувъ къ Бакунину. Въ настоящее время Зайцева мало помнятъ и знаютъ, но онъ не заслуживаетъ этой участи: онъ былъ интересный общественный дѣятель, писатель, много потрудившійся для Россіи своими сочиненіями и переводами, и симпатичный человѣкъ. Мы печатаемъ очеркъ его заграничной жизни, написанный его женой по воспоминаніямъ и его письмамъ. Письма даютъ яркую картину тяжелой эмигрантской жизни и рисуютъ Зайцева съ самой привлекательной стороны. Желая познакомить читателей съ дѣятельностью Зайцева до переселенія за границу, приводимъ соотвѣтствующую часть некролога, напечатаннаго въ № 47 „Общаго Дѣла“ за мартъ 1882 года.

По этому некрологу составлена и статья о Зайцевѣ въ „Критико-біографическомъ словарѣ“ С. А. Венгерова (т. VI, стр. 209 сс.)

„В. А. Зайцевъ родился 30-го августа 1843 г. въ Костромѣ. Отецъ его былъ чиновникъ (совѣтникъ казенной палаты) безъ всякаго состоянія, человѣкъ не глупый, по тогдашнему талантливый (писалъ статейки, стихи, былъ театраломъ и т. д.) и до послѣдней степени вѣрноподданный. Семейство Зайцева постоянно перемѣщалось, смотря по служебному назначенію отца, въ Варшаву, Рязань, Житоміръ.

В. А. Зайцевъ воспитывался дома и никогда не былъ въ гимназіи или какомъ-нибудь другомъ казенномъ заведеніи; онъ съ дѣтства былъ замѣчательно способенъ, учился легко, и съ раннихъ лѣтъ особенно пристрастился къ исторіи, которая всегда была его любимымъ предметомъ, и которую онъ зналъ необыкновенно отчетливо. Не имѣя полныхъ 16 лѣтъ, онъ былъ уже готовъ къ поступленію въ университетъ, но въ Московскій университетъ его не приняли за недостаткомъ лѣтъ, и только благодаря хлопотамъ отца, онъ могъ, нарушивъ законъ, поступить въ Петербургскій университетъ на юридическій факультетъ. Затѣмъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ перешелъ на медицинскій факультетъ въ Москву, гдѣ и оставался до 4-го курса.

Тутъ (въ 1862 г.) обстоятельства (но не смерть отца, который умеръ въ 1869 г.) сдѣлали 20-ти лѣтняго студента главною и единственной поддержкой семейства, т. е. матери и сестры. Онъ принужденъ былъ выйти изъ университета, чтобы зарабатывать себѣ и своему семейству пропитаніе.

Имѣя кой-кого знакомыхъ въ Петербургѣ, онъ отправился туда искать труда и нашелъ корректурную и переводную работу. Тутъ же онъ написалъ небольшую историческую статейку и снесъ ее въ „Русское Слово" къ Благосвѣтлову. Этотъ послѣдній прочелъ статью, и хоть не принялъ ее, но сразу понялъ, что передъ нимъ новый литературный талантъ и предложилъ В. А. участіе въ журналѣ.

И вотъ 20-ти лѣтній юноша начинаетъ свою литературную дѣятельность библіографическимъ листкомъ въ „Русскомъ Словѣ" и литературной критикой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ работать до истощенія силъ надъ переводами, которые скоро стали считаться классическими, и корректурой, чтобы пополнить недостатокъ средствъ, такъ какъ одной работой въ библіографическомъ листкѣ нельзя было прокормить семейство изъ трехъ человѣкъ въ Петербургѣ. Сверхъ того, онъ давалъ уроки сестрѣ, будучи не въ состояніи платить учителямъ.

Вотъ въ какихъ условіяхъ работалъ 20 лѣтній юноша. Тѣмъ не менѣе онъ и тогда уже не только рѣзко выдвинулся впередъ, но скоро сталъ любимымъ писателемъ молодежи и однимъ изъ основателей той литературно-реалистической школы, изъ которой развился современемъ, такъ называемый, нигилизмъ.

Антоновичъ, ярый антагонистъ Зайцева, полемизировавшій съ нимъ на страницахъ „Современника", называетъ В. А. „вождемъ, учителемъ и главой нигилистовъ", и признаетъ, что хотя и „къ стыду человѣчества в XIX вѣка, но вы (Зайцевъ) еще считаетесь первѣйшимъ и талантливѣйшимъ критикомъ въ нашей литературѣ, лучшимъ представителемъ реализма и учителемъ нигилизма" („Современникъ" 1865 г., № 3).

„Библіографическій листокъ, благодаря таланту и nerve Зайцева, изъ заброшеннаго отдѣла сталъ однимъ изъ самыхъ читаемыхъ, а нѣкоторыя его статьи читались молодежью, какъ нѣкогда читались статьи Бѣлинскаго. Такое впечатлѣніе произвела, напримѣръ, его статья по поводу новаго изданія Лермонтова, гдѣ, разбирая „Демона", онъ утверждалъ, что кругъ понятій Лермонтова былъ чисто офицерскій, и—по поводу выхода сборника переводовъ изъ Гейне, Костомарова, пользовавшагося тогда огромной извѣстностью, какъ предатель Михайлова, гдѣ Зайцевъ воспользовался однимъ изъ стихотвореній сборника—„Шпіонъ", чтобы съ настойчивостью и силой Бѣлинскаго публично бичевать это предательство, въ виду озадаченной цензуры.

В. А. писалъ много и на самыя разнообразныя темы, не исключая и философскихъ.

Относительно тѣхъ упрековъ въ парадоксальности, о чрезмѣрной увлекаемости, которымъ порою подвергалась тогда эта дѣятельность, и которыя Зайцевъ раздѣлялъ съ своимъ блестящимъ сотоварищемъ по журналу—Писаревымъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ этотъ послѣдній. Не всегда были справедливы эти упреки, но было-бы странно, по многимъ причинамъ, если бы они не заключали въ себѣ никакой доли справедливости. — Пора, въ которую началась литературная дѣятельность В. А., была порой внезапнаго пробужденія русской жизни и вызваннаго имъ энергическаго броженія идей, которое съ особенною силой сказалось въ литературѣ. Тамъ кипѣла борьба, которая впослѣдствіи перешла въ жизнь, зарождались литературныя партіи, которыя потомъ сдѣлались общественными. Общество жадно поглощало идеи, вносимыя въ него литературой, а литература торопилась дѣлиться своими идеями съ обществомъ, какъ бы предчувствуя, что свѣтъ, блеснувшій надъ нею, не есть еще день, а только короткій свѣтлый промежутокъ между двумя ночами. Въ эту горячую пору тревожной и страстной борьбы, когда некогда было заботиться о формѣ и частностяхъ, и самые зрѣлые представители

русской мысли не всегда могли сохранять спокойствіе и мѣру, тѣмъ менѣе могъ сдѣлать это человѣкъ, который, какъ В. А. Зайцевъ, принялся за литературную работу въ такую раннюю пору жизни и при такихъ неблагопріятныхъ для него личныхъ обстоятельствахъ. Не мудрено поэтому, что, желая выпрямить лукъ, онъ часто слишкомъ сильно нагибалъ его въ противоположную сторону и, высказывая свою мысль, забывалъ иногда обставить ее необходимыми оговорками и условіями, которыя ограничили бы рѣзкость заключавшагося въ ней отрицанія. Но дѣло въ томъ, что гнулъ онъ его всегда въ хорошую сторону, что всѣми своими увлеченіями, симпатіями и антипатіями, всѣмъ существомъ своимъ, онъ стоялъ на сторонѣ свѣтлыхъ принциповъ той эпохи, и въ этой беззавѣтной, не знающей уступокъ преданности этимъ принципамъ и заключается главная причина, почему его вліяніе на молодежь было такъ сильно, и почему имя Зайцева, въ ея воспоминаніяхъ, какъ и въ исторіи литературнаго и общественнаго движенія той эпохи, останется навсегда связаннымъ съ лучшими страницами этой исторіи и займетъ мѣсто въ ряду именъ лучшихъ представителей этого движенія".

Въ эпоху петербургской дѣятельности В. А., имя его ставилось непосредственно за именемъ Писарева, который и самъ относился всегда съ особеннымъ сочувствіемъ къ Зайцеву; они горѣли однимъ огнемъ, причемъ жаръ загребалъ ихъ руками Благосвѣтловъ, и это подчеркиваетъ тотъ же Антоновичъ въ „Современникѣ" (за 1865 г.), у котораго постоянно попадаются такія примѣчанія: „Писаревъ защищаетъ Зайцева во всемъ", или „разбранивъ насъ, Писаревъ сталъ расхваливать себя и Зайцева", „въ нашей статьѣ мы докажемъ, что „Русское Слово", т. е. собственно Писаревъ и Зайцевъ" и т. д.

„Дѣятельность В. А. Зайцева не ограничивалась однимъ сотрудничествомъ въ „Русскомъ Словѣ". Будучи извѣстенъ какъ талантливый писатель, онъ вскорѣ сдѣлался извѣстенъ и какъ одинъ изъ лучшихъ — если не лучшій — нашъ переводчикъ. Среди своей неустанной и разнообразной работы онъ нашелъ время выучиться по-итальянски и по-англійски (французскій, нѣмецкій и латинскій языки онъ изучилъ еще дома) и перевелъ между прочимъ: „Исторію Крестьянской войны" Циммермана, „Возстаніе Нидерландовъ" Мотлея, полную „Всемірную Исторію" Вебера, „Капиталъ" Маркса, „Левіафанъ" Гоббса, редактировалъ переводъ „Всемірной Исторіи" Шлоссера, смѣнивъ съ X тома Чернышевскаго, въ то время уже засаженнаго въ Петропавловскую крѣпость и т. д. Лучшие наши тогдашніе издатели: Вольфъ, Поляковъ, Тибленъ искали его переводовъ, и не было, кажется, такого издателя въ Россіи, у котораго бы онъ не работалъ.

Кто знаетъ, какое существенное значеніе имѣла въ то время переводная литература для развитія русскаго общества, тотъ пойметъ всю важность услуги, оказанной нашему просвѣщенію неутомимой дѣятельностью молодого переводчика".

Но скоро вся эта разнообразная дѣятельность должна была прекратиться. Зайцевъ слишкомъ выдвинулся изъ ряду, былъ слишкомъ на виду, благодаря своей литературной пропагандѣ и вліянію на молодежь; въ 1865 г., когда польское возстаніе испугало большинство не только общества, но и литераторовъ, В. А. оставался вѣрнымъ себѣ и продолжалъ писать о польскихъ дѣлахъ въ такомъ духѣ, который былъ опасенъ для всякаго, а тѣмъ болѣе для Зайцева, находившагося уже „на замѣчаніи".

Все это привело къ тому, что В. А. былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Переходимъ теперь къ матеріаламъ писемъ.

Въ маѣ 1866 г., послѣ Каракозовскаго выстрѣла, В. А. Зайцевъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ 4 мѣсяца. Никакихъ уликъ противъ него по этому дѣлу не

нашлось, и правительству пришлось свести свое обвиненіе къ одному *нравственному* участію Зайцева въ дѣлѣ покушенія. Поэтому его принуждены были выпустить, но по освобожденіи изъ крѣпости, полиція не желала оставлять его въ покоѣ и отравляла ему жизнь постоянными обысками и вызовами по малѣйшему поводу. Статьи его или запрещались цензурой или просто не принимались въ редакціяхъ; такимъ образомъ, о дальнѣйшей его дѣятельности въ Петербургѣ не могло больше быть и рѣчи. Становилось очевиднымъ, что оставаться дальше при такихъ условіяхъ въ Россіи было не безопасно, и новый арестъ грозилъ ему ежеминутно.

Въ 1867 г. онъ женился и сталъ хлопотать о разрѣшеніи выѣхать за границу. Къ тому же, здоровье его было подорвано острымъ ревматизмомъ, полученнымъ въ крѣпости и отразившемся на его сердцѣ на всю жизнь. Его болѣзненное состояніе, осложненное еще и болѣзнью глазъ, тоже наслѣдіемъ крѣпости, требовало основательнаго лѣченія и послужило хорошимъ предлогомъ для выѣзда за границу. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось хлопотать около двухъ лѣтъ, чтобы получить, наконецъ, это разрѣшеніе. Въ то время бывшій шефъ жандармовъ, Мезенцевъ, прямо заявилъ ему, что „пока онъ живъ, Зайцевъ не получитъ паспорта“. И только благодаря профессору С. П. Боткину, отъ котораго онъ получилъ свидѣтельство о болѣзни, ему удалось выхлопотать себѣ заграничный паспортъ. На другой день по полученіи паспорта къ Зайцеву является приставъ; обманомъ, подъ видомъ провѣрить его, онъ беретъ паспортъ и уноситъ его. Снова пришлось хлопотать недѣли двѣ и опять добывать его уже изъ „секретнаго стола“ Колышкина. Наконецъ, 9-го марта 1869 г., снова получивъ паспортъ, онъ сейчасъ же выѣхалъ прямо въ Парижъ, гдѣ уже находились его мать и сестра съ мужемъ, докторомъ Якобіемъ. Онъ оставлялъ въ Петербургѣ, за неимѣніемъ средствъ на выѣздъ, жену и маленькую дочь.

За границей Зайцеву, разумѣется, пришлось отказаться отъ мысли печататься въ Россіи. Сношенія съ редакціями затруднялись отдаленностью и возрастающей строгостью цензуры, да и самое настроеніе въ обществѣ значительно понизилось подъ вліяніемъ возрастающихъ репрессій.

Въ Парижѣ Зайцевъ первое время испытываетъ новыя нравственныя мученья. Принужденный, какъ онъ самъ пишетъ, „бросить жену и дочь на произволъ судьбы“, безъ возможности вернуться къ нимъ обратно, чувствуя свою полную безпомощность вдали отъ своихъ литературныхъ связей, лишенный твердой почвы, онъ переживалъ минуты настоящаго отчаянія.

Онъ пишетъ изъ Парижа женѣ 10-го апрѣля 1869 г. ...„Некрасовъ, если и здѣсь, то вѣдь я не могу его найти, узнать негдѣ его адресъ. Теперь статьи присылать не стоитъ, потому что это не поможетъ. Статья много, много на 150 какихъ-нибудь рублей, а намъ надо 700; если Поляковъ не дастъ, мнѣ и гово-

рить нечего, надо скоро возвращаться, а то я съ тоски удавлюсь. Не шутя, говорю. Вотъ влѣзъ въ западню какую-то, что и назадъ то попасть нельзя".

„Парижъ, 11-го апрѣля, 1869 г., полночь. Вчерашнее извѣстіе (объ арестѣ брата жены) такъ сразило меня, что я совсѣмъ сдѣлался было боленъ... сегодня къ вечеру мнѣ лучше, а то была ужасная головная боль два дня, такъ что встать не могъ. Мнѣ кажется, что если я еще промучусь такъ, какъ послѣднее время въ февралѣ, то рехнусь, наконецъ. Одинъ бы конецъ! Впрочемъ, теперь мнѣ гораздо лучше, и я хочу написать тебѣ, какъ и что намъ дѣлать. Возвращаться мнѣ невозможно по здоровью, да и по тому, что тамъ у васъ дѣлается".

„3-го мая, Парижъ... Я былъ у Некрасова, предлагалъ ему работу; онъ былъ очень любезенъ, хотѣлъ быть у меня. Въ понедѣльникъ онъ ѣдетъ; стало быть, будетъ сегодня или завтра, а быть ему больше не зачѣмъ, какъ что бы привезти денегъ. Если я получу отъ него хоть 100 р., то легче будетъ, потому что всегда будетъ возможность уѣхать. А между тѣмъ сидѣть безъ денегъ непріятно, тѣмъ болѣе, что ихъ нѣтъ ни у кого изъ насъ. Очень жаль, если ты не могла выслать 140 фр. Здѣсь теперь безъ денегъ бѣда. Парижъ ужасно волнуется. Всякій день можно ждать баррикадъ и рѣзни. Народъ на улицѣ кричитъ: „Долой Наполеона и да здравствуетъ республика!" Третьяго дня была близко отъ насъ драка. Вообще мы живемъ въ самомъ бурномъ кварталѣ Saint Jacques. Того и гляди, что подъ окнами начнутъ баррикаду строить. Наполеонъ припасъ массу войска. Какъ пойдутъ усмирять—страсти, что будетъ, потому что свирѣпы ужасно эти войска. Тутъ безъ денегъ пропадешь; надо бы сестру и мать перевезти въ отель въ случаѣ чего, а безъ денегъ нельзя. Если ты меня не выручишь въ теченіе этой недѣли, то я серьезно говорю, что больше меня не увидишь, теперь здѣсь сгибнуть не трудно, была бы охота..."

Первое время за границей Зайцевъ существовалъ переводами у тогдашняго издателя Н. П. Полякова; онъ переводилъ Лассаля, Вольтера, Дидро, Гоббса. Онъ переводилъ также и для книгоиздательства Вольфа. Всѣ же оригинальныя статьи, какія онъ пробовалъ посылать въ ежемѣсячные журналы, не пропускались цензурой и, конечно, пропадали.

Между прочимъ, такая же участь постигла и его извѣстную статью о „Второй Имперіи". Статья эта была заказана ему Некрасовымъ при свиданіи ихъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ общихъ выборовъ въ палату, происходившихъ тогда во Франціи. Своей остроумной характеристикой тогдашнихъ представителей буржуазіи, Зайцевъ заинтересовалъ Некрасова, который и предложилъ ему написать по этому поводу статью для помѣщенія въ „Отечественныхъ Запискахъ". Несмотря на это, когда статья была написана и отправлена въ редакцію, послѣдняя не только не приняла ее, но и отвѣтила, что „нельзя клеветать голословно; и

даже противно фактамъ обвинять такихъ заслуженныхъ бойцовъ свободы, республики и народа, каковы Jules Favre, Jules Simon и Ernest Picard!“

Въ маѣ 1869 г. онъ поѣхалъ въ Берлинъ встрѣтить жену, получившую, наконецъ, возможность выѣхать къ нему съ дочерью. Такъ какъ жизнь въ Парижѣ оказалась слишкомъ дорогой, то, по указанію друзей и по настояніямъ врача, опасавшагося за его здоровье и совѣтовавшаго ему устроиться гдѣ нибудь въ деревнѣ, онъ переѣхалъ съ семьей въ Доль, маленькій городокъ въ департаментѣ Дуба близъ Безансона. Тамъ онъ пробылъ до января, живя тихой, семейной жизнью. Въ сентябрѣ онъ ѣздилъ оттуда въ Лозанну на международный конгрессъ „Лиги Мира“. Послѣ картины бурныхъ парижскихъ выборовъ большая часть рѣчей показалась ему блѣдными, а настроеніе расплывчатымъ. Вотъ какъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія въ письмахъ изъ Лозанны отъ 14-го сентября 1869 г.:

„Сейчасъ пришелъ съ конгресса (въ 6-мъ часу). Онъ открылся въ 2 часа. Надо было взять билетъ, который стоитъ 4 фр. (На всѣ сеансы). Шенсновича [1]) не видалъ я, вѣроятно, не увижу. Остановился въ какомъ-то вертепѣ... Такъ малъ, что писать приходится на умывальникѣ. Въ отелѣ des Alpes не было комнатъ, и еще въ двухъ не было, и вотъ меня привезъ динстманъ въ этотъ вертепъ... Вертепъ, впрочемъ, удобенъ тѣмъ, что какъ разъ противъ собора или вообще какой-то церкви, гдѣ продаются фрукты, а рядомъ съ этой церковью — казино, гдѣ конгрессъ. Притомъ я дома еще въ первый разъ, а то все или въ кафе или внизу въ столовой или на гуляньи подлѣ казино; съ этого гулянья видъ на озеро и Альпы — такъ хорошо, что даже невѣроятно. Съ другой стороны Юра, въ сравненіи съ Альпами такая убогая. Такая милая эта Лозанна — лучше города не видалъ. Невшатель тоже, кажется, милъ, но ужасно малъ, меньше вдвое Доля. Кстати: есть здѣсь два дольца — одинъ со мной пріѣхалъ, а другой со мной въ вертепѣ обѣдаетъ. Оба старые; одного не знаю (который со мной ѣхалъ), а обѣдающій — ужасный радикалъ, говоритъ, что во всей Юрѣ только три ихъ такихъ; но изъ старинныхъ, стоитъ горой за Жюля Фавра, умиляется надъ Гюго и ругаетъ Рошфора... Сегодня Гюго говорилъ, еще другой президентъ (страшный хамъ) говорилъ, Hoegg говорилъ, супружница его говорила, Simon говорилъ (нѣмецъ) и Chaudey представилъ комедію“...

„15 го сент. 1869 г. ...Сейчасъ опять съ конгресса. Славно было. Не хочется завтра уѣзжать... Французы — милые, отличаются; сегодня одного колумбійца пристыдили; и я его ругалъ, кричалъ не мало; еще здѣшній судья плелъ чепуху потѣшную, предлагалъ А . . . Н . . . и прочимъ письма писать. Отъ судьи слышали! Архіерей (Гюго) все сидитъ, аки нѣмецкій болванъ,

[1]) Русскій эмигрантъ.

поддержи щеку, какъ на фотографіи... Нѣтъ! что не говори, а очень важное дѣло—свободная рѣчь, это не то, что газета. Рошфора нѣтъ; есть Мёррисъ и Гамбетта. Милый такой есть тутъ одинъ французъ, фамилія изъ ума вонъ,—Жюля Фавра ругалъ; ему нѣкоторые шикали; я отбилъ руки; руссацетовъ ругали. Кажется, Вырубовъ здѣсь съ какимъ-то другимъ изъ несчастнаго племени... Щенсновича нѣтъ; да вообще поляковъ не слышно; я нарочно прислушиваюсь, чтобы спросить. Зато венгерцевъ масса"...

Въ январѣ 1870 г. Зайцевъ переѣхалъ съ семьей въ Женеву, гдѣ онъ расчитывалъ завязать сношенія съ русскими эмигрантами. Тамъ находились тогда: Жуковскіе, Левъ Мечниковъ, Жемановъ, Элпидинъ, Щенсновичъ, Родзевичъ, Гулевичъ и др. Женева была тогда главнымъ центромъ, куда большею частью стекались русскіе эмигранты, увлеченные соціалистическимъ движеніемъ. Новая политическая жизнь закипала среди съѣхавшихся съ разныхъ концовъ представителей соціализма; начинала пробуждаться и дѣятельность рабочаго класса. Рабочее движеніе вскорѣ рѣзко распалось на двѣ враждебныя партіи; вождемъ одной изъ нихъ былъ Марксъ, вдохновителемъ другой являлся Бакунинъ. Симпатіи Зайцева рѣзко опредѣлились въ сторону Бакунинскаго направленія, и по прибытіи своемъ въ Женеву, Зайцевъ примкнулъ къ движенію, вступивъ въ члены Интернаціонала.

Въ скоромъ времени, однако, ради экономіи и своихъ работъ, Зайцевъ рѣшилъ перебраться съ семьей въ Туринъ, гдѣ жила тогда его сестра съ мужемъ. Туринская библіотека славилась своими рѣдкими изданіями и могла служить ему для успѣшной работы, а совмѣстная жизнь съ семьей его сестры — способствовать уменьшенію расходовъ.

Средства къ жизни у Зайцева постепенно все уменьшались. Связь съ Россіей все больше и больше порывалась; переводы, которые онъ дѣлалъ для издателя Полякова, большею частью запрещались, а оригинальныя статьи тѣмъ болѣе. Покойный Салтыковъ прямо заявилъ: „Передайте Зайцеву, чтобы онъ не забывалъ, что у насъ есть у Чернышева моста одно учрежденіе". Между тѣмъ В. А. Зайцевъ продолжалъ усердно работать въ Туринской библіотекѣ, и изучалъ въ тоже время испанскій языкъ. Онъ уже зналъ французскій, нѣмецкій, англійскій, латинскій и итальянскій языки.

Тутъ же была имъ составлена, сообща съ зятемъ, докторомъ Якобій, статья о санитарномъ положеніи рабочихъ, по заказу Ловцова, который состоялъ редакторомъ „Архива судебной медицины". Статья была напечатана, и „Архивъ" былъ тотчасъ же прекращенъ, а редакторъ Ловцовъ устраненъ отъ редакторства.

Вообще надо сказать, что Зайцеву за границей пришлось періодически бѣдствовать, такъ какъ его литературный заработокъ былъ постоянно неправиленъ.

Какъ характерные примѣры этого затруднительнаго положенія, привожу слѣдующіе случаи. Живя первое время во Франціи,

онъ не зналъ, что тамъ можно пользоваться кредитомъ. Однажды, въ Долѣ, дѣло дошло до того, что въ домѣ не было нѣсколькихъ су, чтобы купить табаку; Зайцевъ же не могъ обходиться безъ куренья, и чтобы переносить легче это лишеніе, онъ отказался отъ ѣды и легъ спать. Въ этотъ день дома нашлось для обѣда всего одно яйцо и немного муки; изъ этого сдѣлали клецки и опустили ихъ въ наваръ изъ спаржи, которая въ изобиліи росла въ огородѣ при домѣ. Сначала Зайцевъ упорно отказывался отъ ѣды, но попробовавъ этого супа, нашелъ, что лучшаго никогда не ѣдалъ. Тутъ къ счастью подоспѣла помощь отъ сестры изъ Парижа. Онъ сейчасъ же отправился на почту получать присланныя деньги. По дорогѣ, мучимый страстнымъ желаніемъ покурить, онъ зашелъ въ лавку купить простую сигару въ одну су, единственное находившееся у него въ жилетномъ карманѣ. Взявъ сигару, онъ тотчасъ же съ наслажденіемъ закурилъ ее. Но когда полѣзъ въ карманъ за единственнымъ су, о ужасъ! его тамъ не оказалось. Сильно сконфуженный, онъ не зналъ, что дѣлать. Лавочница его успокоила словами: „послѣ заплатите". Потомъ это су оказалось завалившимся за подкладку. Все, что было цѣннаго въ домѣ, понемногу продавалось, такъ какъ Зайцевъ еще не зналъ, что можно закладывать. Однажды, взявъ серебряную ложку своей маленькой дочери, онъ отправился ее продавать. На вырученныя деньги онъ купилъ кусокъ мяса, табаку и сластей для дочери, а о хлѣбѣ и прочемъ онъ и не подумалъ.

Въ Туринѣ тоже переживались трудныя минуты. Въ Италіи кредитъ былъ не въ обычаѣ. Дошло до того, что въ домѣ не было денегъ купить чаю, но такъ какъ при домѣ былъ большой фруктовый садъ, то матери Зайцева пришло въ голову замѣнить чай сушеными персиковыми листьями, и этимъ чаемъ довольствовались около мѣсяца, пока откуда-то не получились деньги.

Въ концѣ 1870 г. вспыхнула франко-прусская война. Въ 1871 г. составился Гарибальдійскій отрядъ, и осенью этого года его сестра съ мужемъ, примкнувшимъ къ отряду въ качествѣ волонтера-доктора, направились въ Дижонъ. Зайцевъ съ семьею и старухой матерью остались въ Туринѣ. Здѣсь при содѣйствіи нѣсколькихъ журналистовъ онъ основалъ первую итальянскую секцію Интернаціонала. Секція эта, положившая начало основанію цѣлаго ряда другихъ секцій въ Италіи, стала во главѣ движенія, и шла по пути, намѣченному Бакунинымъ. Въ ноябрѣ 1871 г. онъ поѣхалъ повидаться съ Бакунинымъ, а зимою 1872 г. съ семьей опять переѣхалъ въ Женеву. Туда послѣ войны наѣхало много коммунаровъ, съ которыми онъ и перезнакомился. За это его однажды выселили изъ буржуазнаго пансіона Пико, изъ боязни „петролёровъ" (pétroleurs, отъ слова петроль—керосинъ,—такъ называли коммунаровъ)—и ему пришлось въ концѣ концовъ нанять комнату у торговца-нѣмца, гдѣ пришлось обзавестись своимъ хозяйствомъ.

Въ то время подоспѣла помощь со стороны Некрасова. Онъ напечаталъ переведенныя имъ съ итальянскаго воспоминанія Гари-

бальдійца „Красная рубашка во Франціи“, уплативъ за нихъ, какъ за оригинальную статью. Этого гонорара хватило на 3 мѣсяца. Затѣмъ онъ получилъ частную работу отъ вдовы библіомана Касаткина, эмигранта, умершаго близъ Женевы и оставившаго богатую библіотеку. Приведеніе ее въ порядокъ и состаленіе каталога было поручено Зайцеву.

Изъ коммунаровъ Зайцевъ былъ знакомъ съ Лефрансэ, съ которымъ сохранилъ связь до самой смерти, потомъ съ Траколемъ, Флуражемъ и др. Бакунинъ въ томъ году былъ въ Женевѣ только проѣздомъ. Онъ тутъ же сталъ уговаривать Зайцева переселиться на житье въ Тесинскій кантонъ, въ Локарно, на Лаго Маджіоре, чтобы быть ближе къ Италіи и имѣть возможность поддерживать сношенія съ итальянской секціей Интернаціонала.

Между тѣмъ вражда между двумя рабочими партіями достигла такихъ размѣровъ, что одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Маркса, соціалистъ Утинъ, подкупилъ своихъ сторонниковъ избить Зайцева. Въ одинъ прекрасный вечеръ на бурномъ собраніи Интернаціонала, гдѣ Зайцевъ говорилъ противъ марксистовъ, его окружили и хотѣли избить. Только благодаря вмѣшательству рабочихъ, онъ ушелъ съ засѣданія невредимымъ.

Лѣто Зайцевъ провелъ около Женевы, въ Аирѣ, на дачѣ. Онъ пишетъ оттуда женѣ, временно уѣхавшей въ Россію: „...Третьяго дня я опять былъ въ городѣ, въ Горшкѣ (Marmitte, секція Интернаціонала), гдѣ произошелъ grosser scandal, мордобитіе и столпотвореніе. .“

„Аиръ, 18-го іюня, 1872 г. ...Во вчерашнемъ письмѣ я тебѣ писалъ, между прочимъ, что третьяго дня я вышелъ въ отставку наконецъ; скандалы въ Горшкѣ дошли до неимовѣрности и кончились удаленіемъ многихъ; однихъ выгнали, другіе, какъ я, сами вышли...“

Осенью 1872 г. Зайцевъ перебрался съ семьей въ Локарно. Здѣсь онъ еще тѣснѣе сблизился съ Бакунинымъ, поселившись съ нимъ въ одномъ домѣ и устроивъ общее хозяйство. Бакунинъ имѣлъ привычку работать по ночамъ. Поздно вечеромъ Зайцевъ отправлялся къ нему и писалъ подъ его диктовку его „Воспоминанія“. Куда они дѣлись послѣ смерти Бакунина—неизвѣстно. Тутъ Зайцевъ перезнакомился со многими итальянскими дѣятелями: Малатеста, Кафіеро, Коста, Фанелли и др. Въ это же лѣто между итальянцами рѣшено было купить виллу, чтобы устроить убѣжище для итальянскихъ изгнанниковъ. Съ этой цѣлью была куплена запущенная дача „Бароната“, находившаяся близъ Локарно, надъ озеромъ Лаго Маджіоре.

Между тѣмъ средствъ къ жизни у Зайцева въ 1873 г. было все меньше. Въ Локарно, почти въ каждомъ домикѣ, обыватели занимались разведеніемъ шелковичныхъ червей. Сбытъ коконовъ былъ обезпеченъ близостью шелковичной фабрики. Зайцеву пришло въ голову заняться этимъ производствомъ, чтобы увеличить свой бюджетъ. Въ саду при домѣ, кстати, росли тутовыя деревья,

листья которыхъ служать пищей для шелковичныхъ червей. Доставъ сѣмянъ (яичекъ шелковичной бабочки) и устроивъ въ одной изъ комнатъ помѣщеніе для червей, Зайцевъ принялся за дѣло. Но скоро оказалось, что трудъ ему не по плечу. Близорукій, разсѣянный, неловкій въ физическихъ работахъ, онъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что перо—его единственное орудіе. То онъ обрѣжетъ руки, обрубая косаремъ вѣтви дерева; то упадетъ съ лѣстницы, доставая листья для питанія червей. Но въ концѣ концовъ, когда онъ проработалъ упорно, вдвоемъ съ женой, въ продолженіе 6 недѣль, его тяжелый трудъ увѣнчался успѣхомъ: онъ заработалъ на коконахъ 75 фр. По сравненію съ выгодой, получаемой другими обывателями этого городка, заработокъ былъ болѣе, чѣмъ скромный и, разумѣется, недостаточный для существованія втроемъ, съ женой и дочерью.

Тогда по совѣту одного друга, польскаго эмигранта Мрочковскаго, который имѣлъ свою фотографію въ Ментонѣ (во французской Ривьерѣ), Зайцевъ, оставивъ въ Локарно семью, поѣхалъ на зиму туда искать заработка уроками въ русскихъ семействахъ, пріѣхавшихъ лѣчиться солнцемъ въ Ментону.

Оттуда онъ писалъ женѣ:

„Ментона, 7-го ноября 1873 г. ...Разскажу нашу [1]) дорогу и пріѣздъ сюда по порядку. Ѣхали мы *понедѣльникъ весь день подъ проливнымъ дождемъ*; въ Мортарѣ, гдѣ мы часъ ждали, разразилась ужасная гроза; наконецъ, добрались до Александріи, гдѣ и ночевали. На другой день утромъ пошли пѣшкомъ на гору; вдругъ является солнце, и сдѣлалась хорошая погода. Проѣхавъ С.-Пьердарену, свернули, не заѣзжая въ Генуя, и на первой же станціи слышу точно нѣсколько вагоновъ быковъ реветъ. Это такъ море воетъ. Потомъ все ѣхали самымъ берегомъ моря, мимо рощъ оливокъ, апельсиновъ и пальмъ. Море такъ хорошо, что лучше ничего на свѣтѣ нѣтъ по части природы, хотя, конечно, омары еще лучше, но это уже по части съѣстного. Скучно въ этой дорогѣ только, что все туннели (не то 75, не то 95 отъ Генуи до Ниццы), и отъ дождей (здѣсь передъ нами была цѣлая недѣля дождей) нѣкоторые такъ размокли, что держатся на подпоркахъ, и ѣдутъ въ нихъ шагомъ. Пріѣхали, наконецъ, сюда...“

„Ментона, 13-го ноября 1873 г. ...Плохія извѣстія изъ Петербурга. Одна надежда на А. Н. [2]). И здѣсь плохо. Какъ только осмотрюсь немного въ Ниццѣ, дня черезъ два напишу и адресъ пришлю. Здѣсь уже мнѣ очень надоѣло жить не причемъ. Бродишь цѣлый день, какъ душа въ чистилищѣ. Погода больше скверная; когда выдается солнечный день, то съ холоднымъ вѣтромъ. Одно удовольствіе — море, какъ волны подкатываются и вдругъ вода хватитъ по колѣно, но не промачиваетъ, потому что

---

[1]) Онъ ѣхалъ съ семьей сестры.

[2]) Александра Николаевна Я., знакомая, хлопотавшая о помѣщеніи его статей въ журналы.

почти одна пѣна. Отъ моря, если долго у него стоять, то губы дѣлаются соленыя и усы, и такъ это аппетитъ возбуждаетъ, какъ селедка...“

„Ницца, 25-го ноября 1873 г. ...Ты, вѣрно, уже въ Баронатѣ. Я получилъ всѣ твои письма и очень радъ, что ты обошлась, благодаря Бакунину, съ кредиторами. Мои дѣла въ прежнемъ положеніи; т. е. имѣю два урока... Попъ про меня распускаетъ, что я эмигрантъ, пріятель Нечаева былъ; знаетъ, что я друженъ съ Бакунинымъ... Прилагаемое письмо передай Бакунину. Я ему не писалъ, потому что нечего было, да и теперь мало любопытнаго...“

„Ментона, 29-го ноября 1873 г. ...Сейчасъ условился съ однимъ семействомъ здѣсь на уроки... Въ четвергъ отъ безсонницы, усталости, широкко [1]), тревоги и прочтенія непріятныхъ писемъ меня чуть кондрашка не хватилъ, едва не упалъ. Ну, теперь все хорошо; скажи Б. (Бакунину), что я ему пошлю на-дняхъ сѣмянъ и ростковъ, но нельзя все дѣлать, какъ на пожаръ. Прежде пошлю сѣмянъ, а потомъ выберу воскресенье, поѣдемъ въ Италію и отправимъ ростки и луковицы“.

„Ницца, 8-го декабря 1873 г. ...Вообще сезонъ здѣсь ужъ всѣми признанъ несостоявшимся. Въ отеляхъ, гдѣ прошлой зимой жило по 40 семействъ, теперь по 5... Сегодня все равно бы написалъ; но тѣмъ охотнѣе пишу, что могу сообщить кое-что хорошее. Ты, вѣрно, уже получила 75 или 100 руб. отъ Ал. Ник. Отъ нея я сегодня получилъ письмо. Моя статья о Рабле принята „Отечественными Записками“, которыя выдаютъ эти деньги. Кромѣ того она присылаетъ мнѣ переводъ съ англійскаго по 20 р. съ листа. Все же, хоть что-нибудь хорошее. Впрочемъ, я еще и здѣсь не потерялъ надежды .. Я ужасно благодаренъ нашему старику Б. за тебя; что ни говори, а добрая онъ душа“.

„Ментона, 16-го декабря 1873 г. ...Если завтра не получу отъ тебя письма, буду безпокоиться, не уѣхала ли ты во Флоренцію. Непріятно было бы. Если еще не уѣхала, повторяю тебѣ, не ѣзди до новаго года: зачѣмъ тебѣ безполезно странствовать. У Б. тебѣ покойно и хорошо, зачѣмъ же скитаться безъ надобности... Я сдѣлалъ подлость недавно. Чтобы заискать въ попѣ, ѣздилъ на выборы церковныхъ старостъ и подавалъ голосъ за поповскихъ кандидатовъ. Вотъ была умора — просто водевиль писать. Рѣчи говорились съ латинскими фразами — ни дать, ни взять, какъ у Щедрина“.

„Ментона, 28-го декабря 1873 г. Вообще же я тебѣ скажу, что славны бубны за горами. Съ пресловутымъ богатствомъ на урокахъ вышло то же, что выходитъ съ погодой. Говорятъ — прелесть, а пріѣдешь—гадость, и объясняютъ, что это année exceptionnelle. Здѣсь о погодѣ этого нельзя сказать, но на счетъ уроковъ говорятъ, что année exceptionnelle. Все это, конечно, вздоръ,

---

[1]) Южный морской вѣтеръ.

для поповскихъ protégés année совсѣмъ не exceptionnelle, но уроковъ всегда хватаетъ только на нихъ..."

„Ментона, 10-го февраля 1874 г. На дворѣ шумитъ буря, а у меня ноетъ ужаснымъ образомъ нога, какъ давно, кажется, съ Россіи не ныла. Хочу тебѣ написать, а завтра пошлю письмо и, можетъ быть, придется завтра увѣдомить тебя, что я выѣду скорѣе, чѣмъ думалъ... Еще не знаю, какъ ѣхать, дорога прервана въ двухъ мѣстахъ. Туннели пришли въ такое состояніе подъ Санъ-Ремо и далѣе, что правительство запретило ѣздить. Перевозятъ на лошадяхъ, да не знаю, исправно ли. Не пришлось бы застрять или платить сумасшедшія деньги! Можетъ быть, поѣду моремъ, если сегодняшняя буря не есть начало бурь равноденствія. Тогда и пароходы не будутъ ходить. Море сегодня все черное въ бѣлой пѣнѣ, какъ было, когда старикъ пришелъ въ послѣдній разъ къ золотой рыбкѣ. Отъ насъ до моря шаговъ 500 будетъ, а реветъ такъ громко, какъ будто подъ самыми окнами... То, что ты пишешь о Баронатѣ и ея чудесахъ, меня мало удивляетъ, потому что здѣсь вижу тоже самое"...

На слѣдующую зиму, въ 1875 г., Зайцеву удалось устроиться съ семьей въ Ментонѣ, гдѣ нашлись уроки, дававшіе хорошій заработокъ.

Правда, на уроки приходилось отправляться въ Ниццу, находившуюся въ разстояніи часа ѣзды отъ Ментоны, и работы было много, но этотъ заработокъ давалъ ему возможность уѣзжать на лѣтніе мѣсяцы съ семьей изъ Ментоны, когда тамъ становилось невыносимо жарко, и даже одно лѣто (а именно 1875 г.) съѣздить полѣчиться отъ ревматизма „грязями" въ Акви, около Генуи.

Между тѣмъ, благодаря цензурнымъ гоненіямъ, книгоиздательство Полякова прекратило свое существованіе, а съ нимъ прекратилась для Зайцева возможность сбывать свои переводныя статьи. Основавшись окончательно въ Ментонѣ и сознавая полную невозможность работать въ русской журналистикѣ, онъ задумалъ писать здѣсь исторію Востока, Греціи и Рима.

Своими работами по исторіи онъ надѣялся возобновить связь съ Россіей. Къ тому же онъ съ молодыхъ лѣтъ увлекался изученіемъ исторіи; его всегда привлекали историческія сочиненія, которыя онъ читалъ въ подлинникахъ на разныхъ языкахъ; онъ слѣдилъ жадно за всѣми новыми работами и изслѣдованіями по исторіи. Будучи страстнымъ коллекціонеромъ, онъ вступилъ въ переписку съ издательствомъ „Готскихъ альманаховъ" и, собравъ коллекцію этихъ альманаховъ за 15 лѣтъ, послѣдовательно отмѣчалъ въ нихъ перемѣну политическихъ событій.

Продолжая давать частные уроки и работать надъ составленіемъ руководства по Всемірной Исторіи, онъ въ тоже время дѣятельно сотрудничалъ къ „Общемъ Дѣлѣ", основанномъ Елпидинымъ въ 1877 г., и изрѣдка посылалъ корреспонденціи во французскія газеты: „République Francaise", „Rappel", „Marseillaise".

Между тѣмъ ревматизмъ, пріобрѣтенный въ крѣпости, и переутомленіе умственнымъ трудомъ, все больше и больше подтачивали его здоровье. Въ 1877 г. и 1878 г., во время и послѣ русско-турецкой войны, количество уроковъ очень сократилось, такъ какъ съ паденіемъ нашего курса русскія семьи почти перестали ѣздить за границу.

Лѣтомъ 1877—1878 гг. Зайцевъ уже не имѣлъ средствъ выѣзжать изъ Ментоны, и это не замедлило отразиться на его здоровьѣ: начались сильныя головокруженія, доходившія до обмороковъ.

Но въ 1879 г., благодаря содѣйствію одного пріятеля, русскаго эмигранта П. Алисова, Зайцеву удалось съѣздить въ Италію, посѣтить Римъ и Неаполь и на мѣстѣ изучить памятники древности. Онъ былъ большимъ поклонникомъ культуры древняго міра, и эта поѣздка произвела на него сильное впечатлѣніе. Изъ Италіи онъ пишетъ женѣ и дочери:

„Понедѣльникъ, 7-го апрѣля, 9 час. вечера, Albergo della Minerva, Римъ. Надо мнѣ вамъ писать, отцы сенаторы, но пусть Боги разразятъ меня, если я знаю, что и какъ писать. Могу сказать одно: пріѣхавъ вчера въ часъ, я вылилъ на себя ведро воды, выпилъ чашку бульона,—переодѣлся и побѣжалъ. Передъ послѣдней станціей мнѣ казалось, что я умираю отъ усталости и могу только рухнуться въ постель. Но то, что я увидѣлъ подъѣзжая, заставило забыть всю усталость. Съ той поры и почти до этой я бѣгаю, бѣгаю, бѣгаю, за исключеніемъ, конечно, часовъ ночи. Теперь пообѣдавъ у З. С. (жены Мрочковскаго), вернулся домой на отдыхъ, съ тѣмъ, чтобы завтра съ 9 ч. снова побѣгать до 6, когда буду обѣдать у Lepre, куда приглашенъ Боткинымъ. Большую часть всего этого совершилъ съ Фелей (сынъ Мрочковскаго), который неутомимъ. Онъ вамъ разскажетъ, гдѣ мы были и въ какое состояніе я былъ приведенъ такимъ невѣроятнымъ спектаклемъ. Кто имѣетъ о Римѣ понятіе только по картинкамъ, тотъ совсѣмъ не имѣетъ понятія, даже приблизительно. Это все равно, что знать вкусъ кушанья по чужому описанію или по рисунку. Я щупаю себя, чтобы убѣдиться, что это точно я, который все это видитъ. Безсмертные боги! Какъ это сотворилось такое чудо? Клянусь Касторомъ и Поллуксомъ, которыхъ я видѣлъ сегодня на Капитоліи въ томъ самомъ видѣ, какъ они являлись римскому войску, ничего подобнаго я и вообразить не могъ. Одна бѣда, что нельзя мнѣ тутъ жить, никогда отсюда не выѣзжая. Я здоровъ ужасно, несмотря на страшную дорогу, гдѣ всю ночь и до часу дня нельзя даже промочить горло теплымъ. Погода вѣтряная сегодня и мрачная, но вчера была хороша, только послѣ Ментоны холодновато. Теперь жду Алисова, можетъ пріѣдетъ въ 11 часовъ. Сижу въ номерѣ и все дрожу, когда по улицѣ ѣдутъ экипажи, что съ непривычки кажется хроническимъ землетрясеніемъ или будто домъ отеля боленъ лихорадкой. Странные тоже обычаи въ здѣшнихъ кафе: во-первыхъ, кофе подаютъ съ мелкимъ сахаромъ; во-вторыхъ, по языческому обычаю дѣлаютъ гарсоны

воздіяніе, но не передъ богами, а передъ посѣтителями. Сегодня утромъ мы съ Фелей завтракали и гарсонъ вылилъ намъ подъ ноги цѣлую бутылку Fernet Blanca. Въ третьихъ, наконецъ, кафе не кафе, а булочныя. Что городъ, то норовъ! Не взыщите, что горожу чепуху, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какъ въ чаду отъ всего видѣннаго. А завтра предстоитъ Ватиканъ.—Опять припадокъ землетрясенія—я даже подъ диванъ заглядывалъ, не сидитъ ли тамъ кто, чтобы трясти пріѣзжихъ—нѣтъ, это ѣзда"...

„Четвергъ, 10 го апрѣля, Римъ. Какъ видишь, я все еще здѣсь. Но завтра, въ 10-мъ часу утра, уѣзжаемъ. Долженъ быть остаться, чтобы кончить осмотръ, и, разумѣется, не жалѣю, потому что сегодня все утро до завтрака провелъ въ термахъ Каракаллы. Вчера обѣдалъ съ Боткинымъ, потому что во вторникъ по случаю дождя обѣдъ былъ отложенъ. Сгубили меня искуства! З. С. разскажетъ, а еще лучше вѣчно сопровождавшій меня Феликсъ, въ какомъ состояніи были мои ноги отъ ходьбы и лазанья по лѣстницамъ. Вы плакали бы, если бы видѣли меня въ моментъ вылѣзанія изъ экипажа. Въ цезарскихъ садахъ меня по всѣмъ лѣстницамъ сторожъ водилъ подъ ручку. Главное, сгубили искусства. Понесла меня нелегкая во вторникъ въ Ватиканъ смотрѣть картины. Нужно было лѣзть въ 10-й этажъ по какимъ-то чернымъ лѣстницамъ—и увидѣлъ я какую-то чушь невѣроятную. Потомъ вчера обѣщалъ Фелѣ свозить его въ театръ и повезъ на „Африканку". Убили, просто убили музыкой. На счастье съ нами былъ Алисовъ. Я Фелю ему подкинулъ, а самъ удралъ домой спать. За то третьяго дня слушали мы съ Фелей „Miserere" и „Stabat Mater". Великолѣпіе, какого я и не воображалъ... Я очень доволенъ своими поступками въ Римѣ—видѣлъ почти все главное и достопримѣчательное. Забрался на Авентинъ искать стѣнъ Сервія Туллія и нашелъ. Roma Quadrata тоже видѣлъ. Музеи оба главные осмотрѣлъ очень подробно. Въ Колизеѣ, Термахъ, на Форумѣ—вездѣ прободилъ часа по два. Уѣзжаю со спокойной совѣстью... Мрочковскому скажи, что по его словамъ мы забрались къ чорту ~~на куличкп, за~~ Porta del Popolo, en fait de restaurant съ трудомъ нашли одну бабу, продающую вино.. Поэтому, по выраженію Алисова, мы предпочли поѣсть въ „мѣстахъ не столь отдаленныхъ". Чудесно угостилъ вчера Боткинъ... Погода, кромѣ вторника, прекрасная, то солнце, то теплый дождь, разъ по 6 въ день смѣняется, но такъ удобно, что дождь идетъ какъ разъ во время завтрака, а солнце бываетъ во время прогулокъ и осмотровъ. Сегодня до 1 часа, пока ѣздили въ Термы и на Авентинъ, чудесное солнце, а съ того времени дождь уже раза три принимался. Теперь 4 часа. Мы вернулись домой, чтобы отдохнуть, а къ 6 поѣдемъ къ З. С. проститься, а потомъ домой укладываться и спать... Денегъ истратилъ уйму на извозчиковъ, иначе не успѣлъ бы и половины видѣть. Могу сказать, что франковъ по 5 въ день на извозчиковъ выходитъ. За то жизнь дешева, плачу 3 фр. за номеръ, а ѣмъ больше на даров-

щину, все кто-нибудь угощаетъ. Здѣсь обѣдалъ только разъ, да вчера ободрали въ ресторанѣ, куда мы укрылись отъ бабы, когда не солоно хлебавши вернулись изъ-за Порта дель Пополо. Кромѣ того истратили на музыку, за „Мизерере" 10 фр., да за проклятый вчерашній спектакль 5 фр. Этого проклятаго спектакля я въ вѣкъ не забуду, да еще посылки Мрочковскаго въ мѣста отдаленныя (Порта дель Пополо), да еще надувательства посылать людей на ватиканскій чердакъ смотрѣть какихъ-то повѣшенныхъ вверхъ ногами стариковъ. Но это маленькія черныя точки въ цѣломъ океанѣ удовольствій. Тутъ что ни шагъ, то можно цѣлый день стоять на мѣстѣ и смотрѣть. Хотѣлъ бы купить фотографій, но видишь, до какой степени все это не даетъ понятія, такъ что и охоты нѣтъ. Есть великолѣпныя и громадныя, но въ сравненіи съ дѣйствительностью—просто каррикатуры. Довольно сказать, что самое не любопытное и сравнительно мескиное—площадь и церковь Петра... Пріѣду въ Неаполь, схожу въ баню и засяду писать корреспонденцію въ воскресенье, а съ понедѣльника въ библіотеку. Пора и за дѣло".

„14 апрѣля 79 г., Неаполь. Въ пятницу 11 числа, выѣхавъ изъ Рима въ 10-мъ часу, мы въ 5-мъ часу по проливному дождю пріѣхали сюда прямо къ обѣду... Въ субботу дождь продолжался, но, какъ и наканунѣ, очень теплый, однако, такой частый, что я до сегодня не видѣлъ Везувія. Въ этотъ день (субботу) я ходилъ въ баню, ѣлъ frutti de mare и ѣздилъ съ Алисовымъ на via Toledo, гдѣ Алисовъ покупалъ разныя великолѣпныя закуски и вина. Вообще, въ древнемъ Римѣ ни одного тріумфатора такъ не чествовали, какъ Алисовъ меня...

Сегодня послалъ В. И. Семевскому корреспонденцію и ѣздилъ въ библіотеку, но она заперта по случаю праздника, а открывается завтра. Мы воспользовались этимъ, чтобы осмотрѣть музей, который богаче и больше ватиканскаго и капитолійскаго... Фарнезскій быкъ—чудо изъ чудесъ... А египетскій музей! Боже! Завтра ѣду въ библіотеку и начну работу. Купилъ себѣ всѣ стихотворенія Кардуччи, настрочу большую статью. Везувій видѣлъ вчера и сегодня. *Маленькая* гора, меньше Берсо (въ Ментонѣ) и, точно турка, куритъ трубку. Неаполитанскій заливъ очень бурливъ, Капри только сегодня ясно видно. Вообще, Неаполь (кромѣ музея и frutti di mare) послѣ Рима швахъ. Вовсе не хочу умирать, увидавши его [1]). Умирать такъ было послѣ святого, великаго, несравненнаго, божественнаго, эпатантнаго, [2]) ступендпаго Кампидоліо (Капитолія).

Въ это время позвали обѣдать; объѣлся, а потомъ пошли на бульваръ смотрѣть Везувій, который, дѣйствительно, что то крас-

---

[1]) Намекъ на итальянскую поговорку: Veder Napoli—poi morir (видѣть Неаполь, а потомъ умереть).

[2]) Отъ французскихъ модныхъ прилагательныхъ épatant—подавляющій, stupéfiant—поражающій.

ное испускаетъ ночью. Квартира Алисова въ самомъ центрѣ города, какъ разъ противъ главнаго мѣста, главнаго бульвара, такъ называемаго Кьяйа. Очень недалеко до дворца, но отъ дворца надо проѣхать всю Toledo, чтобы попасть въ музей!"

„19-го апрѣля, 79 г., Неаполь. Сегодня 9-й день, что я здѣсь. Погода у насъ дождливая, но здѣсь дождь не имѣетъ такого убійственнаго характера, какъ въ Ментонѣ. Льетъ просто, какъ потопъ, часа два, а потомъ часа два опять ясно и даже сухо. Вчера былъ самый ужасный день, но все-таки я и въ библіотеку и назадъ добрался благополучно, и послѣ завтрака пѣшкомъ съ Алисовымъ прошли на дворцовую площадь въ кафе ѣсть мороженое, и только уже на обратномъ пути подверглись напасти. Притомъ дожди совсѣмъ лѣтніе, такіе, что отъ нихъ на улицѣ какъ пыль отбиваетъ, до того сильные, но безъ всякой сырости въ воздухѣ. Везувій, по обѣщаніямъ Алисова, готовится сдѣлать представленіе; теперь немного лавы течетъ, и маленькое зарево вечеромъ видно. Алисовъ говоритъ, что и зимой не видалъ, чтобы такъ быстро лава прибывала. Консьержъ тоже обнадеживаетъ, что въ концѣ мѣсяца, если такъ будетъ продолжаться, нѣчто будетъ интересное. Но я не *вѣрю*. Гдѣ ужъ, всего не пересмотришь. Со вторника я всякій день въ 9 ч. аккуратно ѣзжу, какъ на службу, въ библіотеку. Массу сдѣлалъ за эту недѣлю. Вотъ тебѣ мой день: вставанье въ $7^1/_2$,—раньше нельзя, потому что корова приходитъ въ 8 (здѣсь молоко приноситъ сама корова и ее доятъ у двери, иначе не торгуютъ молокомъ, а коза въ этотъ же часъ ходитъ даже по всѣмъ этажамъ); хлѣбъ горячій тоже является въ этотъ часъ, а я ѣмъ много хлѣба съ кофе, потому что здоровъ, какъ ужъ лѣтъ 15 не былъ. Въ 9 ѣду въ библіотеку въ омнибусѣ, весь городъ проѣхать стоитъ 5 су. Въ 1 часъ возвращаюсь завтракать; пьемъ коньякъ, ѣдимъ изъ многихъ банокъ закуски, ѣдимъ frutti di mare (я сталъ собирать коллекцію раковинъ всѣхъ тварей, которыя ѣмъ, чтобы хвастаться потомъ всю жизнь), потомъ завтракъ, два кушанья по заказу, всѣмъ кормитъ поваръ, чего захочешь; ѣдимъ макароны по неаполитански, ризотто съ мулями, лангусты, жареныхъ омаровъ, называемыхъ здѣсь въ Римѣ capretto (козлята) и проч. Послѣ завтрака *маемся*, какъ мы это называемъ. Лежимъ на диванѣ и наслаждаемся извѣстіями изъ газетъ. Вотъ и теперь только что отзавтракали, выпили кофе и ликера Санъ Мартино. Я тебѣ пишу, а Алисовъ въ другой комнатѣ мается. Не знаю, что пишутъ ваши газеты, а у насъ тутъ дивныя. Есть такая „Roma" (здѣшняя), которая изумительныя новости сообщаетъ. Помаявшись, идемъ или въ кафе ѣсть тумбы мороженаго или къ Castel del'Uovo поѣдать опять frutti di mare. Алисовъ живетъ въ лучшей части города, на главной променадѣ, великолѣпной: вся въ пальмахъ и бѣлыхъ акаціяхъ, которыя уже всѣ въ цвѣту. Тутъ всякій день музыка, два кафе и акварій, гдѣ я былъ. Удивительный. Отсюда я теперь пѣшкомъ хожу на Дворцовую пло-

щадь (San Ferdinando), а оттуда прямо главная улица Toledo, по которой я за 2 су доѣзжаю до музея и библіотеки, потому что спѣшу и боюсь, чтобы меня, по непривычкѣ, не раздавили.

Возвращаемся къ обѣду, къ 6. Обѣдъ изъ 4 кушаньевъ, тоже по заказу предшествуемый опять коньякомъ и банками. Послѣ обѣда чай, походъ на гулянье, смотрѣть на Везувій, чтеніе газетъ и сонъ въ 9 час. Еще съ часъ читаю Кардуччи, котораго купилъ всего...

...Въ здѣшнемъ музеѣ неслыханныя прелести. Себѣ купилъ для памяти фотографію Гармодія и Аристогитона, которыя лучше и интереснѣе всего, что я видѣлъ въ римскихъ музеяхъ, да еще купилъ Антиноя, который по красотѣ за поясъ заткнулъ, на мой вкусъ, всѣхъ Венеръ... Сегодня еще ѣздилъ для добросовѣстности въ Бранкачіонскую библіотеку, но она открыта только съ 3 час.; поѣду въ понедѣльникъ;... очень хорошо, успѣшно и много работается... Завтра, если не будетъ дождя, поѣдемъ въ Помпею, ибо воскресенье. Здѣсь очень мило и интересно, но далеко не такъ назидательно, какъ въ Римѣ. Неаполитанскій заливъ, который славится тишиной, при мнѣ все бурлитъ, такъ что сегодня насъ даже, послѣ вчерашней бури, безъ устрицъ оставилъ".

„Неаполь, 23-го апрѣля, 79 г. Пишу тебѣ сегодня вотъ по какакому случаю: Алисовъ рѣшилъ ѣхать не моремъ, а со мной въ Ментону... Я очень радъ, что онъ со мной ѣдетъ, потому что я одинъ боюсь ѣхать. Сегодня собрались ѣхать въ Помпею (до сихъ поръ все погода мѣшала), но въ библіотекѣ со мной сдѣлалась обыкновенная дурнота, такъ что я едва до дому добрался; теперь лучше гораздо, но все еще нездоровится... Здѣсь, кажется, отъ дождей и грязи вредный воздухъ. Вообще мнѣ начинаетъ опротивлять Неаполь. Все враки. Заливъ вѣчно бушуетъ, дождь почти всякій день (говорятъ, уже пятый мѣсяцъ), улицы тѣсныя, грязныя, вонючія, и достопримѣчательностей мало. Съ удовольствіемъ уѣхалъ бы завтра... Отъ завтра черезъ недѣлю partenza".

Новыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки въ Италію, подѣйствовали на Зайцева освѣжающимъ образомъ, хотя подъ конецъ онъ и затосковалъ по семьѣ. Онъ вернулся оттуда, какъ бы помолодѣвшимъ, и съ новыми силами принялся за работу.

Въ Ментонѣ Зайцевъ съ семьей прожилъ 7 лѣтъ.

По природѣ своей человѣкъ замѣчательно добрый и мягкій, чрезвычайно скромный и снисходительный по отношенію къ другимъ, онъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ былъ способенъ вспылить и выйти, какъ говорится, изъ себя. Это бывало лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда на его глазахъ совершалась какая-нибудь несправедливость. Но за то, какія ни были бы обстоятельства, онъ былъ неспособенъ кривить душой, хотя бы въ своихъ интересахъ. Послѣдствіемъ чего являлись разные курьезы.

— Въ одну изъ лѣтнихъ поѣздокъ въ горы, въ одномъ изъ ресторановъ, гдѣ обыкновенно дѣлаютъ передышку и обѣдаютъ, онъ встрѣтился съ русскими. Онъ разговорился съ ними, не зная, съ

кѣмъ имѣетъ дѣло. Пріѣхавъ въ мѣстечко, гдѣ была его дача, онъ узнаетъ, что его новые знакомцы—Фуксъ съ женой. Спустя нѣсколько дней, Зайцевъ встрѣчаетъ Фукса на прогулкѣ, а когда тотъ протянулъ ему руку, Зайцевъ говоритъ:

— Я не даю руки вѣшателямъ.

Того это страшно озадачило, и онъ только отвѣтилъ:—„Это не я, а мой братъ".

— Это все равно,—заявилъ Зайцевъ и отошелъ.

Это было послѣднее лѣто его жизни и незадолго до его отъѣзда изъ Ментоны, въ 1881 г.

Послѣ 7-ми лѣтней жизни въ Ментонѣ его семейныя обстоятельства такъ сложились, что онъ рѣшилъ уѣхать оттуда. Заработка на урокахъ стало недостаточно для обезпеченья семьи; къ тому же выяснилась необходимость помѣстить дочь куда-нибудь въ гимназію. Поэтому Зайцевъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы переѣхать опять въ Швейцарію, гдѣ школьное преподаваніе въ то время было поставлено удовлетворительнѣе, чѣмъ во Франціи. Вскорѣ онъ получилъ предложеніе читать лекціи въ пансіонѣ Parchet, въ Кларанѣ, гдѣ большею частью воспитывались русскіе юноши. Онъ согласился тѣмъ охотнѣе, что стремился быть ближе къ Женевѣ, чтобы возобновить отношенія съ русскими эмигрантами, число которыхъ сильно увеличилось послѣ политическихъ событій въ Россіи за послѣдніе годы.

Изъ новоприбывшихъ эмигрантовъ его особенно интересовала личность В. И. Засуличъ, съ которой онъ жаждалъ познакомиться. Она находилась тогда такъ же, какъ и Сергѣй Кравчинскій, въ Женевѣ; многіе другіе разселились по сосѣднимъ городкамъ, вдоль побережья Женевскаго озера. Въ Кларанѣ жили тогда Каньоли, Е. Хотинская (по мужу Мощенко), Плехановъ съ женой, и многіе представители совсѣмъ зеленой молодежи, уже вступившіе въ политическую дѣятельность конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Тамъ же жили постоянно семьи Льва Мечникова и Элизе Реклю.

Въ пансіонѣ Parchet, основанный французомъ, долго жившемъ въ Россіи, были приняты въ число преподавателей нѣкоторые изъ новоприбывшихъ молодыхъ людей. Такимъ образомъ, Зайцевъ по прибытіи своемъ въ Кларанъ очутился въ кругу сочувствующихъ ему единомышленниковъ, товарищей его по преподаванію.

Послѣдніе годы жизни онъ началъ страдать довольно сильной глухотой, временами увеличивавшейся, вслѣдствіе частыхъ гриппов. Глухота эта, конечно, затрудняла ему преподаваніе, дѣйствовала на расположеніе духа и была помѣхой ему въ общеніи съ людьми.

Въ сентябрѣ 1881 г. онъ уѣхалъ съ дачи въ Ниццу, откуда долженъ былъ направиться въ Швейцарію. Ѣхалъ онъ одинъ, чтобы осмотрѣться и устроиться.

По поводу своего путешествія и устройства онъ пишетъ женѣ и дочери:

„Clarens, Hôtel Beau-Site, 1-го сент. 81 г. ...Итакъ, прі-

ѣхалъ въ Ниццу въ 5 ч. утра, прямо на почту [1]), что было благодѣтельно, потому что тамъ стоялъ извозчикъ, который привезъ къ консьержу. Проспавшись, пошелъ къ Алисову. Оказалось, что онъ около 10-го сент. уѣзжаетъ въ Марсель... Очень зоветъ тебя ѣхать черезъ Марсель и остановиться на 3 дня у него. У него нанята огромная вилла. Утромъ во вторникъ засѣлъ въ вагонъ и ѣхалъ сутки... Въ Женеву пріѣхалъ послѣ ужасной жары въ Италіи и большого холода ночью на Монсени подъ неслыханнымъ дождемъ, такъ, что пробѣжавши изъ двери въ дверь до телеграфа былъ облитъ какъ изъ ведра. У Елпидина обѣдалъ. Онъ что-то разсказывалъ, но я ничего не разслышалъ, потому что былъ какъ истуканъ. Въ омнибусѣ немного спалъ, а въ вагонѣ всю ночь торчмя проторчалъ. Вечеромъ пріѣхалъ сюда. Меня встрѣтили и свели въ этотъ отель, гдѣ я немедленно забрался подъ перинку съ великимъ наслажденіемъ. Сегодня въ 10 час. пошелъ къ Парше, который оказался отличный и простой малый. Пробылъ у него, толкуя о распредѣленіи уроковъ, до 12 ч. Уроки начинаются завтра. Потомъ, пообѣдавъ въ отелѣ, пошелъ въ Монтре искать Якобій. Послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ pension, гдѣ они останавливались по пріѣздѣ изъ Виллара, но оказалось, что полчаса тому назадъ они уѣхали въ Женеву. Видѣлъ Б. [2]), который ихъ провожалъ; онъ сказалъ, что они остановятся въ Женевѣ у Елпидина, но это странно, потому что Елпидинъ не держитъ больше пансіона. Написалъ имъ туда письма. Въ субботу поѣду до воскресенья вечера. Денегъ всего 4 фр., но компаньонъ (молодой, русскій соціалистъ, дававшій тоже уроки у Парше), весьма обязательный, предлагаетъ взаймы... Вообще тутъ дешевизна ужасная. Предлагаютъ квартиру изъ трехъ комнатъ съ кухней, съ мебелью, бѣльемъ и посудой, за 55 фр. въ мѣсяцъ. Пока у меня уроковъ только на 250, но говорятъ, скоро будетъ больше. Корректуру получилъ и уже отправилъ. Буду всячески искать еще удобствъ для устройства".

„4-го сентября 81 года. Женева. ...Пріѣхалъ сюда вчера въ 6 час., а сегодня въ три уѣзжаю обратно. Уроки началъ въ пятницу. У меня ихъ теперь только у Парше 21 часъ въ недѣлю. Уже наклевываются посторонніе. Вчера передъ отъѣздомъ сюда перебрался въ нанятую комнату. Это совсѣмъ подлѣ горы (вокзала) и очень близко отъ Парше. Домъ совсѣмъ особый и стоитъ отдѣльно среди рощи. Тамъ же будетъ черезъ мѣсяцъ свободная квартира въ 3 комнаты съ кухней, которую я имѣю въ виду для насъ. Тамъ же будетъ жить одинъ мой компаньонъ, къ которому тоже жена пріѣдетъ, и у него будетъ двѣ комнаты съ кухней; такъ онъ предлагаетъ для экономіи стряпать въ одной кухнѣ, а другую можно сдѣлать кладовой. Въ кухнѣ нашей отличная печка, какъ въ Локарно была. Погода отвратительная, дождь пересталъ

[1]) Зайцевъ пріѣхалъ съ дачи въ почтовой каретѣ.
[2]) Русскій, пріѣхавшій лѣчиться.

только вчера, но сѣро и сыро. У меня жестокій гриппъ. Кларанъ и даже Монтре, которое столица Кларана, ужасныя трущобы, гдѣ даже газеты трудно найти. Говорятъ, впрочемъ, что въ зимній сезонъ разцвѣтутъ, хотя и теперь этранжеровъ видимо невидимо. Отель сидитъ на пансіонѣ и отелемъ погоняетъ. Гораздо ихъ больше, чѣмъ въ Ментонѣ, и дешевы. — Обѣдъ мой компаньонъ обѣщаетъ розыскать по франку, но безъ вина, а вечеромъ мы съ нимъ устраиваемся дома пить чай съ какой-нибудь закуской... Я никого не вижу, кромѣ своихъ компаньоновъ, но не скучаю, потому что занятъ все утро, а вечеромъ тоже читаю или строчу. Только трудно по такой погодѣ вставать въ 6½ час, потому что въ 8 надо быть на урокѣ. Уроки все пустые, не головоломные".

„Clarens, 9-го сентября.—Спѣшу увѣдомить тебя, что одно безпокойство кончилось,—получилъ вексель Антоновича и благополучно размѣнялъ его... Хотѣлъ тебѣ послать сейчасъ же 100 фр. изъ 265, которые получилъ, но пришлось отдать 150 Сергѣю [1]), котораго ищетъ полиція, такъ что ему необходимо драть въ Англію... Впрочемъ, я отдаю Сергѣю деньги заимообразно, и изъ нихъ мнѣ возвратятъ 50 фр. черезъ недѣлю... Книга [2]) кончается, и Антоновичъ мнѣ писалъ, что она ему ужасно нравится. Надо правду сказать, что книга вышла очень хороша. Даже я самъ не ожидалъ... Здѣсь дѣлаются ужасы. Подкупили всѣ правительства, федеральное и кантональныя. Высылаютъ, собираются выдавать, ужасно. А послѣ Данцигскаго свиданія ужъ я не знаю, что будетъ. Но много любопытнаго, что узнаешь, когда пріѣдешь. А народъ какой славный, особенно молодежь! Все враки, что про нихъ говорятъ за глаза. Такіе задушевные. Меня холили, всякій вечеръ угощали, по скудости средствъ, чаемъ и колбасой. Сегодня я, разжившись деньгами, купилъ хорошей колбасы ½ фунта, коробку тона и персиковъ—ихъ угостить. „Народная Воля" вышла въ Россіи, но еще здѣсь не получена. Пока все хорошо, только ужъ очень высылками одолѣваютъ. Гартманъ на волоскѣ отъ выдачи. Я вчера его письмо читалъ. Никого еще здѣсь нѣтъ. Но есть соціалистическое, швейцарское общество, на половину изъ поляковъ, получаютъ *Freiheit* и собираются. На дняхъ меня сведутъ, глухого. Зато *Intransigeant* и *Lanterne* почти нельзя найти. Сохраняй для меня фельетоны и статьи Рошфора и привези.

„Clarens, Maison Villosio, 14 сентября 81 г. — Здѣсь пріѣхала огромная семья, русскіе, самъ генералъ съ сыномъ и братъ съ двумя мальчиками, которыхъ хотятъ отдать къ Паршѣ, если докторъ позволитъ брату и его женѣ жить здѣсь. Генералъ и его сынъ порядочно амбетируютъ [3]) меня; боюсь, какъ бы сюда не пришли, особенно въ эту минуту, когда я сижу подъ вечеръ

---

[1]) С. Кравчинскій.
[2]) Руководство къ Всеобщей Исторіи. Исторія Запада.
[3]) Надоѣдаютъ

въ развращенномъ видѣ. Новаго у меня ничего нѣтъ. Вчера вечеромъ пришли ко мнѣ какіе-то сорванцы, полякъ одинъ, другъ Моста, и руссинъ, принесли NN. Freiheit и стали съ моими компаньонами и студентомъ спорить; я ничего не слышу въ крикѣ; прокричали до 10 час., насвинили, пролили чернила и ушли... Въ субботу въ Женевѣ видѣлъ Сергѣя; мы съ сестрой уговаривали его убираться скорѣе да незамѣтно, и потомъ мой компаніонъ получилъ извѣстіе, что только сегодня хочетъ ѣхать. Не знаю еще, уѣхалъ ли и благополучно ли. Видѣлъ также въ Женевѣ Христофорова, сотрудника [1]). Онъ живетъ около Лозанны, обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ.. Въ концѣ этого мѣсяца поищу еще для васъ квартиру, потому что, можетъ быть, лучше и удобнѣе найду, хотя бы и дороже немного. А то эта хозяйка съ своими кошками ужъ очень мизерна, ничего то у ней нѣтъ, даже сковороды".

Clarens, 16 сентября 81 г. Встрѣтилъ вчера Льва Мечникова съ женой... Звали къ себѣ, но я не пошелъ по лѣни. Узналъ отъ нихъ адресъ Реклю. Оказалось, что онъ здѣсь живетъ, въ 2-хъ шагахъ отъ отеля, гдѣ я обѣдаю. Былъ нынче. Онъ сказалъ, чтобы я у него книги бралъ, а у него ихъ очень много. Весьма пріятно. Велѣлъ передать тебѣ, чтобы ты скорѣе пріѣзжала... Я все думаю, что ты останешься до 15 октября, а мнѣ безъ васъ совсѣмъ жить плохо. Ни воды, не бѣлья, ни чая, Богъ знаетъ, какую бурду пьешь. Разныя бѣды случаются. Конечно, втягиваешься, худшее ужъ пережито, немножко начинается порядка, но все подумать ужасно, что еще мѣсяцъ одному торчать... Впрочемъ, дуракъ я, что съ вами разговариваю" [2]).

„Clarens, 18 сентября 81 г. Поздно вечеромъ въ пятницу получилъ ваше письмо, въ которомъ нѣтъ никакого объясненія, почему вы такъ долго молчали. Но такъ какъ я добръ, то перелагаю гнѣвъ на милость и пишу. Въ субботу былъ по обыкновенію въ Женевѣ. Засталъ большое общество старыхъ знакомыхъ, человѣкъ 5, въ томъ числѣ Юренева и Христофорова и проч. На другой день былъ Jeûne Fédéral и всѣ швейцары обезумѣли. Все это общество, въ томъ числѣ и Якобій съ дѣтьми, рѣшили ѣхать на пикникъ въ 11 час. на пароходѣ, въ Tougues за часъ, на Савойскій берегъ, гдѣ живетъ Юреневъ. Отправился и я. Пировали до $3^1/_2$ час., когда я долженъ былъ переѣхать въ Уши, чтобы вернуться сюда, а Якобій и вообще женевцы вернуться во-свояси... Сюда вернулся поздно, проколесивши чуть не по всему озеру. Народу вездѣ была тьма, и всѣ пароходы опаздывали. Едва изъ Уши не уѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Сегодня мой компаньонъ водилъ меня искать квартиру, чтобы намъ сообща нанять 4 или 5 комнатъ съ общей кухней. Къ нему около 10-го числа пріѣдетъ жена, и имъ нужно 2 комнаты. Но сумасшедшая баба, на кото-

---

[1]) По „Общему Дѣлу".
[2]) Онъ долго не имѣлъ извѣстій отъ семьи.

рую напали, вѣрно не проспавшись со вчерашняго, заломила двѣсти франковъ. Здѣсь вѣрно придется остаться, хотя я не желалъ бы, потому что житья нѣтъ отъ кошекъ... Въ субботу выпустили № „Общаго Дѣла“ со скандаломъ о *пяткахъ* и о газетѣ, издаваемой здѣсь на Игнатьевскій коштъ (Вольное Слово). Послали Рошфору, котораго *пятки* хотятъ убить. Послалъ бы тебѣ, да нѣтъ ни одного экземпляра. Очень любопытно, что отвѣтитъ „Вольное Слово“, оно по четвергамъ выходитъ. Дѣла у меня нѣтъ, кромѣ обыкновенныхъ уроковъ у Парше“.

„Clarens, 23 сентября 81 г. Сестра ко мнѣ не пріѣхала. Завтра самъ къ нимъ ѣду въ послѣдній разъ, они уѣдутъ въ началѣ недѣли... Корректуру получилъ; она очень запоздала, потому что ты съ ней какъ-то странно распорядилась. Шелгунову написалъ... Теперь пойду къ Бендѣ [1]); если что-нибудь найду, то пошлю. Но вѣдь ты знаешь, какъ трудно выбрать. Меня здѣсь спрашивали, что бы перевести; я говорю: кабы зналъ, то давно бы перевелъ. Получилъ сейчасъ carte postale изъ Женевы отъ Соколова [2]). Вотъ завтра увижусь. Мы тутъ все занимаемся травлей на Игнатьевскій журналъ. Сегодня вышелъ съ отвѣтомъ на мою статью, и я уже написалъ отвѣтъ. Скоро еще маленькій № „О. Д.“ выпустимъ. Все ищемъ квартиры безъ кошекъ, но не находимъ; должно быть, придется съ кошками оставаться. Я ее, впрочемъ, къ вашему пріѣзду приберу; занавѣсочки повѣшу на окна, неотпирающуюся дверь велю починить, а то теперь стуломъ заставляю на ночь; Машенькѣ [3]) зеркальцо достану, посуды куплю. Я расчитываю все по Альманаху, когда вы пріѣдете... пріѣду васъ встрѣтить въ Женеву... Это будетъ ровно черезъ мѣсяцъ... Посылаю тебѣ для курьеза № Игнатьевскаго журнала, который меня ругаетъ „недоумкомъ“... На-дняхъ ходилъ въ Веве, часъ ходьбы, усталъ какъ собака, едва добрелъ домой. И зачѣмъ ходилъ? Мебель нанимать, потому что квартира сдавалась одна безъ мебели, но ничего не вышло“.

„27-го. Въ субботу пошлю вамъ денежекъ, постараюсь побольше, чтобы вы поскорѣе въ Ниццу ѣхали. Якобій будутъ тамъ, вѣроятно, 1-го числа... Не забудьте, какъ будете мнѣ писать, вложите въ письмо 10 моихъ ярлычковъ. Много тетрадокъ написалъ и надо Антоновичу посылать, а ярлычковъ нѣтъ. Вообще отъ скуки работа кипитъ. Кромѣ уроковъ еще одну работу таинственную дѣлаю, исторію дальше пишу [4]), потерянное Боткинымъ вновь переписываю и еще въ „Общемъ Дѣлѣ“ строчу. Съ Ка-

---

[1]) Книгопродавецъ.

[2]) Николай Вас. Соколовъ, подполковникъ генеральнаго штаба, авторъ книги „Отщепенцы“, преданной по суду сожженію, сидѣлъ за нее $1^1/_2$ г. въ крѣпости и потомъ былъ сосланъ въ Мезень. Въ 1872 г. съ помощью друзей бѣжалъ оттуда прямо въ Женеву.

[3]) Дочь.

[4]) 3-й томъ „Всемірной Исторіи“, исторія Рима; онъ остался недоконченъ.

фіеро дѣло было такъ: жилъ онъ въ Локарно съ секретаремъ, румыномъ. Пріѣхало къ нему 4 итальянца. Сосѣдъ подсмотрѣлъ съ крыши, что они какія-то коробочки заклеиваютъ; далъ знать въ полицію. Ночью пришли и арестовали всѣхъ. Одного туринскаго студента выпустили черезъ 3 дня, а недавно другого. Остальныхъ все держутъ. Федеральное правительство говоритъ, что оно ничего знать не знаетъ, а что это сдѣлало кантональное. Итальянское правительство тоже говоритъ, что ни о чемъ не просило. Теперь говорятъ, что они дѣлали комплотъ на жизнь Гумберта, но Кафіеро задержалъ пришедшую полицію переговорами, и они успѣли истребить улики. Вотъ какъ теперь дѣло стоитъ".

„30 сентября 81. Clarens. Вотъ, наконецъ, несносный сентябрь кончается. Послѣдній день ознаменовался полученіемъ и отсылкой послѣдней корректуры со словами „конецъ I тома" [1]). Остались еще таблицы, заголовокъ, предисловіе и оглавленіе. Ну, да за этимъ дѣло не станетъ вѣрно, потому что другимъ шрифтомъ. Завтра же пишу Антоновичу; сегодня не хотѣлъ по причинѣ числа [2]). Завтра же вышлю тебѣ деньги на переѣздъ изъ Сенъ Мартена [3])".

„Clarens, 7 октября 81. Теперь вы оттаиваете въ Ниццѣ, послѣ Сенъ-Мартенскихъ холодовъ, а я все болѣе и болѣе мерзну. Первые 5 дней октября были сѣрые, такъ что ни разу солнце не проглянуло, на горы навалило снѣгу, теперь третій день солнце во всѣ лопатки, но въ 11 час. дня 8° центиграда! Ночью же 4°. Ограбь передъ отъѣздомъ всѣхъ, все что есть теплаго, пальто, пледы, платки, одѣяла, куцавейки и проч., выпрашивай и тащи съ собой, а не по *petite vitesse*, иначе замерзнемъ. Я теперь ночь дурно сплю отъ холода, хотя кромѣ простыни и одѣяла закрываюсь платкомъ. На солнцѣ еще ничего, но съ заката волковъ морозитъ. Поневолѣ пуншемъ на ночь грѣешься. Въ воскресеніе обѣдалъ у Мечникова, потомъ поѣхалъ въ Лозанну въ вагонѣ; тамъ былъ на какомъ то глупомъ собраніи, протестующимъ противъ рѣшенія федеральнаго трибунала. Выслушалъ двѣ рѣчи, изъ которыхъ одну, къ несчастью, всю слышалъ, и выскочили мы съ Соколовымъ, какъ угорѣлые. Вечеръ провели у Вольскаго съ Христофоровымъ. Жеманова не видали. Они всѣ, можетъ быть, сегодня ко мнѣ пріѣдутъ... Мнѣ возвратили 50 фр. изъ данныхъ Сергѣю... Меня все компаньоны уговариваютъ въ долгъ забирать нужныя вещи, но я упорствую, не хочу, чтобы ты меня въ долгахъ застала а чистехонькимъ... Реклю боленъ, давно его не видалъ, а Лефрансе поминутно встрѣчаю; онъ въ воскресенье даже меня съ Соколовымъ на гору провожалъ. Соколовъ все время трезвъ и работаетъ, все корректуры своего

[1]) Исторія Запада.
[2]) У Зайцева были свои примѣты.
[3]) Мѣстечко въ горахъ надъ Ниццей.

словаря читаетъ. Вообще очень приличенъ, больше похожъ на петербургскаго, чѣмъ на юкарнскаго".

„16 го октября. Вчера, когда я это писалъ, ворвалась моя компанія, которой позволяется приходить послѣ 7 час., когда я уже не работаю. Принесли твое письмо, и я уже отложилъ свое. Сейчасъ буду писать Антоновичу, а послѣ обѣда пойду на почту посылать деньги. Сегодня послѣ долгаго времени у насъ мрачная погода. Нашелъ еще урокъ по 5 фр., съ среды началъ, у одного молодого человѣка, который ко мнѣ ходитъ, а въ дождь я къ нему долженъ въ отель ходить. Пока только 2 раза въ недѣлю, а будетъ 3... На дняхъ пошлю Антоновичу начало II тома [1]), что успѣлъ переписать. Не знаю, что буду завтра съ собой дѣлать, некуда дѣться, въ Женеву ужъ не поѣду. Компаньоны собираются въ Лозанну; можетъ, и я поѣду. Тамъ какое-то собраніе будетъ, да что мнѣ, глухому, въ этихъ собраніяхъ.

„Clarens, 12 октября, 81 г. Завтра Мечниковы уѣзжаютъ въ Парижъ; былъ только что прощаться у нихъ. Послалъ вчера вамъ № „Народной Воли". „Общее Дѣло" все еще не выходило. Все Христофоровъ обстоятельную статью о „Вольномъ Словѣ" пишетъ, хотя тотъ въ 8-мъ № уже прямо говоритъ, что Гартманъ долженъ считаться обыкновеннымъ преступникомъ, потому что убилъ много „дѣтей народа". Это солдатъ при взрывѣ столовой. Жду теперь къ себѣ Ковалевскую [2]), хотѣла,—ужъ пришла, а вслѣдъ за ней ворвался Соколовъ объявить о пріѣздѣ лозанскихъ а потомъ нагрянула толпа лозанцевъ. Принялся варить воду для чая, такъ какъ мои компаньоны стушевались, чаю не сдѣлалъ, только все разлилъ и обварилъ палецъ. Ковалевская сама состряпала себѣ стаканъ. Потомъ часть банды уѣхала, а Христофоровъ сидѣлъ до сего часа, 9 вечера. Ужинали у полковника [3]) въ кабакѣ. Сейчасъ ушли на гору отъ меня".

„14-го сентября, 81 г. Clarens. Ковалевская еще не скоро поѣдетъ, въ ноябрѣ... Мой пріятель очень часто получаетъ письма отъ Гартмана, съ которымъ онъ первый другъ, и тотъ у него жилъ послѣ московскаго дѣла. Сейчасъ получилъ изъ Монреаля, а раньше прислалъ много американскихъ газетъ со статьями о немъ, съ множествомъ его портретовъ и каррикатуръ.

Въ послѣднее время и тамъ и здѣсь распустили слухъ, что въ Америкѣ фальшивый Гартманъ. Можешь себѣ представить, какъ ему было смѣшно. На одной каррикатурѣ представлено чучело въ видѣ Гартмана, а настоящій сидитъ подъ трономъ. Въ чучело стрѣляютъ, а тотъ смѣется. Очень смѣшно".

„Clarens, 17-го октября 81 г. Вчера провелъ цѣлый день у Вольскихъ въ Лозаннѣ съ Соколовымъ и Христофоровымъ, кото-

---

[1]) Исторія Рима, которую онъ не докончилъ.
[2]) Одна знакомая, проѣздомъ изъ Россіи.
[3]) Соколова.

рый сегодня уѣзжаетъ въ Парижъ. Накормили щами съ ватрушками и солеными огурцами. У насъ очень холодно опять, хотя солнце. Въ позапрошлую ночь была гроза и у самаго Монтрё. На горахъ все до сихъ поръ бѣлехонько отъ снѣга. Долженъ итти заказывать себѣ теплое пальто... Съ субботы я водворился въ нашихъ 3 комнатахъ, перешелъ спать въ спальную, а свою комнату устроилъ чисто для ѣды, и чая, и пріема гостей... Недѣлю назадъ былъ я у Реклю, и видѣли мы съ балкона, какъ всѣ ласточки собрались цѣлымъ облакомъ къ вечеру и улетѣли къ Симплону; значитъ, прощай и осень, зима идетъ".

22-го окт. Зайцевъ поѣхалъ въ Женеву встрѣчать семью. Устроились, какъ предполагали, совмѣстно съ женатымъ, молодымъ соціалистомъ, В. Г-мъ, его товарищемъ по занятіямъ въ пансіонѣ Парше.

Вскорѣ послѣ пріѣзда семьи, Зайцеву удалось, наконецъ, познакомится съ В. И. Засуличъ. Въ ожиданіи ея прихода, онъ сильно волновался и принималъ всѣхъ вновь появлявшихся женщинъ за нее; къ общему удивленію присутствующихъ, не привыкшихъ видѣть его въ роли любезнаго кавалера, становился съ ними страшно любезенъ и всячески ухаживалъ за ними. Когда пришла жена Сергѣя, онъ разсыпался въ любезностяхъ, долго принимая её за В. И., и порывался поклониться ей въ ноги. Когда недоразумѣніе разъяснилось, всѣ очень смѣялись. Значеніе, которое онъ придавалъ личности В. И. Засуличъ, мы видимъ изъ его статьи въ „Общ. Дѣлѣ"—„Новая нравственность", которой и закончилась его писательская дѣятельность; она появилась въ свѣтъ вмѣстѣ съ его некрологомъ.

Наконецъ, онъ ее дождался, и повторялъ потомъ окружающимъ: „неужели это не во снѣ я ее видѣлъ, неужели это все на яву"! Онъ писалъ потомъ объ этомъ свиданіи своей матери, проживавшей въ Ниццѣ:

„...На дняхъ у насъ была съ визитомъ Вѣра Ивановна. Какъ то странно видѣть у себя Жанъ д'Аркъ въ башлыкѣ, ужасно гримасничающую (у нея такой тикъ—носъ морщитъ) и пьющую чай".

Изъ всѣхъ окружающихъ его тамъ эмигрантовъ Зайцевъ больше всего сошелся съ Г. В. Плехановымъ, котораго онъ находилъ самымъ талантливымъ и образованнымъ изъ нихъ и наиболѣе обѣщающимъ въ будущемъ. Черезъ мѣсяцъ по устройствѣ, совмѣстное житье Зайцевыхъ съ молодой четой Г-хъ разстроилось. Жена В. Г-го собиралась обратно въ Россію, къ тому же квартира оказалась холодной и неудобной. Въ то же время семья Зайцева увеличилась. Имъ поручили воспитаніе маленькой, болѣзненной дѣвочки, дочери состоятельнаго русскаго эмигранта Турскаго, находившагося въ постоянныхъ разъѣздахъ. Плата за дѣвочку должна была увеличить бюджетъ семьи, и рѣшено было переѣхать на другую квартиру. Зайцевъ по поводу своего устройства пишетъ матери:

„...Вообще у насъ клубъ и тутъ. Все, что пріѣзжаетъ, идетъ

къ намъ, а здѣшніе считаютъ нашу комнату общей. Дѣвочки царствуютъ въ своихъ парадныхъ комнатахъ окнами на улицу, а мы въ кухнѣ и въ нашей комнатѣ составляемъ какое-то общественное достояніе. Въ родѣ, какъ въ Петербургѣ у насъ было.

Я дивлюсь: ужъ чего, кажется, мрачнѣе и скучнѣе меня, особенно здѣшняго, усталаго, съ вѣчной тряпкой, намоченной чаемъ, на глазу, глухого, а вѣдь вотъ лѣзутъ и лѣзутъ"...

Ноябрь и декабрь мѣсяцы Зайцевъ провелъ въ Кларанѣ въ упорномъ, умственномъ трудѣ, надрывая силы на урокахъ и страдая отъ холодовъ и тумановъ довольно суровой швейцарской зимы.

Новый 1882-й годъ Зайцевъ съ семьей ѣздилъ встрѣчать въ Женеву, куда съѣхались по этому же случаю всѣ окрестные эмигранты.

Эту поѣздку Зайцевъ такъ описываетъ въ письмѣ къ матери:

„4 го января, 82 г. Clarens. Вчера вечеромъ вернулись изъ Женевы. Поѣхали 31-го и пріѣхали въ $6^1/_2$ ч. вечера; остановиться должны были на квартирѣ Турскаго, который scapatto, у нѣкоего проживающаго тамъ Лакіера. Соколовъ уѣхалъ еще за два дня, повторивъ передъ отъѣздомъ разъ десять: „Я все устрою, я васъ устрою" и т. д. Поэтому мы прямо съ горы поѣхали въ эти дебри на Trancheés, но нашли все герметически запертымъ. Дѣлать нечего, отправились къ Елпидину добывать языка. У Елпидина жена оказалась больна, но онъ свелъ насъ къ общей матери и благодѣтельницѣ города madame Gresso, у которой за ужиномъ застали почти половину всей эмиграціи.

Жена съ дѣтьми (дочерью и воспитанницей) тутъ же нашли себѣ пристанище у знакомыхъ, а я долженъ былъ отправиться въ отель; да еще взять и Сок., который, какъ оказалось, и себя не устроилъ. Новый годъ встрѣчали у Грессо, и я улегся только во 2-мъ часу.

На другой день, послѣ общаго утренняго rendez-vous съ старыми столпами, какъ Жуковскій, Жемановъ etc. въ café du Lavent, все общество собралось на торжественный обѣдъ у Грессо. Были тосты, пѣсни на всѣхъ языкахъ, вообще, пріятное препровожденіе. Послѣ обѣда я пошелъ мирно отдыхать къ женѣ, которая перебралась къ Аннѣ Мих (Эбштейнъ). Приходила туда же Вѣра Ив., а въ 10 мъ часу я удалился въ отель спать.

Въ понедѣльникъ раздобыли, наконецъ, Лакіера и перебрались на квартиру Турскаго. Великолѣпіе на стѣнахъ. Намъ отвели двѣ парадныя комнаты, салонъ и кабинетъ съ альковомъ. Зеркала во всю стѣну, мраморные бюсты, роскошная мебель, ковры, всюду „антимакассары", но волчій холодъ, несмотря на огнедышащій каминъ и раскаленную печь. Я забрался туда почти тотчасъ послѣ обѣда, который снова происходилъ у Грессо и былъ снова очень оживленъ. Жена вернулась изъ разныхъ странствованій въ 9 час. На другой день, т. е. вчера, выбрались изъ роскоши только въ 12 ч., потому что за страшнымъ холодомъ не могли долго одѣваться и рѣшили бѣжать во свояси, что и исполнили съ

легкимъ сердцемъ и еще болѣе легкимъ кошелькомъ. Вотъ и вся наша поѣздка. Все время почти стоялъ холодъ, а главное такой туманъ, что я не могъ одинъ сдѣлать 10 шаговъ, чтобы не заблудиться. Потомъ меня водили уже подъ конвоемъ. Только вчера потеплѣло и явилось солнце, а сегодня у насъ здѣсь дождь и кромѣшная тьма".

Послѣдніе мѣсяцы своей жизни Зайцевъ очень безпокоился за участь своей книги (Древняя Исторія Запада), которая опоздала выходомъ. Это волненіе тоже сильно отозвалось на его здоровьѣ. Еще въ декабрѣ онъ писалъ матери:

„23 декабря 81 г. Чрезвычайно озадачило меня сообщенное вами извѣстіе о моей книгѣ. Вчера же написалъ Антоновичу. Я до сихъ поръ не имѣю о ней извѣстія, но приписывалъ это баснословной медленности типографіи, къ которой уже привыкъ. Если ее задержали, то задержало, разумѣется, правительство; но странно, что Пантелѣевъ разсказываетъ объ этомъ въ Ниццѣ эксъ-диктатору [1]), а мнѣ ни слова. Еще страннѣе, что не извѣстилъ меня Антоновичъ Я такъ разстроился, что въ ту же ночь со мной случилось удушье, глазъ залился, и я вчера не пошелъ на уроки. Сегодня хорошо себя чувствую, наѣвшись терпентинныхъ капсюль и отдохнувъ. Вообще мы съ Машей [2]) съ великимъ трудомъ дотягиваемъ до каникулъ. Погода мерзѣйшая, дождь съ снѣгомъ, хотя тепло. Выходимъ изъ дому почти въ потьмахъ. Бѣдная дѣвочка совсѣмъ измучилась. Теперь 12 час., а ее еще нѣтъ съ 8-ми. А каникулы даны очень скупо... 31-го числа или 2-го поѣдемъ кутить въ Женеву, на балы"...

11-го янв. онъ пишетъ: ...„У насъ ничего нѣтъ новаго. Отъ Антоновича отвѣта не получилъ, и удивляюсь —онъ былъ до сихъ поръ очень любезенъ, и я расчитываю во всякомъ случаѣ получить отвѣтъ. Писалъ уже въ типографію, думаю, хоть она отвѣтитъ. Не можетъ ли Я. разузнать адресъ Пантелѣева, если онъ еще въ Ниццѣ... Съ Турскимъ по „Intransigeant" вышла обыкновенная съ нимъ митренга. Или онъ скрылъ, или по неряшеству забылъ. Я написалъ корреспонденцію и послалъ ему въ Женеву, чтобы онъ переслалъ въ редакцію. Его пріятель, Лакіеръ, говорилъ, что онъ ее получилъ въ день своего отъѣзда, но онъ уѣхалъ и закатился безъ вѣсти на неизвѣстное время... Въ Женевѣ, дѣйствительно, въ сущности, только и было что два обѣда; ужъ по одному холоду и туману нельзя было ходить. Съ третьяго дня мы съ Машей опять запряглись, отдохнувъ, съ новыми силами. ...Вы, вѣрно, получили „Общее Дѣло" отъ Элпидина; поэтому не посылаю его пока. Уроки у меня все попрежнему, у Парше нѣсколько убавились, зато прибавился частный, у страшеннаго казака, который всю осень меня добивался на томъ основаніи, что я по старости лѣтъ не могу быть нигилистомъ, и на-

---

[1]) Лорисъ-Меликову.
[2]) Дочь ходила въ гимназію въ Монтрё.

конецъ, добился... Соколовъ что-то золъ за мое знакомство съ эмигрантами, которыхъ страшно бранитъ всѣхъ безъ разбора. Вообще напоминаетъ старыхъ холостяковъ и спеціально Родзевича. Говорилъ женѣ, что я не долженъ никуда ходить, а сидѣть здѣсь, причемъ показывалъ на диванъ, на которомъ я всегда сижу. А я только одинъ этотъ разъ и вышелъ изъ дому"...

Послѣднее письмо, отъ 19-го января, онъ писалъ наканунѣ смерти:

„Такой погоды, какъ у насъ теперь, нигдѣ, кромѣ Женевы, не видалъ. Утро не отличается отъ дня, а день отъ вечера. Холодно неистово, хотя всѣ говорятъ, что необыкновенно теплая зима; дѣйствительно, нѣтъ ни снѣжинки. Совсѣмъ изнемогаю; еле языкъ ворочается, и во время уроковъ чуть не засыпаю. Наша воспитанница больна, — по ночамъ бредитъ. Вообще отвратительно. Антоновичъ, наконецъ, рѣшился отвѣчать на мое письмо, посланное метранпажу; оказывается, что все благополучно, а была задержка все же отъ вѣчной нерадивости типографіи, которая, наконецъ, все же довела дѣло до конца и книга выйдетъ черезъ недѣлю. Истинное проклятіе имѣть дѣло съ этимъ народомъ, отъ Лорисъ-Меликова начиная и послѣднимъ наборщикомъ кончая. Нѣтъ худшаго несчастья, какъ родиться членомъ этой gente".

Послѣ встрѣчи Новаго года, по возвращеніи изъ Женевы, пришло извѣстіе, что сестру жены Зайцева, по мужу Кафіеро, вернувшуюся въ Россію и арестованную тамъ, ссылаютъ въ Западную Сибирь.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ Зайцевъ пишетъ:

„Ее отправляютъ въ Москву, а съ открытіемъ навигаціи—въ Западную Сибирь. На это путешествіе у ней 9 руб. Сегодня заложили часы и ложки и посылаемъ ей 25 руб. Сегодня приходила къ намъ премилая старушка, мать жены одного эмигранта, типъ помѣщицы; у ней другая дочь въ Восточной Сибири все подаетъ прошенія о возвращеніи; такъ напомнила Михаэлисъ. Вотъ около 40 лѣтъ, а все одну пѣсню слышу. Скучно. Нынче ложусь спать уже въ 8 час. и отъ усталости, и отъ скуки, и отъ холода"...

Холодная зима, работа черезъ силу, дурныя извѣстія сразили, наконецъ, Зайцева, ускоривъ конецъ.

20-го января, вернувшись въ 12-мъ часу съ урока и не успѣвъ вымолвить слова, Зайцевъ, едва вошелъ въ комнаты, рухнулся на полъ. Жена, выбѣжавшая къ нему на шумъ его паденія, нашла его уже мертвымъ.

Его похоронили на Кларанскомъ кладбищѣ по гражданскому обряду.

Хоронить его собрались депутаціи разныхъ революціонныхъ обществъ, говорились рѣчи и могилу покрыли вѣнками съ широкими лентами, испещренными надписями: отъ Общества „Людъ Польскій", отъ Цюрихскихъ студентовъ: „честному, благородному

борцу и защитнику народныхъ интересовъ“, отъ русскихъ студентовъ и т. д.

Его гробъ несли на рукахъ его ученики и эмигранты.

На могилѣ представитель польскаго соціально-революціоннаго общества „Людъ Польскій“, Михаилъ Котурницкій, сказалъ по-польски слѣдующія слова:

„Польскіе соціалисты, узнавши о смерти Зайцева, прислали меня сюда выразить свое сочувствіе умершему, который всю жизнь служилъ честному дѣлу за освобожденіе народа.

Зайцевъ шелъ прямо и всегда противъ угнетенія и порабощенія... Зайцевъ, вмѣстѣ съ честными русскими, сталъ на сторону боровшихся поляковъ 1863 г. ...Зайцевъ умеръ... Но память о немъ сохранится не только среди васъ, русскіе товарищи, но и среди польскихъ соціалистовъ... Честь—благородному и честному мужу!“

Николай Ивановичъ Жуковскій, отъ имени русской эмиграціи, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Дорогіе товарищи!

Надпись на вѣнкѣ, присланномъ цюрихскими студентами, вполнѣ характеризуетъ всю жизнь и дѣятельность покойнаго Зайцева... Конецъ пятидесятыхъ годовъ является великой эпохой пробужденія русской мысли. Всѣ молодыя силы Россіи, не испорченныя какимъ бы то ни было оттѣнкомъ офиціальности, понесли всю сдавленную свою мощь на служеніе русской свободѣ... Явилась новая литература, для которой понадобились новыя силы. Цѣлая фаланга людей, не патентованныхъ дипломомъ полицейской благонамѣренности, выступила на открытую борьбу съ властью и внесла лучъ свѣта въ темное русское царство. Она подготовила, образовала русское революціонное движеніе, она сразу поставила его на путь соціализма. Къ этой фалангѣ честныхъ и благородныхъ литературныхъ борцовъ—защитниковъ народныхъ интересовъ—принадлежитъ и Зайцевъ. Его имя тѣсно связано съ исторіей русской революціонной мысли. Убѣжденный соціалистъ и въ то же время искренній революціонеръ, Зайцевъ не терпѣлъ никакой золотой середины. Его серьезная начитанность, его, свободная отъ всякихъ офиціальныхъ предразсудковъ, ученость, его положительный анализъ всюду и всегда вели его къ больному мѣсту вопроса; онъ умѣлъ безъ обиняковъ, безъ педантства, прямо и просто высказывать свою мысль, не прячась за какіе бы то ни было авторитеты; онъ думалъ своимъ умомъ. Всякій переводъ, всякая статья шли прямо къ дѣлу—къ соціализму. Онъ смолоду поставилъ себя выше мелочей и сразу сталъ мыслью и сердцемъ на крайнюю лѣвую сторону.

Труженикъ мысли и вѣчный пролетарій, онъ старался приблизить часъ избавленія пролетаріата отъ рабства. Родины, отечества, въ узкомъ смыслѣ этого слова, у Зайцева не было. Въ

моментъ польскаго возстанія, Польша была ему дороже Россіи. Прямо и смѣло, до послѣдней минуты, высказывалъ онъ свою мысль, и еще недавно бросилъ перчатку людямъ, которые внесли въ эмигрантскую среду духъ заигрыванья съ правительствомъ. Когда наши революціонеры вступили въ открытый бой съ правительствомъ, Зайцевъ всѣмъ сердцемъ, всей мыслью былъ съ ними. Кто читалъ его статьи въ „Общемъ Дѣлѣ", тотъ знаетъ, какъ онъ умѣлъ отдѣлить отъ революціи всѣхъ сторонниковъ либерализма.

Онъ прямо далъ намъ понять, что въ критическій моментъ, переживаемый теперь Россіей, мы больше, чѣмъ когда-нибудь, должны быть осмотрительны, и не увлекаясь личными интересами, не подчиняясь требованіямъ мелкаго литературнаго самолюбія, можемъ и должны нести нашъ трудъ только въ такую среду, которая чужда всякихъ официальныхъ и оффиціозныхъ вліяній. Благодарность тебѣ, товарищъ! Ты всю жизнь былъ честнымъ борцомъ за свободу! Много дорогихъ людей опустили мы въ землю. У насъ одно утѣшеніе: трудъ твой не пропалъ даромъ! . . . . Тогда Россія вспомнитъ всѣхъ своихъ честныхъ борцовъ, и имя твое будетъ записано на страницахъ исторіи русской революціи".

М. З.

За полвѣка.

(Глава воспоминаній) [1].

II.

Деревня.—Мое владѣльчество.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Экзамены.—Волненія въ университетѣ.—Исторія моего диплома.—Постановка „Однодворца“ въ бенефисъ Павла Васильева.—Столкновеніе съ Самойловымъ.—Линская.—Поѣздка въ Москву.—„Однодворецъ“ въ бенефисъ П. М. Садовскаго.—Воспитанница Позднякова.—„Ребенокъ“ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Ѳ. А. Снѣткова въ роли Вѣрочки.—Петербургскіе сезоны: 1861—1862 и 1862—1863 гг.—Мой дебютъ, какъ фельетониста „Библіотеки для Чтенія“.—Нигилизмъ.—Чернышевскій на эстрадѣ дома Руадзе.—Общій уровень тогдашней молодежи.—Инцидентъ съ „Искрой“.—Дальнѣйшія знакомства съ писателями.

Деревню я зналъ до того только какъ наблюдатель, и въ отрочествѣ, и студентомъ проводя почти каждое лѣто или въ подгородней усадьбѣ дѣда, около Нижняго (деревня Анкудиновка), или—студентомъ—у отца, въ селѣ Павловскомъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Крестьянство всегда интересовало меня. Студентомъ я сталъ входить съ нимъ въ большее общеніе, и присматриваясь къ хозяйству отца, и какъ студентъ медицины, когда началъ полегоньку полѣчивать его крестьянъ.

Крѣпостное право было въ полномъ разгарѣ, на всемъ протяженіи моихъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ — вплоть до акта эмансипаціи, въ началѣ 1861 г. Но я не могу сказать, чтобы я дѣлался очевидцемъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ рабовладѣльчества. Ни у дѣда — довольно-таки строгаго помѣщика,—ни еще менѣе у отца моего, я не былъ свидѣтелемъ такихъ фактовъ крѣпостничества, которые залегаютъ въ душу на всю жизнь. Еще въ городѣ, въ домѣ дѣда (со стороны матери) припоминаются сцены, гдѣ права „вотчинника“ заявляли себя, вродѣ отдачи лакеевъ въ солдаты и арестантскія роты, обыкновенно за кражу со взломомъ; но дикостей крѣпостного произвола надъ крестьянами—за цѣлыхъ десять и бо-

[1]) Первая глава напечатана въ №№ 4, 5—6 „Минувшихъ Годовъ“.

лѣе лѣтъ—особенно у отца моего—я положительно не видалъ и не хочу ничего прикрашивать въ угоду извѣстной тенденціи.

Тогда всѣхъ насъ—юношей—въ николаевское время гораздо сильнѣе возмущали уголовныя жестокости: торговыя казни кнутомъ, прохожденіе „сквозь строй“, безправіе тогдашней солдатчины, участь евреевъ-кантонистовъ. На все это можно было достаточно насмотрѣться въ такомъ губернскомъ городѣ, какъ мой родной городъ, Нижній. Къ счастью для меня, цѣлыхъ пять лѣтъ, проведенныхъ мною въ Дерптѣ, избавили меня почти совершенно отъ такихъ удручающихъ впечатлѣній.

Но лѣтомъ 1861 г. *я самъ* долженъ былъ выступить въ званіи „вотчинника“, наслѣдника двухъ деревень и, кромѣ того, принужденъ былъ взять на себя и роль посредника и примирителя между моими сонаслѣдницами — матушкой моей и тетушкой—и крестьянскимъ обществомъ деревни Обуховка (въ той-же мѣстности),—крестьянами, которыхъ дѣдъ мой отпустилъ на волю, съ землей — по духовному завѣщанію, стало-быть — еще до 19-го февраля 1861 г.

Поѣхалъ я изъ Нижняго въ тарантасѣ — изъ дѣдушкина добра. На второе лѣто взялъ я стараго толстаго повара Михайлу. И тогда же вызвался пожить со мною въ деревнѣ мой товарищъ З., тотъ, съ которымъ мы перешли изъ Казани въ Дерптъ. Онъ тогда уже практиковалъ, какъ врачъ, въ Нижнемъ, но неудачно; вообще хандрилъ и не умѣлъ себѣ добыть болѣе прочное положеніе. Сопровождалъ меня, разумѣется, мой вѣрный „Famulus“, Михаилъ Мемноновъ, продѣлавшій со мною всѣ годы моей университетской выучки.

Впервые могъ я, уже въ качествѣ владѣльца, ознакомиться съ крестьянскимъ бытомъ и, какъ разъ, въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики никогда не жили.

Имѣніе „Обуховка“ (болѣе 300 душъ), отошедшее на волю, по завѣщанію моего дѣда, было ему пожаловано (тогда еще только въ количествѣ ста съ чѣмъ-то душъ) при воцареніи Императора Павла, какъ „гатчинскому“ офицеру, сейчасъ-же переведенному въ Преображенскій полкъ.

Мы съ дѣтства всегда считали эту Обуховку благословеннымъ краемъ. Оттуда привозили всякіе поборы—хлѣбомъ, баранами, живностью, масломъ, медомъ; тамъ были „дремучіе“ (какъ мы думали) лѣса, тамъ мужики всѣ считались отважными „медвѣжатниками“; оттуда взяты были въ дворъ нѣсколько человѣкъ прислуги. И няня моей матери была также изъ Обуховки, и я былъ, съ младенческихъ лѣтъ, полонъ ея разсказовъ про ея родную деревню, ея приволье, ея урочища, ея обычаи и нравы.

Первое мое впечатлѣніе было такое: изъ лѣса, которымъ мы ѣхали довольно долго, мы попали прямо противъ длиннаго деревенскаго „по-

рядка"—больше все изъ новыхъ избъ. Незадолго передъ тѣмъ Обуховка, наполовину, выгорѣла.

Этой постройкой изъ лѣса, который ни формально, ни фактически, мужикамъ не принадлежалъ, начались первыя-же разбирательства, въ которыя я былъ—противъ моего желанія—втянутъ, какъ защитникъ интересовъ моихъ сонаслѣдницъ.

Крестьяне жили не плохо, хотя и на постоянной барщинѣ. При мнѣ справлялись свадьбы, стоившія всегда не меньше ста и полутораста рублей на угощенье. По завѣщанію дѣда, они получили, кромѣ усадебной земли, по три десятины на душу, что въ томъ краѣ считалось высшимъ надѣломъ.

Управлялъ Обуховкой приказчикъ, изъ бывшихъ камердинеровъ моего дяди, потихоня, плутоватый и тайно испивающій. Онъ жилъ въ барскомъ „флигерѣ", на людской половинѣ. А комнатки на улицу пошли подъ меня.

Сейчасъ-же я очутился въ совершенно чуждой и жуткой для меня сферѣ застарѣлыхъ счетовъ между конторой и міромъ, съ пререканіями, навѣтами, обличеніями и оправданіями.

Совсѣмъ вновь всталъ я—лицомъ къ лицу—и къ деревенскому парламенту, т. е. къ „сходу", и впервые распозналъ ту истину, что добиваться чего-нибудь отъ крестьянской сходки, надо, какъ говорится, „каши поѣвши". Какъ-бы ясно и очевидно ни было то, что вы ей предлагаете, или на что хотите получить ея согласіе—мужицкая логика оказывается всегда со своими особенными предпосылками, а, стало-быть, и со своими умозаключеніями.

Обуховскія дѣла брали у меня всего больше времени и, несмотря на мое непремѣнное желаніе уладить все мирно, я добился только того, что какой-то грамотей настрочилъ въ губернскій городъ жалобу, гдѣ я былъ названъ „малолѣтокъ Боборыкинъ" (а мнѣ шелъ уже 25-й годъ) и выставленъ, какъ самый „дошлый" ихъ „супротивникъ".

Тоже испыталъ я, позднѣе, и съ крестьянами тѣхъ двухъ деревень, которыя отошли мнѣ по завѣщанію моего дѣда.

При одной изъ нихъ я нашелъ хуторъ, съ инвентаремъ, довольно плохимъ, скотиной и запашкой, кромѣ лѣса—„заказника". Имѣнія эти дядя мой (безъ всякой надобности) заложилъ, незадолго до своей смерти, и мнѣ, изъ выкупной ссуды, досталась впослѣдствіи очень некрупная сумма.

Тутъ я увидалъ, тоже впервые, что во мнѣ нѣтъ никакой хозяйственной „жилки", что я *не рожденъ собственникомъ*, что пріобрѣтательское скопидомство совсѣмъ не въ моей натурѣ.

Какъ бывшій студентъ-„камералистъ", я могъ-бы заинтересоваться агрономіей. Поля, лѣсъ, бытъ мужиковъ, сельско-хозяйственные порядки—все это и писателя могло, въ извѣстной степени, привлекать; но всему

помѣхой было положеніе владѣльца, барина, „вотчинника“. А отсутствіе болѣе сильныхъ, хозяйственныхъ наклонностей не давало того себялюбиваго, но естественнаго довольства отъ сознанія, что вотъ у меня лично будетъ тысяча десятинъ незаложенной земли, что у меня есть лѣсъ „заказникъ“, что я могу хорошо обставить хуторъ, завести образцовый скотный дворъ. Словомъ, отсутствовало то помѣщичьи-пріобрѣтательское чувство, которому Л. Толстой—онъ это говоритъ въ своей „Исповѣди“—предавался не одинъ десятокъ лѣтъ.

Я былъ прирожденный „citaden“, городской житель, то, что потомъ я самъ—въ русской печати—окрестилъ терминомъ „интеллигентъ“.

И меня, съ первыхъ-же недѣль, потянуло назадъ, въ Петербургъ, гдѣ я принужденъ былъ бросить экзамены.

Сосѣди мои такъ и посмотрѣли на меня. Я попалъ въ цѣлое „дворянское гнѣздо“. Поблизости къ „Обуховкѣ“ стояло большое село Ш—во— и тамъ я нашелъ три помѣщичьихъ усадьбы. Одинъ изъ братьевъ Р. былъ и моимъ мировымъ посредникомъ, самъ хорошій, раціональный агрономъ, мягкій, болѣе гуманный, съ оттѣнкомъ либерализма, который сказывался и въ томъ, что онъ ходилъ и у себя, и въ гостяхъ, въ русскомъ костюмѣ (ополченской формы), но безъ славянофильскаго жаргона. Къ нему надо было обращаться по всѣмъ моимъ дѣламъ съ крестьянами, и обуховскими, и моими временно-обязанными.

Николай Ивановичъ помогалъ мнѣ своими совѣтами, и какъ посредникъ, считался скорѣе сторонникомъ крестьянъ; но ему хотѣлось-бы видѣть во мнѣ молодого владѣльца, который „сѣлъ-бы“ на землю и превратился въ раціональнаго хозяина, а потомъ послужилъ-бы *земству*, о чемъ уже начали поговаривать, какъ о ближайшей реформѣ.

Дамы и дѣвицы, въ трехъ усадьбахъ, смотрѣли на меня только какъ на петербургскаго молодого человѣка, выбравшаго себѣ писательскую дорогу. Это считалось не особенно привлекательнымъ и почетнымъ; но не было и никакой враждебности. Общій культурный уровень былъ не особенно выше средняго. Кое-что почитывали, занимались музыкой, говорили по-нѣмецки и по-французски. Но даже и у самаго развитого и либеральнаго Николая Ивановича—моего посредника—не было замѣтно особеннаго желанія дѣлать что-нибудь для народа, внѣ хозяйственной сферы. Школъ и больницъ я что-то, во всей округѣ, не помню въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Мои собственныя владѣльческія дѣла шли очень медленно. Хозяйничать я не сбирался; но—„пока что“—надо было какъ-нибудь да вести такъ называемое „барское“ хозяйство. Барщины уже не было. Главный и неотлагательный вопросъ былъ: написаніе уставной грамоты. И тутъ я и вошелъ въ долгіе переговоры съ міромъ. Сходка—не знаю уже на что ра-

считывая—упиралась безусловно, на выкупъ не шла, даже и на самыхъ льготныхъ условіяхъ, и дѣло это тянулось до тѣхъ поръ, пока я принужденъ былъ дать крестьянамъ обѣихъ деревень даровой надѣлъ (такъ называемый „сиротскій"), что, конечно, невыгодно отозвалось, въ ближайшемъ будущемъ, на ихъ хозяйственномъ положеніи.

Забѣгая впередъ на цѣлый годъ, я покончу здѣсь съ моей судьбой, какъ землевладѣльца. Я долженъ былъ взять приказчика; а со второго лѣта хозяйствомъ моимъ сталъ заниматься тотъ медикъ З.—мой товарищъ по Казани и Дерпту, который оставался тамъ еще нѣсколько лѣтъ, распоряжаясь, какъ умѣлъ, запашкой и отдачей земли въ аренду Но дефицитъ по изданію „Библіотеки для Чтенія" заставилъ меня, къ 1864 г., заложить мою землю съ лѣсомъ въ Нижегородскомъ Дворянскомъ Банкѣ за ничтожную сумму въ 15,000 рублей (теперь она стоила бы гораздо болѣе *ста* тысячъ), и она пошла съ аукціона менѣе, чѣмъ за двадцать тысячъ. Тогда цѣны на земли не были еще высоки, и одинъ изъ моихъ сосѣдей, братъ посредника, воспользовался такимъ выгоднымъ случаемъ и купилъ землю (вѣроятно съ переводомъ долга) за нѣсколько тысячъ рублей.

И вышло такъ, что все мое помѣщичье достояніе пошло, въ сущности, на литературу. За два года съ небольшимъ, я, какъ редакторъ и сотрудникъ своего журнала, почти ничѣмъ изъ деревни не пользовался и жилъ на свой трудъ. И только по отъѣздѣ моего товарища З. изъ имѣнія я всего одинъ разъ имѣлъ какой-то доходъ, пошедшій также на покрытіе того многотысячнаго долга, который я нажилъ издательствомъ журнала, къ 1865-му году.

Не считаю лишнимъ сказать здѣсь, съ полной искренностью, что въ тѣ годы, когда я неожиданно сталъ землевладѣльцемъ и долженъ былъ сводить свои счеты съ крестьянами, я не былъ подготовленъ, въ своихъ идеяхъ и принципахъ, къ тому, напр., чтобы *подарить* крестьянамъ полный надѣлъ, какой полагался тогда по уставнымъ грамотамъ. Не знаю, сдѣлалъ ли я бы это, если бъ имѣніе не было заложено. Какъ разъ три четверти выкупной ссуды, освободившей меня отъ долга, и представляли бы собою дополнительный надѣлъ—до полной нормы, если бъ я имъ отдалъ ихъ землю даромъ.

Не въ видѣ оправданія, а какъ фактическую справку—приведу то, что изъ людей 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ, сдѣлавшихъ себѣ имя въ либеральномъ и даже радикально-революціонномъ мірѣ, одинъ только Огаревъ, еще въ николаевское время, отпустилъ своихъ крѣпостныхъ на волю, хотя и не совсѣмъ даромъ. Этого не сдѣлали ни славянофилы, по тогдашнему распинавшіеся за народъ (ни Самаринъ, ни Аксаковы, ни Кирѣевскіе, ни Кошелевы), ни И. С. Тургеневъ, ни М. Е. Салтыковъ, жестокій

обличитель тогдашнихъ порядковъ, ни даже К. Д. Кавелинъ, такъ много ратовавшій за общину и поднятіе крестьянскаго люда во всѣхъ смыслахъ. *Не сдѣлалъ этого и Левъ Толстой!*

И Герценъ, хотя фактически и не сталъ, по смерти отца, помѣщикомъ (имѣніе его было конфисковано), но какъ домовладѣлецъ (въ Парижѣ) и капиталистъ-рантье—не сдѣлалъ ничего такого, что бы похоже было на даръ крестьянамъ, даже и въ родѣ того, на какой пошелъ его другъ Огаревъ.

Рабовладѣльчествомъ мы всѣ возмущались, и отъ меня—по счастію!—отошла эта чаша. *Крѣпостными* я не владѣлъ; но для того, чтобы произвести даровое полное отчужденіе, надо и теперь быть настроеннымъ въ самомъ „крайнемъ" духѣ. Да и то обязательное отчужденіе земли, о которое первая Дума такъ трагически споткнулась, въ сущности есть только выкупъ (за него крестьяне платили-бы государству), а не *даръ*, въ размѣрѣ хорошаго надѣла, какъ желали народническія партіи трудовиковъ, соціалъ-демократовъ и революціонеровъ.

Мои временно-обязанные получили даровую землю, только въ недостаточномъ количествѣ—разница количественная, а не по существу. Прибавлю (опять-таки не въ оправданіе, а какъ фактъ), что они могли тутъ-же арендовать у землевладѣльца землю по цѣнѣ, меньшей той, что съ нихъ потребовали-бы „хорошіе" хозяева, а не молодой писатель, который такъ скоро сталъ тяготиться своей ролью владѣльца.

Первая моя экскурсія въ деревню—лѣтомъ 1861 года—длилась всего около двухъ мѣсяцевъ; но для будущаго бытописателя-беллетриста она не прошла даромъ. Все это время я каждый день долженъ былъ предаваться наблюденіямъ и природы, и хозяйственныхъ порядковъ, и крестьянскаго „міра", и народнаго быта вообще, и приказчиковъ, и сосѣдей, и мѣстныхъ властей, въ родѣ тѣхъ, кто вводилъ меня во владѣніе.

Въ Петербургъ я возвращался уже съ нѣкоторыми *плюсами* въ моемъ знакомствѣ съ тогдашней дворянско-мужицкой жизнью. Но надо было торопиться. На подготовку къ кандидатскому экзамену оставалось не полныхъ два мѣсяца.

И вотъ я опять студентъ, да еще житель Васильевскаго Острова.

Вольнослушатель, Неофитъ К., съ которымъ меня познакомилъ Николай Неклюдовъ, приготовилъ мнѣ квартирку у какой-то нѣмки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того дома, гдѣ онъ жилъ—кажется въ 10-й линіи.

И началось „зубренье". Странно выходило то, что всего сильнѣе мы должны были готовиться изъ двухъ *побочныхъ* предметовъ—изъ уголовнаго права (съ его теоріей) и гражданскаго—оттого, что обоихъ профес-

соровъ всего больше боялись, какъ экзаменаторовъ—В. Д. Спасовича и К. Д. Кавелина.

Ни того, ни другого я еще лично не знавалъ: Спасовича видѣлъ на „пробномъ" судѣ присяжныхъ (когда судили студента за растрату); а Кавелина видалъ въ аудиторіяхъ.

Курсъ Спасовича былъ двойной: право съ его теоріей и исторія судебныхъ учрежденій, начиная съ древности.

Тогда уже вышелъ его учебникъ, составленный очень подробно и набитый изложеніемъ разныхъ теорій вмѣненія; моему коллегѣ К. все это довольно таки туго давалось. И многое приходилось перечитывать по два и по три раза.

Читали мы цѣлый день—до позднихъ часовъ бѣлыхъ ночей, часовъ иногда до двухъ; никуда не ѣздили за городъ, и единственное наше удовольствіе было ходить на Неву купаться. На улицахъ стояло такое безлюдье, что мы отправлялись въ домашнихъ костюмахъ и съ собственнымъ купальнымъ бѣльемъ подъ мышкой.

Иногда—къ концу нашего сидѣнья—приходили пріятели К., изъ студентовъ или бывшихъ студентовъ. У него я познакомился съ В. В. Чуйко (критикомъ), только что вернувшимся изъ-за границы.

Но я все таки не могъ уйти совершенно отъ интересовъ и заботъ драматическаго писателя, у котораго—уже больше года—его первая пьеса „Однодворецъ" томилась въ III-мъ Отдѣленіи, вмѣстѣ съ драмой „Ребенокъ".

Цензоръ потребовалъ отъ меня передѣлки двухъ актовъ—второго и третьяго. Его смущала сцена супружеской невѣрности. *Адюльтеръ* считался тогда вообще запретнымъ плодомъ, и тѣнь моего Ивана Андреевича Нордштрема содрогнулась-бы, если-бъ она попала на представленія нѣкоторыхъ нынѣшнихъ пьесъ на казенныхъ сценахъ.

Пришлось урвать у заучиванья лекцій добрую недѣлю, чтобы во-время представить опять „Однодворца" и добиться его разрѣшенія къ началу сезона.

Намъ—„администраторамъ",—желавшимъ сдавать на кандидата, дали для сдачи *всѣхъ* главныхъ предметовъ (а ихъ было около десятка)—всего *одинъ день!*

Черезъ такой экспериментъ я еще не проходилъ во всю мою долгую студенческую жизнь въ двухъ университетахъ.

Въ Дерптѣ, когда я сдавалъ первую половину экзаменовъ („rigocosum"), какъ спеціально изучающій химію—я долженъ былъ выбрать четыре главныхъ предмета и сдать ихъ въ одинъ день. Но все-таки это было въ два присѣста, по два часа на каждый, и наукъ значилось всего четыре, а не восемь, если не десять.

И тотъ дерптскій экзаменъ былъ неизмѣримо серьезнѣе, почти какъ магистерскій, и въ другой формѣ, не школьнически передъ столомъ экзаменатора, стоя—студенты въ мундирѣ,—а сидя, въ видѣ какъ бы продолжительной бесѣды.

Отправились мы въ университетъ перваго сентября. Мой коллега К. слушалъ всѣхъ профессоровъ, у кого ему предстояло экзаменоваться; а я почти что никого, и большинство ихъ даже не зналъ въ лицо, и какъ разъ тѣхъ, кто долженъ былъ экзаменовать насъ изъ главныхъ предметовъ.

Большая аудиторія (какая по счету—уже не помню) свѣтлая, обставленная во всѣ стороны столами. Къ правой сторонѣ цѣлыхъ три экзаменатора. Горловъ (политическая экономія и статистика) не явился и за него экзаменовалъ одинъ изъ тѣхъ, кто сидѣлъ на этой сторонѣ аудиторіи. Я никого не зналъ въ лицо. Спрашиваю: кто сидитъ посреди—говорятъ мнѣ: профессоръ финансоваго права; а вотъ тотъ рядомъ—Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, профессоръ полицейскаго права и государственныхъ законовъ; а вонъ тотъ бодрый старичекъ съ военнымъ видомъ—Ивановскій, у котораго тоже приходилось сдавать цѣлыхъ двѣ науки разомъ: международное право и конституціонное, которое тогда уже называлось „государственное право европейскихъ державъ".

Такъ и я сталъ обходить ихъ по порядку.

Сейчасъ же мнѣ бросилось въ глаза то, что уровень подготовки экзаменующихся былъ *крайне не высокъ*. А сообразно съ этимъ—и требованія экзаменаторовъ. У И. Е. Андреевскаго—помню, мнѣ выпалъ билетъ (по тогдашнему времени самый ходовой) „крестьянское сословіе", и я буквально не говорилъ больше *пяти* минутъ, какъ онъ уже остановилъ меня съ улыбкой и сказалъ: „Очень хорошо. Довольно-съ". И поставилъ мнѣ пять, чуть не съ плюсомъ.

Тоже было и у финансиста; а Ивановскій, прослушавъ меня, такъ минутъ по пяти, на темы „морскихъ конвенцій" и „германскаго союза", поставилъ мнѣ двѣ пятерки и, въ паузу, выходя въ одно время со мною изъ аудиторіи въ корридоръ, взялъ меня подъ руку и спросилъ:

— А какъ вы, молодой человѣкъ, думаете поступить по сдачѣ кандидатскаго экзамена? Какую дорогу избираете?

Я понялъ это, какъ намекъ на то: „не хотите ли быть оставленнымъ при университетѣ, по одной изъ моихъ каѳедръ"?

Я отвѣтилъ, что выбралъ себѣ дорогу писателя, и уже выступилъ на это поприще около года назадъ.

Ивановскаго любили, считали хорошимъ лекторомъ, но курсы его были составлены нѣсколько по старинному, и авторитетнаго имени въ наукѣ онъ

не имѣлъ. Говорилъ онъ съ польскимъ акцентомъ и смотрѣлъ характернымъ панóмъ, съ открытой физіономіей и живыми глазами.

Также быстро былъ мною сданъ и экзаменъ изъ политической экономіи и статистики, и, такимъ образомъ, все главное было уже помѣчено вожделѣнной цифрой 5. Оставалось только торговое право у безцвѣтнаго профессора Михайлова; и оно „проѣхало благополучно".

Такой экзаменъ напомнилъ мнѣ николаевское время, въ Казани, а послѣ Дерптской „предметной системы" и гораздо большей серьезности испытаній—казался чѣмъ-то довольно-таки школьнымъ, гимназическимъ.

И не могъ я не видѣть рѣзкаго контраста между такой плохой подготовленностью студентовъ (державшихъ не иначе, какъ на кандидата) и тѣмъ „новымъ" духомъ, какой къ 60-мъ годамъ началъ вѣять въ аудиторіяхъ петербургскаго университета.

Но одно дѣло: увлеченіе освободительными протестами, другое—усидчивый трудъ или, по крайней мѣрѣ, общая развитость и начитанность. Нѣкоторые студенты, изъ петербургскихъ франтиковъ, прямо поражали меня своей неразвитостью. Они буквально не могли грамотно построить ни одной фразы, и нѣтъ ничего удивительнаго, что меня остановилъ Андреевскій послѣ пятиминутнаго отвѣта.

И забавнѣе всего было то, что такіе „бакенбардисты" (термины изъ „Гамлета Щигровскаго уѣзда"), начинали сейчасъ-же торговаться.

— Я не могу вамъ поставить больше трехъ,—деликатнѣйшимъ тономъ говорилъ такому индивиду все тотъ же Андреевскій.

— Нѣтъ съ, господинъ профессоръ! Я на этомъ помириться не могу! Мнѣ необходима, по меньшей мѣрѣ, четверка.

И такіе спорщики преобладали.

На побочныя науки были даны другіе дни. Обязательнымъ предметомъ стояла и русская исторія. Изъ нея экзаменовалъ Павловъ (Платонъ), только что поступившій въ петербургскій университетъ. Болѣе мягкаго, деликатнаго, до слабости снисходительнаго экзаменатора я не видалъ во всю мою академическую жизнь. „Бакенбардисты" совсѣмъ одолѣли его. И онъ, указывая имъ на меня, повторялъ:

— Какъ-же мнѣ быть, господа? Вотъ *они* (это я), *какъ* отвѣчали—и я ставлю *имъ* пять. Могу-ли я, по совѣсти, ставить вамъ столько же?

По русской исторіи я не готовился *ни одного дня*, на Васильевскомъ острову. Въ Казани, у профессора Иванова, я прослушалъ цѣлый курсъ, и не только *прагматической* исторіи, но и такъ называемой „пропедевтики", т. е. науки объ источникахъ, вещныхъ и письменныхъ, и, должно-быть, этого достаточно было, чтобы, и черезъ пять слишкомъ лѣтъ, кое-что да осталось въ памяти.

Изъ всеобщей исторіи отвѣчалъ я М. М. Стасюлевичу, на билетъ объ „Аугсбургскомъ исповѣданіи“.

Оставалось два самыхъ „страшныхъ“, хотя и побочныхъ, предмета: гражданское и уголовное право.

Кавелинъ считался еще болѣе строгимъ экзаменаторомъ, чѣмъ Спасовичъ, хотя, почему-то, боялись его меньше.

Экзаменъ происходилъ въ аудиторіи, днемъ, и только съ однимъ Кавелинымъ, безъ ассистента. Экзаменовались и юристы, и мы—„администраторы“. Тѣмъ надо было—для кандидата—добиваться пятерокъ; мы же могли довольствоваться тройками; но и тройку заполучить было гораздо потруднѣе, чѣмъ у всѣхъ нашихъ профессоровъ главныхъ факультетскихъ наукъ.

Съ К. Д. Ковелинымъ впослѣдствіи—со второй половины 70-хъ годовъ—я сошелся, посѣщалъ его не разъ, принималъ и у себя (я жилъ тогда домомъ, на Пескахъ, на углу 5-й и Слоновой); а раньше, изъ-за границы, у насъ завязалась переписка на философскую тему, по поводу диссертаціи Соловьева, гдѣ тотъ защищалъ „кризисъ“ противъ *позитивизма*.

Молодой драматургъ, подходившій къ столу брать билетъ изъ гражданскаго права у профессора, считавшагося, несмотря на свою популярность, очень строгимъ, не могъ предвидѣть, что болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ сойдется съ нимъ, какъ равный съ равнымъ.

Кавелинъ видѣлъ меня тогда, кажется, въ первый разъ, но фамилію мою зналъ, и читалъ если не „Однодворца“, то комическія сцены, которыя я напечаталъ передъ тѣмъ въ журналѣ „Вѣкъ“, гдѣ онъ былъ однимъ изъ пайщиковъ и членовъ редакціи.

Передо мной сдавалъ (на пятерку) студентъ юристъ Скалонъ, впослѣдствіи извѣстный кавалерійскій генералъ. Не знаю, для чего ему понадобился кандидатскій дипломъ, такъ какъ онъ тогда уже говорилъ товарищамъ, что сейчасъ же поступитъ въ лейбъ-уланскій полкъ.

Кавелинъ порядочно-таки „пронималъ“ его, заставилъ брать второй билетъ; прохаживался и по всему предмету. Всѣ мы, чаявшіе своей очереди, сейчасъ почуяли, что отвѣтомъ въ нѣсколько минутъ тутъ не отвертишься.

Кавелинъ былъ тогда очень крѣпкій, среднихъ лѣтъ и небольшого роста мужчина, съ красными щеками, еще не сѣдой, живой въ движеніяхъ. Онъ носилъ—послѣ какой-то болѣзни—на головѣ шелковую скуфью. Глаза его—живые и блестящіе—зорко и экзаменаторски взглядывали на васъ. Онъ не сидѣлъ, а двигался около стола, заложивъ руки въ карманы панталонъ. Былъ онъ въ вицъ-мундирѣ

Впослѣдствіи, когда я—послѣ смерти А. И. Герцена и знакомства съ нимъ въ Парижѣ (въ зиму 1869—70 г.)—сталъ сходиться съ Кавелинымъ, я нахо-

дилъ между ними обоими сходство—не по чертамъ лица, а по всему облику, фигурѣ, манерамъ, а, главное, голосу и языку истыхъ москвичей и одной и той-же почти эпохи. Кавелинъ рано сблизился съ Герценомъ, и тотъ сталъ его большей симпатіей, до ихъ разрыва, случившагося на почвѣ политическихъ взглядовъ и уже въ шестидесятыхъ годахъ: того момента, когда я попалъ въ аудиторію къ строгому экзаменатору.

Послѣ бойкаго претендента на кандидатскую отмѣтку, собиравшагося въ уланскіе юнкера, подошелъ я къ столу и взялъ билетъ: „о личныхъ отношеніяхъ супруговъ между собою“ по X-му тому.

Я сказалъ то, что вспомнилъ изъ записокъ, которыя мы подзубривали съ Неофитомъ К-нымъ.

Кавелинъ замѣтилъ мнѣ - строгонько въ тонѣ—что есть и другіе виды супружескихъ отношеній. Я отвѣтилъ ему, что въ запискахъ, составленныхъ по его лекціямъ, стоятъ только эти.

Ему такой отвѣтъ не понравился и онъ заставилъ меня взять еще билетъ. Это было: „о поколѣнномъ и поголовномъ наслѣдствѣ“.

Тутъ онъ сталъ уже *дочимать* меня, ловя на неточности формулировки разныхъ опредѣленій и кончилъ такой фразой:

— Господинъ Боборыкинъ, вы пишете очень милыя вещи, но я больше тройки поставить вамъ не могу.

— Я и не требую, господинъ профессоръ,-- сказалъ я, нѣсколько взволнованный такимъ оборотомъ фразы. Но позвольте вамъ замѣтить, что мое писательство не имѣетъ никакого отношенія къ этому экзамену.

Онъ измѣнился въ лицѣ; но больше ничего не сказалъ.

Я вышелъ въ корридоръ, а черезъ нѣсколько минутъ выкатилъ изъ аудиторіи студентъ—изъ дерптскихъ буршей, высланный оттуда за дуэль, подбѣжалъ ко мнѣ и, блѣдный, кинулъ мнѣ:

Kul! Was hast du gethan?!

Онъ обвинилъ кругомъ меня въ своемъ жестокомъ провалѣ у Кавелина, котораго я разсердилъ своимъ отвѣтомъ, и онъ поставилъ ему единицу.

Предстояло итти ко второму „пугалу“ тогдашнихъ юристовъ и администраторовъ, къ В. Д. Спасовичу.

Кто-бы сказалъ мнѣ тогда, что съ этимъ профессоромъ, котораго, на экзаменахъ, боялись, какъ огня, мы будемъ такъ долго водить пріятельство, какъ члены Шекспировскаго кружка, и что онъ въ 1900-мъ году будетъ произносить, на моемъ 40-лѣтнемъ юбилеѣ, одну изъ привѣтственныхъ рѣчей?

Спасовичъ тогда заболѣлъ къ началу нашихъ испытаній и явился позднѣе. Дѣло было вечеромъ. Съ подвязанной щекой, отъ сильнѣйшаго флюса—хмурый и взъерошенный, онъ сидѣлъ одинъ, безъ ассистента, за столомъ,

кажется, въ той самой аудиторіи, гдѣ онъ зимой былъ предсѣдателемъ студенческаго суда присяжныхъ.

Большая аудиторія—въ полутьмѣ, съ двумя свѣчами на столѣ. У дверей въ корридорѣ—студенты, „идущіе на пропятіе", скучились и совершенно, какъ чиновники въ „Ревизорѣ", смертельно боятся проникнуть въ то логовище, гдѣ ихъ пожретъ жестокій экзаменаторъ.

Я былъ однимъ изъ первыхъ смѣльчаковъ.

Спасовичъ, дѣйствительно, своимъ тогдашнимъ видомъ могъ смущать даже и тѣхъ, кто оказался похрабрѣе. Но этотъ устрашающій видъ не помѣшалъ ему оказаться экзаменаторомъ, если и не во вкусѣ И. Е. Андреевскаго, то весьма справедливымъ и нисколько непридирчивымъ.

Мнѣ надо было брать два билета—по двумъ курсамъ, и ихъ содержаніе до сихъ поръ чрезвычайно отчетливо сохранилось въ моей памяти: „О давности въ уголовныхъ дѣлахъ, и о той формѣ суда присяжныхъ, въ древнемъ Римѣ, которая извѣстна была подъ именемъ „Questiones perpetuae".

Хмурый экзаменаторъ, раздраженный зубной болью, по своей привычкѣ все подталкивалъ меня своимъ „ну-съ, ну-съ", но ни къ чему не придирался и по обоимъ отвѣтамъ поставилъ мнѣ по четыре, что было болѣе, чѣмъ достаточно для „администратора".

Такъ какъ по главнымъ наукамъ у меня въ среднемъ была пятерка, то я могъ быть спокоенъ насчетъ пріобрѣтенія кандидатскаго диплома.

А въ самомъ университетѣ, какъ разъ съ первыхъ чиселъ сентября, началось усиленное броженіе.

Я помню сцену, когда одинъ изъ студенческихъ вожаковъ, Н. Неклюдовъ (будущій шефъ государственной полиціи) догонялъ попечителя, генерала Филипсона, во главѣ группы студентовъ, вотупалъ съ нимъ въ переговоры и ставилъ свой ультиматумъ.

Всю эту смуту заварилъ новый министръ Путятинъ, съ своими „матрикулами", которыхъ русскіе университеты, до того, не знали и студенты посмотрѣли на это, какъ на что-то унизительное и архиполицейское.

Но такія самыя *матрикулы* издавна существовали въ Дерптѣ, и я пять лѣтъ имѣлъ у себя книжку, съ которой тамъ, у нѣмцевъ, всѣ мирились и даже считали ее совершенно необходимой въ учебномъ быту.

Она называлась „Anmeldungsbogen" или—какъ студенты чаще называли—„Belegbogen". Въ ней прописывалась специальность студента (я, напр., назывался „воздѣлывателемъ химіи"—chemiae cultor) и стоялъ перечень предметовъ его разряда. И такъ какъ мы тамъ сдавали побочные предметы, когда намъ вздумается, то тутъ же профессоръ и ставилъ отмѣтку, а по окончаніи семестра дѣлалъ другую отмѣтку—о посѣщеніи

студентомъ его предмета. Но на практикѣ установилось такъ, что вы всегда получали отмѣтку: „изрѣдка посѣщалъ“ (zuweilen besusht), хотя вы и глазъ никогда къ нему не казали.

И вотъ такіе-то (или въ родѣ того) *матрикулы* и подняли всю академическую бурю. Мы, на радостяхъ, съ Неофитомъ К. вкушали сладкій отдыхъ отъ зубренья и нѣсколько дней не заглядывали въ университетъ. Мнѣ захотѣлось узнать—получилъ ли я дѣйствительно средній баллъ, дающій кандидатскую степень, и пошелъ, еще ничего не зная, что въ это утро творилось въ университетѣ, и попалъ на дворъ, привлеченный чѣмъ-то необычайнымъ.

Прежде всего я узналъ, въ калиткѣ, стоявшаго для наблюденія—кого же? Моего цензора Нордштрема, въ шляпѣ и шинели, съ лицомъ офиціальнаго соглядатая. Но вѣдь онъ былъ чиновникъ III-го отдѣленія и получилъ это „особое“ порученіе, съ драматической цензурой имѣвшее мало общаго.

И судьба подшутила надъ нимъ: въ эту минуту, надъ тысячной толпой студентовъ, на лѣстницѣ, прислоненной къ дровамъ, говорилъ студентъ Михаэлисъ, тотъ пріятель М. Л. Михаилова (и братъ г-жи Шелгуновой), съ которымъ я видался въ студенческихъ кружкахъ еще раньше. А онъ приходился... чуть не племянникомъ этому самому дѣйствительному статскому совѣтнику и театральному цензору.

Я попалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, съ высоты этой импровизованной трибуны, былъ поставленъ на *referendum* вопросъ: итти ли всѣмъ *скопомъ* къ попечителю и привести или привезти его, изъ квартиры его (на Колокольной) въ университетъ, чтобы добиться отъ него категорическихъ отвѣтовъ на требованія студентовъ.

Толпа рѣшила—*итти*, и вся она, прямо со двора, двинулась въ порядкѣ черезъ Дворцовый мостъ по Невскому.

Пошелъ и я туда же.

День былъ ясный, теплый, точно праздничный. Ни около университета, ни на мосту, ни на площади Зимняго Дворца—никто эту процессію не останавливалъ. Были тутъ и вольнослушательницы, и не мало сочувствующихъ, въ штатскомъ платьѣ.

По Невскому студенты шли по солнечной сторонѣ, тихо, безъ пѣнія, не вызывая никакого замѣшательства въ движеніи пѣшеходовъ и экипажей.

Публика оглядывалась, больше улыбалась и разспрашивала участниковъ процессіи. Ни одна лавка не закрывалась, и на всемъ протяженіи Невскаго, до Владимірской и дальше до Колокольной, никто не разгонялъ студентовъ.

Попечитель жилъ въ одномъ изъ небольшихъ домовъ, видныхъ отъ

рѣшетки церкви. Тутъ я остановился, и все, что потомъ происходило у дома, и по всей улицѣ, съ Владимірской было мнѣ хорошо видно.

Первый пріѣхалъ въ каретѣ тогдашній начальникъ III-го отдѣленія— графъ П. Шуваловъ; вышелъ изъ кареты, въ одномъ мундирѣ, и вскорѣ поспѣшно уѣхалъ. Онъ то, встрѣтивъ, поблизости, взводъ (или полроты) гвардейскаго стрѣлковаго баталіона, приказалъ ему итти на Колокольную. Я это самъ слышалъ отъ офицера, командовавшаго стрѣлками, нѣкоего П — ра, который бывалъ у насъ въ квартирѣ, у моихъ сожителей, кн. Дондукова и гр. П. А. Гейдена—его товарищей по Пажескому корпусу.

Стрѣлки выстроились. На балконѣ того дома, гдѣ жилъ попечитель, показалась рослая и плотная фигура генерала. Начались переговоры. Толпа все прибывала; но полиція еще бездѣйствовала и солдаты стояли все въ той-же позиціи. Вожаки студентовъ волновались, что-то кричали толпѣ товарищей, перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Они добились того, что генералъ Филипсонъ согласился отправиться въ университетъ, и процессія двинулась опять тѣмъ же путемъ по Владимірской и Невскому.

Во всемъ этомъ, на взглядъ сторонняго зрителя, не было ничего похожаго на „бунтъ“, на „разгромъ“ и даже на воинственную „манифестацію“. Для простой публики было даже невдомекъ, что собственно тутъ происходитъ?

И когда студенческая толпа двинулась въ обратный путь, вожаки— изъ тѣхъ, кого и я знавалъ въ лицо—пришли въ радостное возбужденіе. Изъ нихъ самый сильный по характеру былъ Михаэлисъ, потомъ Николай Неклюдовъ, Николай Утинъ, Чубинскій, Покровскій и др.

Подневольное слѣдованіе попечителя со всей студенческой братіей по Невскому, было, конечно, небывалымъ фактомъ. Но побѣда, увы, оказалась чѣмъ-то въ родѣ пораженія, потому что дальше пошло гораздо хуже. Демонстрація изъ-за матрикулъ передъ главнымъ входомъ окончилась побоищемъ. Дѣйствовали Преображенскій и Финлядскій полки. Зданіе было занято военнымъ постомъ, что я самъ видѣлъ, когда пришелъ узнать— какъ стоятъ дѣла. Сѣни—со стороны Невы—похожи были на кордегардію. Оберъ-полиціймейстеръ Паткуль хвалился, однако, что онъ дѣйствовалъ, какъ настоящій джентльменъ и дѣлалъ „все возможное“.

Началось слѣдствіе, съ арестами и разбирательствами, которое затянулось до половины зимы. Главная роль пришлась на долю проф. Андреевскаго. По его предмету: полицейскому или (какъ въ Москвѣ проф. Лешковъ уже величалъ его тогда) „общественному“ праву—я подалъ и диссертацію. Матеріалъ для нея доставилъ мнѣ одинъ еще дерптскій мой знакомый, служившій въ Министерствѣ Государственныхъ имуществъ.

Диссертація называлась такъ: „О мірскихъ капиталахъ, вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассахъ у государственныхъ крестьянъ“.

Тема, какъ видите, весьма далекая отъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ первенствующихъ интересовъ, какъ писателя. Но матеріалъ достался мнѣ стоющій, да вдобавокъ еще отвѣчавшій общему настроенію—въ сторону міра, деревни, крестьянства.

Но, прежде всего, надо было еще разъ повѣрнѣе узнать: получимъ-ли мы съ моимъ Неофитомъ К. кандидатскіе баллы. Разбродъ въ университетѣ былъ полнѣйшій. *Фактически* онъ не существовалъ. Отмѣтки были у насъ несомнѣнно кандидатскія. Диссертацію я быстро изготовилъ, уже переселившись съ Васильевскаго Острова въ квартиру, гдѣ опять помѣстился съ моими прошлогодними сожителями, въ томъ самомъ кварталѣ, гдѣ произошла студенческая манифестація, на Колокольной, также близъ Владимірской церкви, въ одномъ изъ переулковъ Стремянной.

Съ университетомъ прямая связь прервалась. Зданіе „Двѣнадцати коллегій“ стояло пустое. Студенчество разсѣялось. Много было „сосланныхъ“ и „высланныхъ“, разбирательство затянулось очень надолго. Кромѣ всякихъ „каръ“ надо было позаботиться и о матеріальномъ положеніи студенческой массы.

Всѣмъ этимъ завѣдывалъ популярный тогда „Иванъ Ефимычъ“, т. е. все тотъ же профессоръ *полицейскаго* права — тоже пикантное совпаденіе.

Чтобы добыть кандидатскій дипломъ, надо было получить удостовѣреніе о томъ, что диссертація моя просмотрѣна и одобрена профессоромъ по этому предмету, т. е. опять-таки все тѣмъ-же вездѣсущимъ „Иваномъ Ефимычемъ“.

Помнится мнѣ мое посѣщеніе его квартиры. Это было вечеромъ. Я нашелъ его въ самомъ пеклѣ его „административныхъ“ хлопотъ... Что-то въ родѣ справочной конторы, съ постояннымъ приходомъ и уходомъ студенческой братіи. И маленькая юркая фигурка Андреевскаго, въ безпрестанномъ движеніи, справкахъ, отвѣтахъ, распоряженіяхъ, выслушиваніи всевозможныхъ жалобъ, требованій, просьбъ.

Дошла очередь и до меня. Конечно, онъ не помнитъ, что я ему отвѣчалъ на экзаменѣ по двумъ предметамъ.

— У васъ лежитъ и моя диссертація, И. Е.

Онъ вопросительно усмѣхнулся.

Я постарался напомнить ему содержаніе ея. Онъ засуетился, сталъ искать въ картонахъ и въ полкахъ этажерокъ.

Видно было, что если она и попадала ему въ руки, то не оставила въ его памяти никакого замѣтнаго слѣда.

— А какъ заглавіе вашей диссертаціи?—спросилъ онъ, убѣдившись, что у него ея нѣтъ.

— „О мірскихъ капиталахъ и вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассахъ у государственныхъ крестьянъ“.

— Хорошо-съ! Я такъ и напишу.

Хранится это злополучное разсужденіе въ архивахъ Петербургскаго университета или нѣтъ?—я не знаю.

Но я получилъ кандидатскій дипломъ уже въ январѣ 1862 г. на пергаментѣ, что стоило шесть рублей, съ прописной всѣхъ наукъ, изъ которыхъ получилъ такія то отмѣтки и за подписью исправляющаго должность ректора, профессора Воскресенскаго. Когда-то, дерптскимъ студентомъ, я являлся къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ отъ моего наставника, Карла Шмидта, по поводу сдѣланнаго мною перевода учебника Лемана.

Если бъ какой нибудь казуистъ пожелалъ доказывать, что у меня дипломъ былъ отъ фактически не существовавшаго университета, ему не трудно было-бы доказать это, такъ какъ дѣйствительно тогда университетъ, въ смыслѣ академической дѣятельности, не существовалъ.

Я по необходимости забѣжалъ впередъ. За это время университетъ успѣлъ перебраться отчасти въ залы Думы, гдѣ открылись публичныя лекціи самыхъ популярныхъ профессоровъ.

Это поддерживало связь его съ обществомъ, со всѣмъ тѣмъ Петербургомъ, который сочувствовалъ молодежи, даже и въ ея увлеченіяхъ и протестахъ. Возмездіе, постигшее студентовъ, было слишкомъ сильно, даже и за то, что произошло передъ университетомъ, когда дѣйствовали войска. Надо еще удивляться тому, что лекціи въ Думѣ могли состояться такъ скоро.

И во мнѣ онѣ поддерживали связь съ міромъ академической молодежи, и я (хоть и въ самый разгаръ моихъ тогдашнихъ писательскихъ дебютовъ и всякихъ столичныхъ впечатлѣній и испытаній), посѣщалъ эти лекціи довольно усердно, и при мнѣ разыгралась знаменитая сцена на лекціи Костомарова. Но о ней я разскажу позднѣе въ связи съ другими фактами тогдашняго броженія.

Сразу, къ октябрю 1861 года, я былъ охваченъ широкой волной личныхъ „переживаній“ писателя.

„Однодворецъ“ послѣ передѣлки, вырванной у меня цензурой III-го Отдѣленія, нашелъ себѣ сейчасъ же такое помѣщеніе, о какомъ я и не мечталъ! Самая крупная молодая сила Александринскаго театра—Павелъ Васильевъ—обратился ко мнѣ. Ему понравилась и вся комедія, и роль гарнизоннаго офицера, которую онъ долженъ былъ создать въ ней. Старика отца, т. е. самаго „Однодворца“, онъ предложилъ Самойлову, роль

старухи, жены его—Линской, съ которой я (какъ и съ Самойловымъ) лично еще не былъ до того знакомъ.

Для Ф. А. Снѣтковой въ пьесѣ не было роли, вполнѣ подходившей къ ея амплуа. Она вернулась изъ-за границы какъ разъ къ репетиціямъ „Однодворца". Объ этой ея заграничной поѣздкѣ, длившейся довольно долго, ходило не мало слуховъ и толковъ по городу. Но я мало интересовался всѣмъ этимъ сплетничаньемъ, тѣмъ болѣе, что сама Ф. А. была мнѣ такъ симпатична, и не потому только, что она готовилась уже къ роли въ „Ребенкѣ", прошедшемъ черезъ цензурное пекло безъ всякихъ передѣлокъ.

Кромѣ Самойлова, изъ участниковъ въ моей вещи—рядомъ съ бенефиціантомъ—самый яркій талантъ былъ у Линской.

Я уже видалъ ее въ такой „коронной" ея роли, какъ Кабаниха въ Грозѣ, и этотъ бытовой образъ, тонъ ея, вся повадка и говоръ убѣждали васъ сейчасъ-же—какой творческой силой обладала она, какъ она умѣла „перевоплощаться", потому что *сама по себѣ* была чисто петербургское „дитя кулисъ",—добродушное, веселое, наивное существо, не имѣющее ничего общаго со складомъ Кабанихи, ни съ тѣмъ бытомъ, гдѣ родилось и распустилось раскошнымъ букетомъ такое дореформенное существо.

Какъ начинающій авторъ, ставящій свою первую вещь, я нашелъ въ Линской особенную привѣтливость, безъ всякихъ претензій и замашекъ любимицы публики. Она только что передъ тѣмъ вышла—уже пожилой женщиной, по любви за Аврамова, любителя изъ офецеровъ, который и добился мѣста въ труппѣ, и вскорѣ такъ жестоко поплатилась за свою запоздалую страсть, раззорилась и кончила нищетой: четыре пятыхъ ея жалованья отбирали на покрытіе долговъ, надѣланныхъ ея супругомъ, который, бросивъ ее, скрылся въ провинцію, гдѣ долго игралъ, женился и сдѣлался даже провинціальной извѣстностью.

Вообще тогда начинающему автору было гораздо легче... Система бенефисовъ дѣлала то, что актеры всегда нуждались въ новыхъ пьесахъ. А бенефисы имѣли почти всѣ, кромѣ самыхъ третьестепенныхъ.

Поэтому никто съ нами и не „важничалъ". Никто и не отказывался отъ ролей, потому что они получали тогда, сверхъ жалованья, „разовую плату", отъ 3-хъ до 35-ти рублей за роль. Это ихъ заставляло браться за какую угодно роль.

А мы—когда стали писать о театрѣ—изъ принципа возставали противъ той и другой системы—и бенефисовъ, и разовой платы.

Я сказалъ: никто съ нами не важничалъ"—за исключеніемъ *премьера* труппы, Самойлова. Онъ занималъ совершенно особое, „генеральское" положеніе въ труппѣ, и все ему сходило съ рукъ.

И первое мое серьезное столкновеніе на сценѣ случилось именно съ нимъ; а больше я никогда, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, не имѣлъ за сорокъ лѣтъ *такихъ* коллизій.

Роль Однодворца онъ благосклонно принялъ, но на считку не явился, и, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, небрежно кинулъ мнѣ:

—*Они* тамъ собрались для считки.

А для меня, дескать, ни какой законъ не писанъ.

Я былъ уже предупрежденъ,—что такое „Василій Васильевичъ", и уклонился отъ какихъ-либо замѣчаній. Но на второй или третьей репетиціи, онъ вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, не обращаясь ко мнѣ, какъ къ автору, крикнулъ суфлеру:

— Я это мѣсто выкидываю. Вычеркни эти строки!

И прочиталъ по тетради.

Оставить безъ протеста такую выходку я, хоть и начинающій авторъ, не счелъ себя въ правѣ во имя достоинства писателя, тѣмъ больше, что наканунѣ, зная самойловскія замашки по части купюръ—говорилъ бенефиціанту, что я готовъ сдѣлать всякія сокращенія въ главной роли, но прошу только показать мнѣ эти мѣста, чтобы сдѣлать такія выкидки болѣе литературно.

Мой протестъ, который я сначала выразилъ Васильеву, прося его быть посредникомъ, вызвалъ сцену тутъ-же на подмосткахъ. Самойловъ, въ вызывающей позѣ, съ дрожью въ голосѣ,—сталъ кричать, что онъ „служитъ" столько лѣтъ и не намѣренъ повторять то, что онъ десятки разъ говорилъ со сцены. И, разумѣется, тутъ-же пригрозилъ бенефиціанту отказаться отъ роли; Васильевъ испугался и сталъ его упрашивать. Режиссеръ и высшее начальство стушевались, точно это совсѣмъ не ихъ дѣло.

Режиссеромъ былъ тогда очень плохой актеръ, неглупый человѣкъ, съ нѣкоторымъ образованіемъ, Вороновъ, но безъ всякаго значенія и вѣса, совершеннѣйшій театральный „чинушъ". А начальникъ репертуара, знаменитый „Губошлепъ" даже и не спросилъ меня „конфиденціально"—что у меня вышло съ Самойловымъ.

На дальнѣйшихъ репетиціяхъ я не произносилъ ни одного слова, и „премьеръ" велъ себя такъ, точно будто никакого автора тутъ и не сидитъ. Репетировалъ онъ кое-какъ, безъ игры; и сыгралъ, по своему, хорошо; но не „Однодворца", а просто бывшаго управителя, по трафарету.

И свое поведеніе онъ завершилъ поступкомъ, который далъ настоящую ноту того, на что онъ былъ способенъ: сыгравъ роль, онъ тутъ же, *въ ночь бенефиса*, отказался отъ нея, и начальство опять стушевалось, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки отстоять права автора.

Губошлепъ сталъ просить П. И. Григорьева, резонера труппы, на ам-

плуа „благородныхъ отцовъ“—взять на себя роль. Это прервало представленіе болѣе, тѣмъ на цѣлую недѣлю и лишило пьесу главнаго исполнителя, съ репутаціей Самойлова.

Григорьевъ справился съ ролью, какъ могъ, но, разумѣется, никакого бытового лица онъ не создалъ.

Самымъ яркимъ пятномъ исполненія вышла игра Васильева. Онъ былъ „вылитый“ гарнизонный офицеръ изъ кантонистовъ. Его фигура, тонъ, говоръ, движенія, подергиванье плечами, короткое отплевыванье вбокъ при куреніи—все это была сама жизнь. Игралъ онъ свою роль съ большой охотой, и ничего лучшаго никакой авторъ—даже и избалованный — не могъ-бы желать и требовать.

Васильевъ и Линская были украшеніемъ всего персонала петербургскаго „Однодворца“. Остальное все оказалось весьма и весьма посредственнымъ. Отъ исполненія тѣхъ-же ролей въ Москвѣ это отстояло, какъ небо отъ земли.

Въ роли помѣщика, который выдалъ свою любовницу, гувернантку дочери, за офицера—Леонидовъ вышелъ какимъ-то ярмарочнымъ игрокомъ изъ бывшихъ ремонтеровъ. Гувернантку—по актерски выражаясь „выигрышную“ роль—я долженъ былъ, по совѣту режиссера, поручить Федоровой, сухой актрисѣ, съ высокой, сухой фигурой, низкимъ голосомъ и отсутствіемъ темперамента. Она состояла на „свѣтскомъ“ амплуа, а карьеру свою начала въ императорскомъ *циркѣ*, куда, при Николаѣ I, выпустили въ наѣздницы „высшей школы“ двухъ ученицъ театральнаго училища—вотъ эту Федорову и еще Натарову, долго служившую въ Алексанринскомъ театрѣ, на амплуа горничныхъ и кухарокъ.

Умный и далеко не бездарный актеръ Зубровъ оказался каррикатурнымъ въ комическомъ лицѣ помѣщика Жабина. Г-жа Подобѣдова—тогда еще очень молодая и красивая—сдѣлала изъ дочери самую обыкновенную „инженю“.

О теперешнихъ требованіяхъ, какія заявляютъ авторы и режиссеры, руководители театровъ, особенно въ Москвѣ, въ Художественномъ Театрѣ — тогда смѣшно было бы и заикаться.

На большую пьесу въ пятомъ дѣйствіи полагалась одна недѣля и порядочныхъ репетицій шло три-четыре. Обстановка самая заурядная, въ старыхъ декораціяхъ, съ старой бутафоріей. Изъ-за всякаго костюма выходила переписка съ конторой, что и до сихъ поръ еще не вывелось на казенныхъ сценахъ. Чиновничьи порядки царили безусловно. На прессу, по отдѣлу театра, надѣтъ былъ спеціальный намордникъ, въ видѣ особой цензуры, при вѣдомствѣ Императорскаго Двора.

Но, если-бъ не инцидентъ съ Самойловымъ, я, какъ начинающій авторъ, не имѣлъ-бы повода особенно жаловаться. Публика приняла мою комедію

благосклонно, поставлена она была въ бенефисъ даровитаго актера, сдѣлавшагося, къ началу своего второго сезона въ Петербургѣ, уже любимцемъ публики.

Впервые испыталъ я пріятное щекотанье авторскаго „я“, когда меня стали вызывать. Тогда авторы показывались изъ директорской ложи. Мнѣ былъ поднесенъ даже лавровый вѣнокъ, что сконфузило меня самого. Такое подношеніе явилось черезчуръ поспѣшнымъ и отзывалось слишкомъ дешевыми лаврами. Поусердствовала, кажется, одна моя тетушка и была виновницей каррикатуры въ „Искрѣ“, гдѣ прошлись насчетъ моихъ раннихъ трофеевъ.

Критика тогда сводилась къ двумъ, тремъ газетамъ. Сколько помню— рецензенты не особенно напали на „Однодворца“, но и не помогли его успѣху, который свелся къ приличной цифрѣ представленій. Тогда и огромный успѣхъ не могъ дать—при системѣ бенефисовъ—въ одинъ сезонъ болѣе двадцати спектаклей, и то не подрядъ. Каждую недѣлю появлялась новая большая пьеса.

Но моя „исторія“ съ Самойловымъ—совершенно неожиданно для меня— попала въ заграничныя газеты, сначала въ „Nord“, а потомъ въ „Independance Belge“, гдѣ она была разсказана въ очень сочувственномъ мнѣ тонѣ. Тогда это было совсѣмъ вновь. Я и до сихъ поръ не знаю, кто авторъ этой корреспонденціи. Можетъ быть, Загуляевъ, который тогда уже перевелъ Гамлета и сталъ уже писать по-французски. Тогда я съ нимъ нигдѣ не встрѣчался и личное наше знакомство завязалось уже послѣ 1875 года, т. е. послѣ моего вторичнаго возвращенія изъ продолжительнаго пребыванія за границей.

Вскорѣ послѣ бенефиса Васильева, бывшаго въ октябрѣ, я получилъ письмо отъ П. М. Садовскаго, который просилъ у меня мою комедію на свой бенефисъ, назначенный на декабрь. Это было очень лестно. Передъ тѣмъ, я не дѣлалъ еще никакихъ шаговъ насчетъ постановки „Однодворца“ на Московскомъ Маломъ театрѣ.

Прошло всего, стало-быть, восемь лѣтъ, съ масляницы 1853 года, когда меня привезъ дядя изъ Нижняго гимназистомъ и далъ мнѣ возможность пересмотрѣть въ Маломъ театрѣ весь тогдашній лучшій репертуаръ, съ такими исполнителями, какъ Щепкинъ и Провъ Михайловичъ Садовскій, въ роляхъ Осипа и Подколесина.

Нижегородскій гимназистъ и не мечталъ тогда, что когда-нибудь будетъ „ставить“ большую комедію на этой первой драматической сценѣ и самъ „Провъ Михайловичъ“ обратится къ нему съ просьбою уступить ему ее на его бенефисъ.

Москва всегда мнѣ нравилась. И я, хотя и много жилъ въ Петер-

бургѣ (гдѣ провелъ всю свою первую писательскую молодость), петербуржцемъ никогда не считалъ себя. Мнѣ было особенно пріятно поѣхать въ Москву и за такимъ дѣломъ, какъ постановка на Маломъ театрѣ пьесы, которая въ Петербургѣ *могла-бы* пройти гораздо успѣшнѣе, во всѣхъ смыслахъ.

Меня привлекалъ и самый городъ, и тѣ знакомства, которыя я неминуемо долженъ былъ сдѣлать въ театральныхъ и писательскихъ кружкахъ. До того, кромѣ Кетчера (когда я бывалъ у него по дѣлу изданія моего учебника, еще дерптскимъ студентомъ) я не имѣлъ еще связей, ни въ томъ, ни въ другомъ мірѣ.

Но я уже былъ знакомъ съ издателями „Русскаго Вѣстника" Катковымъ и Леонтьевымъ. Не могу теперь безошибочно сказать—въ эту-ли поѣздку я являлся въ редакцію съ рекомендательнымъ письмомъ къ Каткову отъ Дружинина или раньше; но я знаю, что это было зимой, и рукопись, привезенная мною,—одно изъ писемъ, написанныхъ предъ отъѣздомъ изъ Дерпта; стало, я могъ ее возить только въ 1861 году.

Катковъ и Леонтьевъ жили тогда еще не въ домѣ университетской типографіи, а на частной квартирѣ, въ Армянскомъ переулкѣ. Меня пригласили запросто отобѣдать, и за столомъ я могъ на свободѣ разсматривать этихъ „сіамскихъ близнецовъ русскаго журнализма".

Леонтьеву я привезъ поклонъ изъ Дерпта отъ С. Ф. Уварова, его товарища по Берлину, въ 40-хъ годахъ.

Я уже зналъ, по разсказамъ Уварова, что Леонтьевъ—горбунъ, съ характерцемъ, несовсѣмъ пріятнымъ; настоящій „гелертеръ", съ которымъ не очень-то легко было ладить.

Въ кабинетѣ редакціи и за столомъ Леонтьевъ больше молчалъ или пускалъ короткія фразы, тяжело дыша, какъ горбоносецъ. Онъ, при Катковѣ, какъ-бы умышленно стушевался и смахивалъ на родственника, живущаго въ домѣ, какъ это водилось, такъ еще часто, въ московскихъ домахъ.

Катковъ тогда смотрѣлъ еще совсѣмъ не старымъ мужчиной, съ лицомъ благообразнаго типа, красивыми глазами, тихими манерами и спокойной рѣчью глуховатаго голоса. Онъ похожъ былъ на профессора гораздо больше, чѣмъ на профессіональнаго журналиста. Разговорчивостью и онъ не отличался. За столомъ что-то говорили объ Англіи, и сразу чувствовалось, что это—главный конекъ у этихъ англомановъ и тогда самой чистой воды *либераловъ* русской журналистики.

Пьесу мою они обѣщали прочесть, но не напечатали. Я не хотѣлъ ихъ торопить, и врядъ-ли былъ у нихъ еще разъ, въ тотъ пріѣздъ, когда ставилъ „Однодворца".

9*

Театръ слишкомъ меня притягивалъ къ себѣ. Я попалъ, какъ разъ, къ пріѣзду новаго директора, Л. Ѳ. Львова, брата композитора, сочинившаго музыку на „Боже царя храни“. Начальникомъ репертуара былъ нѣкто Пельтъ, изъ обрусѣлой московской семьи французскаго рода, бывшій учитель и гувернеръ, безъ всякаго литературнаго прошлаго, смѣсь свѣтскаго человѣка съ эксъ-воспитателемъ въ хорошихъ домахъ.

Тогда Москва имѣла отдѣльную, самостоятельную дирекцію, на одинаковомъ положеніи съ Петербургомъ. Но общіе порядки были все такіе-же, только въ Москвѣ драматическая труппа сложилась гораздо удачнѣе; былъ еще живъ М. С. Щепкинъ, а съ репертуаромъ Островскаго явилась цѣлая группа талантливыхъ бытовыхъ исполнителей. И чиновническій гнетъ чувствовался гораздо меньше.

Начальникъ репертуара повезъ меня къ директору, который не выѣхалъ еще въ казенную квартиру и остановился въ отелѣ Мореля—теперь уже не существующемъ—на углу Петровки и Кузнецкаго переулка.

Начальство приняло меня любезно и тотчасъ-же сообщило, что въ выпускномъ классѣ Самарина, въ Театральномъ училищѣ, объявился большой талантъ—воспитанница Познякова, и Самаринъ разучивалъ съ ней, какъ разъ, роль героини моей драмы „Ребенокъ“.

Это была вторая радость для молодого драматурга: появиться передъ московской публикой въ бенефисъ Садовскаго, въ главной роли комедіи, и найти, такъ неожиданно, „новоявленный“ женскій талантъ для лица Вѣрочки, которое я создавалъ съ большимъ внутреннимъ настроеніемъ, всего полтора года назадъ.

И. В. Самаринъ, съ которымъ я только что познакомился, повезъ меня вечеромъ въ Театральное училище, помѣщавшееся тогда не въ зданіи на Неглинной, гдѣ оно теперь, а на задахъ Театральной конторы, съ входомъ со двора, на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка.

Въ танцовальной залѣ съ плохимъ освѣщеніемъ собралась молодая труппа, уже хорошо налаженная на предыдущихъ репетиціяхъ „Ребенка“. Она состояла изъ учениц школы и двухъ, трехъ только что выпущенныхъ актеровъ. Изъ нихъ одинъ—Лавровъ—недавно умеръ.

Надзирательница, встрѣтившая насъ, была чрезвычайно красивая молодая особа, и ея фигура, среди воспитанницъ въ голубыхъ платьяхъ и бѣлыхъ пелеринахъ, придавала этому „классу“ что-то интимное, чрезвычайно женственное, точно какой репетиціи домашняго спектакля.

Принесли диванъ, нѣсколько стульевъ, столъ—и разставили ихъ посреди залы. Публика помѣстилась вокругъ надзирательницы, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ посадили насъ съ Самаринымъ. Нѣкоторыя воспитанницы усѣлись прямо на полъ.

Самаринъ подвелъ ко мнѣ героиню, восходящую звѣзду Малаго театра. Ей надо было еще доучиться до выпускного экзамена, весной.

Гликеріи Николаевнѣ Позняковой шелъ тогда шестнадцатый годъ. Она была ровно на десять лѣтъ моложе автора „Ребенка". Красотой она не брала. Простое милое лицо съ мелкимъ оваломъ и небольшимъ, немного вздернутымъ носомъ, съ ясным выраженіемъ тоже не-эфектныхъ глазъ. Но во всемъ что-то мягкое, свое, бытовое, чрезвычайно русское и въ фигурѣ, и въ движеніяхъ, и въ прическѣ—во всемъ. Съ первыхъ ея словъ, когда она начала репетировать (а играла она въ полную игру) ея задушевный голосъ и какая-то прозрачная искренность тона—показали мнѣ, какъ она подходитъ къ лицу героини драмы и какая вообще эта *натура* для исполненія не условной театральной „Ingénue", а настоящей дѣвической „наивности", т. е. чистоты и правды той юной души, которая окажется способной проявить и всю гамму тяжелыхъ переживаній, всю трепетность тѣхъ нравственныхъ запросовъ, какіе трагически доводятъ ее до ухода изъ жизни.

Ничего *такого* я еще ни на русскихъ, ни на иностранныхъ сценахъ не видалъ и не слыхалъ. Это было идеальное, и простое, правдивое, совершенно реальное, и свое родное, олицетвореніе того, что тогда литературная критика любила выражать словомъ „непосредственность".

Голосъ этой дѣвушки—мягкій, вибрирующій, съ довольно большимъ регистромъ, звучалъ вплоть до низкихъ нотъ медіума, прямо хваталъ за сердце даже и не въ сильныхъ сценахъ; а когда началась драма и душа „ребенка" омрачилась налетѣвшей на нее бурей—я забылъ совсѣмъ, что я авторъ и что мнѣ надо „слѣдить" за игрой моей будущей исполнительницы. Я жилъ съ Вѣрочкой и, въ послѣднемъ актѣ, былъ разстроганъ, какъ никогда передъ тѣмъ не приводилось въ театральной залѣ.

Это было нѣчто совсѣмъ изъ ряду вонъ, дѣйствительно открытіе прирожденнаго таланта и такой „женственности", о какой можно было только мечтать. Точно судьбѣ угодно было создать для автора „Ребенка" такую актрису. Но—повторяю—я забывалъ о себѣ, какъ авторѣ, я не услаждался тѣмъ, что вотъ, послѣ дебюта въ Москвѣ съ «Однодворцемъ", гдѣ будутъ играть лучшія силы труппы, предстоитъ еще несомнѣнный успѣхъ, и не потому, что моя драма такъ хороша, а потому, что *такая* Вѣрочка навѣрно подыметъ всю залу, и пьеса, благодаря ея игрѣ, будетъ восторженно принята, что и случилось не дальше, какъ въ январѣ слѣдующаго 1862 года, въ бенефисъ учителя Позняковой Самарина. Онъ, тогда-же, попросилъ у меня „Ребенка" и я, конечно, былъ вдвойнѣ порадованъ такимъ предложеніемъ.

Вечеръ въ Театральномъ училищѣ—во всей моей долгой драматиче-

ской карьерѣ—останется единственнымъ. Больше—даже и въ слабой степени—онъ нигдѣ не повторялся.

Какъ все это вмѣстѣ было мило, просто, молодо, трепетно! И обстановка залы, и публика, и угощеніе чаемъ насъ съ Самаринымъ, и полная безыскуственность самого зрѣлища. Ни декорацій, ни костюмовъ, голыя стѣны, диванъ, два стула, столы. Точно въ шекспировское время, когда на сцену ставили шестъ съ надписью: „это—море“ или „это—садъ“.

И обаяніе искренности и правды было таково, что все это рѣшительно забывалось, и царила душа молодого существа, ея поэзія, ея страданія—то, что такъ трогательно — и мѣстами—сильно прорывалось въ звукахъ дѣвическаго голоса, въ слезахъ и возгласахъ.

Какъ-бы „зачарованный“ этимъ нежданнымъ впечатлѣніемъ, я нашелъ и въ Маломъ театрѣ то, чего въ Петербургѣ (за исключеніемъ игры Васильева и Линской) ни минуты не испытывалъ: совсѣмъ другое отношеніе и къ автору, и къ его пьесѣ, прекрасный бытовой тонъ, гораздо больше ладу и товарищескаго настроенія въ самой труппѣ. Только роль жены помѣщика, чрезвычайно удавшагося Самарину—въ исполненіи Рыкановой—осталась безцвѣтной; да она и въ пьесѣ не особенно рельефна; все остальное „разошлось“ (какъ говорятъ на сценѣ) прекрасно: Самаринъ, Садовскій, молодой тогда актеръ Разсказовъ (офицеръ), Живокини (комическое лицо Жабина) и Ек. Васильева, которая изъ гувернантки сдѣлала чудесное лицо. Оно стало ея коронной ролью въ тотъ сезонъ и позднѣе.

Тогда она была въ полномъ расцвѣтѣ своего разнообразнаго таланта. Для характерныхъ женскихъ лицъ у насъ не было ни на одной столичной сценѣ болѣе крупной артистки. Старожилы Москвы, любящіе прошлое Малаго театра, до сихъ поръ, съ восхищеніемъ говорятъ о томъ, какъ покойница Е. И. Васильева играла гувернантку въ „Однодворцѣ“.

Въ драмѣ у ней, съ годами, являлась нѣкоторая искусственность тона, но въ комедіи она держалась вполнѣ реальнаго тона и въ діалогѣ умѣла высказать большую тонкость интонаціи, привлекала умомъ и гибкостью дарованія.

„Наивность“ пьесы, дочь помѣщика—сумѣла видвинуть А. И. Колосова (жена бездарнаго актера) — любимица публики, съ милой, игривой наружностью и заразительной веселостью въ болѣе комическихъ роляхъ.

Старуха—жена однодворца—въ игрѣ Талановой—вышла посуше, чѣмъ у Линской; но зато — по бытовому тону и говору — настоящій типъ изъ тогдашней деревенской жизни. Эта „Ханея Ивановна“, какъ ее звали въ труппѣ, напомнила мнѣ мое дѣтство. Она была изъ крѣпостной труппы князя Шаховского, открывшаго въ Нижнемъ первый публичный театръ.

Дѣвицей она носила фамилію Стрѣлковой, и ея меньшая сестра сдѣлалась извѣстной актрисой въ провинціи. „Ханея“ и на столичной сценѣ сохранила всѣ повадки бывшей „вольноотпущенной“: нрава была не особенно покладливаго, но со мною, какъ съ племянникомъ моего дяди, обращалась въ особенно почтительномъ тонѣ, въ родѣ, какъ бывало, у насъ въ домѣ старухи, жившія на покоѣ, изъ разряда такъ называемыхъ „барскихъ барынь“.

Словомъ, труппа сдѣлала для меня все, что только было въ ея средствахъ. Но постановка, т. е. все, зависѣвшее отъ начальства, отъ конторы—было настолько скудно (особенно на теперешній аршинъ), что, напр., актеру Разсказову, для полной офицерской формы съ каской, темлякомъ и эполетами выдали изъ конторы одиннадцать рублей. Самаринъ ѣздилъ къ своему пріятелю, хозяину магазина офицерскихъ вещей Живаго, просилъ его сдѣлать скидку побольше съ цѣны каски; мундира новаго не дали, а приказано было перешить изъ стараго.

Декорацій ни одной новой; если не считать то, что, по ремаркѣ автора, комнату въ домикѣ однодворца, слѣдовало обклеить старыми газетами.

Врядъ ли всѣ расходы конторы, считая декораціи и костюмы, обошлись болѣе, чѣмъ въ двадцать пять рублей. Но мы тогда не были такъ чувствительны, какъ теперь—авторы, критика, публика. Все сводилось къ игрѣ, къ тону и къ кое-какой бытовой постановкѣ, гдѣ это было безусловно нужно.

Режиссеромъ Малаго театра былъ тогда Богдановъ, старикъ, изъ отставныхъ танцовщиковъ, пріятель нѣкоторыхъ московскихъ писателей, служившій, передъ тѣмъ, въ провинціи, толковый — по старинному; но не имѣвшій авторитета. Онъ совсѣмъ и не смахивалъ на закулиснаго человѣка, а смотрѣлъ скорѣе помѣщикомъ изъ отставныхъ военныхъ.

Какъ и въ Петербургѣ, надо было сладить большую пятиактную вещь въ одну недѣлю. Садовскій только на предпослѣдней репетиціи пустилъ, въ послѣдней сценѣ, горячія интонаціи, а на самой послѣдней воздержался и, обратясь ко мнѣ, сказалъ при всѣхъ:

— Сегодня я полнымъ ходомъ не пущу, а то, пожалуй, завтра на спектаклѣ и пороху не хватитъ.

Ничего подобнаго Самойловскимъ замашкамъ по безцеремонному обращенію съ текстомъ Провъ Михайловичъ не позволялъ себѣ, держался, какъ всегда, тихо, говорилъ мало, не вмѣшивался въ „mise en scène“, хотя я былъ, какъ бенефиціантъ, хозяиномъ спектакля. Совсѣмъ вблизи я его видѣлъ впервые. Такимъ я и долженъ былъ его найти въ жизни. Никто больше его не былъ такимъ бытовымъ типомъ, какъ онъ. И при этомъ,

ничего специфически-актерскаго, ни въ манерахъ, ни въ тонѣ, ни въ обращеніи съ людьми. Точно какой серьезный, но съ юморомъ, московскій обитатель Замоскворѣчья или Козихи (гдѣ онъ и жилъ въ собственномъ домикѣ), врядъ ли имѣющій что-нибудь общее съ міромъ искусства и въ то же время такой прирожденный художникъ сцены.

Самарина онъ, какъ и Шумскаго, и тогда уже недолюбливалъ. Тѣ были „ковровые" актеры, на оцѣнку такихъ бытовиковъ, какъ онъ. Репертуаръ Островскаго провелъ грань между „рубашечными" и „ковровыми" актерами. Самаринъ, рядомъ съ Провомъ Михайловичемъ, представлялъ изъ себя Европу, сохранилъ представительность, манеры и главное—тонъ и дикцію бывшаго перваго любовника съ блестящимъ успѣхомъ, долгіе годы.

И онъ былъ типичный москвичъ, но изъ другого міра—барски-интеллигентнаго, одѣвался франтовато, жилъ холостякомъ, въ квартирѣ съ изящной обстановкой, любилъ поговорить о литературѣ (и самъ къ этому времени сталъ пробовать себя, какъ сценическій авторъ), покучивалъ, но не такъ, какъ бытовики, имѣлъ когда-то большой успѣхъ у женщинъ.

Со мною онъ держалъ себя не только безъ всякой претензіи и рисовки, но какъ артистъ и преподаватель театральнаго искусства, готовый выказать мнѣ всякаго рода поддержку и вниманіе.

За бенефисный вечеръ Садовскаго я нисколько не боялся, предвидѣлъ успѣхъ бенефиціанта, но не могъ предвидѣть того, что и на мою долю выпадетъ пріемъ, лучше котораго я не имѣлъ въ Маломъ театрѣ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, хотя нѣкоторыя мои вещи („Старые счеты", „Докторъ Мошковъ", „Съ бою", „Клеймо") прошли съ большимъ успѣхомъ.

Когда прекратились вызовы актеровъ и дошла очередь до меня, я долженъ былъ восемь разъ сряду появляться въ ложѣ, и на этотъ разъ не въ директорской, а въ министерской, въ той, что слѣва отъ зрителей.

А впереди меня ждало еще первое представленіе „Ребенка", съ такой Вѣрочкой, какъ Позднякова—„Луша"—какъ ее звали тогда за кулисами.

Только что я вернулся въ Петербургъ, какъ надо было приступить къ разучиванію „Ребенка". Но тутъ опять Петербургъ сулилъ мнѣ совсѣмъ не то, что дала Москва.

Правда, Ф. А. Снѣткова была даровитая артистка и прелестная женщина, но по фигурѣ, характеру красоты, тону, манерамъ—она мало подходила къ той Вѣрочкѣ, которая рисовалась воображенію автора и охарактеризована во всей пьесѣ. Остальной персоналъ былъ также не къ выгодѣ пьесы. Вмѣсто Шумскаго, взявшаго роль отца Вѣрочки — П. А. Каратыгинъ, совсѣмъ уже не подходившій къ этому лицу, ни въ какомъ

смыслѣ. Роль учителя, въ Москвѣ, взялъ на себя Самаринъ, потому что онъ былъ бенефиціантъ. Онъ уже отяжелѣлъ тогда для „любовниковъ", но все-таки могъ справиться съ своей ролью лучше, чѣмъ совсѣмъ молодой петербургскій актеръ Малышевъ.

Фанни Александровна почему-то ужасно боялась за роль Вѣрочки. Это было первое новое лицо, въ которомъ она выступала по возвращеніи изъ-за границы осенью. Мы съ ней проходили роль у нея дома, въ ея кабинетикѣ, задолго до начала репетицій. Она очень старалась, читала съ чувствомъ, поправляла себя, выслушивала кротко каждое замѣчаніе. Но у ней не было той смѣси простой натуры съ порывами лиризма и захватывающей правды душевныхъ переживаній Вѣрочки.

Въ день спектакля, передъ поднятіемъ занавѣса, когда мы съ нею ходили въ глубинѣ сцены, весьма примитивно изображавшей помѣщичій садъ, она, поглядѣвъ на меня въ бокъ своими чудесными глазами, сказала серьезно, почти строго:

— Не понимаю, П. Д. — какъ вы, въ *такую* минуту, можете быть такъ веселы!..

Я увѣрилъ ее, что совсѣмъ не рисуюсь; но у меня совсѣмъ не было той авторской лихорадки, которая такъ похожа на ту, что мы въ гимназіи и университетѣ называли „febris examinalis".

Снѣтковой роль очень нравилась; но она, вѣроятно, сама почуяла, что у нея *не та* натура и *не тотъ* видъ женственнаго обаянія; да и внѣшность была уже не дѣвушки, только что вышедшей изъ подростковъ, а молодой женщины, создавшей съ такимъ успѣхомъ Катерину въ „Грозѣ".

Ее и въ Вѣрочкѣ хорошо „принимала" публика; но она все-таки не могла поддержать такъ пьесу, какъ это случилось на дебютѣ Позняковой; въ бенефисъ Самарина, моя драма прошла, какъ говорится, „по середнему" и репертуарной не сдѣлалась. Рецензіи, кромѣ той, которую написалъ П. И. Вейнбергъ въ „Вѣкѣ", еще до появленія „Ребенка" на сценѣ — были строгоньки къ автору. Снисходительно-барственный И. И. Панаевъ (я съ нимъ не былъ никогда лично знакомъ) въ фельетонѣ „Современника" (подъ псевдонимомъ Новый поэтъ) пожалѣлъ „юнаго" автора за его усилія создать драму изъ сюжета, лишеннаго драматическаго содержанія.

Въ этомъ онъ врядъ ли былъ правъ. Сюжетъ былъ гамлетовскій, съ мотивомъ, который велъ къ сильному душевному переполоху. Но „юный" авторъ слишкомъ много впустилъ лиризма и недостаточно сгустилъ ходъ драмы, растянувъ ее на цѣлыхъ пять актовъ.

Когда я явился къ Писемскому, то онъ съ юморомъ спросилъ меня (уже по напечатаніи пьесы въ „Библіотекѣ для Чтенія"):

— Да отчего собственно умираетъ ваша героиня? Отъ какой болѣзни? Неужто только съ горя?

Тогда я еще не настолько изучилъ „Гамбургскую драматургію“ Лессинга, чтобы отвѣтить ему его словами:

— Героиня умираетъ отъ пятаго акта.

Да, я и самъ хорошенько не представлялъ себѣ, отъ какой собственно болѣзни моя Вѣрочка ушла изъ жизни на сценѣ—отъ аневризма или отъ какого остраго воспалительнаго недуга. Мнѣ дороги были тѣ слова, съ какими она уходила изъ жизни, и Позднякова произносила ихъ такъ, что врядъ ли хоть одинъ зритель, въ залѣ Малаго театра, не былъ глубоко разстроганъ.

Въ эволюціи моего писательства, я думаю, что драма эта была единственной вещью съ налетомъ идеалистическаго лиризма. Но я не съ нея началъ, а, напротивъ, съ реальнаго изображенія жизни—въ болѣе сатирическомъ тонѣ—въ первой моей комедіи „Фразеры“ и съ большей бытовой объективностью въ „Однодворцѣ“.

„Ребенокъ“, какъ разъ, написанъ былъ въ ту полосу моей интимной жизни, когда я *временно* отдавался нѣкоторому „духовному“ настроенію. Влюбленность и жизнь въ семействѣ той очень молодой дѣвушки, которая вызвала во мнѣ болѣе головное, чѣмъ страстное чувство — настраивали меня въ духѣ рѣзко противоположномъ тому научному взгляду на человѣка, его природу и все мірозданіе, который вырабатывался у меня въ Дерптѣ, за пять лѣтъ изученія естественныхъ наукъ и медицины.

И на первыхъ двухъ частяхъ романа „Въ путь дорогу“ этотъ временный идеализмъ еще отлинялъ; но потомъ я отъ него совсѣмъ освободился.

Тогдашній Петербургъ, публика Александринскаго театра, настроеніе журналовъ и газетной прессы—не были благопріятны такой интенсивной драмѣ съ гамлетовскимъ мотивомъ, безъ яркаго внѣшняго дѣйствія и занимательныхъ бытовыхъ картинъ.

Къ амплуа того актера, который попросилъ у меня „Ребенка“ на свой бенефисъ, пьеса также не подходила.

Это былъ „Теодоръ“ Бурдинъ, желавшій показать этимъ, что онъ цѣнитъ дарованіе автора и желаетъ поставить „вполнѣ литературную“ вещь.

Для себя онъ возобновилъ старинную пьесу Лукина „Рекрутскій наборъ“, въ постановкѣ „Ребенка“ прямого участія не принималъ, но, случаясь, на сценѣ и во время репетицій, со мною бывалъ чрезвычайно любезенъ и занималъ меня анекдотами и воспоминаніями изъ своей московской жизни и парижскихъ похожденій.

Вообще, въ личныхъ сношеніяхъ, онъ былъ очень пріятный человѣкъ; а съ актеромъ я никогда не имѣлъ дѣла, потому что съ 1862 до 80-хъ годовъ лично ничего не ставилъ въ Петербургѣ; а къ этому времени Бурдинъ уже вышелъ въ отставку и вскорѣ умеръ.

И случилось такъ, что я, изъ-за репетицій „Ребенка“ въ Петербургѣ, не попалъ на первое представленіе пьесы въ Москвѣ. Бенефисы Самарина и Бурдина совпали. Но я навѣрно бы урвался въ Москву, если бъ не слеталъ туда на одну изъ послѣднихъ репетицій—всего на двадцать четыре часа, провожая даму, у которой былъ романъ съ однимъ моимъ товарищемъ. Тогда на репетиціи никого постороннихъ не пускали, такъ что я долженъ быть просить директора, чтобы этой дамѣ позволили сѣсть въ глубинѣ одной изъ ложъ бенуара. Репетиція была уже со всѣми исполнителями бенефиснаго спектакля, а Познякова еще носила свое школьное голубое платье съ пелериной—какъ нельзя болѣе шедшее къ лицу Вѣрочки.

Но это былъ не единственный спектакль съ Вѣрочкой—Позняковой, на которомъ я присутствовалъ въ Маломъ театрѣ. Въ мой пріѣздъ, для постановки „Однодворца“, начальство такъ было заинтересовано талантомъ, открытымъ въ школѣ И. В. Самаринымъ, что устроило пробный спектакль, въ такомъ-же составѣ, какой игралъ передо мной въ танцовальной залѣ театральнаго училища.

Въ кресла было приглашено цѣлое общество — больше мужчины — изъ стародворянскаго круга, изъ писателей, профессоровъ, посѣтителей Малаго театра. Тамъ столкнулся я опять съ Кетчеромъ, и онъ своимъ зычнымъ голосомъ крикнулъ мнѣ:

— Это вы? Послѣ химіи?

— Да, съ вашего позволенія, отвѣтилъ я ему въ тонъ.

А давно-ли было, что я являлся къ нему съ рукописью учебника по „животно-физіологической химіи“? Всего какихъ-нибудь три-четыре года.

Представили меня и старику Сушкову, дядѣ гр. Растопчиной, написавшему когда-то какую-то пьесу, съ заглавіемъ въ родѣ „Волшебный какаду“. Отъ него пахнуло на меня міромъ „Горе отъ ума“. Но я отвелъ душу въ бесѣдѣ съ М. С. Щепкинымъ, который мнѣ, какъ автору, никакихъ замѣчаній не дѣлалъ, а больше говорилъ о талантѣ Позняковой и, узнавъ, что ту-же роль въ Петербургѣ будетъ играть Снѣткова, разсказалъ мнѣ, какъ онъ ей давалъ совѣты насчетъ одной ея роли, кажется, въ переводной польской комедійкѣ „Прежде маменька“.

Михаила Семеновича я тогда впервые видѣлъ *внѣ* сцены и разговаривалъ съ нимъ. Онъ еще не былъ дряхлымъ старикомъ, говорилъ бойко, съ очень пріятнымъ тономъ и умѣньемъ разсказывать; на этотъ разъ безъ той слезливости, надъ которой подсмѣивались среди актеровъ-бытовиковъ,

съ Садовскимъ во главѣ. Щепкинъ, по своему культурному складу, принадлежалъ къ той эпохѣ въ художественно-литературной жизни Москвы, когда связь актера съ интеллигенціей—какая была у него—являлась рѣдкимъ фактомъ. И всѣ его чисто сценическія заявленія отличались мѣткостью и любовью къ правдѣ прежде всего.

Такъ я и не видалъ тогда ни въ ту зиму, ни впослѣдствіи—„Ребенка" на Маломъ театрѣ. О тріумфѣ дебютантки мнѣ писали пріятели, послѣ бенефиса Самарина, какъ о чемъ-то совершенно небываломъ. Ее вызывали безъ числа. И автора горячо вызывали, такъ что и на его долю выпала-бы крупная доля такихъ восторженныхъ пріемовъ.

Шумскій, хоть и участвовалъ въ пьесѣ, въ мало выигрышной и весьма несимпатичной роли отца Вѣрочки, но видя какое событіе вышло съ дебютомъ Позняковой — взялъ „Ребенка" и въ свой бенефисъ, не дальше, какъ черезъ недѣлю.

Молодой авторъ не догадался условиться съ этимъ вторымъ бенефиціантомъ насчетъ гонорара и ничего не получилъ съ Шумскаго; а дирекція платила тогда *только* за казенные спектакли; да и та благостыня была весьма скудная, сравнительно съ тѣмъ, что получаютъ авторы теперь. Тогда намъ отчисляли пятнадцатую часть двухъ третей сбора, что не составляло, и при полномъ сборѣ, болѣе 50—60 рублей въ вечеръ.

Передо мною прошелъ цѣлый петербургскій сезонъ 1861—1862 года—очень интересный и пестрый. Переживая настроенія, заботы и радости моихъ первыхъ постановокъ въ обѣихъ столицахъ, я отдавался и всему, что Петербургъ давалъ мнѣ въ тогдашней его общественной жизни.

Закрытіе университета подняло сочувствіе къ нему всего города. На Невскомъ, въ залахъ Думы, открылись цѣлые курсы съ самыми популярными профессорами. Начались, тогда еще совсѣмъ вновѣ, и литературные вечера въ публичныхъ залахъ. Въ залѣ Пассажа, гдѣ и раньше уже состоялся знаменитый диспутъ Погодина съ Костомаровымъ—читались лекціи; а потомъ пошло увлеченіе любительскими спектаклями, въ которыхъ и я принималъ участіе.

Писемскій предложилъ мнѣ сдѣлаться фельетонистомъ „Библіотеки для Чтенія". Самъ онъ уже лѣнился писать свои сатирическія замѣтки „Статскаго Совѣтника Салатушки", которыя молодой публикѣ не нравились.

Писать фельетонныя замѣтки я согласился охотно. Тона моего предшественника я не хотѣлъ держаться; но не боялся быть самостоятельнымъ въ своихъ оцѣнкахъ и симпатіяхъ. А выражать ихъ пришлось сейчасъ-же, по поводу всякихъ новыхъ теченій и вѣяній, литературныхъ и художественныхъ новостей и выдающихся личностей.

Задача—сложная. Можно было, очень легко, не угодить тѣмъ кружкамъ, гдѣ народившійся тогда „нигилизмъ“ являлся уже вродѣ мундира.

Въ настоящую минуту, по прошествіи почти пятидесяти лѣтъ, можно спокойно и объективно отнестись къ тому, что дѣлалось у насъ тогда и къ своей тогдашней „платформѣ“.

Изъ Дерпта я пріѣхалъ уже писателемъ и питомцемъ точной науки. Мои семь слишкомъ лѣтъ ученья не прошли даромъ. Безъ всякаго самомнѣнія, я могъ считать себя, какъ питомца университетской науки, никакъ не ниже того уровня, какой былъ тогда у моихъ сверстниковъ въ журнализмѣ, за исключеніемъ, разумѣется, двухъ-трехъ, стоящихъ во главѣ движенія.

Въ философскомъ смыслѣ, я пріѣхалъ съ выводами тогдашняго нѣмецкаго свободомыслія. Лиловый томикъ Бюхнера „Kraft und Stoff“ и „Kreislauf des Lebens“ были давно мною прочитаны; а въ Петербургѣ это направленіе только что еще входило въ моду. Да и философіей я, занимаясь химіей и медициной, интересовался постоянно, ходилъ на лекціи психологіи, логики, исторіи философскихъ системъ.

И по всеобщей литературѣ начитанность у меня была достаточная, особенно по нѣмецкой литературѣ и критикѣ, по Шекспиру и новѣйшей англійской литературѣ, не говоря уже о французской.

Все, чѣмъ наша журналистика стала жить съ 1856 года—я и дерптскимъ студентомъ—поглощалъ, всему этому *сочувствовалъ*, читалъ жадно статьи Добролюбова и Чернышевскаго, сочувствовалъ отчасти и тому „антропологическому“ принципу, который Чернышевскій проводилъ въ своихъ статьяхъ по философіи исторіи. Но во мнѣ не было той именно *нигилистической закваски*, которая сказывалась въ разныхъ „оказательствахъ“—тона, вкусовъ, замашекъ, костюма, игры въ разные опыты новаго общежитія.

Въ аудиторіяхъ университета допускъ женщинъ былъ мнѣ симпатиченъ; но „нигилистическимъ“ мундиромъ я не восхищался: ни стрижеными волосами, ни умышленно-небрежнымъ туалетомъ, ни рѣзкостью манеръ и жаргона.

Для того времени, я имѣлъ право считать себя вполнѣ свободомыслящимъ, особено въ вопросахъ религіи, мистики, основныхъ и всякихъ другихъ предразсудковъ.

Но я не мѣтилъ въ революціонеры и не уходилъ еще въ вопросы соціальные, не увлекался теоріями западныхъ искателей общественнаго Эльдорадо: Фурье, Кабе, Пьера Леру, Анфангена; неостанавливался еще съ болѣе серьезнымъ интересомъ на критикѣ Прудона.

„Колоколъ“ былъ, въ тѣ годы, уже наверху своего вліянія. Я его

читалъ, когда можно было достать; но не держался того обязательно-восторженнаго тона, съ какимъ молодежь относилась къ нему, и не вѣрилъ, даже и тогда, напускному радикализму петербургскихъ чиновниковъ, которые зачитывались лондонскимъ изданіемъ и—на словахъ—либеральничали всласть.

Я былъ—прежде всего и сильнѣе всего—молодой *писатель*, которому особенно дороги: *художественная* литература, критика, научное движеніе, искусство во всѣхъ его формахъ и—впереди всего—театръ, и свой, русскій, и общеевропейскій.

Съ такой платформой и съ такимъ багажемъ я и сталъ писать фельетоны, сочинивъ себѣ псевдонимъ: „Петръ Нескажусь“.

И въ одномъ изъ первыхъ я выразилъ свое недоумѣніе насчетъ двухъ дѣвицъ, которыхъ встрѣтилъ на лекціи въ Думѣ, куда молодежь стала ходить очень усердно. Это были двѣ типичныхъ нигилистки. Можно было, конечно, оставить ихъ въ покоѣ. Но не было преступленіемъ и отнестись къ нимъ съ нѣкоторой критикой.

Вѣдь и тогда М. Е. Салтыковъ занялъ уже положеніе самаго радикальнаго сатирика; а онъ и позднѣе, гораздо язвительнѣе сталъ прохаживаться насчетъ крайностей тогдашнихъ нигилистическихъ нравовъ и повадокъ.

Духъ независимости съ юныхъ лѣтъ сидѣлъ во мнѣ. Я и тутъ не хотѣлъ поддаваться модному повѣтрію и, не сочувствуя ни мало ничему реакціонному, я считалъ себя вправѣ, какъ молодой наблюдатель общества, относиться ко всему съ полнѣйшей свободой.

Представился, какъ разъ, случай говорить и о Чернышевскомъ, не какъ о главѣ новаго направленія журналистики и политическихъ исканій, а просто какъ объ участникѣ литературнаго вечера въ залѣ Кононова (гдѣ теперь Новый театръ), на томъ самомъ вечерѣ, гдѣ бѣдный профессоръ Павловъ сказалъ нѣсколько либеральныхъ фразъ и возбужденно, при рукоплесканіяхъ, крикнулъ на всю залу: „Имѣяй уши слышать—да слышитъ!“

Его сейчасъ-же лишили мѣста и сослали въ уѣздный городишко Костромской губерніи.

А раньше выступилъ Чернышевскій съ пространной бесѣдой о Добролюбовѣ, только что тогда умершемъ.

Добролюбовъ былъ мой землякъ и однолѣтокъ. Но я его никогда не видалъ и въ Петербургѣ уже не засталъ.

И мнѣ было въ высшей степени интересно послушать о немъ, какъ личности и литературной величинѣ, отъ его ближайшаго коллеги по журналу, сначала его руководителя, а потомъ уступившаго ему первое мѣсто, какъ литературному критику „Современника“.

Когда Чернышевскій появился на эстрадѣ, его внѣшность мнѣ *не* понравилась. Я, передъ тѣмъ, нигдѣ его не встрѣчалъ и не видалъ его портрета. Онъ тогда брился, носилъ волосы „à la mougik“ (есть такія его карточки) и казался неопредѣленныхъ лѣтъ, одѣтъ былъ, не такъ какъ обыкновенно одѣваются на литературныхъ вечерахъ, не во фракѣ, а въ пиджакѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ.

И *какъ* онъ держалъ себя у кафедры, играя постоянно часовой цѣпочкой, и какимъ *тономъ* сталъ говорить съ публикой и даже то, *что* онъ говорилъ—все это мнѣ пришлось сильно не по вкусу. Была какая-то безцеремонность и запанибратство во всемъ, что онъ тутъ говорилъ о Добролюбовѣ—не съ личностью покойнаго критика, а именно съ публикой. Было нѣчто напоминавшее тѣ обращенія къ читателю, которыми испещренъ былъ, два, три года спустя, его романъ „Что дѣлать“?

Главная его тема состояла въ томъ, чтобы выставить впередъ Добролюбова и показать, что онъ—Чернышевскій—ни мало не претендуетъ считать себя руководителемъ Добролюбова, что тотъ сразу сдѣлался въ журналѣ величиной перваго ранга.

Въ сущности это было симпатично; но тонъ все портилъ.

Можетъ быть, на меня его манеры держать себя и безцеремонность этой импровизованной бесѣды подѣйствовали слишкомъ сильно; а я, по своимъ тогдашнимъ знакомствамъ и связямъ, не былъ достаточно революціонно настроенъ, чтобы все это сразу простить и смотрѣть на Чернышевскаго только какъ на учителя, на бойца за самыя крайнія идеи въ радикальномъ соціализмѣ, на человѣка, который подготовляетъ нѣчто революціонное.

Въ ту зиму я уже мало водился съ студенческой молодежью и еще не былъ достаточно знакомъ съ персоналомъ молодыхъ писателей.

Сколько помню, публика на томъ вечерѣ не сдѣлала Чернышевскому особенно громкой оваціи, и профессоръ Павловъ имѣлъ гораздо болѣе горячій пріемъ, что его и загубило.

Когда впослѣдствіи я читалъ о знакомствѣ Герцена съ Чернышевскимъ, который пріѣхалъ въ Лондонъ уже какъ представитель *новой* революціонной Россіи, я сразу понялъ, почему Александру Ивановичу такъ не понравился Николай Гавриловичъ. Его оттолкнули, помимо разницы въ ихъ „платформахъ“, *тонъ* Чернышевскаго, особаго рода самоувѣренность и нежеланіе ничего признавать, что онъ самъ не считалъ умнымъ, вѣрнымъ и необходимымъ для тогдашняго освободительнаго движенія.

Вѣдь и Чернышевскій отплачивалъ ему тѣмъ же. И для него Герценъ былъ только запоздалый либералъ, баринъ-москвичъ.

Какъ фельетонисту, мнѣ пришлось, въ ту же зиму, говорить и о по-

лемикѣ, объектомъ которой сдѣлался какъ разъ тогда Чернышевскій. Я держался шутливаго тона и хотѣлъ выставить только его полемическій темпераментъ; но въ „Библіотекѣ для Чтенія“ тотчасъ послѣ „статскаго совѣтника Саматушки“ мой тонъ могъ показаться исходящимъ отъ принципіальнаго противника всего, чѣмъ тогда „Современникъ“ и его вдохновитель увлекали революціонно-настроенную молодежь.

Но этого въ сущности не было: утверждаю это положительно.

Если я „прошелся“ разъ надъ нигилистками и ихъ внѣшностью, то я совсѣмъ еще не касался тѣхъ признаковъ игры въ соціализмъ, какіе стали выростать въ Петербургѣ, въ видѣ общежитій на коммунистическихъ началахъ. Въ тѣ кружки я не попадалъ и не хотѣлъ писать о томъ, чего самъ не видалъ и не наблюдалъ.

Все-же, что было въ тогдашней молодежи обоего пола по части увлеченія естествознаніемъ, точной наукой, протестовъ противъ метафизики, всякихъ предразсудковъ и традиціонныхъ вѣрованій, что, вскорѣ, такъ талантливо и бурно прорвалось у Писарева—все это не могло не вызывать моего сочувствія.

Я весьма своимъ студенческимъ ученьемъ доказалъ самому себѣ, до какой степени я высоко ставилъ *точную науку*, и къ окончанію моего курса въ Дерптѣ держался уже самъ міровоззрѣнія, за которое „Современникъ“ и потомъ „Русское Слово“ ратовали.

Но я былъ уже *старше* той „зеленой“ молодежи, которая увлекалась Бюхнеромъ, Фохтомъ и Молешоттомъ и восторженно приняла книгу Дарвина „О происхожденіи видовъ“.

Тогда и студенты, и студентки повторяли въ какомъ-то экстазѣ:

— Человѣкъ—червякъ!

Въ этой формулѣ для нихъ сидѣло все ученіе, которое получило у насъ смыслъ не одинъ только научный, а и революціонный!

Тогда я еще недостаточно позналъ ту истину, что въ Россіи все получаетъ такой смыслъ и значеніе, всякая книга, пьеса, романъ, статья, открытіе!

Такъ вѣдь идетъ и до сихъ поръ, и будетъ такъ итти, пока между обществомъ и правящими сферами будетъ лежать или глубокая пропасть, или рѣзкая демаркаціонная линія.

Мнѣ, какъ писателю, начавшему съ отвѣтственныхъ произведеній, каковы были мои пьесы, не было особенной надобности въ роли фельетониста. Это сдѣлалось отъ живости моего темперамента, отъ желанія имѣть прямой *поводъ* усиленно наблюдать жизнь тогдашняго Петербурга. Это и беллетристу могло быть полезнымъ. Матеріальнаго импульса тутъ не было... Заработокъ фельетониста давалъ очень не много. Да и вся-то

моя компанія общественнаго обозрѣвателя не пошла дальше сезона, и къ лѣту была прервана возвращеніемъ въ деревню.

Именно оттого, что я въ фельетонѣ „Библіотеки для Чтенія“ былъ какъ бы преемникомъ Писемскаго—я и воздерживался отъ всякой рѣзкой выходки, отъ всего, что могло-бы поставить меня въ невѣрный и невыгодный для меня свѣтъ передъ читателемъ, хотя бы и нерадикально-настроеннымъ, но уважающимъ лучшія литературныя традиціи.

И вотъ случился инцидентъ, гдѣ я, какъ разъ, рисковалъ повредить себѣ въ глазахъ той публики, какую я всегда имѣлъ въ виду, и передъ персоналомъ своихъ собратовъ.

Писемскій сильно недолюбливалъ „Искры“ и, читая корректуру моего фельетона, вставилъ *отъ себя* рѣзкую фразу по адресу ея издателей, Курочкина и Степанова, не сказавъ мнѣ объ этомъ ни слова.

Вышла книжка. Не помню, замѣтилъ-ли я сразу эту редакторскую вставку въ мой текстъ, но когда замѣтилъ—было уже поздно.

Я бросился сначала въ контору, и тамъ издатель журнала, узнавъ что въ „Искрѣ“ возмущены и собираются начинать исторію, добылъ тотчасъ-же послѣднюю корректуру изъ типографіи и отдалъ мнѣ ее, указавъ мѣсто, гдѣ *рукою* Писемскаго была вставлена та обидная для „Искры“ фраза.

Съ этимъ документомъ я и поѣхалъ къ Алексѣю Феофилактовичу. Нельзя же было не объясниться и не позволить мнѣ, по меньшей мѣрѣ, сдѣлать оговорку, что та рѣзкая фраза не принадлежитъ автору, который подписываетъ свои фельетоны псевдонимомъ „Петръ Нескажусь“.

У Писемскаго, въ залѣ, за столомъ, я нашелъ такую сцену:

На диванѣ онъ—въ халатѣ и,—единственный разъ, когда я его видѣлъ,—въ состояніи достаточнаго хмѣля. Рядомъ—справа и слѣва—жена и его землякъ и сотрудникъ „Библіотеки“—Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, съ которымъ я уже до того встрѣчался.

Писемскій былъ въ совершенномъ разстройствѣ и сейчасъ-же жалобнымъ тономъ сталъ сообщать мнѣ, что редакція „Искры“ прислала ему вызовъ за фразу изъ моего фельетона.

Я вынулъ изъ кармана корректурный сверстанный листъ и указалъ ему на то мѣсто, гдѣ вставлена была фраза его почеркомъ. Онъ, конечно, не отрицалъ этого. Если-бъ я самъ написалъ это, я, а не онъ—долженъ былъ бы принять вызовъ. Онъ признавалъ вполнѣ свою отвѣтственность. Но дуэль ему не улыбалась. И мнѣ было обидно за него то, что его передернуло и то, какъ онъ сейчасъ-же прибѣгнулъ къ вину и очутился въ некрасивомъ видѣ. Выходило такъ, что эта дуэль непремѣнно должна состояться. Но она не состоялась. Въ какихъ выраженіяхъ онъ извинился

передъ „Искрой“—я не видалъ; но если-бъ онъ наотрѣзъ отказался отъ поединка и не захотѣлъ извиниться, редакція, навѣрное, потребовала-бы тогда имя автора фельетона.

Ко мнѣ никто оттуда не обращался. Но у „Искры“ остался противъ меня зубъ, что и сказалось позднѣе въ нападкахъ на меня, особенно въ сатирическихъ стихахъ Д. Минаева. Личныхъ столкновеній съ Курочкинымъ я не имѣлъ, и не былъ съ нимъ знакомъ, до возвращенія моего изъ-за границы, уже въ 1871 г. Тогда „Искра“ уже еле дотягивала свои дни. Раньше изъ Парижа сдѣлался ея сотрудникомъ подъ псевдонимомъ: „Эксъ-король Вейдавутъ“.

Мои оцѣнки тогдашнихъ литераторскихъ нравовъ, полемики, проявленіи „нигилистическаго“ духа—все это было-бы, конечно, гораздо уравновѣшеннѣе, если-бъ можно было сходиться съ своими собратами, если-бъ такой молодой писатель, какимъ былъ я тогда—попадалъ чаще въ писательскую среду. А вѣдь тогда были только журнальные кружки. Никакого общества, клуба не имѣлось. Были только редакціи съ своими ближайшими сотрудниками.

Къ „Современнику“ я ни зачѣмъ не обращался и никого изъ редакцій лично не зналъ. „Отечественныя Записки“ совсѣмъ не собирали у себя молодыя силы. Съ Краевскимъ я познакомился сначала, какъ съ членомъ Литературно Театральнаго Комитета, а потомъ всего разъ былъ у него въ редакціи, возилъ ему одну изъ моихъ пьесъ. Онъ предложилъ мнѣ такую плохую плату, что я не нашелъ нужнымъ согласиться, что то въ родѣ сорока рублей за листъ; а я уже получалъ на 50% больше, даже въ „Библіотекѣ“, финансы которой были уже не блистательны.

Отъ Краевскаго только что перешли къ В. Ѳ. Коршу „Петербургскія Вѣдомости“. Съ Коршемъ я познакомился у Писемскаго, на чтеніи одной части „Взбаламученнаго моря“, но въ редакцію не былъ вхожъ. Мое сотрудничество въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ началось уже въ Парижѣ, въ сезонѣ 1867—1868 гг.

Но я бывалъ вездѣ, гдѣ только столичная жизнь хоть сколько-нибудь вызывала интересъ; на лекціяхъ въ Думѣ, на литературныхъ вечерахъ—тогда еще довольно рѣдкихъ, во всѣхъ театрахъ, въ домахъ, гдѣ знакомился съ тѣмъ, что называется „обществомъ“, въ условномъ свѣтскомъ смыслѣ.

Настоящихъ литературныхъ „салоновъ“ тогда что-то не водилось въ свѣтѣ, кромѣ двухъ-трехъ высокопоставленныхъ домовъ, куда допускались такіе писатели, какъ Тургеневъ, Тютчевъ, Майковъ и нѣкоторые другіе. Приглашали и Писемскаго.

Графъ Кушелевъ-Безбородко держалъ тогда открытый домъ, гдѣ пиро-

вала постоянно пишущая братія. Тамъ, сначала, въ качествѣ одного изъ соредакторовъ „Русскаго Слова“ засѣдалъ и Ап. Григорьевъ (это было еще до моего переселенія въ Петербургъ), а возліяніями Вакху отличались всего больше поэты Мей и Кроль, родственникъ графа по женѣ.

Туда легко было бы попасть, но меня почему-то не влекло въ этотъ барски-писательскій „кабакъ“, какъ его и тогда звали многіе.

Теперь я объясняю это чувствомъ той брезгливости, которая рано во мнѣ развилась. Мнѣ было бы непріятно попасть въ такой барскій домъ гдѣ хозяинъ, примостившійся къ литературѣ, кормилъ и поилъ литераторскую братію, какъ, бывало, баре, въ крѣпостное время, держали прихлебателей и напаивали ихъ. И то, что я тогда слыхалъ про пьянство въ домѣ графа, прямо пугало меня, не потому, чтобы я былъ тогда такая „красная дѣвица“, а потому, что я слишкомъ высоко ставилъ званіе писателя. Мнѣ было бы слишкомъ прискорбно и обидно видать своихъ старшихъ собратовъ—и въ томъ числѣ такого даровитаго поэта, какъ Мей—безобразно пьяными.

Я могъ бы попасть и на тотъ литературный вечеръ, гдѣ Мей долженъ былъ произнести одно стихотвореніе наизусть. Въ немъ стоялъ стихъ вродѣ такого:

«И смолкла его рубашка».

Поэтъ былъ уже на такомъ взводѣ, что споткнулся на этомъ самомъ стихѣ, дальше не пошелъ, а все повторялъ его и долженъ былъ, наконецъ, сойти постыдно съ эстрады.

Изъ остальныхъ именитыхъ „питуховъ“ Кушелевскихъ чертоговъ съ Григорьевымъ я познакомился позднѣе, о чемъ разскажу ниже, а Кроля видѣлъ разъ въ трактирѣ „Новый Палкинъ“ и, разумѣется, „не въ своемъ видѣ“.

Была еще редакція, гдѣ первымъ критикомъ состоялъ уже Григорьевъ—журнала „Время“, братьевъ Достоевскихъ.

Съ самимъ издателемъ—Михаиломъ Достоевскимъ—я всего одинъ разъ говорилъ у него, въ редакціи, когда былъ у него по дѣлу. Онъ смотрѣлъ отставнымъ военнымъ, а на литератора совсѣмъ не смахивалъ, въ такомъ же типѣ, какъ и Краевскій, только тотъ былъ уже совсѣмъ сѣдой, а этотъ еще съ темными волосами.

До возвращенія его брата Ѳедора и изданія журнала „Время“ Михаила мало знали въ писательскихъ кругахъ. И въ публикѣ у него не было имени. Кто интересовался театромъ, зналъ, что онъ переводчикъ „Донъ-Карлоса“ и написалъ одноактную комедію „Старшая и меньшая“ или что-то въ этомъ родѣ. И былъ ли онъ славянофилъ или западникъ—этимъ тоже не интересовались. Неославянофильскую „почву“ его журналъ сталъ проповѣды-

вамъ, когда его братъ Θедоръ нашелъ себѣ единомышленниковъ и вдохновителей въ Ап. Григорьевѣ и Страховѣ, съ тѣмъ псевдонимомъ „Косица", который сдѣлался мишенью нападокъ радикальныхъ журналовъ.

Страхова я тогда нигдѣ не встрѣчалъ и долго не зналъ даже—кто этотъ *Косица*. Къ Θедору Достоевскому никакого дѣла не имѣлъ и редакціонныхъ сборищъ не посѣщалъ. Въ первый разъ я увидалъ его на литературномъ чтеніи. Онъ читалъ главу изъ „Мертваго Дома" и публика принимала его также горячо, какъ и Некрасова.

Позднѣе, уже въ мое редакторство, я съ нимъ познакомился и у насъ были даже дѣловыя свиданія.

Тогда публика, особенно молодежь, еще смотрѣла на него только какъ на бывшаго каторжника, на эксъ-политическаго преступника. Въ его романѣ „Униженные и оскорбленные" всѣ видѣли только борца за общественную правду и обличителя всего того, что давило въ Россіи всякую свободу и тушило каждый лишній лучъ свѣта.

„Мертвый Домъ" явился небывалымъ документамъ русской каторги. А то, что въ немъ уже находилось мистически благонамѣреннаго — еще не было всѣми понято, какъ должно, и тогдашній Достоевскій еще считался чуть не революціонеромъ. Изданіе журнала, когда *почвенное* неославянофильство достаточно высказалось — измѣнило взглядъ на *credo* автора „Мертваго Дома", но все-таки его ставили особо. Въ той жестокой полемикѣ, какая завязалась между „Временемъ", а впослѣдствіи „Эпохой", и радикальными журналами Θедоръ Достоевскій весьма сильно участвовалъ, но не подписывалъ своихъ статей.

И позднѣе, когда оба журнала—и „Время", и „Эпоха"—прекратились и началось печатаніе „Преступленія и наказанія"—онъ продолжалъ быть любимымъ романистомъ, сильно волновалъ ту самую молодежь, идеямъ которой онъ ни мало не сочувствовалъ.

И еще позднѣе авторъ „Бѣсовъ" не только заставилъ себѣ все простить, а подъ конецъ жизни сталъ какъ бы своего рода вѣроучителемъ, и его похороны показали, какъ онъ былъ популяренъ во всякихъ сферахъ и классахъ русскаго общества.

Полемика тогдашнихъ журналовъ, если на нее посмотрѣть „ретроспективно", явилась симптомомъ того, что послѣ акта 19 февраля на очереди не стояло что-нибудь такое же крупное, какъ паденіе рабовладѣльчества, Правительство держалось еще умѣренно-либеральнаго фарватера; на очереди стояли реформы земская и судебная. Но это еще не волновало публику и не отвлекало достаточно публицистику и критику отъ своихъ счетовъ, препирательствъ и взаимныхъ обличеній.

До сихъ поръ совѣстно за такой журналъ, какъ „Современникъ",

когда вспомнишь, что онъ не затруднился помѣстить полемическую статью съ знаменитымъ акростихомъ, въ видѣ эпиграфа:

Посмотри на эту вѣтку,
Иль не видишь ты, на ней
Злой ловецъ раскинулъ сѣтку
Для погибели твоей.
Ахъ лети, лети скорѣй!

И такъ переругивались между собою два передовыхъ журнала: „Современникъ" и „Русское Слово". Такая же пальба шла и между органомъ братьевъ Достоевскихъ и радикальными журналами.

„Библіотека" почти что не участвовала въ этомъ ругательномъ хорѣ. Критикомъ ея былъ Еф. Зоринъ, который, правда, вступалъ въ полемику съ самымъ Чернышевскимъ. Но все-таки отличились „передовые" журналы. И то, что въ „Свисткѣ" Добролюбова было остроумно, молодо, игриво, то теперь стало тяжело, грубо и бранно. Автора „Темнаго царства" замѣнилъ въ „Современникѣ" тотъ критикъ, который въ началѣ 1862 г. отличился своей знаменитой рецензіей на „Отцовъ и Дѣтей".

Если „Петръ Нескажусь" позволилъ себѣ юмористически касаться нигилистокъ и разсказывать о полемическихъ подвигахъ Чернышевскаго, то онъ не позволилъ себѣ ничего похожаго на то, чему предавались тогда корифеи *передовой* журналистики.

Все это не могло меня привлекать къ тогдашней журнальной „лѣвой". У меня не было никакой охоты „итти на поклонъ" въ тѣ редакціи, гдѣ процвѣтала такая ругань. Въ подобной полемикѣ я не видѣлъ борьбы за высшія идеи, за то, что всѣмъ намъ было-бы дорого, а просто личный задоръ и отсутствіе профессіональной солидарности товарищескаго чувства.

Вѣдь все это происходило между „собратами". А я такъ высоко ставилъ званіе и дѣло писателя. И если бъ не моя тогдашняя любовь къ литературѣ, я бы, конечно, позадумался дѣлаться профессіональнымъ литераторомъ, а поѣхалъ-бы себѣ хозяйничать въ Нижегородскую губернію.

П. Д. Боборыкинъ.

(Окончаніе этой главы въ слѣдующей книгѣ).

Сношенія Одессы съ „Молодой Европой“ въ 1835 г.

Секретно.

Милостивый государь, графъ Михайло Семеновичъ!

Г. Намѣстникъ Царства Польскаго, получивъ въ 1835 году свѣдѣнія, что польскій выходецъ Өаддей Жабицкій высланъ мятежникомъ Лелевелемъ въ Краковъ съ политическими порученіями, вытребовалъ его въ Варшаву и подвергъ допросамъ.

На таковыхъ допросахъ Жабицкій, между прочимъ, показалъ, что Лелевель, находясь въ Брюсселѣ, показывалъ польскому выходцу Генриху Колусовскому отчетъ Центральнаго Комитета, существующаго въ Бернѣ, въ Швейцаріи, подъ названіемъ „Молодая Европа“, коимъ управляетъ италіанецъ Маззини, въ каковомъ отчетѣ изъяснено, что Комитетъ сей состоитъ въ сношеніи и съ городомъ Одессою, посредствомъ тамошняго жителя, италіанца или француза, фамиліи коего Жабицкій не упомнитъ, и имѣетъ цѣлію учредить общества и въ другихъ пограничныхъ и портовыхъ городахъ Россіи, преимущественно же въ Полангенѣ и Ригѣ.

Считая долгомъ сообщить о семъ вашему сіятельству, имѣю честь препроводить при семъ доставленный ко мнѣ г. Намѣстникомъ Царства Польскаго переводъ съ вышеозначеннаго показанія Жабицкаго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ.

№ 1345. 25-го апрѣля 1836 г. Графу М. С. Воронцову.

Къ этому отношенію приложена копія перевода показаній, данныхъ Жабицкимъ слѣдственной комиссіи въ Варшавѣ 24-го марта (5-го апрѣля) 1836 г. „Въ Брюсселѣ, сообщалъ Жабицкій, въ мартѣ мѣсяцѣ 1835 г., когда я былъ у Генриха Колусовскаго, пришелъ къ нему Лелевель, который принесъ письменный отчетъ Центральнаго Комитета, называющагося Комитетомъ Молодой Европы, о занятіяхъ онаго Комитета“. Въ отчетѣ значилось, что „между прочими городами разныхъ государствъ оставилъ онъ зародышъ своихъ связей и въ городѣ Одессѣ, и имѣетъ тамъ своего корреспондента“; была названа фамилія этого корреспондента, но Жабицкій не умѣлъ ее назвать и помнилъ только, что она „должно быть, италіанская или французская“. Сношенія съ Россіей Ко-

митетъ покуда поддерживаетъ только черезъ Одессу, по словамъ Жабицкаго, который уже отрекся „отъ соучастія въ сихъ дѣлахъ, къ погибели ведущихъ", и на предыдущихъ допросахъ далъ показанія и о Комитетѣ, во главѣ котораго стоялъ Маццини, и о самомъ Маццини, и о других членахъ Комитета.

Вскорѣ по полученіи отношенія Бенкендорфа, 7-го мая, новороссійскій генералъ-губернаторъ предписалъ одесскому градоначальнику принять соотвѣтствующія мѣры, но, сознавая недостаточность имѣющихся данныхъ, обратился 14-го мая къ гр. А. Х. Бенкендорфу съ просьбой развѣдать подробности о Бернскомъ Центральномъ Комитетѣ, какъ черезъ русскую миссію въ Швейцаріи, такъ и путемъ почтовой перлюстраціи, для чего и просилъ шефа жандармовъ войти въ сношеніе съ подлежащими установленіями.

Дальнѣйшій ходъ розысковъ неизвѣстенъ. О нихъ больше ничего не говорится въ хранящемся въ одесскомъ архивѣ упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія дѣлѣ, которымъ мы пользовались (по реестру № 1874—15 1836 г.), возникшемъ „по отношенію графа Бенкендорфа о принятіи мѣръ къ открытію непозволительныхъ сношеній Одессы съ революціоннымъ Комитетомъ, существующимъ въ Бернѣ".

Одесса издавна пользовалась репутаціей города „подозрительнаго по революціи". Польская аристократія и интеллигенція избрали ее однимъ изъ своихъ любимыхъ уголковъ еще въ двадцатыхъ годахъ, когда въ Одессу стали наѣзжать и даже надолго селиться въ ней родовитыя семьи Понятовскихъ, Потоцкихъ, Сабанскихъ, Залѣскихъ, Шеміотовъ, Ржевускихъ... Много польской молодежи училось въ Ришельевскомъ лицеѣ. Послѣ возстанія въ 1831 г. польская колонія въ Одессѣ порѣдѣла. Многіе уѣхали за-границу, многіе подверглись правительственнымъ преслѣдованіямъ; имѣнія многихъ были секвестрованы. Были отобраны въ казну, между прочимъ, огромныя недвижимыя имущества Александра Сабанскаго и графа Александра Потоцкаго въ Подольской и Херсонской губерніяхъ; подвергся конфискаціи громадный домъ Ал. Сабанскаго въ Одессѣ, извѣстный подъ именемъ „Сабанскихъ казармъ", на углу Канатной улицы и переулка, носящаго до сихъ поръ имя польскаго повстанца.

Л.

Рабочее движеніе на Уралѣ

1905—1907 гг.

Уральскій горнорабочій, старѣйшій мученикъ русской индустріи, до сихъ поръ остается для многихъ загадкой. Затерявшись среди ущелій горъ сѣдого и непривѣтливаго Урала, среди остатковъ вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ, онъ рѣдко показывается на свѣтъ Божій и мало соприкасается съ культурнымъ міромъ. Его непривѣтливость, затерянность и оторванность отъ міра до нѣкоторой степени создаютъ и поддерживаютъ ему репутацію загадочнаго. Но на сформированіе подобнаго представленія о немъ безусловно дѣйствуетъ и вліяетъ его двойственная экономическая роль: съ одной стороны, мы видимъ въ немъ крестьянина-земледѣльца, потомъ обливающаго свой клочекъ земли, а съ другой—обыкновеннаго рабочаго, живущаго продажей своей рабочей силы. Эта его двойная роль въ современномъ общественно экономическомъ укладѣ жизни также издавна окутывала его ореоломъ незнакомца. Но событія послѣднихъ трехъ лѣтъ достаточно ясно показали, что выдѣлять рабочихъ, занятыхъ въ уральской горнопромышленности, въ особую группу пролетаріата, иначе мыслящаго и чуствующаго, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній.

Уральская горнопромышленность не такъ давно справляла двухстолѣтній юбилей своего существованія на пользу страны и собственнаго кармана. Одновременно съ этимъ долженъ былъ бы устроить празднество и уральскій рабочій. Но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ его торжество носило бы характеръ тризны и поминокъ по тѣмъ жертвамъ, которыя онъ и его предки принесли на жертвенникъ прибавочной стоимости и на потребу капитала.

Несмотря на свою древность, писанной исторіи уральскій рабочій имѣетъ очень мало, и поэтому каждая написанная о немъ страница, разъ она вѣрно пересказываетъ совершившіяся событія и современныя жизненныя отношенія между нимъ и капиталомъ и трудомъ, оцѣнивается имъ по достоинству и принимается съ благодарностью.

Въ Уральской горнопромышленности по формѣ владѣнія различается три типа предпріятій: заводы казенные, заводы частновладѣльческіе и заводы поссессіонные. Если не считать большого казеннаго Мотовилихинскаго завода, который спеціализировали на

выдѣлкѣ принадлежностей войны и убійствъ, то всѣ остальные уральскіе заводы—заводы металлургическіе Ихъ главный продуктъ— чугунъ и различные сорта желѣза. Наряду съ горнодѣліемъ и металлургiей одинаково развиты золотые и платиновые промыслы.

По даннымъ совѣта съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ, число рабочихъ, занятыхъ во всѣхъ горнозаводскихъ предпріятіяхъ Урала въ періодъ времени 1900—1903 гг., выражалось въ слѣдующихъ круглыхъ величинахъ:

На заводахъ	88.000
› рудникахъ и копяхъ	33.000
› пріискахъ	41.000
	162.000

Средняя годовая заработная плата по тѣмъ-же даннымъ въ указанный періодъ времени выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Руб.
На заводахъ	200
› рудникахъ	160
› пріискахъ	173
› копяхъ	202
	189

Въ заводахъ по цехамъ колебаніе заработной платы было таково:

Доменный и прокатной цеха	отъ 50 к. до 1 р. 20 к.
Механическій цехъ	› 60 › › 1 › 8 ›
Чернорабочіе	› 35 › › — › 90 ›

При этомъ необходимо отмѣтить, что наиболѣе высокая заработная плата была въ заводахъ частновладѣльческихъ, какъ Богословскій, Надеждинскій, Лысьвенскій и Чусовской, выросшихъ и расширившихъ свое производство въ послѣднее десятилѣтіе и обслуживаемыхъ исключительно пришлымъ населеніемъ, неимѣющимъ съ землей почти никакой связи. Въ остальныхъ же заводахъ, гдѣ рабочіе являются одновременно и рабочими и крестьянами, заработная плата ниже, чѣмъ въ первыхъ.

Относительно продолжительности рабочаго времени болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ данныхъ не имѣется. Но какъ общее явленіе почти для всего Урала, рабочій день колебался отъ 11 до 12 часовъ; при этомъ въ нѣкоторыхъ производствахъ, какъ, напримѣръ, въ доменномъ, приходилось сплошь и рядомъ наблюдать и 24-хъ часовыя смѣны, т. е. рабочимъ приходилось быть занятымъ цѣлыя сутки. Но наряду съ 24-хъ часовой работой въ нѣкоторыхъ заводахъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ распространены правила 3 декабря 1862 г. объ обязанности заводовъ продовольствовать населеніе и гдѣ естественный приростъ послѣдняго не поглащается работами съ нормальной продолжительностью рабочаго времени, или гдѣ при незначительномъ приростѣ населенія про-

изошло сокращеніе производства, наблюдался и 6-часовой рабочій день и „гулебныя“ смѣны.

Такова была схема экономическаго положенія горнорабочихъ Урала до послѣдняго времени, да таковой въ сущности она осталась и теперь, такъ какъ пріобрѣтенія года борьбы съ каждымъ днемъ и часомъ, отбираются горнопромышленниками.

Понятно, что при такомъ плачевномъ экономическомъ положеніи при первыхъ же шагахъ рабочаго движенія всѣ стремленія рабочихъ должны были направиться въ сторону по преимуществу экономическихъ требованій. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Тамъ же, гдѣ трудъ горнорабочихъ лучше оплачивался и, слѣдовательно, какъ результатомъ лучшей оплаты труда было болѣе высокое развитіе рабочей массы, тамъ наряду съ экономическими требованіями выставлялись и требованія политическаго характера. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и сами горнозаводчики. Если обратиться къ разсмотрѣнію данныхъ о рабочемъ движеніи въ 1905 г., движеніи, отмѣченномъ по даннымъ совѣта на 32 заводахъ, то увидимъ, что политическіе мотивы въ движеніи играли первенствующую роль въ заводахъ съ наивысшимъ среднимъ заработкомъ. Такъ, ярко выраженную политическую окраску носило движеніе на заводахъ съ средней заработной платой въ 210—239 [1]).

Если не считать рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія въ заводахъ Златоустовскаго горнаго округа, выросшаго на почвѣ горнозаводскихъ товариществъ, то начало широкаго рабочаго движенія на Уралѣ слѣдуетъ приноравлять всецѣло къ 1905 году.

Старое поколѣніе уральскихъ горнорабочихъ, воспитанное и выросшее въ стѣнахъ крѣпостныхъ фабрикъ и заводовъ, испытавшее на своей спинѣ удары господскихъ палокъ и плетей, спокойно и безропотно несло ярмо экономической кабалы. Болѣе молодое поколѣніе, не видя иной жизни, не зная иныхъ отношеній, шло по ихъ же слѣдамъ, чтобы заводчики не дѣлали, какъ бы они рабочихъ не эксплуатировали; о протестѣ не было и рѣчи. Старая эпическая борьба, которую на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій вели рабочіе поссессіонныхъ горныхъ заводовъ въ XVIII столѣтіи за отстаиваніе попираемыхъ поссессіонерами ихъ законныхъ правъ, блестяще описанная въ работѣ историка В. И. Семевскаго—„Крестьяне въ царствованіи Екатерины“, была забыта и о ней не осталось даже и воспоминаній. Отзвуки новыхъ промышленныхъ сраженій, временами ярко вспыхивающихъ то въ одномъ, то въ другомъ промышленномъ раіонѣ, до глухого Урала почти не доходили. Прошло безслѣдно и не отозвалось на массѣ уральскихъ рабочихъ даже и начавшееся въ 1896 г. движеніе рабочихъ Златоустовскаго казеннаго завода.

Отношенія между сторонами, участниками въ производствѣ, были самыя патріархальныя, были отношеніями раба къ госпо-

---

[1]) „Труды XIV съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ“, стр. 468.

дину. Въ глазахъ рабочихъ вся заводская администрація, отъ мала до велика,—являлась начальствомъ, отъ котораго они вполнѣ зависили и въ стѣнахъ завода и дома; владѣльцы заводовъ были барами и „благодѣтелями". Когда баре и „благодѣтели" прибывали въ свои латифундіи и заводы, гдѣ трудомъ черныхъ, забитыхъ и невѣжественныхъ людей для нихъ ковались деньги и добывалось золото, рабочіе снимали шапки, шли къ нимъ на поклонъ, поздравляли съ пріѣздомъ и, получивъ на водку нѣсколько десятковъ рублей, усиленно угощались за ихъ здоровье.

Ничто, кажется, не могло измѣнить вѣками сложившихся отношеній, и описанная картина, кажется, должна бы существовать вѣчно. Но подошелъ 1905 годъ и старымъ отношеніямъ пришелъ конецъ.

II.

Въ теченіе 1900 — 1902 годовъ Уральская горнопромышленность не ощущала той остроты промышленнаго кризиса, какой наблюдается теперь. Дѣйствительно, если о степени его расцвѣта судить по количеству ея первопродукта—чугуна, то указанные года были для нея хорошими годами.

Годы.	Выплавлено чугуна въ тысячахъ пуд.	% отношеніе къ выплав. въ 1900 г.
1900	49873	100
1901	48745	98
1902	44192	89
1903	39690	80
1904	39600	79
1905	40689	82
1906	36152	73,9 [1]

Новые заводы—Шуваловскіе, Богословскіе, да и старые — Алапаевскіе, Тагаевскіе—расширяли свое производство. Мѣстныхъ рабочихъ рукъ не хватало, и пришлось пригласить рабочихъ съ юга Россіи и изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Поволжья— Сормова, Саратова и т. д, гдѣ промышленный кризисъ 1900— 1901 г. выбросилъ многихъ на мостовую. Пришлые рабочіе, какъ наиболѣе сознательный и подвижный элементъ, видавшій на своемъ вѣку не одну промышленную борьбу, въ затхлую атмосферу уральскихъ рабочихъ внесли новую и здоровую струю жизни. Ихъ вліяніе особенно сильно сказалось на молодыхъ рабочихъ. Кромѣ того, къ тому-же времени необходимо пріурочить и появленіе среди уральскихъ рабочихъ агитаторовъ и пропагандистовъ изъ ихъ же среды. Революціонная с.-демократическая пропаганда на Уралѣ началась въ 1897—1898 гг. За неимѣніемъ силъ и связей съ горными заводами, она сосредоточивалась лишь въ крупныхъ городахъ Урала—Перми, Екатеринбургѣ, Уфѣ и въ ближайшихъ къ нимъ заводахъ и мастерскихъ. Какъ соціалисти-

---

[1]) „Труды XIV съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ", стр. 122.

ческая пропаганда первыхъ лѣтъ ни была примитивна какъ ни плохо она была обставлена, тѣмъ не менѣе, изъ первыхъ пропагандистскихъ кружковъ вышло много рабочихъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ всю черную работу по развитію сознанія массъ въ уральскихъ заводахъ. Однако, новыхъ силъ, появившихся на Уралѣ въ первые годы истекающаго десятилѣтія, было недостаточно, чтобы сдвинуть съ мѣста и раскачать старыя, крѣпко сложившіяся отношенія труда къ капиталу. На молодыхъ и сознательныхъ рабочихъ масса смотрѣла подозрительно и относилась къ нимъ недовѣрчиво, считая ихъ скорѣе врагами, чѣмъ друзьями. Были случаи, когда ихъ прямо выдавали въ руки полиціи. Рѣшающимъ моментомъ въ переломѣ и смѣнѣ отношеній явился 1905 годъ, событія котораго мы кратко и изложимъ.

Грандіозная волна рабочаго движенія, начавшаяся въ концѣ декабря 1904 г. на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ, въ своемъ поступательномъ движеніи въ мартѣ 1905 года достигла территоріи Урала и остановилась на берегахъ р. Камы—въ Березниковскомъ содовомъ заводѣ и на соляныхъ варницахъ.

Рабочіе, какъ содового завода, такъ и соляныхъ варницъ, выставили лишь экономическія требованія. Всѣхъ ихъ было заявлено около 50; группируя, ихъ можно свести къ слѣдующему:

1) увеличеніе заработной платы на 25%;

2) сокращеніе рабочаго времени;

3) улучшеніе санитарныхъ условій работы на промыслахъ;

4) улучшеніе обстановки работъ: замѣна керосиноваго освѣщенія болѣе сильнымъ, выдача рабочаго платья и т. д.;

5) урегулированіе пользованія рабочими инструментами;

6) упорядоченіе штрафовъ;

7) упорядоченіе отношеній администраціи и защита отъ ея произвола и грубаго обращенія;

8) установленіе таксы на хлѣбъ, отпускаемый рабочимъ работодателемъ;

9) безплатный отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ;

10) введеніе и признаніе рабочихъ представительствъ и организацій;

11) заботы заводовъ и промысловъ о культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Хотя первая стачка и не носила строго-организованнаго характера и хотя участіе въ ней принимали далеко не всѣ рабочіе, занятые на промыслахъ, тѣмъ не менѣе,—часть требованій бастующихъ была удовлетворена.

Вслѣдъ за окончаніемъ забастовки на соляныхъ промыслахъ, вспыхнула забастовка въ Лысьвенскомъ заводѣ, принадлежащемъ гр. Шувалову. Въ виду болѣе культурнаго состава рабочихъ и преобладанія на немъ (до 70%) элемента пришлыхъ рабочихъ, Лысьвенская стачка носила болѣе дружный и организованный характеръ. Самыя требованія забастовщиковъ носили уже болѣе опредѣленный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общій характеръ, и на-

ряду съ требованіями чисто экономическими, хотя и въ зародышевомъ состояніи, мы наблюдаемъ требованія политическія.

Лысьвенцы требовали: 1) введеніе 8 часового рабочаго дня; 2) увеличенія заработной платы на 20%; 3) повышенія расцѣнокъ при сдѣльной работѣ; 4) улучшенія постановки медицинской помощи и улучшенія санитарныхъ условій завода, и 5) свободы собраній.

Забастовка, по признанію самихъ горнопромышленниковъ, протекала мирно и спокойно („корректно", какъ галантно выражаются промышленники) и послѣ удовлетворенія большинства требованій прекратилась.

За Лысьвенской стачкой въ хронологическомъ порядкѣ слѣдовало бы поставить и описать драматическое движеніе въ Алапаевскомъ заводѣ, такъ какъ возникновеніе обѣихъ стачекъ было почти одновременно, но въ виду того, что Алапаевская стачка съ ея пожарами, высылкой делегатовъ рабочихъ въ Сибирь по приговорамъ обществъ и грандіознымъ судебнымъ процессомъ, въ теченіе полутора лѣтъ волновавшимъ весь Уралъ, представляетъ особый интересъ и относительно ея мы располагаемъ сравнительно цѣннымъ и богатымъ матеріаломъ, то описаніе ее сдѣлаемъ послѣ обзора рабочаго движенія перваго періода 1905 года. 10 апрѣля возникла забастовка въ Чусовскомъ заводѣ, принадлежащемъ французской компаніи. Чусовской заводъ отъ Лысьвенскаго завода находится всего въ 40 верстахъ, и рабочіе обоихъ заводовъ находятся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ. Поэтому и требованія, выставленныя рабочими Чусовскаго завода, являлись повтореніемъ требованій Лысьвенскихъ рабочихъ. При возникновеніи забастовки вся заводская администрація, боясь насилій со стороны забастовавшихъ рабочихъ, заводъ покинула. Но опасенія были совершенно напрасны, такъ какъ чусовскіе рабочіе оказались столь-же „корректны", какъ и ихъ лысьвенскіе товарищи. Когда бѣглецы вернулись обратно, начались переговоры. Послѣ взаимныхъ уступокъ работы возобновились.

Въ началѣ мая забастовалъ Верхъ-Исетскій заводъ наслѣдниковъ гр. Стенбокъ-Ферморъ. Требованія, выставленныя рабочими, были двухъ родовъ: общія для всего завода—введеніе 8 часового рабочаго дня и увеличеніе заработной платы на 40% и отдѣльныя по каждому цеху. Послѣ удовлетворенія большинства цеховыхъ требованій забастовка прекратилась.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Верхъ-Исетской забастовки, началось стачечное движеніе на заводахъ Н.-Тагильскаго поссессіоннаго округа. Въ Н.-Тагильскомъ заводѣ довольно сильное вліяніе имѣлъ мѣстный с.-д. комитетъ. Поэтому въ требованіяхъ, предъявленныхъ рабочими, мы видимъ лозунги партіи. Но несмотря на довольно энергичное и дружное выступленіе рабочихъ,—тагильская стачка была проиграна.

Въ іюнѣ и іюлѣ возникла забастовка въ Сысертскомъ поссессіонномъ и Мотовилихинскомъ казенномъ заводахъ. Обѣ заба-

стовки носили экономическій характеръ. Въ Мотовилихинскомъ заводѣ всѣ требованія рабочихъ, включительно до удаленія убитаго потомъ на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ инженера Назарова, были удовлетворены. Въ Сысертскомъ же заводѣ, несмотря на то, что рабочими во время стачки было взято изъ вспомогательной кассы волостного правленія около 7,000 р., побѣда была лишь наполовину. Сравнительно неудачный исходъ движенія въ этомъ заводѣ объясняется тѣмъ, что время для борьбы было уже упущено: конецъ іюня и іюль большинство уральскихъ заводовъ не работаютъ, занимаясь годовымъ ремонтомъ сооруженій и давая рабочему возможность производить уборку сѣна и хлѣбовъ.

Одновременно съ описываемымъ движеніемъ на среднемъ и сѣверномъ Уралѣ, происходило рабочее движеніе и на южномъ Уралѣ, въ районѣ Уфимской и отчасти Оренбургской губерній. Здѣсь, благодаря болѣе сильному вліянію революціонныхъ организацій, движеніе носило болѣе политическій характеръ. Но къ сожалѣнію объ южно уральскихъ заводахъ мы не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, и намъ приходится ограничиться только что проведенной краткой характеристикой движенія.

Сысертскую забастовку изъ стачекъ первой половины 1905 г. на Уралѣ нужно считать послѣднею. Ею закончилась первая экономическая борьба уральскихъ горнорабочихъ и, пожалуй, даже первый циклъ экономическихъ забастовокъ края революціоннаго года, такъ какъ забастовки ноября и декабря того же года были уже революціонными выступленіями уральскихъ горнорабочихъ.

III.

Рабочіе Алапаевскаго посессіоннаго завода и до 1905 года среди администраціи и власти пользовались не особенно хорошей славой. Еще въ 1902 г. рабочіе рудниковъ Алапаевскаго завода, выведенные изъ терпѣнія непосильнымъ гнетомъ и притѣсненіемъ рудничной администраціи, глубокой осенней ночью разгромили контору рудниковъ. Процессъ, тянувшійся почти до 1905 года и доходившій до сената, далъ имъ свободу. На судѣ, защита, составленная изъ лучшихъ адвокатовъ, выяснила картину безпощадной эксплуатаціи рабочихъ въ Алапаевскомъ округѣ. Въ залѣ судебнаго засѣданія обвиняемые заявляли: „мы были голодны какъ волки, и голодъ и притѣсненія горной администраціи заставили насъ итти на преступленіе".

Но разгромъ конторы рудниковъ и связанный съ нимъ судебный процессъ на жизнь и на сознаніе остальной массы рабочихъ никакого вліянія не имѣли. Рабочіе Алапаевскаго завода, оторванные отъ большихъ культурныхъ центровъ, живущіе исключительно только интересами своего угла, поступокъ своихъ товарищей склонны скорѣе были осуждать и порицать, чѣмъ оправдывать и защищать ихъ. Вотъ, что о настроеніи рабочихъ меха-

ническаго цеха завода, цеха наиболѣе впослѣдствіи сознательнаго и передового, пишетъ одинъ рабочій, революціонеръ - самоучка, пережившій всю драму движенія въ Алапаевскихъ заводахъ: „...Когда я перешелъ работать въ механическій цехъ (это было въ сентябрѣ 1904 г.), тамъ была мертвая тишина. Читали только „Уральскую жизнь“, „Дружескія рѣчи“ и т. д. Я посовѣтовалъ выписать „Право“, „Русь“, „Вѣстникъ фабричнаго законодательства“ и т. д. Дѣло скоро пошло совсѣмъ иначе... Въ февралѣ 1905 г. пріѣхалъ товарищъ Т. Мы начали собираться артелями и читать. Откуда то взялась нелегальщина“.

Въ стѣнахъ завода за последнее время ничего не измѣнилось. Все шло по старому. Но настроеніе рабочихъ незамѣтно стало дѣлаться инымъ; незамѣтно для самихъ себя, они схватывали отзвуки далекой и могучей борьбы и увлекались и проникались ею.

„7 марта, разсказываетъ тотъ же авторъ, ко мнѣ пришли рабочіе жестянного цеха посовѣтоваться—бастовать имъ или нѣтъ... Они разсказали, что въ прокатномъ цехѣ у большинства рабочихъ уже началось „броженіе“ Я посовѣтовался съ Т., и мы рѣшили собраться вечеромъ. Собраніе вышло очень неудачнымъ: явилась полиція, оцѣпила домъ, обыскала всѣхъ и одного изъ участниковъ, у котораго оказалось нѣсколько революціонныхъ брошюръ, арестовала. В. посадили въ помѣщеніе волостного правленія. На утро громадная толпа рабочихъ явилась къ помѣщенію правленія и заставила трясущуюся отъ страха полицію освободить арестованнаго товарища. Освободивъ В., полиція вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшила и свободу собраній. Въ тотъ же день забастовалъ листопрокатный и жестянный цехъ, а въ слѣдующіе дни къ забастовкѣ примкнули и остальные цеха“...

Въ теченіе послѣдующихъ дней мы видимъ въ помѣщеніи волостного правленіи рядъ свободныхъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемыхъ собраній, на которыхъ рабочіе вырабатываютъ требованія къ заводскому управленію, выбираютъ делегатовъ для веденія переговоровъ и защиты выставляемыхъ положеній. Тутъ же мы видимъ и засѣданія выбранныхъ делегатовъ съ уполномоченными заводовъ и окружнымъ инженеромъ.

Общаго требованія, одного отъ всѣхъ цеховъ, предъявлено не было, а каждый цехъ выступалъ самостоятельно. Но во всѣхъ заявленіяхъ сквозитъ единство требованій, и различіе въ нихъ наблюдается постольку, поскольку это зависитъ и обусловливается отъ условій работъ въ томъ или другомъ цехѣ. Всѣ требованія можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

1) введеніе 8 часового рабочаго дня;

2) увеличеніе заработной платы отъ 1 до 2 рублей, по усмотрѣнію делегатовъ рабочихъ и заводской администртціи;

3) увеличеніе оплаты сдѣльныхъ работъ на 20%;

4) сокращеніе рабочаго времени въ праздничные и воскресные дни;

5) своевременная и аккуратная выдача денегъ;

6) обязательное назначеніе пенсій и пособій больнымъ и престарѣлымъ рабочимъ;

7) улучшеніе обращенія съ рабочими заводской администраціи.

Кромѣ этихъ, общихъ всѣмъ цехамъ, требованій, нѣкоторые цеха, какъ механическій, выставили обязательнымъ требованіемъ — непреслѣдованіе делегатовъ рабочихъ и неувольненіе рабочихъ изъ завода по требованію полиціи. Тѣ изъ требованій рабочихъ, которыя не вносили за собой особеннаго паденія предпринимательскихъ барышей, были скоро удовлетворены. Но другія заводоуправленія, не давая окончательнаго отвѣта отрицательнаго характера во время забастовки, выпросили отсрочку [1]). Признаніе делегаціи рабочихъ состоялось, и управляющій заводами горный инженеръ г. Грумъ-Гржимайло далъ клятвенное обѣщаніе не преслѣдовать ни делегатовъ, ни другихъ рабочихъ, игравшихъ во время стачки видную роль.

Хотя большинство главныхъ требованій рабочихъ и осталось неудовлетворенными, но тѣмъ не менѣе и частичная побѣда оказала на рабочихъ громадное моральное вліяніе: они впервые увидѣли и на собственномъ опытѣ убѣдились въ мощи и силѣ единенія, въ силѣ массового и единодушнаго выступленія.

Если первые шаги движенія были чисто стихійными, то потомъ уже мы видимъ въ немъ элементъ сознательности и планомѣрности. Онъ выразился въ учрежденіи особаго совѣта делегатовъ, избраннаго во время забастовки и неоднократно затѣмъ въ

---

[1]) Требованія, выставленныя 10 марта рабочими механическаго цеха, состояли въ слѣдующемъ: 1) уменьшеніе числа рабочихъ часовъ; 2) повышеніе поденной платы слесарямъ и токарямъ до двухъ рублей по соглашенію делегатовъ рабочихъ съ представителями завода; 3) увеличеніе заработной платы при сдѣльныхъ работахъ на 20%; 4) обузданіе произвола мастеровъ, смотрителей и уставщиковъ; 5) въ воскресные и праздничные дни каждый рабочій часъ до 12 часовъ дня считать за $1^1/_2$ рабочихъ часа, а послѣ 12 часовъ—за 2 часа; 6) число рабочихъ часовъ въ праздничные дни сократить на 2 часа; 7) старымъ и больнымъ рабочимъ назначать пенсію и пособія; 8) выдачу заработной платы производить по пятницамъ, передъ обѣдомъ, въ мастерскихъ; 9) не задерживать ссуды, выдаваемыя рабочимъ на постройку домовъ и т. д.

Въ засѣданіи уполномоченныхъ отъ рабочихъ съ представителями заводоуправленія по главнѣйшимъ требованіямъ пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: По п. 1: по соглашенію сторонъ, въ виду начавшихся законодательныхъ работъ, разрѣшеніе вопроса отложено; по п. 2: отъ увеличенія платъ заводоуправленіе отказалось, предоставивъ уполномоченнымъ отъ рабочихъ производить распредѣленіе платъ рабочимъ въ предѣлахъ старыхъ нормъ; по п. 3: заводоуправленіе обѣщало въ недалекомъ провести новую расцѣнку работъ; по п. 4: относительно улучшенія обращенія со стороны мастеровъ и смотрителей — заводоуправленіе выразило полное согласіе и всѣми мѣрами обѣщало требованіе выполнить; по п. 5: о выдачѣ полуторной платы за работы и праздничные дни до 2-хъ часовъ—разрѣшеніе вопроса отложено до „соображеній“ со стороны заводоуправленія; по п. 6: на уменьшеніе числа рабочихъ часовъ въ предпраздничные и воскресные дни заводоуправленіе выразило согласіе; по п. 7: о назначеніи пенсіи изнурившимся и престарѣлымъ рабочимъ—вопросъ оставленъ до разрѣшенія его законодательнымъ путемъ.

теченіе полутора мѣсяцевъ переизбираемаго. На роль совѣта лежалъ надзоръ и обязательство примѣненія въ жизнь уступокъ, вырванныхъ у заводовъ забастовкою, и онъ сдѣлался необходимымъ жизненнымъ элементомъ рабочихъ завода.

Но Алапаевское движеніе первое на Уралѣ, хотя и въ очень примитивной формѣ, затронуло политическіе вопросы и выступило съ политическими требованіями. Примитивность политическихъ требованій объясняется полною самостоятельностью движенія и независимостью его отъ партійныхъ органовъ и партійнаго руководительства. На нихъ лежитъ отпечатокъ петицій, которыя въ то время, на основаніи указа 18 февраля 1905 года, какъ изъ рога изобилія, отовсюду сыпались въ правительственныя мѣста и учрежденія и ежедневно печатались въ газетахъ. Политическая петиція, написанная самими рабочими, состоящая въ требованіи: 1) 8 часового рабочаго дня, 2) изданіи закона о признаніи стачекъ и стачечныхъ комитетовъ и др. рабочихъ организацій, 3) изданіи закона о неприкосновенности личности и жилища и устраненія административнаго произвола; 4) изданіи закона о государственномъ страхованіи рабочихъ; 5) изданіи закона о свободѣ печати, всеобщемъ обученіи и о свободѣ внѣшкольнаго образованія и 6) объ участіи рабочихъ съ правомъ совѣщательнаго голоса въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны, была послана въ Петербургъ сразу въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Около половины апрѣля рабочими для поддержанія своихъ политическихъ требованій, была отправлена въ Петербургъ депутація изъ двухъ, наиболѣе энергичныхъ рабочихъ [1]).

Но какъ и въ большинствѣ уральскихъ заводовъ, отношенія Алапаевскихъ рабочихъ къ работодателю обусловливались не только однимъ договоромъ о наймѣ. Была другая сторона жизни,— именно аграрныя отношенія, которыя въ описываемый моментъ страстно и сильно чувствовались. Какъ извѣстно, въ теченіе послѣд-

[1]) Вотъ какъ одинъ изъ ходатаевъ пишетъ въ письмѣ къ товарищу С., сидѣвшему уже въ тюрьмѣ по обвиненію въ поджогахъ, описывая свои петербургскія впечатлѣнія и мытарства. „...Въ Петербургъ мы пріѣхали на пасхѣ въ пятницу; три дня осматривались, а потомъ пошли наши души по мытарствамъ: отъ министра къ министру, отъ подъѣзда къ подъѣзду. Вспоминали безсмертнаго Некрасова. Все искали петицію. Вездѣ говорятъ—не получали. Спрашивали все квитанцію о посылкѣ, а мы ее позабыли дома. Потомъ пошли въ редакцію „Сынъ Отечества" и попросили опубликовать съ нее копію. 30 апрѣля ее напечатали. Потомъ пошли опять по министерствамъ. Дни идутъ, деньги таютъ. Наконецъ, одну нашли въ министерствѣ финансовъ. Тамъ намъ объяснили, что все это будетъ скоро обсуждаться и скоро будетъ введено въ законъ. Въ концѣ-концовъ, сказали, что и теперь вамъ дано все, что нужно. Сумѣютъ отстоять рабочіе—ихъ счастіе, не сумѣютъ—онъ развелъ руками и пожалъ плечами... Потомъ мы поѣхали домой"...

Здѣсь необходимо отмѣтить, что подобнаго-же характера позднѣе были политическія требованія рабочихъ Мотовилихинскаго и нѣкоторой части и Тагильскаго заводовъ.

нихъ 12 лѣтъ въ поссессіонныхъ горныхъ заводахъ Урала, на основаніи закона 19 мая 1893 года, производится поземельное устройство ихъ населенія, т. е. рабочихъ этихъ заводовъ. Благодаря довольно хитрымъ пріемамъ какъ заводской администраціи, такъ и мѣстныхъ органовъ надзора за крестьянской жизнью—земскихъ начальниковъ и губернскаго присутствія—Алапаевскому заводскому правленію въ 1903 г. удалось почти съ населеніемъ всего округа, что составитъ болѣе 20 сельскихъ обществъ, въ вопросахъ надѣленія населенія землею добиться добровольныхъ соглашеній. Такъ какъ аграрный вопросъ въ поссессіонныхъ заводахъ лежитъ внѣ сферы настоящаго очерка, то здѣсь не мѣсто входить въ критику и разборъ заключеннаго соглашенія, а также описывать условія, при которыхъ какъ Алапаевская, такъ и другія сдѣлки были заключены. Здѣсь достаточно лишь сказать, что населеніе, вынужденное заключить сдѣлку, съ содержаніемъ ея совершенно не было ознакомлено, и что тотчасъ по подписаніи ея и послѣ элементарнаго знакомства съ нею, найдя въ ней сплошное нарушеніе своихъ интересовъ и не найдя въ ней того, что обѣщали, ее обжаловало. Но дальнѣйшее знакомство съ нею и изученіе земельнаго вопроса было совершено парализовано и стѣснено, благодаря дѣйствію земскаго начальника.

Теперь, когда населеніе отвоевало себѣ право собраній и право отстаивать и защищать свои интересы въ области отношеній къ капиталу, оно обратило свои взоры и на аграрныя отношенія. 18 апрѣля на сельскомъ сходѣ былъ выбранъ особый земельный комитетъ, на который возложили подробное ознакомленіе и изученіе аграрнаго вопроса всего Алапаевскаго поссессіоннаго округа и развязку своихъ земельныхъ отношеній съ заводомъ. Въ составъ комитета, на ряду съ солидными и пожилыми мужиками, чистыми „землеробами", вошли и всѣ делегаты рабочихъ. Такимъ образомъ, рабочій и аграрный вопросъ объединились въ одномъ органѣ. У земскаго начальника, такъ упорно въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ съ стремленіемъ населенія развязаться съ опостылымъ соглашеніемъ боровшагося, на этотъ разъ не хватило храбрости отмѣнить приговоръ.

Подошло 1 мая. Большинство рабочихъ въ этотъ день не работало. Была устроена маевка. Она совершалась открыто, недалеко отъ заводскаго селенія. Надъ головами рабочихъ уже развивалось знамя труда. Вся высшая заводская администрація, боясь нападеній рабочихъ, пролетарскій праздникъ провела внѣ дома и укрылась кто куда могъ. Но опасенія были совершенно напрасны, такъ какъ день прошелъ спокойно.

Власть совѣта делегатовъ росла. Онъ постепенно входилъ во всѣ стороны жизни заводскаго населенія и рабочихъ и всюду контролировалъ образъ дѣйствій заводовъ и заводской администраціи. Управляющій заводами обратился къ пермскому губернатору съ ходатайствомъ о введеніи въ Алапаевскомъ заводѣ чрезвычайной охраны. Но такъ какъ достаточныхъ поводовъ для удовлетворенія

ходатайства не нашлось и въ заводѣ было совершенно спокойно, то губернаторъ въ просьбѣ г. Грумъ-Гржимайло отказалъ. Тогда, чтобы отдѣлаться отъ ненавистнаго совѣта, вездѣ совавшаго свой носъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ корнѣ задушить рабочее движеніе въ округѣ, въ ходъ было пущено другое средство, вѣрное. Къ нему заводъ пошелъ двумя путями: во-первыхъ, съ начала мая заводъ сталъ сокращать размѣръ производства; во-вторыхъ, сторонники заводской провокаціонной политики,—служащіе, большіе и малые, и неизвѣстно откуда появившіяся темныя личности, агенты-провокаторы, стали распускать слухи, что въ заводѣ образовалась „шайка поджигателей", въ составъ которой входитъ весь совѣтъ делегатовъ и которой руководитъ рабочій С. (тотъ самый, письма котораго мы неоднократно цитировали) и что, не видя возможности мирнымъ путемъ добиться своимъ требованіямъ уступокъ со стороны завода, „шайка" хочетъ насильно вырвать ихъ у завода. Первый пріемъ, т. е. начавшееся сокращеніе работъ, былъ расчитанъ на то, чтобы озлобить рабочихъ и заставить ихъ прибѣгнуть къ насиліямъ; а второй, т. е. распущеніе слуховъ объ образованіи шайки поджигателей,—на то, чтобы подготовить почву для будущихъ событій. Цѣль-же была одна: задушить рабочее движеніе, взять свои уступки обратно и надолго проучить рабочихъ не совать свой носъ куда не слѣдуетъ. На борьбу съ молодымъ рабочимъ движеніемъ мобилизировали мѣстный черносотенный элементъ, властей и духовенство. Кто не примыкалъ къ новому курсу заводской политики, того пугали призракомъ краснаго пѣтуха. Высшая заводская администрація, зная о готовящихся пожарахъ, страховала свою движимость. Съ каждымъ днемъ слухи становились все настойчивѣе и упорнѣе и, наконецъ, реализировались.

Ночью 9 мая начался первый пожаръ. Загорѣлись заводскія дрова. Огонь удалось скоро локализировать, и пожаръ не принялъ большихъ размѣровъ. На другой день загоралась квартира одного заводскаго служащаго, увольненія котораго рабочіе во время забастовки требовали. 12 мая, поздно вечеромъ, опять пожаръ На этотъ разъ загорѣлось въ квартирѣ земскаго начальника. Пожаръ принялъ громадные размѣры и уничтожилъ цѣлый кварталъ обывательскихъ домовъ. Но не умолкли еще звуки набатнаго колокола, какъ новый столбъ дыма и огня сталъ надъ заводскимъ селеніемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вновь уничтожило почти два десятка домовъ.

Населеніе, напуганное пожарами, наскоро вывозило свой скарбъ на площадь за селеніемъ. Въ то-же время агенты заводской политики не дремали и усилено натравливали испуганное населеніе на мнимыхъ поджигателей. Въ заводъ пригнали двѣ роты солдатъ. Провокаторы стали дѣйствовать еще нахальнѣе и уже открыто называли имена поджигателей. Появилась водка. Нѣкоторымъ давали деньги. Наконецъ, 14 мая, послѣ обѣдни, во время которой мѣстный благочинный призывалъ вѣрующихъ расправиться съ поджигателями и крамольниками, забывшими Бога

и царя, былъ созванъ искусственно подобранный сельскій сходъ [1]). Агенты завода и черносотенцы завладѣли сходомъ и настояли на выдачѣ всѣхъ делегатовъ въ руки властей—однихъ, въ числѣ 11 человѣкъ, для привлеченія къ суду въ качествѣ обвиняемыхъ въ поджогахъ, другихъ,—въ количествѣ 17 человѣкъ, какъ лицъ вредныхъ для общественнаго спокойствія, выслали въ Сибирь по приговору общества.

Такъ трагически закончилась первая стадія рабочаго движенія въ заводѣ [2]).

IV.

Во второй половинѣ лѣта въ началѣ осени на Уралѣ забастовокъ и стачекъ не было. Гдѣ было возможно, заводы пользовались всѣми мѣрами, чтобы свести къ нулю и вернуть обратно свои уступки, сдѣланныя рабочимъ весной; гдѣ этого прямо сдѣлать было нельзя, тамъ прекращали производство. Такъ тѣ же Алапаевскіе заводы уже въ августѣ прекратили работы на рудникахъ. Вызванный рабочими окружной инженеръ г. Кихлеръ политику завода одобрилъ и закрытіе горнаго производства санкціонировалъ. На дѣйствія заводовъ и окружного инженера рабочіе принесли жалобу пермскому губернатору, но послѣдній до дней конституціи не удостоилъ просителей никакимъ отвѣтомъ. А съ наступленіемъ дней свободы, когда рабочая организація, хотя и при другомъ составѣ, возродилась вновь, заводъ поспѣшилъ открыть работы на рудникахъ и согласился на условія веденія работъ и оплаты ихъ, выставленныя самими рабочими.

Въ политическихъ забастовкахъ, бывшихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ революціоннаго года, рабочіе Урала, за исключеніемъ рабочихъ Мотовилихинскаго казеннаго завода, участія не принимали.

---

1) Подъ приговоромъ этого схода, какъ потомъ выяснилось, нѣкоторыя лица подписывались по нѣскольку разъ, вносились фамиліи умершихъ членовъ и подписывались тѣ, кто не имѣлъ права.

2) Но, однако, побѣда заводоуправленія была не долга. Уже черезъ три мѣсяца высланные приговоромъ въ Сибирь были возвращены назадъ. Рабочіе-же, обвиняемые въ поджогахъ, просидѣли въ тюрьмѣ до дней „свободы“. Арестованные вновь въ маѣ 1906 г., они до декабря того-же года пробыли подъ стражей. Судъ оправдалъ всѣхъ. Любопытно, что въ спискѣ 97 свидѣтелей, вызываемыхъ по этому дѣлу, числились лишь члены [illegible] и заводскіе служащіе. Большинство послѣднихъ на судѣ отъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи не въ пользу обвиняемыхъ, отказались; кстати, здѣсь вполнѣ умѣстно упомянуть о роли одного изъ лидеровъ к.-д.—В. Д Набокова. Г. Набоковъ состоитъ совладѣльцемъ Алапаевскихъ заводовъ и членомъ главнаго правленія. Когда, при вторичномъ арестѣ рабочихъ-делегатовъ, населеніе отъ имени схода послало ему телеграмму, какъ члену 1-й Государственной Думы, съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ, г. Набоковъ вмѣсто ходатайства объ освобожденіи и даже какого-либо отвѣта уполномоченнымъ населенія, счелъ необходимымъ лишь запросить мѣстного земскаго начальника о правильности приговора.

Весной и лѣтомъ 1906 г. мы видимъ на Уралѣ новый рядъ забастовокъ и почти всѣ онѣ носятъ оборонительный характеръ. Въ маѣ забастовали рабочіе Надеждинскаго завода, принадлежащаго къ заводамъ Богославскаго округа. Подъ вліяніемъ полнаго застоя въ дѣлахъ, вызваннаго отчасти общимъ промышленнымъ кризисомъ, а, главнымъ образомъ, благодаря неумѣлому веденію въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ заводскаго хозяйства, заводъ началъ уменьшать заработную плату и увольнять рабочихъ. Вспыхнула забастовка. Такъ какъ моментъ для нея былъ выбранъ болѣе чѣмъ неудачный, то она черезъ три дня кончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ. Въ первой половинѣ мая происходила забастовка рабочихъ жестяннаго цеха въ Алапаевскомъ заводѣ, возникшая также на почвѣ сокращенія заводомъ сдѣльныхъ платъ. И ее постигла участь Надеждинской забастовки. Ближе къ осени вспыхнула большая стачка въ Сысертскихъ заводахъ, вызванная сокращеніемъ производства и отнятіемъ у рабочихъ пріобрѣтеній 1905 года. Несмотря на двухнедѣльную ея продолжительность она кончилась для рабочихъ ничѣмъ.

Январь 1907 года открылся стачкой рабочихъ, депо узкоколейной дороги въ Алапаевскомъ заводѣ. Дорога принадлежитъ заводу и служитъ для доставки въ заводъ угля, дровъ и др горючихъ матеріаловъ. Такъ какъ остановка движенія по дорогѣ грозила полнымъ прекращеніемъ заводскаго дѣйствія, то на этотъ разъ администрація заводовъ вынуждена была требованіямъ рабочихъ уступить, и стачка ими, такимъ образомъ, была выиграна. За послѣдніе два года стачка желѣзнодорожниковъ въ Алапаевскѣ—единственная, изъ которой рабочіе вышли побѣдителями, всѣ-же остальныя были лишь сплошнымъ и полнымъ пораженіемъ рабочихъ.

Особенно тяжелою для рабочихъ была послѣдняя стачка въ Алапаевскихъ заводахъ, въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ прошлаго года. Въ стачкѣ принимали участіе рабочіе Алапаевскаго, Верхне и Нижне-Синячихинскаго заводовъ. Требованія рабочихъ были чисто экономическаго характера и были направлены въ сторону повышенія заработной платы. Время же стачки было выбрано вполнѣ удачное: у заводовъ запасовъ желѣза не было, а между тѣмъ были срочные заказы. Но на этотъ разъ вывезъ синдикатъ „Кровля“ и заводы не уступили ни на іоту.

V.

Уральскіе горнопромышленники, подъ защитой чрезвычайной охраны, ротъ солдатъ, сотенъ казаковъ и драгунъ и толпъ пѣшей и конной полиціи, уже въ началѣ 1906 г. начали брать назадъ свои уступки, сдѣланныя ими въ 1905 г. На этой почвѣ, какъ мы видѣли, возникли забастовки въ Алапаевскомъ, Сысертскомъ и отчасти Надеждинскомъ заводахъ. Но на ряду съ ото-

браніемъ прежнихъ уступокъ наблюдаются и случаи отдѣльнаго локаута.

Какъ и слѣдовало заранѣе ожидать, локаутъ на Уралѣ вышелъ изъ нѣдръ Алапаевскаго-же завода и былъ впервые примѣненъ тамъ въ августѣ 1906 г. къ рабочимъ литейнаго цеха. Причиной къ увольненію рабочихъ и закрытію цеха послужило безтактное поведеніе мастера, поставившаго на голосованіе рабочихъ вопросъ о довѣріи и уваженіи къ собственной персонѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, голосованіе произошло ни въ его пользу. Управитель завода этотъ чисто парламенскій пріемъ рабочихъ, вызванный при этомъ желаніемъ самого-же мастера, приравнялъ къ выводу послѣдняго изъ цеха и распорядился прекратить работы и разсчитать рабочихъ. Безработица длилась около двухъ недѣль; инцидентъ былъ переданъ на рѣшеніе третейскаго суда, составленнаго поровну изъ рабочихъ и заводскихъ инженеровъ и техниковъ, и работы были возобновлены лишь послѣ благопріятнаго для рабочихъ рѣшенія примирительной камеры.

Въ мартѣ 1907 года за вывозъ изъ завода управителя былъ остановленъ Ирбитскій заводъ, принадлежащій къ тому-же Алапаевскому поссессіонному округу. На этотъ разъ заводоуправленіе думало, очевидно, основательно „проучить“ рабочихъ, такъ какъ заводъ не дѣйствовалъ больше четырехъ мѣсяцевъ и работы возобновились лишь въ концѣ іюня.

Съ каждымъ днемъ рабочая политика горнопромышленниковъ дѣлается болѣе безпощадной и болѣе жестокой. Послѣ убійства въ сентябрѣ прошлаго года директора Надеждинскаго завода инженера Прахова и завѣдывающаго хозяйственной частью завода г. Сципіо заводъ былъ остановленъ и всѣ рабочіе были расчитаны. Одинъ изъ громаднѣйшихъ на Уралѣ заводовъ прекратилъ свое производство. Съ этого времени прошло почти полгода, а въ Надеждинскомъ заводѣ пущены въ ходъ лишь доменныя печи. Почти одновременно съ кровавыми событіями въ Надеждинскомъ заводѣ мы видимъ, какъ заводы передаютъ Пермскому губернатору суммы на перевооруженіе полиціи. Около того-же времени полиція разослала по всѣмъ горнозаводскимъ предпріятіямъ списки рабочихъ закрытаго завода, съ краткой характеристикой каждаго изъ нихъ, и просила не принимать ихъ на работы. Лысьвенскій заводъ поступилъ немного иначе: онъ вывѣсилъ у воротъ завода объявленіе, что рабочіе заводовъ — Алапаевскаго, Мотовилихинскаго и Надеждинскаго къ работамъ допускаться не будутъ.

Тамъ, гдѣ, съ точки зрѣнія любящаго порядокъ, подчиненіе и военную дисциплину капитала, рабочіе ведутъ себя предосудительно, имъ угрожаютъ временными правилами 3 декабря 1862 года о закрытіи заводовъ. Такъ, въ мѣстной печати неоднократно сообщалось о подобныхъ угрозахъ по адресу рабочихъ Ирбитскаго завода, испытавшихъ на себѣ уже четырехмѣсячный локаутъ.

Организованному и объединившемуся съ полиціей капиталу рабочіе въ данный моментъ противоставляютъ лишь свои разрозненныя силы. Профессіональныя организаціи—рабочіе союзы, кассы, рабочіе представительства и т. д.—у нихъ не существуютъ. Начавшееся въ концѣ 1905 г. и началѣ 1906 г. профессіональное движеніе было позднѣе уничтожено и сведено къ нулю... Таково положеніе дѣлъ въ прошломъ 1907 году...

А. Уральскій.

Воспоминанія петербуржца о второй половинѣ 80-хъ годовъ.

(*Окончаніе* [1]).

V. Кружки либераловъ.

Наряду съ описанными радикальными кружками въ концѣ 80-хъ годовъ дѣйствовали и кружки нѣсколько болѣе умѣреннаго направленія. Строгой границы между тѣми и другими въ сущности не было. Къ числу „либераловъ“, по тогдашней терминологіи, принадлежала прежде всего чуть ли не вся взрослая интеллигентная публика: профессорскіе, литераторскіе и земскіе круги. Я очень мало помню, особенно въ началѣ періода (т. е. около 85—86 гг.) радикальныхъ „старичковъ“ среди молодежи. Многіе изъ нихъ были высланы административнымъ порядкомъ. Другіе держали себя съ молодежью очень осторожно, опасаясь влопаться, что было по тогдашнему времени вполнѣ основательно.

Конечно, около такихъ лицъ, какъ Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, С. Н. Южаковъ, Н. В. Златовратскій и др., вертѣлась кое-какая молодежь, но большею частью не перваго сорта. Во всякомъ случаѣ старики радикалы не принимали тогда почти никакого участія въ подпольныхъ дѣлахъ. Вся пропаганда среди рабочихъ, въ значительной степени и въ студенческихъ кружкахъ велась безъ участія стариковъ. Иногда только возникали кое-гдѣ литературно-научные журъ-фиксы съ политическимъ оттѣнкомъ, но на нихъ попадала только самая малая часть молодежи. Всего больше имѣли значенія „Вторники“ у В. И. Семевскаго. Сравнительно больше другихъ любили бывать среди молодежи: С. Н. Южаковъ, В. В., Я. В. Абрамовъ. Судя по тѣмъ случаямъ, когда мнѣ приходилось ихъ видѣть и слышать, эти лица могли-бы оказывать очень большое вліяніе, особенно С. Н. Южаковъ — блестящій, остроумный собесѣдникъ, который всегда умѣлъ затронуть какой-нибудь интересный вопросъ и разбирать его съ одушевленіемъ и въ то-же время основательно. Но читали Южакова, сравнительно, мало, что для меня, горячаго поклонника его „Соціологическихъ этюдовъ“—этого, по моему, глубочайшаго русскаго произведенія по соціологіи,—до сихъ поръ странно и обидно. На меня лично и на очень небольшой кружокъ оказалъ еще большое вліяніе Я. В. Абрамовъ, подъ руководствомъ котораго я занимался общи-

[1]) См. „Минувшіе Годы“, октябрь.

ной, расколомъ и вообще крестьянскимъ вопросомъ. Абрамовъ ввелъ меня на собранія, происходившія за Невской Заставой у А. Л. Караваева (депутатъ II Государственной Думы). У меня осталось очень свѣтлое впечатлѣніе отъ этого живого энергичнаго человѣка.

Къ концу 80-хъ годовъ старшее поколѣніе стало больше общаться съ молодежью, возникли правильно организованныя собранія (земскій кружокъ, политическій клубъ). Въ кружкахъ и тогда больше всего дѣйствовали „либералы", а если и появлялись руководители радикальнаго направленія, то и ихъ дѣятельность носила характеръ исключительно культурно-просвѣтительный, причемъ они ни малѣйшаго участія въ подпольной работѣ не принимали. Ихъ вліяніе имѣло какой-то общій, отвлеченно культурный характеръ, и практически мало чѣмъ отличались отъ вліянія „либераловъ". Это сказывалось и въ литературѣ. Во вторую половину 80-хъ годовъ почти прекратился антогонизмъ, который раньше былъ такъярокъ въ отношеніяхъ, напримѣръ, между „Отечественными Записками" и „Вѣстникомъ Европы". Особенно это сказывалось къ концу періода. Я помню нѣсколько собраній, на которыхъ такой видный сотрудникъ „Вѣстника Европы", какъ К. К. Арсеньевъ, мирно засѣдалъ съ бывшими сотрудниками „Отечествен. Записокъ" и „Дѣла". На этихъ собраніяхъ полемика никогда не принимала страстно-нетерпимаго характера. Споры велись очень благодушно. К. К. Арсеньева почти всегда выбирали предсѣдателемъ собранія и никто рѣшительно не возражалъ. Даже со стороны радикальной молодежи не замѣчалось рѣзкой нетерпимости по отношенію къ либераламъ. Я, напримѣръ, никогда не слышалъ ни отъ кого изъ своихъ радикальныхъ товарищей, чтобы онъ произнесъ слова „буржуазный либералъ", съ тѣмъ выраженіемъ сектантской злобы, съ какой это говорилось въ позднѣйшее время.

Вопросъ о причинахъ такого примирительнаго настроенія часто подымался въ то время. Многіе объясняли это правительственными репрессіями, которыя, дѣйствительно, тогда представляли нѣчто прямо невѣроятное. Помню я слова Златовратскаго, сказанныя имъ на небольшомъ собраніи у А. Л. Караваева: „Правительство своими карами, цензурными и другими, точно срѣзало верхушки у всѣхъ нашихъ направленій и остался только ихъ общій корень. Если все дальше срѣзывать, то можно и до Моисеевыхъ заповѣдей дойти, и тогда ужъ никакой разницы не будетъ между направленіями, потому-что „не убій, не „укради"—это всѣ признаютъ одинаково". И дальше Златовратскій говорилъ о томъ, что, если бы было больше свободы, то разногласія стали бы яснѣе, такъ какъ тогда именно выступили бы тѣ вершины главныхъ теченій русской общественной мысли, которыя теперь окутаны цензурнымъ туманомъ. Въ этихъ то „вершинахъ" правительство видитъ для себя главное зло и оно ихъ закрыло отъ глазъ общества. Въ словахъ Златовратскаго, конечно, много вѣрнаго, но этимъ однимъ нельзя объяснить примирительнаго настроенія второй половины

80-хъ годовъ. Вѣдь тѣ же репрессіи дѣйствовали и раньше, и позже. Да, наконецъ и Златовратскій въ сущности объясняетъ только слабость антогонизма въ легальной литературѣ и въ болѣе или менѣе открытыхъ сношеніяхъ представителей взрослаго поколѣнія на собраніяхъ, которыя не носили строго-конспиративнаго характера. Но дѣло то въ томъ, что тогда большой розни *вообще* не замѣчалось. Вѣдь, если бы она была, то совсѣмъ другой характеръ носили-бъ споры и, напримѣръ, никогда-бъ такъ спокойно не усѣлся бы на предсѣдательское кресло К. К. Арсеньевъ на собраніи, въ которомъ чуть не половина членовъ принадлежала къ крайнимъ лѣвымъ! Любопытнымъ знаменіемъ того времени былъ нелегальный органъ „Самоуправленіе", издававшійся тогда за границей. Этотъ органъ, по выраженію В. Голубева, представлялъ „какую-то смѣсь стараго народовольчества съ либерализмомъ". А я помню прекрасно, какъ его распространяли всѣ. Въ Петербургѣ главный складъ былъ у народовольцевъ. Ярый народоволецъ П. К—овъ съ восторгомъ говорилъ мнѣ, что тѣ №№, которые онъ привезъ въ Симферополь, тамъ прочитало по крайней мѣрѣ 200 человѣкъ.

Скорѣе всего примирительное настроеніе объясняется такъ, какъ я уже говорилъ о причинахъ индифферентизма къ основнымъ программнымъ вопросамъ въ главѣ о студенческихъ радикальныхъ кружкахъ. Все дѣло было въ особенностяхъ того времени, которое приходилось на границѣ двухъ критическихъ періодовъ. Былъ до извѣстной степени изжитъ тотъ фактическій и идеологическій матеріалъ, который является почвой для работы политической мысли. Общество успѣло обглодать кость, брошенную ему исторіей, а новой кости исторія еще не припасла.

Больше грызни еще было въ низахъ— въ подпольѣ, гдѣ дѣйствовала одна молодежь. На верху, на литературно-общественномъ Олимпѣ, царило относительное спокойствіе. Радикальная молодежь почти всѣхъ представителей стараго поколѣнія называла „либералами", основываясь на томъ, что почти всѣ они никогда не опускались въ самое подполье, не блуждали тамъ, не слѣдили тамъ за работой.

Прежде чѣмъ перейти къ наиболѣе крупнымъ „либеральнымъ" кружкамъ, я долженъ упомянуть объ одномъ обществѣ, которое сыграло очень замѣтную роль въ умственномъ движеніи тогдашняго Петербурга. Это было „Студенческое Научно-Литературное Общество" при университетѣ. Оно существовало вполнѣ легально. Предсѣдателемъ его бывалъ всегда кто-либо изъ профессоровъ, въ мое время О. Ф. Миллеръ. Собранія происходили въ зданіи университета, тамъ-же помѣщалась и библіотека общества.

Исторія этого общества очень оригинальна. Оно образовалось въ началѣ 80-хъ годовъ, вскорѣ послѣ событія 1 марта 1881 г. Его учредителями были студенты изъ золотой молодежи, кажется, члены Священной Дружины. Задачи общества—борьба съ крамолой путемъ научно-литературнаго воздѣйствія на студентовъ. Учре-

дители предполагали устроить общество, гдѣ въ противуположность обычнымъ студенческимъ кружкамъ культивировалась бы „истинно-русская" наука. Само собою разумѣется, что такое общество было разрѣшено начальствомъ—другого бы не разрѣшили въ тѣ времена. Сначала составъ общества былъ таковъ, что тогдашнимъ офиціальнымъ опекунамъ русской молодежи оставалось только глядѣть, да радоваться. Одного только не доставало въ обществѣ—науки и литературы. Плохо обстояло дѣло насчетъ докладовъ и рефератовъ. Тогда мало-по-малу стали допускать студентовъ, хоть и не съ „истинно-русскимъ" духомъ, но такихъ, которые—ну, хоть какой-нибудь докладъ могли изготовить. И вотъ мало-по-малу въ общество стало проникать умѣренно-прогрессивное студенчество. А, съ другой стороны, первоначальные основатели стали понемногу уходить: скучно стало научные разговоры вести. Къ серединѣ 80-хъ годовъ (я поступилъ туда въ 85 г.) общество совершенно утратило свою первоначальную тенденціозную политическую окраску. Тѣмъ не менѣе нѣкоторая окраска была; если выразиться современнымъ языкомъ, большинство членовъ были кадетами; они потомъ и дѣйствительно вошли въ эту политическую партію. Правда, особенно къ концу періода, туда стали проникать и болѣе лѣвые студенты.

Число членовъ общества доходило до 200, но на засѣданія рѣдко собиралось болѣе 60—80 человѣкъ. Предсѣдательствовалъ всегда Орестъ Миллеръ. Онъ горячо любилъ студентовъ и былъ преданъ обществу всей душой. Лучшаго предсѣдателя трудно было себѣ представить: онъ давалъ достаточную свободу высказываться, и въ то же время прекрасно понималъ, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы сохранить общество. Въ его отношеніяхъ къ намъ чувствовалась сердечность и простота стараго профессора идеалиста. Его всѣ любили, его не стѣснялись, онъ никого не подавлялъ своимъ авторитетомъ. Если онъ и останавливалъ порой иного студента-радикала, то тутъ не было и слѣда полицейской цензуры.

Собранія происходили въ Ботаническомъ кабинетѣ: это былъ отдѣльный одноэтажный домикъ на университетскомъ дворѣ. Чтобъ до него добраться, надо было сначала долго итти по безконечной крытой галлереѣ внутри двора, гдѣ было темно и мало встрѣчалось прохожихъ. И какъ пріятно бывало, когда послѣ мрака и тишины этой нескончаемой галлереи, вдругъ попадешь въ уютную, освѣщенную большими висячими лампами, маленькую аудиторію, наполненную оживленной толпой товарищей!

Очень многіе изъ членовъ Научно-Литературнаго Общества стали потомъ довольно извѣстными дѣятелями въ наукѣ, журналистикѣ и политикѣ. При мнѣ состояли, между прочимъ: В. К. Агафоновъ, Александренко, Е. В. Аничковъ, В. В. Водовозовъ, В. Борткевичъ, Драницынъ, Б. Б. Глинскій, В. И. Вернадскій, Каминка, А. А. Кауфманъ, І. А. Клейберъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. А. Мякотинъ, Н. К. Милюковъ, Д. С. Мережковскій, М. Т. Ели-

заровъ, А. А. Никоновъ, А. М. Ону, братья С. и Ф. Ольденбурги, Д. Д. Протопоповъ, В. А. Поссе, Пятницкій, Серг. Сыромятниковъ, Петръ Соколовъ, Н. А. Рейтлингеръ, В. Л. Степановъ, А. Л. Флексеръ (Волынскій), И. Н. Чеботаревъ, Чечулинъ и многіе другіе.

Незадолго до моего вступленія вышли, за окончаніемъ курса: кн. Д. И. Шаховскій, М. А. Дьяконовъ, В. Н. Латкинъ, А. А. Корниловъ, И. М. Гревсъ, Бороздинъ и др.

Собранія происходили регулярно два раза въ мѣсяцъ. Всегда читались доклады на разнаго рода общественныя темы, затѣмъ велись оживленныя пренія. Въ то время особенно оживляли собранія братья С. и Ф. Ольденбурги, А. М. Ону, В. В. Водовозовъ, Н. А. Рейтлингеръ и др.; они дѣятельно привлекали новыхъ членовъ, организовали общество, а главное, оживляли собранія своими рѣчами и вообще какъ то объединяли всѣхъ. Члены общества, конечно, много выносили изъ собраній, пріучались къ совмѣстному веденію дѣла, но еще важнѣе было то, что здѣсь люди знакомились и сближались между собой. Въ обществѣ не замѣчалось рѣзкаго раздѣленія на правыхъ (или вѣрнѣе умѣренныхъ) и лѣвыхъ. Общій тонъ былъ таковъ, что общество можно считать одной изъ ячеекъ современной кадетской партіи. Радикалы не вносили диссонанса, такъ какъ при отсутствіи разговоровъ на собственно политическія злободневныя темы чувствовалась общая идейная, этическая почва. О „дѣлахъ" тоже разговоровъ тутъ не велось, „дѣла" дѣлались на сторонѣ. Научно-Литературное Общество было закрыто во время репрессій, послѣдовавшихъ послѣ покушенія на жизнь Государя 1 марта 1887 г. Дѣло въ томъ, что въ числѣ его членовъ оказалось нѣсколько человѣкъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ (Ульяновъ, Шевыревъ и др.). Хотя они были недавніе члены, да и не особенно часто посѣщали засѣданія (многіе ихъ совсѣмъ и не знали), и связи между ихъ террористическими идеями и духовной жизнью и дѣятельностью общества не было, но тѣмъ, не менѣе, сразу же пошли гоненія. На собраніяхъ появился какъ-то попечитель учебнаго округа генералъ Новиковъ, и сидѣлъ все время съ самымъ зловѣщимъ видомъ. Онъ попалъ на докладъ Г. С. Вольтке „о Городовомъ Положеніи", и хотя этотъ докладъ ничего крамольнаго въ себѣ не заключалъ, но Новиковъ все-же остался очень недоволенъ самой темой.— „Какое же это имѣетъ отношеніе къ наукѣ или литературѣ?"—замѣтилъ онъ.—Стало очевидно что общество виситъ на волоскѣ. Сохранить его можно было развѣ путемъ компромиссовъ, въ родѣ допущенія на собранія чиновъ инспекціи или вообще какихъ-нибудь наблюдателей, при чемъ, конечно, пришлось бы поступиться свободой слова. По этому поводу образовалось два теченія: одни (умѣренное большинство) совѣтывали пойти на всякаго рода компромиссы ради сохраненія общества. Приводили тотъ доводъ, что надзоръ не вѣчно же будетъ продолжаться и въ концѣ концовъ сведется на пустую формальность; бывали времена и по-

хуже, а между тѣмъ умные люди всегда могли дѣлать полезное дѣло, если только они дѣйствительно этого хотѣли. Въ какомъ бы видѣ не существовало наше общество, все-же будетъ лучше, чѣмъ если не будетъ никакого.

Но наши радикалы не были съ этимъ согласны; они старались побудить общество къ активной борьбѣ, къ протесту. На возраженія, что въ такомъ случаѣ общество сразу закроютъ, радикалы давали свой вѣчный отвѣтъ: „ну и пусть закрываютъ! однимъ безобразнымъ фактомъ будетъ больше въ исторіи Россіи; прибавится еще одна иллюстрація къ картинѣ современнаго положенія, при которомъ нѣтъ никакой возможности заниматься хотя бы культурной работой!"

Радикалы предлагали устроить скандалъ при ближайшемъ посѣщеніи попечителя Новикова. Но они оказались въ меньшинствѣ. Впрочемъ, эти вѣчные споры въ сущности не имѣли никакого практическаго смысла, такъ какъ судьба общества уже была рѣшена. Въ то время въ высшихъ сферахъ циркулировало убѣжденіе, что корень зла заключается въ студенческихъ кружкахъ и собраніяхъ. Научно-Литературное Общество было закрыто. Это было сдѣлано какъ-то внезапно. Не дали возможности сколько нибудь ликвидировать дѣла. Инспекторъ университета потребовалъ ключи отъ книжныхъ шкафовъ, а затѣмъ, не дожидаясь выдачи ихъ, распорядился взломать шкафы, и книги куда-то исчезли. Говорятъ, ихъ свалили на чердакъ. Одновременно съ этимъ (осень 1887 г.) по распоряженію новаго ректора Владиславлева была закрыта и общестуденческая читальня. Книги тоже были убраны безъ всякой правильной ликвидаціи. Исчезла мраморная доска въ память Кавелина и еще кое-какіе портреты, украшавшіе стѣны читальни. На мѣстѣ читальни былъ устроенъ ватерклозетъ [1]).

Нравственная связь, соединявшая членовъ бывшаго Научно-Литературнаго Общества, была такъ сильна, что они рѣшили и послѣ закрытія собираться хоть разъ въ годъ, въ день 19-го февраля. И нѣсколько лѣтъ подрядъ послѣ закрытія общества бывшіе его члены устраивали обѣдъ въ какомъ нибудь ресторанѣ, и въ застольныхъ рѣчахъ вспоминали минувшіе дни и говорили о тѣхъ же вопросахъ, которые и раньше ихъ интересовали, когда они собирались въ своемъ старомъ, неразоренномъ еще гнѣздѣ.

На этихъ собраніяхъ поднимался вопросъ о томъ, чтобы продолжать дѣятельность общества, такъ сказать, „при закрытыхъ дверяхъ". Но это было очень трудно осуществить въ полномъ объемѣ. Тѣмъ не менѣе кое-что въ этомъ смыслѣ устроилось. Это былъ „Политическій Клубъ", существовавшій въ самомъ концѣ

---

[1]) По этому поводу въ одномъ нѣмецкомъ юмористическомъ журналѣ былъ помѣщенъ слѣдующій діалогъ: „Вы слышали, что устроили въ петербургскомъ университетѣ на мѣстѣ читальни?—„Какъ же, слышалъ; но куда-же дѣли книги?"—„Книги? да книги тамъ же и оставили".

80-хъ годовъ и еще „Земскій Кружокъ“, возникшій еще раньше клуба въ 1888 году. Исторіи возниковенія Земскаго Кружка я въ точности не помню; тамъ было нѣсколько бывшихъ членовъ Научно-Литературнаго Общества, но большинство его состояло изъ людей со стороны. Однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ былъ приватъ-доцентъ М. И. Свѣшниковъ (бывшій еще до меня въ Н.-Л. О вѣ). Въ Земскомъ Кружкѣ принимали дѣятельное участіе нѣкоторые литераторы, земскіе дѣятели и статистики: К. К. Арсеньевъ, В. К. Винбергъ, П. А. Корсаковъ, Вернеръ, Телѣжинскій, Карапаевъ, д-ръ Никольскій и др.

Иногда Кружокъ посѣщали и пріѣзжіе: такъ я видѣлъ тамъ какъ то Ф. И. Родичева и В. Ю. Скалона.

Изъ молодежи, кромѣ М. И. Свѣшникова, наиболѣе дѣятельное участіе принимали: М. А. Лозинскій (теперь тифлисскій губернаторъ), А. И. Яроцкій (врачъ), Д. Д. Протопоповъ (быв. членъ 1 Госуд. Думы), Н. В. Чеховъ (педагогъ), Н. К. Милюковъ (тверской земецъ) и др. Часто бывала тамъ группа курсистокъ-рождественокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были потомъ въ серединѣ 90-хъ годовъ арестованы по дѣлу партіи „Народное Право“ (Н. Фанюкова, Л. С. Александрова, Троицкая). Цѣль кружка—изученіе земскаго дѣла съ цѣлью подготовить будущихъ работниковъ по разнымъ отраслямъ дѣла. Была выработана программа, по которой читались доклады (дѣятельность земства въ области подъема экономическаго благосостоянія населенія, по народному образованію, по народной медицинѣ и др.). Особенно много было посвящено времени вопросамъ о постановкѣ земской медицины. Дѣло въ томъ, что изъ молодежи, которой скорѣй всего предстояло пойти на земскую службу, большинство были медики: студенты и курсистки. Трактовались въ этой области различныя системы постановки земской медицины, напр. о преимуществахъ стаціонарной системы передъ разъѣздной и т. п. А затѣмъ, конечно, много было разговоровъ о бытовыхъ и общественныхъ сторонахъ земской дѣятельности. Кое-кто изъ молодежи подымалъ и политическіе вопросы, напримѣръ, о преимуществахъ пропаганды освободительныхъ идей въ положеніи земскаго служащаго сравнительно съ летучей пропагандной (тоже своего рода „стаціонарная“ система), но старики-либералы не особенно, кажется, любили подобные разговоры и старались придать собраніямъ характеръ серьезнаго ознакомленія съ дѣломъ. Да оно такъ слѣдовало: полезнѣе для каждаго было ознакомиться съ серьезными вопросами, разъ къ тому представлялась полная возможность въ виду присутствія опытныхъ и знающихъ людей. Помнится, послѣ какого-то земско-медицинскаго доклада я сталъ разглагольствовать объ особенномъ удобствѣ для земскаго врача заниматься пропагандой. Предсѣдательствовавшій В. К. Винбергъ, извѣстный дѣятель таврическаго земства, остановилъ меня, совершенно справедливо замѣтивъ, что это не относится къ дѣлу, но, по желанію собранія, все-же далъ мнѣ окончить. Занятія кружка носили въ общемъ

довольно серьезный характеръ, и обычнымъ, празднымъ языкоблудіемъ тамъ не больно много занимались. Между прочимъ, нѣкоторыми членами, главнымъ образомъ Свѣшниковымъ, была составлена печатная, очень обстоятельная программа изученія земскаго дѣла. Кружокъ просуществовалъ около двухъ лѣтъ. Собранія пришлось прекратить въ силу административнаго давленія. Охранное отдѣленіе узнало о нихъ, да и трудно было скрыть, такъ какъ собранія бывали довольно большія (человѣкъ 30—40) по тогдашнему времени, да и большинство не особенно соблюдало необходимыя предосторожности, а многіе не считали нужнымъ, напримѣръ, расходиться „не всѣмъ заразъ“, озираться, идя на собраніе, нѣтъ ли за тобой сыщиковъ и т. п. Многимъ изъ нашихъ стариковъ подобные маневры были совсѣмъ непривычны; такъ, напримѣръ, я никакъ бы не могъ себѣ представить К. К. Арсеньева, удирающимъ отъ сыщика черезъ проходной дворъ! Кое кого изъ „стариковъ“ (Винберга, Телѣжинскаго) призывали въ охранку и вели тамъ съ ними подобающіе сему учрежденію разговоры Но скоро, чуть ли не въ томъ же 89-мъ, а можетъ быть въ 1890 году, опять начались собранія, даже въ большемъ количествѣ, съ присоединеніемъ новыхъ лицъ. Вмѣсто земскаго кружка рѣшили устроить „политическій клубъ“ и заняться вопросомъ о политическихъ партіяхъ. Въ этомъ клубѣ участвовали: К. К. Арсеньевъ, В. И. Семевскій, проф. Н. И. Карѣевъ, С. Н. Южаковъ, В. П. Воронцовъ; иногда бывали В. В. Лесевичъ, Влад. Соловьевъ, проф. Янжулъ и Н. К. Михайловскій.

Изъ молодежи участвовали очень многіе изъ тѣхъ, что были въ земскомъ кружкѣ, а также много членовъ бывшаго Научно-Литературнаго Общества.

Особенно интересно было одно довольно большое собраніе (человѣкъ 50—60) у М. И. Свѣшникова. Тамъ произошелъ споръ между стариками: либералами и радикалами Лидеромъ первыхъ былъ, главнымъ образомъ, К. К. Арсеньевъ, а вторыхъ В. В. и С. Н. Южаковъ. Бывшій на этомъ собраніи Н. К. Михайловскій все время молчалъ. К. К. Арсеньевъ довольно подробно изложилъ свою программу. при чемъ онъ особенно старался указать, что русскіе либералы въ противуположность западно-европейскимъ отнюдь не являются поборниками интересовъ буржуазіи, и если они добиваются политической свободы, то вовсе не для того, чтобы на ней обосновать господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ. Демократическіе идеалы либераловъ К. К. опредѣлялъ какъ „стремленіе распространить матеріальное благосостояніе на возможно большую часть населенія“. Ему оппонировалъ В. В. „Изъ вашихъ словъ можно сдѣлать одно заключеніе,—сказалъ онъ,—ваша экономическая программа отличается отъ нашей тѣмъ, что она, такъ сказать - непринципіальная; она состоитъ изъ общихъ, не вполнѣ опредѣленныхъ пожеланій; улучшеніе положенія народныхъ массъ вы не обосновываете вполнѣ опредѣленными взглядами на существо экономическихъ отношеній“.

На томъ же собраніи былъ также споръ о сравнительной желательности реформъ политическихъ и экономическихъ. Либералы отстаивали пріоритетъ политическихъ реформъ. Имъ сочувствовало и большинство, не исключая и радикальной молодежи, бывшей на собраніи. Но одинъ старый народникъ протестовалъ:— „въ Россіи, господа, повѣрьте, экономическія реформы, даже довольно широкія, могутъ быть проведены правительствомъ скорѣе, чѣмъ будетъ введена конституція“.

Надо сказать, что въ то время подобный взглядъ вообще встрѣчалъ сочувствіе нѣкоторой части общества. Было цѣлое направленіе „народниковъ-монархистовъ“. Подобные взгляды проводились, напримѣръ, Сазоновымъ, отчасти Юзовымъ. Вообще такой рѣзкой оппозиціонности по отношенію къ правительству со стороны прогрессивно-демократической интеллигенціи, какая развилась впослѣдствіи, въ то время было меньше. Помнится мнѣ замѣчаніе очень замѣтнаго тогда публициста-народника Я. В. Абрамова: „что жъ, если правительство будетъ у насъ дѣйствительно улучшать положеніе крестьянъ, то этому можно только радоваться“.

Съ однимъ народникомъ у меня зашелъ разговоръ о сервитутахъ въ Польшѣ. „Правительство установило сервитуты, кажется, нарочно для того, чтобы возбуждать взаимный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками. Если это такъ, то это хорошо“. Многіе считали самымъ худшимъ гнетомъ—гнетъ кулаковъ, кабатчиковъ, скупщиковъ. Это было хуже полицейскаго произвола и насилія. Факты „благотворнаго вмѣшательства“ администраціи привѣтствовались многими съ восторгомъ.

Такое настроеніе невольно возникало на почвѣ крайней пассивности народныхъ массъ. Народъ безмолвствовалъ и ничѣмъ себя не проявлялъ. Не было замѣтно никакого движенія въ крестьянствѣ, кромѣ отдѣльныхъ вспышекъ на аграрной почвѣ.

Кстати, приведу свои наблюденія въ этой области. Когда мнѣ лѣтомъ въ 1886 году пришлось быть въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, я замѣтилъ тамъ сильный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками. Положеніе было довольно напряженное. Часто приходилось слышать о поджогахъ помѣщичьихъ усадебъ. При этомъ мнѣ бросилось въ глаза слѣдующее: очень рѣдко жгли такихъ помѣщиковъ, которые являлись настоящими кулаками, вели свою линію послѣдовательно, систематично, съ желѣзною непреклонностью. Хотя отъ такихъ крестьяне и больше терпѣли, но ихъ какъ-то боялись, даже уважали. А жгли всего чаще безалаберныхъ, капризныхъ господъ, „съ которыми не сговоришь“, которые то распускали, то, наоборотъ, слишкомъ натягивали вожжи.

Да и по всей Россіи разнаго рода вспышки на аграрной почвѣ существовали тогда. Одинъ народникъ-публицистъ читалъ какъ то рефератъ о современномъ аграрномъ движеніи. Онъ привелъ массу фактовъ, вырѣзки изъ провинціальныхъ газетъ составили цѣлый объемистый пукъ. Но это движеніе носило исключительно

экономическій характеръ. Ясно было, что крестьяне борятся только на почвѣ своихъ земельныхъ нуждъ, да и то исключительно мѣстныхъ. Даже аграрной программы, въ смыслѣ широкихъ и общихъ требованій, они не выставляли. На аграрное движеніе возлагали надежды только немногіе изъ народниковъ, которыхъ такъ и называли аграрниками-бунтарями. Они говорили, что въ виду неспособности крестьянъ къ широкой организаціи и затруднительности такого дѣла при современныхъ условіяхъ, крестьянамъ только и остается, что партизанская война. Къ тому же каждая мѣстность, каждая деревня имѣетъ свои мѣстныя нужды, которыя только и могутъ быть удовлетворены мѣстной упорной борьбой. Но это направленіе встрѣчало очень мало сочувствія. Противъ него возставало большинство даже самихъ народниковъ. Я помню, напримѣръ, возраженія С. Н. Южакова на одномъ собраніи. Онъ говорилъ, что, если бъ аграрное движеніе сколько-нибудь разгорѣлось въ какой-нибудь мѣстности, то явятся войска и наведутъ такую панику на всю округу, что надолго отобьютъ охоту къ аграрному террору. Помню еще мнѣніе извѣстнаго М. А. Натансона: онъ увѣрялъ, что сами крестьяне въ массѣ будутъ противъ программы, основанной на поджогахъ. „Только въ крайнихъ случаяхъ идутъ на это крестьяне—увѣрялъ онъ,—нужны совершенно исключительныя условія, чтобы подобное движеніе стало массовымъ, да и толку отъ этого никогда не бывало“.

Аграрники-террористы были до крайности малочисленны и во всякомъ случаѣ на практикѣ своихъ идей не проводили. Не существовало тогда ни одной организаціи, основанной на подобной программѣ, даже и не слыхать было таковыхъ гдѣ-бы то ни было въ Россіи.

Точно также слабо было и самостоятельное рабочее движеніе.

На этой почвѣ вполнѣ естественно могли развиться и надежды „хоть чего-нибудь добиться“ и отъ правительства на почвѣ его заинтересованности въ народномъ благосостояніи хотя бы по соображеніямъ финансовымъ и другимъ. Все равно не на что было опереться для борьбы за расширеніе политической свободы и народнаго благосостоянія. Помню такой, напримѣръ, фактъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ, кажется особенно въ 88 году, въ обществѣ возникла энергическая агитація въ пользу открытія женскихъ медицинскихъ курсовъ. Наши либералы вели кампанію, кажется, наиболѣе энергично. Кампанію распространили и на правительственныя сферы. Старались приводить всякаго рода доводы, чтобы повліять на нихъ. Указывали, напримѣръ, на смерть черногорской княжны, учившейся въ Смольномъ институтѣ. Какъ на одну изъ причинъ кончины княжны указывали на то, что, она, заболѣвъ, конфузилась лѣчиться у врача-мужчины; а, если бъ въ Смольномъ институтѣ была женщина-врачъ, то, можетъ быть, княжна осталась жива. Съ восторгомъ муссировали мнѣніе туркестанскаго генералъ-губернатора о томъ, что введеніе въ томъ краю жен-

щинъ-врачей могло бы служить русскому дѣла, т. к. мусульманки стали бы тогда лѣчиться у русскихъ врачей-женщинъ и, такимъ образомъ, пріобщаться къ русской культурѣ. Помню такъ же, какъ привѣтствовалось и поддерживалось возникшее одно время въ высшихъ военныхъ сферахъ мнѣніе о необходимости всеобщаго обученія въ видахъ улучшенія состава русскихъ войскъ. Въ либеральныхъ газетахъ сейчасъ же появились статьи на тему о прусскомъ школьномъ учителѣ, „одержавшемъ побѣду при Садовой". Сторонники кустарей и артелей пытались заинтересовать въ этомъ дѣлѣ морское министерство, увѣряя, что такіе то заказы всего лучше и дешевле могутъ исполняться именно кустарями. Объ этомъ говорилъ А. Г. Штанге въ одномъ докладѣ, читанномъ въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ", и публика очень привѣтствовала какого-то морского офицера, сочувственно отнесшагося къ идеямъ докладчика.

Консервативные органы само-собой подозрительно относились къ подобной агитаціи, и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появлялись статьи, предостерегавшія правительство противъ „либеральныхъ сиренъ"...

Вообще программа тогдашняго либерализма въ значительной степени заключалась въ созданіи вокругъ правительства „атмосферы либеральныхъ идей". Старались оказывать на правительство извѣстное идейное и моральное давленіе. Щедринъ подсмѣивался надъ этимъ направленіемъ въ своихъ сатирахъ (напр. „Карась-идеалистъ"), но положеніе интеллигенціи тогда было такое, что волей-неволей приходилось итти на такую „тактику". Опереться тогда было рѣшительно не на кого. Фраза нашихъ реакціонеровъ о „безпочвенномъ либерализмѣ" звучала тогда горькой истиной, полной самаго реальнаго смысла. Да и дѣйствительно—подумать только, что судьба женскихъ медицинскихъ курсовъ могла въ то время зависѣть отъ болѣзни черногорской княжны!

Но главная роль нашего тогдашняго либерализма была все-таки не въ томъ, чтобъ „истину царямъ съ улыбкой говорить". Либералы очень много дѣлали для политическаго воспитанія общества, для насажденія въ немъ идей права и законности, для созданія, наконецъ, конституціонныхъ стремленій. Они надѣялись путемъ идейной культуры создать такое сильное общественное мнѣніе, чтобы съ нимъ стало считаться правительство. Помню такую фразу: „надо окружить правительство плотной атмосферой либеральныхъ идей, въ которой оно вязло бы и путалось при каждомъ своемъ реакціонномъ шагѣ". Тогдашніе либералы любили говорить, что если извѣстная идея получитъ слишкомъ большое распространеніе, то къ ней и само правительство привыкнетъ и не станетъ ее особенно запрещать. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, можно расширять предѣлы свободы печати. Какъ бы правительство ни старалось усиливать цензурный гнетъ, но уже въ силу подъема культуры, оно фактически не можетъ вернуть Россію къ временамъ императора Николая I, когда въ поварен-

ныхъ книгахъ вычеркивались слова „поставить пирогъ на *вольный духъ*“ или когда цензоръ зачеркивалъ слова поэта „твои глаза дороже мнѣ всего на свѣтѣ“ и при этомъ дѣлалъ примѣчаніе: „есть правительственныя лица и учрежденія, которыя должны быть и для поэтовъ дороже глазъ любимой женщины“.

Помню, К. К. Арсеньевъ приводилъ примѣръ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Наполеона III. Тогда въ Парижѣ до такой степени распространенъ былъ нелегальный органъ французскихъ радикаловъ „Фонарь“ Рошфора, что его читали всѣ, ничуть не стѣсняясь, и былъ случай, что въ вагонѣ, гдѣ сидѣла разная знатная публика, ѣхавшая въ Версаль на придворный балъ, у всѣхъ оказались номера „Фонаря“, который читался всѣми совершенно открыто, какъ будто такъ и слѣдовало. Приводили въ примѣръ и фактъ стихійнаго распространенія „Колокола“ Герцена.

Какъ уже было видно изъ этой главы, либералы стремились организовать молодежь для работы въ земствѣ. Они создавали свои кадры будущихъ земскихъ и др. работниковъ. Они подготовляли ту почву, на которой потомъ выросла современная кадетская партія. Очень многіе члены этой партіи сблизились между собой еще въ молодости въ либеральныхъ кружкахъ, гдѣ они проходили извѣстную школу подъ руководствомъ опытныхъ учителей.

Какъ я уже указывалъ, къ концу 80 годовъ замѣчалось стремленіе къ объединенію всей оппозиціи. Во многомъ вся оппозиція какъ-то сливалась. Вотъ и въ настоящей главѣ мнѣ приходилось говорить не объ однихъ „либералахъ“, о начинаніяхъ, принадлежавшихъ не имъ однимъ. Это показываетъ, что въ то время не такъ легко было провести рѣзкую грань между различными направленіями.

Къ концу учебнаго 1890 — 1891 года была сдѣлана попытка формальнаго союза радикаловъ съ либералами. По иниціативѣ одного радикальнаго кружка было устроено въ началѣ апрѣля 1891 года собраніе на квартирѣ покойнаго астронома I. А. Клейбера. Тамъ читался рефератъ о политическихъ партіяхъ современной Россіи. Рефератъ читался радикаломъ, стоявшимъ въ тоже время очень близко и къ либераламъ. Предполагалось найти общія точки для послѣдующаго объединенія. Послѣдовавшіе послѣ похоронъ Шелгунова аресты помѣшали этой попыткѣ. Кажется, она потомъ не возобновлялась, т. к. съ 90-хъ годовъ оба направленія русской политической мысли стали опять рѣзко расходиться.

VI. Толстовство.

Первымъ философско-публицистическимъ твореніемъ Л. Толстого, не пропущеннымъ цензурою, была „Исповѣдь“. Она появилась въ литографированномъ видѣ въ 1882 году. Я смутно помню толки, вызванные этимъ произведеніемъ. Кажется, особенной бури „Исповѣдь“ тогда не произвела. Ничего особеннаго какъ будто

не находили. Привлекало имя автора, и если бы это написалъ не Л. Толстой, то „Исповѣдь", пожалуй, прошла бы тогда совсѣмъ незамѣтно. Во всякомъ случаѣ о появленіи значительнаго числа „толстовцевъ" тогда и рѣчи не было. Толстовщиной еще и не пахло въ воздухѣ.

Затѣмъ память мнѣ ничего не сохранила объ этой нелегальной дѣятельности Л. Толстого, вплоть до 1885 года. Въ началѣ этого года, зимой, въ январѣ или февралѣ, будучи гимназистомъ VIII класса, я попалъ на собраніе у А. В. Г., на которомъ должно было читаться: „Такъ что же намъ дѣлать?" Народу было человѣкъ 16 — 18. Половину составляла молодежь, но изъ зеленой молодежи, кажется, былъ я одинъ, а остальные студенты старшихъ курсовъ и недавно кончившіе (Гревсъ, Иваницкій, Лагербекъ). Изъ писателей были Абрамовъ и Южаковъ. Собственно къ идеямъ Толстого большинство отнеслось неопредѣленно, рѣзкой оппозиціи не было, но не было также и восторженнаго сочувствія. Восхищались отдѣльными мѣстами, художественной и мѣткой критикой современнаго общества, описаніемъ Аржановскаго дома, говорили, что есть страницы, могущія стать наряду со многими мѣстами изъ Фурье. Абрамовъ отнесся къ идеямъ Толстого несочувственно.

Слѣдующіе за тѣмъ три года (первые годы моей студенческой жизни) мнѣ какъ-то не приходилось сталкиваться съ толстовцами. Меня это мало интересовало.

Только зимой 1888—89 г. мнѣ удалось попасть на „толстовскія собранія". Тогда это движеніе, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, достигло своего кульминаціоннаго пункта. Явилось много послѣдователей, былъ открытъ (на Лиговкѣ) книжный складъ „Посредникъ", ставшій въ этомъ году и мѣстомъ собраній. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей движенія былъ Павелъ Ивановичъ Бирюковъ. Я очень хорошо помню его не высокую, худощавую фигуру, одѣтую въ сѣрую суконную блузу, подпоясанную ремнемъ; на ногахъ большіе смазные сапоги. Блѣдное, желтое добродушное лицо, сѣро-голубые мигающіе, простодушные глаза, слабый голосъ, съ какой-то упрямой интонаціей. Другіе — Губинъ, Горбуновъ, производили впечатлѣніе какихъ то добродушныхъ сектантовъ. Собранія сначала происходили на Лиговкѣ каждую недѣлю. Входъ туда былъ довольно свободный. Собственно толстовствомъ я интересовался мало и относился къ нему крайне отрицательно. Но на эти собранія меня привлекло то обстоятельство, что тамъ бывало много народу, зеленой молодежи, возникали горячіе интересные споры, и, оспаривая толстовщину, можно было проводить свои взгляды.

Когда я въ первый разъ попалъ на собраніе, было довольно много народа. человѣкъ 50 — 60 почти исключительно зеленой молодежи. Преобладали свѣтло-сѣрые костюмы съ бѣлыми передниками рождественокъ. Комната, гдѣ происходило чтеніе, не вмѣщала всѣхъ присутствующихъ, и толпа стояла въ дверяхъ и въ смежной, темной комнатѣ. Я стоялъ въ заднихъ рядахъ, въ тем-

нотѣ, видѣлъ предъ собой освѣщенное пространство двери, откуда доносился монотонный голосъ. Читали „Евангеліе“ Толстого, читали долго. Это показалось мнѣ до нельзя скучнымъ и усыпительнымъ Я терпѣливо слушалъ и старался протолкнуться впередъ, что мнѣ удалось подъ конецъ чтенія.

Я старался обдумать какое-нибудь возраженіе, къ чему-нибудь прицѣпиться, но въ голову ничего не приходило Однообразно лились достаточно извѣстныя евангельскія истины изъ устъ, кажется, Горбунова. Ну, что тутъ будешь возражать? Наконецъ, чтеніе кончилось. Водворилось молчаніе. Кто-то изъ толстовцевъ предложилъ прочесть чье-то стихотвореніе, не помню чье, содержаніе въ точности тоже не помню; тамъ воспѣвался какой-то проповѣдникъ, шедшій въ міръ со словами любви и правды. Тутъ, кажется, я первый прервалъ молчаніе, прицѣпился къ тому, что этотъ проповѣдникъ всѣ надежды возлагалъ на одно нравственное воздѣйствіе, которымъ, однако, никого не прошибешь, и затѣмъ пошелъ на тему о необходимости пробуждать политическое сознаніе и призывать къ борьбѣ угнетенныхъ и пр. и пр. Кое кто изъ студентовъ меня поддерживалъ, толстовцы защищались; большинство публики молчало, но, кажется, склонялось на сторону толстовцевъ. Большинство состояло изъ первокурсниковъ, только что пріѣхавшихъ въ Питеръ. Обаяніе имени Толстого ихъ подавляло. Въ толстовцахъ они видѣли, быть можетъ, первыхъ идейныхъ людей, головой стоявшихъ выше той затхлой мѣщанской среды, въ которой молодежь задыхалась раньше въ своихъ провинціальныхъ городахъ. На „возражавшихъ“ противниковъ Толстого публика готова была смотрѣть, какъ на дерзкихъ крикуновъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого. Послѣ того я сталъ довольно часто посѣщать толстовскія собранія. Стали туда ходить и другіе студенты-радикалы, систематически возражая и проводя свои взгляды. Радикаламъ толстовское ученіе само по себѣ казалось верхомъ нелѣпости, такъ, что между собой мы даже о немъ никогда и не говорили. Но толстовщина все же оказалась чистымъ кладомъ для радикаловъ, потому что, возражая толстовцамъ, очень удобно было заводить разговоры на соціальныя и политическія темы.

Нужно сказать, что въ идейномъ отношеніи между Толстымъ и тогдашней прогрессивной интеллигенціей не было никакихъ точекъ соприкосновенія. Самъ Толстой смотрѣлъ на радикаловъ какъ на насильниковъ; впрочемъ, и агентовъ правительства онъ тоже называлъ насильниками. Радикалы, да и вообще прогрессивная интеллигенція относилась къ нему (конечно, разумѣя его публицистическую дѣятельность), какъ къ явленію, по меньшей мѣрѣ странному. Особенно возмущала эту интеллигенцію проповѣдь непротивленія злу, отрицаніе политической дѣятельности, отрицаніе науки, культуры, проповѣдь опрощенія, признаніе грубаго физическаго, преимущественно земледѣльческаго труда единственно достойнымъ человѣка. Нападенія на правительство и

церковную іерархію у Толстого не были еще въ то время опредѣленными и рѣзкими.

Собранія на Лиговкѣ продолжались недолго. Вслѣдствіе полицейскихъ преслѣдованій собранія перенесли на другія квартиры. Такъ, собирались у Первушина, а затѣмъ у Черепанова. Нельзя сказать, чтобы радикалы выступали сплоченной, заранѣе сговорившейся группой. Выступали отдѣльные ораторы, которые, сколько помнится, больше отличались свободно болтавшимися языками, чѣмъ основательностью. Больше всего говорили М. и Ф. (оба лѣсники). У нихъ не было опредѣленнаго, ясно выраженнаго міровоззрѣнія или программы, и возраженія ихъ носили довольно шаблонно-либеральный характеръ. Сначала толстовскія собранія имѣли какой-то сектантскій характеръ: начинали всегда съ Евангелія и только по прочтеніи двухъ-трехъ главъ шли разговоры. Но потомъ Евангеліе было отстранено, и прямо приступали къ дебатамъ. На первыхъ собраніяхъ, какъ я помню, господствовали толстовцы. Противники ихъ переминались и довольно робко пытались возражать. Но потомъ скоро дѣло приняло другой оборотъ. На первомъ планѣ стали радикалы; они говорили больше всего, и уже толстовцы стали иногда переминаться и робко помалкивать. Мало-по-малу сочувствіе публики стало переходить къ радикаламъ. Толстовцамъ особенно доставалось за теорію непротивленія злу. Разъ, помню, одинъ радикалъ задалъ толстовцу вопросъ: „А что бы вы стали дѣлать, если-бы видѣли, какъ какой-нибудь злодѣй поджигаетъ домъ? Неужели и тутъ вы не стали бы бороться съ поджигателемъ“,

— Я... я... сталъ бы головешки прочь отбрасывать!—отвѣтилъ, заикаясь, толстовецъ при взрывѣ общаго хохота.

Сами толстовцы стали рѣже бывать на этихъ собраніяхъ. Собранія у Черепанова и еще гдѣ-то на Мойкѣ носили не вполнѣ толстовскій характеръ. Тамъ выступали Фалѣевъ и Черепановъ, которые не выдавали себя вполнѣ за толстовцевъ, хотя близко къ нимъ подходили. Глава петербургскихъ толстовцевъ—Бирюковъ, принималъ участіе въ самомъ началѣ. Потомъ онъ по дѣламъ уѣхалъ и, когда воротился на слѣдующій годъ (1889—1890), то остался очень недоволенъ собраніями, которыя опять возобновились въ квартирѣ „Посредника“, и рѣшилъ прекратить собранія. Онъ заявилъ, что при совмѣстномъ обсужденіи ничего путемъ выяснить нельзя, а кто желаетъ выяснить себѣ взгляды Толстого, тѣхъ онъ проситъ поодиночкѣ къ себѣ поговорить. Такъ толстовскія собранія и прекратились, осенью 1889 года.

VII. Кружки гимназистовъ.

Я окончилъ курсъ гимназіи въ 1885 году. Это было время полнаго расцвѣта Толстовско-Деляновскаго классицизма. Система эта въ наше время уже нашла достойную оцѣнку и говорить много объ этой мерзости не приходится.

Скажу лишь, что мои личныя впечатлѣнія вполнѣ согласуются

съ этой общей оцѣнкой, хотя въ петербургскихъ гимназіяхъ система, кажется, не доходила до тѣхъ безобразій, какъ это бывало въ провинціи. У насъ не было, напримѣръ, запрещеній ученикамъ выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера. Въ гимназическую церковь насъ насильно не гоняли, хотя начальство слѣдило за посѣщеніемъ вообще церкви; такъ, въ V гимназіи, гдѣ я учился сначала, законоучитель спрашивалъ для повѣрки, какое Евангеліе читали въ воскресенье.

Въ V гимназіи директоромъ былъ Шрамекъ, чехъ, трижды перемѣнившій вѣру: сперва лютеранинъ, потомъ католикъ и, наконецъ, православный. Это былъ съ виду добродушный, но въ дѣйствительности очень хитрый и вполнѣ безпринципный человѣкъ, очень любившій произносить рѣчи патріотическаго характера и вообще афишировать свою „преданность". Инспекторомъ былъ Красный, субъектъ съ зловѣщей физіономіей разбойника, очень грубый и аляповатый и мало образованный; онъ вышелъ чуть ли не изъ народныхъ учителей, сдѣлавъ себѣ карьеру путемъ многократныхъ доносовъ. Впослѣдствіи онъ, кажется, былъ выгнанъ за пьянство и кончилъ чуть-ли не въ босякахъ. Въ VII гимназіи директоромъ былъ Гофманъ, старикъ-нѣмецъ, красившій себѣ волосы и потому прозванный „крашеннымъ осломъ". Онъ былъ сравнительно изъ лучшихъ: довольно ученый латинистъ, очень глупый, но въ общемъ безвредный, безъ іезуитскихъ наклонностей. Инспекторомъ былъ сначала лукавый бонвиванъ, не чуждый наклонности къ сыску. Потомъ инспекторомъ былъ еще Д., прозванный „Зеленыя яйца"; кличка эта, сама по себѣ безсмысленная какъ то очень къ нему шла. Это былъ довольно добродушный, дубоватый и глуповатый извозчикъ или дворникъ.

Изъ учителей нѣкоторые были довольно хорошіе и какъ люди, и какъ преподаватели. Особенно любили А. А. Цвѣткова, очень живо преподававшаго русскую словесность и С. Ф. Лапченка—географиста. Классики всѣ были обычнаго типа и ихъ ненавидѣли. Вліянія на общее развитіе учениковъ наши педагоги не оказывали никакого, и наше умственное развитіе шло независимо отъ гимназіи, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, кто помимо гимназіи ничего путнаго не читалъ (такихъ, впрочемъ, было громадное большинство). VII гимназія помѣщалась на Пескахъ, и большинство учениковъ было изъ неинтеллигентныхъ семействъ; это все были дѣти мелкихъ торговцевъ, трактирщиковъ и мелкихъ домовладѣльцевъ. Событія общаго характера насъ занимали, конечно, очень мало. Русско-турецкая война была, когда я еще былъ въ третьемъ классѣ, и моихъ сверстниковъ это событіе интересовало лишь потому, что послѣ различныхъ побѣдъ насъ распускали. Не могу не отмѣтить, кстати, отношенія къ войнѣ части нашего радикальнаго общества. Очень многіе радовались сначала неудачамъ нашихъ войскъ, надѣясь на перемѣны къ лучшему, которыя должны, будто бы, послѣдовать въ случаѣ пораженія. Помню, какъ одна довольно извѣстная тогда писательница, придя къ намъ

и только что окончивъ разсказъ о какой-то литературной неудачѣ, сказала: „а знаете еще что: одна бѣда безъ другой не бываетъ: Скобелевъ взялъ Ловчу!“

1-ое марта 1881 года застало меня въ IV классѣ. Я былъ тогда боленъ и на улицу не выходилъ, такъ что личныхъ впечатлѣній не получалъ. Слышалъ разсказы о томъ, что народъ билъ и собирался даже вѣшать студентовъ.

Какъ то разъ я слышалъ, какъ нянька пугала ребятъ: „не ходите одни, а то васъ студенты убьютъ!“ Отъ очевидцевъ извѣстной сцены передъ Зимнимъ дворцомъ, когда толпа народа узнала, что государь скончался, я слышалъ, что настроеніе толпы было какое-то неопредѣленно-напряженное и сдержанное. Толпа какъ-то понуро молчала, кое кто подозрительно оглядывался, нѣкоторые плакали.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ толпа будто-бы стала на колѣни и съ рыданіями стала молиться.

Когда я былъ въ VI классѣ, около 1883—1884 г., происходили еврейскіе погромы. Гимназисты относились къ этому равнодушно-смѣшливо. Нѣкоторые, впрочемъ, сочувствовали погромщикамъ и говорили: „хорошо бы, кабы до насъ дошло, мы бы тоже стали жидовъ бить!“

Въ IV классѣ составился довольно странный кружокъ изъ 5—6 гимназистовъ: мы собирались для того, чтобы читать революціонныя прокламаціи, которыми, однако, увлекались довольно поверхностно и чтеніе соединялось съ выпивкой. Въ V классѣ прокламаціи были оставлены и мы стали издавать рукописный журналъ: „Гимназистъ“. Одновременно было организовано общество для совмѣстной борьбы съ начальствомъ, съ цѣлью придать дѣйствіямъ класса большее единодушіе и согласованность. Къ обществу примкнулъ почти весь классъ, собранія происходили въ самой гимназіи, конечно, въ ватерклозетѣ. Мы выбирали на каждую недѣлю „атамана“. Это общество просуществовало всего три недѣли при трехъ атаманахъ: Московскомъ, Горянскомъ и мнѣ.

Никакой борьбы съ начальствомъ мы, однако, не вели; было сдѣлано, напротивъ, два постановленія въ пользу учителей: одно, чтобы учить хорошо уроки географіи и не огорчать любимаго учителя Лапченка, а другое, чтобы не проситься слишкомъ часто „выйти“ на урокахъ тоже любимаго старичка-нѣмца.

Въ VI классѣ устроился кружокъ для совмѣстныхъ чтеній. Читали больше всего Добролюбова. Собранія продолжались и въ VII классѣ, но тутъ уже кружокъ расширился: вступило нѣсколько гимназистовъ VI гимназіи: Павлиновъ, Мендельсонъ, Завріевъ, Пиккерсиль, I-ой гимназіи—В. В. Гайдебуровъ и X—Мих. Ивановъ. Мы стали читать вмѣстѣ исторію философіи Вебера и Льюиса. Въ VIII классѣ присоединился еще изъ VI гимназіи Владиславъ Борткевичъ (теперь професоръ статистики Берлинскаго университета, поражавшій и тогда своей необыкновенной начитанностью). Тогда мы стали заниматься политической экономіей, читали и

реферировали Милля, а потомъ Иванюкова. Кружокъ состоялъ человѣкъ изъ 10—12. Собирались на разныхъ квартирахъ, гдѣ допускали родители. Участіе въ кружкѣ тщательно скрывалось отъ начальства и отъ другихъ товарищей во избѣжаніе насмѣшекъ и отчасти болтливости. Занятія носили научный характеръ, спорили объ экономическихъ и философскихъ вопросахъ, политики совершенно не касались. Нелегальная литература между нами не обращалась. Правда, мы обмѣнивались гимназическими новостями, доставалось иногда начальству, но въ общемъ это насъ мало занимало: взглядъ на нашихъ педагоговъ и на всю классическую систему у всѣхъ былъ одинаковый. спорить и толковать обо всей этой гадости никому не было охоты. Чтобы покончить съ гимназистами, упомяну еще о гимназическихъ кружкахъ во время моего студенчества. Когда я уже былъ на I курсѣ—филологомъ, я вошелъ въ одинъ кружокъ, состоявшій изъ гимназистовъ разныхъ гимназій: I, II, III, VI, VII. Я вступилъ туда въ качествѣ руководителя, первоначально съ С. А. Н., потомъ онъ вышелъ. Первый годъ (1885—86 учебный) мы реферировали Бокля: Исторія цивилизаціи въ Англіи, первыя пять главъ, а потомъ стали реферировать Иванюкова.

Второй годъ ($188^6/_7$) продолжали реферировать Иванюкова, писали рефераты объ общинѣ и о рабочемъ вопросѣ. Въ этомъ году кружокъ сталъ принимать до извѣстной степени политическій характеръ. Возникла мысль о томъ, чтобы устраивать кружки во всѣхъ гимназіяхъ, а нашъ кружокъ былъ бы ценральнымъ и руководящимъ. Мы не принадлежали ни къ какой опредѣленной партіи, но ясна была общая политическая цѣль: подготовка будущихъ дѣятелей прогрессивнаго направленія. Въ кружкѣ часто возникали споры по вопросу о террорѣ. Покушеніе 1 марта 1887 года и послѣдовавшій послѣ того болѣе строгій надзоръ затруднялъ собранія такъ, что къ концу года они прекратились. На слѣдующій годъ собранія возобновились. Я почему-то не участвовалъ въ этомъ году, руководителемъ вступилъ другой студентъ Ракитниковъ; онъ участвовалъ въ другихъ организаціяхъ, за нимъ слѣдили, и участіе его въ гимназическомъ кружкѣ тоже было прослѣжено. Это послужило причиной нѣкотораго погрома. У гимназистовъ пансіонеровъ III гимназіи сдѣланъ былъ обыскъ, нашли нелегальщину, но, кажется, дѣло замяли. Ракитниковъ былъ арестованъ. Кружокъ на время распался. На слѣдующій $188^7/_8$ годъ опять устроился кружокъ гимназистовъ, который я сначала посѣщалъ. Участвовалъ кое-кто изъ прежнихъ гимназистовъ, но вступило и много новыхъ (Н. Д. Соколовъ, Н. В. Водовозовъ); занятій не велось никакихъ, собранія имѣли исключительно практическій, дѣловой харектеръ; цѣлью ихъ было знакомство и сближеніе между болѣе развитыми и передовыми учениками среднихъ учебныхъ заведеній для будущей совмѣстной дѣятельности въ университетѣ. На собраніяхъ заявлялось, кто знаетъ какого подходящаго гимназиста, сговаривались, какъ съ кѣмъ познакомиться

и въ какой кружокъ пристроить. Эта организація несомнѣнно имѣла большое вліяніе на позднѣйшіе студенческіе кружки. Люди вступали въ университетъ уже хорошо знакомые другъ съ другомъ. Гимназическая организація повлекла за собой преобладаніе петербургскаго элемента въ студенческихъ университетскихъ кружкахъ

Нужно сказать, что подобнаго рода организаціи представляютъ, вообще говоря, довольно значительную опасность, особенно, когда въ нихъ принимаютъ участіе посторонніе элементы радикальнаго направленія и замѣшанные въ другихъ дѣлахъ. Движеніе среди гимназистовъ, описанное мною, прошло въ общемъ благополучно, если не считать небольшого погрома по поводу Ракитникова. Но могло быть и хуже. Особенно печальна была судьба кружковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

VIII. Кружки въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Образованіе кружковъ среди военныхъ, столь печально кончившееся въ 1887 году „дѣломъ о революціонной пропагандѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ“, началось въ 1884—1885 учебномъ году. Начало этого движенія мнѣ въ точности неизвѣстно. Само собою разумѣется, броженія среди военныхъ происходили и гораздо раньше, еще съ 70 годовъ, но я здѣсь говорю о томъ эпизодѣ, который имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ въ 1885 — 87 годахъ. Кажется, иниціаторами было нѣсколько дѣятелей не изъ военной среды, если не ошибаюсь, соціалъ-демократическаго направленія (Брамсонъ и Залкиндъ), которые стали дѣйствовать еще раньше. Но движеніе шло довольно вяло, пока въ немъ не принялъ участія кружокъ народовольцевъ, состоявшій преимущественно изъ студентовъ. Затѣмъ особенную энергію проявилъ кружокъ воспитанниковъ Морского училища (Шелгуновъ, Бобровскій, Чернявскій, Хлодовскій, Долива и др.).

Въ 1885—86 году всего въ кружкахъ участвовало до 60—70 воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Тутъ были: моряки, юнкера изъ Павловскаго, Константиновскаго, Михайловско-Артиллерійскаго, Военно-Инженернаго и даже нѣсколько человѣкъ изъ Пиротехническаго училища. Движеніе имѣло преимущественно характеръ образованія кружковъ саморазвитія. Собственно военнаго или иного заговора не было. Кружки даже не входили въ составъ какой-либо политической партіи. Почвой для всего движенія было естественное стремленіе болѣе развитыхъ юнкеровъ къ свѣту и знанію и къ свободному товарищескому общенію на почвѣ общественныхъ, этическихъ и научныхъ интересовъ. Душная, спертая, казарменная обстановка нашихъ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній не могла удовлетворить наиболѣе живые элементы, и они стали искать удовлетворенія своимъ лучшимъ стремленіямъ внѣ аракчеевскихъ стѣнъ своихъ заведеній. Словомъ, это были тѣже студенческіе кружки саморазвитія, и только принад-

лежность къ военному міру сообщила всему дѣлу особо криминальный характеръ. Правда, въ этихъ кружкахъ сразу проявилось „антиправительственное“ направленіе. Но таковъ уже былъ тогда весь строй нашей жизни, что стоило собраться нѣсколькимъ молодымъ людямъ для чтенія Милля или Спенсера, чтобъ черезъ полчаса начать ругать начальство. Извѣстную политическую окраску придали студенты и вообще „штатская“, радикальная публика, принявшая въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Между посторонними элементами можно было усмотрѣть два направленія. Одно—милитаристкое (Лука Гаевскій) имѣло въ виду подготовку военнаго заговора въ якобинскомъ духѣ. Другое—народовольческое, стремившееся создать группу революціонной молодежи въ военной средѣ. Первое направленіе было представлено чуть ли не однимъ Гаевскимъ, и совсѣмъ не имѣло успѣха, такъ что и упоминать о немъ почти не стоитъ. Второе—народовольческое—было сильнѣе, но большинство юнкеровъ и къ нему относилось довольно пассивно. Юнкера съ уваженіемъ смотрѣли на студентовъ, какъ на людей болѣе образованныхъ, охотно принимали ихъ руководителями въ свои кружки, но чтобъ они принимали все народовольческое credo, этого никакъ нельзя было сказать. Вопросы политики просто не занимали первенствующаго положенія. На первомъ планѣ шло пополненіе пробѣловъ образованія, люди занимались, главнымъ образомъ, научно-общественными вопросами. Для огромнаго большинства юнкеровъ выборъ опредѣленнаго политическаго направленія былъ еще впереди, и весьма возможно, что большинство современемъ превратилось въ мирныхъ культурныхъ работниковъ на почвѣ обученія солдатъ грамотѣ, устройства чтеній и библіотекъ и т. п. обще-просвѣтительныхъ начинаній въ военной средѣ. Преобладающимъ предметомъ занятій въ другихъ кружкахъ того времени была политическая экономія: читали Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго, читали Зибера (Изложеніе Маркса). Выборы послѣдней книги въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ кружковъ нельзя назвать удачнымъ. Кружокъ состоялъ изъ довольно мало подготовленныхъ молодыхъ людей, а такая книга только могла отбить охоту отъ занятій. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ довольствовались статьями Добролюбова. Пускалась въ ходъ и нелегальная литература. Большая часть юнкеровъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть, не отличалась особенно высокимъ уровнемъ развитія. Они производили впечатлѣніе славныхъ солдатиковъ, не изъ бойкихъ. Исключеніе составляли моряки, болѣе развитые и бойкіе.

Дѣло понемногу развивалось, но продолжилось не долго: какихъ-нибудь два года. Погромъ разразился тогда, когда около половины старшихъ воспитанниковъ уже были произведены въ офицеры. Дѣло началось съ ареста моряка Чернявскаго, бывшаго въ командировкѣ въ Кіевѣ. Онъ давалъ кой-кому изъ солдатъ нелегальщину, одинъ солдатикъ донесъ по начальству. У Чернявскаго произвели обыскъ и нашли нѣкоторые адреса, между прочимъ

офицера Шейдевандта. Сей послѣдній до того перепугался, что не только сдѣлалъ полное признаніе въ своихъ собственныхъ прегрѣшеніяхъ, но и оговорилъ всѣхъ, кого зналъ, и разсказалъ очень подробно исторію всего дѣла. Многіе изъ арестованныхъ, съ своей стороны, давали подтвержденія обвиненій и прибавляли новыя данныя, и въ концѣ-концовъ въ очень короткое время въ рукахъ правительства уже была полная картина всего дѣла. Не пощадили господа военные никого, кто-бы принималъ хоть какое-нибудь, даже косвенное участіе. О руководителяхъ и пропагандистахъ и говорить нечего, но даже всѣ лица, хоть разъ предоставлявшія свои квартиры для собраній, всѣ случайно встрѣченные на собраніяхъ, всѣ, однимъ словомъ, хоть сколько-нибудь прикосновенные къ дѣлу, были обнаружены. Многіе изъ юнкеровъ вели себя, говорятъ, довольно позорно на допросахъ, плакали передъ жандармами и умоляли о пощадѣ. Дѣло это разсматривалось военнымъ судомъ. Одна дама, допущенная въ качествѣ родственницы на процессъ и бывавшая раньше на политическихъ процессахъ, передавала, что никогда такого позора она не видала. Плачъ и раскаяніе—вотъ основной мотивъ поведенія подсудимыхъ военныхъ (не-военные были порѣшены административнымъ порядкомъ).

Отчасти это надо объяснить боязнью особенно строгаго наказанія (ходили разговоры даже о смертной казни), отчасти же тѣмъ, что многіе въ сущности не вѣдали, что творили и ни къ какой политикѣ были душой непричастны и попали въ государственные преступники только потому, что были военные; будь они студентами, то дѣло ограничилось бы для многихъ развѣ что исключеніемъ изъ учебнаго заведенія

Правительство въ общемъ довольно вѣрно поняло характеръ движенія, не усмотрѣвъ въ немъ военнаго заговора, но все же признало его, конечно, весьма нежелательнымъ. Всѣ участники были разжалованы въ солдаты на срокъ отъ 4 до 8 лѣтъ и отправлены на службу на окраины, преимущественно въ Туркестанъ и Кавказъ. Не-военные были сосланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь, самое большое въ В.-Сибирь на 5 лѣтъ (Брамсонъ, Залкиндъ, Брагинскій, Гаевскій, Николаевъ.) Нѣкоторые, только прикосновенные, были подвергнуты тюремному заключенію или высланы изъ Петербурга.

В. Б—ъ.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

(*Окончаніе* [1]).

XII.

Описавъ въ краткихъ чертахъ рядъ крестьянскихъ волненій эпохи 1861—1863 гг., попытаемся набросать общую картину отношенія крестьянъ къ реформѣ 19 февраля 1861 г. и ихъ волненій по этому поводу. Время для полной характеристики волненій крестьянъ этого періода еще не пришло: для этого нужна детальная разработка матеріаловъ о крестьянскихъ волненіяхъ данной эпохи, матеріаловъ, разбросанныхъ какъ въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ, къ сожалѣнію, мало доступныхъ для изслѣдованія, такъ и въ разныхъ періодическихъ—столичныхъ и провинціальныхъ—изданіяхъ; много матеріаловъ могли бы доставить современники событій 60-хъ годовъ, а особенно дѣятели по проведенію Положенія 19 февраля въ жизнь. Не имѣя возможности дать исчерпывающую характеристику этихъ волненій, нельзя отказаться и отъ попытки сгруппировать въ этихъ же цѣляхъ хотя бы тотъ матеріалъ, какой удалось собрать въ различныхъ періодическихъ органахъ печати, отдѣльно изданныхъ воспоминаніяхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, а отчасти и въ историческихъ трудахъ, касающихся данной эпохи [2]). Ничтожное количество собраннаго матеріала явствуетъ хотя бы изъ того, что по офиціальному свидѣтельству въ теченіе первыхъ 2-хъ лѣтъ реформы (съ 19 февраля 1861 г. по 19-е февраля 1863 г.) было болѣе 1100 случаевъ волненій и безпорядковъ въ разныхъ селеніяхъ [3]).

---

[1]) См. «Минувшіе Годы», октябрь.

[2]) Мнѣ приходилось пользоваться преимущественно историческими журналами за различные годы („Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историч. Вѣстникъ" и пр.), «Колоколомъ» за 1861 и 1862 г. (изд. Герцена), отчасти старыми газетами (напр., „Сѣверная Пчела" за 1861 г.) и различными отдѣльно изданными воспоминаніями, очерками, статьями и т. д. Заранѣе оговариваюсь, что матеріалъ страдаетъ неполнотою даже сравнительно съ тѣмъ, что можетъ быть доступно изслѣдователю въ настоящее время,—краткостью и неясностью свѣдѣній о многихъ волненіяхъ, отчего невольно при группировкѣ свѣдѣній могли получиться ошибки.

[3]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова, стр. 23.

Для этого же очерка удалось собрать свѣдѣнія, далеко не одинаковыя по точности и ясности, только относительно волненій и безпорядковъ въ 328 селеніяхъ въ 31 губерніи въ 80 различныхъ уѣздахъ. Волненія въ этихъ селеніяхъ распредѣляются такъ: въ 1861 г. волновалось 279 селеній въ 23-хъ губерніяхъ, въ 1862 г.—35—въ 7 губерніяхъ, въ 1863 г.—4 въ 3-хъ губ. и о волненіяхъ въ 10 селеніяхъ въ 6 губ. невозможно сказать, къ какому именно году они относятся [1]).

Главныя причины волненій указаннаго періода уже извѣстны изъ предыдущаго изложенія; волненія въ указанныхъ 328 селеніяхъ распредѣляются сообразно съ ними слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) При подсчетѣ зачислялись лишь тѣ селенія (село, деревня, имѣніе) о которыхъ имѣлись болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія: въ чемъ проявилось волненіе, какими причинами оно было вызвано, какими мѣрами прекращено; недостатокъ свѣдѣній по какому-либо одному изъ этихъ пунктовъ заставлялъ лишь отмѣчать относительно него—«неизвѣстно», но не исключать изъ счета, разъ имѣлись свѣдѣнія по другимъ пунктамъ. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ счетъ вошли свѣдѣнія только объ отдѣльныхъ имѣніяхъ; если же свѣдѣнія говорили неопредѣленно о волненіяхъ «въ сосѣднихъ имѣніяхъ», въ столькихъ то селеніяхъ тѣхъ или другихъ уѣздовъ или губерній въ общихъ чертахъ, безъ опредѣленія, что именно происходило въ каждомъ данномъ селеніи, то такія свѣдѣнія въ счетъ не вводились. Изъ такихъ пропущенныхъ свѣдѣній упомянемъ слѣдующія. Въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1861 г. сообщалось о волненіяхъ вообще въ 21 губерніи—волновались преимущественно отдѣльныя имѣнія; но нѣсколько смежныхъ имѣній волновались въ виленской, витебской и псковской (порховскій уѣздъ) губерніяхъ. Изъ другихъ свѣдѣній за 1861 г., не вошедшихъ въ счетъ, упомянемъ слѣдующія: 1) въ казанской губ. въ связи съ бездининскими событіями волновались селенія трехъ смежныхъ уѣздовъ, а также нѣкоторыя селенія симбирской и самарской губ.; 2) во владимірской губ. въ судогодскомъ уѣздѣ въ связи съ волненіемъ въ с. Святцы волновались «сосѣднія имѣнія»; 3) въ черниговской губ. въ нѣжинскомъ уѣздѣ въ связи съ с. Безугловкой волновались по тѣмъ же поводамъ и сосѣднія имѣнія; въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ въ связи съ волненіями въ с. Крепидовкѣ и Каменской слободѣ и 5-ю другими крупными имѣніями волновались имѣнія мелкопомѣстныхъ; 4) въ связи съ Кандеевкой пензенской губ. волновалось до 26 селъ чембарскаго и селенія керенскаго уѣздовъ пензенской губ. и моршанскаго уѣзда тамбовской губ.; 5) въ гродненской губ въ бѣлостокскомъ уѣздѣ волновались, кромѣ попавшихъ въ счетъ 2-хъ имѣній, еще «нѣсколько имѣній», отказываясь отъ всякихъ повинностей помѣщикамъ; наконецъ, 6) въ воронежской губ. въ бобровскомъ уѣздѣ въ 1861 г. происходило при губернаторѣ Д. Н. Толстомъ какое-то крупное волненіе, въ которомъ приняли участіе болѣе 10.000 чел.; по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя приводились въ предыдущемъ изложеніи, это волненіе есть ничто иное, какъ волненіе въ старой Тишанкѣ, Новой Чиглѣ и Курлакѣ, находившихся между собою въ связи. Изъ свѣдѣній о волненіяхъ въ 1862 г. пропущены слѣдующія: 1) въ саратовской губ. въ кузнецкомъ уѣздѣ въ связи съ волненіемъ въ с. Ключахъ и имѣніи Бѣлосельской-Бѣлозерской волновались «многія селенія»; подобныя же волненія были въ другихъ уѣздахъ; 2) въ курской губ. въ льговскомъ уѣздѣ волновались почти всѣ имѣнія; въ новооскольскомъ уѣздѣ той же губерніи въ связи съ волненіемъ въ сс. Анновкѣ и Ольшанкѣ по тѣмъ же причинамъ и въ тѣхъ же формахъ волновались окрестныя селенія.

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	Неизвѣстны годы.	Всего.
I. Недовольство всею реформою 1861 г. въ цѣломъ . .	192	26	2	8	228
II. Недов. частными сторонами Положенія 19 февр. .	43	—	—	1	44
III. Частныя причины и злоупотребленія Положеніемъ 19 февр. со стороны властей и помѣщиковъ . . .	9	6	—	5	20
IV. Неизвѣстны причины . . .	41	4	2	1	48

Кромѣ перечисленныхъ селеній, къ первой группѣ должны быть причислены слѣдующія волненія, не вошедшія въ подсчетъ: 1) при волненіи въ с. Безугловкѣ нѣжинскаго уѣзда черниговской губ. волновались по той же причинѣ сосѣднія имѣнія; 2) волненія почти въ 26 селахъ чембарскаго у. пензенской губ., въ селеніяхъ керенскаго у. той же губерніи и моршанскаго у. тамбовской губ. (въ связи съ Кандеевкой и Черногаемъ); 3) волненія въ 3-хъ смежныхъ у. казанской губ. и въ селеніяхъ самарской и симбирской губ. (въ связи съ Бездной); 4) волненія во многихъ селеніяхъ саратовской губ.; 5) волненія въ новооскольскомъ у. курской губ. (въ окрестныхъ селеніяхъ волновавшихся селъ Ольшанки и Анновки); 6) волненія почти во всѣхъ имѣніяхъ льговскаго у. курской губ. Относительно нѣкоторыхъ волненій, вошедшихъ въ подсчетъ, возможно детализировать причины. Какъ извѣстно, отрицательное отношеніе къ реформѣ 19 февраля 1861 г. проявлялось или въ формѣ неправильнаго толкованія манифеста и Положенія, или въ увѣренности въ ея немедленномъ наступленіи вообще, или въ ожиданіи „истинной воли въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Такъ, неправильное толкованіе манифеста и Положенія въ сторону „истинной воли“ послужило причиною волненій въ 25 селеніяхъ въ 1861 г. и въ 1-мъ селеніи – неизвѣстно въ которомъ году; сюда же относятся уже отмѣченныя волненія во многихъ селеніяхъ казанской, симбирской и самарской губерній; кромѣ того неправильное толкованіе манифеста и Положеній указывается „Сѣверною Пчелою“, какъ причина волненій въ 21 губерніи въ различныхъ селеніяхъ, причемъ волненія ограничивались большею частью отдѣльными имѣніями: по нѣсколько смежныхъ имѣній сразу волновались, согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, въ губерніяхъ витебской, виленской и псковской (порховскій уѣздъ).

Ожиданіе новой воли послужило причиною волненій, главнымъ образомъ, въ 1862 г., когда, какъ извѣстно, усиленно составлялись уставныя грамоты. Въ 1861 г. извѣстно лишь 8 селеній, волновавшихся изъ-за ожиданія новой воли. Въ 1862-мъ же году извѣстны волненія по этому поводу въ 21 селеніи, причемъ въ пяти срокъ „новой воли“ не опредѣлялся, а въ 14-ти опредѣленно ожидали „слушаго часа“; кромѣ 21 селенія по тому же поводу волновались „многія селенія“ въ кузнецкомъ и другихъ

уѣздахъ саратовской губ., окрестныя селенія селъ Анновки и Ольшанки въ новооскольскомъ уѣздѣ курской губ.; въ ожиданіи случнаго часа волновались почти всѣ имѣнія льговскаго уѣзда курской же губ. Въ 1863 г. изъ-за ожиданія „слушнаго часа" волновалось 2 селенія, и, неизвѣстно, въ какой именно годъ, были безпорядки въ 4-хъ имѣніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ срокъ новой воли не опредѣлялся, въ другихъ новая воля ожидалась въ случный часъ.

Недовольство частными сторонами реформы можно детализировать слѣдующимъ образомъ:

			1861—63 гг.
1. Недовольство		экономическою стороною реформы	25
а)	„	размѣрами надѣловъ	1
б)	„	барщиною или урочнымъ положеніемъ	18
в)	„	размѣрами оброковъ	1
г)	„	сохраненіемъ смѣшанной повинности въ теченіе 2 лѣтъ	7
д)	„	признаніемъ за помѣщиками права собственности на земли, купленныя бывш. крѣпостными на ихъ имя	1
2. Недовольство		правовою стороною реформы	1
а)	„	сохраненіемъ тѣлеснаго наказанія	1
3. Недовольство		административною стороною реформы	6
а)	„	стѣсненіемъ самоуправленія	6

Итакъ, даже на этихъ скудныхъ цифрахъ отразилось недовольство крестьянъ экономическою стороною реформы, а главнымъ образомъ барщиною или урочнымъ положеніемъ и сохраненіемъ смѣшанной повинности. Малый интересъ къ правовой сторонѣ реформы и довольно сильное желаніе немедленно воспользоваться независимымъ самоуправленіемъ.

Помимо селеній, попавшихъ въ подсчетъ, изъ-за сохранія барщины волновались во владимірской губ. (въ судогодскомъ уѣздѣ сосѣднія селенія села Святцы); кромѣ того въ ярославской губ., по указанію ген.-лейт. Дубельта, изъ 14 волненій, усмиренныхъ имъ, почти всѣ происходили въ селеніяхъ, состоявшихъ на смѣшанной повинности.

Частныя причины и злоупотребленія положеніемъ 19 февраля властями или помѣщиками, вызвавъ волненія, за 3 года въ отмѣченныхъ 20 имѣніяхъ состояли въ слѣдующемъ:

	1861—63 гг.
1. Экономическое разореніе крестьянъ въ крѣпостное время	1
2. Побои, нанесенные помѣщикомъ	2
3. Нежеланіе отводить землю дворовымъ и принимать ихъ въ свою среду	1
4. Присвоеніе помѣщикомъ хлѣба изъ запасного общественнаго магазина	1
5. Переселеніе на новыя мѣста	3
6. Недовольство условіями уставной грамоты	5
7. „ экономическими условіями и злоупотребленіями при введеніи реформы	2
8. Желаніе быть поссессіонными	1

9. Увѣренность крестьянъ въ въ томъ, что они вольны по завѣщанію помѣщика 1
10. Удаленіе одного крестьянина изъ имѣнія 1
11. Боязнь вновь подпасть подъ крѣпостное право 1

Любопытно, что даже въ этой ничтожной табличкѣ нашли мѣсто волненія, возникшія на почвѣ недовольства составленіемъ уставныхъ грамотъ, гдѣ, какъ извѣстно, зачастую бывало рыльце въ пушку и у помѣщиковъ, и у мировыхъ посредниковъ.

Волненія 1861—1863 гг., какъ и всегда, выражались въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ крестьянъ, нарушающихъ обычный укладъ ихъ жизни. Такъ, увѣренность въ наступленіи истинной воли (черезъ манифестъ и Положеніе или черезъ якобы скрываемый указъ о волѣ) проявлялась у нихъ въ такихъ дѣйствіяхъ:

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	Неизвѣст.	Всего.
Проведеніе воли въ жизнь . . .	42	3	1	4	50
А. Отказъ отъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній	39	1	1	4	45
1. Отъ повинностей вообще	32	2	1	3	38
2. Отъ барщины и вообще отъ работъ	11	—	—	1	12
3. Отъ платежа оброковъ .	1	—	—	—	1
4. Отъ повиновенія экономическимъ властямъ .	4	—	—	—	4

	1861—1863 гг.
Б. Экономическое устройство, согласно истинной волѣ	—
1. Дѣлежъ господскихъ лѣсовъ	2
2. „ „ хлѣба	1
3. „ „ земель	2
4. „ „ скота	1
В. Самоуправленіе	—
1. Выборъ новыхъ сельскихъ начальниковъ	5

Эти цифры, относящіяся всѣ, за исключеніемъ одного случая [1]), къ 1861 г., мало отражаютъ на себѣ дѣйствительный размѣръ охватившаго крестьянъ движенія. Такъ, отказъ отъ всѣхъ повинностей помѣщику замѣчался въ гродненской губ. въ бѣлостокскомъ уѣздѣ, кромѣ имѣнія Туроснъ, попавшаго въ подсчетъ, еще въ нѣсколькихъ имѣніяхъ; это же движеніе плюсъ смѣна сельскихъ властей наблюдалось, какъ массовое явленіе, въ пензенской губ. во многихъ селахъ (до 26 въ чембарскомъ уѣздѣ) чембарскаго и керенскаго уѣздовъ, въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губ.; наконецъ, отказъ отъ всякихъ крѣпостныхъ отношеній, выборъ новыхъ сельскихъ начальниковъ и мѣстами дѣлежъ земель, лѣсовъ (въ особенности), даже хлѣба наблюдались въ различныхъ селахъ казанской губ. трехъ уѣздовъ и отчасти въ самарской губ. Но какъ ни ничтожны собранныя свѣдѣнія, и на нихъ отразилось, что крестьяне проводили „волю“ въ жизнь,

[1]) Дѣлежъ земель отмѣченъ въ одномъ волненіи 1862 г.

такъ сказать, отрицательнымъ путемъ, уничтожая всякую тѣнь зависимости отъ помѣщиковъ. Дѣйствительно, изъ 50 селеній въ 45 крестьяне отказались отъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній вообще и въ 38 селеніяхъ опредѣленно отъ исполненія повинностей помѣщикамъ. Творческая же дѣятельность по существенному для крестьянъ вопросу—по земельному—проявлялась нерѣшительно, ибо крестьяне въ то время возлагали надежды на непосредственное распоряженіе царя по земельному вопросу и не рѣшались безъ опредѣленнаго велѣнія приступать практически къ его разрѣшенію своими силами: исключеніе изъ этого правила представляетъ, видимо, бездининское движеніе.

Собранныя въ данномъ очеркѣ свѣдѣнія о волненіяхъ по поводу ожиданій истинной воли, относились, главнымъ образомъ, къ 1862 г., когда усиленно составлялись уставныя грамоты въ виду необходимости закончить ихъ составленіе къ 19 февраля 1863 г. Наиболѣе частыми дѣйствіями, которыми сопровождались подобныя волненія, были слѣдующія:

	1861—63 гг.
1. Сохраненіе прежнихъ крѣпостныхъ отношеній (до слушнаго часа)	5
2. Отказъ пользоваться земельными надѣлами	11
3. Отказъ отъ уставныхъ грамотъ	21
а) отъ подписи уставныхъ грамотъ	2
б) „ принятія ихъ	5
в) требованіе возврата уже принятыхъ уставныхъ грамотъ	2
г) отказъ отъ исполненія работъ по уставнымъ грамотамъ	9

Изъ приведенной таблицы ясно видно, что ожиданіе „слушнаго часа“ обнаруживалось чаще всего при составленіи уставныхъ грамотъ, и что волненія въ такихъ случаяхъ выражались, главнымъ образомъ, въ отказѣ отъ нихъ: въ 21 селеніи, гдѣ наблюдалось ожиданіе новой воли, крестьяне отказались отъ уставныхъ грамотъ. Другимъ типичнымъ явленіемъ слѣдуетъ считать отказъ отъ пользованія земельными надѣлами въ виду ожиданія нарѣзки земли въ той или другой формѣ на выгодныхъ условіяхъ послѣ объявленія „чистой“ воли: это явленіе отмѣчено въ 11 селеніяхъ. Желаніе оставаться при прежнихъ крѣпостныхъ отношеніяхъ (на барщинѣ и т. д.) отмѣчено лишь въ 5 селеніяхъ, но такое ничтожное количество объясняется несомнѣнно неполнотою свѣдѣній о волненіяхъ. Разъ крестьяне отказывались отъ уставныхъ грамотъ и въ тоже время не проводили истинной воли въ жизнь, то уже apriori можно заключить, что въ такихъ селеніяхъ крестьяне желали взамѣнъ уставныхъ грамотъ оставаться на прежнемъ положеніи. Слѣдовательно, съ большою вѣроятностью въ первую рубрику можно занести и тѣ селенія, гдѣ крестьяне отказывались отъ уставныхъ грамотъ. Это соображеніе подтверждается и выше отмѣченными указаніями современниковъ, что ожиданіе „слушнаго часа“, „новой воли“ сопровождалось обыкно-

венно желаніемъ крестьянъ сохранить прежнія крѣпостныя повинности изъ боязни потерять права на будущія льготы.

Помимо отмѣченныхъ въ таблицѣ селеній, отказъ отъ уставныхъ грамотъ и отъ исполненія повинностей по нимъ замѣчался почти во всѣхъ имѣніяхъ льговскаго уѣзда курской губ. и въ окрестныхъ селеніяхъ волновавшагося по тому же поводу села Ольшанки новооскольскаго уѣзда той-же губерніи (1862 г.); отъ пользованія земельными надѣлами крестьяне отказывались въ томъ же новооскольскомъ уѣздѣ въ окрестностяхъ селъ Анновки и Ольшанки и во многихъ имѣніяхъ кузнецкаго и другихъ уѣздовъ саратовской губ.

Частныя измѣненія въ своемъ положеніи и другія дѣйствія, которыя производили крестьяне изъ за недовольства частными сторонами реформы или въ борьбѣ со злоупотребленіями помѣщиковъ или властей можно разнести по слѣдующимъ рубрикамъ:

	1861—63 гг
1. Отказъ отъ тяжелой барщины	16
2. „ „ высокаго оброка	3
3. „ „ смѣшанной повинности	20
4. „ „ невыгодныхъ уставныхъ грамотъ	9
5. „ „ обременительнаго урочнаго положенія	3
6. „ „ пользованія ничтожными надѣлами	1
7. „ выбирать должностныхъ лицъ	3
8. „ дать дворовымъ земли и усадьбы	1
9. „ отдать помѣщику хлѣбъ изъ общественнаго магазина	1
10. Отмѣна карауловъ на господскомъ дворѣ	1
11. Отказъ отъ повиновенія экономическимъ властямъ	10
12. „Непослушаніе“	3
13. Жалоба властямъ на дѣйствія вотчинныхъ властей	1
14. Неподчиненіе Положенію 19-го февраля	1
15. Отказъ отъ уплаты земскихъ повинностей	1
16. Поджоги	1
17. Насильственныя дѣйствія противъ экономическихъ властей	3
18. Отбитіе крестьянина, избиваемаго бариномъ	2

Кромѣ того, относительно 180 селеній совершенно неизвѣстно, въ какихъ дѣйствіяхъ проявлялось волненіе.

Изъ приведенныхъ таблицъ ясно обрисовывается мирный характеръ крестьянскаго движенія 1861—1863 гг. Въ чемъ въ сущности оно проявлялось? Отказъ отъ повинностей, самовольное распоряженіе помѣщичьимъ имуществомъ, неповиновеніе помѣщикамъ, самовольный выборъ должностныхъ лицъ и т. д.—все это по существу мирныя дѣйствія, хотя иногда чувствительно бьющія по карману помѣщика и составляющія прямое нарушеніе закона 19 февраля 1861 г. Затѣмъ уже идетъ буквально пассивное сопротивленіе въ видѣ сохраненія крѣпостныхъ отношеній и отказа отъ пользованія земельными надѣлами, тяжело отражавшіяся на самихъ крестьянахъ.

Насильственныя же дѣйствія удалось отмѣтить лишь въ 6 се.

леніяхъ, да и здѣсь въ 2-хъ случаяхъ крестьяне лишь защитили отъ разсвирѣпѣвшаго барина избиваемыхъ имъ крестьянъ, т. е. прекратили, хотя бы и силою, незаконныя дѣйствія помѣщиковъ.

Изъ предыдущаго изложенія извѣстно, что насильственныя дѣйствія, бурныя проявленія недовольства крестьянъ являлись уже отвѣтомъ на вмѣшательство властей въ дѣйствія крестьянъ, отвѣтомъ на попытки примѣнить къ нимъ болѣе или менѣе репрессивныя мѣры. Эти столкновенія съ правительственными властями проявлялись въ слѣдующихъ видахъ:

	1861—63 гг.
Столкновеній съ правительственными властями отмѣчено всего	29
Выражались они:	
1. Въ недовѣріи къ правительственной власти	5
2. „ отказѣ повиноваться ей	7
3. „ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ нея	4
4. „ оскорбленіи и угрозахъ властямъ	4
5. „ посылкѣ депутаціи къ государю помимо мѣстныхъ властей	3
6. „ столкновеніи съ войскомъ	13
7. „ освобожденіи арестованныхъ и наказываемыхъ	8
8. „ защитѣ коноводовъ, „подстрекателей“	7
9. „ бѣгствѣ изъ селъ отъ властей	3

Недовѣріе къ властямъ, неповиновеніе имъ наблюдалось, конечно, не только въ отмѣченныхъ селеніяхъ, ибо это было, напримѣръ, довольно характернымъ явленіемъ для всего кандеевскаго движенія, охватившаго, какъ извѣстно, 3 уѣзда пензенской губ. и 1 уѣздъ тамбовской.

Изъ приведенныхъ цифръ ясно видно, какъ незначительно было количество тѣхъ или другихъ столкновеній съ правительственными властями. Несмотря на неполноту матеріала, краткость свѣдѣній, приходится считаться и съ этими цифрами, ибо именно столкновенія съ властями рѣзче всего бросались въ глаза каждому официальному и частному наблюдателю и отмѣчались имъ прежде всего. Между тѣмъ изъ всѣхъ 828 селеній насильственныя дѣйствія, угрозы, оскорбленія властей встрѣтились лишь въ 8 селеніяхъ, отказъ отъ повиновенія имъ—въ 7 волненіяхъ, причемъ наибольшее количество случаевъ относится къ 1861 г. Это можно объяснить отчасти настроеніемъ самихъ властей въ 1861 г., ожидавшихъ, какъ извѣстно, бурныхъ волненій и склонныхъ поэтому въ каждомъ незначительномъ волненіи видѣть начало чуть не пугачевщины, а потому и обрушиваться на крестьянъ со всѣмъ арсеналомъ репрессій, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи, что въ свою очередь вызывало крестьянъ на соотвѣтствующій отвѣтъ. Съ другой стороны, и крестьяне, подъ вліяніемъ усмиреній 1861 г., стали покорнѣе, и скорѣе поддавались воздѣйствію властей; не забудемъ также, что въ это время всюду уже дѣйствовали мировыя учрежденія, волостное и сельское самоуправленіе, что содѣйствовало, какъ отмѣчалось выше, умиротворенію крестьянъ. Даже защита арестованныхъ, наказанныхъ, вожаковъ встрѣтилась

лишь въ 15 имѣніяхъ за всѣ 3 года, хотя, быть можетъ, эти случаи были часты, но не отмѣчались въ извѣстіяхъ о волненіяхъ. На это косвенно указываетъ тотъ фактъ, что изъ 29 имѣній, гдѣ отмѣчено было столкновеніе съ властями, въ 15-ти, т. е. въ большей половинѣ изъ нихъ, отмѣчена и защита участниковъ волненія отъ наказанія, ареста и т. под. мѣръ. Наконецъ, бѣгство изъ селеній, встрѣтившееся въ 3-хъ селеніяхъ въ 1862 г., принадлежитъ уже къ чисто пассивному сопротивленію правительственнымъ властямъ.

Какими же средствами усмирялись эти—по существу и въ общемъ—мирныя волненія крестьянъ? Собранныя свѣдѣнія по этому вопросу даютъ такую картину.

При волненіяхъ за 1861 по 1863 гг. примѣнялись для усмиренія крестьянъ слѣдующія мѣры:

	1861—63 гг.
1. Введеніе воинскихъ командъ	94
а) постой войскъ	14
б) дѣйствіе огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ.	10
2. Распоряженіе о введеніи воинскихъ командъ	10
3. Сѣченіе крестьянъ [1])	65
4. „Полицейскія мѣры“ [1])	4
5. Арестъ части крестьянъ или зачинщиковъ	12
6. Преданіе суду	24
7. Только убѣжденія [1])	29
8. Уступка требованіямъ крестьянъ	7
9. Обложеніе селенія враждебно настроенными татарами.	1
10. Опись недвижимаго имущества	1
11. Неопредѣленныя мѣры [1])	150
12. Неизвѣстныя мѣры	15

Въ 5 селеніяхъ на прекращеніе волненій повліяла вѣсть объ усмиреніи въ другихъ мѣстахъ, въ одномъ случаѣ—наступленіе 19 февраля 1863 г. (слушный часъ).

При просмотрѣ приведенной таблицы бросается въ глаза прежде всего большое количество селеній, куда вызывались воинскія команды. Изъ 328 селеній въ 94-хъ, т. е. почти въ треть селеній не могли иначе успокоить крестьянъ, какъ при помощи войскъ; если же исключить селенія, гдѣ мѣры наказанія неизвѣстны или неопредѣленны, то окажется, что къ содѣйствію войскъ прибѣгали

[1]) Въ рубрику „сѣченіе крестьянъ“ вошли собственно сѣченіе (также избіеніе шпицрутенами) и „полицейскія наказанія“, состоящія также большею частью изъ сѣченія. Въ рубрику „неопредѣленныя мѣры“ зачислены селенія, относительно которыхъ мѣры наказанія указаны вообще безъ отнесенія ихъ къ опредѣленному селенію: въ числѣ мѣръ упоминались въ такихъ случаяхъ введеніе воинской команды, сѣченія, убѣжденія, наказанія и аресты болѣе виновныхъ; въ эту же группу включены селенія съ неопредѣленными отмѣтками: „надлежащія мѣры“, „неизвѣстно“, «положили 40 человѣкъ» и т. под. Убѣжденія же примѣнялись всюду, почти при каждомъ волненіи при всѣхъ другихъ мѣрахъ, конечно, далеко не всегда въ дѣйствительномъ значеніи этого слова; въ рубрику же „только убѣжденія“ зачислены только тѣ селенія, гдѣ волненія прекращены были исключительно одними убѣжденіями безъ примѣненія какихъ-либо иныхъ мѣръ.

болѣе, чѣмъ въ половинѣ селеній (въ 94-хъ изъ 163-хъ). Не забудемъ, что кромѣ того въ 10 селеніяхъ были уже отданы распоряженія о введеніи воинскихъ командъ, и лишь благополучный исходъ волненій заставилъ вернуть ихъ обратно [1]). Это тѣмъ болѣе поражаетъ и характеризуетъ суровость отношенія къ крестьянскимъ волненіямъ, что и изъ предыдущаго изложенія, и изъ приведенныхъ таблицъ достаточно выяснился мирный характеръ крестьянскаго движенія въ эпоху съ 1861 по 1863 г. Сопоставленіе однѣхъ этихъ таблицъ ясно показываетъ, что на войска не скупились и вызывали ихъ по незначительнымъ поводамъ. Эти „введенія воинскихъ командъ" далеко не были пустою угрозою для крестьянъ, дефилированіемъ черезъ селеніе съ цѣлью устрашить ихъ. Конечно, иногда при одномъ видѣ солдатъ крестьяне выражали покорность, такъ что не приходилось примѣнять никакихъ другихъ мѣръ. Но чаще всего именно солдаты фигурировали въ качествѣ исполнителей при сѣченіяхъ, избіеніяхъ шпицрутенами, при арестахъ и т. под.

Изъ таблицы видно, что въ 10 селеніяхъ было пущено въ ходъ даже оружіе противъ крестьянъ; по офиціальнымъ свѣдѣніямъ только въ 6 имѣніяхъ было убито 67 человѣкъ, въ 4-хъ имѣніяхъ ранено 116 чел., относительно другихъ селеній точныхъ свѣдѣній о количествѣ жертвъ нѣтъ, относительно нѣкоторыхъ селеній сказано только „ранено нѣсколько" и т. д. Въ 14 селеніяхъ введеніе воинскихъ командъ сопровождалось оставленіемъ ихъ на постой, что для крестьянъ было зачастую разорительнѣе и тяжелѣе всѣхъ другихъ мѣръ воздѣйствія. Вспомнимъ жалобы крестьянъ на разорительность постоя, вспомнимъ покорность ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ при одной угрозѣ поставить солдатъ на постой. Изъ другихъ мѣръ бросается въ глаза щедрость на сѣченіе, произведенное въ 65 селеніяхъ, т. е. въ $^1/_5$ всѣхъ селеній, вошедшихъ въ подсчетъ, или болѣе чѣмъ въ $^1/_3$ селеній, относительно которыхъ болѣе или менѣе извѣстны мѣры усмиренія. Къ сожалѣнію, общаго количества наказанныхъ въ этихъ селеніяхъ вычислить нельзя за недостаткомъ и неполнотою свѣдѣній. Удалось лишь подсчитать, что только въ 20 изъ этихъ селеній высѣчено розгами 296 человѣкъ, а въ 5 наказано шпицрутенами (по суду)—112 человѣкъ; между тѣмъ въ свѣдѣніяхъ о волненіяхъ попадаются указанія на поголовное сѣченіе крестьянъ въ томъ или другомъ селеніи или на сѣченіе большей части жителей. Такимъ образомъ, при общемъ подсчетѣ, когда будутъ изучены волненія этой эпохи, количество наказанныхъ во всѣхъ волновавшихся селеніяхъ должно возрости до очень внушительныхъ размѣровъ. А между тѣмъ одинъ тотъ фактъ, что изъ 163 селеній, относительно которыхъ болѣе или менѣе извѣстны мѣры усмиренія, только въ описаніи волненій въ 24-хъ селеніяхъ попались указанія на преданіе крестьянъ суду, — показываетъ, что волненія были незначительны даже въ

[1]) Впрочемъ, сюда же отнесены 2 селенія, куда были посланы воинскія команды, но чѣмъ кончились волненія—неизвѣстно.

главахъ самихъ усмирителей. Количество преданныхъ суду было велико лишь въ кандеевскомъ движенiи, гдѣ Дренякинъ, на основанiи высочайшаго повелѣнiя, судилъ немедленно всѣхъ; по его офицiальному сообщенiю имъ было наказано 172 чел. изъ 26 селъ и деревень. Въ другихъ же имѣнiяхъ предавались суду въ большинствѣ случаевъ лишь зачинщики, и число ихъ было невелико. Не считая селенiй, принимавшихъ участiе въ кандеевскомъ движенiи и, слѣдовательно, подпавшихъ расправѣ Дренякина, укажемъ, что въ 12 селенiяхъ, въ свѣдѣнiяхъ о которыхъ есть указанiя на количество преданныхъ суду, таковыхъ насчитано 94 человѣка. Лишь въ свѣдѣнiяхъ о 12 селенiяхъ упомянуто объ арестѣ зачинщиковъ.

Сравнительно же незначительное количество случаевъ, гдѣ волненiя прекращены были лишь силою убѣжденiя, объясняется нестолько упорствомъ крестьянъ, сколько неумѣнiемъ властей разъяснить имъ ихъ положенiе и законъ, зачастую ихъ собственнымъ незнанiемъ послѣдняго, а затѣмъ, главное отношенiемъ къ крестьянамъ, какъ къ стаду, на которое нужно дѣйствовать кнутомъ и плетью, а не словами; большое значенiе имѣлъ и отмѣченный страхъ передъ „пугачевщиной", заставлявшiй власти при усмиренiи изъ мухи дѣлать слона и примѣнять розги, пули и шпицрутены тамъ, гдѣ достаточно было бы простыхъ разъясненiй.

Можно сказать, что именно изъ-за подобнаго отношенiя власти къ крестьянамъ и волненiямъ среди нихъ было пролито столько крови, перенесено столько физическихъ и иныхъ страданiй, искалѣчено и разорено столько людей, сколько пришлось перенести крестьянамъ въ тяжелую для нихъ переходную эпоху 1861—1863 гг.

XIII

Бросая общiй взглядъ на крестьянское движенiе 1861—1863 гг. въ его цѣломъ, приходится констатировать еще и еще разъ, что по тѣмъ свѣдѣнiямъ, какiя имѣлись въ распоряженiи составителя очерка—оно было разрозненно по выступленiямъ крестьянъ, мирнаго по формамъ, и не представляло опасности для „общественнаго порядка и спокойствiя" ни упорствомъ сопротивленiя, ни стойкостью крестьянъ, если не говорить о единичныхъ исключенiяхъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ были элементы, внушавшiе опасенiя какъ правительству, такъ и экономически господствовавшимъ классамъ, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, землевладѣльческому, что въ то время было почти синонимомъ дворянскаго сословiя. Все движенiе объединено общимъ недовольствомъ крестьянъ реформою 19 февраля 1861 г.; красною нитью почти черезъ всѣ волненiя проходитъ противоположенiе „казенной воли" и „воли крестьянской". И эта то „воля крестьянская", содержанiе которой въ многихъ отношенiяхъ шла въ разрѣзъ съ содержанiемъ воли, данной крестьянамъ Императоромъ Александромъ II тревожила правительство и дворянство, чуявшихъ, что настроенiе и взгляды кре-

стьянъ, въ развитомъ видѣ и перешедшія въ дѣйствія, заключаютъ въ себѣ гибель того и другого. Такъ какъ противорѣчіе между „волею казенною“ и „волею крестьянскою“ составляетъ главную причину почти всего движенія 1861—1863 гг., а содержаніе послѣдней имѣетъ общественное значеніе, то нельзя отказаться отъ попытки собрать въ одно цѣлое штрихи, рисующіе намъ эту „крестьянскую волю“, хотя бы на основаніи ничтожнаго матеріала даннаго очерка. Приходится заранѣе оговориться, что возсоздать пониманіе крестьянами „воли“ во всемъ его объемѣ—невозможно, какъ изъ-за малаго количества свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ и ихъ краткости, такъ, главное, изъ-за самого характера источниковъ: это большею частью офиціальныя донесенія, воспоминанія самихъ усмирителей волненій или въ лучшемъ случаѣ стороннихъ крестьянамъ людей, склонныхъ опредѣлять взгляды крестьянъ, какъ „нелѣпые толки“, „превратныя толкованія“ и т. д. Такихъ внимательныхъ наблюдателей, какъ Крыловъ, было мало; для возсозданія пониманія крестьянами „воли“ нужны были бы воспоминанія самихъ участниковъ движенія, крестьянъ, которые во время самаго движенія естественно скрывали свои истинные взгляды отъ баръ и чиновниковъ, справедливо опасаясь отвѣтственности. И тѣмъ не менѣе, повторяемъ, нельзя отказаться отъ попытки подвести итоги имѣющимся даннымъ. Незначительность ихъ явствуетъ прежде всего изъ того, что совершенно неизвѣстны толки крестьянъ въ 235 селеніяхъ изъ тѣхъ 328, о которыхъ имѣются свѣдѣнія; иначе говоря, въ томъ или другомъ объемѣ извѣстны хотя бы отдѣльные штрихи „крестьянской воли“ только среди крестьянъ 94-хъ селеній. Эти свѣдѣнія группируются слѣдующимъ образомъ:

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	Неизвѣст.	Всего.
Отношеніе къ помѣщику.					
1. Отмѣна всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику	33	18	2	1	54
а) немедленно	33	3	—	1	37
б) съ выходомъ „царской воли“ (безъ опредѣленія срока)	—	2	—	—	2
в) послѣ „слушнаго часа“.	—	13	2	—	15
2. Отмѣна барщины	3	—	—	2	5
3. Отмѣна смѣшанной повинности	14	—	—	—	14
Экономическій бытъ крестьянъ.					
1. Переходъ господскихъ земель къ крестьянамъ	8	6	—	—	14
2. Переходъ господскихъ лѣсовъ къ крестьянамъ	2	—	—	—	2
3. Переходъ господскаго имущества (скота, хлѣба, усадьбы и пр.) къ крестьянамъ . .	3	—	—	—	3

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	Неизвѣст.	Всего.
4. Надѣленіе заново казенными землями или безъ яснаго обозначенія источника, откуда должны взять земли . .	—	7	—	1	8
5. Надѣленіе крестьянъ скотомъ	—	1	—	—	1
Административное устройство.					
1. Свободный выборъ сельскихъ властей	6	—	—	—	6
Правовое устройство.					
1. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.	—	—	—	1	1

Итакъ, чаще всего попадаются свѣдѣнія объ отрицаніи крестьянами всякихъ крѣпостныхъ отношеній и очень мало данныхъ о представленіяхъ крестьянъ объ ихъ экономическомъ устройствѣ административномъ и правовомъ. Что касается вопроса объ отношеніи къ помѣщику, то большее количество свѣдѣній о немъ зависитъ прежде всего отъ характера матеріала, ибо авторы воспоминаній, донесеній и пр., видя главное содержаніе реформы 19 февраля 1861 г. въ отмѣнѣ крѣпостного права помѣщиковъ, чаще всего останавливали свое вниманіе именно на вопросѣ объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, рѣже на взглядахъ крестьянъ на другія стороны новаго устройства своего быта; съ другой стороны, и сами крестьяне смѣлѣе и чаще заявляли это требованіе, справедливо видя въ уничтоженіи всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ conditio sine qua non отмѣны крѣпостного права. Административной же и правовой стороной своего новаго устройства крестьяне интересовались сравнительно меньше, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется ничтожное количество свѣдѣній объ этой части воззрѣній крестьянъ. Вопросъ же объ экономическомъ устройствѣ, а главнымъ образомъ земельный вопросъ, какъ извѣстно изъ предыдущаго изложенія, глубоко занималъ крестьянъ, и въ немъ они видѣли сущность, главное содержаніе реформы 19 февраля.

Вспомнимъ замѣчаніе мурасинскихъ крестьянъ (спасскаго уѣзда казанской губ.), что садовникъ „пустяки имъ вычитываетъ, а главное, кому земля, кому лѣса и т. д., скрываетъ"; „пустяками", какъ извѣстно, они называли различныя статьи Положенія 19 го февраля, которыми имъ давались льготы по отбыванію повинностей, увеличивались личныя права и т. д. Незначительность же свѣдѣній о взглядахъ крестьянъ на должное экономическое устройство объясняется, вѣроятно, отчасти тѣмъ, что именно эта часть воззрѣній крестьянъ получала въ устахъ современниковъ, даже расположенныхъ къ крестьянамъ, эпитеты „нелѣпыхъ взглядовъ", „несбыточныхъ надеждъ" и т. под., безъ дальнѣйшей детализаціи ихъ содержанія; а, во-вторыхъ, и сами крестьяне, какъ указывалось, чаще всего склонны были умалчивать объ этихъ своихъ взглядахъ, боясь отвѣтственности. На самомъ дѣлѣ даже по тѣмъ

матеріаламъ, какіе послужили для даннаго очерка, многіе изъ отмѣченныхъ въ таблицѣ взглядовъ имѣли значительно большее распространеніе въ различныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ-то показываетъ приведенное количество селеній. Въ безднинскомъ движеніи, охватившемъ, какъ извѣстно, 3 уѣзда казанской губ., отчасти симбирскую и самарскую губ., въ волнующихся селеніяхъ вообще циркулировали усиленные толки, что съ наступленіемъ „воли" отмѣняются всѣ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, всѣ господскія земли, лѣса переходятъ крестьянамъ; мѣстами встрѣчалъ большое сочувствіе взглядъ, что и господское имущество (хлѣбъ, усадьбы, скотъ) также должны перейти къ крестьянамъ.

Въ кандеевскомъ движеніи, охватившемъ многія села керенскаго и чембарскаго уѣздовъ пензенской губ. и моршанскаго уѣзда тамбовской губ., среди крестьянъ толковали, что при волѣ немедленно отмѣняются всѣ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и всѣ господскія земли и даже остальное имущество (скотъ) должны перейти крестьянамъ. Взглядъ, что всѣ крѣпостныя отношенія отмѣняются съ выходомъ истинной воли и всѣ земли перейдутъ въ руки крестьянъ, циркулировалъ почти во всѣхъ имѣніяхъ льговскаго уѣзда курской губ.; тотъ же взглядъ на отмѣну обязательныхъ отношеній и увѣренность, что черезъ 2 года послѣ 19 февраля 1861 будетъ получена земля отъ царя былъ воспринятъ крестьянами въ новооскольскомъ уѣздѣ той же губерніи въ имѣніяхъ, сосѣднихъ съ селами Ольшанкой и Анновкой, попавшими въ подсчетъ.

Отмѣна обязательныхъ отношеній считалась неразрывной съ волей во многихъ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда черниговской губ. (кромѣ 8 селъ, занесенныхъ въ таблицу) и въ сосѣднихъ имѣніяхъ занесеннаго села Безугловки нѣжинскаго уѣзда той же губерніи. Наконецъ, неизбѣжность перехода всѣхъ господскихъ земель въ руки крестьянъ признавалась во многихъ селахъ саратовской губ. въ уѣздахъ кузнецкомъ, камышинскомъ и другихъ.

Итакъ, въ чемъ же заключалась „крестьянская воля"? Это была, какъ видно, главнымъ образомъ и прежде всего отмѣна всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ. По пониманію крестьянъ, очевидно, они должны были стать совершенно независимыми отъ нихъ, не быть обязанными повиноваться имъ въ какомъ бы то ни было видѣ, не говоря уже о невозможности при „волѣ"—съ точки зрѣнія крестьянъ—сохранять обязательныя работы, въ видѣ ли барщины или урочнаго положенія, или обязать ихъ неизбѣжными платежами оброковъ и т. д. Эта часть міровоззрѣнія крестьянъ ясна сама по себѣ и можетъ быть формулирована, какъ полное и безусловное отрицаніе срочно-обязаннаго періода. На этомъ требованіи крестьяне сходились не только со всею интеллигенціею. но и со значительною частью дворянства. Далѣе возникаетъ вопросъ, какъ обезпечить крестьянъ въ ихъ существованіи? Правительство разрѣшило его путемъ установленія

срочно-обязаннаго періода; какъ выходъ изъ обязательныхъ отношеній предлагало выкупъ помѣщичьей земли крестьянами по обоюдному соглашенію крестьянъ съ помѣщикомъ или по требованію послѣдняго; другимъ выходомъ было полученіе нищенскихъ надѣловъ. Дворянство въ значительной своей части, какъ извѣстно, считало желательнымъ обязательный выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ при маломъ размѣрѣ ихъ и высокой оцѣнкѣ земли. Крестьяне, видимо, разрѣшали выставленный вопросъ несравненно радикальнѣе. Не имѣя возможности судить, изъ-за недостатка матеріаловъ, было ли это общимъ мнѣніемъ тогдашняго крестьянства, мы видимъ все же изъ приведенныхъ свѣдѣній, что часть крестьянъ считала необходимымъ переходъ всѣхъ помѣщичьихъ земель (въ томъ числѣ и лѣсовъ) въ руки крестьянъ.

Въ 14 селеніяхъ, какъ видно изъ таблицы, крестьяне держались именно такого взгляда. Вспомните также кличъ кандеевскаго движенія: „земля вся наша!“ Вспомните взгляды крестьянъ, проявившіеся въ бездининскомъ движеніи, вспомните факты изъ волненій саратовской губ., курской. Наконецъ, возстановите въ памяти легенду, взволновавшую крестьянъ слободы Борисовки съ хуторами (б. гр. Шереметева) грайворонскаго уѣзда, курской губ. „Идетъ царь Михаилъ, — разсказывалъ крестьянамъ нѣкій странникъ,—и хочетъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ“. И показывалъ будто бы странникъ крестьянамъ золотую книгу, а въ этой книгѣ было сказано, „что всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего“ [1]). Тамъ же, лишь въ сосѣднемъ селѣ Красный Кутокъ, двое крестьянъ говорили другимъ, „что по положенію нужно у помѣщиковъ отнять всю землю въ пользу крестьянъ“ [2]). Носовичъ указываетъ почти то же самое относительно взглядовъ крестьянъ новгородской губерніи. Онъ говоритъ, что „часто слышитъ отъ крестьянъ: что не можетъ быть, чтобы поземельный надѣлъ ихъ остался въ томъ видѣ, какъ онъ сдѣланъ землемѣромъ на основаніи уставныхъ грамотъ“. Это говорятъ даже крестьяне, выкупающіе въ собственность свой надѣлъ; они увѣрены, что царь подѣлитъ современемъ и остальную помѣщичью землю, а помѣщикамъ будетъ выдавать жалованье“... и что „земля не можетъ составлять частной собственности отдѣльнаго лица, т. е. помѣщика, но должна принадлежать всѣмъ, міру, т. е. крестьянамъ“ [3]). Корниловъ указываетъ, что въ калужской губ. многіе крестьяне были убѣждены, что имъ отдадутъ и ту землю, которая входила въ составъ помѣщичьей запашки [4]).

---

[1]) Н. Добротворскій. „Крестьянскія движенія въ Грайворонскомъ уѣздѣ Курской губ. въ 1861—1862 гг.“. „Кіевская Старина“, 1887 г., № 4, стр. 671—672.

[2]) Ibid., стр. 677.

[3]) Носовичъ, Записки, стр. 109.

[4]) Корниловъ. «Крестьянская реформа въ Калужской губ.», стр. 139, Спб. 1904 г.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне считали, что вообще имущество помѣщиковъ должно было перейти въ руки крестьянъ, причемъ свои права на имѣвшійся въ запасѣ помѣщичій хлѣбъ, на скотъ, усадьбы основывали на увѣренности, что воля вышла значительно раньше 1861 года и, слѣдовательно, хлѣбъ, скотъ, усадьбы должны отойти къ крестьянамъ, какъ вознагражденіе за даровой трудъ, которымъ незаконно пользовались помѣщики съ момента выхода воли. Вспомнимъ просьбу крестьянъ, обращенную къ Якушкину, указать имъ то мѣсто въ манифестѣ, гдѣ говорится, что „всѣ сады, всѣ амбары господскіе имъ слѣдуютъ" [1]). Вспомнимъ указаніе Крылова, что въ спасскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ „въ народѣ появились толки.. о правахъ собственности крестьянъ на всѣ земли и лѣса, о правѣ ихъ на запасные хлѣбные магазины, на раздѣлъ господскихъ выпусковъ и выгоновъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже на раздѣлъ хлѣба въ господскихъ амбарахъ" [2]). Въ другихъ мѣстахъ крестьяне, какъ видно изъ таблицы, ожидали надѣленія казенными землями или, вообще считая неизбѣжнымъ отводъ имъ земли въ вполнѣ достаточномъ количествѣ, оставляли открытымъ вопросъ объ источникѣ, откуда должны взяться эти земли. Въ ирбитскомъ уѣздѣ пермской губ., напримѣръ, въ деревняхъ циркулировалъ слухъ, что „царь надѣлитъ крестьянъ отдѣльно отъ помѣщиковъ и дастъ имъ земли столько, сколько кто пожелаетъ" [3]). Въ с. Анновкѣ, новооскольскаго уѣзда курской губ., крестьяне, признавая надѣльныя земли помѣщичьей землей, говорили: „эта земля помѣщичья, пускай она за помѣщикомъ остается", и просили показать имъ землю, „что царь имъ пожаловалъ" [4]). Въ с. Ивановскомъ, ирбитскаго уѣзда, пермской губ., во время волненія проявился любопытный взглядъ крестьянъ, что правительство, надѣляя ихъ землею, должно снабдить и необходимымъ орудіемъ производства, какимъ является въ земледѣліи скотъ.

Переходъ всей помѣщичьей земли въ руки крестьянъ поднимаетъ другой вопросъ, на какихъ началахъ должно это произойти. На этотъ вопросъ почти невозможно отвѣтить на основаніи имѣющихся матеріаловъ. Повидимому, крестьяне считали, что бывшіе крѣпостные того или другого помѣщика должны получить всѣ земли своего бывшаго господина на правѣ распоряженія землею міромъ, гдѣ было общинное землевладѣніе, или равнаго справедливаго дѣлежа полученной земли тамъ, гдѣ было частное землевладѣніе. Лѣсъ они дѣлили, по имѣющимся свѣдѣніямъ, по жребію. Въ селѣ Кокрятахъ, какъ извѣстно, крестьяне рѣшили сначала обмолотить

---

[1]) Якушкинъ. Великъ Богъ земли русской. Собр. сочиненій. Изд. Суворина, стр. 22.

[2]) Крыловъ. Воспоминанія... „Русск. Старина", 1892 г., № 4, стр. 87.

[3]) „Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій". „Историч. Вѣстникъ", 1884 г., № 6, стр. 694.

[4]) Танковъ. Крестьянскія волненія Курской губ. въ 1862 г. „Истор. Вѣстникъ", 1890 г., № 8, стр. 364, 365.

хлѣбъ общими силами, міромъ, а затѣмъ раздѣлить поровну между собою. Казна должна была дать, по мнѣнію крестьянъ, ровные надѣлы, но какъ, по наличнымъ ли душамъ, ревизскимъ, рабочимъ или какъ-либо иначе—неизвѣстно. Вообще нужно отмѣтить, что крестьяне, повидимому, предоставляли иниціативу въ разрѣшеніи земельнаго вопроса правительству, ожидая отъ царя указа о землѣ, и, конечно, въ этомъ указѣ должны были быть опредѣлены формы землевладѣнія и пользованія землею. Во всякомъ случаѣ приходится повторить, что по недостатку матеріаловъ невозможно дать хотя бы болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на выставленный вопросъ.

Отчужденіе всѣхъ помѣщичьихъ земель поднимаетъ вопросъ, безвозмездно или за вознагражденіе должно произойти оно. Крестьяне разрѣшали его, повидимому, различно. Въ трехъ селеніяхъ, изъ тѣхъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія по этому вопросу, крестьяне считали, что земли должны отойти къ нимъ совершенно безплатно; въ 5 селеніяхъ крестьяне ожидали какого-то царскаго выкупа, вѣроятно предоставляя правительству уплачивать помѣщикамъ безъ всякихъ прямыхъ затратъ на это со своей стороны; въ 2-хъ изъ этихъ селеній крестьяне говорили опредѣленно, что правительство должно уплатить помѣщикамъ все сполна, а крестьяне должны уплачивать ему по частямъ, т. е. признавали тотъ же выкупъ по Положенію 19 февраля, но въ измѣненномъ видѣ, болѣе льготномъ для себя [1]) Якушкинъ сообщаетъ любопытный взглядъ крестьянъ въ орловской губ., что каждый трудящійся имѣетъ право безплатнаго пользованія землею, нетрудящійся — долженъ покупать ее. „Хочешь пахать землю, говорили крестьяне Якушкину, толкуя манифестъ по своему,—бери землю, а не хочешь—покупай“. Отрицаніе ими выкупа земли отразилось въ толкованіи манифеста въ томъ смыслѣ, что для „свободнаго труда“ никакихъ выкуповъ или другихъ условій не требуется. „Сказано, говорили они, перекрестись и только!—тамъ, значитъ, и пошелъ сейчасъ свободный трудъ!“ [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне признавали, что они могутъ платить за землю только правительству, но не частнымъ лицамъ. „Хоть вѣшай насъ, говорили они во время кандеевскаго движенія, а какой слѣдуетъ оброкъ за землю, мы заплатимъ не помѣщику, а самому государю“ [3]). Льговскій исправникъ (курской губ.) доносилъ губернатору, что во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне увѣрены, что черезъ 2 года (послѣ 1861 г.) „земля имъ будетъ дана даромъ“ [4]). Тоже относительно льговскаго уѣзда подтвер-

---

[1]) Волненіе въ с. Дунайкѣ грайворонскаго уѣзда курской губ. (Танковъ, Крестьянскія волненія въ 1862 г. „Историч. Вѣстникъ“ 1890 г., № 8, стр. 349).

[2]) Якушкинъ. Великъ Богъ земли русской, стр. 23--25.

[3]) Дубасовъ. Очерки изъ ист. тамбовскаго края, вып. 2-ой, стр. 143.

[4]) Танковъ. Крестьянскія волненія. Историч. Вѣстн. 1890 г., № 8, стр. 359.

ждается мѣстными мировыми посредниками, которые уже опредѣленно говорятъ, что крестьяне увѣрены въ передачѣ имъ *всей* земли безъ всякаго вознагражденія въ пользу помѣщика" [1]). Кн. В. А. Черкасскій (помѣщикъ тульской губ.) замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что „у многихъ крестьянъ смутно бродитъ мысль, что они имѣютъ быть освобождены отъ всякой повинности". Ю. Ф. Самаринъ признавалъ тоже, что народъ „въ состояніи покориться закону и отбывать повинность, но внутренно про себя онъ убѣжденъ, что уже *выслужилъ* землю у господъ", что при истинной волѣ онъ долженъ „даровую выслуженную землю". Въ калужской губ. было распространено посреди крестьянъ мнѣніе, что земля несомнѣнно останется у нихъ безвозмездно.

Разъ всѣ земли должны были перейти въ руки крестьянъ, да еще, по взглядамъ хотя бы части крестьянъ, безплатно, то какова же должна была быть дальнѣйшая судьба ихъ прежнихъ господъ? Въ собранныхъ свѣдѣніяхъ есть отвѣты на этотъ вопросъ. Не будемъ говорить объ угрозахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) уничтожить дворянъ: эти угрозы могли быть результатомъ возбужденія во время самаго волненія. У крестьянъ можно было встрѣтить и другое разрѣшеніе этого вопроса. Они находили, что помѣщикамъ нечего дѣлать въ своихъ имѣніяхъ, что они должны снискивать себѣ пропитаніе службою и т. под. занятіями или перейти на „царское иждивеніе", какъ выражались они. Такъ Носовичъ отмѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ", что крестьяне въ его мѣстности (демянскій уѣздъ новгородской губ.) считаютъ, что съ уничтоженіемъ барщины, благодаря которой земля дворянъ была производительной, „помѣщикамъ не для чего и имѣть землю..., что истинное назначеніе дворянъ—это не быть землевладѣльцемъ, а чиновникомъ, и что царь, отнявъ у помѣщиковъ землю, дастъ имъ за это жалованье и служебныя новыя мѣста" [3]). Н. Семеновъ то же отмѣчаетъ относительно рязанской губ., гдѣ онъ, будучи въ своемъ имѣніи раненбургскаго уѣзда, имѣлъ любопытный разговоръ съ однимъ крестьяниномъ. Этотъ крестьянинъ, высказавъ положительную увѣренность, что съ выходомъ „большой" воли (Положеніе 19 февраля онъ называлъ „малой" волей) крестьянамъ „отдадутъ всю землю, которая осталась у помѣщиковъ, со всѣми ихъ усадьбами, полагалъ, согласно циркулировавшимъ слухамъ, что „государь приметъ ихъ (дворянъ) на свое иждивеніе" [4]). Демертъ, передавая рядъ народныхъ толковъ въ Москвѣ по по-

---

[1]) Ibid, стр. 378.

[2]) Вспомнимъ село Кокряти въ безднинскомъ движеніи (Страничка изъ исторіи освоб. кр. «Русск. Старина» 1904 г., № 5, стр. 451, 452—453) и крестьянъ, шедшихъ изъ с. Поимъ во время кандеевскаго движенія (Худековъ).

[3]) Носовичъ. „Записки", стр. 110.

[4]) Записка Корибутъ-Дашкевича. Предисловіе Селинова. «Русскій Архивъ», 1874 г., № 8, стр. 445.

воду объявленія манифеста, отмѣчаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ, что „2 года даны помѣщикамъ на размышленіе, чтобы, значитъ, они успѣли приготовиться къ отъѣзду изъ своихъ деревень, потому что черезъ 2 года въ деревняхъ останутся мужики..., а господъ всѣхъ разселятъ по городамъ: въ деревняхъ-де вамъ совсѣмъ нечего дѣлать“ [1]). Въ калужской губ., какъ указываетъ Корниловъ, многіе крестьяне, считая, что къ нимъ перейдетъ и господская запашка, полагали, что „помѣщикамъ царь опредѣлитъ жалованье—„мѣсячину“ [2]).

На этомъ приходится остановиться. Взгляды крестьянъ на устройство другихъ сторонъ своего быта невозможно характеризовать хотя бы въ краткихъ и неполныхъ чертахъ. Можно указать лишь на тотъ фактъ, указанный раньше, что мѣстами крестьяне настаивали на своемъ правѣ, какъ вольныхъ людей, свободно выбирать сельскія власти. Это явленіе отмѣчено въ 6 селеніяхъ. Наконецъ, извѣстно, что въ одной мѣстности (калужская губ., тарусскій уѣздъ) проявился взглядъ крестьянъ, что тѣлесное наказаніе при волѣ должно быть отмѣнено. Такимъ образомъ, и въ этихъ 2-хъ пунктахъ по крайней мѣрѣ часть крестьянъ по своимъ взглядамъ ушла значительно впередъ Положенія 19 февраля 1861 г.

Вотъ и все, что можно сказать о содержаніи „воли“ въ пониманіи крестьянъ на основаніи собраннаго матеріала. Нельзя не признаться, что характеристика болѣе, чѣмъ скудна, и это, думается, нужно отнести, главнымъ образомъ, къ качеству и количеству свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ эпохи 1861—1863 гг., а не къ отсутствію работы мысли и отвѣтовъ крестьянъ на существеннѣйшіе вопросы объ устройствѣ соціальнаго, въ частности, экономическаго быта. Даже данная скудная характеристика показываетъ, что крестьянская мысль упорно работала надъ соціальными вопросами и рѣшала ихъ несравненно радикальнѣе не только правительства Александра II, но даже значительной части интеллигенціи. Конечно, эти рѣшенія не могли служить планами соціальнаго преобразованія, ибо крестьяне лишь грубо, въ общихъ чертахъ, чисто интуитивно намѣчали, какъ и въ чемъ должно выразиться правильное соціальное устройство, при какихъ измѣненіяхъ имъ, наконецъ, будетъ на Руси житься хорошо. Это были лишь неразвитые, неоформенные зачатки будущихъ плановъ „крестьнскихъ реформъ“, вырисовывающіеся во всемъ своемъ объемѣ лишь въ настоящее время. Для того, чтобы мечтанія крестьянъ о „волѣ“ преобразились въ ясно формулированный, расчлененный и прочно обоснованный планъ радикальнаго переустройства всего политическаго и соціальнаго уклада русской жизни, нужно было, чтобы крестьянская мысль соединилась съ

---

[1]) Демертъ „Новая воля“. Отеч. Зап. 1869 г., № 9, стр. 5.
[2]) Корниловъ „Крестьянская реформа въ калужской губерніи“, стр. 139.

мыслью соціалистической интеллигенціи, слилась съ нею въ одно стройное, единое цѣлое.

Гигантская работа потребовалась со стороны послѣдней, чтобы разрушить вѣковое недовѣріе крестьянъ ко всему, что исходитъ сверху, со стороны, не изъ ихъ среды, „отъ баръ“, чтобы постепенно сливаться съ нимъ и перерабатывать крестьянское міросозерцаніе въ горнилѣ соціалистической мысли. Въ эпоху 1861—63 гг. были лишь слабыя попытки приблизиться къ крестьянамъ. Любопытно, что уже въ 1861 г. въ черниговской губ., напримѣръ, были въ ходу между крестьянами копіи прокламацій, экземпляры „крещеной собственности“ Герцена и нѣкоторыхъ его произведеній [1]). Какъ, ни трудна была эта работа интеллигенціи, начавшаяся

---

[1]) Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. 18, стр. 78. Во всякомъ случаѣ, попытки пропаганды въ народѣ въ началѣ 60-хъ гг. были очень незначительны. Л. Ф. Пантелѣевъ сообщаетъ въ видѣ слуха, что Зайчневскій (членъ кружка, выпустившаго прокламацію „Молодая Россія“) былъ арестованъ за попытку возмутить крестьянъ въ имѣніи своего отца. („Изъ воспоминаній прошлаго“, стр. 268). Тайное общество „Земля и Воля“ (1862—1863 г.) врядъ ли занималось пропагандою среди крестьянъ или рабочихъ. По крайней мѣрѣ относительно петербургскаго комитета „Земли и Воли“ Л. Ф. Пантелѣевъ (членъ комитета) категорически это отрицаетъ. „Не разъ, говоритъ онъ, поднимались разговоры о необходимости прямой пропаганды въ народѣ, но это представлялось возможнымъ лишь въ нѣкоторомъ будущемъ и даже довольно неопредѣленномъ; изъ наличнаго состава „Земли и Воли“ рѣшительно не на комъ было остановиться для дѣятельности въ этомъ направленіи. Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду петербурскихъ членовъ, такъ какъ о провинціальныхъ комитетахъ не имѣлъ никакого понятія,—зналъ только фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москвѣ, Н. Новгородѣ, Саратовѣ“. (Изъ воспом. пр., стр. 293). Флеровскій (В. В. Берви) говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о довольно успѣшной пропагандѣ астраханскаго революціоннаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ, среди садоводовъ (бывш. крѣпостныхъ) и рыбопромышленныхъ рабочихъ въ 1862—63 гг. Благодаря вліянію этого же кружка, въ одномъ крестьянскомъ волненіи въ астраханской губ. дѣло кончилось благополучно для крестьянъ, безъ примѣненія суровыхъ репрессій, которыя готовъ былъ принять губернаторъ. (Флеровскій. „Три политическихъ системы“, стр. 169—171). Въ 1863 г. поляками произведена была попытка вызвать возстаніе крестьянъ въ Поволжьѣ въ интересахъ польскаго возстанія. Л. Ф. Пантелѣевъ утверждаетъ, что «попытка распространить по Волгѣ ложный манифестъ и тѣмъ поднять крестьянское возстаніе была устроена поляками совершенно самостоятельно, не только безъ малѣйшаго участія комитета „Земли и Воли“, но даже и въ секретѣ отъ него“. (Изъ восп. пр., стр. 305). Казанскіе члены „Земли и Воли“ также уклонились отъ какой бы то ни было помощи. Изъ поляковъ, къ которымъ обратились Киневичъ, Станкевичъ и Чернякъ, предложившіе народному фонду крестьянское возстаніе, наиболѣе дѣятельнымъ оказался командиръ стрѣлковой роты Иваницкій. Онъ добился, чтобы его роту поставили въ знаменитое село Бездну, гдѣ онъ расчитывалъ начать возстаніе. Онъ былъ арестованъ еще до попытки начать возстаніе. „Студенты, разсказываетъ Флеровскій, сдѣлали нѣсколько тайныхъ собраній, но ни на что не могли рѣшиться. Наиболѣе энергическіе изъ нихъ вели пропаганду, какъ и на сколько могли, но этимъ дѣло и ограничивалось“. (Три политич. системы, стр. 182). Вѣроятно, объ одной изъ такихъ попытокъ разсказываетъ В. А. Шомпулевъ, исп. обязанности кузнецкаго предводителя дворянъ въ саратовской

въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ лишь въ 70-хъ гг., она значительно облегчалась самымъ содержаніемъ представленій крестьянъ о „волѣ“, которыя несомнѣнно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственны соціалистическимъ идеаламъ. Эта близость между крестьянскими и соціалистическими идеалами дѣлала крестьянство съ давнихъ поръ воспріимчивымъ къ соціалистической пропагандѣ и даетъ въ наше время благодарную почву для роста соціалистическихъ партій, объясняетъ въ значительной степени популярность соціалистическихъ программъ въ крестьянской средѣ, выборы „лѣвыхъ“ соціалистическихъ депутатовъ въ I и II Государственную Думу и т. д.

Крестьянская „воля“ въ своихъ основныхъ чертахъ находилась въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ основами крестьянской реформы Александра II, ихъ основныя черты были такъ рѣзко противоположны, что не могли не внушать правительству безпокойства за „общественную тишину и спокойствіе“. Любимое дѣтище Александра II—реформа 19 февраля 1861 г.,—представлявшее изъ себя неудачный компромиссъ между желаніемъ охранить интересы дворянста и обезпечить существованіе крестьянъ, потерпѣло фіаско передъ судомъ крестьянъ. Они выразили свое порицаніе реформѣ въ общемъ мирно, разрозненно, въ смутной и неопредѣленной формѣ, но тѣмъ не менѣе оно могло лично оскорбить Александра II, задѣть его самолюбіе, заставить видѣть въ крестьянахъ склонность къ бунтарству и неблагодарности [1]. От-

губ. Шомпулевъ напалъ на слѣды агитаціи въ с. Могилкахъ кузнецкаго уѣзда. Староста изъ татаръ доложилъ ему, что только-что передъ нимъ проскакалъ на тройкѣ какой-то чиновникъ въ запыленномъ платьѣ, въ сѣрой шляпѣ съ большими полями, въ золотыхъ очкахъ, и передалъ ему грамоты для объявленія народу. Шомпулевъ немедленно отправилъ станового пристава въ слѣдъ пропагандисту для его поимки и отобранія грамотъ. Приставъ преслѣдовалъ пропагандиста до г. Вольска, затѣмъ на пароходѣ по пути въ г. Хвалынскъ, противъ Самары остановилъ пароходъ, вызвалъ полиціймейстера и арестовалъ пропагандиста. Во время обыска, когда дошла очередь до чемодана съ грамотами, пропагандистъ бросился въ Волгу, но былъ спасенъ, затѣмъ казненъ въ Пензѣ. Шомпулевъ разсказываетъ при этомъ, что у крестьянъ было отобрано около 17 золотыхъ грамотъ, „которые за отсутствіемъ крестьянъ на полевыхъ работахъ, злоумышленникъ разбрасывалъ на главныхъ улицахъ деревень, оставляя таковыя на завалинкахъ и плетняхъ“. Грамоты были отпечатаны въ видѣ царскаго манифеста золотыми буквами на пергаментѣ, съ большою государственною печатью внизу. „Въ нихъ повелѣвалось крестьянамъ уничтожить помѣщиковъ, нещадя своего живота, за то, что они будто бы мѣшаютъ правительству отдать крестьянамъ всю землю“. (В. А. Шомпулевъ. „Во время реформъ имп. Александра II“. Русск. Стар., 1898 г. № 10, стр. 78—79).

[1]) Кн. В. П. Мещерскій разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что осенью 1863 г. Александръ II съ грустью назвалъ идилліей разсказы гр. Блудовой о благодарности народа государю. „Helas, съ тою же грустью отвѣчаетъ государь (на возраженіе ему), je ne crois plus à la reconnaissance humaine“ (Кн. В. П. Мещерскій. „Мои воспоминанія“, ч. I, стр. 338). Точно также отвѣтилъ Александръ II и въ январѣ 1865 г., когда одинъ губернаторъ во время своего представленія сталъ говорить о народѣ и

сюда, быть можетъ, усиленныя репрессіи при крестьянскихъ волненіяхъ, отсюда рѣчи Александра II къ крестьянамъ, гдѣ онъ рѣзко говорилъ, что никакой другой воли крестьянамъ не будетъ, что они должны повиноваться закону, слушаться властей и помѣщиковъ; вспомните его благодарность Дренякину за его кровавое усмиреніе кандеевскаго движенія, награду Апраксину за разстрѣлъ безоружной толпы въ Безднѣ; вспомните репрессіи по поводу казанской панихиды за одно только сочувствіе бездниискимъ жертвамъ; вспомните, съ другой стороны, его радость, когда на пріемѣ одной изъ крестьянскихъ депутацій одинъ крестьянинъ выразилъ благодарность помѣщикамъ. Еще непримиримѣе должны были относиться къ крестьянской „волѣ“ помѣщики, ибо эта „воля“ предполагала уничтоженіе ихъ, какъ землевладѣльческаго класса, нарушала ихъ кровные экономическіе интересы. Неудивительно, что казанское дворянство ликовало по поводу бездниискаго усмиренія и почтило торжественнымъ обѣдомъ знаменитаго усмирителя Бездны—гр. Апраксина; естественно, что дворяне постоянно тревожили власти своими жалобами на крестьянъ, видѣли въ каждомъ ничтожномъ недоразумѣніи начало чуть не пугачевщины; готовы были умолять правительство объ усиленной репрессіи, преслѣдовали мировыхъ посредниковъ, защищавшихъ интересы крестьянъ и т. д.

Но напрасно нервничало правительство и тревожилось дворянство за свою судьбу. Несмотря на всю радикальность разрѣшенія нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросовъ, крестьянская „воля“— помимо своей неоформленности, неразвитости даже основныхъ пунктовъ—была безсильна претвориться въ фактъ изъ-за самихъ крестьянъ. Они слишкомъ мало расчитывали на собственныя силы въ борьбѣ за свои идеалы и возлагали всѣ свои надежды на царя, т. е. на постороннюю силу, настроенную, по ихъ мнѣнію, въ ихъ пользу. Эта вѣра въ царя, въ то, что онъ имъ уже далъ или дастъ „волю“, но его благимъ намѣреніямъ препятствуютъ лишь баре, которымъ невыгодна эта „воля“,—есть одна изъ характернѣйшихъ чертъ крестьянскаго движенія не только эпохи 1861—63 гг. До крестьянъ доходили слухи о рѣчахъ Александра II, ибо онѣ говорились ихъ же представителямъ, но это проходило какъ-то мимо ихъ сознанія. Полтавскіе крестьяне, какъ указывалось выше, сознавались, что имъ извѣстны заявленія Александра II о „новой волѣ“, но все же прибавляли при этомъ: „та можежъ таки царь намъ зробить іаку полегкість“ [1]).

Въ новгородской губ., говоритъ Носовичъ, крестьянамъ не понравилось содержаніе рѣчи Александра II о томъ, что никакой

его благодарности. „Государь сразу его прервалъ—„Ну, насчетъ народной благодарности ты можешь мнѣ не говорить; я ни въ чью благодарность не вѣрю“. (ibid., стр. 434). „Губернаторъ вообще вынесъ впечатлѣніе, что государь слишкомъ разочарованъ въ людяхъ и въ особенности въ идеяхъ реформъ“ (ibid. стр. 434—435).

[1]) Драгомановъ. „Нові українські пісні“, стр. 67.

другой воли не будетъ и чтобы крестьяне слушались начальство, но тѣмъ не менѣе они „подчинились этому, какъ неумолимой необходимости". Всѣ недостатки реформы 19 февраля 1861 г. они переносили съ плечъ царя на дворянъ. Репрессіи приписывались не царю, а большею частью или тѣмъ же дворянамъ или подкупленнымъ послѣдними чиновникамъ. Самъ царь оставался въ ихъ глазахъ чистымъ, какъ голубь, и въ памяти народной сохранились свѣтлыя, благодарныя воспоминанія объ Александрѣ II, въ честь его сложились пѣсни. Возьмемъ хотя бы пѣсню на его смерть, записанную въ области войска Донского и слышанную также на ярмаркѣ въ курской губ., что указываетъ на ея распространенность. Въ пѣснѣ Александръ II выставляется защитникомъ свободы всѣхъ страдающихъ бѣдныхъ людей, исправителемъ законовъ, а смерть его приписывается злодѣямъ. Онъ (Александръ II) „съ любовію горѣлъ, поется въ этой пѣснѣ, усѣмъ свободу дать хотѣлъ... онъ справлялъ усѣ законы, слыша бѣдныхъ людей стоны, самъ на помощь поспѣшалъ... за то кровь свою пролилъ, что усѣмъ добро творилъ"... и т. д. [1]). Впрочемъ, Драгомановъ утверждаетъ относительно Украйны, что тамъ не сложилось ни одной пѣсни по поводу реформы 19 февраля и надеждъ на новую волю отъ царя, несмотря на большую распространенность ихъ; по крайней мѣрѣ не было записано ни одной подобной пѣсни. Мало того, въ селѣ Алексиньцѣ волынской губ. въ 1862—63 гг. крестьяне во время волненія подавали прошеніе не русскому царю, а австрійскому императору [2]). Только на правобережной Украйнѣ извѣстны народныя пѣсни о волѣ, сложенныя уже послѣ 1863 г., когда польское возстаніе заставило правительство дать существенныя льготы крестьянамъ [3])...

И. Игнатовичъ.

---

[1]) Сообщеніе Кульмана. Пѣсня на кончину имп. Александра II. Русск. Старина, 1900 г., № 6, стр. 652—653.

[2]) Драгомановъ. „Нові украіньскі пісні", стр. 67.

[3]) Ibid. стр. 68.

Къ біографіи декабриста А. Е. Розена.

(Изъ дѣлъ III отдѣленія).

1.

Секретно.

Шефу Жандармовъ, командующему Императорскою главною квартирою, Господину Генералу отъ Кавалеріи, Генералъ-Адъютанту и кавалеру, Графу Бенкендорфу.

Исправляющаго должность военнаго Полицеймейстера въ Кавказскомъ краѣ, Корпуса Жандармовъ подполковника Гринфельда.

РАПОРТЪ.

Государственный преступникъ 6-го разряда Андрей Евгеньевъ сынъ Розенъ, бывшій на поселеніи Тобольской губерніи въ городѣ Курганѣ и назначенный въ Мингрельскій егерьскій полкъ, расположенный въ 60-ти верстахъ отъ г. Тифлиса на урочищѣ Шахбулахѣ, въ сопровожденіи квартальнаго надзирателя г. Кургана, подпоручика Ушарова, 10-го числа сего мѣсяца прибылъ въ г. Тифлисъ, слѣдуя къ мѣсту своего назначенія. Съ нимъ прибыли: жена его, три сына и одна дочь малолѣтніе.—По случаю поврежденія правой ноги у Розена, онъ уже болѣе года иначе не можетъ ходить, какъ съ помощію двухъ костылей.

О семъ Вашему Сіятельству честь имѣю почтеннѣйше донести.

Подполковникъ Гринфельдъ.

№ 38. Ноября 13-дня 1837 г., г. Тифлисъ.

На подлинномъ положена слѣдующая резолюція: „Государь велѣлъ его Розена помѣстить въ Пятигорскъ, гдѣ онъ найдетъ всѣ способы леченія".

2.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичъ!

Человѣколюбивое сострадание и участіе, которыя Ваше Сіятельство неоднократно оказывали при самомъ началѣ моего несчастія и въ продолженіи моего заточенія и поселенія въ Сибири, даютъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ просьбою.

Испытавъ неограниченную милость Государя Императора, благоволившаго воскресить меня отъ политической смерти, избавить отъ вѣчной ссылки и даровать мнѣ средства къ излеченію, страшусь укоризны — даже подозрѣнія—въ неблагодарности. Я рѣшительно ничего не заслужилъ, но мнѣ отрадно, утѣшительно было-бы доказать мое усердіе, мою искреннюю благодарность, между тѣмъ какъ въ этомъ стремленіи отняты у меня самыя необходимыя средства. Въ 1836 году я имѣлъ несчастіе лишиться употребленія правой ноги отъ упаденія; съ того времени влачусь на костыляхъ, отъ недостатка въ тѣлесныхъ движеніяхъ разстроилось все здоровье. Хотя минеральныя воды доставили нѣкоторое облегченіе ногѣ, такъ что теперь хожу съ однимъ костылемъ, но неправильное сращеніе костей оставило одну ногу короче другой и препятствуетъ ей въ сгибѣ, къ тому всѣ нервы невыразимо раздражены и разслаблены.

Въ такомъ жалкомъ состояніи, не видя никакой возможности быть въ рядахъ храбрыхъ Царскихъ воиновъ и показать мое рвеніе, не только примѣрнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей по службѣ, но готовностью запечатлѣть это рвеніе моею кровью, прошу Ваше Сіятельство исходатайствовать мнѣ новую милость великодушнаго Монарха увольненіемъ меня отъ службы съ дозволеніемъ окончить дни мои на родинѣ.

Я имѣлъ счастіе родиться въ Эстляндіи, въ странѣ, которая доставила и доставляетъ вѣрныхъ и полезныхъ слугъ Престолу и Отечеству, въ числѣ которыхъ Ваше Сіятельство занимаете первое мѣсто; мнѣ сердце говоритъ, что уже давно Милосердый Государь въ душѣ меня простилъ, не откажетъ Вашему ходатайству, и сдѣлавшись снова моимъ благодѣтелемъ, окажетъ также благодѣяніе всѣмъ моимъ роднымъ и землякамъ, которые огорчены и опечалены мрачнымъ воспоминаніемъ о моемъ преступленіи. Богъ далъ мнѣ четырехъ сыновей, они съ радостью примутъ на себя долгъ отца, и всѣ потщатся заслужить милости, излiянныя щедрою рукою Государя Императора на больнаго, изувѣченнаго и несчастнаго ихъ отца.

Священная обязанность побуждаетъ меня изъявить Вашему Сіятельству мою душевную благодарность за все добро, которое Вы уже сдѣлали для меня и моихъ соизгнанниковъ, бывъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ постояннымъ посредникомъ несчастныхъ у Всемилостивѣйшаго Государя. Не откажите и теперь просьбѣ отца семейства, которое не престанетъ призывать на Васъ всѣ блага міра. Богъ воздастъ Вамъ за доброе дѣло.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и съ истинною преданностію имѣю честь быть, Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Андрей Розенъ.

Городъ Пятигорскъ.
Ноября 20 дня 1838 г.

3.

Ваше Императорское Величество
Государь Всемилостивѣйшій!

Господь да благословитъ царствованіе Вашего Величества на благоденствіе Россіи и на пользу и славу временъ.

Безпредѣльныя благодѣянія Ваши, оказанныя мнѣ и семейству моему съ 1837 года, ободряютъ меня повергнуть прошеніе къ стопамъ моего благодѣтеля.

Незабвенный Августѣйшій родитель Вашъ Всемилостивѣйше удостоилъ сыновей моихъ производствомъ въ офицеры, и дарованіемъ имъ правъ дворянства, Указами Сенату отъ 1-го августа 1851 года и отъ 30-го іюля 1853 года; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было переименовать родовую ихъ фамилію.

Государь чадолюбивый! Дѣти мои также Ваши дѣти! Они отъ самой колыбели проникнуты страхомъ Божіимъ, они правдиво, честно, неподкупно усердствуютъ къ Вамъ, они благодарны Вамъ, и непремѣнно и безусловно останутся для Васъ такими, независимо отъ даннаго имъ новаго именованія; но для отца, для потомства, для уничтоженія кары за давно минувшее и наказанное возстаніе, благоволите приказать снять съ моего родового имени мрачное воспоминаніе; благоволите Всемилостивѣйше повелѣть, чтобы по примѣру моихъ соизгнанниковъ, которыхъ сыновья на службѣ именуются по фамиліи отцевъ своихъ, такъ же и моимъ служащимъ сыновьямъ—Конной Артиллерійской Легкой № 1-ой Батареи Поручику Кондратію Розенову 1-му, Подпоручику Василію Розенову 2-му и Конно-Артиллерійской № 4 Батареи Прапорщику Владиміру Розенову—дозволено было именоваться родовымъ именемъ отца.

Господь да благословитъ дѣянія и жизнь Вашего Величества и Государыни любимой! Въ день Вашего благодатнаго бракосочетанія Императоръ Николай I повелѣлъ для ознаменованія этого дня, объявить мнѣ Монаршую милость: я съ любовью принялъ ее, какъ воздаяніе свыше, за мое безпредѣльное упованіе на Ваше Величество, когда я больной, на костыляхъ, рвался къ Вамъ въ Курганъ, чтобы Вамъ поручить участь моего семейства.

Вашего Императорскаго Величества Государя Всемилостивѣйшаго благодарный и вѣрный подданный Андрей Розенъ, уволенный изъ Кавказскаго Линейнаго № 3 Баталіона рядовой.

Апрѣля 6 дня 1856 г.

Воспоминанія.

(Продолженіе [1]).

Глава VIII.

Положеніе моей семьи.

Савельевъ—женихъ сестры.—Смерть няни. — Замужество сестры. — Отношеніе ея мужа къ окружающимъ.

Менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ нашей деревни Погорѣлое находилась крайне жалкая усадьба мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ Савельевыхъ—мужа и жены, двухъ древнихъ стариковъ, давно выжившихъ изъ ума. Въ ихъ убогомъ домишкѣ было всего двѣ комнатюрки. Только лѣтняя жара выгоняла стариковъ на воздухъ изъ комнатъ, въ которыхъ, по словамъ няни, ничего не было, кромѣ „смародины, духотины и срамотины". Такъ выражалась она потому, что въ ихъ квартиркѣ стоялъ какой-то особенно отвратительный воздухъ, а на столахъ и стульяхъ всегда оставался просыпанный табакъ и пепелъ изъ выколоченныхъ трубокъ.

И мужъ, и жена рѣдко выпускали изо рта длинные чубуки. Когда Савельевы въ жаркую погоду выходили изъ дому, они садились на лавочку у стѣны. „Дѣвка" немедленно подавала каждому изъ нихъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, подставляла подъ него кирпичъ, и они начинали дымить. Посмотришь, бывало, на нихъ, какъ они, грѣясь на припекѣ, сидятъ неподвижно, и равномѣрно, точно въ тактъ, выпускаютъ дымъ изъ своихъ ртовъ, и глазамъ не вѣришь, что это живые люди, а не заведенныя машины.

По внѣшнему виду они удивительно походили другъ на друга: оба высокіе, съ одутловатыми, желтыми лицами, съ морщинистыми мѣшками подъ глазами, и съ мѣшками еще большихъ размѣровъ подъ подбородкомъ. Если бы не дымъ, выходившій изъ ихъ ртовъ въ видѣ черной, смрадной тучи, они походили бы на египетскихъ мумій, которымъ придали сидячее положеніе. И зимою, въ жарко натопленныхъ комнатахъ, и въ жаркій лѣтній день—имъ всегда было холодно: во всѣ времена года Савельева одѣта была въ грязную ватную, длинную кофту, а ея супругъ—въ истрепанный ватный

[1] «Минувшіе Годы», сентябрь.

халатъ; лысая голова его прикрывалась порыжевшею суконною ермолкою. Хотя земли у нихъ было значительно болѣе, чѣмъ у многихъ мелкопомѣстныхъ, и крѣпостныхъ за ними числилось душъ десять, но ихъ хозяйство было болѣе запущено, чѣмъ у кого бы то ни было въ нашей мѣстности. Сами Савельевы въ хозяйство не входили, издавна предоставивъ его вести какому-то крестнику изъ крѣпостныхъ, какъ говорили, побочному сыну хозяина.

У Савельевыхъ былъ законный сынъ, еще въ раннемъ возрастѣ отданный въ корпусъ. Въ нашемъ захолустьѣ помѣщики вполнѣ были освѣдомлены относительно каждаго родственника сосѣдей, гдѣ бы тотъ ни проживалъ, о его матеріальномъ и служебномъ положеніи. Это объяснялось тѣмъ, что когда кто-нибудь изъ помѣщиковъ получалъ письмо отъ родныхъ, онъ читалъ его сосѣдямъ и знакомымъ, всѣмъ, кто навѣщалъ его, и содержаніе его моментально дѣлалось достояніемъ всей округи. Относительно же молодого Савельева было извѣстно только, что онъ служитъ въ чинѣ подполковника въ одномъ изъ армейскихъ полковъ въ Петербургѣ. Вдругъ до насъ дошли слухи, что онъ вышелъ въ отставку и скоро пріѣдетъ къ своимъ родителямъ.

Когда у насъ ожидали пріѣзда новаго человѣка, о немъ всегда шло много разговоровъ, толковъ и пересудовъ; если онъ былъ холостъ, его заочно женили на той или другой дочери помѣщика. Барышня, никогда не видавшая человѣка, съ которымъ ее уже соединила молва, нерѣдко серьезно мечтала объ этомъ. Однако, мечты молодой дѣвушки и ея родителей очень часто разлетались въ пухъ и прахъ. Относительно молодого Савельева говорили только, что едва-ли кто изъ порядочныхъ помѣщиковъ захочетъ породниться „съ такимъ“ голоштанникомъ, какъ онъ, да еще отдать свою дочь въ домъ его родителей, жившихъ мало чѣмъ лучше простыхъ крестьянъ.

Когда однажды матушка возвратилась домой, няня доложила ей, что къ намъ пришелъ Савельевъ, котораго она провела въ столовую, такъ какъ уже обѣдъ подавали. Ѳеофанъ Павловичъ Савельевъ былъ очень высокій, стройный брюнетъ, лѣтъ за 35, весьма прилично одѣтый, съ правильными чертами лица, которое можно было бы назвать даже красивымъ, если бы его не портили глаза, бѣгавшіе во всѣ стороны и горѣвшіе безпокойнымъ огнемъ, а также сѣтка тонкихъ кровавыхъ жилокъ, выступавшихъ особенно рельефно на его блѣдныхъ щекахъ и вискахъ. Когда къ нему обращались съ вопросомъ или когда онъ самъ говорилъ, онъ не смотрѣлъ на своего собесѣдника, а опускалъ глаза, которые обыкновенно были полузакрыты вѣками и продолжали безпокойно метаться въ разныя стороны и мелькать изъ за его длинныхъ рѣсницъ. На вопросъ матушки, отчего онъ бросилъ службу и что собирается дѣлать въ нашей трущобѣ, онъ вдругъ какъ-то сконфузился, суетливо заерзалъ на стулѣ и послѣ неловкаго молчанія отвѣчалъ, что вышелъ въ отставку вслѣдствіе плохого здоровья, что онъ по крайней мѣрѣ съ годъ проживетъ въ деревнѣ, зай-

мется своимъ крошечнымъ имѣніемъ и такъ какъ онъ страстный охотникъ, то собирается развлекаться охотою.

Оправившись отъ перваго смущенія, онъ сталъ разспрашивать о хозяйствѣ въ Погорѣломъ. Матушка съ сокрушеніемъ разсказывала о томъ, какъ много времени отнимаетъ оно у нея, мѣшая ей заниматься даже съ дочерью. При этомъ она не скрыла отъ него и того, какъ ей приходится для уроковъ французскаго языка будить меня по ночамъ. Вдругъ Савельевъ обратился къ ней на чистомъ французскомъ діалектѣ, и, когда они снова заговорили по-русски, я поняла, что онъ взялся за преподаваніе мнѣ французскаго языка. Матушка нѣсколько разъ принималась благодарить его и, какъ, человѣкъ практическій, спросила его объ условіяхъ. Онъ отвѣтилъ, что будетъ приходить на урокъ ежедневно за полтора часа до нашего обѣда и, если матушка ничего не имѣетъ противъ этого, пусть позволитъ ему обѣдать у насъ. „Старики", такъ онъ выражался о своихъ родителяхъ, не придаютъ никакого значенія пищѣ, ѣдятъ какую-то бурду, а ему, при его слабомъ здоровьѣ, необходимо питаться порядочно. Матушкѣ очень понравилось такое простое объясненіе, а вознагражденіе, назначенное имъ, она нашла вполнѣ для себя подходящимъ.

Мы уже пили кофе, когда матушкѣ пришло въ голову спросить его, какимъ образомъ онъ такъ прекрасно изучилъ французскій языкъ,—вѣдь родителямъ его, вѣроятно, было не по средствамъ держать француженку. При этомъ вопросѣ, Ѳеофанъ Павловичъ совсѣмъ растерялся: не допивъ кофе, онъ вскочилъ со стула и въ нервомъ возбужденіи сталъ быстро шагать по комнатѣ, не обращая вниманія на то, что мы съ удивленіемъ посматривали на него. Черезъ нѣсколько минутъ молчанія, онъ, ни на кого не глядя, заговорилъ отрывочно: „Почему это можетъ интересовать кого бы то ни было? Подлыя интриги!.. Сплетни!.." Матушка съ недоумѣніемъ возражала ему, что она и представленія не имѣетъ о какой бы то ни было интригѣ, почему же онъ такъ обезпокоился ея простымъ и естественнымъ вопросомъ. Но онъ на это отвѣчалъ такъ отрывочно, что никто ничего не понялъ; при этомъ самъ онъ продолжалъ все время быстро ходить по комнатѣ, затѣмъ вдругъ вышелъ изъ столовой и, ни съ кѣмъ не простившись, исчезъ изъ дому.

Это поразило членовъ моей семьи: они долго сидѣли за столомъ, разсуждая о его странностяхъ и вспоминая все, что имъ было сказано. „А ужъ какъ хотите, барыня матушка, говорила няня, хоть я о господахъ настоящаго сужденія имѣть не могу, и какъ ваша раба—даже не смѣю... а все же вотъ, что я вамъ доложу: ежели человѣкъ не можетъ другому въ глаза смотрѣть,- плохо дѣло!.. Попомните мое слово, у него что-нибудь очень скверное на совѣсти"... „Ну ужъ ты скажешь! Если бы онъ сдѣлалъ что-нибудь такое, такъ былъ бы подъ судомъ... А тебѣ какъ онъ понравился?" вдругъ обратилась матушка къ Нютѣ. „Вѣдь онъ очень красивый человѣкъ?"

— Красивый? Онъ?—съ ужасомъ переспросила сестра.—Да на него даже страшно посмотрѣть!.. Такъ у него глаза бѣгаютъ, и такіе противные!

— Просто, какъ у волка. Ужъ лучше бы онъ обличіемъ былъ похуже, только бы настоящимъ человѣкомъ выглядѣлъ!..—разсуждала няня.

На другой день матушка возвратилась домой до моего урока, чтобы съ рукъ на руки передать новому учителю его ученицу.

— Какъ я рада, Өеофанъ Павловичъ, что вы замѣните меня! Должна вамъ сознаться, что я человѣкъ вспыльчивый,—вотъ дочкѣ моей порядочно-таки доставалось отъ меня...

При этихъ словахъ Савельевъ вскочилъ со стула, сталъ шагать по комнатѣ и заговорилъ какъ-то запальчиво: „О, я тоже раздражительный и вспыльчивый человѣкъ!.. Но свою вспыльчивость и раздражительность я проявляю только съ людьми, которые рады утопить меня при всякомъ случаѣ... Что я имъ сдѣлалъ,—не знаю, чего они хотятъ отъ меня—тоже не знаю!.. Но они вѣчно строятъ мнѣ козни, всегда пускаютъ противъ меня сплетни и клеветы...“—И, по своему обыкновенію, послѣ реплики Савельевъ нѣсколько помолчалъ, и продолжая ходить, заговорилъ, нѣсколько успокоившись.

— Но въ вашемъ домѣ я чувствую себя въ полной безопасности!.. Я проникся къ вашей личности, Александра Степановна, и ко всему вашему семейству глубочайшимъ почтеніемъ... Что же касается уроковъ, то будьте покойны,—ваша дѣвочка не пострадаетъ отъ моей вспыльчивости! Какъ учитель, я обладаю рѣдкимъ терпѣніемъ.

— Какой вы чудакъ, Өеофанъ Павловичъ! Вижу я васъ только во второй разъ, и вы уже во второй разъ говорите мнѣ о сплетняхъ и козняхъ, о которыхъ я, даю вамъ честное слово, ничего не слыхала. Правда, въ нашемъ захолустьѣ передъ пріѣздомъ новаго человѣка обыкновенно ходитъ множество слуховъ... Но о васъ буквально никто ничего не разсказывалъ,—ни хорошаго, ни худого.

Начались занятія, и относительно ихъ, но только относительно ихъ, Савельевъ строго держалъ свое слово и былъ чрезвычайно терпѣливъ. Онъ не училъ меня ни ненавистной для меня грамматикѣ, ни спряженіямъ, а почти весь урокъ заставлялъ читать страницу за страницей, приказывая повторять за нимъ каждое слово до тѣхъ поръ, пока я не произносила его вполнѣ правильно; при этомъ онъ все переводилъ мнѣ. Но къ концу занятій онъ, видимо, утомлялся больше моего: на блѣдномъ лбу его выступалъ потъ, щеки покрывались багровымъ румянцемъ, а руки сильно дрожали.

Слѣдующіе уроки у насъ шли такимъ образомъ: первую половину урока онъ былъ очень внимателенъ, все объяснялъ и поправлялъ, затѣмъ все менѣе обращалъ вниманія на мое чтеніе, не дѣлалъ никакихъ замѣчаній и не переставая шагалъ по комнатѣ съ опущенной головою. Но когда я прекращала чтеніе, онъ

быстро поднималъ голову и съ удивленіемъ спрашивалъ, почему я не продолжаю. Случалось и такъ: начавъ расхаживать по комнатѣ, онъ выходилъ въ переднюю, исчезалъ изъ дому задолго до конца урока, и не возвращался даже къ обѣду, никого не предупредивъ объ этомъ.

Матушку удивляли выходки и странности новаго знакомаго, но она осуждала его только за то, что онъ зачастую занимался со мною менѣе обѣщаннаго полутора часа. Но когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ начала его занятій со мною она заставила меня читать и переводить, она пришла въ такой восторгъ отъ моихъ быстрыхъ успѣховъ, что горячо поблагодарила Савельева, и съ тѣхъ поръ стала неизмѣнно называть его чудакомъ, но дѣльнымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ, и уже не обращала ни малѣйшаго вниманія на его странности. Но онъ началъ проявлять ихъ и кое въ чемъ другомъ: сестра Нюта, видимо, все болѣе нравилась ему, но это у него выражалось только тѣмъ, что послѣ обѣда онъ нерѣдко подсаживался къ столу, за которымъ она работала, а чаще всего расхаживалъ въ той же комнатѣ до вечерняго чая, иногда буквально не проронивъ съ нею ни одного слова.

Я была очень довольна новымъ учителемъ: теперь никто не будилъ меня по ночамъ и мнѣ не приходилось получать ни трепокъ, ни окриковъ. Новые уроки меня начинали даже занимать. Воиновы снабжали меня книгами для дѣтей на французскомъ языкѣ, и все, чего я не понимала, мнѣ охотно переводилъ Савельевъ; самъ иногда разсказывалъ что-нибудь и тутъ же заставлялъ передавать слышанное по-французски.

Наступилъ великій постъ. Однажды послѣ обѣда Савельевъ попросилъ у матушки дозволенія переговорить съ нею съ глазу на глазъ. Они вышли вмѣстѣ въ другую комнату, а мы съ нянею отправились къ Воиновымъ и возвратились домой только послѣ ужина. Утомленная вознею съ дѣтьми, я немедленно легла въ постель: няня, сидя у стола, вязала свой чулокъ. Вдругъ къ намъ вбѣжала Нюта и бросилась на колѣни передъ нянею. „Спаси меня, нянюшечка!.. Ты только одна можешь спасти!“..— говорила она, рыдая, уткнувъ голову въ ея колѣни.

— Какъ тебѣ не стыдно... Сейчасъ вставай! Барышня и вдругъ передъ своей же рабой на колѣни!..—сердито ворчала няня, поднимая сестру и усаживая подлѣ себя.—Что случилось? Что съ тобой, дѣтка родная?

Оказалось, что Ѳеофанъ Павловичъ Савельевъ сдѣлалъ ей предложеніе черезъ матушку, которая хотя еще и не дала ему окончательнаго слова, но и не отвѣчала отказомъ, сказавъ ему, что ей необходимо объ этомъ серьезно подумать и что онъ долженъ очень и очень повременить съ отвѣтомъ. Весь этотъ разговоръ матушка передала сестрѣ, не спросивъ ее даже о томъ, какъ она смотритъ на этотъ бракъ, слѣдовательно и при окончательномъ рѣшеніи она будетъ руководиться только собственными соображеніями.

— Горемычная моя дѣточка!—всплеснула руками пораженная няня.—И, Боже мой, какое это будетъ для тебя несчастіе! Отговаривать-то матушку я буду со всѣмъ моимъ стараніемъ, только боюсь, дѣточка, что изъ этого никакого толку не выйдетъ! Видишь-ли, косаточка, тутъ дѣло въ томъ, что „онъ“ мамашеньку прельстилъ тѣмъ, что хорошо Лизушу обучаетъ!..

— Такъ неужели же маменька изъ-за сестриныхъ уроковъ можетъ загубить меня? Я не могу выйти за него! Не могу, не могу его видѣть!

— Вотъ, что я тебѣ присовѣтую, голубка моя... Хоть ты и кроткая дѣвица, можно сказать вполнѣ покорная дочка своей матушки, ни въ жисть ты ей словечкомъ не поперечила, но силушку свою въ себѣ ты укрѣпи и завтра же утрешкомъ пойди ты къ мамашечкѣ, да не съ грубымъ словомъ, не съ попрекомъ,—храни тебя Богъ!., а на колѣнкахъ моли ее не выдавать тебя замужъ за немилаго, моли, чтобъ, значитъ, матушка дала ему вполнѣ полный отказъ, чтобъ онъ головой своей взбалмошной помыслить даже не посмѣлъ, что онъ такую кралю, да изъ перьвѣйшаго семейства въ округѣ подхватить можетъ! И вотъ какъ ты начни: „Мамашенька моя родненькая!.. Больше у меня нѣтъ заступы кромѣ Бога и васъ! Зачѣмъ такую молодую замужъ хотите отдать за постылаго, взбалмошнаго человѣка, когда онъ вдвое старше меня? Развѣ я была вамъ въ чемъ непокорна? Ежели вы, мамашенька, дорогая моя, полагаете, что онъ вамъ въ чемъ по хозяйству подмогой будетъ, такъ онъ и самъ себя не понимаетъ, непутевый какой-то, просто какая-то шалда-балда!.. Да.. обо всемъ этомъ ты должна, Нюточка, упредить мамашеньку, чтобъ и думка у нея объ этомъ пропала“.

Матушка на мольбы сестры отказать Савельеву отвѣчала, что она „далеко не въ восторгѣ отъ его предложенія, но какъ для того, чтобы ему отказать, такъ и для того, чтобы принять его предложеніе, ей необходимо еще серьезно подумать“.—„Вѣдь при отказѣ, прибавила она, онъ, вѣроятно, сейчасъ броситъ свои занятія“. Нѣкоторое время послѣ этого инцидента у насъ опять все шло тихо и однообразно.

Но вотъ однажды ночью няня, уже и раньше страдавшая кашлемъ, вдругъ такъ раскашлялась, что въ нашу дѣтскую вбѣжали матушка и Нюта. То одна, то другая изъ нихъ бросала куски сахару въ столовую ложку, обмазывая ее снаружи саломъ, растапливала сахаръ на зажженой свѣчкѣ, и, когда онъ остывалъ, няня сосала эти доморощенные леденцы; поили ее нагрѣтымъ молокомъ, мазали ей грудь свѣчнымъ саломъ, что считалось въ то время универсальнымъ средствомъ, наконецъ, укрыли ее теплыми одѣялами. Но она успокоилась только подъ утро. Съ этого времени кашель не переставалъ ее мучить, а затѣмъ появилась лихорадка, поты, и она стала быстро худѣть и слабѣть и, наконецъ, потеряла возможность даже вставать съ постели.

Все усиливавшаяся болѣзнь няни такъ безпокоила матушку,

что она написала бывшему нашему врачу, умоляя его пріѣхать, и отправила за нимъ въ городъ лошадей, строго-на-строго запретивъ объ этомъ сообщать нянѣ. Однажды матушка взошла къ ней въ дѣтскую и сказала ей, что нашъ знакомый докторъ былъ призванъ къ кому-то изъ сосѣдей, заѣхалъ къ намъ провѣдать насъ и что она просила его осмотрѣть ее.

Что сказалъ докторъ относительно няни,—я не слыхала, только позже узнала, что у нея скоротечная чахотка, но если бы я была поопытнѣе, я должна была бы понять жестокій приговоръ доктора уже изъ одного того, что матушка совсѣмъ перемѣнилась: она рѣдко когда выходила изъ дому даже по дѣламъ и всякая работа вываливалась у нея изъ рукъ. Она то и дѣло сидѣла теперь безъ работы, чего съ ней никогда не было прежде, или курила въ своей комнатѣ, безпрестанно забѣгая провѣдать няню. Однажды я застала ее въ столовой передъ образомъ. Я тоже бросилась на колѣни рядомъ съ нею, а она крѣпко меня обняла. „Будемъ молиться!"—сказала она мнѣ,—и мы стали вмѣстѣ, рыдая, выкрикивать одни и тѣ же слова: „Боже, спаси нянечку, спаси нашу милую няню!". Но скоро послѣ этого разговоръ сестры съ матерью совершенно успокоилъ меня на счетъ болѣзни няни; а о вѣчной разлукѣ съ ней я и не думала: „вѣдь у чахоточныхъ, говорила Нюта, кровь горломъ идетъ, а у няни она ни разу не показывалась... Я, увѣрена, что докторъ ошибся! Вѣдь и прошлой весной, передъ отъѣздомъ на богомолье, она страшно худѣла и кашляла... Вотъ увидите,—наступитъ весна, и она опять поправится!".

Наши кровати, т. е. нянину и мою, поставили въ залу: докторъ-ли посовѣтовалъ сдѣлать это, чтобы больной было легче дышать, иди сама матушка придумала, но няня теперь постоянно лежала въ этой комнатѣ: у насъ въ то время никому не приходило въ голову, что отъ чахоточнаго можетъ быть зараза, да и матушка, вѣроятно, не рѣшилась бы разлучить меня съ няней.

Сидя подлѣ нея цѣлые дни, я разсказывала ей обо всемъ, что у насъ происходило; между прочимъ, передала ей и разговоръ сестры съ матушкою на счетъ ея здоровья. Она съ грустью посмотрѣла на меня, погладила мою голову своею исхудалою рукой и, вмѣсто отвѣта, повторила нѣсколько разъ: „Ахъ, какъ бы хотѣлось тоже еще разокъ взглянуть на Шурочку!".

Какъ только узнала объ этомъ матушка, такъ и рѣшила во что бы то ни стало осуществить ея желаніе. Оставалось три недѣли до Пасхи: на страстной и святой у Саши не было занятій, и она, по мнѣнію матушки, могла еще опоздать и возвратиться въ пансіонъ только къ экзаменамъ. Свое рѣшеніе она не стала откладывать въ долгій ящикъ: тотчасъ позвала старосту для совмѣстнаго обсужденія о томъ, кого снарядить кучеромъ для этой экспедиціи, и на другой день съ разсвѣтомъ лошади уже выѣхали въ Витебскъ за Сашею.

За послѣдніе два съ половиною года, во время которыхъ ни-

кто изъ насъ не видѣлъ Сашу, она сильно измѣнилась: вмѣсто худенькаго подростка, какимъ была она тогда, передъ нами стояла молодая дѣвушка, болѣе высокаго роста, чѣмъ старшая сестра. Долго мы всѣ стояли, сгрудившись вокругъ нея: кто удивлялся тому, что она такъ выросла, кто спрашивалъ ее, гдѣ она ночевала эту ночь. Давая намъ такіе же отрывочные отвѣты, Саша снова и снова принималась насъ обнимать. Дуняша горничная, которая жила съ сестрою въ пансіонѣ, стала по старшинству подходить къ каждой изъ насъ и цѣловать руку. Когда Саша выразила желаніе поскорѣе обнять няню, я побѣжала спросить ее, можно ли къ ней войти.

Сестра горячо цѣловала лицо, глаза, лобъ больной и, когда она попеременно начала цѣловать то одну, то другую ея руку, у нея не хватило даже силъ протестовать. Всѣ остальные тоже вошли и усѣлись подлѣ кровати больной. Няня не произносила ни слова, только подносила пальцы къ губамъ, показывая, что не можетъ говорить, но она не спускала восторженныхъ глазъ съ Саши и не выпускала ея рукъ изъ своихъ,—слезы, не переставая, текли изъ ея глазъ. Нѣсколько успокоившись, она погладила ее по лицу и тихо прошептала: „поцѣлуй еще разокъ!“ Скоро няня сдѣлала знакъ, что хочетъ уснуть, и мы всѣ вышли изъ ея комнаты.

Съ слѣдующаго дня няня стала быстро поправляться: у нея явился аппетитъ, она много спала днемъ и ночью, а кашель настолько ослабѣлъ, что, казалось, совсѣмъ не мучилъ ее болѣе. Она не только сидѣла въ кровати, обложенная подушками, но ежедневно вставала на часъ, другой. Хотя и теперь еще она говорила болѣе слабымъ и глухимъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно, но постоянно болтала съ нами, шутила и смѣялась,— только къ вечеру ее нѣсколько знобило. Когда я какъ-то сидѣла у нея съ Сашею, она сказала сестрѣ: „Мамашенькѣ не надо пускать тебя по гувернанткамъ!.. Теперь хлѣбушка-то хватитъ на всѣхъ васъ! Ну, а богачество—Богъ съ нимъ!“ Затѣмъ помолчавъ, она сняла мѣдный крестикъ съ своей шеи и, подавая его сестрѣ, сказала: „поклянись мнѣ, Шурочка, передъ святымъ крестомъ, что ты въ мою память никогда не оставишь Лизушу одну! Она еще маленькая,— ее нельзя оставлять на рукахъ прислуги .. Поклянись ты мнѣ и въ томъ, что и въ наукахъ дотянешь ее до себя, что, значитъ, всю свою силушку приложишь подготовить ее къ учебѣ“. Саша перекрестилась, поцѣловала крестъ и сказала, что клянется свято исполнить всѣ желанія няни, но если матушка отправитъ ее въ гувернантки, то она сочтетъ долгомъ повиноваться ей.

Улучшеніе здоровья няни пробудило во всѣхъ несбыточную надежду, что горе и на этотъ разъ минуетъ насъ. Всѣ въ домѣ ободрились и повеселѣли... Большую часть времени мы проводили съ больной. Савельевъ на наше счастье болѣе не являлся къ намъ: какъ только отправили лошадей за Сашей, матушка объявила ему, что занятія со мной прекращаются и, вѣроятно, на довольно продолжительное время.

Матушка вошла какъ-то въ залу, когда мы всѣ сидѣли около няни; она держала въ рукахъ нѣсколько исписанныхъ почтовыхъ листиковъ. „Вотъ я тебѣ прочту письмо начальницы Сашинаго пансіона",—сказала она, обращаясь къ нянѣ. Саша бросилась изъ комнаты, но матушка велѣла ей остаться. Нужно замѣтить, что въ то время дамы, имѣвшія претензію на образованіе, переписывались не иначе, какъ на французскомъ языкѣ. Вотъ что переводила матушка:

„Позвольте прежде всего выразить вамъ глубочайшую признательность, какъ отъ моего имени, такъ и отъ всего учительскаго персонала моего учебнаго заведенія, за довѣріе, которое вы намъ оказали, поручивъ воспитаніе вашей дочери учрежденному мною пансіону для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Ваша дочь, за все время своего пребыванія въ немъ, была гордостью моего пансіона, самой любимой, самой лучшей воспитанницею. По совѣсти могу сказать, что и весь учительскій персоналъ моего заведенія приложилъ всѣ старанія, чтобы развить способности этой богатоодаренной натуры, этой любознательной дѣвушки, но, конечно, настолько, насколько это допускаютъ правила пансіона благородныхъ дѣвицъ. Не считаю справедливымъ всю заслугу ея блестящихъ успѣховъ приписывать только пансіону: вы, какъ любящая мать и истинно образованная женщина, несомнѣнно дали первый толчокъ развитію разнообразныхъ способностей вашей дочери, щедро одаренной уже и отъ природы. Только вы, какъ родная мать, могли развить съ такимъ умѣньемъ ея милый, веселый нравъ, ея необыкновенную сердечную доброту и любезную готовность услужить, помочь каждому въ затрудненіи. Примите же, сударыня, наше высокое почтеніе".—„Ну, я тутъ ни при чемъ, вскользь комментировала матушка письмо, не привыкшая принимать незаслуженныхъ похвалъ. „Покойный отецъ возился съ нею, ну, а доброту, нянюша, она заимствовала отъ тебя!.. Съ ранняго дѣтства твердила: „хочу, чтобы меня всѣ такъ любили, какъ нянюшечку". И затѣмъ, матушка продолжала:

„Несмотря на богатыя природныя способности вашей дочери, мы въ первый разъ встрѣчаемся въ такой степени, какъ у нея, съ прилежаніемъ въ обученіи: она за годъ впередъ доставала записки и учебники пансіонерокъ классомъ ея старше и все выучивала заранѣе. При этомъ она находила время читать книги, серьезно упражняться въ музыкѣ и брать приватные уроки иностранныхъ языковъ. Изумительно, какъ у нея хватало времени на все: она съ полною готовностью помогала своимъ подругамъ и новенькимъ, плохо подготовленнымъ дѣтямъ. Эта черта характера снискала ей всеобщую любовь, скажу даже—обожаніе всѣхъ воспитанницъ моего пансіона. Но на землѣ нѣтъ совершенствъ, и я не считаю возможнымъ скрывать отъ васъ и ея серьезныхъ недостатковъ: несмотря на то, что она сдѣлала блестящіе успѣхи въ наукахъ, музыкѣ и иностранныхъ языкахъ, чему, повторяю, мы содѣйствовали всѣми силами и что всегда поощряли, несмотря на то, что

она въ совершенствѣ изучила, какъ я ей уже много разъ говорила, все то, что, при самихъ строгихъ запросахъ, можно требовать отъ дѣвушки дворянской семьи, она все еще недовольна всѣмъ этимъ, и съ непобѣдимымъ упорствомъ стремится перейти границу знаній, дозволенныхъ порядочной дѣвушкѣ дворянской семьи. Съ неослабнымъ упрямствомъ, съ которымъ мы даже не въ силахъ были бороться, пуская въ ходъ всякую хитрость и недостойную ея ложь (вѣрьте, сударыня, мнѣ очень больно сказать вамъ это о нашей общей любимицѣ) доставала она въ городѣ какія-то записки и книги, совсѣмъ ненужныя для дѣвушки, изучала ихъ по ночамъ, убѣгая въ это время въ дежурную комнату, которую она однажды чуть не спалила, забывъ потушить свѣчу. Вотъ на эту то страсть къ наукамъ, похвальную въ мужчинѣ, но не въ дѣвушкѣ благородной, дворянской семьи, а также на ея чрезмѣрную склонность къ интересамъ и разговорамъ, не свойственнымъ ея полу, за что дѣвушка получаетъ нелестное для себя прозвище „синяго чулка", я нахожу необходимымъ, сударыня, и указать вамъ. Почтительнѣйше прошу васъ обратить вниманіе на эту ея слабость, дабы она не помѣшала успѣхамъ дочери вашей въ жизни и свѣтѣ.

„Александринъ можетъ оставаться у васъ хотя до половины мая: учительскій персоналъ соглашается проэкзаменовать ее въ два-три дня, но она во всякомъ случаѣ должна еще пріѣхать къ намъ. Мы всѣ желаемъ ее видѣть, проститься съ ней, а родители дѣтей, съ которыми она такъ успѣшно занималась, желаютъ выразить ей свою признательность. Мнѣ передано для нея не мало прелестныхъ вещицъ—маленькое приданое, которое мы и будемъ устраивать безъ нея, взявъ для образца у вашей горничной нѣкоторыя ея вещи.

„Обстоятельства, какъ утверждаетъ Александринъ, вынуждаютъ ее выбирать тяжелый жребій гувернантки, и это заставляетъ меня покорнѣйше просить васъ, высокоуважаемая сударыня, имѣть въ виду то, что двери моего пансіона всегда будутъ широко открыты для нея: я съ восторгомъ приму ее во всякое время, дамъ ей мѣсто учительницы и, несмотря на ея молодость, начну постепенно пріучать ее быть у меня въ качествѣ моей ближайшей помощницы и сотрудницы; слабое здоровье уже давно заставляетъ меня подумать объ этомъ.

„Но я никогда не простила бы себѣ, если бы не сказала вамъ вполнѣ откровенно, что жалованье въ пансіонѣ учительницамъ и надзирательницамъ весьма скромное, и что если даже я сильно увеличу его исключительно для вашей дочери (а это я обѣщаю вамъ сдѣлать), оно все же будетъ ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что она можетъ получить въ качествѣ гувернантки въ домѣ богатаго помѣщика или какой-нибудь особы, занимающей высокій постъ: превосходно владѣя иностранными языками и основательно зная музыку, ваша дочь можетъ расчитывать занять такое мѣсто".

Няня слушала чтеніе, приподнявшись съ подушекъ, и съ та-

кимъ благоговѣніемъ, какъ слушаютъ церковную службу: съ глазами, обращенными къ образу, она то и дѣло крестилась дрожащею рукою, набожно наклоняя голову, проливая потоки слезъ. Какъ только она могла заговорить, она попросила матушку положить ей это письмо подъ подушку, чтобы заставлять Сашу почаще перечитывать его себѣ.

— Совсѣмъ не нужно Шурочкѣ по гувернанткамъ путаться!..— разсуждала няня. Только бъ увидѣлъ ее какой ни на есть важнѣйшій генералъ, либо даже первѣющій принцъ, сейчасъ бы въ нее влюбился!..

— Нѣтъ, нѣтъ, нянюша!—хохотала Саша, бросаясь на колѣни передъ ея кроватью.—Корону мнѣ, порфиру мнѣ! на меньшемъ мириться не хочу!

— А что ты думаешь... Ты вѣдь цѣны себѣ не знаешь! А ежели бы даже самъ царь на тебя хоть глазкомъ взглянулъ, съ ума бы сошелъ отъ влюбленности...

— Ахъ, нянюша, нянюша! Зачѣмъ мнѣ генералы и принцы, зачѣмъ мнѣ богатство?

— Какъ зачѣмъ, дѣточка? Что ты! Развѣ по гувернанткамъ съ молодыхъ годовъ хорошо трепаться? У Господа Бога моего просить буду, чтобы ты самой себѣ госпожей была. Вотъ гувернантка Воиновыхъ, Ольга Петровна... Очень славная барышня, а позоветъ горничную, сейчасъ и заворчитъ: „не велика барыня, подождешь, сама сдѣлаешь!..“.

— А я и гувернантства не боюсь! Вѣдь вотъ же въ прошлое лѣто уже испытала!.. И въ пансіонѣ меня стращали, когда я въ Черниговскую губернію ѣхала... А какъ мнѣ было хорошо! Откармливали, какъ на убой!.. Дѣвочка ко мнѣ привязалась, и старики за это просто души во мнѣ не чаяли. Куда ни спросишься, всюду пускали насъ вмѣстѣ: и лошадей давали кататься, и малороссійскую свадьбу смотрѣть, и пляску и пѣніе слушать, безпрестанно предлагали въ гости съѣздить, не мѣшали мнѣ и на фортепіано играть и читать. . И чуть не каждый день благодарили за дочку,— сама не знаю за что: вѣдь я только исполняла свою обязанность... И что ты думаешь, нянюша, просто умоляли пріѣзжать къ нимъ гостить каждое лѣто. И прислуга была такая ласковая, добрая... Право же, очень хорошо и на мѣстѣ жить...

— Конечно,—сказала матушка,—Шурочка въ каждомъ домѣ сумѣетъ себя поставить...

— Нѣтъ, Шурочка, нѣтъ, матушка-барыня, не надо ей по мѣстамъ трепаться! Не всегда, и на такое мѣсто попадетъ!.. Молода она еще... Захочешь, дѣточка, своихъ радостей, своихъ утѣхъ!

— А развѣ тамъ у меня не было своихъ радостей? Да когда я запечатывала мамашенькѣ свое жалованье въ конвертъ,—такъ меня всю трясло отъ радости!.. А когда мнѣ удастся, нянюшечка, купить тебѣ пуховое платье, теплые-теплые, мягкіе-мягкіе сапожки...

— Ангелъ мой небесный! Все для другихъ!.. Скажи ты мнѣ, голубка, по совѣсти: неужто такъ для себя ты ничего бы и не хотѣла?

— Какъ не хотѣла бы! Очень, очень многое хотѣла бы.. Да все это нужно выкинуть изъ головы!.. Хотѣла бы того, за что бранятъ меня въ пансіонѣ, того, за что осуждаютъ дѣвушекъ!

— Господи, Боже мой! да вѣдь ты уже всему обучена!

— Азбукѣ выучилась, а больше ничего не знаю!.. А вотъ учиться бы по настоящему!.. Учиться такъ, какъ мужчины!.. Вотъ чего бы я хотѣла!

Нянино здоровье было въ прекрасномъ состояніи всю страстную недѣлю. Какъ было у насъ хорошо въ это время: Шура разсказывала о разныхъ событіяхъ своей пансіонской жизни и о лѣтѣ, проведенномъ въ Малороссіи, матушка со всѣми была ласкова, мы всѣ убѣдились, что грозившая намъ опасность миновала. Въ страстную пятницу матушка объявила намъ, что никто изъ насъ не поѣдетъ къ заутрени въ первый день воскресенія Христова, а что она уже написала священнику, чтобы тотъ съ дьякономъ и пономаремъ сейчасъ послѣ службы пріѣхали къ намъ. Матушка понимала, съ какимъ восторгомъ мы проведемъ этотъ день безотходно подлѣ няни, и какъ ее порадуетъ то, что она не совсѣмъ будетъ лишена пасхальной заутрени. Няня по обыкновенію замѣтила, что она ничѣмъ не заслужила такого благодѣянія. У насъ весело и оживленно шли предпраздничныя приготовленія: каждый куличъ, каждую пасху, овечку, искусно сдѣланную изъ сливочнаго масла, жаренаго поросенка, куръ и индѣекъ, убранныхъ розами домашняго издѣлія, яйца, искусно выкрашенныя лукомъ, сандаломъ и и цвѣтными тряпками,—все несли мы показывать нянѣ, которая дѣлала свои замѣчанія, давала наставленія Нютѣ по хозяйственной части.

Въ субботу утромъ меня разбудилъ громкій разговоръ няни: подбѣжавъ къ ней, я увидала, что она лежитъ съ закрытыми глазами, и что-то говоритъ, говоритъ безъ конца. Я стала звать ее, трогать за руку, но она продолжала бредить. Когда въ комнату вбѣжали сестры съ матушкою, онѣ стали класть ей на голову мокрыя тряпки съ уксусомъ, но она продолжала бредить до вечера. Когда къ ней вернулось сознаніе, она попросила матушку остаться съ нею вдвоемъ.

— Ты несчастная! ты самая несчастная дѣвочка!—вдругъ закричала матушка, вбѣгая къ намъ, привлекая меня къ себѣ и захлебываясь слезами. Изъ безпорядочной передачи разговора ея съ нянею, я поняла только одно, что няня умираетъ, что она сейчасъ умретъ.

И вдругъ, вполнѣ сознательно, какъ у совершенно взрослаго человѣка, у меня явилась мысль, что это несчастіе для меня ужаснѣе смерти родной матери, что съ этой минуты я остаюсь уже круглой сиротой, что рядъ самыхъ непредвидѣнныхъ ужасовъ немедленно обрушится на мою голову. Это предчувствіе чего-то

тяжкаго не было результатомъ продолжительнаго обдумыванія моей прошлой жизни: въ эту минуту я не вспоминала даже еще недавно пережитаго мною ужаса... Предчувствіе какого то страшнаго несчастія явилось сразу, какъ роковая, неотвратимая, непреодолимая, ничѣмъ непобѣдимая сила рока, предназначеннаго мнѣ судьбою. Какъ это внезапное предчувствіе, такъ и состояніе, немедленно наступившее вслѣдъ за роковымъ извѣстіемъ, не вымышлено мною потомъ,—оно дѣйствительно было, и, можетъ быть, потому, что съ ранняго дѣтства, можно сказать, съ перваго побужденія сознанія, я встрѣтила въ жизни много горя, пролила много слезъ. Дѣтская радость, веселье, нѣжныя ласки—были крайне рѣдкими гостями моего дѣтства и исходили почти исключительно отъ одной няни. И вотъ я почувствовала, какъ какой то ледяной комъ у моего сердца все разрастался и разрастался; кровь въ моихъ жилахъ, всѣ мои члены совершенно оледенѣли и заморозили мои слезы. Какъ въ ту минуту, когда я узнала, какое тяжкое горе разразится надо мной, такъ и въ послѣдующіе дни, я не пролила ни одной слезы, не издала ни одной жалобы; у меня ничего не болѣло, я все видѣла и понимала, но я ни на что не реагировала, и рядъ домашнихъ событій въ это время, хотя и входилъ въ мое сознаніе, но и исчезалъ также быстро, рѣдко зацѣпляясь за память. Было-ли плодомъ моего непосредственнаго наблюденія то немногое, что я вспоминаю объ этомъ событіи, или оно сохранялось въ моей памяти вслѣдствіе разсказовъ моихъ сестеръ,—этого я не знаю.

Когда вечеромъ въ страстную субботу няня пришла въ полное сознаніе, оно уже не оставляло ее до предсмертной агоніи. Она прощалась съ нами, нѣсколько разъ требовала отъ Саши подтвердить клятву, данную ей, не оставлять меня, говорила, что очень бы хотѣла еще пожить съ нами, чтобы и меня поставить на ноги, но что Богъ судилъ иначе.. Все это она произносила медленно, тихо, подолгу останавливаясь на каждомъ словѣ. Наконецъ, она попросила положить ей на грудь какой то изъ ея образковъ, вставить ей зажженную восковую свѣчку въ руки и скрѣпить ихъ бѣлымъ платкомъ. Когда это было исполнено, она долго шевелила губами, наконецъ, произнесла совершенно внятно: „благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты Свою недостойную рабу сподобилъ великаго счастья умереть въ тотъ день, когда Ты воскресъ изъ мертвыхъ“! И она скончалась въ тотъ часъ, когда во всѣхъ церквахъ пѣли „Христосъ воскресе“, въ тотъ часъ, когда, по повѣрью православнаго народа, умираютъ только святые, въ тотъ часъ, въ который она, вѣроятно, тоже мечтала умереть, но по своему великому смиренію не считала себя достойной.

Небольшого роста, чрезвычайно худощавая, и еще высохшая отъ предсмертной болѣзни, няня лежала въ гробу такой маленькой и худенькой, точно дѣвочка-подростокъ. Она вся была покрыта кисеей, тюлемъ и кружевами, которые были присланы ей Воиновой и Ольгой Петровной. Духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ пѣло

„Христосъ воскресе“. Изъ всѣхъ деревень—старые и малые, мужчины, женщины съ грудными младенцами и дѣти, валмя валили къ нашему дому, и всѣ они обращались къ усопшей съ такими молитвами и просьбами, съ какими простой людъ обращается только къ святымъ и, весьма возможно, не потому только, что она умерла въ день воскресенія Христова, но потому, что она давно заслужила всеобщую любовь и полное признаніе своихъ необыкновенныхъ душевныхъ качествъ. Я, приходившая въ такой восторгъ, когда встрѣчала проявленія любви и почтенія къ нянѣ, теперь была ко всему совершенно равнодушна. И въ домѣ, когда шли панихиды, и въ церкви, меня все сажали на стулъ и укрывали платками.

Прямо съ кладбища м-ше Воинова повезла меня съ Сашей къ себѣ. Вокругъ кровати, въ которую меня немедленно уложили, не было дѣтей: около меня хлопотали Наталья Александровна и Ольга Петровна. Онѣ ставили то бутылки съ кипяткомъ къ моимъ ногамъ, то горчишники, то поили липовымъ цвѣтомъ, то укрывали теплыми одѣялами. А Саша, хватаясь за сердце, точно боясь, что оно разорвется отъ горя, все наклонялась надо мною и нѣжно повторяла: „поплачь, поплачь, сестренка, тебѣ будетъ легче!“ Но ничто не вызывало моихъ слезъ.

На другой день матушка навѣстила насъ и заявила, что пріѣхала за нами. Мысль, что меня непремѣнно ожидаетъ дома что-то страшное, что я найду нянину кровать пустою, что я никогда, никогда больше не увижу ея, вдругъ охватила меня съ такою силою, съ такою болью пронзила все мое существо, что я въ первый разъ послѣ этой жестокой для меня утраты стала метаться по кровати и ледъ точно началъ таять во мнѣ. Я то рыдала, то какъ то визжала, какъ на смерть раненое животное,—и мнѣ стало легче. И глядя на матушку въ упоръ, я дерзко закричала: „Я не поѣду домой! Безъ няни я ненавижу нашъ домъ!“ Матушка отшатнулась отъ меня при этихъ словахъ: она не привыкла слышать отъ своихъ дочерей отказа отъ повиновенія какому бы то ни было ея приказанію, а тѣмъ болѣе въ такой возмутительной формѣ; постоявъ молча нѣсколько минутъ, она, видимо, рѣшила, что моя неслыханная дерзость—результатъ отчаянія и болѣзни—и начала меня успокаивать; говорила, что ей неловко столько хлопотъ причинять чужимъ людямъ. Ее просили меня оставить, и мы опять остались съ Сашею у Воиновыхъ.

Несмотря на первыя числа апрѣля, дни стояли теплые: послѣ обѣда мы выходили на крыльцо; всю закутанную, меня сажали въ кресло, а на стульяхъ кругомъ стола размѣщалось все семейство Воиновыхъ. Саша разсказывала присутствующимъ свою жизнь въ пансіонѣ, передавала вычитанные ею изъ книгъ разсказы для дѣтей. Наталья Александровна то и дѣло повторяла: „Александра Степановна боится, что ваше пребываніе у насъ надѣлаетъ намъ много хлопотъ, а вы, Александринъ, такъ оживляете нашу жизнь!“

Если бы вы только могли провести у насъ все лѣто! Какое это было бы счастье для меня! Какая польза для дѣтей!"

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда мы садились за обѣдъ, къ намъ пріѣхала матушка съ Нютою. Самого Воинова все это время не было дома (по какимъ-то важнымъ дѣламъ онъ далеко куда-то уѣхалъ). Матушка на этотъ разъ сообщила нѣсколько новыхъ плановъ или, точнѣе сказать, рѣшеній, которыя должны были въ близкомъ будущемъ произвести полный переворотъ въ нашей жизни. Хотя всѣ эти реформы касались нашей интимной, семейной жизни, она начала излагать ихъ не только безъ всякаго стѣсненія въ присутствіи взрослыхъ и дѣтей, но не обращая ни малѣйшаго вниманія на прислугу, служившую у стола.

Вотъ въ чемъ должны были состоять эти преобразованія: хотя Саша могла еще пожить дома, такъ какъ въ пансіонѣ обѣщали проэкзаменовать ее, когда бы она ни явилась, но матушка находила необходимымъ черезъ два-три дня отправить ее въ Витебскъ, чтобы она послѣ экзамена могла скорѣе возвратиться домой. Вторая новость состояла въ томъ, что матушка уже написала въ Петербургъ письмо своимъ братьямъ, въ которомъ она проситъ ихъ употребить всѣ усилія, чтобы ея младшую дочь (т. е. меня) приняли бы на казенный счетъ въ какой-нибудь изъ институтовъ. Немедленное Сашино возвращеніе необходимо было для того, чтобы она не опоздала на свадьбу Нюты. При этой третьей неожиданной новости, всѣ невольно обратились въ сторону сестры, но она сидѣла, не произнося ни слова, совершенно подавленная. Тогда матушка прибавила, обращаясь къ Натальѣ Александровнѣ: „Вы все расхваливаете моихъ дочерей... а между тѣмъ, какъ я имъ ни объясняю мое положеніе, онѣ не понимаютъ его... Воображаютъ себя принцессами крови!..."

— Ну, ужъ вы то на нихъ никоимъ образомъ не можете жаловаться! Ваши дочери на рѣдкость образцовыя дѣвушки! Александринъ блистательно кончаетъ курсъ, безъ вашей помощи, безъ денежныхъ затратъ, безъ гувернантокъ изучила иностранные языки, владѣетъ ими, какъ природная иностранка! Нюточка—чудная хозяйка, неутомимо работаетъ, не выходитъ изъ вашего повиновенія...

— Работаетъ... Не выходитъ изъ повиновенія!...—повторяла матушка иронически.—Дѣти не могутъ, не смѣютъ, не должны выходить изъ повиновенія родительской власти! Если бы изъ моихъ дочерей кто-нибудь настолечко (она указала на самый кончикъ своего мизинца) осмѣлился бы забыть это... О, я бы сумѣла заставить ее опомниться!—Затѣмъ матушка нѣсколько смягчила свой тонъ.—Сами онѣ видятъ, да и я имъ, кажется, достаточно вбиваю въ голову, что у нихъ нѣтъ ничего. Но тогда, когда это нужно твердо помнить, у нихъ это какъ-то изъ головы вылетаетъ! Изволите видѣть, объявляю вотъ этой (она кивнула головою въ сторону Нюты), что Савельевъ къ ней сватается...

Чтожъ вы думаете? Вдругъ начинаетъ выбрасывать изъ себя всякіе пустяки: „боюсь!.. У него дикіе глаза! Онъ страшный!.. Я такъ еще молода... онъ старъ для меня... А когда я на дняхъ объявляю ей, что этотъ бракъ для семьи крайне необходимъ, она изволила даже стращать меня: „умру... брошусь въ озеро... ненавижу его!..“ Вотъ видите-ли, Наталья Александровна, когда на дѣлѣ требуется выказать матери довѣріе и послушаніе, вотъ что я получаю... Но я, конечно, обращаю нуль вниманія на всю эту ерунду! Какъ ты думаешь (матушка поворачиваетъ голову въ сторону Нюты), зачѣмъ существуетъ законъ, чтобы дѣти безпрекословно повиновались родителямъ? Съ благу-магу что-ли это сочинили? Нѣтъ-съ, извините-съ, такой законъ существуетъ потому, что родители, какъ болѣе опытные, несравненно лучше понимаютъ пользу своихъ дѣтей, чѣмъ они сами.

Причины своихъ неожиданныхъ поступковъ и рѣшеній матушка иногда объясняла своимъ дочерямъ, но ни одна изъ нихъ въ ту пору не рѣшалась критиковать ихъ, развѣ иногда, да и то лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, смиренно умоляя ее смягчить тотъ или другой ея приговоръ. При составленіи новаго плана жизни для насъ, матушка, послѣ смерти няни, уже ни къ кому не обращалась за совѣтомъ: никѣмъ не ограничиваемая въ самодержавіи родительской власти, она заставляла насъ неуклонно слѣдовать всему, что она предписывала. При проведеніи въ жизнь той или иной программы, начертанной ея властной волей, ея деспотическимъ характеромъ, никогда не имѣла въ виду ни своей личной выгоды, ни своего покоя а руководилась исключительно пользою ея дѣтей, но очень часто понятой крайне односторонне. Въ своей жизни я встрѣчала мало такихъ женщинъ, какою была моя мать, которая отдавала бы всю свою жизнь до послѣдней капли крови самому тяжелому труду исключительно ради интересовъ своихъ дѣтей, но, повторяю, эти интересы она понимала крайне своеобразно, а подчасъ просто даже нелѣпо. Вотъ, вѣроятно потому-то, когда жизнь разбила всѣ ея иллюзіи, когда судьба злобно посмѣялась надъ ея планами, которыми она думала осчастливить свою семью, когда даже тяжелый трудъ ея жизни не принесъ ни нравственнаго удовлетворенія, ни отчасти даже и той матеріальной пользы ея дѣтямъ, на которую она расчитывала, когда рушились и всѣ ея надежды на личное счастье ея дѣтей, она, уже будучи старой женщиной, съ такимъ же самоотверженіемъ стала служить идеаламъ 60-хъ годовъ, призывавшимъ къ общественной дѣятельности, требовавшимъ жертвъ не во имя человѣка, какъ бы онъ ни былъ близокъ по крови, а во имя народа. Въ этотъ освободительный періодъ русской жизни она уже горячо порицала насиліе надъ чувствами кого бы то ни было; суровая къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, она удивительно нѣжно любила своихъ внуковъ. Да, когда я вспоминаю, какъ она измѣнилась подъ вліяніемъ жизненныхъ невзгодъ и освободительныхъ идей, невольно приходится воскликнуть: „o tempora, o mores!“

Поразивъ присутствующихъ новостями, матушка начала сообщать подробности своихъ будущихъ плановъ. Во все продолженіе обѣда она говорила почти одна. Она не сомнѣвалась въ томъ, что ея братьямъ, быстро взбирающимся вверхъ по іерархической лѣстницѣ, не составитъ большого труда опредѣлить ея младшую дочь въ одинъ изъ институтовъ. И относительно моего будущаго, какъ и въ остальномъ, у матушки все было обдумано до мельчайшихъ подробностей. Ко вступительному экзамену я должна быть подготовлена не только хорошо, но блистательно, чтобы немедленно попасть въ разрядъ самыхъ первыхъ учениць въ институтѣ, чтобы кончить курсъ съ медалью, которая даетъ бѣдной дѣвушкѣ много преимуществъ и надежду на прекрасное мѣсто, необходимо привлечь вниманіе начальства и учительскаго персонала уже съ перваго шага. Приготовлять меня къ учебному заведенію будетъ Савельевъ. Свои педагогическія способности онъ прекрасно проявилъ въ преподаваніи французскаго языка. Займется онъ съ ея младшею дочерью и другими предметами, вѣдь времени свободнаго у него хоть отбавляй..

Придется приспособить его и къ хозяйству, разсуждала она, ни на іоту не стѣсняясь въ своихъ выраженіяхъ присутствіемъ Нюты, уже почти его невѣсты. Ему самому пріятнѣе будетъ приносить пользу ея дѣтямъ, хлѣбъ которыхъ онъ будетъ ѣсть съ женою. Матушка подробно разсказала, какъ Савельевъ обрадовался, когда она намекнула ему о томъ, что онъ съ женою будетъ жить у нея. „Я, конечно, не въ восторгѣ отъ этого брака, наивно добавляла она: голъ, какъ соколъ, все, что имѣетъ—гнилой домишко въ двѣ горницы, значитъ и помѣститься-то обоимъ молодымъ негдѣ будетъ... Что же дѣлать! Былъ бы только дѣльный человѣкъ! Ужъ куда намъ о состояніи мечтать! Меня смущаютъ только его странности!.. Но когда будетъ жить со мной,—я всѣ эти глупости выбью у него изъ башки! Ахъ, глупышка, глупышка! вдругъ среди пространныхъ своихъ разсужденій обратилась матушка къ Нютѣ. Чего это ты съ такимъ отчаяніемъ смотришь на все? Ужъ не думаешь-ли ты, что твоя родная мать закабалитъ тебя съ мужемъ? Сыграемъ свадьбу... Вы отдохнете, можете, какъ слѣдуетъ, справить свой медовый мѣсяцъ, а въ это время съ дѣвочкой можетъ Саша заниматься!.. Но, конечно, послѣ этого уже придется вамъ обоимъ серьезно взяться за дѣло“.

Хотя браки по исключительному желанію родителей были обычнымъ явленіемъ, но едва-ли даже и въ то время многіе руководились такимъ оригинальнымъ соображеніемъ, какъ матушка.

Мнѣніямъ, высказаннымъ ею за обѣдомъ на бракъ и родительскую власть, никто, конечно, не противорѣчилъ, но Воинова, знавшая по опыту, что значитъ жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, должно быть, искренно жалѣла сестру: когда меня послали въ гостиную что-то поискать, Наталья Александровна съ заплаканными глазами крестила и цѣловала Нюту, рыдавшую на ея плечѣ. Что она внушала ей, я не слыхала, но, конечно, не протестъ и

борьбу съ деспотизмомъ родительской власти, а, вѣроятно, на разные лады давала лишь совѣты покорности и смиренія, которыя все глубже и глубже погружали русскихъ людей въ тину рабства и отчаяннаго произвола, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни.

Желая свято сохранять завѣтъ няни, Саша упросила матушку оставить меня до ея возвращенія изъ пансіона у Воиновыхъ, на что съ радостью получено было согласіе. Такимъ образомъ, я провела у нихъ цѣлый мѣсяцъ, во время котораго меня ни разу не навѣстила матушка, что крайне удивляло Наталью Александровну. Наконецъ, за мной пріѣхала Саша, только наканунѣ возвратившаяся домой. Въ первый разъ я видѣла ее въ красивомъ туалетѣ, въ длинномъ платьѣ, сшитомъ по модѣ, какъ у настоящей взрослой дѣвушки, въ изящной лѣтней шляпѣ, въ перчаткахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Хотя я должна была ожидать, что она явится ко мнѣ въ красивомъ нарядѣ (о туалетахъ, устраиваемыхъ для нея пансіономъ, у насъ много говорили), но для меня было такъ ново видѣть кого-нибудь изъ моей семьи хорошо одѣтымъ, что я стояла пораженная передъ нею и разглядывала ее съ головы до ногъ.

Насъ всѣхъ одѣвали болѣе чѣмъ скромно: конечно, это прежде всего было результатомъ нашего плохого матеріальнаго положенія, но отчасти причиною этою была и излишняя дѣловитость матушки, которая не терпѣла тратить хотя нѣсколько рублей на такіе пустяки, какъ одежда. Каждая тряпка въ нашемъ домѣ не только вычищалась, вымывалась и выворчивалась на всѣ лады, но если низъ платья оказывался уже никуда не годнымъ, его обрѣзали и къ нему пришивали въ видѣ отдѣлки спорокъ съ какого нибудь другого платья, обыкновенно иного цвѣта и иного качества матеріи. „Точно отдѣлочка вышла!“ любовалась няня. Матушка, какъ огня боявшаяся, что кто-нибудь изъ насъ хотя на минуту забудетъ о нашемъ невзрачномъ матеріальномъ положеніи, обыкновенно добавляла: „Ну, намъ то всѣ эти отдѣлочки и белендрясы, какъ коровѣ сѣдло!“ Однако, этотъ индиферентизмъ къ туалету матушка не сумѣла внушить своимъ дѣтямъ: они очень рано начали стыдиться своихъ убогихъ платьевъ, особенно, когда я являлась къ Воиновымъ, гдѣ дѣтей одѣвали не только хорошо, но и со вкусомъ.

„Шурочка, моя прелестная Шурочка“, думала я, разглядывая сестру еще издали, и вдругъ съ радостнымъ крикомъ помчалась къ ней на встрѣчу. И теперь, послѣ многихъ, многихъ десятковъ лѣтъ, когда я закрываю глаза и думаю о злосчастной судьбѣ моей горячо любимой сестры, я рѣдко вижу ее такою, какой она была передъ вѣчною разлукой со мной, т. е. въ 26 лѣтъ, когда она уже выглядѣла совершенной старухой—съ блѣдными, провалившимися щеками, со страдальческою улыбкой на выцвѣтшихъ губахъ, съ безнадежною грустью во взорѣ своихъ умныхъ глазъ, въ то время, когда надъ ея головою пронеслось уже много жи-

тейскихъ бурь, когда она въ конецъ была измучена непосильной работой... Она гораздо чаще представляется мнѣ такой, какою явилась передо мной въ тотъ памятный для меня день, когда она только что кончила курсъ въ пансіонѣ, во всемъ блескѣ молодости, въ пышномъ расцвѣтѣ юной весны, въ рамкѣ черныхъ, какъ смоль, пышныхъ локоновъ, до пояса (модная прическа дѣвицъ того времени). Густой румянецъ ея полныхъ щекъ рѣзко оттѣнялъ бѣлизну ея лица и высокаго, благороднаго лба; въ ея живыхъ синихъ глазахъ свѣтились радость и веселье, а ея розовыя губы постоянно вздрагивали и только ждали случая, чтобы разразиться раскатистымъ смѣхомъ. Она не была красавицей, но ея миловидная, стройная фигура, живой темпераментъ, живые синіе глаза привлекали болѣе всякой красавицы и краснорѣчиво говорили о жизни, молодости, веснѣ и счастьѣ.

Мы возвращались съ сестрою въ лодкѣ. Когда она причалила къ берегу, насъ встрѣтила Дуняша (горничная сестры, жившая съ нею въ пансіонѣ) и быстро стала сообщать домашнія новости. Послѣ отъѣзда Саши за мной, пріѣхалъ мой старшій братъ Андрей на побывку... „Бравый кавалеръ, изъ себя красавецъ, отъ барышенъ проходу не будетъ, докладывала она. Барыня то на него просто не наглядится!.. Что грѣха таить, любитъ-то она его больше всѣхъ своихъ дѣтей!"

Какъ только Саша узнала о пріѣздѣ брата, она быстро побѣжала къ дому, а я отстала отъ нея, чтобы узнать остальныя новости. Матушка только что отправилась съ Савельевымъ по дѣлу въ Бухоново. „Видно, барыня рѣшила пріучать его къ хозяйству... Да и что такъ-то ему безъ дѣла путаться!.. Можетъ, оттого и дуритъ!.. Ну, да барыня-то его живо къ рукамъ приберетъ!.."

— А что Нюта, все еще плачетъ?

— И Боже мой, какъ рѣкой разливаются!

— А гдѣ же Домна?

— Какъ только барыня съ похоронъ возвратились, такъ ее въ тотъ-же часъ на скотный сослали. За какую провинность—барыня не изволили сказывать, а чтобы, значитъ, говорятъ, твоего духу въ домѣ не было. Теперь я одна буду у васъ горничной... Ужъ всей моей душой буду вамъ потрафлять, чтобъ, значитъ, васъ не прогнѣвить...

Когда я вошла въ гостиную, гдѣ братъ болталъ съ сестрами, онъ расцѣловалъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни, сталъ внимательно оглядывать и вдругъ разразился смѣхомъ: Да, Лизуша, ты одѣта по послѣдней парижской картинкѣ! Зачѣмъ же это такъ уродуютъ дѣвочку? И въ такомъ нарядѣ она была въ гостяхъ, въ богатомъ домѣ! Нюта! да и ты не лучше одѣта, а еще невѣста!.. Вѣдь въ порядочномъ петербургскомъ домѣ въ такомъ туалетѣ ты не могла бы даже прислуживать за столомъ!" И онъ сталъ смѣло говорить о томъ, что матушка, видимо, чудитъ больше прежняго, что она окончательно забыла, что ея дѣти — дворяне,

и что лично его она страшно конфузитъ передъ товарищами: за весь годъ его пребыванія въ дворянскомъ полку въ Петербургѣ онъ получилъ отъ нея лишь нѣсколько жалкихъ рублишекъ. Между тѣмъ у него много обязательныхъ тратъ: въ полку то и дѣло устраивается подписка, въ которой волей-неволей долженъ участвовать каждый; онъ бываетъ на балахъ, что заставляетъ его покупать перчатки, давать лакеямъ на чаи въ тѣхъ домахъ, которые онъ посѣщаетъ. Какъ только она возвратится, онъ сегодня же затѣетъ съ нею по этому поводу серьёзный разговоръ, укажетъ ей на свое унизительное положеніе въ полку, вслѣдствіе безденежья. Сестры возражали ему, что у матушки ничего нѣтъ, что она съ утра до ночи бьется, какъ рыба объ ледъ.

— Куда же дѣваются деньги отъ продажи разнаго тамъ домашняго хлама?.. Ну, напримѣръ, масла, коровъ и другой дребедени?—спрашивалъ онъ.

Сестры отвѣчали ему, что небольшая часть денегъ остается на домашнія потребности, что, несмотря на нашу чрезвычайно скромную жизнь, все-же приходится покупать кое-что, но что бо́льшая часть денегъ идетъ на постройку и ремонтъ разныхъ хозяйственныхъ зданій, которыя уже давно пришли въ полный упадокъ: въ нынѣшнемъ году отстроенъ заново скотный дворъ, а также хлѣва для овецъ и свиней.

— Какъ?—вскричалъ братъ съ бѣшенствомъ.—Всякіе скоты... четвероногія животныя.. бараны, свиньи, — ей дороже насъ, ея родныхъ дѣтей!

Сестры возражали ему, что если не будетъ скота, хозяйство пойдетъ прахомъ, и самимъ намъ ѣсть нечего будетъ, но братъ продолжалъ выкрикивать: „Да поймите же вы, наконецъ... Это вѣдь прямо нелѣпость!.. Вы думаете только о будущемъ, а въ настоящемъ—по вашему хоть околѣвай!.. Мнѣ очень скоро рѣшительно ничего не нужно будетъ отъ „нея“! Буду получать жалованье... Оно будетъ увеличиваться... Ей еще могу удѣлять! А ужъ васъ, сестренокъ, я не позволю „ей“ наряжать, какъ мѣщанокъ! Самъ буду покупать и посылать вамъ туалеты! А то она и на моихъ деньгахъ, присланныхъ для васъ, будетъ устраивать экономію!“

Какъ бы удивился Андрюша, еслибъ ему кто нибудь шепнулъ тогда о томъ, что, каково бы ни было его жалованье, онъ всегда будетъ страдать отъ недостатка средствъ, всегда будетъ нуждаться въ помощи матери и до самой своей смерти своимъ безденежьемъ будетъ приводить въ отчаяніе всѣхъ насъ—его близкихъ.

Когда Андрюша высыпалъ все, что у него накопилось горькаго на душѣ, онъ сталъ иронизировать надъ предстоящимъ бракомъ сестры. По его словамъ, онъ понялъ бы, если бы матушка выдавала свою дочь за богатаго человѣка, чтобы поправить свои дѣлишки: такъ дѣлаютъ всѣ, и это натурально, но выдавать дочь противъ ея желанія, чтобы сдѣлать будущаго зятя своимъ прикащикомъ и учителемъ... Вотъ чудиха то! Попомните мое слово—

здорово „она“ нарвется съ нимъ! Она думаетъ, что чужимъ человѣкомъ можно такъ же помыкать, какъ своими дѣтьми и крѣпостными,—ну, покажетъ онъ ей себя!

Саша горячо начала умолять его исполнить одну ея просьбу.

— Господи, Боже мой! Кажется ты думаешь, что я бревно безчувственное! Я до смерти люблю всѣхъ васъ, сестренки! Я все радъ для васъ сдѣлать! Говори же, въ чемъ дѣло?

И дѣйствительно, несмотря на легкомысліе своего характера, которое Андрюша сохранилъ до старости, несмотря на то, что онъ насъ, своихъ сестеръ, часто ставилъ въ тяжелое матеріальное положеніе и доставлялъ намъ много горя, онъ горячо любилъ насъ, а мы просто обожали его. И это такое обычное явленіе въ нашихъ семьяхъ. Въ Россіи во всѣ времена было много идеалистовъ, великихъ героевъ, отдававшихъ свою жизнь за родину и общественные идеалы, но во всѣ времена у насъ шла величайшая путаница и неурядица въ семейныхъ отношеніяхъ. Англичанинъ, французъ, нѣмецъ, вообще культурный человѣкъ Западной Европы, когда говоритъ, что любитъ сестру, брата, отца, мать, то употребляетъ всѣ усилія, чтобы оберегать ихъ отъ страданій, но у насъ въ семейной жизни все выходитъ какъ-то навыворотъ: никто не причиняетъ такъ много горя другъ другу, никто не наноситъ въ самое сердце такихъ тяжелыхъ ранъ, какъ люди, связанные между собою узами крови и чувствомъ любви.

Саша убѣждала брата, что если кто можетъ теперь спасти Нюту отъ ненавистнаго брака, то только онъ одинъ, такъ какъ матушка любитъ его болѣе всѣхъ насъ, и онъ долженъ явиться настоящимъ защитникомъ и покровителемъ ея въ этомъ случаѣ. Пусть онъ поговоритъ объ этомъ съ матушкою, но онъ долженъ быть очень осторожень, чтобы какъ-нибудь не раздражить ее, ни подъ какимъ видомъ не упрекать ее за ея рѣшеніе, доказывать ей лишь одно, что она можетъ ошибиться въ своихъ расчетахъ относительно Савельева.

Братъ горячо принялъ къ сердцу все сказанное ему и рѣшилъ приставать къ матушкѣ съ просьбою разстроить этотъ бракъ до тѣхъ поръ, пока она при немъ не откажетъ Савельеву, а если тотъ „расхорохорится за отказъ, онъ будетъ уже имѣть дѣло со мною“...

Мы пришли въ такой восторгъ отъ его словъ, что бросились его обнимать, а Нюта цѣловала даже его руки.

— Ахъ, дурочки дурочки,—повторялъ онъ растроганный нашею благодарностью,—неужели вы думали, что я дамъ васъ въ обиду?

И какъ только матушка возвратилась домой, онъ понесся въ ея спальню и моментально забылъ о томъ, что ему при разговорѣ съ нею необходима была вся его дипломатія, какъ для ходатайства за сестру, такъ и для того, чтобы имѣть возможность просить ее объ увеличеніи суммы на его личные расходы. До нельзя вспыльчивый и экспансивный, совершенно позабывъ свои

личные расчеты, онъ сразу сталъ укорять мать за нелѣпый бракъ, устраиваемый ею. И вотъ къ намъ уже доносится громкій, негодующій крикъ матушки, а затѣмъ съ шумомъ распахнулась дверь ея спальни, и показался Андрюша, выталкиваемый ея властной рукой. Взбѣшенный, прибѣжалъ онъ къ намъ и бросился на стулъ. „Какъ съ мальчишкой... чуть не дерется!“ началъ было онъ, весь дрожа отъ гнѣва, но Саша зажала ему ротъ рукою и вмѣстѣ съ Нютою потянула его въ переднюю, а оттуда въ садъ; я побѣжала за ними.

— Я взялъ отпускъ на 28 дней... но ни дня не останусь дольше у васъ! Нѣтъ, покорно благодарю!.. Какую волю взяла!

— Мамаша навѣрно выслушала бы тебя, — перебила его Саша,—если бы ты разговаривалъ съ ней, какъ она къ этому привыкла! Вѣдь она такъ любитъ тебя!

— Если любитъ, такъ ужь совсѣмъ на особый ладъ! Смотритъ, любуется, слезы катятся градомъ, то и дѣло повторяетъ: „весь въ отца!“, а какъ только я сталъ говорить о томъ, что она родную дочь выдаетъ замужъ, какъ подкидыша, какъ падчерицу, за перваго проходимца... за нищаго... Такъ она точно бѣлены объѣлась.

— Что ты надѣлалъ, что ты надѣлалъ! —въ ужасѣ воскликнули сестры.

— Не я, а вы все это надѣлали! Нюта! Если ты не тряпка, ты передъ алтаремъ, во всеуслышаніе скажешь, что мать принуждаетъ тебя къ этому распостылому браку...

— Что ты, Андрюша, опомнись! Чтобы я опозорила матушку?

Въ эту минуту раздался звонъ колокольчика и бубенцовъ, и къ нашему крыльцу лихо подкатилъ щегольской экипажъ, запряженный тройкой великолѣпныхъ лошадей въ богатой упряжи. Съ помощью лакея изъ него вышелъ прекрасно одѣтый полный человѣкъ лѣтъ за сорокъ, со свѣтскими манерами, съ просѣдью въ густыхъ черныхъ вьющихся волосахъ, съ непріятнымъ выраженіемъ толстыхъ губъ, но въ общемъ довольно красивый. Матушка уже стояла на крыльцѣ, и мы тоже подошли къ экипажу. Оказалось, что это Лунковскій, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ сосѣдняго уѣзда, жившій отъ насъ въ 70—80 верстахъ, посѣщавшій насъ со своею женою еще при жизни нашего отца и въ семействѣ котораго разъ или два была и матушка. Старшая дочь Лунковскихъ воспитывалась въ одномъ пансіонѣ съ Сашею, но была еще въ младшемъ классѣ. Въ настоящее время Лунковскій пріѣзжалъ по дѣлу къ одному изъ нашихъ сосѣдей-помѣщиковъ и пожелалъ возобновить знакомство съ нашимъ семействомъ. Черезъ два дня, какъ онъ сообщилъ, день его именинъ; у него обѣдъ, собирается много гостей, и онъ приглашалъ матушку къ себѣ со всей семьей. Онъ прибавилъ, что безъ Андрюши онъ завтра не уѣдетъ отсюда. Матушка отказалась за себя и за дочерей, но сына съ удовольствіемъ отпустила къ нему.

Когда Лунковскій отправился съ Андрюшей въ комнату, при-

готовленную для нихъ, матушка съ Нютой пришли въ дѣтскую, гдѣ я спала тогда съ Сашею. Сцена съ сыномъ у нея, вѣроятно, уже вылетѣла изъ головы: она была въ прекрасномъ настроеніи и сказала сестрамъ, что если онѣ желаютъ потанцовать, то она завтра же скажетъ Лунковскому, что отпуститъ ихъ съ Андрюшею, что это легко устроить уже потому, что у Саши есть нарядныя платья и что одно изъ нихъ можно какъ-нибудь приладить и для Нюты. Но обѣ мои сестры отказались наотрѣзъ. Саша заявила, что Лунковскій ей очень не нравится, что о немъ идетъ до того дурная молва, что когда онъ просилъ начальницу пансіона порекомендовать ему гувернантку изъ кончившихъ у нея курсъ, она отказалась отъ этого, подъ предлогомъ, что у нея нѣтъ въ данную минуту подходящихъ дѣвушекъ. Матушка тоже припомнила кое-что нелестное о немъ: по слухамъ, онъ кутежами сильно разстроилъ богатѣйшее имѣніе своей жены, но еще чаще слышала она о томъ, что онъ большой „бабникъ“.

На мой вопросъ, что это значитъ, матушка закричала на меня, а потомъ сказала фразу, которую я обыкновенно слышала, когда старшіе не умѣли или не хотѣли чего-нибудь объяснить дѣтямъ: „много будешь знать, скоро состаришься“.

Хотя день свадьбы еще не былъ назначенъ, но матушка рѣшила, что такъ какъ Саша дома, она и должна заниматься со мною; ей тоже хотѣлось освободить Савельева отъ уроковъ, чтобъ дать ему возможность поближе сойтись съ своею невѣстою, и самой начать пріучать его къ хозяйственнымъ дѣламъ и почаще ѣздить съ нимъ на деревенскія работы.

Какъ хорошо, какъ пріятно проводила я время съ Сашею. Всѣ письменныя занятія со мной она перенесла на утро, а послѣ обѣда, если погода позволяла, мы отправлялись въ садъ: тамъ заставляла она меня читать и разсказывала много для меня интереснаго. Меня особенно привлекало къ ней то, что она держала себя со мной, какъ со взрослой подругой: съ увлеченіемъ бѣгала въ „перегонки“ и даже разсуждала о бракѣ Нюты. Она говорила, что ей такъ же, какъ и брату, кажется, что какъ только Ѳеофанъ Павловичъ женится на сестрѣ, такъ и перестанетъ давать мнѣ уроки. Часто высказывалась она и относительно того, что ей бы очень не хотѣлось оставлять меня дома одну послѣ замужества сестры. Боязнь огорчить Сашу и ея болѣе толковое преподаваніе,— заставляли меня безропотно учиться съ нею по нѣскольку часовъ въ день. Но и послѣ уроковъ я не отходила отъ нея ни на минуту, — она нравилась мнѣ все болѣе и болѣе. Въ совершенный восторгъ привела она меня, когда начала втягивать въ маленькіе домашніе заговоры. Всѣ они, сколько помнится, были направлены противъ Ѳеофана Павловича. Зная, какъ Нюта не любитъ оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ, мы съ Сашею бѣжали къ нему на встрѣчу, когда онъ приближался къ нашему дому и говорили ему, что сестра ушла по хозяйству или что у нея болитъ голова, и, такимъ образомъ, избавляли ее иногда на цѣлый день

отъ присутствія жениха, который, однако, не получалъ еще на это званіе офиціальнаго разрѣшенія. Саша задумала и болѣе рѣшительное предпріятіе, лишь бы разстроить этотъ злосчастный бракъ. Она нерѣдко возобновляла со мною разговоръ о томъ, что я обязана вмѣстѣ съ нею на колѣняхъ умолять матушку отказать Савельеву въ рукѣ сестры, и что мы должны продолжать эти просьбы даже и тогда, когда матушка будетъ насъ выгонять, бранить и сердиться. Въ первый разъ, когда мы привели въ исполненіе этотъ заговоръ, онъ сошелъ для насъ благополучно, вѣроятно, потому, что въ ту минуту матушку раздражило какое то новое чудачество ея будущаго зятя, но возможно, что она не разсердилась и потому, что Саша была предназначена ею для осуществленія ея самыхъ пламенныхъ надеждъ. Второе же наше ходатайство окончилось неожиданнымъ для насъ инцидентомъ, который дѣлалъ дальнѣйшее наше вмѣшательство въ судьбу сестры уже совершенно не нужнымъ. Однажды съ утра Нюта встала съ постели съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ; мы рѣшили съ Сашею вечеромъ возобновить наше заступничество за нее. Когда матушка возвратилась съ работъ, мы отправились къ ней въ столовую и прикрыли за собой дверь, такъ какъ сестра передъ этимъ легла отдохнуть въ сосѣдней комнатѣ вслѣдствіе недомоганья и хронической безсонницы. Когда мы бросились на колѣни передъ матушкой, это такъ взорвало ее, что она стала кричать на весь домъ. Въ ту же минуту дверь отворилась и вошла Нюта. „Спасибо вамъ, сестрицы, — говорила она голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, обнимая и цѣлуя насъ, не надо матушку больше безпокоить... Хоть и не выноситъ „его" моя душа, но что же дѣлать, — видно такова моя судьба! . Ко мнѣ сейчасъ во снѣ явилась покойная тетя Анфиса (наша дальняя родственница, настоятельница одного женскаго монастыря) и строго приказала не перечить матушкѣ, такъ какъ самъ Господь предназначаетъ „его" для меня".

Сонъ сестры, конечно, не имѣлъ для матушки ни малѣйшаго значенія, тѣмъ не менѣе она очень была рада такому благопріятному выходу изъ затруднительнаго для нея положенія. Растроганная, со слезами обнимала и цѣловала она всѣхъ насъ, а на другой день, рано утромъ, переговоривъ съ Савельевымъ, отправилась съ нимъ къ священнику. Но тутъ явилась другая забота: срокъ отпуска Андрюшѣ уже приходилъ къ концу, а онъ, пробывъ дома только сутки, не показывался болѣе. Матушка письмомъ, отправленнымъ съ нарочнымъ къ Лунковскому, спрашивала его о сынѣ, но получила въ отвѣтъ, что Андрюша, прогостивъ у него три дня, отправился къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ.

Братъ возвратился домой только утромъ наканунѣ свадьбы, когда въ домѣ шла невообразимая сумагоха. Онъ былъ до такой степени смущенъ, поведеніе его было настолько странно, что это замѣтила даже матушка, не отличавшаяся наблюдательностью. На ея вопросъ, гдѣ онъ „пропадалъ", онъ, совершенно переконфу-

зившись, отвѣчалъ, что страдалъ адской головной болью, которая заставляла его ѣздить по знакомымъ, чтобы разсѣяться, но голова трещитъ до сихъ поръ, а потому онъ сейчасъ же отправится на охоту, въ надеждѣ, что ему поможетъ свѣжій воздухъ. Матушка, приписывая его смущеніе тому, что онъ весь свой отпускъ провелъ внѣ дома, не приставала къ нему, тѣмъ болѣе, что была поглощена разнообразными хлопотами: множество народу являлось къ ней въ этотъ день за ея распоряженіями, ей приходилось писать записки то одному, то другому, разсылать въ разныя стороны верховыхъ. Хотя сестры тоже были заняты по горло, но онѣ все-таки удосужились чуть не силою втащить брата въ свою комнату. Но и имъ ничего не удалось добиться отъ него: хватаясь за голову, онъ въ отчаяніи кидалъ фразы, въ родѣ слѣдующихъ: „Я пропащій! Я несчастный человѣкъ!“ И вырвавшись отъ нихъ, онъ сейчасъ же убѣжалъ съ ружьемъ, якобы на охоту. Вечеромъ онъ возвратился поздно, когда мы уже разбрелись по своимъ комнатамъ, а на другой день была свадьба, и никто не думалъ о немъ. Черезъ дня два послѣ нея ему уже пришлось ѣхать въ Петербургъ.

Послѣ свадьбы, комнаты нашего дома приняли нѣсколько иной видъ. Для молодыхъ отведена была матушкина спальня, а изъ прежней столовой (подлѣ этой комнаты) былъ устроенъ кабинетъ Ѳеоѳана Павловича. На одной изъ его стѣнъ онъ развѣсилъ свои ружья и пистолеты, на другой—прибилъ большой коверъ, на которомъ, по ярко голубому фону, была вышита пастушка въ розовомъ платьѣ, окруженная бѣлыми овечками. Наша гостиная превращена была въ общую столовую, а зала служила гостиной. Подъ свою спальню матушка взяла самую крошечную комнатюрку подлѣ моей дѣтской, въ которой мы попрежнему помѣщались съ Сашею.

И теперь, послѣ свадьбы, какъ и прежде, матушка съ утра выходила на полевыя работы или уѣзжала въ управляемыя ею имѣнія; мы съ Сашею тоже продолжали прежній образъ жизни. Никто изъ насъ не входилъ въ комнаты молодыхъ, къ дверямъ которыхъ Савельевъ прибилъ крючки, и онѣ теперь всегда были на запорѣ. Мы видѣли молодыхъ только за обѣдомъ и ужиномъ: въ хорошую погоду они съ утра уходили въ лѣсъ, а въ дождливые дни сидѣли на своей половинѣ. Если у насъ было какое-нибудь экстренное дѣло къ сестрѣ, мы должны были стучаться въ дверь молодыхъ, что было нововведеніемъ, такъ какъ всѣ двери прежде были открыты. Всегда сдержанная, Нюта сдѣлалась теперь совершенно замкнутой и апатичной: блескъ молодости и выдающейся красоты быстро исчезалъ. Постепенно утрачивала она и свой нѣжный румянецъ: ея щеки поблѣднѣли, ея чудные голубые глаза сдѣлались мутными и какими то выцвѣтшими. Но ея слезъ мы уже не видѣли, не слыхали отъ нея и какихъ бы то ни было жалобъ на мужа; впрочемъ, о немъ она ничего не говорила, точно боялась произносить даже его имя. Савельевъ сидѣлъ за обѣдомъ

молча, отвѣчалъ только на вопросы, да и то какъ-то отрывочно, а нерѣдко и совсѣмъ невпопадъ. Мало по-малу и мы стали рѣже заговаривать съ нимъ. Онъ какъ будто этого не замѣчалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на кого въ домѣ, кромѣ своей жены. Ѣлъ онъ торопливо и съ невѣроятною жадностью все, что бы не было подано, а между блюдами, когда онъ не былъ занятъ ѣдою, онъ поворачивался въ сторону жены и его бѣгающіе глаза безостановочно скользили по ея лицу. Она тоже продолжала молчать, только еще ниже наклоняя голову надъ тарелкой. Въ такія минуты всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, и матушка сердито кричала: „да несите же скорѣе остальное“.

Съ послѣднимъ глоткомъ Савельевъ вставалъ изъ-за стола и уходилъ въ свою комнату; сестра спѣшила за нимъ. А если когда послѣ его ухода она оставалась съ нами на нѣсколько минутъ, Савельевъ возвращался въ столовую и прерывалъ ее словами: „Опять болтовня! Да иди же къ себѣ!“ При звукѣ его голоса Нюта вздрагивала, испуганно вскакивала съ своего мѣста и безпрекословно шла за нимъ.

Очень возможно, что всѣхъ этихъ перемѣнъ въ сестрѣ и мелочей въ жизни молодыхъ я бы сама и не замѣтила, но на Сашу теперь то и дѣло находила какая-то грусть; нерѣдко она бросалась на траву и начинала плакать. Когда я умоляла ее объяснить мнѣ причину ея слезъ, она говорила: „Посмотри, что дѣлается съ Нютою! Она таетъ, какъ свѣчка! Она несчастна! А мы даже не знаемъ, въ чемъ дѣло! Господи, чѣмъ бы ей помочь?“ Тоже говорила она и матушкѣ, которая сама замѣчала, что что-то неладное творится съ ея замужнею дочерью. Иногда за обѣдомъ матушка начинала вопросительно поглядывать то на нее, то на ея супруга, и крупныя слезы катились изъ ея глазъ. Несмотря на свой крайне вспыльчивый характеръ, она крѣпилась и молчала. И вотъ отчасти это молчаніе матушки, ради котораго ей приходилось дѣлать, конечно, невѣроятныя усилія, презрительные взгляды, которые она бросала на своего зятя, ея частые слезы при взглядѣ на дочь, всеобщее молчаніе во время нашихъ трапезъ или какой-нибудь вымученный разговоръ, присутствіе за столомъ этого до невѣроятности страннаго и чужого для насъ человѣка, дѣлали наши обѣды для всѣхъ насъ все болѣе тягостными и невыносимыми. Сдерживая себя въ присутствіи зятя, матушка отводила душу въ нашей комнатѣ, когда она послѣ ужина приходила къ намъ: тогда уже, не стѣсняясь горничной, приготовлявшей къ ночи постели, она ругала его на чемъ свѣтъ. Ее раздражало не только то, что онъ не далъ счастья ея дочери, но вотъ уже прошелъ цѣлый мѣсяцъ послѣ свадьбы, а онъ еще не принимается за работу, не предлагаетъ ей своихъ услугъ по хозяйству, рѣшительно ничего не дѣлаетъ и смѣетъ еще оттягивать Нюту отъ ея обычныхъ обязанностей въ домѣ. Саша при этомъ высказывала предположеніе, что онъ дурно обращается съ женой и строго запрещаетъ ей оставаться съ нами: Нюта прибѣгаетъ къ намъ, говорила она, только

тогда, когда ей необходимо что-нибудь примѣрить на кого-нибудь изъ насъ, при этомъ она всегда страшно торопится и въ ту же минуту бѣжитъ въ свои комнаты.

Савельева всѣ у насъ какъ-то сразу возненавидѣли до невѣроятности, и эта ненависть къ нему пока не имѣла никакихъ основаній. Каковъ бы ни былъ Савельевъ, но прислуга никогда не слыхала отъ него ни одного грубаго слова; его требованія по отношенію къ ней были ограничены болѣе, чѣмъ у кого бы то ни было изъ членовъ моей семьи, онъ никогда не выражалъ никому своего неудовольствія, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, развѣ буркнетъ горничной: „подай воды“ или: „убирай комнаты“. Вмѣсто того, чтобы каждую минуту звать къ себѣ горничную, заставлять ее снимать съ себя обувь, какъ это водилось въ тѣ времена почти у всѣхъ господъ, онъ передъ сномъ выставлялъ свое платье и сапоги въ переднюю, и этимъ ограничивались почти всѣ его отношенія къ служащимъ. Хотя онъ почти никого не зналъ въ лицо, но всѣ „бабы“ въ домѣ и даже на скотномъ дворѣ ненавидѣли его отъ всего сердца. Такою же нелюбовью пользовался онъ и среди крестьянъ, съ которыми онъ не имѣлъ ни малѣйшаго дѣла. Когда мы съ Сашею проходили мимо избъ, кто бы намъ ни встрѣтился изъ крѣпостныхъ,—всѣ мужики и особенно бабы старались свести разговоръ на Савельева: „Ужъ какъ Анна то Миколаевна наша сохнетъ“. А бабы къ этому еще добавляли: „порченый онъ, барышничка, ей Богу, порченый! Ужъ какъ энтихъ-то порченыхъ Василёвская Уфимья выправляетъ!..“ Еще чаще пророчили они Савельеву, но, конечно, заглазно, гнѣвъ матушки: „Не сдобровать ему, окаянному! Барыня-то наша терпитъ-терпитъ пока что, а какъ ёнъ въ чемъ ей поперечитъ, али, храни Богъ, усе сложа руки будить сидѣть, али тамъ съ ружейцомъ своимъ прохлажаться, да глазыньки барынѣ бездѣльемъ мозолить, она прикажетъ старостѣ связать его, да въ телѣгу бросить, и отправитъ въ городъ, чтобъ съ имъ расправу сдѣлали, али отошлетъ въ евойное богатое помѣстье жирѣть на своихъ харчахъ“. Эту незаслуженную ненависть крестьянъ къ Савельеву я могу объяснить себѣ лишь крѣпостническими нравами и понятіями того времени: наши люди прекрасно понимали неудовольствіе „барыни“ ея зятемъ, знали о бѣдности, какъ его, такъ и его родителей, и этого одного уже было достаточно для того, чтобы вызвать въ рабскихъ душахъ крестьянъ того времени презрѣніе и ненависть къ человѣку.

Нюта, сидя съ мужемъ въ своей комнатѣ, продолжала обшивать семью, хотя далеко не такъ усердно, какъ прежде. Что же касается домашняго хозяйства, то она имъ болѣе совсѣмъ не занималась. Каждый изъ насъ понималъ, что это было не по ея винѣ. Хотя честность горничной Дуняши, на руки которой перешло домашнее хозяйство, была внѣ всякаго сомнѣнія, но такъ какъ она была неопытной хозяйкой, то и вела его плохо и неэкономно. Матушка по этому поводу какъ-то стала совѣтоваться съ Нютой послѣ обѣда, но вдругъ появился Савельевъ и, обращаясь

къ женѣ, рѣзко крикнулъ: „Мнѣ надоѣла твоя болтовня! Иди сейчасъ къ себѣ!“. Сначала сдержанно, а затѣмъ совсѣмъ несдержанно, матушка начала выливать на него всю злобу, накопившуюся въ ея душѣ. Онъ долго молча шагалъ по комнатѣ, но когда она нѣсколько разъ прокричала ему: „Когда же, наконецъ, кончится вашъ медовый мѣсяцъ? Когда вы приметесь за уроки съ моею дочерью?.. Когда перестанете держать жену взаперти и дадите ей возможность хозяйничать?“,—онъ остановился передъ матушкою, его лицо передергивалось отъ нервныхъ судорогъ, онъ, видимо, долго не могъ произнести ни слова, наконецъ прошипѣлъ хриплымъ голосомъ: „Ни вашимъ подручнымъ, ни приказчикомъ, ни учителемъ—быть не желаю! Жену свою дѣлать портнихою и экономкою не позволю!“

— Такъ я васъ вышвырну изъ своего дома!

— Извольте-съ! Я уйду!.. Но, конечно, съ женою.

Затѣмъ онъ быстро подошелъ къ столу, дрожащими руками налилъ и выпилъ стаканъ воды, сѣлъ на диванъ и, обративъ лицо въ сторону матушки, вдругъ закричалъ во все горло: „Жила! Кремень-баба! Выжига! Изъ родныхъ дѣтей выпила кровь!.. Теперь взялась за меня! Нѣтъ-съ!..“ И вдругъ, запрокинувъ голову на спинку дивана, онъ захохоталъ... Но, Боже мой, какъ онъ захохоталъ! Его безумно-дикій, раскатистый смѣхъ съ какимъ-то горловымъ высвистомъ, какъ мнѣ казалось, потрясалъ стѣны нашего дома, былъ ужасающимъ громомъ передъ жестокой грозой. Съ крикомъ испуга бросилась я вонъ изъ комнаты; по моимъ пятамъ бѣжали матушка и Саша, и мы трое юркнули въ дѣтскую. Совершенно растерянныя и подавленныя, мы не произносили ни слова, только все крѣпче жались другъ къ другу, а звуки дикаго, безумнаго хохота все еще продолжали доноситься къ намъ и, казалось, могли прекратиться только порвавъ нить жизни этого злого генія нашей семьи.

— Нюта, бѣдная, одна! — вдругъ, точно очнувшись, — вскричала Саша, вырываясь изъ объятій матушки, и побѣжала на помощь сестрѣ.

Хохотъ, наконецъ, прекратился: изъ открытой двери нашей комнаты къ намъ доносился шумъ какой-то возни, но мы сидѣли молча, пока не вошла Саша. Она разсказала намъ, что съ Савельевымъ, повидимому, былъ сильный припадокъ (тогда каждую внезапную нервную болѣзнь у взрослыхъ называли припадкомъ, а у дѣтей—родимчикомъ), послѣ чего онъ вдругъ такъ ослабѣлъ, что не могъ самъ встать съ дивана, но что теперь онъ нѣсколько успокоился: Дуняша и Нюта отвели его въ спальню.

Вотъ отрывокъ изъ дневника Саши по этому поводу. „Ужасающій хохотъ Савельева будетъ долго раздаваться въ моихъ ушахъ. Какъ онъ напоминаетъ мнѣ хохотъ другого человѣка, который я слышала съ годъ тому назадъ. Когда однажды мы, пансіонерки, отправились за городъ гулять съ нашею учительницею, изъ открытаго окна одного дома вдругъ раздался такой же

ужасающій хохотъ. Мы страшно испугались и пустились бѣжать. Учительница разсказала намъ, что она знакома съ хозяевами этого дома, что въ немъ живетъ сумасшедшій, съ своею матерью, женою и дѣтьми, что въ его комнатѣ безотлучно дежурятъ два здоровенныхъ мужика, такъ какъ онъ пытается бѣгать по улицамъ нагишемъ, и, если не досмотрѣть, бросается съ ножемъ на своихъ близкихъ. Ѳеоѳанъ Павловичъ — странный до дикости человѣкъ, но не сумасшедшій же онъ? Онъ ни на кого не бросается съ ножемъ, не выскакиваетъ голый на улицу, не говоритъ совершенной безмыслицы, но онъ — человѣкъ, вполнѣ лишенный моральныхъ чувствъ... Какъ посмѣлъ онъ такъ опорочить мамашеньку, къ которой всѣ кругомъ относятся съ величайшимъ почтеніемъ? Какъ дерзнулъ онъ при своей женѣ осыпать ея родную мать возмутительными эпитетами? О, если-бъ я была мужчиной, я считала бы своимъ долгомъ вызвать его за это на дуэль! Какъ ужасно думать, что судьбу моей сестры, безъ любви съ ея стороны, противъ ея воли, вручили этому ужасному человѣку! Вѣдь нельзя же сказать, что Нюта согласилась на этотъ бракъ потому, что она видѣла во снѣ тетю Анфису, которая приказала ей не итти наперекоръ матушкиному желанію. Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Ей и привидѣлся этотъ сонъ только потому, что она, по кротости своего характера, находила невозможнымъ продолжать противорѣчить матушкѣ; она прекрасно поняла, что въ концѣ концовъ матушка все-таки выдала бы ее замужъ за Савельева.

„Мой незабвенный покойный отецъ былъ противъ того, чтобы силою заключать браки между крѣпостными,—и матушка считала своею обязанностью соблюдать этотъ завѣтъ. Но что же она нарушила его относительно своей родной дочери? Судьбу сестры она бросила на алтарь семейныхъ интересовъ, но вѣдь и эти интересы должны же имѣть свой предѣлъ! Вѣдь. если ихъ ставить превыше облаковъ ходячихъ, тогда во имя ихъ слѣдуетъ задушить въ себѣ всякую совѣсть, съ легкимъ сердцемъ убивать ближняго, воровать, торговать своею честью! Вѣдь это же ужасно, и такіе расчеты возмутительны, даже... какъ мнѣ это страшно написать.. преступны, и мамашенька совершила надъ своею дочерью преступное насиліе. И вотъ само Провидѣніе покарало ее за это, — ея расчеты не оправдались Савельевъ, на подобіе духа тьмы... Какъ исчадіе ада, какъ настоящая гадина преисподней, адски-злобно, ей въ глаза высмѣялъ ея расчеты... Всю ночь объ этомъ продумала я, я, несмотря на мое почтеніе, дочернюю преданность и привязанность къ дорогой для меня матери, я не могла унять, не могла заглушить крика моего возмущеннаго сердца... Оно, какъ маятникъ часовъ, тикало мнѣ въ уши: „моя родная мать поступила со своею дочерью безжалостно, жестоко, преступно!“ За мою мать я готова итти въ огонь и въ воду, я безпрекословно, до послѣдняго вздоха, буду трудиться для нея и для семьи, но насиловать мои чувства, которыя принадлежатъ только мнѣ, только мнѣ одной, я бы не позволила и ей, моей ро-

димой матушкѣ!.. Если-бы я была на мѣстѣ Нюты, я наотрѣзъ отказалась бы отъ навязаннаго мнѣ брака, даже если-бы матушка грозила мнѣ своимъ проклятіемъ, грозила бы лишить меня своей материнской любви... Господи! Если ты всесильный, если правда то что помимо Твоей воли съ нашей головы не можетъ упасть и волоса, уйми ропотъ моего сердца, уничтожь во мнѣ сомнѣнія на счетъ твоего существованія, дурныя чувства къ матушкѣ и непочтительныя мысли о ней! Если ты существуешь, облегчи страданія моей несчастной сестры, — вѣдь она же ни въ чемъ неповинна!

„Вчера, когда мы сидѣли втроемъ послѣ припадка Савельева (несчастная младшая сестренка—ничего не видитъ, кромѣ самыхъ неподходящихъ для ея возраста семейныхъ сценъ), къ намъ вошла Нюта.

„Наконецъ то и ты заглянула къ намъ! Почему ты точно избѣгаешь насъ? Почему никогда не приходишь посидѣть съ нами?" Вотъ какими словами встрѣтила ее матушка. Глаза сестры были сухи, но она имѣла видъ совершенно измученный. Она еле выдавливала изъ себя слова: „Въ первый разъ заснулъ, — вотъ и пришла. А то когда же? Вѣдь и по ночамъ онъ часто не спитъ... Куда пойду,—и онъ за мной"... Съ этими словами Нюта вдругъ припала къ матушкиному плечу и взяла ее за руку. „Если вы его выгоните... онъ и меня возьметъ съ собою... Вѣдь и теперь онъ меня тиранитъ... а тогда у него и всякій страхъ пропадетъ... Мамашенька! Не губите меня окончательно"... И она закрыла лицо руками, но не плакала, вѣроятно потому, что уже раньше выплакала всѣ слезы.

— Нюта, Нюта! Родная моя! Я!.. Я тебя загубила! – отчаянно рыдала матушка, прижимая сестру къ своей груди. — Вѣдь выгнать-то я его хотѣла, чтобы избавить тебя отъ него.

— Поздно!.. Онъ и подъ землей меня найдетъ".

Е. Н. Водовозова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

———◆———

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855 — 1881).

(Окончаніе [1]).

XXIV.

Учрежденіе „верховной распорядительной комиссіи“.—Личность и взгляды Лорисъ-Меликова.—Характеръ его дѣятельности. — Назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ и его либеральные проекты. — Такъ называемая „Конституція Лорисъ-Меликова“. — Отношеніе къ Лорисъ-Меликову либераловъ и революціонеровъ.—1-ое марта.—Манифестъ 29 апрѣля 1881 года.—Реакція восьмидесятыхъ годовъ.—Заключеніе.

Указъ объ учрежденіи „верховной распорядительной комиссіи“ послѣдовалъ 12 февраля 1880 года. Этимъ указомъ Лорисъ-Меликову ввѣрялась военно-полицейская диктатура во всей имперіи для подавленія „крамолы“, причемъ требованія его обязывались исполнять безпрекословно всѣ вѣдомства, не исключая военнаго.

По мысли, которая предложена была цесаревичемъ Александромъ, и по указу 12-го февраля на Лорисъ Меликова возлагалась задача, главнымъ образомъ, репрессивная; ни о какомъ участіи сердца въ этой диктатурѣ тогда не упоминалось [2]). Но черезъ

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“, февраль, мартъ, апрѣль, май—іюль, августъ, сентябрь, октябрь.

[2]) Въ указѣ 12 февраля 1880 г. было сказано, что учрежденіе „верховной комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ и назначеніе Лорисъ-Меликова *начальникомъ* этой комиссіи съ чрезвычайными полномочіями вызвано „твердымъ рѣшеніемъ“... „положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ“. Члены комиссіи назначались Государемъ по представленію ея главнаго начальника (были назначены: *К. П. Побѣдоносцевъ*, еще не бывшій въ то время оберъ-прокуромъ Синода, генералы: *кн. Имеретинскій, Черевинъ и Батьяновъ*, управл. дѣлами к—та м—ровъ *М. С. Кохановъ*, сенаторы: *Ковалевскій, Шамшевъ и Марковъ* и правитель канц. м—ра вн. дѣлъ *Перфильевъ*). Лорисъ-Меликову предоставлялось приглашать къ присутствію въ к—сіи кого онъ признаетъ полезнымъ. По дѣламъ охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія глав. начальнику к—сіи предоставлены: а) права главноначальствующаго въ Петербургѣ и его окрестностяхъ съ непосредствен-

день Лорисъ-Меликовъ опубликовалъ прокламацію къ жителямъ Петербурга, въ которой писалъ, что съ твердостью стремясь къ искорененію преступниковъ, онъ въ то же время желаетъ успокоить и оградить законные интересы благомыслящей части общества. „На поддержку общества — писалъ онъ тамъ же — смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества“ [1]).

Мы не будемъ здѣсь подробно описывать исторію „диктатуры сердца“, тѣмъ болѣе, что она въ настоящее время довольно обстоятельно изложена у Татищева [2]). Постараемся освѣтить лишь основныя черты этого режима и ту роль, которую онъ сыгралъ въ исторіи нашего общественнаго движенія.

А. И. Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ“ разсказываетъ, какъ Лорисъ-Меликовъ, познакомившись съ нимъ въ 1875 г. на водахъ въ Эмсѣ, сказалъ ему, что читалъ его книгу „Наше положеніе“ и вполнѣ сочувствуетъ высказаннымъ тамъ взглядамъ [3]) Главный выводъ этой книжки былъ: необходимость созыва Земской Государственной Думы въ славянофильскомъ вкусѣ, съ правами совѣщательнаго собранія при самодержавномъ монархѣ.

Позднѣе встрѣтившій Лорисъ-Меликова за границей докторъ Н. А. Бѣлоголовый рисуетъ намъ его въ своихъ воспоминаніяхъ чрезвычайно отзывчивымъ, гуманнымъ и либеральнымъ [4]). Такимъ же представляется онъ и въ брошюрѣ „Конституція графа Лорисъ-Меликова“ [5]). Повидимому, Лорисъ-Меликовъ

нымъ подчиненіемъ ему петербургскаго градоначальника, б) прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ петербургскомъ военномъ округѣ и в) верховное направленіе всѣхъ такихъ дѣлъ по всѣмъ прочимъ мѣстностямъ имперіи. *Всѣ требованія* начальника верхов. распоряд. к—сіи по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка *подлежали немедленному исполненію* со стороны всѣхъ начальствъ и вѣдомствъ, не исключая военнаго. Всѣ вѣдомства обязаны были во всемъ оказывать ему полное содѣйствіе. Онъ могъ испрашивать непосредственно у Государя повелѣнія и указанія, когда признавалъ это нужнымъ, и имѣлъ право дѣлать всѣ распоряженія и принимать всѣ мѣры, которыя признавалъ необходимыми для охраны государственнаго порядка во всей имперіи, при чемъ ему же предоставлено было опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе этихъ распоряженій, а также порядокъ наложенія взысканій. Распоряженія его подлежали безусловному исполненію всѣми и каждымъ и могли быть отмѣнены лишь имъ самимъ или особымъ высочайшимъ повелѣніемъ.

[1]) Обращеніе Лорисъ-Меликова къ жителямъ столицы. Текстъ его напечатанъ былъ во всѣхъ современныхъ журналахъ и газетахъ. См., напр., мартовскую книжку «Вѣстника Европы» за 1880 г., стр. 394.

[2]) *Татищевъ*, т. II, стр. 624—657 Срав. приведенныя въ ст. *П. Е. Щеголева* „Изъ исторіи „Конституціонныхъ вѣяній“ въ 1879—1881 гг.“ („Былое“ за 1906 г., № 12) относящіяся сюда выписки изъ дневника *П. А. Валуева*.

[3]) „Записки“, стр. 218.

[4]) „Воспоминанія“, изд. 2-ое, стр. 182 и слѣд.

[5]) „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, изд. фонда вольной русской прессы. Лондонъ 1893 г. *П. Е. Щеголевъ* въ указанной выше статьѣ

искренно симпатизировалъ тѣмъ земцамъ, которые дѣлали время отъ времени свои представленія правительству объ увѣнчаніи зданія реформъ созывомъ земскаго собора. Поэтому вѣроятно такъ сильно и укоренилось въ обществѣ нашемъ преданіе о конституціи Лорисъ-Меликова; на самомъ же дѣлѣ никакой такой конституціи не было. Призванный въ 1880 г. на свой отвѣтственный постъ, Лорисъ-Меликовъ непосредственной задачей своей считалъ несомнѣнно уничтоженіе террористической организаціи и умиротвореніе русскаго общества. Миссія его была въ сущности полицейская, хотя онъ и не смотрѣлъ на борьбу съ террористами съ узко-полицейской точки зрѣнія. Но несомнѣнно, что онъ былъ въ то-же время очень далекъ отъ мысли о немедленномъ дарованіи Россіи конституціоннаго устройства. Въ первыхъ своихъ докладахъ императору Александру онъ говоритъ о конституціонномъ настроеніи въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ; но тутъ же совершенно категорически высказывается не только противъ конституціи въ западно-европейскомъ смыслѣ, но и противъ славянофильскаго земскаго собора. Онъ опасался, что собранные въ какое бы то ни было государственное собраніе народные представители принесутъ съ собой массу жалобъ, упрековъ и *справедливой* критики, на которые въ данный моментъ правительству очень трудно будетъ представить удовлетворительныя объясненія. Поэтому Лорисъ-Меликовъ, совершенно отрицая своевременность какихъ бы то ни было преобразованій въ этомъ смыслѣ, на первый разъ выставилъ лишь необходимость ослабить тотъ гнетъ, подъ которымъ находились всѣ классы общества и итти на встрѣчу нѣкоторымъ справедливымъ желаніямъ земствъ. Въ этомъ и заключалась сущность диктатуры сердца.

Первыя его дѣйствія были направлены къ объединенію власти, въ цѣляхъ болѣе сосредоточенной борьбы съ революціонерами. Именно въ этихъ видахъ онъ потребовалъ сперва подчиненія III отдѣленія верховной распорядительной комиссіи, а затѣмъ и совершеннаго его упраздненія. Но, упраздняя III отдѣленіе, онъ вовсе и не думалъ упразднять тайной полиціи, жандармеріи и всего съ нею связаннаго, а просто передалъ всѣ эти средства, *въ видахъ сосредоточенія и усиленія репрессивной власти*, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Революціонеровъ онъ преслѣдовалъ безпощадно, и выстрѣлившаго въ него Млодецкаго казнилъ безъ всякихъ колебаній, не взирая на трогательное заступничество

говоритъ, что составитель этой брошюры тотъ же *Н. А. Бѣлоголовый*. Иная характеристика Лорисъ-Меликова у г. *Русанова* („Былое" за 1906 г., № 12, стр. 51); однако же, отзывы *Кошелева* и въ особенности *Н. А Бѣлоголоваго*, близко узнавшаго Лориса, какъ человѣка, кажутся намъ достовѣрнѣе. Надо имѣть въ виду, что Кошелевъ описываетъ Лориса, когда онъ ни о какой диктатурѣ еще мечтать не могъ, а Бѣлоголовый—значительно позднѣе событій 1880—1881 г.г. (въ 1884—1888), когда гр. Лорисъ-Меликовъ самъ критически относился къ прошлому и каялся въ ошибкахъ. Срав. также отзывъ современныхъ газетъ и журналовъ, столь разнородныхъ, какъ Аксаковская „Русь", „Земство" и „Вѣстникъ Европы".

Всеволода Гаршина. Временные генераль-губернаторы, военные суды, вся обстановка бѣлаго террора—остались при немъ неприкосновенными. Но онъ употребилъ много энергіи на то, чтобы эти преслѣдованія направлялись исключительно противъ революціонеровъ и задѣвали какъ можно меньше интересы обывателей. Затѣмъ уже онъ ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ подавленія революціоннаго движенія, стремиться къ возвращенію отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ. Въ то же время, въ стремленіи къ сосредоченію и объединенію власти, онъ заходилъ такъ далеко, что не ограничился объединеніемъ жандармской и общей полиціи, но постарался, при помощи министра юстиціи, объединить съ полиціей и прокурорскій надзоръ, что не могло не отозваться неблагопріятно на сохраненіи чувства независимости въ персоналѣ судебныхъ учрежденій, воспитаннаго въ нихъ судебными уставами.

Репрессія при Лорисъ-Меликовѣ не уменьшилась, а только упорядочилась, потому что онъ старался сдѣлать ее изъ безсмысленной—болѣе разумной и строго направленной къ одной только цѣли.

По отношенію къ земству, къ сословнымъ и городскимъ учрежденіямъ Лорисъ-Меликовъ старался упразднить всѣ ненужныя стѣсненія и внушить властямъ предержащимъ извѣстную предупредительность къ законнымъ нуждамъ и интересамъ населенія и его представителей [1]). Тѣмъ не менѣе, когда Борзенское уѣздное, а за нимъ и Черниговское уѣздное земства представили ходатайства о возвращеніи гласнаго Петрункевича, то хотя Петрункевичу разрѣшено было переѣхать изъ Костромской губерніи въ другую мѣстность, но возвратиться въ Черниговскую губернію ему не позволили.

Въ отношеніи печати Лорисъ-Меликовъ значительно ослабилъ цензурный гнетъ, но свобода слова не входила въ его программу; онъ замѣнялъ ее „разумнымъ руководствомъ". Тѣмъ не менѣе настрадавшаяся при Валуевѣ и Тимашевѣ печать почувствовала при Лорисъ-Меликовѣ большое облегченіе. Въ этотъ періодъ сразу открылось много новыхъ газетъ, изъ которыхъ имѣли больше другихъ значенія: либеральный, съ явными конституціонными тенденціями, „Порядокъ" М. М. Стасюлевича, „Страна" Я. П. Полонскаго, „Земство" В. Ю. Скалона и А. И. Кошелева и славянофильская „Русь" И. С. Аксакова. Впрочемъ, самъ Аксаковъ значительно уходился съ годами, и въ его новой газетѣ уже не было того молодого задора и того здороваго демократическаго духа, который такъ ярко выступалъ въ его газетахъ шестидесятыхъ годовъ [2]). Изъ толстыхъ журналовъ въ это время возникла „Рус-

---

[1]) Это не мѣшало мѣстнымъ властямъ во многихъ мѣстахъ самодурствовать попрежнему. См. факты въ статьѣ газеты „Земство" (1880 г. декабрь, № 2, стр. 13—19), въ которой программа Лорисъ-Меликова и ея исполненіе были подвергнуты строгому и обстоятельному разбору.

[2]) См. статью *И. С. Аксакова* о положеніи печати при Лорисъ-Меликовѣ и нач. глав. у—нія по дѣл. печати Н. С. Абазѣ въ *Руси* за 1881 г.

ская Мысль" подъ редакціей С. А. Юрьева, человѣка, близкаго по своимъ взглядамъ къ славянофиламъ.

Наконецъ, самая крупная заслуга Лорисъ-Меликова въ первые мѣсяцы его диктатуры заключалась въ рѣзкомъ обличеніи вреднаго и антиобщественнаго значенія Толстовскаго режима въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Въ своемъ программномъ докладѣ онъ прямо указалъ на необходимость отставки гр. Толстого и добился ея. Вмѣсто Толстого назначенъ былъ А. А. Сабуровъ, ясно показавшій намѣреніе возвратиться къ принципамъ Головнина. Отставка Толстого была несомнѣнно самымъ радостнымъ событіемъ для всѣхъ слоевъ общества въ 1880 году Почти одновременно съ Толстымъ былъ уволенъ и министръ финансовъ Грейгъ, заслужившій себѣ весьма неприглядную репутацію. Вмѣсто него назначенъ былъ А. А. Абаза, одинъ изъ членовъ того кружка либеральныхъ чиновниковъ, къ которому принадлежалъ въ 60-ыхъ годахъ Николай Милютинъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ отставки Грейга отмѣненъ былъ налогъ на соль

Верховная распорядительная комиссія просуществовала только шесть мѣсяцевъ, послѣ чего Лорисъ-Меликовъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ [1]). Сблизившись въ этотъ промежутокъ времени съ передовыми земцами и съ нѣкоторыми либеральными, но не радикальными органами печати, которые склонны были смотрѣть на режимъ установленный Лорисъ-Меликовымъ, съ большими надеждами и даже нѣкоторымъ оптимизмомъ [2]),—въ противоположность радикаламъ „Отечественныхъ Записокъ", относившихся къ нему съ недовѣріемъ,—Лорисъ-Меликовъ самъ взглянулъ оптимистически на результаты принятой имъ правительственной системы. Хотя партія террористовъ давала о себѣ знать время отъ времени подпольными изданіями [3]) и хотя Лорисъ-Ме-

---

отъ 18 апрѣля по поводу отставки Н. С. Абазы; перепечатано въ IV т. его сочиненій, стр. 383; срав. внутр. обозр. „Вѣстника Европы" за ноябрь 1880 г. и въ книгѣ *К. К. Арсеньева* „Законодательство о печати", стр. 111, а также „Земство" за 1881 г., № 6 (обзоръ 1880 года).

[1]) 6 августа 1880 года. — 30 августа на имя Лорисъ-Меликова данъ былъ рескриптъ, въ которомъ офиціально было признано, что умиротвореніе уже наступило, что „оказалось возможнымъ, если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ мѣръ" и что „нынѣ Россія можетъ вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія".

[2]) Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что серіозные либеральные органы („Вѣстникъ Европы", „Порядокъ", „Страна", „Земство"), привѣтствуя мѣры облегченія гнета, царившаго до тѣхъ поръ, относились все же къ программѣ Лорисъ-Меликова и въ особенности къ ея осуществленію чрезвычайно строго и трезво, критикуя и обличая всѣ случаи уклоненій и старательно отдѣляя его программу отъ своей собственной. Въ этомъ отношеніи въ особенности слѣдуетъ указать „внутреннія обозрѣнія" *К. К. Арсеньева* въ „Вѣстникѣ Европы" и замѣчательный разборъ программы Лориса и ея исполненія въ № 2 газеты „Земство" (декабрь 1880 г.).

[3]) См. „Листки Народной Воли" № 1 (1/VI 1880), № 2 (20/VIII 1880), № 3 (12/XII 1880) и номера 4 и 5 „Народной Воли" (обозрѣнія отъ 5/XII

ликовъ зналъ, что выдающіеся дѣятели этой партіи, названные арестованнымъ въ 1879 г. Гольденбергомъ (убившимъ въ Харьковѣ кн. Кропоткина), еще не находятся въ рукахъ правительства, однако, обманутый временнымъ прекращеніемъ террористистическихъ актовъ, онъ сталъ думать, что этотъ врагъ почти уничтоженъ или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабленъ. Понимая въ то же время, что вызванное его дѣйствіями общественное довѣріе можетъ укрѣпиться и развиться лишь на почвѣ органическихъ преобразованій и усиленныхъ законодательныхъ работъ, направленныхъ къ удовлетворенію насущныхъ народныхъ и общественныхъ нуждъ, онъ сосредоточилъ на этихъ работахъ все свое вниманіе. Успокаивая и смягчая нетерпѣніе болѣе горячихъ либераловъ, при помощи личныхъ бесѣдъ и переговоровъ, широко имъ практиковавшихся [1]), онъ предпринялъ въ то же время сенаторскія ревизіи въ разныхъ губерніяхъ, долженствовавшія выяснить нужды страны и недостатки существующей административной системы. Земскимъ дѣятелямъ онъ далъ очень важную работу, поручивъ земскимъ собраніямъ обсудить вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ [2]).

Императору Александру онъ указалъ на необходимость закончить и согласовать между собой великія преобразованія его царствованія, поднявъ, такимъ образомъ, тотъ самый вопросъ „объ увѣнчаніи зданія", который былъ столько разъ возбуждаемъ земскими ходатайствами. Но и тутъ онъ прежде всего указывалъ, что „по глубокому его убѣжденію", „для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды—по его мнѣнію—русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть". Равнымъ образомъ, Лорисъ-Меликову представлялось „далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время—писалъ онъ

1880 и 5/II 1881 (напечатаны въ изд. *В. Я. Богучарскаго* „Литература партіи Народной Воли", вып. I, стр. 138—236). Изъ нихъ особенно „Листки" № 2 и 3 посвящены рѣзкой, но обстоятельной критикѣ Лорисъ-Меликовскаго режима.

[1]) Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи его собесѣдованіе съ редакторами повременныхъ изданій, происходившее въ началѣ сентября 1880 г. въ Петербургѣ. Это собесѣдованіе впослѣдствіи дало поводъ къ злостнымъ нападкамъ на Лорисъ-Меликова въ присутствіи новаго императора Александра III со стороны графа С. Г. Строгонова (см. выписки изъ дневника П. А. Валуева въ указ. ст. *П. Е. Щеголева* въ „Былое" за 1906 г., № 12, стр. 282) и на него же съ ожесточеніемъ нападалъ авторъ замѣтки „Еще о лисьемъ хвостѣ" въ № 3 „Листка Народной Воли".

[2]) *Циркуляръ 22 декабря 1880 г.* Отвѣты земствъ, обзору которыхъ посвящена книга *В. Ю. Скалона* „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія" (М. 1884), послужили весьма существеннымъ матеріаломъ для работъ образованной въ 1881 г. комиссіи ст.-секр. Каханова.

въ докладѣ—настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое воссозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и, во всякомъ случаѣ, опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему" [1]). Несомнѣнно, послѣднее соображеніе перевѣшивало въ глазахъ Лорисъ-Меликова всѣ остальныя. Еще въ одномъ изъ первыхъ докладовъ своихъ Александру онъ писалъ: „Нельзя упускать изъ виду ту непреложную истину, что *опыты въ крупныхъ реформахъ не должны быть допускаемы, такъ какъ отнятіе разъ данныхъ правъ влечетъ за собой крайне опасныя послѣдствія*" [2]). Напрасно поэтому публицисты „Московскихъ Вѣдомостей" и отставной народоволецъ г. Тихоміровъ стараются увѣрить, что Лорисъ-Меликовъ, интригуя съ либералами, будто бы старался обмануть или обморочить Александра [3]). Если Лорисъ-Меликовъ хитрилъ съ кѣмъ-нибудь, то ужъ никакъ не съ государемъ, а скорѣе именно съ либералами, которымъ онъ говорилъ, въ видахъ ихъ успокоенія, что „на созваніе Земской Думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволенія Государя" [4]). Понятно, что не надѣялся разъ онъ самъ докладывалъ Государю, что созваніе Земской Думы опасно!

Вмѣсто созванія Земской Думы Лорисъ-Меликовъ предложилъ остановиться на учрежденіи въ Петербургѣ „временныхъ подготовительныхъ комиссій", на подобіе организованныхъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію, съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ. Такимъ образомъ, по его плану, реформы подготовлялись бы бюрократическимъ путемъ, а затѣмъ выработанныя предположенія предъявлялись бы на судъ земскихъ депутатовъ, приглашенныхъ изъ числа выборныхъ земскихъ людей, подобно тому, какъ проекты редакціонныхъ комиссій предложены были въ 1859 г. на разсмотрѣніе депутатовъ дворянскихъ комитетовъ. Часть членовъ этой *общей* комиссіи должна была выбираться земскими собраніями, другая часть должна была назначаться императоромъ изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій и, наконецъ, третья часть должна была назначаться особымъ порядкомъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ

---

[1]) Докладъ этотъ (помѣченный 28 января 1881 г.) въ настоящ. время напечатанъ полностью въ „Вѣстникѣ Права" за 1905 г., № 9 (ноябрь), стр. 284—291. Ранѣе содержаніе его извѣстно было по изложенію *Татищева*, т. II, стр. 650.

[2]) *Татищевъ*, II, стр. 641.

[3]) *Л. Тихоміровъ* „Конституціоналисты 1881 г.", стр. 50 и passim.

[4]) Срав. „Записки" *А. И. Кошелева*, стр. 253.

учрежденіяхъ не дѣйствуетъ [1]). Въ этомъ и заключалась вся Лорисъ Меликовская „конституція“. Очевидно—гора родила мышь, и если бы эти предположенія были торжественно объявлены 1 марта 1881 года, то они многихъ бы разочаровали. Но нельзя отрицать одного, что возстановленіе нормальнаго и болѣе или менѣе свободнаго теченія дѣлъ въ земствахъ и фактическое облегченіе цензурнаго гнета, подъ которымъ до того времени находилась наша печать, само по себѣ не могло не способствовать развитію и упроченію въ обществѣ либеральныхъ идей и соотвѣтствующихъ потребностей; а это, при спокойномъ теченіи дѣлъ, само собой привело бы, въ концѣ концовъ, къ созыву представительнаго собранія такъ какъ земскіе люди, конечно, разбили бы въ дребезги работу бюрократическихъ комиссій. Окончательное умиротвореніе страны не могло бы иначе быть достигнуто.

Дѣятельность Лорисъ Меликова встрѣчала во всякомъ случаѣ прямое и формально выраженное одобреніе со стороны земскихъ собраній. Такъ, напримѣръ, тверское губернское собраніе отправило ему адресъ, въ которомъ было, между прочимъ, сказано: „Въ короткое время ваше сіятельство сумѣли оправдать и довѣріе Государя, и многія изъ надеждъ общества. Вы внесли прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ. Вы мудро признали законныя нужды и желанія общества“. Въ заключеніе тверское земство выражало увѣренность, что „прискорбное прошлое не воротится, а для дорогого намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее“ [2]).

Но революціонеры, увлеченные всецѣло идеей захвата власти и направившіе почти всѣ свои силы на организацію террористической борьбы съ правительствомъ, не хотѣли отступиться хотя бы на время отъ этой послѣдней. Нѣкоторый перерывъ въ террористическихъ актахъ, обманувшій многихъ и въ томъ числѣ Лорисъ-Меликова, обусловливался чисто случайными неудачами задуманныхъ, но неосуществленныхъ покушеній. Лишь благодаря этимъ случайнымъ неудачамъ, императоръ Александръ II благополучно съѣздилъ осенью 1880 года въ Крымъ и вернулся оттуда. За то въ Петербургѣ устроена была въ это время цѣлая система подкоповъ и минъ, и независимо отъ этого изготовлены были и метательные снаряды. Рядъ проваловъ въ средѣ террористовъ, послѣдовательные аресты вожаковъ этой группы: Александра Михайлова, Желябова и Тригони сильно ослабили ихъ боевыя силы, но обстоятельство это не только не заставило ихъ отложить по-

---

[1]) „Докладъ“, напечат. въ „Вѣстникѣ Права“ за 1905 г., № 9, стр. 284; сравн. „Конституцію гр. Лорисъ-Меликова“, стр. 40; *Татищевъ* II, стр. 650 и слѣд.

[2]) „Земство“ 1881 г., № 6, стр. 15, отчетъ о тверскомъ собраніи. Надежды, которыя возлагали тогдашніе земцы на Лорисъ Меликова и новое направленіе правительственной дѣятельности лучше всего выражены въ ст. *В. Ю Скалона* „1880 годъ“, напечатанной въ газетѣ „Земство“ за 1881 г. № 6 и перепечатанной въ книгѣ „По земскимъ вопросамъ. Въ переходное время 1880—1882“. Спб. 1905.

кушеніе, а, наоборотъ, вынудило ихъ поспѣшить его выполненіемъ, тѣмъ болѣе, что и лавка Кобозева, гдѣ былъ устроенъ подкопъ на Малой Садовой, обратила уже на себя въ это время вниманіе полиціи. Послѣ ареста Желябова Перовская настояла на немедленномъ осуществленіи задуманнаго покушенія, и оно было исполнено 1-го марта.

Тихоміровъ въ своей брошюрѣ, основываясь на „Календарѣ Народной Воли" и перетасовывая различныя данныя, увѣряетъ, что въ партіи „Народной Воли", наряду съ организаціей террористическихъ покушеній, шла въ это время столь же серьезная работа для подготовленія возстанія. Дѣйствительно, тѣ же самые революціонеры, которые заняты были организаціей покушеній, вели въ это время пропаганду среди рабочихъ, среди молодежи и даже среди офицеровъ [1]). Однако же, результаты этой пропаганды были въ сравненіи съ поставленными цѣлями ничтожны, и не могли быть иными, потому что силы партіи были численно чрезвычайно слабы. Пропаганда среди офицеровъ, хотя и велась съ несомнѣнной энергіей, дала въ результатѣ лишь нѣсколько казней впослѣдствіи; а среди молодежи велась въ это время не столько пропаганда, сколько агитація, которая привела въ результатѣ къ вполнѣ безсмысленному инциденту на актѣ 8-го февраля въ петербургскомъ университетѣ [2]).

Лихорадочная дѣятельность террористовъ исчерпала ихъ силы. Нанеся 1-го марта смертельный ударъ императору Александру II, но отнюдь не самодержавной власти, они и сами должны были прекратить свою дѣятельность и сдѣлаться нѣмыми свидѣтелями реакціи, которая постепенно охватила послѣ 1 марта все русское общество.

Оживленіе либеральныхъ и конституціонныхъ идей, начавшееся при Лорисъ Меликовѣ, продолжалось нѣкоторое время по инерціи и послѣ 1 марта. Либеральные органы печати, основанные въ 1880 г: „Порядокъ", „Страна" и старый, но оживившійся „Голосъ", равно какъ и нѣкоторыя изъ земствъ, глубже другихъ захваченныя движеніемъ, пытались удержать занятыя позиціи. Нѣкоторыя земства и послѣ 1 марта представили адресы съ кон-

---

[1]) Тихоміровъ, стр. 65. Срав. данныя въ воспоминаніяхъ гг. *Ашенбреннера*, *Серебрякова*, въ показаніяхъ *Вѣры Ник. Фигнеръ*, а также въ предисловіи *Г. В. Плеханова* къ „Ист. революц. движ." *Туна*, на что мы уже ссылались.

[2]) Очень искаженное описаніе этого прискорбнаго инцидента было помѣщено въ № 5 „Народной Воли". Во всякомъ случаѣ сочувствующихъ пощечинѣ Сабурову въ средѣ самого студенчества было очень немного. Авторъ настоящихъ очерковъ, самъ бывшій въ то время студентомъ Петербургскаго университета, можетъ засвидѣтельствовать это по личнымъ своимъ воспоминаніямъ. Впрочемъ, и въ корреспонденціи „Народной Воли" указано, что изъ числа 500 человѣкъ студентовъ, подписавшихъ протестъ противъ дѣйствій правительства, только 82 чел. одобрили форму протеста, а остальные прямо оговорили, что считаютъ ее „безтактной" („Литература партіи Народной Воли", вып. I, стр. 235).

ституціонными ходатайствами или, какъ выразился тогда иронически злобно Катковъ, „протягивали къ правительству руку за благостыней“, другія демонстративно отказались отъ подачи какого бы то ни было адреса; но уже злобные реакціонные вопли издавались теперь не однимъ Катковымъ и его приспѣшниками, въ родѣ вновь основаннаго тогда „Берега“ Цитовича; они исходили и отъ Ивана Аксакова и проявлялись и въ его „Руси“, и въ яростной рѣчи, сказанной имъ послѣ 1 марта въ Славянскомъ Обществѣ въ Петербургѣ [1]). Манифестъ 29 апрѣля положилъ предѣлъ всякимъ либеральнымъ надеждамъ, возлагавшимся на новаго императора. Вслѣдъ за этимъ манифестомъ послѣдовала отставка Лорисъ-Меликова, потомъ Д. А. Милютина, Абазы и еще ранѣе Сабурова. Затѣмъ съ годъ продолжалась фальшивая, якобы славянофильская политика гр. Игнатьева и, наконецъ, настала настоящая темная ночь, въ которую только черезъ 10 лѣтъ (послѣ голода 1891—93 гг.) стали прорываться кое какіе симптомы разсвѣта...

Что реакція, наступившая послѣ 1 марта, была гораздо тяжелѣе и глубже той, которая послѣдовала вслѣдъ за выстрѣломъ Каракозова въ 1866 г — это видно всего яснѣе изъ того, съ какимъ спокойствіемъ общество наше перенесло кровную обиду, нанесенную ему въ 1882 г. назначеніемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ самаго ненавистнаго человѣка въ Россіи — бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого.

Наступившая реакція имѣла, разумѣется, свои глубокія причины, анализу которыхъ мы надѣемся посвятить особое изслѣдованіе.

Во всякомъ случаѣ было бы въ высшей степени близоруко возлагать отвѣтственность за несчастный исходъ освободительнаго движенія царствованія Александра II на революціонеровъ. Объективная и вдумчивая оцѣнка историческихъ фактовъ показываетъ, что настоящимъ виновникомъ этого было правительство того времени. Своею непослѣдовательностью, неустойчивостью въ либеральныхъ своихъ начинаніяхъ, неспособностью выносить малѣйшую оппозицію со стороны общества и склонностью прибѣгать для ея подавленія къ мѣрамъ произвольнымъ и террористическимъ—правительство сдѣлало невозможнымъ мирное развитіе страны.

Зачинщикомъ въ томъ двойномъ террорѣ, при которомъ пришлось русскому обществу жить и развиваться послѣ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, являлось именно правительство гг. Валуевыхъ и Тимашевыхъ, съ его наклонностью подавлять каждое независимое и самостоятельное выступленіе и мнѣніе отдѣльныхъ лицъ и всего общества.

Именно это свойство правительства способствовало всего болѣе быстрому превращенію общественнаго движенія въ революціонное. И сколько потребовалось непроизводительно загубленныхъ силъ и

---

[1]) Напечатана въ Сочиненіяхъ И. С. Аксакова, т. V, стр. 26. Срав. статьи изъ „Руси“, напечатанныя тамъ же, стр. 610—654.

жизней, сколько мрачныхъ лѣтъ напряженной борьбы, чтобы убѣдить тогдашнее правительство къ концу царствованія Императора Александра II въ невозможности побѣдить даже незначительную по численности группу революціонеровъ, при полной изолированности правительства отъ общества и народа. И когда царь въ этомъ, повидимому, убѣдился, оказалось уже поздно. Захваченные борьбой революціонеры уже не могли остановиться, да и правительство своими драконовскими мѣрами борьбы не давало имъ этой возможности.

А. А. Корниловъ.

Русскій депутатъ XVIII вѣка.

(Новые матеріалы для біографіи кн. М. М. Щербатова [1]).

12 декабря 1790 года скончался въ Москвѣ кн. Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, или *Щербатово*, какъ онъ всегда подписывался по примѣру своихъ предковъ XVII вѣка, а уже 20 декабря императрица Екатерина II пишетъ Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому: „Какъ по смерти тайнаго совѣтника князя Щербатова остались разные манускрипты, особливо же до Россійской исторіи касающіеся, которые охотно бы я желала пріобрѣсть для себя; то и поручаю вамъ освѣдомиться о томъ у наслѣдниковъ его, и буде они согласятся продать, увѣдомить меня, дабы я могла назначить надлежащія за нихъ деньги, манускрипты же пришлите ко мнѣ прямо; да и въ такомъ случаѣ, когда бы они не хотѣли инако продать ихъ, какъ со всею покойнаго библіотекою, я и на то соглашаюсь, ожидая отъ васъ увѣдомленія". Въ заключеніе Екатерина приписываетъ собственноручно: „Пуще старайтесь, чтобъ изъ рукописнаго ничего не пропало" [2]). Трудно сказать, что имѣла въ виду государыня, высказывая такую заботливость о Щербатовскихъ рукописяхъ: судя по ея словамъ, надо думать—или богатые его рукописные источники по русской исторіи, или историческія работы умершаго: едва ли она могла думать объ его многочисленныхъ неизданныхъ публицистическихъ трудахъ послѣднихъ лѣтъ жизни, въ которыхъ такъ много злой критики и желчныхъ нападокъ на ея дѣла и на ея личность.

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести въ дополненіе къ сообщаемымъ въ текстѣ еще нижеслѣдующія біографическія данныя о Щербатовѣ. Онъ родился 22 іюня 1733 года. Зачисленъ въ Семеновскій полкъ въ 1746 году, въ 1756 произведенъ въ прапорщики, въ мартѣ 1762 отставленъ капитаномъ. Въ 1767 году избранъ депутатомъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Въ 1771 году пожалованъ въ герольдмейстеры, 6 января 1778 года назначенъ президентомъ камеръ-коллегіи (въ Москву). 1 января 1779 года назначенъ сенаторомъ. Изъ президентовъ камеръ-коллегіи выбылъ за упраздненіемъ послѣдней 1 января 1784 года.

[2]) Русскій Архивъ, 1872 г. Письма и рескрипты Екатерины II московскимъ главнокомандующимъ, стр. 551.

Наслѣдники, не особенно освѣдомленные о ходѣ работъ и мыслей Щербатова, во всякомъ случаѣ, повидимому, хорошо знали, что далеко не все, имъ написанное, можно отдать въ руки Екатерины. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разразилась гроза надъ Радищевымъ, оставившая также свой слѣдъ на перепискѣ Екатерины съ Прозоровскимъ и, конечно, хорошо извѣстная москвичамъ. Въ первомъ некрологѣ кн. М. М. Щербатова, помѣщенномъ въ прибавленіи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 29 января 1791 года [1]), о рукописяхъ его говорится только: „остались послѣ него и еще нѣкоторыя ненапечатанныя сочиненія“, причемъ каждое слово этой фразы тщательно обдумывалось домашними и имѣло, повидимому, цѣлью умѣрить ходившіе въ обществѣ толки. Самыя опасныя въ цензурномъ отношеніи статьи на время передаются для сохраненія зятю князя Михаила Михайловича—извѣстному автору генеалогическихъ работъ Спиридову. Естественно, что хотя Екатерина и пріобрѣла библіотеку историка, но собраніе рукописей его разбилось на двѣ части: одна попала въ кабинетъ Императрицы, въ Эрмитажную библіотеку, а оттуда въ Императорскую Публичную, другая—осталась въ семействѣ Щербатовыхъ. Въ памяти современниковъ и ближайшаго потомства съ именемъ Щербатова соединялось представленіе лишь какъ объ историкѣ, много и добросовѣстно потрудившемся по изданію актовъ изъ древняго періода русской исторіи и изъ эпохи Петра Великаго и попытавшемся дать въ связномъ изложеніи полную исторію своего отечества. Однако же, авторитету его въ этой области какъ разъ въ послѣдніе годы жизни былъ нанесенъ тяжелый ударъ жестокой критикой Болтина, а тяжеловѣсная форма писаній Щербатова отбивала охоту знакомиться съ ними у широкой публики. Государственная дѣятельность Щербатова касалась довольно важныхъ предметовъ, но не отличалась внѣшнимъ блескомъ и оставалась совершенно неосвѣщенной для общества. Самый блестящій періодъ его политическаго поприща—его депутатство въ знаменитой Екатерининской комиссіи для сочиненіи проекта новаго уложенія—былъ основательно забытъ послѣ всѣхъ многообразныхъ событій продолжительнаго царствованія Екатерины, а его въ высшей степени интересныя публицистическія сочиненія попадались въ руки весьма немногимъ и притомъ, повидимому, всегда безъ имени автора.

Вскорѣ послѣ смерти Щербатова, въ 1791 году, напечатаны, правда два послѣдніе тома его исторіи Россійской, а въ 1792 (безъ имени автора) его „Примѣчанія на отвѣтъ генералъ-майора Болтина на письмо кн. Щер-

[1]) Этотъ важный біографическій очеркъ современника, повидимому, былъ хорошо извѣстенъ Бантышъ-Каменскому; позднѣйшіе же изслѣдователи его не знаютъ.

батова, сочинителя русской исторіи", но остальная масса его рукописныхъ трудовъ, какъ попавшихъ въ Петербургъ во дворецъ, такъ и сохранившихся въ Москвѣ у его сына, оставалась неизвѣстной сколько-нибудь широкому кругу лицъ.

Затѣмъ рукописи семейнаго архива претерпѣвали обычную участь книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ въ русскихъ дворянскихъ семьяхъ. Въ 1812 году горѣла Москва. Въ щербатовскомъ домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ (который потомъ принадлежалъ историку Погодину) хозяйничали французы. По свидѣтельству Водянскаго, богатая библіотека въ 15000 книгъ при этомъ сгорѣла и только въ подвалѣ уцѣлѣли бумаги [1]). Наиболѣе образованные и чуткіе душой представители молодого поколѣнія потомковъ Екатерининскаго вельможи всѣ безъ исключенія тяжко пострадали отъ гоненій конца царствованія Александра и начала царствованія Николая I [2]). Тяжелые удары, разразившіеся надъ семьей, нарушили спокойную ея жизнь и нормальную преемственность культурныхъ преданій. Рукописи дѣда лежали нечитанными и оставались неоцѣненными. На свѣтъ вышли, однако, первыми Щербатовскія рукописи не изъ числа пріобрѣтенныхъ Екатериной, а именно изъ этой ихъ отрасли. Въ 1855 году ихъ нашелъ у внучекъ Щербатова и прочиталъ Мих. Петр. Заблоцкій, и съ тѣхъ поръ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ появлялись все новыя и новыя произведенія спрятавшаго ихъ въ своихъ бумагахъ вдумчиваго писателя, такъ много перевидавшаго на своемъ вѣку и вынесшаго изъ своего опыта и своихъ мыслей столь безпощадную оцѣнку дѣйствій Екатерины и окружавшихъ ее вельможъ. Къ сожалѣнію, Заблоцкій вскорѣ умеръ, и это, конечно, весьма печально отразилось на выясненіи полнаго состава архива наслѣдниковъ Щербатова и на судьбѣ многихъ его произведеній. Во всякомъ случаѣ, начиная съ 1857 года, когда въ № 269 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" Заблоцкій сооб-

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1860 г. Книга I, Предисловіе къ „Разнымъ статьямъ кн. М. М. Щербатова".

[2]) Единственный внукъ Щербатова по мужской линіи, Иванъ Дмитріевичъ, продѣлавшій съ семеновскимъ полкомъ кампаніи 1812 и слѣдующихъ годовъ, хотя и не былъ въ Петербургѣ во время исторіи 1820 года въ Семеновскомъ полку, однако, тяжко пострадалъ за нее: онъ пробылъ въ заточеніи въ Витебской крѣпости до воцаренія Николая, а освобожденный послѣднимъ, сосланъ былъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ и умеръ вдали отъ родныхъ; въ числѣ сосланныхъ декабристовъ были: родной внукъ Щербатова (сынъ его дочери Ирины и его ученика въ изслѣдованіи родословныхъ) — Спиридовъ и мужъ его родной внучки (Натальи Дмитріевны, рожденной Щербатовой) кн. Θедоръ Петровичъ Шаховской. Внуками Щербатова (сыновьями его дочери Натальи) были и братья Петръ и Михаилъ Яковлевичи Чаадаевы.

щилъ о своей находкѣ и напечаталъ два стихотворенія и отрывокъ изъ одной статьи Щербатова, русская журналистика слѣдующіе три года удѣляетъ много вниманія какъ бы воскресшему писателю. Сочиненія его появляются на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ", „Атенея", „Московскихъ Вѣдомостей", „Библіографическихъ Записокъ" и „Чтеній Московскаго общества древностей". Въ 1858 году извѣстное сочиненіе „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" было издано въ Лондонѣ Герценомъ въ одной книгѣ съ „Путешествіемъ" Радищева. Новый рядъ сочиненій Щербатова, главнымъ, если не единственнымъ, образомъ, изъ того же источника появился въ „Русской Старинѣ" и „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи" въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Наконецъ, въ 1896 и 1898 годахъ вышли два тома сочиненій Щербатова (изданныхъ кн. Б. С. Щербатовымъ подъ редакціей И. П. Хрущова), въ которыхъ наряду съ перепечаткой всѣхъ почти ранѣе изданныхъ изъ числа сохранившихся у наслѣдниковъ Щербатова его сочиненій помѣщено пять новыхъ его статей изъ семейнаго архива, въ томъ числѣ и неоконченный „соціальный романъ", какъ его называетъ Чечулинъ,—фантастическое „Путешествіе въ землю Офирскую".

Всего стало извѣстно до 30 сочиненій Щербатова, сохранившихся у его потомковъ.

Трудно сказать, велики ли окончательныя утраты изъ этой части наслѣдія Щербатова. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что далеко еще не все сохраненное обнародовано. Изданіе подъ редакціей Хрущева, предпринятое княземъ Б. С. Щербатовымъ, остановилось на II томѣ послѣ смерти редактора, но какъ у издателя сочиненій, такъ и у другихъ лицъ имѣется немало писемъ и матеріаловъ Щербатова, сохранившихся въ семьѣ и заслуживающихъ вниманія.

Мы здѣсь, впрочемъ, не будемъ далѣе останавливаться на этой группѣ бумагъ Щербатова, а обратимся къ рукописямъ, попавшимъ въ руки императрицы.

II.

Можно думать, что завѣтъ Екатерины: „Пуще старайтесь, чтобы изъ рукописнаго ничего не пропало" по отношенію къ этой части бумагъ былъ выполненъ болѣе свято. Съ Эрмитажной библіотекой рукописи попали въ Публичную Библіотеку, гдѣ имъ не угрожали всѣ тѣ опасности, которымъ были подвержены ихъ болѣе сомнительные въ цензурномъ отношеніи товарищи, оставшіеся на рукахъ наслѣдниковъ. Однако же, въ печать свѣдѣнія объ этой группѣ рукописей проникли впервые почти на сорокъ лѣтъ позднѣе, чѣмъ о первой, а именно лишь въ концѣ XIX вѣка, въ томъ самомъ изданіи 1896—1898 годовъ, на которомъ пока остановилось обнародо-

ваніе семейныхъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, редакція „Сочиненій кн. Мих. Мих. Щербатова“ не удѣлила вниманія разсмотрѣнію вопроса о щербатовскихъ рукописяхъ и своимъ въ высшей степени некритическимъ отношеніемъ къ нимъ и неряшливостью ссылокъ болѣе запутала, чѣмъ выяснила библіографію щербатовскихъ произведеній. Но отдѣльныя весьма цѣнныя рукописи Эрмитажной библіотеки, въ томъ числѣ и интересный сборникъ „Проектовъ и голосовъ“, поданныхъ Щербатовымъ въ комиссію 1767 года объ уложеніи, здѣсь использованы, и вниманіе изслѣдователей должно было естественно направиться на рукописное отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки, въ нѣдрахъ которой оказались такія неизданныя произведенія выдающагося писателя XVIII вѣка.

Выяснить всю совокупность находящихся въ Публичной Библіотекѣ щербатовскихъ рукописей и составило одну изъ задачъ весьма важнаго въ щербатовской литературѣ труда Н. Д. Чечулина „Хронологія и списокъ сочиненій кн. М. М. Щербатова“, помѣщеннаго въ августовской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1900 годъ и затѣмъ изданнаго отдѣльно.

Чечулинъ перечисляетъ здѣсь 73 произведенія Щербатова, включая въ это число и отдѣльныя письма или серіи писемъ, изданія памятниковъ, сдѣланныя Щербатовымъ, стихотворенія, служебныя записки, оригинальныя и переводныя статьи, какъ появившіяся въ печати, такъ и сохранившіяся въ рукописи. Большую цѣнность имѣетъ попытка Чечулина установить время написанія каждаго произведенія; новыя данныя внесъ и обзоръ рукописей Публичной Библіотеки съ писаніями Щербатова. Во всякомъ случаѣ полезно имѣть подъ руками эту хотя бы далеко не достаточно полную и не лишенную недосмотровъ и ошибокъ, но все же лучшую пока сводку всего извѣстнаго щербатовскаго наслѣдія. Какъ было уже замѣчено, редакціей собранія сочиненій Щербатова задача составить такой обзоръ оставлена совершенно въ сторонѣ, и редакторъ своими предисловіями и примѣчаніями можетъ только окончательно запутать читателя, и даетъ въ нихъ гораздо болѣе ошибочныхъ утвержденій, чѣмъ вѣрныхъ новыхъ фактовъ. При пользованіи двумя объемистыми томами сочиненій Щербатова, изданныхъ въ 1896 и 1898 годахъ, работа Чечулина является поэтому необходимымъ пособіемъ.

Впрочемъ, самъ авторъ „Хронологіи и списка“ оцѣниваетъ весьма скромно результаты своей работы. „Надѣемся, говоритъ онъ въ заключеніи ея, что наша статья представитъ хотя бы нѣкоторую достаточную основу для пополненія списка произведеній кн. Щербатова, если со временемъ кто-нибудь займется этой работой“. Н. Д. Чечулинъ не увѣренъ при этомъ, что онъ принялъ во вниманіе всѣ изданныя до него вещи, вышедшія изъ-

подъ пера Щербатова; онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, „что хранятся еще гдѣ-нибудь другія неизвѣстныя пока сочиненія этого автора“. Только въ одномъ Чечулинъ твердо убѣжденъ: „Вотъ всѣ рукописи кн. М. М. Щербатова, находящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ“,—увѣренно говоритъ онъ, перечисливъ 20 названій въ 15 нумерахъ рукописей по каталогу.

Изслѣдователь могъ бы смѣло пройти мимо въ высшей степени цѣнныхъ работъ Щербатова, если бы довѣрился этому авторитетному заявленію. Конечно, матеріально рукописи Щербатова отъ этого нимало бы не пострадали, но они надолго еще могли бы безслѣдно пропадать для науки и общества, какъ уже пропадали 110 лѣтъ до Чечулинской работы.

Однако же, естественно было усумниться, дѣйствительно ли всѣ заботы Екатерины и всѣ средства нашего лучшаго книгохранилища способны были донести до насъ столь малое число работъ Щербатова, если изъ другой части его архива, далеко еще не полностью исчерпанной и въ свое время подвергавшейся такимъ тяжелымъ превратностямъ, мы уже получили большее число интересныхъ сочиненій. И дѣйствительно, уже черезъ два года вслѣдъ за появленіемъ статьи Чечулина въ томъ же „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (1902 годъ, книга V) можно было прочесть статью А. Г. Воронова „Продолженіе Россійской исторіи Щербатова“ съ приведеніемъ новыхъ щербатовскихъ текстовъ изъ рукописи, которая, могло казаться, была вполнѣ изучена и описана Чечулинымъ.

Болѣе внимательное ознакомленіе съ составомъ Эрмитажной библіотеки въ полной мѣрѣ справдало естественное сомнѣніе, и въ настоящее время мы имѣемъ возможность перечислить еще нѣсколько десятковъ новыхъ рукописей, произведеній или отрывковъ Щербатова, хранящихся въ самомъ центрѣ Петербурга подъ весьма бдительнымъ присмотромъ, и послѣ ихъ перечисленія отнюдь не рѣшились бы сказать: „Вотъ всѣ рукописи кн. М. М. Щербатова въ Публичной Библіотекѣ“. Напротивъ, мы считаемъ поиски наши далеко еще незаконченными и, дѣлясь кое чѣмъ изъ найденнаго, хотѣли бы возбудить интересъ къ новымъ изысканіямъ, обѣщающимъ еще богатую поживу.

Имѣющійся матеріалъ позволяетъ намъ довольно точно учесть количество русскихъ рукописей, перешедшихъ отъ наслѣдниковъ Щербатова къ Екатеринѣ, и опредѣлить ихъ содержаніе.

Въ Эрмитажной библіотекѣ, составляющей теперь часть Публичной, имѣется написанный въ 1791 году каталогъ, въ которомъ, повидимому, очень тщательно занесены всѣ переданныя наслѣдниками русскія рукописи коллекцій Щербатова. При этомъ нумерація въ этомъ каталогѣ сохранена старая—Щербатовская, съ пропускомъ тѣхъ нумеровъ, которые остались

у наслѣдниковъ. Поэтому, съ рискомъ не особенно значительной ошибки, мы можемъ опредѣлить общее количество *русской* рукописной библіотеки Щербатова и точный составъ проданной ея части.

Каталогъ раздѣляется на рукописи форматомъ въ листъ и форматомъ въ четвертую долю. Въ листѣ послѣдній № 236, но изъ нихъ помѣщено заглавій, т. е. перешло къ Екатеринѣ—148. Въ 4⁰—изъ 214 №№ перешло 88. Такимъ образомъ, изъ числа 450 слишкомъ рукописей въ эту ихъ часть отошло 286. Мы имѣемъ здѣсь, конечно, далеко не одни только Щербатовскія *сочиненія*. Здѣсь множество лѣтописей, Петровскихъ бумагъ, родословныхъ и другихъ историческихъ матеріаловъ; здѣсь помѣщена и извѣстная драгоцѣнность Публичной Библіотеки—„Изборникъ Святослава" 1076 года [1]), есть здѣсь не менѣе 10 книгъ тестя князя Мих. Мих. Щербатова, его однофамильца кн. Ив. Андреевича Щербатова, посланника въ Лондонѣ и такъ же довольно извѣстнаго писателя. Но не мало въ числѣ этихъ рукописей и различнаго характера писаній Мих. Мих. Щербатова. Значительную часть тѣхъ рукописей, въ которыхъ можно предполагать его оригинальныя или переводныя работы, намъ, при любезномъ вниманіи завѣдующаго рукописнымъ отдѣленіемъ И. А. Бычкова, удалось изучить. Кое-что изъ добытаго матеріала мы и сообщаемъ въ настоящей статьѣ.

III.

Избраніе князя Щербатова отъ дворянъ ярославскаго уѣзда въ депутаты Екатерининской комиссіи 1767 года произвело наиболѣе замѣтный переломъ въ его жизни. Выступленія въ комиссіи тридцатичетырехлѣтняго депутата познакомили его съ Екатериной, и ввели въ кругъ политической жизни, а это заставило его бросить то свободное независимое положеніе, которымъ онъ поспѣшилъ воспользоваться послѣ изданія грамоты о дворянской вольности 18 февр. 1762 года, и направило по новому руслу также и научныя его занятія. 30 іюня 1767 года состоялось открытіе Уложенной комиссіи, а 22 сент. того же года, въ пятилѣтнюю годовщину коронованія Екатерины, Щербатовъ назначенъ камеръ-юнкеромъ; въ 1768 году ему порученъ разборъ „кабинетской архивы" Петра Великаго и въ томъ же году онъ опредѣленъ въ комиссію о коммерціи. Затѣмъ до самой смерти онъ уже не покидаетъ служебнаго поприща, хотя оно несетъ ему нерѣдко разочарованіе и огорченіе.

Изданіе историческихъ актовъ и собственныхъ историческихъ трудовъ также всецѣло относится къ этому періоду послѣ 1767 года и тѣсно

---

[1]) Вѣроятно его имѣетъ въ виду составитель каталога, поставивъ подъ № 185: «Сборникъ древней. Писанъ на пергаминѣ. 1046».

связано съ новымъ положеніемъ при дворѣ, которому онъ былъ обязанъ своимъ депутатствомъ. Въ 1769 году издана подъ редакціей Щербатова такъ называемая „Царственная книга“ (лѣтопись 20 лѣтъ царствованія Царя Іоанна IV), въ 1770—первый томъ исторіи, въ томъ же году начата серія изданій актовъ Петровскаго царствованія.

Можетъ показаться, что новыя обстоятельства выдвинули на новыя пути зауряднаго провинціала и только эти событія и жизнь въ столицѣ натолкнули его на широкіе умственные интересы и живую дѣятельность. Такому впечатлѣнію тѣмъ легче поддаться, что у Щербатова, на ряду съ огромной начитанностью, упорнымъ трудолюбіемъ и способностью къ широкому взгляду, обнаруживаются постоянно на всѣхъ поприщахъ дѣятельности слѣды элементарной школьной неподготовленности. Мы, однако же, знаемъ уже по прежнимъ изслѣдованіямъ, что депутатство застало Щербатова не такимъ ужъ новичкомъ въ области литературной и научной работы, какъ это можно себѣ представить по первому впечатлѣнію. На основаніи писемъ Щербатова Миллеру П. Н. Милюковъ давно ужъ установилъ, что серьезныя занятія Щербатова по русской исторіи начались ранѣе созыва комиссіи [1]). Н. Д. Чечулинъ нашелъ въ Публичной Библіотекѣ подлинники 7 статей, напечатанныхъ Щербатовымъ въ 1759 и 1760 годахъ, опять-таки въ Миллеровскомъ журналѣ, издававшемся при Академіи: „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“. Этимъ документально было подтверждено сообщавшееся въ XVIII вѣкѣ извѣстіе о томъ, что Щербатову принадлежитъ помѣщенная въ этомъ журналѣ статья „О пользѣ законовъ“ [2]): извѣстіе это было, однако, затѣмъ такъ основательно забыто, что, какъ правильно отмѣчаетъ Чечулинъ въ своей работѣ, найденные имъ подлинники статей Щербатова, почти исключительно переводныхъ, не только точно опредѣляютъ размѣры его сотрудничества въ русской журналистикѣ Елизаветинскаго времени, но какъ бы вновь устанавливаютъ самый фактъ этого сотрудничества, не отмѣченнаго спеціальными изслѣдователями журналистики того времени...

Русскія рукописи Щербатова въ Публичной Библіотекѣ даютъ, однако же, возможность еще гораздо глубже проникнуть въ ходъ литературныхъ или учебныхъ занятій Щербатова въ періодъ, предшествовавшій перелому въ его положеніи 1767 года.

Чечулинымъ перечислены слѣдующіе значительные Щербатовскіе пере-

[1]) Главныя теченія русской исторической мысли, изд. I, стр. 36, II изд., стр. 48.

[2]) См. цитированный выше некрологъ въ прибавленіи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1791 г., а также статьи о Щербатовѣ въ словаряхъ митрополита Евгенія и Бантышъ-Каменскаго.

воды въ Публичной Библіотекѣ, повидимому, сравнительно поздняго происхожденія:

1. Недоконченный переводъ „Politique Naturelle“ бар. Гольбаха (послѣ 1773 года, когда французскій текстъ изданъ въ Лондонѣ);

2. Тассовъ „Освобожденный Іерусалимъ“ (такъ же незаконченный переводъ);

3. Грамматика наукъ философскихъ — переводъ съ французскаго перевода подлиннаго англійскаго сочиненія; авторъ французскаго перевода, изданнаго въ Парижѣ въ 1749 году, Philippe Florent de Puissieux;

и 4. О садахъ и огородахъ: почти навѣрное переводъ, но данныхъ о предполагаемомъ подлинникѣ Чечулину не удалось установить.

Мы можемъ прибавить къ нимъ теперь еще слѣдующія восемь переводныхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя датированы и могутъ, такимъ образомъ, служить отличнымъ указаніемъ на развитіе научныхъ интересовъ и на ходъ литературныхъ занятій молодого семеновскаго офицера середины XVIII вѣка.

Самую раннюю дату я нашелъ на рукописи № 97: „Главности Нравоученія иль Опытъ на человѣка, сочиненный на аглинскомъ господиномъ Попомъ, на французской переведенной господиномъ Деренелемъ“. *1753*.

Заглавіе писано рукою Щербатова, текстъ—рукой переписчика съ частыми поправками Щербатова. Всего въ рукописи 78 стр. малаго формата. Она содержитъ въ прозаичномъ переводѣ всѣ четыре эпистолы извѣстнаго сочиненія англійскаго поэта; передъ каждой помѣщено подробное ея содержаніе.

Тихонравовымъ разсказана исторія появленія въ печати перваго русскаго перевода сочиненія Попа въ 1757 году [1]). Мы узнаемъ оттуда, что извѣстный переводъ сдѣланъ Поповскимъ какъ разъ въ одинъ годъ со Щербатовымъ, и также съ французскаго перевода, но не аббата Дю-Ренеля, которымъ за то, повидимому, пользовался въ своихъ цензурныхъ исправленіяхъ архіепископъ Амвросій, а Силуэтта. Какъ извѣстно, книга эта была переиздана въ Россіи въ теченіе XVIII вѣка не менѣе 4 разъ.

Слѣдующій датированный переводъ Щербатова мы имѣемъ подъ № 303. Это четыре огромныхъ фоліанта, заключающихъ въ себѣ „Исторію Универсальную отъ сотворенія свѣта, переведенную съ аглинскаго на французскій языкъ собраніемъ ученыхъ людей“. Изъ четырехъ томовъ одинъ писанъ въ началѣ рукою переписчика, со вставленными рукой Щербатова иностранными словами, конецъ этого тома и три остальные (843, 900 и 283 страницы) писаны рукой Щербатова цѣликомъ. При этомъ писан-

[1]) См. Русскій Архивъ, 1872, стр. 1311 и сочиненія Тихонравова, т. III.

ный рукой переписчика томъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и копію съ начала перваго тома, писаннаго (но безъ предисловія) рукой Щербатова. Три же писанные имъ тома заключаютъ въ себѣ первыя 9 главъ I книги подлиннаго сочиненія. Имѣется еще отдѣльная тетрадка, съ перечисленіемъ содержанія всѣхъ книгъ переводившагося сочиненія.

На первомъ томѣ надписана дата: *1755.* Затѣмъ въ концѣ перваго тома стоитъ: 1758 году августа 17 дня. Во второмъ томѣ находимъ даты: въ началѣ 17 $^{8}/_{27}$ 58 (т. е. 27 августа), въ концѣ—17 $^{2}/_{4}$ 60, (т. е. 4 февраля). Въ началѣ третьяго тома—17 $^{2}/_{25}$ 60, (т. е. 25 февраля 1760 г.). Кромѣ этихъ интересныхъ датъ мы находимъ еще различные знаки на поляхъ, означающіе провѣрку и исправленія текста и самыя поправки его, внесенныя болѣе твердою рукой самого же Щербатова.

Рукопись № 119: „Цицеронъ. О должностяхъ“ отмѣчена 1757 годомъ. Она писана переписчикомъ, но иностранныя слова вписаны рукой Щербатова. Переводъ сдѣланъ съ французскаго текста академика Дюбуа. Переводъ этой книги, сдѣланный Борисомъ Волковымъ, изданъ былъ въ 1761 году въ Петербургѣ. Затѣмъ 1759 годомъ отмѣчена рукопись № 117, писанная также рукой переписчика со вставленными рукой Щербатова латинскими словами. Это извѣстное сочиненіе Фенелона, озаглавленное Щербатовымъ: „Наставленія для совѣсти короля, сочиненныя для наученія Людвика Французскаго, герцога Бургонскаго господиномъ Франциском Салиніакъ де-ля-Мотъ Фенелонъ, Архіепископомъ герцогомъ Камбрейскимъ, его учителемъ“.

И это сочиненіе появилось въ печати въ Щербатовскія времена, въ 1773 году, но, повидимому, также въ другомъ переводѣ.

На рукописи № 46, озаглавленной: „Разсужденіе о причинахъ установлять и отметать законы. Творцомъ Исторіи Бранденбурской“ стоитъ зачеркнутая затѣмъ дата: 1758 году, а вмѣсто нея: Москва, 1762 году. Переводъ этого довольно извѣстнаго сочиненія Фридриха II написанъ весь рукою Щербатова. Въ рукописи постоянно попадаются какіе-то знаки, какъ будто ее по частямъ списывали или набирали. Повидимому, это отмѣтки произведенной работы провѣрки и исправленія.

Въ концѣ рукописи читаемъ слѣдующее замѣчаніе: „Сія книга, исполненная разума, однако болѣе титуломъ своимъ обѣщаетъ, нежели дѣйствительно въ ней есть, ибо могъ бы творецъ распростерть свои разсужденія не на темность законовъ иль на другіе ихъ пороки, но на начало, отчего сіе происходитъ“.

Переводъ этого сочиненія прусскаго короля былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1769 году. Предисловіе подписано буквами А. П. Онъ приписывается извѣстному нашему законовѣду XVIII вѣка, автору премирован-

наго Вольно-Экономическимъ Обществомъ русскаго сочиненія о крѣпостномъ правѣ—А. Полѣнову.

Весьма тщательный переводъ извѣстныхъ въ XVIII вѣкѣ „Военныхъ Установленій Вегеція" (рук. № 134) писанъ весь рукой Щербатова. Замѣтны тщательныя исправленія. Вся рукопись испещрена многочисленными карандашными отмѣтками съ лѣвой стороны и въ заключеніи каждой главы стоятъ надписи: Lu de peint en peint, par article, pour le stile. Relu. Corigé 1764". Всѣхъ такихъ отмѣтокъ 21. При 8 послѣднихъ изъ нихъ словъ „Corigé 1764" не имѣется. Поправокъ при этомъ троекратномъ редактированіи своего текста не особенно много.

„Военныя правила Вегеціевы" изданы были въ Петербургѣ въ 1764 году, но переводчикомъ ихъ считается Сергѣй Ив. Глѣбовъ [1]).

Въ рукописи № 31 находимъ переводъ сочиненія Беккарія „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" и „Объясненіе" на эту книгу „господина Волтера". Писано все рукой Щербатова. Имени автора нѣтъ. На стр. 7 интересная отмѣтка: revoyez avec un italien.

Наконецъ, рукопись № 304 содержитъ въ себѣ переводъ сочиненія Монтескье и озоглавлено: „Разсужденія о причинахъ величества римлянъ и паденій ихъ". Написано все рукой Щербатова, повидимому, раннимъ почеркомъ, всего 271 страница 4°.

Это сочиненіе Монтескье издано было, также въ переводѣ Алексѣя Полѣнова, Спб. 1769, подъ заглавіемъ: „Размышленія о причинахъ величества римскаго народа и его упадка". (Сопиковъ, № 6304).

Такимъ образомъ, мы видимъ, какую серьезную подготовительную школу прошелъ Щербатовъ до своего выступленія депутатомъ. Онъ не только отличался большей начитанностью: кромѣ того, онъ усердно упражнялся въ переводахъ разнообразнѣйшихъ сочиненій на родной языкъ. Однако же, страннымъ образомъ, несмотря на весьма умѣлый выборъ переводимыхъ сочиненій, значеніе которыхъ вызвало появленіе большинства изъ нихъ на тогдашнемъ русскомъ книжномъ рынкѣ, ни одинъ изъ переводовъ Щербатова, повидимому, не увидѣлъ печати, и они послужили только полезной и разносторонней школой переводчику, не принеся другой пользы современному ему обществу.

IV.

Русское Историческое Общество, начавшее, по иниціативѣ Д. А. Полѣнова, изданіе матеріаловъ Екатерининской комиссіи для сочиненія уложенія еще въ 1869 году, черезъ 100 лѣтъ послѣ роспуска, до сихъ поръ да-

[1]) См. Рогожинъ, Указатель къ Сопикову.

леко не закончило своего цѣннаго предпріятія. Завершено (въ 1882 году), хотя далеко неудовлетворительно, только изданіе протоколовъ занятій Большой комиссіи. Многочисленные наказы депутатамъ, составившіе уже содержаніе 6 цѣлыхъ томовъ сборника общества и части 3 другихъ, далеко все же не закончены печатаньемъ, къ изданію же матеріаловъ по занятіямъ частныхъ комиссій еще и не приступлено. Жизнь обогнала дѣятелей Историческаго Общества. У насъ засѣдаетъ другое законодательное собраніе, и тотъ живой политическій интересъ, какой въ свое время имѣли для русскаго общества всѣ свѣдѣнія о смѣломъ Екатерининскомъ предпріятьи, утраченъ. Но тѣмъ большее научное значеніе пріобрѣтаютъ всѣ факты русскаго законодательнаго собранія XVIII вѣка, къ которымъ возможно стало гораздо болѣе объективное и критическое отношеніе.

Въ свое время изданіе первыхъ томовъ „Дневныхъ записокъ" Большой комиссіи вызвало цѣлый рядъ спеціальныхъ статей и отзывовъ о ней. При этомъ всѣ, касавшіеся дѣятельности комиссіи, особенно останавливались на Щербатовѣ, считая его одной изъ интереснѣйшихъ и центральныхъ ея фигуръ.

Конечно, особеннаго сочувствія своимъ взглядамъ въ изслѣдователяхъ конца XIX вѣка не могъ найти убѣжденный защитникъ дворянскихъ правъ и горячій борецъ за сохраненіе въ полной неприкосновенности общихъ основъ крѣпостного права. Но въ той или другой мѣрѣ критикуя сущность взглядовъ Щербатова, и Соловьевъ, и Семевскій, и Романовичъ—Славатинскій, и Дитятинъ, и Сергѣевичъ, и Брикнеръ признаютъ за нимъ выдающуюся подготовку, стройную систему возврѣній и выдающіяся способности парламентскаго дѣятеля. Да и по опредѣленности и содержательности своихъ заявленій онъ заставилъ ихъ обратить на себя наибольшее вниманіе изъ всѣхъ ораторовъ комиссіи. Помимо горячихъ рѣчей въ общихъ собраніяхъ Большей комиссіи, Щербатовъ былъ главнымъ работникомъ въ одной изъ частныхъ комиссій, вырабатывавшей и представившей проектъ „Законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей". Самый проектъ этотъ напечатанъ въ 36 томѣ „Сборника Историческаго Общества", (стр. 179 — 232); нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ занятій этой частной комиссіи и объ участіи въ ней Щербатова даны по архивнымъ источникамъ Пекарскимъ въ его „Дополненіи къ исторіи масонства, Спб. 1869 [1]).

Но помимо офиціальныхъ протоколовъ и документовъ мы имѣемъ возможность знакомиться съ дѣятельностью его въ качествѣ депутата, и по

[1]) Пекарскаго комиссія эта заинтересовала потому, что въ числѣ секретарей ея былъ Н. И. Новиковъ. Пекарскій, интересуясь дѣятельностью этого *будущаго* масона, упоминая о Щербатовѣ, не разсматриваетъ его, какъ *бывшаго* масона.

собственнымъ его рукописямъ. Уже редакторы I тома сочиненій Щербатова въ 1896 году использовали одну Щербатовскую рукопись въ Публичной Библіотекѣ, такого характера.

Во главѣ I тома сочиненій Щербатова помѣщены почти всѣ статьи, тщательно и любовно составленнаго самимъ княземъ Щербатовымъ сборника, озаглавленнаго имъ: „Проекты и голоса, поданные отъ депутата Ярославскаго дворянства кн. Михаила Щеребатова въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія“. Въ сборникѣ этомъ (Эрм. библ. № 65) мы находимъ интересное предисловіе: „проектъ наказу депутата отъ города“ (это проектъ дворянскаго ярославскаго наказа, повидимому, составленный Щербатовымъ), принятый 19 марта 1767 дворянствомъ ярославскаго уѣзда наказъ, т. е. измѣненный и дополненный проектъ Щербатова, 18 мнѣній, высказанныхъ Щербатовымъ въ большой комиссіи отъ своего имени, одно мнѣніе, составленное имъ, но поданное отъ имени Льва Нарышкина, (о способахъ лѣчить крестьянъ), двѣ редакціи плана отъ частной комиссіи о среднемъ родѣ жителей, представленныя въ дирекціонную комиссію, копія съ полученныхъ отъ нея 15 ноября 1767 года примѣчаній, предполагаемый, но не поданный отвѣтъ на сочиненный гр. Петромъ Ивановичемъ Панинымъ наказъ отъ дворянъ московскаго уѣзда [1]) и, наконецъ, собственноручная приписка Щербатова.

Всѣ помѣщенные въ этомъ сборникѣ Щербатова матеріалы относятся къ 1767 году. Казалось, что у бывшаго депутата не хватило энергіи довести до конца свой замыселъ соединить въ одно—на память себѣ и потомству—всѣ работы его въ уложенной комиссіи. На дѣлѣ, однако, энергіи не хватило лишь у редакторовъ изданія 1896 г. на отысканіе окончанія его труда. Подъ № 45 Эрмитажной библіотеки мы находимъ вторую часть сборника, обнимающую мнѣнія, поданныя Щербатовымъ въ 1768 году. Находка этой рукописи имѣетъ, впрочемъ, не только сравнительно мелкій интересъ для характеристики отношеній Щербатова къ результатамъ выполненія своего депутатскаго долга. Мы находимъ въ ней одно мнѣніе Щербатова, составленное имъ, но не внесенное въ комиссію и поэтому до сихъ поръ остававшееся совершенно неизвѣстнымъ. Самъ авторъ въ собственноручной припискѣ къ своему произведенію говоритъ: „не поданъ съ означенными резонами въ нѣкоторыхъ другихъ бумагахъ“. Къ сожалѣ-

[1]) Въ дворянскихъ выборахъ по этому уѣзду Щербатовъ также участвовалъ, равно какъ и въ выборахъ по городу Москвѣ, гдѣ онъ попалъ и въ число тогдашнихъ „выборщиковъ“. Какъ видно изъ примѣчанія Щербатова, его возраженіе на наказъ, составленный Панинымъ, осталось не показаннымъ, такъ какъ оказалось, что подписывать наказъ присутствующіе не обязаны.

нію, не удалось до сихъ поръ нигдѣ найти изложеніе этихъ резоновъ, которые могли бы пролить особенно яркій свѣтъ на сужденіе Щербатова о комиссіи. Но и самое мнѣніе его, касающееся организаціи мѣстнаго выборнаго суда и представительства отъ дворянскихъ собраній въ сенатъ, въ высшей степени цѣнно. У насъ имѣется и въ наказахъ, и въ преніяхъ масса предположеній объ упорядоченіи мѣстнаго суда путемъ введенія выборныхъ судей, но нѣтъ свѣдѣній о тѣхъ конкретныхъ формахъ, въ которыя предполагали воплотить свою мысль объ упорядоченіи *центральнаго* управленія и объ усиленіи значенія дворянства въ государственной жизни представители теченія, къ которому принадлежалъ Щербатовъ. Поэтому проектъ его заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Мы его и предлагаемъ читателямъ цѣликомъ, изложивъ его, однако, своими словами, по возможности близко къ подлиннику, но въ болѣе легко усвояемой при чтеніи формѣ, чѣмъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Щербатова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого своего произведенія облекшаго мысль свою въ столь запутанную форму, что уяснить ее себѣ точно безъ подобнаго переложенія при бѣгломъ чтеніи почти нѣтъ возможности

Въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Проектъ.

Я думаю, всякому извѣстно, какъ натерпѣлась вся Россійская Имперія отъ смѣшенія законовъ и отъ неправосудія со стороны нѣкоторыхъ состоящихъ въ разныхъ судебныхъ учрежденіяхъ судей. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуетъ и единогласный вопль народа, уже проявившій себя во многихъ наказахъ, и неоднократные указы Ея Императорскаго Величества о правосудіи, о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ и о воздержаніи отъ лихоимства, а также и послѣдовавшіе уже гласные, хотя и милосердыя кары по отношенію къ преступникамъ. И вотъ такое положеніе дѣлъ и склонило имѣющую неусыпное попеченіе о благѣ Россіи матерь отечества, нашу августѣйшую Монархиню, въ видахъ доставленія истиннаго блаженства народу своему, начать собраніе государственныхъ чиновъ для сочиненія проекта новаго уложенія. Такимъ образомъ должно утвердиться благополучіе Россіи и единство законовъ должно положить предѣлъ всѣмъ неправосудіямъ и ябедамъ. Достохвальное намѣреніе! Оно превыше всего, что можетъ сказать ему въ похвалу разумъ человѣческій, и вѣрнымъ сынамъ отечества оставалось-бы только возсылать усердныя мольбы къ Богу въ прославленіе этого рѣшенія и посвятить всю свою жизнь службѣ столь человѣколюбивой Государыни. Но чѣмъ болѣе всматриваюсь я въ трудности этого предпріятія, въ которомъ и самъ удостоился принимать участіе, и чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ *превратности* нашего вѣка, тѣмъ болѣе страшусь и трепещу, чтобы любители мзды, всякой превратности и неправосудія, посвятившіе жизнь свою не отечеству и Государю, а признающіе Богомъ своимъ жадность (лихоимство), а вышнимъ благополучіемъ — корысть и злобу не нашли бы средствъ, по крайней

мѣрѣ по истеченіи нѣкотораго времени, извратить самый смыслъ законовъ и ввергнуть Россію въ новыя напасти. Изъ этого вытекаетъ обязанность для каждаго добраго сына отечества сей монументъ славы нашей Монархини, сооруженный на благополучіе Россіи, насколько возможно укрѣпить и увѣковѣчить. Въ виду этого я попытаюсь изложить свой взглядъ на причины неправосудія, вкравшагося въ храмы, посвященные истинѣ.

1.

На огромномъ пространствѣ Россіи, при многочисленности необходимыхъ учрежденій (правительствъ), при опредѣленіи на службу, особенно велико было число служившихъ въ военной службѣ, желающихъ показать услуги еще и въ гражданской. При этомъ многіе вступаютъ въ гражданскую службу уже по истощеніи своихъ силъ, какъ-бы въ нѣкое успокоеніе, и гражданскія должности и чины давались имъ какъ бы въ награжденіе за ихъ прежнюю службу, въ надеждѣ, что въ этой новой должности они постараются проявить и новое усердіе къ отечеству. При большомъ числѣ раздаваемыхъ мѣстъ не всегда находились правильно понимающіе законъ и умѣло его примѣняющіе, да можно усумниться, чтобы и впредь большое число служащихъ, при наличности даже и яснаго закона, не могли быть сбиты и обмануты людьми, прилежащими къ этимъ дѣламъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Сверхъ того, вслѣдствіе вліянія этихъ подлыхъ и привыкшихъ къ душевредству и мздоимству людей, примѣшиваются къ дѣлу страсти и заставляютъ вымышлять способы къ затменію самой истины. Къ тому же я не думаю, чтобы законъ, какъ-бы онъ ни былъ обширенъ, могъ-бы въ точности предусмотрѣть всѣ дѣйствительно встрѣчающіеся случаи. И вотъ воеводы, мало-по-малу впадая въ преступленія, утѣсняютъ народъ и, находя себѣ заступниковъ, не скоро подвергаются наказаніямъ, а порокъ, распространяясь, какъ ядовитая болѣзнь, все болѣе заражаетъ нравы.

Въ предупрежденіе этого не соблаговолено ли будетъ учредить, чтобы при воеводѣ, опредѣленномъ въ каждомъ городѣ отъ вышняго правительства, состояли выбранные отъ уѣзда въ собраніи дворянства два или три депутата безъ жалованія, которые бы и засѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Воевода, какъ начальникъ, имѣлъ-бы особенно на него возложенную обязанность по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, какъ сборы и прочее, и долженъ былъ бы являться куда слѣдуетъ къ отчету, а выбранные дворянскимъ собраніемъ, возобновляемые (ежегодно) на половину или на треть, имѣли-бы участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся земскаго суда; конечно, не слѣдовало-бы запрещать имъ давать воеводѣ соотвѣтствующія вѣрноподданнымъ заявленія и по государственнымъ дѣламъ. Дворяне эти должны быть неподсудны никому, кромѣ своихъ собратій, собранныхъ въ собраніе, за исключеніемъ только самыхъ важныхъ дѣлъ и могли бы получать одобрительные отзывы для испрошенія себѣ какой-нибудь награды. Если же они окажутся виновными во взяткахъ и неправосудіи, то въ виду того, что свидѣтельство и человѣколюбіе въ одномъ мѣстѣ будутъ (т. е. въ дворянскомъ собраніи), они по осуществленіи могли бы тѣми же (дворянами въ дворянскомъ собраніи?) и наказаны

быть или же отнесены къ наказанію въ вышнее правительство. Въ случаѣ же неправильнаго изложенія закона, совершеннаго безъ умыслу и страсти (впрочемъ, это случай почти невозможный при ясныхъ законахъ), обиженный долженъ имѣть право просить въ апелляціи даже и до вышняго правительства (т. е. до сената), которое по рѣшенію дѣла сообщало бы предводителю, дабы виновныхъ по установленному закону подлежащимъ образомъ штрафовать.

2.

Такимъ образомъ, всѣ особенныя дѣла были бы подсудны суду, въ которомъ большинство составляли-бы дворянскіе выборные, за честность и безпристрастность и нравы которыхъ отвѣчалъ бы почти весь уѣздъ. Принимая во вниманіе, что судьи были бы увѣрены въ близости наказанія за измѣну, святой истинѣ и правосудію, такъ какъ выборщики ихъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ судьями, и что на нихъ должна оказать вліяніе служба въ родныхъ мѣстахъ по удостоенію довѣрія своихъ собратій, надо думать, что они будутъ строгими исполнителями законовъ, ничѣмъ ихъ не превышая, такъ что не они будутъ судить, но законъ будетъ властвовать и опредѣлить правость и винность каждаго, и въ уѣздахъ, казалось бы, въ значительной мѣрѣ прекратится неправосудіе и жадность.

Если же этотъ признаваемый мною удачнымъ къ отвращенію неправосудія способъ не будетъ отвергнутъ для уѣздныхъ городовъ, то, казалось бы, его же можно примѣнить и въ губерніяхъ, направляя туда апелляціи, чтобы не отяготилось вышнее правительство. Это могло-бы быть устроено на такомъ основаніи. Каждый губернскій городъ долженъ имѣть свой уѣздъ, который долженъ имѣть и своихъ судей уѣздныхъ по числу дѣлъ, какъ и прочіе уѣздные города; но сверхъ того для всякихъ апелляціонныхъ дѣлъ отъ другихъ городовъ губернія, смотря по общему числу ихъ, имѣть отъ всѣхъ или отъ нѣкоторыхъ по очереди; дворяне выбирали бы отъ уѣздовъ же судей, съ нѣкоторымъ малымъ жалованіемъ которые, пріѣзжая только на полгода въ зимніе мѣсяцы, присутствовали бы (Щербатовъ вездѣ пишетъ присудствовали) въ рѣшеніи однихъ только апелляціонныхъ дѣлъ съ прочими, имѣющимися уже тамъ судьями, причемъ должно и здѣсь соблюдать, чтобы каждый исполнялъ свою должность не менѣе двухъ или трехъ лѣтъ, чтобы вновь опредѣляемые по частямъ судьи узнавали обрядъ и разумъ законовъ отъ бывшихъ уже тамъ нѣкоторое время. Въ виду того, что эти суды будутъ отдалены отъ того города, къ которому они приписаны и не могутъ быть судимы по дѣламъ своимъ мѣстнымъ дворянскимъ собраніемъ, то они предаются подъ судъ вышнему правительству. Однако же, если бы они оказались въ чемъ-либо виноватыми, то наказанію они должны подвергнуться въ томъ уѣздѣ, къ которому они приписаны. Если же, чего впрочемъ я никакъ не предполагаю, они бы избавились отъ наказанія за худое исполненіе своей должности какимъ-либо особливымъ защищеніемъ, то уже дворянское собраніе, освѣдомившись объ ихъ худыхъ поступкахъ или же примѣтя излишнее богатство, можетъ довольное наказаніе учинить таковымъ нарушителямъ законовъ своимъ презрѣніемъ: ибо если законы поправятъ нравы, то и сами они тверды и непоколебимы будутъ.

3.

Не довольно и того, что въ губерніяхъ чрезъ означенные обряды правосудіе можетъ быть утверждено, но должно, чтобы и вышнее правительство не только правосудіемъ блистало, но и могло бы быть предохранено отъ навѣтовъ, вызываемыхъ страстями, нѣкоторыхъ людей, и пріобрѣло бы ту *повѣренность отъ народа*, которая доставляетъ прочное удовлетвореніе и даетъ народу силу съ радостью и безъ жалобы сносить наивеличайшія тягости, вызываетъ любовь и усердіе, а съ другой стороны, и самому вышнему правительству сочиняетъ наивысшее блистаніе и славу. Я часто съ восхищеніемъ взираю на нѣкоторыя чужестранныя правительства (т. е. государственныя установленія), которыя, смотря по обстоятельствамъ временъ, а иногда и по слабости, отягчаютъ народное иго, но при всемъ томъ пріобрѣли полную повѣренность, такъ что все, что отъ тѣхъ исходитъ, народъ съ радостью принимаетъ и видитъ въ нихъ не судей или начальниковъ своихъ, но почитаетъ въ оныхъ своихъ отцовъ и защитниковъ. Съ другой стороны, какъ вѣрный сынъ отечества, долженъ я сказать, что съ сожалѣніемъ вижу, что сей повѣренности въ Россійскомъ народѣ не обрѣтаемъ. Я не хочу говорить худого про людей, высоко поставленныхъ чинами, мудростью и почтеніемъ, но не долженъ напрасно обвинять въ излишней суровости и почтенный Россійскій народъ. Такъ, я вижу объясненіе, основанное, осмѣлюсь сказать, на расположеніи сердца человѣческаго, въ слѣдующемъ. Главное правительство, которое есть у насъ *сенатъ*, составленное изъ достойнѣйшихъ людей, достигшихъ долговременною ихъ службой и особливой мудростью до этого великаго достоинства, вызываетъ нѣкоторую зависть въ каждомъ; особенно же въ людяхъ, предупрежденныхъ самолюбіемъ и считающихъ себя не менѣе искусными; хотя эти люди, можетъ быть, еще менѣе способны бы были справляться съ дѣлами, но они достаточно искусны въ отыскиваніи пороковъ у тѣхъ почтенныхъ мужей и въ умноженіи малыхъ и неизмѣнныхъ ошибокъ, и, разливаясь въ народѣ, такъ уже вкоренилось, что всякое благое дѣло проходитъ молчаніемъ, всякій же малый налогъ перелетаетъ изъ устъ въ уста и преувеличивается. И отвѣчать на это можно только молчаніемъ. Всякая же строгость при требованіи молчанія и наказанія за то (т. е. за неуважительные толки) всегда считаются несправедливыми и не прекратятъ отголосковъ недовольства (если не прервутъ). И мнѣ кажется, что лучшій способъ украсить еще и народною повѣренностью это почтенное собраніе, уже достаточно украшенное достоинствомъ мужей, его составляющихъ, былъ бы: допустить къ участію и засѣданію въ немъ депутатовъ по избранію дворянскому, не пожизненно, а на четыре года. Это прекратитъ всѣ толки (разглашенія), ибо ежегодно смѣняющіеся сенаторы, возвращаясь въ свои уѣзды, словесно защищая тамъ себя, будутъ защищать и все собраніе и покажутъ, насколько достойны сенаторскаго званія опредѣленные туда почтенные мужи, достигшіе до великаго этого чина долговременной своей службой; они изъяснятъ незнающимъ необходимость налоговъ и просвѣтятъ очи на правосудіе важнаго этого учрежденія и на его доброе управленіе, а сами они, имѣя въ виду свое возвращеніе въ прежнее состояніе (такъ я тол-

кую слова: самѝ въ прежніе чины возвращаясь), будутъ стараться въ вышнемъ мѣстѣ своего засѣданія стать по дѣламъ своимъ достойными того важнаго мѣста, куда опредѣлены и оправдать повѣренность къ себѣ собратьевъ. Если это предложеніе мое будетъ сочтено за полезное, то, казалось бы, можно было бы установить такой распорядокъ для такихъ выборовъ. Каждый уѣздъ въ собраніи своего дворянства избираетъ одного присутственнаго и одного отсутственнаго или двухъ присутственныхъ (т. е. избираетъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ можетъ не проживать въ уѣздѣ, а быть, напр., на государственной службѣ), и имена ихъ или и ихъ самихъ пришлетъ въ губернскій городъ, къ которому приписанъ уѣздъ. Когда они (всѣ) съѣдутся въ губернію и предъявятъ имена отсутственныхъ, тогда въ присутствіи губернатора производится баллотировка и выбираютъ по большому числу балловъ трехъ присутственныхъ и одного отсутственнаго. Всѣ они сами должны явиться въ вышнее правительство, отъ котораго имена ихъ предлагаются на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества для избранія по волѣ Монаршей двухъ отъ каждой губерніи для наполненія мѣстъ въ вышнее правительство. Эти лица должны, кажется мнѣ, быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы въ первомъ департаментѣ сего правительства, гдѣ общимъ образомъ трактуются государственныя дѣла о всей имперіи, находилось отъ каждой губерніи по одному человѣку, чтобы каждый по своей губерніи могъ свой голосъ (свое мнѣніе) предложить для объясненія очереднаго дѣла по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя у него должны быть о состояніи, выгодахъ или недостаткахъ (своей) губерніи. Другіе двадцать должны быть распредѣлены между остальными департаментами по удобству, глядя (по расположенію). Всѣмъ должно быть положено достаточное жалованіе. Это составитъ въ общемъ небольшую сумму, которая возмѣстится убавленіемъ судебныхъ мѣстъ и ассессоровъ по городамъ. По установленіи этого порядка, вышнее правительство распредѣлитъ губерніи на очереди, такъ чтобы каждый годъ пять губерній по очереди присылали новыхъ депутатовъ для смѣны прежнихъ. Такимъ образомъ, очередь обойдетъ всякіе четыре года всѣ губерніи. Эти избранные отъ дворянства сенаторы, если что либо учинятъ противное законамъ, не могутъ быть судимы никѣмъ, за исключеніемъ ихъ собратьевъ, депутатовъ, выбранныхъ отъ губерній для присутствія въ вышнемъ правительствѣ. Слѣдуетъ еще примѣтить, что всѣ служащіе на дѣйствительной военной службѣ и дѣйствительно уже имѣющіе засѣданіе въ сенатѣ не должны избираться, первые на тотъ случай, чтобы не отлучаться (отъ должности) въ случаѣ войны, а вторые, дабы никто въ такомъ собраніи, гдѣ большинство перетягиваетъ слабыхъ на свою сторону, двухъ голосовъ имѣть не могли.

4.

Предложенный распорядокъ на первый взглядъ имѣетъ одно неудобство: а именно, не только въ отдѣльныхъ уѣздахъ, но и въ цѣлыхъ губерніяхъ нѣтъ дворянства, и слѣдственно не изъ кого будетъ выбирать какъ въ нижнія, такъ и въ высшія судебныя мѣста. Мнѣ кажется, что это неудобство можно обойти слѣдующимъ способомъ. Всѣ тѣ города и

губерніи, которые или въ достаточномъ числѣ или совсѣмъ не имѣютъ дворянства, должны остаться на прежнемъ положеніи управленія, не лишаясь, однако, затѣмъ права, если въ уѣздѣ найдется до пятидесяти дворянскихъ домовъ, съ испрошеніемъ въ этомъ случаѣ разрѣшенія приступить къ производству выборовъ въ судьи. До того же времени такіе не имѣющіе дворянства города и губерніи будутъ избирать въ вышнее правительство изъ числа опредѣленныхъ къ нимъ судей, какъ людей, которымъ извѣстно положеніе губерніи и которые сами извѣстны ея гражданамъ: послѣдніе же, оказавъ имъ такое довѣріе, засвидѣтельствуютъ объ ихъ справедливой и честной дѣятельности и отъ этого самого можетъ послѣдовать такая польза, что опредѣляемые туда судьи, имѣя въ виду мѣсто засѣданія въ вышнемъ правительствѣ, постараются добрыми своими поступками, правосудіемъ и безпорочностью нравовъ пріобрѣсти любовь и почтеніе народное.

5.

Я думаю, каждому понятно, насколько предложеніе мое совпадаетъ съ даннымъ намъ наказомъ отъ Ея Императорскаго Величества, ибо, какъ это изъяснено въ 22 отдѣленіи, надобно имѣть хранилище законовъ, а то, какъ его задачи (должность) описаны въ 28 отдѣленіи, а также и высказанное въ 126-мъ и 127-мъ отдѣленіяхъ положеніе, что суды должны быть равнаго состоянія съ тѣмъ, кого они судятъ, не совпадаетъ ли въ точности съ тѣмъ, что я имѣлъ честь здѣсь предложить? И дѣйствительно, гдѣ бы, кажется, управленіе (правительство) могло быть справедливѣе и болѣе пріобрѣсти довѣренность народную, какъ ни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сами сограждане, согласно съ волею монарха, его (т. е. это мѣсто) выбираютъ и когда сіи опредѣленные суды и правители, такъ почти сказать можно, суть повѣренные отъ государства и государя во врученномъ имъ залогѣ храненія законовъ?

6.

Полезность подобныхъ установленій, полагаю, признаетъ каждый: уѣздные суды, производясь выбранными дворянами, которымъ сами же дворяне и судіи будутъ, не могутъ почти пристрастны быть; губернскія учрежденія, разбирающія апелляціи чрезъ выбранныхъ подобнымъ же образомъ дворянъ, подсудныхъ прямо вышнему правительству, конечно, достаточно прославятся правосудіемъ, а и самое вышнее правительство, составленное отчасти изъ людей, показавшихъ своею долговременною службою любовь и усердіе къ отечеству и государю, отчасти же подкрѣпленное (избранными) отъ губерній и удостоенными отъ монарха (званія) сенаторовъ, примѣромъ другимъ въ свѣтѣ правленіямъ будетъ, и на любви народной, равно какъ на законахъ, будетъ утверждаться, а сверхъ того множество людей достойныхъ, отставшихъ отъ службы и живущихъ въ незнаемости, проявятъ себя черезъ сей способъ и могутъ быть опредѣлены для пользы отечества; такимъ образомъ, государство, почти можно сказать, многихъ людей, весьма себѣ полезныхъ пріобрѣтетъ, извлекши ихъ изъ той незнаемости, въ которой они коснѣютъ;

каждый дворянинъ, надѣяся достигнуть до сего достоинства по избранію своихъ собратьевъ для важнаго дѣла правленія Имперіей, болѣе будетъ стараться просвѣтить свой разумъ, а черезъ это науки проникнутъ въ наиотдаленнѣйшія провинціи; канцелярскіе служители, видя въ каждомъ дворянинѣ такого человѣка, который вскорѣ можетъ ихъ командиромъ быть, криводушничать и замедлять дѣлами не станутъ, а добрые нравы, разливаяся и вкореняяся въ сердца, возобновятъ златые вѣки, которымъ въ басняхъ дивимся, а дѣйствительно отъ щедроты нашей Монархини у себя увидѣть можемъ.

Съ замѣчательной осмотрительностью, съ большимъ тактомъ и съ весьма искусной дѣловой аргументаціей подходитъ здѣсь Щербатовъ къ своему плану овладѣть „вышнимъ правительствомъ" государства — сенатомъ, сдѣлавъ изъ него цитадель дворянства для обезпеченія такимъ путемъ завѣтной мысли объ ограниченіи произвола верховной власти прочными сословными учрежденіями. Проектъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ рядомъ съ предложеніями графа Ник. Ив. Панина объ Императорскомъ Совѣтѣ и, сопоставленный съ другими проектами Щербатова, приводимыми ниже, представляетъ выдающійся интересъ. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы планъ Щербатова объединялъ значительное направленіе или группу лицъ; имѣющіяся пока данныя какъ будто свидѣтельствуютъ скорѣе о противномъ. Но проектъ этотъ доказываетъ, что у самаго Щербатова имѣлся совершенно опредѣленный и законченный планъ государственнаго преобразованія, которому онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Приведенная записка является поэтому ключемъ ко всей литературной и общественной дѣятельности Щербатова, сначала сдѣлавшей изъ него горячаго поклонника Екатерины, а потомъ съ такой силой оттолкнувшей его отъ создательницы своеобразной системы „бюрократической монархіи" [1]).

V.

Кромѣ двухъ томовъ „Проектовъ и Голосовъ" въ Публичной Библіотекѣ сохранились еще двѣ рукописи изъ Щербатовской библіотеки, имѣющія отношеніе къ уложенной комиссіи. Одна изъ этихъ рукописей—подлинная оффиціальная копія съ наказа ярославскихъ дворянъ Щербатову, выданная ему изъ комиссіи съ скрѣпой по листамъ подписью: „Сочинитель капитанъ Петръ Хатьяновъ" и со слѣдующей припиской въ концѣ: „Таковъ подлинный наказъ у г-дина ярославскаго уѣзда депутата князя Ми-

[1]) См. статью Ѳ. В. Тарановскаго „Политическая доктрина въ наказѣ императрицы Екатерины II" въ „Сборникѣ статей по исторіи права", изданномъ подъ редакціей проф. Ясинскаго въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

хайло Щербатова принять въ комиссію сочиненія проекта новаго уложенія, а ему по его требованью дана съ того сія копія, засвидѣтельствованная выбранными въ комиссію разобранія наказовъ г-дами депутатами въ Санктъ-Петербургѣ марта 13 дня 1768 года". (Подписали) Клинскаго дворянства депутатъ Петръ Орловъ. Шлиссельбургскаго дворянства депутатъ Графъ Романъ Воронцовъ. Сергойскаго дворянства депутатъ графъ Александръ Строгановъ".

Гораздо важнѣе этой рукописи № 41 огромный, составленный самимъ Щербатовымъ сборникъ № 35, цѣликомъ посвященный различнымъ предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ комиссіи.

Сборникъ этотъ, озаглавленный „Дѣла по Уложенной комиссіи", заключаетъ въ себѣ болѣе 400 листовъ и состоитъ изъ 46 отдѣльныхъ частей. Въ числѣ этихъ частей имѣется, повидимому, предназнавшійся для подачи въ комиссію экземпляръ приведеннаго нами выше неподаннаго проекта Щербатова (онъ озаглавленъ здѣсь: „Проектъ о исправленіи правительства"), различныя статистическія вѣдомости, перечни указовъ по разнаго рода дѣламъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о дворянскихъ правахъ въ западныхъ странахъ, проектъ правамъ средняго рода людей, многочисленные отзывы на этотъ проектъ различныхъ учрежденій и объясненія, данныя на нихъ комиссіей, обширная (въ 110 страницъ мелкаго письма въ листѣ) объяснительная записка къ этому проекту, написанная вся рукой Щербатова и очевидно имъ составленная—и три отдѣльныя записки, на которыхъ мы остановимъ вниманіе читателя.

Первая изъ этихъ записокъ, сохранившаяся, къ сожалѣнію, безъ конца, озаглавлена: „Разсужденіе общее о сочиненіи уложенія". Она отлично рисуетъ тѣ формальныя задачи, которыя ставилъ себѣ русскій депутатъ XVIII вѣка подъ вліяніемъ усвоенныхъ западныхъ знаній, наблюденій надъ русской жизнью и призывовъ императрицы, вылившихся въ ея наказѣ. Приводимъ подлинный текстъ этой записки, насколько она сохранилась. Писано все собственноручно Щербатовымъ и съ такими исправленіями въ текстѣ, которыя исключаютъ предположеніе о возможности списыванія и несомнѣнно доказываютъ, что онъ былъ ея авторомъ.

Разсужденіе общее о сочиненіи уложенія [1].

Каждая вещь, что болѣе пространства имѣетъ и къ вящимъ употребленіямъ служитъ, то болѣе требуетъ имѣть въ себѣ совершенствъ.

[1]) Эту записку, какъ и двѣ слѣдующія за ней, мы передаемъ дословно, исправивъ только правописаніе Щербатова и вставивъ кое гдѣ отдѣльныя слова или предполагаемые пропуски буквъ (всегда въ скобкахъ).

Коль сіе предложеніе есть неоспоримо и о каждой неодушевленной вещи, то коль наипаче можетъ приложиться къ цѣлому закону, который хотя самъ и неодушевленъ есть, но, можно сказать, одушевляетъ, чинитъ безопасность и благополучіе не одному человѣку или обществу, но многимъ милліонамъ людей и многимъ обществамъ, часто различнымъ ихъ нравами, упражненіями и пользами. И чтобы всѣ эти различія согласить, дабы, не взирая на разности, общее всѣмъ благополучіе сдѣлать: снизойти на нравы единыхъ, побудить упражненіе другихъ и умѣрить отъ захватчивости пользы всѣхъ, коликую надлежитъ имѣть премудрость, чистосердечіе и безпристрастіе. Коликое же надлежитъ имѣть предвидѣніе, дабы не учинить его полезнымъ на единое время, а вреднымъ на другое? Великіе мудрецы и древніе философы, и малымъ народамъ давая законы, во многія погрѣшности впали: Солонъ оставилъ сѣмена порокамъ въ аѳинцахъ, не предупредивъ ихъ сластолюбія, отчего, наконецъ, нравы повредилися и республика пала; Ликургъ основалъ храбрую, но безденежную республику, учинилъ ее не въ состояніи хранить свои законы, когда (она) восхотѣла власть свою преумножить; а хотя бы и сей страсти не имѣла—одними своими войсками,—а за бѣдностью своей не могши нанять чужестранныя,—не могла бы отъ усилившагося сосѣда вольность свою сохранить; десемвиры въ Римѣ сдѣлали законы для распространенія побѣдъ и власти республики (какъ примѣчаетъ Монтескіу), которые не могли достаточны быть для сей республики, овладѣвшей уже большей частью тогда знаемой вселенной: сперва республика пала, а потомъ власть римская въ ничто премѣнилась. Такой есть начало и конецъ вещей человѣческихъ: все возростаетъ и, наконецъ, все упадетъ, и нѣсть ничего въ свѣтѣ совершеннаго.

Но нѣтъ! Если что возможетъ противное доказать несовершенству вещей подлунныхъ, сіе есть щедрота нашей августѣйшей монархини, которая, чувствуя всѣ трудности, каковыя (я) означилъ въ сочиненіи закона, желаетъ ихъ преодолѣть, и уже сильную россійскую монархію еще не пространствомъ и кровоолитіемъ, но добродѣтелію, правосудіемъ и благодѣнствіемъ ея подданныхъ усилить.

Но колико трудности имѣетъ дать и малому народу законъ, можно смѣло сказать, что сіи трудности для Россіи весьма умножаются, гдѣ множество народовъ, различныхъ ихъ вѣрами, нравами, обычаями и языками, обитаютъ и гдѣ разныхъ состояній люди, понынѣ неизвѣстные до коихъ мѣстъ ихъ права простираются, единые у другихъ обыкли, что могли захватывать. И колико самое мудрое положеніе собраніемъ всѣхъ чиновъ государства является единый способъ, каковой человѣческимъ разумомъ можно было сыскать, дабы колико возможно совершенъ такой законъ сдѣлать! Есть довольная матерія учинить хвалу нашей всемилостивѣйшей государынѣ; но я не съ тѣмъ принялъ перо, чтобы похвалы писать моей августѣйшей монархинѣ, которая самыми своими дѣлами, болѣе нежели слабымъ моимъ слогомъ, будетъ похвалена; а приступлю къ разсмотрѣнію, какимъ образомъ сей вновь сочиняющійся законъ долженъ быть раздѣленъ. И какимъ предметамъ въ раздѣленіи и въ слогѣ его должно послѣдовать.

Неоспоримо и всѣмъ извѣстно, что каждый законъ долженъ имѣть въ себѣ слѣдующіе предметы: 1) безопасность государства, 2) безопасность каждаго въ его персонѣ, 3) и въ его имѣніяхъ, что сочиняетъ три части, и вкорененіе добродѣтелей, во всѣхъ трехъ расположенныхъ.

Часть I. Безопасность государства.

О страхѣ Божіи. Хотя добродѣтель и справедливость и во всѣхъ частяхъ должна расположиться, но какъ оная есть основаніе закона, того ради она должна его и начинать; а нѣсть никакой добродѣтели, если она не на страхѣ Божіи основана. Того ради сіе и зачинаетъ каждое уложеніе, то есть наблюденіе владычествующаго закона, наказаніе богохульникамъ, но не такое должно быть, каковое греческіе императоры, предававшіеся подъ власть честолюбивымъ монахамъ кроткаго нашего Спасителя законъ плам(ен)емъ и мечемъ вооружили, дабы и намъ не быть достойнымъ того охуленія, каковое на всѣхъ гонителей налагаются, иль бы не быть таковымъ, какъ были аріане, гонители на церковь православную, о коей святый Гиллеръ, епископъ Поатіерской во второмъ своемъ письмѣ жалуется [1]). Но подражая кротости Господа нашего духомъ кротости недовольно почитающихъ законъ смирять. Пріобщающихъ же къ недовѣренію богохуленіе публичное, яко уже бунтующихъ противу владычествующаго закона, заточеніемъ и покаяніемъ наказывать, ибо лучше предъ Богомъ покаяніе, нежели казнь.

Дозволеніе каждому пребывать въ томъ законѣ, въ которомъ онъ родился, и по оному служеніе свое Господу приносить не токмо для политическаго состоянія Россіи полезно, но также съ закономъ Божіимъ и естественнымъ сходно; и хотя духовный чинъ и долженъ каждаго стараться въ православную нашу вѣру привести, но то по подражанію апостоловъ увѣщаніемъ, доказаніемъ истины и духомъ кротости, а не гоненіемъ или притѣсненіемъ и чтобы обращенія были учинены не для какихъ свѣтскихъ видовъ (какъ донынѣ многія чинились), но по дѣйствительному увѣренію.

Безопасность Государя и государства. Каждый подданный по единому рожденію своему уже обязанъ быть вѣренъ своему отечеству и государю, яко главѣ онаго, и яко самое оное сохраненіе, отъ сохраненія главы зависящее, того ради бунтовщикъ, измѣнникъ и возмутитель должны быть безъ пощады смертію наказаны. Но надлежитъ сдѣлать различеніе въ томъ, что называютъ охулительныя слова на своего монарха, ибо неможно почесть за преступленіе иль оскорбленіе величества хотя охулительныя слова, но безъ умысла говоренныя иль между двухъ пріятелей отъ изліянія сердецъ происшедшія, — но такія, которыя въ публичныхъ собраніяхъ говорятся, что уже за желанія возмущенія почесться можетъ.

О доходахъ. Доходы государственные, необходимо нужные для безопасности государства на содержаніе армій, крѣпостей и прочаго, въ сей части должны включиться. Оные есть разныхъ родовъ, единые, которые платятся съ персонъ, другіе, которые происхо-

[1]) Dupin. Bibliotheque des auteurs ecclesiastiques, t. II, p. 88.

дять отъ платежу за какія строенія, заводы и прочаго, третіе—внѣшняя и внутреняя пошлина и, наконецъ, тѣ, которые происходятъ отъ продажи государемъ иль его повѣренными самонужныхъ для жизни вещей и, наконецъ, собираемый сборъ съ государевыхъ волостей.

Доходы таковые: первые, которые плотятся съ персонъ, должны быть весьма умѣрены, дабы излишними налогами земледѣльца не отяготить. Другіе же, происходящіе отъ платежу, нѣкоего строенія, завода и прочаго, должны также съ умѣренностью располагаться, дабы платежъ не болѣе десятой части прибыли выходилъ, и притомъ надлежитъ учинить разборъ въ вещахъ: которыя ввелися въ обычай и не весьма нужныя, на такія болѣе наложить, а съ другихъ, съ нужныхъ, сбавить, дабы посредство и умѣренность во всемъ была наблюдена. Внѣшняя пошлина, а паче за выпускаемые товары, есть полезнѣйшій доходъ изъ всѣхъ, для того, что не токмо сія пошлина служитъ на содержаніе государства вхожденіемъ въ него чужестранныхъ денегъ и вывозомъ излишнихъ продуктовъ земли: но въ таковомъ случаѣ надлежитъ учинить расположенія аккуратныя о пошлинахъ для вывозныхъ товаровъ, дабы оные излишнимъ наложеніемъ пошлины не дешевѣли, а паче бы и чужестранные, а паче самонужные отъ иной же причины не дорожали, ибо если сей балансъ не сохраненъ, то и торговля не токмо въ прибыль, но паче въ отягощеніе государству будетъ. Четвертый способъ къ доходамъ — продажа государемъ самонужныхъ вещей — есть хотя и вездѣ употребляемый и не предосудительный способъ, но надлежитъ для сего учинить великія разсмотрѣнія и ограниченія, дабы отъ сей продажи единственно государь и государство пользовались, а не богомерзкіе откупщики и другіе хищники.

Для вышеозначенныхъ причинъ при сей части яко основательной и всему закону и правѣ каждаго должно приложить, утвердить законы о коммерціи, побуждая ее распространяться, а паче въ Азію, которая намъ, конечно, прибыльнѣе европейской будетъ, учреждая для внѣшней торговли компаніи и посылая консулей всюду, куда надлежитъ; побудить земледѣліе и манифактуры нужныя даніемъ имъ нѣкоихъ привилегій, не отяготительныхъ другимъ корпусамъ; стараться, чтобы работа въ минахъ и сысканіе разныхъ минъ преумножилось и дешевле бы минералы становились.

Распорядокъ иль обрядъ правленія, учрежденіе училищъ, ихъ права (и) разныхъ полезныхъ установленій, сохраненіе лѣсовъ, о свободномъ ходѣ рѣками и о сдѣланіи комуникацій новыхъ и словомъ все, что касается до государственной экономіи,—въ сію же часть можетъ вмѣститься.

Часть 2. Безопасность каждаго въ его персонѣ.

Безопасность каждаго въ его персонѣ, долженствующая сочинять вторую часть закона, и въ сіе вмѣщается должность полиціи, яко охраненіе отъ пожаровъ, грабительствъ, воровства и татьства въ градахъ, чистота градовъ, добрый порядокъ, тщаніе о изобильствѣ и дешевизнѣ нужныхъ вещей для жизни и судъ на разбойниковъ, воровъ и татей, и по уѣздамъ предосторожности отъ разбоевъ, грабежей, воровства, дракъ, нахальства и прочаго и все, что обще криминальнымъ...

На этомъ словѣ кончается листъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обрывается и рукопись, изъ трехъ частей которой, вѣроятно, законченныхъ авторомъ, въ нашемъ распоряженіи сохранилась только первая.

Рядомъ съ этой статьей объ общихъ началахъ законодательства мы находимъ другую, несомнѣнно также принадлежащую перу Щербатова и имъ собственноручно написанную. Она заключаетъ въ себѣ въ высшей степени наглядную картину дворянскаго самоуправленія, какъ ее рисовалъ себѣ Щербатовъ еще ранѣе признанія дворянскихъ учрежденій постоянно дѣйствующими органами мѣстной жизни. Мы видимъ здѣсь полное совпаденіе его предположеній съ проектомъ „о направленіи правительства“, находимъ еще ссылки на какіе-то другіе проекты, которые пока не найдены. Приводимъ цѣликомъ и этотъ любопытный документъ, въ которомъ, можетъ быть, изслѣдователи усмотрятъ въ трактованіи „братства“ дворянъ и въ установленіи обрядностей дѣлопроизводства нѣкоторое вліяніе масонства, котораго, какъ извѣстно, не чуждъ былъ Щербатовъ въ молодости. Записка эта интересна и тѣмъ, что показываетъ, какъ мало было установившихся связей у дворянскихъ обществъ того времени: главный защитникъ дворянскихъ правъ сочиняетъ проектъ организаціи, которая имѣетъ очевидной цѣлью только еще создать нѣчто единое и стройное изъ совершенно разрозненныхъ элементовъ.

Проектъ о правахъ и должностяхъ уѣздныхъ собраній.

Понятіе въ данномъ мнѣ наказѣ упоминается о учрежденіи дворянскихъ собраній, также и въ проектѣ моемъ № 2 я за главное основаніе положилъ, дабы предупредить подборы подъ имена дворянскихъ фамилій, чтобы каждый, по которому городу приписанъ дворянинъ, тотъ бы въ таковыя собранія извѣстія о рожденіяхъ, супружествахъ, кончинахъ и прочее увѣдомлялъ. Также требуемое въ наказѣ опредѣленіе дворянскихъ или избранныхъ по городамъ судей и проектъ мой № 3 необходимо сіи собранія нужны чинитъ. Того ради, если таковыя дворянскія собранія милостивно повелѣны будутъ, разсудилося мнѣ о должностяхъ и преимуществахъ оныхъ мнѣнія мои предложить.

Раздѣленіе первое.

1) Сіи собранія должны быть ежегодныя и начинаться съ 1 числа декабря мѣсяца и продолжаться не далѣе шести недѣль, то есть не далѣе 15 числа января (написано декабря) мѣсяца. Ибо въ сіе время вся уже деревенская экономія отойдетъ и каждый дворянинъ можетъ безъ ущербу себѣ на оное время пріѣхать въ городъ (и) прожить время собранія для общей пользы.

2) Главней (?) сего собранія долженъ быть избираемый черезъ два года дворянскій предводитель на такихъ привилегіяхъ, какъ оныя

означены въ Высочайшемъ манифестѣ Ея И. В. 1766 году декабря 14 дня [1]).

3) Всѣ дворяне, съѣхавшіеся въ собраніе, должны имѣть засѣданіе не по чинамъ, но по старшинству фамилій ихъ, что по исполненіи моего проекта № 2 и легко можно будетъ учинить.

Раздѣленіе второе.

1) По съѣздѣ дворянъ въ городъ по повѣсткамъ отъ предводителя или въ случаѣ смерти предводителя (и) вакансіи его мѣста по повѣсткѣ перваго присутственнаго засѣдателя въ собраніи (которая повѣстка должна быть учинена или черезъ комиссаровъ иль чрезъ канцелярію за двѣ недѣли, хотя уже каждый по вышепредложенному и безъ того будетъ довольно извѣщенъ о времени начатія собранія) соберутся въ единый назначенный къ тому домъ, откуда пойдутъ порядкомъ подъ предводительствомъ предводителя иль его намѣстника въ церковь, гдѣ учинятъ въ присутствіи начальника города присягу въ вѣрности отечеству и государю и, подписавъ оную, отдадутъ въ сохраненіе той церкви первому священнику.

2) Если обрѣтается мѣсто праздное иль вышло время предводителя, то на другой день изберутъ предводителя, и ради разныхъ дѣлъ изъ собраній же своихъ дворянъ изберутъ секретаря, токмо на время сего собранія, котораго мѣсто должно быть по середкѣ горницы собранія, на-супротиву предводителя. Должности же его—всѣ дѣла, бывшія въ собраніи, писать и вести журналъ.

3) Въ третій или четвертый день, взявъ изъ городской канцеляріи книги родословныя, находящіяся за печатью предводителя, и письма отъ написанныхъ по тому уѣзду дворянъ о рожденіяхъ, супружествахъ и кончинахъ, книги тѣ распечатываетъ, также и письма, слича напередъ печати и руку, распечатываетъ при собраніи, по № полученія ихъ, и секретарь при собраніи сочиняетъ реестръ изъ сихъ писемъ, по сочиненіи котораго двойного и по подписаніи онаго всѣ присутственные оные подписываютъ, послѣ чего, письма сложа и запечатавъ предводитель своей печатью, съ реестромъ отдаетъ для сохраненія въ архивъ, а сочиненные изъ оныхъ писемъ реестры—одинъ отсылаетъ въ главную герольдію, а изъ другого новорожденныхъ въ кружки той фамиліи, которой онъ или она есть, вводитъ, умершихъ отмѣчаетъ, супружества записываетъ и прочее, что все также онъ секретарь собранія подписываетъ, ссылаяся на № и число подписаннаго реестра всѣмъ собраніемъ дворянъ. Если же которыя письма послѣ сего написанія придутъ, таковыя не распечатываясь до другого года собранія отсылаются, дабы не было излишняго затрудненія.

4) По семъ предводитель съ собраніемъ, принявъ отъ комисаровъ годовой ихъ журналъ, будетъ упражняться выслушивать жалобы, если оные случатся на опредѣленныхъ отъ дворянства судей и комисаровъ во взяткахъ, въ наглостяхъ, въ обидахъ и притѣсненіяхъ, и если кто въ

---

[1]) Т. е. о созывѣ комиссіи для сочиненія проекта уложенія, причемъ передъ выборами депутатовъ предписывалось выбрать въ уѣздахъ дворянскихъ предводителей, а въ городахъ—городскихъ головъ. *Д. П.*

таковыхъ продерзостяхъ виненъ явится, учинитъ предписанное въ прежнихъ проектахъ наказаніе иль отошлетъ ихъ въ вышнее правительство, запрося караулъ у начальника, съ просьбой, дабы имъ тамъ по опредѣленіи дворянскаго собранія наказаніе учинить. Если же правы найдутся, то доносителямъ на нихъ учинить самимъ (? написано: симъ) наказаніе. А ежель таковыхъ жалобъ ни прежде, ни въ первый день, назначенный для сего, не произойдетъ, то на другой и на третій день повелитъ публиковать съ барабаннымъ боемъ, нѣтъ ли кого такихъ жалобщиковъ, и потомъ, съ засвидѣтельствованіемъ и подпискою всѣхъ присутственныхъ дворянъ, дастъ аттестаты кому надлежитъ, не принимая по прошествіи сихъ трехъ дней болѣе жалобъ. И приступаетъ къ выбору въ уѣздные судьи и комисары другихъ.

5) По избраніи сихъ первыхъ приступаетъ къ выбору въ губернію для апелляціонныхъ дѣлъ отъ уѣзда депутатовъ, а потомъ въ кандидаты, въ сенаторы избирательные, если тому городу очередь въ тотъ годъ есть.

6) Если случится кто отъ Ея И. В. пожалованный въ дворянское достоинство, который желаетъ и долженъ въ братство быть принятъ, той какъ скоро явится, хотя и въ производство вышеписанныхъ дѣлъ, принятъ быть долженъ по предписаннымъ обрядамъ въ проектѣ № 2 о должности герольда.

7) Если кто изъ дворянъ не поспѣлъ къ началу собранія, таковой долженъ заплатить малый штрафъ по числу его душъ въ томъ уѣздѣ и чрезъ депутата собранія долженъ быть приведенъ къ общей присягѣ, гдѣ подписавшись, имѣетъ право свое мѣсто въ собраніи взять. А если кто безъ самыхъ законныхъ нуждъ отлучится отъ собранія, таковой также долженъ быть оштрафованъ, гораздо болѣе непоспѣвшаго.

8) Всѣ дворяне, какого бы званія ни были, окромя тѣхъ, которые обязаны чинами ли своими, иль избраніями ихъ собраній въ службѣ государю и отечеству, гдѣ бы они жительство не имѣли, по крайней мѣрѣ единожды въ три года должны въ собраніи того города, по которому написаны, явиться, подъ опасеніемъ платить не малый штрафъ, коль наипаче онъ долженъ быть усугубленъ для тѣхъ, которые, и въ томъ уѣздѣ живши въ своихъ деревняхъ, не показавъ законныхъ причинъ, не пріѣдутъ.

9) Тѣ же, которые ради законныхъ причинъ бывъ отлучены въ собраніяхъ дворянскихъ сами не будутъ, таковые хотя право своего и не теряютъ присутствовать и мнѣнія свои присылать, но должны присылать повѣренныя письма и, пришлютъ ли или не пришлютъ, должны повиноваться всѣмъ учрежденіемъ, каковыя въ собраніи учинятся. Чего ради ихъ вотчинные управители къ окончанію собранія, подъ опасеніемъ штрафа, должны явиться для полученія повелѣній.

10) Предводитель и всѣ дворяне единодушно должны стараться о добромъ состояніи крестьянъ, о земледѣліи, скотоводствѣ и о сохраніи лѣсовъ; также и о добромъ воспитаніи благороднаго юношества. Чего ради долженъ предводитель стараться уговорить своихъ собратій, дабы нѣкоторый платежъ въ собраніи учинили, къ которому должны быть подвергнуты не только написанные по тому уѣзду, но также и всѣ деньги дворянскія, къ чему пріобща штрафныя деньги, собирать, а также при на-

чатіи собранія запечатанный и покрытый ящикъ можно поставить, куда кто что хочетъ можетъ положить. Которыя деньги при окончаніи собранія должно счесть и употреблять на нижеозначенные расходы, а остальныя отдавать для сохраненія въ канцелярію.

11) По сочтеніи оныхъ обложенныхъ, самовольно данныхъ и штрафныхъ денегъ пятая часть должна откладываться для построенія каменнаго или деревянаго дома, гдѣ собраніямъ быть, которыя дабы праздно не лежали, отсылать въ банкъ, пока довольная сумма накопится для такового строенія.

12) Достальныя можно употребить для заведенія школъ по городамъ для дворянскихъ дѣтей, а паче неимущихъ, гдѣ бы оныя могли учиться порядочно россійской грамотѣ, чисто и исправно писать, Закону Божію и арихметикѣ, а по числу денегъ можно и число наукъ, яко языковъ и прочее, пріумножить, которыя школы заводить собранія дворянскія должны имѣть право. Смотрѣть же надъ сими школами препоручить одному изъ избранныхъ дворянскихъ судей.

13) Если же и за всѣмъ за онымъ нѣкоторыя суммы денегъ будутъ оставаться, то предводитель, съ согласія прочихъ дворянъ, собравшихся въ собраніе, можетъ по благоусмотрѣнію ихъ употребить.

14) Понеже все дворянство, имѣющее жительство въ томъ уѣздѣ, будетъ собираться, то можно опредѣлить одинъ или два дня для разсужденія о земледѣліи, о приведеніи въ лучшее состояніе онаго, и если который учинилъ какія полезныя испытанія, тотъ долженъ со всѣми изъясненіями то прочимъ сообщить, а онъ за то по опробованіи другими чрезъ годъ или чрезъ два года не токмо словесно именемъ собранія будетъ благодаренъ, но также то испытанное, по обстоятельномъ описаніи онаго, и благодареніе дворянское отошлется въ типографію и тамъ для извѣстія и всему государству будетъ напечатано.

15) Итако окончавъ сіи дѣла, секретарь, сочинивъ журналъ всему въ томъ собраніи происходящему, въ назначенный день для окончанія собранія подаетъ подписывать предводителю и всѣмъ присутствующимъ; по окончаніи его отсылаетъ, какъ всѣ письма, принадлежащія собранію, опять для храненія въ городскую архиву, такъ же и деньги, которыя секратарь, отдавъ съ роспискою, возвратясь отдаетъ росписку предводителю, а самъ, яко уже окончилъ свое дѣло, на дворянское свое мѣсто садится, а предводитель, вставъ, оканчиваетъ собраніе и распускаетъ дворянъ.

16) Таковое дворянское собраніе не должно быть никому подсудно, окромя [1]) вышняго правительства, яко почитающагося, что самъ государь есть онаго президентъ.

17) Воеводскія канцеляріи и прочія гражданскія правленія имѣютъ съ онымъ [2]) сношеніе имѣть и во всякихъ надобностяхъ ему помогать.

---

[1]) Конецъ этой статьи написанъ вмѣсто зачеркнутаго первоначальнаго текста: (окромя) августѣйшей персоны Ея Императорскаго Величества и слѣдственно не можетъ быть инако ни оштрафовано.

[2]) Т. е. дворянскимъ собраніемъ?

Третья записка Щербатова въ сборникѣ № 35 носитъ заглавіе: „Предложеніе о отрѣшеніи балловъ въ рѣшительныхъ положеніяхъ“, т. е. предложеніе о непримѣненіи закрытой баллотировки при рѣшеніи вопросовъ въ комиссіи.

По формѣ это проектъ, заявленный въ комиссію; неизвѣстно, пустилъ ли Щербатовъ въ дѣло свой проектъ или же его постигла участь „Предложенія о поправленіи правительства“ и другихъ наиболѣе существенныхъ предположеній депутата. Въ общемъ собраніи комиссіи рѣчи о Щербатовскомъ предложеніи не было, но онъ могъ его внести не въ большую, а въ дирекціонную комиссію. Что касается самого содержанія предложенія, то несмотря на его кажущееся второстепенное значеніе, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ существеннымъ вопросомъ объ открытой и закрытой подачѣ мнѣній въ законодательныхъ собраніяхъ, а кромѣ того тутъ затрагиваются также особенности комиссіи, которыя составляли, можетъ быть, одну изъ главнѣйшихъ причинъ неудачнаго ея исхода. „Колико мнѣ является, число господъ депутатовъ другихъ чиновъ окромя дворянъ превосходитъ число дворянскихъ депутатовъ“, пишетъ Щербатовъ. По всей вѣроятности, записка относится къ началу занятій комиссіи. Уже къ 1 января 1768 года изданъ былъ печатный ихъ списокъ (онъ имѣлся и въ библіотекѣ Щербатова при покупкѣ ея Екатериной), поэтому Щербатовъ могъ легко подсчитать число депутатовъ и убѣдиться въ сравнительно ничтожномъ числѣ дворянскихъ голосовъ вполнѣ точно. Полный составъ комиссіи опредѣлился, какъ извѣстно, въ 564 депутата, изъ коихъ было 28 представителей правительственныхъ учрежденій, *дворянскихъ депутатовъ было всего 161*, депутатовъ отъ городовъ (среди нихъ, правда, были также и нѣсколько дворянъ—напр., депутаты отъ столицъ)—208, отъ казаковъ—54, отъ поселянъ—79 и отъ иновѣрцевъ—34 [1]). Подвергать голосованію, да еще закрытому, законодательные вопросы въ такомъ собраніи при численной ничтожности, но политическомъ огромномъ преобладаніи дворянской части его и при намѣреніи правительства сохранить существовавшій строй съ исключительными привилегіями для дворянъ—было совершенно немыслимо. Здѣсь мы подходимъ къ такимъ существеннымъ и важнымъ вопросамъ, что рѣшать ихъ мимоходомъ не приходится; во всякомъ случаѣ само собой напрашивается предположеніе, что именно невозможность для маршала съ его точки зрѣнія ставить на рѣшеніе такого собранія представлявшіеся вопросы, вызвало странное и даже на первый взглядъ необъяснимое его по-

---

[1]) Латкинъ. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст. Спб. 1887. Стр. 250. Ср. еще любопытныя данныя въ статьѣ М. А. Липинскаго „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“ 1887 г., іюль.

веденіе, превратившее комиссію въ безсмысленную говорильню безъ постановленій, а боязнь столкнуться съ рѣшеніями собранія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нежеланіе имъ подчиниться,—заставили и императрицу быстро разочароваться въ своемъ созданіи. Какъ бы то ни было, всякое мнѣніе вліятельнаго современника, выясняющее хотя бы стороной его отношеніе къ положенію дѣлъ въ комиссіи, представляетъ значительную важность, поэтому мы приводимъ здѣсь и эту записку Щербатова, несмотря на ея кажущееся чисто служебное содержаніе.

Предложеніе о отрѣшеніи баловъ въ рѣшительныхъ положеніяхъ.

Превѣщающее все что въ благодарность мы нашей августѣйшей Монархинѣ можемъ сказать ежедневно видимое нами собраніе Россійской Имперіи чиновъ для сочиненія проекта новаго уложенія ежедневно въ насъ искреннія благодарности чувства къ матери отечества умножаетъ; и видя оному собранію данныя съ престола правила и предлоги—всеподданническую любовь къ ней питаютъ. Остается ли что въ свѣтѣ довольно важное, чтобы не стекалось въ единый пунктъ, дабы наше усердіе, вѣрность и прямую искренность побудить.

Здѣсь милость монарша во всемъ блистаніи ея къ намъ оказуется; мудрыя правила и предлоги къ добродѣтели, къ любви отечества и повиновенію монарху и къ безпристрастному попеченію о собственномъ нашемъ благополучіи, всѣхъ и каждаго особо, елико отъ сношенія общественныхъ вещей пріобрѣсти можемъ, насъ преклоняютъ.

Такими чувствами имѣя мысль и сердце наполненно, дерзаю мнѣніе мое касающе цо балловъ въ рѣшительныхъ положеніяхъ, какъ то означено въ данномъ обрядѣ въ XIII пунктѣ, предъ сіе собраніе предложить.

Не можетъ никакой краснорѣчивый языкъ съ довольною силою изъяснить, колико и въ самомъ семъ способѣ, дающемъ волю каждому безпринужденно и безъ опасности мысль свою чрезъ положеніе бала означить, великодушіе и щедрота нашей монархини оказуется. Но коль сей способъ милосердъ, толь мню имѣть причину опасаться, чтобъ въ положеніяхъ законодательства нѣкоего вреда не произвелъ. 1. Что колико всѣ члены сего почетнаго собранія внутренно милосердіемъ монаршимъ не убѣждены и присягою ни обязаны, но если, чего Боже сохрани, которые прямыхъ патріотическихъ мыслей не имѣютъ, то безъ опасенія, подъ закрытіемъ тайны балла, вредное свое желаніе могутъ исполнять. 2. Многіе, можетъ быть, обращая свою мысль на единый лишь полезный пунктъ, баллами своими могутъ то опробовать, что въ общемъ положеніи Имперіи можетъ вредно быть. 3. Колико мнѣ является, число господъ депутатовъ другихъ чиновъ окромя дворянъ превосходитъ число дворянскихъ депутатовъ; и тако не корпусъ дворянскій найпросвѣщеннѣйшій о прямыхъ пользахъ отечества, но болѣе купцы, иновѣрные народы, черносотные крестьяне и прочіе люди, по большей части никогда не чтившіеся въ толь великую должность, безъ соображенія каждаго дѣла съ общимъ положеніемъ Имперіи по превышенію числа своего будутъ рѣшать.

Ежель позволится мнѣ еще болѣе предложить, то взявъ примѣры отъ древнихъ, почтенныя и сильныя республики могу въ примѣръ представить, и не изыскивая другихъ, единая римская республика яснѣйшимъ мнѣ примѣромъ служить можетъ, что всѣ способы къ возстановленію ея спокойства пропали, когда каждый, закрывая свое имя, могъ оспорить полезнымъ чиненнымъ предложеніемъ отъ лучшихъ людей Рима. Свидѣтель сему Цицеронъ, не одинажды въ трудахъ своихъ, а паче въ книгѣ III о законахъ, противу сего вопіющій. И осмѣлюсь къ сему сказать: какъ можно утвердиться на числѣ мнѣній, тайно данныхъ, такихъ людей, которые открыто не хотятъ доказательствами оныя утвердить; и послѣдуя единому писателю, скажу: „Не для того, чтобы я большее число голосовъ не почиталъ, но почитаю такіе, которые доказательствами утверждаютъ свои мнѣнія, а не такіе, которые и въ споры вступать не хотятъ“.

Да и дѣйствительно, мы, бывъ собраны подъ толь милосердою державою, то не долженъ ли всякій вольностью своею и открытіемъ своихъ добродѣтельныхъ мыслей показать себя достаточнымъ материнскихъ попеченій Ея Императорскаго Величества? Напротиву же сего прямо могу сказать, что недостаточны тѣ быть сообщниками сего собранія, ни участниками готовящагося намъ благополучія, которые ради какихъ видовъ иль пристрастій мнѣній своихъ открыто сказать не хотятъ. Нѣтъ, да отбѣжитъ отъ насъ такая мысль, но любовь къ матери отечества нашей всемилостивѣйшей государыни возбудитъ насъ каждаго добродѣтельныя мысли смѣло открыть и доказать, что дѣйствительнымъ поступкомъ, открытно объявляющимъ свои патріотическія мысли, тщимся быть достойными жить подъ державою толь человѣколюбивой государыни.

Однако, не чтуся я ни единаго изъ господъ депутатовъ отрѣшить отъ права давать свой голосъ въ такомъ дѣлѣ, которое, какъ для всего общества, такъ и для каждаго особо касается. Но токмо желая, дабы кто учинитъ отрѣшеніе или учинитъ утвержденіе какому пункту былъ бы извѣстенъ и могъ бы спрошенъ быть о причинахъ и тѣмъ бы каждый своими совѣтами могъ способствовать къ успѣху сего дѣла. Ибо пространство законовъ и требуетъ совѣту многихъ, а не можетъ никто одинъ всего его обнять. И того ради не соблаговолено ли будетъ вмѣсто баловъ, не показующихъ имени того, кто оные въ правую или лѣвую сторону кладетъ, раздавать при входѣ печатные билеты съ нумерами по мѣсту каждаго, по два всякому, одинъ бѣлый, другой черный; и вольно бы было каждому депутату отрѣшительный черный иль утвердительный бѣлый положить; а по означеннымъ на нихъ номерамъ всегда можно будетъ видѣть, кто какіе клалъ. Въ случаѣ же трудности дѣла, по требованію бы депутатовъ конференціи между разномыслящихъ позволены были; которые бывъ записаны, лучшее просвѣщеніе могутъ на многіе пункты дать и къ рѣшенію по благоразсужденіи комиссіи, какъ о томъ опредѣлено будетъ, взнесутся. Итакъ, предложивъ мое мнѣніе, прошу о семъ какъ въ почтенной сей комиссіи разсмотрѣть и также всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, Матери отечества, представить.

Мы ограничиваемся пока приведеніемъ этихъ матеріаловъ изъ всего запаса еще неиспользованныхъ щербатовскихъ рукописей въ Публичной Библіотекѣ. Печатаемое нами принадлежитъ къ наиболѣе цѣннымъ образчикамъ, но и все вообще наслѣдіе Щербатова, какъ убѣждаешься при тщательномъ ознакомленіи съ нимъ, заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія въ интересахъ правильнаго пониманія общаго смысла столь важной поры русской исторіи, какъ Екатерининское время.

Кн. Дм. Шаховской.

Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій [1]).

Главнѣйшіе соціалисты и соціалистическія направленія Запада.

IV.

Современный научный соціализмъ: Карлъ Марксъ.

(Окончаніе первой части.)

Приступая къ ученію Карла Маркса, которое оказало въ послѣднія два-три десятилѣтія такое вліяніе на развитіе соціалистической мысли въ Россіи, мы считаемъ нужнымъ измѣнить нѣсколько самый характеръ изложенія. Раньше, когда дѣло шло о соціалистахъ, съ которыми русскіе читатели не особенно хорошо знакомы, намъ приходилось порою болѣе или менѣе подробно разсматривать ихъ системы. Но доктрина Карла Маркса настолько извѣстна и въ Западной Европѣ, и въ Россіи, она вызвала къ жизни такую массу комментаріевъ, критикъ, восторженныхъ и враждебныхъ отзывовъ, что было бы безполезнымъ отвлеченіемъ отъ главной цѣли этихъ этюдовъ подробно излагать доктрину главы современнаго научнаго соціализма. Мы ограничимся поэтому лишь указаніемъ на главнѣйшіе пункты, и притомъ преимущественно въ связи съ вопросомъ, который очень сильно занимаетъ умы въ послѣднее время, а именно: въ какой степени ученіе, связанное съ именемъ Маркса, представляетъ собою нѣчто совершенно новое, и въ какой степени оно является лишь формулировкой уже извѣстныхъ положеній.

Мы знаемъ, дѣйствительно, что если вѣрные ученики Карла Маркса считаютъ его совершенно исключительнымъ, всеобъемлющимъ геніемъ, давшимъ міру глубоко оригинальное—и въ цѣломъ и въ частностяхъ—міровоззрѣніе, то нѣтъ недостатка и въ такихъ противникахъ его, которые видятъ въ Марксѣ чуть ли не простого плагіатора прежнихъ мыслителей, маскирующаго свои заимствованія отвлеченно схоластическими пріемами изложенія. Не говоря уже о чисто патологической критикѣ Маркса Дю-

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“, октябрь.

рингомъ, который смотритъ на ученіе автора „Коммунистическаго Манифеста“ и „Капитала“, ни болѣе ни менѣе, какъ на „симптомъ“ идейнаго разложенія, на продуктъ „сектантской схоластики и жидовской рекламы“ [1]), оригинальность Маркса отрицается, между прочимъ, какъ современными теоретиками или, лучше сказать, публицистами анархическаго направленія [2]), такъ и нѣкоторыми представителями профессорскаго соціализма и полусоціализма [3]).

Прежде всего мы должны сказать, что вопросу объ оригинальности и плагіатѣ люди придаютъ несоотвѣтственное большое значеніе, и что, говоря вообще, онъ основанъ на недоразумѣніи. Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ случаи завѣдомаго литературнаго воровства, то задача сводится чаще всего лишь къ установленію той пропорціи, въ какой уже извѣстныя истины комбинируются съ новыми идеями или даже только съ новой формулировкой старыхъ идей. Ибо самые крупные творческіе умы не могутъ претендовать на абсолютную оригинальность ихъ личнаго привноса въ науку и на отсутствіе предшественниковъ. А съ другой стороны, не бываетъ почти примѣра, чтобы мало-мальски самостоятельный мыслитель не наложилъ печати своей индивидуальности даже на общепринятыя положенія. Изучая исторію науки, сплошь и рядомъ наталкиваешься на фактъ большого обилія идей, которыя можно считать коллективнымъ достояніемъ человѣчества въ данный моментъ. Недостатокъ чувствуется лишь въ новизнѣ и смѣлости комбинацій изъ этихъ ставшихъ общественною собственностью умственныхъ элементовъ. И здѣсь-то почти исключительно

---

[1]) Dr. Eugen Dühring, *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus;* Лейпцигъ, 1900. 4-е изд., стр. 500.

[2]) См., напр., W. Tcherkesoff, *Pages d'histoire socialiste;* Парижъ, 1896.

[3]) Anton Menger, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung;* Штуттгартъ и Берлинъ, 1904, 3-е изд.—Ср. также автора предисловія къ англійскому переводу книги Менгера, проф. Фоксуэлля: *The Right to the Whole Produce of Labour.* With an Introduction and Bibliography by H. S. Foxwell; Лондонъ, 1899 (Это предисловіе, носящее заглавіе „Исторія соціалистическихъ идей въ Англіи“, служитъ также предисловіемъ къ нѣмецкому переводу замѣчательнаго труда Томпсона, который мнѣ придется цитировать неоднократно ниже: William Thompson. *An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to Human Happiness; applied to the newly proposed System of voluntary Equality of Wealth;* Лондонъ, 1824. Нѣмецкій переводъ, въ общемъ удачный, появился совсѣмъ недавно въ штепелевской экономической и соціальной „Библіотекѣ“ подъ заглавіемъ: *Untersuchung über die Grundsätze der für das menschliche Glück dienlichsten Verteilung des Reichtums;* Берлинъ, 1903—1904 гг., 2 т. Я буду цитировать Фоксуэлля по этому нѣмецкому изданію).

проявляется организующая, „формообразующая“,—как любятъ выражаться философствующіе нѣмцы, — дѣятельность тѣхъ могучихъ умовъ, которые принято называть геніями. Любопытно, кстати, что наиболѣе яркіе представители этой малочисленной категоріи не только не склонны выставлять результаты своей оригинальной мысли за нѣчто съ небо свалившееся, совершенно неслыханное, но съ особенною любовью выискиваютъ въ прошломъ и даже настоящемъ своихъ предшественниковъ и единомышленниковъ. Лучшій примѣръ тому Дарвинъ, котораго враги упрекали въ томъ, что если читать введеніе къ его знаменитому трактату о „Происхожденіи видовъ“, то можно подумать, будто въ исторіи науки не было никакихъ другихъ мнѣній, кромѣ эволюціонистскихъ, болѣе или менѣе приближающихся къ дарвинизму.

Но перейдемъ къ тому, что Марксъ внесъ въ науку. Энгельсъ,—котораго можно считать въ этомъ вопросѣ наилучшимъ судьею, такъ какъ онъ самъ работалъ самостоятельно въ области общественной экономіи и рѣшилъ „играть вторую скрипку“ лишь когда увидѣлъ въ Марксѣ гораздо болѣе крупнаго и оригинальнаго мыслителя,—полагаетъ возможнымъ сгруппировать весь богатый привносъ Маркса въ научную сокровищницу человѣчества вокругъ двухъ основныхъ пунктовъ: анализа прибавочной стоимости, вскрывающаго существенную „тайну“ капиталистическаго общества, и такъ называемаго матеріалистическаго объясненія исторіи. Посмотримъ, что новаго сдѣлано Марксомъ въ обоихъ только что упомянутыхъ направленіяхъ.

Прежде всего вопросъ о прибавочной стоимости. Еще при жизни Маркса Энгельсъ писалъ: „рѣшеніе этого вопроса составляетъ величайшую, дѣлающую цѣлую эпоху заслугу марксовскаго труда. Оно проливаетъ яркій свѣтъ на экономическія области, гдѣ раньше соціалисты блуждали въ глубокой тьмѣ не менѣе, чѣмъ и буржуазные экономисты. Съ этого момента ведетъ свое начало, вокругъ него группируется научный соціализмъ“ [1]. И дальше: „Доказавъ, такимъ образомъ, какъ возникаетъ прибавочная стоимость и какъ лишь прибавочная стоимость можетъ возникнуть при господствѣ регулирующихъ товарный обмѣнъ законовъ, Марксъ вскрылъ (legte... bloss) механизмъ современнаго способа производства и покоящагося на немъ способа присвоенія, обнаружилъ то кристаллическое ядро, вокругъ котораго отложился весь современный общественный порядокъ“ (стр. 177).

Возвращаясь къ этому вопросу нѣсколькими годами позже, уже послѣ смерти Маркса, Энгельсъ, подъ вліяніемъ различныхъ критикъ, раздав-

[1]) Friedrich Engels, *Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*; Лейпцигъ, 1877, стр. 175 (это—первое изданіе много читаемой книги-памфлета).

шихся по поводу пріоритета Маркса въ рѣшеніи проблемы прибавочной стоимости, счелъ нужнымъ объяснить, въ какомъ смыслѣ онъ дѣлалъ это утвержденіе. Онъ не отрицалъ того факта, что *„существованіе* той части стоимости продукта, которую мы называемъ теперь прибавочной стоимостью, было установлено задолго до Маркса; точно также съ большей или меньшей ясностью было высказано, изъ чего она состоитъ, а именно изъ продукта того труда, за который присвоитель его не уплатилъ никакого эквивалента" [1]). Но дальше у изслѣдователей,—говоритъ Энгельсъ,—ничего не выходило, между тѣмъ какъ Марксъ повелъ свой анализъ впередъ именно отъ этого пункта, въ которомъ его предшественники видѣли рѣшеніе, Марксъ же самое проблему, и вывелъ отсюда цѣлый рядъ очень важныхъ заключеній. Это и даетъ поводъ Энгельсу сравнить Маркса съ отцомъ научной химіи, Лавуазье, а его предшественниковъ, въ области ученія о прибавочной стоимости, съ Пристлеемъ и Шееле, которые фактически впервые открыли кислородъ, но изъ этого первостепеннаго открытія не сдѣлали ничего, сохранивъ всѣ предразсудки флогистической теоріи.

Ходъ изслѣдованій Маркса въ данной области изображается Энгельсомъ такъ. Отъ явленія прибавочной стоимости Марксъ счелъ нужнымъ перейти къ анализу стоимости: онъ „изслѣдовалъ трудъ въ его свойствѣ образовывать стоимости и впервые установилъ, *какой* трудъ и почему и какъ образуетъ стоимость, а также, что эта стоимость вообще есть ничто иное, какъ створоженный трудъ *этого рода*" (стр. XIX). Затѣмъ онъ перешелъ къ отношенію между товаромъ и деньгами и показалъ, что развиваясь изъ товарнаго обмѣна, деньги должны были, однако, фатально противоставить себя міру товаровъ, что, какъ читатель, конечно знаетъ, очень наглядно выражается въ моменты денежныхъ кризисовъ, когда владѣльцы товаровъ лихорадочно ищутъ на рынкѣ „всеобщаго эквивалента" для обмѣна на произведенные ими продукты и—увы!—нигдѣ не находятъ спрятавшагося отъ нихъ въ надежныя мѣста золота. Далѣе, Марксъ прослѣдилъ процесъ превращенія денегъ въ капиталъ и доказалъ, что появляющаяся въ этомъ процессѣ прибавочная стоимость, прилипающая къ рукамъ капиталиста и позволяющая ему все болѣе и болѣе расширять производство, образуется не при обмѣнѣ,—напр., не путемъ обманыванія продавцевъ сырья, у которыхъ фабрикантъ старается купить товаръ возможно ниже его стоимости, и не путемъ обманыванія потребителей, которымъ тотъ-же

---

[1]) См. предисловіе Энгельса ко 2-му тому „Капитала": Karl Marx, *Das Kapital*, II; Гамбургъ, 1885, Vorwort, XIX.

фабрикантъ норовитъ спустить свой продуктъ возможно выше его стоимости,—а въ самомъ производствѣ.

Дѣло въ томъ, что фабрикантъ находитъ на рынкѣ особый товаръ, рабочую силу, которую продаетъ ея владѣлецъ, рабочій; и покупая ее даже „по-божески", т. е. по ея стоимости, каковою является стоимость средствъ существованія рабочаго, нашъ капиталистъ остается въ барышѣ, такъ какъ, уплативъ труженику заработную плату, заставляетъ его работать на фабрикѣ болѣе продолжительное время, чѣмъ то было бы нужно для строгаго возмѣщенія полученной рабочимъ платы. Установленіемъ очень важной разницы между стоимостью рабочей силы, существующей у рабочаго въ видѣ способности трудиться, и стоимостью, воплощенною въ продуктѣ создавшимъ его трудомъ рабочаго, Марксъ „разрѣшилъ сразу одну изъ трудностей, которыя погубили школу Рикардо: невозможность согласить взаимный обмѣнъ капитала и труда съ рикардіанскимъ закономъ опредѣленія стоимости трудомъ" (XX).

Затѣмъ Марксъ совершенно логически, исходя изъ самаго свойства живого человѣческаго труда создавать на извѣстной ступени своей производительности больше стоимостей, чѣмъ потребляетъ рабочій въ качествѣ владѣльца рабочей силы, приходитъ къ замѣнѣ стараго дѣленія капитала на основной и оборотный новымъ, неизмѣримо болѣе важнымъ для изслѣдованія капиталистическаго производства дѣленіемъ капитала на постоянный и перемѣнный. Постоянною Марксъ называетъ ту долю капитала, которая тратится фабрикантомъ на покупку матеріаловъ и средствъ производства и стоимость которой лишь переходитъ цѣликомъ (сырье) или по частямъ (машины, зданія) на производимый рабочимъ продуктъ. Перемѣнною же Марксъ называетъ ту часть капитала, которая идетъ въ видѣ заработной платы на покупку рабочей силы и стоимость которой вновь создается вмѣстѣ съ извѣстнымъ уже читателю лишкомъ „прибавочной стоимости" при процессѣ труда, производимаго наемнымъ рабочимъ на фабрикѣ.

Наконецъ, Марксъ, разрѣшивши задачу происхожденія прибавочной стоимости, переходитъ къ вопросу о томъ, какъ этотъ общій излишекъ, вытекающій изъ эксплуатаціи труда капиталомъ, дѣлится на разныя части, присваиваемыя различными классами и категоріями эксплуататоровъ: фабрикантами, которые получаютъ предпринимательскую прибыль; землевладѣльцами, которые получаютъ ренту; собственно капиталистами, которые получаютъ процентъ, и т. д.

Спрашивается теперь, насколько правъ Энгельсъ, утверждая, что все это составляетъ оригинальную работу Маркса. Если ограничиваться грубыми контурами ученія о стоимости и о прибавочной стоимости, то можетъ показаться, что въ „Капиталѣ" звучатъ намъ какъ будто уже знакомые

мотивы. Я попрошу читателя лишь припомнить, какъ рѣзко и рельефно вопросъ объ эксплуатаціи рабочаго владѣльцемъ средствъ производства и о неоплаченномъ излишкѣ, присвояемомъ собственникомъ, ставился, между прочимъ, Сисмонди, сэнъ-симонистами, Пьеромъ Леру, Прудономъ, школой Фурье и т. д. А если бы мы перешли къ англійскимъ экономистамъ [1]) и соціалистамъ,—которыхъ мы, за исключеніемъ Оуэна, до сихъ поръ совсѣмъ не касались въ нашихъ этюдахъ, потому что они отнюдь не вліяли такъ непосредственно на русскій соціализмъ, какъ французскіе,—то мы могли бы найти и здѣсь не мало формулъ и положеній, представляющихъ, съ той или иной стороны, предвосхищеніе взглядовъ Маркса. Другое дѣло, когда мы желаемъ отнестись къ поставленному вопросу съ большей тщательностью и опредѣлить по возможности точно, въ какихъ пунктахъ ученіе автора „Капитала" является только воспроизведеніемъ уже существовавшихъ воззрѣній, и въ какихъ оно, несомнѣнно, носитъ характеръ новизны. Тутъ уже приходится обращать вниманіе не на общее направленіе мысли, а на детальную разработку вопросовъ, на свойственную разнымъ авторамъ формулировку тѣхъ или иныхъ задачъ, возникающихъ при изслѣдованіи. Что касается до результатовъ сравненія, то не забѣгая пока впередъ, мы можемъ, однако, уже и теперь сказать, что обвиненія, возводимыя на Маркса въ плагіатѣ того или другого предшественника, основаны или на предубѣжденіи противъ автора „Капитала", или на явномъ непониманіи.

Въ частности мнѣ придется остановиться на сопоставленіи экономическихъ и отчасти соціологическихъ взглядовъ Маркса и Вилліама Томпсона, въ которомъ непріязненно относящіеся къ Марксу критики видятъ чуть ли не скрытый источникъ всего марксовскаго ученія. Такъ, упомянутый уже нами публицистъ анархическаго лагеря прямо говоритъ, что „открыть въ 1845 г. прибавочную стоимость, столь ясно изложенную Томпсономъ въ 1824 г., не очень-то трудная вещь, особенно когда знаешь трудъ Томпсона, цитируемый Марксомъ въ „Капиталѣ" [2]). Менгеръ, вообще очень придирчиво относящійся къ Марксу, замѣчаетъ въ свою очередь—болѣе злорадно, чѣмъ основательно: „Истинными виновниками открытія прибавочной стоимости являются Годвинъ, Холлъ (Hall) и въ особенности Вилліамъ Томпсонъ. Марксъ даже умолчалъ, подобно Родбертусу, объ источникахъ своихъ взглядовъ, хотя онъ вообще не особенно-то скупъ на цитаты" [3]).

---

[1]) См. о нихъ, начиная съ Вилліама Петти, между прочимъ, въ посмертномъ трудѣ самого Маркса: *Theorien über den Mehrwert:* Штутгартъ 1905 и слѣд., въ двухъ томахъ и трехъ частяхъ.

[2]) Tcherkesoff, стр. 20.

[3]) Menger, прим. 1 къ стр. 100. Проф. Фоксуэлль считаетъ возможнымъ утверждать, что Марксъ обязанъ, кромѣ Томпсона, цѣлому ряду

Я постараюсь поэтому давать по возможности часто слово самимъ авторамъ, чтобы читатель изъ этого сопоставленія подлинныхъ взглядовъ Томпсона и Маркса могъ лучше видѣть, что здѣсь рѣчь идетъ о развитіи взглядовъ, но отнюдь не о плагіатѣ. Разумѣется, я ограничусь лишь самыми характерными сторонами ученія.

Прежде всего о стоимости. Какъ извѣстно, Марксъ начинаетъ свой „Капиталъ" съ анализа товара: „богатство обществъ, въ которыхъ царитъ капиталистическій способъ производства, является въ видѣ „огромнаго скопленія товаровъ", а единичный товаръ представляетъ его элементарную форму" [1]). Товаръ же обладаетъ двумя свойствами: онъ удовлетворяетъ той или другой человѣческой потребности; онъ произведенъ человѣческимъ трудомъ. Иначе говоря, онъ обладаетъ двумя видами стоимости: потребительной и мѣновой, или собственно стоимостью. Соотвѣтственно съ этимъ и человѣческій трудъ, приложенный къ производству товара, проявляется при этомъ для насъ въ двухъ видахъ. Какъ трудъ конкретный, трудъ опредѣленнаго производителя, напр., столяра, прядильщика, дровосѣка, онъ сочетаетъ свои усилія съ силами и матеріаломъ природы и производитъ потребительныя стоимости. Какъ трудъ абстрактный, трудъ человѣка вообще, онъ производитъ стоимость, или, точнѣе говоря, мѣновую стоимость, такъ какъ въ обществѣ, производящемъ товары, стоимость осуществляется путемъ обмѣна. Съ этой послѣдней точки зрѣнія въ каждомъ товарѣ нѣтъ ничего, кромѣ „кристаллизація" извѣстнаго количества „общественно необходимаго труда", который измѣряется продолжительностью рабочаго времени, потребнаго для обычнаго производства данной вещи, т. е. „общественно необходимаго рабочаго времени". Послѣднее, какъ опредѣляетъ его Марксъ, и есть именно „то рабочее время, которое требуется для того, чтобы произвести извѣстную потребительную стоимость при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства и со средне-общественной степенью искусности и напряженности труда" (стр. 6).

Но такъ какъ въ обществѣ есть различныя, болѣе и менѣе сложныя формы человѣческой трудовой дѣятельности, то эта формула говоритъ

англійскихъ соціалистовъ, а въ особенности Грею, Ходгскину и больше всѣхъ Брею, причемъ склоненъ отрицать „какую бы то ни было оригинальность" за „знаменитой теоріей прибыли Маркса". См. его предисловіе къ *Untersuchung*, подробное заглавіе котораго уже цитировано нами, стр. LIV; ср. также стр. XLI, XLIII (прим.), XLVI, LII, LVIII-LIX и прим. Тутъ дѣло не обходится безъ курьезовъ, напр., когда Фоксуэлль пресерьезно говоритъ, что одна изъ задуманныхъ, но не написанныхъ Ходгскинымъ книгъ, будь она написана, „представляла бы замѣчательное сходство съ „Капиталомъ" Маркса".

[1]) *Das Kapital*, т. I, стр. 1 третьяго изд.; Гамбургъ, 1883.

вмѣстѣ съ тѣмъ, что основнымъ мѣриломъ труда, создающаго стоимости, является „издержка простой рабочей силы, которою обладаетъ въ среднемъ тѣлесный организмъ всякаго обыкновеннаго человѣка, безъ особеннаго развитія“, причемъ „болѣе *сложный* трудъ считается лишь за *возведенный* въ *высшую степень* или скорѣе *умноженный* простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда приравнивается большему количеству труда простого“. Это приравниваніе совершается благодаря „общественному процессу“, происходящему „за спиной производителей,“ и потому представляется имъ вещью, какъ бы данною „обычаемъ“ (стр. 11)

Такимъ образомъ, изъ анализа товаровъ выходитъ, что „вещь можетъ быть потребительною стоимостью, не будучи стоимостью. Это тотъ случай, когда ея полезность для человѣка не посредствуется трудомъ. Таковы воздухъ, дѣвственная почва, естественныя пастбища, дикорастущій лѣсъ и т. д. Вещь можетъ быть полезною и представлять собою продуктъ человѣческаго труда, не будучи товаромъ. Кто удовлетворяетъ своимъ продуктомъ свою же собственную потребность, тотъ создаетъ, правда, потребительную стоимость, но не товаръ. Чтобы производить товары, онъ долженъ производить не только потребительную стоимость, но потребительную стоимость для другихъ, общественную потребительную стоимость“ (стр. 7-8). И далѣе: „Въ старинной индусской общинѣ трудъ общественно раздѣленъ, безъ того, чтобы продукты дѣлались товарами“... Лишь продукты самостоятельныхъ и другъ отъ друга независимыхъ частныхъ родовъ труда выступаютъ одинъ по отношенію къ другому, какъ товары“ (стр. 9).

А теперь пусть читатель послушаетъ, какъ говоритъ о богатствѣ и стоимости Томпсонъ, развившій свои идеи, главнымъ образомъ, въ своемъ дѣйствительно замѣчательномъ „Изслѣдованіи о принципахъ распредѣленія богатства, наиболѣе благопріятствующихъ человѣческому счастію“. Съ первыхъ же страницъ его книги мы наталкивается на отдѣлъ, носящій слѣдующее подробное заглавіе, которое является какъ бы экономическимъ profession de foi автора: „Богатство производится трудомъ: никакой другой входящій въ его составъ элементъ, кромѣ труда, не дѣлаетъ изъ предмета желанія предметъ богатства. Трудъ есть единственное всеобщее мѣрило, равно какъ характеристическое отличіе богатства“ [1]). Разъясняя это положеніе, Томпсонъ говоритъ: „Слово *богатство* означаетъ... всякій предметъ желанія, произведенный трудомъ. *Мѣновая стоимость* не необходима для понятія о богатствѣ, хотя почти всегда соединяется съ нимъ: ибо небольшія общины были богаты и счастливы благодаря общественному труду, помимо всякаго обмѣна. Развѣ сукно не будетъ богатствомъ, хотя

---

[1]) *Inquiry etc.*, стр. 6.

бы каждый человѣкъ самъ дѣлалъ себѣ сюртукъ? Но безъ мѣновой стоимости вещь, какой бы предметъ желанія она ни составляла для своего владѣльца и какимъ бы количествомъ труда она ни была произведена, можетъ и не имѣть рыночной цѣны: ея нельзя выставить для продажи на рынкѣ тѣмъ, кто не желаетъ пріобрѣсть ея" (стр. 6). И далѣе: „*Безъ труда нѣтъ богатства.* Трудъ есть его отличительный признакъ. Дѣятельность природы не можетъ ни изъ чего сдѣлать предмета богатства: ея силы проявляются совершенно одинаково и повсюду въ производствѣ всѣхъ средствъ удовлетворенія потребностей и желаній, будутъ ли то предметы богатства или нѣтъ. Трудъ есть *единственный* отецъ богатства. Національное богатство есть не что иное, какъ совокупность индивидуальныхъ массъ матеріи богатства. Воздухъ, свѣтъ, теплота, электрическая жидкость, люди, вода, *какъ таковые*, одинаково не могутъ претендовать на названіе богатствъ. Они могутъ быть предметами желанія или счастія; но пока ихъ не коснется преобразующая рука труда, они еще не богатство... Стада лошадей или рогатаго скота, изобилующія въ слабо населенныхъ мѣстностяхъ, столь же мало предметы богатства, какъ и воздухъ или свѣтъ... *Стоимость* животнаго цѣликомъ зависитъ отъ средняго количества труда человѣка обыкновенной силы и искусности, необходимаго для того, чтобы употребить его въ пользу или какъ вьючное животное, или для пользованія его мясомъ и даже только кожей" (стр. 7).

Я продолжаю цитировать эти поистинѣ замѣчательныя формулы трудовой теоріи стоимости: „Сама по себѣ полезность вещи, въ какой бы степени она ни соединялась съ голымъ существованіемъ ея, или съ тѣмъ, что мы называемъ производствомъ вещи рукою самой природы, не можетъ ни изъ чего создать предмета богатства, пока трудъ не отожествится съ нею въ той или иной формѣ: тогда онъ выдѣляется изъ всѣхъ другихъ предметовъ желанія, всѣхъ другихъ средствъ счастія, и становится *богатствомъ*" (стр. 9). Словомъ, „въ любомъ состояніи общества, въ любое время и при любыхъ потребностяхъ людей, трудъ, употребленный съ обычною степенью разсудительности на изготовленіе предметовъ желанія, является единственнымъ, и при такихъ обстоятельствахъ точнымъ мѣриломъ ихъ стоимостей" (стр. 15).

Возвращаясь еще разъ къ мимоходомъ брошенному имъ опредѣленію стоимости „среднимъ количествомъ труда человѣка обыкновенной силы и искусности", Томпсонъ развиваетъ эту формулу съ ясностью, не допускающею никакихъ недоразумѣній: „Несомнѣнно, что въ одномъ родѣ труда и однимъ работникомъ проявляется большая искусность, чѣмъ въ другомъ родѣ или другимъ работникомъ. Но эти различія сводятся на

обыкновенный общественный трудъ (are resolvable into the ordinary labor of the community). Если, благодаря чрезвычайному искусству въ какомъ-нибудь особомъ ремеслѣ, или благодаря обыкновенному искусству въ ремеслѣ, требующемъ для своего изученія значительныхъ издержекъ предварительнаго труда, индивидуумъ дѣлаетъ въ теченіе двухъ дней то, что обыкновенное искусство или лишенный подготовки трудъ дѣлаютъ не менѣе, чѣмъ въ четыре, то такой трудъ будетъ обладать двойною стоимостью въ сравненіи съ обыкновеннымъ трудомъ. Исчисленіе стоимости однодневнаго труда основывается на томъ, что производится обыкновеннымъ искусствомъ и прилежаніемъ при обычныхъ занятіяхъ трудящейся части общества" (стр. 16).

Остановимся пока здѣсь и сравнимъ результатъ анализа обоихъ мыслителей. Какое впечатлѣніе выноситъ изъ сравненія непредубѣжденный читатель? Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что самые существенные элементы марксовской теоріи стоимости,—и притомъ такіе, которые придаютъ ей своеобразный отпечатокъ среди теорій другихъ выдающихся экономистовъ,—находятся уже на лицо у Томпсона. Зависимость мѣновой стоимости отъ человѣческаго труда и измѣряемость ея трудомъ; категорическое отрицаніе за силами природы свойства входить элементомъ стоимости въ „предметы желанія", несмотря на громадную роль естественныхъ агентовъ въ производствѣ „полезностей"; опредѣленіе стоимости образующаго труда въ качествѣ средняго простого труда; сведеніе сложныхъ видовъ труда на этотъ простой трудъ; все, вплоть до терминологіи, которая мѣстами чуть не буквально одна и та же у двухъ авторовъ,—напр., хотя бы выраженіе „средній общественный трудъ",—показываетъ, что среди предшественниковъ Маркса Томпсонъ ближе всего подошелъ къ окончательной формулѣ творца „Капитала". Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что Марксъ просто заимствовалъ свое ученіе о стоимости у Томпсона? Отнюдь нѣтъ. Все, что можно сказать, если вчитываешься въ соотвѣтственныя мѣста у обоихъ авторовъ, это то, что Томпсонъ доставилъ для построенія этой теоріи нѣкоторые матеріалы въ наиболѣе отдѣланномъ, почти окончательномъ видѣ, но что Марксу несомнѣнно принадлежитъ архитектура самого зданія доктрины и тотъ оригинальный стиль, который отличаетъ ее отъ цѣлой массы аналогичныхъ построеній.

Я хочу сказать о систематизаціи элементовъ, о необыкновенной послѣдовательности, съ какой повсюду проводится полярная противоположность потребительной и мѣновой стоимости, абстрактнаго и конкретнаго труда, а главное о глубокомъ философскомъ духѣ, который вѣетъ въ первой главѣ „Капитала" и дѣлаетъ это изслѣдованіе о „товарѣ" единственнымъ въ своемъ родѣ ученымъ трактатомъ. Кто цѣнитъ обобщающую мощь че-

ловѣческаго ума, тотъ не можетъ безъ волненія присутствовать при объясненіи Марксомъ такъ называемаго „фетишизма“ товарнаго производства. Ибо здѣсь политическая экономія и философія соединились для того, чтобы пролить общій свѣтъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ продуктовъ соціальной психологіи, а именно на фантастическое отраженіе глубоко реальной связи между трудящимися другъ для друга, но независимыми производителями въ зеркалѣ стоимостнаго отношенія между товарами. Когда вы доходите вслѣдъ за авторомъ до послѣднихъ звеньевъ цѣпи и становитесь лицомъ къ лицу съ деньгами, постепенно выросшими изъ пестраго міра товаровъ, вы не можете не видѣть, что въ сущности Марксъ построилъ такую же величественную теорію по отношенію къ хозяйственной жизни, какую построили по отношенію къ религіозной жизни изслѣдователи вѣрованій человѣчества, объяснившіе, какимъ образомъ, изъ пестраго міра первоначальныхъ фетишей, выработался единый великій фетишъ, въ призрачной всеобщности котораго люди выразили реальное сознаніе своей зависимости отъ силъ природы и отъ силъ общежитія. Этой широты пониманія вы, кромѣ Маркса, не найдете ни у одного спеціалиста по экономическимъ вопросамъ. И блѣденъ, узокъ, прозаиченъ,—да будетъ позволено мнѣ употребить это выраженіе,—покажется по сравненію съ авторомъ „Капитала“ любой изъ писателей по „народному хозяйству“...

Перейдемъ теперь къ сравненію Маркса и Томпсона въ области ученія о прибавочной стоимости. Опять заставимъ по возможности говорить самыхъ авторовъ. Что касается до Маркса, то мы уже раньше, слѣдуя отчасти за Энгельсомъ, достаточно познакомились съ происхожденіемъ того, что Марксъ называетъ по-нѣмецки *Mehrwerth*, германизируя этимъ терминомъ англійское *surplus-value*, и что у насъ въ Россіи принято переводить выраженіемъ „прибавочная стоимость“. Здѣсь будетъ дѣло итти лишь о нѣсколькихъ дополнительныхъ штрихахъ къ картинѣ. Суть и стимулъ капиталистическаго производства заключается въ томъ, чтобы деньги превратить въ капиталъ, т. е. въ совокупность стоимостей, обладающихъ способностью неопредѣленно возрастать и увеличиваться. При рѣшеніи этой задачи „нашъ владѣлецъ денегъ, существующій пока только въ качествѣ личинки капиталиста, долженъ покупать товары по ихъ стоимости, и, однако, въ концѣ процесса извлечь больше стоимости, чѣмъ первоначально вбросилъ“ (*Das Kapital*, стр. 142-148). Условія этой задачи осуществляются благодаря тому, что на рынкѣ владѣлецъ денегъ находитъ юридически свободнаго, но лишеннаго средствъ производства рабочаго, у котораго имѣется единственный товаръ для продажи: „способность работать, или рабочая сила“, т. е., какъ объясняетъ Марксъ, „совокупность физическихъ и умственныхъ способностей, суще-

ствующихъ въ тѣлесности, въ живой личности человѣка“ (стр. 144). Какова же будетъ нормальная стоимость этого товара? „Стоимость рабочей силы, подобно стоимости всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, которое необходимо для производства, а стало быть и для воспроизводства этого специфичнаго товара“ (стр. 147). Иначе говоря, „стоимость рабочей силы сводится къ стоимости опредѣленной суммы жизненныхъ средствъ“ (стр. 149).

Что же слѣдуетъ изъ того, что владѣлецъ денегъ купилъ по этой стоимости рабочую силу труженика и привелъ его работать на свою фабрику, гдѣ уже стоятъ машины и лежитъ заготовленный для работы матеріалъ? Отвѣтъ: „Владѣлецъ денегъ заплатилъ дневную стоимость рабочей силы; ему принадлежитъ поэтому ея потребленіе въ теченіе дня, дневной трудъ. То обстоятельство, что ежедневное поддержаніе рабочей силы стоитъ только половину рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, можетъ работать цѣлый день, и что поэтому стоимость, создаваемая ея потребленіемъ въ теченіе дня, вдвое больше ея собственной дневной стоимости, есть особое счастіе покупщика, но отнюдь не является несправедливостью по отношенію къ продавцу рабочей силы“ (стр. 174),—иронически объясняетъ Марксъ происхожденіе прибавочной стоимости. Въ концѣ концовъ, „капиталистъ, превращая деньги въ товары, которые служатъ какъ образователи вещества новаго продукта или какъ факторы рабочаго процесса, внѣдряя въ ихъ мертвую предметность живую рабочую силу, превращаетъ стоимость, прошлый, овеществленный, мертвый трудъ въ капиталъ, въ самое себя реализующую стоимость, въ одушевленное чудовище“... (стр. 175).

Но различныя части капитала испытываютъ различную судьбу въ процессѣ производства, смотря по тому, были ли онѣ затрачены на покупку средствъ производства, или на покупку рабочей силы. Дѣйствительно, „стоимость средствъ производства появляется снова въ стоимости продукта, но строго говоря, она не воспроизводится. Что производится, такъ это новая потребительная стоимость, въ которой снова появляется старая мѣновая стоимость. Иначе дѣло обстоитъ съ субъективнымъ факторомъ рабочаго процесса, съ дѣйствующей рабочей силой. Между тѣмъ, какъ трудъ, при помощи своей цѣлесообразной формы, переноситъ стоимость средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ ее въ немъ, каждый моментъ его движенія создаетъ дополнительную стоимость, новую стоимость“ (стр. 189-190). Отсюда уже извѣстныя читателю названія постояннаго капитала для той части стоимости, которую капиталистъ употребляетъ на покупку средствъ производства, и перемѣннаго капитала для той части стоимости, которую онъ употребляетъ на покупку рабочей силы. Этими названіями, имѣющими

столь важное значеніе для процесса производства капитала, Марксъ замѣнилъ рутинныя названія основного и оборотнаго капитала, относящіяся собственно лишь къ сферѣ обращенія.

Что касается до капитала вообще, то у Маркса онъ тоже получаетъ особое значеніе: онъ видитъ въ немъ не просто средства производства,— какъ то дѣлаютъ банальные экономисты, полагающіе поэтому, что капиталъ существовалъ всегда и вездѣ, гдѣ только работали люди при помощи орудій труда,—но средства производства, оторванныя отъ производителя, враждебно выступающія по отношенію къ нему и выражающія поэтому особую соціально-историческую категорію, характеризующую современное капиталистическое общество. Извѣстно, что одна изъ самыхъ замѣчательныхъ главъ перваго тома „Капитала", а именно заключительная глава, трактующая о „такъ называемомъ первоначальномъ накопленіи", представляетъ собою рѣдкостную историческую монографію, которая изображаетъ, при помощи какихъ насильственныхъ мѣръ, въ родѣ расхищенія церковныхъ и государственныхъ имуществъ, грабежа общинныхъ крестьянскихъ земель и обезземеленія самостоятельныхъ земледѣльцевъ, кроваваго законодательства о бродяжничествѣ, законодательнаго пониженія заработной платы и т. д. и т. д., правящимъ классамъ Англіи удалось установить правильную игру „имманентныхъ законовъ" капиталистическаго производства, превратить средства производства въ капиталъ и открыть періодъ ужасающей эксплуатаціи. А онъ кончится лишь тогда, когда поляризація богатства и бѣдности дойдетъ до крайнихъ предѣловъ и въ процессѣ классовой борьбы все возрастающей арміи пролетаріевъ противъ все уменьшающейся кучки магнатовъ капитала „экспропріаторы будутъ экспропріированы".

Остановимся здѣсь на изложеніи теоріи прибавочной стоимости Маркса и сопоставимъ взгляды Томпсона въ этой области. Послушайте, что авторъ „Изслѣдованія" говоритъ о „неимущемъ работникѣ цивилизованнаго общества, гдѣ каждая вещь кругомъ его уже присвоена, и гдѣ ничто, могущее сдѣлать его трудъ производительнымъ, не можетъ быть пріобрѣтено имъ безъ возмѣщенія достаточнаго эквивалента путемъ свободнаго обмѣна" (стр. 164).

Дѣйствительно, „единственный товаръ, который можетъ предложить рабочій для употребленія или покупки этихъ предварительныхъ условій производства,—земли, дома, одежды, инструментовъ, сырого матеріала, пищи,— есть опять-таки доля его труда. Но пропорція его труда, требуемая у него за пользованіе или заемъ этихъ предварительныхъ вещей тѣми, кто подъ именемъ капиталистовъ присвоилъ ихъ себѣ, настолько велика, что гораздо большая часть продуктовъ его труда отбирается у него (taken out of his disposal) и потребляется людьми, которые не имѣютъ никакого дру-

гого участія въ производствѣ, кромѣ какъ накопленіе и ссуженіе этихъ предметовъ дѣйствительному производителю. Праздный владѣлецъ этихъ безжизненныхъ средствъ производства не только обезпечиваетъ себѣ путемъ обладанія ими столько же предметовъ удовлетворенія потребностей, сколько самый прилежный и искусный изъ дѣйствительныхъ производителей, но пропорціонально размѣрамъ своего накопленія, какимъ бы образомъ оно ни было сдѣлано, онъ доставляетъ себѣ въ десять, въ сто, въ тысячу разъ больше предметовъ богатства, продуктовъ труда и средствъ наслажденія, чѣмъ самый напряженный трудъ такихъ дѣйствительныхъ производителей можетъ доставить имъ" (стр. 164).

Способъ полученія и присвоенія прибавочной стоимости капиталистомъ анализируется съ еще большей точностью, приближающейся вплотную къ формулировкѣ Маркса, въ слѣдующемъ разсужденіи Томпсона о „вычетахъ", объ „удержаніи" собственникомъ части продуктовъ труда, будутъ-ли эти „вычеты" называться „прибылью, налогомъ, воровствомъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ потери для рабочаго", разъ только „физическій матеріалъ, увеличивающій производительныя силы труженика", находится „въ рукахъ капиталистовъ, имѣющихъ противоположные съ нимъ интересы": „Эти вычеты измѣняются по своимъ размѣрамъ въ различныхъ странахъ, а въ одной и той же странѣ въ различныя времена, соотвѣтственно съ родомъ труда, изъ котораго дѣлаются: во всякомъ случаѣ они, какъ кажется, отнимаютъ у производителя по меньшей мѣрѣ половину продуктовъ труда, даже тамъ, гдѣ капиталъ находится въ большомъ изобиліи, а конкуренція между капиталистами, — поскольку она можетъ помочь рабочимъ, — самая оживленная" (стр. 165). Разбирая на примѣрѣ „рабочаго шерстяной или бумажной фабрики" всю совокупность прибылей, которую цѣлый рядъ собственниковъ орудій труда извлекаетъ изъ рабочаго, и остановившись на моментѣ производства въ данной фабрикѣ, владѣлецъ которой долженъ подѣлиться прибылью съ другими родами капиталистовъ, Томпсонъ выставляетъ положеніе, буквально совпадающее съ фурмулировкой Маркса: „У этой прибыли не можетъ быть другого источника, кромѣ стоимости, прибавленной къ сырому матеріалу трудомъ, затраченнымъ съ извѣстнымъ искусствомъ надъ его обработкой. Сырье, зданія, машины, заработная плата ничего не могутъ прибавить къ своей собственной стоимости. Добавочная стоимость (additional value) проистекаетъ лишь изъ одного труда. Ибо съ такимъ же правомъ можно было бы назвать заступъ отцомъ зерна вмѣсто орудующей имъ руки, съ какимъ любой предметъ, составляющій капиталъ, назвать отцомъ произведеннаго на фабрикѣ продукта. Лишь трудъ далъ имъ всѣмъ стоимость въ качествѣ богатства, прежде чѣмъ они попали въ руки рабочаго на фабрикѣ; и лишь его до-

бавочнымъ трудомъ можетъ быть еще далѣе увеличена ихъ стоимость. При обычномъ теченіи вещей производительный работникъ лишается своимъ капиталистомъ по крайней мѣрѣ половины всего своего труда" (стр. 166).

Дальше итти въ приближеніи къ Марксу уже, кажется, некуда: Томпсонъ установляетъ такой крайне важный для пониманія сущности прибавочной стоимости фактъ, что лишь живой трудъ можетъ дѣйствительно служить источникомъ ея, и что лишь такой трудъ можетъ прибавлять стоимость вообще къ мертвымъ продуктамъ, тогда какъ ни сырой матеріалъ, ни машины и т. д. не обладаютъ этимъ свойствомъ. А если вы присоедините къ этимъ соображеніямъ еще то, что Томпсонъ чрезъ всю свою книгу проводитъ идею прибавочной стоимости, давая ей чаще всего названіе surplus-value, т. е. то самое, которымъ Марксъ довольно долго пользовался прежде, чѣмъ замѣнить его выраженіемъ Mehrwerth; что, кромѣ того, онъ ставитъ въ тѣсную зависимость съ вопросомъ о прибавочной стоимости классовую борьбу „двухъ противоположныхъ массъ интересовъ, собственниковъ труда на одной сторонѣ и собственниковъ средствъ труда на другой" (стр. 176); что онъ живо понимаетъ полярное развитіе въ обществѣ „чрезмѣрнаго богатства и чрезмѣрной бѣдности", сказывающееся въ „уменьшеніи среднихъ классовъ" и въ „приведеніи громаднаго большинства общества въ состояніе относительнаго, если только неабсолютнаго нищенства" (стр. 184); что онъ видитъ, подобно Марксу, въ капиталѣ лишь историческую категорію, говоря, что „капиталъ есть та часть продуктовъ труда, которая... способна сдѣлаться орудіемъ созданія прибыли" (стр. 241),—то можетъ показаться, что Марксъ какъ будто ограничился лишь болѣе рѣзкой формулировкой уже высказаннаго Томпсономъ. И, однако, оставаясь пока на почвѣ политической экономіи и отлагая оцѣнку соціологическихъ взглядовъ до послѣдующихъ страницъ, мы легко можемъ дать надлежащую оцѣнку этой иллюзіи. Сравните результаты установленія теоріи прибавочной стоимости у обоихъ мыслителей. Какъ ни велика сила мысли, обнаруженная здѣсь Томпсономъ, его опредѣленіе стоимости и прибавочной стоимости остается крайне цѣннымъ, но лишеннымъ движенія и развитія принципомъ. Несмотря на обиліе замѣчательныхъ частныхъ идей, съ которыми читатель встрѣчается на страницахъ „Изслѣдованія", прямыхъ послѣдствій это положеніе у Томпсона не имѣетъ. Повсюду оно остается статическимъ началомъ, которое даетъ автору лишь поводъ снова и снова говорить о созидающей силѣ труда и объ эксплуатаціи его капиталомъ. Но у Маркса то же самое опредѣленіе стоимости и прибавочной стоимости, словно постоянный электрическій токъ, пронизываетъ и освѣщаетъ и заставляетъ двигаться цѣлую цѣпь выводовъ, объясняющихъ все-

возможныя частности экономическаго строя, покоящагося на присвоеніи чужого неоплаченнаго труда.

Марксъ не останавливается на одномъ опредѣленіи качества прибавочной стоимости, ея характера. Онъ, какъ то предписываетъ методъ точныхъ наукъ, переходитъ тотчасъ же къ ея количественному анализу. Онъ различаетъ абсолютную и относительную прибавочную стоимость, категоріи „больше" и „меньше" въ каждой изъ нихъ. А это даетъ ему возможность не только логически и абстрактно, но исторически и съ поражающими фактами жизни въ рукахъ прослѣдить двоякій методъ эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ: на почвѣ удлинненія рабочаго дня, удлинненія, создающаго абсолютную прибавочную стоимость и выражающагося въ вѣковой борьбѣ фабрикантовъ и пролетаріевъ за продолжительность дневного труда; и на почвѣ увеличенія производительности труда, увеличенія, создающаго относительную прибавочную стоимость и объясняющаго стремленіе капиталистовъ къ заведенію машинъ и иныхъ техническихъ приспособленій, „освобождающихъ" массу живого труда. Въ результатѣ фабричное законодательство, крупное машинное производство, женскій и дѣтскій трудъ, соперничающій съ мужскимъ, поштучная плата и т. д., словомъ всѣ явленія, которыя придаютъ страшную реальность капиталистическому строю, анализируются и охватываются однимъ обобщающимъ процессомъ мысли, и современное общество, дѣйствительно, оказывается понятымъ въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ его. Изъ статическаго начала теорія прибавочной стоимости превратилась подъ руками Маркса въ начало динамическое, показывающее, какъ живетъ и чѣмъ движется людское общежитіе, основанное на разъединеніи труда и собственности. Это тѣсное сочетаніе абстрактнаго метода и историческаго изслѣдованія составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей автора „Капитала".

Но мы теперь естественно приходимъ ко второй важнѣйшей „заслугѣ", которую Марксъ, по мнѣнію Энгельса, оказалъ наукѣ и жизни: матеріалистическому объясненію исторіи. Въ какой степени Марксъ оказывается самостоятельнымъ и въ этой области. И прежде всего, что разумѣется подъ такимъ выраженіемъ? Конечно, здѣсь сейчасъ же приходитъ на память знаменитое, столько разъ цитировавшееся мѣсто изъ предисловія къ „Критикѣ политической экономіи", главнѣйшія положенія котораго мы приведемъ въ формулировкѣ самого автора: „Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и

политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный процессъ жизни вообще... На извѣстной ступени развитія матеріальныя производительныя силы общества попадаютъ въ противорѣчіе съ существующими отношеніями производства или,—что есть лишь юридическое выраженіе этого,—съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ доселѣ двигались... Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія рушится болѣе или менѣе медленно или скоро и вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ должно постоянно различать между матеріальнымъ, подлежащимъ точному естественно-научному (naturwissenschaftlich) констатированію переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и юридическими, политическими, религіозными, художественными, или философскими,—короче сказать, идеологическими формами, въ которыхъ люди начинаютъ сознавать этотъ конфликтъ и ведутъ борьбу“ [1]).

Но Марксъ еще гораздо раньше и въ менѣе абстрактной формѣ изложилъ основанія своей философско-исторической теоріи въ „Нищетѣ философіи“, гдѣ общій процессъ человѣческой эволюціи представляется осуществляемымъ людьми, которые слагаются на почвѣ созданныхъ интересовъ въ извѣстные классы и ведутъ классовую борьбу именно изъ-за этихъ интересовъ: „Опредѣленныя общественныя отношенія также производятся людьми, какъ и холстъ, ленъ и т. п. Общественныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ свой способъ производства, а измѣняя способъ производства поддержанія жизни (manière de gagner leur vie), они измѣняютъ и всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница дастъ вамъ общество съ феодальнымъ владыкой; паровая—общество съ современнымъ капиталистомъ. Тѣ же самые люди, которые установляютъ общественныя отношенія въ соотвѣтствіи съ ихъ матеріальной производительностью, производятъ также и принципы, идеи, категоріи сообразно со своими общественными отношеніями... Существуетъ постоянное движеніе роста въ производительныхъ силахъ, разрушенія въ общественныхъ отношеніяхъ, образованія въ идеяхъ“ [2]). Но все это движеніе происходитъ въ рамкахъ соціальнаго антагонизма и классовой борьбы: „Угнетенный классъ есть жизненное условіе всякаго общества, основаннаго на антагонизмѣ классовъ... Для того, чтобы угнетенный классъ могъ освободиться, надо, чтобы уже пріобрѣтенныя общественныя силы и существующія

---

[1]) *Zur Kritik der Politischen Oeconomie:* Берлинъ, 1859, стр. IV и слѣд.
[2]) *Misère de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon:* Парижъ, новое изд. 1896, стр. 151—152.

общественныя отношенія не могли существовать рядомъ другъ съ другомъ. Изо всѣхъ орудій производства, величайшая производительная сила есть самъ революціонный классъ... Трудящійся классъ поставитъ, въ ходѣ своего развитія, на мѣсто стараго гражданскаго общества ассоціацію, исключающую классы и ихъ антагонизмъ, и не будетъ больше собственно такъ называемой политической власти, ибо политическая власть и есть именно официальное выраженіе (résumé) антагонизма гражданскаго общества. А пока антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей есть борьба класса съ классомъ, борьба, которая, будучи доведена до высшаго напряженія, является цѣлой революціей... Лишь при томъ порядкѣ вещей, когда не будетъ больше классовъ и классового антагонизма, *соціальныя эволюціи* перестанутъ быть *политическими революціями*" (стр. 242—244, passim.).

Еще рѣзче и опредѣленнѣе, если вообще возможно говорить о большей опредѣленности, эта точка зрѣнія развертывается въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", который весь построенъ на теоріи классовой борьбы, происходящей на почвѣ развитія производительныхъ силъ общества и конфликта между старыми и новыми, между разрушающимися и созидающимися условіями общественнаго производства, а стало быть, какъ полагаетъ Марксъ, и между старыми и новыми „идеологіями". Напр.: „Исторія всякаго доселѣ существовавшаго общества есть исторія классовой борьбы. Свободный и рабъ, патрицій и плебей, баронъ и крѣпостной, цеховой и подмастерье, короче сказать—угнетатель и угнетенный постоянно находились во взаимномъ противорѣчіи, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, борьбу, которая всякій разъ оканчивалась революціоннымъ превращеніемъ цѣлаго общества или общею гибелью боровшихся классовъ... Наша эпоха, эпоха буржуазіи, отличается... тѣмъ, что она упростила классовыя противорѣчія. Все общество раскалывается болѣе и болѣе на два великихъ враждебныхъ лагеря, на два великихъ прямо противостоящихъ другъ другу класса: буржуазію и пролетаріатъ [1]).

Но изъ этой борьбы долженъ неминуемо возникнуть новый строй, такъ какъ само матеріальное развитіе готовитъ гибель капиталистическому обществу: „Уже цѣлыя десятилѣтія исторія промышленности и торговли есть лишь исторія возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ отношеній производства, противъ отношеній собственности, которыя составляютъ условія существованія буржуазіи и ея господства" (стр. 13). Концентрація капиталовъ на одной сторонѣ, концентрація бѣдствій, нищеты и революціоннаго чувства на другой разрѣшится послѣд-

1) *Das Kommunistische Manifest:* Берлинъ, 1891, 5-е изд., стр. 9—10.

нимъ мiровымъ столкновенiемъ между буржуазiей и пролетарiатомъ. Освобождая себя, послѣднiй освободитъ и все общество отъ гнета и эксплуатацiи: „Разъ въ ходѣ развитiя исчезли классовыя различiя, и все производство сосредоточилось въ рукахъ ассоцiированныхъ личностей, то общественная власть теряетъ политическiй характеръ. Политическая власть въ собственномъ смыслѣ есть власть одного класса, организованная для угнетенiя другого. Когда пролетарiатъ необходимо объединяется въ борьбѣ противъ буржуазiи какъ классъ, дѣлаетъ себя при помощи революцiи господствующимъ классомъ и, въ качествѣ господствующаго класса, насильственно уничтожаетъ старыя отношенiя производства, то вмѣстѣ съ этими отношенiями производства онъ уничтожаетъ и условiя существованiя классового противорѣчiя, уничтожаетъ классы вообще и, значитъ, свое собственное владычество въ качествѣ класса. На мѣсто стараго буржуазнаго общества съ его классами и классовыми противорѣчiями становится ассоцiацiя, при которой свободное развитiе каждаго является условiемъ свободнаго развитiя всѣхъ“ (стр. 24).

Но для этого великаго переворота пролетарiатъ долженъ вступить въ рѣшительную политическую борьбу съ классомъ собственниковъ, долженъ добиться „политическаго господства“, долженъ захватить въ свои руки „государство“, которое въ данномъ случаѣ явится самимъ же „организованнымъ въ качествѣ класса пролетарiатомъ“ (стр. 23), подобно тому, какъ „современная государственная власть есть лишь комитетъ, который управляетъ общественными дѣлами цѣлаго буржуазнаго класса“ (стр. 11) [1].

---

[1]) Несомнѣнно, у Маркса съ теченiемъ времени государственническiя тенденцiи ослабляются. Несмотря на то, что еще очень рано, въ 1843 г., а именно въ своемъ этюдѣ „Къ еврейскому вопросу“ Марксъ указывалъ, что государство исчезнетъ, когда „человѣкъ не будетъ отдѣлять отъ себя своей общественной силы въ видѣ силы политической“ (*Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx etc.*; Штуттгартъ, 1902, т. I, стр. 424); несмотря на то, что въ „Нищетѣ философiи“ (1846) и „Коммунистическомъ манифестѣ“ (1847), Марксъ, какъ читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ цитатъ, смотритъ на государство лишь какъ на органъ и выраженiе классовой борьбы, онъ все же, въ духѣ тогдашнихъ соцiалистовъ политическаго направленiя, предполагалъ воспользоваться государственнымъ механизмомъ въ революцiонныхъ цѣляхъ водворенiя новаго, коммунистическаго строя. Такъ, въ томъ же „Манифестѣ“ онъ въ числѣ ближайшихъ мѣръ рекомендуетъ „экспропрiацiю земельной собственности и употребленiе земельной ренты на государственные расходы“, „централизацiю кредита въ рукахъ государства при посредствѣ нацiональнаго банка съ государственнымъ капиталомъ и исключительной монополiей“, „умноженiе нацiональныхъ фабрикъ“ и т. д. (стр. 23—24, passim). Но въ „Гражданской войнѣ во Францiи“, написанной при дого-

Полагаемъ, что при общемъ знакомствѣ нашей читающей публики съ Марксомъ этихъ философско-историческихъ цитатъ будетъ достаточно. Спрашивается теперь, насколько Марксъ былъ оригиналенъ и въ этой области. Ибо нынѣ соціологическая теорія Маркса пережила тотъ періодъ своего первоначальнаго распространенія, когда она подвергалась критикѣ, какъ нѣчто неслыханное, и вступила въ тотъ періодъ, когда, наоборотъ, ея автора упрекаютъ въ повтореніи банальностей и плагіатѣ.

Прежде всего вопросъ о значеніи экономическихъ отношеній. Можно смѣло сказать, что исключительно важная роль экономики, какъ читатель уже могъ видѣть изъ предшествовавшихъ главъ этихъ этюдовъ, очень сильно подчеркивается всѣми представителями изображавшагося нами новѣйшаго, по-революціоннаго соціализма. При этомъ знаменательно, что такое отношеніе къ экономикѣ у этихъ мыслителей обнаруживается даже рядомъ и вопреки допускаемымъ ими другимъ началамъ, въ которыхъ они видятъ основные принципы своего міровоззрѣнія. Припомните Сэнъ-Симона съ его взглядами на великое значеніе „положительной науки“ и „новаго христіанства“, что не мѣшаетъ ему наравнѣ съ этой идеологіей и въ сущности чуть ли не выше ея ставить вопросъ о „собственности“, какъ основѣ общежитія и пружинѣ соціальной эволюціи. Приведите себѣ на память Фурье, который свою теорію страстей осущест-

---

равшемъ великомъ заревѣ Парижской коммуны, Марксъ уже развиваетъ многозначительное отклоненіе отъ этой точки зрѣнія, доказывая всею дѣятельностью людей 18-го марта невозможность для „рабочаго класса просто-на-просто захватить готовую государственную машину и привести ее въ движеніе во имя собственныхъ своихъ цѣлей“ (*Der Bürgerkrieg in Frankreich*; Берлинъ, 1901, 3-е изд., стр. 43). И эта въ нѣкоторомъ родѣ mea culpa подчеркивается въ предисловіи къ изданію „Коммунистическаго манифеста“ 1872 г. (см. *Manifest*, стр. 3), гдѣ старая государственническая программа мѣръ признается „устарѣлой“. Послѣ смерти Маркса оставшійся въ живыхъ второй авторъ „Манифеста“, Энгельсъ, считаетъ уже нужнымъ, въ предисловіи къ только что цитированному третьему изданію „Гражданской войны“, прямо бороться противъ распространеннаго въ Германіи „суевѣрнаго почитанія государства“, которое „изъ философіи перешло въ общее сознаніе буржуазіи и даже многихъ рабочихъ“ (l. c., стр. 13). Изученіе первобытныхъ учрежденій, подъ вліяніемъ книги Моргана «Древнее общество», повидимому, усилило скептическое отношеніе Маркса и Энгельса къ государству (Ср., напр., Friedrich Engels, *Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats*; Штуттартъ, 1892 4-е изд., стр. 182, гдѣ государству предрекается участь попасть въ «музей древностей рядомъ съ колесной прялкой и бронзовымъ топоромъ»). Можно думать, впрочемъ, что и полемика съ прудонистами и вообще анархистами произвела свое дѣйствіе на родоначальниковъ научнаго соціализма.

вляетъ на почвѣ коренной реформы „домашней экономіи“. Вспомните, какую роль общая собственность играетъ у Роберта Оуэна въ „образованіи человѣческаго характера“ будущихъ поколѣній. Вызовите въ воображеніи спиритуалиста Луи Блана, который во главу угла общественнаго преобразованія ставитъ экономическое обезпеченіе неимущихъ членовъ общества путемъ „ассоціаціи“, хотя бы то и было предлагаемо имъ въ интересахъ „души“. Припомните сэнъ-симонистовъ, фурьеристовъ, проповѣдника братскаго коммунизма, Кабэ, и фанатическаго революціонера, Бланки. Я уже не буду говорить о Прудонѣ, у котораго „раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ“ вызывало даже крупныя ошибки въ исторической перспективѣ и политической тактикѣ.

Но если бы мы перешли и къ англійскимъ соціалистамъ, мы и здѣсь нашли бы замѣчательно яркое подчеркиваніе экономики. Ограничусь цитатою изъ уже знакомаго читателю Томпсона: „Богатство, какъ средство счастія, представляетъ великій предметъ человѣческаго соревнованія. Всѣ меньшія отличія, какъ-то титулы, узурпація законодательной власти, вліяніе проповѣди, суда, носятъ лишь второстепенный и вспомогательный характеръ... Коренной недостатокъ общественной организаціи, тотъ, который долженъ по необходимости порождать всякое другое зло, есть чрезмѣрное неравенство богатствъ. Гдѣ позволено существовать этому коренному злу, тамъ нельзя создать свободныхъ учрежденій, нельзя установить справедливыхъ законовъ... Безъ его вліянія, ни одинъ человѣкъ не осмѣлился бы захватить власть издавать законы съ тѣмъ, чтобы располагать трудомъ, дѣйствіями и жизнью разумныхъ существъ...“ (Inquiry, стр. 221).

И, однако, можно ли, несмотря на это тяготѣніе большинства соціалистовъ къ экономикѣ, сказать, что Марксъ явился лишь пересказчикомъ распространенныхъ воззрѣній? Конечно, если бы мы свели соціологическое ученіе Маркса, какъ-то обыкновенно дѣлается его учениками и правовѣрными послѣдователями, цѣликомъ къ теоріи преобладающаго, почти исключительнаго значенія экономическихъ потребностей, то возможно было бы утверждать, что Марксъ не особенно много сдѣлалъ по сравненію со своими предшественниками. Но въ его ученіи есть одна очень важная мысль, которая черезчуръ формально повторяется на манеръ заученной молитвы, но почти всегда остается въ тѣни. Это мысль о значеніи роста производительныхъ силъ въ эволюціи общественныхъ формъ, т. е. въ сущности о вліяніи техники на соціальную психологію. И съ этой точки зрѣнія важнымъ становится не столько то, что человѣкъ долженъ удовлетворять прежде всего свои „матеріальныя потребности“, сколько то, что какова бы ни была сравнительная настоятельность потребностей, человѣкъ долженъ создавать для удовлетворенія ихъ цѣлый сложный міръ орудій и приспособленій, т. е. изощрять свой

умъ надъ вышеназванной техникой. Онъ изобрѣтаетъ ее, онъ оперируетъ при помощи ея надъ внѣшнимъ міромъ, а стало быть измѣняетъ и свои собственные мускульные и нервные навыки, т. е. то, что называется „тѣломъ“ и „душой“. Въ этой области измѣненія человѣческой психологіи подъ вліяніемъ технологіи и лежитъ центръ тяжести соціологической теоріи Маркса, какъ я, по мѣрѣ силъ и пониманія, старался уже показать въ началѣ своихъ „Соціологическихъ очерковъ“ [1]), оборвавшихся по разнымъ независящимъ отъ моей воли обстоятельствамъ. Тамъ читатель найдетъ достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какое воздѣйствіе оказывали на развитіе человѣчества тѣ „проектированные во внѣшній міръ органы“ его, которые носятъ названіе орудій труда. Какъ всегда, и здѣсь Марксъ оказывается въ высокой степени самостоятельнымъ изслѣдователемъ.

Что касается до его теоріи классовой борьбы, являющейся въ сущности наиболѣе распространенной въ человѣческомъ обществѣ формой той великой „борьбы за существованіе“, которую Дарвинъ изучилъ въ мірѣ организмовъ, то здѣсь у Маркса есть особенно много предшественниковъ. То, что человѣчество развивается путемъ столкновенія интересовъ, притомъ не столько чисто индивидуальныхъ, сколько групповыхъ, коллективныхъ,—такъ какъ абстрактныхъ самодовлѣющихъ личностей въ людскомъ общежитіи нѣтъ,—эта мысль уже давно тревожила сознаніе изслѣдователей, а въ періодъ, послѣдовавшій за великимъ потрясеніемъ Первой французской революціи, становится особенно популярной. Если читатель припомнитъ содержаніе главнѣйшихъ соціалистическихъ системъ, излагавшихся въ этихъ этюдахъ, то онъ долженъ будетъ отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что изъ новѣйшихъ по-революціонныхъ соціалистовъ нѣтъ, можно сказать, ни одного, который въ той или другой формѣ не вводилъ бы классовую борьбу въ характеристику отрицаемаго имъ современнаго строя. Бабёфъ, Фурье, Оуэнъ и Сэнъ-Симонъ, въ особенности послѣдній, передавшій эту особенность и своей школѣ; затѣмъ, кромѣ сэнъ-симонистовъ, фурьеристы, Пьеръ Леру, Луи Бланъ, Прудонъ, Бланки,—всѣ говорятъ о борьбѣ, о великой соціальной борьбѣ имущихъ и не имущихъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, „капиталистовъ“ и „рабочихъ“, „буржуазіи“ и „пролетаріата“, причемъ послѣдніе уже совсѣмъ современные термины начинаютъ особенно часто повторяться приверженцами сэнъ-симонизма, въ этомъ отношеніи обнаружившаго, по стопамъ своего доблестнаго основателя, наиболѣе глубокое историческое пониманіе [2]).

---

[1]) Русское Богатство, 1905, № 2.

[2]) Мнѣ кажется, что Сэнъ-Симонъ и его школа сдѣлали гораздо больше для выработки соціологическаго понятія о борьбѣ классовъ, чѣмъ буржуазные историки эпохи реставраціи, какъ то принято утверждать среди

Да и по другую сторону Ламанша, особенно подъ вліяніемъ разгоравшихся соціальныхъ противорѣчій въ уже тогда капиталистической Англіи, понятіе о борьбѣ классовъ къ 20-мъ—30-мъ годамъ достигаетъ большой степени яркости и опредѣленности, позволяя соціалистическимъ мыслителямъ смотрѣть на само государство, лишь какъ на орудіе классовой борьбы владѣльцевъ орудій труда противъ рабочихъ. Не говоря уже о собственно соціалистахъ, въ томъ числѣ Томпсонѣ,—который самую дѣятельность различныхъ правительствъ, „будутъ-ли то теократическія (sacerdotal), такъ называемыя республиканскія, аристократическія, деспотическія или смѣшанныя правительства", сводитъ къ стремленію „охранять вѣчно" отъ „нападеній массы" находящіяся въ рукахъ имущихъ и правящихъ классовъ „богатство", „власть", „высшія и прибыльныя законодательныя и административныя должности" (Inquiry, стр. 220),—мы находимъ у чартистовъ такія рельефныя мысли о классовомъ государствѣ, какъ результатѣ классовой борьбы, что онѣ не оставляютъ желать ничего въ смыслѣ опредѣленности. Ограничиваюсь лишь слѣдующей цитатой изъ писателя и агитатора 30-хъ годовъ Джемса Бронтерра О'Бріена: „Повидимому, общее мнѣніе таково, что правительство само образуется въ томъ видѣ, какъ оно

марксистовъ со времени Энгельса. Большинство этихъ историковъ грѣшило тѣмъ, что въ своихъ теоріяхъ о соціальной борьбѣ придавало, на подобіе своихъ предшественниковъ XVII и XVIII вѣковъ, Отмана, Буланвилльe, Мабли и т. д., черезчуръ много значенія расовому элементу борьбы между галлами и франками. См., между прочимъ, у Огюстэна Тьерри, въ его введеніи къ „Разсказамъ изъ временъ Меровинговъ": Augustin Thierry *Récits des temps Mérovingiens*; Парижъ 1840, т. I, интересную монографію объ историкахъ, озаглавленную „Разсужденія объ исторіи Франціи" (*Considérations sur l'histoire de France*), стр. 1—312. Самъ Огюстенъ Тьерри отдавалъ сильную дань этому направленію, признавая, что, принимаясь за французскую исторію, онъ рѣшилъ „взять отправнымъ пунктомъ при рѣшеніи задачи объ антагонизмѣ различныхъ классовъ людей, въ нѣдрахъ одного и того же общества, изученіе первобытныхъ расъ въ ихъ первоначальной разницѣ" (См. его же предисловіе къ „Десяти годамъ исторической работы" въ томѣ *Lettres sur l'histoire de France*; Парижъ, 1856, 10-е изд., стр. 293). И, однако, О. Тьерри былъ одно время ученикомъ Сэнъ-Симона, того самаго Сэнъ-Симона, который иронически привѣтствовалъ Гизо за популяризацію его, сэнъ симоновскихъ, взглядовъ на историческую борьбу классовъ, но самъ распространялъ понятіе о классовой борьбѣ на всю европейскую исторію и вкладывалъ въ это понятіе гораздо больше соціально-политическаго, чѣмъ расового содержанія. Сэнъ-симонисты же прямо видѣли въ современной борьбѣ капиталистовъ и рабочихъ продолженіе борьбы между господиномъ и рабомъ, сеньоромъ и крѣпостнымъ, охватывая, такимъ образомъ, всю историческую эволюцію идеей о соціальной борьбѣ различныхъ дѣленій общества.

есть. Но истина заключается въ томъ, что правительство назначается барышниками, чтобы охранять ихъ огромныя прибыли, ренты и прочія дани, налагаемыя ими на рабочій народъ. Кто издаетъ законы? Развѣ правительство, а не тѣ крупные барышники, которые фабрикуютъ ихъ для своего обогащенія, а затѣмъ лишь поручаютъ правительству приводить ихъ въ исполненіе?.. Барышники и являются повсюду угнетателями. Правительство—ихъ ночной сторожъ, а угнетенными оказываются работающіе классы" [1]).

Итакъ, что же говоритъ эта распространенность понятія о классовой борьбѣ у предшественниковъ Маркса? Говоритъ ли она опять-таки о плагіатѣ, о простомъ заимствованіи Марксомъ находившихся въ обращеніи идей? Снова лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить обозрѣніе въ цѣломъ результатовъ, добытыхъ работой его мысли въ этомъ направленіи. Всѣ до Маркса говорятъ болѣе или менѣе, порою даже очень ясно, о борьбѣ классовъ. Но ни у кого она не развертывается въ такой грандіозной исторической перспективѣ, которая связываетъ воедино различныя, какъ онъ выражается, „формаціи" человѣческаго общества, переходящаго отъ рабовладѣльчества къ крѣпостничеству, отъ крѣпостничества къ буржуазному, капиталистическому строю. Величайшему по своей историчности и философскому складу мысли соціалисту, Сэнъ-Симону, помѣшала создать окончательную теорію соціальной борьбы недостаточность фактическихъ знаній объ экономической сторонѣ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Геніальное чутье подсказало Фурье мысль о первоначальномъ коммунизмѣ людей,—чего не зналъ или чему не придавалъ значенія при первой выработкѣ своего міровоззрѣнія Марксъ,—но не могло служить ему путеводною нитью при научной характеристикѣ смѣнявшихся фазисовъ человѣческой эволюціи. У большинства соціалистовъ была чрезвычайно хорошо нарисована картина современнаго общества, основаннаго на капиталистической конкуренціи, но отсутствовало изображеніе предварительныхъ историческихъ условій. Марксъ успѣлъ пронизать одной обобщающей мыслью исторію, если можно такъ выразиться, соціальнаго мірозданія, процессъ котораго становился такимъ же цѣлымъ и единымъ, какимъ научная космогонія сдѣлала процессъ развитія солнечной системы. И намъ остается только пожалѣть, что самъ Марксъ изучилъ въ деталяхъ лишь одну формацію, формацію капи-

---

[1]) «Poor Man's Guardian», отъ 14-го января 1832. Цитирую по интересной статьѣ марксиста Ротштейна о «Провозвѣстникахъ классовой борьбы до Маркса» (Th. Rothstein, *Verkünder des Klassenkampfes vor Marx*; «Die Neue Zeit», № отъ 26-го марта 1908 г., стр. 905). Авторъ предполагаетъ, что такіе яркіе взгляды должны были быть извѣстны Марксу и Энгельсу и, вѣроятно, вліяли на выработку ихъ міровоззрѣнія (Ibid., стр. 916).

листическую, занимающую въ сущности лишь очень незначительный періодъ человѣческой исторіи.

Если бы мы хотѣли передать общее впечатлѣніе, получаемое нами отъ изученія Маркса, мы бы сравнили его съ Аристотелемъ. Подобно послѣднему, Марксъ можетъ показаться вначалѣ мыслителемъ не столько оригинальнымъ, сколько систематизирующимъ, лишь точнѣе и заостреннѣе формулирующимъ положенія, добытыя работою другихъ умовъ. Но подобно Аристотелю же, Марксъ, въ концѣ изученія, вырисовывается въ своемъ настоящемъ величіи, а именно какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ въ исторіи и притомъ творческихъ энциклопедистовъ, который не только построилъ изъ готовыхъ матеріаловъ гигантское научное зданіе, но который подвергъ обработкѣ и гармонично соединилъ въ одно цѣлое по крайней мѣрѣ главнѣйшіе матеріалы, оставленные предшественниками. Можетъ быть, извѣстные элементы его міровоззрѣнія, которые правовѣрные марксисты считаютъ оригинальнымъ привносомъ своего учителя въ человѣческую науку, окажутся уже существовавшими у этихъ предшественниковъ. Но ихъ дальнѣйшая выработка и ихъ сведеніе воедино будутъ всегда носить отпечатокъ могучей индивидуальности Маркса. Мы колеблемся сказать, былъ ли Марксъ однимъ изъ совершенно исключительныхъ міровыхъ геніевъ, какъ утверждаютъ его ученики. Для этого намъ не хватаетъ прежде всего историческаго отдаленія, чтобы судить объ общемъ вліяніи автора „Капитала" на соціальныя науки: даже въ католической церкви самые выдающіеся подвижники религіи канонизируются въ „святые" лишь чрезъ много десятковъ лѣтъ. Но что Марксъ былъ несомнѣнно геніальнымъ изслѣдователемъ общественной жизни людей, въ этомъ, какъ намъ кажется, не можетъ быть и сомнѣнія.

Н. С. Русановъ.

(Конецъ первой части).

Тургеневъ на Западѣ.

Два года тому назадъ была издана въ Парижѣ книга подъ заглавіемъ „*Ivan Tourguenief; la vie et l'oeuvre*".¹) По поводу этой книги во многихъ журналахъ и газетахъ, почти на всѣхъ языкахъ западной Европы, появились статьи о Тургеневѣ, его романахъ и ихъ значеніи; можно при помощи этихъ матеріаловъ опредѣлить съ нѣкоторою точностію, какъ теперь у насъ понимаютъ и оцѣниваютъ маститаго русскаго писателя.

Надо признаться сперва, что во многихъ газетахъ біографія Т. и анекдоты изъ его жизни обратили на себя гораздо больше вниманія, чѣмъ самыя важныя сочиненія его. Но вотъ что замѣчательно: ухватились больше всего за самые простые, мелкіе анекдоты. Напримѣръ, авторъ книги разсказалъ, по воспоминаніямъ какого-то студента, извѣстную исторію о „телячьемъ хвостѣ". Кажется, въ бытность Т. студентомъ, однажды на экзаменѣ, онъ долженъ былъ отвѣтить профессору Шульгину о томъ, какія юридическія доказательства употреблялись въ среднихъ вѣкахъ; будучи не очень силенъ по этому предмету, онъ тотчасъ-же выдумалъ такое небывалое доказательство: чтобы оправдать себя, обвиняемый будто бы долженъ былъ держать теленка за хвостъ, предварительно смазанный саломъ, и удержать животное даже тогда, когда обвинитель билъ его палкою—и Шульгинъ, ничего не слыхавшій объ этомъ, удовольствовался, волею неволею, такимъ отвѣтомъ; конечно, эта шутка забавна, но ничего не прибавляетъ къ нашему знакомству съ Т.; къ тому-же, достовѣрность ея подлежитъ сомнѣнію. Однако, къ немалому удивленію автора рецензированной книги, она имѣла неслыханный успѣхъ, особенно у англичанъ. Даже въ степенной *Westminster Gazette*, въ очень серьезной и сочувственной статьѣ, посвящено 20 строкъ „телячьему хвосту", что подтверждаетъ сужденіе Т. о нѣкоторыхъ странностяхъ вкуса у англичанъ.

Потомъ газеты заинтересовались больше всего отношеніями Т. къ тѣмъ или другимъ народамъ. Англичане, не удостоивши ни малѣйшимъ вниманіемъ того, что касалось ихъ самихъ, аккуратно подобрали всѣ нападки Т. на „парижскій развратъ". Французы, съ своей стороны, сдѣлали то-же самое относительно нѣмцевъ, но въ общемъ больше настаивали на своемъ самооправданіи и на лицемѣріи Т. къ нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе его къ французамъ показываетъ не совсѣмъ выгодно нѣкоторыя черты его характера. Въ нашемъ присутствіи

---

¹) Эта книга принадлежитъ перу автора настоящей замѣтки, профессора русской литературы въ парижскомъ университетѣ г. *Emile Hauman*

онъ былъ любезенъ, сыпалъ комплиментами, внушалъ намъ убѣжденіе, что онъ большой другъ и Франціи и французовъ; но, безъ насъ, при одніяхъ русскихъ, бранилъ Францію немилосердно. Разоблаченіе этого двоедушія послѣ его смерти было намъ горче даже ругательствъ Горькаго въ его очеркѣ „Прекрасная Франція". Дѣло въ томъ, что мы не только уважали, но еще и любили Т. Говорятъ иногда въ Россіи, что въ бытность его у насъ, мы пренебрегали имъ, и въ подтвержденіи этого упоминаютъ о такомъ-то невѣжливомъ поступкѣ Гамбетты, въ салонѣ г-жи Juliette Adam. Я самъ слышалъ отъ очевидца, что этотъ поступокъ—сколько мнѣ помнится — довольно рѣзкій отвѣтъ, тотчасъ же на мѣстѣ подвергнулся строгому осужденію „Въ гостиной воцарилось мертвое молчаніе, такъ что Гамбетта не могъ не понять, какой онъ сдѣлалъ промахъ; потомъ онъ старался, насколько могъ, изгладить это тяжелое впечатлѣніе".

Какъ бы то ни было, теперь наши журналы, а по ихъ слѣду и общественное мнѣніе, пришли къ заключенію, что Т. былъ всегда — или почти всегда — искрененъ, но часто увлекался и разговоромъ, и желаніемъ согласиться съ собесѣдникомъ: „языкъ мой—врагъ мой"—говаривалъ онъ часто. Въ концѣ концовъ мы простили ему мнимое лицемѣріе, и можно надѣяться, что со временемъ будетъ въ Парижѣ Rue Tourguenief, о которой уже давно мечтаютъ почитатели своего бывшаго гостя.

Впрочемъ, надо замѣтить, что ни одна газета у насъ не занялась той долей правды, которая, должно быть, находится въ нападкахъ Т-ва на насъ. Очевидно, для нашихъ журналистовъ, «la question ne se pose pas»: нашъ умъ, вкусы и нравы стоятъ выше всякаго осужденія!

Но пора остановиться на мнѣніяхъ о настоящемъ значеніи сочиненій Т. Къ сожалѣнію, почти всѣ газеты, и у насъ, и у нашихъ сосѣдей, не держались этого мнѣнія; почти вездѣ говорили вскользь объ этой сторонѣ предмета; иногда она совершенно замалчивалась. Это съ перваго взгляда страшно непростительно; однако, нельзя не принять въ соображеніе причинъ, изъ-за которыхъ рецензенты пасовали предъ главнымъ вопросомъ.

Очень трудно и пока даже невозможно для нашего брата, западноевропейца, вникнуть въ настоящій смыслъ сочиненій Т. Возьмемъ, напримѣръ, „Новь" или „Отцы и дѣти". Даже въ Россіи много спорили о значеніи Базарова; всѣ лучшіе писатели того времени старались, и не очень удачно, разрѣшить задачу; самъ Т. признавался, что иногда для автора его произведеніе — тёмный лѣсъ; насилу поняли эту странную смѣсь настроеній и мыслей; съ одной стороны, обаяніе «милой старины», съ другой стороны, желаніе обновленія и въ то же время боязнь передъ движеніемъ впередъ. Но у насъ, на западѣ, до сихъ поръ остаются въ недоумѣніи. Когда мы познакомились съ Т. въ эпоху первыхъ его разсказовъ, мы слышали, что онъ—и пророкъ, и борецъ за свободу, и вдохновенный толкователь новыхъ вѣяній; оказывается теперь, что этотъ борецъ — робокъ, что пророкъ боялся будущаго, а толкователь, можетъ быть, не вполнѣ понялъ истолкованное. Кромѣ того, мы познакомились со многими другими писателями, и всѣ—отъ Достоевскаго до Горькаго—описываютъ типы, противоположные героямъ Т. Французу, англичанину

и другимъ европейцамъ можно было бы только съ большимъ трудомъ выйти изъ такой путаницы, такъ что имъ по недостатку времени приходится почти всегда сообразоваться съ пословицей „Dans le doute, abstiens-toi“. Именно это и сдѣлали наши газеты, и нельзя упрекать ихъ въ томъ. Ихъ осторожность доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что онѣ стали относиться серьезнѣй къ вопросамъ русской современности.

Во всякомъ случаѣ, если Т.-мыслитель не внушаетъ уже такого довѣрія, какъ прежде, то Т.-поэтъ остается все на той-же высотѣ. Изъ всѣхъ статей, собранныхъ мною, видно, что онъ теперь для насъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся поэтовъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Можетъ быть, у него нѣтъ рѣзкой оригинальности, и всѣ знаютъ теперь, что онъ подвергался разнымъ вліяніямъ, слѣды которыхъ можно найти почти во всѣхъ его произведеніяхъ; но никто изъ его предшественниковъ, какой-бы онъ ни былъ народности, не сумѣлъ такъ затронуть тайныя струны нашего сердца, какъ онъ; никто не оставилъ въ немъ такого глубокаго слѣда. Въ одномъ изъ *стихотвореній въ прозѣ* онъ описалъ впечатлѣніе, произведенное на насъ звуками давно забытаго вальса; при этихъ звукахъ воскресаютъ въ нашемъ воображеніи тѣ образы молодости, красоты и любви, которые были когда-то связаны съ ними. Можно сказать, что у насъ—я говорю, по крайней мѣрѣ, о людяхъ моего поколѣнія—нѣчто подобное бываетъ съ читателями Т. Онъ очаровалъ ихъ молодость образами красоты идеальной и въ то же время реальной; теперь они не хотятъ разстаться съ этимъ очарованіемъ, и неохотно слушаютъ критику, даже легкую, направленную противъ ихъ любимца. Я нашелъ также настроеніе во многихъ статьяхъ и даже въ рецензіи, написанной моимъ товарищемъ по службѣ, г-номъ Lanson, фамилія котораго хорошо извѣстна какъ во Франціи, такъ и въ Россіи. «Авторъ книги правъ—говоритъ г-нъ Лансонъ,—во всякомъ случаѣ, трудно спорить съ нимъ, но все-таки воспоминанія о давно минувшемъ чтеніи, и все еще живое въ моей памяти обаяніе заставляетъ меня считать его слишкомъ строгимъ».

Такъ думаютъ отцы, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Италіи: ну, а что-же дѣти? Подвергаются ли они этому обаянію? Говорятъ, у насъ, какъ и вездѣ, молодежь теперь не такъ чутка къ поэтической красотѣ, какъ ея предшественники, но трудно судить объ этомъ. Давно уже Базаровъ закрылъ, на столѣ Николая Кирсанова книгу Пушкина, однако, и теперь все еще читаютъ стихи, презрѣнные Базаровымъ. То же будетъ и съ разсказами Тургенева.

Emile Haumant

По поводу русскаго изданія „Воскресенія" Л. Н. Толстого.

Мнѣ пришлось принимать нѣкоторое участіе въ изданіи „Воскресенія" Л. Н. Толстого за границей, напечатаннаго впервые издательствомъ „Свободное Слово" въ Англіи. Когда появился полный текстъ этого романа, я сейчасъ же сравнилъ его съ текстомъ, напечатаннымъ въ Россіи, сначала въ журналѣ „Нива", а потомъ выпущеннымъ въ изданіи же А. Ф. Маркса отдѣльной книжкой. Романъ имѣлъ успѣхъ, и вскорѣ послѣ его выхода я получилъ изъ Россіи уже *второе* изданіе Маркса, которое имѣло интересный подзаголовокъ: „исправленное по новымъ корректурамъ автора". Но гдѣ же заявленіе о цензурныхъ сокращеніяхъ, о которыхъ писали въ заграничной прессѣ? Неужели къ великому роману не посмѣла дотронуться на все способная россійская цензура?

Въ первыхъ же главахъ романа я натолкнулся на красныя чернила цензора, и—что далѣе, то болѣе,—потокъ ихъ заливалъ романъ, искажая его во многихъ мѣстахъ до неузнаваемости. Можно сказать, что вся главная часть,—*главная* не по количеству, а по качеству, главная, потому, что совершенно выясняетъ, заканчиваетъ архитектуру романа, зарисовываетъ до конца его философію и обличенія,—была безпощадно уничтожена.

Слово за словомъ сличилъ я версію романа, изданную Марксомъ, съ подлинникомъ, напечатаннымъ за границей А. и В. Чертковами.

Оказалось, что во всѣхъ трехъ частяхъ романа всякаго рода искаженій, пропусковъ, перефразъ, насчитывается — не больше не меньше, какъ *четыреста девяносто семь* (497)!

Всѣ эти искаженія заключаютъ въ себѣ *16250 словъ*.

По частямъ романа искаженія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

I часть	196	искаженій	4335	словъ
II часть	165	„	5769	„
III часть	136	„	6146	„
Весь романъ. . .	497	искаженій	16250	словъ

Въ изданіи Маркса не были совершенно помѣщены: XXXIX и XL главы первой части и XXVII глава второй части.

Главы: XXVI второй части; VI, XIX, XXI, XXVIII третьей части—сокращены на три четверти ихъ подлиннаго объема.

Главы: XIII первой части; XXIII второй части; V, XVIII XXVII третьей части—въ изданіи Маркса сокращены противъ подлинника на половину.

Изъ 129 главъ всего романа только слѣдующія *двадцать семь* главъ были напечатаны у Маркса цѣликомъ безъ всякихъ искаженій: *Часть 1-ая*: V, XIV, XVI, XXIV, XXV, XXVI, XXX, XXXV, XXXVIII, XLVI, XLVII, LI (12 главъ изъ 59). *Часть 2-ая*: III, IV, V, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XLI, XLII (10 главъ изъ 42). *Часть 3-ая*: VII, X, XVI, XX, XXV (5 главъ изъ 28).

Всѣ же остальныя *сто двѣ главы* искажены цензурой въ большей или меньшей степени, начиная съ пропуска во всей главѣ какого-либо одного или двухъ словъ и кончая двѣнадцатью искаженіями на одной страницѣ (напримѣръ, стр. 12 изд. Маркса).

Нечего и говорить о томъ, что благодаря всѣмъ этимъ искаженіямъ романъ много потерялъ, и русскій читатель не могъ составить себѣ даже приблизительнаго представленія о той *сущности* этого обличительнаго романа, которая такъ рельефно вырисована Львомъ Николаевичемъ въ его „Воскресеніи“.

Къ сожалѣнію, издатель „Воскресенія“, Марксъ, нигдѣ не оговорилъ, что романъ выходитъ съ большими пропусками и искаженіями, и этимъ онъ нанесъ огромный ущербъ русской литературѣ.

Не надо забывать, что „Воскресеніе“ было сейчасъ же переиздано многими издателями въ Россіи. И эти изданія были скопированы съ единственнаго, которое считали подлиннымъ, изданія Маркса. Болѣе того, за границей появилось множество изданій „Воскресенія“, и большинство издателей переводило этотъ романъ Л. Н. съ искаженнаго изданія Маркса, принимая его за точную копію рукописи!

Влад. Бончъ-Бруевичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Еврейская Энциклопедія. *Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ. Томъ первый. А. Аллемаръ.*

Появившійся недавно первый томъ „Еврейской Энциклопедіи“ подъ общей редакціей С. М. Дубнова и д-ра Л. И. Каценельсона представляетъ большой научный интересъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ частяхъ энциклопедіи и укажемъ только на статьи, имѣющія тѣсную связь съ исторіей Россіи за послѣдніе два или три столѣтія. Въ этомъ отношеніи отмѣтимъ статьи Ю. И. Гессена объ императорахъ Александрѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III. Въ составленіи статьи объ Александрѣ III принималъ участіе также С. Познеръ.

Названныя статьи рисуютъ положеніе русскаго еврейства за почти три четверти XIX вѣка; онѣ написаны на основаніи обширнаго печатнаго и рукописнаго матеріала.

Исторію евреевъ при Александрѣ I авторъ раздѣляетъ на три періода: съ 1810 г. по 1812 г., съ 1813 по 1816 г. и съ 1816 по 1825 г. Особый отдѣлъ посвященъ еврейскому вопросу въ Царствѣ Польскомъ съ 1815 по 1825 г.

Въ первомъ изъ названныхъ періодовъ выдѣляется дѣятельность „Еврейскаго Комитета“, учрежденнаго 9 ноября 1802 г., въ составъ котораго вошли друзья юнаго императора, кн. Чарторыйскій и гр. Кочубей. Правительство привлекло, кромѣ того, представителей еврейскаго населенія, т. наз. депутатовъ. Комитетъ выработалъ извѣстное „Положеніе для Евреевъ“ 1804 г. Исходя изъ того воззрѣнія, что евреи должны приносить пользу всей странѣ—мысль, сквозившая во всѣхъ попыткахъ еврейской реформы той эпохи не только въ Россіи, но и въ Герцогствѣ Варшавскомъ и нѣсколько лѣтъ спустя въ Царствѣ Польскомъ—положеніе не очень заботится о самихъ евреяхъ, и „малѣйшій интересъ той или другой группы христіанскаго населенія“ побуждаетъ авторовъ „Положенія“ „жертвовать безъ всякаго колебанія естественными правами евреевъ“. Роковой статьей „Положенія“ является 34, запретившая евреямъ заниматься винными откупами. Въ силу этого Комитетъ потребовалъ выселенія изъ деревень евреевъ, до того занимавшихся этимъ, по истеченіи 2 или 3 лѣтъ, что и совершилось. Положеніе 60-ти тысячъ еврейскихъ семействъ, подвергнутыхъ выселенію, было отчаянное... Указомъ 29 декабря 1809 г. дальнѣйшее выселеніе евреевъ было временно пріостановлено. События съ 1812 по 1815 г. не благопріятствовали внутреннимъ реформамъ и тѣмъ менѣе рѣшенію еврейскаго вопроса. Въ 1817 г. пра-

вительство опять заинтересовалось евреями, и опять были созваны депутаты для выработки новыхъ мѣропріятій. Но плодотворной нельзя назвать и эту новую попытку правительства. Въ законодательствѣ этой эпохи, «наряду съ прежней заботой объ охраненіи христіанъ отъ экономическаго господства евреевъ, проявился новый мотивъ—опасеніе за неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій христіанъ». Въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ была сдѣлана неудачная попытка Н. Новосильцевымъ, русскимъ представителемъ въ Варшавѣ, даровать евреямъ въ полномъ объемѣ гражданскія, а постепенно и политическія права. Но здѣсь, какъ и въ Имперіи, еврейскій вопросъ остался нерѣшеннымъ,—еврейское населеніе осталось безправнымъ. Александръ I передалъ своему преемнику среди столь многочисленныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ внутренняго управленія страны и еврейскій вопросъ.

Переходимъ къ Александру II, въ царствованіе котораго достаточно занимались этимъ вопросомъ. Александръ II питалъ большое недовѣріе къ евреямъ, что особенно рельефно выступаетъ въ цѣломъ рядѣ приводимыхъ г. Гессеномъ резолюцій на доклады по еврейскимъ дѣламъ. Общество, столь сильно охваченное стремленіемъ къ преобразованіямъ, еврейскимъ вопросомъ совсѣмъ не интересовалось. «Органической связи, говоритъ Ю. И. Гессенъ, между обновленіемъ русской государственной жизни и преобразованіемъ еврейскаго быта не существовало». Сочувствовало еврейской реформѣ большинство членовъ Комитета по устройству быта евреевъ и Комитетъ министровъ, и благодаря этому кругу либеральныхъ сановниковъ были проведены нѣкоторыя реформы. Но одному Александръ II твердо воспротивился—отмѣнѣ черты осѣдлости, опредѣляя, такимъ образомъ, „границу, за которую правительство, въ лицѣ своихъ прогрессивныхъ представителей, не могло переступать въ дѣлѣ еврейской реформы; при сохраненіи черты осѣдлости вопросъ объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ самъ собою отпадалъ“. Тѣмъ не менѣе прогрессивные дѣятели той эпохи не переставали добиваться еврейскаго равноправія. За это энергично высказались новороссійскій генералъ-губ. гр. Строгановъ и мин. внутр. дѣлъ Ланской. «Еврейскій Комитетъ» отвергъ предложенія этихъ лицъ, признавая ссылки Строганова на Западную Европу несоотвѣтствующими русскимъ условіямъ, и пришелъ къ заключенію, „что уравненіе евреевъ въ правахъ съ коренными жителями не можетъ иначе послѣдовать, какъ постепенно, по мѣрѣ распространенія между ними истиннаго просвѣщенія, измѣненія ихъ внутренней жизни и обращенія ихъ дѣятельности на полезныя занятія». Резолюція Александра II на это мнѣніе Комитета гласила: „Совершенно правильно“. Такимъ образомъ, коренная реформа еврейскаго быта была отложена на неопредѣленное время. Еврейскій вопросъ пытались рѣшать частичными реформами, вносившими кое-какія улучшенія въ тяжелыя условія жизни русскаго еврейства. Все это подробно изложено Ю. И. Гессеномъ. Цѣнны также свѣдѣнія о попыткахъ еврейской реформы въ Царствѣ Польскомъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Здѣсь важную роль игралъ маркизъ Велепольскій, сторонникъ эмансипаціи евреевъ. Въ царствованіи Александра II мы встрѣчаемся еще съ одной попыткой коренной реформы еврейскаго быта. Благодаря иниціативѣ Государственнаго Совѣта была

учреждена въ 1872 г. особая междувѣдомственная „Комиссія по устройству быта евреевъ“ для обсужденія еврейскаго вопроса. Комиссія эта, просуществовавшая до 1881 г., не выработала ни одного законопроекта. Запискѣ членовъ комиссіи Карпова и Неклюдова о постепенной *полной* эмансипаціи евреевъ и о предоставленіи имъ сначала повсемѣстнаго права жительства не далъ хода предсѣдатель Комиссіи, въ виду могущаго произойти вреда „прочему населенію имперіи— отъ представленія евреямъ одинаковыхъ съ другими правъ“. Еще разъ появилась надежда на благополучное рѣшеніе еврейскаго вопроса въ дни Лорисъ-Меликова, но скоро наступили важныя событія: смерть Александра II и вступленіе на престолъ Александра III.

Грустной увертюрой къ исторіи евреевъ въ царствованіе Александра III были погромы 1881 г. Новый министръ внутр. дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевъ комментировалъ эти событія въ докладѣ императору въ томъ смыслѣ, что евреи эксплуатируютъ не-еврейское населеніе и, такимъ образомъ, сами виноваты въ происшедшихъ погромахъ. Такъ началъ свою дѣятельность авторъ пресловутыхъ временныхъ правилъ 1882 г. И тутъ мы узнаемъ много любопытнаго. Временными эти правила были названы потому, что ближайшій сотрудникъ Игнатьева Готовцевъ, предсѣдатель вновь назначеннаго „Комитета для евреевъ“, полагалъ ввести законы, еще болѣе ограничивающіе права евреевъ. Усилія Игнатьева и его сотрудника были отчасти парализованы комитетомъ министровъ, который воспротивился учрежденію особой Высшей Комиссіи подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго государемъ, которая должна была разсматривать мѣры, выработанныя комитетомъ Готовцева, прежде ихъ внесенія въ Государственный Совѣтъ. Преемникъ Игнатьева, графъ Толстой, представилъ государю докладъ о необходимости пересмотра законодательства о евреяхъ. Для этой цѣли была учреждена Высшая Комиссія, сначала подъ предсѣдательствомъ Макова, а затѣмъ графа Палена. Члены комиссіи были въ большинствѣ либерально настроены, и въ такомъ духѣ былъ составленъ докладъ. Но когда комиссія закончила пятилѣтній трудъ, отношеніе Александра III къ еврейскимъ реформамъ стало явно отрицательнымъ, и онъ присоединился къ меньшинству комиссіи. „Такимъ образомъ, и вторая, въ это царствованіе, попытка общаго пересмотра законодательства о евреяхъ осталась безъ результата. Комитетъ Готовцева слишкомъ рѣзко склонился въ сторону ограничительнаго законодательства, а мѣры, рекомендовавшіяся Высшей Комиссіей, казались слишкомъ либеральными. Противъ перваго возражали вліятельные администраторы, въ которыхъ еще сохранилась извѣстная приверженность къ завѣтамъ предыдущаго царствованія. Либеральный же способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса встрѣтилъ рѣзкій отпоръ въ придворныхъ сферахъ. Эти два теченія въ области еврейскаго вопроса, противоборствуя одно другому, привели къ тому, что въ теченіе всего царствованія Александра III вопросъ объ общемъ пересмотрѣ законодательства о евреяхъ оставался открытымъ; важнѣйшія мѣры правительства здѣсь декредитовались, какъ *временныя* или издавались внѣ обычныхъ формъ законодательнаго обсужденія, и всѣ онѣ были окрашены ярко недоброжелательной тенденціей. Общая реакціонная тенденція внутрен-

вой политики и ясно сказывавшееся отрицательное отношеніе верховной власти къ еврейскому населенію создавали атмосферу, особенно благопріятную всякой инициативѣ въ дѣлѣ умаленія скудныхъ правъ евреевъ". Частичное измѣненіе законодательства о евреяхъ въ то же царствованіе не принесло ничего отраднаго. Цѣлый рядъ ограниченій и репрессивныхъ мѣръ тяжело отражались на задыхающемся въ чертѣ еврейской осѣдлости населеніи. Отмѣтимъ одну изъ самыхъ роковыхъ мѣръ, процентную норму, которая была введена не въ законодательномъ порядкѣ, а лично министромъ нар. просвѣщенія, получившаго на то полномочіе отъ государя.

Укажемъ, въ связи съ этими безуспѣшными попытками уничтожить безправіе русскихъ евреевъ въ XIX вѣкѣ, на статью С. М. Дубнова о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ послѣдніе годы котораго „возникла въ Россіи первая черта осѣдлости для евреевъ, оставшихся въ незначительномъ числѣ въ присоединенномъ къ царской землѣ Малороссійскомъ краѣ".

А. М.

Книги, поступившія въ редакцію:

Н. Глѣбовъ. Каординаты. Введеніе. Спб. 1908 г., ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. Теорія и практика коопераціи. К-во „Сотрудничество". М. 1908 г., ц. 95 к.

Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Книга V. Изд. Предсѣдателя Комиссіи И. А. Вахромѣева. М. 1908 г.

Русская грамота гражданская и новая народная. Составилъ *Өеодоръ Изерскій*. 1908 г., ц. 40 к.

С. Знаменскій. Средняя школа за послѣдніе годы. Ученическія волненія 1905 — 1906 гг. и ихъ значеніе. Общій очеркъ и матеріалы. Спб. 1908 г., ц. 1 р. 50 к.

Фельдшерскій вопросъ въ Россіи. Изд. 2-е совершенно измѣненное. Спб. Изд. редакціи газеты «Фельдшеръ». 1908 г., ц. 1 р.

Книгоиздательство «Пантеонъ».

Жюль-Варбэ д'Орвильи. Лики дьявола. Перев. А. Чеботаревской. Статья М. Волошина, ц. 1 р.

Киплингъ. Разсказы. Перев. К. Чуковскаго. Статья В. Тана, ц. 1 р.

Уэллсъ. 50 тысячъ лѣтъ назадъ. Разсказъ изъ каменнаго вѣка. Перев. Ник. Морозова, ц. 60 к.

Отчетъ о суммахъ и предметахъ, поступившихъ для Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ С.-Петербургѣ въ теченіе октября мѣсяца.

Черезъ редакцію журнала „Минувшіе Годы“: Отъ А. М. Хирьякова — 3 р. Изъ Нижняго Новгорода (*черезъ Н. В. Мѣшкова*): отъ П. Г. Яргомскаго—25 р. П. А. Пепеляева—10 р. Н. П. Серебрякова—5 р. П. С. Ремянникова — 2 р. М. И. М. — 3 р. Л. В. Крысова—5 р. Ѳ. П. Зайцевой—50 р. С. А. Клачичъ—25 р. Н. Квиль—50 р. *Итого черезъ Н. В. Мѣшкова — 175 р.* Изъ Москвы (*черезъ С. Д. Кирпичникова*): отъ С. Кирпичникова — 5 р. Ал. Губской — 50 к. Е. Рудченко—50 к. N—50 к. О. Кирпичниковой—2 р. Жилиной—50 к. Е. Журиной—1 р. Филиновыхъ—3 р. В. Кирпичникова—3 р. Н. Задеръ—10 р. Р. К.—5 р. А. Кр.—3 р. Н. Язикова—3 р. Богомолова —1 р. Ландау —2 р. А. П... — 5 р. Литыницъ — 1 р. С. Медвѣдева — 1 р. П. Шишкова—50 к. Румянцева—1 р. А. Strobiner—1 р. А. Мошника—1 р. А. Эйхеля—50 к. И. Николаева—1 р. Занкова—50 к. Зорина—50 к. Михайлова—50 к. Краше—50 к. И. П. Чулкова—5 р. А. Е.—50 к. П... (неразборчиво)—1 р. О... (неразборчиво) — 1 р. Филица—2 р. *Итого черезъ С. Д. Кирпичникова—63 р. 50 к.* Отъ А. И. Браудо—3 р. Г. В—мса—5 р. А. А. Гинкена—10 р. П. М. Кашинскаго—2 р. С. П. Дороватовскаго—3 р. Изъ Таганрога: отъ Л.—1 р. Ф.—1 р. К.—1 р. В.—1 р. І. Л. Р.—2 р. З—ва—1 р. Е. С. С.—1 р. В.—50 к. Я.—50 к. В.—50 к. К. Р.—50 к. N—50 к. Н.—20 к. А.—40 к. Б.—20 к. П.—20 к. Л.—20 к. В.—12 к. N—3 к. *Итого изъ Таганрога—11 р. 85 к.* Остатокъ отъ кассы возникавшаго въ 1906 г. проф. союза хроникеровъ, — передано *черезъ бывшаго кассира союза Зинина* — 6 р. Отъ Я. С. Розенфельда и З. М. Арциховской—2 р. Отъ редактора газеты „Фельдшеръ“ д-ра Окса—6 р. Отъ сотрудника той же газеты Г. П. Задеры—14 р. Изъ редакціи газеты „Вятская Рѣчь“—3 р. Отъ В. Я. Муринкова—5 р. *Итого* 312 р. 35 к.

Черезъ редакцію газеты „Рѣчь“: Отъ группы учащ. город. начал. учил., подпис. телеграмму—117 р. NN 20 к. Ком. помощ. прис. повѣр.

сер. шб. суд. палаты — 50 р. Рабочихъ типогр. Ныркина — 2 р. 60 к. *Итого* 169 р. 80 к.

Черезъ редакцію газеты „Современное Слово“: Отъ служ. конторы Т-ва Бруно Бендеръ: М. Цыбулькова — 1 р. Кичинскаго — 25 к. Г. Карнѣева—25 к. Бѣличенко—30 к. Г. Зотова—50 к. В. С.—50 к. I. Д. К.—1 р. Н. I. С.—50 к. С. Б.—3 р. В. М. К.—50 к. П. Карнѣева—15 к. *Итого отъ служ. Бруно Бендеръ — 7 р. 95 к.* Отъ Н. Прахова — 25 к. Груп. ученик. и ученицъ Лигов. веч. клас. — 50 р. Краснопёрова—1 р. Учительницы—10 р. Врача Г. П. и фельдшера И. К.—1 р. 25 к. Н. П.—30 к. Р. П.—10 к. Вѣры Н.—10 к. Эк. П.—10 к. И. Рожд.—20 к. Студ. В. П.—10 к. Н. П.—3 к. *Итого* 71 р. 38 к.

Черезъ редакцію газеты „Слово“: Отъ инж. Самознаева (Псковъ)—5 р. Вмѣсто надписи надъ телеф. отъ Н. И. Соколова—40 к. А. И. Перфильева (Царское Село)—2 р. Черниговскаго крестьянина—12 к. Свѣтковскаго—1 р. Г. Афанасьева (Кіевъ)—50 р. Черепина—1 р. Д-ра П. Я. М.—5 р. Н. М.—25 к. *Итого* 64 р. 77 к.

Всего: 618 р. 30 к.

Съ преждепоступившими: 1962 р. 10 к. и одна финляндская марка.

Въ теченіе октября для Музея поступили слѣдующіе предметы:

Отъ И. Я. Гинцбурга—портретъ его кисти Л. Н. Толстого и три его работы—большія статуэтки: Толстой на прогулкѣ, Толстой за работой и Толстой въ креслѣ. *Отъ В. В. Матэ:* портретъ—офортъ Л. Н. Толстого. *Отъ д-ра Рахманова:* 1) семь писемъ къ нему Л. Н. Толстого; 2) его брошюра „Кн. Г. А. Дадіани“ (толстовецъ). *Отъ А. М. Хирьякова* — одно письмо къ нему Толстого. *Отъ Общества дѣятелей періодической печати и литературы* (въ Москвѣ) — копія съ адреса Общества Толстому и фототипія Толстого съ портрета Игумнова. *Отъ директора коммерч. учил., учреж. т-вомъ преподавателей*—2 фототипіи Толстого. *Отъ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*—его книга „Л. Н. Толстой“. *Отъ Н. Д. Бернштейна*—его брошюра „Л. Толстой о музыкѣ“ (2 экз.). *ОтъВ. Д. Бончъ-Бруевича*— 1) полный переводъ „Воскресенья“ на нѣм. яз. (Auferstehung). 2) Тоже на англійскій (Resurrection). 3) What I believe. 4) Ivan the Fool. 5) Some social Remedies. 6) Letters on War. 7) How I came to believe. 8) Work while you have the light.

Періодическія изданія со ст. о Толстомъ: Петербургъ: 1) Міръ. 2) Витязь (жур. для ниж. чиновъ). 3) Русск. Старина. *Москва*: 1) Міръ служащихъ. 2) Музыкальный труженикъ. 3) Педагогическій Листокъ. *Рига*—Rigar Apskasts. *Вильна*—Wiedza. *Харьковъ*—Голосъ. *Симферополь*—Тавр. Нар. Учитель. *Батумъ*—Бат. Голосъ. *Баку* — Бак. Рабочій.

Оренбургъ: 1) Оренб. Газета. 2) Шуро (татар.). *Томскъ*—Сибирская жизнь. *Якутскъ*—Як. Жизнь.

Прага—Slovansky Prehled. *Изъ Венгріи*—Bacsmeyei Naplò. *Изъ Америки*—The American Review of Reviews (New-Iork).

Всего различныхъ періодическихъ изданій изъ Россіи и заграницы поступило *триста тридцать два названія.* Большинство издающихся въ Россіи періодическихъ изданій получено въ 2-хъ экземплярахъ, но нѣкоторыхъ изданій (преимущественно провинціальныхъ газетъ) еще недостаетъ, вслѣдствіе чего комитетъ покорнѣйше проситъ доставить недостающія изданія по адресу: *Петербургъ, Редакція журнала „Минувшіе Годы", Лиговка, 44.* Пожертвованія деньгами и предметами принимаются у всѣхъ членовъ комитета (Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковскій, П. Н. Милюковъ, Г. В. Плехановъ, Л. З. Слонимскій, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ) и въ редакціяхъ газетъ „Рѣчь", „Слово" и „Современное Слово" и журналовъ „Современный Міръ", „Русское Богатство" и „Минувшіе Годы".

* * *

Отъ В. Д. Бончъ-Бруевича получены—съ надписью на каждой „Для библіотеки Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ"—слѣдующія его работы: 1) Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію русскаго сектантства и раскола. 2) Назаренцы въ Венгріи и Сербіи. 3) Къ исторіи русскаго духоборчества. 4) Движенія въ войскахъ и военныхъ тюрьмахъ. 5) Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ. 6) Замѣтки объ устной духоборческой литературѣ. 7) Обряды духоборцевъ. 8) Сборникъ стихотвореній „Родныя пѣсни". 9) Избранныя произведенія русской поэзіи (Изд. 3-е, 4-е и 5-е). 10) Матеріалы къ исторіи и изученію рус. сектантства и раскола. Вып. 1-й.

* * *

Комитетъ покорнѣйше проситъ газеты (особенно провинціальныя) перепечатать настоящій отчетъ, хотя бы только въ его главныхъ чертахъ.

N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 12

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ДЕКАБРЬ

1908
СПБ

Вышелъ и разсылается бывшимъ подписчикамъ журнала „Былое“ № 1 журнала

„Вѣстникъ Исторіи и Литературы“.

Въ номерѣ этомъ помѣщенъ **УКАЗАТЕЛЬ** всѣхъ именъ собственныхъ и авторовъ всѣхъ статей, напечатанныхъ въ издававшемся въ Петербургѣ въ 1906 и 1907 годахъ журналѣ „**БЫЛОЕ**“. Противъ каждаго имени обозначенъ годъ, мѣсяцъ и страница книжки, въ которой имя это встрѣчается. Кромѣ того, въ указателѣ напечатанъ съ такими же поясненіями перечень помѣщенныхъ въ журналѣ „Былое“ портретовъ, факсимиле и рисунковъ.

Всѣхъ страницъ въ указателѣ—207.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 1 руб.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ и РЕДАКЦІИ.

Въ 1906 и 1907 годахъ выходилъ въ свѣтъ ежемѣсячникъ „Былое"—журналъ, посвященный исключительно исторіи русскаго освободительнаго движенія. Практика жизни показала, что для такой исторіи, какъ, впрочемъ, и для многаго другого, время еще не настало, и въ ноябрѣ 1907 г., по распоряженію петербургскаго градоначальника, „Былое" было пріостановлено „на все время дѣйствія въ Петербургѣ чрезвычайной охраны".

Съ января текущаго года сталъ издаваться журналъ „Минувшіе Годы". Отъ „Былого" онъ существенно отличался, ибо, не спеціализируясь на исторіи русскаго освободительнаго движенія, новый журналъ включилъ въ свою программу и вопросы русской исторіи въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, и вопросы русскаго быта, и вопросы русской литературы.

До настоящей минуты журналъ дожилъ,—но при какихъ условіяхъ? Изъ 10 вышедшихъ до декабря мѣсяца книжекъ было конфисковано—съ возбужденіемъ противъ редактора судебнаго преслѣдованія—три. По причинамъ, къ изданію „Минувшихъ Годовъ" никакого отношенія не имѣвшимъ, типографія, въ которой печатался журналъ, а вмѣстѣ съ нею и всѣ рукописи для очередной книжки журнала, въ маѣ мѣсяцѣ была опечатана, и снять печати явилась возможность лишь черезъ *три недѣли.* Понятно, что майская книжка выйти не только во время, но, какъ *майская*, самостоятельная, совсѣмъ уже не могла, вслѣдствіе чего она появилась въ свѣтъ только вмѣстѣ съ іюньской, подъ одной общей обложкой. Изъ конфискованныхъ номеровъ журнала судебнымъ приговоромъ *апрѣльская* книжка была отъ ареста освобождена, но это произошло уже *въ октябрѣ* мѣсяцѣ.

Эти и разныя другія причины привели насъ къ убѣжденію въ невозможности продолжать журналъ, вслѣдствіе чего на настоящей (декабрьской) книжкѣ **ИЗДАНІЕ „МИНУВШИХЪ ГОДОВЪ" МЫ ПРЕКРАЩАЕМЪ,** надѣемся,—до лучшихъ временъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126.

Выходъ изъ Шлиссельбурга на волю [1]).

Меня многіе спрашивали, были ли у насъ какія-нибудь надежды на освобожденіе? Или оно застало насъ совершенно врасплохъ и мы, что называется, очумѣли отъ неожиданной радости?

Зная, что я и многіе мои товарищи были заключены пожизненно, къ этому вопросу многіе относились съ удвоеннымъ интересомъ.

Нѣтъ, мы не были такъ легкомысленны. Правда, свобода для многихъ пришла слишкомъ поздно, но ее всегда ждали. Вѣдь состояніе безнадежности, какъ общее и постоянное явленіе, невозможно для человѣка. Оно можетъ находить часами, можетъ продолжаться нѣсколько дней, но не можетъ сдѣлаться непрерывнымъ на цѣлые годы. Это—не въ природѣ человѣка, такъ же какъ не въ природѣ человѣка думать постоянно только о своей смерти. „Живой—живое и думаетъ“, говоритъ народная мудрость. И весь мозговой аппаратъ такъ уже устроенъ, что можетъ служить нормально только для того, чтобы поддерживать и расширять жизнь, а отнюдь не уничтожать.

Минуты приготовленія къ смерти — только минуты. И *какъ общее правило*, всѣ заботятся только о томъ, какъ устраивать свою жизнь, а не о томъ, какъ ликвидировать ее и приготовляться къ вѣчности.

Мы были молоды, оторваны отъ жизни еще въ юные годы, и свойственный молодому организму расцвѣтъ живыхъ силъ повелительно и непреодолимо внушалъ мысль о продолжительной жизни, о торжествѣ ея, о побѣдѣ, о счастьѣ и волѣ. Словомъ, обо всемъ томъ, что теперь было недоступно, что заповѣдано и заказано и семью печатями запечатано, но о чемъ все-таки думалось и мечталось невольно и постоянно.

Сознаніе безнадежности и состояніе отчаянія нападало нерѣдко и выливалось иногда въ стихахъ, которые благодаря этому проникнуты боль-

---

[1]) По разнымъ причинамъ издательскаго характера, эта глава, написаная два года тому назадъ въ завершеніе моихъ воспоминаній о Шлиссельбургѣ, не могла появиться до сихъ поръ въ русской печати.

Авторъ.

шею частью въ высокой степени элегическимъ и унылымъ настроеніемъ. Но настроеніе проходило, жизнь брала свое, и будущее, наше личное будущее, вновь представлялось вовсе не такъ безнадежнымъ, какъ это значилось въ офиціальныхъ реляціяхъ.

Офиціально же было сдѣлано все, чтобы отнять у насъ всякія надежды. Изъ трехъ манифестовъ, изданныхъ въ теченіе двадцати лѣтъ и „даровавшихъ милости, не изъемля и политическихъ преступниковъ", только одинъ примѣнили къ Шлиссельбургу, да и то частично: сокращены были сроки только срочнымъ, да тѣмъ, у кого судебный приговоръ поражалъ своей чудовищной несправедливостью. Остальные 8 человѣкъ, какъ были безсрочными, такъ и остались. Послѣ рожденія наслѣдника братъ моего товарища Г. А. Лопатина въ особомъ ходатайствѣ на имя Сената ставилъ ему на видъ необходимость примѣненія къ его брату Высочайшаго манифеста, согласно прямому и буквальному смыслу его. Но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій отвѣтилъ, что на примѣненіе къ Г. Лопатину манифеста нужно особливое Высочайшее соизволеніе и за этимъ соизволеніемъ долженъ обратиться съ ходатайствомъ самъ заключенный. Ко всѣмъ остальнымъ намъ манифестъ не былъ примѣненъ уже безъ всякаго спеціальнаго разъясненія, да и Лопатинъ узналъ объ этой министерской волѣ только по выходѣ изъ Шлиссельбурга.

Но надежды наши помѣщались совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на судебную формальность, точнѣе говоря, несмотря на подделку подъ судъ, который предшествовалъ нашему заключенію, мы находились всецѣло въ области административнаго произвола и прекрасно это чувствовали и понимали. Надъ нами, какъ и надъ всей Россіей, царилъ не законъ, а простое усмотрѣніе лицъ, стоявшихъ въ данное время у власти. Поэтому,—какъ ни претенціозно покажется это утвержденіе, — наша судьба была неразрывно связана съ судьбой Россіи. А извѣстно, что еще редакціонныя комиссіи въ 1860 году смѣло высказали истину, что Россія погибнетъ отъ произвола чиновниковъ, если административная власть не будетъ подчинена закону.

Для народовъ, живущихъ правильною гражданскою жизнію и для лицъ, имѣющихъ голову на плечахъ, это такая азбучная истина, о которой и говорить не стоитъ. Теперь вотъ эту азбучную истину вкореняютъ путемъ безчисленныхъ административныхъ репрессій въ тѣ головы, въ которыя еще ни разу въ жизни не проникала ни одна политическая мысль. Понятно, что такой режимъ, приговоръ надъ которымъ гласно и ясно произнесенъ еще 50 лѣтъ тому назадъ, продолжаться безконечно не можетъ. Весь вопросъ въ томъ, когда онъ падетъ и какія обстоятельства дадутъ ему послѣдній роковой толчекъ. Объ этомъ можно было гадать разно, и мы, дѣйствительно, гадали на основаніи историческихъ, политическо-экономи-

ческихъ и вообще соціологическихъ данныхъ. Все, что попадало къ намъ въ этой области въ печати, особенно же все, что касалось современной жизни Россіи, штудировалось нами съ захватывающимъ интересомъ и подвергалось расцѣнкѣ и взвѣшиванію, какъ въ продолжительныхъ одиночныхъ размышленіяхъ, такъ и въ совмѣстныхъ дебатахъ.

Въ этомъ отношеніи мы всецѣло были дѣтьми своего времени и шли не много позади, но совершенно вровень со всей передовой русской интеллигенціей. Какъ эта послѣдняя, пытливо вглядываясь въ окружающее, старалась предугадать ближайшее будущее, такъ взирали на это грядущее и мы. Различіе было въ томъ, что всматриваться въ окружающее мы могли только чужими глазами. Но за то у насъ была такая масса досуга, какъ нигдѣ, такой запасъ проницательности, даже прозорливости, какой можетъ выработаться только въ продолжительномъ одиночествѣ, при постоянной вдумчивости и при полномъ отсутствіи всякихъ развлекающихъ и разслабляющихъ умъ впечатлѣній.

Извѣстная вѣдь истина, что если нечего видѣть и нечего слушать, то больше размышляешь. А чѣмъ больше и дольше размышляешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь способность угадывать то, что скрыто отъ глазъ и что недоступно внѣшнимъ чувствамъ.

Не даромъ же отрекшіеся отъ міра иноки, какъ это записано въ легендахъ и въ исторіяхъ, часто поражали воображеніе отдѣльныхъ смертныхъ своимъ умѣніемъ проникать въ чужую душу и читать въ книгѣ судебъ.

Я помню, какъ разсуждая однажды съ Карповичемъ въ 1903 году о близости политическаго переворота въ Россіи, я заявилъ ему, что когда дѣло назрѣетъ, то достаточно будетъ извѣстія, что шахъ персидскій далъ у себя конституцію, какъ народъ потребуетъ того же самаго и въ Петербургѣ.

Дѣло, положимъ, вышло нѣсколько иначе, и началось, какъ извѣстно, съ японской войны. Эта послѣдняя для насъ тоже не была неожиданностью. Еще тотчасъ послѣ побѣды Японіи надъ Китаемъ нѣкоторые болѣе проницательные товарищи обратили на Японію сугубое вниманіе. Еще въ 1896 году покойный товарищъ Л. Ф. Яновичъ писалъ у насъ рефератъ о быстромъ ростѣ Японіи, особенно послѣ объявленія въ ней конституціи, и задавался вопросомъ о возможности столкновенія ея съ Россіей и о шансахъ на побѣду съ той и съ другой стороны [1].

Не прошло послѣ этого и восьми лѣтъ, какъ эта война дѣйстви-

[1] Къ счастію, рефератъ этотъ уцѣлѣлъ, и заключительная часть его скоро появится въ печати.

тельно вспыхнула. Для насъ это было опять самое глухое время, потому что, съ воцареніемъ Плеве, періодической печати насъ лишили совсѣмъ и никакихъ новостей ни откуда къ намъ не проникало.

Не удивительно поэтому, что свое настроеніе въ эти дни мы выражали иногда въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ, напримѣръ, мое, написанное на Новый годъ—1904-й, которое оканчивалось словами: „И въ царствѣ спящаго народа Онъ не дождется нова года“.

Но это писалось какъ разъ наканунѣ того дня, какъ наступили великія событія, разбудившія спящій народъ и пронизавшія нашу могильную тьму яркимъ лучомъ надежды.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ уже приходилось говорить, что узнали мы о войнѣ въ февралѣ же изъ отрывка газеты, подкинутаго доброжелательной рукой, и довольно согласно порѣшили, что пораженіе Россіи неизбѣжно, а за пораженіемъ послѣдуетъ ликвидація стараго режима, который не можетъ гарантировать странѣ даже внѣшней безопасности. Но въ теченіе всего 1904 года мы ровно ничего не знали о ходѣ войны. Получали мы въ это время три строго научныхъ журнала—нѣмецкій, англійскій и русскій, и въ нихъ жандармы вырывали даже объявленія, въ которыхъ, очевидно, упоминалось слово „война“. Въ письмахъ, которыя мы получали отъ родныхъ, вымарывались цѣлыя страницы и также тщательно искоренялся всякій намекъ на войну. Такъ, если товарищу сообщали, что его тетушка ухаживаетъ за больными и ранеными, то фраза эта сохранялась, но слово „ранеными“ вымазывались чернилами, къ счастью такъ, что химически можно было возстановить его. Впослѣдствіи, въ эту нашу химію они уже проникли и марали потомъ письма прямо чернымъ лакомъ.

Уже изъ этого можно было судить о ходѣ войны. Извѣстно вѣдь, что побѣдъ не только нигдѣ не скрываютъ, но трезвонятъ о нихъ во всѣ колокола. Очевидно было, что наше полицейское начальство прекрасно сознаетъ провиденціальную роль этой войны и прячетъ ее отъ насъ всѣми мѣрами, чтобы какъ нибудь въ нашу юдоль скорби не проникъ оживляющій лучъ надежды.

Наконецъ, когда въ одномъ письмѣ (къ Вѣрѣ Николаевнѣ) все-таки нечаянно проскользнула фраза, что ея родственникъ докторъ поѣхалъ на войну, мы обратились къ нашей администраціи съ невиннымъ, но открытымъ вопросомъ: съ кѣмъ это идетъ война?

Понятно, что жандармскіе офицеры, со свойственной имъ правдивостью, увѣряли честью, клялись и божились, что никакой войны у насъ нѣтъ. Точно также въ ноябрѣ того же 1904 года, т. е. почти 4 мѣсяца спустя послѣ смерти Плеве, нашъ смотритель, жандармскій ротмистръ, на

прямой вопросъ о томъ, кто у насъ министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣтилъ, не краснѣя: фонъ-Плеве.

Въ концѣ 1904 года мы получили опять право читать періодическія изданія за прошлые годы, за исключеніемъ газетъ. Было ли это результатомъ „весны“ и „довѣрія“, о которыхъ тогда говорили, или результатомъ манифеста по случаю рожденія наслѣдника, мы сами не знали. Конечно, и самую весну, и рожденіе наслѣдника такъ тщательно скрывали отъ насъ, что даже запретили на крѣпостной колокольнѣ производить обычный цѣлодневный трезвонъ. Но все-таки мы пронюхали объ этомъ, и наши остряки шутили, увѣряя, что насъ нарочно лишили журналовъ, за два года до манифеста, чтобы имѣть возможность ихъ даровать вновь по случаю манифеста.

Между тѣмъ лѣтомъ этого года, совершенно независимо отъ войны, въ нашей жизни случилось событіе, которое вызвало у насъ много толковъ и еще болѣе догадокъ. Насъ посѣтили, въ началѣ іюля, сначала княжна старушка Дондукова-Корсакова, а черезъ нѣсколько дней послѣ нея петербургскій митрополитъ Антоній. До сихъ поръ мы видѣли визиты только мундирныхъ персонъ исключительно изъ полицейскихъ или жандармскихъ сферъ. Для этихъ сферъ Шлиссельбургъ былъ настоящей синекурой, и ни одинъ посторонній глазъ сюда никогда не допускался.

И вдругъ такой экстраординарный визитъ! Какъ ни благонамѣренны были эти лица сами по себѣ, и какъ ни хорошо они были извѣстны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, они все-таки были посторонними и отъ него безусловно независимыми лицами.

— Тутъ что-нибудь не спроста, догадывались мы: очевидно, ужасы Шлиссельбурга получили слишкомъ широкую огласку, и дѣлается попытка открыть въ нашемъ склепѣ небольшую отдушину, не нарушая по возможности его прежнихъ устоевъ.

Оба посѣтителя отнеслись къ намъ съ полной сердечностью и участіемъ, причемъ митрополитъ былъ у всѣхъ и бесѣдовалъ съ каждымъ наединѣ, а княжна впослѣдствіи выхлопотала себѣ право быть наединѣ, такъ какъ она посѣщала насъ многократно вплоть до самаго выхода. Оба они обнаружили потомъ искреннюю готовность внести серьезныя перемѣны въ нашу судьбу, и не ихъ вина, если ихъ благожелательныя попытки не привели ни къ чему.

Какъ бы то ни было, княжна Дондунова-Корсакова до самого конца разжигала наши надежды, совершенно не отдавая себѣ въ этомъ отчета, и какъ оказалось потомъ, не имѣя для этого никакихъ твердыхъ основаній, кромѣ своей субъективной увѣренности, вытекавшей, въ свою очередь, изъ ея глубокой религіозности. Мы же, у которыхъ головы были настроены

иначе, разсуждали, что если религіозно-убѣжденный человѣкъ говоритъ о нашей свободѣ, то значитъ въ воздухѣ носятся такія вѣянія, которыя эту свободу могутъ продиктовать и осуществить.

Тѣмъ временемъ, параллельно съ ходомъ событій на Руси, наши офицеры немного развязали свои языки и одновременно съ тѣмъ, какъ мы читали въ печати въ январѣ и февралѣ 1905 г. о началѣ военныхъ дѣйствій, сообщали намъ кое-что устно и о ходѣ ихъ въ текущій моментъ. Оказалось, что шли они какъ разъ такъ, какъ мы и предугадывали, и при томъ съ большей выгодой для Россіи, чѣмъ расчитывали мы, ибо мы думали, что Владивостокъ также взятъ японцами.

Сообщали намъ и объ эскадрѣ Рождественскаго, съ большими надеждами на успѣхъ ея. Но изъ того, что намъ кратко сообщалось, мы дѣлали свои выводы. Такъ, изъ того, что эскадра подвигалась на востокъ черепашьимъ шагомъ, мы заключали, что эта великая армада, какъ называли ее „патріоты", заранѣе обречена на гибель, потому что *будущіе побѣдители такъ не ходятъ*. А какъ только услыхали или прочли, что Рождественскій флигель-адъютантъ, мы сочли его дѣло уже окончательно проиграннымъ. Всякій читавшій общую исторію знаетъ, что знаменитая своими пораженіями Австрія всегда посылала на поле битвы придворныхъ генераловъ. И всякій, даже не читавшій общей исторіи, знаетъ, что таланты Суворова не имѣли ничего общаго съ талантами придворныхъ.

Изъ современной періодической печати, кромѣ тѣхъ же научныхъ журналовъ, намъ дали лѣтомъ 1905 года журналъ „Хозяинъ" за весь 1904 годъ, гдѣ мы прочли немного о „веснѣ" и ея послѣдствіяхъ. Затѣмъ стали давать свѣжіе №№ „Извѣстій книжнаго магазина Вольфа" по мѣрѣ ихъ выхода. Этотъ библіографическій листокъ, содержавшій въ себѣ почти одинъ перечень книгъ, былъ для насъ настоящимъ кладомъ, откуда мы почерпали всѣ свѣдѣнія о великой русской революціи. Чѣмъ меньше тамъ было сказано, тѣмъ больше мы разукрашивали сказанное цвѣтами воображенія.

Такъ, въ перечнѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Право", значилась статья Гессена подъ заглавіемъ „Юридическая оцѣнка событій 9 января". Значитъ, заключали мы, 9 января было что-то очень и очень серьезное. Но что именно было, объ этомъ мы узнали только въ Петербургѣ. Или, въ перечнѣ новыхъ книгъ, значилось: „Великіе акты 18 февраля. Magna Charta". „Ага, заключали мы, запахло парламентомъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какой англичане добыли себѣ чуть не 700 лѣтъ тому назадъ". Въ библіографическихъ извѣстіяхъ былъ даже напечатанъ слухъ, что въ виду имѣющихся быть перемѣнъ въ политиче-

скомъ строѣ Россіи „Московскія Вѣдомости“, боровшіяся всегда противъ этихъ перемѣнъ прекращаютъ свое существованіе.

Словомъ, постепенно все лѣто 1905 года накоплялась у насъ масса мелкихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, которыя въ нашихъ головахъ, окрыленныхъ богатой фантазіей, слагались въ общую картину совершающагося переворота. Такъ какъ о позорѣ при Цусимѣ мы узнали на другой же день, то уже въ маѣ для всѣхъ насъ былъ очевиденъ дальнѣйшій ходъ вещей. Всякое *честное* побитое правительство всегда у всѣхъ народовъ обращается съ повинной къ народу и приглашаетъ его притти къ нему и помочь ему найти выходъ изъ постигшихъ страну бѣдствій. Я даже пари держалъ съ однимъ товарищемъ, что миръ будетъ заключанъ въ іюнѣ, а затѣмъ начнется ликвидація стараго порядка и самобичеваніе побитыхъ генераловъ.

Всѣ разоблаченія съ хищеніями и непорядками, развѣнчиваніе „героевъ“, разыскиваніе „виноватыхъ“, раскрытіе всѣхъ закулисныхъ пружинъ, раздраженіе побитыхъ и изобличенныхъ, словомъ все то, что для рядовой русской публики было сущимъ откровеніемъ, все это заранѣе не только предвидилось нами, но мы часто рисовали другъ другу эти картины со всѣми ихъ деталями, предвосхищая и саблю, усыпанную бриліантами для Стесселя, и послѣдующій неожиданный репримандъ. Времени у насъ было много, а настоящее не отвлекало насъ отъ творческаго воображенія хода грядущихъ событій. Къ тому же все это вѣдь такъ естественно и человѣкообразно! Нужно только имѣть капельку дальновидности и официальнымъ реляціамъ придавать ровно столько значенія, сколько онѣ того заслуживаютъ!

Но какъ ни предвидишь общій ходъ событій, окончательная ихъ развязка всегда наступаетъ какъ-то неожиданно.

Кажется, 5 августа начальникъ нашего управленія получилъ изъ департамента секретную телеграмму приготовить Н. П. Стародворскаго къ отправкѣ и прислать его въ Петербургъ немедленно. Стародворскій снарядилъ свой багажъ, распростился съ нами и былъ увезенъ. Изъ всѣхъ насъ 9-ти стариковъ онъ одинъ былъ срочный, и ему оставалось сидѣть всего полтора года. При томъ онъ былъ большой патріотъ и готовъ былъ защищать границы Россіи собственной грудью, о чемъ заявилъ безъ нашего вѣдома начальству еще мѣсяцевъ 8 назадъ. Поэтому мы не удивились, что его извлекли изъ нашей среды для какого-то дальнѣйшаго употребленія, тѣмъ болѣе, что къ его скользкому шагу всѣ относились съ порицаніемъ. Но можете себѣ представить наше изумленіе, когда на другой день, въ 8 часовъ утра, выйдя на обычную прогулку, мы увидали Н. П. опять въ нашей средѣ. По его словамъ, онъ былъ въ Петер-

бургѣ, и бесѣдовалъ долго съ директоромъ департамента полиціи (Гаринымъ). Тотъ разсказалъ ему о Думѣ (Булыгинской), о томъ, что это *хотя не конституція въ европейскомъ смыслѣ слова, но нѣчто близкое къ ней,* о томъ, что послѣ созыва Думы имѣются въ виду реформы, и въ свою очередь выспросилъ у Стародворскаго о его взглядахъ и намѣреніяхъ служить на поляхъ Манчжуріи. Сообщивши, наконецъ, что уже идутъ давно переговоры о мирѣ и со дня въ день ожидается телеграмма о его заключеніи, директоръ пожалъ ему руку на прощаньи и возвращая въ тотъ же застѣнокъ, прибавилъ:

— Потерпите еще немножко, а когда будете на свободѣ, заходите ко мнѣ на чашку чаю.

При этомъ между директоромъ департамента полиціи и ссыльно-каторжнымъ государственнымъ преступникомъ обнаружилось необыкновенно странное разногласіе. Директоръ ругалъ нашихъ генераловъ, начиная съ Куропаткина, Стародворскій защищалъ ихъ, такъ какъ тогда онъ былъ большимъ поклонникомъ военныхъ талантовъ Куропаткина и его отступательную тактику считалъ чуть не геніальной.

Кстати, онъ привезъ намъ и свѣжій № газеты, въ которую ему завернули напутственный завтракъ. Словомъ, все шло, какъ по писанному. И взвѣсивши добытыя новыя свѣдѣнія, мы порѣшили довольно согласно, что дѣло идетъ, между прочимъ, къ упраздненію Шлиссельбурга.

Такъ какъ самъ директоръ не счелъ нужнымъ скрывать отъ насъ фактъ созыва Думы, то мы налегли на мѣстную администрацію и добыли отъ нея № „Правительственнаго Вѣстника“, гдѣ было полностью напечатано Положеніе о Государственной Думѣ.

Она не возбудила въ насъ такого рѣзкаго недовольства, какъ на волѣ, можетъ быть, потому, что лично для насъ лучше было хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Но мы понимали, что такая Дума теперь не можетъ удовлетворить народъ, и что дана она слишкомъ поздно. Будь она учреждена 20 лѣтъ тому назадъ, когда за самую мысль о представительномъ собраніи готовы были всякаго согнуть въ бараній рогъ, жизнь могла бы пойти ровно и гладко; Дума постепенно выросла бы до законодательнаго собранія, и мы не дожили бы ни до позорныхъ пораженій, ни до „неслыханной смуты“. Но теперь было уже поздно конопатить образовавшіяся бреши государственнаго корабля разными суррогатами и поддѣлками подъ народное правленіе...

Въ нѣсколько игривой формѣ выразилъ наше отношеніе къ Булыгинской Думѣ Н. А. Морозовъ въ своемъ стихотвореніи, которое напечатано въ его сборникѣ:

Скоро, скоро всю вселенную
Облекутъ парчей нетлѣнною;
Къ золотымъ отрогамъ мѣсяца
Серьги яркія привѣсятся.
Скоро, скоро куртку куцую
Перешьютъ намъ въ конституцію:
Будетъ новая заплатушка
На тебѣ, Россія-матушка!

Какъ бы то ни было, Дума представлялась намъ фактомъ недалекаго будущаго, и мы отложили свои упованія до 15 января, когда, по нашимъ расчетамъ, собравшаяся впервые Дума заговоритъ, естественно, объ амнистіи. А потому на остающіеся нѣсколько мѣсяцевъ мы совершенно успокоились. И я въ срединѣ октября приступилъ къ составленію новой коллекціи по ботаникѣ, которую и расчитывалъ кончить въ декабрѣ.

23 октября смотритель и докторъ, зайдя по текущимъ дѣламъ къ Карповичу, проговорились насчетъ имѣющей быть политической перемѣны, причемъ докторъ прямо сказалъ!

— У насъ будетъ *полная* конституція!

Очевидно, они уже прочли Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 21 октября „Объ облегченіи участи лицъ, впавшихъ въ государственныя преступныя дѣянія", но ни словомъ не обмолвились насчетъ нашей собственной участи. Даже болѣе: для доктора въ это время я дѣлалъ рамки къ картинамъ. Онъ въ этотъ же день зашелъ ко мнѣ предупредить, чтобы я сдалъ тѣ, которыя уже сдѣланы, и больше не дѣлалъ. При нашемъ напряженномъ состояніи этого было бы вполнѣ достаточно. Мы бы поняли его совершенно правильно. Но онъ прибавилъ предательски, что, можетъ быть, скоро поѣдетъ въ Петербургъ и привезетъ еще нѣсколько картинъ, для которыхъ тоже понадобятся рамки, и тѣмъ испортилъ всю пророческую музыку.

Не знаю, были ли они увѣрены, что въ вышеназванномъ указѣ говорится и о *нашемъ* освобожденіи. Вѣрнѣе, не были, потому что всѣ прошлые манифесты столь же явственно говорили объ облегченіи участи государственныхъ преступниковъ, и это облегченіе всегда даровалось намъ только на словахъ, но не на дѣлѣ. Не даромъ же русскій народъ сложилъ мудрую, хотя немного и вульгарную пословицу: „Жалуетъ царь, да не милуетъ псарь".

И только волна всеобщаго возбужденія, поднявшаяся въ октябрьскіе дни, выбросила, наконецъ, насъ со дна нашего омута на твердый и свободный берегъ. А когда это случилось, департаментъ полиціи, какъ я скажу ниже, все-таки постарался скорѣе прописать намъ ссылку въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, несмотря на то, что нѣкоторые изъ насъ давно отбыли всѣ

сроки, допускаемые русскими законами, и при нормальномъ государственномъ порядкѣ могли бы предъявить законную претензію къ администраціи за незаконное содержаніе ихъ въ тюрьмѣ.

Однако, моментъ объявленія амнистіи пришелъ для насъ совершенно неожиданно. И тѣмъ не менѣе онъ не вызвалъ ни малѣйшей замѣтной сенсаціи.

Это было 26 октября, въ среду утромъ, около 10 часовъ. Мы по обычаю гуляли въ своихъ многочисленныхъ дворикахъ, гдѣ мы могли по желанію то оставаться наединѣ, то сходиться парами. Мы были вдвоемъ съ Морозовымъ и спокойно обсуждали какой-то теоретическій вопросъ, не имѣвшій никакого отношенія къ текущему моменту. Вдругъ дежурный отворилъ дверь и спокойно сказалъ:

— Пожалуйте въ первый огородъ.

Первый огородъ у насъ былъ очень большой. Тамъ помѣщались всѣ наши парники и по этому случаю тамъ, и только тамъ, намъ разрѣшалось быть вчетверомъ. Въ это время мы только что окончили парниковыя работы, приготовившись къ зимовкѣ и очистивши парники для будущей весенней набивки ихъ навозомъ.

На Думу то мы хоть и расчитывали, а къ весеннему посѣву все-таки готовились.

Такъ какъ въ первомъ огородѣ, въ виду такихъ его прерогативъ, была постоянная сходка въ четыре души, то неожиданное приглашеніе насъ туда мы сочли за самое обыденное явленіе. Нерѣдко и прежде кто-нибудь изъ очутившихся тамъ въ одиночествѣ звалъ такимъ образомъ черезъ дежурнаго къ себѣ компаньоновъ. Поэтому я только переспросилъ дежурнаго:

— Обоимъ итти?

— Да, оба—отвѣчалъ тотъ.

Мы спокойно вышли на тюремный дворъ, на который въ одну линію выходили всѣ двери изъ огородовъ, и тутъ увидали, что отворяютъ и другія двери, и черезъ нихъ тоже кой-кто идетъ по направленію къ этому же огороду. Черезъ нѣсколько секундъ мы вошли туда и увидали полковника Яковлева, нашего коменданта, съ бумагой въ рукахъ.

— „Ага,—сверкнула первая мысль:—чѣмъ-то пахнетъ!“ И тутъ же моментально вспыхнуло мимолетное чувство тревоги. До такой степени привыкли мы не ожидать изъ этихъ рукъ для себя ничего добраго.

Когда медленно, не торопясь, всѣ 11 человѣкъ обитателей новой тюрьмы оказались на лицо и комендантъ убѣдился въ этомъ, онъ прочелъ самую бумагу. Въ ней говорилось, что по указу Его Величества, данному пра-

вительствующему сенату, предписывается такихъ-то 8 человѣкъ [1]) освободить изъ Шлиссельбурга и отправить ихъ въ Петербургъ; Карповичу сократить срокъ наполовину, а Мельникову и Гершуни безсрочную каторгу замѣнить каторгою на 15 лѣтъ, „съ оставленіемъ ихъ въ Шлиссельбургской крѣпости по 1921 годъ“.

Нечего сказать, точно и прозорливо высчитали.

Первымъ долгомъ мы спросили коменданта, примѣняется ли эта бумага, подписанная, какъ оказалось, Треповымъ, и къ тѣмъ, кто сидитъ въ старой тюрьмѣ? Тамъ, какъ узнали мы уже въ Петербургѣ, сидѣли Сазоновъ и Сикорскій.

Отвѣчаетъ: „Примѣняется“.

Затѣмъ, мы просимъ его перевести ихъ немедленно къ намъ, но получили отказъ.

Потомъ мы начинаемъ расспросъ: что это означаетъ указъ отъ 21 октября, а вы объявляете намъ его 26-го. Гдѣ вы были пять дней и за что держали насъ здѣсь, не имѣя на то права?

Полковникъ Яковлевъ не смутился и отвѣчалъ, что онъ самъ читал въ газетахъ, какъ его грозятъ отдать подъ судъ за беззаконное содержаніе насъ въ тюрьмѣ, но что безъ спеціальной бумаги департамента полиціи онъ выпустить насъ не имѣлъ права. Бумаги же онъ до сихъ поръ не получалъ и, недоумѣвая объ этомъ, отправилъ вчера нарочнаго, который вотъ привезъ оттуда эту бумагу.

При этомъ онъ благоразумно умолчалъ, что въ департаментъ онъ ѣздилъ самъ 22-го, тотчасъ по прочтеніи этого Высочайшаго указа и, конечно, получилъ тамъ опредѣленный отвѣтъ, но какой именно, намъ въ точности неизвѣстно. Затѣмъ эту самую бумагу онъ получилъ вчера около 3-хъ часовъ вечера и счелъ для себя дозволительнымъ задержать ее почти на 20 часовъ: „Хоть день, да мой!“ Какъ ни характерна эта задержка сама по себѣ, но просидѣвши въ тюрьмѣ свыше полутора сотъ тысячъ часовъ трудно было претендовать еще на какую-то надбавку въ 20 лишнихъ часовъ.

Тутъ комендантъ высказалъ еще догадку, что повезутъ насъ, вѣроятно, въ Иркутскую губернію, потому что онъ получилъ предписаніе снабдить насъ теплой одеждою.

Моя мимолетная тревога не была напрасной: предстоявшая намъ въ перспективѣ Иркутская губернія не сулила впереди ничего особенно заманчиваго.

---

[1]) Антонова, С. Иванова, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Попова, Фроленко и меня. Девятый, Стародворскій, былъ вытребованъ въ Петербургъ вторичной телеграммой еще 25 Августа.

и потому, глядя на зіяющіе тутъ рядомъ парниковые срубы, вдругъ стало жалко покидать ихъ и мѣнять невѣдомо на что.

Къ нашей компаніи присоединилось еще нѣсколько унтеровъ, которыхъ, навѣрное, волновали грустныя предчувствія, оба помощника коменданта и докторъ. Образовалась довольно живописная сходка, на которую любовался единственный посторонній зритель—часовой, стоявшій на стѣнѣ крѣпости, какъ разъ надъ первымъ огородомъ.

Разговоры и пререканія съ начальствомъ длились не меньше часа. Я долго и внимательно всматривался въ лица собравшихся товарищей,—положительно никакого возбужденія на ихъ лицахъ не замѣчалось! Случилось то, чего давно ждали, то, что было совершенно въ порядкѣ вещей, и что давно должно было случиться. Почти у всѣхъ на лбу выступила глубокая складка и напряженное выраженіе лица выдавало одно *смущеніе* и *безпокойство* передъ открывающейся неизвѣстностью, которая можетъ быть чревата всякими неожиданностями, и передъ которой не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, найтись человѣкъ, обезсиленный и совершенно отученный отъ жизни.

И какъ всегда, чтобъ заглушить внутреннюю тревогу, мы обмѣнивались взаимно шутками и остротами, въ которыхъ выражалось наше обычное легкомысленное отношеніе къ серьезности минуты. Подъ такимъ соусомъ всякій надвигающійся кризисъ всегда воспринимался и переживался гораздо легче.

Да, наконецъ, еще будетъ впереди время,—и очень много времени,—подумать объ ожидающихъ насъ передрягахъ и невзгодахъ. Теперь же мы живемъ настоящимъ, а настоящее это означаетъ конецъ застѣнку. И потому вполнѣ умѣстны были шутки и совершенно неподдѣльныя.

Общій разговоръ скоро окончился соглашеніемъ, что мы останемся здѣсь еще два дня до пятницы, а въ пятницу къ часу намъ доставлены будутъ два пароходика, на которыхъ мы и поѣдемъ по 4 человѣка подъ усиленнымъ конвоемъ. „Ужъ извините, говоритъ: таково дано изъ Петербурга предписаніе!“

Эти же дни посвятили мы сборамъ въ дорогу, такъ какъ оказалось, что всякій можетъ взять съ собою свои вещи: кто тетради и записки, кто книги и коллекціи и разныя издѣлія. Рѣшено было также, что всѣ двери внутри тюремной ограды будутъ открыты въ теченіе этихъ двухъ дней и насъ не будутъ стѣснять въ передвиженіяхъ.

Я не дослушалъ до конца всѣхъ разговоровъ и поспѣшилъ къ себѣ въ камеру, чтобы сообразить, какъ мнѣ устроиться со своимъ имуществомъ. А имущества у меня было не мало, такъ какъ накопилось уже до 30 ящиковъ съ разными коллекціями. Послѣдній годъ я жилъ въ непрерыв-

номъ, хотя и неопредѣленномъ ожиданіи. Поэтому я не разъ уже обдумывалъ, какъ мнѣ дѣйствовать, когда придутъ, откроютъ двери окончательно и скажутъ;

— Пожалуйте въ дорогу!

Еще лѣтомъ я сдѣлалъ небольшой дорожный сундучекъ. Еще въ августѣ мы съ Карповичемъ сковали четыре толстыя скобки къ другому большому дорожному сундуку, при чемъ Карповичъ немало вышучивалъ мои преждевременные сборы. У меня въ камерѣ стоялъ собственнаго издѣлія шкапикъ. Въ рѣшительную минуту я расчитывалъ положить его на спину, къ головѣ и къ низу привинтить скобки и, такимъ образомъ, получить легко и быстро импровизованный дорожный сундукъ. Въ другой камерѣ былъ у меня низкій комодъ съ двумя выдвижными ящиками. Съ нимъ я хотѣлъ продѣлать такое же превращеніе, привинтивши тоже пару скобокъ. Оставалось попробовать, что куда уложить, и какъ уложить именно такъ, чтобы умѣстилось все въ этихъ двухъ посудинахъ.

Не буду разсказывать, какая кутерьма царила у насъ здѣсь эти два дня. Всякій это легко сообразитъ, если представитъ себѣ, напримѣръ, гостиницу съ 40 нумерами, гдѣ жильцы безвыѣздно жили лѣтъ 20, накопили тутъ всякаго хламу, и вдругъ, по приказу хозяина, всѣ одновременно должны очистить ее въ какихъ-нибудь 24 часа! Прибавить нужно еще къ этому, что мы за все это время никуда не ѣздили и ни малѣйшей сноровки въ приготовленіи къ путешествію у насъ не было. Къ тому же оно было полно неизвѣстности, всевозможныхъ препонъ и, навѣрное, конфискацій.

Изъ мастерскихъ выносили гвозди и молотки, доски и пилы, изъ города привезли чемоданы, всюду валялись „перевязочные матеріалы" и цѣлыя горы бумагъ. Эти послѣднія разбирались, раскладывались пачками и тѣ, которыя не хотѣлось передавать жандармскому осмотру, тотчасъ относились въ кузницу. Тамъ горѣлъ огонь, почти непрерывно гудѣлъ мѣхъ, непрерывно же бросали въ горно пачки бумагъ и жгли, жгли и жгли...

Впослѣдствіи мы горько пожалѣли объ этомъ всесожженіи, потому что оказалось, что ни нашихъ вещей, ни нашихъ бумагъ никто рѣшительно не задерживалъ и не осматривалъ.

Время отъ времени, утомленные безпорядочной возней и бѣготней, мы собирались всѣ 11 человѣкъ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку — а ихъ такъ много у насъ было!—и предавались прощальнымъ бесѣдамъ и изліяніямъ, наказамъ и обѣщаніямъ, а еще больше впечатлѣніямъ и догадкамъ о томъ великомъ переворотѣ, который переживаетъ родина.

Сколько лѣтъ мы его ждали! Сколько безсонныхъ ночей проведено было среди туманныхъ и яркихъ, живыхъ и смутныхъ картинъ этого по-

избѣжнаго переворота! Сколько длинныхъ-предлинныхъ дней и недѣль было пережито среди размышленій и горячихъ дебатовъ, посвященныхъ діагнозу и прогнозу того положенія дѣлъ въ Россіи, которое неминуемо вело къ этому роковому кризису, предсказанному давнымъ давно всѣми проницательными и непризнанными пророками своего отечества! И сколько же этихъ пророковъ было загублено и замучено за то, что они были дальновиднѣе другихъ и не хотѣли мириться съ порядками, которые въ настоящую минуту признаются офиціально подлежащими переустройству.

Мы дожили, наконецъ!... Мы дождались хоть къ тому времени, когда у нѣкоторыхъ истощался послѣдній запасъ героическаго терпѣнія.

Дождались!.. Едва-ли кто нибудь изъ читателей сумѣетъ ясно представить себѣ, что значитъ это *двадцать лѣтъ только и дѣлать, что ждать и, наконецъ—дождаться!*

При одной мысли объ этомъ духъ захватывало и голову кружило. Но предаваться намъ лирическимъ изліяніямъ было некогда, къ тому же везутъ насъ не на свободу, а въ невѣдомые края. Значитъ, пока что мы стоимъ еще у порога событій, имѣющихъ развернуться во всю ширь только впослѣдствіи.

Послѣ насъ въ тюрьмѣ оставалось всего только 5 человѣкъ. Изъ нихъ трое были постоянно съ нами, заботливо помогали намъ укладываться, снабжали насъ инструкціями, порученіями и совѣтами и прощались съ нами только на время и только до свиданія. Несмотря на то, что указанный въ бумагѣ годъ, — „съ оставленіемъ впредь по 1921 годъ“—былъ обозначенъ, никто, конечно, не придавалъ этому сроку ни малѣйшаго значенія. Бумага подписана была Треповымъ, а Треповъ самъ временщикъ, и надъ его бумагами, какъ и надъ нимъ самимъ, исторія скоро произнесетъ свой неумолимый приговоръ. При томъ, кто же станетъ ради пяти человѣкъ содержать цѣлую крѣпость, которая, какъ уже сказалъ смотритель, теперь же переходитъ въ вѣдомство министерства юстиціи.

И такъ, „до свиданія“, „до общей встрѣчи у работы на нивѣ народной“, въ такомъ родѣ мы написали остающимся на память, когда они попросили отъ всѣхъ насъ дать имъ автографы и пару словъ „въ альбомъ“. А потому на нашъ отъѣздъ они смотрѣли только какъ на кратковременную разлуку и, снаряжая насъ въ дорогу, совмѣстно съ нами тоже готовились къ отъѣзду, хотя и попозже насъ. Гершуни отломалъ кусокъ отъ известковой плиты изъ крѣпостной стѣны и поручилъ передать товарищамъ со словами: „Этотъ камень я вынулъ изъ крѣпостной стѣны Шлиссельбурга. Отъ васъ зависитъ разобрать эти стѣны до основанія“.

По мѣрѣ того, какъ мы ликвидировали помаленьку свое хозяйство и

свое заведеніе, возбужденіе наше возрастало. Свобода, какая-бы то ни была свобода,—все таки близилась. Первая ночь, конечно, прошла неспокойно, въ видѣніяхъ и предвкушеніи наступающей, наконецъ, воли. Но безсонная ночь не утомила насъ, и мы встали еще болѣе бодрыми и оживленными, чѣмъ были. Въ виду открывающейся перспективы, казалось, умирающій могъ-бы встать, и одряхлѣвшій старецъ сталъ-бы юнъ и подвиженъ, какъ ребенокъ!

Само наше начальство, должно быть, поддалось общему оживленію. Уже при объявленіи намъ резолюціи, наши власти значительно отмякли, бросивши обычную суровость и недоступность, сквозь которыя явно просвѣчивало желаніе показать намъ ежовыя рукавицы и досада, что нельзя это сдѣлать въ свое полное удовольствіе.

Теперь приходили они къ намъ запросто, какъ къ гражданамъ реформированнаго государства и приносили намъ лакомства, усиленно прося не обидѣть отказомъ. Смотритель принесъ отъ имени своей жены необыкновенно-пышный тортъ, а докторъ—копченыхъ сиговъ и шоколадъ. Такова натура средняго русскаго человѣка вообще, а чиновника въ частности. Онъ полонъ добрыхъ чувствъ и безкорыстныхъ желаній, но проявлять ихъ можетъ только съ разрѣшенія начальства. И да здравствуетъ, значитъ, тотъ переворотъ, который можетъ развязывать нѣмые языки и неподвижныя руки на добрыя и безкорыстныя дѣла!

Совершенно незамѣтно промелькнулъ второй день, и быстротечно пронеслась послѣдняя ночь въ Шлиссельбургѣ, послѣдняя ночь подъ этимъ гнетущимъ сводомъ, въ безмолвіи этой каменной гробницы. Послѣдняя ночь изъ почти 7.000 ночей, изъ которыхъ каждая не сулила тебѣ радостнаго пробужденія!

На утро заколачивались еще кое-гдѣ послѣдніе гвозди, увязывались послѣднія веревки, дѣлались описи и, наконецъ, къ 10 часамъ все это сдавалось въ руки солдатъ, которые выносили ихъ и препровождали прямо на пароходъ. На двухъ пароходахъ мы размѣстились по четверо, списокъ тѣхъ и другихъ дали администраціи, на вещахъ поставили свои иниціалы, сдали туда же шубы и, одѣвшись окончательно налегкѣ, вышли еще разъ на общую сходку.

Къ 12 часамъ позвали насъ на послѣдній обѣдъ, который, понятно, не лѣзъ въ горло, и покончивши съ нимъ, я взглянулъ въ послѣдній разъ на покидаемую навѣки камеру и вышелъ изъ нея съ мыслью, что есть такія жилища, которыя даже послѣ долголѣтняго пребыванія въ нихъ можно покинуть безъ всякаго сожалѣнія! Въ ней оставался еще большой шкапъ и много всякаго хлама.

Вышелъ я, согласно условію, въ тотъ же первый огородъ, гдѣ мы

должны были сойтись въ послѣдній разъ и оставаться до приглашенія въ путь. Какъ всегда передъ разлукой, царила всеобщая растерянность, въ голову и на языкъ лѣзли всякія незначущія мелочи, мысли уже уносились за предѣлы этихъ стѣнъ, гдѣ было такъ просторно и такъ заманчиво, но гдѣ насъ еще не было.

Наконецъ, появился самъ комендантъ съ помощниками.

Гершуни прочелъ намъ напутственное слово, гдѣ, между прочимъ, подсчиталъ, что мы восьмеро выносимъ отсюда на своихъ плечахъ 200 лѣтъ съ чѣмъ то тюремнаго заключенія.

Еще послѣднія объятія, и мы направились къ выходу изъ тюремнаго двора. Здѣсь на углу наши дороги расходились: молодежь повернула налѣво къ себѣ въ камеры, а мы бросили имъ въ догонку прощальный взглядъ съ чувствомъ сердечной скорби и направились направо за ворота. А выйдя здѣсь на площадь, мы обернулись назадъ окинуть взглядомъ фасадъ нашего безпримѣрнаго убѣжища и кстати поклониться въ послѣдній разъ остающимся товарищамъ, которымъ хорошо было видно наше необыкновенное шествіе, хотя мы сами видѣли сквозь двойныя рамы только однѣ смутныя фигуры ихъ.

По дорогѣ насъ невѣдомо для чего завели въ канцелярію,—вѣроятно въ знакъ того, что всякое доброе начало въ Россіи должно исходить изъ нѣдръ канцеляріи. А такъ какъ всѣ важныя событія сопровождаются рѣчами, то и полковникъ Яковлевъ счелъ нужнымъ сказать намъ нѣсколько словъ, въ которыхъ поздравилъ насъ съ освобожденіемъ и увѣрялъ насъ хотя совершенно напрасно, что онъ былъ всегда внимателенъ къ нашимъ нуждамъ и старался всякими мѣрами смягчить суровость режима, установленнаго высшими властями. Мы вынесли на всей своей нервной системѣ убѣжденіе, неизгладимо запечатлѣвшееся въ ней, какъ разъ обратное тому, что заявлялъ онъ. Тѣмъ не менѣе мы всѣ пожали протянутую имъ руку, такъ рады были мы тому, что наступилъ послѣдній моментъ и что черезъ 2—3 минуты мы вырвемся отсюда и не увидимъ больше никогда ни этого заведенія, ни его достойнаго хранителя.

Изъ канцеляріи оставалось сдѣлать до наружныхъ воротъ не болѣе сотни шаговъ по аллеѣ, густо засаженной деревьями и кустарниками. Въ эту заднюю часть крѣпости не проникалъ нашъ глазъ изъ оконъ тюрьмы. Здѣсь я уже начиналъ чувствовать растерянность, подобную той, которую испытываетъ человѣкъ, привыкшій къ видамъ петербургскихъ улицъ и очутившійся вдругъ въ незнакомомъ глухомъ лѣсу. По бокамъ дороги стояло все свободное населеніе крѣпости съ женами и дѣтьми и болѣе или менѣе экспансивно привѣтствовало насъ. Для нихъ это было столь же невиданное зрѣлище, какъ и для насъ, потому что прежнія единичныя освобожденія

совершались тайно и даже иногда ночью. Особенную сердечность обнаружили дамы, жены чиновъ нашей администраціи. Не знаю, была ли эта радость сознательна и совершенно безкорыстна, или онѣ въ своей наивности не понимали смысла совершающихся событій и того, что наше освобожденіе означаетъ закрытіе этого заведенія и лишеніе ихъ мужей насиженнаго весьма хлѣбнаго мѣста.

Еще два шага—и мы за воротами крѣпости. Моимъ глазамъ открылся просторъ, невиданный 18 съ половиной лѣтъ. И какъ ни представлялъ я себѣ заранѣе этотъ моментъ, дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія: у меня захватило духъ, закружилась голова, я пошатнулся, и, кажется, готовъ былъ упасть и потерять сознаніе.

Это длилось одно мгновеніе. Я тотчасъ овладѣлъ собою и шагалъ вровень съ другими, какъ ни въ чемъ не бывало. На берегу стояла чуть не вся сотня солдатъ, которые такъ бережно и неотступно насъ охраняли. Къ нимъ присоединились стоявшія внутри крѣпости женщины и дѣти, и берегъ сплошь наполнился народомъ, среди котораго мы спустились на плотъ. Здѣсь уже стоялъ баркасъ, готовый отвезти насъ на пароходы, стоявшіе почему-то какъ разъ противъ насъ на срединѣ рѣки. На веслахъ сидѣли тоже солдаты. Здѣсь же на плоту насъ разлучили и предложили первой четверкѣ отправляться отдѣльно на первый пароходъ. Въ баркасъ усѣлись я, Лукашевичъ, Лопатинъ и Морозовъ. Черезъ минуту мы уже причалили къ борту парохода, и не успѣли оглянуться, какъ подхваченные подъ руки, очутились въ каютѣ.

Послѣ мы узнали, что пока насъ возили на баркасѣ, къ оставшимся товарищамъ (здѣсь были Поповъ, Фроленко, С. Ивановъ и Антоновъ) успѣли прорваться дамы и, не считаясь съ этикетомъ, горячо поздравляли ихъ, пожимали руки и открыто выражали свою непритворную радость

Не просидѣли мы и двухъ минутъ въ каютѣ, какъ пароходъ сдѣлалъ поворотъ налѣво кругомъ и пошелъ полнымъ ходомъ. Къ намъ тотчасъ же явился смотритель, который составлялъ нашу свиту вмѣстѣ съ 8-ю вооруженными унтерами, и сказалъ, что мы можемъ выйти на палубу. Очевидно, эта ненужная предосторожность была принята, въ интересахъ нашей сохранности, только на то короткое время, пока пароходъ былъ неподвиженъ.

Мы не заставили себя просить, тотчасъ вылѣзли на свѣтъ Божій и здѣсь впервые оглядѣлись...

И я очень сожалѣю, что ни описать это впечатлѣніе, ни передать его другимъ я рѣшительно не сумѣю. Нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ и слабъ для того, чтобы изобразить такое положеніе. Онъ вырабатывался въ теченіе жизни всего человѣчества исключительно для того, чтобы переда-

вать впечатлѣнія обыденной жизни, думы, чувствованія и состоянія, которыя повторяются или могутъ быть повторены неоднократно. Положенія болѣе или менѣе рѣдкія мы изображаемъ словами, описывающими какое-нибудь другое положеніе, для слушателей достаточно извѣстное, и такимъ образомъ вводимъ ихъ, такъ сказать, окольнымъ путемъ въ кругъ нашихъ необыкновенныхъ чувствъ и нашихъ незаурядныхъ идей.

Но что можно сказать о положеніи, въ которомъ человѣкъ не только оказался единственный разъ въ жизни, но и былъ, можетъ быть, единственнымъ человѣкомъ, съ болѣе или менѣе нормальной головой, который пережилъ такой исключительный переломъ?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ разсказать, въ какомъ видѣ представляется и какъ дѣйствуетъ на человѣка ширь и просторъ Божьяго міра, необъятный горизонтъ и все, что видимъ въ предѣлахъ его, на человѣка, не видавшаго почти 20 лѣтъ ничего, кромѣ глухихъ сѣрыхъ мрачныхъ или грязныхъ стѣнъ? Если сравню наше состояніе съ тѣмъ рѣдкимъ состояніемъ, которое переживаетъ слѣпорожденный, который начинаетъ видѣть послѣ удачной операціи, это сравненіе будетъ невѣрнымъ, потому что слѣпорожденный ничего ранѣе не видывалъ и просто учится видѣть заново. Мы же не только видали весь этотъ видимый міръ, но и нажили громадный запасъ впечатлѣній и неразрывно съ ними связанныхъ волненій, которыя отъ времени ослабѣли, заглохли и отодвинулись въ какую-то душевную глубину, гдѣ ничѣмъ не проявляли своего присутствія.

И вдругъ, мы видимъ вновь: и берега, и воду, и лодки, и городъ, и деревню, и лѣсъ, и поле, и дорогу, и линію телеграфныхъ столбовъ, и пр., и пр.; и все это не только замѣчаешь и воспринимаешь, но въ то же время и *воспоминаешь* съ какой-то особенной натугой и съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ. Вѣдь все это когда-то видалъ. Вѣдь все это составляло когда-то частицу твоей внутренней жизни, со всѣми ея прелестями, чарами, волненіями, и надеждами. Вѣдь ты не только видалъ прежде лѣсъ и поле, но и наслаждался въ нихъ кое-какими радостями. И все это вмѣстѣ со зрительными образами было похоронено въ нѣдрахъ твоей души. И все это, можетъ быть, не воспрянуло бы никогда съ такою живостью и съ такой раздражающей силой, если-бы не удалось тебѣ увидѣть въ натурѣ этихъ предмстовъ, составлявшихъ элементы твоей угаснувшей было психической жизни.

У меня сохранилось письмо, въ которомъ я описывалъ эту поѣздку подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ровно годъ назадъ. Тамъ, между прочимъ, говорится: „Берега, обильно покрытые лѣсомъ, то плоскіе, то обрывистые, съ особенной силой приковывали къ себѣ взоры, жадные и голодные взоры, ужъ столько лѣтъ не видавшіе ничего подобнаго. И что-то смутное, да-

лекое, давно погребенное, начинало всплывать въ памяти, — и въ сердцѣ явственно дрожали какія-то новыя неслыханныя струны... Вотъ мелькнулъ дачный домикъ, отъ него дорожка къ водѣ, плотъ и лодочка. Вотъ по дорогѣ труситъ лошадка съ какимъ-то сѣдокомъ въ тележкѣ. Вотъ темная зелень сосенъ прорвалась, далѣе идетъ полянка, и на ней голая рощица съ бѣлѣющими стволами, очевидно, березъ. И все это,—и домикъ, и лодочка, и рощица,—какъ есть живые, настоящіе, подлинные, а не тѣ, что ты привыкъ видѣть только на картинкахъ, да такъ привыкъ, что настоящіе-то кажутся какими-то странными и немного забавными. Смотришь на все кругомъ и удивляешься, что видимые предметы имѣютъ близкое сходство съ чѣмъ-то давно знакомымъ, но сидѣвшимъ только въ мозгу. Такъ смотритъ человѣкъ, 20 лѣтъ страдавшій полной слѣпотой, а потомъ вдругъ чудесно прозрѣвшій"...

Такъ вотъ, въ то время, какъ всѣ нормальные люди сравниваютъ видимые предметы съ другими видѣнными ими предметами, у насъ невольно являлось сравненіе этихъ предметовъ съ чѣмъ-то сидѣвшимъ въ мозгу!

Другое сравненіе было еще курьезнѣе: мы находили, что видимые предметы не совсѣмъ похожи на тѣ, какіе изображены на картинкахъ. Вѣдь мы видали за эти годы всякіе виды природы, но видѣли только въ иллюстраціяхъ, и такъ привыкли судить о природѣ и представлять ее по этимъ картинкамъ, что настоящая то природа намъ казалась какой-то игрушечной и немного чуждой. И, напримѣръ, вода,—первое что увидали по выходѣ изъ воротъ крѣпости,—показалась мнѣ необыкновенно черной—не потому, конечно, что воспріятіе было невѣрное, а потому, что мы привыкли представлять ее по картинкамъ, гдѣ рисуется она чаще при ясномъ солнечномъ небѣ, когда и оттѣнокъ она имѣетъ совершенно другой. Долго спустя уже я передавалъ это впечатлѣніе Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ. Она вышла годомъ ранѣе и уѣзжала въ концѣ сентября. Она тоже обратила вниманіе на этотъ цвѣтъ воды и даже подумала: вотъ если-бы зарисовать ее точно въ такомъ видѣ,—никто бы не повѣрилъ, что вода можетъ быть такъ черна.

Однако, въ первыя минуты, очутившись на палубѣ, мы устремляли свои взоры не столько на широкое раздолье вольнаго міра и темную зыбь красавицы-Невы, сколько на ту каменную твердыню, гдѣ мы оставили лучшую часть своей жизни. И не мудрено. Тамъ именно было похоронено нами столько друзей и столько гордыхъ думъ, горячихъ сердечныхъ порывовъ, безкорыстныхъ стремленій и пережито еще болѣе тяжкихъ неизгладимыхъ страданій! Тутъ только я впервые и вполнѣ могъ разсмотрѣть внѣшній видъ этой могилы, изъ которой мы какимъ то чудомъ

вышли, хотя были всѣ шансы и намъ, подобно многимъ и многимъ товарищамъ, сложить здѣсь свои буйныя кости!..

Мрачныя и угрюмыя стѣны, выходящія почти прямо изъ воды, производятъ необыкновенно тяжелое впечатлѣніе на человѣка, отлично знакомаго съ тѣмъ, что именно содержится внутри этой молчаливой и зловѣщей гробницы. Повернувшись назадъ, мы долго еще не отрывали глазъ отъ быстро удалявшейся крѣпости, которая, теряясь вдали, становилась еще болѣе мрачной и еще болѣе угрожающей. Даже уѣзжая отсюда, нельзя было отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Какъ удавъ съ раскрытой пастью гипнотизируетъ сидящую на вѣткѣ птичку, такъ гипнотизировало и насъ это чудовище и заставляло наши мысли невольно витать въ тѣхъ камерахъ, изъ которыхъ мы такъ счастливо вырвались, и въ которыхъ въ печальномъ одиночествѣ пока еще остались трое нашихъ товарищей.

Наконецъ, еще нѣсколько мгновеній, рѣка сдѣлала крутой изгибъ и за поворотомъ скрыла отъ насъ навсегда этотъ злополучный островъ.

Пароходы все бѣжали и бѣжали другъ за другомъ. А мы все смотрѣли, смотрѣли и смотрѣли, пожирая глазами съ одинаковой жадностью все, что ни встрѣчалось на пути. И все, что ни встрѣчалось, одинаково волновало насъ и одинаково ударяло въ голову, какъ ударяетъ въ голову рюмка вина у непривыкшаго къ нему.

Когда продрогшіе и утомленные мы спустились въ каюту погрѣться, тамъ на столѣ оказались четыре свертка съ парой котлетъ въ каждомъ, съ кускомъ пирога и бисквитами. Это предусмотрительный комендантъ (начальникъ управленія) снабдилъ насъ ужиномъ, изъ опасенія, что въ Петербургѣ насъ уложатъ спать голодными. Сказать по правдѣ, мы не были тронуты этой заботливостью: слишкомъ много горя приняли мы изъ тѣхъ же предусмотрительныхъ рукъ!

Мы братски раздѣлили трапезу съ восьмью вооруженными спутниками: недаромъ же мы съ нѣкоторыми изъ нихъ прожили не менѣе 15 лѣтъ бокъ-о-бокъ и, что называется, видали всякіе виды.

Обогрѣвшись и подкрѣпившись, мы снова вышли на палубу и увидали уже бѣгущій по берегу трамвай, должно быть близъ конечнаго его пункта по шлиссельбургскому тракту. Надвигались сумерки. Берегъ бѣжалъ попрежнему и съ утомительнымъ разнообразіемъ развертывалъ картину за картиной. Едва-ли со временъ поселенія здѣсь человѣка плавали по Невѣ люди, которые смотрѣли бы на ея унылые и монотонные берега съ такимъ захватывающимъ интересомъ, съ такимъ наслажденіемъ и очарованіемъ, съ какимъ смотрѣли мы тогда. Да, какъ прекрасенъ Божій свѣтъ, если взглянуть на него дѣвственными очами въ первый день своего второго рожденія! Какъ все въ немъ прелестно, жизнерадостно и гармонично!

И какой восторгъ и раздолье очутиться снова на лонѣ этой природы, ея вольнымъ сыномъ, способнымъ двигаться и двигаться безъ конца, все видѣть, осматривать и располагаться тутъ и тамъ по собственному произволенію. Мы пьянѣли отъ однихъ только видовъ, потому что подъ ногами у насъ все-таки было еще не лоно природы, а голая и уединенная палуба, и везли насъ не на вольный просторъ, а въ приснопамятную Петропавловскую крѣпость.

Теперь на насъ уже надвигается городъ. И справа, и слѣва, и спереди, и сзади, какъ гигантскіе указательные пальцы торчали въ небо фабричныя трубы. Да и сколько же ихъ здѣсь! Вотъ онъ, капитализмъ-то, бывшій еще подъ сомнѣніемъ въ тѣ годы, когда мы покидали міръ! Вотъ они, огромныя зданія съ сотнями оконъ, уже сверкающихъ то газомъ, то электричествомъ, гдѣ зрѣютъ теперь новыя думы и гдѣ организуются стойкіе ряды защитниковъ правъ новаго русскаго гражданина!

Такъ мы доѣхали до Смольнаго, привѣтствуя этотъ огромный городъ, въ которомъ куются судьбы Россіи, а въ томъ числѣ и наши личныя. Наконецъ, по настоянію охраны, мы спустились въ каюту. Пароходъ прибавилъ ходу, мелькнули въ стеклянный потолокъ два ярко освѣщенныхъ моста, и минутъ черезъ 10 мы причалили къ воротамъ крѣпости, гдѣ на обширной гранитной площадкѣ снова сошлись всѣ восьмеро со всѣми 18-ю стражниками.

Пока шли какія то формальности, мы долго стояли, любуясь невиданными огнями мостовъ и набережныхъ. На небѣ висѣлъ дискъ луны, но такой мутный и блѣдный въ петербургскомъ мглистомъ воздухѣ, что мы не вдругъ распознали его и отличили отъ фонаря, неподалеку отъ котораго онъ стоялъ.

Наконецъ, за нами пришла новая стража, скомандовали итти, и мы сомкнутой колонной душъ въ тридцать двинулись въ свою новую, печальной памяти, квартиру. Извѣстно вѣдь, что въ царство свободы, какъ въ царство небесное, нужно проходить черезъ разныя мытарства.

Здѣсь мнѣ пришлось провести еще ровно 25 сутокъ. Шестерымъ товарищамъ значительно меньше. Первымъ долгомъ мы хлопотали, чтобы насъ выпускали на прогулку не въ одиночку на четверть часа, какъ тамъ полагалось, а всѣхъ вмѣстѣ, что въ сложности дастъ 2 часа ($^1/_4$ ч. $\times$ 8). На другой же день къ Лопатину пришли на свиданіе его братъ и сынъ. А затѣмъ свиданія установились для насъ по 8 раза въ недѣлю, и постепенно родственники наѣзжали къ каждому изъ насъ. Наши друзья успѣли уже спозаранку послать имъ извѣщеніе. Каждый изъ этихъ дней свиданій приносилъ намъ бездну новостей и впечатлѣній, которыми на прогулкѣ мы обмѣнивались и тѣмъ еще болѣе усиливали ихъ возбуждаю-

щее дѣйствіе. Но первую новость принесли намъ неродные, а тюремщики, — въ видѣ бумаги, которую мы тщательно скопировали.

Самое интересное въ этой бумагѣ было твердое намѣреніе департамента полиціи упечь насъ еще въ ссылку на 4 года, въ томъ числѣ нашихъ старцевъ, просидѣвшихъ неизбывно въ заточеніи около 25 лѣтъ.

На свиданіяхъ намъ сказали, чтобы мы на эту бумагу не обращали вниманія, ибо дѣло о нашей судьбѣ куется помимо департамента. А дѣло это клонится къ тому, чтобы отправить каждаго изъ насъ на родину или къ роднымъ временно на поруки, такъ какъ, по общему мнѣнію, не сегодня завтра совершится окончательный поворотъ въ сторону пяти свободъ, и всѣ пострадавшіе за нихъ, конечно, будутъ отпущены на всѣ 4 стороны.

Общее согласіе на такую поруку, говорятъ, подписалъ еще Треповъ, въ день своей отставки, а затѣмъ выправляли бумаги о каждомъ въ отдѣльности, по мѣрѣ прибытія и явки родныхъ. Являлись же они, вслѣдствіе забастовки желѣзныхъ дорогъ, съ большой медлительностью.

Мой братъ, котораго извѣстили о моемъ положеніи, не имѣлъ возможности своевременно пріѣхать въ Петербургъ. А такъ какъ, по словамъ упомянутой мною раньше княжны Д.-Корсаковой, которая зашла и здѣсь ко мнѣ на нѣсколько минутъ, и митрополитъ Антоній и архіепископъ финляндскій Сергій готовы были заступить здѣсь мѣсто моихъ родныхъ, то я отдался въ ихъ распоряженіе и, такимъ образомъ, очутился въ Выборгѣ.

Въ маѣ этого года, по докладу министра юстиціи Щегловитова, моимъ товарищамъ разрѣшено отбывать ссылку въ предѣлахъ Европейской Россіи, въ мѣстностяхъ по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Но такъ какъ я лично живу въ предѣлахъ Финляндіи, гдѣ пользуюсь покровительствомъ ея законовъ и гдѣ нѣтъ мѣста никакому „усмотрѣнію", то объ этомъ бюрократическомъ усмотрѣніи меня даже не извѣстили.

Но я забѣжалъ впередъ. Ужасная Петропавловка, которая теперь вполнѣ демократизировалась, потому что количество побывавшихъ въ ней лицъ уже исчисляется не десятками и сотнями, а тысячами и даже многими тысячами, не произвела на насъ такого впечатлѣнія, какъ на новичковъ. Въ общемъ она имѣла тотъ же удручающій видъ, что и 20 лѣтъ назадъ, хотя кое-что было ремонтировано, и подкрашено. Но на насъ эта внѣшность уже совсѣмъ не дѣйствовала. Даже унылый перезвонъ курантовъ на колокольнѣ, отбивающій каждую четверть часа похоронный маршъ всякому новичку, оказавшемуся во власти этой музыки, для насъ, по крайней мѣрѣ для меня лично, звучалъ игривою мелодіею, вселяющей увѣренность въ торжествѣ началъ свободы и жизни.

Правда, мы тотчасъ почувствовали массу мелкихъ житейскихъ не-

удобствъ, переносить которыя мы уже отвыкли. Тутъ была голая камера, желѣзный столъ, кровать, и ничего больше. Ни ножей, ни вилокъ, ни гребенки, ни бумаги, ни чернилъ, ни стула. Читать и писать, особенно вечеромъ, можно было только сидя на кровати въ крайне неудобной позѣ. Но что значатъ всѣ такіе пустяки,—будь ихъ цѣлый милліонъ,—при томъ самочувствіи, которое охватываетъ человѣка, когда онъ стоитъ у вратъ свободы!

Къ тому же со стороны друзей и родныхъ мы встрѣтили такую бездну участія, сердечной пріязни, радушія и готовности скрасить намъ эти послѣдніе переходные дни, что они сдѣлались для насъ, дѣйствительно однимъ сплошнымъ праздникомъ. Мы были, можно сказать, подавлены такимъ обиліемъ житейскихъ благъ, неожиданно свалившихся на насъ, что должны были, наконецъ, серьезно запротестовать и настоять, чтобы больше намъ не приносили ничего. Сказать кстати, казенная пища въ крѣпости въ это время была вполнѣ удовлетворительна и неизмѣримо лучше той, какую мы покинули въ Шлиссельбургѣ.

Самое забавное, что случилось здѣсь съ нами, это перемѣна костюма и превращеніе въ обще-культурный видъ. Мы пріѣхали сюда въ казенной одеждѣ и въ ней могли бы выйти и на свободу, если бы наши близкіе не позаботились экипировать насъ. Прежде всего они доставили намъ метровую ленту и мы на дворѣ, при ноябрьской слякоти, раздѣвали другъ друга и снимали размѣры всѣхъ частей тѣла. Затѣмъ, по даннымъ записямъ, костюмы доставлялись намъ въ камеру, гдѣ мы ихъ выбирали, примѣряли, надѣвали и, наконецъ, появлялись на дворъ другъ передъ другомъ въ болѣе или менѣе преображенномъ видѣ. За долгое время сожительства вмѣстѣ мы такъ привыкли къ одной и той же внѣшности другъ друга, что эта новая костюмировка, и при томъ каждая на свой ладъ, смѣшила и потѣшала насъ, какъ настоящій маскарадъ.

Смотря по настойчивости родныхъ того или другого изъ насъ, бумажныя формальности благополучно оканчивались у однихъ скорѣе, у другихъ медленнѣе. Съ вечера предупреждали то одного, то другого, и каждые два-три дня мы съ кѣмъ-нибудь прощались, пока я не остался только вдвоемъ съ П. Л. Антоновымъ. Его дѣло было хуже всѣхъ, потому что мать его по дряхлости не могла пріѣхать лично, а Дурново, не забывшій старыхъ счетовъ съ нимъ, хотѣлъ упечь его на дальній сѣверъ, вмѣсто желаннаго имъ юга. Наконецъ, объявили и мнѣ 21 ноября бумагу подъ расписку, а въ ней говорилось, что я подлежу ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, „но въ виду невозможности меня отправить въ оную, вслѣдствіе загражденія этапныхъ путей“, меня отправляютъ въ Выборгъ къ архіепископу Сергію, для каковой цѣли за мной долженъ явиться жандармскій

полковникъ Гришинъ. Этотъ же полковникъ развозилъ до вокзала и всѣхъ моихъ товарищей.

Я забылъ сказать, что 2 сундука со своими коллекціями я уже давно передалъ въ надежныя руки, поручая водворить ихъ въ будущій Народный Университетъ. Завѣдующій тюрьмой полк. Веревкинъ, который съ нами былъ чрезвычайно любезенъ и снисходителенъ, какъ и всѣ нынѣшніе чины въ крѣпости, предупредилъ меня наканунѣ, чтобы я уложилъ свои вещи и утромъ былъ въ полной готовности. Послѣдній вечеръ я провелъ совершенно незамѣтно среди гробовой тишины, такъ какъ камеры кругомъ постепенно совсѣмъ опустѣли. Совершенно спокойно провелъ я и свою послѣднюю ночь подъ замкомъ.

Изъ газетъ, которыя украдкой намъ приносили родные, я зналъ уже часы отхода поѣздовъ въ Выборгъ и потому ждалъ своего спутника къ первому утреннему поѣзду. Но онъ запоздалъ на цѣлый часъ, а потому, сядясь съ нимъ въ карету, въ которой было еще 2 нижнихъ чина, я спросилъ его:

— Кажется, мы уже опоздали къ поѣзду?

— Да мы ѣдемъ не на вокзалъ,—отвѣчалъ онъ.

— Куда же мы ѣдемъ?

— Въ лавру, къ митрополиту.

— А почему же объ этомъ ни слова не сказано въ моей бумагѣ?

— Не знаю. Но я имѣю на этотъ счетъ особое предписаніе.

Это было для меня неожиданнымъ сюрпризомъ. Ну, „иди, сажай меня въ карету, вези куда-нибудь“, подумалъ я словами Грибоѣдова. Предстояло проѣхать весь городъ насквозь. И уличное движеніе, и людская суголока, которыя я могъ видѣть изъ окна, были для меня неожиданной находкой. Полковникъ зналъ, что онъ везетъ человѣка, который не видывалъ ничего этого съ незапамятныхъ дней. Но онъ все-таки приказалъ окно завѣсить занавѣской.

— Вотъ если бы они,—показалъ онъ на жандармовъ,—были въ штатскомъ платьѣ, тогда можно бы. Но я все-таки приподнялъ краешекъ занавѣски и впился глазами въ мелькавшія передо мной картины.

Какая масса людей! И какія все привлекательныя и пріятныя лица! Какъ мило они улыбаются, встрѣчаются и здороваются и какъ радостно почему-то всѣ настроены! И вѣдь совсѣмъ не подозрѣваютъ, что ѣдетъ тутъ среди нихъ и наблюдаетъ ихъ такой рѣдкій, изголодавшійся зритель, для котораго вся эта обыденщина есть сплошное парадное и торжественное зрѣлище. И какъ странно, что рѣшительно никто не подозрѣваетъ здѣсь моего присутствія, между тѣмъ, какъ черезъ какой-нибудь часъ, вырвавшись изъ цѣпкихъ рукъ полковника Гришина, я могу появиться

среди этой толпы лицомъ къ лицу, стать членомъ ея и чувствовать, чувствовать безъ конца одно сплошное наслажденіе! Да и какое, дѣйствительно, безконечное наслажденіе быть въ толпѣ, видѣть ея постоянное движеніе, ея ежеминутныя смѣны лицъ и костюмовъ, ходить среди нихъ, смотрѣть и смотрѣть безъ отдыха и чувствовать, что ты находишься среди себѣ подобныхъ, а не одинъ, какъ перстъ на необитаемой скалѣ, въ безнадежномъ и роковомъ одиночествѣ!

Да, весьма досадно, что человѣкъ кругомъ себя въ обыденныхъ житейскихъ встрѣчахъ имѣетъ неисчерпаемый источникъ наслажденія, но по своей привычкѣ остается равнодушенъ и совершенно не замѣчаетъ этого! И чтобы понять, какъ слѣдуетъ, оцѣнить и, главное, *почувствовать*, что такое для насъ простая людская толпа и что значитъ весь окружающій насъ міръ, міръ культурной жизни и дикой природы, для этого нужно лишиться всего этого на продолжительное время. И какъ тяжко въ свое время было страданіе отъ самаго факта лишенія всего этого, такъ въ свою очередь полны очарованія и неизъяснимой прелести всѣ первыя впечатлѣнія, которыя возникли при новой встрѣчѣ съ людьми и природой, и со всѣмъ, что такъ долго и абсолютно было недоступно.

Популярная научная истина, что человѣкъ есть общественное животное была познана нами на опытѣ и прочувствована всѣми фибрами души. Но я прибавилъ бы къ этому, что человѣкъ есть не только соціальное животное, но и сынъ или членъ природы, вырванный изъ которой онъ также тоскуетъ и страдаетъ, какъ и въ отсутствіи себѣ подобныхъ.

Но изъ всѣхъ уличныхъ встрѣчъ мнѣ наиболѣе памятны встрѣчи съ дѣтьми. Взрослыхъ я все-таки видѣлъ, дѣтей же только рѣдко и притомъ издали. А теперь я видѣлъ ихъ часто чуть не у самого окна кареты и они казались мнѣ особенно смѣшными, какъ какіе-то игрушечные люди. И какъ необычайно и забавно было наблюденіе великаго города и тысячной толпы людей въ узкую щель кареты, которая сама тонула въ массѣ экипажей! Гдѣ нибудь на перекресткахъ движеніе задерживалось, кучки лицъ стояли всего въ двухъ шагахъ отъ меня, и имъ въ голову не приходило, что своимъ видомъ доставляютъ такое неизъяснимое удовольствіе находящемуся рядомъ одичавшему выходцу изъ подземелья!

У митрополита я прожилъ двое сутокъ. Былъ праздникъ, и я зашелъ ко всенощной, какъ разъ къ тому времени, когда поютъ „Хвалите имя Господне“. Митрополичій хоръ всегда славился своимъ искусствомъ. Но когда онъ запѣлъ, у меня градомъ брызнули слезы и я долженъ былъ тотчасъ же уйти изъ церкви. Потомъ долго такимъ же образомъ дѣйствовала на меня музыка на рояли, пока я постепенно привыкъ къ ней.

Впечатлительность ко всему, очевидно, была ненормально повышенная.

Какъ наши руки становятся нѣжными и тонкими въ отсутствіи грубой и черной работы, такъ точно и наши нервы становятся нѣжными и слабыми въ отсутствіи обычныхъ впечатлѣній, которыя придаютъ имъ нѣкоторую загрубѣлость.

И много времени еще потомъ приходилось пріучать эту ослабленную нервную организацію къ нормальной дѣятельности.

Если бы въ нашемъ отечествѣ процвѣтала наука о человѣкѣ, всѣ мы, выходцы съ того свѣта, были бы рѣдкими и весьма интересными экземплярами для научныхъ наблюденій. Но, увы, не до науки у насъ теперь!

Не легко было перенести весь этотъ переломъ жизни, при которомъ нервная система, совершенно отвыкшая отъ дѣятельности, вдругъ должна была начать активно реагировать на безчисленное множество возбужденій, совершенно незамѣтныхъ для нормальнаго человѣка, но очень замѣтныхъ и болѣзненно замѣтныхъ для насъ.

Лично я перенесъ этотъ переломъ еще сравнительно легко, можетъ быть, благодаря нѣкоторой флегматичности своего темперамента. Но нѣкоторые изъ товарищей очень страдали отъ этого, одинъ сильнѣе, другіе менѣе. А трое изъ вышедшихъ ранѣе насъ совсѣмъ не вынесли всей тяжести жизни, открывшейся для нихъ, и покончили съ собой. Нѣкоторые жаловались мнѣ, что утратился какъ-то безо всякой причины самый интересъ къ жизни, что ко всему окружающему чувствуется какое то постылое равнодушіе, что становится совершенно безразличнымъ—жить или умереть. Еще бы! Мы столько лѣтъ непрерывно умирали и столько разъ думали о смерти, какъ единственной избавительницѣ отъ нашихъ напастей, что смерть перестала казаться намъ пугаломъ, какъ она кажется для всѣхъ смертныхъ, а представляется чѣмъ-то въ высокой степени близкимъ и привычнымъ.

Я только долго страдалъ отъ чувства неувѣренности и растерянности, подобнаго тому, которое испытываетъ, напримѣръ, новичекъ, попавшій въ многолюдный бальный залъ. Онъ кажется неловкимъ и робкимъ и боится, что всѣ замѣчаютъ его неловкость и всѣ обращаютъ на него вниманіе. Я тоже чувствовалъ такую же неловкость на людныхъ улицахъ. А на незнакомой дорогѣ или при входѣ въ незнакомую квартиру я терялся и мнѣ казалось, что я не попаду туда, куда мнѣ нужно.

Самые обычные житейскіе акты, самыя обычныя обращенія къ людямъ и съ людьми мнѣ казались необычайными, и я каждый разъ боялся сдѣлать ничтожный шагъ и мучился отъ мысли, какъ нужно сдѣлать и такъ ли я дѣлаю. Чувствовалась безпомощность, въ родѣ той, которую испытываетъ ребенокъ, пока не окрѣпнетъ на ногахъ. И какъ на ребенка дѣй-

ствуетъ ободряюще присутствіе няньки, которая можетъ поддержать его въ случаѣ паденія, такъ ободряюще дѣйствовало на меня присутствіе товарища, жителя этого міра, который умѣетъ ходить по улицамъ и можетъ провести меня и помочь мнѣ исполнить все, что нужно и что всякій взрослый человѣкъ исполняетъ безъ всякихъ помощниковъ. Очевидно, мы почти впали въ дѣтство.

Затѣмъ память на имена и лица, на мѣста, слова, рѣчи и звуковые мотивы, словомъ память зрительная и слуховая была необычайно слаба. Вѣдь намъ негдѣ было практиковать ее и она атрофировалась отъ бездѣйствія. До сихъ поръ еще она далеко не вошла въ норму, и я забываю лица, съ которыми рѣдко встрѣчаюсь, и имена, которыя рѣдко употребляю.

Когда мнѣ приходилось бывать въ небольшомъ даже обществѣ, я чувствовалъ въ немъ полную растерянность. Ни слѣдить за разговоромъ, ни говорить для всѣхъ разомъ, ни отзываться на вопросы, ни возражать, особенно сразу нѣсколькимъ лицамъ и на нѣсколько мыслей, я совершенно не могъ. Пока я вдвоемъ, втроемъ, даже вчетверомъ, я чувствовалъ себя нормально, — вѣдь это допускалось и въ Шлиссельбургѣ. Но присутствіе десятка лицъ уже повергали меня въ смущеніе и я чувствовалъ какую-то странную стѣсненность — точно сковали мой языкъ и мои мысли. Это не была простая конфузливость или застѣнчивость, свойственная очень юному возрасту и знакомая мнѣ когда-то, а что-то новое, что чувствуется нѣсколько иначе.

Прибавлю еще, что я и до сихъ поръ испытываю огромное удовольствіе при всякомъ передвиженіи. И, напримѣръ, сидя въ вагонѣ, я наслаждаюсь, если смотрю въ окно на мелькающіе мимо пейзажи, и даже несмотря за окно, я чувствую сильное удовольствіе отъ самого процесса ѣзды. Не сказывается ли здѣсь высокая научная истина, что жизнь вообще, и жизнь человѣка въ частности, состоитъ въ *движеніи*.

И что механическое перемѣщеніе чувствуется, какъ яркое проявленіе жизни, и радуетъ, какъ рѣзкая противоположность тому неподвижному мертвенному застою, въ которомъ похоронены лучшіе, дѣятельные годы?

И да будутъ прокляты, поэтому, тѣ порядки, которые обрекаютъ на неподвижность и держатъ въ цѣпяхъ такую всемірно-историческую силу, какъ человѣческая энергія!

По выходѣ, на волѣ мнѣ пришлось однажды услыхать вопросъ: не жалѣю ли я теперь о загубленной жизни? — „Ни въ какомъ случаѣ“, — отвѣчалъ я тогда, и повторяю то же публично.

Политическая свобода есть такое высокое общественное благо, за которое можно и всю жизнь отдать, не только лучшіе ея годы. Безспорно, тяжко умирать въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Но сознаніе того, *во имя чего* умираешь, — вселяетъ такую бодрость и спокойствіе духа, при которомъ сожалѣніямъ нѣтъ мѣста.

А если къ тому же при выходѣ на волю замѣчаешь, что торжествуютъ или пробиваются къ торжеству самыя завѣтныя твои чаянія, то это зрѣлище доставляетъ такое нравственное удовлетвореніе, при которомъ не чувствуешь понесенныхъ утратъ и ради достиженія котораго можно безъ колебаній принести такую личную жертву.

М. Новорусскій.

26 октября 1906 года.
Выборгъ.

Банкетная кампанія въ Саратовѣ.

(1904—1905).

I.

...Банкетная кампанія открылась въ Саратовѣ съ первыхъ чиселъ ноября 1904 г. Съ тѣхъ поръ, какъ кн. Святополкъ-Мирскій произнесъ свои крылатыя слова о „довѣріи къ общественнымъ дѣятелямъ" и, наперекоръ стихіямъ, въ русской политической жизни началась весна,—либеральная оппозиція оживилась и воспрянула духомъ. Она почувствовала, что послѣ долгихъ лѣтъ гоненій насталъ, наконецъ, и ея часъ. Она поняла, что старый абсолютизмъ доживаетъ свои послѣдніе дни, и рѣшила выдвинуться какъ можно дальше впередъ для того, чтобы быть первой наслѣдницей умирающаго режима. Ея новое, „весеннее", радужное настроеніе искало внѣшнихъ формъ для своего „оказательства", искало и, конечно, находило.

Сначала это оказательство ограничивалось либеральными салонами и гостиными; затѣмъ оно перешло въ культурныя общества, городскія думы, уѣздныя земскія собранія, засыпавшія кн. Святополкъ-Мирскаго цѣлымъ дождемъ привѣтственныхъ телеграммъ; затѣмъ и общества, и думы, и собранія показались слишкомъ тѣсными для достойнаго проявленія чувствъ, охватившихъ либеральную оппозицію; захотѣлось широкой толпы, не вполнѣ узаконенныхъ выступленій, большихъ политическихъ собраній европейскаго типа... Тогда начались банкеты съ рѣчами и резолюціями.

Эти общія причины, создавшія банкетную кампанію по всей Россіи, нашли въ Саратовѣ сильную поддержку въ спеціально-мѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Городъ мелкой буржуазіи и интеллигенціи, Саратовъ всегда былъ и донынѣ остается однимъ изъ наиболѣе передовыхъ городовъ Россіи. Было бы, однако, большой ошибкой считать его крупнымъ *революціоннымъ* центромъ, подобнымъ Лодзи, Екатеринославу, Тифлису. Саратовъ—городъ оппозиціи, но не городъ революціи, царство демократіи, но не соціальной демократіи. И это неудивительно: Саратову не достаетъ многочисленнаго пролетаріата, не достаетъ сильнаго и широкаго рабочаго движенія. Его

рабочее населеніе не очень велико: 7—8 тыс. фабричныхъ рабочихъ, да около 15.000 ремесленниковъ. При 200-тысячномъ населеніи города это не такъ-то много.

Иное дѣло мелкая буржуазія и интеллигенція — онѣ составляютъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети городского населенія. Торговцевъ, лавочниковъ, мелкихъ хозяйчиковъ, содержателей пивныхъ, разныхъ скупщиковъ, перекупщиковъ и пр. въ Саратовѣ безконечное множество. Они, можно сказать, составляютъ основной фонъ его соціальной жизни, а на этомъ фонѣ вырисовываются уже всѣ остальные элементы.

Почти также много въ Саратовѣ интеллигенціи. Либеральное земство, сравнительно либеральная дума (въ прошломъ, конечно), управленіе Рязано-Уральской ж. д., масса культурныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и цѣлый рядъ другихъ учрежденій всегда служили притягательной силой для широкихъ круговъ интеллигенціи, давая ей средства къ существованію и точку приложенія для использованія своихъ силъ. Не надо забывать также, что долгое время Саратовъ служилъ однимъ изъ центровъ политической ссылки.

При такомъ составѣ своего населенія, Саратовъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только городомъ стойкой и рѣшительной, но по преимуществу *мирной* демократической оппозиціи. Конечно, въ 1905 г. эти мирныя тенденціи выдерживать удавалось не всегда. И въ январѣ, и въ октябрѣ, и въ декабрѣ Саратовъ пережилъ и всеобщія забастовки, и уличныя манифестаціи, и столкновенія съ войсками, и многія другія революціонныя выступленія. Но вѣдь это же было въ годъ революціи, когда камни говорили человѣческимъ голосомъ и кадеты требовали Учредительнаго Собранія. И, однако, даже въ этотъ великій годъ въ области *революціонныхъ* выступленій Саратовъ не создалъ ничего оригинальнаго, ничего особенно рѣзко выдающагося сравнительно съ десятками другихъ городовъ.

Зато тѣмъ большимъ блескомъ отличалась въ Саратовѣ банкетная кампанія—эта форма либерально-демократическаго движенія par excellence. Въ этомъ отношеніи Саратовъ превзошелъ большинство другихъ городовъ, можно даже сказать,—былъ въ своемъ родѣ единственнымъ городомъ въ Россіи.

II.

Первый банкетъ или, по крайней мѣрѣ, зародышъ банкета происходилъ 2 ноября на вокзалѣ при проводахъ либеральныхъ земцевъ, уѣзжавшихъ на знаменитый земскій съѣздъ 6—9 ноября. Уѣзжали А. Д. Юматовъ, М. В. Безобразовъ, Н. Н. Львовъ, А. М. Масленниковъ и, кажется, еще кто-то. Проводить отъѣзжающихъ собралось человѣкъ 150 земскихъ и городскихъ гласныхъ, третьяго элемента, врачей, адвокатовъ и т. д. Былъ кое-кто и изъ радикальной интеллигенціи. Въ залѣ перваго класса былъ устроенъ

импровизированный банкетъ: подали шампанское, начались тосты, рѣчи о современномъ моментѣ, совѣты, наказы, пожеланія. Если не ошибаюсь, кто-то изъ представителей третьяго элемента поднесъ отъѣзжающимъ адресъ отъ имени земскихъ служащихъ, въ которомъ были изложены ихъ политическія требованія. Въ заключеніе всѣ вышли на перронъ, и кое-кто изъ провожавшихъ затянулъ было марсельезу. Но тутъ жандармскому терпѣнію пришелъ конецъ, жандармскій офицеръ подбѣжалъ къ толпѣ, цыкнулъ на нее и погрозилъ, въ случаѣ неповиновенія, принять суровыя мѣры. Пѣніе оборвалось, однако, никто не былъ арестованъ: все-таки это былъ либеральный банкетъ, а не мятежная рабочая сходка. Въ тѣ времена съ этимъ считались.

Черезъ два дня—4 ноября—въ Нѣмецкомъ клубѣ состоялся уже настоящій банкетъ, устроенный подъ предлогомъ выработки наказа уѣхавшимъ въ Петербургъ делегатамъ. На банкетѣ присутствовало человѣкъ 400—все цвѣтъ саратовскаго либеральнаго общества. Впрочемъ, понятіе либерализма толковалось устроителями банкета очень широко и, поэтому, въ числѣ „званныхъ" оказались и такіе люди, которые и въ то время возбуждали сильное сомнѣніе въ своемъ либерализмѣ, а впослѣдствіи открыто стали на сторону контръ-революціи.

Зато по отношенію къ демократіи были приняты необходимыя предохранительныя мѣры: во-первыхъ, пригласительные билеты на банкетъ, распространявшіеся членами освобожденческаго комитета, давались демократамъ крайне неохотно, а, во вторыхъ, плата за билетъ назначена была очень высокая (если память мнѣ не измѣняетъ, 2 руб.), и этотъ „цензъ" вполнѣ гарантировалъ устроителямъ „приличный" составъ собранія.

Я лично на банкетѣ въ клубѣ не присутствовалъ и знаю о немъ лишь по разсказамъ. Но и то, что о немъ разсказывали, производило въ то время немалое впечатлѣніе. Говорили, что на банкетѣ царило необыкновенно приподнятое настроеніе, что ораторы—лучшіе либеральные ораторы въ городѣ!—произнесли блестящія рѣчи на тему о современномъ положеніи вещей, что въ заключеніе была принята подробная резолюція съ цѣлымъ рядомъ политическихъ требованій (четырехъ-членной избирательной формулы въ ней, однако, еще не было), и что полиція всему этому не только не препятствовала, но даже какъ будто относилась съ сочувствіемъ: по крайней мѣрѣ, полицейскій нарядъ, стоявшій у дверей клуба—внутрь полиція не входила—велъ себя въ высшей степени корректно и предупредительно.

Это послѣднее обстоятельство производило особенно сильное впечатлѣніе.

Впрочемъ, не одно только благоволеніе полиціи привлекало тогда наше вниманіе къ либеральному движенію. Нѣтъ, самый фактъ возникновенія этого движенія заставлялъ насъ серьезно задумываться, ибо сразу опрокидывалъ вверхъ дномъ всѣ наши сложившіеся взгляды и представленія. Мы, соціалъ-демократы,

такъ привыкли повторять слова Плеханова, что „русская революція восторжествуетъ, какъ рабочая революція, или вовсе не восторжествуетъ", такъ привыкли третировать либеральную оппозицію, какъ своего рода quantité negeigeable, и смѣяться надъ ея трусостью и пристрастіемъ къ легальности, что теперь были поражены въ самое сердце. Какъ? Та самая либеральная оппозиція, которая только умѣла подавать прошенія и возбуждать ходатайства, вдругъ обнаруживаетъ извѣстную жизненность и смѣлость! Она устраиваетъ неразрѣшенные банкеты, она произноситъ „крамольныя" рѣчи, она пытается организоваться! И не только организоваться: она становится во главѣ начинающагося движенія и фактически завоевываетъ нѣкоторыя свободы! Она быстро и увѣренно идетъ впередъ, между тѣмъ какъ мы, патентованные представители революціи, принуждены оставаться на нашихъ старыхъ позиціяхъ и попрежнему дѣйствовать во мракѣ подполья!

Въ нашей, столь цѣльной прежде с.-д. психологіи, начинала образовываться замѣтная трещина. Цѣлый комплексъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ—зависти, злобы, раздраженія, оскорбленнаго самолюбія—бушевалъ въ то время въ нашихъ сердцахъ и настраивалъ насъ уныло и безотрадно. Какъ ни старались мы окрашивать дѣйствительность въ желательный для насъ цвѣтъ,—мы не могли не признавать совершившихся фактовъ, и это насъ особенно угнетало.

Помню, вскорѣ послѣ вышеописаннаго банкета я зашелъ къ одному изъ членовъ нашего комитета, пожилой и солидной дамѣ, ярой „большевичкѣ", всегда отзывающейся съ насмѣшкой о либеральной оппозиціи. Теперь настроеніе ея было совершенно иное. Ея мужъ, бывшій тогда освобожденцемъ, только что вернулся изъ Петербурга, привезя цѣлый ворохъ извѣстій о подымающемъ голову либеральномъ движеніи. Мы начали разговоръ, и я сразу же замѣтилъ, что моя собесѣдница находится всецѣло подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій. О насмѣшкахъ надъ „либералами" уже не было больше и рѣчи, наоборотъ, о земскомъ движеніи она говорила чрезвычайно серьезно и съ горечью констатировала его несомнѣнные успѣхи. У ней даже вырвалось восклицаніе:

— Да, они могутъ торжествовать: теперь на ихъ улицѣ праздникъ!

А затѣмъ мы повели грустную бесѣду о нашихъ партійныхъ дѣлахъ, о недостаткѣ денегъ въ комитетѣ, о плохой работѣ нашей типографіи, о новыхъ обыскахъ и арестахъ, вырвавшихъ изъ строя нѣсколько дѣльныхъ товарищей...

Между тѣмъ либеральное движеніе продолжалось, расходясь концентрическими кругами. Всѣ общества и союзы, всѣ съѣзды и собранія освобожденцы стремились использовать для политической агитаціи и для проведенія резолюцій въ духѣ 11 пунктовъ земскаго съѣзда. Такъ, было использовано общее собраніе санитарнаго общества, засѣданіе городской думы, съѣздъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, созванный губернской управой, и т. д. Аги-

тація продолжалась, не встрѣчая никакихъ препятствій, ибо власти бездѣйствовали, смущенныя новымъ курсомъ, не зная, что считать дозволеннымъ, и что—недозволеннымъ.

Это зрѣлище широкой, безпрепятственной политической агитаціи было до того увлекательно, что, наконецъ, и мы, демократы, выждавъ предварительно нѣкоторое время, рѣшили попробовать. Счастливый случай ускорилъ наше выступленіе.

14 ноября въ санитарномъ обществѣ былъ назначенъ какой-то докладъ, если память мнѣ не измѣняетъ,—о съѣздѣ земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ. Докладъ этотъ почему-то не состоялся, но публики, главнымъ образомъ учащейся молодежи, рабочихъ и радикальной интеллигенціи,—собралось довольно много, такъ человѣкъ 400, и, такъ какъ желанія расходиться у присутствующихъ совсѣмъ не замѣчалось, то нѣкоторымъ изъ „дикихъ“ (такъ у насъ назывались безпартійные радикалы) пришла въ голову мысль использовать это собраніе для политической агитаціи. Сказано—сдѣлано. Полиціи на собраніи почему-то не было, и потому никакихъ препятствій къ осуществленію своего намѣренія „дикіе“ не встрѣтили.

И вотъ открылся банкетъ. Такъ какъ никакихъ заранѣе заготовленныхъ рѣчей не было, то началась свободная импровизація. Говорили „дикіе“, говорили ораторы изъ публики, говорили на самыя разнообразныя и не всегда идущія къ дѣлу темы, читали статьи изъ только что начавшей выходить тогда „Нашей Жизни“, провозглашали лозунги, не выдвинутые еще ни одной организаціей и составлявшіе продуктъ свободнаго творчества самихъ провозгласителей.

Между прочимъ выступилъ на этомъ собраніи одинъ изъ мѣстныхъ статистиковъ—радикаловъ,—назовемъ его хоть Спиридоновымъ,—и произнесъ длинную рѣчь о томъ, что возникшее либеральное движеніе является фактомъ громадной общественной важности, и что всѣ мы должны относиться къ нему съ сочувствіемъ и вниманіемъ, ибо только благодаря ему мы, напр., могли собраться въ этомъ залѣ въ количествѣ 300 человѣкъ и говорить на тѣ темы, на которыя сегодня говорили.

До этого момента члены нашей организаціи, присутствовавшіе на банкетѣ, въ дебатахъ не учавствовали, такъ какъ вопросъ о томъ, какъ держаться на подобныхъ собраніяхъ, у насъ въ организаціи еще не былъ рѣшенъ. Но послѣ рѣчи Спиридонова во всѣхъ насъ заговорило ретивое, и мы почувствовали, что ему необходимо отвѣтить сейчасъ же, на этомъ же собраніи. Товарищъ Васильевъ вызвался исполнить этотъ долгъ и, попросивши слово у предсѣдателя, поднялся на трибуну.

— Намъ говорили здѣсь, — началъ онъ,—что возможностью собраться въ этомъ залѣ мы обязаны исключительно либеральному движенію, и что поэтому мы должны бить челомъ гг. земскимъ дѣятелямъ за выказанное ими мужество. Я совершенно несогласенъ съ подобными утвержденіями. Не потому мы здѣсь собрались, что въ Россіи началось либеральное движеніе, и не потому

полиція не выгоняетъ насъ отсюда, что гг. земцы выработали свои 11 пунктовъ въ Петербургѣ.

Дальше слѣдовалъ краткій очеркъ освободительной борьбы пролетаріата, поднявшаго голову еще задолго до появленія либеральнаго движенія, указаніе на вліяніе войны, расшатавшей основы нашего государственнаго строя, и въ заключеніе полемическая стрѣла по адресу Спиридонова.

— Намъ говорили,—воскликнулъ Васильевъ,—что благодаря либеральному движенію въ этомъ залѣ могло собраться 300 человѣкъ,—а я вамъ скажу, что еще раньше, гораздо раньше зарожденія этого движенія, рабочая партія (сказать соціалъ-демократія Васильевъ не рѣшился) устраивала митинги въ 30.000 человѣкъ!

— Гдѣ, когда это было?—раздалось изъ толпы.

— Это было 1902 г. во время ростовской стачки!

Эффектъ получился необычайный. Спиридоновъ былъ окончательно посрамленъ, а Васильева проводили бурными аплодисментами.

Вслѣдъ затѣмъ на трибуну вылѣзъ какой то плохо одѣтый, растрепанный, съ блуждающимъ взглядомъ человѣкъ и, сильно затрудняясь въ выборѣ выраженій, началъ:

— Не понимаю... Ничего не понимаю... Годъ назадъ за такія рѣчи въ тюрьму сажали... А теперь... Никто не препятствуетъ... Не понимаю... Я самъ только что изъ тюрьмы.—Извините, не могу говорить... Не понимаю, ничего не понимаю...

Отъ волненія онъ больше не могъ говорить и, махнувъ безнадежно бывшей у него въ рукахъ шапкой, быстро соскочилъ съ трибуны.

Это былъ небезызвѣстный въ Саратовѣ „философъ", человѣкъ безъ опредѣленной профессіи и безъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, бывшій сначала с.-д., потомъ с.-р., потомъ анархистомъ и, наконецъ, погибшій отъ неосторожнаго обращенія съ бомбой лѣтомъ 1905 г.

Собраніе кончилось, и публика стала расходиться.

Такимъ образомъ, первый демократическій банкетъ состоялся. Мы ждали репрессій, ждали ареста Васильева, ждали обысковъ у бывшихъ на собраніи членовъ организаціи, но ничего подобнаго не случилось: полиціи точно и не было никакого дѣла до происшедшаго. Это насъ сильно ободрило, и мы рѣшили продолжать такъ удачно начатую кампанію. На совѣщаніи комитета новый банкетъ, но уже тщательно подготовленный организаціей, былъ назначенъ на 20 ноября.

Въ этотъ день въ Саратовѣ, какъ и въ другихъ городахъ Россіи, либеральная демократія праздновала торжественнымъ банкетомъ 40-лѣтіе судебныхъ уставовъ. Мы рѣшили не отставать отъ либеральной демократіи и, въ пику и въ противовѣсъ послѣдней, устроить свой демократическій банкетъ одновременно съ банкетомъ либеральнымъ. Слѣдующіе затѣмъ дни прошли въ хлопотахъ и безпокойствахъ по поводу предстоящаго выступленія.

III.

Итакъ, 20 ноября должно было состояться наше первое открытое организованное выступленіе! Немного жутко было отъ новизны ожиданія, немного страшно отъ опасенія провалиться и уступить пальму первенства либеральному банкету. Съ тѣмъ большей энергіей мы принялись за подготовку предстоящаго собранія. А работы было не мало.

Надо было найти подходящее помѣщеніе, надо было повести соотвѣтственную агитацію въ рабочихъ кварталахъ, надо было отпечатать и распространить входные билеты (мы рѣшили пускать публику тоже по билетамъ, но, конечно, безплатнымъ), надо было рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ предстоявшему выступленію: опредѣлить составъ собранія, намѣтить ораторовъ, установить приблизительную редакцію рѣчей и т. п. Неудивительно, что въ теченіе недѣли, предшествовавшей банкету, комитетъ засѣдалъ почти ежедневно, и почти также часто происходили собранія группъ и районныхъ комитетовъ. Всѣ волновались, всѣ были въ приподнятомъ настроеніи, всѣ—полны ожиданій.

Особенно много дебатовъ въ комитетъ возбудилъ вопросъ о соціалистахъ-революціонерахъ. Дѣло въ томъ, что устраивая свой банкетъ въ пику банкету либеральному, мы преслѣдовали не столько соціалистическія, сколько чисто-демократическія цѣли. Мы хотѣли противопоставить не пролетаріатъ всему остальному обществу, а революціонную демократію буржуазному либерализму. При такой постановкѣ вопроса на сцену естественно выплывали с.-р. Вѣдь послѣдніе тоже были революціонными демократами. Пусть соціализмъ ихъ плохъ, но демократизмъ-то ихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ же съ ними быть? Приглашать ихъ на банкетъ или не приглашать? Войти съ ними въ коалицію на данный случай или не войти? Повидимому, слѣдовало бы войти. Но тутъ возникало формальное возраженіе: по уставу 1903 г. всякія частичныя соглашенія съ с.-р. допускались лишь съ утвержденія Центральнаго Комитета. Стало быть, надо было предварительно снестись съ Ц. К.? Нечего было, однако, и думать успѣть это сдѣлать въ теченіе какихъ-нибудь 5—6 дней, а между тѣмъ событія не ждали. Приходилось, такимъ образомъ, самостоятельно рѣшать вопросъ, и мы рѣшили его, въ концѣ концовъ, въ положительномъ смыслѣ. На особомъ совѣщаніи представителей нашего и с.-р-аго комитетовъ между обѣими организаціями было заключено соглашеніе на слѣд. условіяхъ: 1) с.-р. получаютъ 300 билетовъ изъ общаго количества 1000, 2) съ нашей стороны и со стороны с.-р. выступятъ по два оратора, 3) въ рѣчахъ ораторовъ не должно быть междупартійной полемики и 4) резолюція, которая будетъ предложена на банкетѣ, должна быть выработана обоими комитетами.

Другимъ вопросомъ, возбуждавшемъ не менѣе оживленные

дебаты, былъ вопросъ объ ораторахъ. По условію съ с.-р. съ нашей стороны должны были выступить двое ораторовъ, но кто же именно? Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ было не такъ-то легко.

Въ то время наша организація переживала періодъ расцвѣта, народу въ ней было много и народу дѣльнаго и серьезнаго. Особенно комитетъ имѣлъ въ своихъ рядахъ нѣсколько очень цѣнныхъ партійныхъ работниковъ. Кромѣ выше упоминавшагося Васильева, человѣка развитого и образованнаго, хорошаго знатока аграрнаго вопроса, въ комитетѣ были еще: Мартыновъ, молодой и талантливый рабочій, просидѣвшій $1^1/_2$ года въ тюрьмѣ и тамъ, благодаря усиленному чтенію, превратившійся изъ с.-р. въ с.-д.; Степановъ, бывшій народный учитель,—хорошій пропагандистъ въ рабочихъ кружкахъ, впослѣдствіи членъ 2-й Гос. Думы отъ саратовской губ.; Федоровъ—партійный „профессіоналъ", человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, но безраздѣльно преданный дѣлу революціи; двое-трое менѣе замѣтныхъ товарищей, исполнявшихъ, главнымъ образомъ, техническія и финансовыя функціи; наконецъ, лидеръ нашего комитета—Иноземцевъ, на которомъ я считаю нужнымъ остановиться нѣсколько подольше.

Человѣкъ уже не молодой, лѣтъ 35, европейски-образованный (онъ прожилъ лѣтъ 10 за границей), блестящій ораторъ французскаго типа, съ гибкимъ умомъ и задатками настоящаго политическаго дѣятеля,—онъ былъ истинной душой нашего комитета. Его вліяніе на всѣхъ насъ было очень велико и, скажу откровенно, почти всегда благотворно. Въ немъ было то, чего не хватало всѣмъ намъ, выросшимъ въ условіяхъ русскаго подполья: широта взгляда, отсутствіе партійной мелочности, умѣніе быстро оріентироваться въ любомъ положеніи, наконецъ, извѣстная дипломатичность, столь необходимая въ подпольныхъ организаціяхъ. Онъ всегда смотрѣлъ на вещи, точно съ высоты птичьяго полета, и потому видѣлъ гораздо дальше и намѣчалъ тактическую линію гораздо правильнѣе, чѣмъ мы. Кромѣ того, къ его услугамъ всегда былъ громадный опытъ западно-европейскаго рабочаго движенія, съ которымъ онъ былъ довольно хорошо знакомъ, и это создавало ему большое преимущество передъ нами. Однимъ словомъ, разница между нимъ и всѣми нами была приблизительно такова, какъ разница между столичнымъ жителемъ и провинціалами. По своимъ фракціоннымъ взглядамъ, Иноземцевъ принадлежалъ къ „большевикамъ", хотя узкимъ доктринеромъ никогда не былъ и къ голосу жизни всегда прислушивался очень внимательно.

Какъ видитъ читатель, выборъ для роли банкетныхъ ораторовъ у насъ былъ, но... тѣмъ труднѣе намъ было намѣтить ораторовъ. Объяснялось это тѣмъ, что на ораторовъ мы смотрѣли, какъ на жертвы, обреченныя на закланіе, и намъ было жаль терять кого-нибудь изъ цѣнныхъ работниковъ. Но такъ какъ выборъ, все-жъ таки, надо было сдѣлать, то комитетъ, въ концѣ-концовъ,

рѣшилъ, что выступятъ на банкетѣ двое: я и Мартыновъ, интеллигентъ и рабочій. О содержаніи рѣчей много говорить не пришлось: я взялъ тему—объ отношеніи пролетаріата къ либеральной буржуазіи, Мартыновъ, если не ошибаюсь, —о требованіяхъ пролетаріата. Затѣмъ былъ составленъ проектъ резолюціи съ требованіемъ немедленнаго прекращенія войны и созыва Учредительнаго Собранія на основѣ четырехчленной формулы. Проектъ этотъ удостоился одобренія и со стороны с.-р.

Наконецъ, все было готово: помѣщеніе нанято въ чайной на Пѣшемъ базарѣ, билеты розданы по рукамъ и распространены по заводамъ, проекты резолюцій отпечатаны, рѣчи приготовлены, и наступилъ знаменательный день 20 ноября. Съ самаго утра всѣ мы ходили взволнованые и пріятно изумленные тѣмъ, что, вопреки ожиданіямъ, въ ночь на 20-е не было ни обысковъ, ни арестовъ. Къ 8 час. вечера я уже былъ на мѣстѣ. Оживленный и шумный въ обычное время базаръ теперь былъ удивительно тихъ и пустыненъ. Молчаливо высились запертые лари, темными пятнами выступали окрестные дома, вдали на потемнѣвшемъ горизонтѣ вырисовывался массивный силуэтъ церкви,—и кругомъ ни души, ни единаго человѣка: ни полицейскихъ, ни сторожей, ни даже прохожихъ.

Въ залѣ собранія также было еще мало народу, но за кулисами уже шла обычная суета, предшествующая всякому представленію или собранію. Здѣсь были и с.-р., и с.-д., и дикіе, и просто радикалы, принимавшіе близко къ сердцу все, что относилось къ банкету. Никакъ не могли найти подходящаго предсѣдателя и потому всѣ волновались, шумѣли, кричали, пока, наконецъ, не остановились на одномъ мѣстномъ жел.-дор. служащемъ, г. N.

Между тѣмъ время шло, и наступилъ моментъ открытія собранія... Въ половинѣ девятаго мы вышли изъ за кулисъ на эстраду и... замерли отъ изумленія.

Большой залъ, скудно освѣщенный нѣсколькими керосиновыми лампами, былъ до самыхъ краевъ залитъ волнующейся человѣческой массой. Впереди, у самой эстрады, стояло 2 или 3 ряда стульевъ, биткомъ набитыхъ разнообразной публикой, но дальше стулья были убраны, и люди стояли тѣсной толпой, плечомъ къ плечу, одинъ подлѣ другого. Все, что можно было занять, было занято. Люди были вездѣ: на эстрадѣ, въ проходахъ, на столахъ, на сложенныхъ въ кучи стульяхъ, на окнахъ, за печкой и даже на самой печкѣ. Это было цѣлое море головъ, съ лицами, обращенными въ сторону эстрады, какой-то людской потокъ, заливавшій своими волнами невысокое помѣщеніе чайной. Присутствовало не меньше 1000 человѣкъ. Въ толпѣ преобладали рабочіе. Еще въ первыхъ рядахъ виднѣлись дамскія шляпки и интеллигентскія физіономіи, но дальше, за немногочисленными рядами стульевъ, шла уже настоящая черная рабочая масса. Мелькали синія блузы, дешевенькіе пиджачки, худощавыя перепачканныя лица, ибо многіе рабочіе, не успѣвъ сходить домой вымыться и

переодѣться, явились на собраніе прямо съ работы. Сизый табачный дымъ плавалъ клубами въ насыщенномъ испареніями воздухѣ, скрывая отъ взоровъ стоящихъ на эстрадѣ отдаленную часть зала. Было жарко и невыносимо душно...

Никогда до того мнѣ не приходилось видѣть подобной картины, и она сразу ударила мнѣ по нервамъ, создавъ небывалый подъемъ настроенія. Свободное политическое собраніе въ Россіи! Рабочее собраніе для обсужденія текущихъ вопросовъ момента! Открытое собраніе съ рѣчами и резолюціями въ странѣ вѣковѣчнаго гнета! Это было что-то фантастическое и невѣроятное, до того невѣроятное, что духъ захватывало, и кровь ударяла въ голову!...

Но вотъ собраніе открывается. Кто-то изъ устроителей банкета произноситъ краткую рѣчь на тему о современномъ историческомъ моментѣ и предлагаетъ избрать председателемъ нынѣшняго собранія г. N.

— Просимъ, просимъ!—раздается изъ толпы.

N занимаетъ предсѣдательское мѣсто и, при полной тишинѣ, воцарившейся въ громадномъ залѣ, произноситъ:

— Слово принадлежитъ оратору такому-то.

Моя очередь! По условію, мнѣ принадлежало первое слово. Точно желѣзными тисками кто-то сдавливаетъ мнѣ горло, я выхожу на эстраду и тысячи глазъ устремляются на меня. Хочу начать говорить, но не могу отъ волненія. Страшнымъ усиліемъ воли я прогоняю налетѣвшее смущеніе, пытаюсь прямо взглянуть въ лицо толпѣ и начинаю говорить... говорить свою первую политическую рѣчь.

Не стану здѣсь подробно передавать ея содержаніе, такъ какъ съ тѣхъ поръ вопросъ объ отношеніи соціалъ-демократіи к либерализма былъ всесторонне освѣщенъ въ печати и на собраніяхъ и достаточно знакомъ широкой читающей публикѣ. Замѣчу только, что особеннымъ „кадетоѣдствомъ“ (какъ сказали бы теперь) рѣчь моя совсѣмъ не отличалась, и что въ основу ея былъ положенъ извѣстный принципъ: врозь итти—вмѣстѣ бить.

Нечего, конечно, при этомъ прибавлять, что всѣ доводы и соображенія, съ которыми я оперировалъ на собраніи 20 ноября, въ настоящее время извѣстны каждому гимназисту 6 класса. Но тогда они представляли чуть ли не настоящее откровеніе. Къ тому же это откровеніе было повѣдано при совершенно необычной обстановкѣ, на открытомъ собраніи, въ присутствіи 1000 человѣкъ, впервые вкушавшихъ сладость политической свободы,—отъ этого цѣнность откровенія значительно повышалась. Неудивительно, поэтому, что когда я кончилъ говорить, залъ огласился шумными аплодисментами. При этомъ аплодировали не столько содержанію или внѣшней красотѣ рѣчи (тѣмъ болѣе, что никакой красоты-то не было), сколько самому факту ея произнесенія.

Меня смѣнилъ ораторъ с.-р. Выступленіе его, надо правду сказать, было не изъ особенно удачныхъ. Во-первыхъ, рѣчь его

была свыше мѣры цвѣтиста и потому отдавала фальшью и надуманностью, во-вторыхъ, свою рѣчь онъ не говорилъ, а читалъ по бумажкѣ, стараясь, однако, сдѣлать видъ, что говоритъ онъ совершенно свободно. Благодаря этому получалась довольно курьезная картина.

— ....И вотъ среди темной ночи,—говорилъ ораторъ,—загорѣлась одинокая яркая звѣздочка...

Затѣмъ наступила пауза. Ораторъ опускалъ голову, скашивалъ глаза и, прочитавъ по бумажкѣ слѣдующую фразу, встряхивалъ волосами и продолжалъ:

— ....Загорѣлась она, одинокая, и освѣтила глубокій, непроглядный мракъ, въ которомъ пребывала страна....

Снова пауза, снова опусканье головы и скашиванiе глазъ, и затѣмъ снова продолженiе:

— ...И ея синеватый огонь разбудилъ въ сердцахъ, загрубѣвшихъ и безчувственныхъ, любовь и ненависть, и стремленiе къ лучшей долѣ....

Снова пауза, снова скашиванiе глазъ и т. д. Въ такомъ родѣ была вся рѣчь. Содержанiе ея я такъ-таки не уловилъ, да едва-ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ на собранiи и уловилъ его. Тѣмъ не менѣе и этому оратору шумно апплодировали: вѣдь, какъ ни какъ, это было первое открытое политическое слово, слышанное саратовской демократiей.

Послѣ оратора с. р. выступилъ Мартыновъ. Онъ сильно волновался, говорилъ глухимъ, отрывистымъ голосомъ и вдобавокъ тоже читалъ по тетрадкѣ, но болѣе откровенно, чѣмъ предыдущiй ораторъ. Въ общемъ его выступленiе должно быть признано довольно неудачнымъ. Послѣ рѣчи Мартынова настроенiе собранiя сильно понизилось.

Четвертый ораторъ—с.-р.—не только не поправилъ, но еще сильно ухудшилъ дѣло. Онъ вздумалъ разсказать исторiю революцiоннаго движенiя чуть-ли не „отъ Ромула до нашихъ дней“ и разсказывалъ ее къ тому же такъ вяло, скучно и монотонно, что настроенiе публики опустилось до нуля и изъ толпы начали раздаваться крики:

— Довольно!

Вдобавокъ, и этотъ ораторъ не говорилъ, а читалъ по неизбѣжной тетрадкѣ.

Съ окончанiемъ рѣчи четвертаго оратора программа банкета, собственно говоря, была исчерпана и надо было закрывать собранiе, поставивъ предварительно на голосованiе нашу резолюцiю. Но всѣ мы чувствовали, что резолюцiю голосовать нельзя, что надо во что бы то ни стало поднять настроенiе, зажечь толпу, иначе банкетъ будетъ сорванъ. Какъ это сдѣлать?

Въ этотъ моментъ ко мнѣ подошелъ Иноземцевъ и шепнулъ на ухо:

— Погодите, я скажу нѣсколько словъ.

Онъ вышелъ на эстраду и сдѣлалъ широкiй жестъ рукой. Въ

залѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ взоры устремились на его высокую, тонкую фигуру. Онъ обратился къ собранію и началъ говорить. Онъ говорилъ о долголѣтней борьбѣ русской интеллигенціи за политическую свободу, о безконечной вереницѣ жертвъ, понесенныхъ ею въ этой борьбѣ, о безплодности ея усилій въ теченіе многихъ десятилѣтій, о непониманіи ея стремленій народными массами, видѣвшими въ интеллигенціи своего врага. Далѣе онъ говорилъ о появленіи россійскаго пролетаріата, о его борьбѣ за лучшую долю, о препятствіяхъ, чинимыхъ старымъ порядкомъ ему въ этой борьбѣ, о союзѣ, возникшемъ на полѣ брани между рабочимъ классомъ и интеллигенціей, союзѣ, который нанесетъ послѣдній рѣшительный ударъ умирающему абсолютизму.

Съ первыхъ же фразъ своей рѣчи Иноземцевъ всецѣло захватилъ вниманіе толпы. Его высокая фигура, его громкій голосъ, его живая южная жестикуляція, его красивыя сравненія и метафоры, его неподѣльный паѳосъ и плавная рѣчь, льющаяся неудержимымъ блестящимъ потокомъ,—все это произвело потрясающее впечатлѣніе на публику. Такихъ ораторовъ она еще никогда не слыхала. Толпа была загипнотизирована, зажжена, очарована и, когда пламенная рѣчь, наконецъ, кончилась, раздался взрывъ прямо бѣшеныхъ рукоплесканій...

Банкетъ былъ спасенъ, но... с.-р. пришли въ неописанную ярость. Какъ? Мы не исполнили своего обѣщанія, мы нарушили условіе и выпустили третьяго оратора съ своей стороны! Ихъ демократическое сердце не могло снести подобнаго вѣроломства. Тщетно я доказывалъ, что надо же было поднять настроеніе собранія, что выступленіе Иноземцева есть экспромтъ, вызванный непредвидѣннымъ оборотомъ обстоятельствъ, что для насъ самихъ его рѣчь является неожиданностью,—ничего не помогало. С.-р. кричали (конечно, за кулисами) о нашей соціалъ-демократической подлости и, въ концѣ концовъ, схвативъ шапку въ охапку, убѣжали вонъ изъ собранія.

Между тѣмъ въ самомъ собраніи событія шли своимъ чередомъ. Послѣ рѣчи Иноземцева резолюція, предложенная предсѣдателемъ, была принята, конечно, единогласно и, кромѣ того, по предложенію того же Иноземцева, было постановлено, чтобы особая депутація отправилась послѣ окончанія нашего митинга на либеральный банкетъ и сообщила тамъ о состоявшемся на Пѣшкѣ собраніи и о принятой на немъ резолюціи.

Затѣмъ собраніе было закрыто, и публика въ полномъ порядкѣ стала расходиться. У наружныхъ дверей чайной оказался усиленный нарядъ полиціи въ полной боевой готовности; однако, никакихъ агрессивныхъ дѣйствій съ его стороны проявлено не было. И хотя толпа расходилась большими группами въ 50—100 чел., съ оживленными разговорами, смѣхомъ и шутками, однако, на этотъ разъ все обошлось благополучно.

Собраніе закончилось, но этимъ еще не закончились событія того знаменательнаго дня. Согласно принятому на собраніе по-

становленію, особая депутація должна была отправиться на либеральный банкетъ. Такъ какъ лидеры с.-р. съ собранія удалились, то депутацію пришлось составить изъ с.-д. и дикихъ. Въ депутацію вошли: я, Иноземцевъ, мѣстный журналистъ Алексѣевъ (дикій) и еще двое рабочихъ.

Послѣ нѣкоторыхъ приключеній (либеральные распорядители не хотѣли было пускать насъ на банкетъ, такъ какъ у насъ не было входныхъ билетовъ), мы, наконецъ, проникли въ святилище саратовскаго либерализма.

Большой залъ гостиницы „Россія" былъ весь залитъ огнями и красиво декорированъ растеніями. Весь полъ былъ заставленъ длинными столами съ накрытыми приборами, за которыми въ различныхъ позахъ сидѣли мужчины и женщины. Въ одномъ углу возвышалась трибуна, съ которой говорили ораторы, рядомъ съ ней подъ какимъ-то раззолоченнымъ балдахиномъ находился предсѣдательскій столъ, около котораго сидѣли члены организаціоннаго комитета банкета. Народу было много, человѣкъ 600— все, что было въ Саратовѣ наиболѣе просвѣщеннаго и либеральнаго: земскіе и городскіе дѣятели, адвокаты, врачи, инженеры, журналисты, наиболѣе видные представители третьяго элемента и т. д. Освобожденцы присутствовали въ полномъ составѣ. Такъ какъ часъ былъ уже довольно поздній, то большинство публики сильно утомилось, ораторовъ слушало плохо и, повидимому, съ нетерпѣніемъ ожидало наступленія момента закуски (это былъ настоящій *банкетъ*).

Вѣсть о прибытіи нашей депутаціи быстро облетѣла залу и сильно взволновала участниковъ банкета. Особенно былъ смущенъ организаціонный комитетъ: онъ боялся, какъ бы мы своими рѣзко-демократическими рѣчами не нарушили благочинія либеральнаго банкета. Въ теченіе добраго получаса члены комитета, удалившись въ сосѣднюю комнату, о чемъ-то совѣщались, предоставивъ намъ возможность на свободѣ разглядывать собравшуюся публику. Наконецъ, насъ позвали предъ свѣтлыя очи комитета, и между нами и однимъ изъ его членовъ, нынѣ членомъ 3-й Гос. Думы отъ Саратовской губ., произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажите, пожалуйста, господа, съ какой цѣлью явилась къ намъ ваша депутація?

— Чтобы довести до свѣдѣнія либеральнаго банкета о состоявшемся на Пѣшкѣ собраніи и о принятой на немъ резолюціи.

— И только?

— Только.

— Никакихъ рѣчей вы произносить не собираетесь?

— Не собираемся.

Сумрачныя лица членовъ комитета сразу прояснились, а одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который велъ съ нами переговоры, даже сдѣлалъ широкій пригласительный жестъ рукой и воскликнулъ:

— Ну, если такъ, то милости просимъ, господа, милости просимъ! Будьте нашими гостями, нашими дорогими гостями!..

Всѣ вернулись въ залъ и банкетъ продолжался своимъ чередомъ. Прошелъ, однако, еще часъ, прежде, чѣмъ нашему оратору предоставлено было слово.

Краткая рѣчь Алексѣева о нашемъ собраніи (онъ говорилъ отъ имени депутаціи) была встрѣчена довольно шумными аплодисментами присутствующихъ. Послѣ Алексѣева на трибуну поднялась одн изъ мѣстныхъ радикалокъ—г-жа Леонтьева—и произнесла небольшую, но умную рѣчь, въ которой отъ имени либеральнаго банкета привѣтствовала пробужденіе демократіи и указывала на необходимость дружной совмѣстной работы демократіи и либерализма. Рѣчь г-жи Леонтьевой также была встрѣчена сочувственно.

Затѣмъ собраніе было закрыто и объявленъ перерывъ, во время котораго лакеи стали разносить такъ долго ожидаемыя явства.

Наша задача была кончена, и мы поспѣшили удалиться.

IV.

Впечатлѣніе, произведенное демократическимъ собраніемъ на массы, было огромно. Блескъ либеральнаго банкета сразу потускнѣлъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней въ городѣ только и было разговоровъ, что о нашемъ выступленіи на Пѣшкѣ. При этомъ широкая либеральная публика все ахала и удивлялась, и смутно начинала понимать, что на горизонтѣ общественной жизни появилась какая-то новая, совсѣмъ неожиданная сила. Какого характера, однако, это сила—союзникъ это или врагъ, надо-ли привѣтствовать ея появленіе или же, наоборотъ, сожалѣть о немъ,—всѣ эти вопросы, столь острые впослѣдствіи, тогда были только поставлены, и либеральная мысль едва приступила къ ихъ разрѣшенію.

Практически это выражалось въ томъ, что либеральные круги вдругъ заинтересовались рабочимъ движеніемъ и стали дѣлать всевозможныя усилія для сближенія съ представителями демократіи. При этомъ ихъ главное вниманіе превлекала соціалъ-демократія, такъ какъ въ городѣ въ то время (да и впослѣдствіи) с.-р. были чрезвычайно слабы.

Съ нами, до того малоизвѣстными людьми, вдругъ стали искать знакомства, насъ приглашали въ либеральные дома и салоны, при каждомъ удобномъ случаѣ намъ выражали признаки самого искренняго сочувствія, при встрѣчахъ и прощаніяхъ намъ выразительно крѣпко пожимали руки. Всѣмъ было интересно поближе присмотрѣться къ таинственнымъ руководителямъ внезапно обнаружившейся силы, и поэтому одно время на насъ была настоящая мода. Насъ распрашивали о характерѣ нашей организаціи, о ея размѣрахъ и силахъ, о рабочихъ кружкахъ, о степени сознательности организованныхъ рабочихъ и т. д. И, когда мы, въ предѣлахъ конспираціи, удовлетворяли любопытство вопрошавшихъ,—послѣдніе изумлялись и разводили руками. Особенно

невѣроятнымъ имъ казалось, что рабочіе, простые рабочіе,—интересовались не только своими профессіональными дѣлами, но и политическими вопросами. Тѣми самыми политическими вопросами, интересъ къ которымъ либеральные круги считали своей неотъемлемой и, такъ сказать, прирожденной монополіей.

Что касается рабочихъ, то собраніе на Пѣшкѣ сразу пріобрѣло въ ихъ глазахъ значеніе историческаго событія. Первое открытое выступленіе, масса народу, политическія рѣчи, смѣлая резолюція, наконецъ, отсутствіе репрессій (никто послѣ собранія не былъ арестованъ),—все это было такъ необычно, такъ прекрасно, все это казалось какимъ-то волшебнымъ сномъ. Неудивительно, что въ теченіи слѣдующихъ 2 или 3 недѣль фабрики и заводы только и гудѣли разговорами о нашемъ собраніи, и даже самые сѣрые рабочіе надоѣдали нашимъ районымъ представителямъ съ вопросомъ:

— Когда же комитетъ устроитъ новый банкетъ?

Вмѣстѣ съ тѣмъ сильно оживилась и работа нашей организаціи. Авторитетъ ея въ рабочихъ кругахъ быстро возросъ, съ каждымъ днемъ въ нее приливали все новыя силы, увеличивалось число рабочихъ кружковъ, расширялись ряды организованныхъ по заводамъ рабочихъ. Внутри — организаціонныя тренія какъ-то сразу затихли, между комитетомъ и периферіей установились самыя сердечныя товарищескія отношенія, всѣ дружно работали, помогали другъ другу и старательно устраняя всякіе поводы къ недоразумѣніямъ и конфликтамъ. Въ то же время касса комитета—этотъ барометръ общественнаго сочувствія,—стала быстро наполняться, и наши финансисты съ гордостью заявляли, что никогда они не запомнятъ такихъ „жирныхъ" дней. Какъ видитъ читатель, обстоятельства складывались для насъ самымъ благопріятнымъ образомъ, и мы съ бодростью и надеждой смотрѣли въ наступающее будущее.

20 ноября сыграло роль поворотнаго пункта въ развитіи банкетной кампаніи въ Саратовѣ. Робкое и несмѣлое до того движеніе становится теперь болѣе увѣреннымъ и широкимъ, ибо захватываетъ не только либеральные круги, но и интеллигентскую и рабочую демократію. Теперь устройство банкетовъ и собраній дѣлается вопросомъ дня, входитъ неотъемлемой составной частью въ работу всѣхъ политическихъ и культурныхъ организацій, и банкеты, дѣйствительно, слѣдуютъ одинъ за другимъ почти безъ перерыва. Всего за описываемый періодъ было организовано около 15 банкетовъ и собраній. При этомъ замѣчается характерное явленіе: демократія, и прежде всего соціалъ-демократія быстро оттѣсняетъ на задній планъ буржуазно-помѣщичій либерализмъ.

Было бы слишкомъ утомительно и неинтересно подробно описывать всѣ банкеты, имѣвшіе мѣсто въ Саратовѣ въ эпоху политической „весны",—поэтому большинство изъ нихъ я обойду молчаніемъ и нѣсколько остановлюсь лишь на 3—4 наиболѣе замѣчательныхъ.

Первымъ банкетомъ послѣ выступленія 20 ноября былъ банкетъ печати, устроенный 14 декабря. Офиціально банкетъ этотъ устраивался редакціями трехъ прогрессивныхъ саратовскихъ газетъ („Сарат. Дневникъ“, „Сарат. Листокъ“, „Приволжскій Край“), но фактически въ его подготовкѣ участвовали всѣ политическія организаціи г. Саратова: освобожденцы, с.-д., с.-р. Банкетъ вышелъ, такимъ образомъ, коалиціонный, и это, было несомнѣннымъ результатомъ нашего выступленія на Пѣшкѣ: теперь уже освобожденцы (они преобладали въ редакціяхъ) не считали возможнымъ игнорировать демократію.

По порученію нашей организаціи, я и Иноземцевъ вошли въ составъ банкетнаго комитета и, составляя тамъ крайнюю, лѣвую, упорно отстаивали точку зрѣнія пролетаріата. Въ теченіе 2 или 3 вечеровъ въ банкетномъ комитетѣ шли оживленные дебаты, при чемъ, главнымъ яблокомъ раздора, какъ и слѣдовало ожидать, послужила выработка резолюціи, которую предполагалось послать кн. Святополкъ-Мирскому и которую участники банкета должны были подписывать. Освобожденцы соглашались внести въ эту резолюцію требованіе *всеобщаго* избирательнаго права, опуская, однако, слова: прямое, равное и тайное. Мы же настаивали на внесеніе въ резолюцію полной четырехчленной формулы и, кромѣ того, оспаривали цѣлесообразность и желательность посылки резолюціи министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ обѣ стороны, наконецъ, помирились на компромиссѣ: освобожденцы внесли въ резолюцію требованіе *всеобщаго* и *равнаго* избирательнаго права, мы же, скрѣпя сердце, согласились не настаивать на прямыхъ выборахъ и тайномъ голосованіи. Какъ былъ разрѣшенъ вопросъ о посылкѣ резолюціи Святополку-Мирскому,—сейчасъ точно не помню, но, кажется, офиціальная посылка отъ имени банкета была отмѣнена, и дѣло было предоставлено частной иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ и организацій.

14 декабря въ залѣ коммерческаго клуба состоялся самый банкетъ. Присутствовало человѣкъ 800—900, чрезвычайно пестрая и разношерстная по составу масса. Тутъ были и земцы, и либеральные предприниматели, и освобожденческая интеллигенція, и разночинцы крайнихъ партій, и рабочіе. Послѣдніе (ихъ было человѣкъ до 200) чувствовали себя въ непривычной обстановкѣ, повидимому, не совсѣмъ ловко. Они держались въ сторонѣ сплоченной группой и, какъ обыкновенно бываетъ на подобныхъ смѣшанныхъ собраніяхъ, занимали самыя худшія, заднія мѣста. При подписаніи резолюціи съ ними вышли нѣкоторыя осложненія: кое-кто изъ организованныхъ рабочихъ подписать резолюцію отказался,—на томъ основаніи, что въ нее не была внесена полная четырехчленная формула избирательнаго права. Однако, это были лишь отдѣльныя исключенія.

Изъ рѣчей, произнесенныхъ на банкетѣ 14 декабря, отмѣчу только прекрасную рѣчь Иноземцева о положеніи печати на Западѣ, рѣчь присяжнаго повѣреннаго К., очень остроумно охаракте-

ризовавшаго положеніе россійской печати, да еще одну-двѣ рѣчи о значеніи свободы печати вообще и о значеніи ея для Россіи въ частности. Остальныя рѣчи, хотя ихъ было и немало, не отличались ни глубиной содержанія, ни блескомъ формы, и впечатлѣнія на публику не произвели. Зато подписывали резолюцію всѣ довольно охотно и около столовъ съ бѣлыми листами, разставленныхъ на площадкѣ у входа въ залъ, всегда толпилось немало народу. Если память мнѣ не измѣняетъ, въ этотъ вечеръ было собрано 650—700 подписей.

Послѣ описаннаго банкета либеральные круги временно сошли со сцены и вплоть до 3 января не устраивали ни собраній, ни банкетовъ. Зато демократія работала съ удвоенной силой и наполняла шумомъ своихъ выступленій общественную атмосферу города.

Уже черезъ 8 дня послѣ коалиціоннаго банкета, 17 декабря, состоялось новое собраніе, устроенное жел.-дор. служащими и рабочими. Собраніе происходило въ томъ же самомъ коммерческомъ клубѣ, но публика на этотъ разъ была совершенно иная: интеллигентная демократія и рабочіе составляли главное ядро присутствующихъ, а уже около него группировались остальные элементы—либеральная буржуазія, земцы и т. д. Всего присутствовало человѣкъ 400.

Офиціальнымъ предлогомъ для устройства собранія послужилъ вопросъ объ учрежденіи ж.-д. клуба (объ немъ хлопотали уже 2 года). Но такъ какъ всякое скопленіе людей въ то время какъ-то само собой, невольно превращалось въ политическій банкетъ, то и на этотъ разъ клубными вопросами собранію пришлось заниматься недолго. Вскорѣ начались политическія рѣчи и обсужденіе наболѣвшихъ вопросовъ момента, и клубъ со всѣми своими пользами и нуждами былъ оставленъ въ сторонѣ.

Большую рѣчь произнесъ на этомъ собраніи будущій вождь трудовой группы въ 1-й Гос. Думѣ С. А. Онъ говорилъ о крестьянствѣ, о его громадной роли въ Россіи, о прекрасныхъ качествахъ крестьянской души, объ ея мужествѣ, стойкости, постоянствѣ. Особенно восхищался А. крестьянской совѣстью. При этомъ онъ цитировалъ „Маленькаго Наполеона“ Гюго (мѣсто, гдѣ говорится о совѣсти) и ссылался на личныя впечатлѣнія въ бытность народнымъ учителемъ. Помню, его рѣчь мнѣ не особенно понравилась какой-то внутренней фальшью и поддѣльнымъ паѳосомъ, но на публику она произвела сильное впечатлѣніе и А. шумно апплодировали. Пришлось говорить на этомъ собраніи и мнѣ,—я произнесъ довольно большую рѣчь о всеобщемъ, равномъ и т. д. избирательномъ правѣ, выяснивъ на конкретныхъ примѣрахъ значеніе этихъ выраженій. Такъ какъ конституціонныя знанія въ то время были очень мало распространены (даже юристы плохо справлялись съ конституціонными вопросами) и то, что я говорилъ, казалось новымъ и оригинальнымъ, то и моя рѣчь также имѣла большой успѣхъ. Затѣмъ говорилъ журналистъ Алексѣевъ

(его рѣчь о „тиранахъ“ вызвала взрывы неистовыхъ восторговъ), выступалъ рабочій Мартыновъ и цѣлый рядъ другихъ ораторовъ. Къ полуночи собраніе благополучно закончилось, и присутствующіе разошлись въ самомъ восторженномъ настроеніи...

Черезъ недѣлю наступили праздники, и едва ли не впервые за много лѣтъ мы встрѣтили ихъ съ неподдѣльной радостью. Никогда ни до ни послѣ того мнѣ не приходилось переживать такого свѣтлаго и юношески-чистаго настроенія. На душѣ было удивительно весело и бодро, будущее рисовалось въ какихъ-то неопредѣленныхъ, но прекрасныхъ очертаніяхъ, чувствовалось— и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе,—что нарождается что-то великое, подымается что-то грозное, могучее и несокрушимое. Что именно? Мы не могли бы опредѣленно сказать, но что-то подымалось,— въ этомъ мы ни минуты не сомнѣвались. Это что-то насыщало общественную атмосферу города, вливалось въ насъ съ каждымъ листкомъ газеты, сквозило въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жестѣ и словѣ даже случайно встрѣчающихся людей.

Отовсюду приходили бодрящія душу извѣстія: вездѣ царило небывалое политическое оживленіе, а въ Баку началась громадная стачка нефтепромышленныхъ рабочихъ. Эта стачка особенно подымала настроеніе—въ ней мы видѣли начало революціи.

Насколько великъ былъ въ то время подъемъ, можно судить по слѣдующему факту. Когда пришла вѣсть о паденіи Портъ-Артура, одинъ изъ „беззаглавныхъ соціалистовъ“ предложилъ намъ и освобожденцамъ организовать въ ночь подъ новый годъ факельное шествіе по улицамъ съ требованіемъ прекращенія войны. Факельнаго шествія мы, однако, не устроили, ибо даже по тому настроенію это было слишкомъ смѣло, но за банкеты принялись усерднѣе прежняго. Все Рождество прошло въ политическихъ собраніяхъ и вечеринкахъ, при чемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ достигали весьма внушительныхъ размѣровъ: бывали вечеринки въ 200—300 человѣкъ. И администрація все сносила безпрекословно! Поистинѣ, то были странныя времена...

Изъ всей массы рождественскихъ собраній особенно врѣзались мнѣ въ память два, и теперь, мысленно пробѣгая тогдашнія событія, я не могу не остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Первое изъ этихъ собраній происходило въ фельдшерской школѣ 26 декабря. Былъ ежегодный вечеръ одной изъ саратовскихъ воскресныхъ школъ, посѣщаемой преимущественно механическими рабочими. Народу — главнымъ образомъ рабочихъ и жителей городскихъ окраинъ — набралось неисчислимое количество. Въ залѣ, вмѣщающемъ 600—800 чел., скопилось по меньшей мѣрѣ $1^1/_2$ тысячи. Сидѣть было негдѣ, и большинство стояло, тѣсно прижавшись плечомъ къ плечу. Въ страшной духотѣ разслаблялись люди, краснѣли лица, таяли воротнички и манжеты, и въ воздухѣ, насыщенномъ испареніями, глухо раздавались голоса ораторовъ.

Впрочемъ, ораторы выступили не сразу. Сначала шла офи-

ціальная часть вечера: декламировались стихи, устраивались живыя картины, разыгрывался какой-то актъ изъ какой-то драмы или комедіи, и только, когда все это было закончено, на трибуну вышелъ молодой рабочій и предложилъ собранію заняться политическими вопросами. Предложеніе было принято съ одушевленіемъ, и политическій митингъ начался.

Предсѣдателемъ выбрали стараго, уважаемаго въ саратовской губ. радикала—гр. Нессельроде, и его умное, барское, немного насмѣшливое лицо, и вся его холеная аристократическая фигура представляла такой рѣзкій контрастъ съ окружавшей его черной рабочей массой. Ораторами выступили: я, Васильевъ, Иноземцевъ и уже упоминавшійся прис. пов. К., заранѣе распредѣлившій темы нашихъ рѣчей. Я долженъ былъ говорить о значеніи политической свободы для рабочаго класса, Васильевъ — о значеніи политической свободы для крестьянства, Иноземцевъ — о борьбѣ за политическую свободу въ Россіи и, наконецъ, К.—объ организаціи политической свободы, о конституціи. Въ такомъ порядкѣ мы и произнесли свои рѣчи.

Настроеніе толпы было страшно приподнятое; это настроеніе передавалось и намъ, и рѣчь лилась сама собой, неудержимымъ потокомъ, зажигая толпу и наполняя невысокіе своды зала. Особенно блестяща, конечно, была рѣчь Иноземцева. Онъ выступалъ на этомъ собраніи третій разъ, и уже успѣлъ завоевать славу лучшаго оратора въ городѣ. Это было, положимъ, дѣйствительно вѣрно.

Въ серединѣ рѣчи Иноземцева въ собраніи появилась полиція. Полиціймейстеръ, въ сопровожденіи пристава, вошелъ въ залъ и скромно всталъ у двери, замѣшавшись въ толпѣ. Благодаря этому, многіе его даже не замѣтили. Такъ онъ и простоялъ тамъ до конца собранія, не прерывая ораторовъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, словно обыкновенный слушатель, заинтересованный произносимыми рѣчами.

Когда собраніе было закрыто, и оживленная, взволнованная публика высыпала на улицу, ея глазамъ представилось довольно внушительное зрѣлище: прямо противъ подъѣзда выстроился отрядъ казаковъ, человѣкъ въ 50, и въ полной боевой готовности ждалъ только сигнала для нападенія. Одно неосторожное слово, одна рѣзкая шутка, до которыхъ такіе охотники молодые рабочіе, — и, вѣроятно, произошла бы катастрофа. Но, къ счастью, какой-то инстинктъ удержалъ толпу отъ необдуманныхъ дѣйствій, и на этотъ разъ все обошлось благополучно.

Описанное собраніе имѣло своимъ послѣдствіемъ судебное дѣло. Председатель и ораторы были привлечены къ суду, при чемъ слѣдствіе было поручено судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Насъ всѣхъ вызывали въ судъ, допрашивали, вызывали въ качествѣ свидѣтелей и нѣкоторыхъ адвокатовъ и врачей, присутствовавшихъ на собраніи, но, какъ и слѣдовало ожидать, съ такимъ рвеніемъ начатое дѣло скоро заглохло. Только

гр. Нессельроде былъ вычеркнутъ изъ придворныхъ списковъ; мы же, простые смертные, благополучно дождались амнистіи и отдѣлались ничѣмъ.

Другое собраніе, о которомъ я часто вспоминаю съ любовью, было совсѣмъ въ иномъ родѣ. Нѣсколько радикальныхъ дамъ составили проектъ встрѣчи новаго года на публичномъ собраніи, и повергли этотъ проектъ на усмотрѣніе нашего комитета. Проектъ комитетомъ былъ принятъ, и 31 декабря въ залѣ народной аудиторіи собралось 700—800 чел. рабочихъ, учащихся и радикальной интеллигенціи. Либеральные элементы почти совершенно отсутствовали.

Первая часть вечера была посвящена рѣчамъ. Васильевъ провелъ довольно удачную аналогію между тогдашнимъ состояніемъ Россіи и состояніемъ Франціи передъ великой революціей. Г-жа Леонтьева въ остроумной и глубокой рѣчи (только теперь можно по достоинству оцѣнить всю ее глубину) охарактеризовала эпоху Святополкъ-Мирскаго, какъ попытку грандіозной провокаціи, и указала на подобную же попытку, произведенную 100 лѣтъ назадъ Наполеономъ I. Говорили и еще нѣкоторые ораторы, но ихъ рѣчи не оставили въ моей памяти особеннаго слѣда.

Безъ четверти двѣнадцать рѣчи были прекращены и изъ задней комнаты вынесены длинные столы, заставленные бутылками вина и бокалами, съ грудами приготовленныхъ бутербродовъ. Толпа разступилась, очистивъ мѣсто для столовъ; нѣсколько десятковъ распорядителей и распорядительницъ быстро принялись за дѣло, раскупоривая бутылки и разливая дешевенькое виноградное вино по безчисленнымъ бокаламъ. Ровно въ полночь, когда на стѣнѣ раздался бой часовъ, высокій рабочій быстро взошелъ на трибуну и громко провозгласилъ:

— Новый годъ! Да здравствуетъ новый годъ!....

Въ отвѣтъ ему раздались мощные призывы.

Затѣмъ вся толпа двинулась къ столамъ, каждый бралъ себѣ бокалъ и бутербродъ и, чокаясь со своими сосѣдями, пилъ за свободу и за великую революцію. Порядокъ все время соблюдался образцовый.

Потомъ начались тосты. Особенно красивымъ вышелъ тостъ Иноземцева. Бурные аплодисменты были ему отвѣтомъ.

Около часу ночи встрѣча новаго года закончилась, и собравшіеся начали расходиться. Взволнованные необычайно |проведеннымъ вечеромъ, съ горящими глазами, они шумной толпой спускались по лѣстницѣ, торопливо хватая свои шапки и шубы и большими оживленными группами расходились по улицамъ.

V.

До сихъ поръ я описывалъ внѣшнюю сторону движенія, охватившаго Саратовъ въ концѣ 1904 г. Теперь я долженъ временно

оставить банкеты и собранія и обратиться къ внутренней жизни нашей организаціи.

Банкетная кампанія сыграла громадную роль въ развитіи нашей тогдашней партійной работы. Она не только привлекла къ намъ симпатіи широкихъ слоевъ населенія,—она также дала толчекъ чрезвычайно интенсивной работѣ мысли внутри организаціи. До того, если правду сказать, наша будничная работа была очень однообразна, и носила какой-то отвлеченный, маложизненный характеръ. Комитетъ собирался и обсуждалъ маловажные текущіе вопросы, пропагандисты ходили въ кружки и толковали о прибавочной стоимости и соціализмѣ, агитаторы созывали „массовки“ въ 30—40 чел. и произносили рѣчи о демократической республикѣ, наконецъ, организаторы распространяли по заводамъ нелегальную литературу и прокламаціи. Благодаря продолжительной практикѣ, во всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности выработались извѣстные навыки, опредѣленные шаблоны, которыми мыслили, при помощи которыхъ дѣйствовали. Создалась своеобразная партійная рутина. И хотя люди въ организаціи, благодаря арестамъ, часто мѣнялись, однако выработанные пріемы переходили по наслѣдству отъ одного къ другому, пріобрѣтая прочность традиціи и святость символа вѣры. Мы знали, какъ надо заниматься съ кружками, что нужно говорить на агитаціонныхъ собраніяхъ, какъ составлять экономическія и политическія прокламаціи наконецъ, когда и какъ устраивать демонстраціи и стачки. Послѣднее, впрочемъ, знали не очень твердо. Въ этихъ разъ на всегда опредѣленныхъ границахъ вращалась вся наша партійная работа. Но дальше этихъ границъ мы никуда не шли, да, по правдѣ говоря, и некуда было итти.

Теперь положеніе измѣнилось. Общественная жизнь внезапно расширила свое русло, возникли новыя явленія, съ которыми мы до того совершенно не встрѣчались, открылись новыя возможности, о которыхъ мы раньше и не подозрѣвали. Открытыя политическія собранія! Кто объ этомъ могъ думать полгода тому назадъ? Объ нихъ ничего и не говорилось въ уставахъ и резолюціяхъ, а между тѣмъ они были фактомъ огромной общественной важности и къ нимъ надо было сразу опредѣлить свое отношеніе. Коалиціи съ другими политическими партіями? Правда, на этотъ счетъ имѣлись кое-какія резолюціи, но онѣ, въ сущности, представляли изъ себя абстрактныя формулы, которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходилось заполнять конкретнымъ содержаніемъ. Я уже разсказывалъ, какъ мы столкнулись съ вопросомъ о соглашеніи съ с. р. и какъ разрѣшили его не въ пользу резолюціи. И подобныхъ случаевъ было не мало.

Новыя условія работы требовали и новыхъ тактическихъ пріемовъ, требовали партійнаго *творчества на мѣстахъ*, ибо ни центральный комитетъ, ни тѣмъ болѣе центральный органъ не могли поспѣть со своими указаніями за внезапно ускорившимся темпомъ жизни (вѣдь телеграфомъ мы не могли пользо-

ваться). Это творчество началось и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оно принесло съ собой большое разнорѣчіе во мнѣніяхъ. Въ рядахъ единой организаціи (составъ ея въ то время былъ довольно однороденъ, съ сильнымъ уклономъ въ сторону большевизма) возникли группы и теченія, при чемъ одни фанатически отстаивали старые партійные „устои", а другіе выступали въ роли новаторовъ. Иноземцевъ находился во главѣ послѣднихъ. Тутъ-то ему особенно пригодился его богатый западно-европейскій опытъ и умѣніе быстро оріентироваться въ новомъ положеніи. Къ Иноземцеву примыкали всѣ наиболѣе живыя силы организаціи. И такъ какъ жизнь громко говорила въ пользу новаторовъ, то вполнѣ естественно, что на ихъ сторону склонилась побѣда. Впрочемъ, не безъ усилій и не сразу.

Вначалѣ нашимъ партійнымъ ретроградамъ все въ новомъ движеніи казалось подозрительнымъ. Когда начались банкеты и комитету нужно было выяснить свое отношеніе къ новому явленію, они заявили, что банкеты—это просто-на-просто буржуазная выдумка и провокація, и что соціалъ-демократіи слѣдуетъ ихъ совершенно игнорировать. Конечно, большинство не могло согласиться съ столь упрощеннымъ разрѣшеніемъ вопроса, и, несмотря на жестокую оппозицію ретроградовъ, комитетъ постановилъ принять участіе въ банкетной кампаніи. Когда эта позиція ретроградами была проиграна, они отступили на другую и стали спорить съ нами, стыдно сказать... о словахъ. Такъ какъ выступать приходилось открыто, и мы хотѣли, по возможности, щадить ораторовъ, то было рѣшено избѣгать наиболѣе „страшныхъ" словъ и замѣнять: самодержавіе—старымъ порядкомъ, демократическую республику—полнымъ народовластіемъ и т. д. Рѣчи наши отъ этой замѣны ровно ничего не теряли, ибо каждый понималъ, что хочетъ сказать ораторъ, но ретрограды усмотрѣли тутъ отступленіе отъ чистоты принциповъ и обрушились на насъ съ цѣлымъ градомъ упрековъ въ „оппортунизмѣ", „хвостизмѣ" и другихъ, не менѣе страшныхъ грѣхахъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи они вполнѣ сошлись съ с.-р., которые въ замѣнѣ самодержавія старымъ порядкомъ также усмотрѣли измѣну дѣлу соціализма.

Однако, все это были сравнительно мелочи, и главнымъ пунктомъ разногласій послужилъ, какъ и слѣдовало ожидать, проклятый вопросъ соціалистовъ всѣхъ странъ,—вопросъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ.

Еще съ соціалистами-революціонерами дѣло обстояло сравнительно благополучно. Какъ никакъ, с.-р. были свой братъ, подпольный человѣкъ, и сомнѣваться въ ихъ революціонности и демократизмѣ не приходилось. Правда, 2-ой съѣздъ объявилъ с.-р. мелко-буржуазной партіей, своей дѣятельностью затемнявшей классовое самосознаніе пролетаріата, но все жъ таки въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ онъ разрѣшилъ частичныя соглашенія съ ними. Къ тому же на практикѣ съ вопро-

сомъ объ с.-р. мы сталкивались сравнительно мало, такъ какъ, послѣ неудачнаго выступленія 20 ноября, они порвали съ нами всякія сношенія, и всѣ дальнѣйшіе митинги мы организовали самостоятельно.

Иное дѣло были освобожденцы. Это была ужъ подлинная „буржуазная партія“, буржуазная по составу, по программѣ, по формамъ дѣятельности. Съ этой партіей приходилось быть очень осторожными и постоянно задаваться вопросомъ: а имѣемъ-ли мы право вступить съ нею въ коалицію? Неудивительно, что вопросъ объ отношеніи къ освобожденцамъ волновалъ насъ больше всего въ описываемый періодъ, и что самыя бурныя засѣданія комитета были посвящены именно ему. При этомъ наши ретрограды были, разумѣется, ярыми противниками всякихъ соглашеній, группа же новаторовъ высказывалась за отдѣльныя соглашенія „отъ случая къ случаю“ въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Особенно энергично отстаивалъ эту послѣднюю идею Иноземцевъ. Его западно-европейскіе навыки, пріобрѣтенные во Франціи и въ Бельгіи, не мирились съ той узко-доктринерской политикой, которую проповѣдывали ретрограды, и увлеченный имъ, нашъ комитетъ допустилъ соглашенія съ освобожденцами. Это было вполнѣ правильно и благоразумно, но это плохо согласовалось съ большевистскими взглядами, исповѣдывавшимися лидерами нашего комитета. Впрочемъ, въ то время большевизмъ еще мало чѣмъ отличался отъ меньшивизма. Я уже разсказывалъ, какъ мы совмѣстно съ освобожденцами устроили банкетъ 14 декабря. Другимъ выступленіемъ подобнаго же рода былъ банкетъ, организованный 8 января 1905 г., но объ этомъ ниже.

Нашъ комитетъ пошелъ, однако, еще дальше. Приближалось время губернскаго земскаго собранія, и такъ какъ саратовское земство въ то время было однимъ изъ самыхъ либеральныхъ въ Россіи, то всѣ ожидали отъ собранія довольно рѣшительныхъ постановленій. Это давало поводъ для внушительной общественной демонстраціи, и мы рѣшили воспользоваться этимъ поводомъ. Все по иниціативѣ того же Иноземцева, мы составили краткое воззваніе-декларацію съ изложеніемъ нашихъ ближайшихъ требованій (всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе, однопалатная система, неограниченная свобода слова, печати, совѣсти, собраній, союзовъ, стачекъ, неприкосновенность личности, 8-час. рабочій день и т. д.) и стали собирать подъ ней подписи. Подписные листы съ отпечатанной деклараціей были распространены по фабрикамъ и заводамъ, розданы въ земскія, городскія и желѣзнодорожныя учрежденія, разосланы по уѣзднымъ городамъ и селамъ. Эти же листы выставлялись на каждомъ политическомъ банкетѣ или собраніи. Къ началу января у насъ было собрано такимъ образомъ около 1500 подписей, и мы рѣшили декларацію вмѣстѣ съ подписями передать земскому собранію, какъ программу требованій пролетарской демократіи. Кромѣ того, въ тотъ день, ко-

4*

ыда въ собраніи должна была обсуждаться наша декларація, мы хотѣли наполнить залъ засѣданія рабочими и такимъ способомъ оказать нравственное давленіе на колеблющихся гласныхъ. Ниже я разскажу, насколько намъ удалось выполнить намѣченный проектъ.

Какъ видитъ читатель, принятый нами планъ былъ точной копіей знаменитаго плана земской кампаніи „Искры“, подвергшагося такимъ яростнымъ нападкамъ со стороны большевиковъ. Характерно, однако, что до этого плана мы додумались совершенно самостоятельно, такъ какъ столь нашумѣвшее письмо „Искры“ попало къ намъ въ самомъ концѣ декабря, когда все дѣло было уже почти сдѣлано. Еще болѣе характерно то, что этотъ еретическій планъ былъ разработанъ и выполненъ почти большевистскимъ комитетомъ, и что главнымъ иниціаторомъ и защитникомъ плана являлся никто иной, какъ видный большевикъ—т. Иноземцевъ! Такъ непреоборимо сильна логика жизни!

Сознавали ли мы въ то время всю серьезность положенія? Понимали ли, что стоимъ на порогѣ революціи? Да, конечно, отчасти сознавали и понимали, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало. И даже не столько сознавали и понимали, сколько чувствовали. Однако, никакихъ выводовъ изъ этихъ предчувствій мы не дѣлали и никакихъ широкихъ плановъ на будущее не загадывали. Въ сущности, мы не мудрствовали лукаво и просто жили сегодняшнимъ днемъ: „довлѣетъ дневи злоба его“. Мы видѣли, что полицейскіе тиски временно разжались, и общество получило относительную свободу собраній. И мы стремились, какъ можно лучше, использовать эту свободу для агитаціи. Явится ли эта агитація прологомъ революціи или черезъ мѣсяцъ снова опустится въ подполье, придавленная полицейской пятой,—мы этого не знали, да, по правдѣ говоря, и не очень интересовались знать. Скорѣе мы даже думали, что все снова придетъ въ свой „нормальный“, полицейско-бюрократическій порядокъ, и банкетная кампанія останется въ нашей памяти лишь волшебно-прекраснымъ, но далекимъ сномъ. Но, что бы ни случилось въ дальнѣйшемъ, мы очень хорошо знали, что агитація во всякомъ случаѣ ничему не повредитъ. И, потому, мы агитировали. И такъ какъ мы были увѣрены, что свобода собраній протянется очень недолго, то и старались использовать, какъ можно лучше, то короткое время, которое было въ нашемъ распоряженіи. Въ этомъ заключался весь нашъ тактическій планъ. Дальше этого мы не заглядывали.

Конечно, не всѣ изъ насъ были такъ скромны. Многіе уносились мечтами далеко впередъ, говорили о наступленіи революціи, старались предугадать ея формы и событія. Но въ общемъ всѣ эти мечты и разговоры оставались лишь индивидуальными мечтами и разговорами. На характерѣ нашей практической работы они мало отражались. Къ тому же большинство нашихъ тогдашнихъ построеній отличалось удивительной книжностью и представляло изъ себя простой переводъ съ иностраннаго, главнымъ

образомъ, французскаго. Революція рисовалась намъ въ видѣ традиціонныхъ баррикадъ, возстанія съ оружіемъ въ рукахъ, открытыхъ битвъ съ правительственными войсками. Точно также крестьянское возстаніе, когда мы о немъ думали, мыслилось нами не иначе, какъ на манеръ французской жакеріи. Того, что произошло въ дѣйствительности, мы совершенно не предвидѣли. Всеобщая стачка, какъ оружіе революціи, явилась для насъ полной неожиданностью...

Между тѣмъ событія начинали развертываться ускореннымъ темпомъ.

VI.

Въ концѣ декабря на путиловскомъ заводѣ въ Петербургѣ было уволено четверо рабочихъ; спустя нѣсколько дней, изъ солидарности съ уволенными, забастовалъ весь заводъ. 4 января выступилъ Георгій Гапонъ со своими 11 отдѣлами, и стачка стала распространяться на другія отрасли производства. Вечеромъ 7-го стачка уже охватила 75.000 рабочихъ и въ общественной атмосферѣ столицы ясно запахло грозой...

Первыя же извѣстія о петербургскихъ событіяхъ подѣйствовали на насъ, какъ неожиданный ударъ грома.

„Началось,—подумали многіе изъ насъ, пробѣгая съ волненіемъ петербургскія газеты,—началась развязка, которой съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали цѣлыя десятилѣтія... къ чему-то она приведетъ?“

Нервное настроеніе, которое постепено наростало въ городѣ въ теченіе всего декабря, теперь достигло своего апогея, и даже самые хладнокровные люди начинали волноваться и безпокоиться. Всюду—на улицахъ, въ земствѣ, въ редакціяхъ газетъ, въ либеральныхъ гостиныхъ, на фабрикахъ и заводахъ, на общественныхъ собраніяхъ, — только и было рѣчи, что о начавшейся петербургской стачкѣ. Она сразу приковала къ себѣ всеобщее вниманіе, ибо всѣ какъ-то инстинктивно почувствовали, что здѣсь завязался великій историческій узелъ. Какъ всегда бываетъ въ дни народныхъ волненій, по городу ходили самые фантастическіе слухи, противорѣчащіе одинъ другому и окончательно сбивающіе съ толку простодушнаго обывателя. Одни „изъ замыхъ достовѣрныхъ источниковъ“ сообщали, что со дня на день можно ожидать объявленія конституціи; другіе изъ не менѣе „достовѣрныхъ источниковъ“ грозили странѣ безпощадно жестокими репрессіями; одни говорили, что положеніе Святополкъ-Мирскаго чрезвычайно упрочилось, другіе,—что, наоборотъ, онъ уже подалъ въ отставку, и т. д. до безконечности. А надъ всѣми этими толками и слухами, сообщеніями и извѣстіями, по городу, какъ густой ядовитый туманъ, стала быстро расползаться зловѣщая тревога. Никто не зналъ, что должно совершиться завтра, но всѣ жили въ ожиданіи чего-то грознаго и небывало-великаго...

При такихъ обстоятельствахъ наступило время земскаго собранія. Открытіе собранія назначено было на 9 января, а 8 освобожденцы, въ честь собравшихся гласныхъ, рѣшили устроить банкетъ. Мы были также приглашены къ участію въ этомъ банкетѣ и, взявъ у освобожденцевъ сотни двѣ билетовъ для рабочихъ, рѣшили выставить съ своей стороны 2 или 3 ораторовъ. Помнится, на эту роль были выдвинуты т. Васильевъ и еще одинъ рабочій, по фамиліи, Рустановъ. Однако, участіемъ въ либеральномъ банкетѣ мы не ограничились и нашли необходимымъ одновременно съ либеральнымъ, въ тотъ же вечеръ 8 января, устроить свой демократическій банкетъ на уже знакомой читателю Пѣшкѣ.

Не знаю навѣрное, что происходило въ тотъ памятный вечеръ на либеральномъ банкетѣ, такъ какъ я попалъ на него уже къ шапочному разбору, когда офиціальная часть собранія была закончена и на трибунѣ появились добровольцы изъ публики. Разсказывали о блестящей рѣчи Н. Н. Львова, посвященной текущему моменту, говорили о выступленіи Рустанова, показывали въ залѣ группу „настоящихъ" крестьянъ, человѣкъ въ 30, въ зипунахъ и красныхъ рубашкахъ, спеціально пріѣхавшихъ изъ деревни для того, чтобы присутствовать на банкетѣ и т. д. Но, повторяю, личныхъ впечатлѣній отъ либеральнаго банкета у меня осталось очень мало, и я знаю его больше по разсказамъ.

Зато о демократическомъ собраніи на Пѣшкѣ я могу сообщить мельчайшія подробности, такъ какъ присутствовалъ на немъ съ самаго начала и до конца. Въ общемъ картина собранія была приблизительно та же, что и 20 ноября. Тотъ же невысокій полутемный залъ, та же черная рабочая масса, плотной стѣной стоящая повсюду, та же невыносимая жара и духота, то же напряженное вниманіе. Только народу на этотъ разъ было значительно больше (приблизительно тысячи $1^1/_2$), да настроеніе, подогрѣтое петербургскими вѣстями, значительно выше, чѣмъ прежде. Многіе рабочіе явились на Пѣшку вооруженные револьверами, кинжалами, ножами, такъ какъ собранію предшествовалъ слухъ, что оно будетъ разогнано полицейской силой. Этотъ слухъ, къ счастью, не оправдался, но сдѣлай полиція попытку помѣшать собранію,—и, я увѣренъ, произошла бы ужасная катастрофа: возбужденные рабочіе ни за что бы добровольно не уступили, и кровавая схватка въ биткомъ набитомъ залѣ была бы неизбѣжна.

Впрочемъ, полиція, съ своей стороны, приняла необходимыя предупредительныя мѣры. Говорили, что въ прилежащихъ къ базару дворахъ были спрятаны отряды городовыхъ и казаковъ, а въ самомъ залѣ собранія, прямо противъ эстрады, одиноко стоялъ полицейскій приставъ. Признаться, я не завидовалъ его положенію.

Въ 8. ч. собраніе было открыто. Предсѣдателемъ выбрали стараго, извѣстнаго въ Саратовѣ врача-радикала У., и начались рѣчи. Говорилъ Иноземцевъ о предстоящей борьбѣ за политиче-

скую свободу, говорилъ Степановъ о сущности гражданской свободы, говорилъ Мартыновъ о связи экономической борьбы съ политической, говорилъ, наконецъ, я—объ учредительномъ собраніи. Всѣ рѣчи выслушивались съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, а наиболѣе удачныя мѣста отмѣчались бурными аплодисментами. Никогда я не забуду того могучаго подъема, который пришлось испытать на этомъ собраніи.

Въ срединѣ рѣчей ораторовъ неожиданно пришло извѣстіе, которое взволновало насъ до глубины души. Одинъ изъ членовъ нашей организаціи, съ трудомъ протолкавшись на эстраду, принесъ только что полученную имъ изъ Петербурга телеграмму, въ которой стояло слѣдующее: „Ваши условія приняты. Завтра предъявляемъ 100 тысячъ". Мы расшифровали эту телеграмму такъ: „Выставлены требованія, аналогичныя требованіямъ вашей декларации. Завтра эти требованія предъявляютъ 100 тыс. человѣкъ".

Послѣ полученія телеграммы мы сразу почувствовали, что необходимо сегодня же, на этомъ же собраніи коснуться петербургскихъ событій. Поэтому, когда намѣченная программа банкета была выполнена, на эстраду вышелъ высокій, худощавый рабочій, одинъ изъ членовъ нашихъ районныхъ комитетовъ, и обратился къ собранію съ краткой рѣчью. Онъ разсказалъ о громадной петербургской стачкѣ, объ ея великомъ историческомъ значеніи, объ обязанности всѣхъ рабочихъ Россіи поддержать своихъ петербургскихъ товарищей, добивающихся лучшей доли для всего рабочаго класса. Въ заключеніе онъ предложилъ выразить сочувствіе борьбѣ петербургскаго пролетаріата и сдѣлать въ его пользу денежный сборъ. Предложеніе это было принято сочувственными возгласами и аплодисментами. Затѣмъ была принята предложенная комитетомъ резолюція съ обычными демократическими требованіями, постановлено довести эту резолюцію до свѣдѣнія либеральнаго банкета, и собраніе объявлено закрытымъ.

У выходныхъ дверей зала расположились наши организаторы съ подписными листами декларацiи и съ шапкой для сбора пожертвованій. Выходившіе съ собранія рабочіе писали на листахъ свои фамиліи и бросали въ шапку деньги: пятаки, семишники, гривенники, изрѣдка пятиалтынные. Потомъ, когда мы пересчитали деньки, ихъ оказалось около 50 руб. Это было немного, но это были настоящія рабочія деньги, собранныя для поддержки борющихся товарищей, и моральное значеніе ихъ было огромно.

Впрочемъ, на либеральномъ банкетѣ также производились сборы въ пользу петербургскихъ стачечниковъ, но, хотя на банкетѣ присутствовало до 1000 чел., въ большинствѣ зажиточныхъ и даже богатыхъ, однако, собрано было только около 250 р. Это было, конечно, хорошо, но могло быть лучше...

На другой день въ 2 ч. дня открылось земское собраніе. Мѣста для публики были биткомъ набиты, при чемъ среди присутствующихъ преобладали третій элементъ и городская интеллигенція. Гласные были всѣ въ сборѣ и находились въ приподнятомъ на-

строенія. Лѣвые заранѣе предвкушали сладость побѣды, правые хмурились и кучкой держались въ сторонѣ. Послѣ окончанія неизбѣжныхъ формальностей, на обсужденіе собранія былъ поставленъ вопросъ объ отношеніи земства къ событіямъ текущаго момента. Обсуждать этотъ вопросъ въ открытомъ собраніи земцы не рѣшились (кажется, благодаря протесту губернатора) и постановили передать его въ комиссію, засѣданія которой были объявлены непубличными (однако, представители печати допускались). Въ составъ комиссіи вошло все земское собраніе, и первое засѣданіе ея было назначено вечеромъ въ тотъ же день. Такимъ образомъ, нашъ проектъ наводнить залъ засѣданій собранія рабочими рушился самъ собой и приходилось спасать остальныя части плана. Это намъ отчасти и удалось.

Къ 8 ч. вечера въ кабинетѣ предсѣдателя губернской управы собрались всѣ гласные и представители печати. Кромѣ нихъ, у полуоткрытыхъ дверей кабинета и въ коридорѣ управы толпилось немало представителей третьяго элемента, старавшихся, хоть краемъ уха, услышать, что творится на собраніи.

Пресѣдателемъ собранія былъ избранъ А. Д. Юматовъ (онъ же предсѣдатель губернской управы), и обсужденіе жгучаго вопроса началось. Предварительно были прочитаны 11 земскихъ пунктовъ, наша декларація (въ этомъ отношеніи мы добились своего), декларація освобожденцевъ, подъ которой они, такъ же какъ и мы, собирали подписи, заявленіе саратовскихъ женщинъ, протестовавшихъ противъ избіенія молодежи на ноябрьскихъ и декабрьскихъ манифестаціяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ и еще какія-то петиціи и документы. Послѣ этого комиссія безъ преній рѣшила положить въ основу своего обсужденія 11 земскихъ пунктовъ и приступила къ постатейному ихъ разсмотрѣнію.

Вначалѣ дѣло шло гладко и единодушно. Пунктъ за пунктомъ принимался единогласно, почти не возбуждая преній и разногласій. Но чѣмъ дальше шло обсужденіе, тѣмъ больше столкновеній становилось между правыми и лѣвыми, тѣмъ чаще возникали оживленные дебаты. Особенно много времени занялъ тотъ пунктъ, который говоритъ о гражданскихъ свободахъ. Свобода слова, собраній, совѣсти, союзовъ была признана единодушно, но свобода печати кое-кому пришлась уже не по вкусу.

— Я за свободу печати,—заявилъ гр. Уваровъ,—но я требую строгихъ и опредѣленныхъ границъ для этой свободы. Я противъ такой свободы печати, при которой печать можетъ вмѣшиваться въ мои личныя или семейныя дѣла, обливать помоями мою жену, моихъ дѣтей, моихъ родственниковъ.

Почтеннаго графа увѣрили, что ни въ одной странѣ въ мірѣ печать не имѣетъ права незаслуженно позорить личную честь гражданина, и онъ успокоился.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ!—прибавилъ графъ.

Не такъ просто, какъ со свободой печати, обстояло дѣло съ другой свободой—со свободой стачекъ. Эта свобода, какъ извѣст-

но, была пропущена въ 11 пунктахъ, но гласный В. М. Обуховъ подняль столь непріятный для земцевъ вопросъ и потребовалъ включенія въ вырабатываемый текстъ пожеланій и свободы стачекъ.

Классовый инстинктъ сразу заговорилъ въ членахъ собранія, и они внезапно заволновались. Правая сторона стала какъ-то непріязненно рычать. Кто-то попытался снять вопросъ съ очереди по формальнымъ основаніямъ. Это не удалось. Гл. Немировскій вспомнилъ о свободѣ науки, М. В. Безобразовъ предложилъ не забыть и о свободѣ передвиженія, а Н. Н. Львовъ сталъ доказывать, что свобода стачекъ не относится къ гражданскимъ свободамъ, что она подразумѣвается въ свободѣ союзовъ и собраній, и что вообще это такая мелочь, на которой не стоитъ останавливаться.

При послѣднихъ словахъ ораторъ Обуховъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Какъ мелочь?—воскликнулъ онъ.—Изъ за этой мелочи льется человѣческая кровь, а вы говорите мелочь! Я требую, чтобы свобода стачекъ была внесена въ число земскихъ пожеланій!

Обухова поддержали А. М. Масленниковъ, С. А. Котляревскій, гр. Нессельроде и цѣлый рядъ другихъ лѣвыхъ гласныхъ, и вопросъ, казалось, готовъ былъ разрѣшиться въ положительномъ смыслѣ. Вдругъ подымается грузная фигура камышинскаго земца Михайлова и произноситъ:

— Мы забыли еще одну свободу,—свободу науки и ея преподаванія.

— Позвольте,—возразилъ ему предсѣдатель,—но вѣдь свобода науки всецѣло покрывается свободой слова, печати, собраній. Зачѣмъ же вносить ее отдѣльнымъ пунктомъ въ наши пожеланія?

Но Михайловъ воспылалъ необыкновенной ревностью къ свободѣ науки и не хочетъ принимать никакихъ резоновъ:

— А я все-таки настаиваю на своемъ предложеніи.

— Но вѣдь мы сейчасъ обсуждаемъ другой вопросъ,—вопросъ о свободѣ стачекъ. Угодно ли вамъ высказаться за свободу стачекъ?

— Да, я согласенъ голосовать за свободу стачекъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, что въ наши пожеланія будетъ включена и свобода науки.

— Но вѣдь это особый вопросъ...

— Въ такомъ случаѣ я голосую противъ свободы стачекъ.

Предсѣдатель разводитъ руками и недоумѣвающе смотритъ на собраніе.

— Такъ, какъ же, господа,—включить и свободу науки въ пожеланія?

— Включите, включите, не все ли равно?—раздаются голоса гласныхъ.

Предсѣдатель голосуетъ добавленіе: „свобода стачекъ, свобода науки и ея преподаванія“ и въ такомъ видѣ поправка принимается подавляющимъ большинствомъ.

Къ 12 ч. ночи всѣ 11 пунктовъ оказались пройденными и принятыми, при чемъ особенно продолжительные и страстные дебаты вызвалъ пунктъ 10, гласившій о необходимости введенія въ Россіи народнаго представительства съ законодательной властью, правомъ утвержденія бюджета и контроля за дѣятельностью администраціи. Со стороны правыхъ выступили гр. Уваровъ, А. А. Павловъ, В. Н. Ознобишинъ и нѣкоторые другіе; отъ имени лѣвыхъ говорили Н. Н. Львовъ, С. А. Котляревскій, А. О. Немировскій и А. М. Масленниковъ. Рѣчь послѣдняго произвела особенно сильное впечатлѣніе.

Въ самомъ концѣ засѣданія, когда основные пункты земскихъ пожеланій оказались, такимъ образомъ, установленными, поднялся гр. Уваровъ и взволнованнымъ голосомъ предложилъ направить земскій адресъ не С. Ю. Витте, котораго онъ „терпѣть не можетъ“, не министру внутреннихъ дѣлъ — этому „слабохарактерному и нерѣшительному человѣку“, вообще не какому-нибудь чиновнику, бюрократу, образующему „средостѣніе“ между царемъ и народомъ, а непосредственно государю.

— Пусть голосъ земли—закончилъ онъ—дойдетъ до Государя Императора! Будемъ просить нашего губернскаго предводителя дворянства, имѣющаго право личнаго предстательства предъ Государемъ, отвести нашъ адресъ въ Петербургъ и лично передать его Его Величеству Государю Императору!

Предложеніе это, послѣ нѣкотораго замѣшательства, было принято, и затѣмъ засѣданіе было прервано до слѣдующаго утра“.

На другой день утромъ занятія комиссіи продолжались. За ночь лѣвое крыло собранія успѣло составить проектъ постановленія, охватывающаго важнѣйшія земскія пожеланія; причемъ въ пунктѣ о народномъ представительствѣ упоминалось, что послѣднее должно быть организовано на основѣ *всеобщаго* избирательнаго права,—остальные три члена знаменитой формулы были опущены. Мы, журналисты, передъ началомъ собранія горячо нападали за это опущеніе на земцевъ, упрекая ихъ въ недостаткѣ чуткости къ голосу страны и въ излишней робости предъ силой предразсудковъ. Земцы, какъ могли, защищались отъ нашихъ нападокъ, указывали на неподготовленность многихъ гласныхъ къ воспріятію полной 4-членной формулы, говорили о необходимости „годить“ и приспособляться и т. д. Впрочемъ, нѣкоторые выдвигали и принципіальныя возраженія. Такъ, С. А. Котляревскій, по принципіальнымъ соображеніямъ, высказался противъ прямыхъ выборовъ и за двухстепенную систему. Другіе отстаивали необходимость образовательнаго ценза.

Начало утренняго засѣданія не ознаменовалось ничѣмъ замѣчательнымъ. Гласные быстро прошли нѣсколько менѣе важныхъ пунктовъ. Неопытному наблюдателю могло даже казаться, что выработка пожеланій такъ и закончится безъ рѣзкихъ столкновеній и дебатовъ. Но такое впечатлѣніе было бы ошибочнымъ. Всѣ — и гласные, и журналисты, и стоявшій въ дверяхъ третій

элементъ — чувствовали, что спокойствіе, въ которомъ прошло начало засѣданія, было лишь затишьемъ передъ бурей, и что генеральное сраженіе предстоитъ еще впереди. Такъ оно, въ дѣйствительности, и случилось.

Около 12 ч. дня, когда изъ всѣхъ 11 пунктовъ оставалось не пройденнымъ лишь послѣдній — о народномъ представительствѣ, — былъ объявленъ перерывъ. Никто не сомнѣвался, что именно здѣсь должна разыграться главная битва между правыми и лѣвыми, и гласные передъ битвой хотѣли нѣсколько отдохнуть, освѣжиться и столковаться другъ съ другомъ. Сосѣднія съ кабинетомъ предсѣдателя комнаты были превращены въ кулуары, и группы гласныхъ, журналистовъ и служащихъ управы сразу же наполнили ихъ шумомъ своихъ голосовъ.

Въ это время никакихъ свѣдѣній о петербургскихъ событіяхъ еще не было получено, но уже начали появляться нѣкоторые зловѣщіе предвѣстники. Петербургскія газеты утромъ 10-го не пришли, агентскихъ телеграммъ не было получено, по городу ходили неизвѣстно откуда взявшіеся слухи, что въ Петербургѣ творится что-то ужасное, но что именно,—никто толкомъ не могъ сказать. Въ управу то и дѣло прибѣгали взволнованные люди; сильно жестикулируя, они разсказывали какую-нибудь тревожную новость, какой-нибудь невѣроятный слухъ, и затѣмъ бѣжали дальше, разнося тревогу и ожиданія по городу. Новости и слухи быстро передавались изъ устъ въ уста, тутъ же въ кулуарахъ горячо обсуждались и комментировались и сильно подымали и безъ того повышенное настроеніе.

Особенно сильное впечатлѣніе и на гласныхъ и на публику произвело только что полученное въ тотъ день письмо отъ бывшаго секретаря губернской управы Г., незадолго передъ тѣмъ переѣхавшаго на жительство въ Петербургъ. Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 6-мъ января, Г. сообщалъ о разразившейся стачкѣ, о могучей агитаціи Гапона, о знаменитой петиціи, которую возятъ по фабрикамъ и которую подписываютъ десятки тысячъ рабочихъ, о предполагаемомъ шествіи къ дворцу, назначенномъ на 9 января, объ охватившемъ весь Петербургъ настроеніи. Письмо заканчивалось приблизительно слѣд. словами: „Подымается что-то могучее, грозное, стихійное, и чѣмъ все это кончится, не знаю, но чѣмъ-то великимъ“. Въ самомъ концѣ было ядовито прибавлено (авторъ принадлежалъ къ „беззаглавнымъ соціалистамъ“): „с.-д—ія отброшена въ сторону и плетется въ хвостѣ движенія“.

Если бы все это сообщалъ какой-нибудь „мальчишка изъ красныхъ“, его словамъ можно было бы не придавать значенія. Но авторомъ письма былъ человѣкъ уже пожилой, уравновѣшенный, спокойный, а главное хорошо знакомый всѣмъ гласнымъ и пользовавшійся огромной популярностью въ земствѣ,—поневолѣ приходилось его словамъ вѣрить и надъ ними задумываться. Письмо сейчасъ же стало обсуждаться на всѣ лады, при чемъ

сразу же стало замѣтно, что гласные, подъ вліяніемъ полученныхъ извѣстій, сильно передвинулись влѣво. Правые какъ-то сжались и присмирѣли, колеблющіеся и нерѣшительные стали прислушиваться къ голосамъ лѣвыхъ, а лѣвые воспрянули духомъ и казались имянинниками. Въ теченіе какого-нибудь часа положеніе рѣзко измѣнилось. Тѣ самые люди, которые еще сегодня утромъ толковали о необходимости годить и приспособляться, теперь рѣшительно высказывались за 4-членную избирательную формулу.

— Что вы толкуете объ образовательномъ цензѣ, о двухстепенныхъ выборахъ?—почти кричалъ одинъ изъ видныхъ представителей третьяго элемента, стоя въ кружкѣ прогрессивныхъ гласныхъ.—Вы слышали, что читали въ письмѣ изъ Петербурга? Вы понимаете, что требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія написано теперь на знамени 100-тысячной массы? Прислушайтесь къ голосу этой массы, если не хотите остаться позади, ибо теперь тамъ жизнь, тамъ будущее!

Еще наканунѣ этотъ пламенный защитникъ 4-членной формулы допускалъ необходимость двухстепенныхъ выборовъ и образовательнаго ценза, но теперь... теперь онъ былъ ярымъ партизаномъ демократіи.

Въ группѣ правыхъ настроеніе было подавленное и удрученное.

— Такъ, какъ же вы думаете, повѣсятъ насъ?—спрашивалъ одинъ зубръ, обращаясь къ другому зубру.

— А все равно, и такъ повѣсятъ, и этакъ повѣсятъ!—отвѣчалъ ему собесѣдникъ, безнадежно махая рукой.

Я думалъ они шутятъ, но, взглянувъ на ихъ хмурыя разстроенныя лица, я понялъ, что они говорили серьезно. Имъ, дѣйствительно, уже мерещилась петля.

Когда, наконецъ, затянувшійся перерывъ кончился, и гласные снова собрались въ кабинетѣ предсѣдателя, побѣда лѣвыхъ была уже заранѣе несомнѣнна, и всѣхъ интересовали только ожидавшіяся рѣчи.

Было бы слишкомъ утомительно передавать подробно всѣ дебаты, которыми ознаменовалось это замѣчательное засѣданіе, — поэтому я ограничусь лишь самыми общими чертами. Вопросъ о желательности народнаго представительства, какъ это ни странно, почти никѣмъ не оспаривался,—поэтому съ нимъ покончили довольно скоро. Иное дѣло—система избирательнаго права. Тутъ господствовало самое причудливое разнообразіе мнѣній, и, потому, именно на этомъ пунктѣ произошло генеральное столкновеніе между правыми и лѣвыми.

Со стороны лѣвыхъ главнымъ застрѣльщикомъ выступилъ А. М. Масленниковъ. Его рѣчь, сказанная въ защиту 4-членной формулы, была, дѣйствительно, превосходна. Особенно мнѣ понравилось его умѣніе такъ популяризовать разбираемую тему, такъ разжевать трактуемый вопросъ, что слушателю ничего больше

не остается, только проглотить и согласиться. Гласные, сидѣвшіе на правой сторонѣ, были самыми подлинными зубрами (достаточно сказать, что среди нихъ находился знаменитый В. Н. Ознобишинъ), но и они подъ конецъ должны были согласиться съ блестящей аргументаціей оратора и, точно очарованные, то и дѣло прерывали его рѣчь восклицаніями:

— Правильно! Вѣрно! Хорошо!

А когда ораторъ кончилъ, они покрыли его рѣчь шумными рукоплесканіями.

Другимъ защитникомъ 4-членной формулы выступилъ гр. Нессельроде, произнесшій очень умную и содержательную рѣчь, въ которой онъ ссылался на личныя наблюденія надъ могучимъ дѣйствіемъ на массы всеобщаго избирательнаго права во Франціи.

Со стороны правыхъ говорило также нѣсколько ораторовъ, но рѣчи ихъ были такъ безцвѣтны и блѣдны, что не оставили въ моей памяти никакого впечатлѣнія. Только одного оратора я помню до сихъ поръ—это В. Н. Ознобишина. Впрочемъ, рѣчь его была очень коротка и своеобразна.

— Ограничить царя?... Нельзя, невозможно!... Лишить власти царя?... Не допустимъ, не признаемъ!... Русскій народъ не признаетъ ограниченнаго царя!... Вѣрно!... Какъ я стою на этомъ мѣстѣ, не признаетъ ограниченнаго царя!...

Затѣмъ онъ обвелъ присутствующихъ мутными посоловѣвшими глазами и опустился на стулъ, бормоча:

— Нѣтъ, не признаетъ!

Послѣ Ознобишина говорилъ еще цѣлый рядъ ораторовъ, но ихъ рѣчи особеннаго значенія не имѣли и, потому, я обхожу ихъ молчаніемъ.

Въ концѣ концовъ, на исходѣ 3-часовыхъ дебатовъ, вопросъ о системѣ избирательнаго права былъ поставленъ на голосованіе. Наступилъ торжественный моментъ. Правые, во главѣ съ Ознобишинымъ, удалились изъ зала засѣданій. Лѣвые и центръ остались на своихъ мѣстахъ. Въ такомъ составѣ земское собраніе единогласно высказалось въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ. Высказаться за прямые выборы у земцевъ не хватило духу. Однако, и принятая формула представляла собой большую побѣду демократіи.

Затѣмъ гласные стали подписывать выработанный текстъ адреса. Подписались лѣвые, подписался центръ, подписались и многіе изъ правыхъ. Вначалѣ послѣдніе долго колебались, о чемъ-то таинственно шептались, собравшись въ кружокъ, но потомъ съ отчаяніемъ махнули рукой и послѣдовали общему примѣру... Только четверо, съ В. Н. Ознобишинымъ въ главѣ, остались непреклонными до конца и, отказавшись подписать адресъ, подали особое мнѣніе.

Дальнѣйшая исторія земскаго собранія не представляетъ ничего интереснаго. Гласные засѣдали еще въ теченіе 2—3 дней, но земскими дѣлами занимались очень мало и большую часть

времени проводили въ разговорахъ и обсужденіи совершавшихся событій. Захваченные широкимъ движеніемъ, начавшимся въ Саратовѣ послѣ 9 января, они проявили неожиданную щедрость и въ теченіе двухъ дней собрали чуть ли не около 1000 руб. для поддержки стачечниковъ. 12 или 13 января (точно не помню) земское собраніе постановило, что при данномъ положеніи вещей оно не въ состояніи спокойно заниматься дѣлами, и объявило свои засѣданія отсроченными. Большинство гласныхъ вскорѣ разъѣхалось по домамъ...

И Л—ій.

Изъ эпохи пугачевщины.

Аграрныя волненія, разразившіяся въ Россіи въ 1906 и 1907 годахъ, историку живо напоминаютъ событія, очень похожія на нихъ, имѣвшія мѣсто 130 лѣтъ тому назадъ, а именно эпоху пугачевщины.

Къ этой эпохѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походящей на пережитыя нами событія, относится приводимый нами документъ, „указъ“ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ одного тогдашняго помѣщика, *Н. Е. Струйскаго.*

Николай Еремеевичъ Струйскій, поэтъ, „бардъ Екатерины“, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Сапфиры,—лицо, не безызвѣстное изслѣдователямъ русской литературы XVIII вѣка. Быть можетъ, взглядъ ихъ на Н. Е. Струйскаго является нѣсколько одностороннимъ, въ силу скудности и пристрастности тѣхъ свѣдѣній, какими они о немъ располагали. Наряду съ пресловутымъ графомъ Д. И. Хвостовымъ, Струйскій считается однимъ изъ типичнѣйшихъ метро-и графомановъ. Несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ съ неуравновѣшенной и болѣзненной душевной организаціей. Ранніе годы жизни онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ едва ли не былъ, благодаря своей замѣчательной красотѣ, однимъ изъ кратковременныхъ и случайныхъ фаворитовъ Екатерины II-й. Затѣмъ, то ли онъ запутался въ придворныхъ интригахъ, то ли онъ сталъ опаснымъ кому-либо изъ постоянныхъ фаворитовъ, но Струйскій принужденъ былъ покинуть Петербургъ и остатки дней, болѣе четверти вѣка, безвыѣздно провести въ своемъ извѣстномъ, богатомъ помѣстьи Кузневка, гдѣ онъ учредилъ сельскую типографію для печатанія своихъ стиховъ, о которыхъ, кстати скажемъ, не безъ одобренія отзывался поэтъ князь П. А. Вяземскій. Два внука Николая Еремеевича были поэтами—Александръ Ивановичъ Полежаевъ и Дмитрій Юрьевичъ Струйскій, писавшій подъ псевдонимомъ Трилуннаго (по гербу). По своему литературному направленію Н. Е. былъ почитателемъ Сумарокова и бичевалъ приказныхъ, которые (кажется, и въ томъ числѣ поэтъ, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, бывшій пензенскимъ вице-губернаторомъ) вымарщивали съ него взятки, пользуясь его поднадзорнымъ положеніемъ и богатымъ состояніемъ.

Мѣстность, гдѣ находились помѣстья Струйскихъ, жестоко пострадала отъ пугачевщины. Погибла вся почти родня нашего поэта, едва не погибла его родная мать. Но собственное его помѣстье отдѣлалось сравнительно благополучно. Пограбили лишь барскую усадьбу, да и то

пріѣзжіе и сосѣди. Свои же мужики были главнымъ образомъ виноваты въ томъ, что недостаточно энергично отстаивали барское добро...

Тѣмъ не менѣе, Н. Е. Струйскій очень разгнѣвался на своихъ крѣпостныхъ, заподозривъ, что они сочувственно отнеслись къ предложенію пугачевцевъ убить своего барина. По пріѣздѣ въ вотчину Н. Е. учинилъ суровый розыскъ. Но еще до личнаго прибытія онъ хотѣлъ поразить своихъ крестьянъ, воздѣйствовать на ихъ психику громомъ своего литературнаго краснорѣчія—и вотъ плодомъ его пера явился „указъ", который онъ хотѣлъ сдѣлать извѣстнымъ для своихъ крестьянъ черезъ приходскаго попа.

Не будемъ удивляться, что въ этомъ своемъ произведеніи „указъ" поэтъ остался сыномъ своего вѣка, что онъ не видитъ для крестьянъ иного возможнаго положенія, кромѣ крѣпостного, что, по его толкованію, воля для мужика, однимъ словомъ: плаха, топоръ и висѣлица... но вмѣстѣ съ тѣмъ „указъ" является драгоцѣннымъ памятникомъ, могущимъ ввести насъ въ психологію русскаго просвѣщеннаго рабовладѣльца XVIII вѣка,—психологію, для насъ совершенно чуждую и непонятную.

„Указъ" любопытенъ по своему языку. Авторъ писалъ для простого народа и поддѣлывался подъ народное пониманіе; поэтому встрѣчается въ текстѣ „указа" много синтаксическихъ неправильностей; но зато языкъ изобилуетъ многими любопытными провинціализмами и формами живой народной рѣчи того времени.

Въ Саранской моей вотчинѣ, въ селѣ Покровскомъ находящемуся при церкви Божіей священнику Іакову Ѳедотовичу здравія желаю.

По дошедшему ко мнѣ обстоятельному извѣстію, что прошедшаго іюля отъ 27 и другихъ чиселъ въ теченіе того мѣсяца всему свѣту извѣстный разбойникъ и душегубецъ Пугачевъ, проливая кровь разнаго званія людей, и насыщая себя, онъ, варваръ, плавая больше въ крови истребленіемъ людей благородныхъ, и бунтуя несмысленныхъ скотовъ, живущихъ въ селеніяхъ — подлой народъ, — единственно къ достиженію отъ побѣдоносныхъ войскъ нашей великой Монархини свободнаго и безпрепятственнаго себѣ уходу—довелъ нынѣ и самую тое заблуждшую чернь, гдѣ онъ, душегубецъ, только ни коснулся по селамъ и деревнямъ своими дорогами, ко всеконечному погубленію: не распространяя всего довольно, что черезъ то возмущеніе подлому народу довелося, но что уже дошло и до того, что ни пить, ни ѣсть уже имъ нечего, и заставилъ ожидать отъ того неминуемой смерти; все сіе понесли они отъ ихъ собственнаго заблужденія и неразумія,—а паче отъ богомерзкихъ наставленій злодѣя и душегубца Пугачева, его и отъ приверженныхъ ему такихъ же проклятыхъ отъ церкви Божіей воровъ.

Изъ сего вы, почтенный іерей, а больше, какъ тому сами всему есть самовидцы,—и можете усмотрѣть, что долгъ христіанскій требуетъ пастырямъ и начальникамъ ихъ вѣдомства безгласнымъ, уподобившимъ себя скоту крестьянамъ, которые называли себя ложно христіанами,—что и открылось нынѣ дѣйствительно,—и хотя по злодѣйству ихъ и недостойны уже никакого прощенія, но, соболѣзновавъ вкупѣ со мною о ихъ погибели, прошу васъ учинить имъ по окончаніи Божеской литургіи слѣдующее въ ихъ пользу увѣщаніе и растолковать имъ ниже слѣдующія отъ меня

УКАЗЪ

Села *Ручаевки* и деревень *Пайгармы* и *Шебдая* всѣмъ крестьянамъ.

Я, будучи вашъ помѣщикъ, владѣя изъ давнихъ лѣтъ такъ, какъ вашими прадѣдами, дѣдами и отцами владѣли прежніе помѣщики, что узаконено во всей вселенной,—и нѣтъ (да и вы не токмо сами, но и ни отъ кого, не токмо дѣломъ, но и никакъ не слыхивали), чтобъ гдѣ кто были безъ начальства,—подобно стаду свиней безъ пастуха,—призвавалось, что и нынѣ я отъ васъ не уповалъ, какъ вы думали умертвить меня такъ, какъ прочіе злодѣи, живущіе по сосѣдству между васъ, учинили душегубство, какъ со своими помѣщиками, слѣдуя врожденному ихъ ехидству,—не помнящіе ни Бога, ни закона, послѣдовали вы примѣру вора и душегубца Пугачева, называя его, вора, Царемъ за то только, что вамъ велѣлъ обагрять руки въ крови помѣщиковъ и начальниковъ такъ, какъ въ деревнѣ *Покрышкиной* [1]) лишили вы жизни поставленнаго отъ меня старосту: на чтожъ вы ходите въ церковь Божію, когда готовы рѣзать?—вѣдаете ль вы,—именуя себя христіанами, и говорите, что есть Богъ, и что васъ судить будетъ Онъ же,—вы, развращенные, отступя отъ заповѣдей Іисуса Христа, Бога и Спасителя нашего, Который самъ волею пострадалъ на крестѣ за насъ и далъ намъ Законъ, а между прочимъ заповѣдь самую большую положилъ, то есть: „не убій!“ не устыдились ваши сосѣди, убивъ своихъ помѣщиковъ, сію заповѣдь, какъ будто, что такое зарѣзывали животное себѣ въ пищу. Вы тому съ ними послѣдовали бъ, всеконечно, но Богъ меня сохранилъ; сосѣди жъ ваши, душегубители и грабители, не токмо сосѣднихъ домовъ, но — другіе — и церквей Божіихъ не оставляли расхищать. Вы то видите и слышите: лишились надъ собою господъ? и избѣжали ли за то убійство и воровство висѣлицы и наказанія? Никакъ! Богъ тотчасъ ихъ и васъ по тому жъ наказалъ черезъ самое короткое время и обличилъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и сдѣлалъ изъ убійцъ, не токмо въ будущемъ свѣтѣ, но здѣсь на земли теперь самой адъ. И вы, поскольку виновны въ злодѣяніи, алкая на смерть мою, въ томъ передъ Богомъ отвѣчать будете; а я того не ищу, вѣдая, что Богъ вамъ, всеконечно, заплатитъ; да уже вы отъ Бога довольно и наказываетесь, и если того не видите, то, во-первыхъ, отходя отсель [2]) по домамъ, взгляните на мой дворъ и домъ, который вы ограбили, обобрали, переломали и все то въ одинъ часъ сдѣлали, что принадлежитъ разбойникамъ наряднымъ—да и разбойникъ того не дѣлаетъ, кромѣ огня, который поджигаетъ: вы уподобились огню: я на васъ ссылаюсь—вѣдь точно такъ, какъ огнемъ сработали; а вотъ же вы и знаете, что убійцы всѣ будутъ въ аду, а адъ—огонь; слѣдственно, вы сдѣлали изъ себя адъ и жителями ада, а называетесь христіане. Не совѣстно ли вамъ, не стыдно ли, что вы такъ злы? а я, клянуся Богомъ, что того отъ васъ никогда не ожидалъ. Во-вторыхъ, вообразите себѣ, что вы не вспомнили въ себѣ, что меня нѣтъ дома, ни матушки. Вы

[1]) Родина поэта *А. И. Полежаева*, внука Н. Е. Струйскаго.

[2]) Т. е. изъ церкви, гдѣ будетъ читаться „указъ“ Н. Е. Струйскаго.

вѣдали, что мы живы, и что убить вамъ насъ Богъ не допустилъ,—обрадовались вы, однако жъ, неистовые, злодѣю и душегубцу, самозванцу Пугачеву, такому жъ скоту, какъ и вы сами,—и что̀ всего вамъ стыднѣе, что въ 29 день прошедшаго іюля пріѣхалъ къ вамъ одинъ только разбойникъ и будто самое большое обѣщалъ вамъ милосердіе—ограбить съ прикащика платье, обувь и ружье, заграбилъ тако жъ и моихъ двухъ лошадей, возвратился обратно, а на другой день такіе же разбойники по утру чрезъ татарскую деревню, вмѣстѣ съ татарами пріѣхавъ къ моему двору, вы, всѣ сумасшедшіе, собравшись отъ мала до велика, съ хлѣбомъ и солью вышли тѣхъ воровъ встрѣчать и упали, яко идоламъ и болванамъ, въ землю. Не стыдно ли только то вамъ, что вы тѣхъ двухъ воровъ приняли, встрѣчая не токмо за господъ, но яко за царей? видите ли, сколь вы слѣпы и глупы, какъ скоты, что вы посадили тѣхъ злодѣевъ вмѣстѣ обѣдать въ домѣ моемъ съ татарами, которые вами повелѣвали? да сколько же ихъ было? только два разбойника! И вы, яко бѣшеные, произвели по ихъ повелѣнію грабежъ, по врожденному вашему злому сердцу, и притомъ слушали приказъ разграблять мое имѣніе и домъ, и егда я къ вамъ прибуду, то бъ меня уже вамъ самимъ зарѣзать, не опасаясь ничего: вы всему тому слышанному были, какъ звѣри злобные, обрадованы и на все были готовы, и наконецъ уже вы сами свидѣтели вашему безумію и стыду, что при партіи большей злодѣевъ Голицынскіе крестьяне грабили мой домъ, подобно, какъ лѣсъ пайгарменской, и желали равно съ вами моей смерти; а наконецъ вы уже и того не оставили, чтобъ не разорить въ домѣ, какъ то: всякую посуду и вещи ломать и по ночамъ желѣзо выдирать въ покояхъ и съ кровли дома, уподобляясь болѣе не человѣкамъ, но чертямъ.

2.

И такъ вы видите ль, безумные, что вы надѣлали? Неужели изъ предстоящихъ изъ васъ нѣтъ ни одного добраго поселянина? Или уже вы всѣ отстали отъ вѣры и благочестія, что ваши окаменѣлыя сердца не содрогаются не токмо за сей разбой праведнаго вамъ наказанія, но и со стыда возможно бы придти въ совершенное раскаяніе и возблагодарить Бога молебствіемъ и со слезами, что васъ невидимою рукою удержалъ отъ смертоубійства, выключая насъ, но и изъ васъ кого собственно чрезъ то самое Божіе снисхожденіе къ вамъ, о, преглупѣйшія твари, избавляетесь вы отъ висѣлицы и смертной казни.

3.

Что жъ принадлежитъ до учиненнаго вами вышеписаннаго разбоя, нахабства, не только мужчинами, но и женами вашими и дѣтьми стремленія къ грабежу, такъ и оное вы разберите, что потому жъ судитеся вы, яко не смертоубійцы, но, однако жъ, какъ изрядные разбойники—и такъ не столько вы себя могли насытить, но меня разорили, и то самое, что созидаемо и устроено было во всѣ ваши прошедшіе годы, въ одинъ часъ труды ваши пропали: все переломано, все разбито, все обод-

рано, стоящее такой цѣны, чего вы уже въ свой вѣкъ собрать и сработать, конечно, не въ состояніи: и будучи въ крайней вашей бѣдности, вообразите, глупые скоты, кто васъ питать будетъ? и гдѣ вы найдете и когда себѣ покой? Дѣло вамъ самимъ вѣдомое, что скотъ не родился, и скота содержать нечѣмъ; сѣно во время бунта погноили и ничѣмъ не запаслись: что дѣлать? надлежитъ умирать съ голоду или таскаться по міру: да кто жъ вамъ всѣмъ подастъ милостину, кромѣ меня; вѣдая васъ въ другихъ мѣстахъ россійскихъ, что вы—бунтовщики и душегубцы, никто уже здѣсь про васъ добраго слова не говоритъ, кромѣ опредѣленія вамъ смертной казни; вотъ, злосердые, увидите вскорѣ: войска и полки по квартирамъ вашимъ будутъ вступать для усмиренія васъ, что самое вы на себя сами навлекли и разорились. Положимъ и то, чтобъ быть по вашему: пускай, вы вольны—я отъ васъ отступаюсь: кто же васъ защищать будетъ, когда васъ самихъ будутъ сосѣди ваши, или кто другіе обижать и грабить,—даже женъ и дѣтей вашихъ вы защищать сами, конечно, не можете! Подите, варвары, ищите тѣхъ двухъ злодѣевъ Пугачевой душегубительной партіи, чтобъ они вами управляли, и вы имъ, яко преступники, поклонялися съ хлѣбомъ и солью,—или тѣхъ татаръ, воровъ, вашихъ сосѣдей, къ господскому столу призывайте на помощь, тако жъ и сосѣднихъ крестьянъ, чтобъ волосы ваши по единому, не токмо изъ головы, да изъ рѣсницъ вашихъ пощипали бъ; одумайтесь, скоты несмысленные, что вы это надѣлали! вѣдь заслужили себѣ отъ Великой нашей Государыни Императрицы за сей бунтъ плаху и топоръ.

4.

Приведите вашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ себѣ на память, кто изъ нихъ такое преступленіе когда дѣлалъ ли; были ль они бунтовщиками противъ Государя своего, смертоубійцы и грабители противъ господъ своихъ—такъ, какъ вы нынѣ поступили; или дѣды ваши были дураки и глупѣе васъ, а вы хотѣли показать себя разумными, и будто бы къ вамъ счастье внезапу злодѣй Пугачевъ подаровалъ? Не знаю уже, ежели вы и сего, глупые скоты, теперь не понимаете, какой обрядъ злодѣй вамъ въ мысли положилъ—„вольность;“ а что это слово „вольность“, вы сами не вѣдаете,—а растолковать вамъ некому, да и никто изъ васъ другъ другу предложить тогда не смѣли жъ — для того, что боялись вы отъ самой той вольности себѣ петли, въ которую уже вошли. Вотъ же нынѣ я вамъ, что прежде говаривалъ, и растолкую, а именно: самозванецъ Пугачевъ—бѣглый донской казакъ и разбойникъ, будучи увѣренъ, что вы, живущіе на свѣтѣ, всѣ скоты и хуже всякаго животнаго и не имѣете понятія ни о чемъ, то онъ, ослѣпляя таковыхъ скотовъ, производитъ душегубствы дворянамъ, священникамъ, купечеству и богатымъ крестьянамъ, ограбя ихъ домы,—себя обогащалъ, а объявленною вольностію васъ, безмозглыхъ, ослѣплялъ, отъ чего уже ни проклятіе вамъ отъ церквей, ни силы хозяйскія были по всѣмъ вамъ и неоднократнымъ отъ меня увѣщаніямъ предостеречься не въ силахъ, и вы, чтобъ отъ того проклятаго и богомерзкаго иконоборника, душегубца и льстеца ос-

терегаться могли, ничему никогда не вѣрили, а все дожидались воли; а воля сія состоитъ въ томъ, однимъ словомъ: плаха, топоръ и висѣлица! теперь увидѣли вы волю, которой вы давно желали,—да никто, я вижу, плахи, топора и висѣлицы ихъ себѣ не хочетъ.

5.

Но я вижу, что изъ васъ уже кто-нибудь хочетъ принести раскаяніе; не робѣйте, дураки, признайтесь: вы тѣмъ умѣрите ваше на себя наказаніе. Я не такой варваръ, какъ вы до меня: я не ограблю вашихъ домовъ, не стану обдирать ваши клѣти, не сгоню вашего скота, ни птицъ—такъ, какъ вы со мною разбойнически поступали. Довольствуйтесь сею отъ Бога милостію, что онъ противъ васъ меня не ожесточилъ: живите и откиньте злобу отъ сердецъ вашихъ къ родному разбойнику Пугачеву и проклятымъ его товарищамъ, но старайтесь придти всеконечно въ должное раскаяніе—такъ, какъ ваши дѣды и отцы живали, и заслуживайте злодѣйству своему прощеніе, дабы желаемую вами волю—показанную плаху, топоръ и висѣлицу—вскорѣ вторично не заслужить. Ежели же вы и за симъ останетесь въ таковомъ скверномъ и богомерзкомъ предпріятіи, тайно или явно или отъ кого донесено будетъ на васъ, на женъ и дѣтей вашихъ, что похожее вы помышлять, или ослушны повелѣніямъ моимъ будете—хотя въ одномъ чемъ, то по силѣ учиненнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія будете вы безъ всякаго разбора истреблены съ женами и дѣтьми огнемъ и мечемъ—такъ, какъ уже вамъ отъ командующаго войскъ передовыхъ господина Михельсона было и публиковано съ нарочно присланнымъ предъ симъ указомъ.

А за тѣмъ, съ надлежащимъ раскаяніемъ каждый вступая вы въ свою должность, во первыхъ, памятуя обнародованный вамъ отъ господина Михельсона предъ симъ указъ, и по посланному отъ меня съ Никитою Xархалевымъ повелѣнію исполнить должны тотчасъ—и отъ сего часа впредь отъ должнаго повиновенія подъ смертною уже казнью, какъ тѣмъ указомъ повелѣно, никакъ не отступать.

1774 года августа дня.

Лейбъ-гвардіи прапорщикъ Николай Струйскій.

Сообщилъ Б.

Въ 1863 году.

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

17 марта 1863 года въ часъ ночи въ двери одной изъ меблированныхъ комнатъ на Проломной улицѣ въ г. Казани, гдѣ я жилъ вмѣстѣ со студентомъ-медикомъ Л., кто-то тихо постучался; затѣмъ удары въ дверь кулакомъ участились. Быстро вскочивъ съ постели, въ одной рубашкѣ и босоногій, я подошелъ къ двери и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Пустите. Здѣсь живетъ Красноперовъ?

— Здѣсь.

Я догадался, что пришла полиція арестовать меня. Въ отворенную половинку двери бокомъ пролѣзъ высокій, плечистый полиціймейстеръ, баронъ Витте, вслѣдъ за нимъ жандармскій офицеръ и два жандарма. Въ корридорѣ стояло у дверей на всякій случай еще нѣсколько полицейскихъ.

— Ну, васъ надо обыскать,— обратился ко мнѣ довольно грубо полиціймейстеръ.—Гдѣ ваши бумаги?

Я указалъ на письменный столъ и открылъ ящики, откуда уже самъ полиціймейстеръ вынулъ бумаги и тщательно пересмотрѣлъ, а офицеръ въ тоже время сталъ шарить у меня на постели и подъ постелью, вытащилъ изъ чемодана все бѣлье, перетрясъ отдѣльно каждую вещь, а въ носки засовывалъ руку; затѣмъ все скомкалъ и положилъ обратно. Въ бумагахъ полиціймейстеръ нашелъ лишь одинъ экземпляръ „Земли и Воли", на который онъ только взглянулъ, не читая, и смѣшалъ вмѣстѣ съ другими бумагами. Въ составленномъ протоколѣ, скрѣпленномъ сургучной печатью, полиціймейстеръ написалъ, что „въ бумагахъ ничего предосудительнаго не найдено"; въ концѣ концовъ онъ велѣлъ мнѣ подписаться, подписался самъ и жандармскій офицеръ.

— А теперь потрудитесь одѣться, соберите ваши вещи и пойдемъ.

— Куда?—говорю я.

— Тамъ видно будетъ.

Я захватилъ съ собой только подушку и чемоданъ съ бѣльемъ. Молча простился я съ товарищемъ и вышелъ на улицу вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ и сѣлъ съ нимъ на пароконные сани. Офицеръ и жандармы куда то мигомъ исчезли. Мы подъѣхали къ квартирѣ полиціймейстера на Воскресенской улицѣ. Въ пріемной комнатѣ мнѣ довольно долго пришлось оставаться въ неизвѣстности; все время я ходилъ взадъ и впередъ, стараясь угадать: куда меня отсюда отправятъ и за что собственно меня арестовали? Недоумѣніе мое, однако, скоро разсѣялось. Въ комнату вошелъ человѣкъ съ подносомъ, на которомъ стояла тарелка съ 4 нарѣзанными кусочками колбасы и 2 ломтиками чернаго хлѣба.

— Закусите на дорогу, молодой человѣкъ, — сказалъ входя полиціймейстеръ и указывая на закуску.—Вѣдь вы поѣдете въ дальнюю дорогу.

— Куда же?

— Въ Вятку. Вы послали туда какое-то письмо, что-ли, такъ тамошній губернаторъ велѣлъ васъ представить къ нему.

Разумѣется, мнѣ было не до ѣды, тѣмъ болѣе въ такую раннюю пору. Окно изъ пріемной выходило на дворъ и я, прильнувъ лбомъ къ стеклу, увидѣлъ, что во дворъ въѣхала тройка лошадей съ просторными, обшитыми рогожей санями.

— У васъ, вѣрно, нѣтъ шубы?—обратился ко мнѣ полиціймейстеръ,—увидя, что я надѣваю пальто изъ сѣраго солдатскаго сукна.

— Другой нѣтъ,—говорю; но могу доѣхать и въ этомъ.

— Ну, нѣтъ, такъ будетъ холодно. Я вамъ дамъ шубу отсюда, знаете... солдатскую, а изъ Вятки вы возвратите ее съ жандармами.

Шуба оказалась тяжелая и я едва надѣлъ ее при помощи жандарма.

— Дорогой ведите себя хорошо,—сказалъ мнѣ на прощаньи полиціймейстеръ.—Что онъ разумѣлъ подъ этимъ? Чтобы я дорогой ни съ кѣмъ не разговаривалъ, не велъ пропаганды?

Уже совсѣмъ почти разсвѣло, когда мы выѣхали съ полицейскаго двора. Было довольно холодно, поэтому шуба была совсѣмъ не лишней. Оба жандарма вскорѣ уснули. Всю дорогу они молчали и смотрѣли за мной не очень строго. Случалось, что ночью на станціи, когда я просыпался, ихъ совсѣмъ не оказывалось въ комнатѣ. На одной изъ почтовыхъ станцій, въ г. Малмыжѣ, вятской губ., мнѣ пришлось свободно бесѣдовать съ двумя крестьянами, настойчиво пристававшими ко мнѣ съ вопросомъ: за что меня, такого молодого и худенькаго, везутъ такъ строго?

— Убилъ, что-ли, ты кого?

Я объяснилъ, въ чемъ дѣло и они ушли; но когда я уже усаживался

въ сани для дальнѣйшаго путешествія, на улицѣ передъ воротами собралась толпа народа въ человѣкъ десять, которая на прощанья молча сняла мнѣ шапки.

II.

19 или 20 марта, часовъ въ 10 утра, мы пріѣхали въ Вятку и подъѣхали прямо къ губернаторскому дому. Мнѣ долго пришлось ждать въ пріемной, пока меня пригласили въ кабинетъ, гдѣ кромѣ губернатора Струкова присутствовали два офицера: воинскій начальникъ или комендантъ, другой—жандармскій капитанъ. При входѣ моемъ всѣ они уставились на меня и разсматривали съ ногъ до головы, точно какого звѣря. Губернаторъ показалъ мнѣ одно письмо и спросилъ:

— Признаете-ли вы, что это письмо писано вами?

— Да, признаю.

— Съ кѣмъ вы его сюда послали?

— Право, совершенно не помню.

— Ну, такъ послѣ разберемъ, — сказалъ онъ, — обращаясь къ офицерамъ.

Письмо было адресовано на имя учителя духовной семинаріи А. А. Красовскаго [1]). Оно заключало слѣдующія строки: „Въ виду имѣющихъ совершиться во имя общаго блага событій прошу принять подателя письма и исполнить тѣ порученія, которыя онъ на васъ возложитъ. Да здравствуетъ . . . . И. К.“

Больше ко мнѣ на этотъ разъ не приставали. Меня попросили въ другую комнату, повидимому столовую, посрединѣ которой стоялъ длинный столъ, покрытый зеленой клеенкой; на столѣ, на большомъ подносѣ, на тарелочкахъ разставлены сыръ, икра, колбаса и графинъ водки.

— Закусите съ дороги,—сказалъ губернаторъ,—войдя въ комнату и указывая на столъ.

Я сразу выпилъ двѣ рюмки водки и закусилъ только кусочкомъ хлѣба, обмакнувъ его въ соль.

Черезъ полчаса меня опять пригласили въ пріемную и велѣли одѣться. Было уже половина перваго пополудни, когда явившійся комендантъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ. По дорогѣ онъ подозвалъ пальцемъ шедшаго по тротуару офицера и предложилъ ему сѣсть къ намъ на козлы.

— Вотъ видите, къ намъ гостя привезли,— сказалъ онъ офицеру, — мотнувъ головою въ мою сторону. Коменданту показалось, что мы ѣдемъ слишкомъ медленно, а потому, вынувъ изъ санокъ правую ногу и поднявъ

[1]) См. о немъ въ „Моихъ воспоминаніяхъ“ („Міръ Божій“, 1906 г.).

ее кверху, онъ нѣсколько разъ ударилъ ею кучера, приговаривая: „я тебя, вотъ, дурака... поѣзжай скорѣе, поѣзжай!“ Такъ вынималъ онъ ногу дважды и дважды же колотилъ ею кучера.

У коменданта въ кабинетѣ оказался мой чемоданъ, въ которомъ опять перерыли все бѣлье, а меня самого комендантъ полушопотомъ спросилъ:

— У васъ нѣтъ въ карманахъ иголокъ, булавокъ, ножницъ или перочиннаго ножика?

— Ничего нѣтъ.

— Хорошо, я вамъ повѣрю и не буду обыскивать.

Меня напоили чаемъ и опять куда-то повезли. Дорогой комендантъ конфиденціально сообщилъ мнѣ, что „губернаторъ хотѣлъ было заключить васъ прямо въ острогъ, но я нашелъ это слишкомъ жестокимъ и настоялъ на томъ, чтобы васъ помѣстить въ больницѣ душевно-больныхъ... Другого подходящаго мѣста нѣтъ. Тамъ вамъ и комната будетъ и пищу будутъ давать получше, а въ острогѣ вѣдь...“

Комната, гдѣ меня помѣстили, была свѣтлая, въ два окна на дворъ, по-срединѣ стояла желѣзная кровать съ мочальнымъ матрацемъ и двумя подушками; бѣлье на постели чистое, байковое одѣяло новенькое—съ иголочки. Дверь въ мою комнату, на половину стеклянная, вела въ коридоръ. Уходя, комендантъ прибавилъ: „если вамъ что-нибудь будетъ нужно... папиросъ, сигаръ, то стоитъ только написать мнѣ записочку, и я немедленно вамъ пришлю“. Я поблагодарилъ его за любезность. Впрочемъ, вся эта любезность, какъ оказалось впослѣдствіи, была ни больше ни меньше, какъ полицейской уловкой.

Сначала въ моей комнатѣ у дверей поставили солдата съ ружьемъ, который по ночамъ ходьбой взадъ и впередъ, сморканьемъ и кашлемъ не давалъ мнѣ спать: поэтому я упросилъ коменданта поставить стражу въ корридорѣ у дверей. Къ неудобствамъ моего пребыванія здѣсь относились крики и пѣніе басомъ сумасшедшаго діакона, жившаго отъ меня черезъ комнату; онъ нерѣдко и днемъ и ночью возглашалъ кому-то многолѣтіе.

Дня черезъ три послѣ моего водворенія въ сумасшедшемъ домѣ ко мнѣ почти каждую ночь стали являться полиціймейстеръ и жандармскій капитанъ (къ сожалѣнію, фамиліи ихъ я забылъ) съ однимъ неизмѣннымъ вопросомъ:

— Съ кѣмъ вы послали письмо къ Красовскому?

Я долго отзывался незнаніемъ. Наконецъ, когда эти безпрестанныя ночныя приставанья мнѣ страшно надоѣли, я назвалъ фиктивную фамилію Соловьева. Но тогда сыщики стали подробно распрашивать: какъ имя и отечество Соловьева, какого онъ роста, каковъ собой: брюнетъ, блондинъ, съ бородой или безъ оной и т. п.

— Имени и отечества, — говорю,—не припомню, кажется брюнетъ и высоченнаго роста.

Послѣ этого признанія меня дня на три оставили въ покоѣ и я могъ выспаться; но на четвертую ночь опять пришли ко мнѣ съ приставаньями.

— Соловьевыхъ въ Казани четверо, и всѣ они высокаго роста. Который же изъ нихъ настоящій Соловьевъ, съ которымъ вы послали письмо?

— Не припомню, право.

Этимъ дѣло, однако, не кончилось. Тѣ же чины опять пришли ко мнѣ сказать, что ни одинъ изъ Соловьевыхъ въ Вятку не ѣздилъ.

Тогда я прямо объявилъ, что просто не хочу говорить, съ кѣмъ я послалъ письмо.

Пришла пасха. Часовъ въ 12 дня явился губернаторъ въ полной парадной формѣ, посмотрѣлъ на стѣны, потолокъ, спросилъ смотрителя: „есть здѣсь тараканы или нѣтъ?“ и узнавши, что таракановъ нѣтъ, повернулся и ушелъ; затѣмъ пришелъ комендантъ, который пожелалъ со мной похристосоваться.

На третій, кажется, день, утромъ вдругъ отворяется дверь и въ мою комнату вваливается толпа, человѣкъ въ десять, семинаристовъ, моихъ бывшихъ одноклассниковъ-товарищей. Часовой опѣшилъ и не оказалъ никакого сопротивленія. Они христосуются со мной и упрашиваютъ меня итти съ ними въ семинарію, гдѣ обѣщаютъ „устроить музыку и пѣніе по праздничному“.

— Не могу, господа, уйти: надо коменданта спросить, да и часовой не пуститъ.

— Подите къ коменданту,—говорю я.

— Мы пойдемъ и сейчасъ же придемъ за тобой.

Ко мнѣ уже больше не приходили. Впослѣдствіи я узналъ, что семинаристы, дѣйствительно, ходили къ коменданту. Онъ закричалъ на нихъ, затопалъ ногами и даже пригрозилъ арестомъ.

— Красноперовъ государственный преступникъ, себя погубилъ да и васъ погубитъ.

Этотъ инцидентъ, впрочемъ невинный самъ по себѣ, имѣлъ, однако, роковыя послѣдствія для ректора семинаріи, архимандрита Діонисія. О моемъ арестѣ и случаѣ съ семинаристами узналъ архіерей Агафангелъ и потребовалъ ректора немедленно явиться къ нему. Тотъ по обыкновенію былъ пьянъ, и къ архіерею не поѣхалъ; послѣдній вторично послалъ за ректоромъ, который, конечно, явиться не могъ, такъ какъ до такой степени напился, что и лыка не вязалъ. Въ концѣ концовъ „со страху“ съ нимъ случился апоплексическій ударъ, кончившійся смертью.

III.

Вскорѣ послѣ Пасхи положеніе мое измѣнилось къ худшему. Полицій-мейстеръ съ жандармскимъ капитаномъ вдругъ круто перемѣнили со мной обращеніе. Комендантъ пересталъ присылать папиросъ, сторожъ—приносить булокъ и чаю. Въ концѣ апрѣля, въ одну тихую, теплую и свѣтлую ночь является ко мнѣ комендантъ въ парадной формѣ и предлагаетъ мнѣ одѣться и „слѣдовать" за нимъ. На улицѣ у крыльца стояла извощичья пролетка, на которую я и сѣлъ вмѣстѣ съ комендантомъ, а сзади насъ верхомъ на лошади ѣхалъ вооруженный всадникъ, не то казакъ, не то полицейскій. Мы подъѣхали къ большому каменному зданію, стоявшему совершенно отдѣльно отъ другихъ домовъ на самомъ крутикѣ, на берегу рѣки Вятки. Это была тюрьма. Едва мы подъѣхали къ крыльцу, какъ ударилъ три раза звонокъ, на который изъ тюремныхъ дверей выскочили два солдата, взяли меня подъ руки и повели въ какую-то пустую комнату, кругомъ которой вдоль стѣны стояли солдаты съ ружьями на перевѣсъ. Посрединѣ комнаты два солдата сняли съ меня пальто, обшарили пиджакъ и брюки сверху до низу. Все это дѣлалось быстро, методично, очевидно по ранѣе составленному плану. У меня мелькнула мысль: „должно быть, вотъ эти солдаты сейчасъ разстрѣляютъ меня". Но такое мое угнетенное состояніе продолжалось одно мгновеніе, потому что меня сейчасъ же опять повели подъ руки куда-то дальше, въ другую комнату и двери заперли за мной на задвижку. Комната была довольно чистая, въ два окна, обставлена мягкой мебелью; на стѣнѣ висѣли портреты дамъ и кавалеровъ, у одной стѣны мягкій диванъ, а надъ нимъ зеркало, въ углу у дверей висѣли дешевенькіе стѣнные часы. „Вѣроятно, здѣсь меня и помѣстятъ",—подумалъ я, и—признаюсь—даже обрадовался. Я слышалъ, какъ за дверями сильно топали ногами, кого-то какъ будто перемѣщали, или гнали съ одного мѣста на другое.

Часы пробили два. Я чувствовалъ не то усталость, не то какое-то нервное возбужденіе, все ходилъ и ходилъ взадъ и впередъ, все ожидая для себя чего-то худшаго. Слышу—задвижка у моихъ дверей отодвинулась, вошелъ тюремный смотритель.

— Пожалуйте за мной.

Мы прошли почти весь коридоръ, освѣщенный ночникомъ, затѣмъ вошли въ комнату—довольно узкую, длинную, грязную и вонючую. Вдоль стѣны, съ одной стороны, во всю ея длину тянулись нары; ни стола, ни стула, ни постели не было; въ углу у дверей я замѣтилъ грязную деревянную парашу. Здѣсь только что разбудили уголовныхъ арестантовъ и выгнали ихъ куда-то въ другое помѣщеніе.

Не успѣлъ я оглядѣться въ моемъ новомъ помѣщеніи, какъ ко мнѣ явились полиціймейстеръ, комендантъ, жандармскій капитанъ и тюремный смотритель. При нихъ же на меня надѣли сѣрый арестантскій халатъ съ тузомъ на спинѣ. Полиціймейстеръ, указывая на меня смотрителю рукой, язвительно промолвилъ:

— Красноперовъ-то хотѣлъ революцію устроить, Вятку завоевать.

Я не выдержалъ и грубо отвѣтилъ:

— Что вы ерунду-то городите. Это вздоръ!

А комендантъ, точно желая оправдаться въ томъ, что меня помѣстили въ грязную клоаку, добавилъ:

— Это вамъ за то, что вы не хотѣли быть съ нами откровенными, вотъ теперь и сидите тутъ. Мы съ вами были любезны, добры, а вы въ благодарность...

Онъ не договорилъ, а я за него добавилъ: „не выдалъ вамъ моихъ товарищей“.

Камеру мою заперли желѣзнымъ засовомъ и за дверями поставили солдата съ ружьемъ.

Жандармскій капитанъ, стуча въ дверь кулакомъ, громко прокричалъ, обращаясь, вѣроятно, къ смотрителю:

— Безъ нашего позволенія сюда никого не впускать.

Оставшись наединѣ съ собой, я сталъ осматриваться. Окно моей камеры выходило на острожный дворъ, а рядомъ съ нимъ влѣво помѣщался клозетъ, прилегавшій къ помѣщенію смотрителя, вслѣдствіе чего отворять окно было немыслимо, такъ какъ въ окно тащила вонь. Въ щеляхъ давно когда-то оштукатуренныхъ стѣнъ и въ нарахъ гнѣздились клопы.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда я прямо въ халатѣ, не раздѣваясь, легъ на нары. Сонъ былъ тревожный. Часовъ въ 8 утра я всталъ и сряду же началъ ходить взадъ и впередъ, ожидая, не принесутъ ли мнѣ воды для умыванья и чаю. Воды принесъ солдатъ въ жестяной кружкѣ для умыванья передъ парашей, но чаю не дали; сряду же послѣ этого двери опять заперли.

Такъ какъ изъ моихъ вещей ничего мнѣ не оставили, даже полотенца, то я всегда утиралъ лицо и руки концомъ своей ночной рубашки. На обѣдъ принесли какой-то сѣрой бурды изъ крупъ съ какими-то жилами на днѣ чашки и ломоть сквернаго чернаго хлѣба. Такъ продолжалось съ мѣсяцъ. Само собой разумѣется, ни книгъ, ни газетъ мнѣ не давали. Отъ дурного питанія и спертаго воздуха я заболѣлъ. Я ощущалъ страшную слабость во всемъ организмѣ и головокруженіе. Въ довершеніе всего со мной приключилась дизентерія.

Припоминаю одно утро. Въ стеклышко въ моихъ дверяхъ кто-то посмотрѣлъ, и затѣмъ послышался громкій разговоръ съ смотрителемъ.

— Не велѣно никого пускать, увѣрялъ смотритель. Вѣдь я за это буду отвѣчать.

— Я докторъ. Если я вижу больного арестанта, то я долженъ помочь ему.

— Право же не велѣно. Я не смѣю.

— Я за все отвѣчаю... Я долженъ!—громко и повелительно вскричалъ докторъ.

И отворили. Докторъ мнѣ поклонился, взялъ мою руку, осмотрѣлъ пульсъ, выслушалъ грудь. Тутъ же на нарахъ онъ написалъ рецептъ и передалъ смотрителю.

— Если послѣдняго арестанта содержать лучше, то ихъ-то тѣмъ болѣе, замѣтилъ съ укоромъ смотрителю, указывая на меня рукой.

Уходя, онъ подалъ мнѣ руку, которую я крѣпко пожалъ и поблагодарилъ его.

Насколько могу припомнить, фамилія этого благороднаго человѣка была Розовъ.

Докторъ донесъ о моемъ положеніи губернатору, который пригласилъ къ себѣ коменданта и сдѣлалъ ему выговоръ. Дня черезъ три послѣ этого достопамятнаго дня въ обращеніи со мной начальства и во всей комнатной обстановкѣ произошла метаморфоза. Явился комендантъ и при мнѣ же напустился на смотрителя:

— Это что-же? Вы ждали, чтобы мнѣ выговоръ сдѣлали? Не могли что-ли, вы принести кровать безъ меня, чаю давать?

Я счелъ, однако, нужнымъ заступиться за смотрителя.

— Да вѣдь вы-же сами съ полиціймейстеромъ и жандармскимъ капитаномъ втолкнули меня въ эту камеру и не велѣли никого пускать ко мнѣ! Смотритель тутъ ровно не причемъ.

Комендантъ промолчалъ и ушелъ, не попрощавшись со смотрителемъ. Мнѣ принесли желѣзную кровать со всѣми постельными принадлежностями; въ переднемъ углу поставили столикъ и стулъ. Арестантскій халатъ съ тузомъ отобрали, замѣнивъ его новымъ больничнымъ халатомъ изъ желтаго сукна. Ежедневно въ извѣстное время мнѣ разрѣшили гулять по тюремному двору, причемъ всякій разъ передъ моимъ гуляньемъ всѣхъ арестантовъ разгоняли со двора по своимъ камерамъ, что возбуждало въ нихъ крайнее любопытство, и во время моего гулянья всѣ они бросались къ окнамъ и смотрѣли на меня, не спуская глазъ. По срединѣ двора стояла на 4 столбахъ колокольня съ 5 колоколами, куда я почти ежедневно поднимался и смотрѣлъ на городскіе дома, на р. Вятку, разстилающіеся за ней

безконечные луга и зеленѣющій вдали лѣсъ. Мнѣ разрѣшили чтеніе книгъ и газетъ, позволивъ брать ихъ по запискѣ изъ библіотеки А. А. Красовскаго. Первымъ дѣломъ моимъ было заказать принесть журналъ „Современникъ“ за пропущенные мѣсяцы 1863 года. Здѣсь-же, въ тюрьмѣ, мнѣ пришлось прочесть въ „Современникѣ“ только-что напечатанный романъ Н. Г. Чернышевскаго „Что дѣлать“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ вздумалъ посѣтить меня вятскій архіерей Агафангелъ, который пересмотрѣлъ всѣ лежавшія на нарахъ мои книги и, покачавъ головой, съ грустью проговорилъ:

— Все свѣтскія книги, свѣтскія...—Отецъ Михаилъ! — обратился онъ къ стоявшему тутъ же тюремному священнику: дайте ему изъ вашей библіотеки „Христіанское Чтеніе“. Чтеніе это можетъ его успокоить, разогнать дурныя мысли...

Однако, я не пожелалъ брать изъ церковной библіотеки никакихъ книгъ, и съ тѣхъ поръ о. Михаилъ ко мнѣ больше не являлся.

Рядомъ съ моей камерой была „пріемная“ для приходящихъ и пріемки вновь прибывшихъ арестантовъ. Тутъ-же въ углу около дверей моей камеры стояла на треножникѣ большая черная доска, а рядомъ съ ней небольшой шкапъ съ учебными и письменными принадлежностями для обученія грамотѣ арестантскихъ дѣтей. Черезъ день—черезъ два по утрамъ у доски всегда стояло 5—6 мальчиковъ, которыхъ на доскѣ училъ ариѳметикѣ еще молодой арестантъ, повидимому, бывшій учитель. Всякій разъ, когда дѣти отвѣчали ему не впопадъ, онъ ругалъ ихъ самой отборной, отвратительной бранью. Онъ-же училъ этихъ дѣтей и другихъ церковному пѣнію, то же разнообразя его непечатной бранью. Я, было, вздумалъ одно время просить смотрителя заставить этого педагога и регента прекратить эту площадную брань, но онъ только улыбнулся.

— Что-жъ, вѣдь, дѣло обыкновенное. Вѣдь хуже, если-бы онъ ихъ билъ.

На то, конечно, и тюрьма, чтобы здѣсь дѣти испытали на себѣ самое растлѣвающее вліяніе.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, не помню какого числа, часовъ въ 11 утра, въ камеру ко мнѣ явился смотритель и объявилъ, что сейчасъ меня повезутъ въ г. Казань. Признаюсь, я очень обрадовался этой перемѣнѣ. Мнѣ принесли всѣ мои вещи и я одѣлся во все свое. Въ сопровожденіи смотрителя я вышелъ на улицу въ ожиданіи пріѣзда лошадей. День былъ теплый, солнечный, но вѣтренный. Долго гулялъ я по горѣ, вдыхая въ себя полной грудью свѣжій воздухъ, которымъ я давно уже не дышалъ. Нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по университету тоже зачѣмъ-то привозили изъ Казани въ Вятку, а отсюда опять въ Казань. Одного изъ арестован-

ныхъ — Тиммермана — изъ Вятки въ Казань поѣхалъ сопровождать самъ жандармскій капитанъ, который всю дорогу пьянствовалъ и производилъ скандалы.

IV.

Въ Казани меня привезли прямо въ крѣпость ко дворцу, гдѣ временно поселился генералъ губернаторъ Тимашевъ, только-что назначенный предсѣдателемъ Высочайше учрежденной комиссіи по дѣлу „о вооруженномъ возстаніи въ Казани“ [1]). Въ его канцеляріи адъютантъ только расписался въ пріемѣ политическаго арестанта, а затѣмъ привезшіе-же меня два жандарма привели меня на военную гауптвахту въ крѣпость, въ одну изъ камеръ подъ № 7, по обыкновенію, сырую, грязную, населенную клопами, двухвостками, мокрицами и сверчками. Здѣсь меня опять обыскали съ ногъ до головы. На гауптвахтѣ всѣ камеры нижняго и верхняго этажей были уже заняты политическими, главнымъ образомъ, студентами казанскаго университета. Изъ арестованныхъ здѣсь были заключены, кромѣ меня: *Павелъ* и *Иванъ Орловы*, *Щербаковъ* (всѣ трое студенты-медики), *Жемановъ* (медикъ), *Полиновскій*, *Алѣевъ*, *Сергѣевъ* (юристы), *Бирюковъ*, *Лаврскій* (филологи), послѣдній бывшій членъ второй Государственной Думы, трудовикъ, *Тиммерманъ* (гимназистъ), *Ив. Пельковскій*, *Элпидинъ*, *Дерновъ*, *Е. П. Красноперовъ* (послѣдніе два семинаристы), *Булгаковъ* (мѣщанинъ г. Лаишева, казанской губ.). Въ теченіе 9 мѣсяцевъ, до окончанія слѣдствія, насъ содержали въ одиночномъ заключеніи. Сидя въ одиночествѣ, мы имѣли все-таки возможность переговариваться другъ съ другомъ знаками, но членамъ комиссіи это не нравилось и потому они старались изолировать насъ „маркизами“, какъ они называли приставленныя къ окнамъ трехугольныя, выкрашенныя желтой краской холщевыя ставни, которыя пропускали свѣтъ только сверху. Гулять насъ пускали на ¼ часа по очереди по очень маленькому дворику, устланному камнями, поэтому травка чуточку пробивалась только около стѣнъ. Приставленный къ намъ смотритель былъ человѣкъ старый, изъ военныхъ. Такъ какъ ему трудно было подниматься и спускаться къ намъ по лѣстницамъ и ходить по камерамъ, то онъ ежедневно утромъ выходилъ на средину двора и кричалъ каждому изъ насъ:

— Господинъ № 7, что вамъ угодно купить на рынкѣ? А вы господинъ № 10 и т. д. Эта нелѣпица насъ сначала не мало смѣшила. Читать намъ ничего не давали, чай полагался только тѣмъ, у кого былъ

---

[1]) Самого Тимашева, впрочемъ, никто изъ насъ никогда не видалъ.

свой. Впослѣдствіи, когда почти всѣхъ насъ перевели въ острогъ, порядки содержанія измѣнились [1]).

Такъ какъ кромѣ насъ въ крѣпости заключены были еще офицеры, тоже прикосновенные къ дѣлу „о вооруженномъ возстаніи въ городѣ Казани“, то я считаю необходимымъ сообщить нѣсколько нелишенныхъ интереса свѣдѣній. Съ момента казни извѣстнаго крестьянина Антона Петрова въ 1862 году въ с. Безднѣ была расположена рота солдатъ, командиромъ которой состоялъ штабсъ-капитанъ *Иваницкій*, участвовавшій въ войнѣ, въ крымскую кампанію 1854 — 1855 г.; въ этой же ротѣ числились офицерами *Мрочекъ* и *Станкевичъ*. Иваницкій изрѣдка пріѣзжалъ въ Казань изъ Бездны и познакомился съ нашимъ нелегальнымъ кружкомъ. Это былъ очень интеллигентный, симпатичный молодой человѣкъ, лѣтъ 30, привлекавшій всѣхъ насъ къ себѣ недюжиннымъ умомъ и безграничной преданностью революціонному дѣлу. Сколько помнится, въ кружкѣ нашемъ мнѣ приходилось видѣть его не болѣе 3—4 разъ, Станкевича я видѣлъ только однажды, а Мрочека никогда не видалъ до самаго заключенія его въ крѣпости. Какъ разъ въ это время началось польское возстаніе, которому Иваницкій, какъ полякъ, сочувствовалъ всею душею. Однако, въ теоріи онъ никогда не хотѣлъ отдѣлять польскаго освободительнаго движенія отъ русскаго. Земскій соборъ изъ выборныхъ всей земли въ качествѣ учредительнаго собранія долженъ былъ рѣшить вопросъ о будущей формѣ правленія, выработать конституцію и предоставить въ пользованіе крестьянъ всю землю,—такова была въ главныхъ чертахъ схема соціалъ-демократической программы передовой молодежи. Одинъ изъ студентовъ, Иванъ Орловъ, зимой 1863 г. поѣхалъ для пропаганды въ восточную часть Россіи и въ Сибирь вплоть до Иркутска—его родины, гдѣ онъ во дни оны познакомился съ М. А. Бакунинымъ, о которомъ не могъ вспоминать безъ восторга. Мнѣ пришла мысль написать вышеупомянутое письмо къ А. А. Красовскому, которое онъ долженъ былъ лично передать ему по принадлежности. Непоправимая ошибка Орлова заключалась въ томъ, что по пріѣздѣ въ Вятку онъ отправился съ письмомъ къ А. А., жившему на углу Всесвятской улицы и Воскресенской площади, котораго въ данный моментъ не было дома (онъ уѣзжалъ въ Петербургъ); но тѣмъ не менѣе Орловъ отдалъ это письмо приказчику книжнаго магазина, Василію Ивановичу Захарову, недавно умершему въ должности предсѣдателя вятской уѣздной земской управы. Захаровъ, какъ мнѣ потомъ говорили, распечаталъ это письмо и передалъ полицейской власти... Доѣхалъ-ли Орловъ до Иркутска, мнѣ неизвѣстно. Его арестовали гдѣ-то въ дорогѣ.

---

[1]) См. „Отрывки изъ воспоминаній“ въ „*Вѣстн. Европы*“, 1905 г., № 12.

Само собой разумѣется, въ Казани никакой революціи мы не произвели, а, говоря словами одного героя Щедрина, только „въ умѣ ее пущали“. Четверо пріѣхавшихъ изъ Петербурга чиновниковъ: тайный совѣтникъ *Ждановъ*, полковникъ *Слуцкій*, *Анненскій* и *Превлоцкій*, думали на этотъ счетъ иначе. Сидя въ Казани цѣлый годъ, они сочинили толстое—претолстое дѣло, листовъ въ 200, „о вооруженномъ возстаніи“. По законамъ логики военнаго времени послѣ подавленія вооруженнаго возстанія взятые въ плѣнъ мятежники, конечно, должны быть подвергнуты смертной казни, тѣмъ болѣе — офицеры. Послѣ ареста Иваницкаго изъ села Бездны приходило въ Казань нѣсколько солдатъ его роты просить объ освобожденіи своего „добраго командира“. Результатомъ ихъ хлопотъ было то, что всю роту раскассировали по разнымъ полкамъ. Какъ извѣстно, Иваницкій, Мрочекъ и инженеръ Кеневичъ,—послѣдній неизвѣстно почему и за что присоединенный къ „вооруженному возстанію“ нашего кружка: онъ плохо говорилъ даже по-русски, — въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года были разстрѣляны въ Казани на Арскомъ полѣ. Тѣла ихъ, отвязанныя отъ столбовъ, были прямо брошены въ ямы и зарыты, а потомъ по землѣ надъ могилами церемоніальнымъ маршемъ и съ барабаннымъ боемъ прошли солдаты, разстрѣлявшіе „мятежныхъ“ офицеровъ. Станкевичъ былъ арестованъ долго спустя послѣ казни его товарищей въ одной изъ польскихъ деревень, гдѣ онъ скрывался отъ преслѣдователей. Одно время, было, думали, что онъ утонулъ, такъ какъ на берегу рѣки, на его родинѣ, нашли его верхнее платье и бѣлье. Но это оказалась симуляція. Онъ нарочно былъ привезенъ для казни въ Казань... Изъ всѣхъ моихъ товарищей-студентовъ болѣе жестоко пострадалъ И. Орловъ, который былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Впрочемъ, въ Сибири, на каторгѣ, онъ оставался не долго; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ бѣжалъ въ Англію. Для насъ же было уготовано продолжительное сидѣнье въ тюрьмѣ.

И. Красноперовъ.

В. Д. Скарятинъ.

(Къ исторіи русской журналистики).

Въ №5—6 „Минувшихъ годовъ" текущаго года М. А. Антоновичъ, подъ заголовкомъ „Матеріалы для біографіи Н. Г. Чернышевскаго", подвергъ критическому разбору литературныя воспоминанія А. В. Эвальда (Истор. Вѣст. 1895 г., декабрь) въ той ихъ части, гдѣ разсказывается о своеобразномъ диспутѣ, происходившемъ въ маѣ 1862 г. между Н. Г. Чернышевскимъ и А. В. Эвальдомъ по вопросу: кто повиненъ въ закрытіи (8 марта 1862 г.) публичныхъ лекцій, которыя читались въ Городской Думѣ и частью въ Петершулѣ. Въ своей статьѣ М. А. Антоновичъ не разъ называетъ В. Д. Скарятина, ассистента со стороны Эвальда, тогдашнимъ редакторомъ „Вѣсти"; вотъ слова М. А.: „Скарятинъ издатель-редакторъ *тогдашней* (курсивъ нашъ) черносотенной газеты „Вѣсть" (стр. 334), „уже существовала „Вѣсть" Скарятина" (стр. 336). Это не такъ. В. Д. Скарятинъ началъ свою литературную карьеру въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ 1860-мъ году корреспонденціями изъ Италіи; вернувшись въ Россію, одно время пописывалъ въ „Петер. Вѣдом." (Краевскаго). Общее направленіе Скарятина тогда было умѣренно либеральное, съ яркимъ оттѣнкомъ англоманства; онъ рѣшительно высказывался въ пользу всѣхъ реформъ, стоящихъ на очереди, но всегда рѣзко и даже иногда грубо запальчиво подчеркивалъ свое отвращеніе къ революціи. Этотъ тонъ и создалъ ему своеобразную извѣстность, давая обильный матеріалъ для „Искры". Скарятинъ,—изъ морскихъ офицеровъ, потомъ чиновникъ въ Вост. Сибири, неудачникъ золотопромышленникъ, былъ безъ всякой подготовки въ литературной дѣятельности; весь его образовательный багажъ ограничивался нѣсколькими французскими книжками (онъ любилъ ссылаться на Токвиля и Бастіа), но въ чемъ ему нельзя было отказать—въ извѣстной бойкости пера. А. А. Краевскій почему-то прозрѣлъ въ немъ исключительный публицистическій талантъ и, получивъ разрѣшеніе на изданіе „Голоса" съ субсидіей отъ м. н. просвѣщенія (тогда министромъ былъ Головнинъ), пригласилъ Скарятина къ дѣятельному участію въ немъ. Но Скарятинъ былъ прежде всего человѣкъ практическій, а Краевскимъ тогда прочно держалась репутація—ловкаго эксплуататора.

— Нѣтъ, я не Бѣлинскій, я не позволю выжимать изъ себя соки,—говорилъ Скарятинъ (я съ нимъ тогда часто встрѣчался въ домѣ золотопромышленника П. Н. Латкина), и потребовалъ отъ Краевскаго формальнаго договора. Въ этомъ договорѣ онъ выговорилъ себѣ кромѣ опредѣленнаго и весьма солиднаго по тому времени гонорара еще добавочное вознагражденіе съ каждаго подписчика; въ случаѣ же, если бы Краевскій вздумалъ ранѣе срока нарушить договоръ, онъ обязанъ былъ выплачивать Скарятину условленное вознагражденіе съ каждаго подписчика. Краевскій былъ такъ ослѣпленъ Скарятинымъ (къ слову сказать, имѣвшаго весьма замухрышную фигуру), что на все согласился. Но едва былъ подписанъ контрактъ, какъ для Краевскаго явилось неожиданное и крайне серьезное затрудненіе: приглашенные имъ изъ „От. Запис.“ для постояннаго участія въ „Голосѣ“ Альбертини, Бестужевъ-Рюминъ и Громека категорически заявили, что вмѣстѣ съ Скарятинымъ они работать не желаютъ. Никакіе уговоры Краевскаго не воздѣйствовали на нихъ, и Краевскому, чтобы сохранить ихъ участіе въ „Голосѣ“, пришлось разорвать контрактъ съ Скарятинымъ и нѣкоторое время выплачивать ему добавочное вознагражденіе съ каждаго подписчика; но разъ Скарятинъ, нуждаясь въ деньгахъ, отказался отъ него за единовременно уплаченную сумму.

Скарятинъ, такимъ образомъ, остался безъ работы, а зудъ публицистики снѣдалъ его, да и надо было чѣмъ жить. Къ 1861 г. Юрій Волковъ (одно время писалъ въ „Пет. Вѣд.“ подъ псевдонимомъ Гымалэ) началъ издавать еженедѣльную газету „Русскій Листокъ“; газетка плохо шла, къ тому же Волковъ заболѣлъ, уѣхалъ за границу, гдѣ вскорѣ и умеръ. Газетка, однако, продолжала выходить подъ редакціей старика инжен.—полковника Кори (пописывалъ дѣтскія книжки въ стихахъ —виршахъ); вотъ въ этой-то газеткѣ послѣ разрыва съ Краевскимъ въ 1862 г. Скарятинъ и свилъ свое гнѣздо, войдя въ нее соредакторомъ и пайщикомъ. Однако, участіе Скарятина не особенно подняло „Русскій Листокъ“; не спасло бы газету отъ скораго конца и переименованіе ея въ 1863 г. въ „Вѣсть“, если-бъ не подошло польское возстаніе, по отношенію къ которому Скарятинъ занялъ ту же позицію, что Катковъ и напутствовалъ горячимъ привѣтомъ назначеніе Муравьева въ Вильно. Это было замѣчено въ извѣстныхъ сферахъ. Скарятинъ удостоился приглашенія на раутъ къ кн. Горчакову, попалъ въ большой свѣтъ... Добродушный Кори, не сочувствуя направленію Скарятина въ польскомъ вопросѣ, вышелъ изъ газеты; дѣятельнымъ сотоварищемъ Скарятина сталъ Юматовъ. Дальнѣйшая эволюція Скарятина:—какъ онъ изъ либерала защитника освобожденія крестьянъ (въ частныхъ разговорахъ Скарятинъ признавалъ даже, что слѣдовало оставить крестьянамъ всю землю, которая до освобожденія находилась въ ихъ пользованіи, но разъ этого не было сдѣлано, то нельзя же, говорилъ онъ, на другой день послѣ 19 февраля начинать ломку „Положенія“) дошелъ до требованія

возстановленія обязательныхъ отношеній (его рѣчь въ Холмскомъ земскомъ собраніи), какъ онъ изъ полонофоба сталъ самымъ горячимъ обличителемъ аграрной и обрусительной политики Муравьева и Кауфмана,—это уже не входитъ въ задачу настоящей замѣтки.

Я долженъ еще оговорить, что публичныя лекціи въ Думѣ и Петершулѣ по мысли ихъ организаторовъ имѣли совершенно временное значеніе, т. е. пока не откроется университетъ. Тогда идея вольнаго университета, какъ постоянно функціонирующаго, даже и не обуждалась по своей безусловной неосуществимости.

Л. Пантелѣевъ.

Изъ прошлаго нашей журналистики.

(„Знаніе“ и „Слово“).

Благодаря исключительной роли, выпавшей въ Россіи на долю журналовъ, которые явились у насъ и разсадниками новыхъ теоретическихъ идей и какъ бы замѣстителями не существовавшихъ партійныхъ политическихъ органовъ, исторія и жизнь нашей періодической печати принадлежатъ къ области не столько литературныхъ, сколько общественно политическихъ явленій. Въ этомъ отношеніи особенно интересна для насъ журнальная печать 60-хъ и 70-хъ годовъ, потому что въ эту именно эпоху были поставлены тѣ вопросы, которые—въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, конечно,—продолжаютъ волновать нашу интеллигенцію и до сихъ поръ. Вотъ почему теперь, когда передъ этой интеллигенціей стало понемногу раскрываться ея недавнее прошлое, мнѣ хотѣлось бы познакомить читателей съ исторіей двухъ журналовъ 70-хъ годовъ, мало извѣстныхъ нашей публикѣ. Это—журналы „Знаніе“ и „Слово“. Они издавались (первый — въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ своего существованія, а второй — въ первый годъ своего изданія) подъ редакціей моего покойнаго мужа И. А. Гольдсмита и его товарища Д. А. Коропчевскаго.

„Знаніе“ явилось первымъ въ Россіи опытомъ научно-популярнаго журнала. Въ моментъ его основанія—на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ—въ умственной жизни русскаго общества стоялъ на первомъ планѣ вопросъ о приложеніи блестящихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ предыдущее десятилѣтіе въ области точныхъ наукъ, къ области общественной жизни. Послѣ 60-хъ годовъ—времени, когда борьба велась вокругъ естественно-научныхъ выводовъ самихъ по себѣ, вокругъ теоріи Дарвина и біологическаго матеріализма—теперь предстояло сдѣлать слѣдующій шагъ впередъ и распространить пріобрѣтенные выводы на другія области мысли. Толчокъ, данный эволюціонной теоріей, вызвалъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій въ области антропологіи, первобытной культуры и т. д.; поставлена была задача построенія соціологіи на научныхъ основаніяхъ. Журналъ „Знаніе“ задался цѣлью служить именно этой потребности, т. е. знакомить русскихъ читателей съ наиболѣе выдающимися попытками приложенія къ общественной

жизни какъ естественно-научной теоріи эволюціи, такъ и вообще методовъ положительной философіи, связанной съ именемъ Конта.

„Слово“ явилось продолженіемъ „Знанія“, но носило иной характеръ: это былъ журналъ литературно-политическій, съ тѣми же общими тенденціями, но отводившій болѣе видное мѣсто публицистикѣ. Подходя къ общественнымъ вопросамъ съ тѣми же пріемами изученія, почерпнутыми изъ точныхъ наукъ, „Слово“ поставило себѣ задачей не строить программъ на основаніи апріорныхъ формулъ, а выводить ихъ изъ изученія самой русской дѣйствительности. А такъ какъ аналогичный принципъ — изучить жизнь народа прежде, чѣмъ навязывать ему что бы то ни было — руководилъ въ то время и дѣйствующей русской молодежью, то понятно, почему „Слово“ при самомъ своемъ основаніи стало искать сотрудниковъ среди молодыхъ дѣятелей эпохи пропаганды въ народѣ.

Я ограничусь пока этими нѣсколькими замѣчаніями. Читатели гораздо лучше познакомятся съ исторіей этихъ журналовъ изъ печатаемаго ниже очерка, принадлежащаго самому ихъ редактору. Очеркъ этотъ составляетъ часть статьи, написанной моимъ мужемъ уже давно, въ 1885 году, по предложенію С. М. Степняка (Кравчинскаго), для англійскаго журнала „Nineteenth Century“, гдѣ она и появилась подъ заглавіемъ „Why J left Russia?“ (Почему я оставилъ Россію?) С. М. Степнякомъ были сдѣланы въ первоначальной рукописи кое-какія сокращенія, такъ какъ онъ нашелъ нѣкоторыя соображенія автора неподходящими для англійской публики; въ той рукописи, которую я печатаю теперь, всѣ эти мѣста возстановлены въ первоначальномъ видѣ. Замѣчу еще, что оригиналъ написанъ по-французски и предлагаемый здѣсь текстъ — переводъ его.

С. Гольдсмитъ.

I.

Въ 1870 году, т. е. въ то время, когда реакціонная политика русскаго правительства уже опредѣленно выяснилась, а администрація находилась подъ впечатлѣніемъ перваго покушенія на жизнь Александра II, я получилъ разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ научно-популярнаго журнала „Знаніе“. Программа журнала, утвержденная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, содержала въ себѣ отдѣлъ естественныхъ наукъ и антропологіи, включавшій все, что касается изученія человѣка и человѣческаго общества. Въ объяснительной запискѣ, представленной правительству вмѣстѣ съ программой, будущая редакція заявляла, что цѣль журнала заключается не только въ популяризаціи естественныхъ наукъ, но и въ приложеніи позитивнаго метода ко всей широкой области соціалогіи, и что всякая метафизическая теорія будетъ исключена изъ журнала, какъ неумѣстная среди статей, основанныхъ на данныхъ опыта и наблюденія. Журналъ принималъ, такимъ образомъ, съ

нѣкоторыми оговорками, философію Огюста Конта, не упоминая, однако, этого имени, запрещеннаго въ Россіи. Дарвиновская теорія эволюціи должна была послужить основаніемъ для изученія общественныхъ наукъ, и труды тѣхъ ученыхъ, которые развили эволюціонную теорію въ приложеніи къ явленіямъ общественной жизни, должны были преобладать въ журналѣ.

Разрѣшеніе такой широкой задачи, вмѣстѣ съ отсутствіемъ въ Россіи ученыхъ популяризаторовъ, поставило насъ въ необходимость расчитывать на иностранную литературу и на сотрудничество иностранцевъ. Мы вошли, поэтому, въ переговоры съ тѣми изъ западно-европейскихъ ученыхъ, которые работали въ направленіи, общемъ съ нашей программой, а также обратились къ нѣкоторымъ изъ нашихъ соотечественниковъ, покинувшихъ родину вслѣдствіе правительственной политики. [1])

Наша программа сама по себѣ, наша ясно выраженная цѣль и наши сношенія съ „опасными“ иностранными учеными и русскими эмигрантами, съ самаго начала создали недоразумѣнія между редакціей и цензурнымъ комитетомъ. Хотя программа журнала „Знаніе“ никогда не была понята русской цензурой и позднѣйшія недоразумѣнія показали, что эта цензура совершенно невѣжественна въ области естественныхъ наукъ и даже не знаетъ о существованіи различныхъ отраслей знанія; хотя въ нашей перепискѣ, подвергавшейся перлюстраціи, не было найдено никакихъ доказательствъ противоправительственныхъ намѣреній,—тѣмъ не менѣе журналъ „Знаніе“ былъ включенъ въ списокъ изданій вредныхъ, а я самъ скоро пріобрѣлъ репутацію человѣка опаснаго и враждебнаго правительственной политикѣ.

Въ такихъ-то условіяхъ вышелъ, въ октябрѣ 1870 года, первый номеръ журнала. Я не могу судить о впечатлѣніи, произведенномъ новымъ изданіемъ на публику, но могу сказать, что цензура оказалась въ полномъ недоумѣніи. Цензоръ, назначенный комитетомъ для просмотра „Знанія“, не имѣлъ никакого понятія о естественныхъ наукахъ, а членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, Веселаго, былъ бывшій морской офицеръ, оставившій службу лѣтъ за двадцать до того, а затѣмъ исполнявшій должность субъ-инспектора въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ репутацію бурбона, строго преслѣдовавшаго всякое уклоненіе отъ установленной формы. Въ этомъ первомъ номерѣ была напечатана одна статья, совершенно невинная, но, вмѣстѣ

---

[1]) Среди западно-европейскихъ ученыхъ, редакція обратилась, между прочимъ, къ Марксу (который упоминаетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г. Николаю—ону, напечатанныхъ въ январской книжкѣ „Минувшихъ Годовъ“); изъ русскихъ эмигрантовъ былъ приглашенъ сотрудничать П. Л. Лавровъ, для личныхъ переговоровъ съ которымъ мой мужъ ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ тотъ въ это время жилъ. П. Л. Лавровъ сотрудничалъ въ „Знаніи“ все время его существованія, его статьи появлялись за подписью П. М—въ («Очерки систематическаго знанія»—рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ; «Введеніе въ исторію мысли“, „Научныя основы исторіи цивилизаціи“, „Соціологи-позитивисты“ и др.).—С. Г.

съ тѣмъ, достаточно популярная, чтобы послѣ нѣкоторыхъ усилій, быть понятой цензорами [1]). Въ статьѣ этой говорилось о правѣ и его отношеніи къ общей культурѣ, о настоятельной необходимости согласовать законодательныя нормы съ постоянно растущими потребностями общественной жизни, о необходимости обосновать положительный законъ не только на выводахъ науки, но также и на фактахъ практической жизни, на обычномъ правѣ и т. д. Цензура не приминула увидѣть въ этой статьѣ косвенное порицаніе законовъ имперіи, и для начала удовольствовалась тѣмъ, что занесла статью въ „кондуитный списокъ“ журнала.

Черезъ мѣсяцъ, въ слѣдующемъ номерѣ, помимо статей по естественнымъ наукамъ, для цензуры непонятныхъ, было двѣ статьи, одна профессора Герцена—сына знаменитаго А. И. Герцена—о „Свободѣ воли“, другая—о „Противорѣчіяхъ въ области уголовнаго правосудія“ [2]). Въ этихъ двухъ статьяхъ не было нападокъ ни на религію, ни на законы; это было простое изложеніе фактовъ и научныхъ наблюденій, почти извѣстныхъ публикѣ. Но для цензуры этого было достаточно, и редакціи было объявлено первое предостереженіе; это предостереженіе было мотивировано матеріалистическими тенденціями журнала.

Послѣ этого предостереженія намъ оставалось одно изъ двухъ: или прекратить изданіе журнала, или продолжать въ томъ же направленіи, въ надеждѣ, что борьба, хотя и трудна, но не невозможна. Мы расчитывали на то, что русская правительственная политика по традиціи всегда безсистемна. То, что запрещено сегодня, можетъ быть позволено завтра. Это соображеніе побудило насъ продолжать наше изданіе.

Здѣсь я долженъ прервать свой разсказъ, чтобы дать въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ организаціи русской цензуры; иначе читатель, незнакомый съ этой административной машиной, не пойметъ дальнѣйшихъ подробностей [3]).

Пресса и ея представители находились подъ двойнымъ контролемъ—цензуры и администраціи. Если цензура нападала на произведеніе, то администрація занималась производителемъ. Это раздѣленіе труда пріобрѣло особый интересъ съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало считать легальную печать отвѣтственной за всѣ протесты противъ реакціонной политики. А такъ какъ, начиная съ 1866 года, революціонная партія сдѣлала значительные успѣхи, то правительство, не желая искать причины этихъ событій въ своей собственной политикѣ, приписывало ихъ печати, которая находилась цѣликомъ въ когтяхъ цензуры и не могла ровно ничего печатать безъ ея вѣдома. Всякое проявленіе дѣятель-

---

1) Рѣчь идетъ о статьѣ „Право и жизнь“, принадлежавшей моему мужу, не неподписанной.—С. Г.

2) Статья моего мужа.—С. Г.

3) Мы опускаемъ этотъ очеркъ организаціи русской цензуры, предназначенный для англичанъ. *Ред.*

ности революціонной или соціалистической партіи—будь-то покушеніе на жизнь какого-нибудь черезчуръ усерднаго чиновника, или основаніе тайной типографіи—имѣло послѣдствіемъ репрессаліи противъ легальной печати, хотя между революціоннымъ движеніемъ и несчастной печатью, лишенной всякой независимости, и не существовало никакой связи.

При такихъ-то условіяхъ, когда редакторъ какого-нибудь журнала всегда считался отвѣтственнымъ за факты, происходящіе на противоположномъ концѣ имперіи и когда вся подцензурная пресса подвергается обвиненію въ государственной измѣнѣ, я былъ настолько наивнымъ, чтобы допустить возможность изданія независимаго журнала, не имѣющаго ничего общаго ни съ правительственной политикой, ни съ направленіемъ другихъ изданій. Послѣдствія этой необыкновенной наивности не замедлили обнаружиться. Возвращаясь въ 1872 году изъ Швейцаріи, куда я ѣздилъ повидаться съ своей семьей, я былъ задержанъ на границѣ и послѣ тщательнаго обыска отпущенъ. Это было, очевидно, первое предостереженіе по отношенію ко мнѣ лично; моя политическая репутація была установлена. Черезъ два дня, въ самый день моего пріѣзда въ Петербургъ,—новый обыскъ [1]). Нѣсколько мѣсяцевъ прошло спокойно; но собравшись вновь въ путешествіе, я былъ вызванъ, въ тотъ самый день, когда подалъ прошеніе о паспортѣ, въ 3-е отдѣленіе. Послѣ длиннаго допроса мнѣ было заявлено, что на этотъ разъ меня отпускаютъ свободно, но предупреждаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что серьезный человѣкъ не долженъ видѣться съ соціалистами, въ родѣ Маркса, Лаврова и проч. Всѣ эти маленькіе факты послужили предисловіемъ къ гораздо болѣе важнымъ для меня послѣдствіямъ, обнаружившимся позднѣе. Но вернемся къ журналу и къ моимъ отношеніямъ съ цензурой.

Съ величайшими трудностями издавалъ я журналъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Продолжая вести безконечную войну съ нашей цензурой, я вынужденъ былъ доказывать ей тогда вещи, положительно смѣшныя, напр., что та или иная статья не заключаетъ въ себѣ ничего, направленнаго противъ правительства или противъ религіи, что Дреперъ, излагая исторію борьбы между наукой и религіей, не имѣлъ въ виду православія, а исключительно католицизмъ, Дарвинъ въ своей книгѣ „О происхожденіи человѣка“ доказываетъ, что онъ отличный христіанинъ, что когда Гербертъ Спенсеръ въ своемъ „Изученіи соціологіи“ говоритъ, что всѣ правительства—разбойники, онъ не имѣетъ въ виду русскаго, что такая-то статья написана авторомъ, пользующимся всѣми гражданскими правами и т. д. Но съ начала 1873 года цензура измѣняетъ тактику. Направленіе журнала не кажется ей вреднымъ, но она придирается къ программѣ, и напечатаніе двухъ или трехъ

[1]) Причиной обыска было, повидимому, письмо, переданное моему мужу за границей П. Л Лавровымъ для одного русскаго литератора. С. Письмо это, впрочемъ, при обыскѣ найдено не было и благополучно было передано по назначенію. С. Г.

главъ изъ книги Спенсера даетъ ей поводъ заявить, что журналъ „Знаніе" не находится болѣе въ соотвѣтствіи съ программой, утвержденной правительствомъ. Предсѣдатель цензурнаго комитета, Петровъ, заявляетъ мнѣ отъ имени этого комитета, что „антропологія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова" есть ничто иное, какъ антропологія въ самомъ узкомъ смыслѣ, т. е. зоологія, и что, слѣдовательно, соціологія въ нее не входитъ. То же самое и по отношенію къ статьямъ объ общественной гигіенѣ. И вотъ начинаются безконечные споры и недорѣзумѣнія. Я не могъ соглаеиться съ мнѣніемъ, что все, что широко, въ то же время узко, а цензура считала своимъ долгомъ внушать мнѣ, что если у меня есть санкціонированная правительствомъ программа, то изъ этого нельзя заключить, что эта программа обязательна для журнала. Въ концѣ концовъ, цензура предложила мнѣ представить мемуаръ „о границахъ наукъ", изъ котораго видно было бы, что нужно понимать подъ антропологіей и каковы науки, къ ней принадлежащія. Я былъ почти вынужденъ принять это предложеніе, и въ одно прекрасное утро мемуаръ о границахъ науки былъ представленъ въ цензурный комитетъ. Это былъ, несомнѣнно, напрасный трудъ, потому что цензора были не такіе люди, чтобы понять въ немъ что-нибудь; для нихъ всякая наука была terra incognita, и разсужденія о границахъ и т. д. служили лишь простымъ времепрепровожденіемъ для хорошо оплачиваемыхъ правительствомъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе, журналъ оставили въ покоѣ и если меня и трогали иногда, то всегда по случаю какихъ-нибудь новыхъ событій, раздражавшихъ цензуру, въ родѣ покушеній, тайныхъ типографій и проч... Но успѣхи соціалистической партіи, грандіозные политическіе процессы, волновавшіе русское общество, новыя идеи, громко провозглашавшіяся и шумно распространявшіяся посредствомъ отчетовъ объ этихъ процессахъ, правительственный терроръ и многіе другіе факты, указывавшіе на новое теченіе въ нашей жизни—все это повело къ преслѣдованію подцензурной печати, и журналъ „Знаніе" былъ пріостановленъ на 6 мѣсяцевъ безъ всякаго объясненія причинъ. Начальникъ главнаго управленія Лонгиновъ откровенно заявлялъ представителямъ прессы, что для періодическихъ изданій законовъ не существуетъ, что они должны сообразоваться съ его собственнымъ желаніемъ, и что тѣ, которые посмѣютъ требовать примѣненія закона, подвергнутся строгимъ преслѣдованіямъ. А между тѣмъ, Лонгиновъ былъ литераторъ, печатавшій свои критическія статьи въ журналѣ Каткова, а свои порнографическія сочиненія и стихи—за границей.

По истеченіи 6 ти мѣсяцевъ, я возобновилъ изданіе „Знанія". Сначала можно было думать, что положеніе улучшилось. Лонгиновъ умеръ, а на его мѣсто былъ назначенъ профессоръ университета, извѣстный оріенталистъ Григорьевъ. Мнѣ казалось, что новый начальникъ установитъ болѣе нормальныя отношенія между печатью и администраціей, и что изданія, не занимающіяся поли-

тикой, не будутъ нести отвѣтственности за событія, наполняющія нашу общественную жизнь. Къ сожалѣнію, мы ошиблись, и Григорьевъ оказался хуже всѣхъ другихъ. Онъ не переносилъ ничего, что исходило отъ Западной Европы. Онъ признавалъ одни только принципы—абсолютнаго самодержавія и православія, и былъ убѣжденъ, что все зло происходитъ изъ-за-границы. Такой журналъ, какъ „Знаніе", удѣлявшій значительное мѣсто статьямъ, приходившимъ изъ-за-границы, совсѣмъ не долженъ былъ нравиться новому начальник,у и онъ не замедлилъ высказать свое неудовольствіе. Предлогъ представился быстро, хотя, по правдѣ сказать, я никогда не могъ предположить даже возможности такого безцеремоннаго вмѣшательства администраціи въ дѣла печати. Редакція „Знанія" печатала переводы лучшихъ научныхъ сочиненій, и, между прочимъ, переводъ путешествія Пальгрэва по Аравіи. Хотя у русскаго правительства всегда есть какія-то миссіи на востокѣ, но наша литература не можетъ похвалиться книгами о восточныхъ странахъ; до послѣдней войны (1876 –1877 гг.) у насъ нельзя было найти никакихъ сочиненій по исторіи тѣхъ народовъ, которые мы хотѣли освободить отъ мусульманскаго деспотизма. Печатаніе путешествія Пальгрэва прошло бы незамѣченнымъ, если-бы одна реакціонная газета не привлекла вниманія правительства и публики на идеи, высказываемыя знаменитымъ путешественникомъ. Она обвиняла редакцію „Знанія" въ симпатіяхъ къ мусульманству, выразившихся въ печатаніи сочиненія Пальгрэва. На другой день послѣ появленія газеты съ этимъ обвиненіемъ я получилъ приглашеніе явиться въ главное управленіе для объясненій съ Григорьевымъ.

Въ кабинетѣ его я замѣтилъ на столѣ оригиналъ перваго изданія путешествія Пальгрэва, французскій переводъ этого изданія (изд. Hachette), русскій переводъ и газету съ доносомъ. Григорьевъ встрѣтилъ меня очень сурово, и вотъ приблизительно его рѣчь: „Правительство не можетъ терпѣть симпатій къ мусульманамъ и, печатая переводъ Пальгрэва, вы становитесь въ ряды его враговъ. Вы рѣшаетесь печатать такія сочиненія въ то самое время, когда правительство прилагаетъ всѣ свои старанія, чтобы внушить ненависть къ туркамъ. Предупреждаю васъ, что противъ васъ лично и противъ журнала будутъ приняты мѣры". Вмѣсто отвѣта, я ограничился указаніемъ на одинъ фактъ, оставшійся неизвѣстнымъ газетѣ, сдѣлавшей на меня доносъ. Редакторъ не читалъ русскаго перевода, но зналъ французскій переводъ, сдѣланный съ перваго англійскаго изданія, въ которомъ Пальгрэвъ высказывалъ большую симпатію къ мусульманству. Въ новомъ англійскомъ изданіи Пальгрэвъ измѣнилъ, однако, это мнѣніе, а такъ какъ русское изданіе было сдѣлано на основаніи послѣдняго англійскаго текста, то оно не заключало даже никакихъ признаковъ того преступленія, въ которомъ его обвиняли; наоборотъ, Пальгрэвъ высказывалъ такую враждебность къ мусульманамъ, что русское правительство могло даже пропаганди-

ровать эту книгу. Выслушавъ мои объясненія, Григорьевъ не удовлетворился ими и замѣтилъ, что вообще на журналъ дурно смотрятъ въ цензурѣ, что онъ печатаетъ статьи иностранныхъ ученыхъ, идущихъ по ложному пути, что, принявъ теорію эволюціи, онъ совершаетъ почти что преступленіе, потому что эта теорія недостаточно доказана, что матеріалистическія тенденціи не могутъ быть терпимы въ Россіи и что, въ концѣ концовъ, мнѣ остается только выбирать между прекращеніемъ изданія „Знанія" или измѣненіемъ его направленія, тѣмъ болѣе, что журналъ не издается въ соотвѣтствіи съ программой, принятой въ 1870 году. Это была уже старая пѣсня, и мнѣ оставалось только предъявить Григорьеву программу. Прочтя ее, онъ сказалъ: „Да, вы правы, но я никогда не принялъ бы такой программы". Черезъ нѣсколько дней меня снова пригласили въ цензурный комитетъ, и на этотъ разъ предсѣдатель его заявилъ мнѣ, что толкованіе, какое даетъ программѣ редакція журнала,—невѣрно, что журналъ не издается въ соотвѣтствіи съ программой, что всякая программа мѣняется, или должна мѣняться, съ теченіемъ времени и что, разъ обстоятельства измѣнились, журналъ долженъ сообразовываться съ желаніями администраціи; въ противномъ же случаѣ онъ будетъ прекращенъ.

При такихъ условіяхъ, вести дальнѣйшую борьбу съ цензурой мнѣ казалось безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что дѣло шло всего о какихъ-нибудь нѣсколькихъ мѣсяцахъ существованія. Тяжело было разставаться съ дѣломъ, которому мы посвятили семь лѣтъ нашей молодости. Я все надѣялся, что произойдетъ какая-нибудь перемѣна, что нужно только найти какой-нибудь способъ успокоить цензуру и дать намъ возможность продолжать изданіе журнала въ томъ же направленіи и съ тѣми же тенденціями.

Послѣ долгихъ поисковъ, такой способъ былъ найденъ.

II.

Политическая партія въ истинномъ смыслѣ слова не существуетъ въ Россіи. Страна, управляемая неограниченной волей монарха, не можетъ представлять организованныхъ категорій политическихъ дѣятелей. Существуетъ, однако, нѣчто похожее на политическія группы, но эти группы не имѣютъ ни организацій, ни опредѣленныхъ цѣлей, ни вождей, ни программъ, за исключеніемъ одной—революціонеровъ-соціалистовъ,—которая, по самому характеру своихъ стремленій и функцій, требуетъ полной организованности и вполнѣ опредѣленной программы. Среди группъ, терпимыхъ правительствомъ, можно указать на группу реакціонеровъ, которая стремится упразднить всѣ реформы Александра II и, если возможно, еще усилить самодержавіе, и группу либераловъ, которая стремится въ настоящемъ къ развитію учрежденій, созданныхъ послѣ 1861 года, а въ будущемъ—къ конституціонному строю. О другихъ группахъ, напр., о славянофилахъ,

я говорить не буду, хотя они и пріобрѣли нѣкоторое значеніе со времени смерти Александра II.

Само собою разумѣется, что правительство не позволяетъ никакой группѣ, кромѣ реакціонеровъ, распространеніе ея идей. Оно знаетъ, что либералы существуютъ, и спокойно предоставляетъ имъ болтать въ салонахъ, но оно никогда не допустило бы, чтобъ какой-нибудь либералъ публично высказывалъ свой взглядъ на конституцію или на какое нибудь другое измѣненіе существующаго строя. Вотъ почему смутныя идеи нашихъ либераловъ можно прочитать только между строчками нашихъ газетъ, причемъ для этихъ изысканій нужна вся опытность русскаго читателя. Иначе стоитъ дѣло съ реакціонерами, которые могутъ дѣлать въ своихъ изданіяхъ публичные доносы и превращаютъ свои газеты въ сыскныя отдѣленія. Стремленія этихъ реакціонеровъ подвергаются лишь слабой критикѣ со стороны либераловъ, не имѣющихъ права громко высказываться о правѣ и свободѣ. Репрессіи послѣдняго времени отняли у либеральной группы почти всѣ ихъ надежды, а между тѣмъ, она не обнаруживала никакихъ признаковъ недовольства, не сдѣлала никакой попытки показать правительству, что мы живемъ не въ николаевскія времена Уступки, сдѣланныя русскому обществу министерствомъ Лорисъ-Меликова, уступки, правду сказать, незначительныя, должны быть приписаны дѣятельности не либераловъ, а соціалистовъ. Все, что сдѣлала либеральная партія, это—слабыя попытки пропаганды идей парламентарнаго строя; но эти попытки всегда убѣждали правительство въ томъ, что съ этой стороны самодержавію бояться нечего.

Изъ числа этихъ попытокъ можно указать на изданіе маленькой либеральной газеты, долженствовавшей служить дѣлу развитія учрежденій, созданныхъ въ эпоху реформъ [1]). Редакторъ этой газеты былъ когда-то богатымъ помѣщикомъ, затѣмъ продалъ свои земли, а потому получилъ возможность свободно нападать на крупныхъ землевладѣльцевъ, или на реакціонеровъ, что въ Россіи одно и то же. Это было бы вполнѣ безвредное для правительства изданіе—не болѣе какъ простое времепрепровожденіе, если бы среди сотрудниковъ не оказалось нѣсколькихъ лицъ, подозрительныхъ съ точки зрѣнія администраціи. Въ теченіе двухъ лѣтъ цензура и администрація ждали какого нибудь предлога, чтобы прекратить газету, и когда редакторъ отказался отъ своихъ функцій, цензура не утвердила новаго редактора. Напрасно издатель представлялъ администраціи такихъ редакторовъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было заподозрить въ либерализмѣ: цензура не соглашалась ни на кого, и, наконецъ, довела до свѣдѣнія редакціи, что не утвердитъ даже самой Богоматери, если бы она захотѣла представиться въ качествѣ отвѣтственнаго редактора либеральной газеты. Послѣ такого категорическаго отвѣта издателю пришлось искать покупателя на журналъ, а такъ какъ у

---

[1]) Газета «Молва», основанная Жемчужниковымъ. *С. Г.*

него было всего 500—600 подписчиковъ, то онъ былъ расположенъ продать его очень дешево. Въ виду того, что программа этой газеты была составлена довольно полно и удачно, редакція „Знанія“ рѣшила купить ее, съ цѣлью превращенія въ большой ежемѣсячный журналъ.

Григорьевъ, которому я изложилъ свои намѣренія, далъ мнѣ очень благопріятный отвѣтъ, сказавъ, что для правительства всегда лучше имѣть дѣло съ однимъ непріятнымъ изданіемъ, чѣмъ съ двумя. Черезъ нѣсколько дней, я и мой товарищъ Коропчевскій получили разрѣшеніе издавать большой журналъ „Слово“ и вынуждены были прекратить какъ „Знаніе“, такъ и „Молву“.

Соединяя научный журналъ „Знаніе“ съ политической газетой и создавая большой литературный и политическій журналъ, мы хотѣли сохранить позитивныя начала, положенныя въ основу нашей программы и обсуждать всѣ вопросы общественной и политической жизни объективно и безпристрастно. Старыя политическія теоріи, основанныя на метафизическихъ идеяхъ, романтизмъ въ литературѣ и старые литературные пріемы насъ не удовлетворяли. Мы хотѣли создать нѣчто новое, гдѣ было бы больше фактовъ и идей, чѣмъ фразъ. Мы думали, что общественную жизнь можно изучать безъ предвзятыхъ мнѣній, что печальная дѣйствительность заставляетъ насъ сосредоточить всѣ наши усилія на изученіи такихъ явленій въ жизни русскаго народа, которыя могутъ послужить для образованія дѣйствительныхъ научныхъ выводовъ. Для этой задачи намъ нужны были сотрудники, которые не вѣрили больше въ прогрессъ свыше и не думали бы, что измѣнить существующій порядокъ вещей могутъ только образованные классы. Литераторы, работавшіе для другихъ журналовъ, публицисты, привыкшіе къ нашимъ обычаямъ и нравамъ, даже привыкшіе много говорить, чтобъ ничего не сказать, намъ не подходили. Среди нихъ были люди очень выдающіеся, но они знали только литературу, а жизнь—только по тому, что видѣли и слышали въ Петербургѣ. Даже самая форма ихъ произведеній намъ не нравилась: привычка писать „цензурно“ и давать читателю одну только слитную и почти непонятную идею, создала у насъ особый стиль, въ которомъ слова имѣли свой смыслъ. Съ такими требованіями намъ было очень трудно составить редакцію, и мы были вынуждены искать сотрудниковъ въ той группѣ, которую нельзя было заподозрить въ индифферентномъ отношеніи къ общественной жизни Россіи. Эта группа принадлежала къ соціалистической партіи. Читатель помнитъ, вѣроятно, что соціалисты, считая, что нельзя ничего сдѣлать для народа, не будучи знакомыми съ его нуждами и съ его жизнью, посвятили себя тогда изученію народа и пропагандѣ соціалистическихъ идей посредствомъ прямого общенія съ крестьянами и рабочими. Тысячи молодыхъ людей покинули столицы и отправились по деревнямъ,

чтобы наблюдать эту, незнакомую имъ, жизнь и собирать факты относительно печальнаго и ненормальнаго положенія народа. А такъ какъ среди этой молодежи нетрудно было найти талантливыхъ людей, которые бы не отказались подѣлиться съ публикой своими наблюденіями и изслѣдованіями, то редакція „Слова" и обратилась къ нѣкоторымъ изъ пропагандистовъ, а также и находившихся за границей эмигрантовъ съ предложеніемъ сотрудничества. Надежды наши дать публикѣ нѣчто новое и интересное оправдались, и успѣхъ журнала съ самаго начала показалъ, что типъ существующихъ журналовъ устарѣлъ и что современный читатель отлично понимаетъ, что время фразъ прошло.

Цензура и администрація знали, что редакціонная работа въ „Словѣ" раздѣлена между мною и К. и что все, касающееся общественной жизни и текущаго отдѣла (внутренняя и внѣшняя политика, корреспонденціи и проч) лежитъ на мнѣ. А такъ какъ большинство сотрудниковъ соціалистовъ работали въ текущемъ отдѣлѣ, то необходимыя сношенія съ людьми, преслѣдуемыми правительствомъ, велъ я. По выходѣ первой книжки журнала, цензура обратилась ко мнѣ съ вопросомъ относительно фамилій авторовъ нѣкоторыхъ статей и, не получивъ отвѣта, сдѣлала на меня доносъ полиціи, въ которомъ прямо говорилось, что сотрудники „Слова"—настоящіе и будущіе каторжники. Тѣмъ не менѣе цензура не находила въ журналѣ ничего такого, чтобы позволило ей принять какія-нибудь „мѣры", хотя тенденція всѣхъ статей была очень ясна и опредѣленна. Вопросъ о программѣ больше не существовалъ, и цензурѣ было очень трудно отыскать что нибудь подозрительное въ статьяхъ, гдѣ не говорилось ни о конституціи, ни о преподаваніи греческаго и латыни. Но такое спокойствіе длилось не долго, и знаменитый процессъ Засуличъ долженъ былъ послужить началомъ новыхъ недоразумѣній. Какъ извѣстно, въ судебномъ засѣданіи былъ предъявленъ № „Голоса", гдѣ разсказывалась исторія экзекуціи политическаго заключеннаго Боголюбова по распоряженію генерала Трепова. Исторія эта была перепечатана другими газетами, но ни одинъ не высказалъ никакого порицанія черезчуръ ретивому генералу. Но когда на судѣ факты были вновь разсказаны со всѣми подробностями, и Засуличъ оправдана присяжными, всѣ газеты либеральнаго оттѣнка стали кричать противъ дѣйствій полиціи вообще и Трепова въ частности. „Слово" въ своемъ отчетѣ о процессѣ поставило печати упрекъ въ трусости, проявленной ею въ тотъ самый моментъ, когда экзекуція должна была произвести наибольшее впечатлѣніе, а также и то, что газетамъ понадобилось рѣшеніе суда для того, чтобы сказать, что дважды два—четыре. На другой день послѣ представленія книжки журнала въ цензуру, меня вызвали на разговоръ съ предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Онъ категорически заявилъ мнѣ, что хроника „Слова" есть косвенное приглашеніе газетъ къ тому, чтобы они высказывали свое порицаніе агентамъ администраціи, что статьи такого рода не могутъ

быть терпимы и что цензура этой статьи не пропустить. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было сказано, что правительото не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что въ числѣ сотрудниковъ журнала находятся подозрительныя лица, тѣмъ болѣе, что редакція, платя революціонерамъ за статьи, тѣмъ самымъ косвенно поддерживаетъ разрушительныя тенденціи и доставляетъ средства къ существованію людямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ гражданскимъ обществомъ. Въ концѣ нашего разговора предсѣдатель цензурнаго комитета посовѣтовалъ мнѣ, чтобы редакція порвала свои сношенія съ сотрудниками, неизвѣстными цензурѣ; тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ, что для журнала не можетъ быть никакой выгоды отъ сотрудниковъ, которые не могутъ подписывать своихъ фамилій. Черезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ въ 3-е отдѣленіе въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о предполагаемомъ самоубійствѣ нѣкоего Сидорацкаго во время демонстраціи, послѣдовавшей за процессомъ Засуличъ. Я находился въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ упалъ Сидорацкій, ясно видѣлъ, какъ полицейскій положилъ рядомъ съ нимъ револьверъ. Полиція хотѣла внушить публикѣ, что Сидорацкій застрѣлился, но въ обществѣ были увѣрены, что онъ убитъ жандармами. Я не могъ утверждать ни того, ни другого, но долженъ былъ сказать то, что видѣлъ собственными глазами. Это показаніе, такъ же какъ и показаніе еще одного литератора, произвело на жандармовъ очень дурное впечатлѣніе; на этотъ разъ меня еще оставили въ покоѣ.

Все это происходило весною. Проведя лѣто вдали отъ столицы, я вернулся въ Петербургъ въ сентябрѣ и замѣтилъ, что мои отношенія съ полиціей и цензурой измѣнились и приняли очень острый характеръ.

Въ октябрѣ 1878 г. я обратился въ цензуру съ просьбой разрѣшить мнѣ изданіе ежемѣсячнаго международнаго научнаго журнала. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отрицательный отвѣтъ, основанный на мнѣніи шефа жандармовъ, а такъ какъ въ городѣ распространился слухъ, что журналъ „Слово“ будетъ въ ближайшемъ будущемъ запрещенъ, то нашъ издатель Сибиряковъ отправился къ шефу жандармовъ, генералу Дрентельну, за объясненіями. Дрентельнъ безцеремонно заявилъ ему, что если я останусь редакторомъ, журналъ будетъ непремѣнно прекращенъ. „Я не могу терпѣть, сказалъ онъ, чтобы въ Россіи печатали статьи политическихъ эмигрантовъ; что же касается васъ, то я вамъ совѣтую взять изъ этого предпріятія свои капиталы“. Было ясно, что судьба „Слова“ рѣшена, но относительно меня лично ничего еще рѣшено не было. Несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось получить о намѣреніяхъ администраціи никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, и хотя я зналъ, что меня считаютъ человѣкомъ подозрительнымъ, но подозрительныхъ было тогда такъ много, что это меня не безпокоило: я думалъ, что мое общественное положеніе оградитъ меня отъ произвола. Къ несчастью, мой оптимизмъ оказался неосновательнымъ.

Въ концѣ ноября я встрѣтилъ въ театрѣ одного члена судебнаго вѣдомства, который въ антрактѣ далъ мнѣ совѣтъ немедленно оставить столицу и даже, если возможно, уѣхать на годъ или два за границу. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы я не оставался въ Петербургѣ дольше двухъ или трехъ дней.

Спѣшно ликвидировавъ свои дѣла и внезапно порвавъ со всѣмъ, что было мнѣ дорого въ теченіе столькихъ лѣтъ, я покинулъ Петербургъ [1]) 1 декабря 1878 года и уѣхалъ въ Москву.

И. А. Гольдсмитъ.

---

[1]) На этомъ оканчивается та часть воспоминаній моего мужа, которая касается его литературной дѣятельности. Дальнѣйшее представляетъ собою разсказъ о нашемъ арестѣ въ Москвѣ, въ мартѣ 1879 года, по доносу Рейнштейна, убитаго за нѣсколько дней до того (въ одну ночь было арестовано тогда до 100 человѣкъ); затѣмъ объ административной ссылкѣ въ Архангельскую губернію и о положеніи ссыльныхъ; о нашемъ возвращеніи оттуда во время освобожденія административныхъ ссыльныхъ при Лорисъ-Меликовѣ; о положеніи юго-западнаго края, гдѣ намъ пришлось поселиться, о второмъ арестѣ и эмиграціи за границу. Всѣ эти свѣдѣнія представляютъ интересъ для иностранцевъ, но русская публика нашла бы въ нихъ для себя мало новаго. Часть этого разсказа (ссылка по недоказанному обвиненію въ принадлежности къ „Землѣ и Волѣ") вошла въ книгу С. М. Степняка „La Russie sous la Tsars".

С. Г.

Изъ исторіи общественнаго движенія въ Русской Польшѣ.

Мои воспоминанія относятся къ недавнему прошлому — 1900-1901 годамъ, къ тому времени, когда польская соціалдемократія, послѣ трехлѣтняго застоя въ ея дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ, выступила опять на политическую арену какъ „соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы".

Эти годы относятся къ періоду оживленія, наступившему въ польскомъ соціалистическомъ движеніи подъ вліяніемъ всемірнаго промышленнаго кризиса.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я буду говорить исключительно о соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, какъ старый членъ этой партіи, и о тѣхъ общественно политическихъ условіяхъ, въ которыхъ ей приходилось работать, касаясь другихъ партій лишь постолько, посколько это будетъ необходимо для выясненія описываемыхъ событій.

Для того, чтобы отчетливѣе представить политическую физіономію соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, я сдѣлаю небольшую экскурсію въ область прошлаго.

Соціалистическое движеніе началось въ Русской Польшѣ еще въ половинѣ 70 гг. Въ теченіе почти 15 лѣтъ это движеніе было кружковымъ. Извѣстная русскимъ читателямъ вслѣдствіе своихъ тѣсныхъ сношеній съ „Народной Волей" — „соціально-революціонная партія Пролѣтаріатъ" не обнимала болѣе или менѣе значительной части рабочихъ массъ. Она была замкнутой, законспирированной организаціей преданныхъ рабочему дѣлу революціонеровъ, старавшихся своими энергичными выступленіями въ защиту интересовъ рабочихъ массъ пріобрѣсти ихъ довѣріе и повести ихъ на борьбу съ политическимъ и соціальнымъ строемъ.[1] „Пролетаріатъ" и не могъ быть массовой организаціей рабочихъ. Въ то время, когда эта партія образовалась, въ Польшѣ еще не возникли условія для политической борьбы широкихъ рабочихъ массъ. Послѣднія не только не сознавали еще своихъ классовыхъ интересовъ, но не боролись даже за улучшеніе своего экономическаго положенія; стачки происходили очень рѣдко

[1]) См. № 2 газеты «Proletaryat», конфиденціальный договоръ съ «Народной Волей» — «Вѣстникъ» «Народной Воли» — № 4, «Dvou miesischnik Walki Klas» и др.

и почти всегда были очень незначительны по количеству своихъ участниковъ. Все же дѣятельность „Пролетаріата" была очень энергична и разнообразна, и его значеніе въ польскомъ соціалистическомъ движеніи очень велико. Онъ организовалъ нѣсколько забастовокъ, подготовлялъ и устраивалъ террористическія покушенія; подъ его вліяніемъ произошла первая въ Польшѣ рабочая демонстрація, демонстрація безработныхъ на Замковой площади въ Варшавѣ въ мартѣ 1885 года; онъ вошелъ въ тѣсныя организаціонныя отношенія съ „Народной Волей" и, такимъ образомъ, впервые сдѣлалъ попытку объединенія польскаго соціалистическаго движенія съ соціалистическимъ движеніемъ остальной Росіи; онъ создалъ богатую соціалистическую литературу, въ которой велъ борьбу и съ теоріей гармоніи классовыхъ интересовъ, и съ польскими буржуазными политиками, проповѣдывавшими т. н. „программу органическаго труда" [1]), и съ представителями польскаго мелкобуржуазнаго соціализма [2]); на этой литературѣ воспитались цѣлыя поколѣнія рабочихъ и интеллигенціи; смерть четырехъ членовъ „Пролетаріата",—Куницкаго, Бардовскаго, Петрусинскаго, Оссовскаго—казненныхъ въ 1886 г. по приговору Варшавскаго военно-окружнаго суда, не осталась безъ вліянія на эти слои польскаго общества. Въ концѣ 80-хъ годовъ, благодаря, съ одной стороны, развитію капитализма, съ другой — дѣятельности „Пролетаріата", въ Польшѣ началась борьба широкихъ рабочихъ массъ за ихъ повседневные экономическіе интересы. Партія „Пролетаріатъ", бывшая въ то время незначительной группой, не могла стать во главѣ этой борьбы. Руководство ею взяла на себя новая партія—„Союзъ Польскихъ Рабочихъ",—организованная Я. Ледеромъ, Г. Вилькошевскимъ, Ю. Карскимъ, В. Ходачинскимъ, С. Куликомъ, воспитавшимися на литературѣ „Пролетаріата". „Союзъ Польскихъ Рабочихъ" былъ организаціей, охватившей довольно значительную часть рабочихъ массъ. Но въ первые годы своей дѣятельности онъ не былъ политической организаціей рабочихъ; онъ организовалъ лишь ихъ экономическую борьбу, соціалистическую же пропаганду велъ въ небольшихъ кружкахъ, въ которыхъ вырабатывались агитаторы и руководители этой борьбы. Но когда правительство стало усиленно преслѣдовать даже чисто экономическое движеніе, „Союзъ" приступилъ къ широкой политической агитаціи. Организованная, главнымъ образомъ, этой партіей въ Лодзи въ маѣ 1892 года 80-тысячная забастовка оказала большое вліяніе на развитіе политическаго сознанія польскихъ рабочихъ. Она окончилась страшной бойней, въ которой 46 рабочихъ были убиты и около 200 ранены. Хотя властямъ удалось, такимъ образомъ, терроризовать лодзинскихъ рабочихъ, и въ Лодзи на время утихла даже ста-

[1]) См. Пекарскаго и Длускаго «Мастеръ Вецеклица и К°.»
[2]) См. органы «Пролетаріата»—«Борьба классовъ» и брошюру Елаза (Феликса Дашинскаго): «Къ позорному столбу».

чечная борьба, но съ тѣхъ поръ начинаетъ постепенно развиваться политическое сознаніе широкихъ массъ польскихъ рабочихъ. Развивалось оно въ массахъ очень медленно. Въ 1893 г. массы еще не имѣли опредѣленнаго политическаго идеала, а лишь начали сознавать потребность свободы слова, сходокъ, союзовъ, стачекъ [1]). Но во время длившейся болѣе двухъ лѣтъ стачечной борьбы, эти массы выдѣлили изъ своей среды, правда, очень малочисленный, но вполнѣ сознательный политически авангардъ, изъ котораго въ 1893 г. образовалась соціалдемократія Царства Польскаго. Развившійся же въ періодъ дѣятельности „Союза Польскихъ Рабочихъ" такъ называемый „легальный марксизмъ" и особенно статьи Л. Крживицкаго [2]), создали почву для возникновенія соціалистической программы въ точномъ значеніи этого слова.

Организаторами соціалдемократіи Царства Польскаго были рабочіе изъ „Пролетаріата" и „Союза Польскихъ Рабочихъ": Т. Волостовскій, С. Келза, Я. Россолъ, С. Куликъ, С. Гутъ, Петрашекъ и другіе, и интеллигенты К. Ратынскій и Веселовскій. Теоретиками—литераторами этой партій были Роза Люксембургъ, Адольфъ Варшавскій и Юліанъ Карскій. Они тоже были членами двухъ, предшествовавшихъ соціалдемократіи, организацій; Р. Люксембургъ была въ 1888 г. членомъ одного изъ варшавскихъ кружковъ молодежи, принадлежавшихъ къ „Пролетаріату", А. Варшавскій принадлежалъ къ дѣятельнымъ членамъ „Союза Польскихъ Рабочихъ", красильщикъ рабочій Ю. Карскій, нынѣ докторъ соціальныхъ наукъ, былъ однимъ изъ организаторовъ этого Союза. Въ іюнѣ 1893 г. Р. Люксембургъ, А. Варшавскій и Ю. Карскій начали издавать за границей газету „Spawa Robotnicza" (Рабочее Дѣло), которая вскорѣ стала органомъ соціалдемократіи Царства Польскаго. Такъ какъ существующая въ настоящее время въ Русской Польшѣ „Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы" образовалась непосредственно изъ соціалдемократіи Царства Польскаго, послѣ объединенія ея съ рабочимъ союзомъ Литвы, то надъ С.-Д. Ц. П. я позволю себѣ остановиться нѣсколько дольше, чѣмъ надъ „Пролетаріатомъ" и Союзомъ польскихъ рабочихъ. Программа этой партіи была изложена въ ея докладѣ Цюрихскому Международному Соціалистическому Конгрессу и въ №№ 1 и 10 ея органа „Sprawa Robotnicza", въ статьяхъ „Задачи Польскаго Рабочаго Класса" и „Протоколы I съѣзда С.-Д. Ц. П."

Въ докладѣ наиболѣе характернымъ является слѣдующее мѣсто [3]): „Общественно-экономическая исторія трехъ частей быв-

[1]) См. отчетъ делегатовъ на съѣздѣ с.-д. ц. п. въ мартѣ 1894 г. -- «Sprawa Robotnicza».

[2]) См. «Правда» за 1889 и 1890 гг. статьи Крживецкаго: «Демократическія иллюзіи» и посвященныя спеціально вопросу о матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

[3]) См. книга „Польскій вопросъ и соціалистическое движеніе", стр. 176 и 177.

шаго Царства Польскаго сплотила его органически съ тремя завоевавшими его государствами и создало въ каждой изъ трехъ его частей особыя стремленія и особые политическіе интересы. Въ виду хроническаго въ настоящее время переполненія всемірнаго рынка, промышленность Царства Польскаго растетъ и развивается только благодаря политической принадлежности его къ Россіи, содѣйствовавшей экономическому объединенію обѣихъ странъ. Русское правительство постоянно укрѣпляетъ своей ловкой политикой это единство, поддерживая польскую промышленность, какъ съ цѣлью привлеченія на свою сторону польскихъ капиталистовъ, такъ и въ собственныхъ экономическихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого экономическаго объединенія, вытекающаго изъ непреоборимой логики капиталистическаго развитія, стремленіе къ возстановленію Польши, какъ капиталистическаго государства, лишено всякихъ реальныхъ основаній. Программа возстановленія Польши, не отвѣчая реальнымъ условіямъ польской жизни, не можетъ вызвать политической акціи, отвѣчающей интересамъ пролетаріата..... Политическая акція пролетаріата русской Польши опредѣляется лозунгомъ, отвѣчающимъ его условіямъ существованія, общимъ у него съ пролетаріатомъ всей остальной Россіи... Эта программа, ставящая цѣлью пролетаріата завоеваніе имъ политическихъ правъ, которыя отвѣчаютъ классовымъ интересамъ пролетаріата, одновременно имѣетъ въ виду создать благопріятныя условія для успѣшной борьбы его противъ русификаторской политики русскаго правительства. Эта программа, наконецъ, ведетъ рабочій классъ по прямому, кратчайшему пути къ его окончательной цѣли — соціалистическому перевороту—и содѣйствуетъ приближенію этого момента, когда, вмѣстѣ съ полнымъ уничтоженіемъ всякаго гнета, будетъ уничтожено навсегда порабощеніе польскаго народа, и станетъ невозможнымъ всякое стѣсненіе культурно-національнаго развитія"...

Въ протоколахъ съѣзда, помѣщенныхъ въ № 10, говорится, между прочимъ: „въ области политическихъ задачъ С.-Д. Ц. П. стремится прежде всего къ завоеванію конституціи, основанной на всеобщемъ равномъ избирательномъ правѣ при выборахъ въ законодательный сеймъ, на самомъ широкомъ народномъ самоуправленіи въ государствѣ, краѣ, общинѣ, на выборности чиновниковъ и судей народомъ, на полномъ равноправіи половъ, вѣроисповѣданій, національности и т. д." Всѣ эти задачи, по мнѣнію С.-Д. Ц. П., могутъ быть осуществлены только путемъ борьбы широкихъ рабочихъ массъ, выступающихъ подъ знаменемъ соціалдемократіи. Высшимъ учрежденіемъ С.-Д. Ц. П. былъ съѣздъ. Руководителемъ ея дѣятельности—ея Центральное Управленіе, избираемое съѣздомъ и дающее ему отчетъ въ своей дѣятельности. Идейнымъ руководителемъ—редакція „Sprawa Robotnicza". Въ 1893 г. возникла въ Польшѣ также другая партія, выступавшая подъ флагомъ соціализма—Польская Соціалистическая Партія (П. П. С.). Она выставила въ своей программѣ ближайшей цѣлью возстано-

вленіе Польши, какъ независимой демократической республики. П. П. С. вела съ С.-Д Ц. П. постоянную борьбу. Послѣднюю начали организаторы П. П. С. еще до выступленія ея на арену политической дѣятельности. На Цюрихскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, происшедшемъ въ августѣ 1893 г., они, желая уменьшить значеніе С.-Д. Ц. П. въ глазахъ представителей международнаго пролетаріата и, составляя на конгрессѣ большинство польской делегаціи, старались ограничить количество мандатовъ своихъ противниковъ. Не будучи въ состояніи отвергнуть мандата Ю. Карскаго, полученнаго имъ непосредственно отъ рабочихъ организацій Царства Польскаго, они не допустили на засѣданія конгресса представительницу редакціи газеты „Sprawa Robotnicza"—Р. Люксембургъ, мотивируя это тѣмъ, что редакторъ этой газеты Михалковскій, подписавшій ея мандатъ, является человѣкомъ, политическая честность котораго якобы подлежитъ сомнѣнію. Организованный послѣ конгресса третейскій судъ, съ П. Л. Лавровымъ во главѣ, возстановилъ репутацію Михалковскаго и осудилъ поступокъ его политическихъ противниковъ [1]). Этотъ инцидентъ нисколько не повредилъ С.-Д. Ц. П. въ ея дѣятельности; въ теченіе 1893—1894 гг. она была единственной партіей, имѣвшей широкія связи съ рабочей массой. Въ теченіе этого времени ею былъ организованъ въ 1894 г. первомайскій праздникъ въ Варшавѣ, Домбровѣ, Томашовѣ, Ченстоховѣ, Заверцѣ и др. и нѣсколько похоронныхъ демонстрацій, какъ-то: демонстрація на похоронахъ организатора „Союза Польскихъ Рабочихъ"—Я. Ледера; она руководила многочисленными забастовками. Но главной ея заслугой въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія является ея литературная дѣятельность, а именно то, что С.-Д. Ц. П., приложивъ марксистскій методъ къ изслѣдованію польской общественной жизни, обосновала теоретически соціалдемократическую программу и подвергла глубокой научной критикѣ не національмъ вообще, что уже сдѣлалъ до нея Л. Крживицкій, но спеціально программу польскихъ націоналистовъ всѣхъ категорій. Насколько основательной была литературная дѣятельность С.-Д. Ц. П., это видно изъ того, что даже по мнѣнію ея противника М. Мазовецкаго, органъ ея „Sprawa Robotnicza", котораго она издала 25 номеровъ, былъ редактированъ очень хорошо и много содѣйствовалъ развитію и углубленію политическаго сознанія польскихъ рабочихъ. Осенью 1894 и въ началѣ 1895 г., благодаря проникновенію въ ряды С.-Д. Ц. П. провокатора, произошли аресты всѣхъ видныхъ ея членовъ; были арестованы: Кельза, Влостовскій, Веселовскій, Куликъ, Петрашекъ, Ратынскій, Погоржельскій, Поремскій и многіе другіе. Всѣ они просидѣли около 3 лѣтъ въ предварительномъ заключеніи и были въ административномъ порядкѣ

---

[1]) См. органъ С.-Д. Ц. П. и Л.—„Рабочее Обозрѣніе", № 2—3, стр. 17—18.

высланы въ Восточную Сибирь: Веселовскій, Ратынскій [1]), Поремскій, Погоржельскій—на 6 лѣтъ каждый; Влостовскій, Куликъ, Петрашекъ—на 4 года каждый. Кельза и нѣсколько другихъ были высланы въ восточныя губерніи Европейской Россіи. Все же партія не прекратила своего существованія и не слилась съ П. П. С., какъ объ этомъ значилось въ изданіяхъ этой послѣдней, гдѣ было опубликовано даже объявленіе объ объединеніи, якобы подписанномъ Центральнымъ Управленіемъ С.-Д. Ц. П. Объявленіе это было составлено безъ вѣдома Центральнаго Управленія, всѣ члены котораго находились тогда въ тюрьмѣ [2]). Оно было подписано рабочимъ, извѣстнымъ подъ псевдонимомъ „Гавенда“, никогда не принадлежавшимъ къ Центральному Управленію.

Въ 1896 г. существовали еще въ Варшавѣ и Домбровѣ незначительные кружки членовъ С.-Д. Ц. П. и за границей „Заграничное Общество С.-Д. Ц. П.“ и группа редакціи „Sprawa Robotnicza“.

Организаціи эти были представлены на Лондонскомъ международномъ конгрессѣ Ю. Карскимъ. Мандатъ другого ихъ представителя, Михалковскаго, былъ отвергнутъ представителями П. П. С., не считавшимися съ рѣшеніемъ трейтейскаго суда, происходившаго въ 1893 г. Но французскіе соціалисты, знавшіе хорошо Михалковскаго, дали ему мандатъ отъ себя и внесли въ протоколы конгресса протестъ противъ поведенія представителей П. П. С. [3]). Въ концѣ 1896 г., благодаря вынужденной эмиграціи нѣкоторыхъ членовъ С.-Д. Ц. П. и переходу нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ряды быстро усиливавшейся П. П. С., Домбровская организація С.-Д. Ц. П. совершенно не существовала; изъ Варшавской же осталось лишь нѣсколько человѣкъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ кружкомъ учащейся молодежи, получившей свое политическое воспитаніе подъ руководствомъ одного польскаго ученаго, безпартійнаго соціалдемократа, составили группу польскихъ соціалдемократовъ. Измѣненіе названія объясняется тѣмъ, что группа существовала въ одной только Варшавѣ и работала исключительно среди польскихъ рабочихъ, предоставивъ дѣятельность среди еврейскихъ рабочихъ спеціальной еврейской организаціи, вошедшей впослѣдствіи въ составъ „Бунда“. Наиболѣе видными представителями группы П. С.-Д. были Э. Свидеръ, І. К—цъ, І. К—ій и С. Д. Часть группы вполнѣ раздѣляла програму С.-Д. Ц. П., часть же, признавая, что программа возстановленія Польши въ настоящее время не отвѣчаетъ тенденціямъ капиталистическаго развитія Польши, полагала, однако, что возстановленіе Польши можетъ быть разсматриваемо, какъ дальнѣйшая цѣль рабочаго класса, послѣ низверженія абсолютизма, такъ какъ современемъ тенденціи капиталистическаго развитія могутъ измѣниться. Группа была такъ слаба,

---

1) Умеръ въ Якутскѣ въ 1902 году.
2) См. органъ „Sprawa Robotnicza“ (Рабочее Дѣло) № 23.
3) См. „Рабочее Обозрѣніе“, № 2—3, стр. 18.

что не организовала самостоятельно ни одной демонстраціи, ни одной забастовки. Дѣятельность ея сводилась къ соціалдемократической пропагандѣ въ нѣсколькихъ кружкахъ рабочихъ и учащейся молодежи и изданію при содѣйствіи „Бунда“ трехъ прокламацій: первомайской въ 1898 и 1899 годахъ и по поводу открытія въ Варшавѣ памятника А. Мицкевичу, въ ноябрѣ 1898 г.; что касается литературы, то ею распространялись изданія С.-Д. Ц. П.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о другой организаціи, вошедшей въ составъ С.-Д. Ц. П. и Л., а именно о Рабочемъ Союзѣ Литвы. Послѣдній былъ организованъ С. Трусевичемъ, кожевникомъ В. Василевскимъ и токаремъ В. Войткевичемъ въ 1896 г. Въ него вошли организаціи: Виленская, Минская, Сморгонская. Программа „Союза“ была соціалдемократической въ точномъ значеніи этого слова и была создана совершенно самостоятельно, независимо отъ программы С.-Д. Ц. П. Взгляды его основателей сложились отчасти подъ вліяніемъ стараго „Пролетаріата“, отчасти—въ гораздо большей степени,—подъ вліяніемъ группы „Освобожденія Труда“. Ближайшей задачей пролетаріата литовскихъ губерній „Союзъ“ считалъ завоеваніе, совмѣстно съ пролетаріатомъ остальной Россіи, демократической конституціи, гарантирующей населенію Литвы полную свободу его культурнаго развитія. Онъ считалъ возможнымъ осуществленіе этой задачи только путемъ революціонной акціи широкихъ рабочихъ массъ.

Руководящимъ учрежденіемъ „Рабочаго Союза Литвы“ былъ Центральный Комитетъ, выбираемый на съѣздѣ его организацій и дающій отчетъ слѣдующему съѣзду. „Союзъ“ считалъ необходимымъ объединеніе на автономныхъ началахъ съ Россійской С.-Д. партіей, какъ только таковая возникнетъ.

Въ 1896 г. „Рабочій Союзъ Литвы“ велъ организаціонную дѣятельность, а также руководилъ нѣсколькими стачками. Въ концѣ этого года онъ организовалъ профессіональный союзъ кожевниковъ Литвы, имѣвшій свои отдѣленія въ Вильнѣ, Минскѣ и Сморгони.

Онъ принялъ участіе въ Лондонскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, вручивъ группѣ „Освобожденія Труда“ мандатъ на этотъ конгрессъ „отъ трехсотъ организованныхъ польскихъ и русскихъ рабочихъ трехъ городовъ сѣверо-западнаго края“ [1]).

Въ началѣ 1897 г. Рабочій Союзъ Литвы руководилъ волненіями, происшедшими въ виленскихъ мастерскихъ Варшавско-Петербургской желѣзной дороги и издалъ по поводу этихъ волненій первую въ Сѣверо-Западномъ краѣ прокламацію, заключавшую требованіе демократической конституціи. Лѣтомъ 1897 года стачечное движеніе охватило широкія массы рабочихъ Литвы. Рабочій Союзъ Литвы, наряду съ Бундомъ и отчасти образовав-

---

[1]) Мандатъ этотъ «отъ 300 польскихъ и русскихъ рабочихъ сѣверо-Западнаго края» былъ пересланъ черезъ «Тимофея», представителя виленской еврейской С.-Д. группы.

шейся въ 1896 году „литовской соціалдемократіей“ [1]), принялъ дѣятельное участіе въ руководствѣ этимъ движеніемъ.

Въ томъ же году онъ сталъ издавать литографированный органъ—„Przeglad Robotniczy“ („Рабочее Обозрѣніе“), котораго выпустилъ 6 номеровъ.

Въ 1897 г. произошли аресты среди его членовъ, были арестованы С. Трусевичъ, В. Войткевичъ, а затѣмъ В. Василевскій, С. Рульковскій, М. Томашевичъ, С. Залѣвская, А. Войткевичъ, В. Жуковскій и др. Изъ нихъ С. Трусевичъ и С. Рульковскій послѣ слѣдствія, длившагося два года, были высланы въ Восточную Сибирь на 5 лѣтъ, В. Войткевичъ, А. Войткевичъ, В. Василевскій, В. Жуковскій, В. Тихоновъ, Б. Рудзянецъ—въ Вологодскую губернію на 4 года, а остальные освобождены подъ надзоръ полиціи.

Аресты, однако, не прекратили дѣятельности „Союза“. Онъ издавалъ свой органъ, организовывалъ рабочихъ, велъ пропаганду, агитацію.

Слѣдствіемъ стачечной борьбы и дѣятельности соціалистической партіи было развитіе политическаго сознанія среди рабочихъ Литвы. Первымъ ихъ массовымъ выступленіемъ были демонстраціи при отправкѣ въ ссылку членовъ Рабочаго Союза Литвы, Литовской соціалдемократіи и Бунда—1-го, 8-го и 22-го марта 1899 г. Въ этомъ году Рабочій Союзъ Литвы былъ единственной соціалистической организаціей, имѣвшей вліяніе на массы городскихъ польскихъ и русскихъ рабочихъ Сѣверо-Западнаго края.

Бросивъ бѣглый взглядъ на развитіе польскаго соціалистическаго движенія до образованія соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, я перейду теперь къ тому періоду этого движенія, къ которому непосредственно относятся мои воспоминанія.

Періодъ сильнаго промышленнаго подъема, длившійся въ Польшѣ съ 1893 до 1899 года, хотя и былъ неблагопріятенъ для развитія политическаго рабочаго движенія, но за то способствовалъ развитію политическаго сознанія среди самыхъ широкихъ массъ польскихъ рабочихъ. Происходившая въ теченіе всего этого времени ихъ экономическая борьба и тѣ препятствія, которыя они встрѣчали въ ней на каждомъ шагу со стороны властей, были школой для политическаго воспитанія массъ. Это лучше всего обнаружилось въ періодъ застоя въ польской промышленности, начавшагося въ 1899 г. въ связи со всемірнымъ промышленнымъ кризисомъ. Празднованіе 1-го мая, прошедшее очень вяло въ 1896 и 97 гг. и нѣсколько болѣе удачно въ 1898 г.,

---

[1]) Литовская соціалдемократія выставляетъ требованіе самостоятельной Литовской республики, объединенной съ Россіей на началахъ федераціи и организуетъ, главнымъ образомъ, крестьянъ.

въ 1899 г. ознаменовалось довольно значительной, по числу участниковъ, демонстраціей, устроенной П. П. С. въ Варшавѣ. Осенью же группой польскихъ соціалдемократовъ была устроена многолюдная демонстрація на похоронахъ бывшаго члена союза польскихъ рабочихъ Я. Танскаго. Въ это же время было нѣсколько случаевъ убійствъ шпіоновъ. Въ 1899 году были убиты: Шанценбергъ въ Ченстоховѣ и Мазуръ въ Домбровѣ; въ началѣ 1900 г. Гржещакъ Радысъ въ Варшавѣ. Одновременно съ этими проявленіями недовольства рабочихъ массъ, среди этихъ массъ, раньше шедшихъ за каждой партіей, выступавшей подъ флагомъ соціализма, независимо отъ ея программы и тактики, сталъ проявляться живой интересъ къ программнымъ и тактическимъ вопросамъ и критическое отношеніе къ П. П. С.

Группа „польскихъ соціалдемократовъ“ была въ то время настолько слаба, что не въ состояніи была использовать это недовольство Польской Соціалистической Партіей съ цѣлью расширенія своей организаціи. Поэтому осенью 1899 г. изъ массы выдѣлилась группа рабочихъ соціалдемократовъ, изъ которой вскорѣ при содѣйствіи Яна Расола, его сына—Антона Расола и Феликса Держинскаго, бѣжавшаго тогда изъ Вятской губерніи, куда онъ былъ сосланъ за соціалдемократическую пропаганду среди ковенскихъ рабочихъ, организовался польскій соціалдемократическій рабочій союзъ, въ составъ котораго вошли и члены бывшей польской соціалдемократической группы.

Въ декабрѣ этого года польскій рабочій союзъ издалъ литографированную программную брошюру, въ которой было выставлено требованіе демократической конституціи для Россіи и автономіи для Польши. Онъ имѣлъ уже довольно широкія связи среди варшавскихъ рабочихъ и организовалъ нѣсколько стачекъ сапожниковъ. Въ тоже время при содѣйствіи С. Д. возникла соціалдемократическая организація и въ Ченстоховѣ.

Наканунѣ новаго года въ Вильнѣ произошло совѣщаніе между представителями польскаго соціалдемократическаго рабочаго союза и рабочаго союза Литвы и на немъ было рѣшено объединить эти двѣ организаціи въ одну партію, сохранивъ полную автономію каждой изъ нихъ, выработать уставъ новой партіи и приступить къ изданію за границей соціалдемократическаго органа. При первой возможности долженъ былъ быть созванъ съѣздъ всѣхъ организацій объединенной партіи, съ тѣмъ, чтобы формулировать ея программу, согласно съ основными принципами программы соціалдемократіи Царства Польскаго, выработанной на ея первомъ съѣздѣ въ 1894 г. и программы рабочаго союза Литвы, выработанной на съѣздѣ этой организаціи въ 1896 г., и утвердить партійный уставъ.

Все это долженъ былъ выполнить образовавшійся на совѣщаніи центральный комитетъ изъ представителей обѣихъ организацій. Въ него вошли: Ф. Держинскій, А. Расолъ, М. К—скій и Я. Т—чъ.

Такъ обстояли дѣла въ русской Польшѣ, когда я, бѣжавъ изъ

ссылки, пріѣхалъ въ Вильно и, кооптированный въ качествѣ пятаго члена Ц. К., приступилъ вмѣстѣ съ товарищами къ выполненію рѣшеній совѣщанія.

Въ теченіе двухъ недѣль былъ выработанъ уставъ и мнѣ было поручено уѣхать за границу съ цѣлью постановки партійнаго органа и организаціи заграничнаго отдѣленія партіи.

Общій характеръ устава былъ слѣдующій. Партія носитъ названіе „Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы“. Во главѣ ея стоитъ главное правленіе, избираемое на съѣздѣ партіи. Оно дѣйствуетъ согласно директивамъ избравшаго его съѣзда и даетъ отчетъ въ своей дѣятельности слѣдующему съѣзду. Дѣятельностью въ Польшѣ и въ Литвѣ руководятъ областные центральные комитеты, избираемые областными съѣздами и дѣйствующіе подъ общимъ руководствомъ главнаго правленія; во главѣ организацій отдѣльныхъ городовъ стоятъ мѣстные комитеты, избираемые собраніемъ агитаторовъ даннаго города; комитеты руководятъ движеніемъ при помощи кружковъ агитаторовъ отдѣльныхъ профессій и собраній ихъ представителей. Заграничная организація составляетъ автономную часть партіи и управляется особымъ центромъ, который избирается съѣздомъ заграничныхъ группъ партіи.

Созданіе заграничной организаціи оказалось дѣломъ нелегкимъ. Тамъ существовали двѣ группы совершенно отдѣльно другъ отъ друга, несмотря на то, что обѣ признавали общія основы программы соціалдемократіи Царства Польскаго. Это были: 1) заграничное общество соціалдемократовъ Царства Польскаго, во главѣ съ Вандой Войнаровской [1]), Ольшевскимъ и Станиславомъ Гутомъ, и 2) кружокъ бывшихъ членовъ группы польскихъ соціалдемократовъ. Обѣ группы существовали отдѣльно, какъ благодаря нѣкоторымъ организаціоннымъ разногласіямъ, такъ и тому, что по мнѣнію кружка П. С.-Д. бывшая редакція „Spravy Robotniczej“, члены которой входили въ составъ заграничнаго Общества, удѣляла слишкомъ мало вниманія національному вопросу и недостаточно опредѣленно формулировала свое отношеніе къ нему.

Для приведенія въ порядокъ всѣхъ заграничныхъ дѣлъ партіи, въ февралѣ 1900 года былъ созванъ въ Лейпцигѣ съѣздъ, на которомъ, послѣ обстоятельныхъ дебатовъ, обѣ организаціи объединились, принявъ названіе: „Заграничное общество соціалдемократовъ Царства Польскаго и Литвы“. На немъ было также рѣшено, что до партійнаго съѣзда это общество будетъ издавать партійный органъ „Przeglad Robotniczey“ (Рабочее Обозрѣніе) и была избрана редакція этого органа, состоявшая изъ главнаго редактора Ю. Карскаго и редакціоннаго комитета изъ четырехъ человѣкъ. Въ ихъ числѣ долженъ былъ быть находившійся заграницей членъ центральнаго комитета партіи. Во время съѣзда

---

[1]) Ванда Войнаровская работала въ Петербургѣ и Одессѣ еще въ 1878 г. Затѣмъ въ 80 гг. выдвинулась среди польскихъ марксистовъ; ея статьи были напечатаны въ „Еженедѣльномъ Обозрѣніи“.

получилось извѣстіе объ арестѣ Держинскаго, А. Расола и всѣхъ лучшихъ варшавскихъ агитаторовъ. Они были арестованы на улицѣ Каликста, гдѣ происходило агитаторское собраніе; Держинскій [1]) пытался бѣжать, но былъ задержанъ дворниками, подоспѣвшими на помощь полиціи. За нѣсколько недѣль до этого ареста произошли крупные аресты среди П. П. С. Въ Лодзи была взята типографія, въ которой печатался ея органъ „Robotnik", причемъ тамъ были арестованы І. Пильсудскій съ женой и Малиновскій. Въ другихъ городахъ тоже были арестованы многіе члены П. П. С. и между прочимъ видный ея дѣятель Рожновскій. Варшавская организація ее пострадала меньше другихъ.

Что касается варшавской организаціи С.-Д. Ц. П. и Л. то, хотя она была сильно ослаблена, все же дѣятельность ея не прекратилась. Ц. К. послалъ въ Варшаву виднаго агитатора изъ Литвы и тотъ, при помощи Я. Расола и другихъ оставшихся на свободѣ рабочихъ, приступилъ къ возстановленію варшавской организаціи.

Въ концѣ апрѣля былъ изданъ за границей майскій номеръ „Przeglad'a Pobotniczego" подъ названіемъ „Swięto Majowe" (Майскій праздникъ).

Такъ какъ партія не имѣла еще постоянной границы для переправы литературы, то часть этого изданія была отправлена съ нѣсколькими лицами, взявшимися перевести ее въ особо устроенныхъ чемоданахъ, часть черезъ контрабандистовъ при содѣйствіи Бунда. Наканунѣ 1-го мая номеръ былъ распространенъ въ Варшавѣ, Лодзи, Ченстоховѣ, Вильнѣ, Ковнѣ. Но все же, благодаря февральскимъ арестамъ, наша варшавская организація была настолько слаба, что не могла самостоятельно организовать демонстрацію и предложила рабочимъ принять участіе въ демонстраціи, организованной П. П. С. на Уяздовскихъ аллеяхъ въ ближайшее къ 1-му мая воскресенье. Эта демонстрація была сравнительно многолюдна и организована лучше всѣхъ демонстрацій, происходившихъ до того времени. Правда, участники ея не были вооружены, но, по мнѣнію всѣхъ работавшихъ тогда въ Польшѣ соціалистическихъ партій, время для вооруженныхъ демонстрацій еще не наступило.

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ Имеретинскій рѣшилъ принять строгія мѣры, съ цѣлью запугать рабочихъ и пріостановить демонстраціонное движеніе. Онъ отправилъ въ Уяздовскія аллеи своего помощника по полицейской части генерала Фулона, во главѣ Волынскаго пѣхотнаго полка и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Казаки, въ первую очередь напавшіе на демонстрантовъ, встрѣтили съ ихъ стороны сопротивленіе. Въ отвѣтъ на нагайки они получили удары палками, зонтиками и всѣмъ, что попало подъ руку. Демонстративное шествіе кончилось тѣмъ, что пѣхотный

[1]) По этому дѣлу Держинскій просидѣлъ въ тюрьмѣ съ февраля 1900 г. по декабрь 1901 г. и былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, но въ 1902 г. бѣжалъ изъ Верхоленска (Ирк. губ.).

полкъ оцѣпилъ [1]) и препроводилъ въ крѣпость значительную часть участниковъ демонстраціи и много гулявшей публики, вмѣстѣ числомъ около 3,000 человѣкъ. Среди арестованныхъ оказалось между прочимъ нѣсколько чиновниковъ, много свѣтскихъ дамъ, одинъ профессоръ и товарищъ прокурора окружнаго суда. На слѣдующій день большинство арестованныхъ было освобождено.

Въ вышеописанной демонстраціи ясно обнаружилось усиленіе соціалдемократическаго направленія среди варшавскихъ рабочихъ. Во время нея, на ряду съ возгласами „да здравствуетъ П. П. С.!“, „да здравствуетъ независимая Польша!“ со всѣхъ сторонъ раздавались громкіе возгласы „да здравствуетъ демократическая конституція!“. „да здравствуетъ соціалдемократія!“.

Кромѣ Варшавы первомайскія демонстраціи произошли въ Вильнѣ и Домбровѣ. Демонстрацію въ Вильнѣ администрація усиленно старалась предотвратить. Генералъ-губернаторъ Святополкъ-Мирскій высказывалъ увѣренность, что демонстрація не будетъ допущена и что администрація найдетъ средство противодѣйствовать революціонной заразѣ, которую распространяютъ евреи. За нѣсколько недѣль до 1-го мая тамъ возникло такъ называемое дѣло фельдшера Блондеса, обвиняемаго въ ритуальномъ употребленіи христіанской крови, причемъ полицейскіе агенты вели на этой почвѣ широкую антисемитскую агитацію среди рабочихъ. По поводу этого с.-д—ей Ц. П. и Л. былъ изданъ листокъ къ виленскимъ рабочимъ.

Вскорѣ послѣ 1-го мая редакціей партійнаго органа „Przegląd Robotniczy“ былъ составленъ и сданъ въ печать № 1 этого органа и я поспѣшилъ уѣхать изъ-за границы въ Варшаву, откуда получилъ извѣстіе, что несмотря на быстрый ростъ вліянія соціалдемократіи на рабочихъ, организаціонная дѣятельность нашей партіи подвигалась очень медленно. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ я бывалъ въ Варшавѣ очень рѣдко и мнѣ совершенно не приходилось сталкиваться съ тамошней рабочей массой. На этотъ разъ, пріѣхавъ туда, я попалъ непосредственно въ ея среду. Мое знакомство съ рабочими происходило и на почвѣ партійныхъ и на почвѣ личныхъ отношеній. Всѣ члены партіи были рабочіе. Интеллигенціи, сочувствовавшей программѣ нашей партіи, почти не было, и нелегальный, хотя бы незанимавшійся непосредственно организаціей широкихъ рабочихъ массъ, могъ найти пріютъ исключительно въ квартирахъ рабочихъ; а такъ какъ полиція усиленно слѣдила за рабочими кварталами, я же не имѣлъ хорошаго паспорта, то мнѣ приходилось чуть-ли не каждый день мѣнять ночлеги, что еще болѣе способствовало расширенію круга моихъ знакомствъ.

Знакомясь съ варшавскими рабочими, я замѣтилъ, что уровень ихъ политическаго сознанія въ теченіе 10 лѣтъ сильно повысился.

---

[1]) Это произошло около кофейни „Санъ-Суси“ и внутри ея, отчего демонстрація получила названіе „битвы подъ „Санъ-Суси“.

Въ этомъ я больше всего убѣдился, бесѣдуя со средними массовыми рабочими, которыхъ я встрѣчалъ на ночлегахъ, вечеринкахъ, массовыхъ собраніяхъ. Часто рабочіе, совершенно не читавшіе литературы С.-Д. Ц. П. и не слыхавшіе ея агитаторовъ, высказывали о программѣ возстановленія Польши взгляды, очень близкіе по своему характеру къ программѣ С.-Д. Ц. П. Еще чаще среди нихъ можно было слышать упреки по адресу П. П. С. въ томъ, что она не рабочая партія, что у нея нѣтъ связей съ широкими массами, что ея учрежденія созданы не на демократическихъ началахъ. При этомъ въ нихъ совершенно не было замѣтно злобы противъ представителей П. П. С., съ которыми они сталкивались; наоборотъ, многіе поддерживали съ ними самыя дружескія отношенія. Не только вполнѣ сознательные, но и массовые рабочіе сильно интересовались рабочимъ движеніемъ въ Россіи. Они съ большимъ интересомъ читали случайно попадавшіе къ нимъ отъ знакомыхъ и родственниковъ, работавшихъ на югѣ, номера „Впередъ", органа Кіевскаго комитета Россійской соціалдемократической рабочей партіи, и „Южнаго Рабочаго". Позаимствованныя оттуда данныя о русскомъ движеніи они приводили въ спорахъ со своими пріятелями изъ П. П. С. въ доказательство того, что среди русскихъ рабочихъ быстро развивается сознаніе ихъ интересовъ и что польскимъ рабочимъ необходимо объединиться съ ними и совмѣстно бороться за общее для рабочихъ всей Россіи требованіе демократической конституціи. Рабочіе, сами побывавшіе въ Одессѣ, Екатеринославѣ, Баку и другихъ русскихъ городахъ, съ увлеченіемъ разсказывали своимъ товарищамъ о боевомъ настроеніи и смѣлости русскихъ рабочихъ. Отрицательныя стороны организаціи П. П. С., вызвавшія неудовольствіе среди рабочихъ, привели нѣкоторыхъ изъ нихъ къ заключенію о ненужности какой бы то ни было организаціи вообще. Они говорили, что всѣ партійныя дѣла слѣдуетъ рѣшать на общихъ собраніяхъ всѣхъ сознательныхъ членовъ партіи. Таковы были печальные плоды крайняго централизма и оторванности отъ рабочихъ массъ. Съ выше указанными взглядами тѣмъ труднѣе было бороться, что ими были заражены даже нѣкоторые сознательные соціалдемократы. Только къ концу іюля удалось убѣдить всѣхъ сознательныхъ рабочихъ выбрать комитетъ. И вотъ, однажды въ субботу, по окончаніи работъ, было устроено собраніе на Качей улицѣ № 6, въ квартирѣ одного рабочаго, извѣстнаго подъ названіемъ „Czerwony" (Красный). На этомъ собраніи путемъ тайнаго голосованія былъ избранъ комитетъ изъ 5 человѣкъ. Это былъ первый Варшавскій Комитетъ С.-Д. Ц. П. и Л. Въ него вошли булочникъ М. Плохоцкій, портниха Квятковская, сапожникъ Ю. Бандурскій, каменщикъ Л. Драба и еще одинъ рабочій, фамиліи котораго не помню.

Хотя комитетъ образовался только въ концѣ іюля, все же лѣто прошло въ Варшавѣ довольно оживленно. Массовый арестъ во время первомайской демонстраціи имѣлъ послѣдствія, совер-

шенно противоположныя тѣмъ, какихъ ожидала администрація. Онъ сильно популяризировалъ среди массъ праздникъ 1 мая и соціалистическія партіи и содѣйствовалъ усиленію среди нихъ интереса къ политическимъ вопросамъ. Лѣтомъ, благодаря, главнымъ образомъ, стараніямъ Я. Расола, Ю. Бандурскаго и Я. Масюка, былъ устроенъ за городомъ рядъ митинговъ и нѣсколько демонстрацій на похоронахъ умершихъ товарищей. Изъ послѣднихъ, особенно заслуживаетъ вниманія демонстрація, устроенная на похоронахъ б. члена стараго „Пролетаріата", столяра Эдуарда Венгржиновича, въ которой приняло участіе болѣе 1000 рабочихъ. На кладбищѣ „Брудно", расположенномъ въ концѣ предмѣстія Варшавы—Прага, на демонстрантовъ напали казаки, жестоко избили ихъ и 250 человѣкъ арестовали и отвели въ участокъ, откуда разослали по разнымъ мѣстамъ заключенія. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшемуся въ срединѣ сентября, 60 участниковъ демонстраціи были высланы подъ надзоръ полиціи въ разныя мѣста Европейской Россіи на время отъ 2 до 3 лѣтъ. По поводу избіенія демонстрантовъ и приговора по ихъ дѣлу. Соціалдемократіей Царства Польскаго и Литвы были изданы воззванія къ рабочимъ. Въ литовскихъ городахъ тоже замѣтно было оживленіе среди рабочихъ.

Въ Вильнѣ въ концѣ мая началась всеобщая стачка сапожниковъ; она охватила рабочихъ окрестныхъ мѣстечекъ и г. Ковно, всего числомъ свыше 2000. Въ настоящее время такая стачка не заслуживала бы особаго вниманія, но въ то время, и въ особенности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, съ преобладающимъ мелкимъ производствомъ, она имѣла большое значеніе. Главное руководство стачкой принадлежало Виленскому Комитету С.-Д. Ц. П. и Л. Заграничный представитель этой партіи, жившій тогда въ Берлинѣ, обратился къ Берлинской Комиссіи профессіональныхъ союзовъ за помощью стачечникамъ. Въ „Vorwaerts" и въ профессіональномъ органѣ нѣмецкихъ сапожниковъ были помѣщены воззванія, приглашавшія рабочихъ къ подпискѣ въ пользу виленской стачки и два дня спустя стачечный комитетъ получилъ по телеграфу 700 слишкомъ марокъ. Подписка продолжалась, но дальнѣйшая помощь оказалась лишней, такъ какъ стачка окончилась полнымъ торжествомъ рабочихъ. Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствовала помощь, оказанная нѣмецкими рабочими: извѣстіе о томъ, что изъ Берлина присланы деньги, сильно запугало предпринимателей. Центральный Комитетъ нашей партіи использовалъ этотъ случай въ цѣляхъ агитаціи и издалъ воззваніе, указывая въ немъ на значеніе для рабочихъ международной солидарности. Стачка вызвала подъемъ духа среди виленскихъ рабочихъ всѣхъ профессій, что обнаружилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ выступленіи рабочихъ. Въ концѣ города на Новгородской улицѣ были арестованы нѣсколько еврейскихъ рабочихъ, распространявшихъ воззваніе „Бунда" къ чулочницамъ, призывавшее ихъ тоже къ стачкѣ. Арестованные

были отведены въ помѣщеніе 6-го стана, откуда ихъ должны были препроводить въ тюрьму. Извѣстіе объ арестѣ моментально разнеслось среди рабочихъ; быстро собралось около 300 рабочихъ поляковъ и евреевъ, и отправились къ помѣщенію 6 стана; тамъ они испортили телефонъ, разнесли домъ, гдѣ находились арестованные и освободили ихъ. Такое рѣшительное выступленіе рабочихъ было неслыханнымъ дотолѣ событіемъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Виленскій комитетъ нашей партіи высказалъ свое отношеніе къ нему въ спеціально изданномъ по этому поводу воззваніи; въ немъ онъ отмѣтилъ его, какъ отрадное явленіе солидарности и смѣлости рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ, что подобные пріемы борьбы преждевременны и совѣтовалъ рабочимъ воздерживаться отъ нихъ.

Къ достойнымъ вниманія событіямъ этого лѣта относится образованіе въ Царствѣ Польскомъ новой партіи—Польской Соціалистической партіи „Пролетаріатъ".

Она организовалась изъ бывшихъ членовъ П. П. С., выступившихъ изъ этой партіи, какъ вслѣдствіе внутреннихъ организаціонныхъ разногласій, такъ и вслѣдствіе недовольства дѣятельностью П. П. С., которая принимала все болѣе націоналистическій характеръ. Въ программѣ „Пролетаріата", наряду съ указаніемъ на необходимость возстановленія Польши, какъ на идеалъ болѣе отдаленнаго будущаго, выставлялось требованіе россійской конституціи съ автономіей для Польши. Главнымъ средствомъ борьбы былъ признанъ терроръ.

„Пролетаріатъ" былъ очень незначительной организаціей; болѣе обширныя связи съ рабочими имѣлъ только въ Лодзи и то, до извѣстной степени, благодаря содѣйствію „Бунда".

Наконецъ, въ началѣ августа былъ созванъ въ Варшавѣ съѣздъ Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы. Онъ назвалъ себя I съѣздомъ этой партіи и въ дѣйствительности былъ таковымъ, такъ какъ съѣздъ 1894 г. былъ лишь съѣздомъ организацій Царства Польскаго, а съѣздъ 1896 г. былъ исключительно литовскимъ. Поэтому послѣдній съѣздъ этой партіи въ дѣйствительности долженъ называться не V, но четвертымъ. Засѣданія съѣзда происходили въ дачной мѣстности „Отвоцкъ", расположенной недалеко отъ Варшавы, по близости ст. „Отвоцкъ" Привислянской жел. дороги. Количество его участниковъ было небольшое—10 человѣкъ, но большая часть ихъ представляла широкія рабочія массы. Отъ Варшавской организаціи было 3 делегата: Я. Росолъ, Ю. Бандурскій, Генрихъ (нынѣ извѣстный въ Росс. С.-Д. Раб. партіи подъ псевдонимомъ „Томажъ"); отъ Ченстоховской—1—С.Д., оказавшій значительныя заслуги при созданіи Ченстоховской организаціи С.-Д. Ц. П. и Л., онъ же и отъ Заграничнаго Общества С.-Д. Ц. П. и Л., отъ Вильны 2: М. К—ій и „Чеславъ"; отъ Ковенской организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ группы рабочихъ Литовской Соціалдемократіи, желавшихъ вступить въ нашу партію, сапожникъ В. Бальцевичъ; отъ Централь-

наго Комитета партіи—С. Трусевичъ; отъ группы С.-Д. интеллигенціи Э. Свидеръ [1]).

Задачи съѣзда были очень сложны; онъ долженъ былъ разсмотрѣть рядъ тактическихъ и програмныхъ вопросовъ и дать директивы партіи, которая только что начала широкую дѣятельность.

Прежде всего онъ разсмотрѣлъ и утвердилъ партійный уставъ, который я характеризовалъ выше [2]).

Наиболѣе труднымъ дѣломъ была формулировка партійной программы. На съѣздѣ были лица, получившія свое политическое воспитаніе далеко не въ одинаковой средѣ. Такъ, напр., во взглядахъ варшавскихъ делегатовъ чувствовалось нѣкоторое вліяніе группы П. С.-Д. Они, правда, признавали общія положенія программы С.-Д. Ц. П., но считали необходимой болѣе опредѣленную формулировку требованій, касающихся національнаго вопроса. Съ ними соглашались Д. и Свидеръ [3]). Наоборотъ, М. К—ій доказывалъ, что въ программѣ вполнѣ достаточно выставленіе требованія демократической конституціи. Бальцевичъ настаивалъ на принятіи демократической программы. Трусевичъ находилъ, что, дѣйствительно, въ 1900 г., когда политическое рабочее движеніе приняло массовый характеръ, когда подъ вліяніемъ начинавшагося промышленнаго кризиса можно было ожидать во всей Россіи революціонныхъ выступленій пролетаріата, ближайшія политиче-

---

[1]) Въ составленномъ Департаментомъ Полиціи „Обзорѣ важнѣйшихъ дознаній по политическимъ дѣламъ за 1901 годъ" составъ этого съѣзда представленъ совершенно невѣрно; напр., въ числѣ его участниковъ значится М. Плохоцкій, находившійся во время съѣзда,—какъ это должно было быть извѣстно Варшавскому охранному отдѣленію, — въ фортѣ Алексѣя, близъ Варшавы, гдѣ онъ содержался подъ стражею по дѣлу о демонстраціи на похоронахъ Э. Венгржиновича. Между тѣмъ, обвиненіе въ участіи въ съѣздѣ, несомнѣнно, отразилось на участи Плохоцкаго, содержавшагося впослѣдствіи въ теченіе двухъ лѣтъ подъ стражею по дѣлу 1901 г. о Соціалъ-Демократіи Ц. П. и Л. и высланнаго административно на 5 лѣтъ въ Восточную Сибирь. Л. Щехевичъ тоже лишь по ошибкѣ или недостаточной освѣдомленности засчитанъ Департаментомъ Полиціи въ число делегатовъ съѣзда. (См. „Русская Историческая Библіотека" № 20 - „Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1901 годъ", изд. А. Н. Суратъ, стр 80—82).

[2]) Упомянувъ объ уставѣ, я тоже долженъ указать на ошибку, допущенную въ „Обзорѣ важнѣйшихъ дознаній" (См. Обзоръ стр. 61), благодаря которой дѣятельность нашей партіи въ 1900 и 1901 гг. представляется въ нѣсколько извращенномъ видѣ. Тамъ говорится, что Главное Управленіе, согласно постановленію съѣзда, должно было „вѣдать дѣла, независимо отъ Центральнаго Комитета". Подобное утвержденіе не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ истиной. Руководящее партійной дѣятельностью Учрежденіе носило названіе Центральнаго Комитета только до съѣзда. На немъ же, вслѣдствіе принятія имъ устава, выработаннаго Центральнымъ Комитетомъ, оно было названо Главнымъ Управленіемъ; названіе же Центральный Комитетъ получили областные комитеты Польши и Литвы.

[3]) Свидеръ все же былъ по своимъ взглядамъ ближе къ С.-Д. Ц. П., чѣмъ остальные „варшавяне".

скія требованія партіи должны быть формулированы болѣе точно, чѣмъ это было сдѣлано въ программахъ С.-Д. Ц. П. и Р. С. Л.

Послѣ обстоятельныхъ дебатовъ по вопросу о программѣ партіи была принята слѣдующая резолюція:

„Вполнѣ соглашаясь съ основными принципами программы С.-Д. Ц. П., выработанной въ 1894 г., а также „Рабочаго Союза Литвы" съ 1896 г., съѣздъ находитъ, однако, необходимымъ подвергнуть дискуссіи пунктъ программы, касающійся національнаго вопроса, при чемъ постановляетъ: С.-Д. Ц П. и Л., ставя своей задачей организацію борьбы польскаго и литовскаго пролетаріата съ капитализмомъ и абсолютизмомъ на почвѣ международныхъ лозунговъ Социалдемократіи, считаетъ ближайшей политической цѣлью пролетаріата этихъ странъ завоеваніе имъ конституціи, гарантирующей полную автономію національностямъ польской, литовской и другимъ; дальнѣйшимъ же политическимъ идеаломъ—федерацію свободныхъ политическихъ группъ".

Въ виду образованія въ Польшѣ террористической партіи „Пролетаріатъ", на съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи къ террору.

Съѣздъ принялъ единогласно резолюцію, отрицающую терроръ, какъ средство борьбы за политическую свободу. Къ важнымъ резолюціямъ съѣзда относится резолюція, поручавшая Главному Управленію партіи войти въ самыя тѣсныя организаціонныя отношенія съ Р. С.-Д. Р. Партіей, а форму таковыхъ опредѣлить совмѣстно съ представителями этой партіи. Неопредѣленность этой резолюціи объясняется тѣмъ, что среди русскихъ соціалдемократовъ тогда преобладало оппортунистическое направленіе и С.-Д. Ц. П. и Л. хотѣла избрать такую форму отношеній, которая бы гарантировала ее послѣ ея вступленія въ Р. С.-Д. Р. Партію отъ подчиненія оппортунистическому большинству.

Кромѣ всѣхъ этихъ резолюцій, съѣздъ принялъ резолюцію, рекомендовавшую Главному Управленію организовать профессіональные союзы, которые бы дѣйствовали подъ руководствомъ партіи. Въ концѣ съѣздъ постановилъ издать 2 брошюры—программную и исторію польскаго соціалистическаго движенія[1]). Съѣздъ избралъ Главное Управленіе и делегатовъ на предстоящій международный соціалистическій конгрессъ въ Парижѣ.

Въ Главное Управленіе были выбраны: Генрихъ, М. К—ій, Трусевичъ, Чеславъ, Д.

Относительно парижскаго конгресса было рѣшено дать 2 мандата: отъ областного комитета Царства Польскаго и отъ варшавскаго комитета—Вандѣ Войнаровской; два мандата: отъ областного комитета Литвы и отъ Виленскаго комитета—мнѣ, а также 1 мандатъ отъ Ченстохова, 1 отъ группы литовскихъ рабочихъ и два отъ заграничнаго общества С.-Д. Ц. П. и Л. вручить членамъ партіи, живущимъ за границей, по совмѣстному выбору вышеука-

---

[1]) Первую долженъ былъ написать Ю. Карскій, вторую—К. Залевскій.

занныхъ двухъ представителей двухъ областныхъ комитетовъ и Управленія заграничнаго общества. Наступило время конгресса. Вмѣстѣ со мной и Войнаровской явились въ качествѣ делегатовъ назначенные вышеуказаннымъ порядкомъ, отъ Ченстохова — Конарскій, отъ группы литовскихъ рабочихъ—Жарскій, отъ заграничнаго общества—Г. и К. Изъ нихъ только Жарскій работалъ когда-то въ Польшѣ въ качествѣ организатора въ союзѣ польскихъ рабочихъ и то это было еще въ 1890 г. Остальные были раньше членами группы польскихъ с.-д. и оказывали неоднократно цѣнныя услуги партіи, но активнаго участія въ дѣятельности не принимали; активными членами партіи стали лишь заграницей, какъ члены заграничнаго общества. Они получили мандаты благодаря тому, что были рекомендованы управленіемъ заграничнаго общества.

Наученные опытомъ предыдущихъ международныхъ конгрессовъ, мы были подготовлены къ тому, что и въ этотъ разъ представители П. П. С. постараются не допустить кого нибудь изъ насъ на засѣданія конгресса. Такъ и случилось. Въ совмѣстномъ засѣданіи всей польской делегаціи, кромѣ делегатовъ изъ русской Польши, приняли участіе делегаты отъ Галиціи, между которыми былъ и И. Дашинскій, депутатъ австрійскаго рейхсрата, а также делегатъ отъ прусской Польши—Гаазе. Р. Люксембургъ, имѣвшая два мандата изъ Познани и Горной Силезіи, сама не пришла, представивъ таковыя черезъ Войнаровскую.

Делегаты П. П. С. вмѣстѣ съ Дашинскимъ и Гаазе составляли большинство. Пользуясь этимъ, они отвергли мандаты Войнаровской и Конарскаго, какъ происходившіе изъ Царства Польскаго, утверждая, что тамъ, кромѣ П. П. С., не существуетъ никакой соціалистической организаціи. Отвергли и мандаты Р. Люксембургъ [1]). Не желая сразу создавать конфликта, я попытался доказать делегатамъ П. П. С., что они неправы, причемъ привелъ цѣлый рядъ лицъ и фактовъ, которые должны были быть извѣстны ихъ центральному комитету. Но наши партійные противники настаивали на своемъ, а Дашинскій пытался убѣдить насъ, чтобы мы согласились съ ихъ рѣшеніемъ, приведя, между прочимъ, какъ аргументъ, что мы поступимъ недостойно, если вынесемъ наши внутреннія польскія разногласія на международное „сборище“.

Конечно, мы сдѣлали то, что должны были сдѣлать, т. е. потребовали занесенія въ протоколъ засѣданія словъ Дашинскаго, ушли съ собранія и предложили Р. Люксембургъ поднять вопросъ объ отвергнутыхъ мандатахъ на пленарномъ засѣданіи конгресса. На слѣдующій день Р. Люксембургъ въ рѣчи, длившейся три четверти часа, выяснила конгрессу всю несправедливость рѣшенія большин-

---

[1]) На третій день конгресса былъ полученъ изъ Варшавы мандатъ Розы Люксенбургъ, снабженный 218 подписями. Р. Л., какъ не принимавшая тогда участія въ дѣятельности С.-Д. Ц. П. и Л., не нашла возможнымъ принять этотъ мандатъ и онъ былъ врученъ Вандѣ Войнаровской: этотъ мандатъ былъ признанъ делегатами П. П. С.

ства польской делегаціи. Когда она кончила, конгрессъ устроилъ ей бурную овацію; когда же Дашинскій хотѣлъ ей оппонировать, конгрессъ такъ громко и энергично выражалъ свое негодованіе противъ представляемаго имъ большинства польской делегаціи, что онъ не могъ сказать своей рѣчи. Вопросъ о мандатахъ былъ сданъ въ бюро конгресса, и имъ всѣ наши мандаты были утверждены единогласно. Какъ я потомъ могъ заключить изъ разговора съ Дашинскимъ, представители П. П. С., отвергая часть нашихъ мандатовъ, думали этимъ заставить польскую областную организацію Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы слиться съ П. П. С., а литовскую они не прочь бы принять въ составъ П. П. С. на автономныхъ началахъ. Однако, признаніемъ мандатовъ дѣло не кончилось. Делегатъ П. П. С., совмѣстно со своими галиційскими и познанскими союзниками, составили резолюцію, осуждающую Р. Люксембургъ, склонили къ подписи этой резолюціи также четырехъ членовъ С.-Д Ц. П. и Л., а именно: Конарскаго, Жарскаго, Г. и К. и опубликовали ее во французской газетѣ „Petite Republique".

Такъ какъ подпись подъ резолюціей П. П. С. четырехъ делегатовъ С.-Д. Ц. П. и Л., имѣвшихъ 4 изъ 8 мандатовъ этой партіи, были полнымъ нарушеніемъ партійной дисциплины, то, по моему предложенію, надъ ними былъ назначенъ партійный судъ, который предложилъ имъ выступить изъ партіи.

Въ номерѣ „Petite Republique" отъ 4 октября я объявилъ отъ имени главнаго управленія С. Д. Ц. П. и Л., что партійнымъ правленіемъ Розѣ Люксембургъ былъ выраженъ вотумъ довѣрія за всѣ ея дѣйствія на конгрессѣ и что 4 члена С. Д. Ц. П. и Л., нарушившіе партійную дисциплину, находятся теперь внѣ партіи и партія ничего общаго съ ними не имѣетъ.

Что касается вопросовъ, поднятыхъ на международномъ конгрессѣ, то, какъ извѣстно, главнымъ изъ нихъ былъ вопросъ объ участіи соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ. Изъ двухъ предложенныхъ по этому вопросу резолюцій наша соціалдемократическая делегація голосовала за резолюцію, безусловно воспрещавшую таковое участіе, делегація же П. П. С. голосовала за резолюцію, принятую большинствомъ конгресса и допускавшую участіе соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ,—въ исключительныхъ случаяхъ и подъ контролемъ партіи. На послѣднемъ засѣданіи польской делегаціи были избраны представители въ установленное на Парижскомъ конгрессѣ международное соціалистическое Бюро: отъ П. П. С. былъ выбранъ Каніовскій; отъ С. Д. Ц. П. и Л.—В. Войнаровская. Инцидентъ, происшедшій въ польской делегаціи на Парижскомъ конгрессѣ, имѣлъ нѣкоторыя неріятныя послѣдствія. Такъ какъ 4 члена партіи, нарушившіе дисциплину и выступившіе изъ нея, принадлежали когда-то къ группѣ П. С.-Д., то другіе бывшіе члены этой группы оказались крайне недовольны рѣшеніемъ по этому дѣлу партійнаго суда. Одинъ же изъ нихъ, Д., бывшій членомъ главнаго правленія,

выступилъ изъ него, послѣ того, какъ оно выразило одобреніе партійному суду. Причиной недовольства, несомнѣнно, было то, что всѣ члены группы П. С. Д. получили свое политическое воспитаніе въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ остальные члены нашей партіи, вслѣдствіе чего далеко не во всемъ были согласны съ Р. Люксембургъ и потому находили оправданія для четырехъ своихъ товарищей.

Послѣ конгресса главное правленіе энергично занялось образованіемъ партійныхъ организацій въ разныхъ городахъ русской Польши. Я уѣхалъ въ Варшаву.

Дѣятельность партіи была значительно затруднена тяжелыми полицейскими условіями. Генералъ-губернаторъ Имеретинскій еще въ 1897 году былъ очень озабоченъ стачечной борьбой польскихъ рабочихъ и обращался къ правительству съ особымъ меморіаломъ, въ которомъ указывалъ разныя средства борьбы съ рабочимъ движеніемъ. По его инициативѣ была основана въ Варшавѣ при канцеляріи генералъ-губернатора польская популярная газета для правительственной пропаганды „Oswiata“ (Просвѣщеніе) и начали устраивать по городамъ и деревнямъ народныя польско-русскія библіотеки.

Когда съ 1899 года началось демонстраціонное движеніе, Имеретинскій „совершенно потерялъ голову“, какъ выражался о немъ его помощникъ, генералъ Фулонъ [1]). Онъ велѣлъ арестовывать какъ можно больше демонстрантовъ, надѣясь, такимъ образомъ, запугать массу и прекратить движеніе. Между Имеретинскимъ и Фулономъ, завѣдывавшимъ полицейской частью въ Царствѣ Польскомъ, происходили постоянныя разногласія по вопросу объ отношеніи къ революціонному движенію. Фулонъ, какъ культурную дѣятельность своего начальника, такъ и его попытку прекратить демонстраціи при помощи массовыхъ арестовъ, называлъ иронически „поэзіей“, достойной какого-нибудь Зубатова, но не начальника края. По его мнѣнію, для того, чтобы пріостановить политическое движеніе рабочихъ, надо было постараться найти удобный случай и употребить противъ демонстрантовъ огнестрѣльное оружіе.

Съ цѣлью терроризовать рабочихъ, дѣла объ убійствѣ трехъ шпіоновъ — Гржещака въ Варшавѣ, Мазура въ Домбровѣ и Шанценберга въ Ченстоховѣ—были переданы не разсмотрѣнію судебной палаты, какъ это слѣдовало по закону, но военно-окружному суду [2]). Въ августѣ было разсмотрѣно дѣло Свидерскаго и Возняка, привлекаемыхъ за убійство Гржещака, а въ

[1]) Говорю здѣсь объ этомъ отчасти на основаніи данныхъ, полученныхъ нашей партіей изъ сферъ, отчасти на основаніи разговоровъ Фулона, которые онъ велъ съ арестованными по дѣлу 1901 г. о С.-Д. Ц. П. и Л.

[2]) Покушенія эти не имѣли ничего общаго съ С.-Д. Ц. П. и Л.; говорю здѣсь о нихъ для характеристики условій, въ которыхъ пришлось работать нашей партіи.

сентябрѣ были суждены К. Езіеровскій, Карчъ, Мрозикъ, Глинскій, Кравчикъ. Рудковскій, обвиненные по дѣлу объ убійствѣ Шанценберга. Всѣ обвиняемые были присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Однако, послѣ суда подсудимые, за исключеніемъ Возняка, Свидерскаго и Червинскаго, главнымъ образомъ, благодаря вліянію родныхъ и защитниковъ, подали прошенія о помилованіи. По Высочайшему повелѣнію смертная казнь всѣмъ осужденнымъ была замѣнена каторгой: Езіеровскому, Возняку и Свидерскому—пожизненной, Червинскому, Мрозику и Кравчику срокомъ на двадцать лѣтъ и остальнымъ на 15 лѣтъ. С.-Д. Ц. П. и Л. хорошо понимала, что столь строгіе приговоры являются лишь слѣдствіемъ политики запугиванія. Поэтому, какъ только они были объявлены, ея Главное Правленіе тотчасъ издало воззваніе, ободряя въ немъ рабочія массы и запрещая прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ.

Для усиленія предупредительныхъ мѣръ противъ революціоннаго движенія было открыто въ Варшавѣ охранное отдѣленіе. Его организовалъ и первое время руководилъ имъ Рачковскій.

Въ началѣ ноября умеръ генералъ-губернаторъ Имеретинскій. Польская буржуазная пресса выражала сожалѣніе по поводу его смерти и превозносила его дружескія чувства по отношенію къ польскому народу. Въ виду этого, Главное Правленіе С.-Д. Ц. П. и Л. издало листокъ, въ которомъ, на основаніи ряда данныхъ изъ дѣятельности Имеретинскаго въ Польшѣ, доказывала, что онъ былъ злѣйшимъ врагомъ польскаго рабочаго класса. Послѣ смерти Имеретинскаго, полицейскія условія въ Польшѣ не измѣнились ни къ худшему, ни къ лучшему.

Въ концѣ 1900 и началѣ 1901 года вновь возникшее охранное отдѣленіе проявило себя въ цѣломъ рядѣ арестовъ и обысковъ. Въ теченіе одного только декабря въ Варшавѣ и Лодзи было произведено 450 обысковъ и 100 арестовъ. Насколько эти набѣги полиціи дѣлались наугадъ, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: въ ночь подъ Новый годъ, въ Варшавѣ было произведено болѣе ста обысковъ, между тѣмъ, именно въ эту ночь было нѣсколько многолюдныхъ собраній, устроенныхъ нашимъ комитетомъ и комитетомъ Бунда. На Хлодной улицѣ были произведены обыски въ двухъ домахъ, смежныхъ съ домомъ, гдѣ происходило собраніе С.-Д. Ц. П. и Л. въ сто человѣкъ. Несмотря на препятствія, встрѣчаемыя со стороны администраціи, С.-Д. Ц. П. и Л., наряду съ агитаціей среди широкихъ массъ, вела также пропагандистскую и организаціонную дѣятельность.

Въ ноябрѣ начали организовываться въ Варшавѣ два профессіональныхъ союза—булочниковъ и сапожниковъ. Бывая на собраніяхъ булочниковъ, я близко сошелся съ однимъ изъ нихъ—М. Плоцкимъ и черезъ него еще съ нѣсколькими булочниками и сапожниками. Плоцкій обладалъ очень обширными для рабочаго глубокими знаніями, былъ хорошимъ организаторомъ и пропагандистомъ и не лишенъ былъ литературныхъ способностей. Кромѣ

того, онъ уже имѣлъ революціонный навыкъ; въ своей профессіи онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ. Я познакомилъ Плохоцкаго съ членами Главнаго Правленія, и въ началѣ 1901 г., послѣ ухода Д., онъ былъ кооптированъ въ качествѣ пятаго члена Главнаго Правленія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мнѣ удалось встрѣтить среди варшавскихъ рабочихъ, принадлежавшихъ къ нашей партіи, много очень способныхъ людей. Къ такимъ принадлежалъ, между прочимъ, молодой, но очень талантливый и интеллигентный булочникъ Михаилъ Цайлеръ. Очень недурная брошюра, которую онъ писалъ, посвященная профессіональнымъ дѣламъ булочниковъ, исчезла, къ сожалѣнію, во время его ареста. Большими организаторскими способностями обладали также сапожникъ Мужинъ, главный организаторъ польскаго отдѣленія профессіональнаго союза сапожниковъ, портной В. Матушевскій, сапожникъ Монополь, слесарь—Я. Дурко. Изъ нихъ я составилъ кружокъ самообразованія, въ которомъ разбирались теоретическіе и программные вопросы и читались рефераты о русскомъ, польскомъ и иностранномъ соціалистическомъ движеніи. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ какъ, напримѣръ, Плохоцкій, Мужинъ, Матушевскій, Дурко, были люди начитанные, то вскорѣ они сами стали организовывать кружки самообразованія и руководить ими.

Къ новому году въ Варшавѣ кромѣ мѣстнаго комитета была организована группа агитаторовъ-представителей разныхъ профессій и агитаторскіе кружки въ отдѣльныхъ профессіяхъ, какъ то: булочниковъ, сапожниковъ, рабочихъ по металлу, портныхъ, работницъ фабрикъ занавѣсокъ и маляровъ, а также профессіональные союзы булочниковъ и сапожниковъ, о которыхъ я уже упоминалъ выше. Кромѣ того, въ Варшавѣ была основана тайная типографія [1]).

Изъ проявленій революціоннаго движенія 1900 г. слѣдуетъ упомянуть демонстрацію на похоронахъ булочника Андржеевскаго, организованную Сабанскимъ, Масюкомъ и еще нѣсколькими членами нашей организаціи; въ этой демонстраціи, даже по даннымъ, опубликованнымъ въ „Обзорѣ дознаній“, участвовало не менѣе 1000 человѣкъ. Передавая болѣе или менѣе вѣрно эту цифру, „Обзоръ дознаній“ обнаруживаетъ, однако, скудость свѣдѣній, добываемыхъ полиціей; въ немъ ни слова не упоминается о принадлежности Масюка и другихъ организаторовъ демонстраціи къ нашей партіи, въ то время, какъ Масюкъ былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ массѣ ораторовъ. Демонстрація эта прошла удачно, несмотря на усилія полиціи прекратить шествіе. Но организаторы ея были арестованы.

Наканунѣ новаго года было распространено воззваніе Главнаго Управленія по поводу наступленія новаго столѣтія. 16 января нашъ варшавскій комитетъ напомнилъ о четырехъ казненныхъ въ этотъ день въ 1886 г. „пролетаріатцахъ“: ночью были

[1]) Она помѣщалась на Тамкѣ, въ квартирѣ В. Матушевскаго.

по всему городу расклеены траурные плакаты, заключавшіе фамиліи этихъ первыхъ борцовъ за соціализмъ въ Польшѣ, революціонные лозунги, и подпись комитета; плакаты между прочимъ были расклеены на всѣхъ костелахъ—въ мѣстахъ, обычныхъ для наклеиванія траурныхъ объявленій—вслѣдствіе чего содержаніе ихъ стало извѣстно самымъ широкимъ массамъ; вечеромъ въ этотъ день было устроено нѣсколько собраній, на которыхъ читались рефераты о старомъ „Пролетаріатѣ“.

Чѣмъ болѣе развивалась организаціонная дѣятельность партіи, тѣмъ болѣе строгая дисциплина и конспирація устанавливалась въ ея рядахъ. Каждый могъ знать только то, что непосредственно касалось того учрежденія, къ которому онъ принадлежалъ. Этимъ оказались недовольны нѣкоторые члены варшавской организаціи, какъ то: В. Шиманскій, Ю. Михальскій, Л. Щеховичъ, В. Кораль. Они перестали принимать участіе въ партійной дѣятельности, стали критиковать партійныя учрежденія и лицъ, входившихъ въ ихъ составъ. Критика эта, съ одной стороны, сводилась къ нападкамъ на организаціонные принципы партіи, по временамъ даже на выборное начало, съ другой стороны,—къ личнымъ придиркамъ.

Между тѣмъ въ Россіи начались студенческія волненія. И. д. Варшавскаго генералъ-губернатора Подгородниковъ издалъ постановленіе, въ которомъ воспрещались „уличныя сборища“ подъ угрозой употребленія военной силы, взысканія съ виновныхъ штрафа въ 500 рублей или трехъ мѣсячнаго ареста. Оно было расклеено на углахъ всѣхъ улицъ. Одинъ рабочій изъ комитета, увидѣвъ его утромъ, сорвалъ одинъ экземпляръ и принесъ въ квартиру, гдѣ собирался обыкновенно комитетъ.

На слѣдующее утро повсюду рядомъ съ постановленіемъ Подгородникова были расклеены прокламаціи Областнаго Комитета нашей партіи, критиковавшія это постановленіе и призывавшія рабочихъ организоваться и готовиться къ празднованію 1 мая, чтобы въ этотъ день солидарной многолюдной уличной демонстраціей отвѣтить на всѣ репрессіи и угрозы правительства. Прокламаціи эти были также широко распространены въ фабрикахъ и мастерскихъ.

Между тѣмъ студенческія волненія въ Россіи, принявшія широкіе размѣры и вызванное всѣмъ этимъ сильное оживленіе въ широкихъ сферахъ населенія Россіи, подали поводъ нѣкоторымъ товарищамъ предполагать, что въ Россіи начинается революція [1]). Главное Управленіе С.-Д.-Ц. П. и Л. не думало такъ, но все же считалось съ этими событіями и придавало особенно большое значеніе солидарному выступленію рабочихъ и учащейся молодежи. По поводу этого выступленія оно издало листокъ къ рабочимъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Главное Управленіе полагало, что для того, чтобы надлежащимъ образомъ использовать выше-

---

[1]) См. передовую № 6 „Рабочее Дѣло“—органъ союза русскихъ соц.-дем. заграницей.

означенныя событія въ интересахъ рабочаго класса и будущей революціи, соціалдемократія должна выступить во всемъ государствѣ, какъ одна партія, объединяющая въ своихъ рядахъ рабочія организаціи всѣхъ населяющихъ его національностей.

И вотъ въ Бѣлостокѣ была созвана въ концѣ февраля конференція, на которой былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы С.-Д Ц. П. и Л. взяла на себя иниціативу созыва всероссійскаго Соціалдемократическаго съѣзда, на которомъ бы состоялось объединеніе съ Россійской С.-Д. Рабочей Партіей всѣхъ національныхъ соціалдемократическихъ организацій. Въ конференціи приняли участіе М. К—ій, Трусевичъ, Бальцевичъ, „Чеславъ", Плохоцкій, „Монополь" „Томашъ" и Матушевскій.

Всѣ единогласно постановили издать открытое письмо къ членамъ [1]) Россійской С.-Д. Рабочей Партіи, заключающее указаніе на задачи момента и призывъ къ организаціи съѣзда.

Трусевичъ, которому было поручено составленіе письма, тутъ же приготовилъ его и, по проредактированіи его Главнымъ Управленіемъ, оно было литографировано и разослано въ разные города Россіи, а также въ редакцію „Искры", заграничному союзу русскихъ Соціалдемократовъ, Ц. К. „Бунда" и Ц. К. Латышской С.-Д. партіи.

Письмо это давало краткое изложеніе исторіи соціалистическаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ и его современнаго состоянія, останавливаясь болѣе подробно на отношеніи въ прошломъ польскихъ и русскихъ соціалистовъ, и оканчивалось приглашеніемъ дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократическихъ организацій къ совмѣстной дѣятельности по созыву съѣзда. При этомъ предлагалась слѣдующая программа съѣзда:

„1) Выработка общихъ политическихъ требованій. Мы предлагаемъ всѣмъ соціалдемократамъ въ Россіи выставить требованіе демократической конституціи, гарантирующей полную національную автономію финляндцамъ, полякамъ, литовцамъ и другимъ національностямъ, населяющимъ Россію и предоставить право полнаго самоопредѣленія всѣмъ національностямъ. 2) Организація соціалдемократической партіи Россіи на федеративныхъ началахъ. 3) Выборы Центральнаго Совѣта всѣхъ соціалдемократическихъ партій въ Россіи. 4) Выработка общаго плана дѣйствій и организація совмѣстнаго празднованія 1 мая".

С.-Д. Ц. П. и Л. предлагала положить въ основу организаціи соціалдемократической партіи Россіи федеративное начало не потому, чтобы она въ ея цѣломъ стояла на федералистической точкѣ зрѣнія. Правда, на конференціи присутствовало нѣсколько федералистовъ, что и отразилось въ содержаніи письма. Но главную роль въ избраніи ею этого принципа играло то, что въ Россіи преобладало въ средѣ С.-Д-іи оппортунистическое направленіе

[1]) Письмо было обращено къ членамъ, такъ какъ партія не имѣла еще центральнаго комитета, а во многихъ мѣстахъ и организацій.

„Рабочаго Дѣла“, и С.-Д. Ц. П. и Л. считала самой подходящей въ то время формой организаціи федералистическую, такъ какъ она способна была оградить національные интересы вообще и ее въ частности отъ проникновенія въ ихъ среду оппортунизма.

Сильныя разногласія, происходившія тогда въ средѣ русскихъ с.-д-въ сдѣлали невозможнымъ осуществленіе плана, предложеннаго С.-Д. Ц. П. и Л. „Искра“ и „Рабочее Дѣло“ ограничились лишь изложеніемъ содержанія письма и выраженіемъ сочувствія дѣлу, начатому С.-Д. Ц. П. и Л.

Въ то время наша партія имѣла уже сильныя организаціи въ провинціи. Еще въ январѣ Главное Управленіе позаботилось о созданіи таковыхъ и отправило нѣсколькихъ варшавскихъ организаторовъ въ разные города Русской Польши для созданія тамъ партійныхъ организацій. Я. Лѣсневскій былъ отправленъ въ Лодзь, Ю. Бондурскій въ Домброву, „Монополь“ въ Бѣлостокъ. Вскорѣ и я пріѣхалъ въ Бѣлостокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль тамъ была создана довольно значительная организація изъ рабочихъ, принадлежавшихъ раньше къ П. П. С., и былъ избранъ мѣстный комитетъ. Остальные города сѣверо-западнаго края объѣзжали „Чеславъ“ и Бальцевичъ.

Послѣдній организовалъ въ мартѣ Ковенскій комитетъ, а въ апрѣлѣ Сморгонскую группу.

Въ апрѣлѣ образовался также комитетъ въ Лодзи.

Я пріѣхалъ туда въ концѣ марта и, ознакомившись съ мѣстными условіями, нашелъ, что тамъ почва для соціалдемократической дѣятельности не менѣе удобна, чѣмъ въ Варшавѣ. Лодзинскіе рабочіе-поляки были совершенно чужды польскаго націонализма. Этому, несомнѣнно, способствовалъ международный характеръ самаго города. Шестилѣтняя пропаганда польской соціалистической партіей программы возстановленія Польши совершенно не оставила тамъ слѣдовъ. Кромѣ того, тамъ были еще довольно сильны традиціи стараго „Пролетаріата“ и Союза польскихъ рабочихъ. На собраніяхъ нашей организаціи я встрѣтилъ двухъ членовъ стараго „Пролетаріата“—Коплина и Памошкевича. Что касается отношенія лодзинскихъ рабочихъ къ П. П. С., то мнѣ припоминается слѣдующій разговоръ. Однажды Памошкевичъ познакомилъ меня съ пожилымъ ткачемъ, членомъ П. П. С., принадлежавшимъ раньше къ Союзу польскихъ рабочихъ. Мы заговорили о старыхъ временахъ; оказалось, что мой собесѣдникъ зналъ Ю. Карскаго, Я. Ледера, А. Гумницкаго и съ увлеченіемъ разсказывалъ о своихъ спорахъ съ патріотами, высказывая крайне отрицательное отношеніе къ программѣ возстановленія Польши.

— Въ такомъ случаѣ, почему же вы принадлежите къ П. П. С.?—спросилъ я его.

— Потому, что П. П. С. даетъ намъ въ изобиліи соціалистическую литературу. Посмотрите, сколько брошюръ, сколько газетъ издаетъ П. П. С. Правда, за послѣдніе $^1/_2$ года мы не получили ни одного номера „Przedswita“ и лишь одинъ номеръ „Robotnika“,

но мы этимъ не смущаемся: у П. П. С. много интеллигенціи и много денегъ и она, вѣроятно, скоро снова станетъ снабжать насъ литературой какъ слѣдуетъ.

— Но вѣдь въ литературѣ П. П. С. рабочіе призываются къ борьбѣ за возстановленіе Польши!

— Да, но развѣ кто-нибудь изъ насъ—фабричныхъ рабочихъ—относится къ этому серьезно?! Мы интересуемся и усваиваемъ только то, что тамъ пишется лишь о классовой борьбѣ рабочихъ и о соціализмѣ.

Въ Лодзи мнѣ удалось также завязать сношенія съ интеллигенціей, сочувствующей программѣ нашей партіи. Въ средѣ этой интеллигенціи я встрѣтилъ двухъ очень энергичныхъ женщинъ, которыя вскорѣ стали дѣятельными членами партіи. Одной изъ нихъ была покончившая съ собой въ 1902 году въ Цюрихѣ Юлія Водершаль, другая Ольга Бадіоръ, извѣстная партіи подъ именемъ „Марія". Въ апрѣлѣ же 1901 года образовался и Ченстоховскій комитетъ. Въ то же время были завязаны сношенія и съ другими городами Царства Польскаго. Черезъ маляра Клейна съ Радомомъ, черезъ П. Н. съ Домбровой, черезъ сапожника Я. Н—каго, извѣстнаго подъ названіемъ „Прусакъ"—съ батраками въ нѣсколькихъ имѣніяхъ въ Плоцкой губерніи. Недалеко отъ Ченстохова была устроена граница для перевозки литературы

Въ провинціи партійная дѣятельность встрѣчала еще большія препятствія со стороны администраціи, чѣмъ въ Варшавѣ. Провинціальная полиція реагировала на оживившееся рабочее движеніе еще въ болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ варшавская. Не довольствуясь угрозами и насиліями надъ свободными людьми, она стала грубо обращаться съ арестованными и даже убивать ихъ. Въ апрѣлѣ въ Болутскомъ полицейкомъ участкѣ Лодзи былъ обнаруженъ въ арестной висѣвшій трупъ рабочаго Пакулы. Врачебный осмотръ, несмотря на уклончивыя объясненія нѣкоторыхъ врачей, запуганныхъ администраціей, выяснилъ, что смерть Пакулы произошла отъ ударовъ тупымъ орудіемъ. По поводу этого убійства нашъ лодзинскій комитетъ хотѣлъ устроить демонстрацію; комитетъ Бунда тоже склонялся къ этой мысли, но такъ какъ организація наша была еще очень молода, то Марія обратилась къ представителю комитета П. П. С., предлагая совмѣстно организовать демонстрацію, но получила отъ него отвѣтъ, что П. П. С. не можетъ по такимъ поводамъ устраивать демонстрацій. Получивъ такой отвѣтъ и, принявъ во вниманіе, что приближается 1-е мая, комитеты С.-Д. Ц. П. и Л. и Бунда рѣшили не устраивать демонстраціи, а издали лишь совмѣстно воззваніе на польскомъ и еврейскомъ языкахъ и опубликовали фактъ во всѣхъ заграничныхъ соціалистическихъ и радикальныхъ газетахъ.

Приближалось 1-е мая, въ рядахъ партіи шла энергичная подготовка къ этому дню. Въ послѣдніе дни апрѣля былъ перевезенъ изъ-за границы и распространенъ во всѣхъ городахъ Польши изданный въ 4000 экземпляровъ № 4 органа партіи

„Przegląd Robotniczy", содержавшій статьи, посвященныя спеціально майскому празднику и привѣтственныя письма нашей партіи отъ Бебеля, Каутскаго, Вандервельде и Аксельрода. Главнымъ Управленіемъ было издано и распространено въ 12 тысячахъ экземпляровъ первомайское воззваніе на польскомъ языкѣ, и въ 4000 экз. на нѣмецкомъ языкѣ. Нѣкоторые мѣстные комитеты, какъ Варшавскій, Виленскій, Ковенскій издали свои воззванія. Для большей популяризаціи революціонныхъ лозунговъ Ковенскій комитетъ издалъ краткое воззваніе, содержавшее лишь эти лозунги и призывъ къ празднованію 1-го мая. Издалъ также воззваніе и центральный комитетъ профессіональнаго союза булочниковъ. Въ Варшавѣ начались совѣщанія о томъ, гдѣ устроить демонстрацію. Одно совѣщаніе было общее съ представителями П. П. С., но съ послѣдними мы не могли притти ни къ какому соглашенію.

Нѣкоторые члены нашего комитета настаивали на томъ, что такъ какъ у насъ съ П. П. С. совершенно различные революціонные лозунги, то мы съ Бундовцами должны устроить демонстрацію отдѣльно отъ П. П. С. Въ концѣ концовъ нашъ комитетъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ совмѣстно съ комитетомъ Бунда устроить демонстрацію на Маршалковской улицѣ и наканунѣ 1-го мая издалъ пригласительныя карточки въ 10,000 экземплярахъ, призывая въ нихъ рабочихъ на слѣдующій день въ 6 часовъ вечера на указанную улицу. Туда же Варшавскій комитетъ Бунда пригласилъ еврейскихъ рабочихъ. П. П. С. назначила мѣстомъ демонстраціи Уяздовскія аллеи. Характерно было отношеніе къ майской демонстраціи Польской Соціалистической партіи „Пролетаріатъ". Она въ своихъ воззваніяхъ совѣтовала не принимать въ ней участія. Этотъ свой шагъ она мотивировала тѣмъ, что для вооруженныхъ демонстрацій еще не наступило время, мирныя же демонстраціи деморализуютъ массы, вынужденныя спокойно переносить издѣвательства полиціи. Но варшавскіе рабочіе откликнулись на призывъ соціалдемократическихъ организацій. Въ воскресенье, въ день, назначенный для демонстраціи, во всемъ городѣ было замѣтно необычное движеніе полиціи и войскъ. Съ 1-го часа дня казаки стали наполнять собою дворы домовъ на Маршалковской улицѣ. Полиція присутствовала въ невиданномъ дотолѣ количествѣ. Посрединѣ улицы разъѣзжалъ патруль; продефелировалъ съ музыкой полкъ пѣхоты. Движеніе публики было очень незначительно. Въ половинѣ пятаго на углу Маршалковской улицы и Іерусалимскихъ аллей, напротивъ вокзала Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги собралось около тысячи демонстрантовъ. Толпа демонстрантовъ быстро возрастала вслѣдствіе наплыва рабочихъ изъ боковыхъ улицъ. Вслѣдствіе этого полиція и казаки, все время безмолствовавшіе, прекратили рабочимъ доступъ съ этихъ улицъ. Въ шесть часовъ количество демонстрантовъ доходило до 15 тысячъ. Все это были исключительно рабочіе. Громадное большинство составляли поляки, но было также и нѣсколько тысячъ евреевъ. Собравшіеся нѣсколько разъ пытались выстроиться въ ряды и

начать шествіе, но всякій разъ казаки и полиція препятствовали имъ въ этомъ. Но вотъ около 8 часовъ вечера въ одномъ мѣстѣ началась борьба между демонстрантами и казаками; казаки дѣйствовали нагайками, демонстранты палками. Воспользовавшись этимъ, остальная масса демонстрантовъ прорвала кордонъ и съ пѣніемъ пѣсни „Красное Знамя" двинулась къ Саксонскому саду. Казаки нѣсколько разъ старались задержать шествіе, но всякій разъ безуспѣшно; имъ удалось лишь отрѣзать отъ шествія нѣсколько сравнительно небольшихъ группъ. Группы эти направились близъ лежащими улицами въ сторону Саксонскаго сада. Около этого сада, на углу Королевской и Маршалковской улицъ, сошлись опять всѣ демонстранты. Тамъ было поднято красное знамя и послышались возгласы „да здравствуетъ конституція!", „да здравствуетъ соціалдемократія!". Въ отвѣтъ на нихъ раздалось громкое „ура!" не только съ Королевской и Маршалковской, но и съ сосѣднихъ улицъ.

Послѣ этого демонстранты разошлись по домамъ.

Во время этой демонстраціи, администрація, помня опытъ прошлаго года, не произвела массовыхъ арестовъ; только во время драки, происшедшей на Маршалковской улицѣ между демонстрантами и казаками, было арестовано около 30 рабочихъ. Они, по постановленію генералъ-губернатора, отбыли три мѣсяца ареста при полиціи. П. П. С. устроила въ тотъ же день демонстрацію въ Уяздовскихъ аллеяхъ, но туда явилось гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ въ предыдущіе годы [1]).

Кромѣ Варшавы демонстраціи произошли и въ другихъ городахъ, но нигдѣ онѣ не прошли такъ удачно. Въ Лодзи С.-Д. Ц. П. и Л., и Бундъ, и П. П. С. призвали рабочихъ явиться 28 апрѣля на Петроковскую улицу. Въ назначенный день на этой улицѣ было такъ много войска и полиціи, что она представляла собою какъ бы военный лагерь. Туда явились тысячи рабочихъ, но организовать шествіе не удалось. Въ Вильнѣ устроена была демонстрація на Нѣмецкой улицѣ. Туда собралось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; произошло столкновеніе между демонстрантами и казаками, во время котораго пятеро рабочихъ были тяжело избиты и одинъ казакъ тяжело раненъ. Въ Ковнѣ въ демонстраціи приняли участіе свыше 600 рабочихъ, при чемъ она прошла совершенно спокойно.

Вскорѣ послѣ 1-го мая былъ изданъ № 2 газеты „Kurjerek Robotniczy" [2]), въ которомъ, между прочимъ, было помѣщено подробное описаніе первомайской демонстраціи въ Польшѣ и въ остальной Россіи.

Лѣтомъ, какъ и въ предыдущемъ году, въ окрестностяхъ Варшавы, Лодзи и другихъ городовъ устраивались массовыя собранія, человѣкъ по 500 — 600. Въ Варшавѣ, на ряду съ общими

---

[1]) См. „Искра", №№ 4 и 5.
[2]) „Рабочій Курьеръ".

собраніями политическаго характера, устраивались также спеціальныя собранія рабочихъ по металлу. Дѣятельность агитаторовъ этой профессіи была направлена въ это лѣто на организацію профессіональнаго союза, который образовался въ началѣ августа и насчитывалъ 400 членовъ. Въ августѣ же образовалось и лодзинское отдѣленіе этого союза.

Въ Лодзи велась агитація за образованіе профессіональнаго союза волокнистыхъ веществъ. Въ Литвѣ Бальцевичу удалось въ теченіе лѣта объединить кассы борьбы кожевниковъ въ разныхъ городахъ въ одинъ профессіональный союзъ кожевниковъ Литвы. Въ концѣ же августа въ Варшавѣ произошелъ съѣздъ сапожниковъ, на которомъ былъ организованъ профессіональный союзъ сапожниковъ Царства Польскаго и Литвы, выпустившій вскорѣ воззваніе ко всѣмъ сапожникамъ, содержавшее, кромѣ указанія на необходимость объединяться, также и политическія требованія.

Несмотря на широкую дѣятельность партіи, полиціи не удавалось открыть ея учрежденій. Насколько мало полиціи былъ извѣстенъ ихъ составъ—лучше всего видно, какъ я уже имѣлъ возможность указать, изъ „Обзора дознаній по важнѣйшимъ дѣламъ". За то въ кружокъ оппозиціи, благодаря отсутствію въ немъ конспираціи, скоро проникли провокаторы. Это были Айзикъ Сегалъ и Юзефъ Ольшевскій. Имъ удалось провалить почти весь кружокъ

Мѣсяца два спустя послѣ провала кружка оппозиціи, агенты охраннаго отдѣленія начали усиленно слѣдить за квартирой старушки Паулины Генцель [1]), находившейся по улицѣ Лешно № 102, гдѣ обыкновенно происходили собранія партійныхъ учрежденій. Собранія, конечно, немедленно были перенесены въ другую квартиру, но все же сыщикамъ удалось запомнить нѣсколько лицъ.

Повидимому, сыщики быстро оріентировались, что они утеряли слѣдъ партійныхъ учрежденій, такъ какъ именно въ это время Ю. Ольшевскій—оказавшійся впослѣдствіи провокаторомъ—особенно настойчиво добивался, чтобы его приняли въ партію. Но онъ возбуждалъ къ себѣ недовѣріе члена Варшавскаго комитета, который велъ съ нимъ переговоры, и въ принятіи въ партію ему было отказано. Въ августѣ была организована демонстрація на похоронахъ одного рабочаго; она прошла недурно, но во время нея былъ арестованъ руководитель ея И. Ржонца и нѣсколько хорошихъ агитаторовъ. Эти лица не принадлежали къ партійнымъ учрежденіямъ и ихъ арестъ не отразился на дѣятельности партіи.

Въ сентябрѣ состоялся польскій областной съѣздъ С.-Д. Ц. П. и Л., а затѣмъ ея партійный съѣздъ. Къ партійному съѣзду

---

[1]) П. Генцель оказывала неоднократно услуги партіи и очень заботилась всегда о нелегальныхъ, вслѣдствіе чего пользовалась большимъ уваженіемъ всѣхъ товарищей, называвшихъ ее матерью.

шла дѣятельная подготовка въ теченіе почти полугода. Въ комитетахъ и агитаторскихъ собраніяхъ горячо обсуждались тѣ вопросы, которые онъ долженъ былъ разсмотрѣть. Вопросы эти были разсмотрѣны и на польскомъ областномъ съѣздѣ, наряду съ практическими вопросами, касающимися спеціально дѣятельности партіи въ Царствѣ Польскомъ. На послѣднемъ, между прочимъ, было рѣшено предложить партійному съѣзду, чтобы онъ еще разъ формулировалъ ближайшія политическія требованія партіи, такъ какъ формулировка предыдущаго съѣзда, носившая федералистическій характеръ, не отвѣчаетъ взглядамъ, господствующимъ въ партіи, какъ не вполнѣ учитывающая тенденціи капиталистическаго развитія Польши.

Партійный съѣздъ происходилъ въ Варшавѣ 28. 29 и 30 сентября 1901 г. Такъ какъ полицейскія условія были крайне неблагопріятны для созыва многолюднаго съѣзда, то Главное Управленіе, по соглашенію съ комитетами партій, рѣшило ограничить число делегатовъ съѣзда до 11. Первое засѣданіе его было устроено недалеко отъ станціи Марки—жел. дороги Варшава - Яблонна, остальныя же въ Варшавѣ на улицѣ Лешно № 102 въ квартирѣ М Цайлера. Делегатами были: отъ Варшавы: В. Матушевскій, Мужчинъ, Михаилъ Цайлеръ, „Епископъ"; отъ Лодзи: Ю. Видержаль и „Марія"; отъ Бѣлостока—„Монополь"; отъ Вильны и Ковна—В. Бальцевичъ; отъ Главнаго Управленія партіи—С. Трусевичъ, онъ же отъ Домбровы; отъ Ченстохова — М. Плохоцкій.

Какъ обнаружилось изъ отчетовъ делегатовъ, партія насчитывала немногимъ больше 1000 членовъ. Что касается резолюцій II съѣзда, то я приведу здѣсь всѣ наиболѣе важныя изъ нихъ, такъ какъ этотъ съѣздъ впервые сдѣлалъ попытку опредѣлить отношеніе партіи ко всѣмъ программнымъ и тактическимъ вопросамъ; содержаніе ихъ важно и потому, что и въ настоящее время партія въ общемъ и цѣломъ занимаетъ позицію, занятую II съѣздомъ.

Въ первую очередь былъ поставленъ вопросъ о формулировкѣ ближайшихъ политическихъ требованій партіи. По этому вопросу всѣ делегаты были согласны въ отрицательномъ отношеніи къ федералистическому принципу, проявившемуся въ резолюціи, принятой І-ымъ съѣздомъ. Но при формулированіи резолюціи взгляды раздѣлились. Одни предлагали выставить требованіе преобразованія государственнаго строя Россіи въ республиканско-демократическій, основываясь на томъ, что такое требованіе выставлено во всѣхъ соціалдемократическихъ программахъ.

Другіе считали такую постановку вопроса неправильной. Ликвидація самодержавнаго режима—говорили они—произойдетъ въ Россіи въ то время, когда пролетаріатъ будетъ уже составлять крупную политическую силу. Усиленіе же пролетаріата должно толкнуть буржуазные классы въ объятія реакціи Поэтому они будутъ всѣми силами противодѣйствовать радикальной ломкѣ стараго порядка и тѣмъ рѣшительнымъ средствамъ борьбы, кото-

рыя могутъ повести къ учрежденію республиканскаго образа правленія, и поспѣшатъ войти въ сдѣлку съ самодержавнымъ правительствомъ, выторговавъ у него лишь куцую конституцію. Результатомъ этого будетъ то, что пролетаріатъ въ своей борьбѣ за политическую свободу долженъ будетъ использовать эту конституцію.

Послѣ дебатовъ была принята по этому вопросу резолюція, послѣдняя часть которой гласитъ: „Ближайшей задачей рабочаго класса въ Польшѣ и Литвѣ съѣздъ считаетъ завоеваніе демократической конституціи на основѣ полной автономіи этихъ странъ, а равно всѣхъ народовъ, населяющихъ россійское государство".

Съѣздъ разсмотрѣлъ также еще разъ вопросъ объ отношеніи къ программѣ возстановленія Польши и, принявъ во вниманіе всѣ отѣнки политической мысли, обнаруживающіеся въ Польшѣ, принялъ слѣдующую резолюцію:

„Не отрицая въ принципѣ права всѣхъ народовъ на національную независимость, но исходя изъ того положенія, что возможность завоеванія ея зависитъ отъ тенденціи экономическаго развитія данной страны, съѣздъ, согласно съ взглядами партіи, считаетъ завоеваніе независимости Польши и Литвы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ невозможнымъ по слѣдующимъ причинамъ: Развитіе капитализма въ этихъ странахъ приводитъ къ тому, что онѣ годъ отъ году все тѣснѣе объединяются съ Россіей, вслѣдствіе чего буржуазія, классъ наиболѣе сильный экономически и пользующійся преобладающимъ вліяніемъ на политическую жизнь, должна неизбѣжно быть противницей стремленія къ независимости Польши и Литвы. Изъ этого слѣдуетъ, что пролетаріатъ для завоеванія независимости этихъ странъ, для завоеванія національной независимости, долженъ былъ бы обладать такимъ могуществомъ, котораго хватило бы для совершенія соціалистическаго переворота. Что касается непредвидѣнныхъ случайностей, которыя могли бы повлечь за собой образованіе польскаго государства, то, не говоря уже о ихъ неправдоподобности, такія случайности, какъ непредвидѣнныя и независящія отъ воли борющагося за свое освобожденіе пролетаріата, не могутъ ни подъ какимъ предлогомъ быть приняты во вниманіе.

„Съѣздъ считаетъ также, что возстановленіе Польши не можетъ быть признано и дальнѣйшей задачей пролетаріата, по слѣдующимъ причинамъ: въ настоящее время никто не въ состояніи предвидѣть этаповъ политическаго развитія Польши и Литвы, а такъ какъ соціалистическій переворотъ самъ по себѣ уже устраняетъ всякій гнетъ и, тѣмъ самымъ, всякую національную зависимость, которая всегда является одной изъ формъ классовой эксплоатаціи, то, слѣдовательно, вмѣстѣ съ осуществленіемъ этого переворота, долженъ исчезнуть и національный гнетъ. Слѣдовательно, борьба за соціализмъ является сама собой борьбой за независимость, а эта независимость приметъ тогда форму, отвѣчающую новымъ формамъ общественнаго производства. Объ этихъ

же формахъ можно сказать лишь то, что національный вопросъ въ соціалистическомъ обществѣ не можетъ быть разрѣшенъ путемъ образованія отдѣльныхъ государствъ, а развѣ путемъ свободнаго объединенія народовъ на основѣ автономіи каждаго изъ нихъ. При этомъ съѣздъ находитъ, что выставленіе въ программѣ требованія независимости Польши и Литвы не только не принесетъ реальной пользы въ борьбѣ за освобожденіе пролетаріата, но, наоборотъ, затруднитъ эту борьбу, такъ какъ: 1) таковая программа отдѣляетъ польскій и литовскій пролетаріатъ отъ единственнаго его союзника — пролетаріата остальной Россіи; 2) выдвигая на первый планъ борьбу съ государствомъ, отвлекаетъ вниманіе пролетаріата отъ борьбы съ правительствомъ".

Важной заслугой съѣзда было установленіе, впервые со времени возникновенія въ Польшѣ соціалдемократіи, отношенія къ мелкобуржуазнымъ классамъ въ духѣ революціонной соціалдемократіи. „Принимая во вниманіе—говорится въ резолюціи, принятой по этому вопросу,—что пролетаріатъ во имя своихъ классовыхъ интересовъ совершитъ соціалистическій переворотъ, что освобожденіе пролетаріата, какъ класса наиболѣе угнетеннаго въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, неминуемо повлечетъ за собой освобожденіе всѣхъ другихъ угнетенныхъ классовъ, что, борясь во имя его интересовъ съ современнымъ общественно-государственнымъ строемъ, партія пролетаріата тѣмъ самымъ дѣйствуетъ не только въ интересахъ самого пролетаріата, но и въ пользу мелкихъ собственниковъ, — крестьянъ и ремесленниковъ,—какъ гражданъ и потребителей, что далѣе процессъ пролетаризаціи безпрестанно выталкиваетъ значительное количество мелкихъ собственниковъ въ ряды пролетаріата, съѣздъ приходитъ къ заключенію, что партія въ своей дѣятельности не должна брать на себя спеціальную задачу—защиты интересовъ другихъ классовъ, а должна руководиться исключительно интересами пролетаріата. Въ случаѣ надобности она можетъ входить въ сношенія съ организаціями не-пролетарскими, въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ правительствомъ, сохраняя всегда въ такихъ сношеніяхъ свою политическую обособленность".

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на II съѣздѣ, былъ вопросъ объ отношеніи С.-Д. Ц. П. и Л. къ другимъ соціалдемократическимъ партіямъ, работающимъ въ Россіи. Принятая по этому вопросу резолюція выражаетъ взглядъ, высказанный раньше въ „письмѣ къ членамъ Р. С.-Д. Р. партіи".

Въ особо принятой резолюціи съѣздъ осудилъ ревизіонизмъ. Кромѣ вышеизложенныхъ, съѣздъ вынесъ нѣсколько резолюцій по тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ. Въ одной изъ нихъ указывается на стачки, какъ на „одно изъ важныхъ средствъ борьбы пролетаріата за освобожденіе". Въ другой признаются также однимъ изъ важныхъ средствъ борьбы массовыя демонстраціи, при чемъ дается порученіе партійнымъ организаціямъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы демонстраціи проходили въ пол-

номъ порядкѣ и спокойствіи, съ допущеніемъ лишь невооруженнаго насилія въ отвѣтъ на мѣры полиціи и войскъ.

Въ промежутокъ времени между I и II съѣздами жизнь выдвинула вопросы объ отношеніи къ насиліямъ со стороны полиціи, которыя, какъ увидимъ, стали повторяться въ это время очень часто, и объ экономическомъ террорѣ.

Какъ средство борьбы противъ насилій полиціи съѣздъ рекомендовалъ: 1) самооборону, 2) воззванія, 3) публикаціи въ заграничныхъ соціалдемократическихъ газетахъ, 4) демонстраціи.

По второму вопросу съѣздъ поручилъ партійнымъ организаціямъ доказывать рабочимъ, что не терроръ, но исключительно солидарная. сознательная и организованная борьба является полезной для рабочихъ.

Съѣздъ принялъ также резолюцію по вопросу о профессіональныхъ союзахъ. Въ ней онъ ясно отмѣтилъ, что профессіональные союзы должны быть: областными, соціалдемократическими, приспособленными къ политическимъ условіямъ Россіи. Оживленную дискуссію вызвалъ вопросъ о томъ, должна ли партія организовать только польскихъ рабочихъ, или также рабочихъ другихъ національностей.

Одни высказывались за то, что, напр., организацію еврейскихъ рабочихъ надо предоставить Бунду, другіе доказывали, что С.-Д. Ц. П. и Л. является партіей территоріальной, а не національной и потому должна организовать и еврейскихъ рабочихъ, какъ живущихъ на территоріи Царства Польскаго и Литвы, которыя она считаетъ райономъ своей дѣятельности.

Съѣздъ постановилъ, что партія должна работать среди рабочихъ всѣхъ національностей, населяющихъ районъ ея дѣятельности, сосредоточивая, однако, главное вниманіе на польскихъ рабочихъ. При этомъ онъ опредѣлилъ свое отношеніе къ Бунду, рѣшивъ, не соглашаясь со взглядами Бунда на еврейскій вопросъ, считать его все-таки самостоятельной братской организаціей.

Литовскую С.-Д. съѣздъ призналъ такою же мелкобуржуазной организаціей, какъ и П. П. С., и въ отношеніи къ обѣимъ этимъ партіямъ постановилъ:

„Съѣздъ считаетъ совершенно безплодной литературную полемику съ органами этихъ партій, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ необходимой научную критику ихъ программы и тактики“.

Въ концѣ съѣздъ поручилъ партіи, продолжая издавать „Przeabgd Robotniczy“, какъ органъ популярно-научный, приступить также къ изданію за границей теоретическаго органа „Przeglad Socjaldemokratyczky“, въ Варшавѣ въ тайной типографіи—агитаціоннаго органа подъ названіемъ „Sprawa Robotnicza“, и подтвердилъ постановленіе 1-го съѣзда объ изданіи двухъ брошюръ.

Послѣ съѣзда мы немедленно приступили къ изданію внутренняго органа партіи „Spawva Robotnicza“. Въ № 1 должны были быть помѣщены: отчетъ о съѣздѣ съ текстомъ всѣхъ при-

нятыхъ на немъ резолюцій и корреспонденціи изъ разныхъ городовъ. Завѣдываніе тайной типографіей вообще и въ частности изданіемъ газеты „Sprawa Robotnicza“ было поручено Плохоцкому: редактированье ея—С. Трусевичу.

Повидимому, до полиціи дошелъ слухъ о собравшемся съѣздѣ, потому что вскорѣ послѣ него за многими изъ насъ стали усиленно слѣдить.

10 дней спустя въ Варшавѣ произошли крупные аресты среди членовъ нашей партіи. Были арестованы: С. Трусевичъ, Т. Макржикъ, М. Плохоцкій, Я. Лѣсневскій, К. Нитенбергъ, Я. Собковичъ.

У Трусевича были при арестѣ найдены копіи протоколовъ съѣзда; у Плохоцкаго часть типографіи и корректура № 1 новаго органа „Sprawa Robotnicza“.

Началось дѣло С.-Д. Ц. П. и Л. Къ нему привлекли арестованныхъ раньше И. Ржонца, Шиманскаго, Михальскаго, Щеховича и др.

Дѣло С.-Д. Ц. П. и Л. длилось два года. Только въ октябрѣ 1903 года было объявлено по этому дѣлу приговоръ, по которому высылались въ Восточную Сибирь: С. Трусевичъ на 10 лѣтъ, Я. Собковичъ и В. Король на 6 лѣтъ, К. Нитенбергъ, М. Плохоцкій, Д. Нитенбергъ, В. Шиманскій на 5 лѣтъ каждый, Я. Піонтковскій, М. Макржикъ, Я. Лѣсневскій, Я. Гдовскій, Л. Щеховичъ, Ю. Бандурскій, Я. Минихъ, Я. Росолъ, И. Ржанца [1])—4 г.

Аресты 1901 года, конечно, не прекратили существованіе С.-Д Ц. П. и Л. На почвѣ, подготовленной капиталистическимъ развитіемъ 90-хъ годовъ, двухлѣтняя дѣятельность ея пустила глубокіе корни. Аресты, правда, ослабили ее, въ особенности ея Варшавскую организацію, но въ теченіе года она совершенно оправилась отъ причиненнаго ей вреда. Въ 1903 г. дѣятельность ея, правда, не отличалась особенной интенсивностью, но это обясняется тѣмъ, что въ польскомъ рабочемъ движеніи въ этомъ году вообще не замѣчалось оживленія. Въ началѣ слѣдующаго года, какъ извѣстно, была объявлена японская война: слѣдствіемъ ея былъ сильный кризисъ въ польской промышленности и страшная нищета среди рабочихъ, вызвавшіе съ ихъ стороны рядъ революціонныхъ выступленій подъ знаменемъ Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы. Сигналомъ къ нимъ послужила извѣстная самозащита Каспржака 14 апрѣля 1904 г. во время ареста типографіи С.-Д. Ц. П. и Л. въ Варшавѣ на Дворской улицѣ.

[1]) Высланный въ Якутскую область Ржанца принялъ дѣятельное участіе въ Романовскомъ протестѣ 1904 г., былъ сужденъ на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ, откуда въ 1905 г. вернулся по амнистіи.

Несмотря на арестъ типографіи партіи и многихъ ея членовъ, происшедшій за нѣсколько дней до 1-го мая, наканунѣ этого дня было широко распространено во всѣхъ городахъ Царства Польскаго и Литвы воззваніе С.-Д. Ц. П. и Л., въ которомъ она приглашала рабочія массы къ первомайской забастовкѣ и демонстраціи. Первомайская демонстрація прошла успѣшно. Ею руководила хорошо организованная группа членовъ партіи—человѣкъ около 300. Замѣтивъ, что на Маршалковской улицѣ нельзя организовать шествіе, она моментально перенесла демонстрацію на Електоральную улицу, гдѣ была произнесена революціонная рѣчь и организовано шествіе съ красными флагами и революціонными пѣснями. Въ демонстраціи вмѣстѣ съ С.-Д. Ц. П. и Л. приняли участіе „Бундъ“ и „Пролетаріатъ“.

За первомайской демонстраціей послѣдовалъ рядъ другихъ выступленій, происходившихъ подъ знаменемъ С.-Д. Ц. П. и Л., частью стихійныхъ, частью организованныхъ Варшавскимъ комитетомъ этой партіи.

17-го октября была устроена демонстрація противъ мобилизаціи на улицахъ Враньей и Низкой. На Низкой улицѣ приняло участіе въ демонстраціи болѣе 5000 человѣкъ.

Не касаясь повседневной дѣятельности партіи, мы должны въ заключеніе указать, что въ настоящее время С.-Д. Ц. П. и Л. составляетъ автономную часть Россійской С.-Д. Р. Партіи. Объединеніе это произошло на IV Стокгольмскомъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. Партіи.

К. Залевскій.

Охраненіе русскихъ офицеровъ отъ польскаго духа.

(1831--1846).

Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ.

I.

Секретно.

Милостивый Государь
Дмитрій Гавриловичъ.

Командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса донесъ мнѣ о содержаніи секретнаго отношенія къ нему Вашего Высокопревосходительства, отъ 10-го мая за № 712, которымъ, по поводу сообщеннаго мною Вамъ свѣдѣнія о предпринимаемой высылкѣ эмисаровъ въ бывшія польскія провинціи для возбужденія безпокойствъ, Вы спрашиваете Генерала Чеодаева не сдѣлаетъ ли онъ по корпусу какого либо распоряженія къ наблюденію за служащими въономъ лицами польскаго происхожденія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полученъ мною и Вашъ отзывъ за № 719, о значительномъ числѣ Офицеровъ изъ Поляковъ, служащихъ въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ.

Считаю нужнымъ увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, что со времени прокращенія мятежа въ Царствѣ Польскомъ въ 1831 году, предвидѣвъ необходимость наблюденія за воинскими чинами Польскаго происхожденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвъ въ виду, что изъявленіе къ нимъ недовѣрчивости могло бы повлечь за собою вредныя послѣдствія, я тогда же снабдилъ Корпусныхъ Командировъ надлежащею на этомъ основаніи инструкціею, которую дополнилъ потомъ особымъ повелѣніемъ (копіи съ оныхъ тутъ прилагаются), и что затѣмъ по сіе время не представлялось случаевъ, могущихъ возродить справедливое опасеніе на счетъ помянутыхъ чиновъ.

Какъ извѣстность о вышесказанныхъ распоряженіяхъ могла бы имѣть нехорошія послѣдствія, то прошу покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство хранить содержаніе оныхъ въ совершенной тайнѣ.

Примите, Милостивый Государь увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Князь Варшавскій.

№ 27.
9 іюня 1846.
Варшава.
Его Превосходительству
Д. Г. Бибикову.

И.

Секретно.

Копія съ циркулярнаго предписанія Господина Главнокомандующаго арміею Г.г. Корпуснымъ Командирамъ, отъ 31-го октября 1831 года.

Принимая во уваженіе, что ежели офицеры, при настоящемъ расположеніи войскъ на кантониръ-квартирахъ, не будутъ достаточно заняты службою, то могутъ вовлечься въ тѣсныя связи съ Поляками, а какъ всякія близкія сношенія съ ними могутъ имѣть весьма вредное вліяніе на духъ Офицеровъ, то я на сей важный предметъ предлагаю Вашему Высокопревосходительству обратить все вниманіе Ваше и частныхъ Начальниковъ войскъ ввѣреннаго Вамъ корпуса и предписать симъ послѣднимъ приложить особенное попеченіе къ занятію Офицеровъ службою и симъ удалить ихъ отъ вредныхъ для нихъ связей съ Поляками. За точнымъ исполненіемъ чего Вы неоставите поручить Начальникамъ дивизій и Бригаднымъ Командирамъ имѣть неослабное наблюденіе.

Само собою разумѣется, что таковое наблюденіе должно дѣлаться неявнымъ образомъ, и что вообще всѣ мѣры къ отвращенію Офицеровъ отъ близкихъ съ Поляками связей должны приниматься незамѣтнымъ образомъ: лучшее и прямое на сей конецъ средство, какъ сказано выше, есть попеченіе, дабы Офицеры въ полной мѣрѣ занимались своими обязанностями, требующими по случаю укомплектованія полковъ безпрестаннаго по службѣ упражненія. Дѣло Г.г. частныхъ Начальниковъ примѣромъ своимъ и нечувствительнымъ вліяніемъ обратить ихъ къ сему и отвлекать отъ тѣсныхъ съ Поляками сношеній. Впрочемъ, ежели нѣкоторые изъ Офицеровъ въ особенности будутъ замѣчаемы въ наклонности къ таковымъ связямъ, а наипаче съ Офицерами бывшей мятежной Арміи, то надъ таковыми имѣть самое бдительное и неослабное наблюденіе; ежели же подобныя связи будутъ продолжать или усиливать, не взирая на старанія непосредственныхъ Начальниковъ ихъ къ удаленію отъ оныхъ, то судя по степени таковыхъ сношеній, надъ Офицерами, которые болѣе будутъ оказывать наклонности тѣсно сблизиться съ Поляками, усугублять тайный надзоръ. и объ именахъ ихъ доставлять ко мнѣ секретные списки.

Въ особенности я ожидаю отъ Вашего Высокопревосходительства, что Вы примите всѣ должныя мѣры къ безпрестанному наблюденію за направленіемъ духа Офицеровъ, и не показывая явныхъ въ семъ отношеніи дѣйствій, употребите все вліяніе Ваше и прочихъ частныхъ Начальниковъ къ сохраненію той пламенной и безпредѣльной преданности ихъ къ Престолу, коею они донынѣ отличались, и къ удаленію отъ превратныхъ мнѣній въ семъ краю мятежемъ посѣянныхъ.

III.

Секретно.

Копія съ предписанія Его Свѣтлости Господина Генералъ-Фельдмаршала Командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, отъ 9 іюля 1836 года.

Духъ Поляковъ, а особенно послѣ возмущенія, къ несчастію мы не можемъ считать иначе, какъ непріязненнымъ ко всему Русскому. Стремленіе ихъ къ мнимой самобытности всегда искало и ищетъ разныхъ средствъ къ возмущенію. Тайные ковы, связи, обольщенія и скрытые виды въ наружной искательности, часто располагали въ ихъ пользу войска, квартировавшія въ Польшѣ.

Все это извѣстно Вашему Высокопревосходительству, а потому я покорно прошу Васъ, по соображеніи вышеизложеннаго, предупредить о всемъ томъ Начальниковъ во ввѣренномъ Вамъ корпусѣ, и дабы они внимательно наблюдали за духомъ и связями Г.г. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ здѣшними обывателями. Всякое подозрѣніе въ подобномъ тому случаѣ, они должны тотчасъ доводить до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, для представленія мнѣ.

Поставить въ обязанность Г.г. Полковыхъ Командировъ, чтобы они доносили по Начальству если бы въ мѣстахъ расположенія ввѣренныхъ имъ полковъ замѣчены были лица, коихъ дѣйствія и поступки обнаруживали бы явную недоброжелательность противу Правительства: разсѣваніемъ вредныхъ слуховъ, привлеченіемъ въ какія либо тайныя общества и связи Офицеровъ и подговорами нижнихъ чиновъ. Все поручаемое здѣсь Начальникомъ должно быть совершенною тайною для подчиненныхъ ихъ.

Независимо отъ сего, покорно прошу сдѣлать распоряженіе, дабы о всякомъ вышеприсанномъ случаѣ Дивизіонные Гевальдигеры, какъ составляющіе военную полицію,—если узнаютъ что-либо подобное,—доносили Корпусному Оберъ-Гевальдигеру а сей послѣдній Генералъ-Полицій мейстеру Арміи, докладывая о томъ предварительно Вашему Высокопревосходительству,

Сообщ. **П. Н. Миллеръ.**

Воспоминанія.

(*Окончаніе* [1]).

Глава VIII.

На мою семью обрушилась новая бѣда. Матушкѣ какъ-то подали съ почты объемистый пакетъ,—въ немъ было нѣсколько почтовыхъ листковъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ брата Андрюши, и тутъ же вложено было другое запечатанное письмо. Какъ только матушка пробѣжала первую страницу письма, она съ ужасомъ схватилась за голову. Она долго не могла отвѣчать на вопросы Саши, нѣсколько разъ вслухъ принималась читать злополучное письмо брата, но слезы душили ее, и она опять начинала рыдать.

Письмо Андрюши прежде всего заключалась въ просьбѣ простить его за то, что онъ во время своего отпуска такъ мало погостилъ дома. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что, пріѣхавъ къ Лунковскому на именины, онъ на другой же день проигралъ ему 600 рублей. Отчаяніе и страхъ огорчить мать заставили его не показываться ей на глаза.

„На колѣняхъ, и милліонъ разъ цѣлуя драгоцѣнныя ручки", братъ умолялъ матушку уплатить за него этотъ долгъ, такъ какъ онъ считалъ его „долгомъ чести". Въ противномъ случаѣ, Лунковскій, по его словамъ, можетъ написать его полковому начальству. А тогда,—восклицалъ братъ,—„прощай военная служба, военная карьера, которая одна только даетъ мнѣ надежду, даже больше—полную увѣренность—въ томъ, что я въ ближайшемъ будущемъ уже могу приходить на помощь моей семьѣ". Оказывается, писалъ братъ, „что г-нъ Лунковскій—порядочный негодяй: кутила, мотъ, картежникъ, который не въ первый разъ вовлекаетъ такого неопытнаго человѣка, какъ я, въ игру съ исключительною цѣлью обыграть своего партнера".

Андрюша сообщалъ далѣе, что хотя о Лунковскомъ онъ вынесъ представленіе, какъ о человѣкѣ сомнительной нравственности, но что тотъ, видя его отчаяніе, видимо, пожалѣлъ его, старался дѣлать все, чтобы облегчить его положеніе и разсѣять его мрачное

---

[1]) См. «Мин. Годы», ноябрь.

настроеніе: онъ убѣдилъ брата не сообщать матушкѣ тотчасъ о проигрышѣ, а написать по возвращеніи въ Петербургъ, черезъ мѣсяцъ-другой; при этомъ онъ заявилъ ему, что въ своемъ письмѣ къ матушкѣ онъ предлагаетъ легкій способъ уплатить ему этотъ долгъ.

Письмо Лунковскаго, на нѣсколькихъ почтовыхъ листикахъ съ вытѣсненными иниціалами и дворянскою короною, было написано красивымъ почеркомъ. Несмотря на то, что оно пролежало у брата болѣе мѣсяца, оно сохраняло еще въ себѣ тонкій ароматъ духовъ. Его содержаніе мнѣ передала сестра, когда мы вечеромъ ложились съ нею спать, а если бы она этого и не сдѣлала, я бы все-таки узнала, что въ немъ заключалось: много-много разъ, какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни, обсуждали его при мнѣ, останавливаясь на каждой фразѣ, критикуя каждое слово. Къ тому же оба письма, брата и Лунковскаго, я нашла въ посмертныхъ бумагахъ моей матери.

Большая часть письма Лунковскаго состояла въ восторженныхъ похвалахъ по адресу Андрюши, который, по его словамъ, своими свѣтскими манерами, своимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ, находчивостью, любезностью, остроуміемъ, блестящею ловкостью и талантомъ вести прелестные petits jeux, своею граціею въ танцахъ, доходящей до виртуозности, не только затмилъ все провинціальное общество, собравшееся у него на именинахъ, но, конечно, обратитъ на себя всеобщее вниманіе и въ столицѣ. Что же касается дамъ и ихъ дочерей, онѣ всѣ оказались безъ ума отъ него. Лунковскій уже заранѣе поздравлялъ матушку съ успѣхами ея сына въ свѣтѣ и пророчилъ ему блестящую карьеру и блестящую партію. Что же касается главнаго, проигрыша брата, онъ только слегка упоминалъ о немъ, называя проигрышъ въ 600 рублей „маленькимъ несчастіемъ блестящаго молодого человѣка“. При этомъ онъ выражалъ увѣренность, что матушка ни на минуту не подумаетъ о немъ, что онъ, при своемъ глубочайшемъ уваженіи къ ней и ея покойному мужу, способенъ стѣснить ее такими пустяками: она совсѣмъ можетъ забыть объ этомъ ничтожномъ долгѣ и вспомнить о немъ только тогда, когда у нея будетъ лишнія деньги.

Но за подписью его имени и фамиліи, въ постъ-скриптумѣ, слѣдовала довольно длинная приписка такого рода: „Я еще не успѣлъ запечатать свое письмо, какъ ко мнѣ вошла моя жена и напомнила мнѣ, что наша гувернантка, обучавшая моихъ дочерей языкамъ, должна оставить нашъ домъ въ первыхъ числахъ сентября, а учительница музыки, взятая нами только на лѣто, уѣзжаетъ къ себѣ въ концѣ августа. Намъ бы хотѣлось взять особу, которая могла бы нести всѣ эти обязанности. Какъ были бы мы счастливы, съ какой материнской лаской и заботой отнеслась бы моя жена къ M-lle Alexandrine, если бы она рѣшилась взять на себя трудъ воспитательницы моихъ дочерей. M-lle Alexandrine можетъ выполнять у насъ и еще одну обязанность:

моя жена въ последніе годы все более страдаетъ глазами: она давно уже подумываетъ о томъ, чтобы иметь лектрису; но, будучи полькой, она более всего любитъ читать польскія книги, вследствіе этого ей трудно найти для себя подходящую особу. Въ виду того, что M-lle Alexandrine можетъ прекрасно выполнять все три обязанности, я предлагаю ей за столь разнообразные труды 100 рублей въ месяцъ и не считаю для себя эту плату слишкомъ высокою: учительнице языковъ я платилъ 50 руб., за музыку — 30 руб., а 20 руб. жена будетъ платить за чтеніе и за письма, которыя она будетъ у нея писать. Мы были бы вамъ безконечно признательны, если бы вы и ваша дочь могли принять наши кондиціи. Во всякомъ случае, я буду просить васъ дать ответъ въ последнихъ числахъ августа, а если вы согласитесь на наши условія, мы будемъ ждать вашу дочь въ первыхъ числахъ сентября".

Въ первое время по полученіи этихъ писемъ матушка отчаянно плакала и осыпала градомъ ругательствъ то Андрюшу, то Лунковскаго. Этотъ долгъ действительно былъ крайне обременительнымъ для нея. Хотя въ то время долги отца были уже уплачены, и хозяйство, сравнительно съ прежнимъ временемъ, шло прекрасно, но ничтожный доходъ, который получался съ него, не всегда давалъ возможность сводить концы съ концами. Какъ только матушке удавалось продать несколько пудовъ масла, двухъ-трехъ коровъ и телятъ, и получались оброки съ крестьянъ, она клала эти деньги въ особый конвертъ, который былъ весь исписанъ названіями предметовъ, необходимыхъ въ хозяйстве. Все собранныя деньги уходили на эти покупки, и ихъ еще не хватало. Откуда же было взять 600 руб. на уплату долга „этого негодяя", какъ въ это время называла матушка своего любимаго сына, который еще осмеливается писать ей, что онъ будетъ приходить на помощь семье. „Этого лоботряса, этого прохвоста" она более не пуститъ къ себе на глаза". И она, говоря о немъ, давала ему самые бранные эпитеты съ такимъ озлобленіемъ, точно желала сейчасъ, сію минуту вырвать изъ своего сердца несчастную любовь къ недостойному сыну. И матушка снова и снова поднимала вопросъ о томъ, какъ онъ смелъ играть „по большой". „Конечно,—разсуждала она,—трудно совсемъ не играть такому молокососу, когда старшіе усаживаютъ его за карточный столъ... Но я же играю „по маленькой", никогда не проигрываю более 20-30 коп., а онъ, изволите видеть, осмеливается сразу проиграть такой кушъ, съ легкимъ сердцемъ пускаетъ семью чуть не по міру".

— Что же делать, мамашечка, я съ сентября отправлюсь на место въ пансіонъ...

— Теперь ужъ какой пансіонъ! Твоя начальница более щедра на похвалы, чемъ на жалованье! Ну, что она тебе предложитъ? Самое большее какихъ нибудь 35 руб. въ месяцъ, да приватными уроками ты выколотишь, пожалуй, рублей 15... При такихъ

условіяхъ когда же мы изъ долга выпутаемся? А вѣдь изъ твоего же жалованья нужно будетъ откладывать и на предстоящую нашу петербургскую поѣздку! Что же дѣлать, Шурокъ? Хочешь не-хочешь, придется взять мѣсто у Лунковскаго...

Это поразило Сашу: она долго молчала, затѣмъ дрожащимъ голосомъ стала говорить о томъ, что по разговорамъ въ пансіонѣ и даже по всему тому, что она слышала отъ дочери Лунковскаго, она знаетъ, что у нихъ не заживаются гувернантки, а начальница пансіона сама намекала ей, что причиною этого является возмутительное поведеніе хозяина дома относительно молодыхъ дѣвушекъ.

Матушка при этомъ то плакала, то обнимала сестру, но въ концѣ концовъ стала говорить о мѣстѣ у Лунковскихъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, успокаивая сестру тѣмъ, что она всюду сумѣетъ себя поставить.

Когда мы ложились спать съ Сашею, я юркнула на ея постель, и она, прижимая меня къ себѣ, повторяла: „Несчастныя мы съ тобой созданья!.. Няня правду говорила, что нѣтъ тяжелѣе судьбы дѣвушки, которой приходится мыкаться по мѣстамъ!.. А тебѣ опять придется жить одной съ этимъ ужаснымъ Савельевымъ!.. И опять позабудешь ты все, чему научилась!..“

Саша была по натурѣ слишкомъ дѣятельною и не могла долго предаваться грусти: двѣ-три недѣли, которыя ей оставалось провести дома, она употребила на уроки со мной и настояла на томъ, чтобы ко мнѣ, за недѣлю до ея отъѣзда, былъ приглашенъ преподавателемъ священникъ, просила его начать занятія при ней, много разъ принималась упрашивать преданную ей Дуняшу никогда не оставлять меня одну, учить меня шитью и вязанью крючкомъ, а съ матушки взяла слово не будить меня по ночамъ для ученья и, хотя по два раза въ недѣлю, заниматься со мной французскимъ языкомъ.

Саша уѣхала, и я опять одиноко бродила по комнатамъ дома. Семейныя несчастія, тяжелыя впечатлѣнія дѣтства брали верхъ, постепенно вытравляя во мнѣ дѣтскую шаловливость и беззаботность, и рано прививали къ моему характеру, отъ природы веселому и живому, мрачные взгляды и грустныя мысли. Не привязанность къ родному гнѣзду питала я, а какой-то суевѣрный страхъ къ нему все болѣе овладѣвалъ моею душою, и я стала мечтать объ отъѣздѣ навсегда изъ подъ родительскаго крова. На этотъ разъ судьба благосклонно отнеслась къ моимъ мечтамъ: вскорѣ послѣ отъѣзда Саши получено было письмо отъ дяди, въ которомъ онъ извѣщалъ, что опредѣлить меня куда-нибудь теперь же немыслимо, но, немного погодя, онъ подастъ прошеніе, чтобы баллотировать меня для пріема въ институтъ; если же это не удастся, одно высокопоставленное лицо уже обѣщало ему устроить меня на свой счетъ въ одинъ изъ институтовъ.

Благодаря заботамъ Саши, я проводила время не совсѣмъ бездѣльно. Дни уроковъ не были строго опредѣлены: иногда священ-

никъ пріѣзжалъ два и три дня подъ рядъ, но все утро до обѣда я должна была сидѣть съ своей комнатѣ, учить уроки или заниматься съ учителемъ; остальное время, съ двухъ часовъ до самаго ужина, оказывалось у меня незанятымъ. Я уже была на положеніи взрослой дѣвочки. Дуняша сидѣла со мною и учила кое-какимъ рукодѣльямъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда она должна была шить, но большую часть времени она мыла бѣлье или гладила въ кухнѣ, расположенной отдѣльно отъ дома, а я, безъ всякаго дѣла, одиноко слонялась по комнатамъ или равнодушно перебирала свои жалкія игрушки, которыя не давали никакой работы ни для ума, ни для сердца, ни даже для рукъ. Савельевъ, проходя по комнатѣ, въ которой я копошилась, не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія; за нимъ, какъ его тѣнь, какъ вѣрная собака, слѣдовала Нюта, тоже не произнося ни единаго звука, но если ей удавалось безъ его окрика настолько замедлить свои шаги, что онъ безъ нея выходилъ на крыльцо, она быстро подбѣгала ко мнѣ и торопливо произносила что нибудь въ такомъ родѣ: „Что ты все сидишь безъ дѣла? Вотъ я скроила платье для твоей куклы“... и совала мнѣ лоскутокъ съ иголкой и нитками. Но шитье скоро надоѣдало мнѣ: я бросала работу и опять начинала слоняться отъ окна къ окну, отъ стола къ столу. Иногда отъ скуки я бросалась въ постель и начинала горько рыдать.

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ со времени отъѣзда Саши къ Лунковскимъ, а отъ нея не было никакихъ вѣстей. Но вотъ однажды ночью насъ разбудила Дуняша своимъ крикомъ: „Барышня пріѣхала“, а за нею показалась и сестра со словами: „Мамашенька! вѣдь я убѣжала!“...

Для такой молоденькой дѣвушки, какъ Саша, пребываніе въ домѣ Лунковскихъ было крайне опаснымъ испытаніемъ, рядомъ оскорбительныхъ, гнусныхъ преслѣдованій, а потому я заношу его, какъ и насильственный бракъ старшей сестры, въ синодикъ тяжкихъ прегрѣшеній моей матери: Андрюша и Саша достаточно предупредили ее о томъ, что за человѣкъ былъ Лунковскій; къ тому же она была болѣе или менѣе образованной женщиной и могла, кажется, понимать, такую элементарную мысль: аккуратно платить долги—обязанность каждаго, но для нея еще болѣе обязательно оберегать свою дочь, молодую дѣвушку, отъ грязи и пошлости. Но, конечно, и для этого ея поступка можно найти много смягчающихъ вину обстоятельствъ: внезапный долгъ брата сильно ухудшилъ наше матеріальное положеніе; къ тому же безустанная работа и забота матери о хозяйствѣ отнимали у нея все время, не давали ей возможности серьезно думать о чемъ бы то ни было, и она придавала все менѣе цѣны остальнымъ явленіямъ жизни. При этомъ на ея безапелляціонное рѣшеніе отправить Сашу, во что бы то ни стало, въ гувернантки къ Лунковскимъ вліяли и взгляды того суроваго времени, когда надъ дѣтьми господствовалъ такой же произволъ родительской власти, какъ надъ крѣпостными—помѣщичій.

Въ первое время Лунковскій держалъ себя съ сестрою вполнѣ корректно, что же касается его жены, польки по происхожденію, то она съ первой минуты чрезвычайно понравилась Сашѣ своимъ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ, хотя та встрѣтила ее не только сухо, но даже враждебно. Работы на Сашу навалили такъ много, что она совсѣмъ не имѣла свободнаго времени: съ тремя дѣвочками (старшая дочь воспитывалась въ пансіонѣ) она занималась порознь всѣми предметами и му́зыкой, такъ ка́къ онѣ были весьма различно подготовлены. Гуляли дѣвочки тоже отдѣльно каждая, со старою бонною нѣмкою, единственною особою, жившею долго въ домѣ: когда на прогулку шла одна изъ ученицъ, Саша занималась со слѣдующею. За занятіями дѣтей Марья Николаевна Лунковская слѣдила чрезвычайно внимательно: она или сама сидѣла на урокѣ, или каждая дѣвочка бѣжала къ ней послѣ занятій и пересказывала ей урокъ. Кромѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха послѣ завтрака и обѣда, занятія съ дѣтьми продолжались съ 10 утра до 7 ч. вечера, когда Саша обязана была немедленно итти къ m-me Лунковской — читать ей книги, писать письма подъ ея диктовку къ управляющимъ и даже родственникамъ или провѣрять ея разнообразные счета. Эти занятія носили другой характеръ лишь по воскресеньямъ и праздникамъ, когда сестра должна была везти въ церковь дѣтей, а затѣмъ безотлучно находиться при нихъ, гуляя съ ними, играя и разговаривая на иностранныхъ языкахъ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль жизни на новомъ мѣстѣ, m-me Лунковская просила Сашу отвѣтить ей, какъ могла она, дѣвушка столь образованная, согласиться поступить въ гувернантки въ ея домъ, при той дурной репутаціи, которою пользовался ея мужъ и въ пансіонѣ, въ которомъ она воспитывалась, и въ губерніи— среди окрестныхъ помѣщиковъ. Саша откровенно выяснила ей положеніе нашей семья, полное разореніе послѣ смерти отца, разсказала ей, какъ матушкѣ приходится трудиться, чтобы имѣть возможность существовать хотя очень скромно. Поощряемая вопросами, сестра вполнѣ искренно передала ей даже свои пансіонскія мечты о томъ, какъ она, окончивъ курсъ, прежде чѣмъ взять мѣсто гувернантки, сначала займется съ сестрой, чтобы подготовить ее ко вступленію въ институтъ, а затѣмъ, когда придется взять мѣсто, упросить матушку разрѣшить ей удерживать изъ своего жалованья хотя нѣсколько рублей въ мѣсяцъ, чтобы покупать младшей сестрѣ книги, картинки, порадовать ее иногда хорошенькой куклой: ея сестра, какъ она сообщала обо мнѣ, проводитъ свое дѣтство одиноко и печально, такъ какъ матушка почти не бываетъ дома. Но и этой мечтѣ не суждено было осуществиться: „братъ проигралъ такую огромную для насъ сумму, какъ 600 рублей, и мнѣ немедленно пришлось взять мѣсто именно у васъ только потому, что вашъ мужъ предложилъ 100 руб.—вознагражденіе, которое едва ли было возможно получить въ другой семьѣ. Все мое жалованье должно итти на уплату этого долга, и я не смѣю

даже просить матушку о томъ, чтобы оставлять хотя рубль изъ моего жалованья на покупку книгъ и игрушекъ сестрѣ".

Извѣстіе о выигрышѣ мужа не только поразило, но, по словамъ Саши, такъ скандализировало Марью Николаевну, что она долго не вѣрила сказанному, все повторяя: „Какъ же мужъ могъ играть по большой съ вашимъ братомъ? Вѣдь онъ юнецъ, мальчикъ, вѣроятно, совсѣмъ неопытенъ въ игрѣ?.. И они играли только одинъ вечеръ!"...

Послѣ этого разговора Марья Николаевна сказала сестрѣ, чтобы она не считала ее очень злою за ея суровый пріемъ, что съ ея стороны это было слѣдствіемъ недоразумѣнія, что теперь она употребитъ всѣ усилія удержать ее подольше въ своемъ домѣ: по ея словамъ, она никогда еще не имѣла такой талантливой и добросовѣстной учительницы, и съ величайшею радостью увеличитъ размѣръ жалованья, чтобы мечты моей сестры относительно покупки книгъ и игрушекъ младшей сестрѣ могли вполнѣ осуществиться. Но она не желаетъ скрывать—жить въ ея домѣ для молодой, честной дѣвушки очень тяжело: „Мой мужъ—неисправимый волокита... хотя вы русская, но такъ какъ по отцу вы—дѣвушка польской крови, то я вамъ откровенно скажу, что величайшее несчастье для польки влюбиться въ москаля: русскіе помѣщики—это совсѣмъ какіе-то варвары, люди безъ морали и честныхъ правилъ".

Съ этого времени отношеніе Марьи Николаевны къ сестрѣ совершенно измѣнилось: она стала къ ней не только внимательна, но и матерински нѣжна, часто бесѣдовала съ нею, просила ее, чтобы она немедленно откровенно говорила ей о томъ, какъ только ея мужъ начнетъ „приставать" къ ней, и чтобы она сама, при первомъ заигрываніи его, прямо заявила ему, что она обо всемъ разскажетъ его женѣ, совѣтовала ей гулять съ дѣтьми только въ саду и никуда не заходить далеко отъ дома.

Все это сестра выполняла въ точности, но какъ только Лунковскій сталъ приставать къ ней, его преслѣдованія дѣлались день ото дня все наглѣе и назойливѣе: онъ преслѣдовалъ ее не только въ саду подлѣ дома, но иногда и при собственныхъ дочеряхъ, а когда на минуту встрѣчалъ ее въ коридорѣ или въ классной, бросался схватить ее. Она пускалась отъ него въ бѣгство, и одну изъ такихъ сценъ однажды застала его супруга.

Въ тотъ день, когда Сашѣ пришлось бѣжать изъ дома Лунковскихъ, былъ какой-то праздникъ, и она утромъ поѣхала съ дѣтьми въ церковь. По дорогѣ имъ попался Лунковскій, который видимо поджидалъ ихъ. Онъ приказалъ кучеру остановиться, подалъ сестрѣ запечатанный конвертъ, якобы только что полученный отъ какой-то Сашиной родственницы для передачи ей, и началъ такъ держать себя съ нею, что она рѣшила выйти изъ экипажа. Онъ не допустилъ этого, и возвратился домой пѣшкомъ. Распечатавъ письмо, Саша нашла въ немъ признаніе въ любви и гнусныя предложенія. Простоявъ въ церкви очень недолго, она

забрала дѣтей и отправилась домой. Когда она вошла въ свою комнату, то замѣтила, что внутренній крючокъ ея двери былъ снятъ, а горничная безъ всякаго стѣсненія объяснила ей, что это означаетъ.

Обо всемъ случившемся сестра немедленно разсказала г-жѣ Лунковской, которая тотчасъ бросилась въ кабинетъ мужа. Только тутъ, говорила Саша, она вполнѣ поняла нежеланіе покойной няни, чтобы она „путалась по гувернанткамъ". Тяжелая, незаслуженная обида такъ возмутила, такъ потрясла ее, вызвала такую острую, сердечную боль, что она сама не своя, выскочила изъ дома, ни съ кѣмъ не простившись, только схвативъ шляпку и пальто. Но, подходя къ почтовой станціи,—въ двухъ верстахъ отъ помѣстья Лунковскихъ, она пришла въ себя и съ ужасомъ вспомнила, что съ нею нѣтъ ни денегъ, ни вещей. Но она рѣшила ни подъ какимъ видомъ не перешагнуть болѣе порога ихъ дома. Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія: у почтовой станціи стояла простая телѣжка, въ которую уже садилась женщина, знакомая нашей семьѣ и державшая лавочку въ нашей волости. Она съ величайшею готовностью взялась довести Сашу до дома.

Въ этихъ разговорахъ мы просидѣли втроемъ до утра. Когда матушка спохватилась, что ей давно пора ѣхать по дѣламъ, мы съ Сашею вошли въ нашу дѣтскую, бросились на одну кровать и въ ту же минуту крѣпко заснули въ объятіяхъ другъ друга.

Мы проснулись только передъ обѣдомъ и, когда вошли въ столовую, наши уже садились за столъ. На этотъ разъ, во время обѣда, то одинъ, то другой крестьянинъ являлись съ неотложнымъ дѣломъ: ихъ вводили въ столовую, и распоряженія матушки мѣшали Сашѣ отвѣчать на вопросы Нюты. Когда обѣдъ кончился, встали и молодые, чтобы по обыкновенію уйти къ себѣ, но Саша смѣло подошла къ Савельеву и просила его оставить сестру съ нами. Онъ, къ нашему удивленію, охотно согласился на это, говоря, что въ такомъ случаѣ пойдетъ къ „старикамъ", и ушелъ изъ дому, а матушка отправились спать.

Когда мы усѣлись въ столовой, и Саша снова стала передавать все, что съ ней случилось, Нюта съ горечью сказала: „Вотъ и твою чистую душу помоями облили! И всю то жизнь, Шурокъ, тебѣ придется по чужимъ людямъ маяться, съ утра до ночи въ работѣ—хуже простой крестьянки!.. А вѣдь подружки твои, вѣроятно, на балы выѣзжаютъ, катаются, веселятся, смѣются... Только мы плачемъ, да горе мыкаемъ".

Мы всѣ сидѣли спиной къ открытой двери и только тогда услыхали, что вошелъ Савельевъ, когда онъ прохрипѣлъ: „Не достаетъ только милой мамашечки, а то все сорочье гнѣздо было бы въ сборѣ!" Вдругъ Саша, какъ ужаленная, вскочила съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ нему и съ гнѣвомъ топая на него ногами, не замѣчая матери, которая только что вошла и стояла сзади Савельева, скрытая его высокой фигурой, начала выкрикивать во все горло: „Какъ вы смѣете въ нашемъ домѣ поносить нашу мать?

Васъ всѣ здѣсь ненавидятъ за то, что вы замучили мою сестру! Мнѣ стоитъ только пальцемъ шевельнуть, и всѣ наши крестьяне прибѣгутъ сюда, свяжутъ васъ и, если я захочу, бросятъ даже въ озеро!..“

Онъ, видимо, такъ былъ ошеломленъ этой выходкой, такъ испугался неожиданнаго крика сестры, что бормоталъ какіе-то несвязныя слова и стоялъ какъ школьникъ, растерявшійся и струсившій своего начальника.

— Какъ вы смѣете командовать въ нашемъ домѣ, гдѣ хозяйка одна—моя мать! Какъ вы смѣете запрещать вашей женѣ сидѣть съ ея родною матерью и сестрами! Нюта останется съ нами,— а вы прочь отсюда... прочь сію минуту!—И рѣзкимъ жестомъ она указала ему на дверь.

А онъ, весь съежившись, съ трясущимися челюстями, шатаясь, точно пьяный, побрелъ къ указанной двери.

Я забыла эту сцену и не могла себѣ представить, чтобы на такую рѣзкую выходку была способна наша разсудительная, со всѣми вѣжливая и необыкновенно кроткая Саша, но ея дневникъ помогъ мнѣ вспомнить эту сцену со всѣми подробностями. Когда мы остались одни, матушка стала расхваливать ее за то, что она дала отпоръ „наглому негодяю“. Жену „наглаго негодяя“ не смущалъ этотъ эпитетъ, который матушка повторяла каждую минуту. Всѣ были довольны, что, хотя на короткое время, отвоевали Нюту и, дружно болтая между собой, много разъ обсуждали только что случившееся, удивляясь тому, что Савельевъ могъ такъ испугаться Саши. Даже эта сцена, показавшая Савельева, какъ человѣка совсѣмъ ненормальнаго, который такъ струсилъ при смѣломъ натискѣ на него, никого изъ нашихъ ни навела на мысль, что передъ ними былъ психически больной субъектъ, даже, вѣроятно, въ острой фазѣ психическаго разстройства. Такимъ признавался въ то время только тотъ, кто выскакивалъ на улицу нагишемъ и ни съ того ни съ сего несъ какую нибудь околесицу, въ которой ничего не было, кромѣ набора словъ безъ всякаго смысла.

Только что матушка черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія Саши дала распоряженіе отправить человѣка за ея вещами, какъ насъ поразилъ своею неожиданностью пріѣздъ Маріи Николаевны Лунковской. Въ то время она не производила уже впечатлѣнія красивой женщины: это была особа лѣтъ подъ сорокъ, средняго роста; болѣе всего привлекали ея большіе, умные, печальные, сѣрые глаза, тембръ ея чуднаго голоса, который проникалъ въ самое сердце,—такъ много было въ немъ милой ласки и задушевности. Послѣ первыхъ привѣтствій, она спросила обо мнѣ; когда она наклонилась ко мнѣ, я стала крѣпко цѣловать ее и обнимать. „Да ты, кажется, сразу полюбила меня?—„Да... очень, очень“...

— Ну дѣтка, мое сердце чуяло, что ты меня полюбишь... Горничная! внеси-ка сюда корзину!.. Вотъ это все тебѣ!..—сказала она, когда Дуняша внесла большую корзину. Обращаясь къ моей

матери, она произнесла по-французски: „Пусть она займется игрушками,—при ребенкѣ неудобно говорить то, что я хочу вамъ сказать“... Я уже знала настолько французскій языкъ, что поняла эту фразу, и хотѣла возразить ей, что старшіе всегда все говорятъ при мнѣ, что я прекрасно понимаю то, что она хочетъ сказать, и рѣшила уже дать доказательство своего пониманія, крикнувъ: „Я вѣдь знаю, какъ вашъ мужъ все лѣзъ цѣловать Сашу“. Но въ эту минуту Саша повернула меня за плечи, повлекла въ дѣтскую и приказала Дунящѣ распаковывать корзину. Когда я увидѣла на столѣ огромной величины куклу. книги въ красивыхъ переплетахъ, конфекты, я пришла въ такое неистовство, такъ громко выкрикивала какія то слова, что старшіе вбѣжали въ мою комнату. Долго послѣ ихъ ухода я пересматривала щедрые дары, такъ неожиданно свалившіеся на мою голову, и вдругъ понеслась въ залу, бросилась къ Маріи Николаевнѣ и стала цѣловать ея руки.

Когда я ложилась спать, Саша сообщила мнѣ слѣдующее: съ января Марія Николаевна отдаетъ двухъ своихъ дочерей въ пансіонъ, въ которомъ моя сестра только что окончила свое образованіе, и гдѣ воспитывалась ея старшая дочь. Она просила Сашу, если та поступитъ туда въ качествѣ учительницы, наблюдать за ея тремя дочерьми, все сообщать ей о нихъ, давать имъ уроки музыки, объяснять имъ то, что ихъ будетъ затруднять въ ученіи, и въ вознагражденіе за это она предлагала ей 25 рублей въ мѣсяцъ. Саша написала въ пансіонъ о своемъ желаніи поступить въ него учительницею.

Начальница пансіона не замедлила отвѣтомъ: она просила Сашу пріѣхать въ январѣ. Кромѣ уроковъ по нѣсколькимъ предметамъ, сестра по вечерамъ должна была еще нести какія то обязанности по веденію пансіона,—и за все это ей было назначено 35 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, съ деньгами Лунковской, она могла имѣть 60 рублей.—Лунковская, конечно, очень милая особа,—говорила матушка,—но какъ же она не понимаетъ, что мужъ ея поступилъ подло, засадивъ мальчишку за карты и въ одинъ вечеръ обыгравъ его на 600 рублей! А если она этимъ искренно возмущается и вполнѣ сознаетъ всю гадость его поведенія, она должна была бы заставить своего супруга похерить этотъ долгъ или изъ своихъ денегъ уплатить его ему... Нѣтъ, ужъ всѣ эти богачи по одной колодкѣ скроены!...

Да, моя мать тонко понимала весьма многія этическія требованія и очень часто даже дѣйствовала сообразно съ ними,—не даромъ же она въ концѣ концовъ пріобрѣла глубочайшее уваженіе въ своей мѣстности. Но чрезвычайно многое относительно ея обязанностей къ дѣтямъ было ей совсѣмъ непонятно: въ этой сферѣ всѣ принципы ея покоились, если не на началахъ Домостроя (они должны были сильно пошатнуться при 20-тилѣтнемъ сожительствѣ съ такимъ образованнымъ человѣкомъ, какимъ былъ мой отецъ), то во всякомъ случаѣ на прочномъ фундаментѣ

безчеловѣчнаго произвола и деспотизма родительской власти крѣпостнической эпохи, а также и какого-то до комизма наивнаго простодушія. Ей и въ голову не приходило въ то время, что Саша совсѣмъ не виновата въ легкомысліи своего брата, что не только несправедливо, но даже возмутительно безчеловѣчно губить за его грѣхи родную дочь — дѣвушку-ребенка. Дѣти обязаны помогать родителямъ,—это, конечно, прописная истина, но со стороны матери было слишкомъ жестоко въ такой степени пользоваться трудомъ своей дочери, въ какой она позволяла это себѣ дѣлать для улучшенія хозяйства, наваливая на плечи молоденькой дѣвушки массу труда, не оставляя ей ни времени для чтенія, что она такъ страстно любила, ни гроша денегъ изъ ея жалованья на ея собственныя удовольствія и на удовлетвореніе ея желаній.

Вотъ потому-то, что я знаю множество тяжкихъ прегрѣшеній за лучшими и образованнѣйшими людьми того времени, во мнѣ возбуждаютъ такое негодованіе писатели, которые въ своихъ произведеніяхъ, выставляя хорошихъ людей дореформенной эпохи, упорно подчеркиваютъ мысль, что вотъ де и въ тѣ суровыя крѣпостническія времена было не мало честныхъ, гуманныхъ натуръ и прекрасныхъ личностей. Но развѣ кто-нибудь когда-нибудь оспаривалъ это? Дѣло въ томъ, что ядъ и смрадъ крѣпостничества проникали въ нравы, обычаи, во всѣ сферы дѣятельности и мысли даже этихъ прекрасныхъ людей, и они не могли додуматься часто до самыхъ элементарныхъ идей справедливости и зачастую совершали поступки, которыхъ теперь не позволитъ себѣ человѣкъ, неотличающійся даже особенно чуткою нравственностью.

Днемъ отъѣзда Саши въ пансіонъ (на этотъ разъ она прожила дома ноябрь и декабрь) было назначено воскресенье—въ первыхъ числахъ января. Саша уѣхала рано утромъ, а мы съ матушкой черезъ нѣсколько часовъ отправились къ Воиновымъ. Вошло, наконецъ, въ обычай, что тяжелые для меня дни я должна была проводить въ этомъ семействѣ. Дуняшѣ, послѣ того, какъ она подастъ обѣдъ „молодымъ господамъ“, дозволено было отправиться въ гости. Поэтому она еще при насъ передала Нютѣ ключи отъ чулана на случай, если безъ нея что-нибудь понадобится „стряпухѣ“. Такимъ образомъ „супруги“ оставались въ этотъ день въ домѣ совершенно одни.

Чтобы лучше выяснить маленькое происшествіе, случившееся въ этотъ день и имѣвшее весьма печальныя послѣдствія, я должна упомянуть о томъ, что обѣ выходныя двери нашего дома запирались на запоръ только на ночь, да и то далеко не всегда. Часть передней (съ параднаго крыльца) была отдѣлена довольно высокой перегородкой, не доходившей до потолка и представляла чуланъ. Внутри его прикрѣплены были полки для горшковъ, бутылокъ съ водкой, наливками и настойками; тутъ же хранилось кое-что и изъ сухой провизіи. Въ этой передней, у стѣны

съ окномъ, стоялъ длинный, деревянный сундукъ, называемый ларемъ и плотно упиравшійся однимъ своимъ концомъ въ чуланъ.

Когда на этотъ разъ мы возвращались домой и подъѣзжали къ крыльцу нашего дома, насъ встрѣтила Дуняша, сама только что возвратившаяся изъ гостей и не успѣвшая еще раздѣться, за что матушка стала порядочно распекать ее, боясь, что ея позднее возвращеніе задержитъ насъ съ ужиномъ. Мы вошли въ переднюю, а горничная начала освобождать насъ отъ верхней одежды и стряхивать съ нея снѣгъ. Вдругъ мы тутъ же, подлѣ себя, услыхали не то шумъ, не то какую-то возню, и всѣ трое сразу замолчали, остановились и стали прислушиваться: „А вѣдь это дворняжка забралась въ чуланъ!“ рѣшила Дуняша. Но матушкѣ это казалось невозможнымъ: собака должна была бы для этого прыгнуть болѣе высоко, чѣмъ она могла. И дѣйствительно отъ ларя до верхняго края перегородки было аршина два высоты. Дуняша побѣжала за ключами къ Нютѣ, которая явилась на мѣсто происшествія, а слѣдомъ за нею шелъ ея супругъ. Отмыкая замокъ чулана, Нюта говорила, что сейчасъ послѣ ухода Дуняши ей пришлось что-то выдать кухаркѣ, но въ чуланѣ въ то время все было въ порядкѣ. Каково же было наше изумленіе, когда его открыли: верхняя полка лежала на полу, а вмѣстѣ съ нею все, что на ней стояло: банки, стклянки, горшки, бутылки,—все валялось разбитое вдребезги. Тутъ же на полу, среди разбитыхъ черепковъ и стекла, стояли лужи пролитой жидкости и лежалъ Филька (парень, участвовавшій въ домашней кражѣ, описанной выше) въ глубокомъ снѣ или опьяненіи, съ исцарапанными до крови лицомъ и руками, съ кровавыми пятнами на одеждѣ. На него кричали, топали ногами, дергали со всѣхъ сторонъ, но онъ не вставалъ, даже не просыпался, а только что-то мычалъ. Тогда отправлена была Дуняша позвать мужиковъ. Въ это время остальные высказывали различныя предположенія о томъ, какимъ образомъ Филька могъ вскочить въ чуланъ. Нюта указала на валявшійся табуретъ, говоря, что онъ, вѣроятно, поставилъ его на ларь и съ него уже вскочилъ туда. Только что она успѣла это произнести, какъ ея супругъ подошелъ къ ней вплотную и остановилъ на ней свои бѣгавшіе во всѣ стороны зрачки,—его взглядъ пылалъ въ эту минуту невыразимою злобою. „Онъ не могъ прыгнуть съ такой высоты! Понимаете?... Не могъ! Это, конечно, кто-нибудь другой, а скорѣе всего *другая* (послѣднее слово онъ подчеркнулъ съ особенною ядовитостью) помогла ему въ этомъ, а еще проще—впустила его въ чуланъ и заперла, чтобы онъ наслаждался!“—кричалъ онъ во все горло, задыхаясь отъ бѣшенства.

Никто еще не успѣлъ возразить ему, какъ въ переднюю ввалилось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, во главѣ со старостой, который заявилъ, что Филька сегодня уже изъ церкви возвратился пьянымъ и все шлялся около парадняго крыльца. Крестьяне принялись вытаскивать пьянаго, а матушка гнѣвно приказывала

старостѣ втолковать „мерзавцу“, что онъ будетъ такъ наказанъ, какъ до сихъ поръ еще никто не былъ наказанъ изъ ея крѣпостныхъ: она рѣшила отправить его при первой возможности въ воинское присутствіе и получить за него рекрутскую квитанцію.

Во время этой кутерьмы никто и не замѣтилъ, какъ изъ передней вышли „супруги“. Когда мы, гораздо позже обыкновеннаго, сѣли за столъ, Нюта прислала сказать, что она уже легла и не хочетъ ѣсть, а Ѳеофанъ Павловичъ приказалъ принести ужинъ въ свой кабинетъ.

Вдругъ далеко за полночь, когда мы уже спали, раздался выстрѣлъ, а за нимъ послѣдовалъ пронзительный, нечеловѣческій крикъ. Мы вскочили съ постелей, ничего не понимая, матушка зажигала свѣчку, которая не загоралась, но въ ту же минуту въ нашу комнату вбѣжала Дуняша съ зажженной свѣчкой въ рукахъ; обѣ онѣ бросились въ залу, куда и я, конечно, послѣдовала за ними. Когда дверь была открыта, комната оказалась совершенно темной. При свѣтѣ нашей свѣчи мы различили Нюту, лежавшую на полу мертвою или безъ чувствъ, которую силился поднять ея мужъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ валялся пистолетъ.

— Убійца! Палачъ!—кричала матушка въ изступленіи, ринувшись на него съ поднятыми кулаками. Онъ бросился бѣжать въ другую комнату, а матушка съ Дуняшею подняли сестру, не подававшую признаковъ жизни, понесли ее въ нашу спальню и положили на кровать.

Трудно описать, въ какое ужасное отчаяніе пришла матушка: она бросалась на колѣни передъ дочерью, рыдала, ломала руки, называла то себя, то „его“ убійцей, давала сестрѣ самые ласковые и нѣжные эпитеты, клялась отомстить за нее и сгноить „его“ въ тюрьмѣ, заставляла ее нюхать спиртъ, мочила ей голову,— но ничто не помогало. Сестра не шевелилась, и руки ея, какъ плети, свѣшивались съ кровати. Были призваны на помощь всѣ бабы, спавшія въ кухнѣ; онѣ суетились, давали совѣты, жгли на свѣчѣ полотняныя тряпки, подносили ихъ къ носу сестры, совали ей пальцы въ ротъ, щекотали подъ мышками, приподнимали ей то голову, то ноги, но все было тщетно. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, сестра пошевелилась и открыла глаза.

Матушка проявила такую же бурную радость, какъ прежде отчаяніе. Когда Нюта произнесла нѣсколько словъ, матушка приказала всѣмъ удалиться, кромѣ горничной. Одна изъ бабъ, уходя, громко сказала: „А нашъ-то супостатъ шляется себѣ по двору, и горюшка мало!“ Дуняша отправлена была въ спальню Нюты принести ея чистое бѣлье и, возвратившись, подтвердила, что „барина“ нѣтъ въ комнатахъ.

Когда сестру переодѣвали, Дуняша указала на синяки и кровоподтеки на ея тѣлѣ. Матушка снова пришла въ отчаяніе и стала допрашивать Нюту, что это означаетъ, но та молчала.

Когда ее уложили въ постель, ее стала бить лихорадка, и горничная отправилась ставить самоваръ.

Матушка сидѣла у кровати больной, а я—за маленькимъ столомъ, подлѣ окна. Вдругъ ставня, закрывавшая окно со двора, со скрипомъ открылась, и въ немъ показалась страшная физіономія Савельева, съ бѣгающими зрачками, безъ шапки, съ всклокоченными волосами и бородой, запорошенными снѣгомъ. Я вскрикнула и отскочила отъ стола. Охваченная смертельнымъ ужасомъ, захлебываясь слезами, я пронзительно кричала на весь домъ, что въ окнѣ стоялъ мертвецъ, точь-въ-точь, какъ Ѳеофанъ Павловичъ. Матушка тоже въ ужасѣ подбѣжала къ окну, и чуть забрезжившійся свѣтъ черезъ открытую ставню обрисовалъ фигуру Савельева, когда тотъ соскакивалъ съ заваленки, запорошенной снѣгомъ.

Матушка бросилась на колѣни передъ образомъ и въ какомъ-то изступленіи выкрикивала: „О Господи, она совсѣмъ еще дитя!... За что караешь ее? Убей его, кровопійцу! Порази меня! Я, я одна виновата во всемъ!“ Затѣмъ она сѣла у кровати больной и, рыдая, покрывала поцѣлуями руки сестры. Я прижалась къ матери, но, утомленная безсонницею и всѣми перипетіями предыдущаго дня и ночи, бросилась на постель, но не могла уснуть.

Когда напоили чаемъ сестру, матушка стала заклинать ее всѣмъ святымъ, умоляя разсказать, что означаетъ ея обморокъ, этотъ выстрѣлъ и всѣ эти кровоподтеки на ея тѣлѣ, а также „его“ выходка у чулана, наконецъ его странное заглядыванье въ наше окно. То, что передала сестра, было сказано ею съ такимъ страданіемъ, точно каждое слово ей приходилось вытягивать изъ себя клещами. Все это можно формулировать такъ: мужъ ревнуетъ ее съ самаго момента ея замужества и съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Онъ ревнуетъ ее къ каждому крестьянину, который переступаетъ порогъ нашего дома, къ каждому парню, проходящему мимо оконъ, а уже тѣмъ болѣе къ помѣщикамъ, посѣщающимъ нашъ домъ; ревнуетъ ее, несмотря на то, что она, въ буквальномъ смыслѣ слова, не отходитъ отъ него, а когда она на нѣсколько минутъ забѣгаетъ къ кому нибудь изъ насъ, то онъ стоитъ у открытой двери до тѣхъ поръ, пока она не возвращается. Каждое ея движеніе, каждое слово возбуждаетъ его подозрѣніе: она складываетъ выкройку для платья куклы, сдѣланную ею для меня, онъ немедленно перерываетъ весь свертокъ и грозно допрашиваетъ, гдѣ записка, которую она будто бы только-что сунула. На ея вопросъ, о какой запискѣ онъ говоритъ, онъ отвѣчаетъ: „нечего притворяться! сама знаешь!“ Въ каждомъ ея поклонѣ, даже съ встрѣчной бабой, онъ видитъ какой-то тайный уговоръ, грязный умыселъ съ ея стороны. Что же касается сегодняшняго инцидента съ Филькою, то онъ прямо заявляетъ ей, что она находится въ любовной связи съ этимъ парнемъ. При этомъ Нюта высказала мысль, что если онъ сейчасъ осмѣлился открыть ставню даже въ комнатѣ матушки, это озна-

чаетъ, что онъ подозрѣваетъ ее въ сводничествѣ и расчитывалъ застать Фильку въ этой комнатѣ.

Сестра еще раньше намекала на то, что мужъ тиранитъ ее и безстыдно издѣвается надъ нею.. Когда она опять упомянула объ этомъ, матушка умоляла ее объяснить ей, что это означаетъ, но она отвѣчала, что не можетъ этого сказать, такъ какъ у нея не поворачивается языкъ. Тоже было, по ея словамъ, и сегодня ночью, но ей удалось какъ-то увернуться отъ него, и она убѣжала въ залу; онъ тотчасъ послѣдовалъ за нею и выстрѣлилъ въ нее, но промахнулся, вѣроятно, вслѣдствіе темноты. Многое множество его злобныхъ намековъ и дикихъ выходокъ сестра совсѣмъ не понимала прежде и начала понимать только въ самое послѣднее время, но не мало такого, чего она не понимаетъ еще и теперь...

Хотя матушка то и дѣло съ ужасомъ повторяла: „Да вѣдь онъ сумасшедшій!“ но ей и въ голову не приходило, что онъ дѣйствительно былъ таковымъ, и она тутъ же разражалась неистовымъ гнѣвомъ на то, что онъ смѣетъ подозрѣвать въ гнусностяхъ даже ее, честную женщину, почтенную мать семейства!

Когда на другой день я проснулась уже въ полдень, въ моей комнатѣ никого не было. Я отправилась къ Дуняшѣ, гдѣ узнала, что „его“ нѣтъ дома, а матушка никуда не уѣзжала, такъ какъ Нюта сильно расхворалась.

Вечеромъ, когда я сидѣла въ своей комнатѣ, вдругъ раздались такіе нечеловѣческіе вопли и крики, что я бросилась въ людскую. Тамъ уже толпилось нѣсколько бабъ для экстренной помощи и для побѣгушекъ, которыя съ полною готовностью пояснили мнѣ все, что для меня было еще темно и непонятно въ болѣзни сестры: ждутъ выкидыша, „а можетъ еще и живенькій родится,—вѣдь, почитай, уже больше 6 мѣсяцевъ... „Поганецъ“ должно дюже ее заморилъ!.. Повитуху привезли, она уже орудуетъ. Коли ничто не возьметъ, прикажутъ попу царскія ворота въ церкви открыть“.

Стоны, вопли и раздирающіе душу крики отъ времени до времени продолжали оглашать домъ, то нѣсколько стихая, то возобновляясь съ новой силой. Вдругъ я увидѣла Савельева, входящаго въ парадную дверь, и понеслась доложить объ этомъ матушкѣ. Когда на мой стукъ въ дверь спальни сестры ко мнѣ выбѣжала матушка, она не могла взять въ толкъ, что я сообщаю ей. Наконецъ, она быстро направилась впередъ и, будучи, вѣроятно, еще подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ночныхъ ужасовъ и тяжкихъ страданій дочери, сразу стала кричать на Савельева. Я вошла за нею, но она со всей силы толкнула меня къ двери. Это было ново для меня: къ сожалѣнію, въ дѣтствѣ отъ меня ничего не было скрыто,—я знала всѣ домашнія тайны, у меня къ нимъ развились не только интересъ, но и болѣзненная любознательность. При отсутствіи книгъ и подходящихъ занятій, при открытомъ обсужденіи домашними семейныхъ дѣлъ, это было вполнѣ естественно. Разсердившись на матушку за то, что она

такъ грубо устраняетъ меня отъ интересныхъ для меня переговоровъ, я съ сердцемъ захлопнула за собою дверь, но не отходила отъ нея. Матушка запальчиво и рѣзко перечисляла всѣ вины зятя и выкрикивала даже то, о чемъ Нюта просила ее не проговориться ему. Она опять называла его палачемъ, кровопійцей, убійцей, проклинала за его „гнусную ревность“, грозила, что за его выстрѣлъ, вызвавшій преждевременныя роды дочери, засадитъ его на цѣпь, сгноитъ въ тюрьмѣ, подастъ на него жалобу предводителю дворянства и т. п. и т. п. Савельевъ не только не оправдывался, но не проронилъ ни одного звука,—вѣроятнѣе всего онъ не слушалъ обвиненій: все время расхаживая по комнатѣ, онъ вдругъ открылъ дверь, у которой я стояла, такъ что мнѣ невольно пришлось отскочить. Кстати замѣчу, хотя на этотъ разъ Савельевъ довольно равнодушно прослушалъ весь синодикъ своихъ прегрѣшеній, но иногда, когда матушка внезапно наскакивала на него и, въ упоръ глядя на него, начинала крикливо бранить его, онъ сильно пугался. Но, какъ бы то ни было, это нисколько не мѣшало ему снова и снова приниматься за свои „прокуратства“, какъ у насъ окрестили всѣ его выходки. При этомъ Нютѣ жилось все хуже и хуже, вѣроятно потому, что его психическое разстройство постепенно принимало все болѣе тяжелую форму.

После продолжительныхъ мукъ сестра разрѣшилась отъ бремени мертворожденнымъ; но и черезъ недѣли двѣ послѣ этого она не могла приподнять головы и лежала, какъ пластъ, безъ кровинки въ лицѣ, худая, какъ скелетъ. Савельевъ ни разу не навѣстилъ ее во время болѣзни и очень возможно, что забылъ о ея существованіи. Я думаю такъ потому, что въ послѣдній разъ, когда онъ былъ у насъ, онъ слышалъ вопли, крики и стоны своей жены, слѣдовательно прекрасно зналъ о ея болѣзни, а между тѣмъ все это время оставался у своихъ родителей. Трудно было бы придумать болѣе очевидное доказательство его сумасшествія. Но и это не просвѣтило окружающихъ на счетъ истиннаго его положенія. Когда Воинова пріѣхала провѣдать сестру и пришла въ совершенное изумленіе, что мужъ не посѣщаетъ ея, матушка объясняла ей это его чудачествомъ, сумасбродствомъ, дикостью и еще тѣмъ, что онъ въ это время похоронилъ своего отца, но вѣдь нашъ домъ находился меньше, чѣмъ въ верстѣ отъ жилища его родителей, а онъ нерѣдко предпринималъ прогулки за 10 верстъ и болѣе.

Когда, наконецъ, Савельевъ пришелъ къ намъ, мы сидѣли около больной: войдя въ комнату, онъ подалъ руку каждой изъ насъ, взялъ ружье изъ своего кабинета и, не раскрывая рта, въ ту же минуту ушелъ со двора. Затѣмъ, снова переселившись къ намъ, онъ началъ почти ежедневно посѣщать собственный домъ, чтобы привести въ порядокъ свое миніатюрное хозяйство. Какъ онъ устраивалъ свои дѣла, никто его объ этомъ не спрашивалъ,—мы слыхали, что онъ сдалъ все хозяйство въ аренду

одному мѣщанину за нѣсколько десятковъ рублей въ годъ. Получивъ отъ распродажи имущества своего отца около сотни рублей и арендную плату за годъ впередъ, онъ сравнительно съ прежнимъ разбогатѣлъ, такъ какъ до тѣхъ поръ не имѣлъ буквально ни гроша.

Наступила весна. Кашель Ѳеофана Павловича, начавшійся еще гораздо раньше, сдѣлался хроническимъ. Когда наступалъ пароксизмъ кашля, онъ по всѣмъ комнатамъ раздавался, какъ удары молота по наковальнѣ, которые все учащались. Изъ горла его вылетали свисты и хрипы, онъ захлебывался, и минутами казалось, что вотъ-вотъ онъ задохнется. Послѣ этого Савельевъ совсѣмъ выбивался изъ силъ и сидѣлъ весь потный, обезсилившій, съ зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ, и этотъ убійственный кашель нѣсколько стихалъ только послѣ кровохарканья.

— Терпѣть не могу притворяться,—говорила матушка Нютѣ.— У него вѣдь настоящая чахотка! Не протянетъ долго... Поскорѣе бы только...

Но кровохарканье прекращалось, и Савельеву становилось легче: въ сопровожденіи жены онъ опять предпринималъ дальніе прогулки,—какъ и прежде, ни на шагъ не отпуская ее отъ себя.

Вдругъ онъ началъ выказывать вниманіе ко мнѣ. Онъ, который вообще почти не разговаривалъ съ домашними, заходилъ теперь въ мою комнату или присаживался ко мнѣ на крыльцо, разсматривалъ мои игрушки, разспрашивалъ меня о томъ, давно ли я получала письма отъ Саши, иногда заставлялъ прочитать по-французски, правда, лишь въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ: для настоящихъ уроковъ у него, вѣроятно, уже совсѣмъ не хватало терпѣнія. Однажды онъ возвратился изъ лавки (верстахъ въ трехъ отъ насъ) съ объемистымъ пакетомъ и, указывая мнѣ на него, сказалъ, что все это гостинцы и что мы съ нимъ начнемъ сейчасъ же уничтожать ихъ. Съ тѣхъ поръ онъ частенько приносилъ мнѣ то горсть пряниковъ, то черныхъ стручковъ, то паточныхъ леденцовъ.

Несмотря на свою рѣдкую дѣловитость и здравый смыслъ, матушка отличалась необыкновенною довѣрчивостью, и не только къ тѣмъ, кого она уважала и цѣнила, но и къ людямъ весьма сомнительной нравственности. Эта простодушно-дѣтская довѣрчивость, доходящая до наивности, была основною чертою ея характера, чѣмъ нерѣдко злоупотребляли многіе изъ окружающихъ. Откровенная, прямая даже до грубости, безукоризненно честная относительно всѣхъ, съ кѣмъ сталкивала ее судьба, матушка брезгливо относилась ко всякой лжи, обману, подвохамъ и подхалимству, и до гробовой доски осталась довѣрчивой, какъ ребенокъ. Когда человѣку, обманувшему ее впервые, нужно было снова вызвать къ себѣ ея довѣріе, онъ разсказывалъ ей какую-нибудь небылицу о томъ, почему онъ не корректно поступилъ съ нею въ первый разъ, и при этомъ, чтобы увѣрить въ правдивости своихъ словъ и обѣщаній, клялся своею женою, дѣтьми,

всѣмъ для него святымъ, снималъ образъ,—и опять обманывалъ. Уже будучи взрослыми, мы, ея дѣти, часто подсмѣивались надъ этой чертой ея характера. Но въ этомъ отношеніи она была неисправима. Это свойство не только было присуще ея натурѣ, но, какъ мнѣ кажется, отчасти зависѣло и отъ ея суевѣрнаго страха предъ грозною силою рока. Она обыкновенно оправдывалась передъ нами тѣмъ, что на этотъ разъ она должна была повѣрить такимъ клятвамъ: „не можетъ же человѣкъ быть совсѣмъ безъ совѣсти, не можетъ же онъ не бояться накликать на себя бѣду“...

Понятно, что матушка, не имѣя ни малѣйшаго представленія о психическомъ разстройствѣ Савельева, а слѣдовательно не предполагая съ его стороны и хитрости, столь присущей больнымъ такого рода, не могла допустить какого бы то ни было злого умысла со стороны своего зятя по отношенію ко мнѣ, еще ребенку, который не сдѣлалъ ему ничего дурного. Когда я сообщила матушкѣ о вниманіи ко мнѣ Ѳеофана Павловича, она искренно обрадовалась этому и сейчасъ же пожелала утилизировать его вниманіе на пользу моего образованія. „Скажи ему, зачѣмъ онъ тратится на гостинцы... Лучше проси его заставлять тебя болтать по-французски, да почитать“.

Но Нюта совершенно иначе относилась къ этой перемѣнѣ: когда она въ отсутствіе матушки забѣгала ко мнѣ зачѣмъ нибудь, она торопливо спрашивала, о чемъ онъ со мной только что говорилъ, и при этомъ прибавляла: „А ты все-таки старайся каждый разъ улизнуть отъ него! Ни за что не повѣрю, что онъ спроста къ тебѣ подъѣзжаетъ“! Но я недоумѣвала, зачѣмъ мнѣ бѣгать отъ него: окружающіе, какъ и я сама, считали меня взрослою дѣвочкой, и мнѣ казалось просто смѣшнымъ выказывать ему страхъ, избѣгать его. Свои соображенія и предостереженія сестры я представила на судъ матушки, и она полнѣ раздѣляла мой взглядъ на этотъ вопросъ. „Ѳеофанъ Павловичъ,—говорила она,—желаетъ показать, что онъ не разговариваетъ со мной потому, что мы съ нимъ крупно поговорили... У насъ съ нимъ свои счеты“ (меня всегда страшно смѣшило, когда матушка разговаривала со мной о чемъ-нибудь домашнемъ такъ, точно я ничего не видѣла, не слышала и не понимала), „а ты съ нимъ всегда была вѣжлива, вотъ онъ и хорошъ съ тобой“. Мнѣ это показалось вполнѣ убѣдительнымъ, и я даже сама стала бѣгать къ нему, когда меня одолѣвала скука. Но я не переставала удивляться одному: какъ только кто-нибудь проходилъ мимо оконъ нашихъ, около которыхъ мы съ нимъ сиживали, онъ всегда спрашивалъ меня, какъ зовутъ проходившихъ, изъ какой они деревни, наши ли это крѣпостные или чужіе, а затѣмъ тотчасъ же выходилъ изъ дому и становился на такое мѣсто, съ котораго онъ могъ легко прослѣдить, куда они направились. Заставая меня одиноко сидящею, онъ интересовался узнать, почему я не съ Дуняшею: я отвѣчала ему, что я уже большая и вовсе не желаю, чтобы со мною постоянно торчала горничная, развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда она должна учить

меня шить. Да и мамаша не позволяетъ отрывать ее, когда она гладитъ или стираетъ бѣлье въ кухнѣ. Онъ внимательно допрашивалъ, въ какіе дни это бываетъ и, видимо, провѣрялъ себя, твердо ли ихъ запомнилъ: „А гдѣ же Дуняша? Ее что-то не видно въ дѣвичьей! Ахъ, да... вѣдь сегодня понедѣльникъ,—значитъ она стираетъ въ кухнѣ! Правда?“ Причину подобныхъ справокъ и маневровъ я поняла позже, а въ ту пору я не придавала имъ никакого значенія. Тѣмъ не менѣе я очень скоро убѣдилась въ томъ, что болѣе всѣхъ его интересуетъ Филька. Послѣ того, какъ его, пьянаго, вытащили изъ кладовой, онъ долго и сильно хворалъ: одни объясняли это тѣмъ, что онъ съ водкой проглотилъ осколокъ стекла отъ разбитой посуды, другіе утверждали, что это приключилось съ нимъ отъ страха передъ барыней. Хотя матушка и пригрозила забрить ему лобъ, но пока не выполняла своей угрозы: когда онъ поправился, наступило лѣто, и ей жалко было лишиться человѣка въ горячую лѣтнюю пору; она рѣшила отправить его въ воинское присутствіе осенью.

Когда крестьяне возвращались лѣтомъ съ полевыхъ работъ обѣдать и отдыхать, Ѳеофанъ Павловичъ сталъ посылать меня посмотрѣть, что дѣлаетъ Филька; при этомъ онъ предупреждалъ, чтобы я о парнѣ ни у кого не разспрашивала, а старалась бы узнавать все сама. Хотя мужъ моей сестры и сдалъ свое имѣніе въ аренду, но продолжалъ часто уходить туда, вѣроятно, съ цѣлью узнать, что подѣлываютъ въ его отсутствіе Филька и Нюта. Если я была одна въ то время, когда онъ возвращался, онъ сейчасъ же спрашивалъ меня о нихъ. Мои донесенія были крайне однообразны: Нюта безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ или на минуту забѣгала ко мнѣ, а Филька послѣ обѣда спалъ на сѣновалѣ. Но когда я однажды кончила свой обычный докладъ, онъ запальчиво закричалъ: „Какъ ты смѣешь лгать?“, дернулъ меня за руку и толкнулъ къ окну, выходившему во дворъ, гдѣ я увидала Фильку, запрягавшаго лошадь. Въ то же самое время Нюта выходила съ кухаркой изъ нежилой избы (въ которой хранился разный хламъ), крыльцо которой расположено было въ томъ же дворѣ. Я оправдывалась тѣмъ, что сестра и Филька, вѣроятно, только что вошли во дворъ, что не могу же я вѣчно бѣгать на сѣновалъ смотрѣть за Филькой.

Какъ только я произнесла эти слова, онъ какъ клещами впился въ мои плечи, повернулъ меня къ себѣ и, остановивъ на минуту свои бѣгающіе зрачки, сталъ смотрѣть на меня въ упоръ такимъ взбѣшенымъ звѣремъ, что меня начало всю трясти, а онъ, съ разстановкой и повелительно, точно стараясь внѣдрить въ мой мозгъ каждое сказанное имъ слово, излагалъ программу, которой я должна была держаться въ его отсутствіе. По его словамъ, я обязана была въ такихъ случаяхъ бросать всѣ свои забавы и зорко наблюдать „за ними“ (я прекрасно понимала, кого онъ подразумѣвалъ подъ этимъ), должна знать, кто приходилъ безъ него къ моей сестрѣ, что они говорили между собою, куда она отлу-

чалась безъ него, однимъ словомъ, дѣлать ему формальные доносы. За утайку чего бы то ни было, за ложь, а также и за то, если я передамъ сказанное имъ кому бы то ни было, онъ грозилъ пороть меня до крови.

Я была ошеломлена его выходкой, грубымъ дерганьемъ меня и толчками и еще стояла тамъ, гдѣ онъ меня оставилъ, когда онъ вышелъ и тотчасъ же возвратился въ мою комнату со сверткомъ. „Ѣшь гостинцы, но помни, что я тебѣ приказалъ“,—добавилъ онъ, бросивъ ихъ на столъ. Меня охватила такая злоба, что отшибло всякій страхъ, и, схвативъ пакетъ, я бросила его ему въ лицо съ крикомъ: „Проклятый! Окаянный! Порченый!“... однимъ словомъ я выкрикивала ему прямо въ лицо всѣ прозвища, которыя ему давали старшіе. Пряники и леденцы разсыпались по полу, а онъ, схвативъ меня за плечи, со всей силы грохнулъ на полъ и сталъ колотить по чемъ попало. Я кричала, сколько хватало силъ. Тогда онъ на минуту остановился и, придерживая меня одной рукой, другою началъ вынимать свой носовой платокъ. Не знаю, что онъ хотѣлъ сдѣлать съ нимъ: меня ли бить, сдѣлавъ изъ него жгутъ, какъ это было въ модѣ въ то время, или заткнуть имъ мнѣ ротъ, чтобы я не кричала, какъ онъ часто къ этому прибѣгалъ впослѣдствіи... Но въ эту минуту открылась дверь, Нюта бросилась на помощь ко мнѣ и, загораживая меня отъ него, кричала ему, что сюда сейчасъ придутъ люди, донесутъ обо всемъ матушкѣ, которая немедленно прогонитъ его. Онъ злобно оттолкнулъ сестру, далъ мнѣ нѣсколько пинковъ ногою, быстро вышелъ изъ комнаты, а за нимъ и Нюта.

Возмущенная до глубины души, я съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія матушки, чтобы, разсказавъ ей обо всемъ, что я вынесла и выношу, осыпать ее градомъ упрековъ за то, что мнѣ такъ скверно живется дома. Мое волненіе и злоба къ Савельеву еще не улеглись, когда вошла сестра. Обнаживъ передъ ней мои руки и ноги, я указывала ей на ссадины и синяки, оставленные каблуками сапогъ ея мужа. Сестра бросилась обнимать меня, и ея слезы падали на мои руки и лицо. Вдругъ она разразилась громкими проклятіями на свою тяжкую горе-горькую долю и на своего „хищнаго звѣря“, осыпая въ тоже время страшными упреками матушку, которая противъ воли выдала ее замужъ за изверга, за негодяя, какого еще свѣтъ не создавалъ. Эти проклятія и упреки въ устахъ Нюты, прославляемой у насъ за кротость, эта откровенность со мною болѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, дѣлали ее для меня впервые близкой и родной, проливали въ мою душу бальзамъ и нѣсколько успокаивали меня. Мой планъ все разсказать матушкѣ Нюта нашла не только безполезнымъ, но крайне вреднымъ для всѣхъ насъ и прежде всего для меня самой. Я этого не понимала уже потому, что покойная няня очень сердилась на меня за то, что я не довела до свѣдѣнія матушки всего того, что со мной однажды случилось въ ея отсутствіе. Но сестра убѣдила меня въ томъ, что инцидентъ съ ея мужемъ со-

всѣмъ другое дѣло: за то, что со мной продѣлали тогда крѣпостные, матушка имѣла право строго наказать ихъ. Стращали же они меня, по словамъ сестры, только потому, что я была тогда еще маленькой дѣвочкой и не могла понять всей нелѣпости ихъ угрозъ. Но ея мужъ не крѣпостной, а такой же дворянинъ, какъ и матушка, которая можетъ его только выгнать изъ своего дома. Но тутъ я напомнила сестрѣ, что если матушка разсердится на него, то прикажетъ людямъ связать его и бросить въ навозную телѣгу, какъ я это много разъ слышала отъ крестьянъ, и что вотъ тогда-то я буду кидать въ него палками и камнями, пока не проломлю ему голову.

Но Нюта отняла у меня всякую надежду на месть: она увѣрила меня, что мужъ ея уйдетъ при первомъ же приказаніи матушки, но непремѣнно возьметъ ее съ собою въ свой домъ, гдѣ онъ будетъ тѣшиться надъ нею уже сколько душѣ его угодно, меня же онъ будетъ поджидать изъ за каждаго угла, чтобы здорово исколотить, да не постѣснится при удобномъ случаѣ и матушку пырнуть ножемъ. Сестра вполнѣ убѣдила меня въ томъ, что мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ никогда ни при комъ не проронить ни одного слова о его побояхъ, но тѣмъ не менѣе при всѣхъ говорить открыто, что я его ненавижу и боюсь, убѣгать и прятаться отъ него, гдѣ попало. Она увѣряла меня, что это легко удастся мнѣ, такъ какъ теперь онъ не только не можетъ бѣгать, но и быстро ходить; къ тому же онъ очень разсѣянъ, плохо знаетъ наши закоулки, и ему трудно будетъ находить меня.

Желаніе моей сестры заставить меня молчать о побояхъ, а впослѣдствіи и объ истязаніяхъ, совершаемыхъ надо мной ея супругомъ, было вполнѣ понятно. Убѣдившись, что она до гробовой доски каторжною цѣпью скована съ ненавистнымъ человѣкомъ, она, конечно, желала коротать свою каторгу по крайней мѣрѣ въ домѣ родной матери, а не у супруга, гдѣ она уже окончательно была бы предоставлена его полному произволу и должна была бы жить среди совершенно чужихъ для нея людей. Она правильно расчитала, что если въ домѣ кто-нибудь узнаетъ о продѣлкахъ со мной Савельева, то навѣрно донесетъ объ этомъ матушкѣ, а та уже сочтетъ своею священною обязанностью удалить его, несмотря и на то, что онъ возьметъ съ собою свою жену: погубивъ одну дочь, она не рѣшится погубить и другую.

Для того, чтобы я рѣже подвергалась побоямъ Савельева, Нюта то и дѣло забѣгала ко мнѣ, шепталась со мной, совѣтовала, куда и когда убѣжать отъ него, предупреждала, какъ удобнѣе улизнуть изъ дому такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. На вопросы Савельева, обращенные ко мнѣ, что подѣлываютъ Филька и жена во время его отсутствія, она заклинала меня говорить только правду. Въ программѣ, которую она начертила мнѣ для моего поведенія, она, конечно, не предвидѣла многаго и не была настолько нравственно и умственно развитою, чтобы понять, въ какое опасное

положеніе она ставила меня, заставляя скрывать отъ матери все то, что со мною продѣлываетъ ея супругъ. Безъ ея вмѣшательства и поддержки я не могла бы долго переносить того ужаса, тѣхъ истязаній и пытокъ, которыя я начала испытывать отъ Савельева и, конечно, такъ или иначе все передала бы матушкѣ. Не понимала сестра и того, что вѣчный страхъ, который я постоянно испытывала, могъ гибельно отзываться на моемъ физическомъ и нравственномъ здоровьѣ. Будучи сама крайне несчастной, она не могла ни наблюдать, ни раздумывать надъ тѣмъ, что я въ какіе-нибудь полгода изъ здоровой, краснощекой дѣвочки превратилась въ блѣднаго, нервнаго ребенка, то и дѣло раздражавшагося, плакавшаго и пуще прежняго бредившаго по ночамъ.

Однако, послѣ перваго столкновенія съ Савельевымъ, злобу на него въ моей душѣ какъ то вытѣснила новая перспектива пускать въ ходъ рѣшительно все, что мнѣ было доступно: хитрости, извороты, быстроту ногъ, лишь бы не оставаться съ нимъ наединѣ. Съ утра до ночи думала я объ этомъ и сочиняла различные планы. Первыя мои попытки въ этомъ направленіи увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Утромъ, до обѣда, Совельевъ никогда не выходилъ изъ своей комнаты, можетъ быть изъ опасенія впутаться со мною въ „исторію“, такъ какъ ко мнѣ въ это время могъ притти священникъ, дни уроковъ котораго не были точно обозначены. Но какъ только матушка послѣ обѣденнаго отдыха уходила изъ дому, я начинала дрожать за свою безопасность, и тоже бѣжала куда глаза глядятъ. Если стояла дурная погода, я уходила къ кому-нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей. Но когда я однажды у Макрины играла въ карты съ ея дочерью, та показала мнѣ на приближающагося по дорогѣ Савельева. Я выбѣжала на ихъ дворъ, гдѣ Терешка рубилъ дрова. Въ это время какъ всѣ наши крестьяне, такъ и сосѣди знали о моемъ страхѣ передъ Савельевымъ, и рѣшительно всѣ, и свои, и чужіе, старались приходить мнѣ на помощь. Когда я подбѣжала къ Терешкѣ съ просьбою спрятать меня, онъ немедленно втолкнулъ меня въ сарай. Скоро появился Савельевъ и началъ разспрашивать его, не видалъ ли онъ меня; онъ и его „барыни“ отвѣчали, что я только что убѣжала отъ нихъ. Нерѣдко Савельевъ издали замѣчалъ меня у нашего скотнаго двора или недалеко отъ какой-нибудь избы нашего крѣпостного и кричалъ, чтобы я остановилась. Но я, чтобы замести слѣдъ, разными обходами вбѣгала въ избу, и баба или крестьянинъ, часто безъ словъ понимая, въ чемъ дѣло, хватали меня на руки, подымали на полати, набрасывали на меня первый попавшійся зипунъ и, когда Савельевъ входилъ, говорили ему, что они видѣли, какъ я, замѣтивъ его приближеніе, бросилась къ лѣсу или въ поле. Иногда онъ меня уже почти настигалъ, а я, чуть не передъ его носомъ, проваливалась въ канаву или колдобину и на четвереньках подползала къ какому-нибудь кустарнику или подъ мостикъ. Въ дни удачи я входила торжествующая въ столовую, гдѣ матушка съ молодыми уже

садились за ужинъ, и при этомъ я злорадно посматривала на Савельева. Лицо его тогда искажалось отъ гнѣва, а зрачки еще безпокойнѣе бѣгали во всѣ стороны.

Матушка скоро узнала о томъ, что я избѣгаю Савельева, боюсь его, прячусь отъ него; мнѣ пришлось ей объяснить перемѣну моихъ отношеній къ нему тѣмъ, что онъ самъ измѣнился ко мнѣ и съ такою злобою смотритъ на меня, точно хочетъ ударить. Матушка успокаивала меня, говоря, что, если онъ посмѣетъ тронуть меня пальцемъ, она прикажетъ крестьянамъ его выдрать, но я понимала теперь всю несостоятельность этихъ успокоеній. Однажды онъ былъ такъ обозленъ на меня за мой торжествующій видъ и за то, что его поиски не привели ни къ чему, что, когда я пришла къ ужину, онъ уже вскочилъ съ своего мѣста и двинулся ко мнѣ, но на этотъ разъ матушка замѣтила его искаженное злобою лицо и закричала на него во время. Онъ сейчасъ же опомнился, усѣлся на свое мѣсто и только прохрипѣлъ: „Скверная дѣвченка!“ Послѣ его ухода Нюта поторопилась объяснить матушкѣ его выходку тѣмъ, что онъ до невѣроятности ревнуетъ ее къ Филькѣ, а потому особенно раздражается на всѣхъ, и умоляла удалить этого парня.

Матушка, наконецъ, рѣшила поступиться своимъ интересомъ, лишь бы облегчить положеніе дочери. Она отправила Фильку въ городъ къ купцу (державшему трактиръ), который выплачивалъ за него какое-то ничтожное вознагражденіе, а затѣмъ рѣшено было отвести его въ воинское присутствіе, чтобы получить за него рекрутскую квитанцію.

Исчезновеніе Фильки съ нашего горизонта не на долго успокоило Савельева: въ отсутствіе матушки до меня то и дѣло доносились взволнованные голоса нашихъ молодыхъ. Савельвъ теперь не только кричалъ на жену, но я нерѣдко слышала рѣзкіе окрики и грубую брань, которыми она осыпала своего супруга, между тѣмъ какъ еще недавно она не смѣла и пикнуть передъ нимъ. Вѣроятно, ея терпѣнію приходилъ конецъ, а можетъ быть она нашла, что рѣзкое и грубое отношеніе къ нему легче его вразумляетъ. Какъ бы то ни было, но ея характеръ сталъ быстро мѣняться: сестра, прежде очень кроткая, теперь и матери все чаще позволяла себѣ высказывать большія непріятности. Пораженная этой перемѣной, матушка пробовала ее обрывать, бранить и кричать на нее, но ничто не дѣйствовало, и, вѣроятно, чувствуя свою вину передъ дочерью, она въ концѣ концовъ старалась пропускать мимо ушей ея дерзости, а то и разражалась слезами.

Къ Савельеву пришелъ однажды его собственный крѣпостной съ извѣстіемъ, что его мать умираетъ, и онъ немедленно отправился съ нимъ. Дома у насъ никого не осталось, кромѣ меня и сестры, которая вдругъ пришла въ какую-то ажитацію: бѣгала то на скотный дворъ, то въ деревню, то къ ней приходили бабы, и онѣ о чемъ-то шептались между собой. Это меня сильно заин-

триговало, особенно тѣмъ, что когда я вошла въ дѣвичью, то застала Дуняшу съ чернымъ пѣтухомъ въ рукамъ; тутъ же сидѣла незнакомая мнѣ старуха съ узелкомъ и чернымъ котомъ. Я отправилась къ сестрѣ и стала пытать ее: она въ это время суетливо выдвигала ящики комода, вынимала бѣлье и вещи своего мужа и откладывала ихъ въ сторону. Запретивъ говорить матушкѣ обо всемъ, что я сейчасъ услышу и увижу (про мужа она ничего не упоминала), она сказала мнѣ: „всѣ говорятъ, что Өеофанъ Павловичъ „порченый“, вотъ я и позвала ворожею, которая сумѣетъ снять съ него порчу“. Когда она собрала вещи мужа, мы отправились съ нею къ „шептухѣ“. Дуняша дала мнѣ держать пѣтуха, а сама побѣжала въ кухню и возвратилась со сковородой, на которой пылали горящіе уголья. Ворожея поставила на лежанку сковороду и, бормоча какіе-то заклинанія, насыпала на уголья порошки и сушеныя травы, а затѣмъ, положивъ на руки вещи Савельева, держала ихъ надъ дымомъ и смрадомъ, распространяемымъ сушеною травою и порошками, потрескивавшими на угольяхъ. Послѣ этого она схватила пѣтуха, поднесла его задомъ къ самой жаровнѣ, отрѣзала кончикъ пера отъ хвоста и бросила его на уголья, а его самого вышвырнула изъ окна тоже задомъ впередъ. Съ котомъ былъ продѣланъ тотъ же маневръ, но въ нѣсколько иной формѣ: кончикъ его пушистаго хвоста ворожея подожгла на угольяхъ и, несмотря на то, что онъ мяукалъ, царапался и вырывался, крѣпко держала его въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока не отрѣзала ему запаленный кончикъ и не передала этотъ пушокъ сестрѣ со словами: „по трошкѣ всыпай въ свойную ѣду“; затѣмъ точно такъ же, какъ и пѣтуха, выбросила кота въ окно задомъ впередъ. Всѣ свои манипуляціи ворожея сопровождала бормотаньемъ какихъ-то невѣдомыхъ для меня словъ, которыя она произносила то въ риѳмахъ, то въ разрядку. Подобную ворожбу я видала не разъ, но изъ всѣхъ нашептываній я часто потомъ повторяла про себя только заклинаніе (когда Ѳ. П. приближался ко мнѣ), которое ворожея нѣсколько разъ произносила, выбрасывая пѣтуха: „ворогу — присуха, глазу лихому— кривуха, бабью кручину по вѣтру развѣй, порчу на шестокъ занеси и въ пескѣ затопчи“.

— Вонъ! Убирайтесь вонъ отсюда!—закричалъ Савельевъ, открывая дверь и вытягивая меня изъ дѣвичьей.

На этотъ разъ однако я не очень трепетала: пока онъ тянулъ меня по комнатамъ, я выкрикивала фразы въ такомъ родѣ: „Вы теперь не порченый!.. Ворожея сняла съ васъ порчу!“ Онъ не далъ мнѣ договорить, со всей силы дернулъ меня за руку, которую крѣпко держалъ и началъ громко звать Нюту. Только что она успѣла отворить дверь, какъ онъ, не выпуская меня, подскочилъ къ ней и поднялъ руку, чтобы ударить ее, но такъ какъ, при своемъ огромномъ ростѣ, ему пришлось нагнуться къ ней, она закатила ему здоровенную оплеуху и бросилась бѣжать. Отъ неожиданнаго удара онъ точно остолбѣнѣлъ, стоялъ съ ми-

нуту, не двигаясь, и теръ себѣ щеку, но затѣмъ быстро принялся за меня, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, крѣпко завязалъ мнѣ ротъ и вытащилъ ремень и длинную веревку. Видно было, что онъ уже заранѣе заготовилъ для меня орудія пытки. Онъ отодвинулъ отъ стѣны длинный низкій столъ (за которымъ въ дѣтствѣ занимались всѣ мои братья и сестры), пригнулъ меня къ нему, сорвалъ одежду, прикрѣпилъ меня къ столу и началъ жарить ремнемъ. Я не могла кричать, а только мычала, онъ тоже силился что то сказать, но вмѣсто словъ съ его устъ срывались какіе-то дикіе, радостные звуки. Вбѣжавъ къ намъ, Нюта начала оттягивать его, дергала сзади, наконецъ, забѣжала съ другой стороны и прикрыла меня собою. Вмѣсто меня, онъ стегалъ теперь ее по головѣ и рукамъ. Но ей скоро удалось какъ-то вырваться, и она изо всей силы стала стучать въ окно и кричать; только тогда онъ бросилъ меня и быстро вышелъ изъ комнаты.

Съ того времени, какъ я такъ страдала отъ сумасшедшаго Савельева, прошло много десятковъ лѣтъ, а между тѣмъ до сихъ поръ при воспоминаніи объ этомъ мое сердце обливается кровью, руки дрожатъ и слезы такъ застилаютъ глаза, что я минутами совсѣмъ не могу писать!.. Боже, сколько горечи и отравы влилъ онъ въ мое существованіе, сколько ядовитыхъ сѣмянъ бросилъ онъ въ мою дѣтскую душу, какое тлетворное вліяніе оказывалъ онъ на развитіе моихъ душевныхъ силъ и способностей!

Когда наши отношенія съ нимъ ясно опредѣлились, я стала пылать къ нему неутолимою ненавистью: мой умъ, всѣ мои желанія и помышленія, вся моя сообразительность были исключительно направлены на то, чтобы куда-нибудь улизнуть такъ, чтобы онъ меня не замѣтилъ, позлить его, обмануть, причинить ему вредъ, какъ можно больше вреда и такого жестокаго, чтобы онъ, какъ мечтала я тогда, „извивался, какъ змѣй, корчился, какъ угорь на горячей сковородѣ, кричалъ и стоналъ-бы отъ невыносимой боли". Ужаснѣе всего было то, что, лишь только мои человѣконенавистническія чувства къ нему отвлекались чѣмъ-нибудь инымъ, тотчасъ-же скрипъ его сапоговъ, шумъ отворяемой имъ двери или его фигура, мелькавшая издали, однимъ словомъ все каждую минуту наводило меня на прежнія злыя мысли. Голова моя была полна планами и соображеніями, как бы привести въ исполненіе мои злостные замыслы. Замѣтивъ, что онъ часто заходилъ на сѣновалъ (вѣроятно, для того, чтобы изловить меня, а можетъ быть и съ цѣлью разыскать воображаемыхъ любовниковъ своей жены), я наносила туда, въ одинъ изъ угловъ, камней и деревянныхъ обрубковъ.

Савельевъ совсѣмъ не понималъ обычаевъ и условій деревенской жизни, я была прекрасно знакома съ ними и пользовалась этимъ. При его приближеніи я засяду, бывало, въ уголъ сѣновала и, какъ только онъ входитъ, я въ ту же минуту вскарапкиваюсь подъ крышу, но такъ, что меня не видно, а слышенъ только шорохъ, производимый мною. Бревна въ углахъ нашихъ

построекъ для сѣна клали другъ на друга такъ, чтобы оставались концы, которые не спиливались извнутри для того, чтобы взбираться по нимъ, какъ по лѣстницѣ. Савельевъ входитъ и начинаетъ бить палкой по сѣну, кричитъ, чтобы выходилъ тотъ, кто прячется, а я не подаю голоса. Тогда онъ выходитъ изъ сѣновала и снаружи обходитъ всю постройку кругомъ. Нужно замѣтить, что крыша сѣновала была укрѣплена только на углахъ, и отъ нея до бревенчатыхъ стѣнъ оставалось значительное пустое пространство, чтобы сквознякъ могъ свободно просушивать сѣно. Взобравшись на самый верхъ, я, хотя и утопала въ сѣнѣ, но все-же могла пробираться, придерживаясь за стѣны внутри, и при томъ съ тою разницею, что Савельевъ, обходя постройку снаружи, не видѣлъ меня, а я могла наблюдать за всѣми его движеніями; при этомъ, я бросала ему на голову то камень, то обрубокъ. Но это не удовлетворяло меня потому, что я мало наносила ему вреда,—камень обыкновенно лишь задѣвалъ его и вызывалъ злость и недоумѣніе,—онъ не могъ понять, кто швыряетъ въ него. Тогда я надумала другое: за нашимъ дворомъ была яма (колбодина, какъ у насъ ее называли), куда скидывали всевозможные отбросы и выливали помои. Эту яму не всегда можно было обойти, чтобы попасть въ поле, а потому черезъ нее переброшена была доска. Когда Савельевъ уходилъ въ поле, я знала, что онъ вернется тою же дорогою, а потому замѣняла крѣпкую доску гнилою, надломленною, а чтобы скрыть свое вѣроломство, набрасывала на нее всякую дрянь и грязь. Когда подъ Савельевымъ подламывалась доска, и онъ вылѣзалъ изъ колдобины весь выпачканный грязью, я торжествовала и злорадствовала, а когда мои козни не удавались, я приходила въ отчаяніе и плакала злыми, злыми слезами.

Если бы злоба, питавшая мое сердце, не знала отдыха, если бы моему уродливому, ненормальному образу жизни не было положено конца, присутствіе Савельева въ нашемъ домѣ совершенно развратило-бы меня и, можетъ быть, даже толкнуло на какое-нибудь преступленіе или на самоубійство. Но иногда проходилъ мѣсяцъ и два, а онъ все не могъ изловить меня. Къ тому-же при нашей взаимной ненависти другъ къ другу и шансы на успѣхъ для него—напасть на меня, а для меня—улизнуть отъ него,—становились все болѣе несоразмѣрными. Онъ хилѣлъ и ослабѣвалъ физически, я становилась все хитрѣе, все изобрѣтательнѣе. Но въ полной безопасности я чувствовала себя лишь тогда, когда жестокій кашель и кровохарканіе, общее недомоганіе и упадокъ силъ приковывали его къ постели; не боялась я его и тогда, когда онъ, послѣ болѣзни, начиналъ оживать, бродилъ по комнатѣ, еле передвигая ноги, или сидѣлъ въ креслѣ гостиной съ опущенной головой. Въ такіе моменты онъ не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, даже тогда, когда я проходила близко отъ него. Но вотъ онъ нѣсколько поправляется, уже расхаживаетъ своею обычною нервною походкою, то и дѣло поворачи-

ваетъ во всѣ стороны свою безпокойную голову, а затѣмъ начинаетъ выбѣгать на дорогу, становится на свой обычный обсерваціонный пунктъ за изгородью палисадника и вытягиваетъ свою длинную, исхудалую шею, чтобы посмотрѣть, куда направляются проходящіе крестьяне,—это уже служило мнѣ сигналомъ быть на сторожѣ. Обыкновенно послѣ перваго же такого проявленія настоящаго воскресенія Савельева изъ мертвыхъ, ко мнѣ подбѣгала сестра и испуганнымъ шопотомъ бросала одно слово: „берегись!“

И съ этой минуты начинались мои скитанія: я исчезала изъ дому, бѣгая къ сосѣдямъ, а отъ нихъ въ ближайшія избы крестьянъ или на скотный дворъ, пряталась отъ него по сѣноваламъ и сараямъ, залѣзала въ кустарники, канавы и ямы подъ наваленной хворостиной.

Нерѣдко, однако, я упускала удобный моментъ спрятаться отъ него: мнѣ казалось, что онъ не настолько окрѣпъ и запасся силами, чтобы напасть на меня и истязать меня,—не принимала надлежащихъ мѣръ и попадалась въ его руки. Возможно и то, что иногда его вялая походка, его индифферентные взгляды на проходящихъ мимо нашего дома и на приходившихъ къ намъ служили для него маскою, чтобы обмануть меня и жену. Попадалась я въ его руки и потому, что временами меня вдругъ охватывало какое-то непреодолимое отвращеніе вести цыганскій образъ жизни, бѣгать по избамъ, по чужимъ людямъ и прятаться, гдѣ попало; въ такихъ случаяхъ я, несмотря на предостереженіе сестры, несмотря на то, что для меня самой были очевидны признаки уже пробуждавшихся въ немъ звѣрскихъ вождѣленій, вдругъ усаживалась за свой столикъ, принималась за чтеніе или куклу, успокаивая себя тѣмъ, что онъ еще плохъ.

Нѣсколько позже я не отдавалась въ его руки безъ борьбы. Я поняла, что когда онъ спрашиваетъ меня о томъ, что дѣлала Нюта въ его отсутствіи и кто приходилъ къ намъ въ это время, ему было все равно, что бы я ему не отвѣтила,—дѣло кончалось однимъ и тѣмъ же: онъ осыпалъ меня ударами, привязывалъ къ столу и сѣкъ до крови ремнемъ, который онъ теперь уже всегда носилъ въ своемъ карманѣ. Вотъ потому-то, когда онъ заставалъ меня одну въ то время, когда въ домѣ никого не было, кромѣ насъ троихъ, я вскакивала со своего мѣста, какъ только онъ отворялъ дверь, бросала въ него книгами, стклянками, всѣмъ, что было подъ руками, бѣжала къ двери, а когда онъ схватывалъ меня, я плевала на него, кусала его руки, кричала, пока онъ не завязывалъ мнѣ ротъ.

Онъ не могъ достаточно насладиться мучительствомъ, которое онъ причинялъ мнѣ; я думаю такъ потому, что онъ никогда не кончалъ экзекуціи по собственной инициативѣ: хлопнувшая дверь, внезапный шумъ, стукъ или грохотъ телѣги, проѣхавшей по двору (гдѣ бы Савельевъ ни засталъ меня, онъ всегда тащилъ меня на расправу въ мою дѣтскую, окно которой выходило во дворъ), а еще чаще крикъ Нюты „идутъ!“—вотъ что только заставляло его

прекратить истязаніе надо мной и убраться во-свояси. Случалось и такъ, что Нюта вбѣгала въ комнату не только съ обычнымъ крикомъ, но и съ его палкою, которою со всей силы ударяла его сзади; тогда онъ немедленно бросался за ней, а я, съ неимовѣрными усиліями, уже самостоятельно распутывала веревки и сходила съ своего эшафота, съ своей Голгоѳы.

Да, для дѣвочки моихъ лѣтъ это была настоящая Голгоѳа. Кровавые рубцы на тѣлѣ не заживали иногда очень долго и заставляли меня сильно страдать отъ боли. Такъ какъ они нерѣдко оказывались кровавыми, и весьма замѣтными въ субботу, т. е. въ день, опредѣленный для бани, Нюта, чтобы скрыть слѣды преступленія своего мужа, объявляла матушкѣ, что Дуняша не умѣетъ промывать моихъ густыхъ и вьющихся волосъ, а потому она сама будетъ мыть меня въ банѣ. Этотъ новый демократическій обычай мыться въ банѣ безъ помощи прислуги Нюта ввела для себя очень скоро послѣ своего замужества. Когда она въ первый разъ отправилась туда со мной безъ горничной, я поняла, почему ей это было необходимо: все тѣло ея тоже было въ синякахъ, ссадинахъ и кровоподтекахъ. На мой вопросъ, неужели и ее, какъ и меня, онъ сѣчетъ ремнемъ, она отвѣтила, что прежде онъ билъ ее чѣмъ попало, а въ послѣднее время, когда она сама, при его нападеніяхъ, то замахнется на него, то треснетъ его палкой, то ударитъ его по щекѣ, онъ сталъ съ ней осторожнѣе; за то ночью, когда она спитъ, онъ зачастую набрасывается на нее и начинаетъ щипать ее. Когда она вскакиваетъ съ постели и дѣлаетъ видъ, что бѣжитъ къ матушкѣ, угрожая ему разсказать ей объ его побояхъ и поднять на ноги людей,—тогда онъ не только прекращаетъ истязаніе, но становится передъ нею на колѣни и проситъ у нея прощенія, но это не мѣшаетъ ему иногда на другой же день продѣлывать съ нею тоже самое. Когда я услыхала это, у меня явилась къ сестрѣ страшная жалость, и я начала утѣшать ее тѣмъ, что онъ скоро умретъ... Но она горько возразила: „Жди!.. Какъ же! Нѣтъ, милая моя, такое-то адское исчадіе переживетъ всѣхъ! Раньше онъ меня съ тобою вгонитъ въ могилу, а потомъ уже самъ околѣетъ!“

Слова сестры произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе и усилили мою душевную тревогу: мой страхъ передъ чѣмъ-то еще болѣе ужаснымъ, чѣмъ то, что я уже испытывала, овладѣлъ мною всецѣло,—и я не находила себѣ мѣста. Крайне тяжкое душевное состояніе было результатомъ неосторожныхъ словъ сестры. Отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій о томъ, что можно сказать при ребенкѣ и чего нельзя, приносило дѣтямъ много вреда. И это характерное свойство педагоговъ того времени особенно отражалось на мнѣ. Прежде я отдыхала душой и тѣломъ хотя въ періоды болѣзни Савельева, а если она продолжалась долго, мой страхъ передъ нимъ исчезалъ, и я спокойно играла въ куклы или читала, — теперь и въ такое сравнительно покойное для меня время мною овла-

дѣвала какая-то щемящая тоска и страхъ быть въ конецъ замученною Савельевымъ.

Я перестала заниматься чѣмъ бы то ни было, и въ это время полнаго бездѣлья серьезно спрашивала себя: „если я умру отъ руки Савельева, буду ли я причислена къ лику святыхъ? Послѣ долгихъ размышленій на эту тему я пришла къ заключенію, что и при погибели мученическою смертью, чтобы быть причисленною къ лику святыхъ, необходимо молиться Богу, поститься и ходить въ церковь; и я стала усердно молиться. Религіозное настроеніе усиливалось еще тѣмъ, что послѣ словъ сестры я уже окончательно потеряла надежду на смерть Савельева. Меня окуталъ какой-то мракъ, невыразимая тяжесть давила мою грудь, я видѣла одни только ужасы и въ настоящемъ, и въ будущемъ: двухъ близкихъ моему сердцу существъ, которыхъ я такъ горячо любила, которыхъ считала своими ангелами-хранителями не было со мною: моя дорогая няня была въ могилѣ, моя любимая сестра Саша не пріѣзжала домой даже на лѣто.

Вспоминая наставленія покойной няни, я пришла къ убѣжденію, что съ моей стороны было большимъ грѣхомъ обращаться къ Богу только въ тѣ минуты, когда мнѣ было что-нибудь отъ него нужно, и ждать немедленнаго исполненія моихъ желаній. Скоро дневная молитва перестала удовлетворять меня, и я мало-по-малу пріучила себя просыпаться для нея по ночамъ. Эта ночная молитва въ совершенной темнотѣ, при абсолютной тишинѣ, когда кромѣ меня всѣ въ домѣ спали, въ двухъ шагахъ отъ матери, погруженной въ глубокій сонъ, доставляла мнѣ какое-то еще невѣдомое наслажденіе. Порой я доходила до такого молитвеннаго экстаза, что не слыхала, какъ пробуждалась матушка, звала меня по нѣскольку разъ, спрашивая, почему я плачу, что я шепчу, почему молюсь въ такое время. Я всегда отдѣлывалась однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ, варьируемымъ на разные лады: „Скучно... Тоска!“

Когда послѣ смерти отца, Саша, будучи и гораздо старше меня, и несравненно болѣе меня умственно развитою, приходила въ отчаяніе при мысли, что она останется безъ образованія, такіе взрывы ея тоски матушка находила вполнѣ законными. Но я въ то время не проявляла никакого стремленія, никакой страсти къ ученію. Матушка, будучи изъ рукъ вонъ плохою воспитательницею и еще болѣе плохою и нетерпѣливою учительницею, скорѣе могла отбить всякую охоту къ ученію, чѣмъ развить ее. Сашѣ тоже не удавалось много для сдѣлать моего умственнаго развитія. Она занималась со мною періодически и каждый разъ недолго, а потому должна была преслѣдовать одну цѣль, чтобы отсутствіе требуемой подготовки не помѣшало мнѣ поступить въ какое нибудь учебное заведеніе. Вслѣдствіе этого она напирала преимущественно на формальную сторону обученія. Мнѣ болѣе всего была по душѣ шумная, веселая игра съ дѣтьми, а такъ какъ я лишь изрѣдка могла пользоваться этимъ развлеченіемъ,

то хотя и бралась за чтеніе по собственной инициативѣ, но съ величайшею радостью мѣняла это занятіе на шумную игру съ дѣтьми, если только представлялся къ этому случай. Матушка знала это, а потому и считала мою тоску просто блажью. Вызвать меня на откровенность по этому поводу задушевною болтовней и нѣжною ласкою было не въ ея характерѣ, и я все болѣе замыкалась въ себѣ. Развитію во мнѣ откровенности мѣшало и то, что я каждый разъ, когда со мною случалось что нибудь экстраординарное, была вынуждена къ молчанію, побуждаемая къ этому чьими-нибудь угрозами.

И вотъ у меня, по натурѣ крайне экспансивной, тяжело страдавшей отъ того, что некому разсказать всего, что со мной случается, вдругъ явилась возможность все безъ утайки высказывать Богу. Я предпочла бы, чтобы довѣреннымъ лицомъ было живое существо—Саша или покойная няня, но ихъ не было и я, стоя ночью на колѣняхъ, шопотомъ жаловалась Господу Богу на истязанія Савельева, просила Бога, чтобы онъ скорѣй прибралъ его къ себѣ, а если это грѣшно, чтобы онъ сдѣлалъ его добрымъ; если же мнѣ суждено погибнуть отъ его руки, я молила Бога, чтобы Онъ, какъ и няню, причислилъ меня къ лику святыхъ (я не сомнѣвалась, что она святая) и дозволилъ мнѣ уже никогда болѣе не разставаться съ нею; просила я его и о томъ, чтобы матушка любила меня, чтобы Саша перестала гувернантствовать. Чѣмъ болѣе я молилась, тѣмъ пламеннѣе была моя молитва, тѣмъ болѣе горячихъ слезъ проливала я, тѣмъ сильнѣе охватывало меня какое-то еще невѣдомое наслажденіе и облегченіе. Каждый разъ, кончивъ молитву, я чувствовала, точно тяжелый камень сваливался у меня съ сердца. Вмѣстѣ съ этимъ я все чаще стала отпрашиваться по воскресеньямъ въ церковь съ Дуняшею и рѣшила строго придерживаться постовъ. По этому поводу я кстати хочу сказать нѣсколько словъ, еще болѣе характерно рисующихъ обликъ моей матери.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нашего переѣзда въ деревню насмѣшки помѣщиковъ надъ матушкою за ея странности (они видѣли ихъ въ томъ, что, будучи дворянкой, она работала, не покладая рукъ, что она, какъ настоящій управляющій, съ утра до вечера слѣдила за деревенскими работами, что она издѣвалась надъ бездѣльемъ сосѣдей, не позволяла барствовать своимъ дочерямъ, заставляла родную дочь „трепаться" по гувернанткамъ, что она запрещала сѣчь своихъ крестьянъ и т. д.) замѣнились истиннымъ почтеніемъ. Въ концѣ концовъ всегда такъ бываетъ: если человѣкъ, не обращая вниманія на предразсудки, твердо и увѣренно идетъ къ намѣченной цѣли, онъ достигнетъ ея. Правильная, трудолюбивая жизнь моей матери, замѣтное улучшеніе совершенно разстроеннаго хозяйства, гордый, независимый нравъ и ея уваженіе къ бѣдняку, какъ бы онъ ни былъ презираемъ окружающими, если только она находила въ немъ надлежащія качества ума и сердца,—все это создали въ нашей мѣстности

большую популярность моей матери. Помѣщики, которые еще недавно подсмѣивались надъ ней, теперь пріѣзжали къ ней за совѣтомъ, какъ къ опытной хозяйкѣ. Презирая дрязги, раздоры и тяжбы, которые постоянно вели между собой наши сосѣди, матушка, при возникновеніи недоразумѣній съ ними, несмотря на свою крайнюю расчетливость, то и дѣло поступалась своимъ личнымъ интересомъ, лишь бы ни съ кѣмъ не судиться и не тягаться. И сосѣди зачастую представляли на ея судъ споры между собой, увѣренные въ ея безпристрастномъ рѣшеніи. Становой всѣмъ ставилъ ее въ примѣръ за то, что отъ нея никогда не поступаетъ жалобъ на своихъ крестьянъ и никакихъ кляузъ на сосѣдей, что въ ея усадьбѣ нѣтъ ни одного крестьянина „въ бѣгахъ", хотя она ихъ и не сѣчетъ. И онъ, какъ и многіе мѣстные жители, называлъ ее „мудрѣйшею". Прозвища и сжатыя характеристики, которыми матушка награждала помѣщиковъ и помѣщицъ, наиболѣе плохихъ въ нравственномъ отношеніи, подхватывались на лету и переходили отъ однихъ къ другимъ.

Какъ-то прошелъ слухъ, что настоятель ближайшаго къ намъ мужского монастыря, пользовавшійся особенно скандальною репутаціею, объѣзжаетъ всѣхъ помѣщиковъ по какому-то дѣлу. Услужливыя кумушки сейчасъ же доложили намъ, что между сосѣдями идетъ споръ: одни говорятъ, что моя мать не приметъ настоятеля, другіе,—что она „здорово намылитъ ему голову за его позорную жизнь". Двое помѣщиковъ со своими женами, чтобы быть свидѣтелями этого свиданія и затѣмъ разносить разсказы о немъ по всему уѣзду, пріѣхали къ намъ, точно невзначай, за нѣсколько часовъ до пріѣзда настоятеля. И когда, наконецъ, онъ вошелъ, матушка, по свѣтскому обычаю, протянула ему руку, но онъ рѣзко перевернулъ ее ладонью вверхъ для благословенія; она отдернула ее, но и тутъ ничего не сказала бы ему, если бы онъ промолчалъ. Но монахъ вспылилъ и наставительно сталъ отчитывать матушку за то, что она, будучи матерью многочисленнаго семейства и помѣщицею, подаетъ дурной примѣръ—не выполняетъ правилъ и обрядовъ православной церкви: не постится, рѣдко бываетъ въ церкви, не подходитъ подъ благословеніе пастырей церкви. Матушка сдержанно отвѣчала ему, что она не подошла подъ его благословеніе, чтобы онъ, при своей жизни, непозволительной даже для порядочнаго мірянина, а тѣмъ болѣе для монаха, да еще настоятеля, не принялъ это за насмѣшку съ ея стороны, что же касается ея собственныхъ прегрѣшеній по части внѣшнихъ обрядовъ, то она надѣется, что Богъ, по своему милосердію, не покараетъ ее за нихъ слишкомъ строго въ виду ея честной жизни, полной труда.

Настоятель, услышавъ отвѣтъ, весь побагровѣлъ и, вставая, сурово произнесъ: „по какому праву вы рѣшаетесь дѣлать столь неприличествующій моему сану афронтъ?" При этомъ онъ холодно кивнулъ головой присутствующимъ, какъ бы отдавая общій по-

клонъ, перекрестился на образа и немедленно уѣхалъ, не объяснивъ причины своего посѣщенія.

Священникъ нашего села (мой преподаватель), приходившій въ восторгъ отъ поведенія матушки съ настоятелемъ, къ которому онъ относился крайне враждебно, упрашивалъ ее особенно настойчиво послѣ этого инцидента поститься и чаще посѣщать церковь. По его мнѣнію, каждый порядочный христіанинъ православной религіи долженъ строго выполнять предписанныя ею обязанности, а для моей матери это сугубо обязательно, иначе она постоянно будетъ вредить своей репутаціи и подорветъ свой авторитетъ, имѣющій благотворное вліяніе въ нашей мѣстности. Разсужденія матушки по этому поводу краснорѣчиво показывали, что она совершенно не понимала всей глубины наивности своихъ взглядовъ на христіанскіе обряды, и они сильно покоробили священника. Она дала ему слово выполнить его желаніе,—вѣдь это ей ничего не будетъ стоить; рыбы въ сажалкѣ у насъ достаточно, говорила она, и чѣмъ ее ѣсть когда попало, она разъ навсегда прикажетъ подавать ее въ постные дни; масла конопляннаго выжимается много и не мало его даже задаромъ пропадаетъ, и маку въ огородѣ столько, что и дѣвать некуда,—пусть въ постные дни приготовляютъ изъ него молоко. Что же касается посѣщенія церкви, то и это теперь устроить легче, чѣмъ прежде, когда у нея въ хозяйствѣ было меньше лошадей: ей недурно отвлечься отъ хозяйственныхъ заботъ, да и младшей дочкѣ она доставитъ этимъ удовольствіе, такъ какъ она „оказывается богомолкой и до смерти любитъ стукаться лбомъ объ полъ“.

Такимъ образомъ, постныя кушанія у насъ появились не только въ посты, но и по средамъ и пятницамъ; въ тоже время подавали и скоромный столъ,—каждый ѣлъ то, что хотѣлъ. Я была въ восторгѣ и стала держать строгій постъ. Мое время проходило теперь въ молитвѣ, въ затверживаніи безчисленнаго количества молитвъ и въ чтеніи книгъ о житіяхъ святыхъ, которыми батюшка снабжалъ меня.

Въ началѣ рождественскаго поста всѣ стали обращать вниманіе на перемѣну, происшедшую во мнѣ: я исхудала, поблѣднѣла, домашніе часто заставали меня въ моей комнатѣ на колѣняхъ передъ образами днемъ, а матушка ночью. Она уговаривала меня при постныхъ кушаньяхъ пить молоко, за неповиновеніе угрожала даже запрещеніемъ ѣсть постное, упросила священника серьезно поговорить со мною на эту тему, но я не мѣняла своего образа жизни.

Несмотря на физическую слабость и зимнее время года, что заставляло меня сидѣть больше дома, Савельевъ все рѣже нападалъ на меня: онъ постепенно пересталъ выходить изъ своей комнаты, откуда уже болѣе не раздавались ни его окрики на сестру, ни ея стоны,—все это служило для меня знакомъ того, что молитва моя услышана. Однажды рано утромъ Нюта вбѣжала въ нашу спальню съ извѣстіемъ, что ея мужу очень плохо, и что

онъ проситъ немедленно послать за докторомъ. За нѣсколько дней передъ этимъ мы случайно узнали, что къ помѣщику-сосѣду, верстахъ въ 10-ти отъ насъ, только что пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то родственникъ, который былъ въ тоже время военнымъ докторомъ. Когда отправили за нимъ лошадей, какъ-то вышло такъ, что фамилія Θеофана Павловича не была произнесена при немъ, и онъ зналъ только, что его требуютъ въ наше семейство. Но когда доктора ввели къ больному, они узнали другъ друга и отъ волненія не могли говорить въ первую минуту. Докторъ только послѣ освидѣтельствованія Савельева узналъ о томъ, что онъ женатъ на моей сестрѣ.

Оказалось, что пріѣхавшій къ намъ господинъ былъ военнымъ врачемъ въ томъ самомъ полку, гдѣ служилъ Савельевъ, и, еще за нѣсколько лѣтъ до удаленія со службы послѣдняго, находилъ въ немъ психическое разстройство. Дикія выходки Савельева, по словамъ доктора, извѣстны были всѣмъ, знавшимъ его, и проявлялись въ томъ, что онъ, иногда безъ всякой видимой причины, избивалъ до полусмерти денщика, приходившаго къ нему по порученію отъ сослуживцевъ,—и все исключительно изъ ревности къ французской актрисѣ, съ которою онъ жилъ нѣсколько лѣтъ. Эта особа хотя и не вѣрила въ его сумасшествіе, но вслѣдствіе его дикихъ выходокъ и невѣроятной ревности дала ему прозвище „fou-long“ (сумасшедшій-длинный). Товарищи подхватили этотъ эпитетъ и называли его не иначе, какъ г-нъ Фулонгъ. Такъ же неосновательна была, по словамъ доктора, ревность Фулонга къ его сослуживцамъ, и они опасаясь крайне непріятныхъ столкновеній съ нимъ, совсѣмъ перестали его посѣщать. Власти прекрасно были освѣдомлены обо всемъ, что продѣлывалъ Савельевъ, но не обращали ни малѣйшаго вниманія на всѣ „исторіи“, отчасти потому, что онъ былъ исполнительнымъ служакою, отчасти потому, что его сожительница имѣла большія связи и страстно его любила. Но въ концѣ концовъ онъ такъ измучилъ ее сценами ревности, и она была такъ испугана одною изъ нихъ, во время которой онъ ранилъ ее, что она рѣшила не жить съ нимъ болѣе въ одномъ городѣ. Какъ только она выздоровѣла, она употребила всѣ усилія, чтобы удалить его со службы: по ея ходатайству Савельевъ былъ подвергнутъ изслѣдованію психіатровъ, признавшихъ его психически больнымъ, и уволенъ отъ службы по прошенію, но ни о причинахъ его увольненія, ни о его болѣзни не было упомянуто въ служебномъ формулярѣ. Въ настоящее время Θеофанъ Павловичъ, по мнѣнію доктора, имѣлъ видъ человѣка несравненно болѣе разстроеннаго психически, чѣмъ онъ былъ въ то время, положеніе же его въ данную минуту докторъ находилъ безнадежнымъ, — онъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки и едва ли протянетъ недѣлю-другую.

Неожиданно для всѣхъ, Нюту привело въ отчаяніе сообщеніе доктора: обливаясь слезами, она заклинала его всѣмъ святымъ никому не разсказывать о сумасшествіи мужа. По ея словамъ,

она столько приняла мукъ отъ него при его жизни, неужели же и послѣ его смерти на ней вѣчно будетъ лежать печать позора за то только, что она, не подозрѣвая о его сумасшествіи, вышла за него замужъ, къ тому же не по своей волѣ... Этотъ страхъ сестры будетъ понятенъ для каждаго, кто вспомнитъ, что въ тѣ отдаленныя времена семья, въ которой былъ сумасшедшій, скрывала это, какъ величайшій для нея позоръ.

Докторъ былъ крайне пораженъ тѣмъ, что у Савельева, прожившаго съ нами столько времени, никто не заподозрилъ психическаго разстройства.

Савельевъ прожилъ гораздо больше, чѣмъ предсказывалъ докторъ, и умеръ лишь въ февралѣ. Я прогостила у Воиновыхъ послѣдніе дни его жизни, я еще долго оставалась у нихъ послѣ его похоронъ. Когда я возвратилась домой, я узнала, что отъ петербургскаго дядюшки получено письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, чтобы матушка въ августѣ привозила меня въ Петербургъ и прислалъ программу, по которой меня слѣдовало подготовить къ вступительному экзамену въ институтъ. Извѣстіе, что я скоро и навсегда уѣду изъ дому, чрезвычайно обрадовало меня въ первую минуту. Но когда я пораздумала, что до осени остается еще много времени, я опять затосковала. Хотя отъ Савельева я уже не могла ожидать никакихъ каверзъ, но мысль, что въ родительскомъ домѣ меня всегда будутъ преслѣдовать тѣ или другія напасти, давно твердо засѣла въ моей головѣ.

Моя напряженная религіозность, прерванная въ чужомъ домѣ прежде всего тѣмъ, что я была отвлечена отъ нея играми и забавами съ дѣтьми, теперь проявилась съ новою силой. Однажды матушка, не зная, что я сижу въ слѣдующей отъ нея комнатѣ, сказала сестрѣ: „ума не приложу, что мнѣ дѣлать съ дѣвочкой,— того и гляди изъ нея монахеня выйдетъ“.

О монастырѣ я никогда не думала, но при этихъ словахъ моя фантазія разыгралась во всю. Я удивлялась, какъ раньше мнѣ не приходила въ голову мысль посвятить себя Богу. Вѣдь такимъ образомъ я отмолила бы матушкины грѣхи, которые мнѣ казались очень тяжкими по отношенію ко мнѣ, и избавилась бы отъ родительскаго крова. Когда я рѣшилась высказать свою просьбу матушкѣ о томъ, чтобы она помѣстила меня въ монастырь, она начала такъ рыдать, что я тоже расплакалась. Слезы матери принесли мнѣ утѣшеніе: ничто не могло заставить забиться мое сердце такою радостью и счастьемъ, какъ проявленіе ко мнѣ горячихъ чувствъ матери,— къ сожалѣнію она была крайне скупа на нихъ. На другой день священникъ, вмѣсто урока, все время убѣждалъ меня въ томъ, что дѣти не могутъ дѣлаться монахинями, а когда я кончу курсъ въ институтѣ и мое желаніе останется неизмѣннымъ, никто не будетъ ему противиться.

Но мои монастырскія фантазіи такъ же быстро исчезли, какъ и пришли. Мое сердце скоро было преисполнено радостной надеждой на свиданіе съ Сашею: матушка прочитала мнѣ свое

письмо къ нею, въ которомъ она приказывала ей, какъ можно скорѣе, отказаться отъ всѣхъ занятій,—черезъ недѣли двѣ она пришлетъ за ней лошадей, чтобы она могла немедленно приступить къ подготовленію меня по всѣмъ предметамъ институтской программы. Между прочимъ она извѣщала ее и о томъ, что денегъ. которыя она получила за ея занятія и скопленныхъ ею отъ хозяйства, хватитъ на осеннюю поѣздку всѣхъ насъ въ Петербургъ.

Итакъ, мои ожиданія новыхъ несчастій на этотъ разъ не сбылись: въ мартѣ стояли морозы и наше озеро было покрыто крѣпкимъ льдомъ; опасаясь новыхъ фантазій съ моей стороны, матушка часто начала посылать меня съ Дуняшею къ дѣтямъ Воиновыхъ или они посѣщали насъ. Во второй половинѣ апрѣля пріѣхала Саша, и тутъ уже я сама рѣшила, что при ней со мною не можетъ произойти никакихъ несчастій. Я бодро начала готовиться къ пріемному экзамену и, несмотря на усиленныя занятія, мое здоровье быстро поправлялось, и я все меньше предавалась молитвѣ, а поститься совсѣмъ перестала, когда увидала, что Саша всегда ѣстъ скоромное.

Е. Водовозова.

Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ и молодого Герцена [1]).

Въ этомъ очеркѣ мы прежде всего будемъ говорять о Пестелѣ, котораго Герценъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка удачно называлъ „соціалистомъ до соціализма“ (socialisme avant le socialisme [2]). Онъ не былъ соціалистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, не былъ прежде всего хотя бы уже потому, что самъ современный соціализмъ въ 20-хъ годахъ существовалъ лишь въ головѣ великихъ утопистовъ Запада и на страницахъ впервые появлявшихся тогда, но очень мало читаемыхъ публикою, ихъ трудовъ. Не былъ онъ соціалистомъ и потому, что, какъ увидимъ сейчасъ сознательно полагалъ во главу угла своей системы комбинацію частной и общественной собственности. Но, не говоря о замѣчательной силѣ мысли, обнаруженной имъ при выработкѣ своихъ соціальныхъ взглядовъ, лежащихъ несомнѣнно въ плоскости міровозрѣнія труда, Пестель заслуживаетъ упоминанія и въ силу того, что его „соціализмъ до соціализма“ носилъ преимущественно аграрный характеръ и являлся попыткой самостоятельнаго приложенія теоріи къ русской дѣйствительности, т. е. былъ въ этомъ отношеніи предтечею русскаго народническаго и соціально революціоннаго соціализма послѣднихъ десятилѣтій XIX го вѣка и начала XX-го.

Бывъ самымъ лѣвымъ въ рядахъ декабристовъ по своимъ политическимъ взглядамъ,—съ той оговоркой, что на манеръ великихъ французскихъ якобинцевъ онъ черезчуръ подчеркивалъ принципъ государственной централизаціи и былъ въ общемъ рѣзкимъ противникомъ федеративнаго устройства, — Пестель былъ самымъ лѣвымъ между заговорщиками и по

[1]) По задуманному авторомъ плану, этотъ очеркъ долженъ былъ явиться лишь главою въ ряду другихъ главъ работы автора о вліяніи европейскаго соціализма на русскій. Въ виду прекращенія нашего журнала, очерку этому придана форма самостоятельной статьи.

Редакція.

[2]) Alexandre Herzen, *Du développement des idées révolutionnaires en Russie*; Лондонъ. 2-е изд., 1853. стр. 67.

своимъ соціальнымъ воззрѣніямъ. Тутъ, можно сказать, онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ то время какъ большинство его товарищей не шло далѣе отмѣны крѣпостного права и притомъ безъ надѣленія или съ неполнымъ надѣленіемъ землею крестьянъ, Пестель смѣло развернулъ планъ радикальной аграрной реформы, или лучше сказать революціи, такъ какъ она должна была произвести коренной переворотъ въ земельныхъ отношеніяхъ. Теперь, когда напечатаніе подлиннаго текста знаменитой „Русской Правды" позволяетъ намъ судить о настоящихъ взглядахъ величайшаго изъ декабристовъ, да и вообще одного изъ самыхъ крупныхъ политическихъ дѣятелей Россіи, не прибѣгая къ выцарапыванію истины изъ конгломерата лжи разныхъ слѣдственныхъ комиссій и полуофиціальныхъ историковъ движенія,—теперь, говоримъ мы, и планъ соціальной реформы и мотивировка ея Пестелемъ могутъ быть изучены непосредственно и во всѣхъ главнѣйшихъ подробностяхъ.

Въ основаніе проекта положены взгляды, которымъ нельзя отказать въ оригинальности, особенно принимая эпоху его составленія. Пестель знаетъ два основныя, діаметрально-противоположныя воззрѣнія на земельную собственность и созиательно сочетаетъ въ своемъ планѣ выгоды, проистекающія, по его мнѣнію, отъ осуществленія того и другого. Онъ резюмируетъ взглядъ противниковъ частнаго земельнаго владѣнія въ слѣдующихъ рельефныхъ выраженіяхъ: „Земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ. Коль скоро существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ земли не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя человѣка устранены насиліемъ и зловластіемъ" [1]). Съ неменьшею ясностью Пестель формулируетъ и другое воззрѣніе: „Второе мнѣніе, напротивъ того, объясняетъ, что труды и работы суть источники собственности и что тотъ, который землю удобрялъ и оную способной сдѣлалъ къ произведенію разныхъ произрастаній, исключительное долженъ на ту землю имѣть право обладанія... Посему и должна вся земля быть собственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землею исключено" (ibid.). Составитель „Русской Правды" не становится цѣликомъ на сторону перваго,—соціалистическаго, или, вѣрнѣе сказать, согласуясь съ терминологіей эпохи, коммунистическаго,—взгляда, ни на сторону второго, индивидуалистическаго. Но онъ находитъ средній путь между двумя направле-

[1]) П. И. Пестель, *Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію*; Спб., 1906, стр. 203 (текстъ, изданный П. Е. Щеголевымъ).

ніями, прибѣгая при этомъ къ любопытной аргументаціи. А именно онъ заявляетъ себя приверженцемъ коммунизма, поскольку дѣло идетъ о доставленіи каждому человѣку такого количества земли, какое обезпечиваетъ „необходимое для житія", и приверженцемъ исключительной частной собственности, поскольку рѣчь заходитъ о „пріобрѣтеніи и сохраненіи изобилія" (стр. 204).

Сообразно съ этимъ Пестель проектируетъ все пространство Россіи или, точнѣе выражаясь, территорію каждой „волости", которая въ его планѣ является элементарной административной ячейкой государства, раздѣлить на двѣ части: „землю общественную" и „землю частную". „Земля общественная,—говоритъ Пестель, развивая свой проектъ,—будетъ всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не можетъ. Она будетъ предназначена для доставленія необходимаго всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго". (стр. 204). Что касается до другой части территоріи, то „земли частныя будутъ принадлежать казнѣ или частнымъ лицамъ, обладающимъ оными съ полною свободою и право имѣющимъ дѣлать изъ оной, что имъ угодно. Сіи земли, будучи предназначены для образованія частной собственности, служить будутъ къ доставленію *изобилія*" (подчеркнуто въ самомъ подлинникѣ, стр. 205. Н. Р.)

Намъ незачѣмъ вдаваться въ подробности осуществленія плана. Но не мѣшаетъ отмѣтить одну-двѣ главныхъ черты его. Общественныя земли дѣлятся на участки такой величины, чтобы съ нихъ могло получаться „необходимое для житья „тягла", или семьи, состоящей изъ „мужа съ женою и тремя дѣтьми". Каждый изъ такихъ участковъ „отдается" тяглу не въ собственность, а „въ обработку" и не болѣе, какъ на „одинъ годъ". Но по истеченіи этого срока онъ или можетъ перейти въ руки новаго тягла, или остаться за прежними хозяевами снова на одинъ годъ, и т. д. Любопытно, что по плану Пестеля каждый членъ волости (не имѣющій частной собственности, или имѣющій ее,—все равно) обладаетъ правомъ требовать отъ мѣстныхъ властей,—„волостнаго намѣстнаго собранія",—столько участковъ, сколько только пожелаетъ. И его требованіе должно быть удовлетворено, хотя, конечно, въ зависимости отъ общаго количества общественной собственности. Сначала дается по одному участку, если возможно—всѣмъ гражданамъ данной мѣстности, если же нѣтъ, то предпочтительно тѣмъ, у кого нѣтъ своей собственности,—но „принужденъ къ тому никто быть не можетъ", оговаривается авторъ „Русской Правды". Затѣмъ удовлетворяются требованія тѣхъ, кто пожелалъ бы обработывать два, три и т. п., вообще лишнее число участковъ. Наконецъ, въ случаѣ,

если бы оставались еще участки, они „могутъ отдаваться въ откупъ посторониимъ лицамъ“ (стр. 206).

Рядомъ съ общественной собственностью, планъ Пестеля признаетъ и даже считаетъ крайне полезнымъ и прямо необходимымъ существованіе частной собственности. Великій декабристъ совершенно въ духѣ людей Конвента признаетъ „право собственности или обладанія“ за „право священное и неприкосновенное, долженствующее на самыхъ твердыхъ положительныхъ и неприкосновенныхъ основахъ быть утверждено и укрѣплено, дабы каждый гражданинъ въ полной мѣрѣ увѣренъ былъ въ томъ, что никакое самовластіе не можетъ лишить его ниже малѣйшей части его имущества“ (стр. 224—225). И этотъ взглядъ опирается у Пестеля не только на соображенія политической необходимости, — такъ какъ въ крѣпостной и деспотической Россіи надо было подчеркнуть значеніе свободной собственности свободнаго гражданина,—но и на убѣжденіе въ абсолютномъ, если можно такъ выразиться, значеніи частной собственности. Будучи, подобно громадному большинству своихъ товарищей, приверженцемъ свободы экономической дѣятельности, принципа laissez faire laissez passer, Пестель полагалъ, что ничѣмъ не стѣсняемая игра хозяйственныхъ учрежденій всего лучше будетъ способствовать успѣхамъ промышленности и „возможно большему благоденствію многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ“ (стр. 5), какъ онъ любилъ выражаться въ духѣ и подъ вліяніемъ теорій Бентама.

Въ частности, въ приложеніи къ земельнымъ отношеніямъ, онъ считаетъ должнымъ не разъ и не два провозгласить, какъ мы уже видѣли это, необходимость одновременнаго существованія общественной и частной собственности. При чемъ онъ любитъ по возможности торжественно формулировать неприкосновенность послѣдней, говоря, напр., слѣдующимъ образомъ: „Частная земля каждой волости имѣетъ быть роздана участками всѣмъ различнымъ семействамъ той волости въ вѣчную и полную, частную ихъ собственность. Ежели кто изъ вольныхъ земледѣльцевъ предъ симъ уже купилъ какую-нибудь для себя землю, то остается полнымъ обладателемъ оной“ (стр. 88). Интересно, что Пестель не отступаетъ для организаціи прочнаго личнаго владѣнія даже передъ мѣрами, которыя ведутъ при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ къ расширенію частной собственности на счетъ общественной. Такъ, напр., въ тѣхъ селеніяхъ и волостяхъ, гдѣ въ моментъ проведенія коренной реформы болѣе половины земли уже принадлежитъ всему обществу, тамъ революціонное правительство, — или „Временное Верховное Правленіе“, по терминологіи Пестеля, — „обязывается отдѣлить отъ общественной собственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышать будетъ, и сію отдѣленную часть

раздать по ровнымъ участкамъ въ вѣчное потомственное владѣніе членамъ того общества вольныхъ земледѣльцевъ, коему вся земля принадлежитъ" (стр. 84). Даже въ примѣненіи къ государственной собственности Пестель желаетъ торжества принципа частнаго владѣнія: „казна же является въ отношеніи къ казенной землѣ въ видѣ частнаго человѣка и потому казенныя земли продавать можетъ" (стр. 85). И далѣе: „если крестьянинъ купитъ у казны какую-нибудь казенную землю или часть оной, тогда сей участокъ, имъ купленный, будетъ онъ имѣть право закладывать, продавать, дарить, въ наслѣдство и приданое отдавать, — однимъ словомъ онымъ распоряжаться по своей волѣ, какъ совершенною частною собственностью своею" (стр. 86).

Но всѣ эти планы упроченія частной собственности не должны закрывать отъ насъ оригинальной стороны проекта Пестеля, а именно признанія за каждымъ гражданиномъ права на существованіе, права, которое реализируется организаціей общественной собственности, т. е. того фонда, откуда берутся для всѣхъ членовъ общежитія участки, обезпечивающіе „необходимое". Пестель краснорѣчиво поясняетъ все значеніе этого центральнаго пункта своего проекта: „Каждый россіянинъ будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ и въ коемъ онъ пропитаніе сіе получать будетъ не отъ милосердія ближнихъ и не оставаясь въ ихъ зависимости, но отъ трудовъ, кои приложитъ для обрабатыванія земли, ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества наравнѣ съ прочими гражданами. Гдѣ бы онъ ни странствовалъ, гдѣ бы счастія ни искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ, что ежели успѣхи стараніямъ измѣнятъ, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ всегда пристанище и хлѣбъ насущный найти можетъ" (стр. 207). Въ этихъ словахъ слышится какъ бы первое выраженіе того русскаго права на трудъ, которое выливается у насъ въ право на землю и войдетъ однимъ изъ основныхъ принциповъ въ программу позднѣйшаго соціально-революціоннаго направленія.

Не мѣшаетъ также отмѣтить и ту своеобразную формулу общественнаго страхованія и общественнаго кредита, которую даетъ Пестель и которая предвосхищаетъ извѣстными сторонами своими планы „дарового кредита", „народныхъ банковъ" и т. п. учрежденій въ нѣкоторыхъ соціалистическихъ системахъ Запада. По мнѣнію автора „Русской Правды", къ ряду реформъ, довершающихъ право на землю, должна быть отнесена организація въ каждой волости и на взносы членовъ ея банковыхъ и страховыхъ учрежденій. При этомъ Пестель указываетъ въ числѣ функцій или „дѣйствій" этихъ органовъ даровой кредитъ („безъ роста и залога"),

всѣмъ членамъ волости, въ размѣрѣ, не превышающемъ „опредѣленной суммы", а также ссуженье „нужными деньгами гражданъ, заводящихъ хозяйство на участкахъ общественной земли (,) безъ роста и залога", (стр. 241) и страхованье „разнаго рода предметовъ, имуществъ и отраслей промышленности" (стр. 242). Въ случаѣ значительнаго увеличенія „капиталовъ и роста", которые стали бы такимъ образомъ оставаться безъ производительнаго употребленія, Пестель рекомендуетъ отчислять изъ этихъ суммъ извѣстную долю на „какое-нибудь общеполезное заведеніе", или на уменьшеніе податей.

Яркую особенность исторической физіономіи Пестеля составляетъ та черта, что, придавая громадное значеніе соціальнымъ реформамъ, этотъ „соціалистъ до соціализма" былъ страстнымъ политикомъ и политикомъ-радикаломъ. Онъ не только былъ убѣжденъ, подобно другимъ заговорщикамъ, что возрожденіе Россіи немыслимо безъ низверженія абсолютизма, но и что новый режимъ долженъ быть не какой-нибудь болѣе или менѣе удовлетворительной формой конституціонной монархіи, а республиканскимъ и притомъ широко демократическимъ правленіемъ. Въ своихъ отвѣтахъ Слѣдственному Комитету Пестель гордо заявлялъ: „Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристокраціи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ по моимъ понятіямъ неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей" [1]).

Своего идеала, а именно демократической республики, основанной на равенствѣ и участіи всѣхъ гражданъ въ управленіи (при посредствѣ Народнаго Вѣча, въ которое представители націи избирались всѣмъ народомъ, но по системѣ двухстепенныхъ выборовъ, и т. д.), — этого идеала, говоримъ мы, Пестель считалъ возможнымъ добиться лишь путемъ военнаго

---

[1]) Н. Павловъ-Сильванскій, *Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ*; Ростовъ-на-Дону, безъ даты (составляетъ № 15 „Русской Исторической Библіотеки»).

заговора и диктатуры поставленнаго такимъ образомъ у власти революціоннаго правительства на все время подготовленія и проведенія реформы. Для такого правительства, или Временнаго Верховнаго Правленія, онъ собственно и составлялъ свою „Русскую Правду", такъ какъ не вѣрилъ въ возможность политическаго и соціальнаго пересозданія Россіи при помощи представительнаго строя. Послѣдній лишь имѣлъ быть осуществленнымъ въ результатѣ революціонной диктатуры, которая должна была, по мнѣнію Пестеля, продолжаться „не менѣе десяти лѣтъ", причемъ уже „одно раздѣленіе земель" взяло бы „много времени" (ibid., стр. 96).

Такъ рисуется намъ въ общихъ чертахъ крайне замѣчательная для своего времени политико-соціальная система Пестеля [1]), который, надо кромѣ того замѣтить, былъ не голымъ теоретикомъ, а необыкновенно энергичнымъ практическимъ дѣятелемъ, посвятившимъ всю свою короткую жизнь осуществленію своихъ идеаловъ. Спрашивается теперь, въ какой степени вліялъ Западъ на воззрѣнія этого рѣдкаго по уму и характеру русскаго человѣка. Въ русской литературѣ уже имѣется попытка отвѣтить на этотъ вопросъ. Я говорю о напечатанной въ „Быломъ", но обыкновенію интересной и крайне добросовѣстной работѣ В. И. Семевскаго, посвященной изученію конституціонныхъ плановъ конца позапрошлаго и начала прошлаго вѣковъ [2]). Въ заключительной части своего этюда ученый историкъ представляетъ соображенія и относительно того, какіе прецеденты,—кромѣ фактовъ русской жизни и русскихъ же литературныхъ источниковъ,—можно установить для политическихъ и соціальныхъ взглядовъ Пестеля. Здѣсь насъ интересуютъ послѣдніе, соціальные взгляды, а политическихъ мы коснемся лишь постольку, поскольку это будетъ необходимо для нашей спеціальной цѣли. Посмотримъ, что можемъ мы найти для себя въ изслѣдованіяхъ В. И. Семевскаго, который полагаетъ, что „столь же важнымъ, если не болѣе вліятельнымъ (чѣмъ явленія русской жизни и литературы.

---

[1]) Извѣстно, что «Русская Правда» состоитъ изъ частей, написанныхъ далеко не въ одно время,—что вводитъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ неосмотрительныхъ писателей, которые укоризненно разбираютъ «нелиберальные» и даже „сословно-дворянскіе" взгляды Пестеля (напр. о законности «шпіонства», или о заведеніи «внутренней стражи» изъ 50.000 жандармовъ), забывая, что то — мнѣнія сравнительно ранняго періода, когда великій декабристъ еще только вырабатывалъ свое міровоззрѣніе. Но его взгляды на аграрную реформу принадлежатъ къ зрѣлымъ частямъ „Русской Правды", представляютъ собою законченное цѣлое и вмѣстѣ съ его окончательными политическими воззрѣніями могутъ, дѣйствительно, быть названы „системой".

[2]) *Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка*; „Былое", 1906, №№ 1, 2 и 3.

Н. Р.) источникомъ его воззрѣній должны были быть произведенія западноевропейскихъ литературъ, изъ которыхъ Пестель, конечно, могъ почерпнуть лишь нѣкоторыя общія идеи, повліявшія на созданія его плана аграрной реформы" („Былое", № 3, стр. 182).

Положительно или отрицательно Пестель могъ быть наведенъ на свои идеи „соціалиста до соціализма" чтеніемъ слѣдующихъ западно-европейскихъ авторовъ, съ которыми составитель „Русской Правды" при его замѣчательной для того времени эрудиціи долженъ былъ ознакомиться, —и, дѣйствительно, былъ знакомъ, какъ доказывается, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ авторамъ, показаніями и выписками Пестеля. Монтескье, несмотря на свое уваженіе къ современной ему частной собственности, не безъ похвалы относится къ античному коммунизму Ликурга, Платона, миѳическаго Ромула и даже къ позднѣйшему коммунизму іезуитскихъ колоній въ Парагваѣ; кромѣ того онъ признаетъ право на трудъ, на существованіе. Руссо своими пламенными выпадами противъ „моего" и „твоего", противъ фатальнаго для человѣчества учрежденія частной собственности, съ котораго и началась столь ненавидимая Руссо историческая „цивилизація", несомнѣнно заставляетъ критически относиться къ современной общественной организаціи. Морелли въ своемъ „Законѣ природы" приписываетъ всѣ злоключенія человѣчества тому обстоятельству, что вотъ уже шесть или семь тысячъ лѣтъ какъ была уничтожена общая собственность, и рекомендуетъ возвратиться къ этому идеальному строю, причемъ предметами частной собственности должны остаться лишь вещи, служащія для непосредственнаго удовлетворенія потребностей.

Таковы (согласно нашей болѣе или менѣе свободной характеристикѣ, порою подчеркивающей нѣсколько иныя стороны, чѣмъ г. Семевскій) тѣ авторы, которые, по мнѣнію ученаго изслѣдователя, могли повліять на Пестеля въ смыслѣ коммунизма. Что касается до Гельвеція, Гольбаха и Бентама, то у нихъ, какъ полагаетъ г. Семевскій, Пестель долженъ былъ найти аргументы въ пользу „невозможности равенствъ имуществъ". Но въ сущности, по нашему мнѣнію, и у этихъ авторовъ попадаются мѣста, которыя могутъ быть истолкованы по крайней мѣрѣ какъ выраженіе сожалѣнія, что нельзя осуществить болѣе равномѣрнаго пользованія благами среди человѣчества. Напомню лишь, что хотя бы Гельвецій приписываетъ поголовное распространеніе воровства и прочихъ проявленій борьбы между интересами людей въ современномъ обществѣ тому обстоятельству, что большинство людей лишено собственности, что чрезмѣрное количество „пролетаріевъ" находится въ состояніи полнѣйшей зависимости отъ „коммерсантовъ и аристократіи". А единственнымъ средствомъ противъ зла онъ считаетъ увеличеніе числа собственниковъ и „новый раздѣлъ земель",

но лишь оговаривается, что „такой дѣлежъ всегда трудно осуществить“, да сверхъ того рекомендуетъ „уничтоженіе денегъ“, какъ „способствующихъ неравенству имуществъ“. Не тотъ-ли же самый Гельвецій говорилъ, что какъ ни кажется невозможнымъ въ ближайшемъ будущемъ установленіе „менѣе неравномѣрнаго распредѣленія національныхъ богатствъ“, тѣмъ не менѣе въ „строѣ всѣхъ государствъ“ замѣчаются такія „ежедневныя измѣненія“, что эту возможность реформы собственности нельзя по крайней мѣрѣ считать „платонической химерой“, ибо чрезъ болѣе или менѣе долгое время „всѣ возможности осуществляются“.

Въ частности, по отношенію къ плану земельнаго преобразованія г. Семевскій цитируетъ дѣйствительно нѣсколько напоминающій пестелевскую систему проектъ аббата де-Курнана, предлагавшаго въ 1791 г. новый „аграрный законъ“, уже упомянутый нами, какъ планъ частичной націонализаціи земель“ [1]; а также проектъ обращенія всей земельной собственности въ государственную, принадлежащій англійскому соціалисту Чарльзу Голлу (Холлу? Hall. Н. Р.). Но мнѣ представляется мало вѣроятнымъ знакомство Пестеля какъ съ небольшой, вышедшей въ періодъ революціонной бури и затерявшейся въ массѣ памфлетовъ брошюрой де-Курнана, такъ и съ ученіемъ Холла, врядъ ли извѣстнаго, подобно, впрочемъ, и другимъ родоначальникамъ англійскаго соціализма, на континентѣ Европы.

Вдумываясь въ характеръ аграрной реформы Пестеля и сопоставляя ее съ общимъ направленіемъ его политической программы, я скорѣе вижу въ земельномъ проектѣ нашего „соціалиста до соціализма“ результатъ косвеннаго, но могучаго вдохновенія политическими программами крайнихъ республиканцевъ Великой французской революціи. Причемъ буржуазное прославленіе частной собственности было смягчено, или, лучше сказать, довольно оригинальнымъ образомъ сочетано съ соціалистическими тенденціями благодаря вліянію на Пестеля нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ г. Семевскимъ авторовъ и фактовъ русской жизни, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Если обратить вниманіе на громадный удѣльный вѣсъ, который Пестель придаетъ „равенству“ граждан, на энергію, съ которой онъ подчеркиваетъ необходимость бороться съ „аристократіей богатствъ“, то,—знаменательная вещь,— путь, которымъ великій декабристъ приходитъ отъ своего политическаго радикализма къ соціальной реформѣ, въ высокой степени напомнитъ намъ переходъ отъ политики къ коммунизму внутри крайнихъ республиканскихъ обществъ заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ на почвѣ Франціи во время реставраціи и первыхъ лѣтъ іюльской монархіи. И можно лишь удивляться

---

[1]) См. главу 1-ую части первой нашихъ этюдовъ: „Минувшіе Годы“ № 5, стр. 7.

уму и силѣ мысли Пестеля, который въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ пытается установить ту самую связь между демократической политикой и соціалистической экономикой, которую Войе д'Аржансонъ, Буонарроти, Шарль Тестъ и т. п. положатъ во главу угла своей программы лишь на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Онъ, какъ они, или точнѣе сказать, они, какъ онъ, вдохновляются политической программой великихъ якобинцевъ 1793 г. съ ихъ могучимъ порывомъ къ равенству. Но и Пестель, и коммунисты „Общества правъ человѣка" понимаютъ, что этого равенства нельзя осуществить, не устранивъ по крайней мѣрѣ самого вопіющаго экономическаго неравенства.

Войе д'Аржансонъ могъ бы, напр., включить безо всякаго колебанія въ свое profession de foi слѣдующую мысль Пестеля: „Отличительная черта нынѣшняго столѣтія ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальной аристократіей, во время коей начинаетъ возникать аристократія богатствъ гораздо вреднѣйшая аристократіи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристократія богатствъ, владѣя богатствами, находитъ въ нихъ орудія для своихъ видовъ, противъ коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно, и посредствомъ коихъ оно приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость" [1]. Точно также нашъ Пестель, говори онъ не передъ застѣночнымъ судомъ, а передъ парижской палатой депутатовъ, могъ бы громогласно заявить съ парламентской трибуны, какъ это сдѣлалъ д'Аржансонъ на засѣданіи 6-го января 1834: „Вся моя политическая, нравственная и, я могу почти сказать, религіозная вѣра выражается единымъ словомъ, „равенство". Ближайшая цѣль—равенство политическихъ правъ; конечная и постоянная цѣль—равенство соціальныхъ условій" [2].

Вотъ почему ни Пестель, ни французскіе конспираторы не боятся брать своимъ исходнымъ пунктомъ политическую программу якобинцевъ Великой французской революціи, связанную всего болѣе съ именемъ Робеспьера, несмотря на теоретическое восхваленіе въ ней принципа священной и неприкосновенной частной собственности. Этому прославленію платитъ, какъ мы видѣли, дань и Пестель. Отъ него не свободна формально и программа „Общества правъ человѣка", въ той части, гдѣ она воспроизводитъ опре-

---

[1]) *Русская правда*, стр. 59.

[2]) Georges Weill, *Histoire du parti republicain en France de 1814 à 1870;* Парижъ, 1900, стр. 125.—Г. Ивановъ-Разумникъ вѣрно характеризуетъ особенность міровоззрѣнія Пестеля, говоря: „къ соціальному черезъ политическое—таковъ былъ девизъ соціализма". См. *Исторія русской общественной мысли;* Спб., 1908, изд. 2-е, т. I, стр. 118.

дѣленіе собственности Робеспьера, опредѣленіе, которое при извѣстномъ истолкованіи проливаетъ, впрочемъ, довольно двусмысленный свѣтъ на святость собственности. Ибо, какъ извѣстно, глава якобинцевъ ставитъ пресловутую неприкосновенность ея въ зависимость отъ „гарантіи закона“ и требуетъ, чтобы собственность какого-бы то ни было гражданина „не вредила ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности ему подобныхъ“, что бьетъ прямо въ забрало „аристократіи богатствъ“. Это теоретическое прославленіе нисколько не мѣшаетъ какъ Пестелю, такъ и французскимъ коммунистамъ, вносить такія ограниченія въ режимъ частной собственности, которыя существеннымъ образомъ измѣняютъ значеніе принципа. Очевидно, и на далекомъ Востокѣ и на цивилизованномъ Западѣ наиболѣе сильные умы уже чувствовали, что осуществить политическое равенство безъ коренной реформы современнаго экономическаго строя значило бы рѣшать задачу о квадратурѣ круга. Такъ представляется мнѣ вопросъ о зависимости соціальныхъ идей Пестеля отъ западно-европейскихъ образцовъ.

Но г. Семевскій справедливо отмѣчаетъ и непосредственное вліяніе русскихъ условій на аграрные планы Пестеля. Я склоненъ даже думать, что рѣдкая умственная самостоятельность нашего „соціалиста до соціализма“, позволившая ему забѣжать своими выводами далеко за господствовавшее чисто либеральное направленіе современной ему западно-европейской мысли, объяснялась въ немалой степени тѣмъ, что въ окружавшей его тогда русской дѣйствительности рѣзко бросались въ глаза нѣкоторыя экономическія явленія, успѣвшія къ тому времени уже значительно поблѣднѣть въ культурныхъ странахъ Запада. Тутъ мы имѣли бы одинъ изъ тѣхъ случаевъ воздѣйствія болѣе развитыхъ народовъ на менѣе развитые, когда мысль послѣднихъ, получившая начальный толчокъ отъ первыхъ, продѣлываетъ подъ давленіемъ „мѣстныхъ потребностей“ такую эволюцію, что „станетъ какъ бы національнымъ продуктомъ“ [1]).

Относительно „программы земельной реформы“ Пестеля „нужно думать“—какъ полагаетъ г. Семевскій,—что „въ основу“ ея „легли личныя наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ; нѣкоторыя же свѣдѣнія о немъ онъ могъ почерпнуть и изъ литературныхъ источниковъ“, напр. изъ примѣчаній Болтина на книгу Леклерка [2]). Я приведу наиболѣе выдающіяся строки изъ Болтина по этому предмету, тѣмъ болѣе, что самъ г. Семевскій ограничился по недостатку мѣста лишь

[1]) См. введеніе къ этимъ этюдамъ въ „Минувшихъ Годахъ“, № 5. стр. 2.

[2]) Семевскій, l. c., «Былое», 1900, № 3, стр. 182 и прим. 1.

простой ссылкой на „Примѣчанія“, хотя и съ точнымъ указаніемъ страницъ. Между тѣмъ описаніе Болтинымъ нашихъ общинныхъ распорядковъ настолько точно, что не оставляетъ желать ничего лучшаго и показываетъ, кстати сказать, въ какой степени былъ пристрастенъ Марксъ, утверждая, что и сама то русская община была „открыта“ Герценомъ въ книгѣ нѣмца Гакстгаузена [1]). Русскимъ нечего было открывать свою общину по слѣдамъ прусскаго путешественника, когда болѣе полвѣка тому назадъ, въ концѣ XVIII-го столѣтія, Болтинъ какъ нельзя болѣе наглядно описываетъ, какимъ образомъ передѣляется земля съ соотвѣтствующими ей налогами въ селеніяхъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ; что они имѣютъ въ полную собственность, и что у нихъ есть „общаго“ или „на дѣлу“ (sic); наконецъ, въ чемъ разница крестьянъ общинниковъ отъ частныхъ собственниковъ - однодворцевъ. Лишь размѣры относящихся сюда мѣстъ изъ Болтина заставляютъ насъ перенести высоко интересную цитату въ примѣчанія [2]).

---

[1]) En passant: трехтомное сочиненіе барона Гакстгаузена (Aug. Freih. von Haxthausen, *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands;* Ганноверъ) появилось въ 1847—1851 г. Началъ свое путешествіе по Россіи Гакстгаузенъ въ 1843 г., и въ маѣ этого же года Герценъ имѣлъ съ нимъ интересный разговоръ о русской „общинности“. Между тѣмъ славянофилы еще раньше съ любовью начали изучать эту, какъ казалось имъ, особенность русскаго быта. И, напр., еще въ 1842 г. Хомяковъ въ «Москвитянинѣ» горячо защищалъ сельскую общину. См. о послѣднемъ: В. И. Семевскій, *Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка;* Спб., 1888, т. II, (Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая), стр. 70—74 и 389 -392.

[2]) «Собственность крестьянская состоитъ въ его домѣ, имѣніи, скотѣ, и землѣ, сколько ему на дѣлу съ прочими той деревни крестьянами достанется... Чтобы дать понятіе иностраннымъ о раздѣлѣ земли между крестьянами и о платежѣ оброка съ нея, раскажу я въ короткихъ словахъ о семъ. Положимъ, что въ селѣ или деревнѣ 250 душъ мужескаго пола, кои составляютъ 100 тяголъ; что оброку платитъ вся деревня помѣщику 1000 рублей, да государственныхъ податей, и яко то подушныхъ, рекрутскихъ и разныхъ мѣлочныхъ расходовъ сходитъ съ нихъ 500, и того всего 1500, и что вся земля той деревни раздѣлена на 180 паіовъ, полагая въ пай по десятинѣ, по полторы, или по двѣ въ полѣ. Изъ нихъ 120 паіовъ земли, раздаютъ они на каждое тягло по одному, достальныя 20 (60 ? Н. Р.) раздѣляютъ по себѣ тѣ кои семьянистѣе или зажиточнѣе другихъ—по добровольному согласію или по жеребью какая часть кому достанется. Имѣющіе по одному паю земли, плотятъ въ годъ по 12 рублей, 60 копѣекъ (? Н. Р). Тѣжъ кои разберутъ по себѣ достальные 20 паіовъ, каждый платитъ по разчисленію, то есть кто полъ пая возьметъ тотъ платитъ 6 рублей 30 копѣекъ, а за четверть пая 3 рубли

Но несомнѣнно, что Пестель зналъ общину не только изъ книгъ, но и изъ жизни. Онъ былъ не только просто помѣщикомъ,—г. Семевскій указываетъ на то, что „родители Пестеля имѣли помѣстье въ Смоленской

---

15 копѣекъ, сверхъ 12 рублей 60 копѣекъ, которыми каждый за владѣніе цѣлаго пая долженъ. По прошествіи года, если который крестьянинъ, по случившемуся какому-либо нещастію, яко за умертвіемъ жены, сына на возрастѣ, за сгорѣніемъ дома или другимъ какимъ убыткомъ, не будетъ въ состояніи съ полуторыхъ паіовъ или съ одного пая платить оброка, то объявляетъ о томъ на мірскомъ сходѣ старостѣ и всѣмъ крестьянамъ; въ слѣдствіе чего, ту землю, которую онъ обработать не въ состояніи, отъ него отбираютъ и отдаютъ другому, кто взять ея пожелаетъ, или раздѣляютъ двоимъ или троимъ на части; и тѣ, кои возьмутъ ея во владѣніе свое, и платить впредь съ нея будутъ. Такой порядокъ въ раздѣленіи земель и платежѣ оброка есть одинаковъ, ибо въ иныхъ мѣстахъ вовсе земли нѣтъ, слѣдовательно и дѣлить нѣчева; въ другихъ, столь ея много что она цѣны своей не имѣетъ; въ такихъ случаяхъ не по владѣнію земли, а по семейству и достатку каждаго, государственныя подати и помѣщичьи оброки раскладываются. Но всегда раскладку сію дѣлаютъ крестьяне сами по себѣ, вѣдая каждый о другомъ сколько можетъ заплатить безъ тягости предъ другими, и по общему мірскому приговору.

«Все сіе говорено было о помѣщичьихъ крестьянахъ, коихъ не такъ тиранническое есть рабство, какъ автору угодно было оное представить; крестьянъ же государственныхъ и еще невольничество меньше. Живутъ они, также какъ и помѣщичьи, селами и деревнями, изъ коихъ каждая имѣетъ свои дачи болѣе или менѣе обширныя, которыя всѣмъ той деревни крестьянамъ принадлежатъ вообще. Раздѣляютъ они пашню, луга и лѣса по себѣ, также какъ и о помѣщичьихъ сказано, и каждый крестьянинъ владѣетъ своимъ паемъ въ полной свободѣ и независимости. Все, что достаетъ онъ отъ земледѣлія, скотоводства, промысла или ремесла своего, остается въ приращеніи его собственности; и все что онъ въ жизнь свою пріобрѣтаетъ или въ наслѣдіе отъ родителей своихъ получаетъ, другому никому кромѣ его не принадлежитъ: изъ того, имѣетъ онъ полную власть отдать, продать, въ приданое отдать и въ наслѣдіе дѣтямъ своимъ оставить (кромѣ земли, понеже она общая есть всѣмъ крестьянамъ, а ни чья особенно)...

«Однодворцы, всѣ сказанныя выгоды имѣя, преимуществуютъ тѣмъ, что каждой имѣетъ свою собственную землю особенно, которую можетъ продать и въ наслѣдство оставить дѣтямъ своимъ, на основаніи права дворянскаго, съ такимъ изъятіемъ, что продать не другому кому можетъ, какъ только сочлену своего общества». См. *Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ* (печатано въ типографіи горнаго училища); 1788, т. II, стр. 340—341, passim.—Читатель, конечно, уже самъ обратилъ вниманіе на черезчуръ оптимистическую ноту, которая звучитъ въ этомъ описаніи жизни тогдашнихъ крестьянъ, равно какъ на небольшую цифровую ошибку (опечатку?), вносящую нѣкоторыя погрѣшности въ числовой примѣръ, взятый Болтинымъ.

губ.",—но дѣятельно вмѣшивался въ крестьянскую жизнь, и вмѣшивался такъ, какъ только и можно было ожидать отъ этого благороднаго энтузіаста. Изъ коротенькой, но любопытной замѣтки, помѣщенной въ „Быломъ" [1]), оказывается, что село Ставки (Вязниковскаго у., Владим. губ.) называлось нѣкогда Пестелевкой; и когда на крестьянахъ этой общины, принадлежавшей братьямъ Пестелямъ до перехода ея къ г-жѣ Оттъ, накопились недоимки, то владѣльцы рѣшили сжечь оброчныя книги, причемъ „Павелъ Иванович Пестель и гой швырнулъ ихъ въ самый огонь, приговаривая: „вотъ такъ ихъ, подальше". Память о Пестеляхъ, по словамъ автора, самого крестьянина, живетъ до сихъ поръ среди мѣстнаго населенія, съ благодарностью вспоминающаго хорошихъ господъ... Вообще нѣсколько предположительную фразу г. Семевскаго: „*нужно думать*", что „въ основу программы поземельной реформы" Пестеля „легли личныя наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ" слѣдуетъ, какъ кажется мнѣ, замѣнить теперь категорическимъ утвержденіемъ, что Пестель зналъ русскую общину, вдумывался въ ея значеніе и, получивъ извѣстный толчокъ въ соціальномъ направленіи отъ западно-европейской мысли, сознательно расширилъ русскіе земельные порядки до размѣровъ основного пункта своего аграрнаго плана.

Въ опубликованномъ теперь текстѣ „Русской Правды" находится, дѣйствительно, поразительная по своей вѣскости въ этомъ направленіи мысль: „Ежели при первомъ взглядѣ покажется введеніе таковаго порядка сопряженнымъ съ большими трудностями, то надлежитъ только вспомнить, что сіе постововленіе можетъ большія затрудненія встрѣтить во всякомъ другомъ государствѣ, но не въ Россіи, гдѣ понятія народныя весьма къ оному склонны и гдѣ съ давнихъ временъ уже пріобыкли къ подобному раздѣленію земли на двѣ части" (стр. 205). Впрочемъ, изучая дѣло декабристовъ, мы видимъ, что не одинъ Пестель, а и другіе заговорщики знали нашу общину и положительно или отрицательно, но говорили о ней какъ объ учрежденіи, функціонированіе которой имъ было болѣе или менѣе хорошо извѣстно. На общину мы находимъ несомнѣнныя указанія въ федеративно-аристократическомъ проектѣ конституціи Никиты Муравьева, который опредѣляетъ двухстепенные выборы для крестьянъ, имѣющихъ землю въ „общественномъ владѣніи". Противъ общины давно дѣлалъ возраженія Н. И. Тургеневъ, который впослѣдствіи, въ своей книгѣ о „Россіи и Русскихъ", сравнивалъ планы Пестеля съ „геніальными утопіями" Оуэна и Фурье. Но лишь одинъ Пестель не только считался съ фактомъ существо-

[1]) Крестьянинъ И. В. Маіоровъ. *Крестьянскія воспоминанія о П. И и Б. И. Пестель*; „Былое". 1906. № 5. стр. 266—267.

ванія общиннаго владѣнія въ Россіи, а и старался возвести этотъ фактъ на степень принципа при предполагавшейся имъ коренной реформѣ аграрныхъ порядковъ. Въ заключеніе мы снова и снова можемъ повторить по отношенію къ Пестелю эпитетъ „соціалиста до соціализма. Ибо хотя въ его планѣ не было собственно и рѣчи о коммунистическомъ производствѣ, то все же выдвигалась на первый планъ,—какъ равноцѣнное частному владѣнію начало,—общественная собственность на землю съ частнымъ хозяйствомъ на неотчуждаемыхъ участкахъ, т. е., значитъ, въ сущности сельская община, какъ она существовала и продолжаетъ существовать въ Россіи, но съ землею, „соціализированной“,—сказали бы мы теперь,—внутри каждой „волости“ для осуществленія по отношенію къ каждому гражданину „права на землю“.

Если великіе родоначальники западно европейскаго соціализма не оказали, повидимому, никакого мало-мальски ощутительнаго вліянія на декабристовъ [1]), даже въ лицѣ Пестеля, самостоятельно тяготѣвшаго къ новому

[1]) Все, что мы можемъ сказать по этому поводу, это лишь то, что одному изъ декабристовъ были извѣстны взгляды Оуэна, а съ другимъ, высоко даровитымъ, но неуравновѣшеннымъ Лунинымъ, былъ знакомъ Сэнъ-Симонъ. Мы не знаемъ, однако, въ какой степени знаменитый соціалистъ повліялъ на нашего соотечественника. Вотъ все, относящееся къ этому вопросу въ мемуарахъ нѣкоего Ипполита Оже, — единственномъ источникѣ нашихъ свѣдѣній о сношеніяхъ Лунина съ Сэнъ-Симономъ. Французъ Оже, жившій въ Россіи и сталкивавшійся и тамъ, и заграницей съ нѣкоторыми выдающимися представителями нашей тогдашней интеллигенціи, описываетъ, какъ въ 1816 г., въ бытность въ Парижѣ, ему пришлось присутствовать на вечерѣ у баронессы Роже вмѣстѣ съ Лунинымъ и Сэнъ-Симономъ. „Вскорѣ послѣ нашего прихода,—разсказываетъ Оже, — пріѣхалъ Сэнъ-Симонъ. Онъ былъ ея старинный знакомый, но бывалъ не часто, потому что не любилъ тратить времени по пустякамъ; узнавъ же объ ея знакомствѣ съ Лунинымъ, онъ пріѣзжалъ, чтобы хорошенько разспросить ее о немъ. Незадолго до этого онъ познакомился съ Лунинымъ, не знаю гдѣ и черезъ кого, сразу оцѣнилъ его живой умъ и внутреннія качества, не говоря уже объ его изяществѣ, и думалъ употребить его въ дѣло для распространенія своихъ идей. Но прежде чѣмъ довѣряться окончательно, онъ желалъ получше узнать его. Самъ онъ велъ чрезвычайно дѣятельную, тревожную жизнь, постоянно отыскивая себѣ способныхъ помощниковъ.... Узнавъ о скоромъ отъѣздѣ новаго адепта, онъ выразилъ свое сожалѣніе.—Опять умный человѣкъ ускользаетъ отъ меня! сказалъ онъ. Черезъ васъ я бы завязалъ сношенія съ молодымъ народомъ, еще не изсушеннымъ скептицизмомъ. Тамъ хорошая почва для принятія новаго ученія.—Но, графъ, отвѣчалъ Лунинъ, мы можемъ переписываться: раз-

строю, очертанія котораго онъ лишь смутно предугадывалъ, то десять лѣтъ спустя въ Россіи были уже ревностные поборники этого соціализма въ лицѣ Герцена и Огарева и ихъ друзей, увлеченныхъ Сэнъ-Симономъ или, точнѣе сказать, сэнъ-симонистской школой. У геніальнаго публициста и тонкаго художника мы находимъ въ этомъ смыслѣ автобіографическія указанія, имѣющія общее идейное значеніе, такъ какъ эволюція, продѣланная въ началѣ 30-хъ годовъ Герценомъ, являлась эволюціей русской мысли, воплощавшейся въ наиболѣе передовыхъ представителяхъ тогдашней интеллигенціи.

Вотъ, дѣйствительно, какъ рисуется по „Былому и Думамъ", и „Развитію революціонныхъ идей въ Россіи", знаменательный процессъ. Когда реакція, послѣдовавшая за неудавшимся переворотомъ 14-го декабря, скосила на корню цвѣтъ русской интеллигенціи, умственно обезглавила Россію, то все же неизбѣжный ходъ человѣческой мысли и ростъ цивилизаціи не остановились. Неистребимыя стремленія сознательной части народа

говоръ и переписка въ одинаковой мѣрѣ могутъ служить для вашей цѣли. —Это, конечно, такъ, но только въ изустномъ спорѣ возможно договориться до полнаго пониманія. Всякое возраженіе есть залогъ побѣды. Да и потомъ, когда вы пріѣдете къ себѣ, вы тотчасъ приметесь за безтолковое, безполезное занятіе, гдѣ не нужно ни системы, ни принциповъ, однимъ словомъ, вы непремѣнно въ ваши лѣта увлечетесь политикой.—Но, любезный мой Сэнъ-Симонъ, вскричала баронесса, да вы сами-то чѣмъ же занимаетесь, какъ не политикой?—Я это дѣлаю поневолѣ; но я смотрю на политику, какъ на неизбѣжное зло, какъ на тормазъ, замедляющій прогрессъ человѣчества...

„Онъ вскорѣ простился, прося Лунина писать ему.—Если вы меня забудете, сказалъ онъ ему, то не забывайте по крайней мѣрѣ пословицы: „погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь". Со времени Петра Великаго вы все болѣе и болѣе расширяете свои предѣлы не потеряйтесь въ безграничномъ пространствѣ. Римъ сгубили его побѣды: ученіе Христа взошло на почвѣ, удобренной кровью. Война поддерживаетъ рабство; мирный трудъ положитъ основаніе свободѣ, которая есть неотъемлемое право каждаго».

«Когда онъ ушелъ, Лунинъ сдѣлался молчаливъ: размышлялъ ли онъ о сказанномъ, или можетъ быть думалъ объ умершемъ отцѣ: но мы не рѣшились заговорить съ нимъ». См. *Изъ записокъ Ипполита Оже.* (Съ неизданнаго французскаго подлинника); «Русскій Архивъ», 1877, № 5 стр. 64—66, passim.

Лунинъ, какъ извѣстно, послѣ занятія «политикой» въ рядахъ декабристовъ, кончилъ въ Сибири мистикомъ и католикомъ. Можно-ли хоть въ этомъ видѣть отзвукъ вліянія Сэнъ-Симона, который, подобно его ученику, Огюсту Конту, высоко цѣнилъ историческое значеніе католицизма?..

въ силу закона превращенія энергіи, имѣющаго такое же значеніе въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, принимали иной характеръ, находили новое русло, захватывали новую среду, но по прежнему, хотя и въ другой формѣ, ставили задачу кореннаго общественнаго преобразованія. Декабристы были, главнымъ образомъ, политическими революціонерами (кромѣ Пестеля), хотя и придававшими большой вѣсъ нѣкоторымъ существеннымъ реформамъ соціально-экономическаго распорядка, въ родѣ освобожденія крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вербовались въ рядахъ высшаго общества и главнымъ образомъ среди войсковой аристократіи, бывшей въ то время наиболѣе передовой частью русской интеллигенціи. Общее число лицъ, прямо или косвенно участвовавшихъ въ декабризмѣ или сочувствовавшихъ ему, по словамъ такого эксперта въ этомъ дѣлѣ, какимъ былъ Николай I, не превышало 6000 человѣкъ. Затѣмъ, послѣ тяжелой спячки первыхъ лѣтъ реакціи, прогрессивныя традиціи пробудились въ болѣе широкой и неопредѣленной, культурной и литературно-философской формѣ, но за то охватили уже болѣе широкій кругъ участвующихъ и сочувствующихъ, преимущественно изъ средняго и мелкаго дворянства, къ которымъ стали уже понемногу примыкать люди, носящіе въ Россіи довольно расплывающееся, но въ тоже время характерное названіе „разночинцевъ“.

Неслужилый дворянинъ Станкевичъ, богатый купецъ Боткинъ, сынъ уѣзднаго лѣкаря Бѣлинскій, мѣщанинъ Кольцовъ выражаютъ типически составъ тогдашняго прогрессивнаго общества, съ сильнымъ преобладаніемъ, однако, помѣщичьяго элемента. Журналъ, въ русскомъ смыслѣ „ежемѣсячника“, находилъ тогда уже тысячи читателей, разбросанныхъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Имперіи. Тысячами же приливали въ гимназіи и университеты дѣти этихъ болѣе или менѣе культурныхъ отцовъ. Контингентъ этихъ въ той или иной степени образованныхъ людей создавалъ тѣ слои общественной атмосферы, облегающей и питающей центральное ядро тогдашней интеллигенціи, которые только и дѣлали возможнымъ дальнѣйшій ростъ и развитіе политической мысли. Наиболѣе выдающіеся представители этой интеллигенціи не только вдохновлялись въ своей дѣятельности обращеніемъ къ первоисточникамъ европейской цивилизаціи, но и чутко отражали на своей эволюціи движеніе идейныхъ теченій и политическихъ циклоновъ самого Запада.

Это въ особенности можно сказать относительно людей, подобныхъ Герцену, которые, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ своего соціальнаго положенія и идейнаго развитія, были болѣе связаны нитями традиціи со славной фалангой своихъ предшественниковъ. Сначала, на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, это былъ пламенный либерализмъ, загорѣвшійся особенно ярко подъ

вліяніемъ извѣстій объ іюльской революціи. „Славное было время,—разсказываетъ объ упомянутомъ моментѣ Герценъ,—событія неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Голируда, Бельгія вспыхнула, тронъ короля-гражданина качался, какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ. Романы, драмы, поэмы,—все снова сдѣлалось пропагандой, борьбой.

„Тогда орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистыя деньги...

„Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Лафайетомъ и за генераломъ Ламаркомъ, мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты отъ Манюеля и Бенжаменъ Констан'а, до Дюпонъ"- де-Лера и Арманъ Карель" [1]).

Затѣмъ разразилось и было залито кровью польское возстаніе. Русская общественная мысль, сугубо сдавливаемая желѣзной рукой усилившейся реакціи, сосредоточивается въ себѣ и провѣряетъ основаніе своихъ недавнихъ пламенныхъ восторговъ. Немного лѣтъ спустя кризисъ либерализма, отражавшаго западно-европейскія событія и идеи, разрѣшился у Герцена и его друзей въ соціализмъ, также непосредственно вдохновляемый великой работой Запада. „Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія,—продолжаетъ разматывать золотую нить своихъ воспоминаній Герценъ,—быстро воспитывало. Насъ уже не одно то мучило, что Николай выросъ и осѣлся въ строгости; мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что въ Европѣ и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ не ладно; теоріи наши становились намъ подозрительны.

„Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ, пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу.

„Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ (Пассекъ. Н. Р) бросилась въ глубокое и серьезное изученіе русской исторіи. Другая въ изученіе нѣмецкой философіи. Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую застольную революцію была

[1]) *Былое и Думы*; т. VI „Сочиненій А. И. Герцена". Женева-Базель-Ліонъ, 1878. стр. 159—160. passim.

потрясена, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ несторовской лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга.

„Середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки Сенъ-Симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессы. Они поразили насъ. Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Enfantin и надъ его апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечъ соціализма. Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощенными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи“ (l. c., стр. 194 — 195).

Но что же особенно поражаетъ русскихъ сэнъ-симонистовъ въ ученіи ихъ европейскихъ вдохновителей? Мы видѣли, что школа Сэнъ-Симона, несмотря на свои чудачества, оказала, однако, нѣкоторыя очень существенныя заслуги соціализму. Такъ она вскрыла смыслъ классовой соціальной борьбы, происходящей въ современномъ обществѣ, съ геніальной энергіей, предвосхищающей нѣкоторыми сторонами Маркса. И тѣмъ не менѣе не это останавливаетъ по себѣ вниманіе русскихъ сэнъ-симонистовъ. Тогдашняя Россія представляла собою, своими общественными условіями, такой плохой резонаторъ для ученія о борьбѣ классовъ въ европейскомъ смыслѣ, что Герценъ и его друзья, подталкиваемые вѣрнымъ инстинктомъ, берутъ у западно-европейскихъ учителей какъ разъ то, что могло найти откликъ въ деспотіи Николая I, а именно нравственно-философскую сторону, раскрѣпощеніе личности, и въ особенности женской личности, отъ ига общественныхъ предразсудковъ. Ибо преимущественно это могло найти и находило еще долго сочувственный откликъ въ русской интеллигенціи, которая оставалась до самаго послѣдняго времени,—ознаменовавшагося выступленіемъ болѣе или менѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ,—единственной сознательной силой русскаго прогресса. Послушайте опять Герцена: „Съ одной стороны, *освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ ровнымъ. Съ другой, оправданіе, *искупленіе плоти*, Réhabilitation de la chair! Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми,—міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный, и потому нравственно-чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески - развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное крещеніе плоти есть отходная христіанства; религія жизни шла на смѣну

религія смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы“ (стр. 196). И вотъ именно эта-то новая религія дѣлалась религіей русскихъ сэнъ-симонистовъ, этотъ-то „новый міръ—какъ описываетъ Герценъ ощущенія свои и своихъ единомышленниковъ,—толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сэнъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ. Удобовпечатлительные, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду черезъ море. Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки“ (стр. 197). И далѣе: „Кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся. Уже тогда, въ 1833 году, *либералы* смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги. Передъ самой тюрьмой Сенъ-Симонизмъ поставилъ рубежъ между мной и Н. А. Полевымъ... Этотъ-то человѣкъ, жившій послѣднимъ открытіемъ, вчерашнимъ вопросомъ, новой новостью въ теоріи и въ событіяхъ, мѣнявшійся какъ хамелеонъ, при всей живости ума не могъ понять Сенъ-Симонизма. Для насъ Сенъ-Симонизмъ былъ откровеніемъ—для него безуміемъ, пустой утопіей, мѣшающей гражданскому развитію“ (стр. 198).

Впослѣдствіи Герценъ прибавитъ къ этому идеалистическому соціализму, къ „новому христіанству“ сэнъ-симонистовъ, реальныя, соціально экономическія стороны все болѣе и болѣе развивавшагося на Западѣ міровоззрѣнія труда. Онъ будетъ серіезно задумываться надъ отношеніями между владѣльцами капитала и владѣльцами голыхъ рабочихъ рукъ. Онъ будетъ рукоплескать ударамъ, наносимымъ Прудономъ фетишу собственности. Онъ будетъ въ русской земельной общинѣ искать исходной точки для коренной перестройки на Востокѣ,—если не для совершеннаго разрушенія,—той храмины мѣщанскаго, буржуазнаго благополучія, которая, возвышаясь горделивымъ и изукрашеннымъ фасадомъ на Западѣ будетъ вызывать своимъ гигантскимъ традиціовымъ гнетомъ жаркія проклятія автора „Съ того берега“. Но вездѣ и всегда Герценъ останется въ соціализмѣ идеалистомъ, сохраняя первоначальную складку, полученную его богатой индивидуальностью отъ чтенія произведеній сэнъ-симонистской школы въ началѣ 30-хъ годовъ.

Здѣсь мы должны пока покончить съ Герценомъ. Дальнѣйшія судьбы его эволюціи будутъ когда-нибудь изображены нами въ особой работѣ о народническомъ и соціально-революціонномъ направленіяхъ русскаго соціализма. Тамъ мы имѣемъ въ виду обрисовать также и другую крупнѣйшую фигуру русскаго движенія, Бакунина, который подобно своему другу Гер-

цену начнетъ играть выдающуюся роль въ рядахъ нашей интеллигенціи еще очень рано, не позже второй половины 80-хъ годовъ, но опять таки, подобно Герцену, дастъ полную мѣру своего воздѣйствія на окружающихъ лишь впослѣдствіи. Апогеемъ идейнаго вліянія Герцена будетъ кульминаціонный пунктъ того освободительнаго періода, который лишь очень неточно называется у насъ „шестидесятыми годами" (какъ апогеемъ такого вліянія для Бакунина будутъ „семидесятые годы"). А теперь, имѣя дѣло съ Герценомъ, какъ съ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей русскаго сэнъ-симонизма, мы должны заключить исторію этихъ первыхъ русскихъ послѣдователей западно-европейской соціалистической доктрины упоминананіемъ о судьбѣ герценовскаго кружка. Она, впрочемъ, напоминаетъ судьбу всѣхъ прочихъ общественныхъ кружковъ при Николаѣ I и укладывается цѣликомъ въ нѣсколько строкъ, посвященныхъ ей самимъ же Герценомъ. „Въ 1834 г., меня и моихъ друзей бросили въ тюрьму, а восемь мѣсяцевъ спустя разослали писцами по канцеляріямъ отдаленныхъ провинцій. Насъ обвиняли въ *намѣреніи* образовать тайное общество и заняться сэнъ-симонистской пропагандой; намъ прочли, въ видѣ дурной шутки, смертный приговоръ и возвѣстили, что императоръ, движимый столь характеризующей его поистинѣ непростительной добротой, повелѣлъ примѣнить къ намъ лишь исправительную мѣру наказанія,—ссылку. Эта кара длилось болѣе пяти лѣтъ" [1]).

Такъ кончилась исторія перваго русскаго соціалистическаго кружка, имѣющаго гораздо меньше значенія въ качествѣ политической организаціи, — да ея и вовсе не было, — чѣмъ какъ показатель любопытнаго тяготѣнія русской интеллигенціи къ соціализму еще въ тотъ ранній моментъ, когда онъ только что началъ обращать на себя ироническое вниманіе либеральныхъ буржуа на родномъ Западѣ. Пусть припомнятъ слова того же автора въ „Развитіи революціонныхъ идей въ Россіи": „Съ самаго появленія сенъ-симонизма, послѣ 1830 г., соціализмъ произвелъ сильное впечатлѣніе на умы въ Москвѣ. Въ этой доктринѣ въ Россіи видѣли выраженіе чувства, болѣе идущаго въ глубь нашей души (sentiment plus intime), чѣмъ въ чисто политическихъ теченіяхъ, такъ какъ у насъ уже привыкли къ общинѣ, къ передѣлу земель, къ рабочимъ артелямъ. Свидѣтели самаго крайняго злоупотребленія правомъ собственности,—мы были менѣе возмущены соціализмомъ, чѣмъ буржуа Запада".

Н. С. Русановъ.

---

1) *Du développement* etc., стр. 91.

Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева.

(1789 г.).

I.

Вопросъ о журнальной дѣятельности А. Н. Радищева имѣетъ важное, существенное значеніе не только для освѣщенія литературнаго развитія этого великаго писателя русскаго XVIII вѣка, но и для исторіи нашей общественности и литературы вообще. Если и до сихъ поръ не установилось истинно-научнаго и строго-историческаго отношенія къ жизненному и литературному труду Радищева, то причины этого явленія нужно искать, главнымъ образомъ, въ томъ изолированномъ положеніи, которое создано вѣковымъ преслѣдованіемъ сначала автора, а потомъ книги. Когда Радищевъ въ 1790 году держалъ отвѣтъ въ канцеляріи Шешковскаго, онъ настойчиво отрицался отъ какихъ-либо сношеній и знакомствъ и представлялъ себя „уединеннымъ" литераторомъ. Неслыханная кара, постигшая Радищева, и послѣдовавшее за ней систематическое подавленіе общественной мысли наложили печать молчанія на всѣхъ, кто действительно находился въ общеніи съ осужденнымъ вольнодумцемъ, и скрыли отъ насъ радищевскія традиціи. Со временемъ утратились и источники нашихъ возможныхъ свѣдѣній, и намъ остались скуднѣйшія извѣстія и неясные слухи. Правда, остается еще путь историко-литературнаго изученія знаменитаго „Путешествія", но и до сихъ поръ мы еще не имѣемъ спеціальнаго изслѣдованія, которое выяснило бы отношеніе книги Радищева къ современной литературѣ и журналистикѣ.

Вопросъ о журнальной дѣятельности Радищева поставленъ давно, еще въ 1868 г. А. Н. Пыпинымъ [1]). Онъ имѣетъ цѣлую литературу, но мы не имѣемъ никакого опредѣленнаго рѣшенія по той простой причинѣ, что слишкомъ скромны тѣ данныя, которыми мы располагаемъ. Имя Радищева

---

[1]) Въ замѣткѣ „Крыловъ и Радищевъ. Кто писалъ въ „Почтѣ Духовъ?". Вопросъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка". (Вѣст. Евр. 1868, май, стр. 419—436).

связывается съ именемъ И. А. Крылова и съ журналомъ „Почта Духовъ“, которому принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи общественной сатиры [1]). Предъ историками литературы стоятъ два вопроса: 1) одинъ ли Крыловъ былъ авторомъ всѣхъ писемъ „Почты Духовъ“, изложенной въ видѣ переписки между духами или онъ имѣлъ сотрудниковъ и 2) былъ ли въ числѣ его сотрудниковъ А. Н. Радищевъ. Для нашей цѣли не такъ важенъ первый вопросъ. Не имѣя въ виду останавливаться на немъ, укажемъ, что наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ мнѣніе Я. К. Грота, по которому весь журналъ принадлежитъ одному автору [2]). Сохранилось, правда, идущее отъ самаго Крылова извѣстіе о томъ, что издатель и собственникъ журнала Рахмановъ давалъ ему матеріалъ; но рѣчь тутъ, очевидно, не о готовыхъ статьяхъ, а именно о матеріалахъ, сообщеніяхъ. И въ современной періодической печати мы нерѣдко наблюдаемъ эти явленія: матеріалы доставляются со стороны одними лицами и обрабатываются въ статьи постоянными сотрудниками. Но перечитывая теперь „Почту Духовъ“—рядъ писемъ, которыми обмѣниваются духи и которыя рисуютъ картину общественныхъ пороковъ,—трудно допустить, что они писаны разными авторами: если же допустить это, то все-таки надо представлять себѣ дѣло такъ, что всѣ авторы дѣйствовали по указкѣ одного, выработавшаго форму изложенія, и наблюдавшаго за примѣненіемъ правилъ и распредѣленіемъ темъ. Но главнымъ лицомъ въ журналѣ былъ 20-лѣтній Крыловъ. Съ трудомъ вѣрится, что по его указанію дѣйствовалъ 40-лѣтній Радищевъ. Но допустимъ даже, что въ „Почтѣ Духовъ“ работало нѣсколько лицъ. Какими доказательствами мы располагаемъ для зачисленія въ ихъ число Радищева? Всѣ фактическія данныя приведены А. Н. Пыпинымъ и позднѣйшая литература ихъ совершенно не увеличила. Они заключаются въ двухъ указаніяхъ.

Первое—на слова Крылова своему сослуживцу Быстрову о причинахъ закрытія журнала и типографіи: „Знаешь, мой милый—говорилъ Крыловъ—тутъ много причинъ... полиція, и еще одно обстоятельство... кто не былъ молодъ и на вѣку своемъ не дѣлалъ проказъ“. Эти слова Пыпинъ приводитъ по статьѣ Кеневича, дѣлающаго къ нимъ слѣдующее дополненіе со словъ Н. И. Греча: „Кажется, Крылова подозрѣвали въ томъ, что онъ напечаталъ у себя книгу Радищева. По крайней мѣрѣ, лѣтъ десять спустя послѣ появленія ея въ свѣтъ, одинъ полицейскій чиновникъ самъ разска-

[1]) Адская почта“ доступна для чтенія: г. Каллашъ перепечаталъ ее въ II и III томахъ „Полн. собр. соч. И. А. Крылова“. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“.

[2]) „Сатира Крылова и его „Почта Духовъ“ (Вѣстн. Евр. 1868. мартъ 203—224 и въ „Трудахъ“ Я. К. Грота. т. III).

залъ ему, что явился въ его типографію съ порученіемъ развѣдать, не у него ли печатается эта книга, и прикрылъ это порученіе желаніемъ узнать, какъ вообще печатаются книги" [1]) Пыпинъ самъ признаетъ, что изъ подобныхъ сообщеній трудно извлечь что-нибудь кромѣ темнаго представленія о какихъ-то связяхъ, существовавшихъ между нимъ и Радищевымъ. Но это сообщеніе Быстрова-Греча-Кеневича не годится для утвержденія даже темнаго представленія. Пыпину не были еще въ то время извѣстны данныя о началѣ преслѣдованія противъ Радищева и о томъ, что факты его авторства и печатанія книги въ его собственной типографіи обнаружились, можно сказать, тотчасъ же по возбужденіи разслѣдованія. Но, главное, мы знаемъ теперь, что у Крылова не было въ то время собственной типографіи, что „Почта Духовъ" печаталась въ типографіи Рахманинова [2]), что изданіе прекратилось въ 1789 году на августовской книжкѣ скорѣе всего за отсутствіемъ подписчиковъ и что во всякомъ случаѣ прекращеніе не было ни въ какой зависимости отъ появленія книги въ іюнѣ 1790 года.

Второе указаніе, приводимое Пыпинымъ, — свидѣтельство Массона, автора извѣстнаго сочиненія о Россіи въ царствованія Екатерины II и Павла I. Массонъ прибылъ въ Россію въ 1786 году, сначала преподавалъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, а съ 1789 года состоялъ адъютантомъ при президентѣ военной коллегіи Н. И. Салтыковѣ, былъ воспитателемъ его дѣтей и жилъ въ дворцѣ; въ 1796 году онъ былъ высланъ за границу имп. Павломъ I. В. А. Бильбасовъ даетъ высокую оцѣнку его работѣ, вышедшей въ 1800 году подъ заглавіемъ „Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I". Paris An VIII [3]). Во второмъ томѣ (p. 188—190) мы находимъ слѣдующее извѣстіе о Радищевѣ.

„Среди многочисленныхъ жертвъ политическихъ преслѣдованій Радищевъ заслуживаетъ въ особенности сожалѣній друзей разума. Извѣстно, что Екатерина II не рѣдко отправляла на свой счетъ за границу русскую молодежь путешествовать и учиться; въ большинствѣ случаевъ выборъ былъ удаченъ, молодые люди становились достойными людьми и приносили въ свое отечество знанія философіи и гуманныя идеи. Самымъ выдаю-

[1]) Кеневичъ, В. Ив. Андр. Крыловъ. Біогр. очеркъ. Вѣст. Евр. 1868, февр., стр. 712.

[2]) Данныя объ изданіи „Почты Духовъ" приведены г. Каллашемъ въ предисловіи къ перепечаткѣ журнала (Полн. собр. соч. Крылова, изд. т-ва „Просвѣщеніе", т. II, стр. 305—320).

[3]) См. В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Т. XII, ч. 2-ая, Берлинъ, ст. 66 сс.

дпимся и самымъ несчастнымъ изъ этихъ воспитанниковъ Екатерины былъ Радищевъ. По своемъ возвращеніи онъ былъ опредѣленъ директоромъ таможни и въ этомъ положеніи сборщика податей (dans cet emploi de publicain), его честность, любезность въ обращеніи, мягкость характера заставили цѣнить и дорожить имъ. Онъ занимался литературой и уже издавалъ „Почту Духовъ“ (Potschta Doukow), періодическое изданіе, самое философское и самое острое (la plus piquante), подобнаго которому никогда не осмѣливались издавать въ Россіи. Но его совсѣмъ не трогали; когда же во время революціи онъ осмѣлился напечатать маленькую работу, онъ рѣшился обнаружить свою ненависть къ деспотизму, свое негодованіе противъ фаворитовъ и свое уваженіе къ французамъ. Особенно замѣчательно тутъ то, что многіе экземпляры его книгъ имѣли разрѣшеніе полиціи. Рылѣевъ (Kléïef), начальникъ полиціи, столь же извѣстный въ Россіи своими нелѣпостями, какъ д'Аржансонъ, Ленуаръ, Сартинъ во Франціи своими хитростями, былъ потребованъ къ отвѣту по поводу этого одобренія. Онъ не зналъ, какъ отвѣчать, потому что онъ не читалъ книги, да и ничего въ ней не понялъ бы. Но почтенный Радищевъ, также спрошенный, сознался, что самые рѣзкіе отрывки его книги не были въ рукописи, когда онъ представлялъ ее въ цензуру, но что онъ самъ напечаталъ ихъ у себя. Онъ заслуживалъ бы того отношенія, которое Екатерина высказала въ другихъ случаяхъ — прощенія, но Радищевъ былъ отправленъ въ Сибирь.

„Онъ попросилъ разрѣшить ему обнять послѣдній разъ жену и дѣтей: когда его вывели изъ тюрьмы, чтобы отправить, ему разрѣшили остановиться на берегу Невы, чтобы подождать ихъ: но была ночь; подняли мостъ, чтобы пропустить суда, и въ этотъ моментъ его несчастная супруга прибыла на другой берегъ. Радищевъ умоляетъ задержать его отправленіе, пока не пройдетъ судно, или пока жена не найдетъ лодки. Напрасно, безжалостный конвой заставляетъ его сѣсть и запираетъ его въ возокъ, на глазахъ его растерявшейся жены, простирающей съ воплями къ нему руки черезъ рѣку. Ахъ! если онъ еще живъ въ далекой пустынѣ (dans ces vastes desertes), въ которую онъ брошенъ, или если онъ еще дышетъ въ Колыванскихъ рудникахъ, пусть онъ найдетъ утѣшеніе въ философіи и добродѣтели! Его смѣлость не прошла безъ пользы для родины. Несмотря на конфискацію, его книга существуетъ у многихъ его соотечественниковъ, и память о немъ дорога всѣмъ разсудительнымъ и чувствительнымъ людямъ“.

Къ этому разска у Масонъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Трудъ Р. озаглавленъ „Путешествіе въ Москву“. Русскимъ книгопродавцамъ платили до 25 руб. за то, чтобы имѣть на часъ эту книгу и прочесть. Я читалъ только отрывки, и среди нихъ тотъ, въ которомъ онъ разобла-

чаетъ надменность и глупое величіе деспота, окруженнаго презрѣнными льстецами. Вотъ фраза, которая особенно возмутила Екатерину: puisqu'elle était directe. J'entre à Tzarskoé-Célo; je suis frappé du silence effrayant qui y regne: tout se tout, tout tremble; c'est ici la demeure du despotisme. И эта фраза стоила Сибири для несчастнаго Радищева".

Вотъ единственное извѣстіе, называющее Радищева даже не сотрудникомъ, а единственнымъ авторомъ „Почты Духовъ". Сообщенія Масона достовѣрны въ общихъ чертахъ, но не въ частностяхъ. И разсказъ о Радищевѣ тоже только въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но отступаетъ отъ нея во многихъ частностяхъ. Пыпинъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Уже первое сообщеніе объ его исключительно авторствѣ „Почты Духовъ" должно бы внушить сомнѣніе. Масонъ не держалъ въ рукахъ даже книги „Путешествія"; поэтому то онъ и называетъ его небольшой работой, брошюрой. Разсказъ о прощаніи тоже не вѣренъ: и жены у Радищева въ это время уже не было, да притомъ такая разительная подробность о прощаніи (положимъ, не съ женой, а съ сестрой—воспитательницей дѣтей Р.) сохранилась бы въ семейныхъ воспоминаніяхъ дѣтей Радищева Свѣдѣнія о процессѣ и карѣ, постигшей Радищева, получены, очевидно, не изъ первыхъ рукъ и только подтверждаютъ общее впечатлѣніе отрывка, что Масонъ былъ въ довольно далекихъ отношеніяхъ къ дѣлу Радищева и къ исторіи его книги. Извѣстія Масона не шли, очевидно, изъ круговъ, близкихъ къ Радищеву. Съ тѣмъ большей осторожностью нужно относиться къ сообщенію Масона о „Почтѣ Духовъ", ибо еще труднѣе было получить свѣдѣнія о такомъ интимномъ фактѣ, какъ авторство неподписанныхъ статей. Въ большую публику, къ которой принадлежалъ и Масонъ, проникали, конечно, лишь слухи, и эти слухи и положилъ въ основу своей книги Масонъ. Дѣйствительно, тотъ, кто сообщилъ бы Масону совершенно достовѣрное извѣстіе объ изданіи Радищевымъ „Почты Духовъ", долженъ былъ близко знать жизнь Радищева и не могъ сообщить данныхъ, приводимыхъ Масономъ.

Вотъ этотъ-то слухъ, внесенный въ французскую книгу, и положилъ начало литературѣ нашего вопроса. Считаясь съ нимъ и не имѣя кромѣ него рѣшительно никакихъ фактическихъ данныхъ, изслѣдователи, касавшіеся этого вопроса, считали долгомъ высказаться, какія именно письма въ „Почтѣ Духовъ" могутъ быть приписаны Радищеву. Пыпинъ приписывалъ ему всѣ письма, занятыя общими соображеніями о недостаткахъ общественной жизни и разсужденіями о предметахъ нравственности, въ особенности письма Сильфа Дальновида и предположительно письма VIII, II, IV, XX, XXII, XXIV, XXV, XXIX, XXXIII, XXXVII. Къ мнѣнію Пыпина

склонялся и А. І. Лященко [1]). Л. Н. Майковъ склоненъ былъ приписать Радищеву письма Сильфа Дальновида и Выспрепара, особливо письма XX, XXII, XXIV, XXVII [2]). В. В. Каллашъ утверждаетъ, что письма Выспренара, Дальновида и Астарота напоминаютъ литературную манеру Радищева [3]). Н. П. Павловъ-Сильванскій, относясь скептически къ предположеніямъ Пыпина, признавалъ радищевскими письма XXII, V, XVIII [4]).

Основанія подобныхъ утвержденій — чисто субъективнаго свойства, въ полной зависимости отъ того впечатлѣнія, которое производитъ на изслѣдователя содержаніе или стиль писемъ. Но и на этомъ пути можно было бы получить достовѣрные выводы, если бы былъ произведенъ анализъ стиля „Почты Духовъ" и стиля Радищева, но этой работы до сихъ поръ не сдѣлано. У насъ послѣ внимательнаго изученія сочиненій Радищева сложилось представленіе, что у Радищева своеобразнѣйшій стиль (по словарю, эпитетамъ и синтаксису), легко отличный, и что стиль „Почты Духовъ" совсѣмъ не похожъ на радищевскій. Замѣтимъ, что обычная характеристика слога Радищева—тяжелый, надутый,—безконечно повторяемая, совершенно поверхностна и не примѣнима къ Радищеву. Мы сказали бы, что слогъ его имѣетъ даже своебразную прелесть: ни въ какихъ другихъ произведеніяхъ XVIII вѣка не чувствуется такого біенія слова, такой жизни языка, какъ у Радищева.

2.

Но относясь критически къ сообщенію Масона, мы должны поставить вопросъ, какіе дѣйствительно бывшіе факты могли способствовать возникновенію подобнаго слуха объ отношеніи Радищева къ журналистикѣ. На поставленный такимъ образомъ вопросъ мы можемъ теперь отвѣтить: да, Радищевъ былъ прикосновененъ къ современной журналистикѣ, но не къ „Почтѣ Духовъ", а къ выходившему одновременно съ ней журналу „Бесѣдующій Гражданинъ". Этотъ журналъ нынѣ абсолютно забытъ; можно сказать, что изъ изслѣдователей никто и никогда имъ не интересовался, а между тѣмъ въ исторіи русскаго общественнаго мнѣнія ему принадлежитъ видное мѣсто. Достаточно указать, что онъ посвященъ былъ разработкѣ вопроса о принципахъ политической дѣятельности гражданина и выясненію отно-

---

[1]) Къ біографіи Крылова (Ист. Вѣст. 1894. Т. LVIII, стр. 498—499.

[2]) Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1895. Стр. 36.

[3]) Указ. соч., стр. 312.

[4]) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. Спб 1905. Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Стр. 287—288.

женій гражданина къ своимъ согражданамъ и государству. По своему идейному содержанію журналъ очень близокъ къ „Путешествію": можно сказать, онъ подготавливалъ книгу Радищева. Сравнительный анализъ „Бесѣдующаго Гражданина" и „Путешествія" выясняетъ общность взглядовъ журнала и книги на многіе политическіе и философскіе вопросы. Любопытна и исторія изданія этого журнала. Онъ издавался цѣлымъ кружкомъ единомышленно настроенныхъ лицъ — „Обществомъ друзей словесныхъ наукъ". Издатели неоднократно подчеркивали, что, выпуская журналъ, они не преслѣдуютъ цѣлей коммерческихъ. Ихъ задачей было развитіе стройнаго міровоззрѣнія, въ которомъ необходимость гражданскихъ добродѣтелей вытекала изъ посылокъ этическихъ, философскихъ и гносеологическихъ. Поэтому, мы находимъ въ журналѣ цѣлый рядъ статей серьезнаго, научнаго содержанія [1]). Членомъ этого общества и слѣдовательно однимъ изъ издателей журнала былъ и А. Н. Радищевъ. Объ участіи его мы имѣемъ на этотъ разъ не одно глухое сообщеніе; мы можемъ внести въ собраніе его сочиненій одну статью, достовѣрно ему принадлежащую. Это важное извѣстіе объ отношеніи Радищева къ „Бесѣдующему Гражданину" мы находимъ въ вышедшихъ недавно весьма любопытныхъ „Запискахъ Сергѣя Алексѣевича Тучкова" [2]). Тучковъ тоже былъ членомъ „Общества друзей словесныхъ наукъ", но въ 1789 году онъ принималъ участіе въ войнѣ со шведами и жилъ въ Выборгѣ [3]). Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1790 году, онъ поспѣшилъ въ собраніе общества, но оно оказалось закрытымъ. Собранія были запрещены, а члены общества подверглись въ разной мѣрѣ преслѣдованіямъ правительства. И эти преслѣдованія были вызваны дѣятельностью Радищева. Вотъ въ высшей степени важный разсказъ Тучкова.

„Послѣ столь труднаго похода, прибылъ я въ домъ отца моего и, отдохнувъ нѣсколько дней въ моемъ семействѣ, вздумалъ посѣтить собраніе наше любителей словесности. Но пріѣхавъ въ домъ, гдѣ собирались мои сочлены, нашелъ оный пустъ, и дворникъ объявилъ мнѣ, что онъ не знаетъ

---

[1]) О дѣятельности „Общества друзей словесныхъ наукъ", о членахъ его, объ отношеніи его къ Радищеву, о связи „Бесѣдующаго Гражданина" съ „Путешествіемъ" я говорю на основаніи изданныхъ и неизданныхъ матеріаловъ въ особомъ изслѣдованіи, которое въ началѣ будущаго года появится въ печати. Въ немъ я даю подробный анализъ журнала и выясняю его историко-культурное значеніе.

[2]) 1766—1808. Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Подъ ред. К. А. Военскаго. Спб. 1908. Стр. 42—43.

[3]) На жительствѣ въ Выборгѣ онъ значится и въ спискѣ получавшихъ „Бесѣдующій Гражданинъ", помѣщенномъ въ журналѣ.

почему, однако давно уже, какъ запрещено отъ полиціи этимъ господамъ собираться.

„Во Франціи началась уже тогда революція, и духъ вольности началъ проникать въ Россію, а потому не только всѣ иллюминатскія, мартинистскія и массонскія собранія, но даже и собранія любителей словесности были строго запрещены, потому что нѣкоторые члены первыхъ находились членами и въ послѣднихъ, чего никакъ не можно было избѣжать.

„Нѣкто г. Радищевъ, членъ общества нашего, написалъ одно небольшое сочиненіе подъ названіемъ „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества, или истинный патріотъ", и хотѣлъ помѣстить въ нашемъ журналѣ. Члены хотя одобрили оное, но не надѣялись, чтобы цензура пропустила сочиненіе, писанное съ такой вольностью духа. Г. Радищевъ взялъ на себя отвезти все изданіе того мѣсяца къ цензору и успѣлъ въ томъ, что сочиненіе его вмѣстѣ съ другими было позволено для напечатанія. Въ тоже время издалъ онъ и напечаталъ безъ цензуры въ собственной типографіи небольшую книгу его сочиненія, подъ названіемъ: „Ѣзда изъ Петербурга въ Москву", въ которой съ великою вольностью, въ сильныхъ выраженіяхъ писалъ онъ противу деспотизма. Книга сія написана была прозою, но заключала въ себѣ оду на вольность, сочиненную имъ стихами. Оная начиналась сими словами:

О вольность! Вольность даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ...

и далѣе

Да Брутъ и Телль еще проснутся
Сидя во славѣ, да смутятся
Отъ гласа твоего цари.

„Полиція скоро открыла сочинителя оной. Онъ былъ взятъ и отвезенъ въ тайную канцелярію, которая въ царствованіе Екатерины II самыми жестокими пытками дѣйствовала во всей силѣ. Нѣкто Шешковскій, человѣкъ облеченный въ генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, былъ начальникомъ оной. Радищевъ, выдержавъ тамъ многіе пристрастные допросы, сосланъ былъ наконецъ въ Сибирь.

„Императрица велѣла подать себѣ всѣ списки членовъ, какъ тайныхъ, такъ и вольныхъ ученыхъ собраній, въ томъ числѣ представленъ былъ списокъ и нашего собранія. По разнымъ видамъ и обстоятельствамъ, большая часть членовъ лишены были своихъ должностей, и велѣно было имъ выѣхать изъ Петербурга. Я не могу умолчать о томъ, что она, читая списокъ собранія нашего и найдя въ немъ мое имя, сказала: „на что трогать этого молодого человѣка, онъ и такъ уже на галерахъ".

Тучковъ ставитъ кару, постигшую членовъ общества, въ связь съ обнаруженіемъ въ числѣ его членовъ Радищева; не совсѣмъ ясно, какое вліяніе на закрытіе общества имѣла его статья и былъ ли вѣдомъ Екатеринѣ II фактъ участія Радищева въ журналѣ. Извѣстно, что со времени французской революціи отношеніе Екатерины ко всякому проявленію независимой и свободной мысли становится нетерпимымъ, а ревность къ отысканію заразы французской—безмѣрной. Этими особенностями ея психологіи объясняется и неслыханное наказаніе, наложенное ею на Радищева. Во всякомъ случаѣ въ то время участіе Радищева въ журналѣ считалось одной изъ причинъ гибели общества; иначе Тучковъ, начиная въ своихъ запискахъ разсказъ объ обстоятельствахъ закрытія общества, не упомянулъ бы о статьѣ Радищева, писанной съ вольностью духа и помѣщенной по особеннымъ хлопотамъ автора. Для хронологіи событій нужно отмѣтить слѣдующее. Статья Радищева появилась въ декабрьской (послѣдней) книгѣ „Бесѣдующаго Гражданина" въ 1789 году. Но это не значитъ, что книжка вышла въ декабрѣ. Съ первой же январьской книжки журналъ началъ выходить съ опозданіемъ. Это обстоятельство неоднократно заставляло издателей извиняться передъ читателями. И декабрьская книжка 1789 года вышла уже въ 1790 году. Въ ней помѣщены, между прочимъ, стихи на масленицу; поэтому можно думать, что книжка вышла уже послѣ масляницы, значитъ въ февралѣ или даже въ мартѣ мѣсяцѣ Въ это время Радищевъ заканчивалъ печатаніе своего „Путешествія". Очевидно, промежутокъ между выходомъ книги журнала и „Путешествія" былъ не великъ.

3.

Но обратимся къ статьѣ Радищева, отличавшейся необычной вольностью духа. Дѣйствительно, съ первыхъ же строкъ васъ охватываетъ атмосфера радищевской мысли и радищевскаго стиля. Тема—коренной вопросъ, волновавшій передовую русскую интеллигенцію—кто же истинный гражданинъ, кто сынъ отечества. Отечество для нихъ не было отвлеченнымъ словомъ, не было абстракціей: это былъ лозунгъ дѣйствительности. Не даромъ немного позже имп. Павелъ I запретилъ употреблять слово отечество, какъ терминъ революціонный. Приводимъ эту неизвѣстную до сихъ поръ статью Радищева.

Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества [1]).

Не всѣ рожденные въ Отечествѣ достойны величественнаго наименованія сына Отечества (патріота).

---

[1]) Помѣщена въ «Бесѣдующемъ Гражданинѣ» на 308—324 страницахъ III-ей части; воспроизводится нами буквально.

— Подъ игомъ рабства находящіеся не достойны украшаться симъ именемъ.—Поудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковыя изреченія, доколѣ стоишь при прагѣ.—Вступи и виждь!

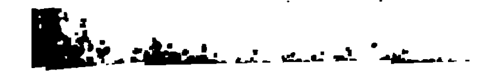
Кому не извѣстно, что имя сына Отечества принадлежитъ человѣку, а не звѣрю или скоту, или другому безсловесному животному? Извѣстно, что человѣкъ существо свободное, поелику одарено умомъ, разумомъ и свободною волею; что свобода его состоитъ въ избраніи лучшаго, что сіе лучшее познаетъ онъ и избираетъ посредствомъ разума, постигаетъ пособіемъ ума, и стремится всегда къ прекрасному, величественному, высокому.—Все сіе обрѣтаетъ онъ въ единомъ послѣдованіи естественнымъ и откровеннымъ законамъ, инако Божественными называемымъ, и извлеченнымъ отъ Божественныхъ и естественныхъ гражданскимъ или общежительнымъ.—Но въ комъ заглушены сіи способности, сіи человѣческія чувствованія, можетъ ли украшаться величественнымъ именемъ сына Отечества?—Онъ не человѣкъ, но что? онъ ниже скота; ибо и скотъ слѣдуетъ своимъ законамъ, и не примѣчено еще въ немъ удаленія отъ оныхъ. Но здѣсь не касается разсужденіе о тѣхъ злосчастнѣйшихъ, коихъ коварство или насиліе лишило сего величественнаго преимущества человѣка, кои содѣланы чрезъ то такими, что безъ принужденія и страха ничего уже изъ такихъ чувствованій не производятъ, кои уподоблены тяглому скоту, не дѣлаютъ выше опредѣленной работы, отъ которой имъ освободиться нельзя: кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телѣгу, и не имѣющіе надежды освободиться отъ своего ига, получая равныя съ лошадью воздаянія, и претерпѣвая равные удары; не о тѣхъ, кои не видятъ конца своему игу, кромѣ смерти, гдѣ кончатся ихъ труды и ихъ мученія, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объявъ духъ ихъ размышленіемъ, возжигаетъ слабый свѣтъ ихъ разума, и заставляетъ ихъ проклинать бѣдственное свое состояніе и искать оному конца; не о тѣхъ здѣсь рѣчь, кои не чувствуютъ другаго, кромѣ своего униженія, кои ползаютъ и движутся во смертномъ снѣ (летаргія), кои походятъ на человѣка однимъ только видомъ, въ прочемъ обременены тяжестію своихъ оковъ, лишены всѣхъ благъ, исключены отъ всего наслѣдія человѣковъ, угнѣтены, унижены, презрѣнны; кои не что иное, какъ мертвыя тѣла, погребенныя одно подлѣ другого; работаютъ необходимое для человѣка изъ страха; имъ ничего кромѣ смерти не желательно, и коимъ наималѣйшее желаніе заказано, и самыя маловажныя предпріятія казнятся; имъ позволено только расти, потомъ умирать; о коихъ не спрашивается, что они достойнаго человѣчества сдѣлали? какія похвальныя дѣла, слѣды прошедшей ихъ жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сіе великое число рукъ?—Не о сихъ здѣсь слово; они не суть члены Государства, они

не человѣки, когда суть не что иное, какъ движимыя Мучителемъ машины, мертвые трупы, тяглый скотъ!—Человѣкъ, человѣкъ потребенъ для ношенія имени сына Отечества!—Но гдѣ онъ? Гдѣ сей украшенный достойнымъ величественнымъ именемъ?—Не въ объятіяхъ ли нѣги и любострастія?—Необъятый ли пламенемъ гордости, любоначалія, насилія?—Не зарытый ли въ сквернoприбыточествѣ, зависти, зловожделѣніи, враждѣ и раздорѣ со всѣми, даже и тѣми, кои одинаково съ нимъ чувствуютъ, и къ одному и тому же устремляются?—или не погрязшій ли въ тину лѣни, обжорства и піянства?—Вертопрахъ, облетающій съ полудня (ибо онъ тогда начинаетъ день свой) весь городъ, всѣ улицы, всѣ домы, для безсмысленнѣйшаго пустоглаголанія, для обольщенія цѣломудрія, для зараженія благонравія, для уловленія простоты и чистосердечія, содѣлавшій голову свою мучнымъ магазиномъ, брови вмѣстилищемъ сажи, щеки коробками бѣлилъ и сурика, или лучше сказать живописною политрою, кожу тѣла своего вытянутою барабанною кожею, похожъ больше на чудовище въ своемъ убранствѣ, нежели на человѣка, и его разпутная жизнь, знаменуемая смрадомъ изъ устъ и всего тѣла его происходящимъ, задушается цѣлою аптекою благовонныхъ опрыскиваній, словомъ, онъ модный человѣкъ, совершенно исполняющій всѣ правила щегольской большаго свѣта науки;—онъ ѣстъ, спитъ, валяется въ пьянствѣ и любострастіи, не смотря на истощенныя силы свои переодѣвается, мелетъ всякій вздоръ, кричитъ, перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, кратко, онъ щеголь.—Не сей ли есть сынъ Отечества?—или тотъ, поднимающій величавымъ образомъ на твердь небесную свой взоръ, попирающій ногами своими всѣхъ, кои находятся предъ нимъ, терзающій ближнихъ своихъ насиліемъ, гоненіемъ, притѣсненіемъ, заточеніемъ, лишеніемъ званія, собственности мученіемъ, прельщеніемъ, обманомъ и самымъ убійствомъ, словомъ, всѣми, одному ему извѣстными, средствами раздирающій тѣхъ, кои осмѣлятся произносить слова: человѣчество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другія симъ подобныя?—потоки слезъ, рѣки крови не токмо не трогаютъ, но услаждаютъ его душу.—Тотъ не долженъ существовать, кто смѣетъ противоборствовать его рѣчамъ, мнѣнію, дѣламъ и намѣреніямъ! сей ли есть сынъ Отечества?—Или тотъ простирающій объятія свои къ захваченію богатства и владѣній цѣлаго Отечества своего, а ежели бы можно было, и цѣлаго свѣта, и который съ хладнокровіемъ готовъ отъять у злосчастнѣйшихъ соотечественниковъ своихъ и послѣднія крохи, поддерживающія унылую и томную ихъ жизнь, ограбить, расхитить ихъ пылинки собственности; который восхищается радостію, ежели открывается ему случай къ новому пріобрѣтенію; пусть то заплачено будетъ рѣками крови собратій его, пусть то лишитъ послѣдняго убѣжища и пропитанія подобныхъ ему сочеловѣковъ, пусть

они умираютъ съ голоду, стужи, зноя; пусть рыдаютъ, пусть умерщвляютъ чадъ своихъ въ отчаяніи, пусть они отваживаютъ жизнь свою на тысячу смертей; все сіе не поколеблетъ его сердца; все сіе для него не значитъ ничего;—онъ умножаетъ свое имѣніе, а сего и довольно.—И такъ не сему ли принадлежитъ имя сына Отечества?—Или не тотъ ли сидящій за исполненнымъ произведеніями всѣхъ четырехъ стихій столомъ, коего услажденію вкуса и брюха жертвуютъ нѣсколько человѣкъ, отъятыхъ отъ служенія Отечеству, дабы до пресыщеніи могъ онъ быть переваленъ въ постель, и тамъ бы спокойно уже заниматься потребленіемъ другихъ произведеній, какія онъ вздумаетъ, пока сонъ отниметъ у него силу двигать челюстьми своими? И такъ конечно сей, или же который-нибудь изъ вышесказанныхъ четырехъ? (ибо пятаго сложенія толь же отдѣльно рѣдко найдемъ). Смѣсь сихъ четырехъ вездѣ видна, но еще не видемъ сынъ Отечества, ежели онъ не въ числѣ сихъ!—Гласъ разума, гласъ законовъ, начертанныхъ въ природѣ и сердцѣ человѣковъ, несогласенъ наименовать вычисленныхъ людей сынами Отечества! Самые тѣ, кои подлинно таковы суть, произнесутъ судъ (не на себя, ибо они себя не находятъ таковыми), но на подобныхъ себѣ, и приговорятъ исключить таковыхъ изъ числа сыновъ Отечества; поелику нѣтъ человѣка, сколько бы онъ ни былъ порочен и ослѣпленъ собою, чтобы сколько ни будь не чувствовалъ правоты и красоты вещей и дѣлъ.

Нѣтъ человѣка, который бы не чувствовалъ прискорбія, видя себя уничижаема, поносима, порабощаема насиліемъ, лишаема всѣхъ средствъ и способовъ наслаждаться покоемъ и удовольствіемъ, и не обрѣтая нигдѣ утѣшенія своего.—Не доказываетъ ли сіе, что онъ любитъ *честь*, безъ которой онъ, какъ безъ души. Не нужно здѣсь изъяснять, что сія есть истинная честь; ибо ложная, въ мѣсто избавленія, покоряетъ всему вышесказанному, и ни когда не успокоитъ сердца человѣческаго.—Всякому врождено чувствованіе истинной чести; но освѣщаетъ оно дѣла и мысли человѣка по мѣрѣ приближенія его къ оному, слѣдуя свѣтильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороковъ и предубѣжденій къ тихому ея, чести то есть, свѣту.—Нѣтъ ни одного изъ смертныхъ толико отверженнаго отъ Природы, который бы не имѣлъ той вложенной въ сердце каждаго человѣка пружины, устремляющей его къ любленію *чести*. Всякій желаетъ лучше быть уважаемъ, нежели поносимъ, всякъ устремляется къ дальнѣйшему своему совершенствованію, знаменитости и славѣ; какъ бы ни силился ласкатель Александра Македонскаго, Аристотель, доказывать сему противное, утверждая, что сама Природа расположила уже родъ смертныхъ такъ, что одна и притомъ гораздо большая часть оныхъ должна не премѣнно быть въ рабскомъ состояніи, и слѣдовательно не чувствовать, что есть *честь*? а дру-

гая въ господственномъ, по тому, что не многіе имѣютъ благородныя и величественныя чувствованія.—Не спорно, что гораздо знатнѣйшая часть рода смертныхъ погружена во мрачность варварства, звѣрства и рабства; но сіе ни мало не доказываетъ, что человѣкъ не рожденъ съ чувствованіемъ, устремляющимъ его къ великому и къ совершенствованію себя, и слѣдовательно къ любленію истинной славы и *чести*. Причиной тому или родъ провождаемой жизни, обстоятельства, или въ коихъ быть принуждены, или мало-опытность, или насиліе враговъ праведнаго и законнаго возвышенія природы человѣческой, подвергающихъ оную силою и коварствомъ слѣпотѣ и рабству, которое разумъ и сердце человѣческое обезсиливаетъ, налагая тягчайшія оковы презрѣнія и угнѣтенія, подавляющаго силы духа вѣчнаго.—Не оправдывайте себя здѣсь притѣснители, злодѣи человѣчества, что сіи ужасные узы суть порядокъ, требующій подчиненности. О ежели бъ вы проникли цепь всея Природы, сколько вы можете, а можете много! то другія бы мысли вы ощутили въ себѣ; нашли бы, что любовь, а не насиліе содержитъ толь прекрасный въ мірѣ порядокъ и подчиненность. Вся природа подлежитъ оному, и гдѣ оный, тамъ нѣтъ ужасныхъ позорищъ, извлекающихъ у чувствительныхъ сердецъ слезы состраданія, и при которыхъ истинный Другъ человѣчества содрогается.—Что бы такое представляла тогда Природа, кромѣ смѣси не стройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины?—По истинѣ она лишилась бы величайшаго способа какъ къ сохраненію, такъ и къ совершенствованію себя. Вездѣ и со всякимъ человѣкомъ рождается оная пламенная любовь къ снисканію *чести* и похвалы у другихъ.—Сіе происходитъ изъ врожденнаго человѣку чувствованія своей ограниченности и зависимости. Сіе чувствованіе толь сильно, что всегда побуждаетъ людей къ пріобрѣтенію для себя тѣхъ способностей и преимуществъ, посредствомъ которыхъ заслуживается любовь какъ отъ людей, такъ и отъ высочайшаго Существа, свидѣтельствуемая услажденіемъ совѣсти; а заслуживъ другихъ благосклонность и уваженіе, человѣкъ учиняется благонадежнымъ въ средствахъ сохраненія и совершенствованія самаго себя.—И есть ли сіе такъ, то кто сомнѣвается, что сильная оная любовь къ *чести* и желаніе пріобрѣсти услажденіе совѣсти своей съ благосклонностію и похвалою отъ другихъ, есть величайшее и надежнѣйшее средство, безъ котораго человѣческое благосостояніе и совершенствованіе быть не можетъ?—Ибо какое тогда останется для человѣка средство преодолѣть тѣ трудности, кои не избѣжны на пути, ведущемъ къ достиженію блаженнаго покоя, и опровергнуть то малодушное чувствованіе, кое наводитъ трепетъ при возрѣніи на недостатки свои?—Какое есть средство къ избавленію отъ страха, пасть на вѣки подъ ужаснѣйшимъ бременемъ оныхъ? ежели отъять во первыхъ исполненное сладкой надежды прибѣжище къ высочай-



шему Существу, не яко мстителю, но яко источнику и началу всѣхъ благъ; а по томъ къ подобнымъ себѣ, съ которыми соединила насъ Природа, ради взаимной помощи, и которые внутренно преклоняются къ готовности оказывать оную, и, при всемъ заглушеніи сего внутренняго гласа, чувствуютъ, что они не должны быть тѣми святотатцами, кои препятствуютъ праведному человѣческому стремленію къ совершенствованію себя. Кто посѣялъ въ человѣкѣ чувствованіе сіе искать прибѣжища?—Врожденное чувствованіе зависимости, ясно показывающее намъ оное двойственное къ спасенію и удовольствію нашему средство.—И что на конецъ побуждаетъ его ко вступленію на сіи пути? что устремляетъ его къ соединенію съ сими двумя человѣческаго блаженства средствами, и къ заботѣ нравиться имъ?—По истинѣ не что иное, какъ врожденное пламенное побужденіе къ пріобрѣтенію для себя тѣхъ способностей и красоты, посредствомъ которыхъ заслуживается благоволеніе Божіе и любовь собратіи своей, желаніе учиниться достойнымъ ихъ благосклонности и покровительства.—Разсматривающій дѣянія человѣческія увидитъ, что се одна изъ главнѣйшихъ пружинъ всѣхъ величайшихъ въ свѣтѣ произведеній!—И се начало того побужденія къ любленію *чести*, которое посѣяно въ человѣкѣ, при началѣ сотворенія его! се причина чувствованія того услажденія, которое обыкновенно сопряжено всегда съ сердцемъ человѣка, какъ скоро изливается на оное благоволеніе Божіе, которое состоитъ въ сладкой тишинѣ и услажденіи совѣсти, и какъ скоро пріобрѣтаетъ онъ любовь подобныхъ себѣ, которая обыкновенно изображается радостію при воззрѣніи его, похвалами, восклицаніями.—Се предметъ, къ коему стремятся истинные человѣки, и гдѣ обрѣтаютъ истинное свое удовольствіе! Доказано уже, что истинный человѣкъ и сынъ Отечества есть одно и то же; слѣдовательно будетъ вѣрный отличительный признакъ его, ежели онъ такимъ образомъ *честолюбивъ*.

Симъ да начинаетъ украшать онъ величественное наименованіе сына Отечества, Монархіи. Онъ для сего долженъ почитать свою совѣсть, возлюбити ближнихъ; ибо единою любовію пріобрѣтается любовь; должно исполнять званіе свое такъ, какъ повелѣваетъ благоразуміе и честность, не заботясь ни мало о воздаяніи, почести, превозношеніи и славѣ, которая есть сопутница, или паче, тѣнь, всегда слѣдующая за Добродѣтелію, освѣщаемою не вечернимъ солнцемъ Правды; ибо тѣ, которые гоняются за славою и похвалою, не только не пріобрѣтаютъ для себя оныхъ отъ другихъ, но паче лишаются.

Истинный человѣкъ есть истинный исполнитель всѣхъ предоставленныхъ для блаженства его законовъ; онъ свято повинуется онымъ.—Благородная и чуждая пустосвятства и лицемѣрія скромность сопровождаетъ всѣ чувствованія, слова и дѣянія его. Съ благоговѣніемъ подчиняется онъ всему

зану, что порядокъ, благоустройство и спасеніе общее требуютъ; для него нѣтъ низкаго состоянія въ служеніи Отечеству; служа оному, онъ знаетъ, что онъ содѣйствуетъ здравоносному обращенію, такъ сказать, крови Государственнаго тѣла.—Онъ скорѣе согласится погибнуть и изчезнуть, нежели подать собою другимъ примѣръ неблагонравія и тѣмъ отнять у Отечества дѣтей, кои бы могли быть украшеніемъ и подпорою онаго; онъ страшится заразить соки благосостоянія своихъ согражданъ; онъ пламенѣетъ нѣжнѣйшею любовію къ цѣлости и спокойствію своихъ соотчичей; ни чего столько не жаждетъ зрѣть, какъ взаимной любви между ими; онъ возжигаетъ сей благотворный пламень во всѣхъ сердцахъ;—не страшится трудностей, встрѣчающихся ему при семъ благородномъ его подвигѣ; преодолѣваетъ всѣ препятствія, не утомимо бдитъ надъ сохраненіемъ честности, подаетъ благіе совѣты и наставленія, помогаетъ несчастнымъ, избавляетъ отъ опасностей заблужденія и пороковъ, и ежели увѣренъ въ томъ, что смерть его принесетъ крѣпость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнію; есть ли же она нужна для отечества, то сохраняетъ ее для всемѣрнаго соблюденія законовъ естественныхъ и отечественныхъ; по возможности своей отвращаетъ все, могущее запятнать чистоту, и ослабить благонамѣренность оныхъ, яко пагубу блаженства и совершенствованіе Соотечественниковъ своихъ. Словомъ, онъ *благонравенъ*! Вотъ другій вѣрный знакъ сына Отечества! Третій же, и, какъ кажется, послѣдній отличительнѣйшій знакъ сына Отечества, когда онъ *благороденъ*. Благороденъ же есть тотъ, кто учинилъ себя знаменитымъ мудрыми и человѣколюбивыми качествами и поступками своими; кто сіетъ въ Обществѣ разумомъ и Добродѣтелію, и будучи воспламененъ истинно мудрымъ любочестіемъ, всѣ силы и старанія свои къ тому единственно устремляетъ, чтобы, повинуясь законамъ и блюстителямъ оныхъ, придержащимъ властямъ, какъ всего себя, такъ и все, что онъ ни имѣетъ, не почитать иначе, какъ принадлежащимъ Отечеству, употреблять оное такъ, какъ ввѣренный ему залогъ благоволенія Соотчичей и Государя своего, который есть Отецъ Народа, ни чего не щадя для блага Отечества. Тотъ есть прямо благороденъ, котораго сердце не можетъ не трепетать отъ нѣжной радости при единомъ имени Отечества, и который не инако чувствуетъ при томъ воспоминаніи (которое въ немъ не престанно), какъ бы то говорено было о драгоцѣннѣйшей всего на свѣтѣ его части. Онъ не жертвуетъ благомъ Отечества предразсудкамъ, кои мечутся, яко блистательныя, въ глаза его; всѣмъ жертвуетъ для блага онаго; верховная его награда состоитъ въ Добродѣтели, то есть, въ той внутренней стройности всѣхъ наклонностей и хотѣній, которую премудрый Творецъ вливаетъ въ непорочное сердце, и который въ ея тишинѣ и удовольствіи ничто въ свѣтѣ уподобиться не можетъ. Ибо истинное *благородство* есть

добродѣтельные поступки, оживотворяемые истинною честію, которая не индѣ находится, какъ въ безпрерывномъ благотвореніи роду человѣческому, а преимущественно своимъ Соотечественникамъ, воздавая каждому по достоинству и по предписуемымъ законамъ Естества и Народоправленія. Украшенные сими единственно качествами какъ въ просвѣщенной Древности, такъ и нынѣ почтены истинными хвалами. И вотъ третій отличительный знакъ сына Отечества.

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякаго благомыслящаго сердца сіи качества сына Отечества, и хотя всякъ способенъ имѣть оныя: но не могутъ однакожъ не быть не чисты, смѣшаны, темны, запутаны, безъ надлежащаго воспитанія и просвѣщенія Науками и Знаніями, безъ коихъ наилучшая сія способность человѣка удобно, какъ всегда то было и есть, превращается въ самыя вреднѣйшія побужденія и стремленія, и наводняетъ цѣлыя Государства злочестіями, безпокойствами, раздорами и неустройствомъ. Ибо тогда понятія человѣческія бываютъ темны, сбивчивы и совсѣмъ химерическія.—Почему прежде, нежели пожелаетъ кто имѣть помянутыя качества истиннаго человѣка, нужно, чтобы прежде пріучилъ духъ свой къ трудолюбію, прилѣжанію, повиновенію, скромности, умному состраданію, къ охотѣ благотворить всѣмъ, къ любви отечества, къ желанію подражать великимъ въ томъ примѣрамъ такожъ къ любви къ Наукамъ и Художествамъ, сколько позволяетъ отправляемое въ общежитіи званіе; примѣнился бы къ упражненію въ Исторіи и Философіи или Любомудріи, не школьномъ, для словопрѣнія единственно обращенномъ, но въ истинномъ, научающемъ человѣка истиннымъ его обязанностямъ; а для очищенія вкуса, возлюбилъ бы разсматриваніе Живописи великихъ Художниковъ, Музыки, Изваянія, Архитектуры или Зодчества.

Весьма тѣ ошибутся, которые почтутъ сіе разсужденіе тою Платоническою системою общественнаго воспитанія, которой событія никогда не увидимъ, когда въ нашихъ глазахъ родъ такого точно воспитанія, и на сихъ правилахъ основаннаго, введенъ Богомудрыми Монархами, и просвѣщенная Европа съ изумленіемъ видитъ успѣхи онаго, восходящіе къ предположенной цѣли исполинскими шагами!“

Исполненная радищевскаго паѳоса, статья эта, появившись въ последней книжкѣ журнала, достойнымъ образомъ завершила осуществленіе задачъ, поставленныхъ издателями. Не входя здѣсь въ подробныя выясненія отношенія этого манифеста Радищева къ остальнымъ статьямъ журнала, скажемъ, что въ немъ поистинѣ конденсировано содержаніе журнала. Прекращая изданіе, редакторы напечатали „Заключеніе къ просвѣщеннѣйшей публикѣ“; какъ бы боясь, что не будутъ поняты ихъ истинныя намѣренія, они еще разъ объясняютъ тѣ цѣли и задачи, которыя были по-

ставлены их органу: „Желающимъ знать цѣль и связь сего изданія, сверхъ объясненія о томъ, сдѣланнаго въ предъувѣдомленіи къ сему изданію, еще кратко повторяется здѣсь, что цѣль онаго единственно заключалась въ всевозможномъ показаніи, что главное дѣло Правительствъ есть и быть долженствуетъ воспитаніе Народа въ благочестіи, кротости, трудолюбіи, послушаніи, домостроительствѣ; такожъ въ предохраненіи его отъ фанатизма или безвѣрія, въ утвержденіи на правилахъ закона; въ показаніи, что есть сынъ Отечества и какія его обязанности; при томъ введеніе и покровительство Наукъ и Художествъ, ободреніе и поддержаніе торговли и рукодѣлій; наученіе людей быть мужественными и рѣшенными въ защищеніи своего Отечества, искусными „честными законниками" и т. д. Мы видимъ изъ этого „заключенія", что участіе Радищева не было случайнымъ, что при только что указанной программѣ журнала подобная статья могла быть написана лицомъ, близкимъ къ журналу и единомышленникомъ. Но вѣдь кромѣ этихъ внутреннихъ свидѣтельствъ о близости Радищева къ „Бесѣдующему Гражданину" мы имѣемъ и извѣстіе Тучкова о томъ, что Радищевъ былъ членомъ Общества, издававшаго журналъ [1]). Для насъ пока достаточно этихъ данныхъ.

4.

Обратимся снова къ сообщенію Масона. Не легло ли въ его основу извѣстіе объ участіи Радищева именно въ „Бесѣдующемъ Гражданинѣ"? До Масона дошли слухи вполнѣ вѣрные о журнальной дѣятельности Радищева и о томъ, что эта дѣятельность была запечатлѣна печатью свободной мысли, но онъ смѣшалъ заглавіе журнала—не „Почта Духовъ", а „Бесѣдующій Гражданинъ". Вспомнимъ, какъ онъ характеризуетъ періодическое изданіе Радищева:—„самое философское и самое острое (la plus piquante), подобнаго которому никогда не осмѣлились издавать въ Россіи". Къ какому журналу болѣе приложима эта характеристика? Если еще вторая часть характеристики (la plus piquante) можетъ быть отнесена съ одинаковымъ правомъ и къ журналу Крылова и къ журналу „Общества Друзей Словесныхъ Наукъ", то первая часть (la plus philosophique)—указаніе на обиліе философскихъ статей—можетъ быть отнесено только къ „Бесѣдующему Гражданину". Какъ разъ послѣдній журналъ и прослылъ въ тогдашней

[1]) Изслѣдователямъ журналистики XVIII вѣка за издателя „Бесѣдующаго Гражданина" извѣстенъ писатель и переводчикъ Мих. Ив. Антоновскій. Онъ и самъ впослѣдствіи объявлялъ себя издателемъ, но въ дѣйствительности журналъ издавало „Общество", въ которомъ Антоновскій игралъ видную роль. Во всей исторіи изданія журнала и въ исторіи самаго Антоновскаго много неяснаго и намѣренно таинственнаго. Подробнѣе обо всѣхъ этихъ вопросахъ мы говоримъ въ особомъ изслѣдованіи.

читающей публикѣ за чересчуръ нравоучительный, наставническій, философскій. Уже въ 3 й книгѣ редакція „Беседующаго Гражданина“ помѣщаетъ письмо Пустобаева съ упреками по адресу редакціи, затѣмъ до она наполняетъ журналъ наставленіями и разсужденіями. Пустобаевъ, конечно, вымышленный самой редакціей представитель толковъ и разговоровъ въ публикѣ о журналѣ. Сейчасъ мы встрѣтимся и еще съ одной подобной же характеристикой журнала.

Не достаточно ли этихъ соображеній и данныхъ для того, чтобы признать, что Масонъ имѣлъ въ виду именно „Бесѣдующаго Гражданина“, а не „Почту Духовъ“? Но, можетъ быть, намъ возразятъ, что извѣстіе о сотрудничествѣ Радищева въ „Бесѣдующемъ Гражданинѣ“ не противорѣчитъ сообщенію Масона, и скажутъ, что Радищевъ при всемъ этомъ могъ работать и въ „Почтѣ Духовъ“. По счастью, мы имѣемъ одно объективное доказательство непричастности Радищева къ журналу Крылова и Рахманинова, и это доказательство мы находимъ въ самой же „Почтѣ Духовъ“. Дѣло въ томъ, что „Бесѣдующій Гражданинъ“ попалъ на язычекъ Крылову и подвергся неоднократному осмѣиванію на страницахъ „Почты Духовъ“. Крыловъ никогда не питалъ сочувствія къ отвлеченностямъ теоретическимъ и философскимъ; онъ былъ весь въ мірѣ лицъ и событій. Политическое его міровоззрѣніе не носитъ слѣдовъ теоретической разработки. Немудрено, что серьезное, философское содержаніе „Бесѣдующаго Гражданина“, дидактическій тонъ его поэзіи сразу оттолкнули Крылова отъ журнала, который къ тому же и былъ его конкурентомъ: почти одновременно появились объявленія о подпискѣ на тотъ и другой журналъ. А съ конкурентами Крыловъ обращался безцеремонно: въ той же „Почтѣ Духовъ“ онъ травилъ, напримѣръ, Княжнина. Въ майской книжкѣ Крыловскаго журнала (въ письмѣ XXX гнома Зора къ волшебному Маликульмульку) находимъ нелестное сравненіе просвѣщенія нынѣшняго со старымъ: „тогда не приносили стыда ученому свѣту Вабушкины выдумки, Бродящій мѣщанинъ“ и т. д. Бродящій мѣщанинъ—это, конечно, „Бесѣдующій Гражданинъ“. Сужденія, конечно, несправедливы и чрезмѣрно пристрастны. Въ іюльской книгѣ находимъ новую выходку противъ конкуррента: „Можно ли распространить далѣе сего надменное о себѣ самомъ мнѣніе? Можетъ ли модный петиметръ безумнѣе сего о себѣ мыслить, или полу-ученый болѣе сего превозносить себя похвалами? Послѣ сего, кто будетъ удивляться, что Пустовралъ поставляетъ себя въ числѣ лучшихъ писателей, что Любокрасъ прельщается своею красотою, и что сочинители Бредящаго мѣщанина почитаютъ прекраснѣйшими твореніями глупыя свои бредни, хотя многимъ довольно извѣстно, что нѣтъ почти ни одного изъ ихъ читателей, кто могъ бы съ удовольствіемъ прочитать съ

начала до конца хотя одну ихъ книжку. Всѣ сіи люди, рожденные съ разумомъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ заключеннымъ, могутъ ли воспротивиться погрѣшностямъ, сроднымъ вообще всѣмъ смертнымъ, когда не могъ оныхъ избѣжать Лейбницъ, будучи изъ числа величайшихъ и славнѣйшихъ философовъ въ Европѣ? Ежели онъ попрежнему своему свойству принужденъ былъ впасть въ столь смѣшное безуміе, и если въ то самое время, когда осуждалъ человѣческое высокомѣріе, предавался самъ до чрезвычайности сему гнусному пороку, то какимъ чудомъ люди простые могли бы возвыситься свыше предѣловъ своего состоянія и исправить свои несовершенства, присоединенныя крѣпчайшими узами къ существу ихъ?"

При подробномъ анализѣ „Почты Духовъ" и „Бесѣдующаго Гражданина" найдется еще не мало точекъ соприкосновенія и расхожденія, въ данный моментъ насъ не интересующихъ. Ограничимся только что приведенной полемической выходкой Крылова: она съ достаточной яркостью вскрываетъ ту пропасть, которая лежала между нимъ и сотрудниками „Бесѣдующаго Гражданина", между его задачами и задачами послѣднихъ. Журналъ Крылова сыгралъ свою роль въ исторіи общественной сатиры, но хотя „Почта Духовъ" и „Бесѣдующій Гражданинъ" били одного врага, преслѣдовали одни и тѣ же пороки, но Крыловъ никогда не возвышался ни до той чистоты намѣреній, которыя характеризовали издателей „Гражданина, ни до той глубокой принципіальности, которая управляла ихъ общественной дѣятельностью. Мы мало знаемъ о Крыловѣ именно этого времени, но онъ, несомнѣнно, былъ человѣкъ темный и далеко отставшій въ своей образованности отъ редакторовъ „Бесѣдующаго Гражданина". Любопытно то, что журналъ Крылова не дотянулъ до конца года, кончился на августовской книгѣ, имѣя около 80 подписчиковъ, а „Бесѣдующій Гражданинъ" выходилъ весь годъ и имѣлъ около 200 подписчиковъ.

Послѣ сказаннаго можно ли предполагать, что кто-либо изъ издателей „Бесѣдующаго Гражданина" могъ работать и въ „Почтѣ Духовъ"? А вѣдь въ числѣ издателей былъ и Радищевъ. Мы нарочно подчеркнули раньше не только внѣшнюю близость, но и внутреннюю—Радищева къ журналу. Могъ ли онъ, столь дорожившій своей философіей и своей мыслью, работать въ томъ журналѣ, который обзывалъ плоды этой философіи и мысли глупыми бреднями? Думаемъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. И на вопросъ, поставленный въ 1868 году Пыпинымъ: кто писалъ въ „Почтѣ Духовъ" и не былъ ли сотрудникомъ ея Радищевъ, мы можетъ теперь съ достовѣрностью отвѣтить: Радищевъ не принималъ участія въ журналѣ Крылова.

П. Е. Щеголевъ.

Любань, Новг. г. 20 ноября 1908 г.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой [1]).

(1855 г.).

Воскресенье, 20 февраля. Боже мой, какое страшное неожиданное извѣстіе! Мы были поражены, ошеломлены совершенно. Сегодня привезли письма и газеты съ почты рано, въ то время, какъ мы собирались къ обѣднѣ. Прочли сперва за чайнымъ столомъ въ залѣ письмо отъ Ивана, и въ немъ были очень важныя извѣстія: Иванъ самъ записался охотникомъ въ ополченіе, Константинъ записанъ между баллотирующимися дворянами, но его выбрать нельзя, потому что онъ нигдѣ не служилъ. Ермоловъ избранъ также въ Петербургѣ. Къ нему прислано было объ этомъ увѣдомленіе: онъ, разумѣется, благодарилъ, но отвѣчалъ, что уже выбранъ въ Москвѣ. Получено частное извѣстіе, что Ермоловъ будетъ утвержденъ; разнесся слухъ, что онъ въ такой-то день будетъ въ собраніи; всѣ дворяне съѣхались, однако-жъ слухъ оказался ложнымъ. Иванъ отказался отъ избранія въ дружинные начальники, и на его мѣсто князь Леонидъ Голицынъ. Вотъ что заключало письмо Ивана [2]). Мы не успѣли еще потолковать о немъ, какъ отесенька или маменька спросили Константина, гдѣ же другое письмо Ивана? Ихъ было два. Константинъ смутился, замялся, признался, что точно есть, но что онъ считаетъ, что лучше его не показывать. Разумѣется, стали къ нему приставать, и онъ сказалъ: „Въ немъ есть одно извѣстіе объ Николаѣ Павловичѣ".—„Какомъ Николаѣ Павловичѣ?"—„О Государѣ — сказалъ онъ, — онъ очень боленъ". — „Какъ, что значитъ, умираетъ, можетъ быть умеръ, не совсѣмъ", — и Константинъ не рѣшался вдругъ выговорить, наконецъ, показалъ письмо Ивана. Оно начиналось такъ: „Государь Николай Павловичъ умеръ" [3]).

Не могу пересказать то впечатлѣніе, которое произвели эти слова на всѣхъ насъ. Мы были подавлены огромностью значенія этого неожиданнаго событія. Слѣдствія его нескончаемы, неизслѣдуемы. Никогда не могло

---

[1]) См. „Минувшіе Годы", августъ.

[2]) Это письмо И. С. напечатано въ изданіи «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», ч. 1, томъ 3. М. 1892, стр. 103—104.

[3]) Это письмо И. С. не напечатано въ упомянутомъ изданіи.

оно имѣть такого важнаго значенія, какъ въ настоящую минуту. Чего ждать, что будетъ, какъ пройдетъ эта минута смущенія? Не пойдетъ-ли все прежнимъ или даже худшимъ порядкомъ или вдругъ перемѣнится все направленіе, вся политика! И, можетъ быть, Богъ ведетъ Россію къ исполненію ея святого долга непостижимыми своими путями! Да, на Бога вся надежда, Господь не оставитъ вѣрующихъ и молящихся ему, а сколько молятся усердно по всей земли русской! Господь—защитникъ православія и несчастныхъ мучениковъ.

Въ сильномъ волненіи, еще не пришедши въ себя отъ пораженія и разнородныхъ впечатлѣній, столпившихся въ душѣ, поѣхали мы къ обѣднѣ. И во время обѣдни не могли мы освободиться вполнѣ отъ того смутнаго волненія, и странно намъ было слышать обычныя возглашенія на эктеніи. Искреннее чувство сожалѣнія, какъ объ человѣкѣ, также наполняло намъ душу, и мы помолились внутренно о немъ. Помолились также, да не оставитъ Господь всѣхъ насъ и да совершатся его святыя судьбы во спасеніи всѣхъ, да помилуетъ насъ отъ бѣдствій! Въ Хотьковѣ мы почти никому не сообщили вполнѣ этого извѣстія, только одной Каломиной, а та священнику о. Алексѣю.

Возвратившись изъ церкви, мы нашли всѣхъ въ томъ-же тревожномъ настроеніи. Начали было читать газеты, но чтеніе безпрестанно было прерываемо разговорами все объ одномъ и томъ-же предметѣ; наконецъ, всѣ согласились, что Константину необходимо ѣхать немедленно, и онъ рѣшился также. Велѣли закладывать лошадей, и въ 4 часа передъ обѣдомъ онъ выѣхалъ, сопровождаемый благословеньемъ отесеньки и маменьки. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, теперь единственная минута дѣйствовать, новому государю можно многое высказать, написать адресъ съ изъявленіемъ общихъ желаній другой политики или что-нибудь въ этомъ родѣ [1]). Можетъ быть, надобно съѣздить будетъ въ Петербургъ? Словомъ сказать, необходимо Константину быть въ Москвѣ и слѣдить за ходомъ событій. Какъ жаль, что мы не въ Москвѣ; конечно, интереснѣе времени не можетъ быть, какъ въ городѣ слѣдить ежеминутно за возрастающими или измѣняющимися событіями, дѣлить съ другими всѣ впечатлѣнія, жить общею жизнью, а здѣсь получивъ такое извѣстіе, мы не скоро узнаемъ его подробности, не увидимъ и не раздѣлимъ общаго впечатлѣнія, не услышимъ любопытныхъ и умныхъ толковъ; только толкуемъ между со-

[1]) Дѣйствительно, въ первые же дни новаго царствованія Конст. Аксаковъ написалъ записку, дошедшую до государя и представлявшую изложеніе взглядовъ славянофиловъ на задачи момента. Записка эта цѣликомъ напечатана въ «Руси» за 1881, №№ 26—28. О ней смот. въ статьяхъ А. А. Корнилова „Минувшіе Годы“, февраль.

бой, дѣлаемъ разныя предположенія, перевертываемъ со всѣхъ сторонъ слова, занесенныя къ намъ изъ общей жизни, и все-таки ничего не узнаемъ новаго. Грустно и больно, что особенно сестры лишены этого интереса. Да и Константинъ не можетъ оставаться спокойнымъ. А если-бъ мы были всѣ тамъ, онъ могъ бы принимать ежеминутно участіе и даже имѣть вліяніе на другихъ.

Чего мы не передумали и не переговорили въ этотъ день! Какія великія всемірныя событія, которыя подавляютъ даже душу огромностью своего значенія, и что будетъ, къ чему ведетъ насъ Богъ! Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ священникъ съ женой, мы сказали имъ страшную новость, она всѣхъ поражаетъ.—Не вѣрится ей иногда, признаюсь. Право, иногда кажется, ужъ не подшутилъ ли кто-нибудь. Ничего эффектнѣе выдумать нельзя было въ настоящую минуту! Пожалуй, еще это происки иностранцевъ. Право, я готова повѣрить, что это выдумка, хотя надо мной смѣются. Вечеромъ читали проповѣди Иннокентія Херсонскаго,—прекрасныя, полныя истинно пастырской христіанской заботы къ своему словесному стаду. Потомъ нарочно, для развлеченія, принялись дочитывать дрянную повѣсть Ольги Н.,—дрянь по исполненію и отвратительная дрянь по той безнравственной средѣ, къ которой она принадлежитъ, задача которой вся состоитъ въ смѣшеніи всѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, въ затемненіи совѣсти, и всѣхъ мерзостяхъ [1]). Покуда читали, вниманіе наше довольно было занято, чтобъ съ негодованіемъ бранить это направленіе, но какъ скоро кончили, въ ту же минуту разговоръ обратился на то событіе, которое поглощаетъ всѣ интересы въ настоящую минуту. Я увѣряла, полушутя отчасти, что это все пуфъ! Не получимъ ли завтра какихъ-нибудь подтвержденій?

21. И точно подтвердилось все это событіе. Сегодня возвратились изъ города наши крестьяне, возившіе туда продавать свои дрова.—Они привезли ту-же вѣсть.

Въ Москвѣ вчера уже всѣ присягнули.—На вопросъ, какія вѣсти въ Москвѣ, — „царь померъ,"— отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Вчера загоняли весь народъ въ церковь присягать, всѣ церкви были отворены, казаки разъѣзжали по всему городу съ объявленіемъ и гнали народъ въ церкви".—„Что-же, народъ жалѣетъ?"—Крестьянинъ какъ-то улыбнулся и сказалъ—„Не знаю". Въ народѣ ходитъ слухъ, что государь былъ боленъ дёнъ 20. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія. Сегодня, какъ будто, вновь узнали мы эту новость, вполнѣ ей повѣрили. Неисчислимыя послѣдствія этого событія

[1]) Подъ псевдонимомъ Ольги Н. писала Софья Влад. Энгельгардтъ. Повѣсти ея на тему о любви и семьѣ печатались въ 1854 и 1855 году въ «Отечественныхъ Запискахъ».

стали развиваться передъ нашимъ воображеніемъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ. Бѣда, если Александръ не соединится за одно въ направленіи и всѣхъ намѣреніяхъ съ Константиномъ. Константинъ имѣетъ сильную народность [1]); онъ извѣстенъ вездѣ, какъ русскій человѣкъ, какъ христіанинъ, даже раскольники надѣются на него. Между ними ходитъ слухъ, что онъ сказалъ:—„Я бы не сталъ васъ притѣснять, пусть всякій молится, какъ хочетъ!“ И къ тому же въ народѣ живетъ мнѣніе, что только тотъ законный царь, кто родился отъ царя, а Александръ, говорятъ они, родился отъ великаго князя. Прежде Александръ не раздѣлялъ вовсе направленія и мыслей Константина, и между ихъ приверженцами начиналъ образовываться довольно сильный духъ партіи, но съ недавнихъ поръ, изъ расчету-ли или искренно, Александръ принялъ мысли своего брата и вполнѣ раздѣлялъ его мнѣнія насчетъ настоящихъ обстоятельствъ. Это сказалъ самъ в. к. Константинъ Погодину, когда этотъ послѣдній представлялся ему.—„Скажите все это брату, онъ вполнѣ раздѣляетъ мои мысли“. Наслѣдникъ принялъ очень хорошо Погодина, водилъ его къ женѣ и пригласилъ обѣдать. Просилъ Погодина прислать ему экземпляръ всѣхъ его писемъ. Мы знаемъ также навѣрное, что жена его читала письма къ Оболенскому брата Константина; говорятъ, она умная и серьезная женщина,—дай то Богъ! Если Александръ хочетъ пріобрѣсти народность и избѣжать разногласія съ Константиномъ, онъ долженъ дѣйствовать за одно. Иначе, чего добраго, сравненіе можетъ быть невыгодно и даже опасно! Неужели исполняются предсказанія Константина, которыя онъ началъ говорить еще лѣтъ 15 тому назадъ,—предсказанія соперничества между двумя братьями. Не дай Богъ!

Сегодня, 21 февраля, день памяти дѣдушки, день памяти Гоголя. Мы ѣздили съ маменькой въ Хотьковъ служить панихиду.

Возвратились домой часу во второмъ. Толки объ великихъ событіяхъ, среди которыхъ живемъ, не перестаютъ. Послѣ обѣда возвратился староста отъ Троицы, тамъ сегодня былъ базаръ. Народу много, но народъ только и говоритъ объ этой нежданной вѣсти, даже объ ополченіи не говоритъ. Староста говоритъ, что всѣ жалѣютъ, народъ какъ будто что потерялъ, какъ будто что ищетъ.—„Жалѣютъ государя, и жалѣютъ очень и наслѣдника: каково ему теперь, то есть, вдругъ полнымъ хозяиномъ, и туда надо и сюда, и такое время“. Про государя въ народѣ говорятъ, что онъ померъ съ печали, ударъ такой сдѣлался, 10-го числа провожалъ войска съ государыней, и съ тѣхъ поръ занемогъ. Всѣ говорятъ—какъ теперь, вотъ поѣдутъ генералы всѣ изъ арміи государя хоронить, а врагъ какъ бы

---

[1]) Т. е. популярность. Рѣчь идетъ о в. к. Константинѣ Николаевичѣ.

насъ, то есть, не прикрылъ.—„Сказываютъ мужики,—прибавилъ онъ,—которые изъ Москвы пріѣхали, что въ церкви Богоявленія присягали, а тутъ какой-то чиновникъ пришелъ да и закричалъ:—„Что вы присягаете Александру, надобно присягать Константину“, да разъ десять закричалъ. Его за ноги, то есть такъ и вытащили, на съѣзжую взяли; тамъ, говорятъ, завтра съ нимъ расправятся“.

Мы были поражены; неужели есть уже какія-нибудь смуты, или это просто сумасшедшій какой-нибудь или пьяный! Что то дѣлается, Боже мой! Маменька стала говорить старостѣ:—„Какой вздоръ выдумали: Александръ старшій, законный, всегда былъ наслѣдникомъ:“. Староста ничего не сказалъ, но продолжалъ свои разсказы.—Что-то получимъ завтра? Томимся неизвѣстностью, завтра должно быть письмо отъ Константина.

Отъ Константина получено нѣсколько строкъ, подтверждающихъ, разумѣется, событія, но безъ всякихъ подробностей. Кажется, онъ еще никого не видалъ; пишетъ, что слуховъ ходитъ много, будто Меньшиковъ отставленъ и на его мѣсто Горчаковъ, а Лидерсъ командуетъ Дунайской арміей. Пишетъ, что хорошія вѣсти изъ Крыма, и манифестъ хорошъ. Собраніе дворянства закрыто. Константинъ думалъ пріѣхать сегодня. Саша Погодина [1]) пишетъ подробно. Отецъ ея получилъ описаніе послѣднихъ минутъ государя Ник. Павл. Онъ скончался въ полной памяти 18 го числа послѣ пополудни, прощался съ семьей. Минуты были трогательныя; да проститъ ему Богъ всѣ прегрѣшенія!..

Посланный нашъ къ Троицѣ привезъ намъ еще новый слухъ, поразившій всѣхъ насъ. Въ Москвѣ, во время присяги или панихиды, упалъ на Иванѣ Великомъ большой колоколъ, продавилъ алтарь и убилъ нѣсколько человѣкъ [2]). Что за несчастное происшествіе и предзнаменованіе, если это правда! Но всѣ это повторяютъ и сомнѣваться нельзя, кажется. Вѣроятно, это сдѣлано съ намѣреніемъ, чтобы смутить народъ. Боже мой, чего еще мы должны ожидать!

Константинъ, вѣрно, не выѣхалъ сегодня: значитъ, что-нибудь важное его задержало, онъ самъ насъ предупреждаетъ, что, можетъ быть, останется долѣе, если нужно. Получили иностранные журналы. Новаго особеннаго ничего; кажется, Пруссія скоро присоединится совершенно къ общему трактату противъ насъ. Титовъ будетъ засѣдать вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ на Вѣнской конференціи [3]). Не позоръ-ли это—Титовъ, который по

[1]) Дочь М. П. Погодина.

[2]) Упалъ второй по величинѣ колоколъ, вылитый при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и называвшійся „реутомъ“ или въ просторѣчіи ревукомъ.

[3]) В. П. Титовъ былъ потомъ уполномоченнымъ при переговорахъ о мирѣ.

признанію всѣхъ,—былъ причиной первоначальнаго униженія Россіи и войны противъ насъ? Хороши также разговоры Горчакова съ Буолемъ, въ которыхъ первый униженно долженъ только защищать права droits de souveraineté своего государя, соглашаясь на всѣ другія уступки. Отъ насъ, разумѣется, требуютъ, чтобы мы сами уничтожили Севастополь и впредь не смѣли затѣвать другаго и т. д. Я увѣрена, право, что Нессельроде, если бъ могъ, велѣлъ бы сдать Севастополь нашимъ врагамъ, только чтобъ удовлетворить ихъ. Что-то будетъ теперь? Очень жаль, если на мѣсто Меньшикова Горчаковъ: тутъ ничего добраго ожидать нельзя. Почему, если такъ, не Остенъ-Сакенъ?.. Вечеромъ, часовъ въ 9, неожиданно пріѣхалъ Константинъ. Первый вопросъ нашъ былъ, правда-ли, что упалъ колоколъ, правда-ли, что закричалъ кто-то о Константинѣ въ церкви Богоявленія?—„Все, все правда,—отвѣчалъ Константинъ, съ какимъ-то смущеніемъ и ужасомъ,—какъ вы это знаете?"—Онъ разсказалъ намъ подробности, разсказалъ объ ужасномъ впечатлѣніи, произведенномъ паденіемъ колокола во время присяги. Всѣ смущены, всѣ находятся въ напряженномъ ожиданіи, что будетъ далѣе. Событія такъ громадны, присутствіе Божьей воли такъ ясно обнаруживается въ нихъ, что всѣ подавлены или всѣ смиряются передъ неисповѣдимыми путями Святаго Промысла, всѣ невольно приходятъ къ сознанію ничтожества человѣческаго разума, и невольно произносятъ всѣ уста—„надобно молиться и молиться". „Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть",—время наше уразумѣло эти слова. Константинъ намъ разсказывалъ въ продолженіе всего вечера, и всѣ подробности этихъ событій такъ важны, такъ велики, что подъ конецъ мы были совершенно задавлены этими впечатлѣніями; отесенька и я рѣшительно себя чувствовали разстроенными, мои нервы такъ были напряжены, что намъ захотѣлось даже отдохнуть. Вчера не въ состояніи была уже записать и было поздно; но вотъ, что разсказалъ намъ Константинъ: Онъ пріѣхалъ въ Москву и Трушковскій встрѣтилъ его съ смущеннымъ видомъ и поразилъ его разсказомъ про колоколъ. Константинъ поѣхалъ отыскивать знакомыхъ. Наконецъ, нашелъ ихъ собранными у Черкасскихъ; всѣ сидѣли пораженные и смущенные. Тутъ ему сообщили подробности о кончинѣ государя: онъ умеръ, какъ истинный христіанинъ. Общее впечатлѣніе таково въ нашемъ кругу. Всѣ говорятъ о государѣ Николаѣ Павловичѣ не только безъ раздраженія, но даже съ участіемъ, желая даже извинить его во многомъ. Но между тѣмъ всѣ невольно чувствуютъ, что какой-то камень, какой-то прессъ снятъ съ каждаго, какъ-то легче стало дышать, вдругъ возродились небывалыя надежды; безвыходное положеніе, къ сознанію котораго, почти съ отчаяніемъ, пришли наконецъ всѣ, вдругъ представилось доступнымъ измѣненію. Ни злобы, ни непріязни противъ винов-

ника этого положенія; его жалѣютъ, какъ человѣка, но даже всѣ говорятъ, что несмотря на все сожалѣніе объ немъ, никто, если спросить себя откровенно, не пожелалъ бы, чтобы онъ воскресъ. Миръ его душѣ! Онъ дѣйствовалъ добросовѣстно по своимъ убѣжденіямъ; за грѣхи Россіи эти убѣжденія были ей тяжкимъ бременемъ. Его система пала вмѣстѣ съ нимъ; въ послѣднее время она достигла крайности. Къ новому государю нашелъ Константинъ во всѣхъ такое искреннее теплое сочувствіе и такое желаніе возстановить довѣріе между нимъ и нами, что даже почти странно было видѣть людей, большею частью до тѣхъ поръ смотрѣвшихъ на власть, какъ на враждебную имъ силу, привыкшихъ постоянно въ продолженіе по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ не довѣрять ей и избѣгать даже съ ней сближенія. Эти самые люди вдругъ съ дѣтской довѣрчивостью и любовью и надеждой обращаются къ новому государю, не получивъ отъ него еще никакого доказательства, которое бы оправдывало ихъ надежды. Эти люди готовы подать ему руку на союзъ любви и довѣрія, готовы предложить ему свою дѣятельность на благо общее,— они, которые до сихъ поръ такъ недовѣрчиво смотрѣли на всякое даже участіе въ дѣятельности государственной, на всякое изъявленіе сочувствія къ державному лицу! Что же это такое, какая тому причина? Государь Александръ Николаевичъ до сихъ поръ мало былъ извѣстенъ, ничѣмъ не отличался особенно. Даже долгое время раздѣлялъ совершенно противоположное направленіе и именно покровительствовалъ исключительно нѣмцамъ и стоялъ особенно за аристократизмъ. Правда, въ послѣднее время онъ сталъ раздѣлять мысли вел. кн. Константина Николаевича и читалъ письма Погодина, и сказалъ ему, что всегда было извѣстно, что онъ очень добръ и доступенъ всѣмъ добрымъ человѣческимъ чувствамъ. Правда и то, что манифестъ его о восшествіи произвелъ на всѣхъ благое впечатлѣніе и возродилъ надежду, что онъ, давши обѣщаніе „возвести Россію на высшую степень могущества и силы“, не будетъ продолжать прежней политики. Но все еще эти всѣ причины не довольно сильны, чтобъ объяснить эту внезапную, искреннюю вполнѣ и разительную перемѣну, происшедшую въ нашемъ кругу. Справедливо замѣтилъ Константинъ, что эта перемѣна объясняетъ, какъ страшенъ былъ тотъ гнетъ, который мы испытывали до сихъ поръ. Какъ безвыходно казалось наше положеніе, какъ обрадовались мы, когда почувствовали себя облегченными хотя на время, какъ охотно готовы повѣрить лучшему!.. Но кромѣ того, мнѣ кажется, это еще объясняется тѣмъ, какъ въ русскомъ человѣкѣ вовсе нѣтъ безусловной оппозиціи власти, нѣтъ ненависти къ власти потому только, что она власть, но, напротивъ, какую любовь и довѣріе могла бы внушить разумная и любовная власть, когда только отъ одной надежды на возможность чего-нибудь подобнаго такъ искренно воз-

будилось сочувствіе всѣхъ! Хомяковъ даже написалъ адресъ новому государю, въ которомъ просто и коротко говоритъ только о сочувствіи, о довѣріи къ нему и о готовности стать за него и за отечество; даже не упомянулъ о вѣрѣ, потому что въ первую минуту не хотѣлъ ни о чемъ ему говорить, кромѣ ободренія и сочувствія. „Мужайся, русскій Царь"— такъ начинаетъ онъ свой адресъ, но адресъ не былъ посланъ, потому что не было собранія [1]). Система постоянной взаимной вражды и недовѣрія намъ противна.—Вотъ какія свѣтлыя чувства и надежды и мольбы къ Богу возбудило первое впечатлѣніе восшествія на престолъ государя Александра Николаевича. Господи да оправдаются онѣ! От Тебя ждетъ только помощи земля русская!

А между тѣмъ въ народѣ ходятъ толки, смущающіе всѣхъ насъ; и въ деревняхъ и въ Москвѣ толкуютъ о томъ, что царствовать долженъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ, а не Александръ, потому что Константинъ родился въ царскомъ родѣ, а Александръ въ княжескомъ. И эти слова мы слышали отъ многихъ крестьянъ и женщинъ даже. Странное заключеніе, которое, впрочемъ, чисто народное, и даже люди ученые говорятъ, что во времена удѣловъ таковой порядокъ наслѣдства былъ въ употребленіи. Эти понятія случалось всѣмъ не разъ слышать отъ простыхъ людей: то же повторяли и объ Александрѣ Павловичѣ, говоря, что долженъ царствовать Михаилъ Павловичъ, и такъ далѣе, но никогда не могло быть это такъ важно, какъ теперь. Великій князь Константинъ имѣетъ опасную народность, и сохрани Богъ, если новый государь не будетъ дѣйствовать за одно съ нимъ. Теперь же эти слухи такъ непріятны, даже огорчительны; они могутъ возбудить недовѣріе государя къ подданнымъ, поставить его во враждебныя отношенія къ народу, къ такъ называемымъ Славянофиламъ (которыхъ уже теперь считаютъ нѣкоторые виновниками этихъ толковъ), всего хуже могутъ поселить съ самаго начала непріязнь и недовѣріе между государемъ и братомъ его, что будетъ пагубно для Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ приходилъ къ намъ разносчикъ съ мелочью и сказывалъ, что одни хотятъ Александра, другіе Константина. Ему говорятъ,—„да вѣдь Александръ старшій".—„Да это такъ, отвѣчалъ онъ, но всякій свое говоритъ, какъ бы между собой не было разладу". Не дай Богъ, это всѣхъ страшитъ. Въ народѣ вообще замѣтно броженіе умовъ: пришло-ли время, возбуждено-ли было вниманіе и только настоящими, трудными обстоятельствами, внезапное, неожиданное

[1]) Въ Погодинскомъ архивѣ, сохранился черновикъ адреса, заключающаго именно эту фразу. Черновикъ писанъ рукой Ю. Ѳ. Самарина. См. Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и Труды" М. П. Погодина, т. XIV, стр. 17.

такое событіе, потрясшее все государство (какъ перемѣна государя на тронѣ), а можетъ быть и какіе-нибудь агенты иностранныхъ державъ, поляки, стараются произвести всякое смущеніе и движеніе въ народѣ.— Братъ Константинъ ѣхалъ въ Москвѣ на извозчикѣ и завелъ съ нимъ разговоръ:—„Слышалъ ты, что государь скончался?"—„Да, померъ",—отвѣчалъ онъ очень равнодушно.—„Вотъ теперь новый государь Александръ".— „Какъ Александръ,—возразилъ тотъ,—мы слышали, что Константинъ".— „Отчего же Константинъ"?—„Онъ старше",—отвѣчалъ извозчикъ.—Братъ Константинъ сталъ доказывать ему, что это неправда, но онъ, видимо, не повѣрилъ его словамъ и только отвѣчалъ:—„Какъ вамъ угодно, вамъ лучше знать",—что то въ этомъ родѣ. Въ другой разъ братъ Константинъ ѣхалъ на извозчикѣ къ Погодину и спросилъ извозчика, присягалъ-ли онъ?—„Нѣтъ",—сказалъ.—„Да ты чей, господскій"?—„Господскій",— отвѣчалъ извозчикъ. „Ну, такъ ты присягать не будешь!"—„Какъ, возразилъ извозчикъ, оборачиваясь къ нему лицомъ,—какъ же мы не будемъ, развѣ мы не христіане? Вы люди большіе, мы противъ васъ люди маленькіе, но Богъ у насъ одинъ, одинъ государь, и законы одни". Братъ Константинъ былъ пораженъ рѣчью этого крестьянина и, разумѣется, выразилъ ему полное свое согласіе съ его мнѣніемъ. На площади въ Кремлѣ, говорятъ, сказалъ кто-то громко, что Константину должно присягать, потому что онъ посты держитъ. Это, вѣроятно, раскольникъ. Раскольники ожесточены до крайности, невыносимо-притѣснительными мѣрами, которыя съ ними употребляютъ, особенно съ нѣкоторыхъ поръ, именно по требованію министра Бибикова. Говорятъ, новый государь не любитъ Бибикова и, вѣроятно, не будетъ продолжать мѣръ, имъ принятыхъ. Дай Богъ! этому во всѣхъ отношеніяхъ можно порадоваться. Такія притѣсненія до добра не могли бы довесть, только усиливали фанатизмъ. Томашевскій разсказывалъ Константину, что одинъ раскольникъ, взятый въ рекруты, въ присутствіи бранилъ самымъ ожесточеннымъ образомъ всѣ высшія власти, называлъ антихристомъ, и т. д., ни за что не хотѣлъ обрить бороды, но рѣшался итти въ ополченіе. Разумѣется, его схватили и обрили. Теперь не принимаютъ отъ раскольниковъ капиталовъ, такъ что они не могутъ записаться въ купцы, и такимъ образомъ поступаютъ въ мѣщанство, которое подчинено рекрутству. Тысячу разныхъ другихъ притѣсненій раздражаютъ ихъ до крайности; одинъ купецъ, намъ знакомый, велѣлъ сказать маменькѣ (зная, что найдетъ участіе), что имъ очень плохо, тяжело. Въ другой же разъ мы слышали, какъ одинъ сказалъ: „Мы подождемъ еще да и рѣшимся на что-нибудь!"

Паденіе колокола въ Москвѣ произвело сильное смущеніе въ народѣ И въ самомъ дѣлѣ, какимъ предзнаменованіемъ должно было показаться

это происшествіе! Въ самое время присяги новому государю упалъ колоколъ въ 2000 пудовъ съ Ивана Великаго, продавилъ три этажа и остановился на землѣ; нѣсколько человѣкъ, говорятъ, убило; иные говорятъ, что онъ упалъ на алтарь и разломалъ его.

Какъ должно смутить это извѣстіе новаго государя и всѣхъ въ Петербургѣ! Очень жаль, что первыя минуты царствованія могутъ быть смущены такими предзнаменованіями. Но весьма, можетъ быть, что это было дѣло какихъ-нибудь злонамѣренныхъ людей; право, это кажется вѣроятнѣе: иначе это что-то ужъ слишкомъ эффектно. Въ Москвѣ стараются придать сколько возможно доброе истолкованіе этому происшествію. И точно, говорятъ, что этотъ же самый колоколъ упалъ въ 1812 году передъ изгнаніемъ французовъ. Изъ этого заключаютъ, что и теперь скоро ихъ прогонятъ. Говорятъ, что съ 1812 года этотъ колоколъ висѣлъ на припаянныхъ углахъ, которые теперь и отвалились отъ усерднаго звона. Константинъ ходилъ смотрѣть въ Кремль издали.—Колокола не видать, но видны согнувшіяся балки, на которыхъ онъ висѣлъ. Иванъ былъ во время присяги въ Чудовѣ и, когда всѣ вышли оттуда, увидали множество народа на площади, собравшагося около упавшаго колокола; тутъ имъ сообщили о паденіи колокола. При присягѣ былъ и Ермоловъ, и Строгановъ. Ермоловъ, говорятъ, грустенъ и даже плачетъ. Когда присяга кончилась, всѣ разошлись, только Ермоловъ и Строгановъ остались у обѣдни. Ермолова выбрали еще нѣсколько губерній. Говорятъ, въ Петербургѣ его выбрали единогласно только тогда, когда узнали, что государь Николай Павловичъ отвѣчалъ на ихъ запросъ, что онъ будетъ очень радъ, если выберутъ Ермолова. Неизвѣстно, зналъ ли Николай Павловичъ о выборѣ Ермолова въ Москвѣ, потому что еще недавно пришелъ запросъ изъ Петербурга, кого выбрала Москва. Это значитъ, что нашъ губернскій предводитель и Закревскій еще до сихъ поръ не посылали о томъ представленія. Какіе подлые люди! Неужели дворянство не можетъ отдѣлаться отъ своего предводителя прежде трехлѣтія, потому только, что оно само его выбрало! Каково же теперь въ такія важныя минуты; такой предводитель мѣшаетъ всѣмъ намѣреніямъ и движеніямъ московскихъ дворянъ! Это можетъ имѣть очень непріятныя слѣдствія, особенно въ настоящую минуту. Наши власти останавливаютъ, кажется, какъ будто нарочно всякія, даже самыя добрыя и законныя движенія въ дворянствѣ. Можетъ быть, кто знаетъ, для того, чтобъ все достоинство приписать себѣ лично! Такъ, напримѣръ, получа извѣстіе о кончинѣ государя и о восшествіи новаго, дворянство было еще въ собраніи и хотѣло тотчасъ же написать адресъ къ новому государю въ изъявленіе сочувствія къ его горю и преданности къ нему самому. Что-жъ,

Чертковъ [1]) и тутъ воспротивился, сказалъ что поздно, и распустилъ собраніе. Это былъ послѣдній день.—Теперь хотя и пошлется депутація, но адреса не будетъ, а напишетъ,что ему вздумается, глупый Чертковъ или Закревскій [2]); все это будетъ не скоро, неискренно или холодно или подло, и Москву обвинятъ въ оппозиціи, а Закревскій, пожалуй, еще воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ сказать, что только онъ сдерживаетъ Москву отъ худшихъ проявленій и т. д. Не досадно-ли это, и пойдетъ опять таже разладица, тоже временное недовѣріе и недоразумѣніе между государемъ и Москвой и даже вообще всѣмъ народомъ. Тѣмъ болѣе, что государь Александръ Николаевичъ въ рескриптѣ къ Закревскому пишетъ о Москвѣ, называетъ ее колыбелью своей. Какъ же не откликнуться на эти слова тотчасъ же! Всѣмъ этого искренно хотѣлось, а вышло такъ, что Москву обвинятъ въ холодности. Если-бъ намъ смѣнили этого Закревскаго! Самаринъ видѣлъ, какъ въ Чудовѣ монастырѣ прокладывалъ чиновникъ дорогу Закревскому и какъ потомъ, когда появился Ермоловъ— всѣ сами собой раздались и дали ему дорогу.

Говорятъ, Филарета лицо не выражало никакого ощущенія; читалъ онъ манифестъ такъ тихо, что не только словъ, но и голоса его не слыхать почти не было, присягу читалъ громче. — Меншиковъ смѣненъ; не знаемъ, радоваться-ли или печалиться,—насъ скорѣе смутила его отставка. Онъ самъ просился по болѣзни, и въ самомъ дѣлѣ его прежнія раны разболѣлись. Много было нападокъ и обвиненій противъ Меншикова, особенно въ Петербургѣ сильное противъ него негодованіе, и даже партія. Говорятъ, ужасный безпорядокъ въ арміи, особенно насчетъ больныхъ и провіанта; обвиняютъ его даже въ неудачѣ Инкерманскаго сраженія, зачѣмъ онъ самъ не принималъ въ немъ участія! Это приписываютъ, конечно, не недостатку храбрости, но тому, что этотъ планъ сраженія былъ ему присланъ изъ Петербурга, что онъ былъ противъ него, и потому не хотѣлъ принять въ немъ участіе.—Не знаю, поскольку все это правда, но все же защита города, по собственному признанію враговъ нашихъ, производится съ неслыханнымъ успѣхомъ; вотъ уже пять мѣсяцевъ они тамъ стоятъ и не только не повредили нашимъ укрѣпленіямъ, но и съ каждымъ днемъ и чуть не съ каждымъ часомъ возрастаютъ новыя и новыя. Что будетъ далѣе, Богъ знаетъ! Можетъ быть, Меньшиковъ мало виноватъ даже въ успѣхѣ защиты Севастополя, но все же при немъ все идетъ хорошо, а что-то будетъ при другомъ, неизвѣстно; тѣмъ болѣе, что главнокомандующимъ назначенъ князь Горчаковъ съ оставленіемъ главнокоман-

[1]) Московскій губернскій предводитель.
[2]) Московскій генералъ-губернаторъ.

дующимъ и при южной арміи, гдѣ теперь командующимъ остается Лидерсъ. Отъ Лидерса ожидаютъ всѣ успѣха, къ тому же, онъ очень расположенъ къ славянамъ, и его прежній планъ былъ итти прямо на Константинополь Американцамъ еще государь Николай Павловичъ согласился, наконецъ, дать контръ-марки на крейсерство въ нашихъ моряхъ. Англичане, вѣрно, не очень будутъ этому рады.

Константинъ на возвратномъ пути встрѣтилъ турокъ или скорѣе курдовъ плѣнныхъ:—лица выразительныя чрезвычайно, идутъ и ѣдутъ очень весело. Народъ вездѣ обходится съ ними очень хорошо. На половинѣ дороги Константинъ нанялъ крестьянина, ему попался славный старикъ, уже лѣтъ подъ 80, котораго семья не хотѣла даже отпускать. Дорогой онъ разговорился и тоже повторилъ всѣ толки о вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ, что ему надобно царствовать, потому что Александръ въ княжескомъ родѣ, а Константинъ въ царскомъ родѣ рожденъ. Толковалъ объ войнѣ, объ англичанкѣ,—такъ онъ называетъ королеву,—вообще объ иностранцахъ, что итальянцы не страшны, но что: „*англичанамъ Богъ всякія премудрости открылъ*“, и прибавилъ потомъ, „*а наша земля хлѣбомъ прославлена*“. Вообще слова старика выражали благодушіе, сочувствіе къ каждому человѣку, столько свойственное русскому. Константинъ, разумѣется, всегда счастливъ, когда что-нибудь услышитъ особенное изъ устъ народа, и на этотъ разъ былъ очень доволенъ.

Въ четвергъ, т. е. 24 февраля, обѣдалъ у насъ Гиляровъ; пріѣхалъ разстроенный и физически и нравственно болѣе, нежели когда-нибудь; просилъ Константина разсказать всѣ подробности, начиная съ выборовъ Ермолова и до послѣднихъ великихъ событій. Константинъ исполнилъ его просьбу. Гиляровъ подъ конецъ оживился. Его очень притѣсняютъ, сверхъ обычнаго гнета духовнаго управленія, и онъ намъ показывалъ тетрадь съ помарками и замѣчаніями Филарета: всякое живое слово, всякая мысль, сколько-нибудь носящая личный взглядъ человѣка, уже подвергается осужденію, и т. д. Филаретъ—совершенный государь Николай Павловичъ; таже система, и тоже убѣжденіе, и таже сила воли. Человѣкъ геніальный, но въ какихъ тѣсныхъ рамкахъ. Что могъ бы онъ сдѣлать, если бъ не слѣдовалъ этой системѣ?

25-е. Въ пятницу получила я письмо отъ Машеньки Карташевской изъ Петербурга. Они тамъ также поражены, какъ и мы, и огорчены чрезвычайно; между тѣмъ, несмотря на горесть общую (пишетъ Машенька), новый государь возбудилъ самое благопріятное впечатлѣніе и надежды своими словами къ разнымъ сословіямъ, которыя принималъ.

Дай Богъ, чтобъ нашъ новый государь, начавши такъ, такъ и продолжалъ; тогда ему сами собой не нужны сдѣлаются всякія внѣшнія ограж-

денія,—запреты, жандармы и т. д. Дай Богъ! По крайней мѣрѣ, онъ не разъ выражалъ и прежде свое мнѣніе о необходимости публичности въ дѣлахъ, о необходимости общественнаго мнѣнія, какъ единственнаго контроля и повѣрки для монархическаго правленія. Говорятъ, на другой день своего царствованія, онъ при пріемѣ министровъ принялъ великаго князя Константина Николаевича, уже какъ императоръ, и сказалъ ему: „Я долженъ благодарить Васъ, за Вашу неусыпную дѣятельность въ Вашей службѣ, и прошу всѣхъ министровъ брать съ Васъ примѣръ и ввести ту же публичность въ своихъ дѣлахъ“. Все это насъ радуетъ. Говорятъ, нельзя узнать въ новомъ императорѣ прежняго великаго князя,—держитъ себя совсѣмъ иначе. Конечно, положеніе такъ высоко и важно, что не мудрено переродиться. Разумѣется, замѣчаютъ теперь всякую бездѣлицу: съ кѣмъ онъ какъ поцѣловался, на кого какъ взглянулъ и т. д.

28 февраля. Сегодня утромъ пріѣхалъ Иванъ. Особенныхъ важныхъ вѣстей нѣтъ, но мелкихъ много. До сихъ поръ объ мысляхъ новаго государя на счетъ внѣшней политики никто еще ничего не знаетъ, кромѣ того, что онъ сказалъ дворянамъ или купцамъ: „Будьте увѣрены, что я не выдамъ чести Россіи“, и также отвѣчалъ австрійскому послу на его слова, что всѣ зная, его доброту, радуются его восшествію.—„Мнѣ очень лестно такое мнѣніе,—отвѣчалъ Государь, — но это не помѣшаетъ мнѣ исполнить долгъ мой въ отношеніи Россіи“. Говорятъ, онъ не хотѣлъ поцѣловать Клейнмихеля, но тотъ самъ бросился его обнимать и потомъ, встрѣтивши его во дворцѣ въ коридорѣ, пустился очень краснорѣчиво и горячо выражать государю свою горесть; тотъ сказалъ: „для такой тяжелой минуты, Ваша горесть слишкомъ шумна“. Все это очень хорошо и радуетъ. Что Богъ дастъ дальше? Государыня Марья Александровна, говорятъ, больше молчитъ и только повторяетъ: „j' ai peur“. Великость сана, страшная отвѣтственность, которая съ нимъ сопряжена, и трудность исполненія своего долга, особенно въ настоящую минуту,—конечно, не можетъ не страшить умнаго человѣка. Говорятъ, будто начинаются уже интриги при дворѣ.

Вышли рескрипты,—Меншикову очень холодный. Впрочемъ, новый государь отклоняетъ отъ себя его отставку. Два рескрипта,—одинъ Ростовцеву, другой Витовтову при пожалованьи табакерки—ничего въ себѣ не заключаютъ, но, какъ замѣчаютъ, эти первыя пожалованья новаго государя указываютъ на значеніе, которое эти люди будутъ имѣть въ новомъ царствованіи. Одна бумага непріятно подѣйствовала и огорчила даже многихъ,—это приказъ по войскамъ. Впрочемъ, новый государь прямо говоритъ, что государь Николай Павловичъ завѣщалъ передать эти слова отъ него войскамъ, въ которыхъ онъ благодаритъ ихъ за спа-

сеніе Россіи въ 1825 году. Какъ не во время было напоминать въ настоящую минуту объ этомъ времени объ этой несчастной эпохѣ! И какое спасеніе, и отъ чего? 13 декабря бунтовала развѣ Россія? Бунтовали только нѣсколько полковъ той же самой гвардіи, Россія была чужда этой несчастной и, конечно, безразсудной попыткѣ. Но эти слова особенно еще замѣчательны потому, что они бросаютъ свѣтъ на самаго Николая Павловича, на его пониманіе этого несчастнаго происшествія, на то впечатлѣніе, которое сохранилъ онъ въ продолженіе всего своего царствованія, такъ что въ послѣднія минуты свои онъ ни съ какимъ другимъ словомъ не обратился къ своему народу, какъ только съ благодарностью къ войску за подавленіе возстанія, которое онъ по всему, видно, приписывалъ всему народу. Вѣроятно, это событіе имѣло пагубное вліяніе на все его царствованіе.

6 марта. Новаго до сихъ поръ мало, по крайней мѣрѣ у насъ ничего неизвѣстно.—29-го февраля былъ выносъ при самой торжественной печальной церемоніи, а вчера или сегодня должны быть похороны. Всѣ ожидаютъ, что по отданіи послѣдняго долга государю Николаю Павловичу сынъ его займется дѣятельно рѣшеніемъ великаго вопроса. Что-то будетъ? Ожиданіе всѣхъ такъ напряжено. Стараются отгадать заранѣе и по самымъ малѣйшимъ признакамъ заключить впередъ о будущихъ дѣйствіяхъ. Много разсказываютъ про пріемъ министровъ, но про Нессельроде никто ни слова; не знаю, какъ это растолковать: можетъ быть, онъ сказывается больнымъ и не показывается болѣе. Великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ не поспѣли къ выносу, они проскакали Москвой только 28-го числа. Кажется, слава Богу, всѣ толки и смущенія первой минуты при восшествіи новаго государя улеглись.—Изъ Москвы пишутъ къ Ивану, какъ слухи, что Ермоловъ утвержденъ, что генералъ адъютантъ, повезшій манифестъ государя Александра Николаевича въ Сибирь, везетъ также и прощеніе всѣмъ сосланнымъ. Адресъ калужскій первый не посланъ, предводитель дворянства Унковскій написалъ другой отъ себя. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ прекрасный адресъ изъ Грузіи по поводу еще манифеста объ ополченіи. Вотъ два было случая, по поводу которыхъ отовсюду были поданы голоса, только одна Москва молчитъ, и благодаря ея начальникамъ, не отозвалась даже новому государю на слова, обращенныя къ ней именно, какъ къ колыбели его...

Ермоловъ продолжаетъ получать избранія изъ всѣхъ губерній. Что-то будетъ, вотъ вопросъ, который безпрестанно вертится въ головѣ. Если новый государь будетъ за одно дѣйствовать съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, можно ожидать много добраго. Мы не перестаемъ восхищаться распоряженіями послѣдняго. Получили № 2-ой „Морского

Сборника“, и съ наслажденіемъ читаемъ всѣ статьи въ немъ, даже всѣ хозяйственныя распоряженія; во всемъ слышится правда, свобода мысли, откровенность, полная довѣрія; дышется отраднѣе, точно читаешь о чужомъ государствѣ; и какъ такое направленіе быстро принесло успѣхъ: вызвало жизнь, благородное рвеніе на пользу общую, привлекло къ дѣятельности прекрасныхъ, честныхъ людей, какъ благотворно оно воспитываетъ всѣхъ своимъ вліяніемъ! Слава Богу: это радостное, великое явленіе. Да поможетъ Богъ всѣмъ добрымъ дѣятелямъ на пользу общую!

Замѣчательна статья директора Коммиссаріатскаго департамента кн. Оболенскаго (отчетъ о дѣйствіяхъ); статья Чистякова о дѣйствіяхъ флота, съ начала войны; тутъ высказано смѣло и откровенно всѣ невыгоды угнетательной системы въ примѣненіи ея въ отношеніяхъ начальниковъ морскихъ къ ихъ подчиненнымъ, и все значеніе и польза нравственныхъ причинъ, двигающихъ людьми въ исполненіе ихъ обязанностей и т. д. Словомъ сказать, еслибъ таже система и съ тѣмъ же рвеніемъ была употреблена по всѣмъ министерствамъ, осталось бы только благодарить Бога. Это такого рода направленіе, которое есть ключъ ко всѣмъ прекраснымъ преобразованіямъ. Взывается ко всѣмъ за совѣтомъ, выслушивается съ вниманіемъ всякое замѣчаніе, жалоба, отдается все на общій судъ. Тутъ со временемъ, конечно, могутъ сказаться всѣ народныя потребности, и духъ народный самъ собою выскажется и выработаетъ свое.

Получено также письмо отъ Елены Антоновны; ихъ горесть и соболѣзнованія о покойномъ государѣ переходятъ всякія мѣры; такого увлеченія много въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Они жалѣютъ, что не поднесли ему при жизни названія Мудраго и Правдиваго; послѣднее скорѣе бы шло къ нему.

Пишетъ также, что паденіе колокола народъ толкуетъ и такимъ образомъ, что государь Николай Павловичъ былъ все время несчастливъ и что теперь съ нимъ вмѣстѣ рухнулось и его несчастіе и т. д.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ недурной адресъ петербургскаго дворянства еще къ Николаю Павловичу по поводу ополченія и отвѣтъ на него уже отъ государя Александра. Дворянство петербургское упомянуло о православныхъ братіяхъ. Государь въ отвѣтѣ не повторилъ этихъ словъ. Намѣренно ли онъ умолчалъ о православныхъ и единовѣрныхъ братіяхъ или случайно, Богъ знаетъ, но мнѣ что-то начинаетъ казаться, что онъ избѣгаетъ этого предмета.

Онъ говоритъ вездѣ о чести и могуществѣ Россіи, но нигдѣ, кажется, еще не сказалъ ни слова о защитѣ православія и единовѣрныхъ братьевъ. Уже не эту ли Онъ далъ клятву отцу своему—не вмѣшиваться въ дѣла славянъ? Но судьбы Божіи сильнѣе намѣреній человѣка!

8 марта 1855. Сегодня получено нѣсколько писемъ, четыре номера иностранныхъ журналовъ; два изъ нихъ, видимо, были задержаны и въ многихъ самыхъ интересныхъ мѣстахъ вытерто: досадно. Говорятъ, государь сказалъ прекрасную рѣчь дипломатическому корпусу, въ которой объявилъ, что болѣе уступокъ не сдѣлаетъ и что скорѣе погибнетъ во главѣ своихъ подданныхъ, нежели заключитъ постыдный миръ. Всѣ въ восхищеніи, это почти равняется объявленію войны. Съ ихъ стороны трудно ждать уступокъ. Но что будетъ, одному Богу извѣстно.— Пишутъ также, что государь велѣлъ благодарить Москву за выборъ Ермолова, что потребовали депутацію дворянъ изъ Москвы, и что Чертковъ и двое еще такихъ же, кажется, глупцовъ, какъ онъ, отправились. Кто знаетъ, можетъ быть дошло до свѣдѣнія государя, что Москва хотѣла послать депутацію, но предводитель воспротивился. Этому были бы всѣ очень рады. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что генералъ Ланской, пріѣзжавшій съ манифестомъ отъ государя, повезъ въ Петербургъ адресъ Хомякова, который разошелся вездѣ по Москвѣ. Вѣроятно, онъ зналъ, почему не было адреса отъ дворянства, и могъ передать даже государю. Но вотъ что насъ всѣхъ огорчило—это то, что Погодинъ не поѣхалъ въ Петербургъ. Что съ нимъ дѣлается, не можемъ понять; дочь его пишетъ, что всѣ его уговаривали, но что онъ не собрался, а теперь и время пропустилъ и сидитъ за своими лѣтописями. Отесенька и братья думаютъ, что онъ получилъ отъ кого-нибудь предостереженіе, чтобъ не ѣхать: если это и такъ, то вѣрно сдѣлано съ злымъ намѣреніемъ помѣшать его вліянію на настоящія дѣла. Я же думаю, что онъ поддался своему мистическому направленію и все прислушивался, не шепчетъ-ли ему что-нибудь, что онъ долженъ ѣхать, а на бѣду ему все шептало что то на ухо, чтобъ онъ занимался лѣтописями.—Это онъ самъ сказывалъ братьямъ. Во всякомъ случаѣ, это такъ досадно, что онъ не поѣхалъ; пропустилъ, можетъ быть, единственный случай, и такъ досадно, что никто изъ нашихъ не поѣхалъ, а отъ чего?—такъ—сами не знаютъ. Если бъ мы жили въ Москвѣ, мы непремѣнно уговорили бы съѣздить Константина, да и Погодина также.

Что то будетъ? Теряемся совершенно въ предположеніяхъ, все вниманіе напряжено, всѣ ждутъ въ смятеніи, чѣмъ разрѣшатся великія событія нашего времени. Каждая минута заключаетъ въ себѣ великое значеніе.

Говорятъ, въ Хотьковѣ видѣлъ сторожъ на зарѣ видѣніе на небѣ креста; сперва онъ увидалъ большую звѣзду голубого цвѣта, которая бросала лучи вокругъ себя, и потомъ изъ этой звѣзды образовался крестъ. Онъ говоритъ, что позвалъ еще кого то и тотъ также видѣлъ. Правда ли это или нѣтъ, но въ наше время нельзя не вѣрить, по крайней мѣрѣ,

возможности чудесъ. Всѣ событія такъ чудны, такъ явно управляются свыше вопреки человѣческимъ расчетамъ.

10 марта, въ четвергъ. Въ газетахъ напечатанъ рескриптъ государя Адлербергу, рескриптъ очень хорошій, особенно тѣмъ чувствомъ, которымъ онъ согрѣтъ, и вообще человѣческимъ взглядомъ на отношенія людей между собой, хоть бы эти люди былъ царь и подданный. Въ этомъ же номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ напечатаны нѣкоторыя подробности первыхъ минутъ царствованія государя Александра Николаевича, его слова къ разнымъ генераламъ; кажется, онъ съ первой же минуты былъ твердо рѣшенъ на войну, по крайней мѣрѣ вполнѣ увѣренъ въ ея неизбѣжности. Онъ сказалъ: „Мы не уступимъ ни шагу врагу и будемъ защищать до послѣдней капли крови нашу милую Россію“.—На войну онъ рѣшился, но на какую? Если на оборонительную только, внутри нашихъ предѣловъ, то нельзя ожидать успѣха.

Въ пятницу, т. е. 11 марта, ѣздилъ Иванъ къ Троицѣ, воротился только передъ обѣдомъ и привезъ съ собой Гилярова, который сообщилъ о воззваніи синода объ ополченіи... Между прочимъ Гиляровъ сказывалъ намъ, что грекъ Анфимъ монахъ очень огорченъ и тотчасъ послѣ извѣстія о кончинѣ Николая Павловича хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ поклониться ему, но его не пустили, къ его искреннему огорченію. Онъ говоритъ, что греки будутъ много жалѣть о Николаѣ Павловичѣ, что съ его именемъ связаны были почти всѣ надежды грековъ, что настоящаго императора не знаютъ, и онъ самъ съ недовѣрчивостью слушалъ всѣ увѣренія Гилярова, что государь Александръ Николаевичъ сдѣлаетъ для нихъ еще болѣе.—Замѣчательный фактъ: Николай Павловичъ слѣдовалъ именно той политической системѣ, чтобъ скорѣе отталкивать отъ себя православные восточные народы; наконецъ, совершенно отрекся отъ исключительнаго покровительства надъ ними, а между тѣмъ народы эти полны самой преданной, твердой вѣры въ его заступничество. То правда, конечно, что Николай Павловичъ часто дѣйствовалъ непослѣдовательно съ своей системой политики, и что его личное сочувствіе часто выказывалось и въ денежной помощи православнымъ братьямъ и въ защитѣ ихъ; такъ и въ настоящую войну, сколько было противорѣчащихъ дѣйствій, и мое убѣжденіе подтверждается, что если бъ не Нессельроде, который безпрестанно его принуждалъ возвращаться къ безобразной политикѣ нѣмецкой, то государь былъ-бы увлеченъ совсѣмъ на другой путь! Кстати, о Нессельроде! Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ скончался Николай Павловичъ и воцарился Александръ Николаевичъ, объ немъ никто еще не упомянулъ: говорили обо всѣхъ министрахъ, о томъ, какъ принялъ государь Александръ Николаевичъ

такого то или другого, о Нессельроде ни слова, какъ будто онъ исчезъ съ лица земли. Вѣроятно, онъ сказывается больнымъ. Ему, этому измѣннику, ему одному обязаны мы позоромъ и затруднительнымъ положеніемъ Россіи.

Въ пятницу, 11 марта, часовъ въ 11 вечера, уже мы почти всѣ разошлись, у отесеньки болѣла голова и сильный былъ кашель, отчего онъ легъ раньше обыкновеннаго. Вдругъ являются къ намъ Трушковскій и Кулишъ. Мы ихъ никакъ не ожидали, особенно Кулиша, отъ котораго недавно было получено письмо изъ Малороссіи. Мы сперва думали, что Кулишъ пріѣхалъ вслѣдствіе письма отесеньки, въ которомъ отесенька обѣщалъ достать ему деньги для напечатанія его біографіи Гоголя, но онъ письма этого не получилъ, когда уѣхалъ. Услыхавши о кончинѣ государя Николая Павловича и перешедши черезъ всѣ впечатлѣнія, черезъ которыя перешли и мы всѣ, онъ остановился на надеждахъ, возбужденныхъ въ немъ новымъ царствованіемъ.—„Я одного желаю, чтобы мнѣ дали жить",—сказалъ онъ. Онъ уже мечтаетъ, что ему откроется новая дѣятельность, что онъ будетъ издавать журналъ и т. д. Всѣ извѣстія, сообщенныя намъ Трушковскимъ и Кулишемъ, очень утѣшительны. Рѣчь государя Александра Николаевича дипломатическому корпусу—всѣ хвалятъ. Говорятъ, въ петербургскомъ журналѣ напечатана повѣсть, которую прежде не пропустилъ бы цензоръ, и на вопросъ издателя, отчего онъ ее пропустилъ, цензоръ отвѣчалъ: „видите, у всѣхъ лица веселыя, ну и цензура весела!" Много ходитъ анекдотовъ, все въ пользу новаго государя.—Говорятъ, одинъ чиновникъ, пришедшій съ женой рано поклониться государю Николаю Павловичу, былъ встрѣченъ очень грубо квартальными, стоявшими на стражѣ печальной комнаты. Чиновникъ разсердился, тѣ еще ему отвѣчали такъ дерзко и грубо, что чиновникъ вышелъ изъ себя и ударилъ квартальнаго. Изъ этого вышло дѣло, и присудили чиновника отставить, но довели до государя и тотъ велѣлъ отставить квартальныхъ, съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять за грубое обращеніе. Говорятъ, что государь сказалъ Бибикову: „Вы обманули отца моего, студенты ни петербургскіе, ни московскіе не желали учиться фрунту, а вы его увѣрили въ этомъ". Клейнмихель просился будто бы въ отставку, на что государь сказалъ ему: „очень охотно, графъ, но намъ надобно сперва расчитаться". Въ Малороссіи, сказывалъ Кулишъ, общее впечатлѣніе—есть сожалѣніе самое искреннее о государѣ Николаѣ Павловичѣ и даже нѣкоторое опасеніе за будущность. Трушковскій и Кулишъ пріѣзжали собственно для переговоровъ съ отесенькой и братомъ о печатаніи біографіи и писемъ Гоголя.

12 марта, на другой день, хотя отесенька чувствовалъ еще нездоровье, но принималъ участіе въ этихъ толкахъ. Трушковскій привозилъ намъ письма Гоголя къ матери. Вопросъ былъ въ томъ, печатать ли ихъ

немедленно особо, или отдать Кулишу воспользоваться ими для пополненія своей біографіи; этого то именно и хотѣлось добиться Кулишу, и онъ успѣлъ въ томъ, говоря, что иначе онъ и печатать не будетъ, когда знаетъ, что есть матеріалы, которыми онъ могъ-бы воспользоваться и не воспользуется. Признаюсь, не разъ и даже постоянно производитъ онъ на меня непріятное впечатлѣніе; что то именно внутри его есть для меня отталкивающее; я нахожу, что онъ поступалъ не деликатно съ Трушковскимъ. Письма Гоголя прекрасны, полны такой горячей нѣжной любви къ матери и семейству; сколько важныхъ указаній на его внутренній душевный міръ. Я успѣла только ихъ пробѣжать. Толковали также о томъ, какъ печатать сочиненія Гоголя, разрѣшенія печатанія которыхъ ожидаетъ уже Трушковскій. Уже три года самыхъ важныхъ потеряно навсегда. Также о томъ, какъ и когда печатать его письма. Я совѣтовала печатать письма семейныя немедленно и отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, отесенька, Константинъ и Трушковскій того же мнѣнія, но Кулишъ жарко возставалъ, такъ что мы немножко поспорили. Трушковскій-же самый добродушный человѣкъ, его душевныя стремленія всѣ хороши, благородны, но нѣтъ дѣятельной силы; можетъ быть, это еще вырабатывается.

Въ воскресенье, утромъ, т. е. 13 марта, они уѣхали. Константинъ собирался въ Москву для выпуска вновь отпечатанной отесенькиной книжки „Разсказы и воспоминанія охотника", заключающей въ себѣ разсказы о разныхъ охотахъ и въ концѣ маленькій разсказъ крестьянина о соловьяхъ, записанный Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ.

Во вторникъ, т. е. 15 марта, получено было письмо отъ Кулиша съ разными добрыми вѣстями о государѣ, съ надеждами на цензуру и т. д. И Кулишъ и Трушковскій зовутъ Константина въ Москву; въ четвергъ было получено письмо къ Ивану отъ И. Елагина, гдѣ также подтверждаютъ добрые слухи и, между прочимъ, достовѣрное извѣстіе о томъ, что есть распоряженіе учиться фрунту только тѣмъ студентамъ, которые этого пожелаютъ, тогда какъ прежде было предписано всѣмъ.

Въ четвергъ, т. е. 17 марта Константинъ поѣхалъ въ Москву и воротился въ понедѣльникъ утромъ. Въ его отсутствіе получили мы иностранные журналы и московскія газеты. Въ иностранныхъ журналахъ всѣ говорятъ о надеждахъ на миръ... Конференціи происходятъ въ совершенной тайнѣ, и потому на всѣ толки объ нихъ нельзя обращать никакого вниманія. Только то извѣстно, что дѣйствуетъ Титовъ, что онъ послалъ deux depeches chiffrées въ Петербургъ по телеграфу. И что насъ особенно непріятно поразило, это циркуляръ Нессельроде; увидать вновь его имя въ дѣлахъ нашихъ было возмути-

тельно; мы, признаюсь, льстили себя надеждой, что онъ будетъ удаленъ, особенно потому, что о немъ никто не говоритъ ни слова, а теперь онъ снова началъ дѣйствовать во вредъ Россіи. Циркуляръ его, хотя написанъ не въ такихъ грубо-унизительныхъ выраженіяхъ для Россіи, но также мошеннически выдаетъ ее врагамъ. И какъ онъ уже началъ . . . . . добраго Александра Николаевича, безпрестанно ему суетъ передъ глаза отца, его послѣднюю волю, начатый имъ миръ, который онъ оставилъ сыну въ наслѣдство. А между тѣмъ представляетъ положеніе Александра Николаевича подъ видомъ жалкимъ, съ тѣмъ, конечно, чтобъ его унизить, что не бывало еще примѣра, чтобъ при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всходилъ на престолъ царь, и что если онъ заключитъ миръ, это привлечетъ благословеніе всѣхъ народовъ на его новое царствованіе. И уже въ этомъ циркулярѣ не упоминается ни о цѣли возвысить Россію на высшую ступень могущества и силы, а только скромно говорится, что государь будетъ защищать l'honneur et l'intégrité de l'Empire, какъ будто Россія совершенно находится въ положеніи Турціи. Словомъ сказать, нельзя было лучше унизить Россію, не употребивъ наглыхъ унизительныхъ выраженій, которыхъ онъ уже не боялся употреблять при Николаѣ Павловичѣ. Нѣтъ, гдѣ Нессельроде и Титовъ, ничего добраго нельзя ожидать, и покуда эти два измѣнника будутъ управлять нашей политикой, Россія не исполнитъ своего святого долга. Такого добродушнаго человѣка, какъ государь Александръ Николаевичъ, не трудно такому безсовѣстному плуту, какъ Нессельроде, провести и опутать, какъ ему это будетъ нужно. Онъ уже нашелъ струну въ немъ, черезъ которую можетъ имъ управлять,—это воля отца, его дѣйствія, и будетъ его путать, такъ что онъ и не увидитъ, какъ будетъ связанъ и по рукамъ, и по ногамъ, и будетъ вынужденъ подписать все, что тотъ не заготовитъ. Вотъ еще лицо, которое очень вредитъ государю. Это Ростовцевъ [1]), онъ и прежде имѣлъ къ нему довѣріе, а теперь, видно, это довѣріе растетъ и этотъ п . . . . цъ, какъ всѣ его называютъ, умѣетъ имъ пользоваться. Какъ противны его разные приказы, въ которыхъ онъ будто-бы съ простодушной, смѣлой и благородной откровенностью разсказываетъ во всеуслышанье всѣ дѣйствія, движенія государя при представленіи генераловъ, слова государя къ нему, т. е. Ростовцеву, съ какимъ чувствомъ онъ, т. е. Ростовцевъ, поцѣловалъ руку государя, какъ государь, сдѣлавъ два шага впередъ, сказалъ то и то, и въ голосѣ у него были слезы, потомъ еще нѣсколько шаговъ, сталъ прощаться съ начальниками заведеній, которыми управлялъ исключительно, потомъ за-

[1]) Извѣстный Яковъ Ивановичъ.

рыдалъ, потомъ сказалъ то и то, и опять въ голосѣ были слезы, словомъ сказать—представилъ государя совершеннымъ ш.......

28 марта. Вотъ уже и другой день свѣтлаго праздника... Отъ Троицы привезли почту. Письмо одно важное, отъ графа Ивана Толстого, начальника Серпуховской дружины, въ которую записался Иванъ; онъ увѣдомляетъ его, чтобъ онъ явился къ 1 апрѣлю въ Серпухово; Иванъ ѣдетъ завтра; ему еще надобно обмундироваться.

Въ московскихъ газетахъ интереснаго особенно ничего, кромѣ рескрипта государя къ Филарету, московскому митрополиту. Рескриптъ поразительно сухъ, а государь принимаетъ даже безъ благодарности 160 тысячъ серебромъ, жертвуемыя митрополитомъ и духовенствомъ. Вѣроятно, письмо Филарета было чрезвычайно казенно и состояло только въ изъявленіи вѣрноподданическихъ чувствъ, это выраженіе, какъ кажется, съ намѣреніемъ два раза повторяется въ рескриптѣ и должно заключить, что государь не доволенъ имъ. Митрополитъ московскій могъ-бы написать что нибудь другое; въ рескриптѣ государь говоритъ о Москвѣ въ выраженіяхъ столь искреннихъ и согрѣтыхъ чувствомъ, что отрадно читать. И какъ не отозваться на такія слова, какъ не отвѣчать ему привѣтомъ на такой привѣтъ, хоть изъ одной учтивости, а тутъ, особенно, когда этотъ привѣтъ такъ былъ бы искрененъ, такъ всякому хотѣлось бы высказать свое сочувствіе! Но возможно ли что нибудь при нашихъ московскихъ властяхъ, которыя по системѣ и по глупости противятся всему живому. Желали бы мы одного, чтобъ государь зналъ причины молчанія Москвы и отдѣлилъ-бы ее отъ властей, ее стѣсняющихъ. Можетъ быть, онъ это и начинаетъ понимать. Дай Богъ!

29 марта. Съ почты привезли немного: три номера „Journal de Francfort". Любопытна только статья, перепечатанная изъ „Times", написанная въ день общаго покаянія; и подлинно, статья эта есть самое униженное сокрушенное покаяніе передъ цѣлымъ свѣтомъ; сильнѣе высказать своего позора нельзя было. Конечно, „Times" дѣйствуетъ такъ съ цѣлью заставить правительство перемѣнить всѣ прежнія не только ошибки, но и основы, и не скупится въ выраженіяхъ самыхъ энергическихъ, самыхъ оскорбительныхъ для національной гордости, но между тѣмъ должно сознаться, что эта газета не преувеличиваетъ положенія Англіи, ея публичнаго позора, несостоятельности основъ ея управленія и т. д. Англія пала въ общемъ мнѣніи съ высоты своего величія и пала въ соревнованіи съ ея прежнимъ врагомъ, Франціей, доставляя своимъ паденіемъ полное торжество ей.

Сегодня письмецо отъ Гилярова насъ немного смутило; онъ пишетъ, что митрополитъ московскій, пожертвовалъ на славянскія церкви въ случаѣ

ихъ освобожденія 50 тысячъ серебромъ отъ московской епархіи прошлаго года, положилъ ихъ въ опекунскій совѣтъ, «послѣ того, какъ они приняты были государемъ. Теперь, прибавивъ къ нимъ съ накопившимися процетами еще 60 тысячъ серебромъ, онъ донесъ о томъ новому государю.

Государь велѣлъ ихъ причислить на военныя издержки.—„Вы можете себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это на главныхъ жертвователей“,—прибавляетъ Г. Если это такъ, то это весьма дурной знакъ и насъ это очень огорчило. Перечли мы рескриптъ Филарету, онъ чрезвычайно сухъ и даже ни малѣйшей благодарности, но въ немъ сказано: „согласно вашему желанію, эта сумма будетъ употреблена на военныя издержки“.—Что же это значитъ? Вѣроятно, митрополитъ московскій самъ предложилъ употребить ихъ такимъ образомъ, иначе нельзя было бы такъ явно солгать. Но во всякомъ случаѣ, государь, еслибъ хотѣлъ, могъ бы сказать, что онъ не измѣняетъ назначенія этимъ деньгамъ, опредѣленнаго его отцомъ. Мы даже такъ слышали (и это совершенно справедливо), что прошлаго года Филаретъ предложилъ деньги на военныя издержки, но что государь Николай Павловичъ сказалъ: „поберегите ихъ для болгарскихъ церквей: если Богъ дастъ, мы ихъ освободимъ“. Надобно сознаться, что съ самой первой минуты своего царствованія до сей поры новый государь ни однимъ звукомъ голоса, не только словомъ, не высказалъ хотя бы нечаянно какого-нибудь сочувствія къ славянамъ и вообще къ православнымъ братіямъ на востокѣ. Если онъ и говорилъ о силѣ и могуществѣ Россіи, то, кажется, только ограничиваясь защитой ея предѣловъ. Забота о славянахъ, кажется, вовсе исключена изъ его политики, и знамя святой причины настоящей войны потеряно; его политика все та же, что и его отца; можетъ быть, онъ будетъ стоять болѣе за честь Россіи, какъ дядя его Александръ, и только—и то можетъ быть, что его твердости хватитъ только на первое время. Циркуляръ Нессельроде уже много сбавилъ тону, что замѣтили и журналы, и уже вновь подняли голосъ и позволяютъ себѣ величаться оскорбительно передъ Россіей. Неизвѣстность, недоумѣніе, постоянное напряженное ожиданіе, недостатокъ довѣрія къ своему правительству,—вотъ въ какомъ состояніи находятся всѣ умы. А тутъ собирается ополченіе, и сегодня Иванъ, несмотря ни на погоду, ни на дорогу, долженъ былъ ѣхать по зову своего дружиннаго начальника. Что за странная комедія: ополченіе среди переговоровъ о мирѣ!—Разумѣется, какого же можно требовать одушевленія, сочувствія?

31 марта. Сегодня часовъ въ 6 отправилась я къ обѣднѣ въ первый разъ на праздникъ. Воздухъ теплый, весенній, было совершенно тихо, птицы поютъ, все дышетъ весною! Дороги очень дурны; слава Богу,

доѣхала благополучно, но нѣсколько опоздала и потому осталась до начала поздней обѣдни; и часы и обѣдня—все такъ радостно и свѣтло; хорошо, что хоть одинъ разъ удалось побывать у такой обѣдни. Дороги ни на что не похожи; сегодня было 11 градусовъ тепла и тихо. Возвратившись домой, нашла я маменьку лучше. А у отесеньки голова болитъ.

Вскорѣ привезли почту: 4 письма, „Московскія Вѣдомости“ и „Journal de Francfort“,—два номера, 76 и 78, а 77, видимо, задержанъ. Мы тотчасъ же начали читать письма, первое отъ Карташевскихъ. Тетенька между прочимъ пишетъ, что на-дняхъ государь сказалъ по случаю пожертвованій, что онъ надѣется, что они скоро не будутъ нужны: значитъ, миръ. Въ то же время, Константинъ, пробѣгая французскіе журналы, попалъ глазами на слова, что Россія согласилась на все и что разсужденія идутъ только о числѣ кораблей, которое Россія будетъ содержать въ Черномъ морѣ. Эти два извѣстія, совпавшія вмѣстѣ, до такой степени всѣхъ насъ поразили непріятно, что негодованіе начало было уже изливаться со всѣхъ сторонъ. Всѣ надежды, возбужденныя новымъ государемъ, казалось, вдругъ всѣ исчезли; довѣріе, которое такъ охотно принялось было въ душѣ каждаго, вдругъ смѣнилось недовѣріемъ, даже въ мигъ возникнувшей враждебностью. Константинъ говорилъ: „Я повторяю, мира не будетъ; если онъ согласится, то судьба его отстранитъ—какимъ образомъ, я не знаю, но это такъ будетъ“. Отесенькино же мнѣніе было то, что и никогда нельзя было ничего надѣяться, что эти надежды возникаютъ всегда при перемѣнѣ царствованія, что потомъ все пойдетъ по старому. Иные видѣли въ этомъ указаніе на невозможность союза нашего съ этимъ правительствомъ, что ничего нельзя ожидать особеннаго уже потому, что онъ не отличается особеннымъ умомъ, что все будетъ пошло и въ пошлой средѣ совершаться и т. д. Но что же будетъ, чего ждать, если миръ,—что будетъ послѣ мира? Какое впечатлѣніе произведетъ онъ въ Россіи, гдѣ уже въ самомъ простомъ народѣ возбуждено столько вниманія и участія къ настоящимъ событіямъ! А между тѣмъ Машенька Карташевская пишетъ, что теперь измѣняются мундиры и, говорятъ, еще будутъ измѣненія въ костюмахъ—но это слухи. Ясно:—намекъ на русское платье.—Хочетъ-ли онъ, заключа міръ, сперва устроить внутри Россію, но въ другомъ отношеніи несогласно съ желаніемъ русскаго платья согласіе на такой миръ. Среди этихъ смутныхъ впечатлѣній принесено было письмо отъ Ивана.

Быстро перешли мы отъ впечатлѣній къ другимъ, совершенно противоположнымъ. Иванъ пишетъ изъ Москвы съ кучеромъ, что хотя ходятъ слухи о мирѣ, но Ермоловъ, Закревскій и тому подобныя лица увѣрены, что разгорится страшная война. Ермоловъ не занимается ополченіемъ:

ясно, что онъ не думаетъ остаться начальникомъ его; что же это все значитъ? Мы посмотрѣли журналы иностранные и въ нихъ увидали, напротивъ, скорѣе возможность войны, нежели мира: депеша, попавшаяся первая намъ въ глаза, не имѣетъ никакого значенія передъ другими статьями, и вотъ опять мы возвращаемся къ неопредѣленнымъ надеждамъ. Опять возникаетъ довѣріе къ тому, который, по выраженію Хомякова, непремѣнно хочетъ попасть въ москвичи, мы уже не сомнѣваемся въ его благонамѣренности, но смущаетъ насъ участіе въ дипломатическихъ дѣлахъ Несельроде и Титова. Что же значатъ эти слова Государя, что болѣе не нужны будутъ пожертвованія; но эти слова, можетъ быть, никогда не были сказаны, а если сказаны, то подъ вліяніемъ, можетъ быть, надеждъ на уступки враговъ. Словомъ сказать, ощущенія и впечатлѣнія и мысли мѣняются съ быстротою необыкновенною, и воображеніе, стараясь отгадать будущее, представляетъ попеременно разнообразные, часто самые противорѣчащіе, выводы и образы.

7 апрѣля, пятница. Все время отъ лихорадки не была въ состояніи записывать. Сегодня получены важныя извѣстія, запишу ихъ хоть вкратцѣ, чтобъ не перепутать послѣ.

Иванъ пишетъ намъ всякую почту и сообщаетъ всѣ слухи; сегодня уже не слухи а факты, и страшные. Началось бомбардированіе Севастополя со второго дня Свѣтлаго праздника, именно 28 числа. Это же извѣстіе прочли мы и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", полученныхъ сегодня. Два дня продолжается канонада и еще продолжалась въ минуту отправленія курьера.

Иванъ пишетъ, что изъ Петербурга пришли достовѣрные слухи, что Вѣнская конференція рушилась—война, и что ополченіе будетъ распространено и на другія губерніи. Нессельроде объ одномъ заботится, чтобъ среди этого всеобщаго землетрясенія сохранить во чтобы то ни стало союзъ Россіи съ Австріей, такъ какъ безъ того Австрія бы погибла. Онъ запуталъ и запугалъ государя Николая Павловича; представляя ему его обѣщанія сохранить Sainte Alliance, которая давно уже была нарушена самой Австріей, или пугая его ея необъятными войсками, возбуждая въ немъ недовѣріе къ сочувствію славянъ. Конечно, онъ зналъ не хуже другихъ, что для Австріи война съ Россіей была бы гибелью, что стоило бы объявить только войну Австріи, чтобъ въ ту же минуту распалась бы она вся, что вся ея армія не пошла бы ни за что на Россію, что всѣ народы, ее составляющіе и ненавидящіе ее, отложились бы отъ нее. И для того этотъ злодѣй и измѣнникъ сгубилъ Россію, изъ самаго выгоднаго положенія привелъ ее въ самое затруднительное, старался передъ глазами всѣхъ унизить ее сколько только было для него возможности; овладѣвши

и запутавши Николая Павловича, онъ довелъ бы, Богъ знаетъ до чего, Россію, но Богъ не допустилъ. Признаюсь, не желаю ему ни смерти, ни даже болѣзни, но дай Богъ, чтобъ онъ былъ отстраненъ отъ участія въ дѣлахъ Россіи, отъ возможности губить Россію и единовѣрныхъ нашихъ братій. Иванъ пишетъ, что предполагаемый пріѣздъ государя не состоится (его ждали на-дняхъ въ Москву и къ Троицѣ съ братьями, возвращающимися въ Севастополь), по болѣзни матери его, которая очень и очень больна. Въ Петербургѣ новаго ничего особеннаго нѣтъ, все еще ждутъ, но, кажется, все же будетъ полегче.

Наконецъ, въ газетахъ есть нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Грецію кончиною православнаго русскаго царя. Удивительно, нельзя было читать безъ восхищенія и умиленія, какъ, несмотря на ужасный гнетъ и почти завоеваніе, въ которомъ находится теперь этотъ несчастный народъ, онъ выразилъ свое сочувствіе и любовь къ Россіи и къ православному государю. При совершеніи панихиды по государѣ Николаѣ Павловичѣ, народу было столько, что греческіе священники принуждены были совершать ее подъ открытымъ небомъ, и при провозглашеніи вѣчной памяти, весь народъ повторялъ эти слова; въ домахъ были вывѣшаны черные платки, всѣ носили черный крепъ. Рѣчь Иннокентія нашего при благословеніи знаменъ была переведена на греческій языкъ и напечатана въ Аѳинахъ, въ двухъ журналахъ. Можно себѣ представить, какое она производила впечатлѣніе на грековъ, но за то пострадали журналисты (были преданы суду). О, когда-нибудь да дорого расплатятся англичане и французы за эти беззаконные безчеловѣчные разбойническіе поступки!—Боже мой, когда же наступитъ день освобожденія для этихъ несчастныхъ народовъ, но видно, что и всѣ мы согрѣшили, что не допускаетъ Господь совершить намъ этотъ подвигъ! Каковъ нашъ Иннокентій, да поможетъ ему Богъ въ его дѣйствіяхъ! А Филаретъ, какъ скупецъ, сидитъ надъ своимъ сокровищемъ, и ни самъ не пользуется, ни другимъ не даетъ. Какой плодъ отъ его ума, отъ его необыкновенныхъ даровъ? Только душитъ все живое, и въ себѣ заморилъ. Какъ, ни одного слова сочувствія или одобренія или утѣшенія, или укора не сказать во все это время, при такихъ страшныхъ великихъ событіяхъ, которыя и самыхъ пустыхъ людей заставляютъ содрогнуться и познавать великую волю Божію, совершающуюся ясно передъ всѣми! Недавно читали мы его проповѣдь, говоренную на день св. Алексія митрополита; онъ коснулся обычаевъ и преданія о вредѣ моды и въ томъ числѣ упомянулъ объ употребленіи табака, какъ худороднаго зелія, дошелъ было до зла подражанія иностранцамъ, которые такъ дѣйствуютъ теперь нехристіански и тутъ какъ будто испугался, внезапно прекратилъ рѣчь.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана ода на восшествіе на престолъ Александра Николаевича сочиненія М. А. Дмитріева. Видно, какъ онъ искренно обрадовался новому царствованію, какъ возродились въ немъ надежды. Несмотря на торжественныя и сильныя выраженія сочувствія, впрочемъ, совершенно приличныя одѣ, она поражаетъ своею смѣлостью, потому что такое намѣренное умолчаніе о Николаѣ Павловичѣ въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ, кажется, хоть изъ пристрастія нельзя было не упомянуть о немъ, бросается всѣмъ въ глаза. И это должно огорчить государя Александра Николаевича, хотя ода не можетъ ему не быть пріятна. Даже всѣ совѣты автора оды новому государю служатъ какъ-бы косвенно укоромъ прежнему государю [1]). Недавно были напечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ прежніе прекрасные стихи Жуковскаго на день рожденія въ Москвѣ нынѣ царствующаго государя; въ нихъ много высказано свободы мысли и желаній прекрасныхъ. „Обманетъ-ли сіе знаменованіе“, можемъ всѣ повторять. Еще ничего, ничего нельзя сказать утвердительнаго теперь. Всѣхъ смущаетъ возрастающее значеніе Ростовцева, его называютъ Мазарини.

Иванъ самъ пишетъ, что ополченію предназначается вовсе не блистательное поприще, по крайней мѣрѣ на первый разъ; оно будетъ раздѣлено по дивизіямъ армейскихъ полковъ и будетъ, такимъ образомъ, составлять чернорабочій баталіонъ при войскахъ.

Въ субботу получили мы еще письмо отъ Ивана; извѣстій никакихъ изъ Севастополя; странно, какъ послѣ такой депеши не посылать каждый день депешу о ходѣ дѣла. Каково быть въ неизвѣстности! Что то тамъ дѣлается, Боже мой, что уже сдѣлалось, можетъ быть! [2]).

Сегодня, т. е. въ воскресенье, 10 апрѣля, получили много писемъ съ почты и „Московскія Вѣдомости“, а иностранныхъ журналовъ нѣтъ. Досадно. „Московскія Вѣдомости“ лучше было бы и не читать, до такой степени онѣ пусты,—напечатано только о кафтанахъ, полукафтанахъ и вицеполукафтанахъ, данныхъ всѣмъ войскамъ. Самыя интересныя письма отъ Ивана, Плетнева и Попова [3]).

Плетневъ пишетъ задушевное дружеское письмо къ отесенькѣ и благодаритъ за книжку; между тѣмъ говоритъ, что надобно надѣяться, что придирки цензора скоро будутъ уменьшены и совсѣмъ прекратятся. Приглашаетъ

[1]) За эту оду М. А. Дмитріеву было объявлено Высочайшее благоволеніе.

[2]) Письма Ив. Сер. за время ополченія въ изданіи „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. I, т. 3.

[3]) Выпускаемъ изъ дневника пересказъ письма И. С. Аксакова, уже напечатаннаго въ упомянутомъ изданіи.

братьевъ къ дѣятельности. Поповъ отвѣчаетъ Константину, распрашиваетъ его о занятіяхъ, о томъ, на чемъ остановилась его мысль, чего надѣется, чего ожидаетъ, и т. д. Видимо, вызываетъ его на письма, т. е. письма политическія, какія Константинъ часто писалъ къ Оболенскому, а до сихъ поръ не высказывалъ этого желанія. Иванъ сообщаетъ также слухи о томъ, что государь Александръ Николаевичъ желаетъ дать камергерамъ и камеръ-юнкерамъ вмѣсто мундировъ какіе-то парадные кафтаны и даже говоритъ, будто они будутъ переименованы въ стольниковъ и ключниковъ, но теперь отложено на время; конечно, не до того въ настоящую минуту. Между тѣмъ въ петербургскомъ обществѣ толкуютъ уже о сарафанахъ. Говорятъ, будто бы государь сказалъ: „пусть всякій одѣвается, какъ хочетъ“.

Всѣ чувствуютъ, что дѣлается какъ-то легче и въ отношеніи платья и въ отношеніи духа; Ѳ. И. Тютчевъ прекрасно назвалъ настоящее время оттепелью. Именно такъ. Но что послѣдуетъ за оттепелью? хорошо если весна и благодатное лѣто, но если эта оттепель временная, и потомъ опять все закуетъ морозъ, то еще тяжелѣе покажется. Всѣ слухи говорятъ, что война. Ермоловъ тоже сказалъ при Иванѣ. Николай Тимофеевичъ пишетъ, что онъ представлялся новому государю (какъ губернскій предводитель съ депутаціей изъ Симбирска), который ихъ очень обласкалъ, благодарилъ нѣсколько разъ за пожертвованія и сказалъ, что, вѣроятно, потребуются еще новыя и что онъ надѣется, что дворянство ему поможетъ; вотъ эти свѣдѣнія вѣрныя, и видно, что государь не сомнѣвался въ войнѣ ни на минуту. Иванъ пишетъ, что статья о глаголахъ Константина послѣ двухгодичнаго цензурованья выпущена, наконецъ!

Отесенькина книжка идетъ прекрасно и находитъ общее сочувствіе. Какъ жаль, что отесенька напечаталъ ее всего 800 экземпляр., несмотря на наши убѣжденія напечатать полный заводъ!

12 апрѣля. Поутру было письмецо отъ Константина; онъ самъ будетъ, вѣроятно, завтра. Иванъ уѣхалъ къ своей дружинѣ въ Серпуховъ. Наконецъ, получена депеша отъ 3 апр. Бомбардированіе все продолжалось; послѣ того было извѣстіе, что оно слабѣе. Какой ужасъ! Уже недѣлю продолжается это истребленіе людей. Скорбь душевная всѣми овладѣла.

Константинъ сверхъ нашего ожиданія пріѣхалъ вечеромъ, слава Богу благополучно. Но не радостныя извѣстія привезъ онъ намъ; получена депеша телеграфическая отъ 7 апрѣля: страшное бомбардированіе продолжается безпрерывно,—напечатаны нѣкоторыя подробности о первыхъ дняхъ, много потерей съ обѣихъ сторонъ. Боже мой! Чѣмъ все это кончится.

Въ государственномъ совѣтѣ, собранномъ по случаю конференціи, Блудовъ говорилъ прекрасно, совершенно въ воинственномъ духѣ, а Долгорукій

военный министръ, совѣтовалъ принять миръ со всѣми уступками; Нессельроде же сказалъ будто, что болѣе уступокъ дѣлать нельзя: но это, конечно, или потому, что дальнѣйшія уступки съ нашей стороны будутъ вредны для Австріи или же потому, что знаетъ, что государь Александръ Николаевичъ не хочетъ и согласиться на дальнѣйшія уступки: такъ вѣроятно Нессельроде сказалъ это для того, чтобъ выиграть въ глазахъ государя и получить его довѣріе, а между тѣмъ разными невидными происками достигнуть своей цѣли. Славянъ уже онъ продалъ окончательно, по крайней мѣрѣ это видно изъ журналовъ иностранныхъ.

Говорятъ, государь Александръ Николаевичъ все носитъ генералъ-адъютанскій мундиръ, живетъ въ прежнихъ своихъ комнатахъ, и еще не нарушаетъ прежняго порядка. Блудовъ сдѣланъ председателемъ государственнаго совѣта; это хорошо, потому особенно, что это послѣдовало послѣ того, какъ онъ говорилъ такую воинственную рѣчь. Всѣ говорятъ о перемѣнѣ платья, что это теперь только отложено на время.

18 апрѣля. Вчера получили одно только письмо, отъ Кулиша, очень умное и замѣчательное; онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Москвою (онъ тамъ встрѣчалъ Святую), о томъ, что элементъ общерусскій начинаетъ тѣсниться въ его хохлацкую душу и что онъ много благодаренъ Константину. Но въ тоже время письмо его сообщаетъ вовсе не радостныя вѣсти о Петербургѣ. Онъ вполнѣ разочаровался въ своихъ надеждахъ, онъ убѣдился, что ожидать ничего нельзя, не только въ настоящую минуту, но и въ будущемъ, и потому онъ немедленно уѣзжаетъ на свой хуторъ, куда онъ даже не думалъ возвращаться. По почтѣ онъ не могъ написать подробнѣе, въ чемъ дѣло: но по крайней мѣрѣ его личныя надежды на какую-нибудь дѣятельность разлетѣлись; и вотъ еще человѣкъ, обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ, но мы еще не допускаемъ себя предаться полному разочарованію, все еще выжидаемъ.

Кто-то очень хорошо сказалъ, что восточный вопросъ совершенно напоминаетъ Пенелопину ткань. Это сравненіе какъ нельзя больше вѣрно, но только тамъ дѣло шло ониткахъ или шелкахъ, а здѣсь гибнутъ также напрасно живые люди. Невыносимое состояніе томленія и ожиданія...

Справедливо и Иванъ сказалъ, что этотъ громадный вопросъ еще не выработался вполнѣ, что теперешнія явленія и событія только его усилія выйтти наружу, онъ только зашевелился и заколебалось все и пыль поднялась кругомъ. Да, точно, этотъ великій вопросъ долженъ прежде выработаться и въ умахъ всѣхъ; многое должно обличиться, многое призовется къ отвѣту... Сколько вмѣстѣ съ нимъ подымется самыхъ глубокихъ жизненныхъ народныхъ вопросовъ и задачъ! Вотъ уже Англія потряслась въ своихъ основныхъ началахъ, на которыхъ до сихъ поръ держалась вся ея

сила, все ея внѣшнее могущество и слава. Гордая Англія унижена и сама это говоритъ, она расшаталась, по собственному признанію, и вопросы, поднятые ею, не улягутся безъ разрѣшенія. Достаточно ли въ ней внутренней силы, чтобы перенести этотъ кризисъ, кто рѣшитъ? Наше время смирило человѣческую самонадѣянность, и заставило признать искренно неисповѣдимые и правосудные пути Провидѣнія. Кто могъ ожидать, чтобъ Англія такъ упала въ глазахъ всѣхъ! Что будетъ съ Франціей, какой она намъ представитъ примѣръ, еще труднѣе рѣшить. Силенъ и тяжелъ лежитъ на ней гнетъ произвола. Долго-ли она будетъ ему покоряться; куда онъ поведетъ ее, не обольститъ-ли ее блескъ внѣшней славы, купленной дорогой цѣной внутренней свободы духа и жизни или (если, какъ говоритъ Константинъ, справедливо, что западные народы не понимаютъ истинной свободы духа) по крайней мѣрѣ цѣной соблазнительнаго произвола, къ которому французы такъ привыкли, но какъ скоро они привыкли и къ рабству, какъ скоро выучились его пріемамъ, какъ блистательно подличаютъ, пресмыкаются передъ своимъ властителемъ, какъ скоро и непрекословно отказались отъ всего, что имъ было, казалось, такъ дорого! Замѣчательна рѣчь Гизо въ этомъ отношеніи: съ какой глубокой грустью сознаетъ онъ это въ своемъ народѣ! Онъ призываетъ всѣхъ къ самосознанію, къ внутреннему покаянію!

Какой тяжелый, строгій урокъ представляетъ Франція въ настоящую минуту! Разными путями наказуется и тутъ гордость и самонадѣянность національная. Но какой особенный, необыкновенный человѣкъ, который служитъ орудіемъ для смиренія ея такимъ образомъ! Онъ не геній, не герой, онъ не возбуждаетъ энтузіазма, въ немъ нѣтъ ничего увлекательнаго, но какая-то страшная внутренняя сила, которая подавляетъ и заставляетъ покоряться. Сила разсудка, молчаливой воли, настойчивости, сила практичности, совершенно современная и потому такъ успѣшно дѣйствующая, и не только во Франціи, но и во всѣхъ западныхъ государствахъ. Безъ завоеванія, безъ побѣдъ, онъ умѣлъ ихъ завоевать нравственно, наложить на нихъ свой гнетъ, сдѣлать ихъ зависимымъ отъ себя. Поставилъ ихъ всѣхъ въ такія запуганныя и затруднительныя отношенія, что они безъ него изъ нихъ выпутаться не могутъ: держитъ ихъ всѣхъ въ безпрестанномъ страхѣ за свою безопасность, въ недоумѣніи насчетъ его плановъ, его ждутъ въ одно и тоже время при трехъ или четырехъ дворахъ, толкуютъ, разсуждаютъ о значеніи его пріѣзда, вездѣ готовятъ дворцы, пріемы для него, а онъ только забавляется этимъ хлопотливымъ шумомъ около себя. Наконецъ, послѣ многихъ вѣрныхъ и невѣроятныхъ извѣстій, его поѣздка въ Лондонъ объявлена, и въ Англіи, странѣ свободной, независимой, въ гордой Англіи поднялась такая суматоха по поводу ожиданія его

пріѣзда... кого-же? Деспота, смирившаго свободный народъ, племянника того Наполеона, котораго Англія столько ненавидѣла. Даже противно читать эти рѣчи, встрѣчаемыя съ энтузіазмомъ по поводу приготовленій къ пріему le grand empereur avec son illustre épouse, въ которой нашли даже капли крови шотландской, потому, что сестра ея замужемъ за герцогомъ Альбани, который производитъ себя отъ шотландцевъ... Что за униженныя выраженія, что за подлая лесть, и это независимая Англія! Написанъ цѣлый почти церемоніалъ его пріема, приготовленія, arcs de triomphe, адреса и т. д. Трудно повѣрить! Одинъ Хомяковъ въ своихъ пророческихъ стихахъ предсказалъ паденіе Англіи.

Вторникъ, 19 апрѣля. Отесенька получилъ письмо отъ Дмитріева [1]), который не можетъ скрыть своего удовольствія, что наступило другое царствованіе; онъ искренно надѣется всего добраго отъ государя Александра Николаевича и вѣритъ пророчеству, которое было еще при Александрѣ о благоденствіи царствованія Александра Николаевича. Дай Богъ!

Гиляровъ пріѣхалъ въ то время, какъ мы сидѣли за завтракомъ; мы вовсе его не ждали, тѣмъ болѣе, что только что получена была отъ него записка. Гиляровъ, какъ и всегда, съ унылымъ, недовольнымъ, разстроеннымъ лицомъ. Впрочемъ, ничего особенно непріятнаго не случилось, но это его почти постоянное состояніе духа; и это очень жаль, это ему много вредитъ въ сношеніяхъ съ людьми, а человѣкъ замѣчательно умный, ученый и даровитый. У Троицы извѣстій особенно никакихъ, кромѣ того, что дано знать, что государь къ Троицѣ не будетъ; намѣстникъ вслѣдствіе этого предлагалъ Филарету послать икону преп. Сергія, какъ знакъ его благословенія, но Филаретъ не согласился; а между тѣмъ въ тоже время посылается икона Успенія Божіей Матери отъ митрополита кіевскаго, и принята очень хорошо. Нашъ Филаретъ опять ошибся въ расчетѣ и, вѣрно, внутренно не доволенъ. Онъ оказалъ себя во все это время до такой степени мелочнымъ, бездушнымъ, тщеславнымъ, недостойнымъ великаго своего сана.

Гиляровъ намъ сообщалъ любопытныя свои разслѣдованія и открытія въ памятникахъ древняго церковнаго пѣнія; у него есть довольно вѣрное ухо, но мало ученаго знанія музыки и это ему мѣшаетъ. Онъ предается съ увлеченіемъ вообще ученымъ изслѣдованіямъ, предметы его почти неразработанные, и онъ говоритъ, что конца не видитъ своей работѣ. Много разсказывалъ онъ намъ чрезвычайно любопытнаго о своемъ дѣтствѣ, юношествѣ, о томъ, черезъ какія темныя стороны жизни долженъ былъ онъ

[1]) М. А. Дмитріевъ.

пройти; у него есть записки его жизни, которыя онъ давно уже обѣщаетъ прочесть намъ. Онѣ должны быть чрезвычайно любопытны во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Разговоръ перешелъ какъ-то на то разнообразіе самолюбія въ каждомъ человѣкѣ и что такое самолюбіе, и поскольку его есть у каждаго изъ нихъ, и какого рода. Вслѣдствіе того было высказано много откровеннаго другъ о другѣ. Константинъ сказалъ Гилярову откровенно и добродушно, что онъ, то есть Гиляровъ, слишкомъ постоянно занятъ самимъ, т. е. безпрестанно съ самимъ собой возится, въ себя самого погруженъ, что это ему мѣшаетъ обращать вниманіе на другихъ, что Константинъ вообще замѣчалъ не разъ, что Гиляровъ не возбуждалъ расположенія къ себѣ, что онъ не привѣтливъ, не радушенъ, разумѣется не въ отношеніи насъ, но другихъ, какъ напримѣръ, Новаковича. Гиляровъ сознался, что онъ самъ это нѣсколько разъ замѣчалъ, что его большею частью не любятъ, даже тѣ люди, которыхъ онъ одолжаетъ, что онъ самъ видитъ, какъ онъ ихъ стѣсняетъ своимъ присутствіемъ. Лекціи его слушаются съ интересомъ, но его личность мало выигрываетъ отъ этого.—Это правда, что постоянное унылое состояніе духа, что называется aigri, полное горечи и недовольства, заставляетъ его смотрѣть и на людей съ недовѣріемъ, досадой и презрѣніемъ или пренебреженіемъ. Константинъ говорилъ ему, что часто брань оскорбляетъ гораздо менѣе, нежели деликатное замѣчаніе. Гиляровъ большею частью соглашался со всѣмъ, но приписываетъ много своей разсѣянности, погруженности въ свои занятія, и говоритъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобъ умѣть быть привѣтливымъ. Константинъ возразилъ ему на то: не умѣть быть привѣтливымъ, но надобно въ душѣ быть такимъ и т. д. Гиляровъ распрашивалъ отесеньку о впечатлѣніи, сдѣланнымъ имъ въ первый разъ, и очень удивлялся, что оно было выгодно. Гиляровъ уѣхалъ часовъ въ 10.

Часовъ въ 11 пріѣхалъ изъ Москвы отъ маменьки посланный, котораго мы ожидали только на другой день. Маменька пишетъ большое письмо. Говорятъ, графу Орлову нечего дѣлать, что полиція тайная будетъ понемногу уничтожена.

Бибикова государь не принимаетъ. Тотъ написалъ такой отчетъ по одному важному дѣлу, что государь написалъ *„не понимаю"*. Бибиковъ составляетъ послѣ того огромное истолкованіе. Кажется, никакихъ рѣшительныхъ, дѣйствительныхъ мѣръ и преобразованій нельзя ожидать отъ Александра Николаевича. Онъ очень добръ, искренно благонамѣренъ, но у него не достанетъ нравственной силы для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. Что-то будетъ? Господь да помилуетъ Россію! Что-то

[1]) Эти записки изданы подъ заглавіемъ „Изъ пережитаго". М. 1887.

теперь въ Севастополѣ! — Льется драгоцѣнная кровь нашихъ храбрыхъ защитниковъ и льется даромъ, безплодно и даже не возбуждая того сочувствія и состраданія, которое можно было бы ожидать.

Къ намъ пріѣхалъ вечеромъ послѣ обѣда приказчикъ фарфороваго завода Попова просить отпустить повара на свадьбу его двоюродной сестры. Онъ сказывалъ, что въ народѣ большой восторгъ, особенно послѣ синодальнаго воззванія, что къ нему приходилъ крестьянинъ старикъ, отпустивши охотно сына за святое дѣло, какъ самъ крестьянинъ выразился. Гиляровъ сказывалъ, что у нихъ получены наставленія Филарета, какъ писать воинственныя рѣчи, и что эти наставленія совершенно даютъ другой смыслъ, нежели наставленіе синода.

Священники говорятъ, что если бы они исполняли всѣ наставленія синода, то весь народъ бы поднялся.

21 апрѣля. Получены „Московскія Вѣдомости", два номера „Journal de Francfort" и 9 писемъ. Письма отъ маменьки изъ Москвы. Вѣстей политическихъ новыхъ никакихъ. Въ иностранныхъ журналахъ также ничего особеннаго. Всѣ противъ насъ, но хуже всего то, что мы сами противъ себя, т. е. наше правительство, наши министры иностранныхъ дѣлъ самые злѣйшіе враги Россіи. Вотъ въ чемъ видимъ мы гнѣвъ Божій на Россію, что Богъ допускаетъ такихъ людей управлять нами.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ рескриптъ Дубельту съ пожалованіемъ ему Владиміра 1-й степени. Это всѣхъ насъ горестно поразило.—Государь не можетъ не знать, что это за человѣкъ; если-бъ даже онъ хотѣлъ въ уваженіе отца своего наградить чѣмъ-нибудь Дубельта, то зачѣмъ же прибавилъ онъ и о своемъ особенномъ уваженіи къ нему. Чего тутъ ждать послѣ этого! Кулишъ и Трушковскій приходили къ маменькѣ въ Москвѣ. Сочиненіе Гоголя, наконецъ, позволено, но такъ, чтобъ цензоръ подписалъ разрѣшеніе отъ себя.

У насъ отвезли ратника въ Дмитровъ. Тамъ начальникъ князь Леонидъ Голицынъ; тутъ, говорятъ, съ ними обходятся хорошо и мало учатъ.

12 августа. Вотъ какъ давно не записывала я ничего. Но что совершилось въ эти три мѣсяца съ половиной, въ какомъ положеніи наши дѣла, оправдываются ли возбужденныя надежды? Произошли ли ожидаемыя перемѣны? Увы, ни на что нельзя отвѣтить удовлетворительно. Дѣла наши становятся все хуже и хуже, новое царствованіе обмануло всѣ надежды, такъ что и самые сильные защитники его, долго не хотѣвшіе разстаться съ своими надеждами, пришли въ совершенное уныніе; прежняя система восторжествовала, а съ ней вмѣстѣ и всѣ злодѣи Россіи, сознательные и и безсознательные, окружавшіе тронъ, остались на своихъ мѣстахъ. Предатель Нессельроде, причина всего зла въ Россіи, на котораго падаетъ отвѣт-

ственность за всѣ бѣдствія русскаго народа,—торжествуетъ и дѣйствуетъ по своимъ видамъ болѣе, нежели когда. Съ Австріей болѣе, нежели когда-нибудь, сближаемся и подличаемъ, уступаемъ ей и Германіи по всѣмъ пунктамъ, только чтобъ онѣ оставались въ томъ положеніи, какъ и прежде... Что говорить, нами управляетъ австрійскій агентъ, что жъ удивляться, что онъ губитъ Россію для выгодъ Австріи. Ради Нессельроде, Долгорукаго и Горчакова, хотя и недурного человѣка, но вовсе неспособнаго начальника, должна страдать и гибнуть Россія. Во всемъ этомъ виденъ страшный гнѣвъ Божій, вполнѣ заслуженный нашими грѣхами. Лучшіе люди отнимаются и допускаются дѣйствовать тѣ, которые губятъ Россію. Твердыня зла возносится надъ всѣмъ, грабежъ вездѣ. Боже мой, мы заслужили наказанія, дай намъ покаяться и очиститься отъ грѣховъ! Господи, очисти и спаси Россію и не отыми отъ насъ святыхъ судебъ твоихъ!

Завтра или послѣзавтра воротится, вѣроятно, Константинъ изъ Москвы, куда онъ поѣхалъ въ четвергъ для свиданія съ своими пріятелями, которые всѣ должны быть въ сборѣ въ это время въ Москвѣ по разнымъ причинамъ, но болѣе всего потому, что ведутся переговоры о журналѣ: покупаютъ у Погодина „Московитянина", съ тѣмъ, чтобы перемѣнить названіе. Говорятъ, западная сторона уже добилась себѣ журнала въ Москвѣ и употребляетъ на это большой капиталъ. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ намъ Самаринъ, который былъ у насъ 7 августа съ княземъ Владиміромъ Черкасскимъ, совершенно неожиданно. Черкасскій давно собирался познакомиться съ отесенькой, просилъ позволенія пріѣхать, но не могъ попасть по разнымъ обстоятельствамъ, теперь же, уѣзжая изъ Москвы съ тѣмъ, чтобы прожить зиму въ деревнѣ, онъ захотѣлъ, хотя на короткое время, побывать у насъ.

1 сентября. Боже мой, какое извѣстіе! Севастополь взятъ! Какъ громомъ поразило насъ! Неужели это правда, но сомнѣваться нельзя! Маменька ѣздила въ Хотьковъ къ обѣднѣ и тамъ видѣла дамъ, только что пріѣхавшихъ изъ Москвы, которыя сами читали уже напечатанную депешу. Но, конечно, чего можно было ожидать при Горчаковѣ!.. Что же теперь будетъ!

Севастополь взятъ, значитъ и Крымъ весь завоеванъ: конечно, не Горчакову удержать его. Я, признаюсь, вездѣ вижу измѣну, да и въ иностранномъ журналѣ пишутъ изъ Одессы объ дѣлѣ на Черной, что, вѣроятно, шпіоны увѣдомили враговъ о нашемъ движеніи, но не только шпіоны— въ Москвѣ говорятъ объ измѣнѣ какого-то генерала. Немудрено: Горчакова окружаютъ все поляки и нѣмцы. Но что бы то ни было, бѣдствія и бѣдствія: кто бы и какъ бы ни былъ виноватъ, Господь допускаетъ совершаться всѣмъ этимъ бѣдствіямъ намъ въ наказаніе за грѣхи наши,

и какъ заслужили мы гнѣвъ Божій по грѣхамъ нашимъ. И теперь не каемся и теперь не обращаемся? Страшно!

Боже милостивый, что же еще должно постигнуть насъ! Обрати насъ и помилуй, ради милости твоей. О, Боже, не до конца прогнѣвайся на насъ. Господи, коснись сердецъ нашихъ, отверзи очи наши, да покаемся. Государь, вѣрно, отложитъ свою поѣздку въ Москву, вѣрно не захочетъ показаться народу въ минуту такого бѣдствія, въ которомъ его же могутъ обвинить. Конечно, онъ виноватъ, что давно не смѣнилъ Горчакова и Долгорукова. Какъ жаль, что не захотѣли поручить дѣло Ермолову, изъ подлаго мщенія и боязни; конечно, при Ермоловѣ этого не было бы. Говорятъ объ общественномъ мнѣніи, но до сихъ поръ, кажется, еще ни въ чемъ оно не услышано. Смѣненъ только Бибиковъ, который въ настоящую минуту всѣхъ менѣе могъ сдѣлать зла. Есть дѣла, которыя не терпятъ отлагательства, и гибель десятковъ тысячъ людей должна бы заставить забыть всякія выжидательныя мѣры и деликатности.

Полученъ отвѣтъ отъ князя Вяземскаго Константину, отвѣтъ такого рода, какой и ожидать было нельзя; это не только любезное и дружеское письмо, но полное юношескаго увлеченія, мечтаній, которыя онъ надѣется осуществить на своемъ новомъ поприщѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Онъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, совершенно неожиданно для всѣхъ; Константинъ, узнавши объ этомъ, написалъ ему съ своимъ добродушнымъ довѣріемъ и откровенностью очень просто, что проситъ похлопотать о снятіи подписки съ него и съ Хомякова, Кирѣевскаго, Черкасскаго и съ брата Ивана, по которой они обязаны представлять свои сочиненія не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, и при этомъ разсказалъ ему, какъ его статья о глаголахъ $1^1/_2$ года цензуровалась. Константинъ прибавилъ, что онъ, зная его, увѣренъ, что онъ самъ постарается объ этомъ, что назначеніе его возбудило во всѣхъ благія надежды. Вяземскому, видно, было очень пріятно это довѣріе, онъ благодаритъ за благосклонное мнѣніе о себѣ, за надежды, проситъ горячо содѣйствія, говоря, что теперь именно такіе люди,—честные, истинно-русскіе—необходимы для правительства, что надобно, чтобъ не было недоразумѣнія между правительствомъ и ими и т. д.; оговаривается только въ томъ, что всякій долженъ оставить для того свои коньки, т. е. личныя прихоти, но никакъ не убѣжденія, и подъ скриптомъ прибавляетъ: „Вамъ покажется по письму моему, что я вербовщикъ, что жъ, если-бъ мнѣ удалось вербовать васъ, то царь, отечество и просвѣщеніе сказали бы мнѣ спасибо“.—Пріятно было прочесть это письмо, но, признаюсь, минуту спустя мнѣ показалось, что это юношескія мечты и слишкомъ молодой жаръ, хотя и старика, и врядъ-ли можетъ осуществиться. Нѣтъ,

къ несчастью, кажется уже зло такъ велико, такъ далеко зашло, пагубная система успѣла уже пустить такіе сильные корни, что отвратить это зло не могутъ никакія личныя усилія и воля даже самаго государя. Только; внутреннее, страшное потрясеніе можетъ искоренить его и обновить, и возродить Россію. Сегодня получилъ отесенька отъ Гилярова письмо отчаянное, въ которомъ онъ высказываетъ всѣ свои мрачныя предчувствія и соображенія и совершенную безнадежность отвратить грядущія бѣдствія. Письмо его вполнѣ выражаетъ настоящую тягостную минуту и мы хотимъ его сохранить.

2 сентября. Сегодня получены газеты и письмо отъ Константина; онъ старается насъ приготовить къ страшному извѣстію о Севастополѣ, думая, что мы еще ничего не знаемъ; самъ въ отчаяніи и негодованіи противъ Горчакова; и въ самомъ дѣлѣ, онъ просто отдалъ Севастополь безъ всякой нужды...

Письма Погодина были читаны, кажется, для того, чтобъ дѣйствовать совершенно противоположно имъ; пребыли вѣрны своей системѣ и святому союзу, несмотря на то, что отъ него отказалась давно вся Европа; хлопотали о выгодахъ Австріи; перевели войну въ Россію; за то теперь достойно наказываются наши государи, но и то не впрокъ, и теперь тоже будетъ. Нессельроде сидитъ, а это источникъ всего зла и всѣхъ бѣдствій Россіи и внутреннихъ и внѣшнихъ; и что теперь дѣлать? теперь уже все потеряно, теперь уже совѣтовать нечего: Крымъ потерянъ, вліяніе на Востокѣ также, всѣ преданія Россіи, все ея значеніе и назначеніе, какъ единственной православной державы, все потеряно едва ли не безвозвратно. И все это совершилось на нашихъ глазахъ, шагъ за шагомъ, въ полномъ сознаніи, несмотря на всѣ безполезныя усилія честныхъ людей удержать отъ этого роковаго пути къ гибели. Константинъ пишетъ, что государь пріѣдетъ 1-го числа въ девять часовъ вечера. На другой день будутъ ходить по соборамъ, будетъ выходъ, въ дворецъ будутъ пускать всѣ сословія. Государь ѣдетъ съ женой, съ дѣтьми и со всѣми братьями. Вдовствующая Государыня пріѣдетъ двумя днями позже. Константинъ прибавляетъ: „авось, либо среди святынь Московскаго Кремля найдетъ на государя благое вдохновеніе". О, дай Богъ!

Константинъ пишетъ о приказѣ государя по случаю отдачи Севастополя; онъ пишетъ, впрочемъ, это для нашего ободренія; очень его хвалитъ, но мы находимъ, напротивъ, что онъ вовсе не таковъ, каковъ долженъ бы быть въ такую минуту. Это правда, что онъ написанъ въ духѣ смиренія и покорности волѣ Божіей; но кромѣ того онъ долженъ бы ободрить всѣхъ; сказать, что эта уступка временная, что мы возьмемъ назадъ все потерянное, а государь говоритъ только, что онъ увѣренъ, что всѣ

войска будутъ вездѣ встрѣчать непріятеля съ тѣмъ же мужествомъ и защищать родную землю, какъ будто насъ приготовляетъ къ новымъ потерямъ. Онъ уже какъ будто примирился съ мыслью, что Россія потеряла Крымъ, и пожалуй, скажетъ: я обѣщалъ не уступать и не уступлю, но удержать нельзя было противъ такой силы. Константинъ надѣется, что смѣнятъ Горчакова, но этого, конечно, не будетъ; въ этомъ же приказѣ дѣйствія его совершенно оправдываются.

3 сентября, суббота. Константинъ пріѣхалъ часовъ въ десять, огорченный, возмущенный до крайности. Вѣсти, привезенныя имъ, привели насъ въ еще большее негодованіе.

Государь пріѣхалъ въ Москву 1-го сентября поздно ночью, но несмотря на то, народу было очень много и встрѣтили его, говорятъ, хорошо. Константинъ не дождался его пріѣзда, но видѣлъ его на другой день въ Кремлѣ. Народу было такое множество, особенно внутри рѣшетки, что съ мужчинами даже дѣлалось дурно. Константинъ много наслышался тутъ разныхъ народныхъ толковъ. Говорили, впрочемъ, безъ унынія о настоящихъ, несчастныхъ событіяхъ, вспоминали 12-й годъ, своихъ отцовъ, участвовавшихъ въ немъ: „только скажи, только ухни, насъ 60 милліоновъ, мигомъ 6 милліоновъ поставимъ". Былъ тутъ также одинъ человѣкъ въ родѣ какого-то эмиссара, какъ показалось Константину, который шутилъ совершенно по-русски, трунилъ надъ всѣмъ, всѣхъ смѣшилъ, и говорилъ разныя дерзкія выходки на счетъ всѣхъ появлявшихся на красномъ крыльцѣ.

Наконецъ, появился государь съ государыней подъ руку. „Ура" кричали не дружно, такъ что Константину стало жалко и онъ самъ поддерживалъ возгласы. Все красное крыльцо наполнилось блестящими придворными. Государь и всѣ были безъ шапокъ; разумѣется, и народъ. Государь такъ худъ и печаленъ, что Константинъ говоритъ, что нельзя его было видѣть безъ слезъ. Онъ представился ему какой-то несчастной жертвой, на которую должно обрушиться все зло предшествовавшаго царствованія и сверхъ того онъ также жертва воспитанія, этой гибельной системы, отъ которой не можетъ самъ освободиться. Государь кланялся не низко, какъ всѣ замѣтили въ народѣ. Тутъ Константинъ услыхалъ, какъ тотъ же подозрительный человѣкъ сказалъ: „одному человѣку какая честь!"

Какъ скоро государь и государыня вышли въ Успенскій соборъ, народъ надѣлъ шапки, но придворные оставались еще на площади безъ шляпъ и потому одинъ полицейскій счелъ за нужное приказать снять шляпы, но въ народѣ отвѣчали: „Зачѣмъ? Государь вошелъ въ соборъ, для дамъ что-ли намъ шляпы снимать"? И не послушались...

При входѣ въ Успенскій соборъ митрополитъ встрѣтилъ государя съ

крестомъ и говорилъ довольно долго рѣчь. Изъ Успенскаго собора государь пошелъ въ Архангельскій, но тутъ сдѣлалось такъ тѣсно, что Константинъ поспѣшилъ уйти. Константинъ видѣлъ Погодина; онъ совершенно убитъ; его приглашаютъ показывать Москву наслѣднику, но онъ хочетъ отказаться, говоритъ, что просто не можетъ собрать мыслей. Погодинъ въ совершенномъ отчаяніи еще болѣе потому, что, не говоря уже о правительствѣ, само общество въ такой апатіи, такъ равнодушно, деморализировано, что ничего ожидать нельзя. Погодинъ нарочно ѣздилъ въ клубъ: тамъ все попрежнему, толкуютъ, но между тѣмъ карточные столы попрежнему поставлены. Погодинъ получилъ письмо отъ графини Блудовой еще до сдачи Севастополя, по которому ясно видно, что въ Петербургѣ это событіе не было нечаянностью; боялись только, чтобъ оно не пришло въ то время, какъ государь будетъ въ Москвѣ. Въ тоже время Погодинъ получилъ письмо отъ Берга изъ Севастополя, тоже еще до отдачи Севастополя, въ которомъ тотъ пишетъ, что одинъ (главный генералъ) велѣлъ свезти пушки съ укрѣпленій самого большого размѣра; это было исполнено съ большимъ затрудненіемъ, но эти пушки, вотъ уже недѣля, лежатъ внизу укрѣпленій неприбранныя! И несмотря на то приступъ былъ отбитъ, а Севастополь все-таки отдали. Конечно, хуже всѣхъ враговъ Горчаковъ, Долгорукій, Нессельроде. Какъ отъ нихъ защититься!..

Константину было сообщено письмо Вяземскаго. Ему оно также было очень пріятно, кромѣ одного выраженія, которое его остановило, именно: „надобно, чтобы былъ одинъ пастырь и одно стадо“ (говоря о министерствѣ просвѣщенія и объ обществѣ). Выходитъ, что министерство будетъ насъ пасти: намъ же показалось, что только дурное выраженіе, а мысль была другая, но впослѣдствіи оказалось, что мы ошиблясь. Рѣшено было, что Константинъ на другой день опять поѣдетъ въ Москву для свиданія съ министромъ.

4 сентября. Въ воскресенье рано получили почту: письмо отъ Ивана, отъ Гильфердинга, московскія газеты и иностранные журналы. Депеша Горчакова, что непріятель не занималъ еще Севастополь два дня спустя нашего отступленія и что Горчаковъ взорвалъ самъ укрѣпленія наши, не дожидаясь прихода непріятеля, возмутила еще болѣе всѣхъ; явно, что Севастополь отданъ даромъ, разрушенъ безъ нужды и безъ вреда непріятелю; а сколько было потрачено силъ, времени, труда на укрѣпленія его, каждый домъ былъ укрѣпленъ и дорого бы достался непріятелю. Право, все это объяснить трудно иначе, какъ измѣною. Не самъ Горчаковъ, такъ окружающіе его. Называютъ же генерала Жабокрицкаго, какъ измѣнника: говорятъ, его поймали казаки. Прочтя депешу Горчакову еще тяжелѣе стало на душѣ.

Гильфердингъ пишетъ изъ какого-то мѣстечка, недалеко отъ Праги, пишетъ о жаждѣ сообщеній и знанія русской дѣятельности, которая существуетъ въ этихъ мѣстахъ, и о совершенномъ недостаткѣ средствъ удовлетворить этой жаждѣ, о равнодушіи русскихъ въ этомъ отношеніи; заключаетъ тѣмъ, что проситъ прислать книгъ русскихъ, хорошо написанныхъ, въ томъ числѣ, конечно, отесенькиныхъ и константиновыхъ, проситъ сестеръ списать разные списки стиховъ Хомякова и другихъ, проситъ вырвать библіографическую хронику изъ „Отечественныхъ Записокъ" и т. д., словомъ сказать, не только самъ принялъ дѣятельное участіе, но и другихъ подвинулъ къ тому-же. Честь и слава ему, это великое достоинство. Константинъ и сестры немедленно же исполнятъ его порученія.

Константинъ, воротясь изъ Москвы, принялъ рѣшеніе написать письмо къ государю о томъ, что необходимо смѣнить Горчакова, указать на Ермолова, какъ на единственное народное имя, и вообще высказать мысли о настоящемъ положеніи, о томъ, что Сева тополь временно уступленъ и т. д. Онъ и написалъ это письмо и взялъ его въ Москву съ собой. Послѣ же его отъѣзда прочли мы иностранные журналы и увидали изъ нихъ еще яснѣе, что у насъ идутъ сношенія съ Австріей и иностранными державами, что мы все уступаемъ, чуть ли Севастополь не былъ отданъ единственно для благосклоннаго взгляда Австріи. Константинъ уѣхалъ въ Москву рано утромъ.

5 сентября. Намъ прислали сказать изъ Хотькова, что ждутъ государыню къ вечернѣ; сестры поѣхали, но понапрасну: государь и Государыня проѣхали на другой день прямо къ Троицѣ, потому что дорога въ Хотьковъ въ самомъ дѣлѣ ужасна и еще хуже сдѣлалась отъ поправленія, потому что дождь размывалъ все, что накладывали. Маменька съ Наденькой ѣздили къ Пальчиковымъ прощаться, видѣли только одну Марію Алексѣевну.

6 сентября. Константинъ воротился изъ Москвы вполнѣ разочарованный насчетъ министра. Подъ впечатлѣніемъ письма князя Вяземскаго, Константинъ пріѣхалъ къ министру, и съ полнымъ довѣріемъ сталъ ему говорить, что онъ желаетъ. Норовъ тоже, что и Вяземскій, говорилъ ему, что правительство готово исполнить это желаніе, но надобно доказательство, ручающееся за его благонамѣренность, что его статья о родовомъ бытѣ самая вредная и т. д. Константинъ сказалъ, что онъ отъ своихъ убѣжденій не отказывается, что его статья не заключаетъ въ себѣ, по его убѣжденіямъ, ничего вреднаго. Константинъ былъ тамъ пораженъ его рѣчами, что не вдругъ могъ понять смыслъ ихъ. Разумѣется, Константинъ держалъ себя свободно, говорилъ прямо и твердо. Не помню подробности разговора. Знаю только, что Норовъ, наконецъ, сказалъ: „Вяземскій мнѣ о васъ сказалъ совсѣмъ другое, а теперь я вижу по вашему образу мыслей, что

онъ совершенно ошибся“.—„Что же я такое сказалъ, что вы можете заключать о моемъ образѣ мыслей?“—спросилъ Константинъ. „Вы ничего не сказали,—отвѣчаетъ Норовъ—но я не даромъ жилъ на свѣтѣ и умѣю узнавать людей, не только по словамъ ихъ“. Константинъ, видя, что разговоръ идетъ слишкомъ далеко, сократилъ его, сколько возможно, и сказалъ, что онъ видитъ, что ему нечего ожидать и т. д. Между тѣмъ, въ продолженіе разговора, этотъ о..лъ Норовъ съ голосу, видно, твердилъ, что цензура у насъ дошла до нелѣпости, что скоро выйдутъ новыя инструкціи цензорамъ; и тутъ-же, что хотя онъ очень любитъ Хомякова, но его стихи „Къ Россіи“ очень вредны, и что стихи „Бродяга“ брата вашего также „никуда не годятся“.—„Что-же такого въ „Бродягѣ“ вреднаго“,—сказалъ Константинъ. „Какъ же, онъ выставляетъ въ такомъ привлекательномъ видѣ бродяжничество! Что послѣ этого говорить?“ И это министръ народнаго просвѣщенія,—справедливо сказалъ Константинъ,—онъ лично министръ, но только народнаго помраченія. Чего тутъ ждать! Конечно, очень жаль, что Константинъ съ нимъ видѣлся, потому что эта попытка совершенно закрыла даже возможность въ будущемъ получить снятіе подписки и убѣдила этого сумасброда, что Константинъ и ему подобные—простые бунтовщики; по крайней мѣрѣ, онъ едва не высказалъ этого. Прощаясь, онъ нѣсколько старался сгладить свои рѣчи и подалъ руку. Константинъ былъ взбѣшенъ и огорченъ. Вѣсти все тѣ-же. Государь перемѣнилъ маршрутъ и вмѣсто Варшавы ѣдетъ въ Николаевъ, куда еще 3 числа уѣхалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Говорятъ, великіе князья были у Ермолова, и онъ имъ сказалъ: „спасайте Николаевъ“.— Погодинъ видѣлъ великаго князя Константина Николаевича въ оружейной палатѣ въ день его отъѣзда, и говорилъ съ нимъ долго, но разговора не разсказываетъ; Погодинъ только передалъ эти слова: Константинъ Николаевичъ, прощаясь съ Погодинымъ, взялъ его за руку и сказалъ: „благодарю васъ и всѣхъ, кто имѣетъ ко мнѣ довѣріе“ (или надѣется на меня, не помню хорошенько). Эти слова странны; вѣроятно, они были вызваны словами Погодина. Во всякомъ случаѣ, со стороны Константина Николаевича они не совсѣмъ осторожны. Государь принималъ Кунцова очень ласково, но Черткову сказалъ: „я очень люблю быть благодарнымъ, но къ сожалѣнію, мнѣ не за что васъ благодарить“. Впрочемъ, потомъ, по добротѣ своей, ему стало жаль, и онъ сказалъ Закревскому, чтобы онъ увѣрилъ Черткова и дворянство Московское, что онъ не сердится. Капниста удалили изъ губернаторовъ, но за то сдѣлали сенаторомъ. Говорятъ, что подтверждаются слухи объ измѣнѣ генерала Жабокрицкаго, его поймали казаки въ то время, какъ онъ переговаривалъ съ непріятелемъ; что въ этомъ дѣлѣ не безъ измѣны,—въ этомъ мудрено сомнѣваться. Пріемомъ госуда-

рыни всѣ довольны; говорятъ, будто бы она не велитъ себя иначе называть, какъ мадамъ; разговаривала просто о вещахъ дѣльныхъ, не какъ прежняя государыня, которая тоже пріѣхала,—остановилась въ такъ называемой Александріи, почти за городомъ, т. е. въ своемъ дворцѣ, возлѣ Нескучнаго сада. Говорятъ Государя окружаетъ цѣлая семья Адлербергов, Долгорукихъ, Барятинскихъ и образуютъ Camarill'ю, сквозь которую нѣтъ къ нему доступа; говорятъ, самъ Бажановъ, духовникъ государя, сказалъ съ отчаяніемъ: „какіе люди окружаютъ его!"—Каковы наши сенаторы—отличались! Одинъ изъ нихъ самъ разсказывалъ, что они представлялись цѣлымъ сенатомъ государю; представившись, вздумали зайти поклониться Орлову, Адлербергу и, наконецъ, къ Долгорукову. „Я было не хотѣлъ, говоритъ Казначеевъ, но меня уговорили". И такъ въ цѣломъ составѣ, они явились къ этому мальчишкѣ, который прежде былъ всѣхъ моложе чиномъ, человѣку, который обязанъ своимъ повышеніемъ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ и который такъ губитъ Россію. Но за то онъ ихъ такъ принялъ, что они сами не рады были. Онъ принялъ ихъ стоя и едва кивнулъ имъ головой. Одному кому-то сказалъ: „А помнишь, когда я былъ подъ твоей командой?" Потомъ кивнулъ всѣмъ головой, сказавши—„прощайте" и сенаторы удалились. Вотъ подлость, которой нѣтъ названья, не вынужденная, непрошенная, такъ, изъ удовольствія подличать.

7 сентября. Государь съ государыней проѣхали къ Троицѣ, а за ними всѣ великіе князья и княгини, еще вдовствующая императрица, принцы и принцессы.

На другой день, 8 числа, Константинъ съ Надей и Соничкой поѣхали къ Троицѣ, чтобъ ихъ видѣть, но въ церковь не рѣшались взойти, потому что въ дверяхъ было тѣсно; впрочемъ, они очень жалѣли послѣ, что не пробрались, потому что въ самой церкви было просторно и вдоволь-бы тамъ наглядѣлись на государя и государыню, слышали бы молебенъ и молитву Филарета, которую онъ произнесъ къ преподобному Сергію и которая всѣхъ заставила плакать. Государыня же, говорятъ, заливалась слезами. Наши простояли часа три на площади и видѣли ихъ только, какъ они прошли мимо ихъ. Государь былъ также печаленъ, и поражалъ всѣхъ и худобой и грустью, которая выражалась у него на лицѣ. Наканунѣ они были у всенощной, служили молебенъ и также всѣ усердно молились, а за обѣдомъ Филаретъ вручилъ, по просьбѣ государя, образъ складной на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія, который былъ прежде въ походѣ съ царями Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Великимъ и съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. О! да поможетъ намъ своими святыми молитвами преподобный Сергій, какъ помогалъ онъ столько разъ русской землѣ въ тяжкія времена. Преподобный отче Сергій, моли Бога о насъ!

Наши воротились къ обѣду.

Письмо получено отъ Трушковскаго изъ полтавской деревни. Вездѣ только бѣдствія и бѣдствія; въ тѣхъ губерніяхъ и неурожаи, и засуха, и болѣзни, и, наконецъ, саранча въ Херсонской губерніи поѣла все, что и было. Это древнія казни. Видимо, надъ нами гнѣвъ Божій.

Константинъ написалъ къ Вяземскому письмо, въ которомъ онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Норовымъ, что письмо его, т. е. Вяземскаго, возбудило въ немъ надежды и желаніе содѣйствовать по мѣрѣ силъ, но что послѣ свиданія съ министромъ онъ вполнѣ убѣдился, что никакая литературная дѣятельность невозможна, что всѣ его надежды разлетѣлись и т. д. Константинъ, несмотря на наши убѣжденія, все-таки прибавилъ, что проситъ его, т. е. Вяземскаго, передать министру, что онъ никогда не отречется отъ своихъ убѣжденій.

Въ газетахъ напечатана статья Вяземскаго, которая привела насъ въ отчаяніе; такъ вотъ его взглядъ, вотъ чего онъ хочетъ, что онъ подразумѣвалъ подъ словами своими въ письмѣ къ Константину, что долженъ быть одинъ пастырь и едино стадо, т. е., что министерство будетъ по своему произволенію управлять не только цензурою, но и направленіемъ литературы, мыслями авторовъ. До сихъ поръ ихъ стѣсняли въ выраженіяхъ, а теперь хотятъ и мысли ихъ сдѣлать казенными и всѣ ихъ внутреннія движенія души. Правительство наше себѣ даже приписываетъ русское направленіе; хочетъ забѣжать впередъ всякому живому движенію, даже въ литературѣ, и парализировать его, наложивши на все казенную свою печать. Конечно, такимъ образомъ они разгонятъ всѣхъ честныхъ и истинныхъ русскихъ двигателей мысли и направленія. Имъ нужны Майковы. Вотъ идеалъ ихъ русскаго направленія и благонамѣреннаго казеннаго писателя. Майковъ, который писалъ еще при Николаѣ Павловичѣ, что надобно только русскаго человѣка для его совершенствованія: „во фракъ одѣть могучій станъ..., а при Александрѣ Николаевичѣ восхваляетъ Москву и поклоняется Николаю Павловичу. Этотъ Майковъ хотѣлъ было лѣтомъ пріѣхать знакомиться въ Абрамцево, но ему посовѣтовали этого не дѣлать.—Чего ждать отъ Вяземскаго: это хуже, нежели гоненіе на литературу,—намѣреніе сдѣлать ее казенной. Въ этихъ же газетахъ, такъ, между прочимъ, сказано, что австрійскій эрцъ-герцогъ назначается шефомъ одного полка. Каково, въ такое время, такая подлость предъ австрійцами! Чего же ждать послѣ этого!

Воротились наши дѣвушки отъ Троицы, ходили Богу молиться, а между тѣмъ и насмотрѣлись вдоволь на государя и государыню и всѣхъ князей, княгинь и принцевъ. Государыня, какъ они разсказываютъ, плакала какъ потерянная; народъ говоритъ, что она плачетъ отъ того, что провожаетъ

государя на войну. Государь тоже очень печаленъ. Они пріѣхали вмѣстѣ и ходили вездѣ подъ ручку. Вездѣ молились усердно, со слезами. Когда государь шелъ между народомъ, то просилъ всѣхъ не кричать громко: „Тише, тише“. Народъ говоритъ: „ему не нравится, что мы кричимъ не складно, не по-солдатски“. Тутъ былъ одинъ раненый солдатъ изъ Севастополя. Государь разспрашивалъ его долго, далъ ему денегъ и куда-то его велѣлъ помѣстить. Наслѣдникъ, очень небольшой, худенькій мальчикъ, разговаривая съ солдатами, сказалъ: „Послужите моему папашѣ, вы хотя стары, но нечего дѣлать, некѣмъ взяться, теперь скоро кончится война“. Я передаю разсказы дѣвушекъ. Послѣ уже услыхали мы, что они между собою разсказывали: „Вотъ и государь на всѣхъ не угодитъ, народъ его такъ и пушитъ, пушитъ: вотъ, говорятъ, когда Севастополь отдалъ—пріѣхалъ Богу молиться“; онѣ намъ не хотѣли разсказывать этого. Поразительно это явленіе; оно меня обдало какимъ-то ужасомъ. Страшный приговоръ! Онъ молится, плачетъ, а народъ немилосердно произноситъ ему судъ, какъ-бы не благословляя его молитвы; несчастный государь! страшно, что-то роковое преслѣдуетъ его. Господи, помилуй насъ! Государыня Марія Александровна одѣта чрезвычайно просто, государыня Александра Θедоровна съ сѣдыми локонами, въ grande tenue, попрежнему. По отъѣздѣ государя съ женой Александра Θедоровна служила въ соборѣ панихиду по Николаѣ Павловичѣ; велено было растворить всѣ двери, впустить простой народъ, раздать всѣмъ свѣчи, такъ что и внѣ церкви стояли и молились.

Ихъ столько наѣхало къ Троицѣ, что должно было занять квартиру ректора, инспектора и т. д. Говорятъ, новый дворъ отличается не только отсутствіемъ роскоши, но и расчетливостью. Все хорошо, потому что слишкомъ много даромъ тратилось денегъ, но не дай Богъ скупости—это тоже не хорошо.

10 сентября. Пріѣхала Прасковья Андреевна Васькова изъ Москвы. Она проводила мужа изъ Москвы и очень груститъ.

...Новаго министра Ланского хвалитъ Прасковья Андреевна, она его знала еще, когда онъ былъ губернаторомъ въ Костромѣ; говорятъ, честный, благородный, умный человѣкъ, но аристократъ и гордъ. Онъ сказалъ рѣчь своимъ чиновникамъ, говорять, очень хорошо. Прасковья Андреевна Васькова знаетъ также хорошо Муравьева, главнокомандующаго въ Азіи, и много про него разсказывала,—человѣкъ безспорно умный, но такой чудакъ, что трудно вообразить себѣ, человѣкъ холодный—даже жестокій, а между тѣмъ способный оцѣнить душою доброе вниманіе. Жена его чудачка еще болѣе его, она урожденная Чернышева.

На другой день, т. е. 11-го, въ воскресенье, воротились наши отъ

Троицы, привезли много писемъ, московскія газеты, иностранные журналы. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣчательная статья Погодина о пребываніи государя въ Москвѣ (ему было поручено написать). Хотя эта статья начинается довольно пошлымъ тономъ и безъ особеннаго достоинства и въ самой статьѣ есть выраженія вовсе лишнія, несправедливыя, но вся статья замѣчательна свободнымъ, открытымъ языкомъ, которымъ говорится съ государемъ и о государѣ объ настоящихъ событіяхъ, объ настоящемъ положеніи Россіи, объ ея потребностяхъ и т. д. Оканчивается статья: „Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, поощреній, льготъ, наряду“. (Это слово немногіе поймутъ въ смыслѣ порядка).

Рескриптъ государя къ Закревскому о благодарности государя къ Москвѣ очень хорошій; видно, что онъ человѣкъ прекрасный, душа, способная чувствовать все доброе, но нѣтъ энергіи, нѣтъ силы, а это для государя — плохо. Но что значатъ всѣ эти статьи? Вѣдь если они и пропущены, такъ они все-таки ни къ чему не обязываютъ, а только еще болѣе вводятъ въ заблужденіе насъ, легковѣрныхъ, которые хотимъ изъ всякаго явленія вывести себѣ какое-нибудь послѣдовательное заключеніе, и строимъ безпрестанно воздушные замки на такихъ непрочныхъ основаніяхъ. Этимъ только насъ могутъ погубить, и заставляютъ пребывать въ пріятномъ ожиданіи. Я, признаюсь, начинаю терять всяческую надежду и часто сильно сержу Константина и другихъ своими нерадостными заключеніями.

13 сентября. Мы поѣхали въ Москву, т. е. Оленька, Константинъ, Любенька и я; пріѣхали благополучно; разумѣется, Оленька устала; устроились у Занденъ. Мы съ Любой успѣли еще сходить ко всенощной въ нашъ приходъ наканунѣ Воздвиженья; служатъ очень хорошо и молятся усердно. На другой день, т. е. 14-го, были у обѣдни и также остались довольны. Потомъ я ѣздила съ Константиномъ къ Погодинымъ, но его не было въ Москвѣ, онъ поѣхалъ проводить Уварову въ ея деревню. Сашенька Погодина сказала только, что Михаилъ Петровичъ одинъ разъ показывалъ наслѣднику Москву, очень хвалилъ послѣднюю, въ этотъ день онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ дѣтьми государя. Къ нимъ входилъ в. к. Константинъ Николаевичъ и спросилъ дѣтей, хорошо-ли ихъ кормятъ: одинъ отвѣчалъ: „сегодня то хорошо, а не всегда такъ“. Въ другой разъ Погодина приглашали, но онъ отказался, потому что хотѣлъ ѣхать за Уваровой. Наканунѣ Томашевскій разсказывалъ Константину, какъ сильно перетревожила придворныхъ статья Погодина, которые особенно недовольны его вліяніемъ. Томашевскому разсказывалъ кто то изъ нихъ съ неудовольствіемъ, что Погодина очень ласкаютъ, что онъ былъ у императрицы Марьи Александровны и говорилъ съ ней часа три (это, впрочемъ,

несправедливо) и что поговариваютъ о томъ, что Погодина сдѣлаютъ воспитателемъ.

Вообще Погодина статья произвела большой шумъ. Большею частью всѣ довольны, но знать и придворные перетревожились не на шутку, особенно потому, что князь Долгорукій, которому за болѣзнью Адлерберга долженъ былъ Погодинъ подать свою статью на разсмотрѣніе, не соглашался пропустить ее въ томъ видѣ, какъ она была, и просилъ Погодина измѣнить нѣкоторыя выраженія, но Погодинъ не согласился; одно только измѣнилъ, вмѣсто: „Государь, дай намъ средства учиться" и т. д. онъ поставилъ: „Государь, ты даруешь намъ много средствъ и т. д.". Долгорукій не соглашался и Погодинъ не уступалъ, просилъ его показать государю. Государь прочелъ и видно со вниманіемъ, потому что поправилъ даже ошибку Погодина въ годѣ: онъ упоминаетъ о 1837-мъ, а это былъ 1838-й, и подписалъ: „можно". Долгорукій вышелъ съ извиненіемъ, что онъ, вѣроятно, не такъ понялъ его слова, что Государь одобрилъ и т. д. Вѣсти изъ Крыма самыя дурныя, а ожидаютъ еще худшихъ; всѣ думаютъ, что Горчаковъ дастъ себя отрѣзать и погубитъ армію или положитъ оружіе. Петропавловскъ, точно, оставленъ, но, говорятъ, что это очень хорошій съ нашей стороны военный маневръ.

На другой день Константинъ пошелъ вечеромъ узнать въ домъ Самарина, не тамъ ли его братъ. Каково было его удивленіе, когда онъ нашелъ тамъ Юрія Самарина и каково было его пораженіе, когда тотъ сказалъ ему, что онъ идетъ въ ополченіе. Онъ не желалъ, разумѣется, но былъ выбранъ и не захотѣлъ отказаться; меньшаго же брата своего, скромнаго и молодого человѣка, онъ не хотѣлъ пустить вмѣсто себя, потому что общество офицеровъ отвратительное. Самаринъ сказалъ также, что и въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ уже получены предварительныя бумаги объ ополченіи и что легко можетъ достаться кому-нибудь изъ нашихъ, особенно потому, что дворянъ такъ мало въ этихъ губерніяхъ. Самаринъ совершенно убитъ настоящими событіями; ничего, разумѣется, добраго не ожидаетъ, и говоритъ, что хотя не желалъ ополченія, но покоряется ему съ мыслью, что будетъ, по крайней мѣрѣ, чувствовать на себѣ также часть тягости общей. Онъ еще мечталъ, что можетъ принести какую-нибудь пользу, что это будетъ случаемъ сблизиться съ народомъ, но когда Константинъ сообщилъ ему, что пишетъ Иванъ, какъ ратниковъ наказываютъ скоро всѣ офицеры, какое вредное они имѣютъ на нихъ вліяніе, каковы сами офицеры, какъ въ этой безобразной массѣ ничего не значитъ голосъ одного человѣка,—Самаринъ вполнѣ согласился.

Много они разговаривали и неутѣшительныя были ихъ сообщенія другъ другу. Самаринъ не ожидаетъ ничего, ни отъ кого. Самаринъ вскочилъ съ

мѣста, когда Константинъ подтвердилъ ему слухъ (которому Самаринъ не хотѣлъ вѣрить), что австрійскому эрцгерцогу данъ полкъ! Пріѣхалъ въ Москву князь Васильчиковъ, который говоритъ, что бомбардированіе было невыносимо, что у Горчакова бываютъ прекрасныя мысли, но что его сбиваетъ его Коцебу, который и в.. ъ и трусъ. (Видимо, что Васильчиковъ старался защитить Горчакова). Но не все ли равно или даже для всѣхъ насъ не хуже ли, что Горчаковъ благонамѣренностію своею прикрываетъ мошенника. Курское ополченіе сражалось отчаянно топорами, и изъ двухъ дружинъ много выбыло народу. Самарина братъ ранenъ навылетъ въ обѣ ноги; это счастливо, а брату Лидіи Воейковой (молодой человѣкъ 18-ти лѣтъ) должны были отнять ногу. Ужасно, ужасно!

Константинъ воротился поздно домой, но я еще не спала. Какъ поразило и огорчило меня извѣстіе о томъ, что Самаринъ идетъ въ ополченіе, и за него и за насъ, и главное испугало меня назначеніе ополченія въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ. Сохрани Боже, если братьевъ выберутъ, особенно Константина (Гриша можетъ быть квартирмейстеромъ, а Константинъ? Неужели фронтовымъ офицеромъ?) Боже мой, обидно за такихъ людей, что они должны употребить себя на такія дѣла, которыя лучше ихъ исполнитъ всякій, а они понапрасну оторвутъ себя отъ своей полезной дѣятельности. И что это за ополченіе? Это рекрутскій наборъ съ дворянъ, и все это на жертву Горчакова, для того, чтобъ онъ могъ постоянно отступить съ большимъ успѣхомъ. Это возмутительно. Подымая ополченіе, должно было по крайней мѣрѣ уважить ихъ выборъ главнаго начальника. Зачѣмъ не назначили Ермолова! Такая унизительная, безсмысленно веденная война хуже унизительнаго мира. Боже мой, какъ все становится страшнѣе, и общія современныя обстоятельства все ближе къ каждому.

Про Бибикова разсказываютъ, что его отставка была слѣдующимъ образомъ: Бибиковъ не просилъ аудіенціи у новаго государя въ продолженіе 6 мѣсяцевъ. Государь передъ отъѣздомъ, наконецъ, призвалъ его и сказалъ: „Что это значитъ: дѣла въ вашемъ министерствѣ идутъ дурно, а вы до сихъ поръ не просили у меня аудіенціи“.—„Что дѣла въ министерствѣ идутъ дурно, это совершенно справедливо, но они и не могутъ итти иначе, когда министръ не пользуется довѣріемъ Государя“,—отвѣчалъ Бибиковъ. „Это правда,—сказалъ государь, и потому я уже приготовилъ человѣка, чтобъ замѣнить васъ“. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало увольненіе изъ министерства и государь уѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ въ Москву Бибиковъ послалъ просьбу объ увольненіи его изъ всѣхъ должностей, что и было исполнено, и Бибиковъ, говорятъ, теперь ходитъ въ штатскомъ платьѣ.

Отставка Бибикова обрадовала, говорятъ, всѣхъ, но, кажется, радо-

ваться нечему: другихъ отставокъ, какъ ожидали въ первую минуту, до сихъ поръ не послѣдовало и врядъ-ли послѣдуетъ, а Бибиковъ отставленъ за то, что былъ за эмансипацію. Конечно, большая часть помѣщиковъ радуется тому, что свободнѣе будетъ управляться съ своими крѣпостными.

Цѣлый день въ Москвѣ употребили мы на исканіе домовъ, много пересмотрѣли. Возвратившись одинъ разъ усталыя домой, мы были такъ обрадованы извѣстіемъ, которое сообщила намъ Оленька (былъ Казначеевъ и передалъ ей, какъ самое вѣрное), что Лидерсъ, наконецъ, назначенъ на мѣсто Горчакова. Нельзя передать нашей радости, на душѣ отлегло; „слава Богу"—сказали мы; точно услыхали о побѣдѣ, и въ самомъ дѣлѣ это стоило-бы побѣды.. Казначеевъ звалъ Константина къ себѣ, потому что ему хотѣлось сообщить ему многое. Константинъ тотчасъ же поѣхалъ. Казначеевъ сказалъ ему, что знаетъ изъ вѣрнаго источника, что теперь начинается настоящая война; призналъ истинный смыслъ ея, что поручается Лидерсу команда, что Горчаковъ на мѣсто Долгорукова, что Долгорукова на мѣсто Орлова, что Остенъ-Сакенъ на мѣсто Лидерса. Признаюсь, эти перемѣщенія стольких людей заразъ заставили насъ усомниться въ истинѣ перваго и уменьшило нашу радость. А какъ необходимо было-бы смѣнить Горчакова, въ этомъ можно было удостовѣриться по тому чувству радости и ободренія, которое каждый испыталъ при этомъ извѣстіи. И какъ это возбудило бы расположеніе къ государю! Какъ освѣжила и ободрила-бы эта перемѣна наше несчастное войско, которое видитъ, что подъ командою Горчакова величайшіе подвиги храбрости остаются безполезны: и все-таки они отбили Севастополь, а онъ отдалъ!

Одинъ вечеръ просидѣлъ у насъ Томашевскій. Константина не было дома. Томашевскій взялъ на себя обязанность оправдать передъ нами Закревскаго, но вмѣсто того, несмотря на всѣ его старанія, проговорился самъ, и такимъ образомъ убѣдилъ насъ въ совершенно противномъ. Въ Москвѣ всѣ говорятъ, что если виноватъ Капнистъ въ поставкѣ сукна, то и Закревскій не безгрѣшенъ; Томашевскій силился доказать противное. Я сказала ему: „можетъ быть, вы и правы въ этомъ случаѣ, но зачѣмъ могутъ существовать такія обвиненія, я представляю вамъ общій голосъ, а онъ противъ Закревскаго". Рѣчь коснулась Ермолова. Томашевскій пустился обвинять Ермолова за его письмо и сталъ разсказывать, какъ дѣло было, что Закревскій спросилъ только частнымъ образомъ сына Ермолова, думаетъ-ли его отецъ баллотироваться, потому что онъ слышалъ, что Москва хочетъ его выбрать, и вдругъ на другой день получается такое письмо отъ Ермолова, которое Ермоловъ поспѣшилъ распустить въ ту-же минуту по городу; что это поступокъ скверный и что само письмо вредное, потря-

саетъ права царя, возмущаетъ противъ его власти. „Ну, и можетъ быть, Закревскій донесъ о немъ"—прибавилъ Томашевскій, вѣроятно думая, что мы о томъ уже слышали. Конечно, достаточно было этихъ словъ, чтобы объяснить намъ, въ чемъ было дѣло. Этотъ н . . . . . ъ Закревскій донесъ на Ермолова, что онъ опасенъ, особенно, можетъ быть, если ему дать власть и команду, что онъ бунтуетъ противъ законной власти и т. д. И вѣроятно помѣшалъ назначенію Ермолова на болѣе важное мѣсто, и—какая мерзость!—все изъ личной вражды. До сей поры, говорятъ, они были въ хорошихъ отношеніяхъ. Мы съ Любой горячо спорили съ Томашевскимъ, и такъ какъ онъ былъ неправъ и тоже изъ личныхъ отношеній защищаетъ неправду, то часто онъ не зналъ, какъ возражать, такъ что намъ было забавно видѣть его усилія переубѣдить насъ. Константинъ опять былъ у Самарина и видѣлъ тамъ Михаила Оболенскаго, который ему объявилъ, что великая княгиня Елена Павловна желаетъ познакомиться со всѣми замѣчательными и умными людьми въ Москвѣ и просила его доставить ей случай познакомиться съ Константиномъ. Михаилъ Оболенскій говоритъ, что Елена Павловна не требуетъ никакого этикета, принимаетъ у своей фрейлины баронесы Раденъ, что она знаетъ все, и почему Москва не оказала рвеніе и сочувствіе къ ополченію. Константинъ недавно писалъ объ этомъ къ Дмитрію Оболенскому и, вѣроятно, тотъ ей прочелъ письмо. Константинъ не только оправдываетъ, но считаетъ даже особеннымъ указаніемъ, что Москва показала равнодушіе. Оболенскій обѣщалъ, что какъ скоро Константинъ пріѣдетъ изъ деревни, онъ это устроитъ. Оболенскій самымъ убѣдительнымъ образомъ упрашивалъ Константина согласиться на это приглашеніе, но Константинъ не хотѣлъ и Самаринъ подсмѣивался, что его будутъ показывать, какъ медвѣдя и т. д. Къ тому-же Константинъ думалъ, что мы на другой день рано ѣдемъ назадъ въ деревню; Оболенскій просилъ Константина сказать, гдѣ онъ остановился, предлагалъ проводить, но Константинъ не сказалъ ему свой адресъ и не далъ ему себя проводить до дому. Впрочемъ, воротившись домой, Константинъ самъ нашелъ несправедливымъ такое упорство и почти согласился внутренно на это предложеніе. Когда же сообщилъ объ этомъ приглашеніи намъ, то мы всѣ такъ на него напали за нелѣпость и дѣтскость такого упрямства, что онъ легко согласился, тѣмъ болѣе, что мы должны были провести еще день въ Москвѣ, вслѣдствіе чего Константинъ и написалъ къ М. Оболенскому, что соглашается на знакомство. Но видно не судьба была этому устроиться: въ три часа, передъ обѣдомъ, заѣзжалъ Оболенскій, (насъ не было дома) и написалъ къ Константину записочку самую искреннюю, горячую, полную самаго искренняго сожалѣнія, что не устроилось это свиданіе, котораго онъ такъ желалъ, потому что Константинъ лучше дру-

гихъ могъ бы объяснить ей все современно положенiе и всѣ требованiя русскаго духа.

Нанимаемъ домъ; уѣзжаемъ 17-го. Прiѣзжаемъ домой въ 6-мъ часу къ обѣду. Разговоры чтенiе журналовъ, иностранныхъ газетъ и „Московскихъ Вѣдомостей". Государь 9-го уѣхалъ изъ Москвы. Прiѣхалъ дядя Аркадiй Тимофеевичъ, привезъ много разсказовъ о выборахъ въ Симбирскѣ, о Самаринѣ, и о предстоящемъ ополченiи въ Самарѣ и Оренбургѣ.

30 сентября Константинъ ходилъ пѣшкомъ къ Троицѣ, привезены два письма отъ маменьки, газеты. „Journal de Francfort" сообщаетъ, что флотъ появился передъ Одессой

2 октября. Письма маменьки и сестеръ о Самаринѣ. Депеши изъ Крыма и изъ Николаева. Враги идутъ на Бахчисарай. Много было толковъ и разсужденiй. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ, наконецъ, циркуляръ Л нского къ предводителямъ, который такъ всѣ хвалятъ. Это аристократическое направленiе огорчаетъ насъ. Роковое ослѣпленiе, недостатокъ сочувствiя къ народу и славянамъ. Ланской успокаиваетъ дворянъ въ томъ, что онъ будетъ поддерживать ихъ права и т. д.

Маменька пишетъ намъ еще какiе-то намеки, которые не менѣе насъ смутили и привели въ недоумѣнiе; что такое! неужели въ самомъ дѣлѣ пришло время внутреннихъ волненiй и переворотовъ. Боже мой, духъ занимаетъ отъ всѣхъ этихъ предчувствiй и ожиданiй! Маменька пишетъ: Погодинъ чернѣе ночи... Сама маменька съ сестрами прiѣдетъ не прежде, какъ завтра, и привезетъ письмо С. Маменьку задержало то обстоятельство, что книга отесенькина совсѣмъ процензурована, но прiѣхалъ министръ просвѣщенiя и сочли нужнымъ ее показать ему,—цензоръ просилъ маменьку подождать окончанiя этого дѣла. Боимся, что этотъ дуракъ Норовъ не пропуститъ, потому уже, что это Аксаковъ. Запретилъ же онъ изданiе „Охотничьяго Сборника". Говорятъ, новый цензурный уставъ уже подписанъ государемъ, но здѣсь еще не введено. Крузе (цензоръ) очень обязателенъ, былъ самъ у маменьки два раза. Сколько толковъ, сколько догадокъ, волненiя и возбужденiя душевнаго возбудили всѣ вѣсти, сообщенныя маменькой. Странно становится, какъ подумаешь, что ожидаетъ насъ впереди. Господи, спаси и помилуй насъ, среди всѣхъ этихъ треволненiй огради насъ отъ грѣха, дай намъ, Господи, творити волю Твою, дай намъ познать грѣхи наши и покаяться! Очисти насъ, Боже, и всю землю русскую!

9 октября, воскресенье. У насъ былъ священникъ въ это время, и съ своей стороны, въ своемъ простомъ и грубоватомъ разсказѣ представилъ такую ужасную картину внутренняго производства дѣлъ въ Россiи. Константинъ думаетъ, что свободное слово въ состоянiи было бы

искоренить зло. Нѣтъ, мнѣ кажется, теперь этого недостаточно: только полная перемѣна всей системы можетъ вызвать новую жизнь, но во всякомъ случаѣ и теперь, и послѣ свободное слово необходимо.

13 октября, четвергъ. Сегодня рано получили почту, она была богата разными вѣстями и частными и общими. Оленька пересылаетъ записку Погодина, въ которой онъ пишетъ про Ермолова, что онъ свѣжъ, и бодръ, и здоровъ, и какъ уменъ. Всего же удивительнѣе то, что на другой день послѣ присылки своей записки явился самъ къ Оленькѣ, спрашивалъ, когда пріѣдетъ кто-нибудь изъ деревни, былъ необыкновенно веселъ, шутилъ даже съ дядей и звалъ его въ клубъ и т. д., тогда какъ постоянно въ послѣднее время онъ былъ страшно мраченъ. Политическія дѣла не лучше, а хуже, стало быть, тутъ что-нибудь другое; вѣроятно, онъ получилъ какія-нибудь добрыя вѣсти на счетъ себя, можетъ быть назначеніе на мѣсто, на которомъ онъ надѣется принести пользу. Къ Погодину приходили купцы и просили написать статью объ устройствѣ желѣзной дороги въ Индію изъ Оренбурга до нашихъ крѣпостей. Послѣ того, вѣрно, уже устроятъ желѣзную дорогу изъ Москвы въ Оренбургъ. Какъ бы это было хорошо, весь край бы обогатился. Погодинъ сперва было отговорился незнаніемъ дѣла, но купцы привезли ему свои бумаги и упросили его составить статью. Погодинъ написалъ вродѣ шуточной статейки; говорятъ, и въ ней ввернулъ свой взглядъ и убѣжденія.

Получено письмо отъ Макарова (Кулиша) съ просьбой денегъ на напечатаніе второй біограф и Кулиша, которые отесенька обѣщалъ достать.

Оленька сообщаетъ также объ одномъ страшномъ происшествіи, случившемся на дняхъ въ Москвѣ. Какой-то купецъ получилъ посылку съ надписью распечатать ее не иначе, какъ при свидѣтеляхъ; онъ собралъ полицейскихъ чиновниковъ, стали распечатывать, ящикъ взорвало, и одинъ изъ нихъ погибъ, другихъ обожгло и т. д. Говорятъ, что это дѣло поляковъ или англичанъ. Что за звѣрство отвратительное!..

Въ пятницу, 14 октября. Письмо большое отъ Ивана, чрезвычайно интересное и замѣчательное. Онъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него за Кіевскимъ краемъ; что касается до природы, то она тамъ очаровательна, но люди! Положеніе крестьянъ православныхъ, принадлежащихъ полякамъ, угнетающихъ ихъ сколько возможно и потомъ положеніе этихъ поляковъ въ отношеніи правительства; у нихъ отобраны даже охотничьи ружья, внутренняя вражда поляковъ, скрываемая подъ подлой угодливостью или лестью, все это такъ тягостно, такъ насильственно, представляетъ такое безобразіе, которое возмущаетъ свѣжаго человѣка; впрочемъ, безобразія такого довольно и по всей русской землѣ.

Въ субботу, 15 октября. Ждали мы Константина, но вмѣсто

того прислана была подвода съ письмами, увѣдомляющими насъ, что Константинъ остался, потому что отесенькина книга еще не подписана и, кстати, Константинъ хочетъ побывать на диспутѣ Гладкаго, который въ своей диссертаціи нѣсколько разъ ссылается на его статью „О древнемъ бытѣ славянъ" въ „Московскомъ Сборникѣ". Это, конечно, очень пріятно. Клейнмихель, говорятъ, прочь, и Киселевъ также; всѣ оживились, радуются какъ побѣдѣ, поздравляютъ другъ друга. На мѣсто его герцогъ Макленбургскій и Чевкинъ. Константинъ очень хвалитъ Крузе, какъ самаго благороднаго, свободномыслящаго и очень обязательнаго человѣка.

Воскресенье, 16 октября. Мы съ Соничкой ѣздили къ ранней обѣднѣ; возвратившись, нашли уже почту, привезенную отъ Троицы. Писемъ никакихъ, только „Московскія Вѣдомости" и „Journal de Francfort". Объявленъ наборъ повсемѣстный, кромѣ Малороссійской губерніи и Новороссійской.., а въ Самарской и Оренбургской—въ одно и то же время—ополченіе; такъ что съ тысячи выходитъ 33 человѣка. Ужасно, тягость страшная и сверхъ того чувство общее, хотя не всѣми сознаваемое, что всѣ эти жертвы даромъ приносятся, безъ пользы, что это одно только истребленіе людей безполезное. Какіе стоны и вопли раздадутся повсюду! Прошло время, когда всякій пошелъ бы съ охотой, когда святая цѣль возвышала и облегчала всѣ жертвы. Извѣстія Горчакова извѣщаютъ подробно, какъ непріятель подвигается съ обѣихъ сторонъ около него, и, кажется, его очень интересуютъ маневры непріятеля, которые клонятся къ тому, чтобъ захватить его въ западню Часовъ въ 11 пріѣхалъ Константинъ. Слава Богу, у нихъ все хорошо. Константинъ привезъ намъ очень много любопытныхъ извѣстій. Первая, главная и очень важная новость, что Клейнмихель отставленъ; это окончательно подтверждается, хотя и не напечатано еще. Радость общая поразительна, точно насталъ свѣтлый праздникъ. Въ клубѣ по полученіи этой вѣсти спросили шампанскаго и пили, поздравляя другъ друга; говорятъ, къ нимъ попросили присоединиться нѣсколько инженеровъ и офицеровъ.

Разсказываютъ, что государь былъ пораженъ состояніемъ дорогъ, особенно въ Перекопѣ, гдѣ дорога сдѣлалась просто рвомъ; и черезъ такія дороги должны проходить войска наши, со всѣми ихъ фурами, запасами. Была наряжена сейчасъ ревизія надъ Клейнмихелемъ и, наконецъ, недавно, въ присутствіи одного человѣка, который самъ это разсказывалъ, Клейнмихель получилъ письмо, прочтя которое, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ всѣмъ: „ну, господа, я вамъ болѣе не начальникъ", просилъ въ тотъ же день нанять ему домъ, чтобъ къ вечеру уже переѣхать. Слава Богу, что государь по крайней мѣрѣ выѣхалъ изъ Петербурга, что онъ побывалъ въ Москвѣ, подышалъ другимъ воздухомъ, увидалъ другихъ,

услыхалъ другія рѣчи, что, наконецъ, онъ въ Николаевѣ на самомъ дѣлѣ увидитъ, въ какомъ положеніи дѣла, лицомъ къ лицу станетъ съ тягостными обстоятельствами Россіи, увидитъ близко всѣ злоупотребленія, всѣ нужды. И онъ ихъ уже начинаетъ видѣть и понимать; отставка Клейнмихеля уже тому доказательство, и точно, можетъ быть, оставаясь въ Петербургѣ, онъ не имѣлъ бы духу поступить такъ рѣшительно, и теперь даже многіе не вѣрятъ, что это правда. Наряжена еще какая то коммиссія для слѣдствія надъ какимъ-то нѣмцемъ въ Николаевѣ, которой председателемъ Константинъ Николаевичъ. Также приказано сдѣлать слѣдствіе, почему могли пройти враги черезъ проходъ у Керчи. Извѣстіе о Жабокрицкомъ совершенно подтвердилось. Онъ и еще нѣсколько человѣкъ сидятъ въ крѣпости за измѣну и надъ ними производится судъ. Сколько этихъ злодѣевъ поляковъ размѣщено у насъ въ арміи вездѣ, и многіе нихъ занимаютъ важныя мѣста для того, чтобъ ловчѣе только вредить. Государь, говорятъ, еще долго останется въ Николаевѣ; и дай Богъ, это ему очень полезно: другая жизнь, другіе люди его тамъ окружаютъ — и это всѣ понимаютъ и радуются; всѣ оживились и ободрились, особенно послѣ извѣстія объ отставкѣ Клейнмихеля,—точно послѣ побѣды, и всѣ очень сознательно говорятъ, что это начинается побѣда надъ внутренними врагами, что важнѣе всякой другой, и отъ которой зависятъ и внѣшнія. Вездѣ, гдѣ ни встрѣчаются другъ съ другомъ, первое слово,—„знаете-ли вы, что Клейнмихель отставленъ, поздравляю васъ“; всѣ свѣтлы и радостны, вездѣ говорятъ громко, и въ лавкахъ, даже съ покупками и на улицѣ. Купцы тоже. Константину пришлось говорить съ нѣкоторыми. Замѣчательно, однакожъ, какъ сильно сочувствіе къ велик. князю Константину Николаевичу въ купцахъ и простомъ народѣ. Говоря въ книжной лавкѣ съ купцами объ этихъ же событіяхъ, причемъ крупцы изъявили полное свое сочувствіе всѣмъ его словамъ, Константинъ сталъ хвалить государя, одинъ купецъ сказалъ: „да и помощникъ то у него хорошъ“. Купецъ еще разсказалъ, какъ вел. князь Константинъ Николаевичъ хотѣлъ было ѣхать къ Троицѣ (а онъ особенно усерденъ къ преподобн. Сергію), но Ермоловъ сказалъ, что надобно спасать Севастополь, что лучше послѣ пріѣзжайте благодарить о побѣдѣ, и Константинъ Николаевичъ тотчасъ-же уѣхалъ. Видно, что они всѣ добрыя и хорошія намѣренія государя приписываютъ великому князю Константину Николаевичу. И дай Богъ, чтобъ государь съ братомъ постоянно находились въ добромъ союзѣ, тогда будетъ хорошо. Константинъ говоритъ, что вообще слышится, что что-то движется, колеблется, поверхность какъ будто вздувается мѣстами; какъ то всѣмъ свободнѣе, дышать легче.

Хоть бы теперь и цензура: отесенькина рукопись пропущена почти

вся безъ помарокъ; то пропущено, что отесенька рѣшался даже уступить. Слава Богу, что такъ пріятно, что истинно не такъ тяжело и горько на душѣ отзываются наши другія неудачи.

Константинъ былъ у Крузе съ поправками, сдѣланными отесенькой. Крузе, котораго Константинъ очень хвалитъ, еще уменьшилъ исключенія, но посовѣтовалъ Константину съѣздить къ Назимову, потому что Назимовъ, можетъ быть, захочетъ послать все-таки къ министру рукопись, такъ какъ тотъ сказалъ, уѣзжая: „пришлите мнѣ рукопись“, но это въ такомъ случаѣ, если бъ отесенька не согласился на поправки. Константинъ былъ у Назимова, тотъ принялъ его очень ласково и тотчасъ же согласился не посылать рукописи, если Крузе беретъ на себя отвѣтственность. Назимовъ добрѣйшій человѣкъ, и Крузе говорилъ потомъ Константину: я зналъ, что онъ вамъ не откажетъ, онъ никогда не отказываетъ. Назимовъ, между прочимъ, говорилъ съ Константиномъ тоже о Клейнмихелѣ: онъ еще до сихъ поръ не можетъ повѣрить и боится предаться вполнѣ этой радости. Удивительно, какову надобно быть человѣку, чтобъ возбудить во всѣхъ, во всемъ государствѣ, такое общее счастіе и радость своей отставкой. Чевкина всѣ очень хвалятъ, какъ самаго честнаго и благонамѣреннаго человѣка, вполнѣ русскаго, даже славянофила. Крузе разсказывалъ, какъ онъ пересматривалъ съ министромъ отесенькину рукопись. Разсказъ о бунтѣ учениковъ министръ было усомнился пропустить, но уступилъ скоро убѣжденію Крузе и даже прибавилъ, что самъ также бы поступилъ въ молодости. На счетъ же славянофиловъ министръ самъ все пропустилъ; тогда ему Крузе сказалъ, что у нихъ, напротивъ, есть предписаніе не пропускать слова славянофилъ, на что ему министръ далъ почувствовать, что теперь не то время. И точно, видно, были сдѣланы какія-нибудь распоряженія не стѣснять славянофиловъ; каково было удивленіе Константина прочесть въ диссертаціи Гладкова печатно безпрестанно ссылки на свою статью „О древнемъ бытѣ славянъ“, съ величайшими похвалами, тогда какъ еще недавно министръ самъ называлъ ее чуть не революціонной и тогда какъ циркуляромъ было запрещено не только пропускать похвалы, но даже возраженія на нее, даже просто не позволено было ссылаться на нее. А теперь цѣлая диссертація, основанная на ней и печатно ее восхаляющая! Крузе сказывалъ, что было предписаніе, въ которомъ позволялось пропускать разсужденія о родовомъ бытѣ, но о бытѣ общинномъ, какъ объ революціонномъ, запрещалось.

Зиновьевъ увѣряетъ Константина, что министръ имѣетъ намѣреніе снять съ нихъ подписку. Если это будетъ, то это покажетъ окончательно намѣренія нашего правительства. Дай Богъ, какое это будетъ счастіе! Но какъ объяснить выходки министра, въ разговорѣ съ Константиномъ? Тѣмъ

развѣ, что въ головѣ у министра еще не все вдругъ уяснилось. Онъ очень забывчивъ: вдругъ вспомнитъ старое впечатлѣніе, и путаетъ все. Или не написалъ ли ему Вяземскій что-нибудь вслѣдствіе письма Константина, а онъ Вяземскому очень довѣрялъ и находился, кажется, подъ его вліяніемъ. Вяземскій долженъ быть на дняхъ въ Москву, и Константину необходимо съ нимъ повидаться и откровенно переговорить. Вотъ еще замѣчательное и важное доказательство иного направленія. Князь Львовъ, который былъ отставленъ изъ цензоровъ за пропускъ сборника Тургенева, такъ что ему не позволено было служить, теперь назначенъ цензоромъ, каково! Говорятъ, ему предлагали другую должность, но онъ не хотѣлъ взять; за него многіе просили, и государь велѣлъ справиться, точно ли онъ не виноватъ и былъ ошибочно отставленъ. Сдѣлали объ этомъ запросъ Назимову, тотъ очень благородно отвѣчалъ, что онъ по совѣсти убѣжденъ, что Львовъ вполнѣ правъ и невинно былъ отставленъ. Погодинъ разсказывалъ Константину, что былъ недавно у Ермолова и нашелъ его бодрымъ и свѣжимъ и духомъ, и тѣломъ, и умомъ, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Ермоловъ называетъ поступокъ Муравьева (т. е. атаку Карса) просто безуміемъ, хотя вообще Ермоловъ любилъ и хвалилъ Муравьева. Истинно гнѣвъ Божій! Сколько ужасной гибели, и совершенно даромъ, и какихъ людей! Ермоловъ говорилъ также о томъ, что вытерпѣлъ Меншиковъ, будучи главнокомандующимъ въ Крыму, какъ его тамъ мучили и оскорбляли, и не исполняли его требованій. Два раза посылалъ онъ своего адъютанта требовать подкрѣпленія (кажется, передъ высадкой), на что ему отвѣчали, что онъ „скоро будетъ бояться своей тѣни!“— Каково было это принять? Но я все-таки увѣрена, что государь не могъ бы такъ быть увѣренъ въ невозможности высадки, если бъ его не постарался въ этомъ убѣдить и поддерживать этотъ злодѣй и предатель Нессельроде.

Ермоловъ называетъ Пелиссье нашимъ спасителемъ, потому что онъ, раздѣливъ свои войска и направивъ ихъ на разные пункты, лишилъ себя всякой силы и возможности дѣйствовать противъ насъ съ успѣхомъ; въ Николаевѣ, говорятъ, ничего не будетъ, это только демонстрація пустая. Не знаю, вслѣдствіе ли разспросовъ Погодина, но Ермоловъ ему сказалъ, что онъ самъ предлагать себя не будетъ, и что если ему предложатъ, то онъ будетъ отговариваться, что ему не подъ силу теперь, но что если государь будетъ непремѣнно этого желать, онъ сочтетъ за долгъ согласиться.

Разумѣется, онъ приметъ начальство, и если Богъ благословитъ, то можетъ еще поправить сколько-нибудь наши дѣла, какъ они уже не испорчены. Погодинъ сообщилъ Константину, что написалъ къ Дмитрію Оболенскому письмо объ Ермоловѣ, именно указывая на него, какъ на главно-

командующаго, а Дмитрій Оболенскій перешлетъ это письмо къ вел. кн. Константину Николаевичу. Дай Богъ, чтобъ это удалось. Погодинъ имѣетъ теперь весьма большое значеніе и даже вліяніе; онъ получилъ недавно письмо отъ секретаря князя Долгорукаго (военнаго министра), писанное по порученію князя и отъ его имени, въ которомъ князь спѣшитъ поздравить Погодина съ огромнымъ успѣхомъ его статьи, которая нашла полное сочувстіе въ общественномъ мнѣніи, и что это ему особенно пріятно сообщить и т. д. Что Долгорукій, который былъ противъ его статьи, пишетъ къ Погодину такое письмо, это такъ замѣчательно и удивительно, что не знаешь, какъ объяснить. Конечно, вѣроятнѣе всего, что Долгорукій этимъ письмомъ хочетъ самъ себя оправдать передъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго значеніе, можетъ быть, они уже начинаютъ чувствовать. Особенно теперь, когда Клейнмихель долженъ упасть.

Хорошо, если бъ и Долгорукаго прочь, но онъ, говорятъ, въ полной силѣ. Пріѣхалъ изъ Севастополя Егоръ Оболенскій, братъ Андрея Васильевича. Константинъ, впрочемъ, его не видалъ, но Михаилъ и Юрій Оболенскіе ему сообщали его разсказы о Горчаковѣ. Онъ отзывается холодно, какъ выразился Михаилъ Оболенскій. Онъ разсказывалъ анекдоты про его забывчивость, доходящей до крайности; человѣкъ вовсе безъ головы, и такому то человѣку ввѣрена не только честь, но вся судьба Россіи и жизнь сотни тысячъ людей. Это глубоко возмутительно.

Михаилъ Оболенскій былъ у насъ и познакомился съ маменькой; онъ сказывалъ, что Самаринъ уѣзжалъ чрезвычайно грустенъ, онъ дѣлалъ прощальный обѣдъ и Оболенскіе говорили, зачѣмъ Константинъ не пріѣхалъ, но Константинъ не зналъ заранѣе, когда Самаринъ былъ въ Москвѣ. Какъ грустно и тяжело вспоминать, что Самаринъ долженъ былъ итти въ ополченіе! Оболенскій сказывалъ, что великій князь Константинъ Николаевичъ говорилъ прежде, что не успокоится, покуда не завербуетъ Самарина къ себѣ, но Самаринъ рѣшительно отказался: онъ не хочетъ связывать себя службой, а Оболенскій очень хвалитъ Константина Николаевича. Хорошо также и то, что было намѣреніе раздать всѣхъ казенныхъ крестьянъ. Не очень пріятное извѣстіе о дозволеніи вывозить хлѣбъ изъ Крыму для Австріи; это значитъ давать нашимъ врагамъ возможность насъ истреблять и разорять.

Когда Константинъ былъ у Оболенскихъ, Михаилъ Оболенскій ему показывалъ записки его отца, найденныя послѣ него, о которыхъ до сихъ поръ никто не зналъ. Отъ семейныхъ или его личныхъ записокъ осталось всего листа четыре; остальное, должно быть, истреблено. Другія касаются его служебнаго поприща и дѣятельности; тутъ много разсказовъ о Павлѣ, вполнѣ его характеризующихъ, чрезвычайно любопытныхъ; и се-

мейныя его записки открываютъ всю его простую вѣрующую душу и чисто русскаго человѣка; никто и не подозрѣвалъ, что Алекс. Петр. каждый день отдаетъ себѣ отчетъ не только въ событіяхъ своей жизни, но и во всѣхъ движеніяхъ души своей и строго ихъ разбираетъ и судитъ. Всѣ Оболенскіе удивительные люди: при всей, кажется, пустотѣ своей жизни сохраняютъ все тотъ же свой миръ душевный и истинную доброту сердца. Михаилъ Оболенскій чѣмъ-то при посольствѣ въ Вѣнѣ и сказывалъ Константину о томъ сочувствіи, которое славяне и вообще православные имѣютъ къ Россіи. „Я только ихъ не отталкивалъ, какъ другіе, и они меня чрезвычайно любили“.

Константинъ давалъ ему читать свою записку, безъ письма, разумѣется, и онъ пришелъ въ совершенное восхищеніе, по своему. Онъ упросилъ Константина дать ему списать. Шипову также давалъ читать Константинъ, и тотъ тоже вполнѣ доволенъ и согласенъ. У Казначеева Константинъ встрѣтился съ Кушниковымъ, котораго принялъ сначала за ополченнаго, но потомъ Кушниковъ объявилъ ему, что онъ такъ просто носитъ русское платье и что не отпускаетъ бороду только по просьбѣ жены.

Кушниковъ разсказывалъ, какъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ благоговѣніемъ и любовью даже говорятъ поляки о Назимовѣ за его добрые поступки въ Польшѣ. Вотъ еще весьма замѣчательная и пріятная новость. Пріѣхавши въ Москву, Константинъ узналъ, что адъюнктъ Гладковъ изъ петербургскаго университета будетъ защищать диссертацію, всю основанную на статьѣ Константина о родовомъ бытѣ, и потому онъ былъ на диспутѣ и познакомился съ Гладковымъ; но какъ позволили печатно хвалить Константинову статью, это удивительно, тогда какъ министръ еще такъ недавно выразился о ней такъ неблагопріятно“.

На этомъ дневникъ оканчивается. Онъ прерванъ переѣздомъ въ Москву. Приложенъ только клочекъ бумаги, на которомъ написано: „Вторникъ. 15 ноября 1855 г. Мы въ Москвѣ съ недѣлю, были въ Кремлѣ, у Иверской. Еще не устроились“.

Первый годъ Петербургской „Рабочей Организаціи".

1.

Въ іюньскій полдень 1900 г. въ лѣсу недалеко отъ Петербурга сидѣло нѣсколько человѣкъ рабочихъ и студентовъ. Они ушли сюда подальше отъ шпіоновъ и полиціи, чтобы обсудить невинный вопросъ—организацію кассы рабочихъ. Но планы у нихъ были широкіе—объединить петербургскихъ рабочихъ вокругъ этой кассы борьбы и взаимопомощи. Только что отпечатанный проектъ этой кассы лежалъ передъ ними.

Самаго автора проекта не было здѣсь. Около мѣсяца назадъ онъ покончилъ свою жизнь выстрѣломъ въ високъ. Онъ предпочелъ пулю медленному умиранію отъ чахотки, которая надломила тревожную жизнь революціонера. Это былъ студентъ Лѣсного Института Сафоновъ.

Собравшіеся товарищи сходились въ своихъ надеждахъ и цѣляхъ. Они обсуждали только детали проекта и способъ проведенія кассы въ жизнь. Быстро столковавшись между собою, они перешли на товарищескую бесѣду и разными путями направились въ городъ.

Идея объединенія рабочихъ въ организацію давно уже бродила въ головахъ петербургскихъ соціалъ-демократовъ. Номера „Рабочей Мысли" и прокламаціи „Союза Борьбы" неустанно твердили рабочимъ о необходимости организоваться. Они совѣтовали соединяться въ кружки, устраивать кассы, и обѣщали найти эти кружки и связать ихъ вмѣстѣ. Элементы для организаціи были на лицо. Только что минувшій періодъ массовой стачечной борьбы 1896—1897 года привелъ въ броженіе рабочихъ. Передовая ихъ часть входила въ кружки „Союза Борьбы" и многочисленныя группы, ставящія себѣ задачею развивать классовое сознаніе рабочихъ. Нужно было только связать и сорганизовать эти кружки. Сознательные рабочіе дружно откликнулись на починъ, и дѣло быстро двинулось впередъ.

Въ процессѣ работы первоначальная идея расширилась. Отъ организаціи кассы перешли къ организаціи рабочихъ по фабрикамъ и заводамъ въ самостоятельную „Рабочую Организацію" (Р. Ор.), которая должна была составить ядро „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса" (С. Б.).

Къ зимѣ значительная часть организаціонной работы была

выполнена, и большинство сознательныхъ рабочихъ объединилось въ „Р. Ор."

Въ программѣ, выпущенной „Рабочей Организаціей" осенью, заявлялось, что „конечною цѣлью рабочаго движенія является политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса, которое можетъ быть достигнуто только соціалъ-демократическимъ движеніемъ широкихъ рабочихъ массъ". Своей задачею Союзъ Борьбы ставилъ содѣйствіе борьбѣ рабочихъ и превращеніе ее „въ форму организованной сознательной борьбы противъ капиталистической эксплоатаціи и абсолютизма".

По уставу „Р. Орг." и по планамъ ея основателей, основной ячейкой организаціи являлась фабричная группа или кружокъ, куда входили всѣ сознательные рабочіе даннаго завода или фабрики. Но такъ какъ, въ видахъ конспираціи, рекомендовалось устраивать кружки не больше чѣмъ въ 10 человѣкъ, то при наличности значительнаго количества сознательныхъ товарищей на фабрикѣ, они должны были соединиться въ нѣсколько кружковъ, а фабричная группа составлялась изъ ихъ представителей.

На обязанности группы лежала агитація среди рабочихъ, организація новыхъ кружковъ и руководство всею жизнью фабрики или завода. При группѣ была касса, куда каждый членъ организаціи долженъ былъ вносить по двѣ копейки съ заработаннаго рубля. Изъ этихъ денегъ половина оставалась въ кассѣ и расходовалась по усмотрѣнію группы на взаимопомощь, на газеты, книги. Другая же половина поступала въ стачечный фондъ „Р. Ор.", откуда расходованіе денегъ могло совершаться исключительно на стачку.

Фабрики группировались по районамъ. Фабричныя группы выбирали изъ своей среды представителей, которые входили въ районный комитетъ. Выборные представители отъ районныхъ комитетовъ составляли вмѣстѣ съ однимъ интеллигентомъ-„агитаторомъ" „Комитетъ Рабочей Организаціи" или, какъ его обычно называли, „Рабочій Комитетъ" (Р. К.). Этотъ комитетъ руководилъ дѣятельностью всей организаціи, объединяя дѣятельность районовъ и велъ агитацію среди петербургскихъ рабочихъ. Поэтому онъ носилъ еще названіе „Агитаціонная Группа". Ему одному принадлежало право издавать листки общаго и частнаго характера отъ имени „Р. Ор.".

За исключеніемъ интеллигента-агитатора, ни одинъ интеллигентъ не входилъ въ какую-нибудь ячейку „Р. Ор.", такъ что вся она, съ низу до верху, состояла изъ однихъ рабочихъ. Организація должна была быть „чисто рабочей" организаціей, самостоятельной, независимой отъ интеллигенціи. Рабочіе должны были сами строить организацію, сами вѣдать всѣ свои дѣла, такъ какъ „освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ".

Но молодое рабочее движеніе не могло и думать обойтись безъ интеллигенціи. Необходимы интеллигентныя силы для пропаганды, нелегальная литература, значительныя денежныя сред-

ства. Все это готова была доставить интеллигенція, главнымъ образомъ, студенты. Почему не принять ихъ услугъ? Надо только охранить чистоту рабочаго движенія отъ вліянія „попутчиковъ", съ которыми у рабочихъ „общій путь идетъ только отъ Петербурга до Москвы, а дальше пути расходятся". Подъ „попутчиками" подразумѣвалось обыкновенно либеральное общество, но на практикѣ дѣятели „Р. Ор." примѣняли тѣ же взгляды и къ интеллигенціи готовой участвовать въ рабочемъ движеніи, потому что вѣдь настоящіе идеологи рабочаго класса изъ среды буржуазіи рѣдки, какъ „бѣлые вороны". И интеллигенцію изолировали отъ „Р. Ор", чтобы она не вліяла на „чистоту" рабочаго движенія, чтобы она не вмѣшивалась въ „дѣло рабочихъ", а единственно обслуживала его.

Интеллигенты, обслуживающіе движеніе, были сорганизованы въ группы по ихъ функціямъ. Были группы пропагандистовъ, печатниковъ, денежная, группа для сношеній съ провинціей и за границей Функціи были строго разграничены, группы отдѣлены другъ отъ друга. Сносились онѣ, какъ и рабочія группы, только черезъ своихъ представителей.

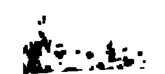
Пропагандисты должны были вести только пропаганду. Приносить въ кружки рабочихъ литературу имъ запрещалось, для этого существовали особые передатчики, и литература шла въ кружки черезъ представителей. Пропагандисты не должны были пытаться руководить борьбою рабочихъ. Это было дѣло заводскихъ группъ и комитетовъ организаціи. Самое больше, что могли сдѣлать пропагандисты,—это поинтересоваться жизнью фабрики и, пожалуй, подать совѣтъ рабочимъ.

Представители группъ пропагандистовъ должны были составить „Совѣтъ Пропагандистовъ", который отъ себя посылалъ представителя пропагандистовъ въ „Комитетъ Союза Борьбы".

„Комитетъ Союза Борьбы" (К. С. Б.) объединялъ дѣятельность всей организаціи—вѣрнѣе двухъ частей ея—рабочей и интеллигентской. Въ немъ соприкасалась „Р Ор." съ обслуживающими ее интеллигентскими группами. Этотъ комитетъ являлся представителемъ всей союзной организаціи и говорилъ отъ имени какъ интеллигентовъ, такъ и рабочихъ. Въ комитетъ входили представители районовъ съ агитаторомъ, т. е. „агитаціонная группа" или „Рабочій Комитетъ" и представители отъ пропагандистовъ, техники, кассы, группъ для сношенія съ провинціей и за границей.

Основной идеей при построеніи „Р. Ор." были демократизмъ и конспирація. Демократизмъ долженъ былъ гарантироваться выборностью всѣхъ высшихъ ячеекъ, отчетностью, участіемъ членовъ организаціи въ рѣшеніи всѣхъ ея дѣлъ и удаленіемъ отъ организаціи вліянія интеллигентовъ. Конспирація достигалась строгимъ раздѣленіемъ функцій, отдѣленіемъ другъ отъ друга кружковъ и сношеніемъ исключительно черезъ представителей.

Построивши организацію—насколько было силъ—по данному уставу, мы съ гордостью оглядывались назадъ на нашихъ пред-



жественниковъ, работа которыхъ представлялась намъ непродуктивной, кустарнической, неконспиративной, при всей ея тяжести. Они сами съ величайшими трудностями и рискомъ провалиться завязывали связи съ рабочими. Они знакомились съ ними, звали къ себѣ на домъ, ходили къ нимъ „на стаканъ чаю“, потомъ приступали къ пропагандѣ и часто послѣ выпуска первой же прокламаціи попадались въ руки полиціи. Такъ было, напримѣръ, годъ назадъ съ „Группой борьбы съ капиталомъ“, которая была заарестована за мирной бесѣдой надъ стаканомъ чая во время печатанія прокламаціи.

Первое предостереженіе противъ нашего увлеченія дано было намъ южными товарищами. Къ намъ пришло письмо, кажется, изъ Екатеринослава, гдѣ указывалось на два слабыхъ пункта нашей организаціи: на выборное начало и взаимопомощь. Выборность позволяетъ провокатору пролѣзть изъ кружка до самаго центра. Помощь же больнымъ и безработнымъ не осуществима вслѣдствіе недостатка средствъ и будетъ только отвлекать ихъ отъ болѣе продуктивнаго изслѣдованія.

Уставъ „Р. Ор.“ далъ новыя основанія для критики принциповъ и тактики „Союза Борьбы“. Во взаимопомощи, независимости „Р. Ор.“ увидѣли новое подтвержденіе виновности „Союза Борьбы“ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ противъ соціалъ-демократіи. Грѣхи эти, особенно выпукло формулированные впослѣдствіи Ленинымъ въ „Что дѣлать“, были: экономизмъ, хвостизмъ, кустарничество, стачкизмъ, практицизмъ, трэдъ-юніонизмъ, оппортунизмъ.

II.

При построеніи „Р. Ор.“ въ городѣ намѣчалось 6 районовъ: Выборгскій, Невскій, Обуховскій (съ Мурзинкой), Нарвскій, Василеостровскій и Петербургскій. Но въ теченіе всей зимы правильно функціонировали только районы Выборгскій и Обуховскій. Въ Невскомъ и Нарвскомъ районахъ послѣ провала организація была сильно разстроена и пришлось ее строить снова. Въ Петербургскомъ же и Василеостровскомъ за все время не было правильной организаціи, а были только кружки и связи. Во всей организаціи числилось человѣкъ 300—500, число значительное для того времени. Кромѣ того къ „Р. Ор.“ примыкала Колпинская организація, стоявшая, впрочемъ, съ городомъ въ слабой связи изъ-за дальности разстоянія.

Жизнь „Р. Ор.“ можетъ быть раздѣлена на два періода. Первый періодъ, тянувшійся осень 1900 г. и часть зимы, былъ по преимуществу періодомъ организаціоннаго строительства, переходившаго въ обыденную работу организаціи. Онъ характеризовался развитіемъ организаціи, заведеніемъ новыхъ связей и усовершенствованіемъ способовъ пропаганды и агитаціи. Его теченіе нарушалось частичными арестами, уносившими то отдѣльнаго члена организаціи, то кружокъ, послѣ чего приходилось задѣ-

лывать образовавшуюся брешь и затѣмъ строить дальше. Этотъ періодъ былъ рѣзко оборванъ массовыми арестами 28 января 1901 г., унесшими „Городскую" группу пропагандистовъ и сильно разстроившими Невскій и Нарвскій районы. Другія части организаціи пострадали слабо. Второй періодъ имѣетъ своимъ центральнымъ пунктомъ 1 мая. Онъ протекаетъ среди повышенной общественной атмосферы. Разрушенныя части организаціи быстро возстановляются, причемъ главное вниманіе обращается на подготовку майской демонстраціи. Провалъ 18 апрѣля разстраиваетъ всю организацію, но стихійный подъемъ продолжается и выливается въ бурныхъ событіяхъ 1 мая, съ обуховской обороной въ результатѣ.

За все время существованія „Р. Ор." около петербургскаго рабочаго движенія боролись два направленія — одно болѣе экономическое, другое—политическое. Борьба этихъ двухъ направленій шла и внутри самой организаціи, давала полемическій тонъ ея жизни и порождала внутреннія тренія.

„Союзъ Борьбы" принадлежалъ къ такъ называемому „экономическому" направленію. Онъ постоянно подчеркивалъ свое стремленіе вести агитацію на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій, которыя были, главнымъ образомъ, экономическія. Онъ объяснялъ свою тактику желаніемъ считаться съ уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ пролетаріата и стоять на почвѣ массового движенія. Органомъ „С. Б." была „Рабочая Мысль"— „газета петербургскихъ рабочихъ", вызывавшая столько громовъ критики своимъ „узкимъ практицизмомъ и боязнью политики". Вліяніе и связи среди петербургскихъ рабочихъ были въ то время, главнымъ образомъ, въ его рукахъ.

Соціалъ-демократическая интеллигенція, настроенная болѣе радикально и болѣе политически, группировалась въ „Рабочемъ Знамени" и „Группѣ 20-и", которыя къ началу 1901 г. объединились въ организацію „Соціалистъ". Онѣ стояли за необходимость вести среди рабочихъ политическую агитацію и звать рабочихъ къ политической борьбѣ. Ихъ органомъ считалось „Рабочее Знамя", первый номеръ котораго вышелъ, кажется, въ 1898 г., а второй въ 1900. Этотъ второй номеръ служилъ для насъ — союзниковъ—олицетвореніемъ „рабочезнаменцевъ"—литературно-красивымъ интеллигентскимъ фразерствомъ, совершенно не считающимся съ интересами и уровнемъ развитія рабочихъ.

Въ самомъ „С. Б." экономическое направленіе сосредоточивалось въ „Лѣсной" группѣ пропагандистовъ, а политическое, приближавшееся къ „Рабочему Знамени"—въ „Городской" группѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ технологовъ и горняковъ. „Невская" группа, образовавшаяся послѣ январскаго провала, занимала среднее положеніе между экономистами и политиками. Наличность разногласія рѣзко чувствовалась во взаимныхъ отношеніяхъ. „Городскіе" пропагандисты не отзывались о „лѣсныхъ" иначе, какъ объ экономистахъ или трэдъ-юніонистахъ. Въ свою очередь

„лѣсные“ называли „городскихъ“ бланкистами. Однако, до организаціонной борьбы дѣло не доходило.

Какое изъ теченій было преобладающимъ въ „С. Б.“ численно— сказать трудно. Но фактически господствовали экономисты. Получалось это въ силу нелѣпыхъ особенностей организаціи.

„Комитетъ С. Б“, въ которомъ интеллигенты только и могли влiять на рѣшенія организаціи, въ своемъ полномъ составѣ не собирался никогда. Его собранія раздѣлялись на двѣ части: на отдѣльное собраніе „Рабочаго Комитета“ и на отдѣльное собраніе интеллигентской части комитета. И всѣ вопросы рѣшались сложеніемъ рѣшенія обѣихъ частей—„верхней и нижней палатой“. Связью между обѣими частями служилъ интеллигентъ агитаторъ, который въ силу своего привелегированнаго положенія могъ влiять въ обѣихъ частяхъ комитета и былъ какъ то сверхцентромъ. По убѣжденіямъ онъ былъ ярый экономистъ.

Онъ не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ намѣренно. Какъ истинный „союзникъ“, онъ выслушивалъ въ „Р. К.“ мнѣніе рабочихъ, и только тогда высказывался. Но вліяніе его, какъ сильной личности, было велико. Получивъ желаемое рѣшеніе въ „Р. К.“, онъ шелъ въ интеллигентскую часть комитета и нерѣдко обрывалъ тамъ пренія категорическимъ заявленіемъ: „рабочіе рѣшили такъ!“

Не разъ комитетскіе политики настаивали на устройствѣ общаго собранія комитета, чтобы представить товарищамъ рабочимъ свои доводы, но всѣ ихъ попытки разбивались объ упорство экономистовъ, которые были убѣждены, что „это неконспиративно“. Въ чемъ здѣсь была неконспиративность—неизвѣстно. Добро бы еще, если-бы „Р. К.“ собирался гдѣ нибудь за заставой, въ рабочей квартирѣ, но обыкновенно его собранія происходили въ городѣ на интеллигентскихъ квартирахъ, и присутствіе еще двухъ-трехъ интеллигентовъ не могло составить разницы. За неконспиративность говорило развѣ то единственное соображеніе, которое приходилось слышать отъ „союзниковъ“, что вообще провалы идутъ отъ интеллигенціи, и что чуть не вся она на подозрѣніи у полиціи.

Но въ результатѣ этого нелѣпаго двуцентрія интеллигенты-политики оказывались совершенно отрѣзанными отъ вліянія на рабочихъ, и гегемонія въ Союзѣ была у экономистовъ. Стремленіе оградить самостоятельность рабочихъ лишало ихъ возможности выслушивать доводы политиковъ. Демократизмъ отрицалъ демократизмъ.

Приведенная въ движеніе организація скоро показала свои слабыя стороны.

Система небольшихъ кружковъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ, имѣла полный смыслъ, если учредители организаціи расчитывали, что жизненнымъ нервомъ ея будетъ взаимопомощь рабочихъ. Большихъ кружковъ, по полицейскимъ условіямъ, нельзя было устраивать, между тѣмъ необходимо было дать воз-

можность жить кое-какой организаціонной жизнью всѣмъ членамъ организаціи. И эта цѣль системою кружковъ достигалась.

Фабричная группа живо интересовалась своими дѣлами. Членскіе взносы въ первое время поступали исправно. Заводскіе и районные представители давали детальный отчетъ по отдѣльнымъ кружкамъ, для чего, напр., въ Выборгскомъ районѣ кружки носили особыя прозвища: „Ласточка", „Миръ", кружокъ „Маркса", „Лассаля". Группа обсуждала расходованіе денегъ, выдачу рубля или полтинника нуждающемуся товарищу и старалась всегда наполнить кассу взносами. Замѣчалось, что болѣе сознательные товарищи избѣгали брать деньги изъ кассы. Они готовы были занять рубль на сторонѣ, чтобы только не затруднять кассу, которая должна была привлекать несознательныхъ рабочихъ къ „дѣлу освобожденія рабочаго класса".

Но экономическій кризисъ парализовалъ всѣ ихъ усилія: нужда въ деньгахъ сильно превосходила ихъ поступленія, и касса оказывалась пуста. При крайней необходимости дать отъѣзжающему безработному на дорогу приходилось брать изъ кассы „Союза Борьбы", которая пополнялась сборами со студентовъ и „общества". Получалось неловкое положеніе: уставъ не дѣлалъ разницы между членами организаціи, между тѣмъ „С. Б.", какъ революціонная организація, могъ тратить деньги только на работниковъ организаціи. Давая деньги члену комитета и отказывая члену низшаго кружка, комитетъ какъ-бы ставилъ однихъ рабочихъ выше другихъ. Здѣсь сказывался двойственный характеръ организаціи.

Взаимопомощь не осуществлялась. Болѣе революціонно-настроенные товарищи интересовались не кассами, а другою дѣятельностью „Р. Ор." Интересъ къ кассамъ падалъ, собирать взносы становилось трудно, и въ 1901 г. о взаимопомощи уже забыли.

Оказалось, что постепенно изъ „Р. Ор." была вынута та ось, вокругъ которой вращалась ея жизнь. И рабочіе оказались сорганизованными вокругъ пустого мѣста. Колеса организаціи вращались попрежнему, но вращались, какъ-бы безъ передаточныхъ ремней. Иначе, въ сущности, и не могло быть, такъ какъ каждая форма организаціи получаетъ свой смыслъ въ зависимости отъ содержанія своей дѣятельности.

Организаціонные ячейки собирались. Низшія ячейки и фабричныя группы представляли обыкновенно пропагандистскіе кружки, поэтому ихъ собранія имѣли еще смыслъ. Изъ организаціонныхъ дѣлъ на ихъ членахъ лежало одно—созданіе новыхъ кружковъ. Несложная жизнь фабрики въ моментъ затишья не давала матеріала для обсужденія въ группахъ фабричныхъ дѣлъ.

Еще меньше дѣла оказывалось для Районныхъ Комитетовъ, такъ какъ направленіе агитаціонной работой сосредоточивалось въ „Р. К." Случалось, что на собраніи Районнаго Комитета нечего было дѣлать.

Зато въ „Р. К." сосредоточивалась масса дѣла и тамъ чувство-

вался недостатокъ въ силахъ. На интеллигентѣ-агитаторѣ лежала чуть не вся общая организаціонная работа. Приходилось положительно разрываться между офиціальными обязанностями агитатора и фактическими обязанностями организатора.

Между тѣмъ, въ организаціи были люди, силы которыхъ оставались неиспользованными. Нѣсколько вполнѣ сознательныхъ рабочихъ не могли себѣ найти дѣла въ организаціи. Въ низшихъ ячейкахъ имъ, какъ вообще большинству сознательныхъ рабочихъ около несуществующихъ кассъ, нечего было дѣлать. Мѣста районныхъ представителей были заняты. Пропагандистами они быть не могли, хотя одни изъ нихъ по своимъ знаніямъ не уступали молодымъ пропагандистамъ. (Рабочіе гораздо взыскательнѣе къ пропагандистамъ-рабочимъ, чѣмъ къ интеллигентамъ. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ!).

Нуждаясь въ силахъ, „Р. Ор.“ отпускала отъ себя силы. Она согласилась отпустить въ другой городъ цѣннаго работника. Это былъ ткачъ, несшій на своихъ плечахъ стачку 1896 г. и расчитанный за празднованіе 1 мая въ 1900 году.

Какъ ни жаль было отпускать его отъ себя, но мы не знали, какъ иначе быть, потому что сдѣлать его профессіональнымъ работникомъ мы не умѣли или не догадывались.

Неиспользованными оставались и силы интеллигентовъ-пропагандистовъ, такъ какъ они стояли внѣ жизни организаціи.

Громоздкость организаціи, ненужная въ моменты затишья, становилась помѣхой въ моменты оживленія. Въ горячій моментъ, когда на фабрикѣ проявлялось волненіе, и необходимы были быстрыя дѣйствія, изданіе спѣшнаго листка, не такъ-то легко было добраться до „Р. К.“ Онъ собирался разъ въ недѣлю. Пока требованіе на листокъ доходило до „Р К.“, оттуда въ исполнительныя группы и пока листокъ попадалъ на фабрику, онъ оказывался уже устарѣвшимъ. Нѣсколько разъ приходилось уничтожать уже напечатанный листокъ

Полная же непригодность неповоротливой громоздкой организаціи для боевыхъ выступленій обнаружилась въ бурные мартовскіе дни.

Но обезпечивала ли форма организаціи демократизмъ и конспирацію, которыя были руководящей идеей при ея построеніи?

Демократизмъ долженъ былъ установиться въ организаціи путемъ выборности высшихъ ячеекъ и участіемъ всѣхъ членовъ организаціи въ рѣшеніи ея дѣлъ. Но настоящей выборности въ организаціи на практикѣ такъ и не было. Представителемъ кружка обыкновенно являлся его организаторъ. Представитель же отъ района намѣчался „Рабочимъ Комитетомъ“, который и старался провести намѣченнаго въ комитетъ. Послѣ январскаго провала въ Нарвскомъ районѣ все время продолжалось ненормальное положеніе. Представитель былъ арестованъ, а за кандидатомъ въ представители шла такая сильная слѣжка, что ему невозможно было показаться въ городъ. Тогда замѣстителемъ его въ „Р. К.“

былъ назначенъ интеллигентъ. Приходилось намѣтить настоящаго представителя, но тутъ положеніе совершенно запуталось. Комитетъ намѣтилъ въ представители интеллигентнаго рабочаго, и перевелъ его спеціально для этого за Невскую заставу изъ другого района. Рабочіе же не знали его и не симпатизировали ему за его наружное высокомѣріе. Они выдвинули своего кандидата. Не знаю, какъ бы кончилось столкновеніе и какъ-бы „Р. К." выпутался изъ затруднительнаго положенія,—но апрѣльскій провалъ разрубилъ узелъ, засадивъ въ тюрьму всѣхъ кандидатовъ вмѣстѣ съ комитетомъ.

Другое основаніе демократизма — веденіе дѣлъ самими рабочими—тоже не осуществилось въ жизни. Вліяніе интеллигентовъ на „Р. Ор." было, правда, сведено до минимума. Но участіе всѣхъ членовъ организаціи въ рѣшеніи вопросовъ ея жизни не было достигнуто. Дѣла велъ, главнымъ образомъ, „Р. К." Важные вопросы, касающіеся всей организаціи, должны были рѣшаться всей организаціей. Они и обсуждались по фабричнымъ кружкамъ. Но за весь годъ существованія организаціи былъ только одинъ случай, когда вопросъ ставился на голосованіе всей организаціи. Это вопросъ о майской демонстраціи. Кружки по предложенію пропагандистовъ обсуждали, устраивать-ли демонстрацію. Кое гдѣ этотъ вопросъ голосовали. Но ясныхъ результатовъ не получилось. Одни пропагандисты—преимущественно политики—приносили извѣстія, что „рабочіе за демонстрацію", другіе — экономисты—что „они противъ". Ни обсужденія безъ интеллигентовъ, ни правильнаго подсчета не было. Похоже было, что не „Р. Ор." „рѣшаетъ свое дѣло", а интеллигенты ведутъ агитацію за свое мнѣніе.

Такимъ образомъ, демократизма не было въ общей жизни организаціи. Былъ онъ только въ основныхъ ея ячейкахъ, вокругъ кассъ, пока жизнь не унесла ихъ потокомъ безработицы.

Конспирація выиграла съ установленіемъ организаціи. Раздѣленіе функцій и частей организаціи нѣсколько гарантировало организацію отъ полнаго провала. Провалы задѣвали только часть организаціи. И даже громадный апрѣльскій провалъ оставилъ неприкосновеннымъ Обуховскій районъ и технику. Вопреки предсказанію южныхъ товарищей, провокаторамъ не удалось проникнуть въ центры организаціи путемъ выборовъ. Провалы въ сильной степени зависѣли отъ провокаторской дѣятельности извѣстнаго М. Гуровича, который заводилъ знакомства съ интеллигентами внѣ организаціи и потомъ выдавалъ ихъ охранному отдѣленію. Но конспирація зависѣла не столько отъ формъ организаціи, сколько отъ режима установившагося въ организаціи.

Нашимъ принципомъ было ригористическое требованіе товарища агитатора:—одно изъ двухъ: или дѣло дѣлать или самоуслаждаться! Мы хотѣли „дѣло дѣлать". И мы отреклись отъ душевныхъ отношеній къ товарищамъ-рабочимъ. Мы не звали ихъ къ себѣ не сообщали имъ своего настоящаго имени и адреса. Мы прихо-

дили къ нимъ по дѣлу, встрѣчаясь часто гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ за городомъ. Мы отказывались отъ не необходимыхъ свиданій со своими знакомыми интеллигентами, мы избѣгали посѣщенія вечеринокъ, косились на „чаепитія". Собранія пропагандистовъ или какія-нибудь другія собранія мы устраивали только въ случаѣ крайней необходимости. Между нами было мало товарищескаго общенія, что несомнѣнно скверно отражалось на развитіи нашего кругозора и на обогащеніи насъ опытомъ товарищей.

Въ жизни интеллигентовъ былъ введенъ тюремный одиночный режимъ. „Чиновники отъ революціи"—характеризовалъ насъ одинъ товарищъ. А вновь входящіе въ организацію товарищи жаловались, и опредѣляли нашъ режимъ двумя словами—„спѣшка и конспирація".

Но прежде чѣмъ мы ясно увидѣли недостатки нашей организаціи и нашего режима, мы безсознательно, ощупью, вносили въ нее нѣкоторыя поправки. Кое-что изъ пунктовъ устава было забыто, кое-что несогласное съ уставомъ было введено въ жизнь.

Интеллигенты-пропагандисты стали ближе къ рабочимъ, и превратились изъ чистыхъ пропагандистовъ (лекторовъ) въ агитаторовъ и въ организаторовъ. Въ „Р. К." и въ Районные Комитеты было введено по интеллигенту на равныхъ правахъ съ рабочими. Автономія районовъ была расширена тѣмъ, что въ спѣшныхъ случаяхъ имъ дано было право выпускать мѣстные листки. (Это сдѣлано было послѣ того, какъ однажды Выборгскій Районный Комитетъ въ нетерпящемъ отлагательства случаѣ издалъ листокъ и напечаталъ его своими средствами на гектографѣ). Въ бурные же весенніе дни уставъ вообще пересталъ соблюдаться и все дѣлалось такъ, какъ было удобнѣе.

III.

Въ жизни „Р. Ор." пропаганда занимала важное мѣсто. Она должна была подготовить сознательныхъ рабочихъ, которые могли бы успѣшно вести борьбу за освобожденіе рабочаго класса. Она должна была отвѣтить на запросы пробужденныхъ къ сознательной жизни рабочихъ. А запросы эти были велики.

Всколыхнувшаяся масса приходила въ движеніе и передъ нею стоялъ цѣлый рядъ непонятныхъ явленій, которыя нужно было понять, обмозговать, потому что безъ этого итти куда-бы то ни было невозможно. И среди сѣрой массы, какъ свѣтлыя точки, выдѣлялись „сознательные" рабочіе, о которыхъ окружающіе думали, что они что-то знаютъ, съ кѣмъ-то вѣдаются. Къ нимъ и тянулась пробуждающаяся темнота со своими запросами. Они же искали отвѣта на запросы или въ рѣдкихъ школахъ и библіотекахъ, гдѣ встрѣчались интеллигентные люди, или въ своей организаціи, которая хотѣла удовлетворять всѣ ихъ интересы.

— Намъ нужно быть во всемъ хозяевами—предъявлялъ свое требованіе товарищъ-рабочій къ пропагандисту.—Надо, чтобы я

могъ растолковать каждому все, что меня спросятъ. Надо мнѣ знать, какъ установить въ станкѣ болванку и надо знать, почему рабочему трудно живется. Объясните намъ сначала геометрію и физику, а потомъ политику.

Но это вполнѣ законное желаніе передового рабочаго быть идейнымъ хозяиномъ жизни нелегальная организація не могла удовлетворить. Она не могла позволить себѣ такой роскоши, какъ обученіе на нелегальныхъ собраніяхъ геометріи и физикѣ, и старалась направить такіе запросы въ школы и курсы. Рабочимъ она предлагала заниматься въ кружкѣ „политикой", т. е. общественными вопросами: „почему рабочему трудно живется".

Сознательные рабочіе обыкновенно формулировали свои запросы къ пропагандистамъ опредѣленно. Они заявляли, что желаютъ слышать систематическое изложеніе политической экономіи, исторіи революціоннаго движенія или чего-нибудь под. Малосознательные же рабочіе не могли формулировать своихъ смутныхъ желаній, и на вопросы пропагандистовъ, чѣмъ они интересуются, или молчали или давали конкретные отвѣты. Но интересующіе ихъ конкретные предметы были изъ самой широкой области—отъ фабричнаго житья-бытья до самыхъ глубокихъ проблемъ философіи. Послѣ вопроса, правда-ли, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, былъ-ли Христосъ человѣкомъ или богомъ, можно было услышать вопросъ: не побить-ли фабричнаго инспектора, чтобы добиться отъ него правды или нужно-ли снимать шапку передъ мастеромъ.

Малосознательные рабочіе съ радостью встрѣчали интеллигента-пропагандиста, если даже онъ не могъ удовлетворить ихъ запросовъ и просили его:

— Приходите почаще! Скучно, когда вы не приходите.

Рабочій шелъ въ кружокъ „Р. Ор." съ широкими ожиданіями. Какова же была тамъ его встрѣча съ пропагандистами?

Интиллигенты шли въ кружокъ съ горячимъ желаніемъ отдать свои силы и знанія „рабочему дѣлу", они шли „заниматься съ рабочими, развивать ихъ сознаніе". Но кромѣ горячаго желанія, они немного приносили рабочимъ.

Опыта предыдущихъ лѣтъ для насъ не было. Товарищи, работавшіе до насъ, уносили свой опытъ съ собою въ тюрьмы и ссылку. Но если-бы они и оставались съ нами, они не могли дать намъ цѣнныхъ указаній. Періодъ 1896—99 годовъ былъ временемъ агитаціи „на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій", и нѣкоторые дѣятели этого періода говорили: „Въ сущности я противъ всякой пропаганды!" Однако, обойтись безъ пропаганды они не могли, только пропаганда у нихъ была въ загонѣ.

Когда, желая приступить къ „занятію съ рабочими", я обратился къ одному изъ этихъ дѣятелей за указаніемъ, что почитать, и какъ подготовиться, онъ послѣ нѣкотораго размышленія сказалъ:

— Читайте внимательно корреспонденціи въ „Рабочей Мысли“, чтобы освоиться съ терминами. Прежде мнѣ было очень трудно разобраться въ системахъ расплаты, ломкѣ смѣнъ. Потомъ привыкъ... Привыкнете и вы...

Это были всѣ его указанія.

Когда черезъ полгода я приступилъ къ „занятію съ рабочими“, мнѣ, какъ и товарищамъ, пришлось пробираться ощупью:

— О чемъ говорить?—спрашивали мы у представителя группы, дававшаго намъ адресъ кружка.

— Ну, поговорите на первый разъ объ организаціи или тамъ о связи политики съ экономикой, а потомъ сами увидите.

Мы шли и говорили. Потомъ спрашивали рабочихъ, чѣмъ они интересуются. Малосознательные рабочіе не могли дать намъ отвѣта, и одни изъ пропагандистовъ начинали излагать „Исторію культуры“, помня, что они сами начинали съ этого систематическія занятія въ своихъ кружкахъ. Рабочіе зѣвали и неохотно посѣщали кружки. Другіе затрагивали всевозможныя темы, нащупывая почву и стараясь по глазамъ слушателей опредѣлить, что имъ интересно.

Есть люди, которые готовы говорить безъ умолку, не интересуясь узнать, слушаютъ ли ихъ, понимаютъ ли. Этимъ было легко. Но другимъ, пока они осваивались съ рабочими, приходилось трудно. Надо было умѣніе, надо было вниманіе, чтобы вызвать кружокъ на оживленный разговоръ и чтобы придать пропагандѣ характеръ бесѣды или интереснаго разсказа. Были такіе пропагандисты, къ которымъ приходили даже изъ другихъ кружковъ слушатели. Но чаще бывало обратное.

Въ первое время рабочіе не понимали пропагандиста. Нужно было время, пока весьегонскій, скопинскій или гжатскій крестьянинъ привыкалъ къ говору петербургскаго студента, не привыкшаго къ публичной рѣчи. А послѣ нѣсколькихъ недѣль занятій весь умственный багажъ студента былъ выложенъ, и пропагандистъ начиналъ повторяться, онъ выдыхался. Подготовиться къ занятіямъ не всегда было время. Нѣкоторые пробовали читать по книгѣ, но выходило изъ рукъ вонъ скверно. Даже хорошая книга не могла замѣнить живого слова, а хорошихъ книгъ для пропаганды не было. Сознательные рабочіе жаловались своимъ представителямъ:

— Уже слышали! Все тоже да тоже!

Характеризуя результаты пропаганды, представитель Выборгскаго района говорилъ мнѣ:

— Спрашиваю одного рабочаго, о чемъ вчера говорилъ вамъ пропагандистъ?—Говорилъ: нужно бороться.—А въ прошлый разъ что говорилъ?—Въ прошлый?.. то же, что нужно бороться...—Ну, хорошо. А какъ же бороться? спрашиваю.—А онъ только одно и знаетъ: нужно бороться, да нужно бороться.

Другой товарищъ-рабочій говорилъ мнѣ:

— Поучились бы ваши у Георгія Петрова, какъ нужно съ

рабочими разговаривать. Ужъ вотъ говоритъ, такъ говоритъ! Генералы въ церкви стоятъ, такъ какъ начнетъ онъ про богатыхъ и сильныхъ, ихъ такъ и передергиваетъ.

Григорій Петровъ тогда проповѣдывалъ въ церкви Артиллерійскаго Училища и слушать его сходилось столько рабочихъ, что въ церкви не хватало мѣста. Рабочіе увлекались его проповѣдями. Нѣкоторые говорили мнѣ въ минуты откровенности:

— Знаете... У насъ поговариваютъ... Не лучше-ли ходить слушать Петрова, чѣмъ вашихъ. Тамъ и безопаснѣй... А говоритъ онъ, почитай, то же, что вы.

И несмотря на всю убогость своей пропаганды, товарищи-пропагандисты были недовольны равнодушіемъ и холодностью обуховскихъ рабочихъ къ ихъ пропагандѣ.

— Это какіе-то трэдъ-юніонисты, въ нихъ нѣтъ ничего революціоннаго,—говорили они.

Но обуховцы показали свою революціонность черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этихъ словъ. Это было въ майскіе дни, во время обуховской обороны.

Дѣло было въ томъ, что обуховцы, входившіе въ нашу организацію, мало нуждались въ нашей пропагандѣ, а подставлять свою голову полиціи изъ-за ничего они не хотѣли. Это были люди сознательные, перевидавшіе на своемъ вѣку много пропагандистовъ; среди нихъ были старики, которые входили въ кружки уже много лѣтъ назадъ, но вышли изъ нихъ. Только теперь они откликнулись на зовъ „Рабочей Организаціи" и вошли въ нее, какъ въ свою. Они аккуратно дѣлали членскіе взносы, покупали книги, нерѣдко читали ихъ вмѣстѣ и обсуждали прочитанное. Только посѣщать пропагандистскіе кружки они не хотѣли.

Недостатки нашей пропаганды чувствовались всѣми. Но найти какое-нибудь средство къ ихъ устраненію было крайне трудно.

Все, что мы могли бы сдѣлать, это—составить програму для обмѣна пропагандистовъ и устраивать чаще собранія пропагандистовъ для обмѣна знаніями и для взаимной поддержки. До второго мы не додумались, такъ какъ вообще избѣгали „лишнихъ" собраній, а за выработку програмы принялись.

Въ это время изъ Невскаго района намъ передали цѣлую программу, составленную самими рабочими (авторъ ея былъ чертежникъ), съ просьбою читать по этой программѣ рефераты. Программа начиналась съ „борьбы въ природѣ", заключала въ себѣ основы научнаго соціализма и подробно останавливалась на борьбѣ иностранныхъ рабочихъ. Мы нашли эту програму неполной, но ухватились за нее обѣими руками. Мы развили въ ней равномѣрно всѣ части, внесли туда сектантство, земство и др.

Какъ я убѣдился потомъ изъ разговоровъ съ авторами програмы, мы только испортили ее. Составители намѣренно развили ея части неравномѣрно. Они сжали тѣ части, съ которыми возможно познакомиться рабочему самостоятельно и развили тѣ, въ

которыхъ нужна помощь интеллигентовъ. Мы же выравнили, вылощили програму и внесли въ нее много излишняго.

Убѣдиться на практикѣ въ невозможно большихъ размѣрахъ програмы намъ не пришлось. Хотя часть темъ мы и роздали, но ни одного реферата не получили обратно. На этомъ наша попытка помочь пропагандѣ и окончилась. Но опытъ составленія програмы не прошелъ для насъ безъ слѣда. Мы увидѣли, какъ широка область интересовъ рабочихъ, и мы въ дальнѣйшей пропагандѣ старались говорить съ рабочими о болѣе живыхъ предметахъ, допотопныя же лекціи по исторіи культуры мы оставили окончательно.

Отмѣчу одинъ фактъ. Въ нашихъ кружковыхъ занятіяхъ намъ не приходилось совершенно разбирать существующія на фабрикѣ мелкія нужды и требованія. Въ этой области кружковые рабочіе разбирались сами. Они взяли на себя экономическую агитацію среди темныхъ товарищей. Въ пропагандѣ мы были „политиками"— плохими или хорошими, другое дѣло. Привыкать къ фабричнымъ терминамъ намъ было необходимо уже не для занятій въ кружкахъ, а для писанія экономическихъ прокламацій.

IV.

Какъ ни велико было мѣсто, занимаемое въ нашей дѣятельности кружковой пропагандой, мы придавали ей только служебное значеніе. Пропаганда должна была служить для выработки сознательныхъ товарищей-рабочихъ, которые могли бы вести самостоятельно работу въ массахъ. Работѣ въ массахъ, агитаціи, придавали мы первенствующее значеніе.

Агитацію мы понимали, какъ призывъ къ непосредственному дѣйствію. Если мы сами и не формулировали такъ наши взгляды, то полусознательно мы всегда сбивались на такое пониманіе. Это ясно изъ нашего отношенія къ политической и экономической борьбѣ.

Воздѣйствовать на широкіе слои рабочихъ мы могли только или черезъ организованныхъ рабочихъ или при посредствѣ литературы, такъ какъ объ устройствѣ массовокъ мы тогда и не думали.

Мы распространяли брошюрки: „Кто чѣмъ живетъ", „О штрафахъ", „Сонъ подъ первое мая", и другія, какія были подъ руками, и номера „Рабочей Мысли", изданные нашими предшественниками. Но ограниченное количество заграничной литературы не давало ей возможности дѣйствительно распространяться въ массахъ. Къ массамъ мы обращались, почти исключительно, при посредствѣ нашихъ мѣстныхъ и общихъ листковъ.

Мѣстные листки были чисто экономическаго характера. Листокъ писался по указанію организованныхъ рабочихъ, которые или словесно сообщали о положеніи дѣлъ на заводѣ или представляли проектъ листка съ просьбой „добавить чего недостаетъ".

Появленіе мѣстнаго листка бывало цѣлымъ событіемъ въ жизни рабочихъ, еще не затронутыхъ „преступной пропагандой". Хорошо составленный листокъ, нащупавшій дѣйствительно больное мѣсто рабочихъ, производилъ сенсацію... Листокъ читали, перечитывали, обсуждали. При этомъ ярко проявлялись убѣжденія и склонности рабочихъ. Это былъ самый подходящій моментъ для организованныхъ рабочихъ намѣчать себѣ будущихъ членовъ организаціи, и иногда именно для этого рабочіе настаивали на выпускѣ листка.

На фабрикахъ и заводахъ, гдѣ листки не были новостью, къ нимъ относились равнодушнѣе. Но и тутъ характеры проявлялись. Трусы не рѣшались прикоснуться къ листку и инструментомъ сбрасывали его со станка на полъ. Опасливые люди припрятывали листокъ, чтобы наединѣ подъ станкомъ или дома прочесть его. Но находились и смѣльчаки, которые читали его съ возвышенія товарищамъ. Особенно охотно читался листокъ въ отхожемъ мѣстѣ, гдѣ вообще бываетъ что то вродѣ клуба. Если не находилось охотника прочитать листокъ вслухъ, то около листка образовывался хвостъ изъ ожидающихъ очереди прочитать листокъ.

Удачный листокъ производилъ среди рабочихъ броженіе. Измученные прижимками рабочіе готовы были къ борьбѣ. Но „Р. Ор." была осторожна и избѣгала вызывать рабочихъ на стачку, такъ какъ свирѣпствовавшая безработица грозила рабочимъ неудачей. Впрочемъ, мелкія уступки были возможны. Листокъ къ рабочимъ Розенкранца, распространенный и у Гука, вызвалъ сильное броженіе. Администрація засуетилась, явился фабричный инспекторъ,— и кое-какія требованія были удовлетворены. Листокъ даже безъ призыва къ забастовкѣ далъ „осязательные результаты".

Сѣрыхъ рабочихъ сильно интересовало происхожденіе листковъ. Даже подпись „Комитетъ Рабочей Организаціи" не могла заставить повѣрить, что это дѣло рабочихъ. Думали на студентовъ. Листки общаго характера представляли что-то въ родѣ періодическаго органа. Они выходили подъ общимъ заглавіемъ „Рабочій Листокъ". Вышло ихъ десять номеровъ.

Первые номера представляли изъ себя прокламаціи, развѣ иногда помѣщались въ нихъ стихотворенія. Но чтобы сильнѣе заинтересовать рабочихъ и придать листкамъ характеръ газетки, предположено было помѣщать въ нихъ 2—3 статьи. Это было бы новѣе и оригинальнѣе, общія же прокламаціи, при томъ не высокаго качества, стали пріѣдаться рабочимъ. № 10 „Рабочаго Листка" уже приближался къ нашей мысли. Затрудненія въ осуществленіи мысли состояли въ отсутствіи особой литературной группы, которая бы взяла на себя веденіе листковъ; „Р. К." не имѣлъ для этого ни времени, ни силъ. Весною такая группа образовалась и предприняла изданіе ряда листковъ подъ общимъ заглавіемъ „Письма о нашихъ порядкахъ и непорядкахъ".

„Рабочій Листокъ" отражалъ въ себѣ жизнь организаціи. Сва-

чала онъ топтался въ сферѣ „чисто рабочихъ“ интересовъ. Сообщалъ объ образованіи „Р. Ор.“, объ ея цѣляхъ и задачахъ. Онъ звалъ рабочихъ организоваться. Говорилъ о классовыхъ противорѣчіяхъ. Формулировалъ нужды и требованія—„програму“ рабочихъ. Въ № 9 (февраль 1901 г.) онъ, исходя изъ экономическаго кризиса, звалъ рабочихъ къ соціализму, указывалъ на предстоящую борьбу съ правительствомъ, на его силы и на силы рабочихъ, звалъ готовиться. Весенній подъемъ выбилъ союзниковъ изъ ихъ „чисто-рабочихъ“ интересовъ. „Рабочій Листокъ“ разсказывалъ уже рабочимъ въ № 10 „Почему студенты бунтуютъ“ и въ незанумерованномъ листкѣ, вышедшемъ послѣ № 9, говорилъ имъ о Карповичѣ. „Отъ экономики къ политикѣ“—можно бы кратко охарактеризовать содержаніе „Рабочаго Листка“.

Изданіе листковъ находилось всецѣло въ рукахъ экономистовъ, такъ какъ только они входили въ Рабочій Комитетъ. Политикамъ оставалось критиковать эти листки и высказывать свои пожеланія. Прямого вліянія на характеръ листковъ они не имѣли.

Въ спорахъ по поводу листковъ рѣзче всего проявлялись разногласія между политиками и экономистами. Иначе и быть не могло. Листки были тѣми документами, по которымъ всякій посторонній могъ судить о направленіи „Союза Борьбы“. Листками мы говорили съ рабочими, „развивали сознаніе рабочихъ“, агитировали, и въ томъ, *что* мы говорили и *какъ* мы говорили, проявлялась наша тактика по отношенію къ широкимъ массамъ. Такимъ образомъ, критика нашихъ листковъ представляла критику нашей тактики.

Особенно досталось экономистамъ за № 5 „Рабочаго Листка“, содержащій въ себѣ „програму“ „Р. Ор-ціи“, какъ говорили тогда. На самомъ дѣлѣ этотъ листокъ перечислялъ и нѣсколько обобщалъ требованія, обычно встрѣчавшіяся въ мѣстныхъ листкахъ. Это были сплошь экономическія требованія о повышеніи расцѣнковъ, о рабочемъ времени, штрафахъ, о помощи больнымъ, объ отдыхѣ беременнымъ. Всѣ политическія требованія заключались въ требованіи свободы потребительныхъ обществъ, собраній „для обсужденія своихъ нуждъ“ и стачекъ.

— Чортъ знаетъ, что за программа!—возмущались наши политики. Это боязнь политики! Это приниженіе борьбы рабочихъ до требованія прибавки пятака на рубль и минуты на часы! Беременныхъ бабъ вписали, а о политическихъ требованіяхъ едва заикнулись. И при чемъ тутъ свобода потребительныхъ обществъ? Никто не запрещаетъ ихъ устраивать. Вы хотите требовать только того, что уже сознано рабочими, но вѣдь это значитъ, не вести рабочихъ, а плестись въ хвостѣ движенія!

Возмущенный до глубины души этими нападками „бланкистовъ“ товарищъ-агитаторъ обращался за довѣріемъ къ рабочимъ и вѣрнымъ лѣсникамъ.

— Насъ упрекаютъ, что мы поставили въ програму свободу потребительныхъ обществъ и отдыхъ беременнымъ женщинамъ!—

обрушивался онъ на экономистовъ—развѣ рабочимъ не нужно это? развѣ мы неправильно требуемъ?

— Конечно, нужно. Правильно! подтверждали рабочіе и экономисты, не разобравшіе даже, въ чемъ здѣсь, собственно, вопросъ. И агитаторъ объявлялъ политикамъ:

— Товарищи изъ лѣсной группы и рабочіе вполнѣ одобряютъ нашу программу.

Политикамъ приходилось умолкнуть, потому что для нихъ, какъ для всѣхъ союзниковъ, мнѣніе рабочихъ было высшимъ авторитетомъ.

Экономисты энергично возставали противъ обвиненія въ боязни политики. Они указывали на другіе номера „Рабочаго Листка", на № 10 „Рабочей Мысли", на пропаганду въ кружкахъ и, наконецъ, на задачи „Союза Борьбы"—бороться за экономическое и *политическое* освобожденіе рабочаго класса. Но поставить политическія права въ число требованій они не считали возможнымъ, потому что „рабочіе не пойдутъ за нихъ".

Экономисты утверждали, что агитацію необходимо вести на почвѣ конкретныхъ нуждъ и интересовъ рабочихъ, и исходить всегда изъ положенія рабочихъ, чтобы поднять ихъ мысль и развить сознаніе. Они настаивали на такой схемѣ листковъ:

— Рабочіе! Вамъ живется плохо (факты). Вы должны отвоевать себѣ короткій рабочій день, высокую заработную плату, вѣжливое обращеніе. Тогда вы будете въ состояніи повести борьбу за свободу стачекъ, собраній, союзовъ, слова...

Политики требовали обратнаго порядка:

— Надо сказать рабочимъ—говорили они—что пока они не добьются политической свободы, никакія улучшенія ихъ экономическаго положенія невозможны.

Въ своихъ утвержденіяхъ политики были ближе къ истинѣ, хотя они и выражались слишкомъ категорически, но ихъ призывы къ борьбѣ могли скорѣе расхолодить темнаго рабочаго, чѣмъ вызвать его активность. Экономисты же, не задаваясь теоретическими вопросами, обращались къ рабочему на понятномъ ему языкѣ, и поднимали его боевую готовность.

Экономисты не отрицали необходимости политической свободы и признавали, что только борьбою рабочихъ она будетъ завоевана. Но они не признавали возможнымъ вести въ настоящее время политическую борьбу. Это зависѣло въ нѣкоторой степени отъ своеобразнаго взгляда экономистовъ на борьбу вообще.

Какъ средство борьбы мы знали только стачку. Это было для насъ испытанное, реальное средство. Распространеніе своихъ взглядовъ путемъ литературы или словомъ не было для насъ борьбой, а только пропагандой—развитіемъ сознанія. Агитація была призывомъ къ борьбѣ, но еще не борьбой. Однимъ словомъ въ этомъ отношеніи мы были крайне узкими реалистами и кромѣ стачки сочли бы борьбой возстаніе да, пожалуй, еще не испытанную нами, демонстрацію. И мы аргументировали противъ

своевременности политической борьбы съ точки зрѣнія узкихъ стачкистовъ.

На упреки политиковъ изъ „Рабочаго Знамени“, что мы не ведемъ политической борьбы, мы ставили имъ вопросъ:

— Какъ?

— Нужно выставить политическія требованія.

— Но такія, которыя понятны рабочимъ? за которыя пойдутъ рабочіе? Какъ? Какія, напримѣръ?

И когда заикнувшійся политикъ предлагалъ, какъ понятное требованіе, всеобщее обученіе, экономистъ торжествовалъ побѣду.

— И вы думаете, что рабочіе подымутся на стачку за такое требованіе! Да, если бы и забастовала изъ-за этого фабрика, что бы вышло? И это, по вашему, борьба?

Сумбуръ относительно экономической и политической борьбы въ нашихъ головахъ былъ страшный. Большинство изъ пропагандистовъ не было въ состояніи опредѣлить, что такое политическая борьба. Конечно, всякій изъ насъ могъ сказать, что политическая борьба была борьбою съ правительствомъ, но этого намъ было мало. Для насъ было ясно, что требованіе рабочихъ, напр., свободы стачекъ, есть требованіе политическое, и борьба за это требованіе—политическая борьба. Но съ требованіемъ сокращенія рабочаго времени дѣло оказывалось совершенно не понятнымъ. Пока шла забастовка на одной фабрикѣ за сокращеніе рабочаго дня, всѣмъ было ясно, что борьба экономическая. Но стоило только стачкѣ въ 1896—97 году разлиться широко, какъ правительство издало законъ о сокращеніи рабочаго дня. Слѣдовательно, въ результатѣ рабочіе добились новаго закона, т. е. борьба оказалась политической. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, нѣкоторые товарищи утверждали, что политической борьбой будетъ борьба всеобщая, напр., всеобщая стачка, и при этомъ ссылались на слова Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Сущности политической борьбы мы не понимали. Мы считали политической уже всякую борьбу за права, которыя нужно вырвать у абсолютизма, и не видѣли надобности въ борьбѣ съ самимъ абсолютизмомъ, борьбы за власть. Въ этомъ отношеніи мы были трэдъ-юніонистами, хотя трэдъ-юніонистами не въ свободной странѣ, а при полномъ безправіи.

— Но вѣдь это безсмыслица—требовать политической свободы при абсолютизмѣ!—говорили политики.

— Если будутъ у насъ свободы, то правительство не будетъ абсолютистическимъ—отвѣчали экономисты. Да широкія массы и не пойдутъ на борьбу съ абсолютизмомъ. Онѣ только начинаютъ понимать необходимость свободъ и борьбу за права.

Товарищи политики или „бланкисты“, какъ мы ихъ называли, имѣли, несомнѣнно, болѣе обширныя знанія, болѣе широкій и правильный взглядъ. Ихъ аргументы не оставались совершенно безъ вліянія на наши взгляды: мы понемногу подвигались къ

политикамъ. И въ этомъ намъ много способствовалъ весенній подъемъ настроенія, который противъ нашей воли несъ насъ вмѣстѣ съ массой къ политической борьбѣ. Но критику нашей дѣятельности, споры съ политиками, мы считали только потерей времени. Съ недоумѣніемъ и упрекомъ смотрѣли мы на литературную дѣятельность „Группы Освобожденія Труда", которая давала непонятный и мелочный Vademecum вмѣсто агитаціонной литературы, въ которой мы такъ нуждались для своей работы.

Когда мы узнали, что за границей появилась новая соціалдемократическая газета „Искра", мы съ радостью ожидали ее. И вотъ къ намъ въ руки попалъ первый ея номеръ. Мы съ жадностью ухватились за него.

— „Посвящается Рабочей Мысли" значилось въ эпиграфѣ статьи. „То есть намъ"... читали мы съ нетерпѣніемъ. Но по мѣрѣ чтенія этой статьи, говорившей о нарождающейся зубатовщинѣ, наши лица вытягивались. Послѣ словъ, что еврейскіе рабочіе получили разрѣшеніе организоваться въ союзъ подъ условіемъ отказа отъ политической борьбы, въ скобкахъ значилось: „начитавшись, должно быть, „Рабочей Мысли". Мы были ошеломлены. Мы чувствовали, что насъ въ чемъ то обвиняютъ, что насъ хотятъ смѣшать съ провокаторами. Но въ чемъ была наша вина—мы не представляли себѣ: кромѣ эпиграфа и этихъ словъ, во всей статьѣ ни слова не говорилось о „Рабочей Мысли".

— Это не по-товарищески... только и могли констатировать мы.

Мы давали номеръ товарищамъ рабочимъ и спрашивали ихъ отзыва.

— Хорошо!—отвѣчали нѣкоторые:—только почему она идетъ противъ „Рабочей Мысли"?

Почему? этого мы не знали сами.

Приблизительно въ то же время „Рабочее Знамя" и „Группа 20-и" выпустили обращеніе къ обществу, въ которомъ говорилось, что „Рабочая Мысль" имѣетъ тенденцію „приблизиться къ направленію умѣреннаго крыла германской соціалдемократической партіи, почти не считаясь съ мѣстными и временными условіями русской жизни, съ другой—недовѣрчивое отношеніе къ росту политическаго самосознанія рабочей массы".

Мы читали и изумлялись: это мы-то не считаемся съ условіями русской жизни?! Не наоборотъ-ли?

На всѣ обвиненія, на нападки, на критику нашей дѣятельности, намъ нужно было отвѣтить. Мы рѣшили это сдѣлать въ нашемъ органѣ, въ „Рабочей Мысли". Нужно было спѣшить, такъ какъ арестъ могъ унести безъ слѣда весь нашъ составъ, а новые люди могли не выразить нашихъ взглядовъ. Исторія эта была обычная и ею объяснялись колебанія въ направленіи „Рабочей Мысли".

На очереди стоялъ № 11. Мы надѣялись было, что намъ удастся выдѣлить изъ организаціи особую редакцію изъ интеллигентовъ и рабочихъ, но наличность силъ не позволила этого

сдѣлать. Пришлось интеллигентской части „К. С. Б." редактировать номеръ „артельно".

Были намѣчены статьи, собирались корреспонденціи. Они прочитывались нѣкоторыми членами комитета, только сомнительныя мѣста выносились на собраніе. Дѣло шло, задержка была за передовицей.

Передовицу долженъ былъ написать товарищъ Д., который уже съ осени работалъ въ другомъ городѣ, но онъ что-то не присылалъ ее. Своими силами намъ не удавалось съ нею справиться. Работа была отвѣтственная: передовица должна была быть нашимъ „Символомъ вѣры".

Невская группа пропагандистовъ, настроенная критически къ господствующимъ экономистамъ, рѣшила выработать свои инструкціи для руководства при составленіи передовицы-програмы. Невская группа, по своему составу, была самая солидная. Въ нее входили два врача, фельдшерица. Студенты здѣсь были въ меньшинствѣ. Можно было ждать, что группа дастъ обоснованную критику дѣятельности союза, или цѣнную инструкцію—„программу", какъ говорили тогда. Но и эта группа не дала ничего положительнаго. Результаты своего обсужденія вопроса она сформулировала въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя гласили, что стоя на почвѣ массового движенія и признавая необходимымъ агитацію за ближайшія требованія рабочихъ, нужно на ряду съ экономической борьбой вести и политическую. Какъ вести борьбу и за что именно—даже въ преніяхъ не указывалось.

Итакъ передовицы не было. Рѣшили было уже пустить номеръ безъ передовицы:

— Пусть не по нашимъ заявленіямъ, а по нашимъ статьямъ судятъ, что мы такое.

Но въ послѣднюю минуту обѣщанная статья была получена. Ее прочли въ собраніи комитета и всѣ одобрили, какъ экономисты, такъ и политики. Никто при быстромъ чтеніи даже не замѣтилъ, что одно ея мѣсто говорило о борьбѣ „за политическія *права*". Передовица была отослана за границу, гдѣ печатался номеръ. Передъ ней издатели помѣстили „уставъ" „Р. Ор.", который былъ составленъ больше полугода назадъ и котораго уже не придерживались строго.

Зоркій глазъ критиковъ изъ „Искры" отыскалъ въ нашемъ номерѣ то, что имъ было нужно—доказательство нашего экономизма. И процитировавъ инкриминирующее мѣсто, они презрительно бросили намъ приблизительно слѣдующее: „Что еще разговаривать съ людьми, которымъ нельзя втолковать азбучныхъ истинъ" („Искра" № 5). Это была вся ихъ критика.

Могла ли такая критика помочь намъ въ проясненіи нашего сознанія? Могла-ли она способствовать превращенію насъ въ политиковъ? Очевидно—не могла. Она ничего не разъясняла намъ. Она дѣйствовала только какъ ударъ бича, парализуя нашу способность разбираться въ явленіяхъ и заставляя насъ всѣми силами

защищаться. Только потомъ, „на досугѣ"—въ тюрьмахъ или высылкѣ—мы могли спокойно обдумать все, принимались критиковать себя и измѣняли свои взгляды. „Искра" и не пыталась переубѣдить насъ критикой. Она хотѣла побѣдить насъ, лишивъ насъ земли и воды. Своей критикой она возстановляла противъ насъ молодежь, еще только приступающую къ работѣ, и насъ—экономистовъ—заставляла умирать безъ притока новыхъ силъ.

Приведенные уже раньше факты давали много указаній, какъ примитивны были наши знанія, какъ недостаточна подготовка къ сложному и отвѣтственному дѣлу, какъ ощупью брели мы впередъ среди нарождающихся новыхъ отношеній. Наша майская кампанія еще ярче обнаружила всю неподготовленность какъ насъ самихъ, такъ и всей нашей организаціи.

Намъ нужно было учиться, учиться и учиться. Но учиться не было возможности. Старшіе товарищи не оставляли намъ своего опыта. Профессіоналовъ у насъ въ организаціи не было. Въ ней были преимущественно студенты. Литературы соотвѣтственной у насъ тоже не было. Легальный марксизмъ толкалъ насъ на путь бернштейніанства, и не могъ дать отвѣта на наши запросы. Серьезная заграничная литература къ намъ почти не попадала. Да, по правдѣ сказать, за исключеніемъ нѣсколькихъ статей въ „Рабочемъ Дѣлѣ", которыхъ мы и не видѣли, въ заграничной литературѣ ничего подходящаго не было. Тамъ больше пикировались, чѣмъ разъясняли дѣло по существу. А если бы тамъ и было что нибудь подходящее, и если-бы оно и попало къ намъ, то сосредоточиться на немъ хорошенько намъ было некогда. Мы не читали даже всего того, что проходило черезъ наши руки къ рабочимъ.

Широкое рабочее движеніе захватило насъ неподготовленными. Оно предъявляло къ намъ массу запросовъ. Оно требовало отъ насъ массы силъ. И мы давали ему, что имѣли и что могли дать.

Мы ставили своей задачей обслуживать рабочее движеніе, мы хотѣли удовлетворить запросы рабочихъ, и первымъ дѣломъ мы думали, чтобы удовлетворить существующее, а затѣмъ уже, чтобы двигать его впередъ.

Субъективно мы не боялись политики. Мы не были принципіальными экономистами, но мы не понимали политической борьбы и толковали ее тредъ-юніонистически. Мы крѣпко держались за рабочее движеніе, такъ какъ въ немъ мы чувствовали жизнь и силу. Мы хотѣли быть съ массами и быть понятыми массами, поэтому мы припадали къ массамъ. Только въ праздничные моменты, отвлекаясь отъ повседневныхъ дѣлъ, мы рисовали широкія перспективы, въ будни же мы старались итти только на шагъ передъ массой, чтобы она въ каждый моментъ чувствовала насъ и шла за нами. Мы хотѣли формулировать сознанное передовыми рабочими и безсознательно зрѣющее въ головахъ массовыхъ.

Исходя изъ правильнаго наблюденія, что массы поднимаются

только за насущныя нужды, мы считали необходимымъ вести агитацію на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій рабочихъ.

Стремясь удовлетворить каждый запросъ рабочихъ, мы мыслью привязывались къ повседневнымъ мелочамъ, не могли оглянуться широко вокругъ, не могли сдѣлать смѣлаго обобщенія. Для насъ не существовало цѣлаго, а были только части, къ которымъ мы были привязаны. И въ этомъ заключался нашъ практицизмъ, кустарничество, узость.

Жизнь переламывалась. Кризисъ толкалъ насъ впередъ. И мы шли робко, неувѣренно, ощупывая новыя позиціи, когда мы уже стояли на нихъ. Между тѣмъ убѣжденіями своими мы были еще привязаны къ предыдущему. Мы слишкомъ застоялись въ своей теоріи, и не замѣчали, что интересы массы расширились и что въ кругъ исключительно экономическихъ интересовъ массы врываются политическіе, которые тоже могутъ быть конкретными.

Сознаніе неудовлетворительности всей нашей работы все сильнѣе пробуждалось въ насъ. Мы всѣ чувствовали, что въ жизни нашей организаціи много ненормальнаго. Мы намѣчали уже и преобразованія: расширеніе центра съ образованіемъ вокругъ него ядра болѣе дѣятельныхъ работниковъ; установленіе болѣе тѣснаго соприкосновенія интеллигентовъ съ рабочими. Мы мечтали о расширеніи пропаганды и агитаціи, о приспособленіи ихъ къ уровню развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ. Наши листки и „Рабочая Мысль" должны были обслуживать самыя широкія массы—наименѣе сознательные слои рабочихъ. „Искру"—подъ условіемъ ея большей популярности—мы хотѣли бы видѣть, какъ органъ для сознательныхъ рабочихъ. „Рабочее Дѣло" должно было стать нашимъ научнымъ сборникомъ. Такъ предлагало „Письмо пропагандистовъ", предназначенное для отсылки за границу, но попавшее въ руки къ жандармамъ.

Предполагалось поближе познакомиться съ вліяніемъ Георгія Петрова, съ жизнью потребительныхъ обществъ и возникающимъ обществомъ взаимопомощи рабочихъ, о которомъ носились какіе-то смутные слухи. Предполагалось начать агитацію на этой почвѣ.

Все это предполагалось.

Если бы у насъ было больше силъ, мы могли-бы подѣлить между собой работу, удѣлить вниманіе всѣмъ нуждамъ и хоть отчасти осуществить наши планы. Если бы у насъ было больше знаній, мы бы не поддались такъ легко стихійности и направили бы свои силы туда, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждались.

Но у насъ не было ни силъ, ни знаній. Какъ кустари, мы сидѣли со своими устарѣвшими орудіями въ глухой дырѣ и кропотливо трудились надъ маленькимъ дѣломъ, когда пора уже было бросить кустарничество, стать къ усовершенствованному станку и принять участіе въ міровомъ процессѣ.

V.

Несмотря на провалы, внутреннія тренія и недостатки, „Рабочая Организація“ существовала. И мы были увѣрены, что она и будетъ существовать. Но насъ охватывало раздумье:

— Сорганизовались... хорошо. Что же дальше? Организація для чего-нибудь? Освобожденіе рабочаго класса?... хорошо... Но сейчасъ то что же?

Намъ нужна была цѣль и не какая-нибудь отдаленная, а близкая и конкретная.

При другихъ экономическихъ условіяхъ мы направили бы свои усилія на организацію массовой стачки, чтобы провести въ жизнь законъ, вырванный у правительства стачками 1896—97 года. Но теперь былъ экономическій кризисъ и мы не расчитывали на успѣшность экономической борьбы. Нашу мысль стала настойчиво преслѣдовать идея демонстраціи.

Разговоры о демонстраціи начались еще въ концѣ 1900 года. Но сначала это были обычные предмайскіе разговоры, съ обычными затасканными доводами „за“ или „противъ“ демонстраціи. Одни говорили: демонстрація возможна, настроеніе есть, масса пойдетъ. Другіе сомнѣвались и боялись выдать демонстраціей всѣхъ сознательныхъ товарищей полиціи.

Но время шло. Весна приближалась. О демонстраціи говорили настойчивѣе. Политики настаивали на ней. Экономисты упирались. Предпринятъ былъ опросъ всѣхъ кружковъ, но яснаго отвѣта не послѣдовало... Среди студентовъ шли волненія. Отдача въ солдаты студентовъ поразила всѣхъ. Прозвучалъ выстрѣлъ Карповича. Общественная температура поднималась. Интересъ рабочихъ къ общественной жизни возросталъ. Пропагандисты толковали въ кружкахъ про текущія событія.

„Рабочій Комитетъ“ въ № 9 „Рабочаго Листка“ говорилъ о тяжеломъ положеніи рабочихъ, о соціализмѣ, какъ выходѣ изъ соціальнаго рабства и звалъ къ борьбѣ.

Приближалось 4 марта, традиціонный день студенческихъ волненій. Студенты рѣшили устроить въ этотъ день демонстрацію—протестъ противъ отдачи въ солдаты студентовъ. Представители студенческихъ организацій обратились въ „Р. Ор.“ съ предложеніемъ, чтобы рабочіе приняли участіе въ демонстраціи.

„Р. К.“ отвѣтилъ отказомъ. Мотивы были тѣ, что демонстрація эта—студенческая, что лозунги ея чужды рабочей массѣ, комитетъ же стоитъ за пролетарскую демонстрацію, которая можетъ быть пріурочена къ маю. Участіе же рабочихъ въ этой демонстраціи можетъ помѣшать организаціи майской демонстраціи.

Рѣшеніе „Р. К.“ было принято пропагандистами, только одинъ заявилъ, что не согласенъ съ нимъ и пойдетъ звать рабочихъ на демонстрацію. На указаніе, что членъ организаціи не можетъ итти противъ рѣшенія комитета, онъ заявилъ, что сдѣлаетъ это „не какъ членъ организаціи, а какъ частный человѣкъ“.

Демонстрація 4 марта состоялась и окончилась страшнымъ избіеніемъ. Общественная температура круто поднялась вверхъ. Рабочіе, бывшіе на демонстраціи, рвались въ бой.

Вопросъ о необходимости рабочей демонстраціи рѣшился самъ собой. Всѣмъ сдѣлалось очевидно, что демонстрація состоится. И на собраніи „Р. К.“ 4 марта необходимость ея устройства была принята безъ обсужденія

Надо было готовиться.

Дорожа моментомъ всеобщаго возбужденія, „рабочезнаменцы“ предложили „Союзу Борьбы“ ковать желѣзо, пока горячо, и устроить совмѣстными силами демонстрацію въ ближайшее воскресеніе, т. е. 11 марта.

Предложеніе долго обсуждалось въ „К. С. Б.“ Расчитывали, сколько нужно выпустить листковъ, чтобы поднять массу на демонстрацію. Оцѣнивали работоспособность техники. Въ концѣ концовъ пришли къ выводу, что техника не въ силахъ справиться къ сроку съ работой, а потому демонстрація невозможна 11 марта и должна быть отложена еще на недѣлю.

При передачѣ рѣшенія произошла какая-то путаница. „Рабочезнаменцы“ поняли, что „Союзъ“ согласенъ на демонстрацію и стали готовиться. Напечатали листки. Оставалось только условиться съ „союзниками“ о деталяхъ.

Но велико же было изумленіе „рабочезнаменца“, когда „союзникъ“ сообщилъ, что „Р. Ор.“ 11 марта демонстраціи не устраиваетъ.

— Это неслыханно! это преступленіе!—возмущался „знаменецъ“.—Мы повезли уже листки рабочимъ.

Но „Рабочее Знамя“ не имѣло достаточно вліянія среди рабочихъ массъ, чтобы расчитывать своими силами провести демонстрацію, и ея представитель интересовался, какъ будутъ держаться „союзники“ по отношенію къ ихъ призыву на демонстрацію.

— Мы удержимъ рабочихъ отъ демонстраціи, такъ какъ безъ подготовки демонстрація не можетъ быть массовой, а выставить кучку рабочихъ полиціи мы не хотимъ—гласилъ отвѣтъ „союзника“.

— Остается попытаться ударить отбой,—пробормоталъ „знаменецъ“.

Но слухъ о назначенной на 11 марта демонстраціи уже облетѣлъ городъ и рабочіе кварталы. Кто говорилъ, что демонстрація назначена, кто утверждалъ, что она отмѣнена. Никто ничего не зналъ толкомъ. Къ полудню на Невскій проспектъ устремилось много народу. На тротуарахъ было полно, преобладали картузы. Видно было, что это жители окраинъ. Вдоль тротуаровъ стояли усиленные наряды городовыхъ и околоточныхъ. Публика ходила въ ожиданіи, но побродивъ около часу, разошлась.

Демонстрація не состоялась. И это должно быть приписано всецѣло неповоротливости и медлительности „Союза Борьбы“.

Между тѣмъ она могла состояться. Настроеніе несомнѣнно было. Достаточно было бы нѣсколькихъ тысячъ листковъ и даже энергичнаго устнаго призыва, чтобы собралось достаточно рабочихъ для демонстраціи. (Многіе изъ присутствовавшихъ 11 марта на Невскомъ утверждали, что и тогда было достаточно для демонстраціи народу. Но вѣдь они не могли отличить зрителей отъ демонстрантовъ). За демонстрацію 11 марта говорило еще и то соображеніе, что правительство не подготовилось къ ней, какъ къ демонстраціи 1 мая. Въ первый моментъ послѣ студенческой демонстраціи и протестовъ общества администрація растерялась. Какъ не разъ раньше и не разъ позже, она не сумѣла сразу реагировать на новое явленіе. „Союзъ Борьбы" дѣйствительно упустилъ моментъ.

Мартовскіе дни поставили передъ „Р. Ор." конкретную, захватывающую задачу—пролетарскую майскую демонстрацію. Подготовка къ ней представлялась намъ серьезнымъ, труднымъ дѣломъ, такъ какъ мы считали необходимымъ привлечь къ этой демонстраціи по возможности широкія массы... Первый вопросъ былъ о майскихъ листкахъ.

Уже раньше, по соглашенію съ нѣсколькими комитетами Р. С.-Д. Р. Партіи „Союзъ Борьбы" принялъ предложенный ему проектъ общероссійскаго майскаго листка. Выпускъ одинаковаго майскаго листка въ различныхъ городахъ былъ чуть не единственнымъ общепартійнымъ дѣломъ номинально существовавшей Р. С.-Д. Р. П., учрежденной въ 1898 г. Напечатать этотъ листокъ взялась какая-то заграничная организація.

Мы, петербуржцы, согласились съ содержаніемъ этого листка и съ необходимостью единаго листка для разныхъ городовъ. Но этотъ листокъ насъ не удовлетворялъ. Онъ былъ недоступенъ для широкихъ массъ. Поэтому мы рѣшили издать еще свой мѣстный майскій листокъ.

Кромѣ него рѣшено было издать обращеніе „къ обществу" съ выясненіемъ значенія пролетарской демонстраціи 1 мая, а передъ самой демонстраціей—извѣщенія о мѣстѣ и порядкѣ демонстраціи. Извѣщенія вмѣстѣ съ 25 тысячами мѣстнаго листка должны были проникнуть во всѣ уголки рабочаго Петербурга и быть хорошей подготовкой для массовой демонстраціи. Общепартійному майскому листку мы придавали только значеніе разъясняющаго листка.

Чтобы демонстрація была дѣйствительно массовой, мы считали необходимымъ дать ей лозунгъ—живой, сильный, властный. Этотъ лозунгъ долженъ былъ ударить по сердцамъ всѣхъ рабочихъ и поднять ихъ на выступленіе.

Экономическія повседневныя требованія мы считали слишкомъ мелкими для лозунга, 8-ми часовой рабочій день и политическія требованія—не достаточно сильными и живыми, чтобы поднять массу. Послѣ долгихъ исканій мы остановились на двухъ словахъ: *„хлѣба и работы"*. Этотъ лозунгъ долженъ былъ быть отвѣтомъ на безработицу съ голодомъ и повести за собой массы.

Слѣдующей насущной задачей было — заставить нашъ призывъ проникнуть повсюду, по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ. Гдѣ у насъ не было связей, тамъ необходимо было завести ихъ, хотя бы настолько, чтобы распространить листки. Эту задачу взяли на себя районные комитеты. И подсчитывая передъ самой демонстраціей наши связи, мы съ гордостью констатировали, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь значительнаго завода, куда бы не могъ проникнуть нашъ призывъ.

Для увеличенія боевой силы мы обратили вниманіе на „Рощу" и „Гайду"—два товарищества вольной рабочей молодежи Выборгской стороны. Они славились своими боевыми наклонностями, враждовали другъ съ другомъ и держали въ страхѣ полицію. Мы хотѣли обратиться со специальной прокламаціей къ „Рощинскимъ и Гайдовскимъ ребятамъ", чтобы привлечь ихъ къ демонстраціи. Но прокламація осталась несоставленной, такъ какъ никто изъ насъ не зналъ хорошенько жизни „Гайды" и „Рощи": писать же отвлеченную прокламацію мы не считали нужнымъ. Потому сношенія съ ними велись, черезъ ихъ знакомыхъ организованныхъ рабочихъ устно.

Въ помощь письменной агитаціи была пущена устная. Кромѣ обычной агитаціи въ своей средѣ, которая лежала на всѣхъ организованныхъ рабочихъ, устраивались спеціальныя агитаціонныя собранія изъ членовъ организаціи и примыкающихъ къ ней, гдѣ выступали пропагандисты.

Передъ организаціей стоялъ важный вопросъ—выработать планъ демонстраціи: день, мѣсто, способъ ея организаціи. Этотъ вопросъ вызвалъ сильныя разногласія, и для рѣшенія былъ устроенъ цѣлый рядъ собраній, непредусмотрѣнныхъ нашимъ уставомъ. Было общее собраніе пропагандистовъ, что прежде считалось верхомъ неконспиративности. („А что, если всѣхъ накроютъ?").

Устраивались расширенныя собранія районныхъ комитетовъ съ наиболѣе активными работниками.

Выяснялось два плана демонстраціи: центральный—на Невскомъ проспектѣ и децентрализированный—по рабочимъ кварталамъ. По первому плану, всѣ рабочіе должны были сойтись на Невскомъ, и для этого назначался праздничный день, 22 апрѣля, ближайшее воскресеніе къ заграничному первому мая. По второму плану, въ день русскаго перваго мая крупные заводы бросали работу, рабочіе выходили на улицу и съ пѣніемъ шли отъ фабрики къ фабрикѣ, всюду снимая рабочихъ.

Первый планъ казался проще, такъ какъ требовалъ меньшей организованности. Онъ былъ привычнѣе. Но многіе рабочіе рѣшительно стояли за второй. Они ссылались на то, что въ городъ могутъ и не допустить рабочихъ, преградивъ заставы войсками. Они считали, что на своей улицѣ больше рабочихъ примкнетъ къ демонстраціи и она будетъ имѣть большое значеніе для всѣхъ рабочихъ. Наконецъ, въ случаѣ столкновенія съ войсками, что не забывалось ни на минуту, рабочіе будутъ на своей улицѣ, гдѣ

имъ извѣстенъ каждый заборъ, каждый камень, гдѣ вокругъ будутъ родные и близкіе.

Въ „Р. К“ получило перевѣсъ мнѣніе устроить демонстрацію на Невскомъ. Главнымъ доводомъ послужила увѣренность, что въ центрѣ города правительство нѣсколько постѣсняется устроить разстрѣлъ рабочихъ, такъ какъ пожалѣетъ портить буржуазные дома и магазины, на окраинахъ же оно можетъ попросту перестрѣлять всѣхъ рабочихъ.

Вся организація согласилась съ этимъ планомъ, только Невскій районъ стоялъ за демонстрацію въ рабочихъ кварталахъ. Онъ не хотѣлъ подчиниться рѣшенію „Р. К“, такъ какъ въ спѣшкѣ „Р. К.“ вынесъ свое рѣшеніе раньше, чѣмъ выслушалъ мнѣніе Невскаго района. Въ концѣ концовъ удалось сойтись на компромиссѣ: демонстрація устраивается на Невскомъ, въ случаѣ же неудачи центральной демонстраціи Невскій районъ вмѣстѣ съ Обуховскимъ устраиваютъ демонстрацію 1 мая по русскому стилю у себя на Шлиссельбургскомъ проспектѣ.

Детали демонстраціи выработалъ „Р. К.“. Онѣ состояли въ томъ, что рабочіе соберутся на Невскомъ между Литейнымъ и Полицейскимъ мостомъ и будутъ ждать сигнала. Къ мѣсту, гдѣ будетъ данъ сигналъ, должны устремиться всѣ демонстранты. Мѣсто это будетъ заранѣе извѣстно организованнымъ. Они тамъ образуютъ ядро, поднимаютъ красное знамя и двигаются всей массой вдоль Невскаго къ Адмиралтейству.

Наканунѣ демонстраціи фабричныя группы получаютъ указаніе, въ какое мѣсто Невскаго имъ итти. Организованнымъ рекомендуется вести съ собою въ назначенныя мѣста товарищей по заводу („со своими бодрѣе“). Каждый районъ оставляетъ дома по нѣсколько человѣкъ, чтобы было кому потомъ возстановить организацію.

Похоже было на то, что мы не ждали со стороны полиціи попытокъ разстроить нашъ планъ арестами. Между тѣмъ за многими изъ насъ уже шла усиленная слѣжка, и планъ нашей демонстраціи былъ извѣстенъ въ общихъ чертахъ въ охранномъ отдѣленіи.

Наступали послѣдніе дни передъ демонстраціей. Шли мелкія собранія. Техника усиленно работала, сами пропагандисты развозили рабочимъ литературу, что прежде, по правиламъ конспираціи, строго воспрещалось. Но теперь конспирація отодвинулась на второй планъ.

Вышла задержка съ общепартійными листками. Обѣщавшая напечатать ихъ организація не пресылала ихъ, между тѣмъ медлить было некогда. Но вотъ давно жданный транспортъ пришелъ. Мы съ жадностью накинулись на литературу, но заказанныхъ листковъ тамъ не было. Было много майскихъ листковъ „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“, „Майскій“ номеръ „Рабочаго Дѣла“.

Спросъ на литературу у насъ былъ громаднѣйшій, и мы рады бывали всякому листку, печатанному на вольномъ станкѣ. Но

при всей своей невзыскательности, мы пришли въ ужасъ, когда просмотрѣли присланное.

„Листокъ“ предполагалъ, очевидно, что на первое мая у насъ назначена революція. „Номеръ“ былъ умѣреннѣе, но его факты поражали насъ. Тамъ разсказывалось, что 4 марта противъ студентовъ были выставлены пушки. (Въ то время это казалось чудовищнымъ). Въ описанія избіенія студентовъ внесена была безумная фантазія. Разсказывалось про мозгъ изъ черепов̃ъ, обрызгавшій стѣны Казанскаго собора, про студента, сошедшаго съ ума отъ ужаса и отгрызшаго себѣ пальцы.

Еще съ кровавыми призывами мы могли кое-какъ мириться, это была „словесность“, которой мы не придавали большого значенія. Но факты насъ положительно убивали. Вѣдь они такъ извращали событія, что намъ было стыдно показать ихъ комунибудь изъ мѣстныхъ людей. Ложь подорвала бы къ намъ довѣріе.

Пришлось забраковать литературу „Рабочаго Дѣла“. Оставалась только литература, присланная въ тоже время „Искрой“. Это были общепартійные майскіе листки, роскошно изданные на большихъ листахъ толстой бумаги и маленькіе листки. Идея маленькихъ листковъ была недурна, при томъ же листки были такъ тонки и удобны для распостраненія, что мы взяли ихъ сразу. Съ большими листами мы были въ затрудненіи. На нихъ по краямъ текста крупными буквами значилось: по сторонамъ— „Да здравствуетъ международная соціалдемократія!“ „Да здравствуетъ первое мая!“ наверху —„Долой . . . .“

Этого мы не заказывали. Это по нашему мнѣнію напугаетъ рабочихъ.

Мы негодовали на „Искру“, которая испортила хорошіе листки неподходящей надписью. Мы, экономисты, были злы на комитетскихъ политиковъ, подозрѣвая, что они нарочно подогнали транспортъ литературы къ послѣднему моменту, чтобы у насъ не было выбора. Мы боялись, что при такихъ отношеніяхъ съ политиками, которыхъ мы называли „адъютантами Плеханова“, мы невольно превратимъ „Р. Ор.“ въ орудіе въ рукахъ „Искры“.

Но дѣлать было нечего Выбора не было. Пришлось взять увѣсистые листы и съ тяжелымъ сердцемъ везти ихъ къ рабочимъ.

На другой день въ рабочихъ кварталахъ рядомъ съ „обязательными постановленіями“ градоначальника о преступныхъ скопахъ красовались роскошные майскіе листки. Только во многихъ мѣстахъ они были изуродованы: у нихъ были срѣзаны края съ взволновавшей насъ надписью. Такъ было въ Обуховскомъ районѣ и, кажется, въ части Выборгскаго.

Приходилось спрашивать срѣзавшихъ:

— Вѣдь вы согласны съ листкомъ. Отчего же вы срѣзаете выводъ изъ содержанія?

— Согласны. Но... выводъ пишутъ внизу, а не вверху. А рабочій, какъ увидитъ надпись, побоится читать листокъ Такъ не дѣлаютъ.

Съ мѣстнымъ листкомъ вышла тоже задержка. Видный писатель, взявшійся написать листокъ, представилъ такой блѣдный проектъ, что „Р. К." забраковалъ его.

Литературная группа не представила проекта. Оставался маленькій листокъ, написанный членомъ „Р. К." За неимѣніемъ лучшаго онъ былъ принятъ.

Листокъ, исходя изъ момента безработицы, выставлялъ требованіе 8-ми часового рабочаго дня и политической свободы.

— А какъ-же насчетъ прибавки платы, отмѣны сверхурочныхъ и отдыхъ беременнымъ? спросилъ агитаторъ.

— Оставимъ ужъ ихъ для праздника! предложилъ другой интеллигентъ.

Агитаторъ вопросительно смотрѣлъ на рабочихъ.

— Да ужъ оставимъ... для праздника—поддержалъ кто-то.

Такъ копейка на рубль и беременныя бабы не попали въ майскій листокъ. Честь „Р. Ор." передъ критиками была спасена. А вѣдь эта честь висѣла на волоскѣ. Стоило агитатору упереться на своемъ предложеніи, и оно было бы принято „Р. К—омъ", а интеллигентская часть не могла бы перерѣшить рѣшенія.

Вечеромъ на собраніе интеллигентской части Комитета были представлены обѣщанные проекты майскаго листка и „обращенія" къ обществу. „Обращеніе" было принято безъ разговоровъ: „интеллигентамъ лучше знать, какъ говорить съ обществомъ". Листки къ рабочимъ сопоставили, вырѣзали изъ представленнаго проекта политическую часть и вставили вмѣсто соотвѣтственнаго мѣста принятаго листка. Къ лозунгу экономистовъ „хлѣба и работы" прибавили „жизни и свободы". Листокъ былъ готовъ.

Листокъ отразилъ въ себѣ физіономію „Союза Борьбы". Онъ былъ конкретенъ, популяренъ, звалъ на демонстрацію какъ на праздникъ, выставлялъ требованіе политической свободы и не говорилъ о борьбѣ съ абсолютизмомъ. Отпечатанъ онъ былъ въ 20.000 экземпляровъ, и такъ какъ призывныхъ листковъ выпустить не успѣли, то приписка въ немъ указывала на время и мѣсто демонстраціи.

Наступило 22 апрѣля, день, назначенный для демонстраціи. Къ 12 часамъ дня тротуары Невскаго проспекта были заполнены рабочими. А по серединѣ Невскаго дефилировали пѣшія и конныя войска.

— Это они намъ парадъ дѣлаютъ—говорили рабочіе.

Сигнала къ демонстраціи не послѣдовало.

Полиція приняла своевременно мѣры. Въ ночь на 18 апрѣля она арестовала около 200 человѣкъ. Въ числѣ ихъ большинство руководителей „Р. Ор." Такихъ громадныхъ арестовъ до того времени не было.

Оставшіеся на свободѣ члены организаціи не могли разыскать своихъ представителей. Ихъ не было. Организація была разбита. Некому да и не къ чему было подать сигналъ къ демонстраціи. Детали ея плана организаторы унесли въ тюрьму. А полиція

была наготовѣ въ корнѣ пресѣчь всякую попытку толпы къ демонстраціи.

Но атмосфера была насыщена электричествомъ. Рабочія массы были въ глухомъ броженіи. Кое-гдѣ оно прорывалось уже и раньше, какъ на „Петербургскомъ металлическомъ заводѣ", гдѣ рабочіе разгромили въ конторѣ паркетъ, а потомъ сожгли его обломки вмѣстѣ съ шубой фабричнаго инспектора. Теперь же подготовка демонстраціи за хлѣбъ и работу еще подогрѣла настроеніе.

Уцѣлѣвшіе остатки организаціи связывались, сплачивались.

Планъ демонстраціи 22 апрѣля на Невскомъ былъ разбитъ. Но возбужденіе рабочихъ передалось сверху книзу и всколыхнуло широкія рабочія массы. Стихійная волна подняла рабочихъ 1 мая по русскому стилю.

Перваго мая крупныя фабрики и заводы бросили работу. Обуховскіе „традъ-юніонисты"—какъ ихъ звали горячіе пропагандисты—бились съ войсками, и женщины помогали имъ. На Выборгской сторонѣ рабочіе шли толпою отъ фабрики къ фабрикѣ, останавливая работу. И въ узкомъ переулкѣ при столкновеніи съ войсками были попытки строить баррикады. За Невской заставой борьба продолжалась и послѣ перваго мая,—и обуховцы и семянниковскіе рабочіе добились сокращенія рабочаго времени.

Первое мая было выполненіемъ плана децентрализированной демонстраціи по рабочимъ кварталамъ...

Послѣдующіе годы петербургскаго движенія состояли въ медленномъ умираніи „Р. Ор.", только что еще возникшей къ жизни. Радикальная интеллигенція отошла отъ нея. А сами рабочіе еще не выдвинули достаточно дѣятелей, которые-бы могли руководить рабочими массами, не сбиваясь ни къ революціоннымъ интеллигентскимъ теченіямъ, ни къ провокаторской независимости подъ крылышкомъ зубатовыхъ.

Соціалдемократическая интеллигенція сгруппировалась вокругъ лозунговъ „Искры" въ „Петербургскомъ Комитетѣ" и объявила безпощадную войну существующимъ и несуществующимъ идеямъ Рабочей Организаціи. Экономическая борьба, самостоятельность рабочаго движенія были взяты подъ подозрѣніе. Мѣстные интересы совершенно стушевались передъ общерусскими. Построеніе партіи снизу замѣнилось работой вездѣсущаго центра. Организаціи рабочихъ замѣнялись рабочими, организованными въ исполнительныя группы.

И многіе и многіе рабочіе отвернулись отъ чуждой имъ „Партіи".

К. Семеновъ.

Семь писемъ Льва Николаевича Толстого.[1])

Предлагаемыя здѣсь письма Льва Николаевича, написанныя имъ въ разное время, несомнѣнно имѣютъ общій интересъ, такъ какъ одни изъ нихъ освѣщаютъ въ нѣсколько новой формѣ самые трудные вопросы, надъ которыми работалъ Толстой, а другіе очень ярко обрисовываютъ личность нашего великаго писателя.

Для того, чтобы содержаніе этихъ писемъ было болѣе понятнымъ, я въ краткихъ словахъ изложу исторію каждаго письма. Въ 1889 году я, окончивъ медицинскій факультетъ, поселился въ интеллигентной общинѣ, гдѣ и прожилъ, работая, какъ земледѣлецъ и какъ врачъ, все лѣто [2]).

Когда наступила осень и прошелъ угаръ работы, то непривычно-монотонная жизнь въ деревнѣ стала тяготить. Хотѣлось, однако, убѣдить себя въ томъ, что только эта жизнь и имѣетъ смыслъ, и въ этомъ убѣжденіи найти силы для того, чтобы помириться съ сѣрымъ существованіемъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія, я написалъ письмо Толстому, въ которомъ подробно разбиралъ вопросъ, для чего жить, — и приходилъ къ выводу, что жить стоитъ только для все большаго и большаго духовнаго совершенствованія. Въ отвѣтъ на это я получилъ слѣдующее письмо отъ Льва Николаевича:

„Спасибо, что написали, В. В. Всегда съ радостной улыбкой въ душѣ думаю про васъ.

Страшно даже сказать, что жизнь въ безконечномъ совершенствованіи. Кажется, какъ широко, а такое опредѣленіе скорѣе суживаетъ.

Скажу вамъ то, что мнѣ думалось послѣднее время; оно отвѣчаетъ отчасти на это.

---

[1]) Письма эти печатаются съ разрѣшенія Льва Николаевича Толстого. Подлинники ихъ переданы авторомъ намъ для Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Редакція.

[2]) См. „Мин. Годы“ кн. IX за 1908 г.

Говорятъ: вѣра, надежда и любовь. Почему вѣра? и во что вѣра? Почему надежда? Надежда ужъ тутъ ровно ни къ селу ни къ городу.— Надежда есть одно изъ послѣдствій вѣры. Говорятъ: все дѣло въ вѣрѣ: вѣрить надо въ библію, въ церковь, въ Магомета, въ Будду и всякую чепуху и, наслушавшись всего этого, мы получаемъ отвращеніе къ этому слову и понятію вѣры и отбрасываемъ его. А это невѣрно. Вѣра есть необходимое условіе религіознаго міровоззрѣнія или—проще—разумнаго взгляда на жизнь. Безъ вѣры нельзя разумно смотрѣть на міръ. Безъ вѣры можно только безумно смотрѣть на міръ, воображая, что онъ какъ-то начался по механическимъ законамъ и никогда не кончится. Такой взглядъ нелѣпъ главное тѣмъ, что говорится о томъ, какъ произошелъ міръ и какъ развивался и т. п., а ничего не говорится о томъ единственно, что нужно знать: что мнѣ дѣлать? И при нелѣпомъ взглядѣ вѣры не нужно; но какъ только взглядъ не безумный, и составляетъ отвѣтъ на вопросъ: „что мнѣ дѣлать“, такъ безъ вѣры нельзя.

Отвѣтъ на вопросъ, что мнѣ дѣлать?—ясенъ для всякаго искренняго человѣка—любить выше всего Истину, благо—Бога и вслѣдствіи того ближняго и дальняго, и курицу, и дерево (все по порядку) и жить, руководясь этой любовью; но изъ-за этого отвѣта выступаетъ другой вопросъ, на который нѣтъ да и не можетъ быть отвѣта: зачѣмъ Богу или той силѣ, которая меня послала сюда, сдѣлала, зачѣмъ ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро? Что ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро, это несомнѣнно, но зачѣмъ это ей нужно? Что выйдетъ изъ того, что черезъ меня дѣлается, что выйдетъ изъ этого для меня? Этого не дано мнѣ знать, и тутъ мѣсто вѣрѣ, но вѣрѣ не въ Троицу, не въ Магомета, не въ Христа, не въ Бога даже, а вѣра Богу, вѣра тому началу, которое меня послало сюда. Я вѣрю ему, тому, что онъ разуменъ и благъ и потому худого мнѣ отъ него не будетъ. Вотъ эта вѣра необходима, нужна; для нея прямо сдѣлано мѣсто и безъ нея безпокойно жутко. И вѣра эта есть у васъ, и у меня, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше мы исполняемъ волю пославшаго. Чѣмъ болѣе исполняешь, тѣмъ больше вѣришь — не потому, что разъ попалъ, такъ ужъ надо вѣрить, а потому, что по мѣрѣ исполненія какъ бы уясняется смыслъ не словами, а всей жизнью—тѣмъ тверже вѣришь въ Него, въ Его разумность и доброту и даже въ то, что то, чего я не знаю, мнѣ и не надо знать,—что иначе и быть не могло.

Такъ что не безконечное совершенствованіе жизни—тутъ могутъ быть упадки и отъ того разочарованія, сомнѣнія,—а „возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, потому что я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ“.

Не могу вамъ передать словами чувства, которое всегда возбуждали

и возбуждають во мнѣ эти слова и какъ они отвѣчають для меня на все.

Не совершенствоваться мнѣ, гордому мнѣ, поганому мнѣ, а взять то положеніе, то тѣло, то здоровье, тотъ нравъ, то прошедшее, тѣ грѣхи, даже, и съ кротостью и смиреніемъ сердца искать всегда, всякую минуту случая исполнить нужное Ему дѣло. Не гожусь ли я заткнуть дыру какую нибудь? Подтереть мной что-нибудь? Примѣрами мерзости, порока и грѣховъ не могу ли пригодиться; просто тѣломъ моимъ понавозить? И если удастся чувствовать себя такъ, тогда все чудесно, легко и твердо.

Скажуть: „это уничтожаетъ стимулъ совершенствованія". Не бойтесь: потребность быть лучше та же, что потребность быть счастливѣе; ее поощрять не нужно, надо, чтобы это дѣлалось само собой, а не хорошо, когда это становится цѣлью

Умъ, знаете, какъ бинокль, развертывать надо до извѣстной степени, а дальше вертѣть хуже. Такъ и въ вопросахъ о жизни, о зачѣмъ жизнь? Помилуй Богъ. Отвѣты на эти вопросы въ вѣрѣ Ему, — вѣра, подобная той, которая есть у клѣточки тѣла, работающей для него — а вѣра дается по мѣрѣ смиренной готовности творить волю Его. Привѣтъ М. А. и всѣмъ вашимъ. Пишите. Я занимался глупостями, исправлялъ комедію. И теперь пишу ту повѣсть, которую вы мнѣ велѣли" [1]).

Л. Толстой.

Это письмо произвело на меня громадное впечатлѣніе и дало другое направленіе моимъ мыслямъ. Послѣ того прошло больше года. Мы, какъ было разсказано мною [2]), пробовали полностью провести въ жизнь принципъ непротивленія злу насиліемъ безъ всякихъ компромиссовъ и потерпѣли полную неудачу.

Этотъ жизненный опытъ заставилъ насъ искать примиренія между нашими взглядами и дѣйствительностью. Одно изъ рѣшеній было то, которое предлагалъ Сютаевъ. „Вы не можете, говорилъ онъ, отдѣльно отъ другихъ людей устроить праведную жизнь и потому надо заботиться не столько о праведности своей жизни, сколько думать объ измѣненіи сложившихся формъ общежитія въ такомъ отношеніи, чтобы насиліе стало не нужнымъ".

Но мы понимали, что измѣнить сложившіяся вѣками отношенія между людьми было еще труднѣе, чѣмъ выполнить заповѣдь непротивленія насилію во всей ея полности, и потому не могли удовлетвориться рѣшеніемъ Сютаева.

---

[1]) Тутъ подразумѣвается «Воскресенье».
[2]) „М. Г." 1908. кн. IX.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мыслей у меня стало складываться новое пониманіе нагорной проповѣди: именно, что Христосъ не давалъ заповѣдей, какъ Моисей,—съ требованіемъ непремѣннаго ихъ исполненія, а лишь указывалъ путь для достиженія царства небеснаго.

Обо всемъ этомъ я написалъ въ письмѣ Льву Николаевичу и получилъ отъ него отвѣтъ (въ мартѣ 1891 года) слѣдующаго содержанія:

„Давно не испытывалъ такой радости, дорогой В. В., какъ ту, которую мнѣ доставило ваше письмо. Мысли, чувства, которыя волнуютъ васъ, тѣ новые горизонты, которые открываются вамъ, это то самое, что меня волнуетъ, чѣмъ я живу, чѣмъ жилъ и живетъ послѣднее время Ге (младшій) (онъ недавно былъ у насъ), чѣмъ живетъ Хилковъ, съ которымъ мы послѣднее время усердно переписываемся, что выростаетъ передъ Вирюковымъ, который на-дняхъ писалъ мнѣ.

Единство это не происходитъ отъ внѣшняго общенія, а отъ внутренняго.

Единственное истинное единеніе есть то, которое получается не вслѣдствіи исканія единенія, а вслѣдствіи того, что истина одна: (кто въ истинѣ или близокъ къ ней, тѣ вмѣстѣ) и потому это единеніе наше особенно радуетъ меня.

У меня теперь И. И. Горбуновъ и мы съ нимъ вмѣстѣ читали ваше письмо. Когда мы прочли то мѣсто, гдѣ вы говорите о томъ, что у Христа нѣтъ заповѣдей (вѣрнѣе бы сказать, что ученіе Его не въ заповѣдяхъ) и что Христосъ научилъ достиженію царства Божія, которое сдѣлаетъ невозможнымъ нарушеніе заповѣдей, когда я прочелъ это, я напомнилъ ему то, что я говорилъ ему то же вчера.

Именно, что ученіе Христа состоитъ въ постановкѣ идеала царства Божія, для достиженія котораго нужно быть совершеннымъ, какъ Отецъ, т. е. идеалъ совершенства внѣшняго и внутренняго, а что заповѣди, 5 заповѣдей, суть только зарубки на этомъ безконечномъ пути того мѣста, ниже котораго въ настоящій періодъ жизни человѣчества не слѣдуетъ, желательно, можно не спускаться.

Совершенство 1) въ томъ, чтобы всѣхъ—Зулу, идіота, злодѣя, звѣря,—считать равными, братомъ, и любить, какъ любишь любимыхъ; зарубка—заповѣдь, что не можно и не должно гнѣваться на брата; 2) въ томъ, чтобы быть вполнѣ чистымъ, зарубка—не прелюбодѣйствуй; 3) въ томъ, чтобы быть вполнѣ свободнымъ, не связаннымъ ничѣмъ, зарубка—не клясться; 4) въ томъ, чтобы никогда не приложить насилія ни для защиты другого и себя, ни противъ животнаго, зарубка—не уничтожать зло силою; 5) не имѣть враговъ, зарубка—творить добро врагамъ.

Не думайте, что я защищаю прежнюю точку зрѣнія „Въ чемъ моя вѣра“.

Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что мы пережили ее.— Вступивъ на новый путь, нельзя не обрадоваться тому, что первое увидалъ впереди себя и простительно принять то, что на началѣ дороги, за цѣль пути.

Но подойдя ближе и только благодаря тому, что видѣлъ сначала, нельзя не радоваться тому, что увидалъ впереди безконечную свѣтлую даль.—Ваше объясненіе слабаго мѣста общины совершенно справедливо.

Теперь о государствѣ и отношеніи къ нему. Опять вы совершенно правы, или скорѣе думаете то самое, что я, но тутъ нужно ограниченіе. Не отрицать государства, т. е. насилія, мы не можемъ, какъ не можемъ не отрицать блуда независимо отъ того, пользуемся ли мы тѣмъ и другимъ.

И, разумѣется, что вполнѣ свободнымъ отъ государства, какъ вполнѣ свободнымъ отъ блуда, можетъ считать себя только святой и что отвращеніе къ тому и другому и есть стимулъ истинной жизни—стремленія къ святости. Но опасно впасть въ обратную ошибку, въ которую впадаетъ Сютаевъ,—сколько я понялъ изъ вашего письма и помню его взгляды,— сказать себѣ, что я не могу быть чистъ отъ насилія (потому что пользуюсь имъ) и потому могу въ извѣстныхъ предѣлахъ участвовать въ немъ, могу подать становому (заявленіе объ украденной лошади) и т. п.,—это все равно, что сказать себѣ: . . . .

. . . .

. . . .

Это тотъ самый страшный путь, который называется: компромиссъ сдѣлка.

Христово ученіе тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ, что оно не въ заповѣдяхъ, а въ указаніи идеала полнаго совершенства и пути къ нему, и это стремленіе замѣняетъ для ученика Христова всѣ заповѣди и оно же указываетъ ему всѣ соблазны. Отступаетъ ученикъ Христа отъ пути, указаннаго Христомъ не по обдуманному разсужденію, а по безсилію, или скорѣе по отношенію силъ,—стремящейся къ идеалу и противодѣйствующей. И потому равнодѣйствующую этихъ двухъ силъ нельзя никогда опредѣлить — какъ это пытаются дѣлать любители компромиссовъ — она всегда перемѣщающаяся, особенная для каждаго человѣка и даже для одного и того же человѣка въ разное время.

Всегда, всякую минуту, всякій пусть стремится ко всей истинѣ, къ полному освобожденію отъ похоти, къ полному освобожденію отъ насилія, участія въ немъ и пользованія имъ; а что выйдетъ, никто не знаетъ. Но никогда пусть не содѣйствуетъ ни разврату, ни насилію, и въ свѣтлую минуту (не въ увлеченіи) не пользуется ими.

Въ прежней вѣрѣ и вообще въ нехристіанскихъ вѣрахъ заповѣди

стоять впереди (они такъ стояли для насъ по „Въ чемъ моя вѣра“ — отчасти), въ христіанствѣ заповѣди стоятъ назади, т. е. въ извѣстный періодъ развитія человѣчества сознаніе его говоритъ ему: стремись къ полному совершенству, но стремясь впередъ, не спускайся ниже извѣстныхъ ступеней! Христосъ сказалъ: не сердись, не блуди, не клянись, не борись силою, не воюй 1800 лѣтъ тому назадъ, какъ я думаю 6000 лѣтъ тому назадъ сказано было: Не убивай, не ѣшь людей и т. п.

Христіанство тѣмъ и велико, что оно не выдумано Христомъ, а что оно есть законъ вѣчный, которому слѣдовало человѣчество гораздо прежде, чѣмъ законъ этотъ былъ выраженъ и которому оно всегда будетъ слѣдовать и слѣдуетъ теперь въ лицѣ тѣхъ, которые не знаютъ или не хотятъ знать христіанства. Разница только въ томъ, что для знающихъ смыслъ христіанства жизнь полна смысла и радости.

Христіанская жизнь не въ слѣдованіи заповѣдямъ, не въ слѣдованіи ученію даже, а въ движеніи къ совершенству, въ уясненіи все большемъ и большемъ этого совершенства и все большемъ и большемъ приближеніи къ нему. И сила жизни христіанской не въ различной степени совершенства (всѣ степени равны, потому что путь безконеченъ), а въ ускореніи движенія. Чѣмъ быстрѣе движеніе, тѣмъ сильнѣе жизнь. И это жизнепониманіе даетъ особую радость, соединяя со всѣми людьми, стоящими на самыхъ различныхъ степеняхъ, а не разъединяя, какъ это дѣлаетъ заповѣдь. Разбойникъ на крестѣ и Закхей живутъ болѣе христіанской жизнью, чѣмъ апостолы и т. п.

То, что вы говорите объ отношеніи къ государству, когда его отрицаешь, а самъ пользуешься имъ, совершенно справедливо, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было признавать его и мириться съ нимъ, а слѣдуетъ только сознаніе своей слабости, негодности (какъ вы вѣрно говорите), слѣдуетъ смиреніе, смиреніе, приближающее къ любви.

Цѣлую васъ и люблю всей душой. Привѣтъ вашимъ сожителямъ. Напишите еще.

Л. Толстой.

Это письмо не вполнѣ меня удовлетворило. Молодыя силы требовали болѣе активнаго рѣшенія вопроса. Въ то время я поселился въ Твери. Тутъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ кружкомъ революціонно-настроенной молодежи. Раньше я могъ говорить себѣ: я знаю страданья народа, но я не могу быть за одно съ тѣми, кто борется посредствомъ насилія или вообще допускаетъ его, какъ средство борьбы, потому что я никогда не прибѣгну къ насилію“. Теперь я не могъ этого сказать. Поставивъ себя лицомъ къ лицу съ насиліемъ, я принужденъ былъ убѣдиться, что вопросъ

о насиліи приходится рѣшать ежедневно, а вовсе не тогда, когда придетъ Пугачевъ или Зулусы. И жизнь ставила вопросъ ребромъ: или прибѣгай къ насилію, защищаясь, или погибни. Я зналъ, что не имѣю силъ погибнуть ради принципа, я зналъ, что скорѣе прибѣгу къ насилію, и въ своихъ спорахъ съ радикальной молодежью я чувствовалъ себя припертымъ къ стѣнѣ, я не зналъ, что отвѣчать имъ, такъ какъ былъ сбитъ съ своей главной позиціи.

О своихъ сомнѣніяхъ я написалъ опять Льву Николаевичу. Вотъ его отвѣтъ (приблизительно въ апрѣлѣ 1891):

„Дорогой В. В. На послѣднее письмо ваше я хотѣлъ отвѣчать и откладывалъ, потому что казалось, что занятъ, но приписка Л. П. побудила отвѣчать. Колебался я отвѣчать, потому что мнѣ не ясенъ вашъ вопросъ. Вы какъ-то связываете сознаніе того, что вы пользуетесь насиліемъ съ состраданіемъ къ мучающимся и мученнымъ людямъ. Я связи этой не вижу. Это первое, а второе не согласенъ съ тѣмъ, что вы живете насиліемъ. Я сужу по себѣ: я живу въ условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ вы, и все-таки не считаю, что я живу насиліемъ. Да и вообще не понимаю хорошенько, что разумѣть подъ этими словами. Я не живу насиліемъ въ томъ смыслѣ, что знаю, что всякій разъ, какъ мнѣ представится вопросъ, употребить ли насиліе или нѣтъ, я не пожелаю насилія и не употреблю его сознательно. (Примѣръ, который я всегда для себя употребляю: если скажутъ, что подходитъ Пугачевъ, убивающій и насилующій всѣхъ, не только не приготовлю ружья и порохъ, а утоплю его, чтобы избавиться отъ искушенія). Но сказать, что я никогда не употреблю насилія или незамѣтно для себя не воспользуюсь имъ—не могу, потому что сказать это значитъ сказать, что я святъ. И колебаться и сомнѣваться о томъ, дѣйствительно ли я не участвую въ насиліи, я не могу, потому что знаю очень хорошо, что было, когда я участвовалъ въ немъ, знаю, что все мое міросозерцаніе и вся жизнь моя другія, и что я не обманываю себя, когда думаю, что ненавижу насиліе и всѣми силами души стремлюсь жить безъ него, т. е. жить по закону Бога—любовью.

Теперь вопросъ о страданіяхъ людей, производимыхъ насиліемъ. Я знаю, что они есть. Я ненавижу насиліе и отрекаюсь отъ него только потому, что знаю, что они есть, что есть эти страданія. Мое отреченіе отъ насилія, я знаю, не спасетъ отъ страданія людей. Я этого и не ждалъ. Спасетъ людей отъ страданій установленіе царства Божія, и оно устанавливается и мною. Средства установленія его есть любовь. Любовь и руководитъ тѣми поступками, которые надо совершать. А какіе это поступки, которые по любви надо совершать,—это знаетъ тотъ, кому надо поступать. Итти ли въ копи и вмѣстѣ работать, увѣщевать ли хозяевъ, измѣнять

положеніе рабочихъ или рабочихъ свою жизнь, чтобы имъ не нужно было итти? Или еще что, это знаетъ каждый въ своемъ положеніи. И если онъ слушается голоса любви, а не эгоизма, то онъ сдѣлаетъ, что должно, и сдѣлавъ или дѣлая не то, что будетъ спокоенъ, но не будетъ безпокоенъ. Ученіе же Христа покажетъ ему, чего не надо дѣлать,—не злить, не злиться, не раздѣлять людей.

Главное же, главное то, что мнѣ очень ясно теперь и что бы мнѣ такъ хотѣлось съ тою же ясностью передать другимъ: это то, что какъ идеалъ внутренняго совершенства безконеченъ, не безконеченъ, а достижимъ только безконечнымъ приближеніемъ (какъ многоугольникъ въ кругѣ), такъ и идеалъ внѣшняго совершенства, Царства Божія (Льва съ ягненкомъ и дальше...) достижимъ только въ безконечности, и что потому повѣрку своихъ поступковъ человѣкъ долженъ искать не во внѣшнемъ сравненіи себя своихъ достоинствъ съ идеаломъ внутренняго совершенства (будьте совершенны, какъ Отецъ), ни съ внѣшнимъ идеаломъ Царства Божія, а во внутреннемъ сознаніи наибольшаго возможнаго въ его положеніи исполненіи воли пославшаго. Въ родѣ, какъ работникъ, которому отъ хозяина велено бить молотомъ и которому нечего заботиться о томъ, что отъ его ударовъ не разбивается сразу, что онъ разбиваетъ, и о томъ, что заводъ, на которомъ онъ работаетъ, не кончитъ всю работу къ празднику, а которому надо только дѣлать въ томъ, къ чему онъ приставленъ, все, что онъ можетъ, твердо вѣруя, что то, что онъ дѣлаетъ, нужно и разумно.

Нѣтъ, не сумѣлъ сказать: надо не думать о томъ, какъ бы мнѣ сдѣлать, какъ можно болѣе важное дѣло, отличиться и о томъ, что выходитъ изъ того, что я дѣлаю, а только о томъ, какъ бы мнѣ не прозѣвать чего, на томъ мѣстѣ, къ которому я приставленъ. А дѣло дѣлается, и дѣлается и безъ меня, я же имѣю счастье быть участникомъ его. Такъ, какъ бы мнѣ воспользоваться этимъ счастьемъ и не подгадить.

Напишите, пожалуйста, о себѣ и о Гастевѣ. Скажите Л. П., что я благодарю его за книги; я не успѣлъ еще просмотрѣть ихъ, не просматривалъ и Достоевскаго, какъ я и ждалъ, мнѣ нравится, хотя жалко, что изъ одного „Дневника писателя", а Enfantin менѣе нравится—неясностью, поднятостью выраженій, хотя мысль о вѣчной жизни я вполнѣ раздѣляю. На дняхъ былъ Дунаевъ и ходилъ къ Буткевичамъ и вынесъ самое хорошее впечатлѣніе. Я немного нездоровъ—простудился и отъ того не ясно пишу. Пишите, я буду отвѣчать. Что дѣлаете и собираетесь дѣлать?

Л. Т.

Жизнь въ общинѣ перестала привлекать меня съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что и тутъ нельзя прожить совсѣмъ безъ насилія. Съ осени

1891 года я поселился въ селѣ Богородскомъ, нижегородской губ., чтобы здѣсь всецѣло отдаться медицинской дѣятельности. Но вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей не давали возможности успокоиться, и я съ женой рѣшилъ ѣхать въ лукояновскій уѣздъ, чтобы кормить голодающихъ. Я просилъ практическихъ указаній у Л. Н., который тогда уже открылъ столовыя; въ отвѣтъ я получилъ слѣдующее письмо:

„Очень радъ былъ получить отъ васъ извѣстіе, дорогой Владиміръ Васильевичъ. Если вы хотите открыть столовыя въ лукояновскомъ уѣздѣ, гдѣ, кажется, положеніе народа очень дурно, то дѣлайте такъ: какъ изберете мѣсто въ серединѣ самыхъ голодныхъ деревень, припасите въ это мѣсто муки, отрубей, картофелю, капусты, свеклы, гороху, чечевицы, овсяной муки, соли или хотя то, что можно изъ этого, и потомъ пойдите въ одну изъ деревень, выберите въ серединѣ деревни, если она не болѣе 30, 40 дворовъ, одну самую бѣдную семью, а то двѣ, если деревня вдвое больше, и предложите хозяевамъ, получая отъ васъ продовольствіе, печь хлѣбы и варить для нуждающихся, старыхъ, слабыхъ, малыхъ, а то и не старыхъ, но голодныхъ, отъ 30 до 40 человѣкъ. Потомъ перепишите со старостой этихъ людей, выдайте провизію и посѣщайте столовыя, испытывая въ нихъ наилучшую, болѣе питательную пищу, противодѣйствуя злоупотребленіямъ и принимая тѣхъ, которые пропущены и просятся. Дѣло это такъ просто и такъ легко складывается, какъ какое-то природное явленіе. Въ лукояновскомъ уѣздѣ есть учитель Великановъ, который былъ у насъ лѣтомъ и которому я писалъ недавно, прося его дать мнѣ свѣдѣнія о состояніи населенія, но такъ какъ я наобумъ писалъ адресъ, то письмо, видно, не дошло до него.

Хлѣба я думаю не достанетъ, но если сдѣлается то, что богатые почувствуютъ свою вину передъ народомъ и постараются разрушить стѣну, отдѣляющую ихъ отъ него, то всѣ вмѣстѣ, дѣлясь добровольно, изживутъ бѣду. Если нѣтъ риса и пшеницы, есть овесъ, ячмень, кукуруза, картофель. Изъ Америки уже ѣдутъ 7 кораблей съ кукурузой.

Меня затянуло это дѣло. Я чувствую, что дѣлаю не то, что надо, получая пожертвованія, вызванныя письмами жены, и распредѣляя ихъ все-таки по своей волѣ на покупку продовольствія и устройства столовыхъ, но не могу, не имѣю силъ оторваться отъ этого дѣла, устраниться.

Мы живемъ здѣсь въ имѣніи моего знакомаго, Раевскаго, очень хорошаго (хорошаго либерала и вмѣстѣ народника) и практическаго человѣка съ двумя дочерьми, Тан. и Маш., и племянницей В. Кузьм. и онѣ усердно работаютъ.

Устроено у насъ 18 столовыхъ, у сосѣдей нашихъ Философовыхъ 6. Еще на-дняхъ пріѣхали двое—одинъ юристъ, другой естественникъ, кон-

чившіе курсъ. Купцы изъ Москвы тоже открываютъ столовыя. Вездѣ это дѣло распространяется, какъ сѣть. И много есть тутъ хорошаго. Есть и дурное, именно свой произволъ, котораго нельзя вполнѣ устранить, и ложная роль, которую играешь.

Привѣтствую вашу сотрудницу, Сытинскую, и цѣлую васъ.

Л. Толстой.

P. S. Болѣе подробныя свѣдѣнія о веденіи столовыхъ вы, вѣроятно, прочтете въ статьѣ, которую я на-дняхъ напечатаю или въ „Недѣлѣ“ или въ „Русск. Вѣд.“.

Пріѣхавъ на мѣсто, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, я рѣшилъ столовыхъ не открывать, а раздавать голодающимъ крестьянамъ продукты прямо на руки. Надо замѣтить, что въ лукояновскомъ уѣздѣ, въ отличіе отъ данковскаго, сравнительно много лѣсу, и топливо тутъ у крестьянъ было, такъ что съ нимъ не приходилось очень экономить. Такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ мотивовъ открытія столовыхъ отпадалъ.

Левъ Николаевичъ, услышавъ о моемъ рѣшеніи не открывать столовыхъ, прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

21 января 1892 года.

„Дорогой Владиміръ Васильевичъ! Читалъ я ваше письмо къ сестрѣ и очень пожалѣлъ, что вы отступили отъ мысли столовыхъ. Я думаю, что это ошибка, ошибка очень обыкновенная и многіе ее дѣлаютъ. Мужики, тѣ самые, которые больше говорятъ и которые больше замѣтны, всегда противъ столовыхъ и за выдачу муки. Пойти въ столовую или послать дѣтей не то, что богатому, а такому, который обходится самъ, и совѣстно и не такъ выгодно, какъ получать муку, и потому большинство всегда за выдачу. Столовыя эти, кромѣ того, что онѣ самое лучшее средство распредѣленія—безъ нихъ очень трудно разобраться—главное здоровѣе и дешевле.

Не забывайте, что изъ всѣхъ предметовъ питанія ржаной хлѣбъ теперь самый дорогой. Хлѣбъ стоитъ 2 к. и больше фунтъ, а капусты, картофеля, гороха, чего хотите, фунтъ стоитъ 1 к. и меньше. Напримѣръ, пшено, которое вездѣ есть, развариваясь въ четверо, стоитъ 1 к. ф. каши, и потому, если кормить однимъ хлѣбомъ или хлѣбомъ пополамъ съ кашей, то второй способъ выйдетъ и дешевле и сытнѣе. Эрисманъ пишетъ и читаетъ лекціи о томъ, какъ ошибочно кормить хлѣбомъ, преимущественно въ гигіеническомъ отношеніи. Тоже и въ экономическомъ.

Если вы можете поправить свою ошибку и замѣнить выдачу хлѣбомъ [1]) столовыми—сдѣлайте это.

Не говоря о всѣхъ другихъ выгодахъ, при столовыхъ устанавливаются самыя хорошія отношенія, какихъ нѣтъ при выдачѣ. Больше хлопотъ только, но за то и больше удовлетворенія нравственнаго.

Я далъ вашъ адресъ въ редакціи „Русск. Вѣд." съ тѣмъ, чтобы они на ваше имя высылали денегъ. Я надѣюсь, что они сдѣлаютъ это.

Мы пробыли 20 дней въ Москвѣ. Ѣдемъ завтра назадъ. Пишите. Алехинъ Арк. былъ здѣсь и я просилъ его поѣхать, намъ закупать хлѣбъ. Онъ поѣхалъ. У насъ дѣло такъ затянуло насъ, что нельзя отъ него уйти и до сихъ поръ есть средства, такъ что все распространяется. Теперь около 100 столовыхъ.

Прощайте. Цѣлую васъ. Любящій васъ Л. Толстой.

Доводы Толстого мнѣ показались неубѣдительными и столовыхъ я не открылъ. Когда лѣтомъ того года я проѣздомъ заѣхалъ къ Льву Николаевичу, онъ тотчасъ же сталъ спорить со мною по поводу моего отношенія къ столовымъ. Мы разстались очень натянуто. Я опять уѣхалъ въ лукояновскій уѣздъ, гдѣ думалъ поселиться, построившись на снятой въ аренду у знакомаго помѣщика землѣ.

Въ то время мое вниманіе привлекалъ къ себѣ тотъ поворотъ въ воззрѣніяхъ, какой произошелъ у моихъ друзей Михаила и Аркадія. Мнѣ хотѣлось найти психологическую разгадку ихъ увлеченія православіемъ. О своихъ соображеніяхъ въ этомъ отношеніи я написалъ Льву Николаевичу. Въ отвѣтъ (въ октябрѣ 1892 года) я получилъ слѣдующее письмо:

„Большое спасибо вамъ, дорогой Владиміръ Васильевичъ, что написали. Ваше письмо облегчило то чувство раскаянія, которое осталось во мнѣ послѣ нашего послѣдняго свиданія.

Я слышалъ про васъ, что вы поступили въ Крапивну на холеру и все хотѣлъ узнать вѣрнѣе. Хотя и жалѣю, что вы далеко отъ насъ и не удастся скоро личнымъ свиданіемъ сгладить то нелюбовное мое отношеніе къ вамъ изъ-за самаго постыднаго раздраженія, вызваннаго тщеславіемъ или гордостью, я радъ за васъ, что вы на мѣстѣ. Но гдѣ вы, въ городѣ или въ деревнѣ? Гдѣ строитесь? Желалъ бы, чтобы было второе.—Не помню, говорилъ ли я вамъ о письмѣ, которое я написалъ Прокопенко въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ рѣчь шла въ неопредѣленныхъ выра-

[1]) У Толстого были неточныя свѣдѣнія: я выдавалъ не хлѣбъ, а муку, крупу и горохъ. Картофель и капусту крестьяне имѣли свои, такъ что питались не исключительно однимъ хлѣбомъ.

женіяхъ о живомъ и воскресшемъ Христѣ. Въ отвѣтъ на мое письмо я получилъ отъ него самое радостное доброе письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что или я не такъ понялъ его, или онъ не точно выразился, но что онъ согласенъ со мной и хотѣлъ сначала возражать, но потомъ во имя любви рѣшилъ, что лучше не отвѣчать. Такъ что искренній обмѣнъ мыслей здѣсь былъ очень радостенъ и привелъ къ большому сближенію. Надѣюсь, что тоже будетъ и съ Новос. и Алех.

Вы правы, что до тѣхъ поръ, пока отношеніе къ вопросамъ жизни не измѣняется, до тѣхъ поръ исканіе и пареніе мистическое безвредно, а до сихъ поръ я въ этихъ друзьяхъ нашихъ вижу самое строгое отношеніе къ себѣ.

Недавно Митроѳ. Ал. и Бодянскій были арестованы и этапомъ пересланы одинъ въ Полтаву, другой въ Харьковъ. Бод. ссылается на 5 лѣтъ въ Закавказье.

Я все продолжаю свою работу и не окончилъ еще. Какъ здоровье О. А.? Передайте ей мой привѣтъ. Нынче получили извѣстіе, что одна молодая женщина, поѣхавшая въ голодныя тифозныя мѣста ходить за больными, безнадежна. Такъ телеграфируетъ Бирюковъ: „Безнадежна, ждемъ конца“.—Ну, пока прощайте. Искренне любящій васъ

Л. Толстой.

Послѣ этого наша переписка на продолжительное время прекратилась.

Въ 1896 году я проѣздомъ заѣхалъ къ Толстому въ Ясную Поляну, который въ то время былъ занятъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ „Христіанское Ученіе“. Онъ хотѣлъ въ этой книгѣ изложить основы христіанскаго ученія самымъ простымъ, доступнымъ даже для пониманія дѣтей языкомъ. Онъ писалъ, впрочемъ, потомъ, что это ему не удалось.

Левъ Николаевичъ далъ мнѣ прочитать это сочиненіе. Недоступность изложенія для неподготовленнаго читателя мнѣ сразу кинулась въ глаза.

Но было тутъ и еще что-то такое, что производило непріятное впечатлѣніе.

Однако, я не могъ тогда сразу же дать себѣ яснаго отчета о томъ, отчего получается такое впечатлѣніе, и потому я уѣхалъ, не высказавъ своего мнѣнія.

Пріѣхавъ домой, я много думалъ объ этомъ сочиненіи. Мнѣ не нравился его тонъ — чисто учительскій, тонъ человѣка, познавшаго истину и поучающаго другихъ. Этотъ тонъ впервые звучалъ въ сочиненіяхъ Толстого. Раньше всегда чувствовалось, что онъ ищетъ истину и сообщаетъ читателямъ свои изысканія.

Мнѣ казалось, что познать истину какого-либо ученія можетъ только тотъ, кто примѣнилъ это ученіе въ жизни во всей его полнотѣ, подобно

тому, какъ научная теорія только тогда можетъ считаться доказанной, когда она провѣрена на опытѣ. Я думалъ, что быть учителемъ можетъ только тотъ, кто выполняетъ свое ученіе въ жизни во всей его полнотѣ, подобно Христу, вплоть до крестной смерти.

Не могъ согласиться я и съ самымъ содержаніемъ этого сочиненія. Въ немъ очень опредѣленно проводится чисто метафизическое представленіе о человѣческой душѣ, съ ея разъ навсегда данной способностью всеобъемлющей любви. Я же не могъ и не находилъ основаній отрѣшиться отъ ученія эволюціонистовъ, думающихъ, что нравственныя чувства и, между прочимъ, способность безкорыстной любви и симпатіи есть результатъ эволюціи и потому эти чувства могутъ развиваться и прогрессировать.

Уяснивъ себѣ мое отношеніе къ этому новому сочиненію Толстого, я написалъ ему письмо, гдѣ откровенно высказалъ ему свое мнѣніе, и довольно скоро я получилъ отъ него такой отвѣтъ:

„Получилъ ваше письмо, дорогой Влад. Вас., и, прочтя его, сначала инстинктивно огорчился, а потомъ сознательно порадовался, какъ я всегда радуюсь, встрѣчая осужденіе, потому что въ осужденіи, особенно исходящемъ отъ близкаго по духу человѣка, всегда польза. Въ вашемъ же осужденіи я нашелъ мало пользы.

То, что я пишу холодно, я знаю и не могу писать того, что я пишу, писать иначе. Не писать же этого, какъ вы мнѣ совѣтуете, никакъ не могу.

У меня много начатыхъ и задуманныхъ художественныхъ вещей, которыя манятъ меня къ себѣ, но я не позволяю себѣ оставить имъ то короткое время жизни, которое осталось, до тѣхъ поръ, пока не кончу этой работы, которая, не скажу: мнѣ кажется, но я увѣренъ, нужна и полезна будетъ многимъ людямъ. Увѣренъ я въ этомъ потому, что тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, достались мнѣ съ большимъ трудомъ и дали и даютъ мнѣ много радости духовной и спокойствія, съ которымъ живу и надѣюсь умереть.

Вы мнѣ совѣтуете не учительствовать и не измѣнять жизнь; а я какъ разъ не могу не писать то, что пишу. — Только это писаніе даетъ мнѣ сознаніе нужнаго и должнаго труда. — И не могу не желать измѣнить жизнь, и все мучаюсь и пытаюсь измѣнить ее, потому, что страдаю отъ своей дурной жизни.

Такъ что письмо ваше не дало мнѣ той пользы, которую я ожидалъ, но дало мнѣ хорошее чувство къ вамъ.

Я увидалъ по этому письму, что вы, осудивъ меня въ своей душѣ и съ другими по своей правдивости и истинной любовности, хотѣли сказать мнѣ все, что вы думали обо мнѣ.

И за это я вас еще больше полюбил.

То же, что вы пишите о любви—немножко неясно и, вѣроятно, вызвано неточностью моихъ выраженій и быстротою вашего чтенія, такъ какъ вы возражаете мнѣ тѣми самыми неясными и недѣйствительными разсужденіями о томъ, какъ желательно бы увеличить любовь, разсужденія, которыя я, по крайней мѣрѣ, полагалъ, что совершенно устранилъ, показавъ ихъ тщету тѣмъ, что призналъ не на словахъ только, а со всѣми, вытекающими изъ того послѣдствіями, что Богъ есть любовь и потому и человѣкъ есть любовь, и потому увеличивать любовь никакъ не можетъ человѣкъ своимъ желаніемъ, а можетъ только устранить то, что препятствуетъ ея проявленію.

Ну, пока прощайте. Цѣлую вас

Левъ Толстой.

18-го октября 1896 г.

Я понималъ точку зрѣнія Льва Николаевича, но не могъ съ ней согласиться, и, съ другой стороны, я зналъ, что не могу сказать въ защиту своихъ взглядовъ ничего такого, что не было бы уже извѣстно Толстому. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая переписка становилась безцѣльной, и она прекратилась.

В. Р.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ составилъ П. Бирюковъ. Изд. „Посредника". Москва. Т. I (477+VII)—1906 г. Т. II (XVIII+483)—1908 г. Цѣна I-го тома—2 р., II-го тома—2 р. 25 к.

Появленіе двухъ первыхъ томовъ біографіи Л. Н. Толстого должно считаться безспорно однимъ изъ крупнѣйшихъ событій въ лѣтописи нашей литературы послѣднихъ лѣтъ. Біографія эта составлена однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей и учениковъ Толстого г. П. Бирюковымъ, который смотрѣлъ на это, какъ на „священное дѣло" и приступалъ къ нему „съ робостью и благоговѣніемъ". То обстоятельство, что г. Бирюковъ ученикъ и пламенный почитатель Толстого имѣетъ свою положительную и отрицательную сторону. Личная близость біографа къ герою біографіи дала ему доступъ къ такимъ интимнымъ автобіографическимъ и біографическимъ матеріаламъ, которые для другого изслѣдователя оказались бы совершенно недоступными. Мало того: ему удалось втянуть самого Л. Н. Толстого въ это дѣло и заставить его написать нарочно для этой біографіи драгоцѣннѣйшія воспоминанія о первыхъ годахъ своей жизни и сдѣлать разныя болѣе или менѣе важныя примѣчанія къ самому труду г. Бирюкова. Вмѣстѣ съ тѣмъ личная близость біографа къ предмету біографіи давала ему возможность пользоваться такимъ довѣріемъ и помощью членовъ семьи „великаго писателя земли русской" — и прежде всего самой графини С. А. Толстой, — которыхъ было бы трудно добиться посторонному человѣку. О собственныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ біографа я здѣсь не говорю, такъ какъ они послужатъ матеріаломъ лишь для III тома біографіи. Отрицательная сторона—это видимая невозможность вполнѣ объективнаго и особенно критическаго отношенія біографа къ предмету своей біографіи, вслѣдствіе тѣхъ чувствъ преклоненія и любви, которыя г. Бирюковъ испытываетъ къ Толстому. Самый фактъ составленія біографіи при жизни историческаго дѣятеля, въ ней описываемаго, явленіе необычное и, казалось бы, могущее повредить объективности этого произведенія. Но надо сказать, что авторъ справляется съ этими затрудняющими дѣло обстоятельствами вполнѣ удовлетворительно, благодаря присущей ему любви къ правдѣ, на что онъ самъ вполнѣ справедливо указываетъ. Несомнѣнно, большую помощь оказало ему также рѣзко критическое отношеніе самого Л. Н. Толстого къ своей жизни и очевидная любовь къ правдѣ членовъ его семьи. Г. Бирюковъ очень мало обрабатываетъ добытые имъ матеріалы а по большей части приводитъ ихъ полностью, спуская лишь тѣ ихъ

части, которыя трудно публиковать по ихъ интимности. Отъ этого трудъ г. Бирюкова пріобрѣлъ характеръ не столько обработанной и законченной біографіи, сколько сборника матеріаловъ для біографіи, причемъ главную часть составляютъ матеріалы автобіографическіе. Это скромно указываетъ самъ авторъ и отъ этого огромная цѣнность его труда безъ сомнѣнія нисколько не умаляется. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что книга г. Бирюкова еще и въ другомъ отношеніи не можетъ быть признана вполнѣ обработанной біографіей: авторъ слишкомъ поверхностно изслѣдуетъ окружающую общественную жизнь и ту общественную атмосферу, въ которой жилъ Л. Н. Толстой въ разные періоды его жизни. Но правда и то, что это, въ виду рѣзкой самобытности Толстого и относительно малой зависимости хода его развитія отъ окружающихъ его общественныхъ условій,—для его біографіи менѣе необходимо, нежели для біографіи всякаго другого общественнаго дѣятеля или историческаго лица...

Укажемъ важнѣйшіе неизданные матеріалы, использованные составителемъ біографіи. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ автобіографическія записки Л. Н. Толстого, именуемыя, по его указанію, „черновыми и неисправленными". Эти записки написаны Толстымъ, по настоянію біографа, послѣ ряда сомнѣній и колебаній въ 1903 г. Далѣе слѣдуютъ дневники Л. Н. Толстого, веденные имъ съ ранней молодости до 1868 года и съ 1876 г. до послѣдняго времени; его записныя книжки, въ которыхъ разбросано много замѣтокъ, ярко освѣщающихъ процессъ его творческой работы; списки книгъ, прочитанныхъ Л. Н. Толстымъ въ разныя эпохи его жизни съ отмѣтками, какое они произвели на него впечатлѣніе; его разсказы, записанные С. А. Толстой; письма его къ ней въ разные періоды жизни; письма его къ разнымъ лицамъ; письма къ нему разныхъ лицъ; письма С. А. Толстой къ ея сестрѣ Т. А. Кузьминской. Изъ напечатанныхъ матеріаловъ, кромѣ сочиненій самого Льва Николаевича, автобіографическое значеніе которыхъ огромно и окончательно освѣщается именно данными, изслѣдованными г. Бирюковымъ, авторъ использовалъ, конечно, все существенное, что было издано въ Россіи и за границей. Особенное вниманіе онъ совершенно основательно удѣлилъ извѣстнымъ воспоминаніямъ Фета, содержащимъ массу писемъ Толстого, первому изданію писемъ Тургенева и воспоминаніямъ шурина Толстого С. А. Берса, а также документамъ, относящимся къ студенческимъ годамъ Льва Николаевича, напечатаннымъ въ статьѣ г. Загоскина въ „Историч. Вѣст." за 1894 г.

Попытаюсь, насколько это позволяютъ размѣры журнальной рецензіи, указать наиболѣе интересныя мѣста обоихъ вышедшихъ томовъ біографіи. Въ I томѣ установлено прежде всего, со словъ самого Л. Н. Толстого, что ближайшіе предки его со стороны отца и матери съ большою точностью художественно воспроизведены и увѣковѣчены въ „Войнѣ и мирѣ" въ лицѣ Ростовыхъ (Толстые), въ лицѣ кн. Ник. Андр. Болконскаго — его дѣдъ по матери кн. Н. С. Волконскій, а въ лицѣ его дочери княжны Маріи—мать Л. Н. Толстого, урожденная кн. Марія Волконская. Затѣмъ, благодаря автобіографическимъ запискамъ, превосходно описаны дѣтство и юность великаго писателя, причемъ выяснены аутентически автобіографическія черты „Дѣтства и отрочества" и „Юности". Приведены очень любопытныя данныя о раннихъ отношеніяхъ Л. Н-ча къ его братьямъ

о наличности въ ихъ дѣтскихъ забавахъ и играхъ совершенно оригинальныхъ этическихъ стремленій и интересовъ и о роли его братьевъ, особенно старшаго Николая, а отчасти и средняго, Дмитрія, въ образованіи основныхъ чертъ міровоззрѣнія Льва Ник-ча Бурно и безпорядочно проведенная молодость со страстными порывами къ самосовершенствованію и къ выработкѣ себѣ нравственнаго міровоззрѣнія изображена также весьма ярко. Затѣмъ слѣдуютъ годы кавказкой жизни (юнкеромъ) и здѣсь первыя проявленія мощнаго художественнаго таланта. Замѣчательно интересны полныя нѣжной сыновней любви и высокихъ прекрасныхъ чувствъ письма того времени Льва Ник-ча къ тетушкѣ его Т. А. Ергольской, съ пятилѣтняго возраста замѣнившей ему мать. Установлены важныя автобіографическія черты въ повѣсти „Казаки". Оказывается, здѣсь впервые у Толстого возникло стремленіе къ простой жизни, связанное съ его поэтическимъ чувствомъ къ казачкѣ Марьянкѣ. Въ дневникѣ его этого періода уже попадаются такія записи: „Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье—дуренъ; тотъ, котораго цѣль есть мнѣніе другихъ—слабъ; тотъ, котораго цѣль есть счастье другихъ—добродѣтеленъ; тотъ, котораго цѣль есть Богъ—великъ" (29/VI 1852).

Въ дневникѣ, веденномъ въ Севастополѣ, онъ записываетъ 5/III 1855 г. слѣдующія пророческія слова о самомъ себѣ: „Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ"... Въ Севастополѣ, независимо отъ знаменитыхъ „Севастопольскихъ разсказовъ" и „Севастопольскихъ пѣсенъ", у Толстого были любопытные планы вести военный журналъ, къ участію въ которомъ онъ было притянулъ многихъ молодыхъ офицеровъ, но осуществленіе котораго не состоялось, вслѣдствіе запрещенія высшаго начальства. Въ главахъ, слѣдующихъ за Севастополемъ, живо, хотя не вполнѣ точно [1]) и безъ достаточной критики и знанія всѣхъ обстоятельствъ дѣла разсказаны отношенія Толстого къ литературному кружку „Современника". Полны интереса главы о заграничныхъ путешествіяхъ Толстого въ 1857 и 1860 годахъ, о его встрѣчахъ съ Герценомъ, Ауэрбахомъ, Прудономъ, Лелевелемъ и объ изученіи имъ заграничныхъ школъ и методовъ обученія; затѣмъ, объ отношеніи его къ крестьянскому вопросу, о выступленіи его въ качествѣ мирового посредника въ 1861—62 гг., объ устройствѣ школъ въ Крапивненскомъ уѣздѣ и объ изданіи журнала „Ясная Поляна". Интересны подробности объ обыскѣ въ „Ясной Полянѣ" и о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ инциден-

[1]) Такъ, напр., приводя очень важное и интересное письмо къ Толстому А. В. Дружинина, онъ относитъ это письмо къ 1856 году, тогда какъ оно было, очевидно, написано не ранѣе 1858 (въ немъ есть упоминаніе объ „Атенеѣ" Чичерина и Корша, который сталъ издаваться лишь въ 1858 г.). Вообще вслѣдствіе недостатка данныхъ и свѣдѣній о кружкѣ „Современника" и объ отношеніяхъ къ нему Толстого, исторія этихъ отношеній вышла скомканной и однобокой.

томъ на Льва Николаевича. Женитьбой на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ оканчивается I томъ.

Одною изъ интереснѣйшихъ частей II тома являются, безъ сомнѣнія, главы, посвященныя описанію процесса творчества „Войны и мира". Матеріалы, которыми воспользовался авторъ, настолько подробно, глубоко и рельефно освѣщаютъ этотъ процессъ, что позволяютъ положительно читателю проникнуть въ самые тайники художественнаго творчества великаго писателя. Изъ данныхъ біографіи видно, между прочимъ, какъ ошибался Тургеневъ, когда думалъ, что романъ этотъ Толстой писалъ безъ достаточнаго изученія эпохи. Любопытно тогдашнее отношеніе самого Толстого къ задуманному произведенію. Онъ ясно понималъ значеніе задуманнаго и отнюдь не преуменьшалъ его, хотя подчасъ и сомнѣвался въ своихъ силахъ. Передъ глазами читателя тутъ ясно проходитъ весь ходъ изученія эпохи и дѣйствующихъ историческихъ лицъ, процессъ изученія и художественнаго постиженія характеровъ Александра, Наполеона, Кутузова и т. д. И надо сказать, что отъ раскрытія хода этой работы великое значеніе выполненнаго колоссальнаго художественнаго замысла становится еще яснѣе.

Отношеніе современниковъ и критиковъ къ „Войнѣ и миру" изложено слабѣе, хотя и эти главы читаются съ интересомъ. Воспроизведеніе опрометчивыхъ сужденій нѣкоторыхъ тогдашнихъ критиковъ-публицистовъ оказывается для нихъ прямо убійственнымъ. „Война и миръ" писалась, какъ извѣстно, по частямъ и на разработку этого произведенія Л. Н. Толстымъ затрачено 5 лѣтъ жизни (1863—1868). Въ 1869 г. Толстой увлекается чтеніемъ Шопенгауэра. Въ послѣдующее пятилѣтіе 1869—1875 его поглощаетъ педагогическая дѣятельность и разработка знаменитой „азбуки". Его охватываетъ оригинальное народническое настроеніе ради проведенія въ земствѣ своей идеи созданія своеобразнаго „университета въ лаптяхъ" (учительской семинаріи особаго типа), онъ баллотируется въ гласные, но въ тульскомъ крѣпостническомъ земствѣ идеи его терпятъ fiasco. По вопросу о методахъ начальнаго обученія онъ ведетъ въ это время споры въ печати и въ комитетѣ грамотности съ тогдашними педагогами Бунаковымъ и Евтушевскимъ. (Любопытные отголоски этой полемики нашли себѣ мѣсто и въ вышедшихъ недавно „Запискахъ" Н. Ѳ. Бунакова, Спб., 1909 г.), ищетъ поддержки „Отечественныхъ Записокъ" и печатаетъ въ нихъ интересное письмо (воспроизведенное во II т., стр. 143 и слѣд.). Къ этому же времени относится знакомство его съ Н. К. Михайловскимъ, который былъ командированъ къ нему Н. А. Некрасовымъ. Наконецъ, въ 1875 г. онъ издалъ „новую азбуку" и сопровождающія ее книги для чтенія. Эта азбука выдержала 25 изданій и разошлась въ $1^1/_2$ милліонахъ экземпляровъ. Къ этому же времени (1873) относится знаменитая организація общественной помощи голодающимъ крестьянамъ самарской губ. (Толстому удалось тогда собрать на помощь голодающимъ около 2 мил. рублей). Въ это же время онъ изучаетъ греческій языкъ и увлекается классиками. Частыя посылки его на кумысъ для укрѣпленія пошатнувшагося здоровья даютъ ему мысль купить имѣніе въ самарской губерніи. Онъ входитъ въ тѣсное общеніе съ крестьянскимъ и инородческимъ населеніемъ этихъ мѣстъ и устраиваетъ для нихъ народныя скачки въ своемъ имѣніи. Процессъ

художественнаго творчества писавшейся въ это время (1872—1876) „Анны Карениной“ не такъ ясно обрисованъ, какъ процессъ творчества „Войны и мира“, но все же представляетъ не мало интересныхъ черть. Любопытны эпизоды оставленныхъ художественныхъ замысловъ (послѣ продолжительнаго изученія соотвѣтственной эпохи) новыхъ историческихъ романовъ изъ временъ Петра Великаго и Николая Павловича. Любопытны также эпизоды увлеченія музыкой (съ П. И. Чайковскимъ), поэзіей (съ Фетомъ), живописью (съ Н. Н. Ге) и философіей (съ Н. Н. Страховымъ).

Очень ярко и интересно изложены во II томѣ отношенія Толстого съ Тургеневымъ — знаменитая ссора и примиреніе ихъ. Очень любопытенъ эпизодъ 1872 г., когда Толстой попалъ изъ-за глупой случайности подъ судъ и мытарства, которыя онъ испыталъ при этомъ, заставившія его серьезно думать объ эмиграціи въ Англію (вторично).

Послѣдній отдѣлъ II тома посвященъ годамъ такъ называемаго „кризиса“ Толстого, хотя изъ данныхъ, собранныхъ въ біографіи, можно какъ разъ утверждать, что кризиса собственно не было или что онъ начался со дня сознательной жизни Льва Николаевича (стр. 285 и слѣд.). Напряженная работа мысли въ этомъ направленіи, начавшаяся у Толстого съ 1876 г., его обращеніе и послѣдующее отпаденіе отъ православной церкви изложены превосходно. Прекрасно освѣщены также работы его надъ Евангеліемъ, его отношенія къ различнымъ людямъ, встрѣчавшимся на его пути въ этотъ періодъ жизни (1876—1884). Встрѣчи съ Алексѣевымъ, Маликовымъ, Сютаевымъ, Чертковымъ, Павл. Алекс. Бакунинымъ; изученіе еврейскаго языка у московскаго раввина г. Минора; семейныя отношенія; жизнь въ Москвѣ въ началѣ 80-ыхъ годовъ и участіе въ переписи. Во всемъ этомъ такъ много новыхъ данныхъ и даетъ все это такую многогранную картину жизни и дѣятельности великаго человѣка, что читается и перечитывается съ захватывающимъ интересомъ. Въ одной изъ послѣднихъ главъ разсказанъ любопытный эпизодъ объ обращеніи Толстого послѣ 1 марта 1881 г. къ императору Александру III съ письмомъ (текстъ котораго напечатанъ тутъ же); любопытенъ и отвѣтъ Побѣдоносцева, также воспроизведенный въ этой главѣ.

Вообще надо признать, что по богатству матеріала, вложеннаго въ два изданныхъ г. Бирюковымъ тома „біографіи“, и по интересу многогранной личности и жизни нашего великаго современника, отразившихся въ нихъ съ замѣчательной полнотой и яркостью, трудно назвать какое-либо другое литературное произведеніе послѣдняго времени, которое могло бы сравниться съ этимъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу современную литературу.

Въ заключеніе два слова о портретахъ, приложенныхъ къ біографіи. Портреты эти въ высшей степени интересны, но воспроизведены они, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворительно. Жаль, что не приложено портрета Т. А. Ергольской. Русскому обществу слѣдовало бы знать лицо этой симпатичной женщины, такъ много вложившей любви и самоотверженія въ дѣло воспитанія будущаго „великаго писателя русской земли“.

А. Корниловъ.

Поправка къ статьѣ З. Ралли о М. А. Бакунинѣ.

Въ № 10-мъ „Минувшіе Годы“ за 1908 г. помѣщена статья г. Замфира Ралли: „Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Изъ моихъ воспоминаній“. Въ ней г. Ралли, на стр. 144 и слѣд., пишетъ: „...Въ 1872 году Бакунинъ просилъ меня переслать ему въ Локарно нѣкоторыя изъ сочиненій Прудона, а главнымъ образомъ его „Общую идею революціи XIX вѣка“ и „Исповѣдь революціонера....“ Эти книги послужили потомъ, немного позже, когда въ Локарно пріѣхалъ Зайцевъ, къ написанію книги, озаглавленной „Анархія по Прудону“, изданной нами въ Цюрихѣ въ 1873 году. Книга была написана Зайцевымъ въ то время, когда Бакунинъ уже засѣлъ за писаніе своей „Государственности и Анархіи“... Книга „Анархія по Прудону“ была набрана нами же, печатали мы ее на ручномъ прессѣ въ количествѣ 1200 экземпляровъ въ Цюрихѣ, до разрыва нашего съ Бакунинымъ, происшедшаго вслѣдствіе несогласій съ С-нымъ“.

Все разсказанное выше далеко не соотвѣтствуетъ тому, какъ происходило въ дѣйствительности. Книга „Анархія по Прудону“ была написана по-французски извѣстнымъ дѣятелемъ Интернаціонала и самымъ близкимъ другомъ Бакунина и Росса Жемсомъ Гилльомомъ по предложенію Росса, которое одобрилъ и поддержалъ Бакунинъ; В. Ал. Зайцевъ только перевелъ эту рукопись на русскій языкъ. Все это произошло во второй половинѣ 1873 г., т. е. уже послѣ разрыва гг. Ралли, Эл., Гол. съ С-нымъ и Бакунинымъ [1]). Книга „Анархія по Прудону“ была напечатана Ар. Россомъ въ первой половинѣ 1874 г. и не въ Цюрихѣ, а въ Лондонѣ, куда была имъ перенесена цюрихская типографія въ ноябрѣ 1873 года. Въ Цюрихѣ же, при содѣйствіи Ралли, Эл., Гол., печатались: „Историческое развитіе Интернаціонала“, ч. I и первые двѣнадцать листовъ „Государственности и Анархіи“ Бакунина. Остальные 10—12 листовъ этой книги были отпечатаны въ Женевѣ (наборная М. Элпидина) подъ наблюденіемъ Ар. Росса. М. А Бакунинъ

[1]) Разрывъ произошелъ въ концѣ іюля 1873 года.

окончилъ свою „Государственность и Анархію“ въ августѣ мѣсяцѣ, а Гилльомъ въ это время только началъ писать свою „Анархію по Прудону“. В. А. Зайцевъ въ декабрѣ 1873 или даже въ январѣ 1874 года выслалъ первые листы перевода въ Лондонъ Россу, который тогда же и приступилъ къ печатанію его. Къ маю печатаніе всей книги было уже окончено.

М. П. С-нъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ напечатанныхъ въ ноябрьской книжкѣ „Минувшихъ Годовъ“ „Воспоминаніяхъ“ г. Боборыкина, по нашему недосмотру, не исключены нѣкоторыя, оскорбительныя для чувства приличія, строки. Къ тому же переданный г. Боборыкинымъ касательно этихъ строкъ разсказъ о фактѣ, будто бы имѣвшемъ мѣсто въ журналѣ 60-хъ годовъ „Современникъ“, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Считая недопустимымъ со стороны писателей самую возможность присылки въ редакцію такихъ строкъ, появленіе въ печати которыхъ можетъ имѣть мѣсто исключительно по редакціонному недосмотру, мы, тѣмъ не менѣе, нисколько не оправдываемъ въ данномъ случаѣ и себя, признаемъ свой недосмотръ непростительнымъ и извиняемся передъ читателями.

Книги, поступившія въ редакцію.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. вып. 15 и 16-й.

М. Р. Рейснеръ. Теорія Л. І. Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія. Складъ изд. въ книж. маг. Т-ва „Обществ. Польза". СПБ. 1908 г. ц. 1 р. 25 к.

Георгій Чулковъ. Покрывало Изиды. Критическіе очерки. Изд. жур. „Золотое Руно". М. 1909 г., ц. 1 р.

Л. Константинова. Мадоны Леонардо да Винчи, ц. 1 р. 50 к.

Книгоиздательство „Шиповникъ":

Андрей Бѣлый. Пепелъ. СПБ. 1909 г., ц. 2 р.

Гербертъ Джорджъ Уэллсъ. Собраніе сочиненій. Перев. Н. Анненской, Т. Богдановичъ, В. Г. Тана и К. Чуковскаго. Предисловіе автора къ русскому изданію. Вступительная статья и біографія Уэллса В. Г. Тана. 1909 г., ц. 1 р. 25 к.

Литературно-художественный альманахъ. Книга 7-я, ц. 1 р.

Лордъ Байронъ. Каинъ. Мистерія. Пер. съ англійск. Ив. Бунинъ, ц. 75 к

Анатоль Франсъ. Островъ Пингвиновъ. Перев. съ рукописи З. Венгеровой, ц. 1 р. 40 к.

Кнутъ Гамсунъ. Т. VI. У вратъ царства. Пер. О. Комиссаржевскаго. Драма жизни. Пер. С. А. Полякова. Закатъ. Пер. С. Городецкаго, ц. 1 р. 25 к.

Кнутъ Гамсунъ. Т. VII. Викторія. Въ сказачной странѣ. Пер. Ю. Балтрушайтиса, ц. 1 р. 40 к.

Леонидъ Андреевъ. Собраніе сочиненій, т. V, ц. 1 р. 25 к.

Карлъ Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи Н. Рязанова, ц. 2 р.

Өедоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Романъ. Изд. третье, ц. 1 р. 75 к.

Философія въ систематическомъ изложеніи В. Дильтея, А. Риля, В Оствальда, Б. Вундта, Г. Эббинггауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса. Переводъ со 2-го нѣмец. изд. І. В. Постмана и І. В. Яшунскаго. Склады изд. въ кн. маг. Т-ва „Общ. Польза". СПБ. 1909 г., ц. 3 р

Николай Морозовъ. Начала векторіальной алгебры въ ихъ генезисѣ изъ чистой математики. Складъ изд. въ оп. маг. Т-ва „Общ. Польза" СПБ. 1909 г., ц. 2 р.

Е. Дюрингъ. Любовь въ изображеніи великихъ поэтовъ. Перев. Ю. М. Антоновскаго. Кн—во „Цѣнность Жизни". Псковъ. 1908 г., ц. 40 к.

Рафаилъ Выдринъ. Основные моменты студенческаго движенія въ Россіи. Со вступительной статьей Фриче: „Западно-европейское студенчество". И-во „Студенческій Голосъ". Москва 1908 г., ц. 50 к.

Ю. Александровичъ. Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы последняго десятилѣтія 1898—1908 г. М., ц. 1 р. К-во „Основа".

Н. П. Рыжиковъ. Въ тылу. Разсказъ. К-во „Основа", ц. 50 к. М. 1908 г.

Робертъ Блэгфордъ. Волшебная лавка. Невѣроятный романъ. К-во „Основа", ц. 90 к. М. 1908 г.

Народный календарь, годъ 3-й 1909 г. Издательство „Солнце", ц. 20 к. 2-ое изд.

Воспоминанія *Т. П. Пассекъ* (Изъ дальнихъ лѣтъ), въ трехъ томахъ, 2-ое изд., ц. 5 р. 50 к. Изд. А. Ф. Маркса. СПБ. 1905 г.

М. Новорусскій. Грибное царство. Всѣмъ доступный разсказъ о грибахъ и ихъ жизни. Съ 31 иллюстраціей, ц. 20 к.

С. Фармаковскій. Синдикатскіе этюды. СПБ. 1908 г., ц. 1 р.

„Всемірная Библіотека" Одесса, 1908 г.

№ 4. А. Л. Килландъ. Новеллы, ц. 10 к.

№ 5. Оскаръ Уайльдъ. Сказки, ц. 10 к.

№ 6. Гюи-де-Мопассанъ. Разсказы, ц. 10 к.

К-во „Пантеонъ". Міровая литература:

Вольтеръ. Кандидъ. Переводъ Ѳедора Сологуба, ц. 70 к.

Издательство „Посѣвъ":

И. Тенеромо. Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого. „Въ Ясной Полянѣ". СПБ., ц. 70 к.

Н. Я. Абрамовичъ. Библіотека современныхъ властителей думъ. I. Религія красоты и страданія. О. Уайльдъ и Достоевскій. СПБ. 1909 г., ц. 60 к.

Д-ръ Фердинандъ Пробстъ и Грета Майзель-Гессъ. Анти-Вейнингеръ. Изложеніе и критическій разборъ книги „Полъ и характеръ". Съ прилож. біограф. очерка Отто Вейнингера. Пер. съ нѣм. К-во „Новая заря", СПБ. 1909 г., ц. 75 к.

Н. О. Зезюлинскій. Неравная борьба. Волынскій и Биронъ. По первоисточникамъ. СПБ. 1908 г., ц. 30 к.

М. С. Калининъ. Безплатное всеобщее питаніе. Первый шагъ устроенія человѣчества на новыхъ началахъ общественной жизни, ц. 50 к.

П. Засодимскій. Изъ воспоминаній, ц. 1 р. 50 к.

П. Засодимскій. Два эпизода изъ исторіи Франціи. Генеральные штаты 1484 и 1614 г., ц. 15 к.

П. Засодимскій. Урокъ народамъ. (Историческое memento-mori), ц. 10 к.

В. П. Авенаріусъ Два регентства. Историческая повѣсть для юношества. СПБ. Изд. книж. маг. П. В. Луковникова.

Изд. книж. маг. „Наша Жизнь".

Л. Львовъ. Бюрократическіе силуэты. СПБ. 1908 г., ц. 35 к.

Проф. Карлъ Форлендеръ. Кантъ и Марксъ. Очерки этическаго соціализма. Пер. съ разрѣшенія автора Б. Н. Элькина. Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. СПБ. 1909 г.

А. Л. Погодинъ. Очеркъ исторіи Польши. Безпл. прил. къ журн. „Юная Россія".

Вопросы обществовѣдѣнія. СПБ. 1908 г., ц. 1 р.

Виталій Эйнгорнъ. Къ исторіи иноземцевъ въ Старой Малороссіи. Изд. Имп. Об-ва исторіи и древностей Россійскихъ при Моск. Унивр. М. 1908 г. ц. 75 к.

Отчетъ о суммахъ и предметахъ, поступившихъ для Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ С.-Петербургѣ въ теченіе ноября мѣсяца.

Черезъ редакцію журнала „Минувшіе Годы“: отъ А. А. Шахматова—10 р. Н. П. Купріяновой—3 р. А. М. Ш. (Симбирской губ.)—1 р. 50 к. Ф. Минаевъ—25 к. Г. Марковъ—20 к. Ф. Саковъ—20 к. А. А. Догодинъ и др. вмѣсто подписи подъ телеграммой (Астраханская губ.)—1 р. 40 к. Сто семьдесятъ восемъ рабочихъ и работницъ, учащихся въ Смоленскихъ вечерне-воскресн. классахъ (въ Петербургѣ) [1])—9 р. 4 к. *Черезъ В. Я. Муринова*:: NN—1 р. Н. Н. Киселевой—5 р. М. С. Ермолаева—5 р. И. В. и З. А. Жилкиныхъ—3 р. В. А. Поссе—3 р. Прислано черезъ редакцію „Волжско-Камской Рѣчи“ (въ Казани): отъ NN—1 р. Неизвѣстнаго—1 р. Итого черезъ „Мин. Годы“—40 р. 39 к. Черезъ ред. „Рѣчи“—отъ А. Р.—3 р. Черезъ ред. „Совр. Слово“—отъ И. М. Ѳомичева—1 р. Ф. Байкова—3 р. Черезъ ред. „Рус. Богатство“—отъ врача Чудакова изъ Златоуста („Въ фондъ имени Л. Н. Толстого“)—6 р.

Черезъ ред. „Русскихъ Вѣдомостей“: отъ разныхъ лицъ на постройку Дома-Музея имени Л. Н. Толстого—50 р. 55 к. „Въ фондъ имени Л. Н. Толстого“—190 р. 43 к. Итого—240 р. 98 к.

Черезъ ред. журнала „Современный Міръ“: Черезъ г. Николаева (Норусовъ, Казан. губ.)—5 р. Отъ г. Мостовича (Лапичъ, Минск. губ.)—50 к. Черезъ г. Заржицкаго (Ставрополь, Самар. губ.—96 р. 35 к. Черезъ г. Назарбека (Тифлисъ)—50 р. 40 к. Отъ студ. Протодіаконова (Москва)—5 р. Итого 157 р. 25 к.

Всего въ теченіе ноября—455 р. 82 к.

Съ прежде поступившими: 2417 р. 92 к. и одна финляндская марка.

Въ теченіе ноября для музея поступили слѣдующія предметы:

Отъ Е. П. Семенова: подлинники писемъ къ нему съ отзывами о Тол-

---

[1] См. ниже.

стомъ отъ Анатоля Франса, Марселя Прево, Поля Маргеритта, Виктора Маргеритта, А. Олара, Жоржа Ренара и С. Жоржа де Бугелье. *Отъ книж. склада „Посрѣдникъ“* — книга Тенеромо „Въ Ясной Полянѣ“. *Отъ А. С. Пругавина* — его брошюра „Предпологавшееся заточеніе Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь“ (2 экз.). *Отъ С. Варшера* — оттискъ его статьи „Исторія одного литературнаго сюжета“ (2 экз.). *Отъ А. А. Савельева*: 1) Альбомъ акварелей къ роману „Война и Миръ“. 2) брош. „Гр. Л. Н. Толстой и русская революція“. 3) Брош. „Отвѣтъ пастыря церкви (Іоанна Кронштадскаго) Л. Толстому на его „Обращеніе къ духовенству“. *Отъ редакціи газеты „Правда Жизни“*: 1) статья Толстого „О присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи“. 2) Препроводительное къ этой ст. письмо В. Г. Черткова. Поступили изъ редакцій или пріобрѣтены покупкою слѣд. журналы и газеты отъ 28-го августа (или около этого числа): *Петербургъ*— —„Newa“ (на фин. яз.). *Москва*—„Золотое Руно“ (№ 7—9) *Тамбовъ*— „Тамб. Край“. *Курскъ*—„Кур. Быль“. *Одесса*—„Одес. Резина“. *Владикавказъ*—„Курортная „Жизнь“. *Красноярскъ*—„Сусанинъ“. *Чита*— „Забайкальская Быль“. *Благовѣщенскъ*—1) „Благовѣщенскъ“. 2) „Торгово-промышл. лист. объявленій“. *Владивостокъ*—„Уссурійская Молва“.

Изъ-за границы: *Штутгартъ*—„Der wahre Jakob“. *Дрезденъ*— „Sächsischer Jünglings-Bote“ (2 экз.). *Парижъ*—„Mercure de France“. *Лондонъ* — „The Herald of Health“. *Шанхай* — „The Shanghai Free Press“ (по 2 экз. № 34 и 35).

Всего книгъ, газетъ и журналовъ для музея Толстого поступило изъ Россіи (на языкахъ: русскомъ, малорусскомъ, польскомъ, шведскомъ, финскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ, эстонскомъ, еврейскомъ, армянскомъ, грузинскомъ и татарскомъ), Германіи, Австріи, Венгріи, Англіи, Франціи, Швейцаріи, Голландіи, Даніи, Италіи, Америки, Острова Цейлона и Китая— *четыреста шестьдесятъ четыре названія*.

* *
*

Избранный іюньскимъ съѣздомъ комитетъ выдѣлилъ изъ своей среды особую комиссію для устройства Дома-Музея Толстого, которой предоставилъ право кооптаціи. Въ комиссію эту входятъ въ настоящее время слѣдующія лица: 1) Л. Н. Андреевъ. 2) К. И. Арабажинъ. 3) Ф. Д. Батюшковъ. 4) В. Я. Богучарскій. 5) В. Д. Бончъ Бруевичъ. 6) И. Я. Гинцбургъ. 7) В. Г. Короленко. 8) А. И. Купринъ. 9) В. И. Срезневскій. 10) М. А. Стаховичъ. 11) Гр. И. И. Толстой. 12) академикъ А. А. Шахматовъ. Предсѣдателемъ комиссіи избранъ М. А. Стаховичъ, секретаремъ В. Я. Богучарскій.

* * *

Комиссія постановила войти въ сношенія со многими, проживающими въ провинціи и за границей, лицами и просить ихъ организовать въ мѣстахъ ихъ жительства группы содѣйствія дѣлу устройства музея Толстого въ Петербургѣ. Группы эти примутъ на себя задачи: поддерживать живымъ словомъ и черезъ мѣстные органы печати интересъ къ дѣлу устройства Дома-Музея Толстого въ Петербургѣ въ мѣстномъ обществѣ, собирать пожертвованія деньгами и предметами, имѣющими значеніе для музея, устраивать для усиленія фонда музея лекціи, вечера, спектакли и т. д. Въ нѣкоторыхъ городахъ такія группы уже образовались.

* * *

Недавно К. И. Арабажинъ прочиталъ лекцію о Толстомъ рабочимъ, учащимся въ Смоленскихъ вечерне-воскресныхъ классахъ (за Невской заставой). Узнавши отъ лектора о проектѣ съѣзда писателей устроить въ Петербургѣ Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого, 178 рабочихъ и работницъ съ энтузіазмомъ постановили: принять участіе въ этомъ дѣлѣ путемъ взноса на музей по 8 коп. съ человѣка и привлеченія къ тому же широкихъ массъ рабочихъ. Собранные такимъ способомъ 9 руб. 4 коп. (нѣкоторые рабочіе внесли болѣе, чѣмъ по 8 коп.) поступили уже въ фондъ музея и обозначены въ вышенапечатанномъ денежномъ отчетѣ. Рабочіе и работницы, инициаторы этой идеи, слѣдующіе:

Власовъ, Матузейтисъ, Васильевъ, Пѣнкинъ, Прокофьевъ, Васаевъ Герасимовъ, Хохенко, Залетовъ, Афанасьевъ, Михайловъ, Прусаковъ, Карасевъ, Зайцевъ, Вохлянинъ, Виноградова, Вубнова, Смирнова, Чуденкова, Михельинъ, Волковъ, Сусиковъ, Гавриловъ, Смирновъ, Сметанниковъ, Пульяновскій, Голубевъ, Ефимова, Бабакова, Федоровъ, Вихоцкій, Тимофѣевъ, Тихомировъ, Масаловъ, Лебедевъ, Козловъ, Кирьяковъ, Федоровъ, Крюковъ, Масоловъ, Алексѣевъ, Сармакъ, Ромашкинъ, Жилинскій, Хохлова, Семенюкъ, Степановъ, Осташковъ, Трофимовъ, Семеновъ, Горьковъ, Бѣлоусовъ, Кольмашинъ, Гебашовъ, Савашьевъ, Колокольниковъ, Владимірова, Николаевъ, Пискарева, Иванова, К. Тритоновъ, П. Тритоновъ, Голубевъ, Сергѣевъ, Кондратьевъ, Ивановъ, Кубасовъ, Кошелевъ, Никитинъ, Филиповъ, Андреевъ, Еленинъ, Макаровъ, Пальцовъ, Спиринъ, Будекасъ, Сергѣевъ, Елисѣевъ, Шакалова, Ивановъ, Коенинъ, Аврамовъ, Ведринъ, Пикинъ, Федоровъ, Панфиловъ, Пастуховъ, Бойдеръ, Богдановъ, Сергѣевъ, Волковъ, А. Голосова, П. Голосова, Лукина, Янковская, Вовинъ, Станевичъ, Алексѣевъ, Маковецъ, Вайковъ, Явойшъ, Зиминъ, Алексѣевъ, Сиренко, Гусирева, Степанова, Семенова, Ивановъ, Блюмъ, Антонова, Кежо, Астафьевъ, Кусыкинъ, Леппъ, Педровъ, Меревъ, Феофановъ, Харитоновъ, Шумиловъ, Зеновъ, Сидоркинъ, Владиміровъ, Мелеховъ, Ивановъ, Ходуновъ, Александровъ, Муравьевъ, Валоховъ, Пальковъ, Ивановъ, Драчевъ, Игнащенковъ, Козловъ, Войцовъ, Алексѣевъ,

Васильевъ, Маіоровъ, Фроловъ, Жилинъ, Киселевъ, Ивановъ, Завишковъ, Скворцовъ, Древуновъ, Большаковъ, Ивановъ, Саверлоковъ, Дубовскій Богдановъ, Щепляковъ, Соколовъ, Рябининъ, Черновъ, Михайловъ, Дмитріевъ, Прокофьевъ, Варенинъ, Юркинъ, Пушкинъ, Рылинъ, Максимовъ, Дмитріевъ, Трофимовъ, Кириловъ, Маевичъ, Майдо, Арксанинъ, Князевъ, Саватьева, Подруевъ, Феофановъ, Егоровъ, Кухарокъ, Душелиханская Кошелевъ, Яковлевъ, Хохловъ, Бондаръ.

Если идея рабочихъ о трехкопѣечномъ сборѣ съ человѣка на сооруженіе толстовскаго музея распространится по всей Россіи, то Домъ-Музей Толстого явится Домомъ истинно *Народнымъ*.

* * *

Пожертвованія на устройство Дома-Музея Толстого принимаются въ редакціяхъ петербургскихъ газетъ: „Рѣчь", „Слово", „Современное Слово", „Правда Жизни", „Наша Газета" и журналовъ: „Современный Міръ" и „Русское Богатство".

Въ виду прекращенія журнала „Минувшіе Годы" куда направлялась до настоящаго времени вся, касающаяся музея Толстого, корреспонденція, просятъ направлять впредь такую корреспонденцію по слѣдующему адресу: **С.-Петербургъ. Редакція газеты „Наша Газета". Владимірскій, 4. Секретарю редакціи Александру Модестовичу Хирьякову. Для Музея Толстого.**

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ Туруханскаго края поступило отъ „Бѣжечанъ"—12 р. Деньги переданы по назначенію.

21

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ЖУРНАЛУ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЗА 1908 ГОДЪ.

СОСТАВИЛЪ

Д. П. СИЛЬЧЕВСКІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій пр., 126

1908

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

X.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Z.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящій „Указатель“ составленъ мною по тому же плану, который легъ въ основу ранѣе составленнаго мною „Указателя къ журналу „Былое“ за 1906 и 1907 годы“. Кромѣ указанія *всѣхъ* фамилій, встрѣчающихся въ 12-ти книгахъ „Минувшихъ Годовъ“, указаны и авторы всѣхъ помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ статей (съ перечисленіемъ этихъ статей), а также зарегистровано, гдѣ, кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ журнала, говорится или даже только упоминается объ этихъ авторахъ.

Римскія цифры въ „Указателѣ“ обозначаютъ книги или №№ журнала, арабскія — страницы книгъ. Кромѣ того, въ „Указателѣ“ встрѣчаются слѣдующія сокращенія:

Акад.—академикъ.
Арт.—артистъ.
Арх.—архіерей.
Бунд.—бундовецъ.
Ген.—генералъ.
Ген.-губ.— генералъ-губернаторъ.
Ген.-м.—генералъ-маіоръ.
Город.—городовой.
Дек.—декабристъ.
Д-ръ—докторъ.
Журнал.— журналистъ.
Истор.—историкъ.
Кар.—каріецъ.
Композ.—композиторъ.
Крест.—крестьянинъ.
Куп.—купецъ.
Мас.—масонъ.
Матр.—матросъ.
Мин.—министръ.
Народов.—народоволецъ.
Нѣм.—нѣмецкій.
Пис.—писатель.
Полк.—полковникъ.
Раб.—рабочій.
Рев.—революціонеръ.
Свид.—свидѣтель.
С.-д.—соціалъ-демократъ.
Слав.—славистъ.
См.—смотри.
Соц.—соціалистъ.
Стар.—старшина.
Студ.—студентъ.
Толстов.—толстовецъ.
Филос.—философъ.
Хим.—химикъ.
Ценз.—цензоръ.
Чин.—чиновникъ.
Фр.—французскій.
Экон.—экономистъ.

Остальныя сокращенія такъ просты, что не нуждаются въ поясненіяхъ.

Д. С.

Содержаніе 12 книгъ журнала „Минувшіе Годы“ за 1908 г.

Январь.

Февраль.

Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону. Переводъ съ подлинниковъ Г. А. Лопатина. 9. Отрывки изъ писемъ Маркса и Энгельса къ Зорге, Бодьте и другимъ. — 10. Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе. В Т—вой (Починковской). — 11. Указъ Его Императорскаго Величества 1825 г. о князѣ Сангушко Сообщилъ П. Н. Миллеръ. — 12. Библіографія. I. В Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть III. Историка С. — Н. С. Русановъ. Соціалисты Запада и Россіи И. Бороздина. — С. В. Рождественскій. Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX вѣка. И. Б. — М. Лемке. — Николаевскіе жандармы и литература 1825 — 1856 гг. П. Щ. - Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія Александровской эпохи Д. П. Сильчевскаго — Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VIII. Д. П. С.

Мартъ.

1. Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ. N. N. — 2. Изъ воспоминаній о „Рабочемъ Союзѣ“ и священникѣ Гапонѣ И. Павлова. — 3. Письмо къ Марко-Вовчку А. И. Герцена. — 4. Какъ я бѣжалъ изъ Якутки. Ю. М. Стеклова. — 5. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1880 г.г. А. А. Корнилова. — 6. Письмо къ П. Л. Лаврову Софьи Ковалевской. — 7. Декабристы масоны В. И. Семевскаго. — 8. Саратовскій семидесятникъ. Саратовца. — 9. Къ исторіи введенія уставныхъ грамотъ. Сообщилъ П. Н. Миллеръ. — 10. Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко М. Слобожанина. — 11. Интересный документъ. Сообщилъ Н. А. Глущукъ. — 12. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 13. Изъ размышленій въ Шлиссельбургѣ. М. В. Новорусскаго. — 14. Библіографія. I. Т. Соколовская. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. С. Сватикова. — II. Итоги Лондонскаго съѣзда Р. С. Д. Р. П. Сборникъ статей Я—о, Ленина, Вячеслава, Новоселова, Лядова и Зиновьева III. Ф. Данъ. Соціалдемократія въ резолюціяхъ Лондонскаго съѣзда. IV. Г. Плехановъ. Мы и они. V. Череванинъ. Лондонскій съѣздъ Р. С. Д. Р. П. 1907 г. А. Ельницкаго. — VI. Izimon Askenasy. Rosya-Polska. VII. M. Koslowski. Autonomia Krolewstwa Polskiego. М. Вишницера. — С. Степнякъ. Собраніе сочиненій. Часть IV и V. Д. П. Сильчевскаго.

Апрѣль.

1. Изъ писемъ Г. И. Успенскаго къ А. В. Бараевой—впослѣдствіи Успенской. Сообщила В. Т—ва (Починковская) — 2. Владивостокъ въ 1905 году. М Кудржинскаго — 3. Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ. М. Н. Тригони. — 4. Къ исторіи исключенія Бакунина изъ Интернаціонала. Джемса Гильома. — 5. Изъ воспоми-

наній о „Рабочемъ Союзѣ“ и священникѣ Гапонѣ. И. Павлова. — 6. Одна изъ дорогихъ тѣней. А. В. Баулеръ. — 7. Общественное движеніе при Александрѣ II. А. А. Корнилова. — 8. „Происшествіе 20 сентября (1857 г.) между студентами (московскаго) университета и полиціей“. Л. Ф. Пантелѣева. — 9. За полвѣка. П. Д. Боборыкина. — 10. Одно изъ распоряженій Муравьева въ 1863 г. — 11. Геттингенскіе годы Николая Ивановича Тургенева М. Л. Вишницера. — 12. Изъ дальнихъ лѣтъ. С. Л. Чудновскаго. — 13. Саратовскій семидесятникъ. Саратовца. — 14. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 15. По поводу „Воспоминаній и впечатлѣній“ г-жи Починковской. А. И. Успенской. — 16. Библіографія. I. А. Сорель. Европа и французская революція. т.т. 7 и 8. Е. В. Тарле II. Мих. Лемке. Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ“. С. Г. Сватикова. III. Очерки забастовочнаго движенія рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района за 1903—1906 гг. М. Ольминскаго.

Май—Іюнь.

1. Вліяніе западноевропейскаго соціализма на русскій. Н. С. Русанова. — 2. За полвѣка. П. Д. Боборыкина. — 3. Владивостокъ въ 1905 году М. Кудржинскаго. — 4. Письмо къ М. Н. Тригони. Л. А. Волкенштейнъ. — 5. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г. И. Игнатовичъ. — 6. Воспоминанія о братѣ Владимирѣ Соловьевѣ. М. С. Безобразовой. — 7. Памяти П. И. Добротворскаго. Ч. Вѣтринскаго. — 8. Общественное движеніе при Александрѣ II. А. А. Корнилова. — 9. Московская молодежь 80-хъ годовъ и Сергѣй Зубатовъ. К. Терешковича. — 10. Геттингенскіе годы Николая Ивановича Тургенева. М. Л. Вишницера. — 11. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 12. Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко. М. Слобожанина. — 13. Изъ воспоминаній землевольца. (Петропавловская крѣпость). О. В. Аптекмана. — 14. Матеріалы для біографіи Н. Г. Чернышевскаго. М. А. Антоновича. — 15. Донесенія агентовъ о духѣ въ Москвѣ въ 1848 году. — 16. Изъ дальнихъ лѣтъ. С. Л. Чудновскаго. — 17. Декабристы-масоны. В. И. Семевскаго. 18. Въ эпоху „диктатуры сердца“. В. С. Иллича-Свитыча. — 19. Изъ исторіи рабочаго движенія въ Иваново-Вознесенскомъ промышленномъ районѣ. А. Рябинина. — 20. Памяти Г. М. Валамеза. А. В. Амфитеатрова. — 21. „Принцесса Владимирская“ въ Рагузѣ. — 22. Изъ далекаго прошлаго. Н. Ф. Фроленко. — 23. Къ исторіи Пушкинской масонской ложи. П. Е. Щеголева. — 24. Библіографія. I. Н. А. Котляревскій. Рылѣевъ. П. Е. Щеголева. — II. Ч. Вѣтринскій.—„Герценъ“. — III. С. М. Степнякъ. Собраніе сочиненій. ч. VI. IV. А. В. Петрищевъ. „Триста лѣтъ“ Д. П. Сильчевскаго. — V. Н. Н. Фирсовъ. Разиновщшина. Ю. М. Стеклова. — VI. Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній. Кн. вторая. — VII. Дѣло о погромѣ въ Оршѣ. М. Ольминскаго. — VIII. Щукинскій Сборникъ. Выпускъ VII. П. М. — 9) T. Schiemann Beiträge zur russsischen Geschichte. С. Сватикова.

Іюль.

1. Изъ семейныхъ воспоминаній объ А. С. Пушкинѣ. З. К. Ралли-Арборе. — 2. Владивостокъ въ 1905 году. Ш. Кудржинскаго. — 3. Къ біографіи Гапона. — 4. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г. И. Игнатовичъ. — 5. Изъ далекаго прошлаго. М. Ф. Фроленко. — 6. Переписка Новороссійскаго генералъ-губернатора гр. Строганова съ начальникомъ III отдѣленія кн. Долгоруковымъ. Сообщилъ Н. Лернеръ. — 7. Въ Иркутской тюрьмѣ 25 лѣтъ тому назадъ. Н. А. Виташевскаго. — 8. Карійцы. Г. Ф. Осмоловскаго. — 9. Изъ дальнихъ лѣтъ. С. Л. Чудновскаго. — 10. Воспоминанія. Е. Н. Водововозовой. — 11. Къ біографіи Федора Кузьмича. — 12. Баронъ Штейнъ и Н. И. Тургеневъ. М. Вишницера. — 13. Послѣдніе дни жизни Гоголя. Изъ записной книжки В. С. Аксаковой. — 14. Къ исторіи втораго съѣзда Р. С. Д. Р. партіи. В. П. Махновца-Акимова. — 15. Неизданные стихи и письма А. Н. Плещеева. — 16. Литературный Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ. В. Я. Богучарскаго.

Августъ.

1. Восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого. — 2. Двадцатипятилѣтіе со дня кончины И. С. Тургенева. — 3. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. М. М. Ковалевскаго. — 4. Неизданныя письма къ П. Л. Лаврову И. С. Тургенева. — 5. Ссылка И. С. Тургенева въ Орловскую губ. (Съ приложеніемъ факсимиле обложки „Дѣла" о ссылкѣ Тургенева и прошенія Тургенева къ орловскому губернатору). А. Дунина. — 6. Тургеневъ и террористы. М. О. Ашкинази. — 7. Къ біографіи Тургенева (Воспоминанія о Тургеневѣ американскихъ писателей Джемса и Бойезена). В. П. Батуринскаго. — 8. Неизданныя письма къ Марко-Вовчку И. С. Тургенева. — 9. Неизданная записка И. С. Тургенева. — 10 Дневникъ (1854—1855 гг.) В. С. Аксаковой. — 11. Неизданныя письма къ К. С. и И. С. Аксаковымъ А. И. Герцена. — 12. Неизданное письмо Ф. М. Достоевскаго. — 13. „Покушеніе" на генерала Баранова въ 1890 году. В. Г. Короленко. — 14. Автобіографія П. И. Вейнберга. — 15. Библіографическій указатель трудовъ П. И. Вейнберга. Составилъ Г. А. Фоминъ. — 16. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г. И. Игнатовичъ. — 17. Общественное движеніе при Александрѣ II. А. А. Корнилова. — 18. Крестьянинъ коммунистъ (Воспоминанія о В. К. Сютаевѣ). В. Рахманова. — 19. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 20. Въ мѣста отдаленныя. В. О—ча. — 21. Библіографія: I. „Пушкинъ и его современники" Н. Лернера. II. И. Алешинцевъ.—Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX в. И. В. Ш. В. Г. Короленко. — Отошедшіе. В. В—го.

Сентябрь.

1. Союзъ русскихъ писателей и Л. Н. Толстой. В. Я. Богучарскаго. — 2. Л. Н. Толстой и „толстовство" въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ. В. Р. — 3. Болѣзнь Л. Н. Толстого въ 1901—1902 годахъ. В—е. — 5. Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей. П. И. Бирюкова. — 5. Эйльнеръ Моодъ о Л. Н. Толстомъ. В. П. Батуринскаго. — 6. На голодѣ у Л. Н. Толстого. С. Семенова. — 7. Лермонтовъ и Робертъ Бернсъ. Н. Бахтина. — 8. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г. И. Игнатовичъ. — 9. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 10. Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій. Н. С. Русанова. — 11. Изъ воспоминаній о соціалдемократическомъ движеніи среди одесскихъ рабочихъ въ 1893—1894 гг. Ю. М. Стеклова. — 12. Общественное движеніе при Александрѣ II. А. А. Корнилова. — 13. „Гороховое пальто" („Памятная книжка" профессіональнаго шпіона). И. П. Бѣлоконскаго. — 14. Толстой и русское освободительное движеніе. Кн. Д. И. Шаховскаго.

Октябрь.

1. Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры. I. Марксъ и Бакунинъ. Эдуарда Бернштейна. — 2. Графъ П. А. Валуевъ о положеніи Россіи въ 1882 году. — 3. Воспоминанія о событіяхъ 14 декабря 1825 года великаго князя Михаила Павловича. — 4. Два письма К. П. Побѣдоносцева къ Н. П. Полякову. Сообщ. П. Н. Миллеръ. — 5. Петербургъ въ концѣ 1861 года. Дневникъ А. П. Марковой-Виноградской съ введеніемъ и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. — 6. Историческій элементъ въ романѣ „Война и Миръ". А. К. Бороздина. — 7. Всеподданнѣйшее прошеніе Ѳедора Глинки. — 8. Къ біографіи В. С. Караджича. Е. А. В—ва. — 9. А. Н. Плещеевъ въ фортѣ Перовскомъ. М. Д. — 10. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Изъ моихъ воспоминаній. Замфира Ралли. — 11. Воспоминанія петербуржца о второй половинѣ 80-хъ годовъ. В. В—а. — 12. Англійскій министръ Каннингъ подъ надзоромъ русской полиціи. — 13. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). А. А. Корнилова. — 14. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 годъ. И. Игнатовичъ. — 15. Баронъ Штейнъ и Николай Ивановичъ Тургеневъ. М. Вишницера. — 16. Вліяніе западно европейскаго соціализма на русскій. Н. С. Русанова. — 17. Памяти Н. П. Павлова-Сальванскаго. П. Е. Щеголева. — 18. Библіографія. I. Основныя положенія Петербургской общины свободныхъ христіанъ. В. Бончъ-Бруевича. II. С. Мельгуновъ. Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Московскомъ Университетѣ.

Ноябрь.

1. Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры. II. Эдуарда Бернштейна. — 2. Шелгуновская демонстрація. Е. В. Гешина. — 3. Московская жизнь весной 1848 года. — 4. Катехизисъ Сергѣя Муравьева-

Апостола. П. Е. Щеголева. — 5. В. А. Зайцевъ за границей. — 6. За полвѣка. П. Д. Боборыкина. — 7. Сношенія Одессы съ „Молодой Европой" въ 1835 году. Сообщ. Л. — 8. Рабочее движеніе на Уралѣ (1905—1907). А. Уральскаго. — 9. Воспоминанія петербуржца о второй половинѣ 80-хъ годовъ. В. В—ва. — 10. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 годъ. И. Игнатовичъ. — 11. Къ біографіи декабриста А. Е. Розена. — 12. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 13. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). А. А. Корнилова. — 14. Русскій депутатъ XVIII вѣка. Кн. Дм. Шаховскаго. — 15. Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій. Н. С. Русанова. — 16. Тургеневъ на Западѣ. Замѣтка. Emile Haumont. — 17. По поводу русскаго изданія „Воскресенія" Л. Н. Толстого. Влад. Вончъ-Вруевича. — 18. Библіографія. Еврейская энциклопедія. Л. М.

Декабрь.

1. Выходъ изъ Шлиссельбурга на волю. М. В. Новорусскаго. — 2. Банкетная кампанія въ Саратовѣ (1904 — 1905) И. Л—аго. — 3. Изъ эпохи пугачевщины. Сообщилъ В. — 4. Въ 1863 году. И. Красноперова. — 5. В. Д. Скарятинъ. Л. Пантелѣева. — 6. Изъ прошлаго нашей журналистики. („Знаніе" и „Слово"). И. А. Гольдсмита. — 7. Изъ исторіи общественнаго движенія въ Русской Польшѣ. И. Залевскаго. — 8. Охраненіе русскихъ офицеровъ отъ польскаго духа (1831—1896). Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ. Сообщ. П. Н. Миллеръ. — 9. Воспоминанія. Е. Н. Водовозовой. — 10. Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ и молодого Герцена. Н. С. Русанова. — 11. Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева (1879 г.). П. Е. Щеголева. — 12. Дневникъ В. С. Аксаковой 1855 г. — 13. Первый годъ Петербургской „Рабочей Организаціи". К. Семенова. — 14. Семь писемъ къ В. В. Рахманову Льва Николаевича Толстого. — 15. Библіографія. П. И. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. А. А. Корнилова. — 16. Поправка къ статьѣ З. К. Ралли. М. С—на. — 17. Указатель къ журналу „Минувшіе Годы" за 1908 годъ. Составилъ Д. П. Сильчевскій.